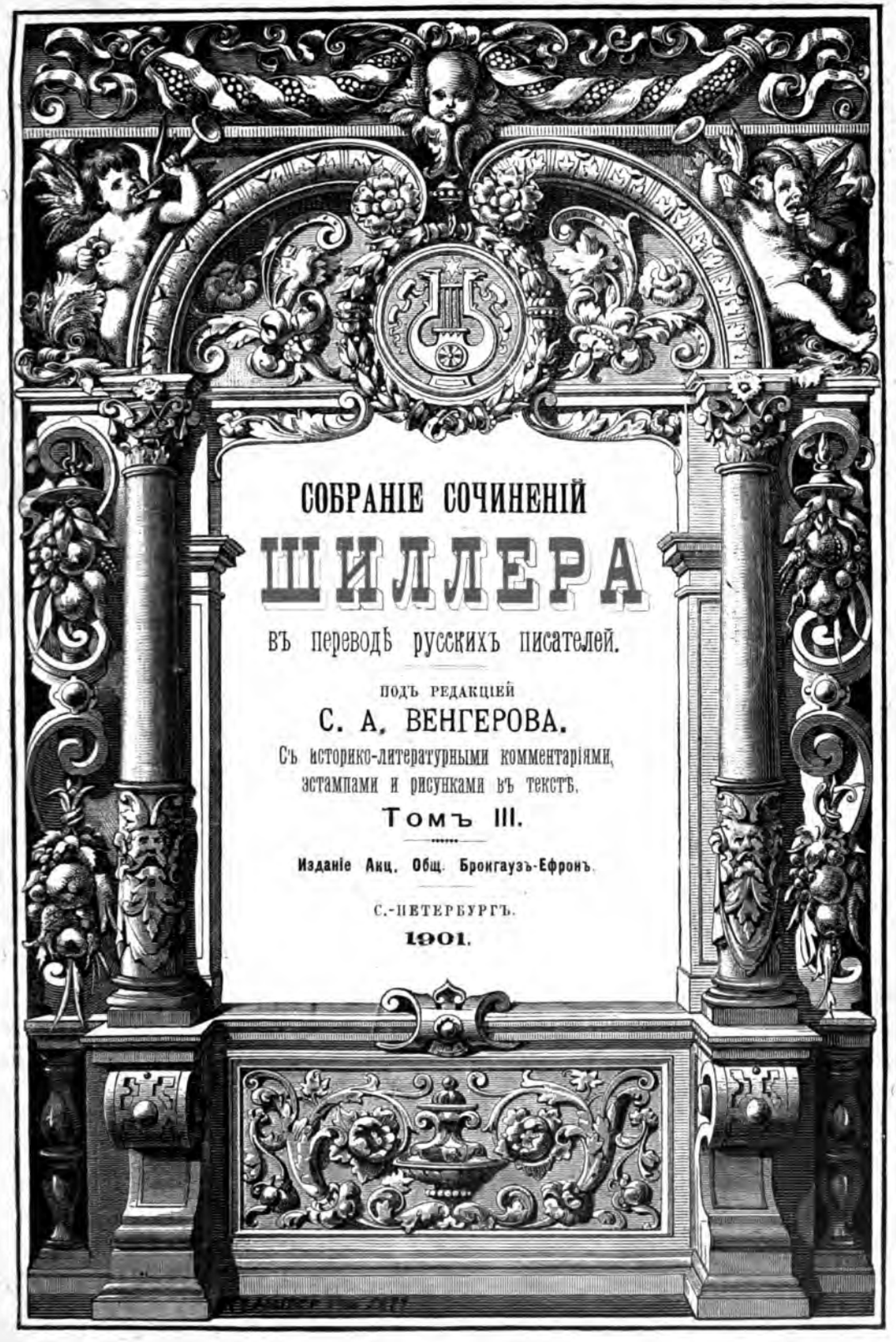
БИБЛІОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ШИЛЛЕРЪ
Т. III.
Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.
ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 Августа 1901 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.



СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ШИЛЛЕРА

въ переводѣ русскихъ писателей.

подъ редакціей

С. А. ВЕНГЕРОВА.

Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ.

Томъ III.

Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Мессинская Невѣста

или

Братья враги.

Трагедія съ хорами.

Мессинская невѣста или братья враги.

6 февраля 1803 года Шиллеръ писалъ изъ Веймара другу своему Кёрнеру, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ кончилъ „Мессинскую невѣсту", читалъ ее въ избранномъ обществѣ принцевъ, артистовъ, великосвѣтскихъ дамъ, профессоровъ, и что трагедія въ чтеніи имѣла огромный успѣхъ, поэтому онъ теперь больше надѣется, что ему удастся поставить свою трагедію на сцену вмѣстѣ съ хорами. Дѣйствительно, уже 19 марта того же года „Мессинская невѣста" была разыграна въ Веймарскомъ театрѣ, и поэтъ остался доволенъ впечатлѣніемъ, какое она произвела на зрителей и больше еще на него самого. Въ другомъ письмѣ къ тому же Кёрнеру Шиллеръ пишетъ, что на этомъ спектаклѣ впервые испыталъ впечатлѣніе истинной трагедіи. По его словамъ, и на публику піеса произвела необычайно сильное дѣйствіе, и авторъ по окончаніи представленія былъ награжденъ восторженной овацією. Правда, отъ Шиллера не укрылось, что о хоровыхъ частяхъ трагедіи и объ ея преимущественно лирическомъ характерѣ голоса зрителей раздѣлились; но разнорѣчіе въ сужденіяхъ онъ старается объяснить въ пользу своей піесы, тѣмъ именно, что большинству зрителей все еще невозможно стряхнуть съ себя привычныя требованія естественности отъ произведеній поэзіи, требованія, съ которыми слѣдуетъ обращаться къ произведеніямъ прозы. „Это—старый, вѣчный споръ", писалъ Шиллеръ, „и едва-ли ему суждено когда-нибудь кончиться". Поэта больше всего озабочивалъ хоръ, введенный имъ въ видѣ перваго опыта въ ново-европейскую трагедію. Но и съ этой стороны постановка „Мессинской невѣсты" въ Веймарѣ удовлетворила его вполнѣ: „хоромъ превосходно смыкались отдѣльныя части въ единое цѣлое, и благодаря хору надъ всѣмъ ходомъ драмы царила серьезность, возвышенная, внушающая ужасъ". Въ іюлѣ того же года трагедія шла на Берлинской сценѣ, и по словамъ знаменитаго актера Ифланда, драматическаго писателя и директора берлинскихъ театровъ, общій эффектъ отъ піесы получался „возвышеннѣйшій, глубочайшій и благороднѣйшій. Хоры произносились мастерски и ниспадали на зрителей, какъ гроза на землю". Вскорѣ трагедія появилась въ печати, а въ 1826 году была переведена на итальянскій и англійскій языки. Такимъ образомъ, не менѣе, чѣмъ самъ авторъ, „Мессинской невѣстой" были довольны, повидимому, и друзья его. Кёрнеръ послѣ перваго бѣглаго прочтенія трагедіи писалъ Шиллеру, что „ему неизвѣстно ни одно новое произведеніе, въ которомъ античный духъ отражался бы въ такой степени. Вещество драмы всецѣло растворяется въ торжественномъ великолѣпіи художественной формы". Въ томъ же приблизительно смыслѣ высказывались о новой піесѣ Шиллера Гёте и В. фонъ-Гумбольдтъ. По мнѣнію послѣдняго, „Мессинская невѣста" представляетъ образецъ совершеннѣйшаго искусства, такъ какъ въ ней романтическое содержаніе облечено въ подлинно античную художественную форму".

Однако, тоже изъ этихъ отзывовъ видно, что первые критики „Невѣсты" или „Братьевъ-враговъ" руководствовались въ своей оцѣнкѣ не столько непосредственнымъ анализомъ ея, сколько усвоенными

ими теоретическими взглядами на искусство, на задачи драмы и въ частности трагедіи. Трагедія Шиллера отвѣчала этимъ взглядамъ, и почитатели поэта удовлетворялись ею и восхищались. Масса зрителей и читателей, хотя тѣ же взгляды проникали и въ ея среду, сохраняла въ себѣ гораздо бо́льшую свободу отъ предвзятыхъ теорій. Этимъ и объясняется то разногласіе въ оцѣнкѣ піесы, которое отмѣтилъ Шиллеръ уже послѣ перваго ея представленія. То же самое ощутилъ и Кёрнеръ сразу, еще до появленія трагедіи на Веймарской сценѣ. „Піеса должна разсчитывать", писалъ онъ своему другу, „не на шумное сочувствіе нынѣшней толпы, но на долговѣчную хвалу друзей искусства въ грядущихъ поколѣніяхъ". Предсказаніе Кёрнера однако не оправдалось. Послѣдующія поколѣнія удивлялись искусству поэта, высоко цѣнили благородство мыслей автора и отдѣльные пассажи трагедіи, но увлечь за собою зрителя или читателя этой трагедіей Шиллеру не удалось; не вызвалъ онъ ни продолжателей своего начинан я, ни послѣдователей Когда мы читаемъ разсужденія Шиллера о трагическомъ, о высокомъ, о паѳосѣ, о наивной и сентиментальной поэзіи, о хорѣ въ трагедіи, мы не можемъ отказать поэту-критику въ вѣрности и глубинѣ анализа, которому онъ подвергаетъ съ одной стороны художественныя произведенія, а съ другой тѣ душевныя эмоціи, которыя этими произведеніями въ насъ вызываются; но когда присутствіе хора въ античной трагедіи онъ пытается возвести въ непреложный законъ для всякаго времени и всякаго народа, мы не можемъ не замѣчать, что поэтъ платитъ дань своему времени, тому увлеченію античной литературой, какое охватывало французское и нѣмецкое общество въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка; оно наложило яркую печать античности на тогдашнюю критику, беллетристику, на соціальныя и педагогическія теоріи, на самую философію. Это была пора неогуманности или вторичнаго возрожденія, въ которомъ нѣмецкимъ критикамъ поэтамъ и мыслителямъ принадлежала руководящая, первенствующая роль. Если по ту сторону Рейна греческими писателями пользовались для цѣлей политики, для разрушен я обветшавшаго общественнаго и политическаго строя, то тѣ же писатели въ Германіи вливали широкую струю въ литературное движеніе. Было бы, конечно, крайне ошибочно утверждать, что могущественный подъемъ критики и созиданія, ознаменовавшій собою эту великую историческую эпоху, вышелъ, какъ фениксъ изъ пепла, изъ знакомства съ античной Греціей. Но въ литературномъ наслѣдіи Греціи поэты и моралисты того времени находили нерѣдко созвучное настроеніе, готовые образы и доказательства въ пользу своихъ понятій и требованій, для борьбы съ отжившими формами жизни. Это былъ какъ бы дружный союзъ современности съ античными традиціями во имя возстановленія попранныхъ правъ человѣческой личности, во имя преклоненія предъ общечеловѣческимъ независимо отъ національности отъ бытовыхъ и историческихъ условій времени. Какъ у самого Шиллера и его современниковъ, такъ еще больше у того поколѣнія, которое непосредственно за ними слѣдовало, мы наблюдаемъ твердую увѣренность въ возможность и плодотворность тѣснѣйшаго сближенія и даже полнаго сліянія собственныхъ пріобрѣтеній нѣмецкой и общеевропейской образованности съ тѣмъ, что было создано древними греками; между двумя историческими періодами, раздѣленными длиннымъ промежуткомъ времени, далеко неодинаковыми по своему содержанію, какъ бы устанавливалось живое взаимодѣйствіе; отличающія оба періода особенности казались малозначущими частностями, которыя не мѣшаютъ объяснять явленія древне-греческой образованности съ помощью идей и фактовъ современной жизни, а этой послѣдней усвоивать себѣ идеи и формы, выработанныя въ древней Греціи. Винкельманъ, Виландъ, Лессингъ, Гёте, Шиллеръ облекали свои мысли о древней Греціи или заимствованныя отъ греческой литературы темы въ прекрасную форму и тѣмъ усиливали обаяніе древне-греческаго генія. Мессинская невѣста Шиллера представляетъ собою крайній предѣлъ, до котораго доходило въ то время преклоненіе передъ античными образцами, и передъ которымъ въ раздумьѣ остановилась т. н. большая публика, въ данномъ случаѣ, какъ бываетъ и во многихъ другихъ, оказавшаяся если не болѣе проницательной, то болѣе чуткой къ художественной правдѣ. Критики и философы въ своемъ увлеченіи и въ своихъ систематическихъ построеніяхъ не замѣчали того, что они во многихъ отношеніяхъ поновляютъ греческую старину, что они не безъ ущерба для истины и исторіи переносили на древне-греческую жизнь и на литературу свои собственныя

идеи и чувства, выросшія и вскормленныя въ иныхъ реальныхъ условіяхъ. Съ Шиллеромъ это должно было случиться скорѣе и легче, нежели съ другими: греческій языкъ онъ зналъ мало, не могла быть особенно большою и начитанность его въ греческой литературѣ, хотя-бы въ переводахъ. Но мы имѣемъ достовѣрное свидѣтельство, что „Мессинскую невѣсту" Шиллеръ писалъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ образцовъ античной трагедіи. Такъ, въ ноябрѣ 1802 года, когда трагедія была уже наполовину написана, онъ послалъ Кёрнеру вмѣстѣ съ письмомъ четыре трагедіи Эсхила въ нѣмецкомъ переводѣ: „Прометей", „Семь на Ѳивы", „Персы", „Евмениды", и прибавлялъ, что уже много лѣтъ онъ не испытывалъ такого чувства благоговѣнія, какъ при чтеніи этихъ высоко-поэтическихъ произведеній. На это Кёрнеръ ему отвѣчалъ: „Я хорошо понимаю, какъ захватывающе дѣйствовала на тебя эта жизнь, полная силы, и яркіе образы въ драмахъ Эсхила. Здѣсь игра фантазіи смѣлѣе еще и свободнѣе, нежели у Софокла, котораго уже отчасти связываютъ установившіяся формы. Правда, это—формы греческія, но Эсхилъ, можно сказать, больше, нежели эллинъ; онъ, какъ и Шекспиръ, скорѣе міровой гражданинъ, который только случайно жилъ въ Греціи". Какъ мы видимъ, для тогдашней литературной критики въ Германіи, законодателемъ которой былъ Лессингъ, высшимъ мѣриломъ художественности служила близость произведенія къ античнымъ образцамъ, какъ понимали и цѣнили ихъ въ то время. Шиллеръ чувствовалъ искусственность перенесенія древне-греческаго хора на современную ему сцену; онъ сознавалъ, что это смѣлое нововведеніе не имѣетъ для себя основанія въ родной дѣйствительности, ни въ исторіи ново-европейской драмы, но онъ исповѣдывалъ убѣжденіе, что поэзія должна служить противовѣсомъ дѣйствительности, должна быть идеальной во всѣхъ частяхъ своихъ, ничего не заимствуя изъ дѣйствительности въ такомъ видѣ, какъ она есть. Шиллеру извѣстно, что хоръ древне-греческой трагедіи выросъ совершенно естественно въ условіяхъ тогдашней жизни и тогдашняго театра; тамъ хоръ служилъ представителемъ той общественной среды, которой принадлежали герои трагедіи, и передъ лицомъ которой совершались важнѣйшія событія въ жизни этихъ древне-греческихъ героевъ и царей. Но поэтъ пытался воскресить эту привлекательную для него старину съ ея простотою нравовъ, съ постояннымъ общеніемъ правителей и управляемыхъ. „Теперь дворцы царей заперты", говоритъ онъ: „отправленіе правосудія перенесено отъ городскихъ воротъ во внутренность домовъ; письмо вытѣснило живую рѣчь; самый народъ, эта чувственно живая масса тамъ, гдѣ онъ не дѣйствуетъ какъ грубая сила, обратился въ государство слѣдовательно, сталъ отвлеченной идеей; боги возвратились въ грудь человѣка. Поэтъ долженъ снова отворить дворцы, долженъ перенести судилище подъ открытое небо, долженъ снова поставить боговъ передъ нами, возстановить все непосредственное, уничтожить искусственность дѣйствительной жизни, отбросить всякую манерность въ человѣкѣ и во всемъ къ нему относящемся, потому что она мѣшаетъ выраженію его внутренней природы, его первоначальнаго характера". Въ этихъ словахъ Шиллера мы слышимъ вмѣстѣ съ увлеченіемъ античной Греціей отголоски рѣчей, которыя неслись изъ-за Рейна, изъ Франціи, и въ сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо дѣйствовали зажигающе на все образованное общество Европы. Эти рѣчи были горячимъ, пламеннымъ призывомъ вдохновеннаго Іереміи къ возстановленію натуральнаго человѣка, къ отреченію самому полному отъ всей неправды и всѣхъ условностей тогдашней цивилизаціи. Дальше мы яснѣе увидимъ зависимость Шиллера отъ французскаго моралиста, а пока замѣтимъ, что нѣмецкій поэтъ усматривалъ въ привнесеніи хоровъ на европейскую сцену радикальнѣйшее средство разорвать всякую связь между дѣйствительной жизнью, которой онъ тяготился, какъ и его вдохновитель, и поэзіей. „Хоръ для новѣйшаго трагика", говоритъ онъ, „существенно еще полезнѣе, нежели для древняго поэта, и собственно потому, что онъ новый будничный міръ переноситъ въ древній, поэтическій, что дозволяетъ ему отбросить все противное поэзіи и влечетъ его къ самымъ первоначальнымъ, простымъ, наивнымъ мотивамъ". Но Шиллеръ пошелъ дальше позаимствованія одной изъ составныхъ частей древней трагедіи. Его герои, норманы и туземцы XI в. нашей эры, пересыпаютъ свои рѣчи именами греческихъ боговъ и богинь, древне-греческихъ святилищъ, цѣлыми выраженіями изъ греческихъ трагедій, греческими понятіями о судьбѣ, о жребіи и т. п. Такъ, дѣйствующія лица го-

ворятъ объ Ериніяхъ, богиняхъ клятвы и мщенія, объ Евменидѣ, о Церерѣ Ѳемидѣ, Панѣ, Діанѣ, о Дельфійскомъ оракулѣ, объ Афродитѣ, о предвѣчныхъ богахъ, о непреложныхъ опредѣленіяхъ судьбы, о правдивости гадателей и т. д., и т. д. Княгиня Изабелла въ порывѣ отчаянія говоритъ враждующимъ между собою братьямъ, ея сыновьямъ:

„Грудь съ грудью вы, какъ ѳивскіе борцы,
„Неистово кидаясь другъ на друга,
„Желѣзными объятьями схватитесь,
„И, вырвавъ другъ у друга жизнь ножомъ,
„Противника пусть каждый побѣдитъ".

Этотъ образъ непримиримой братской вражды взятъ изъ греческихъ легендъ объ Етеоклѣ и Полиникѣ, погибшихъ въ единоборствѣ. Когда донъ-Цезарь умертвилъ старшаго брата, донъ-Мануила, хоръ въ прекрасныхъ стихахъ разсказываетъ, согласно съ Эсхиломъ, исторію древне-греческаго героя, Ореста, какъ его

„Коварныя фуріи гнали,
„Ихъ адскія змѣи его подстрекали,
„Чтобъ матерь свою онъ убилъ...
„Но лишь поразилъ онъ родную утробу,
„Что съ нѣжной любовью носила его,
„Со страшною злобой
„Возстали они на него самого...
„Ему сердце гложутъ отравой змѣиной,
„Безъ устали гонятъ отъ края до края,
„До самой Дельфійской святыни".

При помощи такихъ пріемовъ Шиллеру казалось возможнымъ оторвать хоть на время зрителей его трагедіи отъ неприглядной дѣйствительности и заставить ихъ жить другою, идеальною жизнью.

Мѣсто дѣйствія „Мессинской невѣсты" столица Сициліи, резиденція норманскихъ владыкъ, завоевателей острова; трагическое событіе отнесено поэтомъ къ XI—XII вѣку, когда арабское владычество на островѣ смѣнилось норманскимъ. Завоевателемъ Сициліи былъ одинъ изъ внуковъ Танкреда Готвильскаго, Рожеръ I, сынъ Гюискара. Туземцы живо еще помнятъ свою свободу и ждутъ только случая, чтобы избавиться отъ иноземныхъ ненавистныхъ владыкъ. Островомъ правятъ по смерти стараго князя два брата, донъ-Мануилъ и донъ-Цезарь, съ матерью Изабеллой. Невѣдомо для нихъ, въ монастырѣ св. Цециліи, что расположенъ на склонахъ Этны, растетъ и воспитывается сестра ихъ Беатриче; ее сокрыла тамъ мать, когда старый князь, устрашенный прорицаніями, отдалъ приказъ кинуть новорожденную въ морскія волны. Онъ видѣлъ сонъ, и звѣздогадатель арабъ истолковалъ его такъ, что, если у княгини родится дочь, она погубитъ ему обоихъ сыновей и весь родъ его. Братья ничего не знаютъ о сестрѣ. Они оба случайно встрѣчаются съ Беатриче, и тотъ и другой воспылалъ къ дѣвушкѣ неудержимой страстью, тотъ и другой избралъ ее своей невѣстой, и вотъ, когда они, уступая любви и мольбамъ матери, примирились наконецъ послѣ многолѣтней жестокой распри, когда они собираются украсить матери счастливѣйшій день брачнымъ пиромъ, наступаетъ роковая развязка. Кровосмѣшеніе между донъ-Мануиломъ и Беатриче, братоубійство въ убѣжищѣ ихъ общей возлюбленной и самоубійство донъ-Цезаря на глазахъ матери и сестры составляютъ трагическіе моменты Шиллеровской піесы. Роковая развязка подготовляется цѣпью случайностей, надъ которыми властвуетъ безпощадная, непреодолимая судьба. Всѣ члены княжескаго дома несутъ заслуженную кару за преступленія свои и своихъ предковъ. Первымъ тяжкимъ преступленіемъ было завоеваніе острова. Иноплеменные пришельцы коварно завладѣли благодатной страной: они пришли съ запада на быстрыхъ ладьяхъ и за радушный, ласковый пріемъ заплатили хозяевамъ земли насильственнымъ захватомъ. Туземцы тоскуютъ по утраченной свободѣ, и княгиня знаетъ, что сопровождающіе сыновей ея рыцари ненавидятъ своихъ вождей и владыкъ:

„Не могутъ вамъ они добра желать,
„Вамъ, чужестранцамъ, роду пришлецовъ,
„Что ихъ, изъ собственнаго ихъ наслѣдья
„Изгнавъ, себѣ владычество присвоили".

Каждый любитъ жить свободно, по закону собственныхъ желаній. Поэтому

„Владыкъ паденье,
„Головъ вѣнчанныхъ гибель—содержанье
„Ихъ пѣсенъ и рѣчей; отъ дѣдовъ къ внукамъ
„Переходя, у нихъ живутъ онѣ
„И зимнія имъ ночи сокращаютъ".

Только страхомъ и насиліемъ владыки Сициліи сдерживаютъ покоренныхъ. За этимъ первичнымъ злодѣяніемъ, насиліемъ надъ людьми свободными и великодушными, слѣдуютъ другія. Въ нѣдрахъ княжескаго дома витаетъ проклятіе прародителя. Не-

давно умершій князь тяжко оскорбилъ родителя, посягнувши на его супругу, и

„Прародитель на ложе разврата,
„Съ яростью гнѣвной небеснаго грома,
„Страшныхъ проклятій извергъ сѣмена".

Ближайшимъ плодомъ проклятія была взаимная ненависть внуковъ. Отецъ только силою смирялъ необузданныхъ юношей. Въ свою очередь насиліемъ и хитростью дѣйствовали молодые князья въ своихъ отношеніяхъ къ невѣдомой дѣвушкѣ. Юноши одержимы своеволіемъ, злобнымъ ожесточеніемъ, и старая вражда ихъ, затихшая было на время, вспыхиваетъ снова съ прежней силой, лишь только они встрѣтились лицомъ къ лицу у страстно любимой женщины. Словомъ, княжескій домъ въ Мессинѣ—гнѣздо смутъ, проклятія и злодѣяній, и онъ долженъ рушиться подъ тяжестью возмездія.

„То не случайность, не жребій нѣмой",
говоритъ хоръ,
„Что столь неистово борются братья:
„Матери чрево постигло проклятье—
„Злобой она разрѣшилась, враждой".

Вотъ почему и Изабелла, и рыцари, сопутствующіе молодымъ князьямъ, исполнены тяжелыхъ предчувствій, находясь въ непрестанномъ ожиданіи какихъ-то страшныхъ бѣдствій. Хоръ не вѣритъ въ прочность мира, наступившаго послѣ вражды братьевъ, потому что въ княжескій домъ слишкомъ глубоко проникло озлобленіе.

„Страшныя слишкомъ свершились дѣянія,
„Имъ ни прощенія нѣтъ, ни забвенія".

Предчувствіями томится душа Изабеллы, и въ тотъ самый день, когда, казалось, кончились ея муки, когда она, какъ античная Ніоба, чувствовала себя счастливѣйшей изъ женщинъ, на нее обрушивается ударъ судьбы за ударомъ.

„Исполнилась мѣра печалей твоихъ",
говоритъ хоръ:
„Какъ было предсказано, такъ и свершилось,
„Никто не минуетъ судебъ роковыхъ.
„Кто мудрствуя имъ отвращаетъ рѣшенье,
„За дерзость свою понесетъ искупленье".

Понятіе о всесильной судьбѣ, о неизбѣжности наказанія, которое слѣдуетъ за злодѣяніемъ, сближаетъ „Мессинскую невѣсту" съ образцами античной трагедіи еще больше, нежели хоръ. Хоръ составляетъ принадлежность техники драмы, а отмѣченныя понятія—самую душу Шиллеровской трагедіи. Греческая трагедія вышла изъ хора и была по своему происхожденію священнодѣйствіемъ въ честь одного изъ божествъ; хоровыя пѣсни, исполнявшіяся у алтаря, были или гимнами богамъ, или выраженіемъ того настроенія и тѣхъ мыслей, которыя близость божества внушала смертному въ виду грозящихъ или уже постигшихъ его бѣдствій. Все въ этихъ пѣсняхъ было родное, знакомое каждому зрителю. Древнѣ-греческіе хоры состояли изъ лицъ близкихъ герою, способныхъ дѣлить съ нимъ радости и скорби. Какъ и подобаетъ ближайшему участнику священнослуженія, античный хоръ напоминалъ обыкновенно героямъ о суетности человѣческихъ усилій, о необходимости полагаться на волю боговъ, о непреложности судьбы или божескихъ опредѣленій. Алтарь божества былъ центромъ античнаго театра грековъ. Ничего общаго съ подобнымъ назначеніемъ не имѣетъ новоевропейскій театръ, и въ „Мессинской невѣстѣ" дѣйствіе происходитъ или въ княжескихъ палатахъ, или въ глубинѣ сада на морскомъ берегу; далеко не всѣ сцены Шиллеровской трагедіи допускаютъ присутствіе хора, и въ такихъ случаяхъ онъ или не появляется вовсе, или вынужденъ удаляться по приказанію Изабеллы и князей. Наконецъ Шиллеровскій хоръ, раздѣленный на два полухора, состоитъ изъ непримиримыхъ враговъ героевъ трагедіи, и имъ-то предоставлено поэтомъ высказывать правила высшей человѣческой мудрости и произносить судъ надъ владыками страны. Искусственнымъ, насильственно связаннымъ съ ходомъ піесы является хоръ у Шиллера, а не живымъ, необходимымъ участникомъ драмы, какимъ былъ онъ въ трагедіи Эсхила или Софокла; Шиллеровскіе хоры безсильны перенести насъ въ ту обстановку первобытнаго общества, возстановить которую пытался поэтъ; да и греческое общество временъ трагиковъ было слишкомъ удалено отъ первобытнаго состоянія. Въ лицѣ хора явно чувствуется вторженіе самого поэта въ дѣйствіе трагедіи.

Участіе самого поэта въ ходѣ піесы еще явственнѣе выражено въ ея общемъ настроеніи и въ частомъ напоминаніи ея смысла и назидательности. Ради проведенія дорогихъ для автора истинъ, въ „Мессинской невѣстѣ" нагромождены случайности, совпаденія, встрѣчи, и читатель не сразу разбирается во всѣхъ внѣшнихъ частно-

стяхъ драмы. И въ этомъ отношеніи Шиллеровская трагедія уступаетъ своимъ античнымъ образцамъ. Не самое кровосмѣшеніе, не случайности, къ нему ведущія, составляютъ содержаніе Софоклова „Эдипа", но рядъ душевныхъ состояній, какія переживаетъ благородный, великодушный, всѣми любимый правитель страны съ того момента, когда въ душу его закрадывается подозрѣніе, что виновный въ кровосмѣшеніи и черезъ то въ несчастіи его согражданъ— онъ самъ, и никто другой. По мѣрѣ обнаруженія виновнаго, какъ цареубійцы, отцеубійцы и кровосмѣсителя, разъясняются и оправдываются всѣ подробности позабытаго было оракула, приходятъ на память важнѣйшія обстоятельства изъ исторіи царственнаго дома. Личныя особенности героя и несложныя внѣшнія обстоятельства совершенно достаточны для того, чтобы наступила послѣдняя катастрофа и безъ вмѣшательства божескихъ силъ, и только когда фактъ совершился, его находятъ вполнѣ согласнымъ съ непреложной волей боговъ. Религіозныя и этическія выраженія героевъ и хора, образы боговъ, понятія о неумолимомъ рокѣ не были заимствованы поэтомъ откуда-либо со стороны; они находились во всеобщемъ обращеніи въ средѣ аѳинянъ и другихъ грековъ, для которыхъ ставилась трагедія, были органической частью той атмосферы, въ которой жило современное поэту общество. Вся фабула трагедіи была заранѣе извѣстна зрителямъ, и то новое, что вносилъ отъ себя поэтъ, были не внѣшнія событія и не моральныя сентенціи на различныя темы, но правдивое, заражающее зрителя изображеніе душевныхъ мукъ героя, его сомнѣній, надеждъ, опасеній, ужаса. Къ тому же зритель научался познавать безконечную сложность жизненныхъ явленій и безсиліе человѣка, даже самаго мудраго изъ людей, восторжествовавшаго надъ Сфинксомъ, проникнуть въ тайны жизни и оцѣнить по достоинству каждое звено ея въ зависимости отъ прочихъ звеньевъ. Анализу, осмотрительности, самообладанію и скромности научала зрителя античная трагедія. Наоборотъ, трагедія Шиллера, особенно въ изображеніяхъ главныхъ героевъ, двухъ братьевъ, даетъ очень мало. Всѣми способами поэтъ осложнилъ вымышленную фабулу, нагромоздилъ пороки и злодѣянія, поставилъ лицомъ къ лицу различныя народности и различныя вѣрованія для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи возможно больше поводовъ выказать собственные взгляды на окружающее, привести свои этическія воззрѣнія. Античныя формы съ вѣрованіями древнихъ грековъ включительно, средневѣковое содержаніе съ христіанскими понятіями и культомъ, ученіе современныхъ моралистовъ, преимущественно Руссо, должны были по плану Шиллера служить одной цѣли и объединяться сознаніемъ единаго верховнаго судьи всѣхъ человѣческихъ поступковъ, именно нашей совѣсти. Арабы, норманы, сицилійскіе туземцы, далекая старина и современность, христіанство и язычество помѣщены поэтомъ намѣренно на одномъ планѣ для того, чтобы ярко выступала обязательность опредѣленныхъ правилъ морали для всякаго человѣка, независимо отъ культурныхъ отличій, отъ разницы историческихъ условій. Прорицанія араба кудесника и святого христіанскаго отшельника вполнѣ совпадаютъ и одинаково оправдываются, даже недовѣріе къ тому или другому изъ нихъ одинаково вмѣняется въ вину Изабеллѣ; одни и тѣ же лица то призываютъ греческихъ и вообще языческихъ боговъ подъ ихъ собственными именами, то молятся Небесной Царицѣ, Пречистой Дѣвѣ, Единому Богу, божьему ангелу, Всевышнему. Беатриче сокрыта въ монастырѣ св. Цециліи, старый князь погребенъ въ церкви и т. д. и т. д. „Я считаю за право поэзіи", говоритъ Шиллеръ въ предисловіи къ нашей трагедіи, „пользоваться различными вѣрованіями, какъ собирательнымъ цѣлымъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе... Подъ оболочкою всѣхъ религій находится самая религія, идея божества, и да будетъ дозволено поэту выразить это въ той формѣ, какую найдетъ онъ наиболѣе удобною и лучшею". Религія Шиллера—одинъ изъ видовъ деизма; положительныя вѣроученія замѣняются въ немъ естественной религіей; она соприсуща природѣ, универсальна и сводится къ предустановленному міровому порядку, къ универсальной нравственности. И здѣсь на Шиллерѣ отразилось огромное вліяніе деизма Ж. Ж. Руссо, какъ оно отразилось на Кантѣ, Лессингѣ и др. Съ деистическимъ ученіемъ религіозныя представленія древнихъ грековъ далеко не совпадаютъ. Греческіе боги—существа весьма ограниченныя, и приспособленіе именъ ихъ къ деистическимъ понятіямъ у Шиллера было явнымъ анахронизмомъ. Греческимъ богамъ доступно состраданіе къ грѣшникамъ, если вина ихъ невольная или вынужденная. Эдипъ

принадлежалъ къ запятнанному злодѣяніями роду, самъ былъ повиненъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, и тѣмъ не менѣе онъ находитъ у боговъ полное прощеніе своимъ невольнымъ грѣхамъ, онъ преобразуется въ божество, и могила страдальца служитъ залогомъ неприкосновенности для страны, въ которой дано ему послѣднее убѣжище. Яростныя, безпощадныя въ своей мести Ериніи превращаются въ милостивыхъ Евменидъ, и матереубійца Орестъ, совершившій преступленіе по требованію Аполлона и въ возмездіе за насильственную смерть отца, находитъ себѣ могущественную заступницу въ Аѳинѣ, и его мученіямъ полагается предѣлъ. Не таково божество Шиллера, нераздѣльно слитое съ міровымъ порядкомъ. Оно не знаетъ состраданія къ нарушителямъ законовъ природы, не различаетъ вольнаго и невольнаго противъ нихъ прегрѣшенія, и потому ни Изабелла, ни даже Беатриче не произносятъ ни одного слова въ утѣшеніе себѣ, хотя онѣ—жертвы чужого насилія и вынужденныя участницы въ чужихъ грѣхахъ. Шиллеръ весьма охотно пользуется греческими терминами судьбы, жребія, доли для выраженія понятія о неумолимости природы; но и эти термины въ древне-греческой трагедіи имѣютъ гораздо болѣе относительное значеніе, нежели въ „Мессинской невѣстѣ“, какъ въ этомъ убѣждаютъ насъ образы Эдипа, Ореста, Антигоны и др. Словомъ, античная трагедія болѣе человѣчна, болѣе участлива къ человѣческимъ слабостямъ и гораздо менѣе послѣдовательна въ приговорахъ надъ героями. Своего отношенія къ окружающему античный трагикъ не облекъ еще въ неподвижныя формы, которыя казались бы ему безусловно точнымъ выраженіемъ всего разнообразія мотивовъ, дѣйствующихъ въ жизни человѣка, и оттого античная трагедія производила на грека не столь удручающее впечатлѣніе, какое производитъ на насъ трагедія Шиллера. Какъ мало Шиллеръ стѣснялся анахронизмами, съ помощью ихъ желая стереть хронологическія и бытовыя грани, показываетъ слѣдующій примѣръ: погребальный обрядъ, совершенный надъ Мессинскимъ княземъ XII в., списанъ поэтомъ съ похоронной церемоніи, совершенной надъ герцогомъ Карломъ Виртембергскимъ, которую видѣлъ Шиллеръ въ 1793 г. въ церкви Людвигсбургскаго замка близъ Штутгарта.

Міровой порядокъ, на стражѣ котораго стоитъ неумолимая и непреклонная судьба, „безгранично надъ нами царящая“, сохраняется, по ученію Шиллера, только въ природѣ, и потому только жизнь согласная съ природой способна обезпечить прочное счастье человѣку. Божій міръ совершененъ; страданіе вноситъ съ собою человѣкъ. Одна природа безгрѣшна, въ своихъ дарахъ справедлива; вдали отъ житейскихъ тревогъ, на лонѣ природы, или „въ тихомъ пристанищѣ кельи святой“ обрѣтается человѣческое счастье. Бѣдствія Беатриче, говоритъ сама она, начинаются съ того момента, когда она покидаетъ монастырскую келью и смѣшивается съ людской толпой. По словамъ хора,

„Зло пресмыкается—преступленье
„Только въ чаду городской тѣсноты.
„Какъ смертоносной чумы дуновенье,
„Горныхъ вершинъ не терпя высоты.
„На вершинахъ свобода! Могилы дыханіе
„Не возлетаетъ горѣ, въ поднебесный
эѳиръ“.

Истинную задачу поэзіи въ противоположность прозѣ Шиллеръ полагалъ, какъ мы видѣли выше, въ удаленіи насъ отъ всего искусственнаго, что есть въ дѣйствительной жизни и что препятствуетъ выраженію внутренней природы человѣка и его первоначальнаго характера, въ перенесеніи насъ въ обстановку первобытно простую.

Припомнимъ здѣсь положеніе Руссо, что человѣкъ по природѣ существо добродѣтельное, и что порочнымъ дѣлаютъ его учрежденія. „Пока люди довольствовались сельскими хижинами“, учитъ онъ, „пока они шили себѣ платье изъ звѣриныхъ шкуръ терновыми иглами или рыбьими костями, украшали себя перьями и раковинами, расписывали тѣла свои красками... словомъ, пока они занимались только такими работами, какія каждый можетъ исполнить самъ по себѣ и для себя, не нуждаясь въ чужихъ рукахъ, до тѣхъ поръ они были свободны, здоровы, добры и счастливы“ и проч. Зло воцаряется на землѣ съ прекращеніемъ этого натуральнаго состоянія, за которымъ слѣдовали неравенство, бѣдность, порабощеніе однихъ другими. Ученіе о натуральномъ состояніи отвѣчало вѣрованіямъ различныхъ народовъ въ существованіе золотого вѣка, вѣрованіямъ, которыя у древнихъ грековъ выражались много разъ въ поэтической формѣ. Уклоненія отъ первобытнаго состоянія наказываются природой безпощадно. Вражда, обманъ и насиліе противны природѣ, могутъ

торжествовать надъ любовью, свободой и правдой только временно, и каждый человѣкъ, виновный противъ законовъ естества, неизбѣжно расплачивается жестокими страданіями; путемъ этихъ послѣднихъ природа какъ бы возстановляетъ нарушенное равновѣсіе, а людямъ даетъ уроки смиренія, покорности скромной долѣ. Одна любовь всесильна; она, какъ божество, царитъ надъ сердцами людей; простымъ словомъ любви Изабелла примирила братьевъ, чего не могъ сдѣлать могущественный князь принужденіемъ. По словамъ Изабеллы, тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ любви. Законы естества нарушены не только междоусобицей молодыхъ князей-братьевъ и отцомъ ихъ, осквернившимъ супружеское ложе родителя, но равно Изабеллой и Беатриче, какъ участницами, хотя и невольными и несознательными, въ преступленіяхъ; нарушены законы природы и всѣмъ поведеніемъ юношей относительно Беатриче. Вотъ почему хоръ не вѣритъ въ прочность мира между братьями и въ благополучіе брачнаго союза донъ-Мануила съ невѣдомой дѣвушкой. Доброе идетъ прямыми путями; злое сѣмя даетъ дурной плодъ, а донъ-Мануилъ обнаружилъ въ своихъ дѣйствіяхъ и наглость, и неуваженіе къ святости монастыря, и беззаконіе въ поступкахъ, и любовь его окутана тайной, какъ нѣчто запретное и незаконное. Далѣе, свобода—прирожденное состояніе человѣка, и потому каждый любитъ жить „по волѣ собственныхъ желаній“. Туземцы Мессины правы, когда они ненавидятъ иноземныхъ завоевателей: силою и обманомъ захватили они чужую страну и только при помощи силы способны держать покоренныхъ въ повиновеніи. Княжескіе рабы увѣрены, что могущество господъ ихъ скоропреходящее, что оно—порожденіе одного мгновенья, что на память объ ихъ шумныхъ опустошительныхъ побѣдахъ останется въ будущемъ одно разореніе,—и они благословляютъ свою долю рабовъ: родная страна ихъ по праву возвратится къ нимъ. Княжескій домъ Мессины, это гнѣздо смуты, проклятій и насилія, долженъ рухнуть подъ тяжестью собственныхъ пороковъ:

„въ немъ слишкомъ глубоко впилось озлобленіе,
Страшныя въ немъ совершились дѣла.
Имъ ни прощенія нѣтъ, ни забвенія“.

Томящее предчувствіе близкой грозы, независимо отъ зловѣщихъ сновидѣній и толкованій гадателей, охватываетъ не только хоръ рыцарей, но и Изабеллу, и Беатриче; не прозрѣваютъ одни юные князья: они ослѣплены сначала безсмысленной враждой другъ къ другу, а потомъ страстнымъ влеченіемъ къ таинственной дѣвушкѣ,и своимъ безразсудствомъ только ускоряютъ неизбѣжный трагическій конецъ. Ничто не въ силахъ остановить потока; наоборотъ, тѣ самые поступки Изабеллы, которые должны бы охранить княжескій домъ отъ несчастій, только подготовляютъ ихъ и умножаютъ,—пріемъ композиціи, также заимствованный Шиллеромъ изъ античной трагедіи. Пучина бѣдствій разверзается въ тотъ моментъ, когда княгиня, какъ античная Ніоба, чувствуетъ себя счастливѣйшей изъ матерей, когда завѣтная мечта ея повидимому осуществляется. Но тѣмъ мучительнѣе внезапная катастрофа, разрушающая въ концѣ всѣ ея надежды, и безпомощнымъ и беззащитнымъ женщинамъ остается на долю горестное существованіе во вражеской странѣ, въ сознаніи преступленій и божьяго гнѣва, тяготѣющихъ надъ княжескимъ домомъ. При видѣ всего случившагося хоръ высказываетъ убѣжденіе, что воля не высшее изъ человѣческихъ благъ, но что самое страшное зло—это преступленіе.

Понятія свои о нравственномъ міровомъ порядкѣ, который покоится на любви и свободѣ, и нарушеніе котораго никогда не бываетъ безнаказанно, Шиллеръ попытался вложить въ античныя формы, находя ихъ совершенными и потому одинаково пригодными и обязательными для всякаго народа во всякое время. Въ этомъ стремленіи поэта слить воедино различные историческіе періоды и кроется причина неудачи его опыта, а опытъ состоялъ въ приспособленіи строя античной трагедіи къ задачамъ новоевропейскаго театра и къ этическимъ воззрѣніямъ самого поэта. Пересадить на новую сцену древне-греческую трагедію поэту не удалось, и не удалось потому, что какъ образы и имена античной трагедіи, такъ точно и выраженныя въ ней понятія и самое настроеніе носятъ на себѣ яркую печать исторіи и народности греческой и не могутъ быть достаточно оцѣнены и поняты внѣ тѣхъ бытовыхъ и историческихъ условій, въ которыхъ античная трагедія возникла и развивалась. Что было ясно, вразумительно и близко древнему греку, то для новаго зрителя или читателя требуетъ оговорокъ и поясненій, а это не можетъ быть сдѣлано безъ ущерба для идей автора и для цѣльности художественнаго

впечатлѣнія. Шиллеръ не подражалъ античнымъ трагикамъ; онъ заимствовалъ отъ нихъ ихъ средства для цѣлей современной ему поэзіи и морали. Горячей проповѣди за права человѣческой личности Шиллеръ не далъ въ противоположность своему женевскому учителю; трагедія Шиллера представляетъ собою лишь слабый отголосокъ страстнаго протеста, шедшаго изъ-за Рейна, противъ уродливостей тогдашняго семейнаго воспитанія и общественнаго строя.

Насколько вѣрнѣе достигается художественная и общественная цѣль литературнаго произведенія, когда авторъ довольствуется тѣмъ назиданіемъ, какое слѣдуетъ само собою изъ правдиваго изображенія дѣйствительности, показываетъ небольшой разсказъ Гюи-де-Мопассана le Port, въ русской передачѣ гр. Л. Н. Толстого — „Франсуаза", разсказъ, также написанный на тему о кровосмѣшеніи между родными братомъ и сестрой. Читатель даже не знаетъ, задавался-ли романистъ цѣлями назиданія; но частица жизни въ изображеніи поэта, безъ всякаго подсказыванія со стороны послѣдняго, вызываетъ въ душѣ читателя и чувство глубокой жалости къ обездоленнымъ людямъ, и мысли о необходимости перемѣнъ въ общественномъ строѣ на началахъ справедливости, и сомнѣніе въ состоятельности ходячихъ правилъ морали. За уроками художникъ не обращается въ далекую чужую старину; онъ не ищетъ своихъ героевъ въ царскихъ палатахъ для усиленія эффекта заключительной катастрофы; фабула разсказа проста и свободна отъ случайностей, въ которыхъ было бы трудно разобраться читателю. Зато съ неотразимою, захватывающей силою поэтъ воссоздаетъ рядъ душевныхъ состояній, переживаемыхъ матросомъ и его несчастной сестрой въ короткій промежутокъ времени, отъ беззаботнаго веселья и пустой бесѣды за стаканомъ вина до ужаса, который потрясаетъ все нравственное существо героевъ. Художникъ остается все время въ скромныхъ рамкахъ обычной, близкой ему дѣйствительности, но этимъ нисколько не умаляется широкое гуманизирующее значеніе разсказа. Французскій реалистъ по правиламъ творчества и по отношенію къ обработанному матеріалу ближе къ античнымъ учителямъ, нежели нѣмецкій поэтъ-философъ, не перестающій въ теченіе всей драмы внушать зрителю тѣ чувства и понятія, которыя раздѣляетъ самъ.

Причина относительной неудачи Шиллера не въ слабости художественнаго дарованія, но въ усвоеніи взглядовъ на искусство, которые отрывали его отъ внимательнаго наблюденія дѣйствительной жизни, и въ стараніи оправдать собственное міровоззрѣніе съ помощью художественнаго вымысла. Словомъ, огромный талантъ автора былъ стѣсненъ въ своемъ проявленіи предвзятой теоріей морали и въ частности трагедіи. Истинный талантъ, какъ говоритъ Л. Н. Толстой, независимо отъ своего желанія „заставляетъ насъ любить то, что достойно любви, ненавидѣть то, что достойно ненависти. Художникъ только потому и художникъ, что онъ видитъ предметы не такъ, какъ онъ хочетъ ихъ видѣть, а такъ, какъ они есть. Носитель таланта, человѣкъ, можетъ ошибаться, но талантъ, если ему только будетъ данъ ходъ, откроетъ, обнажитъ предметъ и заставитъ полюбить его, если онъ достоинъ любви, и возненавидѣть его, если онъ достоинъ ненависти". Тамъ, гдѣ Шиллеръ даетъ просторъ своему искусству рисовать муки наболѣвшей души, напримѣръ въ изображеніи Изабеллы и Беатриче, гдѣ онъ живописуетъ природу, даетъ картину преслѣдованія Ореста яростными фуріями или разсказываетъ зловѣщее сновидѣніе, вездѣ въ этихъ случаяхъ чувствуется великій мастеръ, и созданные имъ образы сохраняютъ непреходящую цѣнность для всякаго времени. Но общее міровоззрѣніе Шиллера и его взгляды на искусство и на задачи театра имѣютъ для насъ значеніе историческое, и его попытка воскресить античную трагедію для разрѣшенія современныхъ задачъ морали и философіи неизбѣжно превратилась въ несовершенное поновленіе античныхъ образцовъ: эти послѣдніе имѣли свою собственную исторію и назначались для зрителей, которые жили въ одинаковыхъ съ поэтомъ понятіяхъ и бытовыхъ условіяхъ; многое въ этихъ образцахъ отошло въ исторію и понятно намъ только въ связи съ другими сторонами жизни древняго грека, преимущественно аѳинянина V в. до Р. Х.; общечеловѣческая и вѣчная часть содержанія вложена въ античные образцы чуткимъ сердцемъ и яснымъ умомъ поэтовъ, которые проникали въ сокровенные мотивы человѣческой души, какъ они наблюдали ихъ въ себѣ самихъ и на близкихъ имъ людяхъ, гражданахъ и рабахъ.

Ѳ. Мищенко.

Объ употребленіи хора въ трагедіи.

Поэтическое произведеніе должно само себя оправдывать—и гдѣ не говоритъ за себя дѣло, тамъ слова мало помогутъ. Такимъ образомъ, можно было бы предоставить и хору говорить въ свою защиту, если бъ онъ могъ быть исполненъ надлежащимъ образомъ. Но драматическое произведеніе составитъ одно полное цѣлое только въ сценическомъ представленіи: поэтъ даетъ одни слова; чтобы оживить ихъ, должно призвать на помощь музыку и танцы. Пока у хора нѣтъ этихъ могущественныхъ сопутниковъ, онъ въ составѣ трагедіи будетъ казаться чѣмъ-то лишнимъ, чѣмъ-то постороннимъ, какъ бы остановкою, прерывающею ходъ дѣйствія, разрушающею очарованіе, охлаждающею зрителя. Чтобъ дать хору его значеніе, должно перенестись отъ дѣйствительной сцены къ возможной: это необходимо вездѣ, гдѣ мы хотимъ достигнуть чего-нибудь высокаго. Чего искусство не имѣетъ, то должно ему пріобрѣсти; случайный недостатокъ во вспомогательныхъ средствахъ не долженъ ограничивать творческую фантазію поэта. Онъ поставляетъ себѣ цѣлью самое достойнѣйшее—онъ стремится къ идеалу; приноравливаться къ обстоятельствамъ есть дѣло искусства исполняющаго. Говорятъ обыкновенно, что публика понижаетъ уровень искусства. Это неправда: художникъ понижаетъ вкусы публики, и во всѣ времена, гдѣ искусство приходило въ упадокъ, это происходило отъ художника. Публикѣ нужна только воспріимчивость, и она ею обладаетъ. Она ожидаетъ поднятія занавѣса съ какимъ-то неопредѣленнымъ желаніемъ, съ многостороннею готовностью. Она способна ко всему высокому! она восхищается разумнымъ и правдивымъ, и если сперва довольствовалась ничтожнымъ, то навѣрное кончитъ тѣмъ, что станетъ требовать превосходнаго, если уже получила о немъ понятіе.

Возразятъ: хорошо поэту творить по идеалу, хорошо цѣнителю искусства судить по идеямъ; условленное, ограниченное, исполняющее искусство основывается на потребности. Директоръ хочетъ выручки, актеръ хочетъ показать себя, зритель хочетъ развлеченія, хочетъ возбужденія. Онъ ищетъ только удовольствія и бываетъ недоволенъ, если ему навязываютъ усиліе тамъ, гдѣ онъ ожидалъ забавы и отдохновенія.

Но тѣ, которые смотрятъ сцену съ болѣе серьезной точки зрѣнія, желаютъ не уничтожить, но облагородить удовольствіе зрителя. Пусть это будетъ игра, но игра поэтическая. Все искусство посвящено удовольствію, и нѣтъ задачи, болѣе высокой и важной, какъ осчастливить человѣка. Истинное искусство есть то, которое доставляетъ высшее наслажденіе. А высшее наслажденіе есть свобода духа въ живой игрѣ всѣхъ его способностей.

Каждый человѣкъ ожидаетъ отъ искусства нѣкотораго освобожденія отъ предѣловъ дѣйствительности; онъ хочетъ наслаждаться возможнымъ и дать волю своей фантазіи. Всякій хочетъ забыть свои дѣла, свою обыкновенную жизнь, свою индивидуальность, хочетъ чувствовать себя въ необыкновенныхъ положеніяхъ, испытывать на себѣ странное стеченіе случайностей; если онъ человѣкъ болѣе высокаго душевнаго строя, онъ ищетъ на сценѣ нравственнаго воздѣйствія судьбы, котораго не находитъ въ

дѣйствительной жизни. Но онъ знаетъ самъ очень хорошо, что забавляется только пустою игрою, что онъ собственно наслаждается только мечтами, и если отъ сцены возвратится въ міръ дѣйствительный, послѣдній охватитъ его опять своею гнетущею тѣснотою и попрежнему сдѣлаетъ его своею добычею, потому что міръ остался, какъ онъ былъ, да и въ зрителѣ не произошло никакой перемѣны. Чрезъ это не выиграно ничего, кромѣ пріятнаго заблужденія минуты, исчезнувшаго съ пробужденіемъ.

И потому-то именно, что здѣсь разсчитывается только на преходящее очарованіе, достаточно одного призрака истины или пріятнаго правдоподобія, которымъ такъ охотно замѣняютъ истину.

Но истинное искусство не разсчитываетъ только на преходящую забаву: оно имѣетъ цѣлью не погрузить человѣка въ минутный сонъ свободы, но сдѣлать его дѣйствительно свободнымъ, и достигаетъ это тѣмъ, что возбуждаетъ и развиваетъ въ немъ силу, отъ которой весь чувственный міръ, тяготѣющій на насъ, какъ масса грубой матеріи, гнетущій насъ, какъ слѣпая власть рока, удаляется въ объективную даль, преобразуется въ свободное дѣйствіе нашего духа— и матеріальное подчиняется идеальному.

И вотъ, на основаніи того, что истинное искусство требуетъ чего-то вещественнаго и объективнаго, оно не можетъ довольствоваться однимъ призракомъ истины; на самой истинѣ, на твердомъ и глубокомъ основаніи природы воздвигаетъ оно свое идеальное зданіе.

Но какимъ образомъ искусство, будучи совершенно идеальнымъ, должно быть въ полномъ объемѣ и реальнымъ, оставляя совершенно все дѣйствительное, должно и можетъ во всей точности согласоваться съ природою—это понятно только для немногихъ и часто искажаетъ воззрѣніе на произведенія поэзіи и пластики, ибо оба эти требованія въ обыкновенномъ сужденіи кажутся совершенно уничтожающими другъ друга.

Обыкновенно бываетъ, что, стараясь достигнуть одного, жертвуютъ другимъ, и поэтому не достигаютъ ни того, ни другого. Кого природа надѣлила вѣрнымъ взглядомъ и глубокимъ чувствомъ, но лишила творческой силы воображенія, тотъ, если и будетъ вѣрнымъ живописцемъ дѣйствительности, схватитъ только случайныя явленія, а не духъ природы. Онъ передастъ намъ только вещество міра; но это не будетъ уже собственнымъ нашимъ твореніемъ, не будетъ свободнымъ произведеніемъ нашего творящаго духа, и потому не можетъ имѣть благодѣтельнаго дѣйствія искусства, состоящаго въ свободѣ. Серьезно, но безотрадно бываетъ впечатлѣніе, съ которымъ отпускаетъ насъ подобный художникъ или поэтъ, и мы съ огорченіемъ видимъ себя перенесенными искусствомъ, долженствующимъ дать намъ свободу, въ тѣсный кругъ обыкновенной дѣйствительности. Напротивъ того, художникъ, надѣленный живою фантазіею, но лишенный силы чувства и характера, не заботится объ истинѣ, но только играетъ сущностью вещей, хочетъ только удивить насъ фантастическимъ и страннымъ сцѣпленіемъ; и такъ какъ все его твореніе есть только пѣна и призракъ, то оно, хотя и будетъ занимательно на одно мгновенье, но ничего не оставитъ, не воздвигнетъ въ душѣ. Его игра, какъ и серьезность перваго, не будетъ поэзіей. Произвольно сцѣплять фантастическіе образы не значитъ создавать идеальное, а подражательно воспроизводить дѣйствительность не значитъ изображать природу. Оба требованія такъ мало противоположны одно другому, что они скорѣе составляютъ одно и то же: искусство только тогда бываетъ истиннымъ, когда, оставляя дѣйствительность, дѣлается совершенно идеальнымъ. Самая природа есть только одна изъ идей духа, которая никогда не подчиняется чувствамъ. Она облачена покровомъ явленій, но сама никогда не переходитъ въ явленіе. Только идеальному искусству предоставлено, или, лучше сказать, назначено постигать этотъ духъ всего существующаго и выражать его тѣлесною формою. Да и оно само никогда не можетъ совершенно выразить его для чувства, но своею творческою силою представляетъ его воображенію, и потому оно можетъ быть истиннѣе всякой дѣйствительности и вещественнѣе всякаго опыта. Отсюда очевидно, что художникъ ничего не можетъ заимствовать изъ дѣйствительности въ такомъ видѣ, какъ его находитъ, что его твореніе во всѣхъ своихъ частяхъ должно быть идеальнымъ, если оно, какъ цѣлое, должно имѣть реальность и согласоваться съ природою.

Что истинно въ искусствѣ и поэзіи въ цѣломъ, то относится и ко всѣмъ ихъ видамъ, и безъ труда можетъ быть примѣнено и къ трагедіи. И здѣсь должно было давно, да и теперь еще, бороться съ обычнымъ понятіемъ объ естественности, которое разрушаетъ и уничтожаетъ всякое искусство и поэзію. Въ пластическихъ искусствахъ

еще допускаютъ нѣкоторую идеальность, хотя болѣе по условнымъ, нежели по внутреннимъ причинамъ; но отъ поэзіи, въ особенности отъ драматической, требуютъ *иллюзіи*, которая, если бы и могла быть достигнута, останется всегда ничтожнымъ, шутовскимъ обманомъ. Все внѣшнее при драматическомъ представленіи противорѣчитъ этому понятію: здѣсь все есть только символъ дѣйствительнаго. Самый день на сценѣ—искусственъ, архитектура—символическая, метрическій языкъ—идеаленъ: должно ли дѣйствіе быть реальнымъ и, какъ часть, разрушать цѣлое? Такъ французы, не понявъ духа древнихъ, первые ввели единство мѣста и времени, исходя изъ самаго грубаго эмпиризма. Какъ будто нужно другое мѣсто, кромѣ идеальнаго пространства, и другое время, кромѣ послѣдовательности дѣйствія.

Впрочемъ, введеніемъ метрическаго языка сдѣланъ большой шагъ въ приближеніи къ поэтической трагедіи. Нѣкоторые лирическіе опыты были удачны на сценѣ, и поэзія своею собственною, живою силою побѣдила уже въ нѣкоторыхъ частностяхъ господствующій предразсудокъ. Но частностями еще выигрывается не много, если заблужденіе не разрушено въ цѣломъ, и недостаточно, чтобы то, что составляетъ сущность всей поэзіи, было только терпимо, какъ поэтическая вольность. Введеніе хора было бы послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ, и если бъ онъ даже послужилъ поводомъ только къ тому, чтобъ открыто и честно объявить войну всякому натурализму въ искусствѣ, то онъ сталъ бы для насъ живою оградою, которою трагедія совершенно отдѣлилась бы отъ дѣйствительнаго міра и сохранила бы свое идеальное основаніе, свою поэтическую свободу.

Трагедія грековъ, какъ извѣстно, произошла изъ хора. Но также какъ она исторически и постепенно изъ него развивалась, точно такъ можно сказать, что она изъ него же произошла въ отношеніи поэтическомъ и по духу, и что безъ этихъ постоянныхъ свидѣтелей и производителей дѣйствія, изъ нея образовалось бы совершенно другое поэтическое произведеніе. Поэтому уничтоженіе хора и олицетвореніе этого чувственно-могущественнаго органа въ безхарактерной и скучной фигурѣ жалкаго наперсника нисколько не было усовершенствованіемъ трагедіи, какъ воображали французы и ихъ поклонники.

Древняя трагедія, которая первоначально выводила только боговъ, героевъ и царей, нуждалась въ хорѣ, какъ необходимой принадлежности; она находила его въ дѣйствительности и пользовалась имъ, потому что находила. Дѣйствія и судьбы героевъ и царей сами по себѣ общественны, и еще болѣе были таковыми въ простыя времена древности. Поэтому, хоръ въ древней трагедіи былъ самымъ естественнымъ органомъ, онъ уже проистекалъ изъ дѣйствительной жизни. Въ новой же трагедіи онъ дѣлается органомъ искусственнымъ, помогающимъ вызвать истинную поэзію. Поэтъ новаго времени не находитъ его въ дѣйствительности; онъ долженъ поэтически создать его и ввести, то-есть долженъ въ сюжетѣ, который онъ обрабатываетъ, произвести такую перемѣну, которая перенесла бы въ тотъ младенческій вѣкъ и въ ту простую форму первобытной жизни.

Поэтому хоръ для новѣйшаго трагика имѣетъ еще больше значенія, чѣмъ для древняго поэта, и собственно потому, что онъ новый обыкновенный міръ переноситъ въ древній, поэтическій, что дозволяетъ ему отбросить все противное поэзіи, и влечетъ его къ самымъ первоначальнымъ, простымъ и наивнымъ мотивамъ. Дворцы царей теперь заперты; отправленіе правосудія перенесено отъ городскихъ воротъ во внутренность домовъ; письмо вытѣснило живую рѣчь; самый народъ, эта чувственно-живая масса, тамъ, гдѣ онъ не дѣйствуетъ, какъ грубая сила, обратился въ государство, слѣдовательно, сталъ идеею отвлеченною; боги возвратились въ грудь человѣка. Поэтъ долженъ снова отворить дворцы, долженъ перенести судилище подъ открытое небо, долженъ снова представить боговъ, долженъ возстановить все непосредственное, уничтоженное искусственностью дѣйствительной жизни, отбросить всякую затѣйливость въ человѣкѣ и во всемъ, къ нему относящемся, которая препятствуетъ выраженію его внутренней природы и первоначальнаго характера, подобно тому, какъ ваятель отвергаетъ модную одежду, и не допускаетъ ничего изъ внѣшнихъ ея формъ, что сколько-нибудь можетъ скрыть высочайшую изъ формъ—форму человѣческую.

Но точно такъ же, какъ пластическій художникъ распространяетъ вокругъ своихъ фигуръ всю полноту складокъ одежды, чтобы придать имъ болѣе прелести и роскоши,

чтобъ раздѣленныя имъ части прочно соединить въ спокойныя массы, чтобы дать мѣсто игрѣ цвѣтовъ, плѣняющихъ зрѣніе, и человѣческія формы искусно скрыть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать видимыми: такъ точно и трагическій поэтъ связываетъ и облекаетъ свое строго-размѣренное дѣйствіе и рѣзкіе очерки своихъ дѣйствующихъ лицъ пышностью лирической ткани, въ которой эти лица, какъ въ широкой пурпурной одеждѣ, движутся свободно и благородно, съ твердымъ достоинствомъ и высокимъ спокойствіемъ.

Въ высшей организаціи рудиментарное начало не должно быть видимо; цвѣта химическіе исчезаютъ въ нѣжномъ румянцѣ жизни. Но и матерія имѣетъ свою прелесть, и сама по себѣ можетъ быть воспроизведена въ созданіи искусства. Однако и тогда она только по степени отраженія жизни, по полнотѣ и гармоніи можетъ занять подобающее мѣсто и возвышать достоинство формъ, въ которыя она облекается, а не подавлять ихъ своею тяжестью.

Въ произведеніяхъ пластическаго искусства это легко понятно каждому; но то же самое примѣнимо и къ поэзіи, а слѣдовательно и къ поэзіи драматической, о которой здѣсь теперь говорится. Все то, въ чемъ высказывается вообще разумъ, точно такъ же, какъ и то, что прельщаетъ одни чувства, есть только матерія, грубый элементъ въ поэтическомъ созданіи, и неизбѣжно нарушитъ все поэтическое тамъ, гдѣ онъ будетъ преобладать, ибо поэзія заключается именно въ томъ безразличіи идеальнаго и чувственнаго. Но человѣкъ созданъ такъ, что онъ всегда стремится отъ частнаго къ общему, и потому размышленіе должно также имѣть свое мѣсто въ трагедіи. Если же оно можетъ занимать это мѣсто, то оно должно весь недостатокъ чувственной жизни вознаграждать изложеніемъ, ибо если два элемента поэзіи, идеальный и чувственный, не дѣйствуютъ совокупно въ тѣсномъ соединеніи, то они должны дѣйствовать одинъ подлѣ другого, иначе не будетъ поэзіи. Если вѣсы сами по себѣ не имѣютъ совершеннаго равновѣсія, то оно должно быть возстановлено послѣдовательнымъ качаніемъ обѣихъ чашъ.

И всему этому содѣйствуетъ хоръ въ трагедіи. Онъ самъ по себѣ не есть особый индивидуумъ, а только общее понятіе; но это понятіе выражается въ чувственно-могущественной массѣ, которая поражаетъ чувства своимъ наполняющимъ присутствіемъ. Хоръ оставляетъ тѣсный кругъ дѣйствія, чтобы обнимать все прошедшее и будущее, отдаленныя времена и народы и, вообще, все человѣчество, чтобы извлекать великіе итого жизни и высказывать правила мудрости. Но онъ производитъ это съ полною силою фантазіи, со смѣлою лирическою свободою, которая, какъ бы стопами боговъ, ходитъ по вершинамъ человѣческихъ дѣйствій; онъ производитъ это, сопровождаемый всѣмъ чувственнымъ могуществомъ размѣра и музыки въ тонахъ и движеніяхъ.

Итакъ, хоръ очищаетъ трагическое произведеніе, отвлекая размышленіе отъ дѣйствія, и черезъ это самое отвлеченіе вооружается поэтическою силою: такъ пластическій художникъ простую необходимость одежды обращаетъ въ изящество и прелесть, посредствомъ богатой драпировки.

Но точно такъ, какъ живописецъ бываетъ вынужденнымъ возвышать тонъ жизненныхъ красокъ, чтобы поддержать равновѣсіе элементовъ, такъ лирическій языкъ хора заставляетъ поэта соразмѣрно возвысить и весь языкъ произведенія, и чрезъ то, вообще, усилить чувственную силу выраженія. Только хоръ даетъ право трагическому поэту къ этому возвышенію тона, которое наполняетъ слухъ, подстрекаетъ духъ и расширяетъ всѣ чувства. Только его исполинскій образъ заставляетъ поэта поставить на котурнъ всѣ дѣйствующія лица трагедіи, и придать этимъ своей картинѣ трагическое величіе. Отнимите хоръ—и языкъ трагедіи долженъ будетъ упасть и все, что теперь высоко и сильно, покажется принужденнымъ и напыщеннымъ. Введеніе древняго хора во французскую трагедію обнаружило бы всю ея бѣдность и ничтожество; но онъ же, безъ всякаго сомнѣнія, показалъ бы вполнѣ истинное значеніе трагедіи Шекспира.

Точно такъ же, какъ хоръ вливаетъ *жизнь* въ языкъ трагедіи, такъ придаетъ онъ дѣйствію *спокойствіе*; то изящное и возвышенное спокойствіе, которое должно составлять главный характеръ благороднаго художественнаго произведенія, ибо душа зрителя и въ самыхъ сильныхъ движеніяхъ страстей должна сохранить свою свободу: она не должна быть добычею впечатлѣній, но всегда чистою и ясною освобождаться отъ страданій, которыя испытываетъ. То, что обыкновенно стараются порицать въ хорѣ, именно, что онъ разрушаетъ очарованіе и ослабляетъ силу стра-

стей, есть, напротивъ, лучшая его похвала, ибо истинный художникъ всегда избѣгаетъ этой слѣпой силы страстей и никогда не ищетъ возбудить такое очарованіе. Если бы удары, которыми трагедія поражаетъ наше сердце, слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ, то страданія побѣдили бы силу дѣйствія; мы слились бы съ предметомъ и не могли бы надъ нимъ парить. Но хоръ, раздѣляя части и вступая въ игру страстей своимъ успокоительнымъ созерцаніемъ, возвращаетъ намъ свободу, которая могла бы потеряться въ общей бурѣ страстей. Самыя лица въ трагедіи имѣютъ нужду въ этомъ отдыхѣ, въ этомъ покоѣ, чтобы собраться съ духомъ, ибо они не существа дѣйствительныя, которыя повинуются только могуществу мгновенія, не образы недѣлимыхъ, но лица идеальныя, представители идей, высказывающіе глубину человѣческаго бытія. Присутствіе хора, который внимаетъ имъ, какъ судящій свидѣтель, и своимъ посредничествомъ умѣряетъ первые порывы ихъ страстей, возбуждаетъ чувство осмотрительности въ ихъ дѣйствіи и достоинство въ рѣчахъ. Они стоятъ здѣсь, какъ бы на сценѣ самой природы, потому что говорятъ и дѣйствуютъ при свидѣтеляхъ, и поэтому будутъ говорить тѣмъ естественнѣе для зрителей на сценѣ искусственной.

Вотъ причины, побудившія меня ввести древній хоръ въ трагедію. Хоры уже извѣстны и въ новѣйшей трагедіи, но хоръ греческой трагедіи, въ такомъ видѣ, какъ я употребилъ его—какъ одно идеальное лицо, поддерживающее и сопровождающее все дѣйствіе—существенно отличается отъ тѣхъ хоровъ, и если мнѣ случается слышать сужденія о хорахъ, а не о хорѣ, когда говорятъ о греческой трагедіи, то во мнѣ возрождается сомнѣніе, дѣйствительно ли понимаютъ предметъ, о которомъ разсуждаютъ. Хоръ древней трагедіи, сколько мнѣ извѣстно, никогда не появлялся на сценѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ уничтоженъ.

Я раздѣлилъ хоръ на двѣ половины и представилъ ихъ во враждѣ между собою; но это допускается только тогда, когда онъ участвуетъ въ дѣйствіи, какъ дѣйствительное лицо, какъ слѣпая толпа. Но хоръ, какъ идеальное лицо, всегда составляетъ одно цѣлое. Я позволялъ себѣ перемѣну мѣста и иногда удалялъ хоръ; но и Эсхилъ, творецъ трагедіи, и Софоклъ, величайшій художникъ трагическаго искусства, позволяли себѣ эту вольность.

Другую вольность, которую я себѣ дозволилъ, будетъ нѣсколько труднѣе оправдать. Я допустилъ въ трагедіи смѣшеніе религіи христіанской съ греческой, даже съ примѣсью мавританскаго суевѣрія. Но мѣсто дѣйствія—Мессина, гдѣ эти три религіи частью въ дѣйствительности, частью въ памятникахъ старины дѣйствовали на чувства. И притомъ я считаю, что поэзія имѣетъ право пользоваться различными вѣрованіями, какъ собирательнымъ цѣлымъ, чтобъ дѣйствовать на воображеніе, въ которомъ имѣетъ мѣсто все, что отличается особеннымъ характеромъ, и выражаетъ особенное чувство. Подъ оболочкою всѣхъ религій находится самая религія, идея божества, и да будетъ позволено поэту выразить это въ той формѣ, какую найдетъ онъ болѣе удобною и лучшею.

МЕССИНСКАЯ НЕВѢСТА

ИЛИ

БРАТЬЯ ВРАГИ.

Дѣйствующія лица:

Донна Изабелла, Мессинская княгиня.

Донъ-Мануилъ } ея сыновья
Донъ-Цезарь. }

Беатричъ.

Діего.

Вѣстники.

Хоръ: Каетанъ, Беренгаръ, Манфредъ, Тристанъ и восемь рыцарей Донъ-Мануила; Боэмунд Рогеръ, Ипполитъ и девять рыцарей Донъ-Цезар Мессинскіе старѣйшины—безъ рѣчей.

Обширная палата на столбахъ; съ обѣихъ сторонъ входы; въ глубинѣ большая створчатая дверь въ церковь.

Донна Изабелла *въ глубокомъ трауръ, вокругъ ея* Мессинскіе старѣйшины.

ИЗАБЕЛЛА.

Необходимости, не своему
Послушная влеченью. къ вамъ, Мессины
Старѣйшины сѣдые, выхожу
Я изъ безмолвья женскихъ горницъ, ликъ свой
Явить предъ ваши мужескіе взоры:
Вдовѣ, утратившей въ лицѣ супруга
И свѣтъ, и славу жизни, подобаетъ
Въ глухихъ стѣнахъ скрывать отъ свѣтскихъ глазъ
Подобный ночи мрачный образъ; но
Меня неумолимо и всесильно
Дѣйствительности образъ-повелитель
Ко свѣту позабытому влечетъ.
Еще двухъ разъ не обновился мѣсяцъ
Отъ той поры, какъ проводила я
Къ послѣднему пристанищу земному
Супруга царственнаго моего.
Онъ въ городѣ владычествуя этомъ,
Васъ мощною рукой оберегалъ
Отъ цѣлаго враждебнаго вамъ міра.
Скончался онъ, но духъ его живетъ
Еще въ четѣ двухъ витязей отважныхъ,
Въ двухъ славныхъ сыновьяхъ, красѣ страны сей.
Вы видѣли, какъ въ радости и силѣ
Межъ васъ они росли, но съ ними росъ
Изъ сѣмени безвѣстно роковаго
Удвоиваясь съ зрѣлостью годовъ
И юности единство разрывая,
Ужасный, неестественный раздоръ.
Ни дружбой ихъ, ни ихъ единодушьемъ
Мнѣ радоваться не было дано:
Обоихъ я равно вскормила грудью,
Обоимъ попеченье и любовь
Равно я удѣляю: и ко мнѣ
Сыновнюю привязанность питая.
Они въ единомъ лишь влеченьи этомъ
Единомысленны. Во всемъ иномъ
Раздоръ кровавый ихъ разъединяетъ.
Пока отецъ еще повелѣвалъ,
Онъ строго, справедливостью ужасной,
Обуздывалъ враждующихъ сыновъ
И подъ одно желѣзное ярмо
Сломилъ ихъ духъ упорный. При оружьи
Не смѣли межъ собой они сходиться,
Ни подъ одною кровлей ночевать.
Хоть и успѣлъ онъ грознымъ приговоромъ

Ихъ дикіе порывы обуздать,
Но въ ихъ сердцахъ глубоко затаился
Неизлѣчимой ненависти духъ;—
Могучему не съ ручейкомъ бороться,
Когда потокъ онъ властенъ запрудить.
Случилось, что должно было случиться:
Лишь только смерть ему сомкнула очи
И выпали бразды изъ мощныхъ рукъ,
Старинная вражда возобновилась.
Такъ жаръ глухой сокрытаго огня,
Внезапно вспыхнувъ, рвется на свободу.
Я вамъ высказываю то, что сами
Вы засвидѣтельствовать всѣ могли бы:
Разладъ въ Мессинѣ!—братьевъ непріязнь
Святыя связи естества порвала,
Общественную распрю породивъ;
Мечи сразились, градъ сталъ полемъ брани
И даже сей чертогъ обрызганъ кровью.
Вамъ государства виденъ былъ разрывъ,
А у меня на части рвалось сердце;
Одну общественную лишь бѣду
Вы ощутили, мало вопрошая
О скорби матери. Ко мнѣ пришли вы
И мнѣ жестокое сказали слово:
„Ты видишь, сыновей твоихъ вражда
„Гражданской распрей возмущаетъ городъ,
„Что лишь единогласьемъ устоитъ
„Противу натиска враговъ-сосѣдей!
„Ты мать! смири кровавый споръ дѣтей.
„Что́ намъ, миролюбивымъ до вражды
„Князей? Изъ-за того ль намъ погибать,
„Что сыновья твои враждуютъ злобно?
„Безъ нихъ управиться мы сами можемъ
„И ввѣриться другому государю,
„Который бы радѣлъ о нашемъ благѣ!“
Такъ мнѣ вы говорили безучастно,
Суровые мужи, лишь о себѣ
И городѣ заботясь, возлагая
И бѣдствія общественнаго тягость
На сердце мнѣ, которое заботы
И страхъ уже довольно удручали.
Несбыточное дѣло предпринявъ,
Ставъ межъ враговъ, я материнскимъ сердцемъ
О мирѣ къ нимъ взывала; неустанно,
Неустрашимо умоляла ихъ—
И материнской вымолила просьбой
Согласье ихъ, здѣсь, въ городѣ Мессинѣ,
Въ отцовскомъ терему, миролюбиво
Сойтись лицомъ къ лицу, чего съ тѣхъ поръ,
Какъ князь скончался, не бывало. День
Насталъ! Я посланнаго жду всечасно,
Который ихъ вступленье возвѣститъ мнѣ.
Готовы будьте съ почестью принять
Князей, какъ подданнымъ пристойно. Долгъ свой
Исполнить позаботьтесь, предоставивъ
За остальное поручиться намъ.
Раздоръ межъ братьевъ былъ самимъ имъ гибель
И пагубенъ для всей страны, но вмѣстѣ
Соединясь, они довольно сильны
Отъ цѣлаго васъ міра защитить
И судъ чинить надъ вами и расправу!

(*Старѣйшины безмолвно удаляются, положа руку на грудь. Она подаетъ знакъ старому слугѣ, который остается*).

Изабелла. Діего.

ИЗАБЕЛЛА.

Діего!

ДІЕГО.

Что, княгиня, повелишь?

ИЗАБЕЛЛА.

О, вѣрный мой слуга! прямое сердце!
Приблизься! Горе ты дѣлилъ со мною,
Счастливицы дѣли же нынѣ счастье.
Я нѣжную повѣрила тебѣ
Священную и горестную тайну;
Разоблачить ее настало время.
Природные порывы слишкомъ долго
Я сдерживала, ибо надо мною
Чужая властвовала воля. Нынѣ
Они свободно выразиться могутъ,
Душа сегодня обрѣтетъ покой;
И этотъ домъ, бывъ долго въ запустѣньи,
Все, что мнѣ дорого, соединитъ.
И такъ направься старческой стопою
Туда, къ извѣстному монастырю,
Гдѣ берегутъ сокровище мое.
Ты тамъ его на лучшую скрылъ пору,
Печальную мнѣ службу сослуживъ.
Счастливой нынѣ радостно верни
Залогъ безцѣнный!

(*Въ отдаленіи трубятъ*).

О спѣши, спѣши,
И радость пусть твой шагъ омолодитъ!
Ужъ трубъ воинственныхъ я слышу звуки,
Они сыновъ приходъ мнѣ возвѣщаютъ.

(*Діего уходитъ. Музыка слышна и съ противоположной стороны, все ближе и ближе*).

ИЗАБЕЛЛА.

Въ волненьи вся Мессина—голосовъ
Сюда несется смѣшанный потокъ—
Они! Они! Вблизи почуявъ ихъ,
Забилось сердце матери сильнѣе.
Они! О, дѣти милыя мои!

(*Поспѣшно уходитъ*).

Хоръ входитъ. Онъ состоитъ изъ двухъ полухоровъ, которые входятъ одновременно съ противоположныхъ сторонъ, одинъ изъ глубины, другой съ авансцены. Они обходятъ сцену вокругъ и становятся въ рядъ, каждый на той

сторонъ, съ которой вошелъ. Старшіе рыцари составляютъ одинъ полухоръ, младшіе—другой; каждый носитъ свои цвѣта и отличія. Когда хоры останавливаются другъ противъ друга, маршъ прекращается и оба предводителя хоровъ говорятъ [1]).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Тебѣ мой привѣтъ,
Царственный теремъ,
Тебѣ, колыбель
Нашихъ вождей,
Многоколонная, пышная сѣнь.
Въ ножнахъ глубоко
Мечъ отдыхай,
Этою дверью
Изгнанъ чудовищный братскій раздоръ.
Гостепріимнаго
Дома порогъ
Клятва, Эринній дитя, охраняетъ,
Всѣхъ боговъ ада ужаснѣйшій богъ.

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Сердце вскипѣло въ груди моей злобно,
Сжалась въ кулакъ передъ боемъ рука:
Лику зловѣщей Медузы подобный
Вижу я ликъ ненавистный врага.
Крови смиряю едва клокотанье.
Рѣчью своей удостою ль его?
Иль повинуюсь отваги призванью?
Но Эвменида меня устрашаетъ
Грозной защитою дома сего,
Міра божественность мнѣ угрожаетъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Старости болѣ
Мудрость пристойна;
Я, разсудительный, первый мирюсь!
(*Второму хору*).
Тебѣ мой привѣтъ,
Ты, что со мною
Сродныя чувства
Братски дѣля,
Благоговѣйно
Вѣчныхъ боговъ,
Дома сего покровителей, чтишь!
Мирно князья межъ собой сговорились,
Такъ же и намъ безобидно, спокойно
Надо мира слова обмѣнять:
Въ тѣхъ цѣлебныхъ словахъ благодать
Но встрѣчу тебя я на волѣ, тогда
Кровавая возобновится вражда,
Будемъ сталью отвагу пытать.

ВЕСЬ ХОРЪ.

Но встрѣчу тебя я на волѣ, тогда
Кровавая возобновится вражда,
Будемъ сталью отвагу пытать.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (БЕРЕНГАРЪ).

Ты мнѣ не врагъ! Не тебя ненавижу!
Мы уроженцы единой отчизны:
Племя князей чуждо нашихъ племенъ.
Если жъ враждуютъ вожди межъ собою,
Слуги должны быть готовыми къ бою,
Въ этомъ порядокъ, такъ хочетъ законъ.

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Пусть повелитель
Брани кровавой
Знаетъ причину! Мнѣ ль думать о мести?
Въ битвахъ князей наше дѣло—рубить:
Въ томъ нѣтъ ни мужества, въ томъ нѣтъ ни чести,
Кто повелителя дастъ оскорбить!

ВЕСЬ ХОРЪ.

Въ битвахъ князей наше дѣло—рубить:
Въ томъ нѣтъ ни мужества, въ томъ нѣтъ ни чести,
Кто повелителя дастъ оскорбить!

ОДИНЪ ИЗЪ ХОРА (БЕРЕНГАРЪ).

Слушайте, други; сюда по дорогѣ
Шелъ я, не помня заботъ, ни тревоги.
Нива—что море кругомъ колыхалась;
Дума за думой въ умѣ поднималась.
Кровь въ насъ кипѣла, въ пылу боевомъ
Мы ни опомниться, ни сговориться
Не были властны покойнымъ умомъ.
Эти посѣвы, гдѣ хлѣбъ колосится,
Эти древа, обвитыя лозою,
Нашего солнца живутъ теплотою.
Дней золотыхъ непрерывную нить
Мы, наслаждаясь, могли бы прожить,
Горя не вѣдая, ни попеченья.
И для чего намъ въ безумномъ смятеньи
Мечъ чужеземцамъ во власть отдавать?
Вправѣ ль они сей землей обладать?
Съ запада къ намъ на ладьяхъ быстроходныхъ
Въ старые годы приплыли они,
Ласковы дѣды гостей инородныхъ
Приняли здѣсь въ тѣ радушные дни.
Нынѣ же зримъ мы себя покоренными
Тѣми пришельцами иноплеменными!

ДРУГОЙ (МАНФРЕДЪ).

Да, мы живемъ въ благодатной странѣ;
Радостно грѣетъ ее неизмѣнно
Солнце, небесную твердь огибая.
Мы бъ наслаждались и счастливы были,
Если бы землю свою оградили.
Волны, прибрежья ея омывая,

---

[1]) Посылая театру въ Вѣнѣ рукопись, Шиллеръ приложилъ къ ней свои предположенія относительно того, какъ распредѣлить рѣчи хора между его представителями. Первый хоръ долженъ состоять изъ Каэтана, Беренгара, Манфреда, Тристана и восьми рыцарей Донъ-Мануила, а второй изъ Боэмунда, Рогера, Ипполита и девяти рыцарей Донъ-Цезаря. Что по плану автора говорить каждому изъ нихъ, сдѣлано въ текстѣ.

Насъ предаютъ грабежу и разбою;
Намъ угрожаютъ корсары морей,—
Все, что такъ щедро дано намъ судьбою,
Манитъ набѣги враждебныхъ мечей.
Родинѣ, гдѣ мы ничтожнѣй рабовъ,
Не защитить своихъ чадъ отъ враговъ.

Не тамъ, гдѣ Церера златая рѣзвится
И Панъ миролюбный, луговъ покровитель,
Но тамъ, гдѣ руда въ горныхъ нѣдрахъ гнѣздится,
Всесильный земли возстаетъ повелитель.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Благами жизнь не равно надѣлила
Весь человѣческій родъ временной;
Праведенъ судъ лишь природы одной,
Нивы зеленыя родины милой,
Край изобильный дала намъ она;
Имъ же, пришельцамъ, могучія силы,
Имъ непреклонная воля дана.
Въ яростномъ власти своей ополченьи
Сердца они исполняютъ влеченья,
Громомъ мечей ихъ весь міръ прозвучалъ;
Но за земной высочайшей вершиной
Бездны глубокой зіяетъ провалъ.
Счастливы мы, что по волѣ судьбины
Въ немощи намъ пребывать надлежитъ.
Яростно бури порывъ набѣжитъ,
Неба померкнутъ лазурные своды;
Съ градомъ, дождемъ, грозовой непогоды,
Съ молніей, громомъ неистово воды,
Гати, мосты и плотины срывая,
Ринутся, все за собой увлекая;
Не остановитъ ихъ власть никакая.
Въ неудержимомъ теченьи кипучемъ,
Краткій лишь мигъ тѣ потоки родитъ,
Слѣдъ ихъ въ пескѣ исчезаетъ сыпучемъ,
Лишь разрушенье о нихъ говоритъ.
Пришлые сгинутъ владыки, какъ дымъ;
Насъ покорили, но мы устоимъ.

(*Дверь въ глубинѣ растворяется*: ДОННА ИЗАБЕЛЛА *появляется между своими сыновьями*— ДОНЪ-МАНУИЛОМЪ *и* ДОНЪ-ЦЕЗАРЕМЪ).

ОБА ХОРА (КАЕТАНЪ).

Честь и хваленье
Ей, что какъ солнце
Намъ возсіяла!
Въ прахѣ тебѣ покланяемся мы.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (БЕРЕНГАРЪ).

Мѣсяцъ прекрасенъ
Въ кроткомъ сіяньи,
Между мерцаніемъ звѣздъ золотыхъ;
Матерь прекрасна
Въ нѣжномъ величьи,
Между могучихъ своихъ сыновей;
Въ цѣлой вселенной
Образа нѣту подобнаго ей!
Въ мірѣ всѣхъ выше
Вознесена,
Мать съ сыновьями собой завершила
Все, что прекраснаго жизнь сотворила.
Все мірозданье вѣнчаетъ она:
Лучшей красы нѣтъ ни въ церкви божественной,
Ни надъ небеснымъ престоломъ святымъ:
Нѣтъ ни въ художествѣ болѣ прекраснаго,
Высшаго матери съ сыномъ своимъ!

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Видитъ радостно мать, какъ изъ лона ея
Дерево, каждой весной обновляясь,
Въ пышномъ цвѣту возстаетъ къ небесамъ,
Ибо она породила потомство
Съ солнцемъ, которое, странствуя вѣчно,
Имя грядущимъ даетъ временамъ.

(РОГЕРЪ).

Пронесутся народы,
Прозвучатъ времена,
Полночь забвенья
Мрачнымъ крыломъ осѣнитъ безучастно
Царствъ, и родовъ, и племенъ поколѣнья;
Но самодержцы
Ярко сіяютъ
Вѣнчанной главой,
Горъ вѣковѣчныхъ подобно вершинамъ
Въ утреннемъ блескѣ Авроры златой!

ИЗАБЕЛЛА (*выступая съ сыновьями впередъ*).

О, призри съ высоты небесъ царица,
Простри свою надъ этимъ сердцемъ руку,
Дабы его не обуяла гордость.
Легко забыться матери счастливой,
Сіяющей во славѣ сыновей!
Я въ первый разъ вполнѣ вкушаю счастье
Отъ той поры, когда родила васъ.
Я по сей день должна была насильно
Всѣ изліянья сердца раздѣлять:
При видѣ сына одного ликуя,
Должна была другого забывать.
О, нераздѣльна матери любовь,
А сыновей моихъ все было двое!
Но смѣю ли безтрепетно предаться
Я упоенью сладкому души?
(*Донъ-Мануилу*).
Сжимая съ нѣжностію руку брата,
Вонзаю ли я жало въ грудь твою?
(*Донъ-Цезарю*).
Когда его я видомъ услаждаюсь,
Не оскорбляю ли тебя, мой сынъ?
О, даже за любовь свою дрожу я,
Чтобъ пламень вашей злобы не возжечь!...

(*Взглянувъ на нихъ вопросительно*).
Чего отъ васъ мнѣ ожидать? Скажите,
Какое чувство васъ сюда влечетъ?
Все тотъ же ли раздоръ непримиримый
Вновь вносите въ родительскій вы домъ?
Все та же ль ждетъ, тамъ, у преддверья замка,
Со скрежетомъ кусая удила,
Лишь на мгновенье скованная брань,
Чтобъ тотчасъ же, когда вы отвернетесь,
Неистово воспламениться вновь?

ХОРЪ (ВОЭМУНДЪ).

Война или миръ—еще жребій таится
Во мракѣ глубокомъ грядущей судьбы!
Но все уже скоро должно разрѣшиться,
Къ тому и другому готовы рабы.

ИЗАБЕЛЛА (*озираясь вокругъ*).

И что за видъ воинственный, зловѣщій!
Зачѣмъ они здѣсь? Или смертный бой
Готовится въ чертогахъ сихъ? Къ чему
Толпа чужихъ, когда предъ сыновьями
Излить свое желаетъ сердце мать?
Ужъ даже и въ моихъ объятьяхъ
Страшитесь вы измѣны и коварства
И тылъ заботитесь свой оградить?
О, эти шайки дикія людей,
Что служатъ вамъ орудьемъ вашей злобы,
Они не други вамъ! не вѣрьте имъ,
Не довѣряйтесь лживымъ наущеньямъ!
Не могутъ вамъ они добра желать,
Вамъ, чужеземцамъ, роду пришлецовъ,
Что ихъ, изъ собственнаго ихъ наслѣдья
Изгнавъ, себѣ владычество присвоилъ.
Повѣрьте мнѣ, свободно любитъ каждый
Жить по закону собственныхъ желаній:
Чужое съ завистью господство терпятъ,—
Лишь страхомъ и могуществомъ себѣ вы
Невольную ихъ покорили службу.
Познайте родъ сей лживый и бездушный,
Злорадно онъ за ваше вамъ величье
И счастье отомститъ! Владыкъ паденье,
Головъ вѣнчанныхъ гибель—содержанье
Ихъ пѣсенъ и рѣчей; отъ дѣдовъ къ внукамъ
Переходя, у нихъ живутъ онѣ,
И зимнія имъ ночи сокращаютъ.
О, сыновья мои! враждебенъ міръ,
Лукавъ! Самихъ себя лишь люди любятъ;
Недолговѣчны, ненадежны узы,
Превратное сплетающія счастье;
Зависитъ все отъ прихоти судьбы,—
Безукоризненна одна природа!
Одна она, какъ якорь, неподвижна,
Все остальное увлекаетъ прочь
Волна клокочущаго моря жизни.
Товарища даетъ удача; друга
Даритъ расположенье сердца. Благо
Тому, кому судьбою посланъ братъ!
Того и счастье не даетъ. Ему
Дарованъ другъ, *удвоенный* которымъ,
Онъ цѣлый міръ неправды побѣдитъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Твой почитаемъ мы мудрый, высокій,
Истинно царскій, владычица, умъ;
Ясный твой взоръ проницаетъ глубоко
Всю глубину человѣческихъ думъ.
Мы же несемся безсмысленно, вѣчно,
Жизни влекомы струей быстротечной.

ИЗАБЕЛЛА (*Донъ-Цезарю*).

Ты, что на брата мечъ свой поднималъ,
Лишь осмотрися въ этой всей толпѣ:
Его найдется ль образъ благороднѣй?
(*Донъ-Мануилу*).
Изъ тѣхъ, кого друзьями ты зовешь,
Съ твоимъ кто смѣетъ ли сравниться братомъ?
Изъ нихъ вполнѣ безукоризненъ каждый,
Ни въ чемъ одинъ другому не уступитъ
И не сравнится ни одинъ съ другимъ.
Дерзните вы въ лицо взглянуть другъ другу!
О, зависти и ревности безумье!
Его бы ты изъ тысячи другихъ
Себѣ въ друзья избралъ и одного
Его къ своей груди прижалъ, а нынѣ,
Когда тебѣ священная природа
Его еще послала въ колыбели,
Злодѣйствуя противъ своей ты крови,
Тотъ даръ ногами топчешь своевольно:
Ты чужеземцу ввѣрился, врагу
И худшему предался человѣку!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Послушай, мать!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Мать, выслушай меня!

ИЗАБЕЛЛА.

Не разрѣшить словами этой распри:
Въ раздорѣ такъ корысть смѣшалась ваша,
Что мщенье отъ вины не отдѣлить!
Гдѣ старое найти русло потока,
Изливавшагося пламенною сѣрой?
Огню подземному подобенъ споръ вашъ,
Который, словно лавы наслоенье,
Похоронилъ законы естества,
И каждый шагъ гласитъ о разрушеньи.
Еще одно я выскажу вамъ, дѣти:
Я вѣрю: зло, что зрѣлый человѣкъ
Другому причиняетъ, не легко
Прощается и всякій дорожитъ
Своею злобой. Никакое время
Разъ взятаго рѣшенья не измѣнитъ;
Но вашей распри первое начало
Восходитъ къ неразумнымъ годамъ дѣтства,—
Ужъ долговременность одна должна

Ее обезоружить. Что впервые
Разъединило васъ? Извѣстно ль вамъ?
Не знаете! и если бъ даже знали,
Стыдилися ребяческой борьбы.
И, несмотря на то, еще доселѣ,
Рожденная той дѣтской ссорой, длится
Несправедливость цѣпью злополучной.
Всѣ эти нечестивыя дѣла
Лишь подозрѣнія и мести чада;
И дѣтскую хотите непріязнь
Вы, будучи мужами, продолжать?
(*Беретъ ихъ за руки*).
О, сыновья мои! Рѣшитесь же
Злопамятство оставить обоюдно,—
Равно неправда съ каждой стороны:
Великодушны будьте, благородны
И даруйте прощеніе другъ другу
Вы за чудовищную ту вину.
Изъ всѣхъ побѣдъ святѣйшая—прощенье!
Съ отцовскимъ прахомъ вы похороните
Глубоко дѣтской распри отомщенье
И въ новой жизни вы найдете вновь
Согласье и прекрасную любовь.

(*Отступаетъ отъ нихъ на шагъ, какъ бы желая дать имъ приблизиться другъ къ другу. Оба смотрятъ въ землю, не глядя другъ на друга*).

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Слушайте матери рѣчь увѣщанья,
Мудрое слово сказала она!
Кончите, бросьте вражды состязанье;
Если же нѣтъ—да продлится война!
Ваше желанье—велѣнье судьбы,
Вы повелители, мы же—рабы.

ИЗАБЕЛЛА (*немного повременивъ, и тщетно ожидая какого-нибудь движенья со стороны братьевъ, съ подавленною грустью*).

Не знаю больше ничего. Слова
Всѣ истощивъ, мольбы я исчерпала;
Покоится въ могилѣ тотъ, кто васъ
Насильственно обуздывалъ донынѣ;
Безпомощно стоитъ предъ вами мать,—
Такъ довершите жъ! Ваша власть и воля!
Внемлите демону, который васъ
Влечетъ въ ожесточеніи безумномъ,
Скверните жертвенникъ святой Пенатовъ,
И сей чертогъ, родившій васъ обоихъ,
Междоусобицы да будетъ полемъ!
Въ моихъ глазахъ другъ друга истребите
Своими, не чужими, вы руками;
Грудь съ грудью вы, какъ ѳивскіе борцы,
Неистово кидаясь другъ на друга,
Желѣзными объятьями схватитесь
И, вырвавъ другъ у друга жизнь ножомъ,
Противника пусть каждый побѣдитъ;
Пусть смерть сама вашъ споръ не разрѣшитъ,
И самый пламень, огненнымъ столбомъ
Раздвоиваясь на двѣ половины,
Отъ вашего костра да возлетитъ
Подобьемъ вашей жизни и кончины!

(*Уходитъ. Братья продолжаютъ стоять въ прежнемъ отдаленіи*).

ОБА БРАТА. ОБА ХОРА.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Слово простое она лишь сказала,
Но бодрый духъ въ зачерствѣлой груди
Имъ поколебленъ и сердце упало!
Въ родственной я неповиненъ крови,
Къ небу вздѣваю я руки свои;
Братья, въ грядущее вдумайтесь вы!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*не глядя на Донъ-Мануила*).

Ты старшій братъ, тебѣ рѣчь уступаю,
Предъ первенцомъ смирюсь я безъ стыда.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*въ томъ же положеніи*).

Лишь слово доброе скажи, охотно
Я младшаго послѣдую примѣру.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не потому, что я тебя виновнѣй,
Или себя слабѣйшимъ сознаю.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Нѣтъ, въ малодушіи не обвинитъ
Донъ-Цезаря, кто его знаетъ; будь
Онъ слабъ, была бы рѣчь его надменнѣй.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Ужели ты не ниже цѣнишь брата?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ты слишкомъ гордъ, чтобъ унижаться; я—
Чтобъ лгать.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Презрѣнія я не терплю;
Но въ бурномъ озлобленіи борьбы
Достойно брата своего ты чтилъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ты не желалъ погибели моей,
Есть доказательства: одинъ монахъ
Меня убить коварно вызывался,—
Ты наказалъ измѣнника.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*подходя ближе*).

О, если бъ
Твою я ранѣ вѣдалъ справедливость,
То многое тогда бы не свершилось.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

И вѣдай я твой духъ миролюбивый,
Не причинилъ бы столько огорченій
Я сердцу матери.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Мнѣ описали
Тебя надменнымъ и высокомѣрнымъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Слухъ высшаго всегда во власти низшихъ,—
Таковъ удѣлъ нашъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*съ живостью*).

Такъ. Рабы виновны.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Они сердца въ насъ злобно разлучили.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

И пересказывали злыя рѣчи.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Они дѣянья наши отравляли,
Имъ придавая должное значенье.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Лишь растравляли раны,—не цѣлили.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Лишь раздували пламя,—не гасили.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Обольщены, обмануты мы ими!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Орудія слѣпыя ихъ страстей.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не правда ли, всѣ тѣ, что чужды намъ,—
Невѣрны.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

И лукавы! Матерь такъ
Намъ говорила,—ей ты вѣрить можешь!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Дай братскую твою пожать мнѣ руку.
(*Протягиваетъ ему руку*).

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*съ живостью ее схватывая*).

Она всего дороже мнѣ на свѣтѣ!

(*Оба, молча, стоятъ, взявшись за руки, и нѣкоторое время смотрятъ другъ на друга*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Гляжу и, пораженный, удивленный,
Я дорогія матери черты
Въ тебѣ встрѣчаю!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Нахожу въ тебѣ
Я сходство нѣкое, что такъ чудесно
Меня волнуетъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Ты ль меньшому брату
Такъ ласково и нѣжно говоришь?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Сей юноша привѣтливый и кроткій
Ужель тотъ злобный, ненавистный братъ?
(*Молчаніе; оба нѣжно смотрятъ другъ на друга*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Коней арабской крови изъ наслѣдства
Отца ты взялъ. Я рыцарямъ твоимъ,
Тобою посланнымъ, въ нихъ отказалъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ты ими дорожишь,—они твои.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Возьми коней, возьми и колесницу
Отцовскую, прошу тебя возьми!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Я соглашаюсь, но если поселишься
На берегу морскомъ ты во дворцѣ,
Изъ-за котораго мы воевали.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Согласенъ я, но лишь подъ тѣмъ условьемъ,
Чтобъ вмѣстѣ мы въ немъ братски обитали.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Да будетъ такъ! Зачѣмъ владѣть намъ порознь,
Когда сердца въ насъ заодно?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Зачѣмъ
Отнынѣ жить раздѣльно, коль въ единствѣ
Изъ насъ становится богаче каждый?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Мы неразлучны, нераздѣльны мы!
(*Спѣшитъ въ его объятія*).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (*второму*). (КАЕТАНЪ).

Что же стоимъ мы подобно врагамъ?
Братски князья обнимаютъ другъ друга,
Минуло время раздора недуга,
Миръ заключить подобаетъ и намъ!
Единой утробой они рождены,
Мы граждане, дѣти единой страны!
(*Оба хора обнимаются*).
(*Вѣстникъ входитъ*).

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ) (*Донъ-Цезарю*).

Тобою посланный вернулся сыщикъ,
О государь! Возрадуйся Донъ-Цезарь!
Тебя благія вѣсти ожидаютъ,
Веселіемъ лицо его сіяетъ.

ВѢСТНИКЪ.

О радость мнѣ! Всему о радость граду,
Свободному отъ долгаго проклятья!
Какое зрѣлище мой взоръ плѣняетъ:
Сыновъ владыки моего, князей,
Коихъ въ пылу сраженья я покинулъ,
Рука въ рукѣ въ бесѣдѣ мирной вижу!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Вгляни, любовь изъ пламени раздора,
Какъ возрожденный фениксъ, возстаетъ!

ВѢСТНИКЪ.

И счастіе мое сугубо; жезлъ мой
Ростками свѣжими зазеленѣлъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*отводя его въ сторону*).

Какія вѣсти ты несешь,—повѣдай!

ВѢСТНИКЪ.

Сей день все радостное съединяетъ:
И та, которую искали мы,
Нашлася, государь, и не далеко.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Она нашлась! О, гдѣ она? скажи?

ВѢСТНИКЪ.

Въ Мессинѣ, здѣсь, скрывается она.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*первому полухору*).

Какъ очи брата заблистали! яркимъ
Румянцемъ заалѣлился ланиты,
То краска радости, о чемъ—не знаю,
Но раздѣляю радостно ее.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*вѣстнику*).

Веди меня!—прости Донъ-Мануилъ!
Въ объятьяхъ матери съ тобою свижусь;
Теперь же дѣло спѣшное отсюда
Меня зоветъ.

(*Хочетъ итти*).

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Не отлагай его,
И счастье да сопутствуетъ тебѣ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*одумавшись возвращается*).

Донъ-Мануилъ, сказать я не умѣю,
Какъ видъ твой радуетъ меня,—о, да!
Ужъ я предчувствую, какъ мы сердечно
И дружески любить другъ друга будемъ!
Влеченье скованное развернется
Могучѣй, радостнѣй подъ новымъ солнцемъ.
Потраченную даромъ жизнь верну я!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Цвѣтокъ ужъ плодъ прекрасный обѣщаетъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нехорошо, я сознаю, винюсь,
Что изъ твоихъ объятій вырываюсь;
Не думай, нѣтъ, что менѣе тебя
Я чувствую, такъ скоро сокращая
Часъ праздничный, сей столь прекрасный часъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*въ примѣтной разсѣянности*).

Лови мгновенія! Любви отнынѣ
Вся наша жизнь должна принадлежать!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Открыть ли, что зоветъ меня отсюда?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Дай сердце мнѣ!—а тайну соблюди.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Ужъ никакая тайна нынѣ насъ
Не разлучитъ; послѣдняя морщина
Исчезнетъ скоро.

(*Хору*).

Объявляю вамъ:
Оконченъ споръ межъ братомъ дорогимъ
И мною! Кто дерзнетъ раздуть вражды
Погаснувшія искры въ новый пламень,
Тотъ мнѣ смертельный врагъ и оскорбитель,—
Того, какъ ада дверь, возненавижу!
Никто не помышляй мнѣ угодить,
Иль благодарность заслужить мою
На брата клеветою, злыя стрѣлы
Словъ опрометчивыхъ пересылая
Съ услужливостью лживой, хлопотливо.
Корней не пуститъ слово на устахъ,
Во гнѣвѣ необдуманно рождаясь;
Но мнительнымъ подслушанное ухомъ
Ползетъ подобно вьющимся растеньямъ,
И въ сердце тысячью ростковъ вростаетъ.
Такъ напослѣдокъ, недоразумѣнье
Непоправимо—лучшихъ разлучаетъ.

(*Обнимаетъ брата еще разъ и уходитъ въ сопровожденіи второго хора*).

ДОНЪ-МАНУИЛЪ И ПЕРВЫЙ ХОРЪ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Гляжу, о государь, и изумленный
Почти не узнаю тебя сегодня!
Едва отвѣтствовалъ ты рѣчью скудной
Словамъ любовнымъ брата, что такъ нѣжно
Чистосердечно такъ къ тебѣ спѣшитъ.
Ты, погруженный въ самого себя,
Какъ бы во снѣ находишься, какъ будто
Здѣсь тѣло лишь твое, а духъ—далеко.
Когда бы кто такимъ тебя увидѣлъ,
Легко бы могъ тотъ о тебѣ подумать,
Что холоденъ ты, гордъ и непривѣтливъ.
Но я тебя въ томъ обвинять не стану:
И радостенъ, и счастливъ такъ твой взоръ
И по ланитамъ крадется улыбка.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Что мнѣ сказать? Что возразить? Пусть братъ
Слова находитъ. Новое нежданно
Его охватываетъ ощущенье;
Онъ ощутилъ, какъ изъ груди его
Исчезла старая вражда; дивясь,
Онъ сердце возрожденное позналъ.
Я никакой ужъ злобы не питаю,—
Едва понятно мнѣ изъ-за чего
Мы такъ кровопролитно враждовали?
Надъ всѣмъ живымъ возвышенно паритъ
Душа моя на радости крылахъ;
И въ морѣ блеска, что вокругъ меня,
Всѣ мрачныя морщины жизни этой
Изгладились и тучи разлетѣлись.
Чертоги и палаты эти видя,
Я думаю о радостномъ испугѣ
Невѣсты изумленной, пораженной,
Когда ее владычицей, княгиней,
Введу я въ двери этого дворца.
Пока она любимаго лишь любитъ:
Чужому, безъимянному отдавшись,
Она не знаетъ, что Донъ-Мануилъ,
Мессины князь, повязку золотую
Ей на прекрасное чело возложитъ.
Какъ сладко ту, что любишь, осчастливить
Нежданной славой, блескомъ и величьемъ!
Давно ужъ этого я жду блаженства;
Хоть красота прекрасна красотой,

Но пусть величье краситъ совершенство—
Алмазъ пышнѣй въ оправѣ золотой!

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

По долгомъ ты безмолвьи, государь,
Впервые съ устъ сломилъ печать молчанья.
Глазами сыщика уже давно
Слѣдилъ я за тобой, подозрѣвая
Чудесную, загадочную тайну;
Но не дерзалъ спросить тебя о томъ,
Что ты во мракѣ отъ меня скрывалъ;
Ужъ ты не тѣшишься охотъ забавой,
Коней ристаньемъ, ловомъ соколинымъ.
Лишь солнце спустится ко грани неба,
Отъ нашихъ ты скрываешься очей.
Никто изъ насъ, сподвижниковъ твоихъ,
Во всѣхъ опасностяхъ войны, охоты,
Тебѣ въ тропѣ безмолвной не товарищъ!
Зачѣмъ досель ты прикрывалъ любви
Твоей восторгъ завистливымъ покровомъ?
Могучаго таиться что принудитъ?
Ничѣмъ твой мощный духъ не устрашится.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Крылато счастье и неудержимо,
Лишь въ замкнутомъ его сдержать сосудѣ;
Въ хранители ему дано молчанье:
Въ мигъ улетитъ оно, когда болтливость
Дерзнетъ покрышку снять неосторожно.
Но нынѣ, такъ недалеко отъ цѣли,
Молчанье можно долгое прервать,
И я его нарушу. Ибо съ первымъ
Лучомъ зари она моею будетъ,
И демона завистливость уже
Не будетъ власти надо мной имѣть;
Уже не буду я тайкомъ къ ней красться
И похищать любви плодъ золотой;
Не буду лишь урывкомъ наслаждаться,
Всѣ будутъ сходны дни между собой.
И не какъ молнія, что средь ночей
Сверкнувъ, мгновенно мракомъ поглотится,
Мое польется счастье, какъ ручей,
И будетъ, какъ песокъ въ часахъ, струиться.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Такъ назови же намъ, о государь,
Ту, что тебѣ въ тиши дарила счастье!
Дабы завидуя, мы жребій твой
Прославили и чествовали бы
Достойно князя нашего невѣсту!
Гдѣ ты нашелъ ее, въ какомъ ее ты
Безмолвномъ, потаенномъ мѣстѣ прячешь?
Мы исходили вдоль и поперекъ
Заглохшими тропинками охоты
Весь островъ; но ни разу и слѣда
Не выдало намъ счастіе твое;
И я готовъ уже предположить,
Что мгла волшебная ее скрываетъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Я волшебство разсѣю: ужъ сегодня
Сокрытое появится на свѣтъ.
Итакъ, узнайте, что со мною было:
Пять мѣсяцевъ назадъ страною этой
Могущество отца еще владѣло,
И непреклонной юности чело
Насильственно сгибало подъ ярмо.
Я ничего, кромѣ забавы дикой
Съ оружьемъ, да воинственной потѣхи
Охотничьей,—не зналъ. Мы цѣлый день
Охотились въ горахъ лѣсистыхъ,—тутъ
Преслѣдованье бѣлоснѣжной лани
Меня отъ васъ далеко завлекло;
Непроходимой чащей робкій звѣрь
Ущельями, изгибами долинъ,
Кустарникомъ и сквозь терновникъ несся:
Его передъ собой вблизи я видѣлъ
И все жъ не могъ прицѣлиться, настичь,
Но наконецъ, за дверью сада одного
Исчезъ онъ. Живо соскочивъ съ коня,
Спѣшу за нимъ, ужъ цѣлюся копьемъ
И въ изумленіи вдругъ вижу звѣря
Испуганно трепещущимъ у ногъ
Монахини, которая его
Рукою нѣжной гладитъ и ласкаетъ.
Недвижно я гляжу на это чудо,
Копье въ рукѣ къ удару протянувъ;
Она же смотритъ на меня большими
Молящими глазами. Такъ стоимъ мы
Въ молчаніи другъ противъ друга,—долго ль
То длилось,—не измѣрить, ибо было
Временъ забыто всякое мѣрило.
Мнѣ взоръ ея запалъ глубоко въ душу,
И въ мигъ мое преобразилось сердце.
Не спрашивайте, что я говорилъ
И что прекрасная мнѣ отвѣчала.
Какъ радужный, какъ лучезарный сонъ
Полузабытыхъ отроческихъ дней,
Теперь во мнѣ живетъ воспоминанье
О тѣхъ мгновеньяхъ. У груди моей
Ея младая грудь затрепетала,
Лишь только снова я пришелъ въ сознанье.
Тогда раздался колокола звонъ,—
То вѣрно благовѣстили къ часамъ—
И въ мигъ изъ глазъ моихъ она пропала,
Какъ духъ въ пространствѣ, и незрима стала.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Меня, о государь, разсказъ твой устрашаетъ:
Грѣховно посягнувъ на Божье достоянье,
Обручницѣ небесъ твое грозитъ желанье,—
Обитель долгъ святой и страшный налагаетъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Теперь одинъ лишь путь былъ у меня,
Опредѣлились шаткія желанья
И цѣль нашлась въ моемъ существованьи.
Какъ на востокъ паломникъ держитъ путь,
Обѣтованное гдѣ блещетъ солнце,
Такъ всѣ мои надежды и влеченья

Къ одной стремятся лучезарной точкѣ.
Ни разу день изъ волнъ не поднимался,
Ни разу въ морѣ онъ не утопалъ;
Двоихъ влюбленныхъ не соединивъ.
Въ тиши союзъ сердецъ сплетался нашихъ
И лишь всевидящій эѳиръ надъ нами
Наперсникомъ былъ нашего блаженства;
Оно ни въ чьихъ услугахъ не нуждалось,
Златые, ясные то были дни!
Не посягательствомъ на достоянье
Небесъ была любовь моя; еще
Не связано обѣтами то сердце,
Что мнѣ навѣкъ всецѣло отдалось.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Такъ лишь убѣжищемъ была обитель,
А не могилой юности прекрасной?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Она до времени поручена
Священнымъ дому Божію залогомъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Какой же кровью славится она?
Отъ знатнаго лишь знатное родится!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Она взросла себѣ самой загадкой,
Не вѣдая ни рода, ни отчизны.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

И нѣтъ слѣдовъ источника глухого
Ея невѣдомаго бытія?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Что благородная въ ней кровь струится,
О томъ свидѣтельствуетъ человѣкъ,
Съ ея происхожденіемъ знакомый.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Но кто тотъ человѣкъ? О, ничего
Мнѣ не скрывай; лишь зная обо всемъ,
Совѣтъ полезный я тебѣ подамъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Служитель пожилой, онъ иногда
Является, межъ матерью и ею
Единственнымъ посредникомъ служа.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Допрашивалъ ли старца ты того?
Словоохотлива, пуглива старость!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Не поддавался любопытству я,
Безмолвнаго чтобъ не нарушить счастья.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Что было содержаніемъ его
Рѣчей,—когда онъ дѣву навѣщалъ?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Изъ года въ годъ ее онъ утѣшалъ,
Что близокъ срокъ ея освобожденья.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Не обозначилъ ли точнѣе онъ
Тотъ близкій срокъ ея освобожденья?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Немного мѣсяцевъ тому назадъ
Старикъ грозилъ ей близкимъ измѣненьемъ
Въ судьбѣ ея.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Грозилъ, сказалъ ты?—Значитъ
Не радостное ты подозрѣваешь?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Счастливца перемѣна устрашаетъ,
И угрожаетъ проигрышъ тому,
Кто отложилъ выигрывать надежду.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Но, можетъ быть, благопріятно будетъ
Твоей любви открытье роковое?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Но и разрушить счастіе мое
Могло бъ оно, и потому рѣшилъ я
Его предупредить вѣрнѣйшимъ средствомъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Какъ, государь? Меня ты устрашаешь,
И дерзкое мнѣ дѣло предстоитъ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Не разъ въ теченье мѣсяцевъ послѣднихъ
Намеками таинственными старецъ
Давалъ понять, что недалекъ ужъ день,
Который ко своимъ ее вернетъ.
Вчера же точно высказался онъ,
Что уже съ первыми лучами солнца,—
И вотъ онъ день блистающій сегодня,—
Ея судьба рѣшится наконецъ.
Нельзя было промедлить и минуты;
Мгновенно было принято рѣшенье
И я мгновенно выполнилъ его.
Я дѣву въ прошлую похитилъ ночь
И тайно перевезъ ее въ Мессину.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Какой отважно дерзостный поступокъ!
Прости, о князь, рѣчь вольную упрека,
Но ужъ таковъ разумныхъ лѣтъ обычай,
Коль необдуманно забылась юность.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Недавно, по сосѣдству Милосердыхъ
Обители, въ тиши безмолвной сада,
Куда не проникаетъ любопытство,
Разстался съ нею я, спѣша сюда,
Чтобы поспѣть на примиренье съ братомъ.
Я въ боязливой робости одну
Ее оставилъ тамъ; не ждетъ она
Во блескѣ и сіяніи княгини
И на возвышенномъ подножьи славы
Предстать предъ всей Мессиной. Не иначе
Она меня увидитъ, какъ въ уборѣ
Величія, въ сопровожденьи пышномъ
Дружины рыцарей. Мнѣ неугодно,
Чтобы обручница Донъ-Мануила,
Какъ бѣглая, безродная, явилась
Предъ матерью, которую я ей
Дарую, но хочу ее княгиней,
По княжески, ввести въ жилище предковъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Повелѣвай, о государь! Мы ждемъ
Лишь мановенья.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Изъ ея объятій
Я вырвался, но занятъ ей одною.
Во слѣдъ за мной идите на базаръ,
Гдѣ мавры выставляютъ на продажу
Изящные художества предметы
И ткани драгоцѣнныя востока.
Сперва сандаліи вы изберите,
Защиту, украшенье ножки нѣжной;
Для одѣянья выберите послѣ
Ткань Индіи, блестящую, какъ снѣгъ
Вершины Этны, самой близкой къ солнцу,—
И пусть она, какъ утра благовонье,
Воздушно облекаетъ юныхъ членовъ
Строенье нѣжное. Пурпурный поясъ
Полосками протканый золотыми,
Тунику миловидно опояшетъ
Подъ цѣломудренною грудью. Мантью
Свѣтящимися тканую шелками,
Съ отливомъ блѣдно-алымъ, отберите,—
Пусть на плечѣ застежка золотая
Ея придержитъ складки. И запястья,
Которыми прекрасная рука
Охватится,—не позабудьте; также
Жемчужный и коралловый уборы,
Чудесные дары морской богини;
Пусть кудри обвиваетъ діадема,
Изъ дорогихъ составленная камней,
И пусть горитъ въ ней огненный рубинъ,
Лучами скрещиваясь съ изумрудомъ;
Прозрачнымъ облакомъ пусть покрывало
Весь лучезарный образъ обовьетъ,
И увѣнчаетъ миртовый вѣнецъ
Дѣвичества прекрасный образецъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Исполнится, о государь, какъ ты
Повелѣваешь, ибо это все
Готовое найдется на базарѣ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

И выведите изъ моихъ конюшенъ
Вы лучшаго коня; пусть свѣтлой мастью
Равняется онъ Фебовымъ конямъ.
Пурпурная на немъ попона будетъ,
А повода и сбруя изобильно
Украшены каменьемъ драгоцѣннымъ,—
Онъ королеву повезетъ мою;
Вы сами въ блескѣ рыцарства готовьтесь,
При звукахъ праздничныхъ роговъ, княгиню
Вести домой. О всемъ распорядиться
Теперь иду я: двое пусть изъ васъ
Послѣдуютъ за мной, а остальные
Меня дождитесь.—Глубоко́ сокройте
Въ душѣ, что слышали вы отъ меня,
Доколѣ устъ не развяжу вамъ я...

(*Уходитъ, за нимъ двое изъ хора*).

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Что мы предпримемъ, скажи? Государи
Мирно покоятся, бросивъ вражду,
Чѣмъ мы заполнимъ досужее время
И безконечныхъ часовъ долготу?
Мукъ и надеждъ, и заботъ вереницы,
Мужу нужны для грядущей денницы.
Чтобы обузу сносить бытія
И неизмѣнность докучную дня,
Чтобъ въ освѣжающемъ вѣтра движеньи
Медленной жизни сносилось томленье.

ОДИНЪ ИЗЪ ХОРА (МАНФРЕДЪ).

Міръ благодатенъ! Какъ отрокъ прекрасный
Онъ отдыхаетъ надъ тихимъ ручьемъ;
Блещетъ полдневное солнце надъ нивой,
Рѣзвыя овцы пасутся игриво,
Сладко свирѣли его льется пѣнье.
Эхо холмовъ чутко вторитъ кругомъ;
Или задремлетъ подъ сумрака тѣнью
Онъ, усыпленный журчащимъ ручьемъ.
Но и войнѣ подобаетъ хваленье:
Двигаютъ войны судьбою людской;
Надо мнѣ жизни живучей стремленья,
Вѣчно я долженъ нестися въ смятеньи
Въ высь или въ глубь съ шаткой счастья
волной;
Ибо мельчаетъ средь мира мужчина;
Отдыхъ досужій — отваги могила;
Только со слабыми дружен законъ:
Все совершаетъ одинъ только онъ,
Сглаженный имъ цѣлый міръ покоренъ;
Но лишь въ войнѣ проявляется сила,
Все возвышаетъ она сверхъ мѣрила,—
Даже и трусу отвагу даетъ.

ДРУГОЙ (БЕРЕНГАРЪ).

Не зримъ ли мы въ храмахъ амура кумиръ?
И не стремится ль къ прекрасному міръ?
Вотъ упованія! Вотъ опасенія!—
Царствуетъ тотъ, кто пріятенъ для зрѣнія!
Жизнью земной и любовь обладаетъ,
Мрачныя краски при ней выступаютъ.
Сладко обмануты годы счастливые
Милою дочерью пѣны волны;
Ей во все низкое, въ горько правдивое
Образы сновъ золотыхъ вплетены.

ТРЕТІЙ (КАЕТАНЪ).

Пусть убираются весны цвѣтами,
Пусть увиваются нѣжно вѣнками
Юношей кудри! Пусть блещетъ прекрасное!
Но болѣ зрѣлымъ годамъ надлежитъ
Болѣ степенному богу служить.

ПЕРВЫЙ (МАНФРЕДЪ).

Дружной съ охотою, строгой Діанѣ
Въ дикую чащу спѣшимте вослѣдъ;

Боръ словно мракомъ полночнымъ одѣтъ;
Тамъ со скалы обрываются лани:
Ибо охота—подобіе брани,
Рѣзвая бога раздора жена.
Съ утра лучами подымешься рано;
Звонкихъ роговъ голоса веселѣй
Въ тихомъ безмолвьи долины туманной,
Горъ и ущелій, луговъ и полей.
Вялые члены расправишь живительно
Въутренней, свѣжейструѣ прохладительной.

ВТОРОЙ (БЕРЕНГАРЪ).

Или же ввѣримся мы вѣчно синей,
Вѣчно тревожной, мятежной богинѣ:
Манитъ зеркальной она пеленою
Насъ на безбрежное лоно свое,
Или построимъ надъ зыбкой волною
Мы для себя подвижное жилье.
Бездны хрустальной поверхность зеленую,
Кто корабельнымъ килемъ бороздитъ,—
Съ счастьемъ сдружится и міръ покоритъ,—
Нива тому безъ посѣва плодитъ.
Море есть поприще для упованій,
Царство оно прихотливыхъ удачъ;
Княземъ легко тамъ становится бѣдный,
И бѣлнякомъ—всемогущій богачъ.
Какъ ураганъ съ быстротой помышленья
Въ мигъ обѣгаетъ компаса кружокъ,
Такъ тамъ причудливъ измѣнчивый рокъ,
Такъ совершаетъ кругъ счастья вращенье.
На морѣ волны на всемъ протяженьи,
На морѣ нѣтъ никакого владѣнья.

ТРЕТІЙ (КАЕТАНЪ).

Не надъ одною лишь бездной морскою,
Гдѣ непрестанно мятется волна,—
И на землѣ, какъ ни твердо она
На вѣковѣчныхъ основахъ покоится,
Счастье превратно и лживо, какъ сонъ.
Сердце за новый сей міръ безпокоится,
Мнѣ не внушаетъ довѣрія онъ:
Хижины я бы не создалъ своей,
Огненной лавы гдѣ лился ручей.
Слишкомъ глубоко впилось озлобленіе,
Страшныя слишкомъ свершились дѣянія,
Имъ ни прощенія нѣтъ, ни забвенія!
Хоть не видалъ я еще окончанія,
Но сновидѣнья страшатъ меня вѣщія.
Отъ предсказанія я воздержусь;
Но мнѣ не нравятся тайны зловѣщія,
Этого брака безбожный союзъ,
Эти окольные страсти пути,
Это грабительства дерзкое дѣло.
Доброе дѣйствуетъ прямо и смѣло,
Злое лишь можетъ отъ злого взойти!

БЕРЕНГАРЪ.

Стараго князя,—то каждый слыхалъ,—
Взята супруга насиліемъ тоже
На беззаконное брачное ложе,—
Ибо отецъ на нее посягалъ;
И прародитель на ложе разврата,
Съ яростью гнѣвной небеснаго грома,
Страшныхъ проклятій извергъ сѣмена.
Всѣмъ злодѣяніямъ этого дома
Ужасамъ всѣмъ,—гдѣ прибрать имена!

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Было недоброе здѣсь начинанье,
Вѣрьте, недобрый конецъ подойдетъ:
Всякое бѣшеной злобы дѣянье
Въ мірѣ ярмо искупленья несетъ.
То не случайность, не жребій слѣпой,
Что столь неистово борются братья:
Матери чрево постигло проклятье—
Злобой дна разрѣшилась, враждой;
Но мое слово о томъ умолчитъ,
Ибо въ безмолвьи богъ мщенья творитъ.
Горе оплакать минута пробьетъ,
Лишь оно явится и подойдетъ.

(*Хоръ уходитъ*).

Сцена превращается въ садъ, съ видомъ на море. Изъ сосѣдней бесѣдки появляется Беатриче, въ безпокойствѣ ходитъ взадъ и впередъ, озираясь на всѣ стороны. Внезапно останавливается и прислушивается.

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, то не онъ!—То вѣтеръ прошумѣлъ
И, шелестя, главой сосны играетъ.
Ужъ солнцу недалекъ въ пути предѣлъ,
Другъ друга вяло такъ часы смѣняютъ.
Невольно мною ужасъ овладѣлъ,
И мертвенная тишь меня пугаетъ,—
Нѣтъ никого, куда я ни взираю,
И безъ него въ боязни изнываю.
И словно слышится плотины вой
Надъ градомъ, гдѣ кишитъ толпа народа;
Я слышу, какъ вдали о брегъ морской
Неугомонныя дробятся воды.
Всѣ ужасы столпились предо мной,
Я такъ мала предъ мощностью природы!
И словно листъ оторванный, гонимый,
Теряюсь я въ дали необозримой.
Зачѣмъ изъ тихой кельи я бѣжала,
Гдѣ мнѣ жилось безъ грусти, безъ тревогъ!
Въ весельи сердце ничего не ждало,—
Такъ полевой струится ручеекъ.
Теперь объятья міра я познала,
И жизни волнъ умчалъ меня потокъ,
Всѣ узы прежнія я разорвала,
Клятвъ легкомысленныхъ залогу вняла.
Гдѣ былъ мой разсудокъ?
Что сдѣлала я?
Слѣпое ль безумье
Постигло меня?
Сорвавъ покрывало

Дѣвичества, я
За двери священныя кельи ступила!
Иль адова прелесть меня ослѣпила?
Я съ мужемъ бѣжала,—
Съ отважнымъ ушла похитителемъ я.
Приди, мой желанный!
О гдѣ ты, гдѣ медлишь? Подай освобожденье
Душѣ удрученной! Тоска, угрызенье
Снѣдаютъ меня,—
Мнѣ сердце утѣшитъ лишь близость твоя!
Но должно ль было мнѣ тому отдаться,
Кто въ мірѣ всемъ одинъ меня избралъ?
Не суждено мнѣ жизнью наслаждаться!
Отъ материнской груди оторвалъ
Меня злой жребій рано. Не раздаться
Покрову тайны, что меня скрывалъ.
Всего лишь разъ я мать свою видала,
И словно сонъ видѣнье то пропало!
Такъ въ тишинѣ взросла я блѣдной тѣнью,
Хоть былъ во мнѣ пылъ жизни молодой!
Вдругъ онъ предсталъ подъ монастырской сѣнью
Красою—богъ и мужествомъ—герой.
Не высказать въ словахъ то впечатлѣнье:
Изъ міра чуждаго пришелъ чужой,
И въ мигъ, какъ бы другъ друга вѣкъ любили,—
Союзъ мы неразрывный заключили.
Прости, о мать прекрасная, родная!
Удѣлъ свой самовластно избрала
Я, тайну времени опережая.
Насильственно судьба меня влекла,—
Богъ и сквозь замкнутыя двери вступитъ,—
Къ Персея башнѣ путь онъ отыскалъ.
Рокъ ни единой жертвы не уступитъ:
Прикована ль она къ твердынямъ скалъ,
Иль на Атласа вышину подъята,—
Ее и тамъ настигнетъ конь крылатый.
Ужъ я на прошлое не озираюсь,
Душа отчизны болѣ не зови!
Полна любовью, я любви ввѣряюсь,—
Гдѣ счастіе прекраснѣе любви?
Свой жребій я благословить готова,
Ужъ мнѣ не надо счастія другого:
Я ни отца, ни матери не знаю,
И если волей ихъ разлучена я
Съ тобою буду—знать ихъ не желаю!
Пусть тайной вѣчной буду я себѣ самой,—
Я для тебя живу, о, милый мой!

(*Прислушиваясь*).

Чу, то голосъ дорогой!
Нѣтъ, то всплескъ волны морской,—
Моря дальній отголосокъ
И прибоя гулъ глухой.
Нѣтъ, то не былъ милый мой!
Горе, горе! Гдѣ онъ медлитъ?
Ужасъ мной овладѣваетъ!
Все садится
Солнце ниже! И пустыннѣй
Все пустыня! И на сердцѣ
Тяжко такъ.—Гдѣ медлитъ онъ?

(*Въ безпокойствѣ ходитъ по сценѣ*).

Я за вѣрную ограду
Ужъ не выступлю изъ сада.
О! Каковъ былъ ужасъ мой,
Въ ближнюю когда я церковь
Трепетной вошла стопой;
Но меня съ такою силой
И отъ глубины души
Повлекло, когда въ тиши
Благовѣстъ къ часамъ раздался,
Предъ святыней преклониться
И Пречистой помолиться!
Не могла я устоять.
Если кто меня подслушалъ?...
Много недруговъ на свѣтѣ
И невиннаго душою,
Средь юдоли сей земной,
Всюду ждутъ коварства сѣти.
Это все мнѣ уяснилось
Съ той поры, когда простилась
Я съ обителью святой
И преступно породнилась
Съ человѣческой толпой.
Тамъ, гдѣ князя погребенья
Совершилось торжество,
Понесла я искупленье
Дерзновенья своего.
Спасъ меня лишь Богъ единый
Тамъ, когда меня подмѣтилъ
Незнакомецъ молодой.
Пламенными онъ очами,
Пронизавъ меня насквозь,
Глубоко глянулъ мнѣ въ душу:
При одномъ воспоминаньи
И теперь трепещетъ грудь,
Какъ, въ вины своей сознаньи,
Милому теперь въ глаза
Я осмѣлюся взглянуть.

(*Прислушиваясь*).

Въ саду голоса!
То онъ, мой желанный!
Онъ самъ! Не обманетъ
Ужъ призракъ мой слухъ.
Все ближе, слышнѣе!—
Въ его объятья!
Къ нему на грудь!

(*Спѣшитъ съ распростертыми объятьями въ глубину сада; Донъ-Цезарь входитъ ей на встрѣчу*).

Донъ-Цезарь. Беатриче. Хоръ.

БЕАТРИЧЕ (*отступая въ ужасѣ*).
Что вижу! Горе мнѣ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Прекрасная,—не бойся!
(*Хору*).
Оружья вашего суровый видъ
Смущаетъ дѣву нѣжную.—Назадъ!
Въ почтительномъ сокройтесь отдаленьи.
(*Къ Беатриче*).
О, не страшися! Милая стыдливость
И красота—священны для меня.
(*Хоръ отступилъ; онъ приближается къ ней и беретъ ее за руку*).
Гдѣ ты была? Божественная ль сила
Тебя такъ долго отъ меня скрывала?
Я за тобой слѣдилъ, тебя искалъ
Повсюду я. Во снѣ и на яву
Единой ты была моей мечтою
Съ тѣхъ поръ, когда, какъ ангела видѣнье,
На торжествѣ печальномъ погребенья
Тебя узрѣлъ впервые я.—Не видѣть
Ты не могла, съ какою силой мною
Ты овладѣла; огненные взоры,
Рука, дрожавшая въ твоей рукѣ,
И лепетъ устъ—все выдало меня,—
Признанья смѣлаго не допускали
Величіе и святость тѣхъ мгновеній.
Святое возношеніе литургіи
Меня къ молитвѣ призывало, но
Когда съ колѣнъ поднявшись, взоры я
Скорѣе устремилъ къ тебѣ,—была
Ты далеко отъ глазъ моихъ, но сердце
Мое со всѣми силами его,
Могущественнымъ ты очарованьемъ
Съ собою увлекла. И съ дня того
Неутомимо я ищу тебя
Повсюду,—у воротъ дворцовъ и храмовъ,
Въ мѣстахъ общественныхъ и сокровенныхъ.
Вездѣ, гдѣ только можетъ показаться
Невинная краса—живую сѣть
Я сыщиковъ разставилъ,—но безплодны
Всѣ оставалися мои старанья;
Какъ одного изъ сыщиковъ моихъ
Вниманіе, увѣнчанное счастьемъ,
Руководимое какимъ-то богомъ,
Сегодня, наконецъ, въ сей ближней церкви
Тебя открыло.

(*Здѣсь Беатриче, все это время дрожа и отвращая лицо, проявляетъ ужасъ*).

Я опять съ тобою!
Скорѣе тѣло духъ покинетъ мой,
Чѣмъ мы разстанемся. Теперь съ судьбою
Завистливой вступлю я смѣло въ бой.
И случаемъ воспользуюсь немедля.
И такъ своей супругой называю
Тебя отнынѣ я, при этихъ всѣхъ
Свидѣтеляхъ, и рыцарскую руку
Въ залогъ того тебѣ я подаю.
(*Представляетъ ее хору*).
Развѣдывать не буду я, кто ты,—
Я лишь твое отъ твоего желаю,
Не вопрошая болѣ ни о чемъ;
Что духъ твой непороченъ, какъ рожденье,—
Внушилъ мнѣ первый взоръ твоихъ очей,
И будь ты низшаго происхожденья,
Ты все бъ была любовію моей!
Свободу выбора утратилъ я.
И дабы вѣдала ты, что воленъ
Я въ дѣйствіяхъ своихъ и высоко
Стою довольно въ мірѣ, чтобъ тебя
Къ себѣ рукою сильной приподнять—
Тебѣ назвать мое лишь надо имя:
Донъ-Цезарь я, и въ городѣ Мессинѣ
Нѣтъ высшаго надъ мною никого.
(*Беатриче отшатывается, содрогаясь; замѣтивъ это, онъ, по нѣкоторомъ времени, продолжаетъ*).
Молчанье скромное и изумленье
Твое хвалю: стыдливое смиренье
Есть прелести вѣнецъ, и красота
Себѣ самой невѣдома всегда
И силы собственной своей страшится.
Теперь иду,—а ты побудь одна;
Отъ страха да опомнится твой духъ;
Все новое пугаетъ, даже—счастье.
(*Хору*).
Моя невѣста и княгиня ваша
Она отнынѣ,—ей воздайте честь!
Пусть черезъ васъ увѣдаетъ она
Величье положенья своего.
Сюда я самъ за ней вернуся вскорѣ,
Какъ подобаетъ ей и мнѣ пристойно.
(*Уходитъ*).

Беатриче и хоръ.

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Слава! Прекрасная
Дѣва! Владычица!
Твоя и побѣда,
Твой и вѣнецъ:
Ты сохраненіе
Рода сего,
Будущихъ витязей
Матерь цвѣтущая, слава тебѣ!

РОГЕРЪ.
Трижды хвала тебѣ!
Счастья примѣтою
Входишь, счастливая,

Въ богохранимый, счастливый ты домъ,
Гдѣ увиваются славы вѣнки,
И переходитъ чредой неизмѣнною
Къ внуку отъ прадѣда скипетръ златой.
(БОЭМУНДЪ).
Милый приходъ твой
Радость доставитъ
Дома Пенатамъ
Вышнимъ, степеннымъ,
Древнимъ и чтимымъ;
А на порогѣ
Встрѣтитъ цвѣтущая Геба тебя,
И златокудрая
Встрѣтитъ Викторія
Та, что надъ дланью отца распростерла
Побѣдоносныя крылья свои!
(РОГЕРЪ).
Не переводится
Прелесть вѣнчанная
Въ племени этомъ,
И уступаетъ
Поясъ красы
И покрывало стыдливости дѣвственной
Одна, умирая, княгинѣ другой,—
Высшей красой
Взоръ мой плѣняется:
Въ дочери пышно цвѣтокъ распускается.
Пока еще въ матери онъ не отцвѣлъ.
БЕАТРИЧЕ (*опомнившись отъ ужаса*).
Горе мнѣ! Кому въ объятья
На бѣду досталась я!
Руки эти
Въ цѣломъ свѣтѣ
Всѣхъ ужаснѣй для меня
Мнѣ теперь понятно стало,
Почему необъяснимый
Ужасъ мной овладѣваетъ,
Лишь при мнѣ упоминаютъ

О зловѣщемъ родѣ ихъ;
Этотъ родъ въ свирѣпой распрѣ,
Ненавидя истребляетъ
Членовъ собственныхъ своихъ!
Содрагаясь, я слыхала
О змѣиной злобѣ братьевъ,
И теперь ужасный жребій.
Беззащитную, меня
Вовлекаетъ въ ту пучину
Злополучья и вражды.

(*Убыстъ въ бесѣдку*).

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Обладателю власти и счастьемъ богатому
Я завидую сыну боговъ!
Все, что цѣннѣе—его достоянье.
Онъ отъ всего, что считается смертными
Добрымъ, прекраснымъ, достойнымъ возвышеннымъ,
Лучшій срываетъ цвѣтокъ.

(РОГЕРЪ).

И рыбакъ-водолазъ изъ жемчужинъ чистѣйшую
Выбираетъ въ награду себѣ,
Прибыли добытой общими силами,
Главная доля идетъ повелителю.
Жребій добычу раздѣлитъ межъ слугами,
Лучшее жъ онъ изберетъ.

(БОЭМУНДЪ).

И еще обладаетъ однимъ онъ сокровищемъ.
Пусть заберетъ онъ всѣ блага земли,—
Я лишь въ единомъ ему позавидую,
Въ томъ, что изъ женъ за собою уводитъ онъ
Лучшій цвѣтокъ, наши взоры плѣняющій,
Имъ обладая одинъ.

(РОГЕРЪ).

Среди сумрака ночи съ мечемъ нападающій
На прибрежныя скалы корсаръ,
Женъ и мужей за собой увлекающій,
Жажду страстей утолить порывается,
Высшей красы не дерзнетъ лишь коснуться онъ—
Ей обладаетъ лишь царь.

(БОЭМУНДЪ).

Но теперь надлежитъ сторожить намъ преддверіе
И священнаго крова порогъ,
Чтобы не выдать сей тайны невѣрному
И заслужить похвалу побѣдителя,
Нашему ввѣрилъ который храненію
Свой драгоцѣннѣйшій яладъ.

(*Хоръ удаляется въ глубину сцены*).

Сцена превращается во внутренній покой во дворцѣ; Донна-Изабелла стоитъ между Донъ-Мануиломъ и Донъ-Цезаремъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ, наконецъ, насталъ давно желанный
И жданный съ давнихъ поръ счастливый день,—
Сердца дѣтей соединились такъ же,
Какъ я легко соединяю руки,
И сердце матери впервые можетъ
Въ кругу семейномъ радостно раскрыться.
Далеко грубая толпа чужихъ
Свидѣтелей, которые межъ насъ,
Готовые къ сраженью, становились;
Мой слухъ ужъ не пугаетъ лязгъ оружья.
Какъ совъ ночныхъ отродье, темнымъ роемъ
День омрачивъ, взлетаетъ съ пепелища,
Гдѣ долгіе оно гнѣздилось годы,
Лишь возвращаются съ веселымъ кликомъ
Назадъ давно изгнанные жильцы
И радостно къ постройкѣ приступаютъ,—
Такъ ненависть старинная, ропща,
Сквозь эти двери улетаетъ въ адъ
Со спутниками мрачными своими:
Смотрящимъ изъ-подлобья подозрѣньемъ,
И косоглазымъ недоброжеланьемъ,
И блѣднолицей завистью. И вотъ
Вступаютъ, улыбаясь, вслѣдъ за миромъ
Довѣріе и доброе согласье.—

(*Приостанавливается*).

Но этотъ день счастливый подарилъ
Не только братомъ каждаго изъ васъ,
Онъ также и сестру вамъ даровалъ.
Дивитесь вы? Глядите съ изумленьемъ
Вы на меня? да, сыновья мои!
Прервать молчаніе настало время
И я сорву печать съ глубокой тайны,
Что долго ото всѣхъ была сокрыта.
И дочь я вашему отцу родила,—
Еще есть младшая у васъ сестра,—
Сегодня вы обнимите ее.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Что говоришь ты? Есть сестра у насъ,
И ничего о ней не знали мы?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Слыхали, правда, въ раннемъ дѣтствѣ мы
О томъ, что родилась у насъ сестра,
Но смерть ее, гласило такъ сказанье,
Еще постигла въ колыбели.

ИЗАБЕЛЛА.

Лжетъ жива!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Жива!
И ты объ этомъ умолчала намъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Въ своемъ молчаньи я вамъ дамъ отчетъ;
Услышьте, что во время оно было
Посѣяно и что теперь созрѣло
Къ счастливой жатвѣ.—Были вы еще
Лишь отроками нѣжными, но засъ
Разъединялъ уже раздоръ плачевный
И горестью обременялъ сердца
Родителей. О, да не возвратится
Во вѣкъ та злополучная вражда!
И вотъ однажды вашему отцу
Чудесный сонъ приснился. Видѣлъ онъ,
Что изъ его супружескаго ложа,
Вѣтвями тѣсно межъ собой сплетаясь,
Два дерева лавровыхъ выростали,
Межъ ними распускалася лилея.
Она воспламенилась вдругъ,—огонь
Густую листву и стропила кровли
Объялъ, распространяяся все болѣ,
И вмигъ огромный пламенный потокъ
Весь домъ со страшнымъ трескомъ поглотилъ.
Видѣньемъ необычнымъ устрашенный,
Потребовалъ отецъ нашъ объясненья
У своего оракула, араба
Звѣздогадателя; къ нему онъ сердцемъ
Привязанъ болѣ былъ, чѣмъ я бъ желала;
И тотъ арабъ истолковалъ: когда бы
Я разрѣшилась дочерью,—она
Обоихъ сыновей ему убила бъ,
И весь бы родъ погибъ черезъ нее.
И дочерью я разрѣшилась, но
Жестокое отецъ далъ повелѣнье:
Новорожденную немедля бросить
Въ морскія волны. Умыселъ кровавый
Я устранила: вѣрнаго слуги
Безмолвная услуга сохранила
Мнѣ дочь мою.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

О, будь благословенъ
Тотъ, кто помогъ тебѣ. У материнской
Любви въ рѣшимости нѣтъ недостатка!

ИЗАБЕЛЛА.

Меня не только голосъ материнской
Любви спасти младенца побуждалъ:
Когда сей дочерью Всевышній лоно
Мое благословилъ, имѣла тоже
Чудесное во снѣ я откровенье.
Богамъ любви подобное красою
Приснилось мнѣ играющее въ травкѣ
Дитя; и свѣжую держа добычу
Въ кровавой пасти, вышелъ левъ изъ лѣса
И выронилъ, ласкаяся, ее
Ребенку на колѣни. И орелъ,
Держа въ когтяхъ дрожащаго козленка,
Слетѣвъ къ младенцу съ вышины, предъ нимъ
Свою добычу ласково сложилъ;
И оба,—и орелъ, и левъ,—смиренно
У ногъ дитяти рядомъ пріютились.
Значенье сна того мнѣ объяснилъ
Одинъ монахъ, богоугодный мужъ,
Который сердцу подавалъ совѣтъ
И утѣшеніе въ земной печали.
Вотъ какъ монахъ мой сонъ истолковалъ мнѣ:
„Я разрѣшуся дочерью; она
„Мнѣ сыновей враждующія души
„Соединитъ въ любви горячій пламень".
Я тѣ слова въ своемъ сложила сердцѣ
И, Богу правды довѣряя болѣ,
Чѣмъ богу лжи, спасла залогъ моей
Надежды,—эту дочь благословенья,
Обѣщанную Господомъ мнѣ дочь,
Которая должна была служить
Орудьемъ мира, если бъ вашъ раздоръ
Усилился, все болѣ разростаясь.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*обнимая брата*).

Нѣтъ! узъ любви сестрѣ уже не надо
Сплетать,—она лишь крѣпче свяжетъ ихъ.

ИЗАБЕЛЛА.

И вотъ, ее воспитывали тайно
Въ чужихъ рукахъ, вдали отъ глазъ моихъ,
Въ сокрытомъ мѣстѣ—даже въ лицезрѣньи
Возлюбленнаго образа ея
Себѣ отказывала я, боясь
Суроваго отца: его глодалъ
Мятежный недовѣрія недугъ,
И въ мрачномъ подозрѣніи разставилъ
Онъ сыщиковъ на всѣхъ моихъ путяхъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Но тихій гробъ три мѣсяца отца
Скрываетъ.—Что-жъ, о мать, тебѣ мѣшало
Давно сокрытую ко свѣту вызывать
И наши тѣмъ порадовать сердца?

ИЗАБЕЛЛА.

Что кромѣ вашей злополучной распри,
Которая съ неугасимой злобой
Надъ свѣжею могилою отца
Зажглась, мѣшая примириться вамъ!
Могла ли я сестру поставить вашу
Между мечей свирѣпо обнаженныхъ?
Могли ли голосъ матери услышать
Вы въ этой бурѣ? Можно ль было мнѣ
Сей мира дорогой залогъ, моихъ
Надеждъ священный и послѣдній якорь,
Подвергнуть злобѣ ненависти вашей?
Сперва по братски были вы должны
Сносить другъ друга, чтобы я могла,
Какъ примиренья ангела, ее
Поставить между вами. Нынѣ это
Возможно, и я къ вамъ ее веду.
Я стараго слугу уже послала
И ежечасно жду его прихода;
Изъ тихаго убѣжища ее
Онъ къ материнской груди возвратитъ
И въ ваши братскія вернетъ объятья.

ДОНЪ МАНУИЛЪ.

И не одну ее ты заключишь
Въ объятья материнскія сегодня:
Ужъ всѣми входами вступаетъ радость
И, оживая, замокъ опустѣлый
Цвѣтущей прелести даетъ пріютъ.
Узнай же и мою, о матерь, тайну!
Ты мнѣ сестру даришь—тебѣ за то
Вторую, милую, я дочь дарую;
Благослови же сына твоего,—
Я этимъ сердцемъ выбралъ и обрѣлъ
Ту, что мнѣ будетъ спутницею жизни.
Еще не закатится это солнце
И не погаснетъ этотъ день еще,
Когда супругу Дона-Мануила
Я приведу, о мать, къ твоимъ ногамъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Мой первенецъ, въ свои объятья рада
Принять я ту, которой счастливъ ты.
Пусть на путяхъ ея цвѣтетъ отрада,
И пусть всѣ жизни лучшіе цвѣты
За то отнынѣ сына украшаютъ,
Что матерь лучшимъ онъ вѣнцомъ вѣнчаетъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не расточай лишь первенцу, о мать,
Всю полноту твоихъ благословеній.
Любовью если благодать дается,
Такую жъ дочь я привожу тебѣ!
Она тебя достойна; чрезъ нее
Постигъ я чувство новое любви.
Еще не закатится это солнце
И не погаснетъ день, когда Донъ-Цезарь
Тебѣ свою супругу приведетъ!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Всесильная любовь! Какъ божество,
Воистинно, царишь ты надъ сердцами!
Себѣ ты покоряешь естество,
Вселяешь миръ межъ смертными врагами!
Нѣтъ жизни въ томъ, что твоего величья
Не признаетъ. Духъ брата непреклонный
И необузданный ты побѣдила!
(*Обнимаетъ Донъ-Цезаря*).
Теперь въ твое я вѣрю сердце; къ братской
Тебя груди съ надеждой прижимаю.
Нѣтъ недовѣрья, коль любовь позналъ ты.

ИЗАБЕЛЛА.

Благословенъ будь трижды, за разъ
Разсѣявшій въ столь тяжко удрученной
Душѣ моей тревожныя заботы.
Покоится на непоколебимыхъ
Столбахъ мой родъ. Теперь въ неизмѣримость
Временъ покойнымъ духомъ я взираю.
Еще вчера, подъ вдовьимъ покрываломъ,
Я словно отчужденная была
Среди чертоговъ этихъ запустѣлыхъ—
Бездѣтна, одинока, а сегодня
Я въ блескѣ юности вокругъ себя
Увижу трехъ цвѣтущихъ дочерей!—
Изъ всѣхъ, когда либо рождавшихъ женъ,
Найдется ль мать счастливая одна,
Которая бъ со мной сравнялась въ славѣ?
Но у какихъ сосѣднихъ государей
Тѣ царственныя дочери цвѣтутъ!
И какъ понынѣ никогда о нихъ
Я не слыхала? Ибо недостойно
Не могутъ сыновья мои избрать!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О, лишь сегодня не приподымай
Покрова ты со счастья моего:
Настанетъ день и все разоблачится:
Тебѣ сама себя невѣста явитъ.
О, убѣдись! она тебя достойна!

ИЗАБЕЛЛА.

Самоувѣренный, упорный духъ
Отца я узнаю въ тебѣ, мой сынъ!
Онъ, не высказываясь, хоронилъ
Свои рѣшенья въ сердцѣ неприступномъ,—
Охотно краткій срокъ тебѣ дарую.
Но, сынъ мой, Цезарь, я не сомнѣваюсь,
Дочь царскую мнѣ нынѣ назоветъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

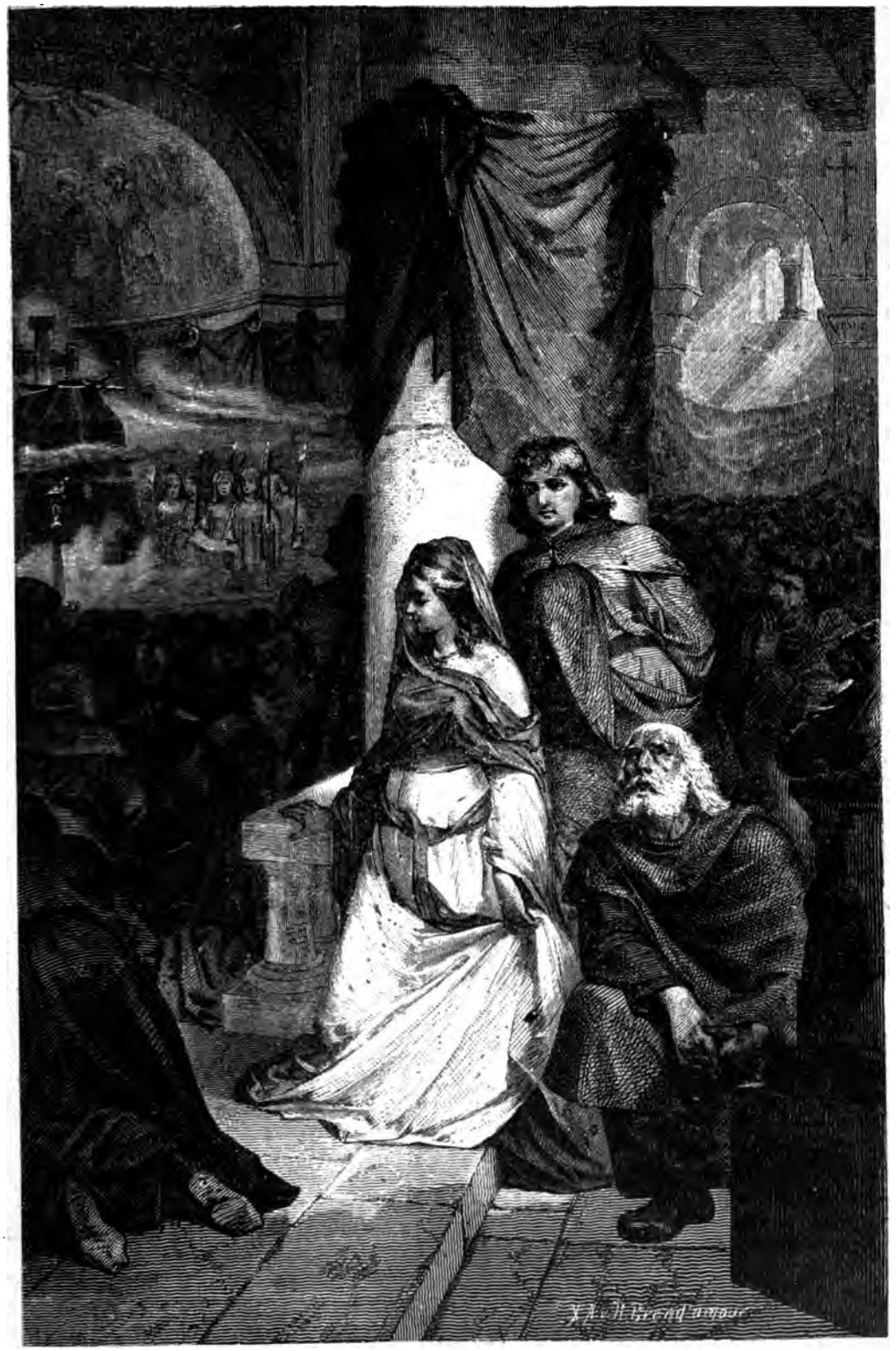
Мнѣ не привычно въ помыслахъ своихъ
Таинственно скрываться. Это сердце
Открыто, ясно, какъ мое чело;
Но то, что нынѣ ты узнать желаешь,
Позволь, о мать, признаться откровенно,
О томъ я самъ себя не вопрошалъ.
И вопрошаютъ ли, откуда солнца
Небесный пламенѣющій огонь?
Отъ свѣта свѣтъ его проистекаетъ,
И, самъ самимъ собою освѣщенъ,
Вселенную собой онъ озаряетъ.
Я въ очи ясныя ея глядѣлъ
И въ нихъ всю глубину души узрѣлъ,—
По бѣлизнѣ я жемчугъ оцѣняю,—
Но какъ назвать ее—того не знаю!

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ, сынъ мой, Цезарь? Объясни мнѣ это.
Внялъ первому могучему ты чувству,
Какъ Божью гласу, слишкомъ торопливо.
Поступка пылкаго ждать отъ тебя,
А не безумно-дѣтскаго могу я.
Что̀ выборъ твой руководило?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Выборъ?
Иль выборъ то, когда созвѣздій властью
Въ часъ роковой настигнутъ человѣкъ?
Я не ходилъ на поиски невѣсты:
Такая суетная мысль на умъ
Мнѣ не пришла бъ среди чертога смерти
Ее нашелъ я тамъ, но не искалъ.



Я къ женскому тогда былъ равнодушенъ,
Болтливому, пустому, поколѣнью;
Какъ божество тебя я почитаю
И не встрѣчалъ похожей на тебя.
Печальное отца шло отпѣванье;
По мудрому велѣнью твоему,
Ты знаешь, мы присутствовали тамъ
Переодѣтые, съ толпой смѣшавшись,
Чтобъ нашей распри дикій произволъ
Не нарушалъ величья торжества.
Завѣсами чернѣлъ обширный храмъ,
И двадцать изваяній окружали
Алтарь, держа свѣтильники въ рукахъ;
Гробъ возвышался передъ нимъ подъ чернымъ
Покровомъ съ бѣлымъ посреди крестомъ;
А на покровѣ гробовомъ лежали
Самодержавья скипетръ и вѣнецъ,
Златыя шпоры,—рыцаря убранство,
И на алмазной перевязи мечъ.
И все лежало ницъ благоговѣйно,
Какъ въ тишинѣ, съ возвышеннаго клира,
Вдругъ загремѣлъ невидимый органъ
И стоголосное раздалось пѣнье.
Еще звучали хоры; погружаться
Сталъ тихо гробъ и съ нимъ его помостъ,
Въ подземномъ мірѣ исчезая; но
Широко разостлавшійся покровъ
Завѣшивалъ сокрытый зѣвъ могилы;
И на землѣ земныя украшенья,
Нисшедшему не слѣдуя, остались *),
И съ пѣніемъ, на крыльяхъ серафима,
Освобожденная душа умчалась,
На небеса, на лоно Милосердья.
Все это, мать, я въ точномъ изложеньи
Тебѣ на память привожу, дабы
Ты убѣдилась,—было ли въ тотъ часъ
Желаніе земное въ этомъ сердцѣ.
И этотъ мигъ торжественный и важный
Руководитель дней моихъ избралъ,
Чтобы любви согрѣть меня лучомъ.
Какъ все это случилося,—о томъ
Я самъ себя напрасно вопрошалъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Договори! пусть все услышу я.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Откуда, какъ явилася она,—
О томъ не спрашивай. Лишь только взоръ я
Возвелъ,—она со мной стояла рядомъ;
И эта близость тайно охватила
Съ чудесной силой внутренній мой міръ.
Ни прелесть милая ея ланитъ,
Ни красота волшебная улыбки,
Ни даже станъ богини стройный, гибкій,—
Но сокровѣннѣйшая жизнь ея
Таинственной своею глубиною
Могущественно овладѣла мною.
Съ ея душой безъ словъ душа моя
Незримой силою очарованья
Сливалася въ единое дыханье,—
Хоть для меня была она чужой,
Но тайно мы сроднились межъ собой.
Нашептывалъ мнѣ голосъ сокровенный—
Она,—или никто во всей вселенной!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*горячо перебивая*).

То лучъ любви, божественный, святой,
Во глубину души онъ проникаетъ
И въ мигъ одинъ ее воспламеняетъ.
Сердца сродняются между собой,
Не разбирая, безъ сопротивленья,—
И человѣкъ того не разрываетъ,
Что сплелось по Божьему велѣнью.
Согласенъ съ братомъ, славлю я его,—
Мою же участь вамъ онъ излагаетъ
И покрывало тайное срываетъ
Съ невидимаго чувства моего.

ИЗАБЕЛЛА.

Ведетъ своей свободною дорогой
Судьба отнынѣ сыновей моихъ.
Съ горы низринувшись, потокъ могучій
Самъ путь себѣ проложитъ и русло;
На ложе, отведенное ему,
Разумнымъ умысломъ онъ не взираетъ;
И такъ, отнынѣ преклоняюсь я
Передъ десницею, которой Богъ
Руководилъ судьбой семьи моей!
Сердца моихъ обоихъ сыновей—
Надеждъ и упованій мнѣ залогъ:
Подобны ихъ высокому рожденью,
Возвышенны ихъ мысли и стремленья.

Изабелла. Донъ-Мануилъ. Донъ-Цезарь. Діего *показывается въ дверяхъ*.

ИЗАБЕЛЛА.

Но вотъ, назадъ вернулся добрый рабъ мой.
О вѣрный мой Діего, ближе, ближе!
Гдѣ, гдѣ дитя мое?—Они все знаютъ!
Нѣтъ тайнъ здѣсь болѣ.—Гдѣ она?— Скажи!
Ужъ болѣ не скрывай ее! Готовы
Мы радость высшую перенести.

(*Хочетъ итти съ нимъ къ дверямъ*).

Приди, приди! Но что же это!—Какъ?
Ты медлишь? Ты молчишь? Твои глаза
Недоброе мнѣ предвѣщаютъ! Что
Съ тобой?—Скажи! Мной ужасъ овладѣлъ!—
Гдѣ Беатриче?

(*Хочетъ выйти*).

ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*пораженный про себя*).

Беатриче!

---

*) Здѣсь описанный способъ погребенія Шиллеръ видѣлъ въ церкви Лудвигсбургскаго замка (близъ Штутгарта), присутствуя на похоронахъ герцога Карла Виртемберскаго въ 1793 году. *Примѣчаніе переводчика.*

ДІЕГО (*удерживаетъ ее*).
Стой!

ИЗАБЕЛЛА.
Гдѣ Беатриче? Страхъ сковалъ мнѣ душу!

ДІЕГО.
Она не слѣдуетъ за мной. Тебѣ
Не привожу я дочь твою.

ИЗАБЕЛЛА.
Но что
Случилось? Ради всѣхъ святыхъ, скажи!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Гдѣ? гдѣ сестра? Несчастный,—говори!

ДІЕГО.
Она украдена! Ее корсары
Похитили. О, если бъ никогда
Не видѣлъ дня я этого!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Мужайся,
О мать моя!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Будь мужественна, мать!
И выслушай, собою овладѣвъ!

ДІЕГО.
Какъ ты велѣла, скоро я собрался
Въ послѣдній разъ идти въ тотъ монастырь,
По той же, часто пройденной дорогѣ,—
На легкихъ крыльяхъ радости туда
Я направлялся...

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Къ дѣлу!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Говори!

ДІЕГО.
Когда же въ хорошо знакомый дворъ
Обители, гдѣ часто ужъ бывалъ,
Вступилъ я, съ нетерпѣньемъ вопрошая
О дочери твоей,—то прочиталъ
Я въ каждомъ взорѣ страхъ. И, ужасаясь,
Ужасное услышалъ я.
(*Изабелла блѣдная и дрожащая опускается въ кресла. Донъ-Мануилъ заботливо хлопочетъ около нея*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
И мавры,
Ты говоришь, похитили ее?
Кто видѣлъ мавровъ?—есть ли очевидецъ?

ДІЕГО.
Неподалеку отъ монастыря
Примѣтили въ заливѣ мавританскій
На якорѣ разбойничій корабль.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Въ заливахъ этихъ много кораблей
Спасается отъ гнѣва урагана,—
Но гдѣ корабль?

ДІЕГО.
Сегодня утромъ въ море
Подъ всѣми парусами онъ умчался
И виденъ былъ вдали.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Не слышно ли
И о другомъ какомъ-либо разбоѣ?
Добычи скудной маврамъ недовольно.

ДІЕГО.
Быковъ, которые паслися тамъ,
Насиліемъ угнали стадо.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Какъ
Могли разбойники тайкомъ похитить
Надежно скрытую въ монастырѣ?

ДІЕГО.
Не трудно въ монастырскій садъ проникнуть—
Черезъ ограду лѣстницей висячей.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Но какъ могли они вломиться въ кельи?
Суровому уставу подлежатъ
Смиренныя монахини.

ДІЕГО.
Обѣтомъ
Еще не связанная никакимъ,
Она бродить могла и на свободѣ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
И часто пользовалася она
Своей свободой? Вотъ, что мнѣ скажи!

ДІЕГО.
Садовой тишины искала часто
Она; но лишь сегодня не вернулась.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*по нѣкоторомъ размышленіи*).
Грабежъ, ты говоришь? Когда доступна
Была разбойнику она, то такъ же
Сама бѣжать была свободна.

ИЗАБЕЛЛА (*встаетъ*).
Это
Насилье! Это дерзостный грабежъ!
Не можетъ дочь моя, долгъ позабывъ,
Увлекшись, съ похитителемъ бѣжать!
Донъ-Мануилъ! Донъ-Цезарь! Я сестру
Надѣялась вамъ привести а нынѣ
Сама ея освобожденьемъ буду
Обязана рукамъ геройскимъ вашимъ.
Сыны мои! Возстаньте въ вашей силѣ!
Не попустите вы, чтобы сестра
Добычей вора наглаго была.—
Къ оружію! Снастите корабли!
Весь берегъ обыщите! за корсаромъ
По всѣмъ морямъ гонитесь!—Завоюйте
Себѣ сестру!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Прости, я полечу
На поиски и да свершится месть!
(*Уходитъ. Донъ-Мануилъ, очнувшись отъ глубокой задумчивости, съ безпокойствомъ обращается къ Діего*).

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Когда, сказалъ ты, скрылася она?
ДІЕГО.
Она сегодня, утромъ, лишь исчезла.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*Донн Изабелл*).
И Беатриче дочь твою зовутъ?
ИЗАБЕЛЛА.
Такъ имя ей. Не спрашивай! Спѣши.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Еще одно, о мать, дай мнѣ узнать...
ИЗАБЕЛЛА.
Спѣши на подвигъ, съ брата взявъ при-
мѣръ!
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Въ которой сторонѣ, я заклинаю...
ИЗАБЕЛЛА (*гоня его*).
Взгляни на эти слезы, этотъ ужасъ!
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Въ которой сторонѣ ее ты скрыла?
ИЗАБЕЛЛА.
Сохраннѣе быть не могла она
И подъ землею!
ДІЕГО.
О, теперь внезапно
Боязнь и страхъ овладѣваютъ мною!
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Страхъ, отчего? Скажи, что знаешь ты?
ДІЕГО.
Невольный я сообщникъ похищенья.
ИЗАБЕЛЛА.
Несчастный! что случилося? открой!
ДІЕГО.
Я отъ тебя, владычица, то скрылъ,
Чтобъ сердце материнское твое
Не удручить заботою. Когда,
Въ день погребенья князя, весь народъ,
До новизны охотный, повалилъ
На торжество печальное,—проникла
За стѣны монастырскія молва,—
И дочь твоя мольбою неотступной
Меня просила дать ей поглядѣть
На это зрѣлище. И я, несчастный,
Не устоялъ передъ ея мольбами,—
Подъ одѣяньемъ траурнымъ она
Была свидѣтельницею обряда;
И тамъ въ толпѣ, которая со всѣхъ
Сторонъ нахлынула, я опасаюсь,
Разбойника глаза могли ее
Подмѣтить, ибо красоту ея
Не скроетъ никакое покрывало.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*про себя вздохнувъ свободно*).
Слова блаженныя! Вольнѣе сердцу!
То не она! Къ ней это не подходитъ.
ИЗАБЕЛЛА.
Старикъ безумный! такъ мнѣ измѣнилъ ты?
ДІЕГО.
Владычица! я думалъ, что хорошій
Предпринималъ поступокъ. Въ томъ же-
ланьи
Я видѣлъ гласъ природы, силу крови;
Казалось мнѣ, что дочь твою влечетъ
На гробъ отца таинственною силой
Предчувствіе, по повелѣнью неба.
Исполнить долгъ благочестивый я
Ей не мѣшалъ; и вотъ лишь изъ благого
Намѣренья,—я злое совершилъ.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*про себя*),
Чтожъ медлю я, сомнѣньемъ страшнымъ
мучась?
Скорѣй все разузнаю и увѣрюсь!
(*Хочетъ итти*).
ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*возвращаясь*).
Повремени, Донъ-Мануилъ, сейчасъ
Я за тобой иду.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
За мной не слѣдуй!
Прочь! Чтобы никто не слѣдовалъ за мной!
(*Уходитъ*).
ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*изумленно глядитъ ему вслѣдъ*).
Что съ братомъ? Мать, скажи мнѣ?
ИЗАБЕЛЛА.
Я его
Не узнаю теперь; его совсѣмъ
Не узнаю.
ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Я возвращаюсь, мать!
Въ пылу горячемъ рвенья позабылъ
О признакахъ спросить я, по которымъ
Сестру утраченную отыскать;
И какъ слѣды ея найти, пока
Не вѣдаешь той мѣстности, откуда
Разбойники похитили ее,
Въ какомъ монастырѣ ее ты скрыла?
ИЗАБЕЛЛА.
Святой Цециліи онъ посвященъ
И прячется за боромъ, что по склонамъ
Отлогимъ Этны стелется, подобно
Убѣжищу безмолвному тѣней.
ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Развеселись! Сынамъ своимъ довѣрься!
Я дочь верну тебѣ, хотя бъ пришлось
Всѣ земли обыскать и всѣ моря.
Одно лишь, мать, меня заботитъ: я
Невѣсту подъ чужой покинулъ стражей.
Тебѣ одной залогъ сей ввѣрю я;
Къ тебѣ ее пришлю я; въ часъ свиданья,
Близъ сердца нѣжнаго въ груди ея,
Забудешь ты и скорби и страданья.
(*Уходитъ*).
ИЗАБЕЛЛА.
Доколѣ будетъ съ той же прежней властью
Проклятье тяготѣть надъ кровлей сей?
Всетою же играетъ злобной страстью

Лукавый рокъ надеждою моей.
До пристани ужъ было недалеко,
Ужъ ввѣрилась мечтѣ счастливой я;
Дремалъ, казалось, ураганъ жестокій,
И берегъ радостно манилъ меня
Къ себѣ, въ лучахъ заката догорая,
Вдругъ разразилась буря роковая,
И съ волнами опять борюся я!

(*Уходитъ во внутренніе покои, куда за нею слѣдуетъ Діего*).

Сцена превращается въ садъ.

ОВА ХОРА. ПОТОМЪ БЕАТРИЧЕ.

(*Хоръ Донъ-Мануила вступаетъ праздничнымъ шествіемъ, украшенный вѣнками, сопровождая вышеописанные брачные дары.*

(*Хоръ Донъ-Цезаря хочетъ загородить ему входъ*).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Ты лучше бы мнѣ путь не заграждалъ.

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Да, если бъ лучшій этого желалъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Ты лишній здѣсь и могъ бы то понять.

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
На зло тебѣ останусь здѣсь стоять.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Здѣсь я стою. Кто отстранитъ меня?

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Здѣсь власть моя, съ тобой сражуся я

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Мой вождь прислалъ меня—Донъ-Мануилъ.
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Мой господинъ велитъ, чтобъ я здѣсь былъ.
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Старѣйшему братъ меньшій уступаетъ.
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Тотъ властелинъ, кто первый обладаетъ.
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Прочь, ненавистный, отступи предъ нами!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Сперва съ тобой помѣримся мечами.
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Дерзнешь ты всюду встать передо мной?
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Гдѣ захочу, тамъ встрѣчуся съ тобой!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Что ты допрашиваешь, охраняешь?
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Что ты допрашиваешь, запрещаешь?
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Я не къ отвѣту всталъ передъ тобой!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
И словомъ я тебя не удостою!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Достоинъ почитанья возрастъ мой!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Я въ мужествѣ равняюся съ тобой!
БЕАТРИЧЕ (*вбѣгая*).
О горе мнѣ! зачѣмъ тѣ люди здѣсь?
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ) (*второму хору*).
Что мнѣ твой гордый видъ и эта спѣсь!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Тотъ лучшій князь, кому я покорился!
БЕАТРИЧЕ.
О горе, если бъ онъ теперь явился!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Ты лжешь! славнѣй Донъ-Мануилъ во всемъ!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Всегда побѣда за моимъ вождемъ!
БЕАТРИЧЕ.
Сейчасъ онъ будетъ здѣсь, настало время!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Когда бъ не миръ, ты несъ бы кары бремя!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Не миромъ, нѣтъ, ты страхомъ побѣжденъ.
БЕАТРИЧЕ.
О! будь за сотни миль отсюда онъ.
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Не взоръ твой наглый—страшенъ мнѣ законъ!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Ты въ этомъ правъ,—защита труса онъ.
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Начни, я за тобой!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Мечъ обнаженъ!
БЕАТРИЧЕ (*въ величайшемъ испугѣ*).
Они схватились, блещутъ ихъ мечи!
Остановите вы его, о силы
Небесныя! Преграды появитесь
И на пути сѣтями оплетитесь
И путами вокругъ его вы ногъ,
Дабы сей мигъ настичь его не могъ!
Вы, ангелы, вы всѣ, которыхъ я
Молила привести его сюда,
Мольбы мои и просьбы обманите:
Подалѣе, подалѣе теперь
Его шаги отсюда отклоните!

(*Поспѣшно убѣгаетъ. Въ то время, какъ хоры наступаютъ другъ на друга, появляется Донъ-Мануилъ*).

Донъ-Мануилъ. Хоръ.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Что вижу я?—Ни съ мѣста!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ. БЕРЕНГАРЪ. МАНФРЕДЪ) (*второму хору*).
Наступай!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ. РОГЕРЪ. ИППОЛИТЪ).
Рази его!
ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*становится между ними съ обнаженнымъ мечомъ*).
Ни съ мѣста!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Это—князь!
ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).
Миръ!—это братъ.
ДОНЪ-МАНУИЛЪ.
Я положу на мѣстѣ
Того, кто, хоть моргнувъ одной рѣсницей,
Дерзнетъ раздоръ продолжить и грозить
Противнику!—Въ умѣ ли вы? Какой
Васъ демонъ подстрекаетъ раздувать
Старинной распри пламя? Между нами,
Князьями вашими, она навѣки
Прекращена. Кто началъ ссору? Знать
Хочу я, говорите!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ, БЕРЕНГАРЪ).
Здѣсь стояли
Они.
ВТОРОЙ ХОРЪ (РОГЕРЪ. БОЭМУНДЪ) (*перебивая*).
Пришли они...
ДОНЪ-МАНУИЛЪ (*первому хору*).
Ты говори!
ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
Пришли съ дарами брачными сюда

По твоему, о князь, мы повелѣнью.
Ты видишь, разодѣты, какъ на праздникъ
И вовсе не готовые къ войнѣ;
Ввѣряясь клятвенному договору,
Брели мы мирно нашею дорогой
И злого ничего не замышляли;
Какъ здѣсь, расположась враждебнымъ ста-
номъ,
Они намъ входъ упорно заградили.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Безумные! Ужели ни одно
Убѣжище отъ ярости слѣпой
И дикой вашей не ограждено?
И даже въ сокровенный сей пріютъ
Невинности нарушить миръ его
Врывается раздоръ вашъ?
(*Второму хору*).
Отступи!
Здѣсь тайны есть, которыя не терпятъ
Присутствія отважности твоей.
(*Замѣтивъ его нерѣшительность*).
Назадъ! Такъ чрезъ меня повелѣваетъ
Тебѣ твой господинъ, затѣмъ, что нынѣ,
Одно мы сердце и одна глава,
Его велѣнье тоже и мое.
Иди!
(*Первому хору*).
А ты—ты оставайся здѣсь
И входъ оберегай.

БОЭМУНДЪ.

Что предпринять?
Согласны, правда, межъ собой князья;
Въ вождей верховныхъ ссоры и раздоръ
Мѣшаться съ хлопотливостью незванной
Невыгодно, а часто и опасно.
Когда властитель распрей утомленъ,
Скорѣй на простодушнаго слугу
Вины онъ сбрасываетъ плащъ кровавый
И безъ труда самъ остается чистъ;
И такъ, пускай князья мирятся сами,
Для насъ же выгоднѣй повиноваться.

(*Второй хоръ уходитъ; первый удаляется въ глубину сцены. Въ то же мгновеніе выбѣгаетъ Беатриче и бросается въ объятія Донъ-Мануила*).

БЕАТРИЧЕ. ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

БЕАТРИЧЕ.

Ты здѣсь. Опять со мною ты. Жестокій!
Томилась долго, долго я, добычей
Всѣхъ ужасовъ и страха. Но довольно
О томъ!—Ты мой.—Въ твоихъ объятьяхъ
милыхъ
Защита и охрана ото всѣхъ
Опасностей. Идемъ. Ихъ нѣтъ! Мы можемъ
Бѣжать. Прочь, не теряемъ ни минуты!
(*Хочетъ увлечь его за собой и тутъ только вглядывается въ него внимательнѣе*).
Но что съ тобой? Меня встрѣчаешь ты
Такъ строго и торжественно; мои
Объятія ты отстраняешь, словно
Совсѣмъ меня желалъ бы оттолкнуть?
Не узнаю тебя я болѣ! Это ль
Донъ-Мануилъ, супругъ мой, мой желанный?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О, Беатриче!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, не говори!
Словамъ теперь не время! Прочь отсюда,
Спѣшимъ скорѣе, дорого мгновенье...

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О, погоди! Дай мнѣ отвѣтъ.

БЕАТРИЧЕ.

Прочь, прочь!
Пока тѣ люди злые не вернулись!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Постой! тѣ люди не обидятъ насъ.

БЕАТРИЧЕ.

Да, да! Ты ихъ не знаешь. О, идемъ!
Бѣги!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Моей рукою защищенной
Чего тебѣ страшиться?

БЕАТРИЧЕ.

О, повѣрь,
Здѣсь люди сильные!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ни одного,
О милая, сильнѣе нѣтъ меня!

БЕАТРИЧЕ.

Ты, противъ множества, совсѣмъ одинъ!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Совсѣмъ одинъ! Тѣ коихъ ты страшишься...

БЕАТРИЧЕ.

Не знаешь ты, кому тѣ люди служатъ?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Они мнѣ служатъ,—я ихъ повелитель.

БЕАТРИЧЕ.

Ты развѣ... ужасъ пронизалъ мнѣ душу!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Узнай же, Беатриче, наконецъ!
Не тотъ я, кѣмъ меня считала ты,
Не бѣдный рыцарь, нѣтъ, не незнакомецъ.
Любя, желавшій лишь любви твоей.
Кто я таковъ,—мое происхожденье
И власть мою я отъ тебя скрывалъ.

БЕАТРИЧЕ.

Ты не Донъ-Мануилъ! О горе, кто жъ ты?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Донъ-Мануиломъ я зовусь и здѣсь

Я выше всѣхъ, носящихъ это имя;
Я Мануилъ, князь города Мессины.

БЕАТРИЧЕ.

Донъ-Мануилъ, Донъ-Цезаря ты братъ?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Мнѣ братъ родной Донъ-Цезарь.

БЕАТРИЧЕ

Братъ тебѣ?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ужель тебя пугаетъ это. Развѣ
Донъ Цезаря ты знаешь? Развѣ знаешь
Еще кого изъ сродниковъ моихъ?

БЕАТРИЧЕ.

Ты Мануилъ, который во враждѣ
Непримиримой брата ненавидитъ?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Мы примирились,—братья мы отнынѣ
Не по рожденью лишь, но и по духу.

БЕАТРИЧЕ.

Отнынѣ примирились?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О скажи,
Что это? Что тебя тревожитъ такъ?
Иль не по имени ты только знаешь
Нашъ родъ? Твою я всю ли знаю тайну?
Ты ничего не скрыла, ни о чемъ
Не умолчала мнѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Что ты помыслилъ?
Какъ?- Въ чемъ бы мнѣ сознаться предъ тобой?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Про мать твою еще ты ничего
Не говорила. Кто она? Узнать
Ее могла ли бъ ты, когда бъ тебѣ
Ее я указалъ, иль описалъ?

БЕАТРИЧЕ.

Ее ты знаешь,—знаешь и скрывалъ
Мнѣ это?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Горе и тебѣ, и мнѣ,
Когда ее я знаю!

БЕАТРИЧЕ.

О, она,
Какъ солнца свѣтъ, прекрасна! Я ее
Передъ собою вижу,—оживаетъ
Опять воспоминаніе и снова
Ея божественный восходитъ образъ
Во глубинѣ души. Ея кудрей
Мнѣ видятся чернѣющія кольца
Вкругъ бѣлоснѣжной, горделивой шеи,
И гладкаго чела ея окладъ,
И свѣтлый отблескъ темныхъ глазъ я вижу,
Звукъ задушевный голоса ея
Мнѣ слышится..

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О горе! Ты ее
Рисуешь мнѣ!

БЕАТРИЧЕ.

И я отъ ней бѣжала!
Могла ее покинуть я въ то утро,
Въ тотъ самый день, который, можетъ быть,
Меня бъ соединилъ навѣки съ нею!
О, даже ей тебя я предпочла!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Тебѣ Мессинская княгиня мать
Отнынѣ. Къ ней я отвожу тебя,—
Тебя ужъ ждетъ она.

БЕАТРИЧЕ.

Что говоришь ты?
Мать Донъ-Цезаря и мать твоя?
Ты къ ней меня ведешь? О, никогда!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ты вся дрожишь? что значитъ этотъ ужасъ?
Иль не чужая мать моя тебѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Злосчастное печальное открытье!
О, не видать бы дня сего вовѣкъ!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Что такъ страшитъ тебя теперь, когда
Увѣдала ты князя въ незнакомцѣ?

БЕАТРИЧЕ.

О возврати мнѣ незнакомца снова,
Я и на островѣ пустынномъ съ нимъ
Была бы счастлива!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*за сценой*).

Назадъ! Зачѣмъ
Здѣсь эта многолюдная толпа?

БЕАТРИЧЕ.

О Боже! этотъ голосъ! Гдѣ мнѣ скрыться?

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Ты узнаешь его? Нѣтъ, никогда
Его ты не слыхала и не можешь
Узнать тотъ голосъ!

БЕАТРИЧЕ.

О бѣжимъ! Не медли!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Зачѣмъ бѣжать? то голосъ брата; ищетъ
Меня онъ; все жъ, дивлюсь, какъ онъ открылъ...

БЕАТРИЧЕ.

Остерегись его! тебя я всѣми
Святыми заклинаю! Не встрѣчайся
Ты со свирѣпствующимъ такъ жестоко
И здѣсь да не застанетъ онъ тебя!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О милая! Страхъ разумъ твой затмилъ.
Не слышишь ты, мы примирились съ братомъ.

БЕАТРИЧЕ.

О небо! выручи, спаси меня
Отъ часа этого!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Что чуетъ сердце!
При мысли я одной охваченъ дрожью!
Возможно ли? Ужель тебѣ знакомъ
Тотъ голосъ? Беатриче, ты была,—
Мнѣ страшно далѣ спрашивать,—была ты
На погребеньи моего отца?

БЕАТРИЧЕ.

О горе мнѣ!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Была ты?

БЕАТРИЧЕ.

Не гнѣвись!

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

Несчастная, была?

БЕАТРИЧЕ.

Да, я была.

ДОНЪ-МАНУИЛЪ.

О, ужасъ!

БЕАТРИЧЕ.

Слишкомъ было велико
Желаніе. Прости мнѣ! я призналась;
Такъ строго, мрачно такъ вдругъ отказалъ ты
Мнѣ въ просьбѣ, и молчала я. Не знаю,
Какой звѣзды несчастной власть влекла
Съ неудержимой силою меня.
Стремленье пылкое души должна

Была я утолить; служитель старый
Свою мнѣ помощь оказалъ; тебѣ
Я не повиновалась и пошла.

(*Она ласкается къ нему. Тутъ въ сопровожденіи всего хора входитъ Донъ-Цезарь*).

Оба брата. Оба хора. Беатриче.

второй хоръ (боэмундъ).

Не вѣришь намъ—повѣрь своимъ глазамъ!

донъ-цезарь

(*стремительно входитъ и при видѣ брата въ ужасѣ отступаетъ*).

Явленье ада! Какъ! Въ его объятьяхъ?

(*Подходитъ ближе. Донъ-Мануилу*).

Ехидный змѣй! Такъ вотъ любовь твоя,
Такъ вотъ зачѣмъ коварно обольщалъ
Ты примиреніемъ своимъ меня!
О, гласомъ Бога ненависть моя
Была! Скорѣй пусть адъ тебя поглотитъ,
Лукавая змѣиная душа!

(*Закалываетъ его*).

донъ-мануилъ.

Я умираю... Беатриче!... Братъ!...

(*Падаетъ и умираетъ. Беатриче безъ чувствъ опускается возлѣ него*).

первый хоръ (каетанъ).

Убійство! Всѣ сюда! Къ оружью всѣ!
За дѣло крови—кровь да отомститъ!

(*Всѣ обнажаютъ мечи*).

второй хоръ (боэмундъ).

О радость намъ! Конецъ старинной распрѣ!
Единому отнынѣ властелину
Принадлежитъ Мессина.

первый хоръ (Каетанъ. Беренгаръ. Манфредъ).

Мщенье! Мщенье!
Погибни за убитаго убійца!
Погибни жертвой умилостивленья!

второй хоръ (Боэмундъ. Рогеръ. Ипполитъ).

Не бойся ничего, о государь!
Мы головою за тебя стоимъ!

донъ-цезарь (*торжественно становится между ними*).

Назадъ! я своего врага убилъ,
Который, обманувъ мое прямое,
Довѣрчивое сердце, сѣти мнѣ
Разставилъ братскою своей любовью.
Ужасенъ видъ сего дѣянья, но
Всеправедное небо такъ судило!

первый хоръ (каетанъ).

Тебѣ, Мессина, горе! горе! горе!
Въ твоихъ стѣнахъ ужасное злодѣйство
Свершилось. Горе матерямъ твоимъ,
Твоимъ младенцамъ, юношамъ и старцамъ!
И горе нерожденному еще
Плоду утробы материнской!

донъ-цезарь.

Поздно!
Не время жалобамъ—здѣсь помогите!
(*Указывая на Беатриче*).
Ее въ сознанье приведите! Прочь
Ее отъ мѣста ужаса и смерти
Скорѣе удалите. Не могу
Я медлить долѣе; меня зоветъ
Забота о похищенной сестрѣ.
Ее въ палаты матери моей
Введете вы и скажете: Тебѣ
Ее твой сынъ, Донъ-Цезарь, присылаетъ!

(*Уходитъ. Второй хоръ сажаетъ безчувственную Беатриче на скамью и уноситъ ее. Первый хоръ остается при тѣлѣ, около котораго становятся полукругомъ мальчики, принесшіе брачные дары*).

хоръ (каетанъ).

Скажите! постигнуть, понять не могу я,
Какъ все свершилось съ такой быстротой.
Зловѣщее крови дѣяніе чуя,
Давно ужъ души прозорливой очами
Завидѣлъ я призракъ его роковой;
Широкими онъ надвигался шагами,—
Но вотъ, предо мной то свершилось дѣянье,
Что трепетно, смутно предчувствовалъ я,
И все мое тѣло пришло въ содроганье,
Душа возмутилася нынѣ моя,
И въ жилахъ отъ ужаса кровь застываетъ.
Такъ истина эта меня потрясаетъ.

одинъ изъ хора (манфредъ).

Вопли раздайтесь! Раздайтесь рыданья!
Юноша милый!
Здѣсь, въ цвѣтѣ лѣтъ, распростертъ безъ дыханья,
Смертною ночью объятъ у порога
Брачнаго, полнаго блеска чертога!
Но надъ безмолвнымъ, въ тоскѣ безграничной
Громче и жалобнѣй плачъ и стенанья.

другой (каетанъ).

Идемъ мы, идемъ мы
Блестящей толпой,
Невѣсту мы съ брачными встрѣтимъ дарами,
И отроки съ нами
Несутъ подвѣнечный уборъ дорогой.
Ужъ пиръ уготованъ и званые ждутъ,
Они хороводъ свой веселый ведутъ,—
Медлитъ женихъ, не пробудится онъ,
Ибо тяжелый у мертваго сонъ.

ВЕСЬ ХОРЪ.

Мертваго сонъ и тяжелъ, и глубокъ,
На голосъ невѣсты мертвецъ не очнется,
Его не пробудитъ охотничій рогъ,—
Онъ въ прахѣ, безъ чувствъ, недвижимъ остается

ТРЕТІЙ (КАЕТАНЪ).

Что упованія, предначертанія!
Зиждущій васъ человѣкъ преходящъ.
Сердцемъ, устами, успѣвъ примириться,
Братски сегодня лишь вы обнялись,
Этого солнца, что нынѣ садится,
Вашему миру лучи пролились.
Въ прахѣ теперь ты лежишь безъ дыханья,
Братоубійцы сраженный рукой,
Съ страшною раной въ груди молодой!
Что упованія, предначертанія!
Не на обманчивомъ ли основаньи,
Сынъ мимолетный минуты одной, —
Васъ человѣкъ созидаетъ мечтой?

ХОРЪ (БЕРЕНГАРЪ).

Не на радость тебя понесемъ
Мы къ твоей матери, ношей печальной!
Смертоносной сѣкиры стальнымъ лезвеемъ
Кипарисъ сей безжалостно мы разсѣчемъ.
Изъ вѣтвей приготовимъ мы одръ погребальный
Смерти плодъ ты принесъ и за то никогда
Не видать тебѣ болѣ живого плода;
Никогда ты цвѣтущей главы не поднимешь
И надъ путникомъ тѣни своей не раскинешь:
Ты вскормленный землей убіенія
Проклятъ будь мертвецу на служеніе!

ПЕРВЫЙ (КАЕТАНЪ).

Но горе убійцѣ! О горе! О горе!
Съ отвагой безумной уходитъ онъ прочь.
Все глубже, сквозь трещины, крови потоки
Стекаютъ,—стекаютъ въ подземную ночь.
Но тамъ, среди нѣдръ преисподней глубокой,
Тамъ дщери Ѳемиды, безъ словъ и безъ пѣнья,
Судя безпристрастно, не зная забвенья,
Въ сосуды свои эту кровь принимаютъ
И страшную месть въ нихъ мѣшаютъ.

ВТОРОЙ (БЕРЕНГАРЪ).

На землѣ, озаряемой солнца лучами,
Исчезаютъ дѣяній слѣды во мгновенье,
Какъ съ лица мимолетной мечты выраженье:
Но не сгинетъ ничто, не предастся забвенью,
Что Часы, управляя таинственно нами,
Поглотили во мракѣ творящемъ своемъ.
Разцвѣтающей нивѣ подобится время
Жизнь великая въ мірѣ, какъ въ тѣлѣ живомъ,
И все плодъ во вселенной,—все—сѣмя.

ТРЕТІЙ (КАЕТАНЪ).

Горе убійцѣ! О горе! О горе!
Ты сѣмя смерти посѣялъ себѣ!
Пока не свершенъ былъ тобою поступокъ,
Подъ видомъ инымъ онъ являлся тебѣ.
Отважно ты дѣйствуешь безъ опасенья,
Пока чувствомъ мести волнуется грудь;
Но послѣ, свершилося лишь преступленье,
Оно блѣднолицей зловѣщею тѣнью
Спѣшитъ на тебя съ укоризной взглянуть.
Ореста коварныя фуріи гнали,
Ихъ адскія змѣи его подстрекали,
Чтобъ матерь свою онъ убилъ.
Лукаво онѣ его сердце прельстили,
Его правосудья чертами плѣнили,
И дѣло онъ смерти свершилъ.
Но лишь поразилъ онъ родную утробу,
Что съ нѣжной любовью носила его,
Со страшною злобой
Возстали онѣ на него самого;
И дѣвъ онъ ужасныхъ увѣдалъ тогда,
Тѣхъ дѣвъ, что, убійцу съ собой увлекая,
Покоя ему не даютъ никогда;
Ему сердце гложутъ отравой змѣиной,
Безъ устали гонятъ отъ края до края,
До самой Дельфійской святыни.

(*Хоръ удаляется, унося тѣло Донъ-Мануила на носилкахъ*).

Палата на столбахъ.

Ночь. Сцена освѣщена сверху большою лампадою.

Донна-Изабелла *и* Діего *входятъ*.

ИЗАБЕЛЛА.

Все нѣтъ вѣстей отъ сыновей моихъ,
Нашлися ли исчезнувшей слѣды?

ДІЕГО.

Нѣтъ, госпожа, но многаго я жду
Отъ ревности сыновъ твоихъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Діего!
Какъ сердце устрашается мое!
Несчастье это отвратить могла я.

ДІЕГО.

Упрековъ жало не вонзай ты въ сердце,—
Какой предосторожностію ты
Пренебрегла?

ИЗАБЕЛЛА.

О, если бъ ранѣ къ свѣту
Я вызвала ее, къ чему меня
Такъ сильно голосъ сердца побуждалъ!

ДІЕГО.

Тебя остановила мудрость: ты
Разумно поступила. Но въ рукѣ
Всевышняго покоится развязка.

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, полной радости нѣтъ ни единой!
Не будь сей случай, счастіе мое
Всецѣло было бъ.

ДІЕГО.

Это счастье лишь
Отсрочено, но не разбито; нынѣ
Будь счастлива ты миромъ сыновей.

ИЗАБЕЛЛА.

Невиданное зрѣлище дотолѣ
Предстало предо мною: сердце къ сердцу
Другъ съ другомъ обнимался они!

ДІЕГО.

И то не лицедѣйствіемъ лишь было,
Отъ чистаго то сердца исходило:
Ихъ прямота не терпитъ лжи насилья.

ИЗАБЕЛЛА.

Я вижу, что къ наклонности прекрасной
И чувству нѣжности они способны.
Я съ восхищеньемъ убѣждаюсь въ томъ,
Что уважаютъ то они, что любятъ.
Отъ необузданнаго своеволья
Готовая отречься, юность ихъ,
Кипучая и дикая, послушна
Браздамъ закона; даже страсть сама
Въ нихъ благонравія полна. Діего,
Теперь охотно я тебѣ признаюсь,
Что озабоченно и робко я
Предвидѣла мгновеніе, когда
Цвѣтокъ распустится въ нихъ чувства. Въ ярость
Легко перерождается любовь
Въ природахъ пылкихъ. Если бы внезапно
Ихъ невивисть старинную, какъ глыбу
Веществъ горючихъ, ревностью палящей
И эта молнія воспламенила!—
Подумать страшно—если бы ихъ чувства,
Которыя доселѣ не бывали
Согласны, встрѣтились впервые здѣсь!
Но благо мнѣ. И эту роковую
И громовую надо мною тучу,
Нависшую такъ грозно, ангелъ Божій
Пронесъ неслышно мимо, и легко
Свободной грудью дышится теперь.

ДІЕГО.

Да, радуйся ты дѣлу своему.
Ты кроткимъ духомъ, разумомъ спокойнымъ
Свершила то, чего отецъ не могъ
Со всею мощью властелина. Слава
Тебѣ; но и звѣздѣ твоей счастливой—
Хвала.

ИЗАБЕЛЛА.

Мнѣ много удалось! И счастье
Свершило многое!—Такую тайну
Легко ли было мнѣ такъ сокровенно
Всѣ эти годы долгіе носить,
Предусмотрительнѣйшаго изъ всѣхъ
Мужей обманывать, и заглушать
Въ душѣ влеченье крови, что такъ властно,
Какъ замкнутое божество огня,
На волю вырывалось изъ оковъ!

ДІЕГО.

Благопріятно было долго счастье:
Залогомъ это мнѣ, что разрѣшится
Все къ радости.

ИЗАБЕЛЛА.

Не ранѣе прославлю
Свою звѣзду я, какъ дѣяній этихъ
Увижу окончанье. Что не дремлетъ
Мой геній злой, про это, угрожая,
Мнѣ бѣгство дочери напоминаетъ.
Хвали, иль порицай поступокъ мой,
Но ничего, Діего, не хочу
Я отъ тебя, отъ вѣрнаго, скрывать:
Не въ силахъ я была спокойно, праздно
Исхода ждать, пока мои сыны
Настойчиво слѣдовъ сестры искали.
Я тоже дѣйствовала.—Гдѣ безсильно
Искусство человѣка,—небо тамъ
Нерѣдко помогаетъ.

ДІЕГО.

О, повѣдай,
Что знать мнѣ надлежитъ.

ИЗАБЕЛЛА.

На склонѣ Этны
Отшельникъ набожный живетъ; его
Издавна горнымъ старцемъ прозываютъ.
Онъ, обитая ближе къ небесамъ,

Чѣмъ къ прочему, блуждающему низко,
Людскому поколѣнію, очистилъ
Въ струяхъ воздушныхъ легкаго эѳира
Земные помыслы и, съ высоты
Накопленныхъ годовъ, взираетъ онъ
На развивающуюся предъ нимъ
Игру безумно извращенной жизни.
Не чужды судьбы дома моего
Ему; нерѣдко небо вопрошалъ
Объ насъ тотъ мужъ святой и устранилъ
Молитвой многія проклятья. Тотчасъ
Я быстраго и юношеской жизни
Исполненнаго вѣстника къ нему
На высоту послала, чтобъ онъ вѣсть
О дочери принесъ мнѣ. Ежечасно
Его я возвращенья ожидаю.

ДІЕГО.

Когда глаза меня не обманули,
То самъ, владычица, сюда спѣшитъ онъ,
И похвалы, воистину, достойна
Рачительность его.

ИЗАБЕЛЛА. ДІЕГО. ВѢСТНИКЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Скажи! ни злого,
Ни добраго не утаи, но всю
Повѣдай истину! Что горный старецъ
Тебѣ отвѣтилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Вспять скорѣй вернуться
Ты долженъ, былъ отвѣтъ, ибо нашлась
Пропавшая.

ИЗАБЕЛЛА.

Блаженныя уста!
О, неба радостное слово! Ты
Всегда мнѣ вѣсть желанную приносишь!
Но изъ сыновъ моихъ, кому досталось
Найти слѣды пропавшей?

ВѢСТНИКЪ.

Старшій сынъ твой
Глубоко сокровенную нашелъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Я ей обязана Донъ-Мануилу!
Ахъ, этотъ сынъ всегда мнѣ чадомъ былъ
Благословеннымъ! Ты отнесъ ли старцу
И освященную свѣчу, ему
Которую послала я, чтобъ онъ
Возжегъ ее святому своему?
Дарами, что пріятны прочимъ людямъ,
Пренебрегаетъ Божій тотъ служитель.

ВѢСТНИКЪ.

Свѣчу онъ молча принялъ отъ меня,
И, засвѣтивъ надъ алтаремъ ее
Поспѣшно о лампаду, что святому
Тамъ теплилась, онъ хижину свою,
Гдѣ Богу девяносто лѣтъ служилъ,
Поджегъ мгновенно.

ИЗАБЕЛЛА.

Что ты говоришь?
Какіе ужасы ты возвѣщаешь?

ВѢСТНИКЪ.

Взывая трижды: Горе! горе! горе!
Съ горы спустился онъ; мнѣ жъ подалъ знакъ
За нимъ не слѣдовать, не озираться.
Итакъ, гонимый ужасомъ, сюда
Я поспѣшилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Опять меня въ пучину
Мучительно волнующихъ сомнѣній
И въ робость трепетныхъ недоумѣній
Противорѣчье это повергаетъ.
Пускай исчезнувшую дочь нашелъ
Мой сынъ, Донъ-Мануилъ,—благая вѣсть
Не радостна, когда за ней должно
Свершиться злополучное дѣянье!

ВѢСТНИКЪ.

Взгляни, владычица! Передъ тобою
Отшельника сбываются слова:
Пусть все мои обманываетъ взоры,
Коль то не дочь пропавшая твоя,
Которую искала ты, и съ нею
Подходятъ рыцари твоихъ сыновъ.
(*Второй полухоръ вноситъ Беатриче, сидящую въ креслахъ, и опускаетъ ихъ на авансценъ. Она безъ чувствъ и неподвижна*).

ИЗАБЕЛЛА. ДІЕГО. ВѢСТНИКЪ. БЕАТРИЧЕ. ХОРЪ.

(БОЭМУНДЪ, РОГЕРЪ, ИППОЛИТЪ *и прочіе девять рыцарей* ДОНЪ-ЦЕЗАРЯ).

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Велѣнье господина исполняя,
Къ твоимъ ногамъ приводимъ дѣву мы,
Владычица! Такъ поступить велѣлъ онъ
И передать тебѣ такое слово:
—Ее твой сынъ, Донъ-Цезарь, присылаетъ!

ИЗАБЕЛЛА

(*спѣшитъ къ ней съ распростертыми объятьями и въ страхѣ отступаетъ*).

Она блѣдна, безжизненна! О, небо!

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Она жива! Она очнется! Лишь
Дай ей опомниться отъ изумленья,
Которымъ связанъ духъ ея еще.

ИЗАБЕЛЛА.

Дитя мое! Дитя моихъ печалей,
Моихъ заботъ! Такъ вотъ какъ мы съ тобой
Встрѣчаемся! Такъ вотъ какъ ты вступаешь
Въ отцовскій домъ! О, дай твою мнѣ жизнь
Своей воспламенить! Я прижимать
Тебя ко груди материнской буду,
Пока, отъ хлада смертнаго свободы,
Согрѣвшіяся жилы не забьются!
(*Хору*).
О, говори! Что совершилось тутъ?
Гдѣ ты нашелъ ее? И какъ дитя
Безцѣнное мое пришло въ такое
Плачевно бѣдственное состоянье?

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Не отъ меня развѣдывай,—безмолвны
Уста мои. Твой сынъ, Донъ-Цезарь, все
Подробно возвѣститъ тебѣ, затѣмъ,
Что онъ ее къ тебѣ препровождаетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Мой сынъ, Донъ-Мануилъ, сказать ты хочешь?

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Ее твой сынъ, Донъ-Цезарь, присылаетъ.

ИЗАБЕЛЛА (*вѣстнику*).

Не Мануила ль назвалъ предсказатель?

ВѢСТНИКЪ.

Такъ, госпожа, такъ старецъ говорилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Кто бъ ни былъ то, онъ сердце мнѣ утѣшилъ:
Я дочерью обязана ему.
Будь онъ благословенъ! Зачѣмъ блаженство
Такъ жарко вымоленнаго мгновенья
Завистливый мнѣ демонъ отравляетъ.
Съ восторгомъ я своимъ должна бороться,
Въ отцовскомъ домѣ дочь свою я вижу,
Она же мнѣ не внемлетъ, не глядитъ

И материнской радости не можетъ
Отвѣтить. Очи милыя, раскройтесь!
Согрѣйтесь, руки! О, приподымись
Безжизненная грудь! Забейся счастьемъ!—
Діего! Вотъ, вотъ дочь моя, такъ долго
Таимая! Избавлена она!
Предъ міромъ всѣмъ признать ее могу я.

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Необычайно грозное я что-то
Предчувствую и въ изумленьи жду,
Чѣмъ разрѣшится недоразумѣнье.

ИЗАБЕЛЛА (*хору, выражающему смущеніе и замѣшательство*).

О, какъ непроницаемы и черствы
Сердца у васъ! О мѣдную броню,
Которой ваша грудь обложена,
Какъ объ утесы прибережныхъ скалъ,
Дробится радость сердца моего.
Напрасно озираюсь я, ища
Единаго сочувственнаго взора.
Гдѣ медлятъ сыновья мои, чтобы
Я хоть въ единомъ окѣ прочитала
Участіе. Мнѣ кажется, какъ будто
Меня свирѣпыя стада пустыни
Или чудовища морскія окружаютъ!

ДІЕГО.

Она шевелится, глаза раскрыла,—
Она жива!

ИЗАБЕЛЛА.

Жива! Пусть первый взоръ
Ея на матерь устремится!

ДІЕГО.

Очи
Она испуганно опять закрыла.

ИЗАБЕЛЛА (*хору*).

Ее вашъ видъ пугаетъ. Отступите!

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ, *отступая*).

Охотно избѣгаю я встрѣчаться
Со взорами ея.

ДІЕГО.

Она большими
Глазами изумленно измѣряетъ
Тебя.

БЕАТРИЧЕ.

Гдѣ я? Мнѣ кажется, черты
Знакомы эти.

ИЗАБЕЛЛА.

Медленно сознанье
Къ ней возвращается.

ДІЕГО.

Но что же это?
Вотъ на колѣни опускается
Она передъ тобой.

БЕАТРИЧЕ.

О, ангельскій,
Прекрасный образъ матери моей!

ИЗАБЕЛЛА.

Дитя души моей!—въ мои объятья!

БЕАТРИЧЕ.

У ногъ твоихъ виновную ты видишь.

ИЗАБЕЛЛА.

Со мною снова ты!—Все будь забыто.

ДІЕГО.

Взгляни и на меня! Ты узнаешь ли
Черты мои?

БЕАТРИЧЕ.

Достойнаго Діего
Сѣдая голова!

ИЗАБЕЛЛА.

Онъ вѣрный стражъ
Твоихъ младенческихъ годовъ.

БЕАТРИЧЕ.

Итакъ,
Я снова посреди своихъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Ничто,
Отнынѣ, кромѣ смерти, насъ съ тобою
Не разлучитъ.

БЕАТРИЧЕ.

И на чужбину болѣ
Меня не отошлешь ты?

ИЗАБЕЛЛА.

Насъ ничто
Не разлучитъ. Смягчилася судьба.

БЕАТРИЧЕ (*припадая къ ея груди*).

Ужели я у сердца твоего?
Все было сонъ, что я пережила,
Тяжелый, страшный сонъ? О, матерь! Мертвый
Къ моимъ ногамъ, я видѣла, онъ палъ!
Какъ здѣсь я очутилась? Не могу
Опомниться. Ахъ, какъ счастлива я
Избавленной въ твоихъ объятьяхъ быть!
Меня они хотѣли ко княгинѣ
Мессинской отвести. Скорѣй въ могилу!

ИЗАБЕЛЛА.

Приди въ себя, о дочь моя! Княгиня
Мессинская...

БЕАТРИЧЕ.

О нѣтъ! не называй
Ее! При имени томъ злополучномъ
Хладъ смерти разливается по членамъ
Моимъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Послушай!

БЕАТРИЧЕ.

У нея два сына,
Смертельно ненавидящихъ другъ друга:
Донъ-Мануилъ, Донъ-Цезарь ихъ зовутъ.

ИЗАБЕЛЛА.

То я сама! Узнай же мать твою!

БЕАТРИЧЕ.

Что? что сказала ты? Какое слово
Ты выговорила?

ИЗАБЕЛЛА.

Я мать твоя,
Мессинская княгиня я!

БЕАТРИЧЕ.

Ты мать
Донъ-Цезаря и Дона-Мануила.

ИЗАБЕЛЛА.

И мать твоя! Ты братьевъ называешь!

БЕАТРИЧЕ.

О, вѣсть ужасная! О, горе мнѣ!

ИЗАБЕЛЛА.

О, что съ тобой?—Чѣмъ такъ потрясена ты?

БЕАТРИЧЕ (*дико озираясь, замѣчаетъ хоръ*).

Да, вотъ они! Теперь, теперь узнала
Я ихъ. Сонъ не обманывалъ меня.
Да, то они! Свидѣтелями были
Они. Ужасная все это правда!...
Несчастные,—куда его вы скрыли?

(*Она порывистыми шагами подходитъ къ хору, который отъ нея отвращается. Вдали раздается похоронный маршъ*).

ХОРЪ.

О, горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Скрыли? Что? Кого?
Что правда? Вы въ смущеніи молчите,—
Вы словно понимаете ее.
Я въ голосѣ надорванномъ, въ глазахъ
У васъ недоброе читаю нѣчто.
Что отъ меня сокрыли вы?—Что это?
Я знать хочу. Зачѣмъ на эту дверь вы
Такіе страшные вперили взоры?
И что за звуки раздаются тамъ?

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Ужъ близко! и вскорѣ бѣда разразится.
Владычица, сердце свое закаливъ,
Мужайся ты духомъ, и вынесть готовься
Тебѣ угрожающей скорби приливъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Что приближается? Что ждетъ меня?
Я слышу, раздирающіе звуки
Надгробнаго рыданья оглашаютъ
Весь этотъ домъ.—Гдѣ сыновья мои?

(*Первый полухоръ вноситъ тѣло Донъ-Мануила на носилкахъ и опускаетъ ихъ на свободной сторонѣ сцены. На носилкахъ черный покровъ*).

Изабелла. Беатриче. Діего. Оба хора.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Стогнами града,
Съ жалобнымъ воплемъ
Крадется горе,—
И, проникая
Въ домы людскіе,
Бродитъ дозоромъ.
Въ эту сегодня
Дверь постучится,
Завтра—въ другую,
Но никогда никого не щадитъ.
Съ вѣстью печальной
Рано иль поздно
Переступаетъ
Каждый порогъ оно, жизнь гдѣ царитъ.

(БЕРЕНГАРЪ).

Годъ лишь кончается,
Листъ осыпается,
Старцы безсильные
Въ двери могильныя
Сходятъ чредою.
Вѣчной судьбою
Міру всему
Въ томъ положенъ
Древній законъ.
Не ужасайся, о смертный, тому,
Но и ужаснаго ждать научися
Въ жизни земной!
Смертоубійство
Мощной рукой
Узы священнѣйшія разрываетъ.
Въ Стикса ладью
Смерть безпощадно съ собой увлекаетъ
Юности также цвѣтущую жизнь.

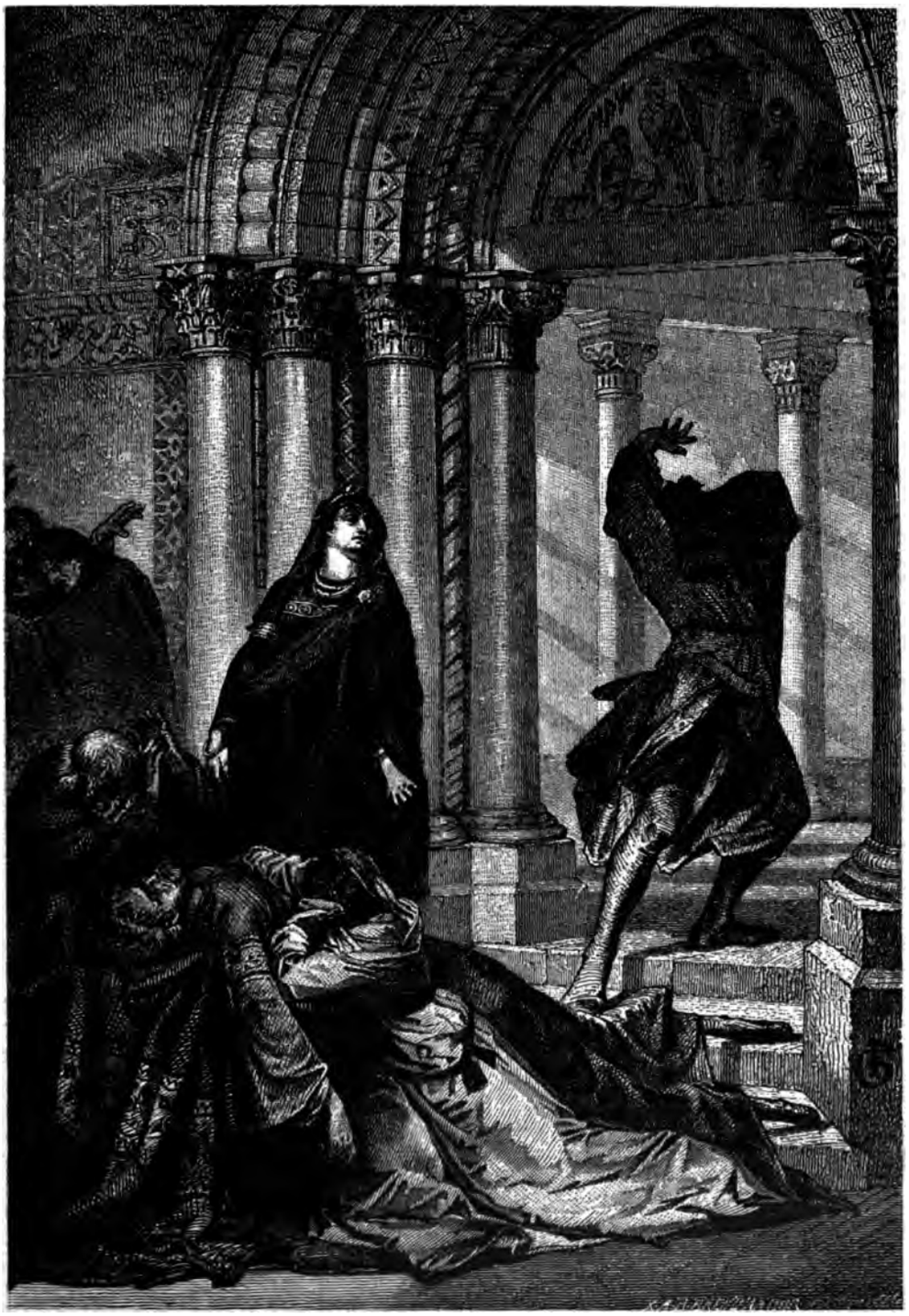
(КАЕТАНЪ).

Когда тучи свинцомъ небеса застилаютъ,
И вдали глухо громъ прогремитъ,
Всѣ сердца боязливо тогда ощущаютъ,
Какъ судьба безгранично надъ ними царитъ.
Но порой и съ безоблачной тверди и ясной
Можетъ ринуться всесожигающій громъ.
Помни же, смертный, средь счастія ты ежечасно—
Недалекъ роковой злополучья погромъ!
Къ благамъ жизни мгновеннымъ, ее украшающимъ,
Не стремися ты сердцемъ легко довѣряющимъ.
Обладатель, учися терять
И учися, счастливецъ, страдать!

ИЗАБЕЛЛА.

Что слышу я? Что подъ покровомъ этимъ?
(*Подходитъ на шагъ къ носилкамъ и, содрогаясь, останавливается въ нерѣшительности*).
Меня влечетъ съ такою страшной силой,
Но хладная незримая рука
Назадъ меня отталкиваетъ властно.

(*Къ Беатриче, которая бросается между нею и носилками*).



Пусти! Что бъ ни было тамъ,—я открою!
(*Приподнимаетъ покровъ и видитъ трупъ (Донъ-Мануила).*
О, ангелы небесные,—мой сынъ!
(*Цъпенѣетъ въ нѣмомъ ужасѣ, Беатриче съ воплемъ горести опускается на землю передъ носилками*).

ХОРЪ (КАЕТАНЪ. БЕРЕНГАРЪ. МАНФРЕДЪ).

О, матерь несчастная! Это твой сынъ!
Сама произносишь ты слово печали,
О словѣ томъ наши уста умолчали.

ИЗАБЕЛЛА.

Мой сынъ! Мой Мануилъ! Скорбь безъ конца!
Такъ вотъ какъ вновь я нахожу тебя!
Своею жизнію ты выкупилъ
Сестру изъ рукъ разбойниковъ. Гдѣ былъ
Твой братъ, зачѣмъ тебя не защитилъ онъ?
О, проклята да будетъ та рука,
Что рану эту нанесла! Проклятье
Родившей изверга, который сына
Мнѣ умертвилъ! Проклятіе и роду
Всему его.

ХОРЪ.

О, горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ вотъ, какъ слово вы сдержали, силы
Небесныя. Такъ это ваша правда!
О, горе тѣмъ, которые на васъ
Довѣрчивой душою уповаютъ!
На что надѣялася я? надъ чѣмъ
Дрожала,—если такова развязка!
Вы, что меня такъ грозно обступили,
Моею скорбью взоры услаждая,
Познайте ложь, которой сновидѣнья
Сновидцевъ насъ обманываютъ. Вѣрь же
Устамъ боговъ! Когда я матерью
Себя почувствовала этой дщери,
Ея отцу приснилося однажды,
Что изъ его супружескаго ложа
Два дерева лавровыхъ выростали;
Межъ ними распускалася лилея;
Воспламенилась вдругъ она,—огонь
Дремучій листъ объялъ, все болѣ разгораясь,
И въ мигъ огромный пламенный потокъ
Весь домъ со страшнымъ трескомъ поглотилъ.
Видѣньемъ необычнымъ устрашенный,
Потребовалъ родитель разъясненья
Кудесника. Магъ предсказалъ: когда бы
Я разрѣшилась дочерью, она
Обоихъ сыновей ему убила бъ
И истребила бы весь родъ его.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ. БОЭМУНДЪ).

Владычица, что говоришь ты?—Горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Затѣмъ, отецъ убить ее велѣлъ;
Но отъ плачевной участи ее
Спасла я. Бѣдная страдалица!
Отъ лона материнскаго она
Оторвана была еще ребенкомъ,
Чтобъ братьевъ, выросши, не умертвить!
А нынѣ погибаетъ этотъ братъ
Отъ рукъ разбойниковъ. Нѣтъ, не она,
Не неповинная его убила!

ХОРЪ.

О, горе! горе!

ИЗАБЕЛЛА.

Я не довѣряла
Служителя кумировъ изреченью;
Другая, лучшая надежда душу
Мнѣ подкрѣпляла. Мнѣ уста другія,
Которыя правдивѣй я считала,
Объ этой дочери провозвѣстили:
„Въ одну любовь она когда-нибудь
Сердца сыновъ моихъ соединитъ".
И такъ противорѣчили другъ другу
Оракулы, проклятья изрекая
Съ благословеньемъ на ея главу.
Несчастная! она не заслужила
Проклятія. И не былъ данъ ей срокъ
Благословеніе осуществить,
И тѣ, какъ и другія, лгутъ уста!
Волхва наука—лишь одна мечта:
Онъ иль прельщаетъ, или самъ прельщаемъ;
И правды о грядущемъ не узнаемъ,
Отъ родника ли свѣта въ небесахъ
Мы зачерпнемъ, иль въ адовыхъ струяхъ.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Горе! горе! умолкни! Къ чему отрицанья?
Обуздай дерзновенную рѣчь языка!
Непреложны, всевидящи всѣ прорицанья,
Ихъ въ грядущее время докажутъ вѣка.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ! языка не обуздаю: громко,
Какъ сердце мнѣ повелѣваетъ, буду
Я говорить. Къ чему мы посѣщаемъ
Святыя капища и воздѣваемъ
Благочестиво руки къ небесамъ?
Какая намъ, безумцамъ благодушнымъ,
Отъ вѣры польза? Такъ же невозможно
Боговъ всевышнихъ умолить, какъ въ мѣсяцъ
Попасть стрѣлою. Будущность отъ смертныхъ
Стѣной непроницаемой сокрыта,
И ни одна молитва не проникнетъ
За мѣдный сводъ небесной тверди. Вправо
Иль влѣво птицъ полетъ направленъ, такъ ли,
Иль иначе вращаются созвѣздья,—
Нѣтъ смысла въ вѣчной книгѣ естества

Снотолкованіе—одинъ лишь бредъ,
И ложь одна—всѣ предзнаменованья!

ВТОРОЙ ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Умолкни! О, горе! Слѣпыми очами
Ты солнца немеркнущій свѣтъ отрицаешь!
Признай же безсмертныхъ, превѣчныхъ боговъ,
Такъ грозно тебя обступившихъ духовъ!

(ВСѢ РЫЦАРИ).

Признай же безсмертныхъ, превѣчныхъ боговъ,
Такъ грозно тебя обступившихъ духовъ!

БЕАТРИЧЕ.

О, матерь! матерь! Ты зачѣмъ меня
Спасла? Зачѣмъ не обрекла проклятью,
Что до рожденія меня постигло?
О, матерь близорукая! Зачѣмъ
Премудрѣе считала ты себя
Всевидящихъ, которые, связуя
Съ далекимъ близкое между собою,
Посѣвы поздніе въ грядущемъ зрятъ?
Тебѣ самой, мнѣ, всѣмъ намъ на погибель,
У бога смерти святотатно ты
Похитила желанную добычу!
Тебя за горестный подарокъ этотъ
Я не благодарю. Лишь для печали,
Для скорби лишь меня ты сберегла!

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ) (*въ великомъ безпокойствѣ, глядя на двери*).

Вскройтеся раны
Лейтеся, лейтесь!

Черной струею
Хлыньте, стремитеся крови ручьи!

(БЕРЕНГАРЪ).

Мѣдныхъ мнѣ ногъ
Слышится поступь,
Адскія змѣи
Злобно шипятъ;
Я въ томъ фурій шаги узнаю!

(КАЕТАНЪ).

Вы разрушьтеся, стѣны!
Провалися порогъ,
Подъ зловѣщей стопою тѣхъ ногъ!
Черный дымъ подымись,—подымися изъ бездны!
Адской пропасти чадъ
Да поглотитъ сіянье веселаго дня!
Этого дома боговъ-покровителей
Мести богини пускай замѣнятъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ. ИЗАБЕЛЛА. БЕАТРИЧЕ.

ХОРЪ. (*При входѣ Донъ-Цезаря хоръ стремительно передъ нимъ разступается. Онъ остается одинъ на серединѣ сцены*).

БЕАТРИЧЕ.

О, горе,—это онъ!

ИЗАБЕЛЛА.

О, сынъ мой Цезарь!
Вотъ какъ съ тобою встрѣтиться должна я,—
О, погляди сюда! О, погляди
На дѣло Богомъ проклятой руки!
(*Подводитъ его къ мертвому*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*въ ужасѣ отступаетъ, закрывъ лицо руками*).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ. БЕРЕНГАРЪ).

Вскройтеся раны!
Лейтеся, лейтесь!
Черной струею,
Хлыньте, струитеся крови ручьи!

ИЗАБЕЛЛА.

Ты содрагаешься и цѣпенѣешь!
Да, это все, все, что тебѣ осталось
Отъ брата твоего! Вотъ всѣ мои
Надежды, упованья!—Юный цвѣтъ
Союза вашего ужъ умираетъ
Въ зародышѣ, и мнѣ не суждено
Плодовъ прекрасныхъ увидать.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

О, матерь!
Утѣшься! Искренно, чистосердечно
Желали мира мы, но крови сей
Пролиться небеса судили!

ИЗАБЕЛЛА.

О!
Я знаю, ты любилъ его съ восторгомъ
Я видѣла, какъ между вами эти
Прекрасныя сплетались узы!... Въ сердцѣ
Своемъ его ты заключить хотѣлъ,
Богато за утраченные годы
Его вознаграждая. Но убійство
Кровавое прекрасную любовь
Предупредило. Месть одна тебѣ
Осталася.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Пойдемъ, о мать, пойдемъ,
Тебѣ не мѣсто здѣсь. О, отвернися
Отъ зрѣлища плачевнаго сего.
(*Хочетъ ее увести*).

ИЗАБЕЛЛА (*падаетъ ему на шею*).

Ты живъ еще! Ты мой единственный
Теперь!

БЕАТРИЧЕ.

Мать, что ты дѣлаешь? О, горе!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

О, выплачь слезы на груди моей!
У Цезаря осталась твоего
Безсмертною усопшаго любовь.

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ. ВЕРЕНГАРЪ МАНФРЕДЪ).

Вскройтеся, раны!
Вѣщайте, безмолвныя!
Чернымъ потокомъ
Хлыньте, стремитеся, крови ручьи!

ИЗАБЕЛЛА (*взявъ обоихъ за руки*).

О дѣти, милыя!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Какъ счастливъ я
Ее въ твоихъ объятьяхъ видѣть, мать!
Да будетъ дочерью она тебѣ!
Сестру...

ИЗАБЕЛЛА (*перебивая его*).

Тебѣ ея я избавленьемъ
Обязана, о сынъ мой! Ты сдержалъ
Мнѣ слово, ты прислалъ ее ко мнѣ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*изумленный*).

Кого, о мать, ты говоришь, прислалъ я?

ИЗАБЕЛЛА.

Ее, ту, что передъ собой ты видишь,
Сестру.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Она сестра мнѣ?

ИЗАБЕЛЛА.

Кто жъ другая?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Моя сестра?

ИЗАБЕЛЛА.

Которую ты самъ
Прислалъ мнѣ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

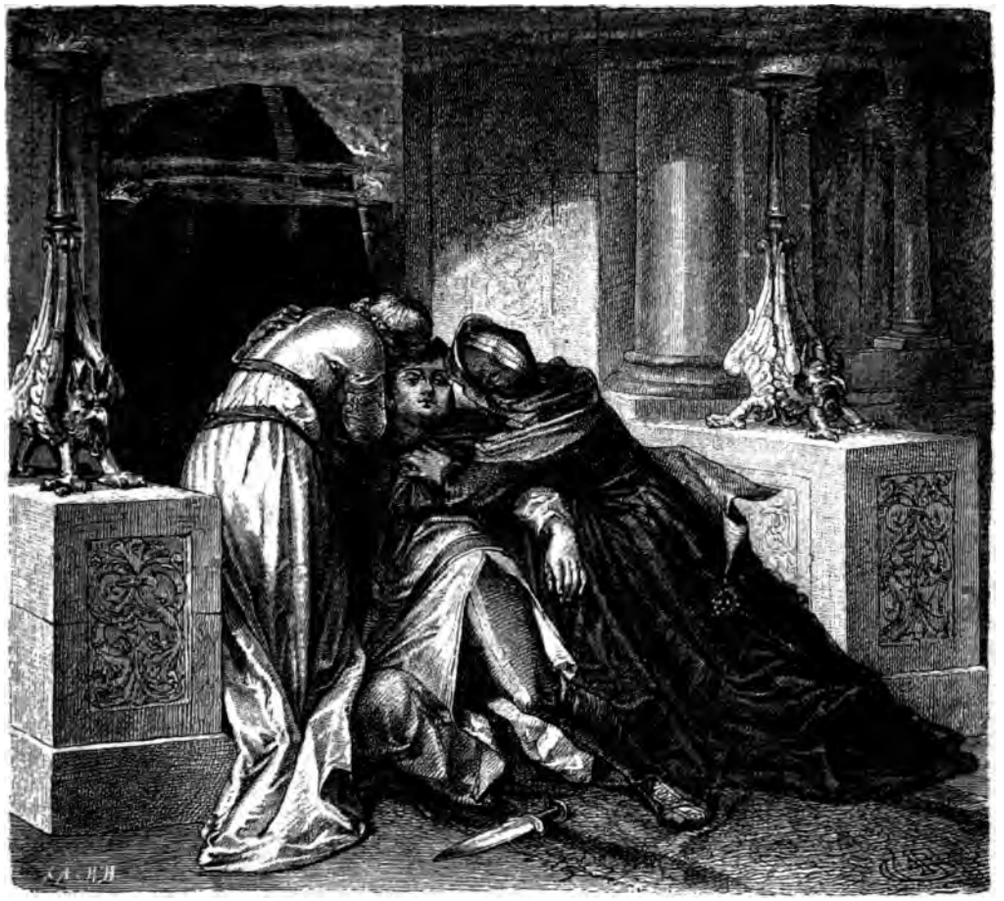
И его сестра?

ХОРЪ.

О, горе!

БЕАТРИЧЕ.

О, мать моя!



ИЗАБЕЛЛА.

Дивлюся,—говорите!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Такъ будь же проклятъ день, меня родившій!

ИЗАБЕЛЛА.

О, что съ тобою? Боже!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Проклято
Меня носившее да будетъ лоно!
И проклята твоя да будетъ скрытность,
Создавшая все это злоключенье!
Да разразится громъ! Не буду долѣ,
Щадя тебя, я сдерживать его,
Да раздробитъ твое онъ сердце,—я,
Узнай, я брата закололъ. Въ ея
Объятьяхъ я его засталъ; она
Та самая, которую люблю я,
Которую себѣ избралъ въ невѣсты,
Я брата увидалъ въ ея объятьяхъ.
Ты знаешь все теперь! И если вправду
Она его, она моя сестра,
То я въ такомъ виновенъ злодѣяньи,
Котораго не смоетъ, не искупитъ
Вовѣки никакое покаянье.

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Все сказано, все предъ тобой разъяснилось,
Исполнилась мѣра печалей твоихъ!
Какъ было предсказано, такъ и свершилось,
Никто не минуетъ судебъ роковыхъ.
Кто, мудрствуя, ихъ отвращаетъ рѣшенье,
За дерзость свою понесетъ искупленье.

ИЗАБЕЛЛА.

Что до того мнѣ, праведны ли боги,
Иль лживы? Мнѣ они одно лишь зло
Послали.—Пусть же поразятъ они

Съ такою же жестокостью меня,
Какъ поразили ужъ,—кто ни предъ чѣмъ
Ужъ не дрожитъ, ихъ не страшится болѣ.
Любимый сынъ зарѣзанный лежитъ
Передо мною, а живого я
Сама покину. Онъ не сынъ мнѣ, нѣтъ!
Я породила василиска! Грудью
Своей вскормила я того, который
Мнѣ сына лучшаго убилъ.—Пойдемъ,
О дочь моя! Нельзя намъ оставаться:
Богамъ отмщенья оставляю я
Сей домъ.—Злодѣйство привело меня
Сюда,—злодѣйство же отсюда гонитъ;
Я съ отвращеніемъ сюда вошла,
Со страхомъ въ немъ жила и покидаю
Съ отчаяньемъ его.—Я неповинно
Терплю все это; но непогрѣшимы
Пророчества, и боги торжествуютъ.

(*Уходитъ; Діего слѣдуетъ за ней*).

Беатриче. Донъ-Цезарь. Хоръ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*удерживая Беатриче*).

Сестра, останься! О, не покидай
И ты меня! Пусть матерью я проклятъ,
И эта кровь пусть къ небу вопіетъ
Мнѣ въ обличенье; пусть и цѣлый міръ
Меня клянетъ! Но ты не проклинай
Меня! Мнѣ этого не перенесть!

БЕАТРИЧЕ (*указываетъ на трупъ, отвращая лицо*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не милаго я умертвилъ тебѣ!
Убилъ тебѣ я брата и себѣ.
Теперь скончавшійся тебѣ не болѣ
Принадлежитъ, чѣмъ я,—живой. Но я
Достойнѣй сожалѣнія, чѣмъ онъ:
Онъ непороченъ въ вѣчность отошелъ,
А я,—я виноватый.

БЕАТРИЧЕ (*разражается рыданіями*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Плачь о братѣ,
Съ тобою плакать буду я, и—болѣ,—
Я за него отмщу! Но не рыдай
Ты о возлюбленномъ! Мнѣ не снести,
Что предпочтенье мертвому даешь ты.
Дай мнѣ единственное утѣшенье,
О, дай послѣднее мнѣ почерпнуть
Изъ этой глубины неизмѣримой
Несчастья нашего, въ томъ, что тебѣ
Не болѣ близокъ онъ, чѣмъ я. Затѣмъ,
Что разрѣшившись такъ ужасно, рокъ
Сравнялъ права и злополучья наши.
Въ паденіи единомъ сочетавшись,
Всѣ вмѣстѣ, трое любящихъ дѣтей,
Мы погибаемъ, поровну дѣля
Плачевное между собою право
На слезы. Какъ подумаю, что грусть
Твоя о братѣ глубже и сильнѣй,
Чѣмъ обо мнѣ, то бѣшенство и зависть
Примѣшиваются къ тоскѣ моей,
И покидаетъ горести меня
Послѣдняя утѣха. Не могу
Его я тѣни радостно, какъ самъ
Того желалъ бы, жертву принести
Послѣднюю, но тихо отлетѣла въ
За нимъ душа моя, когда бы зналъ я,
Что во единый пепельный сосудъ
Съ его ты прахомъ заключишь и мой.

(*Обвивая ее рукою, съ нѣжностью и страстною горячностью*).

Тебя любилъ я, какъ еще ничто
Понынѣ не любилъ, пока ты мнѣ
Была еще чужая; и за то,
Что безгранично я любилъ тебя,
Проклятье тяжкое братоубійства
Теперь несу,—и вся вина моя
Была въ любви къ тебѣ. Теперь ты мнѣ
Сестра, и состраданья твоего
Молю я, какъ священной дани!

(*Пытливо глядитъ на нее въ мучительномъ ожиданіи. Потомъ порывисто отъ нея отвращается*).

Нѣтъ,
Нѣтъ! не могу я видѣть эти слезы—
Вблизи сего умершаго сомнѣнье
Мое на части сердце раздираетъ
И покидаетъ мужество меня,—
Оставь мнѣ заблужденье! Плачь украдкой!
Нѣтъ, никогда, ужъ никогда меня
Ты болѣ не увидишь,—ни съ тобою,
Ни съ матерью не свижусь больше я,—
Любимъ я не былъ ею никогда!
Проговорилось сердце наконецъ
У ней, его раскрыло горе. Лучшимъ
Она его назвала сыномъ!—Такъ
Въ притворствѣ провела она всю жизнь!
И ты лукава такъ же, какъ она!
Не принуждай себя и покажи
Свое мнѣ отвращенье! Образъ мой
Ты не увидишь болѣ ненавистный!
Иди же отъ меня!—Прости навѣкъ!

(*Уходитъ. Она колеблется въ борьбѣ противорѣчивыхъ чувствъ; наконецъ рѣшается и уходитъ*).

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

. . . . . .

Благо тому, кто средь сельской свободы,
Средь безмятежныхъ, привольныхъ полей,
Дремлетъ младенцемъ на лонѣ природы,

Чуждый житейской тревоги людей!
Сердце исполнено тяжкой кручины,
Въ царственныхъ вижу когда я дворцахъ,
Какъ во мгновенье, со счастья вершины,
Высшіе, лучшіе,—падаютъ въ прахъ!
Счастливъ и тотъ, кто по волѣ теченья,
Бурной гонимый житейской волной,
Во-время выплывъ, достигнетъ спасенья
Въ тихомъ пристанищѣ кельи святой.
Кто честолюбья не знаетъ терзаній
И превозмогъ наслажденія пылъ,
Кто ненасытную жажду желаній
Въ перестрадавшей груди усыпилъ.
Жизни удушливой дикія силы
Въ немъ ужъ безумныхъ страстей не зажгутъ,
И человѣчества призракъ унылый
Въ мирный его не заглянетъ пріютъ.
Зло пресмыкается и преступленье
Только въ чаду городской тѣсноты,
Какъ смертоносной чумы дуновенье,
Горныхъ вершинъ не терпя высоты.

(Беренгаръ. Боэмундъ. Манфредъ).

На вершинахъ свобода! Могилы дыханье
Не взлетаетъ горѣ въ поднебесный эеиръ;
И вездѣ,—куда только не вноситъ страданья
Своего человѣкъ,—совершенъ Божій міръ!

(Весь хоръ *повторяетъ*).

На вершинахъ свобода! Могилы дыханье
Не взлетаетъ горѣ въ поднебесный эеиръ;
И вездѣ,—куда только не вноситъ страданья
Своего человѣкъ,—совершенъ Божій міръ!

Донъ-Цезарь. Хоръ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*сдержанно*).

Я повелителемъ въ послѣдній разъ являюсь,
Могилѣ милый трупъ передавая этотъ,
Ибо послѣднее въ томъ мертвыхъ торжество.
Узнайте жъ моего желанія рѣшенье
И въ точности, какъ я повелѣваю вамъ,
Свершите. Въ васъ еще свѣжо воспоминанье
О горестномъ обрядѣ, ибо такъ недавно
Въ склепъ князя вашего вы проводили тѣло.
Едва средь этихъ стѣнъ умолкъ надгробный плачъ,
Какъ трупъ одинъ вослѣдъ другому поспѣшаетъ.
Такъ что на лѣстницы ступеняхъ, межъ собою
Встрѣчаясь, плакальщиковъ шествія зажечь
Могли бы другъ у друга свѣточъ погребальный!
Въ дворцовой церкви вы, гдѣ прахъ отца лежитъ,
Торжественное погребенье приготовьте,
Безъ шума всякаго, при замкнутыхъ дверяхъ,
И все да совершится, какъ тогда свершилось.

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

Поспѣшными руками мы исполнимъ дѣло,
О, государь!—Тамъ возвышается еще
Помостъ, печальнаго остатокъ торжества.—
Ничья рука созданья смерти не коснулась!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не добрымъ знакомъ было то, что оставался
Раскрытымъ зѣвъ могилы въ домѣ, полномъ жизни!
Но назначенье выполнивъ свое, зачѣмъ
Тотъ злополучный не разрушился помостъ?

ХОРЪ (БОЭМУНДЪ).

То бѣдственное время и раздоръ, что тотчасъ,
Тогда воспламенившись, раздвоилъ враждебно
Мессину, отвращалъ отъ мертвыхъ наши очи,—
И опустѣлое святилище замкнулось!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не медля къ дѣлу приступите! Въ эту ночь
Да совершится полуночное дѣянье!
Пусть солнца восходящаго лучи увидятъ
Очищенный отъ преступленія чертогъ
И пусть счастливому засвѣтятъ поколѣнью!

(*Второй хоръ удаляется съ тѣломъ Донъ-Мануила*).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Смиренныхъ иноковъ сюда созвать ли братью,
Чтобы по чину церкви древнему, отпѣвъ
Усопшаго, они благословили съ пѣснью
Святою вѣчное его упокоенье?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Благочестивая ихъ пѣснь пусть непрестанно,
Во всѣ вѣка, надъ нашимъ гробомъ раздается
При блескѣ свѣчъ; но чистое служенье ихъ
Сегодня неумѣстно, ибо убіенье
Кровавое святыню осквернило бъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

О, не задумывай кроваваго насилья,
На самого себя въ отчаяньи возставъ:
Нѣтъ въ мірѣ никого, кто бъ покаралъ тебя,
А покаяніе небесный гнѣвъ смягчитъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Ни осудить меня, ни покарать никто
Не можетъ въ мірѣ семъ, и надъ самимъ собой
Я самъ поэтому—то долженъ совершить.
Я знаю, небо сокрушеніе пріемлетъ,
Но смоетъ кровь одна кровавое убійство!

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Скорбей потокъ на сей нахлынувшій чертогъ
Смирить бы долженъ ты,—не множить горе горемъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Старинное проклятіе сего чертога
Я, умирая, разрѣшу. Судьбины цѣпь
Лишь смертью добровольною прервется!

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Ты Богу дашь отвѣтъ за сирую отчизну,
Когда возьмешь у ней послѣдняго владыку!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Сперва богамъ я смерти выплачу свой долгъ,
А о живыхъ пускай иной печется богъ.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Пока сіяетъ солнце, есть и упованье,
Лишь въ смерти пользы нѣтъ! О, обсуди ты это!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Свой долгъ слуги ты самъ обдумывай безмолвно!
Мнѣ предоставь тому повиноваться духу,
Которымъ я влекомъ такъ грозно. Не заглянетъ
Счастливый въ глубину души моей. И если
Владыку ты во мнѣ, страшась, не почитаешь,—
Страшись преступника, надъ коимъ тяготитъ
Страшнѣйшее проклятье!—Почитай главу
Несчастнаго, что и богамъ священна,—
Кто испыталъ, что я переношу
И что въ груди я ощущаю,—тотъ
Отчета смертнымъ болѣ не даетъ.

ДОННА-ИЗАБЕЛЛА. ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ. ХОРЪ.

ИЗАБЕЛЛА (*входитъ медленными шагами, кидая нерѣшительные взгляды на Донъ-Цезаря; потомъ приближается къ нему и говоритъ спокойнымъ голосомъ*).

Ужъ не видать тебя моимъ очамъ,
Такъ въ горести своей я порѣшила;
По вѣтру развѣваются рѣшенья,
Которыя противно естеству
И гласу сердца матерь принимаетъ.
Мой сынъ! слухъ злополучный изгоняетъ
Меня изъ скорбныхъ, опустѣлыхъ горницъ,—
Ужель должна ему повѣрить я?
Иль правда, что обоихъ сыновей
Единый день похититъ у меня?

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).

Гляди, добровольно въ печальную дверь
Могилы, онъ твердыми сходитъ шагами.
Ты видишь, его непреклонно желанье,
Сама силу крови извѣдай теперь,
Всесильными склонишь его ты мольбами!—
Я даромъ истратилъ свои увѣщанья.

ИЗАБЕЛЛА.

Беру назадъ безумныя проклятья,
Которыя въ отчаяньи слѣпомъ
Я призывала на твою главу.
Не можетъ мать дитя свое родное,
Въ страданіяхъ рожденное, проклясть!
Тѣ грѣшныя молитвы небесамъ
Не слышны: отягченныя слезами,
Онѣ съ ихъ ясныхъ сводовъ ниспадаютъ.
Живи, мой сынъ! Убійцу видѣть сына
Мнѣ легче, чѣмъ оплакивать обоихъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Ты не обдумала, о мать, того,
Чего себѣ самой и мнѣ желаешь:
Мнѣ мѣста быть не можетъ межъ живыми,—
Да если бъ и могла ты перенесть
Богопротивнаго убійцы образъ,
То я, о мать, не вынесъ бы укора
Безмолвнаго твоей печали вѣчной!

ИЗАБЕЛЛА.

Не оскорбитъ тебя укоръ; ни звукъ
Единый или жалоба нѣмая
Въ твое не будетъ врѣзываться сердце,—
Страданье тихой грустью разрѣшится!
Скорбя взаимно, мы несчастье это
Оплачемъ и покроемъ преступленье.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*взявъ ее за руку,—нѣжнымъ голосомъ*).

О матерь, такъ! да будетъ такъ. Твое
Страданье тихой грустью разрѣшится.
Когда единая, о матерь, тризна
Убійцу съ убіеннымъ осѣнитъ,
Когда единый камень прахъ обоихъ
Своимъ накроетъ сводомъ, лишь тогда
Проклятье упразднится.—Сыновей
Ты различать тогда не будешь; слезы,
Что очи льютъ прекрасныя твои,
О томъ и о другомъ тѣ слезы будутъ.
Посредника сильнѣе смерти—нѣтъ;
Она раздора пламень погашаетъ,
Смиряетъ ненависть. Съ объятьемъ нѣжнымъ
Надъ урною склоняется участье,
Какъ милый образъ плачущей сестры,
И потому, о мать, не возбраняй мнѣ
Въ гробъ снизойти и искупить проклятье!

ИЗАБЕЛЛА.

Чудесными богато христіанство
Иконами, которымъ поклоняясь,
Паломника измученное сердце
Найдетъ покой. Слагалось много тяжкихъ
Бременъ во храминѣ святой въ Лоретто,
И сила благодатная небесъ
Почіетъ на святомъ Господнемъ гробѣ,
Дарующемъ вселенной всепрощенье.
Сильна молитва набожныхъ; у нихъ
Заслугъ запасъ богатый. А на мѣстѣ,
Гдѣ нѣкогда убійство совершилось,
Храмъ искупительный создаться можетъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Хотя стрѣлу извлечь изъ сердца можно,
Но все жъ, пронзенное, ужъ никогда
Не заживетъ оно. Пусть коротаетъ,
Кто можетъ, жизнь свою средь сокрушенья,
Суровымъ умерщвленьемъ покаянья
Смывая постепенно вѣчный грѣхъ.
Жить не могу я, мать, съ разбитымъ сердцемъ:
Я долженъ радостно воззрѣть къ блаженнымъ,
Свободнымъ духомъ къ небу воспарить.
Завистливость глодала жизнь мою,
Пока твою любовь мы поровну дѣлили!
Ты думаешь, снесу я предпочтенье,
Что отдаетъ ему твоя печаль?
Въ своихъ чертогахъ нерушимыхъ смерть
Чистительною силой просвѣтляетъ
До ясности чистѣйшаго алмаза
Все смертное, и человѣчества
Несовершеннаго снѣдаетъ пятна.
Какъ надъ землею дальняя звѣзда
Высоко носится онъ надо мною;
И если зависть прежняя, при жизни,
Пока два равные мы были брата,
Разъединяла насъ, то непрестанно
Мое терзаться будетъ сердце нынѣ,
Когда онъ въ вѣчности опередилъ
Меня, и чуждый всякаго земного
Соперничества, какъ безсмертный богъ
Живетъ въ воспоминаніи людей.

ИЗАБЕЛЛА.

О, васъ затѣмъ ли я звала въ Мессину,
Чтобы обоихъ схоронить? Сюда
Я къ примиренію созвала васъ,
Но противоположностью своею
Злой рокъ надежды всѣ мои разбилъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Не порицай грядущаго, о мать!
Всѣ предсказанья сбудутся. На миръ
Надѣясь, въ эти мы вошли врата
И мирно вмѣстѣ будемъ почивать,
Навѣки сближены, въ чертогѣ смерти.

ИЗАБЕЛЛА.

Живи, мой сынъ! Не оставляй ты мать
Въ странѣ иноплеменниковъ, безъ друга,
На произволъ бездушныхъ поруганій,
Не защищенной властью сыновей.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Когда всѣмъ міромъ холодно, бездушно
Поругана ты будешь,—пріютись
У гроба нашего и призови
Ты божество своихъ сыновъ: богами
Мы станемъ и тебя услышимъ. Словно
Созвѣздье близнецовъ, пловцу съ небесъ
Сіяющее, осѣнимъ тебя
Мы утѣшеньемъ, духъ твой подкрѣпляя.

ИЗАБЕЛЛА.

Живи, мой сынъ! Для матери живи
Твоей! Я не могу снести утраты
Всего!

(*Обвиваетъ его руками съ страстною горячностью. Онъ нѣжно освобождается отъ ея объятій и подаетъ ей руку, отвращая лицо*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Прости!

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, горько убѣждаюсь
И чувствую теперь, что ничего

Не можетъ надъ тобою мать!... Иль нѣтъ
Иного голоса, что глубже въ сердце
Твое проникнулъ бы, чѣмъ мой?
(*Идетъ ко входу на сцену*).
Приди,
О, дочь моя! Когда усопшій братъ
Такъ сильно за собой его влечетъ
Въ могилу, то заманитъ можетъ быть
Сестра возлюбленная къ свѣту солнца
Его назадъ, чарующимъ сіяньемъ
Прекрасной и живительной надежды!

БЕАТРИЧЕ (*появляется у входа на сцену*).
ДОННА-ИЗАВЕЛЛА. ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ. ХОРЪ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*при видѣ ея, глубоко потрясенный, закрывается плащемъ*).
О! что измыслила ты, матерь! матерь!

ИЗАБЕЛЛА (*подводитъ ее*).
Его напрасно матерь умоляла,—
Ты заклинай, ты жить его моли!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Мать хитроумная! Такъ искушаешь
Меня ты! Въ новую борьбу меня
Ты хочешь ввергнуть? Чтобы солнца свѣтъ
Мнѣ, къ вѣчной ночи на пути, еще
Былъ дорогъ! Предо мною жизни ангелъ
Стоитъ прекрасенъ и могучъ, и тысячи
Цвѣтовъ, и тысячи плодовъ душистыхъ
Животворящимъ сыплются дождемъ
Изъ рога изобилія его!
Согрѣто теплымъ солнечнымъ лучомъ,
Мое внезапно сердце расцвѣтаетъ:
Въ груди отжившей вновь проснулась радость
И упованія, и жизни сладость.

ИЗАБЕЛЛА.
Моли его! Тебя иль никого
Онъ не послушаетъ, чтобъ не лишалъ
Тебя онъ и меня своей опоры.

БЕАТРИЧЕ.
Желаетъ жертвы милый мой мертвецъ;
И жертва будетъ, мать моя!—Но мнѣ
Дай быть той жертвой! Ранѣе чѣмъ жизнь
Я увидала, смерти ужъ была
Посвящена. Я подлежу проклятью,
Постигшему сей домъ, и на права
Небесъ, живя сей жизнью, посягаю.
Онъ мною умерщвленъ; я пробудила
Дремавшихъ фурій вашей распри,—я
Умилостивить тѣнь его должна.

ХОРЪ (КАЕТАНЪ).
О, матерь злополучная! Всѣ дѣти
Твои, спѣша, тѣснятъ другъ друга къ смерти.
Одна ты остаешься средь пустынной,
Безрадостной и безлюбовной жизни!

БЕАТРИЧЕ.
Братъ! милую главу твою спаси!—
Живи для матери! Ей нуженъ сынъ;
Сегодня лишь дочь обрѣла она
И обойтись легко безъ той ей будетъ,
Которой не имѣла никогда.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*глубоко оскорбленный въ душѣ*).
И жить, и умереть мы можемъ, мать,
Соединиться ей бы только съ милымъ!

БЕАТРИЧЕ.
Ревнуешь ты и прахъ бездушный брата?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.
Въ твоей тоскѣ онъ живъ блаженной жизнью,—
Межъ мертвыми я вѣчно буду мертвъ.

БЕАТРИЧЕ.
О, братъ!

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*съ выраженіемъ сильнѣйшей страсти*).
Сестра, ты плачешь обо мнѣ?

БЕАТРИЧЕ.
Живи для матери.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*бросаетъ ея руку и отступаетъ*).
Для матери?

БЕАТРИЧЕ (*склонясь ему на грудь*).
Живи для ней и утѣшай сестру!

ХОРЪ (ВОЭМУНДЪ).
Она побѣдила! Противиться онъ
Не можетъ сестры всемогущей мольбѣ.
Надѣйся, о мать безутѣшная! Жизнь
Избралъ онъ, и сынъ остается тебѣ!

(*Въ это мгновеніе раздается хоровое пѣніе. Створчатыя двери растворяются и въ церкви виденъ гробъ на помостѣ, окруженномъ свѣтильниками*).

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ (*обращаясь ко гробу*).

Нѣтъ, у тебя не отниму я жертвы
Твоей, о братъ!—Изъ гроба голосъ твой
Могущественнѣй раздается мнѣ,
Чѣмъ слезы материнскія, и громче
Моленія любви. Въ своихъ объятьяхъ
Держу я ту, которая удѣломъ
Боговъ могла бъ содѣлать жизнь земную,—
Но мнѣ, убійцѣ, мнѣ счастливымъ быть,
Когда твоя святая неповинность
Въ могилѣ почиваетъ глубоко
Неотомщенная?—Всеправедный
Руководитель нашихъ дней земныхъ,
Не приведи такого раздѣленья
Въ своей вселенной.—Слезы видѣлъ я.
Онѣ и обо мнѣ лились,—мое
Смирилось сердце,—за тобой иду я!
(*Закалывается кинжаломъ и опускается мертвый къ ногамъ сестры, которая падаетъ въ объятія матери*).

ХОРЪ (КАЕТАНЪ) (*по глубокомъ молчаніи*).

Я потрясенъ, не вѣдаю,—оплакать
Или прославить мнѣ его удѣлъ.
Я чувствую и ясно сознаю
Одно лишь: жизнь не высшее изъ благъ,
Но величайшее изъ золъ—вина.

К. Р.

Вильгельмъ Теллъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

Идею поэтической обработки „басни о Теллѣ“ мы находимъ впервые не у Шиллера, а у Гёте. Во время своего третьяго путешествія по Швейцаріи, послѣдній пишетъ своему другу (14 октября 1797 г.) между прочимъ о поэтическомъ сюжетѣ, который внушаетъ ему большой интересъ. „Я твердо убѣжденъ, что басня о Теллѣ можетъ быть обработана въ эпической формѣ, и если мнѣ удастся выполнить свой планъ, то получится рѣдкое явленіе,—что сказка лишь благодаря поэзіи достигнетъ полной правдивости, тогда какъ въ другихъ случаяхъ приходится превращать исторію въ басню...“

Мысль эта кажется Шиллеру (въ отвѣтномъ письмѣ 30 октября) очень удачной; эпосъ о Теллѣ, по его мнѣнію, сталъ бы рядомъ съ „Wilhelm Meister“-омъ и „Hermann und Dorothea“, представляя то, чего въ указанныхъ двухъ произведеніяхъ нѣтъ, а именно: „интересъ, возникающій изъ строго очерченной очень характерной мѣстности и нѣкоторой исторической связанности“ сюжета.

Замѣчаніе это, вполнѣ вѣрное, было едва-ли не первой причиной охлажденія Гёте къ Теллю. Ограничивать и стѣснять свое творчество какимъ-бы то ни было мѣстнымъ или историческимъ колоритомъ было уже не во вкусѣ Гёте конца 90-хъ годовъ. Дѣйствительно, онъ и Телля задумалъ внѣ условій и мѣста и времени, почти какъ аллегорическую фигуру. По его замыслу, онъ долженъ былъ представлять „нѣчто въ родѣ демоса“, т. е. олицетвореніе народной массы, жизнь которой исчерпывается тяжелой работой изъ-за куска хлѣба и совершенно чужда вопросовъ свободы и рабства; притѣсненія и преслѣдованія вызываютъ протестъ и активное сопротивленіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, если они направлены противъ личной безопасности или семейнаго благополучія. Швейцарія и борьба за свободу тутъ ни при чемъ. Понятый такимъ образомъ, Телль превратился бы въ такой-же „эстетически свободный сюжетъ“ на такой-же „чисто поэтической почвѣ“, какую Шиллеръ въ указанномъ письмѣ отмѣчаетъ, какъ общую особенность „Вильгельма Мейстера“ и „Германна“.

Къ какимъ бы то ни было подготовительнымъ работамъ въ родѣ тѣхъ, какія впослѣдствіи были выполнены Шиллеромъ, Гёте не приступалъ. При его пониманіи Телля онѣ, дѣйствительно, могли казаться лишними. Мысль его нѣкоторое время продолжаетъ возвращаться къ сюжету. 5 декабря 1797г. онъ мимоходомъ напоминаетъ о немъ; 8 іюня 1798 г. онъ сообщаетъ Шиллеру, что онъ подробно „мотивировалъ“ первыя пѣсни Телля. На этомъ свѣдѣнія прекращаются. За разработку онъ не брался, и Телль въ скоромъ времени былъ забытъ: онъ потерялъ для него „прелесть новизны и непосредственнаго созерцанія“, какъ онъ выразился впослѣдствіи.

Между тѣмъ, въ 1801 г. сталъ распространяться совершенно неосновательный слухъ, будто Шиллеръ работаетъ надъ Тел-

лемъ: къ нему поступили даже запросы объ этомъ изъ Берлина и Гамбурга. Подъ вліяніемъ этого слуха, настойчиво повторявшагося, Шиллеръ невольно обратилъ вниманіе на Телля и заинтересовался имъ.

Въ письмѣ къ Гёте отъ 10 марта 1802 г. мы находимъ намекъ на какую-то тему, которая занимаетъ поэта уже 6 недѣль и привлекаетъ его съ такой силой, какъ давно уже съ нимъ не бывало. Что тема эта—Телль, явствуетъ изъ письма отъ 16 марта на имя его издателя Котта: „Если вы можете достать мнѣ подробную спеціальную карту Фирвальдштетскаго озера и прилегающихъ къ нему кантоновъ, то будьте добры привезти мнѣ ее. До меня такъ часто доходилъ ложный слухъ, будто я работаю надъ Вильгельмомъ Теллемъ, что я, наконецъ, обратилъ вниманіе на этотъ сюжетъ и сталъ изучать хронику Чуди. Хроника эта такъ привлекла меня, что я теперь серьезно намѣренъ написать „Вильгельма Телля“ и думаю, что изъ него выйдетъ драма, которая сдѣлаетъ намъ честь“.

На время, однако, „Телль отступилъ на задній планъ передъ „Мессинской невѣстой“, и лишь лѣтомъ 1803 г. Шиллеръ вновь возвращается къ нему, на этотъ разъ уже безъ колебаній и отклоненій. 25 августа онъ принимается за работу и 18 февраля 1804 г. помѣчаетъ въ своемъ календарѣ: „кончилъ Телля“. Уже 17 марта состоялось первое представленіе въ Веймарѣ, имѣвшее небывалый успѣхъ. Восторженно былъ встрѣченъ „Телль“ и на берлинской сценѣ 4 іюля. Первое изданіе, въ числѣ 7000 экземпляровъ, разошлось еще въ теченіе осени того-же года Драма пришлась кстати въ эпоху наполеоновскаго погрома; она невольно вызывала на сравненія, возбуждала и привлекала горячимъ паѳосомъ своего патріотизма. Но она не сошла со сцены и впослѣдствіи; до нашихъ дней она принадлежитъ къ популярнѣйшимъ драмамъ нѣмецкаго классическаго репертуара *).

Такова внѣшняя исторія „Вильгельма Телля“. Она не даетъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ сюжетъ этотъ привлекъ поэта и почему онъ остановился именно на немъ, отложивъ, ради него, въ сторону другіе планы, давно задуманные, какъ-то „Мальтійцевъ“ и „Варбека“. Замѣчаніе самого Шиллера въ письмѣ отъ 16 марта 1802 г. отвѣта, конечно, не даетъ. Сюжетъ не былъ ему навязанъ извнѣ; быстрота, съ которою планъ былъ приведенъ въ исполненіе (5 мѣсяцевъ съ небольшимъ), свидѣтельствуетъ объ увлеченіи работой; онъ самъ въ своихъ письмахъ за это время замѣчаетъ, что онъ давно ничѣмъ такъ не увлекался. Очевидно, что самый сюжетъ пришелся ему по душѣ.

Чѣмъ онъ его привлекъ? Вопросъ этотъ могъ бы казаться лишнимъ, еслибы въ его рѣшеніи не заключался ключъ къ уразумѣнію нашей драмы.

Обычная точка зрѣнія видитъ въ авторѣ „Телля“ того-же вдохновеннаго пѣвца свободы, который за 23 года до этого выпустилъ свою первую драму въ свѣтъ съ девизомъ „In tyra nos“; того-же поэта, который выступилъ, устами своего маркиза Позы, горячимъ проповѣдникомъ свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, свободы совѣсти, свободы мысли и слова. Конечно, годы, лежащіе между „Донъ-Карлосомъ“ и „Вильгельмомъ Теллемъ“, прошли не безслѣдно. Стóитъ сравнить рѣчь Штауффахера (II, 2) съ тѣмъ, что говорилъ маркизъ Поза: его мысль стала спокойнѣе и яснѣе; онъ уже не гонится за несбыточной утопіей неограниченной свободы, онъ теперь добровольно ограничиваетъ послѣднюю, ясно и рѣзко очерчиваетъ ее. Но непреклонная рѣшимость стать на ея защиту—все та-же; и тѣмъ-же вдохновеннымъ паѳосомъ проникнуты слова зрѣлаго мужа Штауффахера, какой слышался въ страстныхъ тирадахъ юноши Позы.

Швейцарцы, говоритъ Штауффахеръ, всегда хранили свободу, никогда не преклоняя колѣнъ передъ князьями; но они добровольно отдались подъ защиту императора, такъ какъ

...и свободные не безначальны.
Начальникъ долженъ быть, судья верховный,
Къ кому-бы въ распряхъ прибѣгать могли.

Отношеніе ихъ къ имперіи опредѣляется договоромъ; превышеніе власти со стороны императора вызываетъ законный протестъ со стороны швейцарцевъ во имя сохраненія древней, унаслѣдованной отъ предковъ свободы, а не ради насильственнаго водворенія

*) Изъ недавно появившагося въ печати списка драмъ, данныхъ на нѣмецкихъ сценахъ зимою 1899–1900 гг., оказывается, что Шиллеръ занимаетъ среди классиковъ еще теперь первое мѣсто въ репертуарѣ нѣмецкаго театра. Въ указанномъ году его пьесы шли 873 раза, чаще всего «Вильгельмъ Телль» (176 разъ), затѣмъ «Марія Стюартъ (132 раза) и «Орлеанская дѣва» (113 раза). Пьесы Гёте насчитывали всего 530 представленій; на первомъ мѣстѣ «Фаустъ», данный 193 раза.

новыхъ порядковъ; это—не бунтъ, а самозащита, оборона собственности и семьи отъ насилія:

Нѣтъ, есть граница и тирановъ силѣ!
Коль угнетенный права не находитъ,
Коль для него несносно стало бремя,
Тогда онъ смѣло къ небу обратись:
Тамъ всѣ свои права отыщетъ онъ,
Тамъ всѣ они, какъ вѣчныя свѣтила,
Ненарушимы, тверды, неизмѣнны!
Вернется первобытная пора,
Пора борьбы людей между собой.
Когда ничто помочь ему не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ.
Свое добро должны мы защищать;
Мы возстаемъ за мирную отчизну,
Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

Въ этихъ словахъ — источникъ свѣта, которымъ озаряется и согрѣвается вся драма, руководящій мотивъ пьесы, „понятіе, заполняющее центръ его существа — свобода" (Гарнакъ). Мотивъ этотъ слышится уже въ лирическихъ картинахъ прелюдіи, онъ составляетъ фонъ, на которомъ какъ-бы выдѣляются всѣ частные мотивы драмы; всѣ дѣйствующія лица послѣдней — за исключеніемъ немногихъ—лишь разнообразныя варьяціи его. Въ сценѣ на Рютли и въ заключительномъ аккордѣ въ послѣдней сценѣ онъ находитъ наиболѣе полное и страстное выраженіе.

Такова обычная точка зрѣнія, которой держится и послѣдній біографъ Шиллера, Гарнакъ (1898); такъ поняли нашу драму и современники поэта, встрѣтившіе ее съ такимъ восторгомъ при первомъ появленіи ея на сценѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта сторона дѣла была симпатична Шиллеру. Стоитъ прочесть стансы, которые Шиллеръ послалъ, вмѣстѣ съ экземпляромъ драмы, своему другу и покровителю, курфюрсту Майнцскому Дальбергу (см. т. I стр. 155). Но тѣ-же стансы доказываютъ, что не на этомъ лежалъ, въ глазахъ Шиллера, центръ тяжести: они представляютъ, до извѣстной степени, ретроспективное освѣщеніе сюжета. При выборѣ-же и разработкѣ послѣдняго не эти соображенія служили вдохновляющимъ стимуломъ. Нельзя не замѣтить, какъ съужено въ нашей драмѣ пониманіе свободы; нельзя не замѣтить также строгой холодной объективности, съ которою она обрисована. Въ этой объективности — столь рѣдкой у Шиллера—заключается одна изъ главныхъ особенностей „Телля", и въ ней-же—отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Въ приведенныхъ нами словахъ Штауффахера слышится какъ-будто отголосокъ знаменитой революціонной Déclaration des droits de l'homme et du citoyen; но—сходство это чисто внѣшнее и случайное. Ссылка Штауффахера на „вѣчныя, неотъемлемыя права" человѣка отлично мирится съ лишеніемъ нѣкоторыхъ изъ собравшихся на Рютли поселянъ полныхъ гражданскихъ правъ изъ-за крѣпостной зависимости, въ которой они состоятъ; кузнецъ Ульрихъ, старшій по возрасту представитель Швица, потому только не признается амманномъ, что онъ „не свободнаго рожденія". Эта и подобныя черты, совершенно ненужныя для дѣйствія, доказываютъ, съ какимъ покойнымъ разсчетомъ поэтъ подбиралъ краски для усиленія мѣстнаго и историческаго колорита, доказываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ далекъ отъ какой-бы то ни было тенденціи.

Впрочемъ, той тенденціи, которую обыкновенно ищутъ въ „Вильгельмѣ Теллѣ", у нашего поэта въ эту эпоху и быть не могло. Называть Шиллера *Веймарской поры* „пѣвцомъ свободы" представляется страннымъ и непонятнымъ недоразумѣніемъ, однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя, возникнувъ случайно, повторяются безъ провѣрки изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кто хоть разъ внимательно вчитывался въ переписку Шиллера за это время, тому, конечно, бросилось въ глаза полное равнодушіе писателя къ тѣмъ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ, которыми онъ нѣкогда такъ страстно увлекался, равнодушіе поразительное въ писателѣ—современникѣ французской революціи и Наполеона. Ни одобренія, ни протеста мы въ его письмахъ не найдемъ. Одинъ только фактъ—судъ надъ Людовикомъ XVI—глубоко возмутилъ его и онъ собирался даже написать трактатъ въ защиту несчастнаго короля. Но на выполненіе этого намѣренія у него не хватило ни интереса, ни энергіи. Глубокое впечатлѣніе произвела на него и вѣсть о казни короля; съ этого момента онъ не въ состояніи былъ читать французскія газеты: такъ опротивѣли ему „эти низкіе палачи" (diese elenden Schinderknechte). Но помимо того, борьба интересовъ, происходившая внѣ стѣнъ его рабочаго кабинета, событія дня, кризисъ, который переживало тогда европейское общество и, въ частности, Германія — не внушаютъ ему ни малѣйшаго участія. Онъ весь ушелъ въ свою литературную работу, погло-

щавшую всѣ силы его организма, уже боровшагося съ смертельнымъ недугомъ. Онъ работаетъ съ лихорадочной быстротой, ревниво оберегая свою работу отъ всего, что́ можетъ нарушить его душевное равновѣсіе, необходимое для окончанія начатыхъ работъ. Войны съ Наполеономъ интересуютъ его лишь постольку, поскольку онѣ грозятъ его личной безопасности, семейному благополучію и — спокойной работѣ надъ вопросами, ничего общаго съ злобою дня не имѣющими. Намъ невольно вспоминается Архимедъ: углубленный въ свою работу, онъ не слышитъ долетающихъ до

отъ интересовъ, которыми жилъ и страдалъ его народъ,—Шиллера такого рода упреки почему-то никогда не касаются. И едва-ли не слѣдуетъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ этой странности въ „Вильгельмѣ Теллѣ", понятомъ современниками какъ призывъ къ борьбѣ за національную свободу.

Между тѣмъ, сюжетъ привлекалъ поэта не этой своей стороной: онъ увлекся имъ потому, что „басня о Теллѣ" и обстановка, въ которой она рисуетъ дѣйствіе, формально отвѣчали требованіямъ даннаго момента въ развитіи его теоретическихъ взглядовъ

Ущелье Hohle gsse, гдѣ по преданію Телль убилъ Геслера.

него криковъ борьбы, не замѣчаетъ, что родной городъ палъ; и когда къ нему, черезъ трупы его согражданъ, врываются римскіе солдаты,—у него только одна мысль, одно желаніе: какъ-бы они не испортили его круговъ. Это — своеобразный эгоизмъ мыслителя, который надъ занимающими его вопросами забылъ объ окружающемъ мірѣ, его нуждахъ и страданіяхъ. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ вѣрный товарищъ и единомышленникъ Гёте. Но, въ то время какъ послѣднему часто ставятъ въ вину его олимпійское спокойствіе и полную отчужденность

на искусство вообще и драму въ частности *).

Извѣстно, что въ литературно-эстетическихъ взглядахъ Шиллера къ концу 90-хъ годовъ произошелъ крупный переворотъ, подготовленный его философскими занятіями и довершенный подъ вліяніемъ Гёте,—переворотъ, который приводитъ его къ безу-

*) На это давно уже указалъ Hettner въ своей прекрасной, слишкомъ мало замѣченной монографіи: Die romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhange mit Cöthe und Schiller. Braunschweig 1850.

словному поклоненію античнымъ художественнымъ формамъ. Взгляды и пріемы, выработанные греческимъ искусствомъ, становятся, съ этого времени, въ его глазахъ единственно законной нормой, которою должно руководствоваться всякое художественное творчество.

Особенно рѣзко перемѣна въ его взглядахъ должна была сказаться, конечно, на драмѣ. Шиллеръ, который раньше, въ трактатѣ о трагическомъ искусствѣ, находилъ идею судьбы непримиримой съ задачами современной драмы, начинаетъ теперь увлекаться именно этой идеей, какъ эстетическимъ постулатомъ всякой истинной трагедіи. Конечно, не сама идея, какъ таковая, привлекаетъ его; но необходимымъ условіемъ истинно-трагическаго настроенія кажется ему грозно-удушливая атмосфера, которая создается слѣпымъ рокомъ, тяготѣющимъ надъ человѣкомъ. Только при этомъ условіи возможна та величавая простота характеристики, которая поражаетъ насъ въ греческой трагедіи и превращаетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ послѣдней въ „болѣе или менѣе идеализованныя маски" (idealische Masken), какъ выражается нашъ поэтъ въ письмѣ къ Гёте. Но эта лапидарность характеристики, если можно такъ выразиться, исключаетъ рѣзкую индивидуализацію ея, и центръ тяжести переносится на дѣйствіе, задача-же поэта сводится къ изображенію воздѣйствій событій на человѣка.

Усвоивъ себѣ такую точку зрѣнія, къ обсужденію которой онъ постоянно возвращается въ письмахъ къ Гёте, Шиллеръ начинаетъ подъискивать сюжеты, которые давали-бы ему возможность проведенія ея на дѣлѣ, не шокируя слишкомъ рѣзко нравственныхъ воззрѣній современнаго человѣка. Отъ „Валленштейна", которымъ онъ недоволенъ, онъ переходитъ къ „Маріи Стюартъ", гдѣ завязка и конфликтъ лежатъ цѣликомъ внѣ драмы, т. е. предшествуютъ ей; затѣмъ къ „Орлеанской дѣвѣ", гдѣ уже очень рѣшительно вводится вмѣшательство сверхъестественнаго элемента; наконецъ—къ „Мессинской невѣстѣ", представляющей отъ начала до конца не что иное, какъ „отвлеченный этюдъ по античнымъ образцамъ" (Геттнеръ). Дальше въ указанномъ направленіи идти было нельзя; и именно эта трагедія, потребовавшая еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предшествовавшія, разныхъ компромиссовъ, выразившихся между прочимъ въ двойной мотивировкѣ дѣйствія,—именно эта трагедія должна была показать Шиллеру, что въ своей крайней формѣ античный принципъ на современной сценѣ невозможенъ. Очевидно, надо было искать другого исхода, т. е. найти такую комбинацію, при которой можно было обойтись безъ идеи судьбы, не лишая дѣйствія его роковой необходимости, а характеры—ихъ идеально-величавой простоты.

И вотъ, въ этотъ именно моментъ случай навелъ поэта на „басню о Теллѣ", въ полной мѣрѣ отвѣчавшую всѣмъ его желаніямъ. Конфликтъ и здѣсь также выросталъ не изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, а навязывался имъ извнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, простота характеристики и отсутствіе рѣзко-индивидуальныхъ чертъ требовались самимъ сюжетомъ, т. е. тѣми идиллически-патріархальными условіями, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе. Все было какъ бы уже предначертано, готово въ самомъ сюжетѣ, оставалось лишь развернуть послѣдній, чтобы получить вполнѣ правдивую и все-же величаво-простую картину.

Ожиданія поэта не обманули его: въ результатѣ получилась драма, которая во многихъ отношеніяхъ должна считаться лучшимъ изъ его произведеній и „дѣлаетъ ему честь". Ни одна изъ его драмъ не отличается такой правдивой простотой при полномъ отсутствіи того, что мы назвали бы реализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дѣйствующія лица въ ней болѣе или менѣе символичны и группировка ихъ обусловлена заранѣе обдуманной и установленной схемой. Поэтъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки индивидуализаціи; всѣ безъ исключенія говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, независимо отъ ихъ общественнаго положенія, возраста, пола, настроенія, притомъ языкомъ изысканнымъ, которымъ, конечно, никогда не говорили и не могутъ говорить крестьяне. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ заходитъ далеко за предѣлы обычной условности драматическаго языка, вводя напр. въ языкъ Гертруды (1, 2) чисто гомеровскіе обороты. Лица дѣйствуютъ какъ-бы не сами отъ себя, а „выполняютъ лишь задачи своего вида" (Гофмейстеръ). Не случайно, конечно, представители трехъ кантоновъ—Мельхталь, Штауффахеръ и Вальтеръ Фюрстъ—оказались юношей, зрѣлымъ мужемъ и старикомъ, т. е. представителями трехъ возрастовъ; не случайно Руденцъ и Аттингаузенъ олицетворяютъ два различныхъ отношенія дворянства къ народу, а Гертруда и Гедвига два разные женскіе

идеала. Всѣ они отвѣчаютъ лишь цѣлямъ простоты и являются дѣйствительно „идеализованными масками", сгруппированными въ стройную, до мелочей продуманную схему. Въ этомъ заключается и сильная и слабая сторона нашей драмы: сильная—такъ какъ въ ней сказывается блестящая драматическая техника, съумѣвшая всюду сохранить впечатлѣніе правдивости и закономѣрности дѣйствія; слабая—такъ какъ она наноситъ существенный ущербъ драматическому единству. Въ самомъ дѣлѣ, наша драма, строго говоря, не имѣетъ героя, и интересъ раздваивается: передъ нами два дѣйствія, связанныя между собою лишь внѣшнимъ образомъ, а не внутренними побужденіями; съ одной стороны—заговорщики на Рютли, съ другой—Телль, дѣйствующій независимо отъ первыхъ и сознательно отдѣленный отъ нихъ поэтомъ, хотя въ народномъ преданіи онъ принимаетъ участіе въ заговорѣ. Онъ втягивается въ дѣйствіе какъ бы случайно. Главнымъ лицомъ его назвать нельзя, такъ какъ значительная часть дѣйствія происходитъ безъ его участія, да и самъ по себѣ онъ не герой, по крайней мѣрѣ въ обычномъ пониманіи этого слова. „Телль обладаетъ тѣмъ мужествомъ темперамента, которое дается сознаніемъ физической силы; но нѣтъ у него благородной отваги сердца, которая, сама неизмѣримая, не измѣряетъ и опасности... Рука у него дѣйствуетъ быстро, но голова—медленно, и его добродушная медлительность приводитъ его, наконецъ, къ тому, что онъ прячется и изъ-за куста совершаетъ гнусное убійство." Такова характеристика, которую даетъ Теллю Берне, и онъ отчасти правъ. Но правъ былъ и Шиллеръ, рисуя его именно таковымъ. Еслибъ онъ сдѣлалъ его инымъ, болѣе подходящимъ къ типу классическихъ героевъ, онъ этимъ нарушилъ бы цѣльность патріархальной картины, столь строго и умѣло выдержанную имъ отъ начала до конца. Патріархальная среда не знаетъ рѣзкихъ индивидуальностей, а потому не знаетъ и героевъ.

Новый памятникъ Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ (сооруженъ 1895 г.).

Но возможна-ли, при такихъ условіяхъ, драма? Не былъ ли правъ Гёте, задумавшій Телля въ *эпической* формѣ? Думается, что въ данномъ случаѣ художественный тактъ Гёте былъ болѣе чутокъ. Въ эпосѣ, всѣ дѣйствующія лица получили бы болѣе правильное равномѣрное освѣщеніе, и не было бы того раздвоенія интереса, которое при данныхъ условіяхъ должно было получиться въ драмѣ. Совершенствуя драму, Шиллеръ умалилъ-бы достоинства сюжета; выдвигая послѣднія, онъ нанесъ ущербъ драмѣ, какъ таковой. И произошло это именно потому, что онъ хотѣлъ подчинить законамъ драматической композиціи сюжетъ, по существу своему эпическій.

Отмѣченное нами выше строгое проведеніе мѣстнаго и историческаго колорита требовало серьезныхъ подготовительныхъ работъ. Дѣйствительно, Шиллеръ долго и тщательно готовился къ „Теллю", подробно изучая исторію и географію Швейцаріи по всѣмъ доступнымъ ему трудамъ. Поразительная правдивость швейцарскаго ландшафта, справедливо восхваляемая, достиг-

Теллевская площадка (Tell's Platte) и Теллевская часовня на озерѣ Ури. Здѣсь, по преданію, Телль выскочилъ изъ лодки Геслера.

нута имъ этимъ путемъ; книги замѣнили ему личный опытъ, такъ какъ самъ онъ въ Швейцаріи никогда не бывалъ, а разсказы его жены и Гёте едвали дали ему много матеріала.

Изъ историческихъ трудовъ на первомъ планѣ стоитъ швейцарская хроника—Chronikon Helveticum—Эгидія Чуди (Aegidius Tschudi † 1572).

Такъ какъ эта лѣтопись главный источникъ Шиллера, то позволимъ себѣ привести здѣсь въ дословномъ переводѣ весь разсказъ ея о Теллѣ: этимъ сразу опредѣлится зависимость поэта отъ историческаго преданія и выяснятся отступленія отъ него, допущенныя въ драмѣ.

Вотъ что говоритъ Чуди:

„Въ воскресенье послѣ Св. Отмара, т. е. 18 ноября *), честный и благочестивый поселянинъ изъ Ури, по имени Вильгельмъ Телль, который также принадлежалъ къ тайному союзу, прошелъ нѣсколько разъ въ Альторфѣ мимо вывѣшенной шляпы и не поклонился ей, какъ то приказано было ландфохтомъ; объ этомъ ему, ландфохту, донесли. И вотъ, на слѣдующее утро, въ понедѣльникъ, призываетъ онъ Телля къ себѣ и спрашиваетъ его строго (trutzlich), отчего онъ не повинуется его приказу и не поклонился шляпѣ, королю и ему (т. е. Гесслеру) въ презрѣніе? Телль отвѣчалъ: „Милый господинъ, то́ случилось безъ умысла и не изъ пренебреженія; простите мнѣ; еслибъ я былъ уменъ (witzig), то не звался-бы я Теллемъ **); прошу васъ, смилуйтесь; этого больше не будетъ". А Телль былъ хорошимъ стрѣлкомъ, такъ что едва-ли можно было найти лучшаго, и были у него миловидныя дѣти, которыхъ онъ любилъ; за ними-то послалъ ландфохтъ и сказалъ: „Телль, кто изъ дѣтей тебѣ всѣхъ дороже?" Телль отвѣчалъ: „Господинъ, всѣ они мнѣ равно любы". Тогда сказалъ ландфохтъ: „Такъ вотъ, Телль, ты хорошій, всѣми прославленный стрѣлокъ, какъ я слышалъ; докажи мнѣ теперь свое искусство и сними выстрѣломъ яблоко у одного изъ твоихъ дѣтей съ головы, да смотри, чтобы тебѣ попасть въ яблоко; если не попадешь съ перваго-же выстрѣла, то не снести тебѣ головы". Телль испугался, сталъ просить ландфохта Бога ради, чтобы тотъ увольнилъ его отъ выстрѣла, такъ какъ вѣдь природѣ противно, чтобы ему стрѣлять въ свое милое дитя, и что лучше онъ согласенъ умереть. Ландфохтъ сказалъ: Ты долженъ это совершить или умереть вмѣстѣ съ ребенкомъ". Увидалъ тогда Телль, что ему этого не миновать и сталъ просить Бога сердечно, чтобы Онъ сохранилъ его и его милое дитя. Взялъ онъ потомъ самострѣлъ, натянулъ тетиву, наложилъ стрѣлу и засунулъ еще одну стрѣлу за пазуху, а ландфохтъ самъ положилъ ребенку (которому было не больше 6 лѣтъ) яблоко на голову. И вотъ Телль снялъ стрѣлою съ темени ребенка яблоко, ни мало не задѣвъ самого ребенка. Сталъ дивиться ландфохтъ славному выстрѣлу, похвалилъ Телля за такое искусство и спросилъ его, для чего онъ еще одну стрѣлу за пазуху засунулъ? Телль испугался и понялъ, что вопросъ этотъ не къ добру, но ему хотѣлось уладить дѣло, и онъ отвѣчалъ—что таковъ обычай у стрѣлковъ; ландфохтъ-же понялъ, что Телль уклоняется, и сказалъ: „Телль, скажи-же мнѣ смѣло всю правду и не бойся, жизнь твою я тебѣ обѣщаю, но тотъ отвѣтъ, что ты мнѣ далъ, я не принимаю, навѣрное то значило что-нибудь иное". Тогда сказалъ Вильгельмъ Телль: „Добро-же, господинъ, разъ вы мнѣ обѣщали мою жизнь, то я вамъ скажу истинную правду: такова была моя мысль, что еслибъ я попалъ въ моего ребенка, то другой стрѣлой убилъ-бы васъ, и ужъ въ васъ-то я навѣрняка не далъ бы промаха". Когда услышалъ это ландфохтъ, то сказалъ: „Ну хорошо-же, Телль: я тебѣ обѣщалъ жизнь, и слово это я сдержу, но такъ какъ я понялъ твой недобрый противъ меня умыселъ, то велю отвести тебя въ такое мѣсто и заключить тебя тамъ, чтобы тебѣ никогда больше не видать ни солнца, ни луны, а мнѣ быть отъ тебя безъ опаски". Велѣлъ онъ тогда своимъ слугамъ схватить его и связаннымъ отвести въ Флю(е)ленъ. Онъ самъ поѣхалъ съ ними и взялъ Теллево оружіе, колчанъ, стрѣлы и самострѣлъ съ собой, (такъ какъ) онъ хотѣлъ ихъ себѣ оставить; потомъ сѣлъ ландфохтъ съ слугами и связаннымъ Теллемъ въ лодку, чтобы ѣхать на Брунненъ, а оттуда отвести Телля сухимъ путемъ черезъ Швицъ въ свой замокъ подъ Кюсснахтомъ и тамъ заключить до смерти въ темную башню; а оружіе Телля было положено въ лодкѣ близъ руля.

Когда они выѣхали въ озеро и стали подниматься по нему до мыса Аксена, то

*) 1307 г.

**) Таково народно-этимологическое объясненіе имени (Tell, Töll въ связи съ toll «безумный»), происхожденіе котораго неясно.

по велѣнію Божію поднялась такая жестокая, ярая буря, что они всѣ боялись, какъ-бы имъ не погибнуть жалкою смертью. Нужно сказать, что Телль былъ силачъ и зналъ толкъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда сказалъ одинъ изъ слугъ ландфохту: „господинъ, вы видите, въ какой мы съ вами опасности и что корабельщики наши испугались и не знаютъ, какъ быть; а вотъ Телль мужъ сильный и хорошо умѣетъ править лодкой, надо бы имъ теперь въ нуждѣ воспользоваться". Ландфохтъ былъ въ большомъ страхѣ и сказалъ Теллю: „Еслибъ ты взялся помочь намъ въ этой бѣдѣ, то я бы снялъ съ тебя оковы". Телль отвѣчалъ: „да, господинъ, я берусь съ Божьей помощью помочь намъ выбраться отсюда". Тогда его развязали, онъ сталъ у руля и поѣхалъ, но все поглядывалъ на арбалетъ со стрѣлами, что близъ него лежали, да высматривалъ удобный случай, чтобы ему выскочить, и когда онъ близко подъѣхалъ къ скалѣ въ родѣ плиты (что́ потомъ прозвана была скалою Телля и часовенька на ней построена), ему сдалось, что здѣсь можно бы выскочить да спастись; крикнулъ онъ гребцамъ налечь на весла, чтобы имъ проѣхать мимо скалы, потому что потомъ ужъ будетъ легче; и когда они подъѣхали къ скалѣ, то онъ изо всѣхъ силъ, какъ могъ, придвинулъ къ ней корму, схватилъ самострѣлъ, выскочилъ на скалу и сильно оттолкнулъ отъ себя лодку назадъ въ волны, а самъ побѣжалъ вдоль горы (такъ какъ не выпало еще снѣга) черезъ Морсахъ да черезъ землю Швицъ до высоты надъ дорогой между Артомъ и Кюсснахтомъ, гдѣ есть въ родѣ ущелья, и кустарникъ на той высотѣ; въ него онъ залегъ, потому что зналъ, что ландфохтъ проѣдетъ мимо на Кюсснахтъ къ своему замку. Ландфохтъ и его слуги съ большимъ трудомъ доѣхали до Бруннена, проѣхали оттуда черезъ Швицъ, и когда они приблизились къ названному ущелью, то онъ (т. е. Телль) слышалъ, какъ ландфохтъ задумывалъ недоброе противъ него; онъ-же натянулъ самострѣлъ и пронзилъ ландфохта стрѣлой, такъ что тотъ свалился съ лошади и умеръ на мѣстѣ".

Рютли.

Самое бѣглое сравненіе показываетъ, что Шиллеръ въ соотвѣтствующихъ сценахъ драмы держится своего источника почти дословно, какъ онъ и вообще не позволилъ себѣ большихъ отступленій отъ преданія, хотя онъ и зналъ, что передъ нимъ сказка, а не историческій фактъ. Онъ, какъ и Гёте, всегда говоритъ о „сказкѣ" или „баснѣ" о Теллѣ.

Въ то время, когда писалась драма, мнѣніе это не могло считаться общепринятымъ: незадолго до того (1786) знаменитый историкъ Іоганнъ фонъ Мюллеръ всѣми силами старался доказать историческое существованіе Телля. Но историческая критика стала на сторону нашего поэта: цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, главнымъ образомъ трудами швейцарскаго историка Іосифа Коппа († 1866), было доказано, что весь разсказъ Чуди о возникновеніи союза трехъ „лѣсныхъ" кантоновъ, разросшагося впослѣдствіи въ Швейцарію, есть не что иное, какъ романъ, отчасти имъ самимъ сочиненный

Не вдаваясь въ подобный разборъ этого вопроса *), мы остановимся вкратцѣ лишь на личности Телля. Отмѣтимъ прежде всего, что древнѣйшіе швейцарскіе лѣтописцы, какъ-то Юстингеръ и Іоганнъ изъ Винтертура (XIV в.), совершенно умалчиваютъ о немъ. Лишь въ концѣ XV вѣка появляется разсказъ о Теллѣ, притомъ въ двухъ версіяхъ, изъ которыхъ одна, древнѣйшая, представляемая такъ наз. Сарненской „Бѣлой книгой" (ок. 1476 г.) и хроникой Эттерлина (1507 г.), приписываетъ главную заслугу въ освобожденіи Швейцаріи Штауффахеру, тогда какъ исторія Телля носитъ характеръ случайнаго эпизода. Въ законченномъ видѣ сага о Теллѣ появляется

Альт(тд)орфъ. Общій видъ.

на основаніи отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ народныхъ преданій, которыя произвольно комбинировались имъ съ несомнѣнно-историческими фактами. Не вѣрны даже рамки, въ которыя вставлено дѣйствіе: въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (1307 г.), Ури и Швицъ не были подвластны *одному* фохту, да и Германа Геслера исторія не знаетъ какъ фохта въ Кюсснахтѣ. Чтобы спасти по крайней мѣрѣ основныя черты преданія, была сдѣлана попытка (Liebenau 1864) пріурочить разсказъ къ 1230 г., который во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, подходитъ лучше. Но тѣмъ не менѣе само преданіе остается сказочнымъ.

*) Интересующихся имъ мы отсылаемъ къ хорошей работѣ A. Huber'a «Die Waldstätte und geschichtliche Bedeutung Wilhelm Tell's,» Innsbruck 1861, гдѣ собранъ весь матеріалъ. Ср. кромѣ того Kopp, «Geschichte der eidgenössischen Bünde», Luzern 1845—62 5 томовъ; H. W. Liebenau, «Die Tell - Sage zu dem Jahre 1230». Aarau 1864; E. L. Rochholz, «Tell und Gessler in Sage und Geschichte», Heilbronn 1877; его-же «Die Aargauer Gessler in Urkunden von 1250 bis 1513», тамъ-же 1877; Vaucher, «Les traditions nationales de la Suisse», Женева 1885; Oechsli, «Die Anfänge der schweizerischen Eidgenossenschaft», Цюрихъ 1891; Gisler, «Die Tellsage», Бернъ 1895.

лишь у Чуди, и только съ этого времени она пошла въ ходъ. Грамота 1388 г., которая якобы называетъ 114 лицъ, лично знавшихъ Телля, оказалась выдумкой. Такъ называемыя „Теллевы часовни" на Tellsplatte, въ Hohle Gasse и въ Bürglen построены лишь въ XVI в. и отчасти ничего общаго съ Теллемъ не имѣютъ (см. Rochholz стр. 143—179) Наконецъ, то, что повѣствуется о Теллѣ и его выстрѣлѣ, относится къ мотивамъ, общимъ всѣмъ индоевропейскимъ народамъ; оно принадлежитъ къ разряду сказаній объ

Старый памятникъ Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ.

искусныхъ и волшебныхъ стрѣлкахъ, широко распространенныхъ отъ Инда до Британіи включительно и встрѣчающихся въ различнѣйшихъ варьяціяхъ, отчасти очень близкихъ къ сагѣ о Теллѣ. Наиболѣе близка къ послѣдней та форма преданія, которую мы находимъ у скандинавовъ. Такъ, въ сагѣ о Дитрихѣ Бернскомъ, относящейся къ XIII в. *), король Нидунгъ хочетъ испытать славнаго стрѣлка Эгиля (Egill), брата кузнеца Велента (нѣм. Wielant), гостившаго у него. Онъ приказываетъ ему выстрѣлить въ яблоко, положенное его трехлѣтнему сыну на голову. Эгиль повинуется, но вынимаетъ изъ колчана три стрѣлы, изъ которыхъ прячетъ двѣ. Послѣ удачнаго выстрѣла король спрашиваетъ его, почему онъ вынулъ три стрѣлы, хотя ему было велѣно попасть съ перваго-же выстрѣла. Эгиль отвѣчалъ: „Господинъ, не хочу я вамъ лгать; еслибъ я убилъ мальчика одной стрѣлой, то эти двѣ были предназначены для васъ". „Королю это понравилось, и всѣмъ показалась та рѣчь смѣлою и мужественною".

Не такъ благополучно кончается эпизодъ, разсказываемый Саксономъ Грамматикомъ († 1203) о датскомъ королѣ Гаральдѣ Синезубомъ и стрѣлкѣ Токо (X в.). Король хочетъ наказать послѣдняго за хвастовство и велитъ ему попасть въ яблоко на головѣ сына, грозя ему, въ противномъ случаѣ, смертью. Повторяется черта о трехъ стрѣлахъ, вопросъ короля и отвѣтъ стрѣлка.

*) Saga Didriks Konungs af Bern, cap. 75 (изд. Unger'a 1853, стр. 90 сл.).

Король и здѣсь также не мститъ ему за смѣлый отвѣтъ; но послѣ второго такогоже испытанія—въ бѣгѣ на лыжахъ—Токо покидаетъ короля и впослѣдствіи убиваетъ его стрѣлой, въ лѣсу, за кустомъ.

Сходство этого разсказа съ сагою о Теллѣ такъ поразительно, что приводитъ Рохгольца, посвятившаго вопросу о Теллѣ спеціальное изслѣдованіе, къ выводу, что разсказъ „Бѣлой книги“ (см. выше) заимствованъ литературнымъ путемъ съ сѣвера, точнѣе—изъ нижненѣмецкаго перевода исторіи Саксона Грамматика; переводъ этотъ появился въ печати въ Любекѣ около 1480 г., но былъ, по Рохгольцу, уже гораздо раньше извѣстенъ въ рукописныхъ спискахъ. Однимъ изъ поводовъ къ заимствованію служило появляющееся въ Швейцаріи уже въ XV в. преданіе о томъ, будто населеніе лѣсныхъ кантоновъ вышло нѣкогда изъ Скандинавіи вслѣдствіе неурожаевъ, заставившихъ 6000 шведовъ искать новой родины. Сказаніе это, проникши въ литературу, служило здѣсь на первыхъ порахъ цѣлямъ партійной борьбы между Швицемъ и Цюрихомъ и опиралось, между прочимъ, на кажущееся сходство именъ Suetia и Suitia. Но само по себѣ оно очень древняго, чисто народнаго происхожденія. Пишущій эти строки пытался въ другомъ мѣстѣ *) выяснить его возникновеніе и постепенное распространеніе. Въ Швейцарію оно проникло, во всякомъ случаѣ, сравнительно поздно;

Общій видъ новаго памятника Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ (сооруженъ 1893).

*) Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, Спб., 1809, стр. 308 324.

исходный пунктъ его не здѣсь, а на сѣверѣ, и историческаго факта въ немъ, конечно, усматривать нельзя, хотя еще Strinnholm принимаетъ его за таковой *).

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны отказаться отъ Телля, какъ историческаго лица, освободителя Швейцаріи отъ гнета габсбургскихъ фохтовъ. Но намъ остается Телль народнаго преданія, воплощеніе швейцарскаго народнаго идеала, съигравшее не малую роль въ дѣлѣ объединенія швейцарскихъ кантоновъ въ дружный союзъ. Шиллеру-же принадлежитъ заслуга окончательной художественной формулировки этого идеала. Образъ Телля теперь уже не отдѣлимъ отъ героя, такъ блестяще обрисованнаго нашимъ поэтомъ. И кантоны, воздвигнувшіе Шиллеру своеобразный памятникъ, почтивъ его надписью на скалѣ, которая поднимается изъ волнъ Фирвальдштетскаго озера, (см. т. I, біограф. очеркъ, стр. LXV), воздали лишь должное великому генію, прославившему въ лицѣ Телля великое прошлое швейцарскаго народа.

θ. Браунъ.

*) A. Strinnholm, Wikingszüge, Staatsverfassung und Sitten der alten Skandinavier, aus dem Schwedischen v. Frisch, Hamburg 1839, стр. 19.—190.

Телль и Гесслеръ.

Гравюра, приложенная къ первому изданію «Вильгельма Телля».

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Дѣйствующія лица:

Германъ Геслеръ, имперскій намѣстникъ (ландфохтъ) въ Швицѣ и въ Ури.
Вернеръ фонъ-Аттингаузенъ, владѣтельный баронъ.
Ульрихъ фонъ-Руденцъ, его племянникъ.

Вернеръ Штауффахеръ	поселяне изъ Швица.
Конрадъ Хунъ	
Ишель Рединъ	
Гансъ Мауеръ	
Іоргъ Гофъ	
Ульрихъ Шмидъ	
Іостъ Вейлеръ	
Вальтеръ Фюрстъ	изъ Ури.
Вильгельмъ Телль	
Рессельманъ	
Петерманъ, кистеръ	
Куони, пастухъ	
Верни, охотникъ	
Руоди, рыбакъ	
Арнольдъ Мельхталь	изъ Унтервальдена.
Конрадъ Баумгартенъ	
Мейеръ Сарненъ	
Струтъ Винкельридъ	
Клаусъ фонъ-деръ-Флюе	
Буркгардъ Бюхель	
Арнольдъ Сева	

Пфейферъ изъ Люцерна.
Куницъ изъ Герзау.
Женни, мальчикъ рыбака.
Сеппи, мальчикъ пастуха.
Гертруда, жена Штауффахера.
Гедвига, жена Телля, дочь Вальтера Фюрста.
Берта фонъ-Брунекъ, богатая наслѣдница.

Армгарта	поселянки.
Мехтильда	
Эльсбета	
Гильдегарда	
Вальтеръ	дѣти Телля.
Вильгельмъ	
Фрисгардъ	солдаты.
Лейтгольдъ	

Рудольфъ Гаррасъ шталмейстеръ Геслера
Іоаннъ Парриціда, герцогъ швабскій.
Штюсси, стрѣлокъ.
Вѣстникъ.
Смотритель надъ постройками.
Каменщикъ, его подмастерья и работники.
Глашатай.
Братья милосердія.
Стражи Геслера и Ланденбергера.
Поселяне и поселянки изъ лѣсныхъ кантоновъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Высокій скалистый берегъ озера Четырехъ Кантоновъ, противоположный Швицу.

Озеро образуетъ небольшой заливъ. Недалеко отъ берега стоитъ хижина. Женни *плыветъ на челнокѣ. На другой сторонѣ озера видны зеленыя долины и деревни Швица, освѣщенныя солнцемъ. Налѣво отъ зрителей видны скалы, покрытыя облаками; направо-снѣжныя горы, которыхъ цѣпь теряется въ отдаленіи. До поднятія занавѣса слышны звуки свирѣли, блеяніе стадъ и звонъ колокольчиковъ.*

ЖЕННИ (*поетъ въ лодкѣ*).

Прохладныя воды спокойны и ясны.
На брегѣ зеленомъ спитъ мальчикъ прекрасный;

Вдругъ сладкіе звуки
Онъ слышитъ во снѣ,
Какъ будто святые
Поютъ въ вышинѣ.

И онъ пробудился отъ сладкаго сна;
У ногъ его рѣзво играетъ волна.

И слышитъ онъ голосъ:
„Малютка, ты мой!—
Сонливца возьму я
Въ пучину съ собой!“

КУОНИ (*поетъ на горѣ*).

Простите луга!
Зима наступаетъ;
Пастухъ угоняетъ
Въ деревню стада.

Мы васъ оставляемъ, но свидимся съ вами
Когда намъ кукушки весну пропоютъ,
Когда вы украситесь снова цвѣтами,
Когда по долинамъ ручьи потекутъ.
Простите луга!
Зима наступаетъ;
Пастухъ угоняетъ
Въ деревню стада.

ВЕРНИ

(*является на вершинѣ противоположной скалы*).

Вершины гремятъ, стонетъ эхо въ горахъ.
Стрѣлокъ не робѣетъ на зыбкихъ стезяхъ:
Тамъ скалы покрыты
Корой ледяной;
По нимъ онъ ступаетъ
Безстрашной стопой.
Внизу подъ ногами, какъ море, туманъ
Предъ нимъ застилаетъ жилище селянъ;
И только въ разрывы
Сѣдыхъ облаковъ
Виднѣются нивы
И зелень луговъ.

(*Картина перемѣняется; глухой ревъ слышенъ въ горахъ; тѣни облаковъ покрываютъ окрестности*).

Руоди, *рыбакъ, выходитъ изъ хижины.* Верни, *охотникъ, сходитъ со скалы.* Куони, *пастухъ, идетъ съ котомкою на плечахъ,* Сеппи, *его мальчикъ, слѣдуетъ за нимъ*).

РУОДИ.

Скорѣе, Женни, сѣти собери!
Нахмурилося небо, вѣтеръ воетъ;
Нашъ вѣковой сосѣдъ принарядился

Въ свой облачный колпакъ: и не увидишь,
Какъ Богъ нашлетъ грозу.

КУОНИ.

Спѣшишь, землякъ?
Ужъ дождь пошелъ; смотри, какъ жадно овцы
Ѣдятъ траву, собака роетъ землю.

ВЕРНИ.

Не даромъ скачетъ рыба, и лысуха
Ныряетъ то и дѣло: быть грозѣ!

КУОНИ (*мальчику*).

Что, Сеппи, все ли стадо?

СЕППИ.

Все, хозяинъ—
И наша Лизли тутъ: я по звонку
Ее узналъ.

КУОНИ.

Такъ и другія дома:
Она одна заходитъ дальше всѣхъ.

РУОДИ.

Звонки твои чудесные, пріятель.

ВЕРНИ.

И скотъ хорошъ. Что, весь онъ твой, землякъ?

КУОНИ.

Нѣтъ, я не такъ богатъ: его хозяинъ,
Мой господинъ, почтенный Аттингаузенъ.

РУОДИ.

А вотъ корова съ лентою на шеѣ;
Какъ ей она пристала!

КУОНИ.

Да, про то
Она сама смекаетъ и гордится!
Сними я ленту—ѣсть не станетъ.

РУОДИ.

Вздоръ!
Какъ-будто бы она что понимаетъ.

ВЕРНИ.

Не говори!—и звѣрь имѣетъ разумъ.
То знаемъ мы. Какъ на горахъ, бывало,
Гоняешься за сернами—такъ что жъ?—
У нихъ всегда одна стоитъ на стражѣ.
Чуть подошелъ охотникъ—какъ засвищетъ—
И мигомъ всѣ укроются въ ущельяхъ.

РУОДИ (*пастуху*).

Что, ты домой ихъ, видно, гонишь?

КУОНИ.

Да!
Ужъ на горахъ имъ корму больше нѣтъ.

ВЕРНИ.

Счастливый путь!

КУОНИ.

Тебѣ того жъ желаю:
Вашъ не всегда бываетъ безопасенъ.

РУОДИ.

Кто это къ намъ бѣжитъ? да какъ поспѣшно!

ВЕРНИ.

А это нашъ Баумгартенъ изъ Альцельна.

Конрадъ Баумгартенъ *вбѣгаетъ, запыхавшись.*

БАУМГАРТЕНЪ.

Рыбакъ! скорѣе лодку! ради Бога!

РУОДИ.

Ну, ну, куда такъ скоро?

БАУМГАРТЕНЪ.

Отвяжи!...
Спаси меня! перевези!...

КУОНИ.

Землякъ,
Что сдѣлалось съ тобою?

ВЕРНИ.

Кто тебя
Преслѣдуетъ?

БАУМГАРТЕНЪ (*рыбаку*).

Ахъ! по слѣдамъ за мною
Бѣгутъ ландфогтомъ посланные стражи.
О, я погибъ, когда меня поймаютъ!

КУОНИ.

За что жъ они преслѣдуютъ тебя?

БАУМГАРТЕНЪ.

Сперва спаси—тогда все разскажу.

ВЕРНИ.

Но ты обрызганъ кровью—что случилось?

БАУМГАРТЕНЪ.

Тотъ цесарскій намѣстникъ, что въ Росбергѣ...

КУОНИ.

Кто? Вольфеншисенъ? Гонитъ онъ тебя?

БАУМГАРТЕНЪ.

Онъ болѣе не страшенъ: онъ убитъ
Моей рукой.

ВСѢ (*отступая въ ужасѣ*).

Несчастный! что ты сдѣлалъ?

БАУМГАРТЕНЪ.

Что сдѣлалъ я!—что каждый бы изъ васъ
Рѣшился сдѣлать: я отмстилъ ему
За поношенье дома моего,
За честь жены.

КУОНИ.

Онъ оскорбилъ ее?

БАУМГАРТЕНЪ.

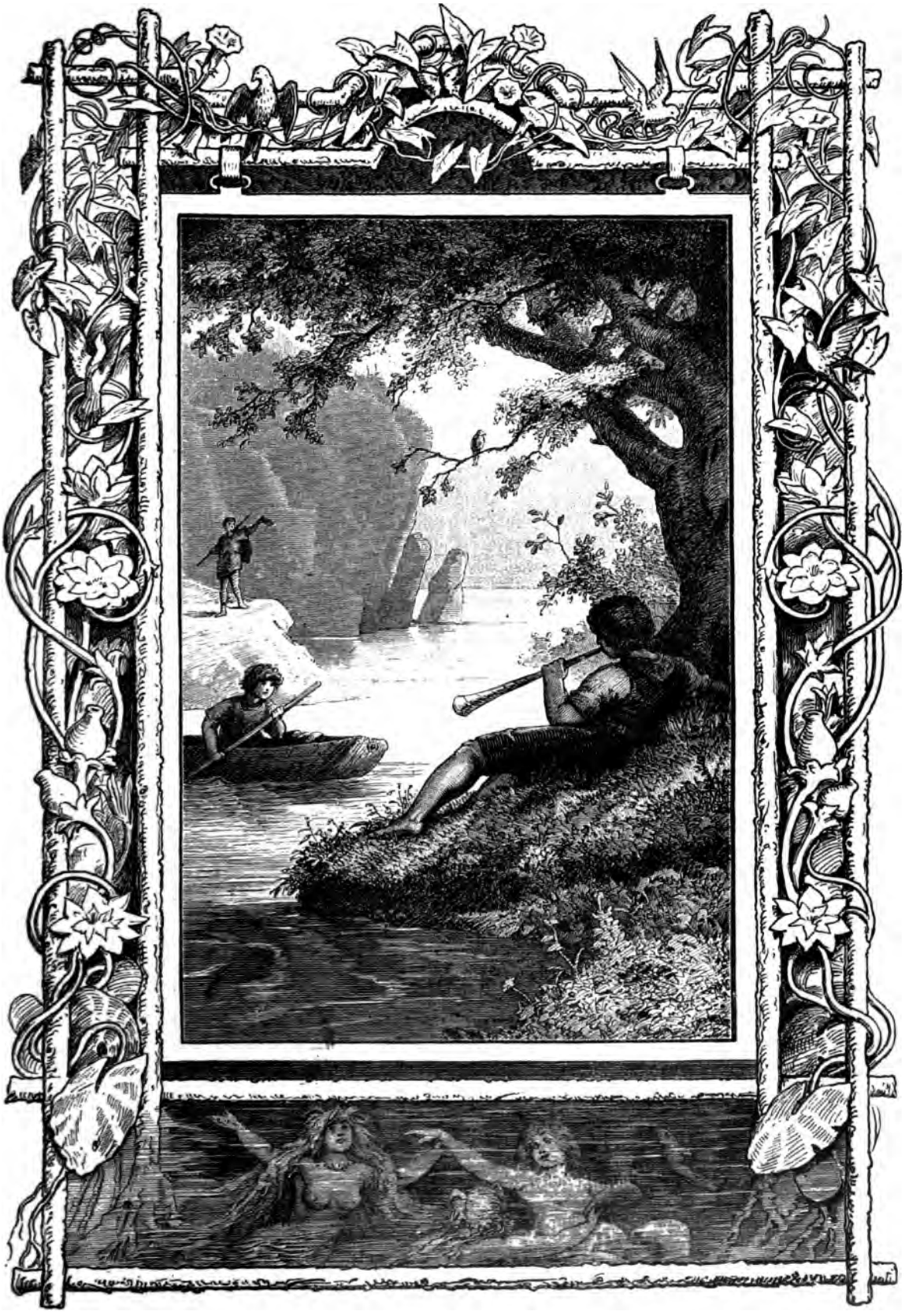
Да, если бъ Богъ и острый мой топоръ
Въ томъ не были помѣхою злодѣю.

ВЕРНИ.

Ты топоромъ его?...

КУОНИ.

О, разскажи,



Какъ это было?—ты еще успѣешь,
Пока рыбакъ отвязываетъ лодку.

БАУМГАРТЕНЪ.

Я былъ въ лѣсу, рубилъ дрова—и вдругъ
Ко мнѣ жена въ испугѣ прибѣгаетъ:
Намѣстникъ въ нашемъ домѣ; онъ велѣлъ
Ей баню приготовить для него;
Потомъ хотѣлъ онъ учинить надъ нею
Насиліе; но, вырвавшись, она
Пришла ко мнѣ просить защиты. Я,
Какъ былъ, пошелъ домой, засталъ злодѣя—
И черепъ топоромъ ему разсѣкъ.

ВЕРНИ.

Ты правъ, тебя никто не обвинитъ.

КУОНИ.

Тиранъ! теперь наказанъ онъ достойно!
Ты отомстилъ ему за Унтервальденъ.

БАУМГАРТЕНЪ.

Объ этомъ тотчасъ въ городѣ узнали—
И нашъ судья послалъ за мной погоню.
Часы летятъ... пока мы говоримъ...

(*Слышенъ громъ*).

КУОНИ.

Скорѣй, рыбакъ, перевези его!

РУОДИ.

Нельзя теперь. Гроза ужъ началась.
Намъ должно обождать.

БАУМГАРТЕНЪ.

О, Боже мой!
Я не могу... Меня убьетъ отсрочка!

КУОНИ (*рыбаку*).

Э! съ Богомъ, братъ! Исполни долгъ священный:
Спаси его отъ смерти! Вѣдь и съ нами
Случиться можетъ то же.

(*Громъ и вихрь*).

РУОДИ.

Но, смотрите,
Какъ озеро волнуется и стонетъ:
Я противъ бури не могу грести.

БАУМГАРТЕНЪ.

(*обнимаетъ его колѣни*).

Спаси меня! Господь тебѣ воздастъ!

ВЕРНИ.

Ты жизнь ему спасешь!

КУОНИ.

Вѣдь онъ отецъ
Семейства: у него жена и дѣти!

(*Удары грома повторяются*).

РУОДИ.

Но вѣдь и мнѣ жизнь также дорога:
И у меня есть и жена, и дѣти.
Смотрите, какъ свирѣпая пучина
Клокочетъ и крутитъ водоворотомъ.
Охотно бы спасти его готовъ,
Но видите, что это невозможно.

БАУМГАРТЕНЪ (*все еще на колѣняхъ*).

Итакъ, мнѣ нѣтъ надежды на спасенье!
Не избѣжать мнѣ плѣна и оковъ!
Передо мною берегъ избавленья...
Онъ отъ меня такъ близко: до него
Мой вопль достигнуть можетъ. Вотъ и лодка!
Она меня помчала бы къ нему—
А я, одинъ, безъ помощи покинутъ!

КУОНИ.

Кто это къ намъ идетъ сюда, смотрите?

ВЕРНИ.

А! это Телль изъ Бюрглена.

Телль *входитъ, вооруженный лукомъ.*

ТЕЛЛЬ.

О чемъ
Васъ умоляетъ этотъ человѣкъ?
Кто онъ таковъ? откуда?

КУОНИ.

Изъ Альцельна:
Онъ, защищая честь свою, убилъ
Имперскаго намѣстника въ Росбергѣ.
За нимъ ландфогтомъ послана погоня.
Онъ проситъ рыбака о перевозѣ,
Но тотъ, бояся бури, отказался.

РУОДИ.

Ну вотъ вамъ Телль,—и онъ весломъ владѣетъ:
Пусть онъ мнѣ скажетъ, можно ль плыть теперь.

(*Сильные удары грома. Озеро волнуется*).

Не кинусь я на видимую смерть—
Нѣтъ, я еще не потерялъ разсудка!

ТЕЛЛЬ.

Мужъ храбрый мыслитъ о себѣ въ послѣднихъ.
Спаси его съ надеждою на Бога!

РУОДИ.

На сушѣ хорошо давать совѣты!
Вотъ озеро, вотъ лодка—испытай!

ТЕЛЛЬ.

Но озеро затихнетъ, а ландфогтъ
Неумолимъ. Спаси его, рыбакъ!

КУОНИ *и* ВЕРНИ.

Спаси его! спаси, спаси!

РУОДИ.

Нѣтъ! если бъ
Онъ былъ мнѣ братъ, дитя мое родное,
Такъ и тогда бъ я отказался! Нынче
День Симона-Іуды—потому
Обычной жертвы требуетъ пучина.

ТЕЛЛЬ.

Оставь свою пустую болтовню;
Часы летятъ; ему нужна защита.
Ты хочешь ли съ нимъ плыть?

РУОДИ.

Нѣтъ, не могу!

ТЕЛЛЬ.

Ну такъ—на Божью волю! Дай мнѣ лодку!
Попробую, коль силы мнѣ позволятъ.

КУОНИ.

О, храбрый Телль!

ВЕРНИ.

И видно молодца!

БАУМГАРТЕНЪ.

О, добрый Телль! ты ангелъ мой хранитель!

ТЕЛЛЬ.

Отъ рукъ судьи могу тебя спасти я,
Отъ бури же спасетъ тебя Другой!
Но возложи на Бога упованье,
Не на людей. (*Пастуху*). Землякъ, утѣшь жену,
Когда со мной случится что дурное.
Я сдѣлалъ то, чего не могъ не сдѣлать.

(*Спрыгиваетъ въ лодку*).

КУОНИ (*рыбаку*).

Хорошъ же ты!—не смѣлъ на то рѣшиться,
На что рѣшился Телль.

РУОДИ.

Никто того
Не сдѣлалъ бы: у насъ въ горахъ ему
Подобнаго другого не найдется.

ВЕРНИ (*входитъ на скалу*).

Вотъ онъ плыветъ. Богъ помочь, храбрый мужъ!
Смотрите, какъ челнокъ скользитъ по волнамъ.

КУОНИ (*у берега*).

Но онъ исчезъ—его волной залило!
А, вотъ опять мелькнулъ онъ! Молодецъ!
Какъ славно онъ весломъ владѣть умѣетъ.

СЕППИ.

Къ намъ рейтары спѣшатъ!

КУОНИ.

Да, въ самомъ дѣлѣ,
Они и есть! Да поздно!

Толпа рейтаровъ Ланденбергера.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ убійца?
Отдайте намъ его!

ВТОРОЙ.

Онъ здѣсь, мы знаемъ!
Напрасно вы хотите скрыть его.

КУОНИ *и* РУОДИ.

Кого вамъ нужно, господа?

ПЕРВЫЙ (*увидя лодку*).

А, дьяволъ!
Смотри-ка!

ВЕРНИ (*на скалѣ*).

Не за тѣмъ ли вы гнались,
Кто въ лодкѣ тамъ плыветъ? Ну что жъ, друзья,
Скачите—вы догоните его.

ВТОРОЙ.

Онъ ускользнулъ отъ насъ, проклятый!

ПЕРВЫЙ (*пастуху и рыбаку*).

Вы,
Вы помогли спастись ему!—такъ знайте,
За это мы стада разгонимъ ваши,
Сожжемъ дома, и пепелъ ихъ развѣемъ!

(*Уходитъ*).

СЕППИ (*убитая*).

Ахъ, бѣдныя овечки!

КУОНИ (*слѣдуя за нимъ*).

Горе мнѣ!
Мои стада!

ВЕРНИ.

Злодѣи!

РУОДИ (*ломая руки*).

О, Всевышній!
Когда придетъ отчизны избавитель?

(*Уходитъ за ними*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Въ Швицѣ; противъ дома Штауффахера. У большой дороги, возлѣ моста, стоитъ липа.

Вернеръ Штауффахеръ *и* Пфейферъ изъ Люцерна *входятъ, разговаривая.*

ПФЕЙФЕРЪ.

Да, Штауффахеръ, какъ я вамъ говорилъ,
Не присягайте Австріи. Коль можно,
Пребудьте вѣрны, тверды, какъ и были.
Да подкрѣпитъ васъ Богъ во всѣхъ дѣлахъ!

(*Съ чувствомъ жметъ ему руку и хочетъ удалиться*).

ШТАУФФАХЕРЪ.

Останьтесь, другъ! сейчасъ придетъ хозяйка!
Вы гость мой въ Швицѣ, въ Люцернѣ—я вашъ.

ПФЕЙФЕРЪ.

Благодарю. Мнѣ должно еще нынче
Дойти до Герзау. Объ одномъ прошу:
Съ терпѣніемъ сносите оскорбленья
Неистовыхъ намѣстниковъ своихъ.

Все можетъ скоро измѣниться, другъ:
На тронъ имперскій можетъ императоръ
Взойти другой. Но Австріи отдавшись,
Рабомъ ея останетесь навѣкъ.

(*Уходитъ. Штауффахеръ садится на скамью подъ липою и погружается въ задумчивость*).

Входитъ Гертруда, *жена Штауффахера, садится подлѣ мужа и молча смотритъ на него нѣсколько времени.*

ГЕРТРУДА.

Такъ мраченъ, другъ мой? Что съ тобой, скажи мнѣ?
Ужъ много дней я молча примѣчаю,
Что у тебя на сердцѣ что-то есть:
Какая-то печаль тебя снѣдаетъ.
Откройся мнѣ, своей подругѣ вѣрной,
И подѣлись со мной своей печалью.
(*Штауффахеръ безмолвно жметъ ея руку*).
Скажи мнѣ, чѣмъ душа твоя страдаетъ?
Благословилъ Господь твои труды;
Ты всѣмъ богатъ, мой другъ; твои стада
И статные, откормленные кони
Благополучно возвратились съ горъ
Въ покойныя конюшни, на зимовье;
Твой домъ красивъ, какъ замокъ величавый:
Онъ выстроенъ, какъ слѣдуетъ по плану,
Изъ лучшаго бревенчатаго лѣса,
И окна въ немъ блестятъ, какъ зеркала,
И пестрыми гербами онъ расписанъ
И мудрыми реченьями—и странникъ
Читаетъ ихъ, и смыслу ихъ дивится.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Красивъ мой домъ, по плану онъ построенъ.
Но, ахъ, подъ нимъ не твердо основанье!

ГЕРТРУДА.

Что хочешь этимъ ты сказать, мой другъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Недавно я сидѣлъ подъ этой липой
И радостно смотрѣлъ на новый домъ:
Вдругъ, вижу, ѣдетъ ландфогтъ изъ Кюснахта
Со свитою—и тутъ остановился,
И посмотрѣлъ на домъ мой съ удивленьемъ.
Я тотчасъ всталъ, и съ должнымъ уваженьемъ
Приблизился къ тому, кого монархъ
Надъ сей страной поставилъ властелиномъ.
„Чей это домъ?“ коварно онъ спросилъ,
Какъ-будто самъ не знаетъ. Я поспѣшно
Ему сказалъ: „домъ, господинъ ландфогтъ,
Принадлежитъ монарху моему
И вамъ, мнѣ-жъ отданъ въ ленное владѣнье“.
Тогда сказалъ онъ: „я, какъ повелитель
Страны, не потерплю чтобъ селянинъ,
Себѣ дома здѣсь произвольно строилъ,
И жилъ, какъ господинъ. Я постараюсь
Искоренить такое своевольство“.
Такъ говоря, поѣхалъ онъ надменно.
А я остался съ грустью на душѣ,
Въ раздумьи о словахъ его зловѣщихъ.

ГЕРТРУДА.

Мой добрый мужъ и господинъ! позволь мнѣ
Подать тебѣ совѣтъ чистосердечный.
Я мудраго Иберга дочь родная—
И я горжуся тѣмъ! Когда съ сестрами,
Бывало, мы по вечерамъ сидѣли
За пряжею, тогда къ отцу сбирались
Старѣйшины народа и грамоты
Имперскія читали, размышляя
О счастіи страны своей родной.
Я пристально внимала ихъ словамъ
И сохранила глубоко на сердцѣ
Всѣ мудрыя ихъ рѣчи и желанья.
И такъ послушай, что теперь скажу я!
Давно я знала, что тебя печалитъ.
Мой другъ, тебя намѣстникъ ненавидитъ:
Ты былъ ему помѣхою, что Швицъ
Не покорился новому правленью,
Но, съ твердостью, подобно древнимъ предкамъ,
Имперіи своей не измѣнилъ.
Не такъ ли, Вернеръ? Правду-ль я сказала?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ, онъ меня за это ненавидитъ!

ГЕРТРУДА.

Ему досадно, что, свободный, ты
Живешь себѣ на собственномъ наслѣдьи,
Какого нѣтъ и у него. Свой домъ
Ты получилъ отъ самаго монарха въ ленъ;
Ты можешь показать свое имѣнье,
Какъ князь свои помѣстья; надъ собой
Монарха лишь владыкой ты имѣешь;
Тогда, какъ онъ, вассалъ его ничтожный,
Лишь рыцарскимъ плащемъ своимъ владѣетъ,
И потому на счастіе людей
Взираетъ онъ со злобой ядовитой.
Онъ погубить давно тебя поклялся;
Ты невредимъ еще—ужели будешь
Спокойно ждать, чтобъ мщеніе злодѣя
Тебя постигло? Нѣтъ!—благоразумный
Самъ долженъ дѣйствовать.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но что жъ мнѣ дѣлать?

ГЕРТРУДА (*подходитъ ближе*).

Вотъ мой совѣтъ: я думаю, ты знаешь,
Какъ нашъ кантонъ ландфогта ненавидитъ

За скупость и злодѣйства; такъ повѣрь,
Что въ Унтервальденѣ и въ Ури —тоже
Найдется очень много недовольныхъ.
Что Геслеръ здѣсь, то Ланденбергеръ тамъ,
За озеромъ. Оттуда съ каждой лодкой
Приходятъ къ намъ печальныя извѣстья
О новыхъ притѣсненіяхъ ландфогтовъ.
Такъ хорошо, когда бы собралось
Васъ нѣсколько мужей благоразумныхъ,
И тайно бы сошлись на совѣщанье,
Какъ сбросить это тяжкое ярмо.
И я надѣюсь—Богъ васъ не оставитъ
И правое Онъ дѣло защититъ.
Скажи, нѣтъ въ Ури друга у тебя,
Которому бъ сердечно могъ открыться?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мужей достойныхъ много тамъ я знаю,
И сильныхъ, и значительныхъ; они
Меня всѣ любятъ—имъ могу открыться.
(*Встаетъ*).
Жена, ты бурю страшныхъ, черныхъ думъ
Въ груди моей спокойной разбудила!
Ты свѣтомъ дня мнѣ мысли озарила!
О чемъ мечтать не смѣлъ мой робкій умъ,
О томъ ты мнѣ такъ смѣло говорила!
Но свой совѣтъ обдумала ли ты?
И звукъ мечей и громы боевые
Ты призываешь на поля родныя.
И намъ ли, мирнымъ пастырямъ, вступить
Въ неравный бой съ владыкою вселенной?
Повѣрь, они предлога только ждутъ,
Чтобъ въ эти бѣдныя долины
Послать свои свирѣпыя дружины,
Чтобъ, пользуясь правами сильныхъ, здѣсь
Они могли, подъ видомъ наказанья,
Всѣхъ прежнихъ льготъ, свободы насъ лишить.

ГЕРТРУДА.

И вы владѣть умѣете сѣкирой;
А смѣлыми Господь владѣетъ Самъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Жена! ужасна, гибельна война:
Она стада и пастырей караетъ.

ГЕРТРУДА.

Сносить должны мы Божье наказанье;
Но притѣсненья не должны сносить!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Жена! нашъ новый домъ тебѣ любезенъ:
Войной онъ будетъ въ пепелъ обращенъ.

ГЕРТРУДА.

Когда бъ къ нему привязана была я—
Своей рукой сожгла бы я его!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но грозный бичъ войны не пощадитъ
И слабаго младенца въ колыбели.

ГЕРТРУДА.

Невинность въ небесахъ найдетъ защиту!
Смотри впередъ, мой другъ, а не назадъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы умереть на полѣ битвы можемъ;
Но васъ, но васъ какая ждетъ судьба?

ГЕРТРУДА.

И слабому открытъ послѣдній выборъ:
Скачекъ съ утеса—и свободна я!

ШТАУФФАХЕРЪ (*бросаясь въ ея объятія*).

О, кто такимъ владѣетъ сердцемъ, тотъ
Сразится радостно за кровъ родимый,
Тому не страшны силы королей!
Немедленно отправлюсь въ Ури. Тамъ
Есть у меня пріятель, Вальтеръ Фюрстъ:
Онъ обо всемъ со мною сходныхъ мыслей,
Притомъ же тамъ барона Аттингауза
Увижу я: хоть знатнаго онъ рода,
Но любитъ онъ народъ и чтитъ его права;
Я посовѣтуюсь съ обоими о томъ,
Какъ защитить себя намъ отъ злодѣевъ
Страны родной. Прощай! Пока меня
Не будетъ дома, ты займись хозяйствомъ,
Чтобъ идущій на богомолье странникъ,
Монахъ, сбирающій для церкви—всѣ
Нашли бы здѣсь пріютъ и подаянье.
Отъ взора ихъ не скроется мой домъ:
Онъ на большой дорогѣ—въ немъ готовъ
Для путника гостепріимный кровъ.

Между тѣмъ, какъ они удаляются въ глубину сцены, входятъ

Вильгельмъ Телль *и* Баумгартенъ.

ТЕЛЛЬ (*Баумгартену*).

Теперь тебѣ я болѣе не нуженъ.
Вотъ въ этотъ домъ войди: въ немъ обитаетъ
Штауффахеръ, покровитель угнетенныхъ.
Но вотъ онъ самъ! Ступай къ нему за мной!

(*Они идутъ. Сцена перемѣняется*).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Открытое мѣсто въ Альторфѣ.

На возвышеніи, въ глубинѣ сцены, строится крѣпость, которая уже представляетъ одно цѣлое; задняя часть окончена; спереди еще лѣса; по нимъ ходятъ вверхъ и внизъ работники; вверху, на крышѣ, сидитъ кровельщикъ. Все въ движеніи, занято работою.

Смотритель. Каменьщикъ. *Его* подмастерья *и* работники.

смотритель (*съ палкою, къ работникамъ*).
Ну, ну, не праздновать! таскайте камни!
Скорѣй! мѣшайте известь: чтобъ намѣстникъ,
Прибывъ сюда, увидѣлъ, что работа
Идетъ впередъ. Экъ, ходятъ—какъ улитки!
(*Къ двумъ работникамъ, которые несутъ камни*).
Что? такъ ли носятъ? Подложить еще!
Лѣнтяи, вамъ отъ дѣла бъ лишь отлынуть!

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да, признаюсь, куда какъ намъ пріятно
Таскать каменья для своей темницы!

СМОТРИТЕЛЬ.

Что тамъ еще ворчишь? Народъ поганый!
Онъ только что коровъ доить способенъ,
Да лѣнь свою провѣтривать въ горахъ.

СТАРИКЪ (*садясь отдыхать*).

Нѣтъ, не могу.

СМОТРИТЕЛЬ (*дергаетъ его*).

Ну, ну, старикъ, за дѣло!

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Ужель въ тебѣ нѣтъ сердца, что къ работѣ
Ты гонишь старика, который самъ
Едва таскаетъ ноги?

КАМЕНЬЩИКЪ *и* ПОДМАСТЕРЬЯ.

О, безбожно!

СМОТРИТЕЛЬ.

Молчать! Я дѣлаю, что мнѣ велятъ.

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

А что, смотритель, какъ бишь назовется
Темница, что мы строимъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Игомъ Ури.
И это иго васъ сожметъ, друзья!

ПОДМАСТЕРЬЯ.

Какъ? Игомъ Ури?

СМОТРИТЕЛЬ.

Что же тутъ смѣшного?

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ

Домишкомъ этимъ Ури сжать хотятъ?

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Посмотримъ, сколько гнѣздъ такихъ придется
Нагородить имъ, чтобъ они сравнялись
Хотя съ меньшой изъ нашихъ горъ родныхъ.
(*Смотритель уходитъ въ глубину сцены*).

КАМЕНЬЩИКЪ.

Свой молотокъ я въ озеро закину
За то, что онъ работалъ въ этомъ зданьи.

Телль *и* Штауффахеръ *входятъ*.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, лучше бъ мнѣ не жить, чѣмъ видѣть это!

ТЕЛЛЬ.

Пойдемте дальше. Здѣсь не безопасно.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели въ Ури я, въ странѣ свободы?

КАМЕНЬЩИКЪ.

О, если бы вы видѣли подвалы
Подъ башнями! Кто будетъ жить въ нихъ, тотъ
Не скоро крикъ услышитъ пѣтушиный.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, Боже!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Поглядите-ка на своды;
Для вѣчности воздвигнуты они!

ТЕЛЛЬ.

Что руки строятъ, то разрушатъ руки!
(*Указывая на горы*).
Господь для насъ воздвигъ свободы зданья!

Слышенъ барабанъ; входятъ люди, неся на шестѣ шляпу; за ними слѣдуетъ ГЛАШАТАЙ; *сцена наполняется женщинами и дѣтьми.*

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Что значитъ этотъ барабанъ? Смотрите!

ВТОРОЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Что за потѣха? Шляпа-то къ чему?

ГЛАШАТАЙ.

Во имя императора: внимайте!

ПОДМАСТЕРЬЯ.

Тсъ! тише! Слушайте!

ГЛАШАТАЙ.

Граждане Ури!
Вотъ эта шляпа на шестѣ высокомъ
Воздвигнется на площади въ Альторфѣ —
И вотъ о чемъ намѣстника приказъ:
Онъ хочетъ, чтобы шляпѣ воздавалось
Такое же почтенье, какъ ему:
Чтобъ всѣ предъ ней съ открытой головою
Колѣни преклоняли. Черезъ это
Король узнать желаетъ всѣхъ покорныхъ.
Имѣнья и свободы тотъ лишится,
Кто не исполнитъ этого приказа.
(*Народъ смѣется. Бьютъ въ барабанъ. Толпа расходится*).

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Вотъ выдумалъ еще какую новость
Намѣстникъ нашъ! чтобъ кланялись мы шляпѣ!
Слыхалъ ли кто подобное, скажите?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Намъ преклонять колѣни передъ шляпой!
Морочить что ль честныхъ людей онъ хочетъ?

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ.

Будь императорская то корона—
А то простая шляпа, что виситъ
Надъ стуломъ, гдѣ всѣмъ лены раздаютъ.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Австрійская она!—тутъ есть ловушка,
Чтобъ Австріи позорно насъ предать.

ПОДМАСТЕРЬЯ.

Никто сносить не будетъ поруганья!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Пойдемъ и спросимъ у другихъ совѣта.

(*Уходитъ въ глубину театра*).

ТЕЛЛЬ (*Штауффахеру*).

Теперь вы знаете. Прощайте, Вернеръ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Куда же ты? О, не спѣши отсюда!

ТЕЛЛЬ.

Нельзя! мнѣ должно дома быть. Прощайте!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Когда бъ ты зналъ, какъ тяжело на сердцѣ!
Желалъ бы я поговорить съ тобой.

ТЕЛЛЬ.

Слова не облегчатъ тоски сердечной.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но къ дѣлу могутъ повести слова.

ТЕЛЛЬ.

Терпѣнье и молчанье—наше дѣло.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ужели то сносить, что нестерпимо?

ТЕЛЛЬ.

Временщики господствуютъ не долго.
Когда надъ бездной буря забушуетъ,
То гасятся огни—и корабли
Спѣшатъ скорѣе въ пристань и гроза
Проносится безвредно надъ землею.
Пусть каждый тихо у себя живетъ:
Для мирнаго найдется миръ повсюду.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты думаешь?

ТЕЛЛЬ.

Не трогайте змѣи—
Она васъ не ужалитъ. Вѣрь, что сами
Они смирятся, видя общій миръ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Соединясь, мы сдѣлали бы много.

ТЕЛЛЬ.

Въ крушеньи лучше одному спастись.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты холоденъ къ общественному дѣлу.

ТЕЛЛЬ.

Надѣйся каждый самъ лишь на себя.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Въ союзѣ дружномъ слабые могучи.

ТЕЛЛЬ.

Но сильный лишь одинъ всегда могучъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ на тебя отчизнѣ нѣтъ надежды,
Когда она возстанетъ на враговъ?

ТЕЛЛЬ (*подаетъ ему руку*).

Ягненка Телль изъ пропасти спасаетъ,
Ужель оставитъ онъ своихъ друзей?
Но на совѣтъ меня вы не зовите:
Я не могу вамъ помогать словами;
Но будетъ вамъ нужна рука моя—
Скажите слово: Телль придетъ за вами!

(*Они расходятся въ разныя стороны. На лѣсахъ внезапно раздается крикъ*).

КАМЕНЬЩИКЪ (*прибѣгая*).

Что тамъ случилось?

ПЕРВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ (*вбѣгаетъ, крича*).

Кровельщикъ свалился
Сію минуту съ кровли.

Входитъ БЕРТА *со* СВИТОЙ.

БЕРТА.

Онъ разбился?
Спасите! помогите, если можно!
Вотъ золото—спасите лишь его!

(*Бросаетъ ожерелье*).

КАМЕНЬЩИКЪ.

Вы съ золотомъ... Для васъ подкупно все:
Отнявъ отца у малыхъ ребятишекъ,
Лишивъ жену любимаго супруга
И міръ исполнивъ горя и стенаній,
Вы золотомъ все мыслите поправить!
До васъ мы были веселы, довольны;
Но вы пришли—и мы узнали горе.

БЕРТА (*смотрителю, который пришелъ*).

Что, живъ ли онъ?

(*Смотритель знакомъ показываетъ, что нѣтъ*).

О, стѣны! вы съ проклятьемъ
Построены—въ васъ будетъ жить проклятье!

(*Уходитъ*).

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Жилище Вальтера Фюрста.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *и* АРНОЛЬДЪ МЕЛЬХТАЛЬ *входятъ съ разныхъ сторонъ.*

МЕЛЬХТАЛЬ.

А! Вальтеръ Фюрстъ!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Чтобъ не застали насъ!
Останься тамъ. Со всѣхъ сторонъ шпіоны.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Что, нѣтъ изъ Унтервальдена извѣстій?
Что мой отецъ? Наскучило ужъ мнѣ
Здѣсь плѣнникомъ сидѣть. И что жъ я сдѣлалъ,
Чтобъ мнѣ отъ всѣхъ скрываться, какъ убійцѣ?
Я только палецъ перешибъ мерзавцу,
За то, что дерзкій, на моихъ глазахъ,
Хотѣлъ увесть воловъ моихъ прекрасныхъ,
По приказанью нашего ландфогта.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Самъ виноватъ! зачѣмъ погорячился?
Его послалъ начальникъ твой, ландфогтъ.
Теперь сноси безмолвно наказанье,
Хоть тяжело оно—что жъ дѣлать, другъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но могъ ли я снести, чтобъ негодяй
Мнѣ говорилъ: „коль хочетъ поселянинъ
Ѣсть хлѣбъ, такъ пусть онъ самъ и возитъ плугъ“.
Онъ какъ ножомъ въ грудь поразилъ меня,
Когда моихъ воловъ сталъ выпрягать.
Они ревѣли глухо, будто чуя,
Что онъ мнѣ врагъ, и уперлись рогами.
Тогда не могъ собой владѣть я больше,
И въ гнѣвѣ палкой началъ бить его.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, если мы едва крѣпиться можемъ,
Гдѣ жъ юности обуздывать себя?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Мнѣ только жаль отца: ему подпора
Нужна, а сынъ далеко отъ него.
Его ландфогтъ не терпитъ, потому,
Что онъ всегда свободу защищаетъ.
Теперь стѣснитъ онъ старика, я знаю,
И некому вступиться за него.
Пойду туда, что бъ ни было со мною.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, подожди, возьми терпѣнье; скоро,
Быть можетъ, къ намъ придутъ оттуда вѣсти.
Но чу! стучатъ. Не посланный ли то
Отъ ландфогта? Скорѣе спрячься! Въ Ури
Ты не спасенъ отъ гнѣва Ланденберга:
Одинъ тиранъ другому помогаетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Они собой примѣръ намъ подаютъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Ступай! я послѣ позову тебя.

(*Мельхталь уходитъ*).

Несчастный! я открыть ему не смѣю
Своихъ ужасныхъ подозрѣній. Кто
Стучится тамъ? Чуть только скрипнетъ дверь,
Я жду бѣды. Вездѣ измѣна, злоба,
Насиліе врывается въ дома.
Ахъ, скоро намъ придетъ нужда привѣсить
Желѣзные запоры у дверей!

(*Онъ отворяетъ двери и отступаетъ съ удивленіемъ, увидѣвъ* ВЕРНЕРА ШТАУФФАХЕРА).

Кого я вижу? Вернеръ, вы ли это?
Мой дорогой, почтенный гость!—давно
Я лучшаго не видѣлъ человѣка.
Душевно радъ подъ кровлею моею
Васъ встрѣтить. Что же привело васъ къ намъ?

ШТАУФФАХЕРЪ (*подавая ему руку*).

Швейцарію былыхъ временъ ищу я.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

При васъ она! Увидѣвъ только васъ,
Я чувствую на сердцѣ облегченье.
Садитесь, Вернеръ, разскажите мнѣ,
Здорова ль ваша умная супруга,
Гертруда, мудраго Иберга дочь?
Всѣ странники, которые идутъ
Въ Италію, черезъ долину Мейнрадъ,
Вашъ домъ гостепріимный выхваляютъ.
Но вы теперь изъ Флюельна: скажите,
Не видѣли ль дорогой вы чего,
Когда вы нашимъ краемъ проходили?

ШТАУФФАХЕРЪ (*садясь*).

Да, видѣлъ я строеніе большое,
Но на него смотрѣть мнѣ грустно было.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, другъ! взглянувъ, вы вѣрно догадались?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такихъ домовъ не знали прежде въ Ури!
Никто, никто здѣсь не видалъ темницъ:
Темницею была одна могила.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но вѣдь и это вольности могила.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Нѣтъ, Вальтеръ Фюрстъ, не скрою я отъ васъ,
Что я пришелъ сюда не по пустому:
Меня тревожатъ думы. Притѣсненья
Оставилъ дома я, и здѣсь ихъ вижу.
И долго ли намъ ихъ переносить,
Когда имъ нѣтъ конца? Швейцарецъ былъ
Всегда свободенъ; къ кротости привыкъ онъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ пастухи узнали горы,
Здѣсь не было подобныхъ притѣсненій.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Да, безпримѣрно своевольство ихъ!
И даже благородный Аттингаузенъ,
Который помнитъ прежніе года,
Самъ говоритъ, что тяжко это бремя.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И въ Унтервальденѣ творятся также
Кровавыя дѣла. Тамъ Вольфеншисенъ,
Намѣстникъ Росбергскій, хотѣлъ недавно
Отъ запрещеннаго вкусить плода:
Въ Альцельнѣ онъ Баумгартена женѣ
Хотѣлъ безчестье нанести, но мужъ
Ея убилъ злодѣя топоромъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, правосудный Боже! Что жъ Баумгартенъ?
Скажите мнѣ, успѣлъ ли онъ спастись?
Нашелъ ли онъ убѣжище?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Вашъ зять
Его ко мнѣ чрезъ озеро привезъ,
И у меня теперь живетъ онъ тайно.
Но онъ мнѣ разсказалъ такое дѣло,
Случившееся въ Сарненѣ, что сердце
У каждаго должно облиться кровью.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*внимательно*).

Какое жъ это дѣло?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тамъ, въ Мельхталѣ,
Живетъ близъ Керна нѣкто Генрихъ Гальденъ,
Правдивый мужъ, котораго слова
Имѣютъ вѣсъ у поселянъ окружныхъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Да кто его не знаетъ? Что же съ нимъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

За небольшой проступокъ, совершенный
Его достойнымъ сыномъ, Ланденбергеръ
Велѣлъ изъ плуга выпрячь у него
Двухъ лучшихъ и красивѣйшихъ воловъ,
Но тотъ прибилъ разбойника и скрылся.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Но что жъ отецъ? Скажите, съ нимъ что сталось?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Его къ себѣ потребовалъ намѣстникъ
И приказалъ ему, чтобъ выдалъ сына;
Но старецъ поклялся, что онъ не знаетъ,
Куда бѣглецъ укрылся—и тогда
Тиранъ велѣлъ явиться палачамъ...

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(*вскакиваетъ и хочетъ увлечь его на другую сторону*).

О, тише, ради Бога!

ШТАУФФАХЕРЪ (*возвышая голосъ*).

И сказалъ:
„Коль сына нѣтъ, такъ ты въ моихъ рукахъ!“
И приказалъ его на землю бросить
И острой сталью выколоть глаза.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, небо!

МЕЛЬХТАЛЬ (*выбѣгая*).

Выколоть глаза, вы говорите?

ШТАУФФАХЕРЪ

(*удивленный, къ Вальтеру Фюрсту*).

Кто этотъ юноша?

МЕЛЬХТАЛЬ (*хватаетъ его судорожно*).

Глаза его? скажите!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, злополучный!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Кто же это? сынъ?

(*Вальтеръ Фюрстъ утвердительно киваетъ головою*).

Возможно ли? О, Боже правосудный!

МЕЛЬХТАЛЬ.

А я былъ далеко, отецъ несчастный!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Владѣй собой! какъ мужъ, снеси бѣду!

МЕЛЬХТАЛЬ.

За мой проступокъ, за мою вину!...
Такъ онъ ослѣпъ? такъ онъ ослѣпъ навѣки?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да, онъ ослѣпъ! изсякъ источникъ свѣта:
Онъ никогда не узритъ солнца вновь.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Щади его!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не узритъ солнца вновь!

(*Онъ закрываетъ руками лицо и молчитъ нѣсколько времени; потомъ, обращаясь къ обоимъ, говоритъ тихимъ, заглушаемымъ рыданіями, голосомъ*).

О, свѣтъ очей—даръ неба драгоцѣнный!
Всѣ существа тобою лишь живутъ,
И каждое счастливое созданье—
Цвѣтокъ—и тотъ любуется на свѣтъ;
А для него повсюду вѣчный мракъ,
Повсюду ночь! Его не усладятъ
Зеленыя, цвѣтущія долины!
Онъ не увидитъ болѣе зари!
Что смерть?—ничто! но жить, не видя свѣта,
Не значитъ жить! Зачѣмъ же на меня
Вы смотрите съ участьемъ? Я не слѣпъ;
Но—ахъ—ни капли изъ потока свѣта,
Блестящаго, что въ очи мнѣ струится,
Я не могу несчастному отдать!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не уменьшить мнѣ должно скорбь твою,
Но увеличить. Знай, что у него
Намѣстникъ отнялъ все: ему остался
Одинъ лишь посохъ—и несчастный старецъ—
И нагъ, и слѣпъ—теперь скитаться долженъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Одинъ лишь посохъ бѣдному слѣпцу!
Лишенъ всего и даже свѣта солнца,
Которымъ и бѣднякъ богатъ! Никто
Ни слова мнѣ о томъ, чтобъ я скрывался!
Презрѣнный, я лишь думалъ о себѣ,
Не о тебѣ, несчастный мой отецъ;
Тебя въ залогъ оставилъ я тирану!
Все кончено! Теперь я буду думать
О мщеньи лишь одномъ. Пойду къ нему—
Никто, никто меня не остановитъ—
И у намѣстника потребую назадъ
Родительскихъ очей. Я отыщу
Его въ толпѣ клевретовъ; отъ меня
Онъ не уйдетъ; мнѣ жизнь теперь ничто!
Я лишь хочу души моей страданье
Его злодѣйской кровью утолить!

(*Хочетъ итти*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Остановись! тебѣ ли съ нимъ бороться?
Онъ въ Сарненѣ, въ своемъ высокомъ замкѣ—
Ему не страшенъ гнѣвъ безсильный твой.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Хотя бъ онъ жилъ на ледяной вершинѣ
Шрекгорна, или выше, тамъ, гдѣ Юнгфрау
Покрыта вѣчнымъ снѣгомъ—и тогда
Къ нему дорогу проложилъ бы я.
Лишь двадцать юношей такихъ, какъ я—
И мы его разрушимъ замокъ. Если жъ
За мною не послѣдуетъ никто
И если всѣ вы, за стада и домы
Страшась, преклонитесь подъ иго власти,
Тогда въ горахъ сзову я пастуховъ,
И тамъ подъ вольнымъ сводомъ неба, гдѣ
Духъ бодръ и свѣжъ и сердце въ чистотѣ,
Имъ разскажу объ ужасахъ злодѣйства.

ШТАУФФАХЕРЪ (*Вальтеру Фюрсту*),

Созрѣло зло; мы подождемъ еще,
Коль будетъ хуже...

МЕЛЬХТАЛЬ.

Хуже? да чего же,
Чего жъ еще намъ ждать, когда глаза—
И тѣ у насъ самихъ не безопасны?
Мы ль беззащитны? Для чего жъ насъ учатъ
Натягивать тугую тетиву,
Тяжелою сѣкирою владѣть?
Не каждому ль животному дано
Въ отчаяньи орудье для защиты?
Измученный олень, остервенясь,
Грозитъ собакамъ страшными рогами;
Коза охотника срываетъ въ бездну;
И даже волъ, смиренный рабъ людей,
Что выю гнетъ послушно подъ ярмо,

Разсвирѣпѣвъ, могучими рогами
Кидаетъ въ воздухъ своего врага.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Когда бы наши три кантона съ нами
Согласныхъ были мыслей; о, тогда бы
Мы, можетъ быть, свершили что нибудь.

ШТАУФФАХЕРЪ.

На Ури зовъ возстанетъ Унтервальденъ,
Возстанетъ Швицъ въ союзѣ тѣсномъ
съ ними.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Есть въ Унтервальднѣ много у меня
Такихъ друзей, которые охотно
Прольютъ и кровь свою, была бы только
Подмога имъ. О, мудрые отцы
Страны родной!—я юноша межъ вами,
И мнѣ при васъ молчать бы надлежало.
Пусть молодъ я и опытностью бѣденъ,
Но вы моихъ рѣчей не отвергайте.
Не молодая кровь кипитъ во мнѣ—
Меня влечетъ отчаянье; оно
И въ камняхъ скалъ отыщетъ состраданье.
И вы, отцы, главы своихъ семействъ,
И вы себѣ желаете сыновъ
Достойныхъ, чтобъ власы сѣдые ваши
Отъ поруганья защиитть могли.
О, если васъ еще не разорили,
И не теряли вы своихъ очей,
То не чуждайтеся и нашихъ бѣдъ:
Вѣдь и надъ вами мечъ виситъ тирана;
И вы, какъ мой отецъ, всегда старались
У Австріи владычество отнять,
А потому и вамъ страшиться должно.

ШТАУФФАХЕРЪ (*Вальтеру Фюрсту*).

Рѣшитесь вы—я слѣдую за вами.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Послушаемъ, что скажутъ рыцари,
Силлинена владѣльцы, Аттингауза:
Ихъ имя намъ друзей доставить можетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но чье, скажите, чье почтеннѣй имя,
Чѣмъ ваши имена въ горахъ у насъ?
Народъ привыкъ ихъ слушать съ уваженьемъ.
Они въ странѣ имѣютъ вѣсъ большой.
Вы доблестью отцовъ своихъ богаты
И собственною. Такъ зачѣмъ же намъ
Звать рыцарей? Мы справимся одни;
Я думаю, безъ помощи другихъ
Себя мы храбро защитить съумѣемъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Хоть рыцарямъ и чужды наши нужды—
Потокъ, бушуя въ низменныхъ мѣстахъ,
Еще пока не досягалъ вершины—
Но въ помощи они намъ не откажутъ,
Когда мы всѣ возьмемся за оружье.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Когда бъ межъ Австріей и нами былъ
посредникъ,
Тогда бъ законъ и право мы нашли;
Но притѣснитель нашъ—нашъ императоръ;
Онъ нашъ судья—такъ пусть Всевышній
Самъ
Защитникомъ намъ будетъ. Вы друзей
Сберите въ Швицѣ; въ Ури я сберу!
Но въ Унтервальденъ намъ кого бъ
отправить?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Кого жъ, какъ не меня?—мнѣ ближе всѣхъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Я не хочу: ты гость мой, за твою
Свободу я отвѣтчикъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, пустите!
Я знаю всѣ ущелья, всѣ тропинки;
Да и друзей найду я тамъ довольно:
Они меня укроютъ отъ враговъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Пусть съ Богомъ онъ идетъ туда. Тамъ
нѣтъ
Предателей: тамъ ненависть къ тирану
Такъ велика, что нѣтъ ему клевретовъ.
Да и альцельнца мы пошлемъ туда же—
Собрать друзей и возмутить страну.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но какъ намъ другъ другу вѣсть подать,
Чтобъ подозрѣнье обмануть тирана?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Сойтись мы можемъ въ Брунненѣ, иль
въ Трейбѣ,
Гдѣ пристаютъ торговыя суда.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ дѣйствовать открыто намъ не должно!
Вотъ что я думаю: отъ озера
Налѣво, гдѣ идетъ дорога въ Брунненъ,
Есть скрытая въ густомъ лѣсу долина,
У пастуховъ она зовется Рютли.
(*Мельхталю*).
На этомъ мѣстѣ сходятся границы
Кантоновъ нашихъ.
(*Штауффахеру*).

Въ легкомъ челнокѣ
Изъ Швица вы какъ разъ туда домчитесь.
А мы ночной порой туда придемъ
На совѣщанье скрытою тропинкой.
Туда жъ мы можемъ привести съ собою
По десяти товарищей надежныхъ,
И, сговорившись, съ помощію Божьей
Немедленно начнемъ свои дѣла.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Пусть будетъ такъ. Теперь, друзья мои,
Соединимъ взаимно наши руки;
И какъ теперь мы трое здѣсь стоимъ,
Сплетясь руками въ дружескомъ союзѣ,
Такъ съединимъ на общую защиту
Мы наши три земли—на жизнь и смерть!

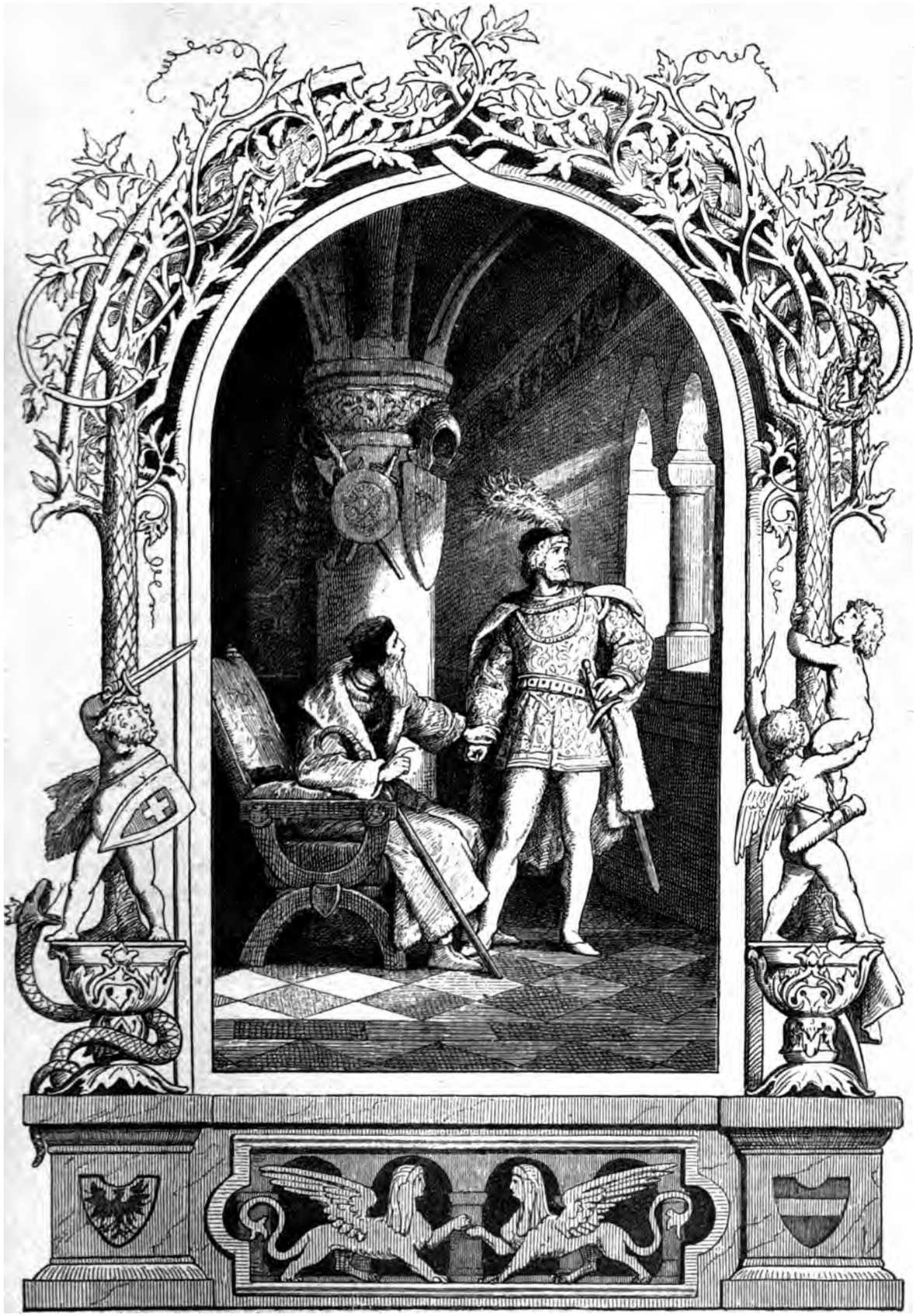
ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *и* МЕЛЬХТАЛЬ.

На жизнь и смерть!

(*Они, соединясь руками, молча стоятъ нѣсколько времени*).

МЕЛЬХТАЛЬ.

Отецъ, лишенный зрѣнья!
Ты не увидишь дня освобожденья,
Но ты услышишь, какъ съ вершинъ
нагорныхъ
Подымутся сигнальные огни
И съ грохотомъ падутъ твердыни гордыхъ,
Настанутъ намъ свободы вѣчной дни!
И вѣсть о томъ стрѣлой къ тебѣ домчится,
И ночь твоя днемъ яснымъ озарится!
(*Они расходятся*).



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

(Замокъ барона Аттингаузена).

Готическая зала, украшенная трофеями и шлемами. БАРОНЪ, *восьмидесятипятилѣтній старецъ, высокаго роста и благородной осанки, одѣтый въ теплую одежду на мѣху, опирается на посохъ, съ рогомъ серны, вмѣсто набалдашника.* КУОНИ *и* ШЕСТЬ РАБОТНИКОВЪ *стоятъ вокругъ съ граблями и косами.*

УЛЬРИХЪ ФОНЪ-РУДЕНЦЪ *входитъ въ рыцарскомъ одѣяніи.*

РУДЕНЦЪ.

Что вамъ угодно, дядюшка? я здѣсь.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Позволь сперва по древнему обычью
Съ рабочими напитокъ раздѣлить.

(*Онъ пьетъ изъ кубка и потомъ передаетъ его другимъ*).

Бывало, въ поле самъ ходилъ я съ ними
И самъ за ихъ работами смотрѣлъ,
Со знаменемъ на брань леталъ я съ ними;
Теперь мнѣ лишь дворецкимъ быть осталось.
И если солнце не придетъ ко мнѣ,
То не могу итти за нимъ на горы.
И такъ, что день, то кругъ тѣснѣе мой,
Я движусь въ немъ все медленнѣй и тише.
Теперь я тѣнью сталъ своей, а скоро
Отъ тѣни той останется лишь имя.

КУОНИ (*подавая Руденцу кубокъ*).

Возьмите, рыцарь.

(*Руденцъ медлитъ*).

Пейте! Пусть у насъ
Одинъ сосудъ, одно и сердце будетъ

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Ступайте, дѣти; вечеромъ придете—
О родины дѣлахъ поговоримъ мы.

(*Вассалы уходятъ*).

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Я вижу, ты совсѣмъ ужъ снарядился:
Въ Альторфскій ты желаешь ѣхать замокъ?

РУДЕНЦЪ.

Да, дядюшка, и медлить мнѣ нельзя.

АТТИНГАУЗЕНЪ (*садясь*).

Куда же ты спѣшишь? Ужели юность
Твоя такъ временемъ скудна, что дядѣ
Не можешь ты минуты удѣлить?

РУДЕНЦЪ.

Я вижу, что вамъ нужды нѣтъ во мнѣ,
Что въ этомъ домѣ я, какъ отчужденный.

АТТИНГАУЗЕНЪ

(*пристально смотритъ на него нѣсколько времени*).

Да, къ сожалѣнью, правда! Край родной
Тебѣ давно сталъ чуждымъ! Ульрихъ! Ульрихъ!
Не узнаю тебя я. Весь въ шелку,
На головѣ павлиньи вѣютъ перья,
Пурпурный плащъ накинутъ на плечо;
А на крестьянина глядишь съ презрѣньемъ,
Тебя стыдитъ его привѣтъ радушный.

РУДЕНЦЪ.

Почетъ, котораго достоинъ онъ,
Всегда ему воздамъ, но не признаю
Я ни за что и никогда за нимъ
Тѣхъ правъ, что онъ себѣ присвоить хочетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Вся сторона теперь подъ королевскимъ
Тяжкимъ гнѣвомъ; у всѣхъ сердца печалью
Исполнены отъ злобнаго тиранства,
Что мы несемъ—тебя лишь одного
Не трогаетъ общественное горе,
Лишь ты одинъ чуждаешься своихъ,
На сторонѣ враговъ земли родимой
Смѣешься надъ несчастіемъ народа.
Ты ищешь только легкихъ наслажденій,
Да милость короля, тогда какъ здѣсь
Твоя отчизна страждетъ подъ ярмомъ.

РУДЕНЦЪ.

Отчизна подъ ярмомъ? Но отчего же?
Кто ввергъ ее въ подобное несчастье?
Одно лишь слово стоило сказать,
Чтобъ положить конецъ такому горю
И гнѣвъ монарха измѣнить на милость.
Но горе тѣмъ, кто ослѣпилъ народъ
И отвратилъ его отъ лучшей доли!
Изъ собственной лишь выгоды своей,
Когда вокругъ всѣ земли присягнули,
Лѣснымъ кантонамъ не даютъ они
На вѣрность Австріи принесть присягу.
Имъ хорошо теперь, здѣсь наравнѣ
Они съ дворянствомъ... Признаютъ своимъ
Лишь императора здѣсь государемъ,
Чтобъ государя не имѣть совсѣмъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

И отъ тебя ль я долженъ это слышать?

РУДЕНЦЪ.

Вы начали—позвольте кончить мнѣ.
Какую жъ роль играете вы сами?
Ужели въ васъ нѣтъ гордости, что вы
Хотите здѣсь владѣтельнымъ барономъ
Сидѣть и пастухами управлять?
Не лучше ль, не славнѣе ль будетъ выборъ
Державному властителю служить
И при его дворѣ блестящемъ жить,
Чѣмъ засѣдать въ совѣтѣ и въ судѣ
Съ своимъ крестьяниномъ, какъ пэръ, какъ равный?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Ахъ, Ульрихъ, Ульрихъ! Голосъ искушенья,
Ужъ вижу я, твой слухъ обворожилъ,
Твое онъ сердце ядомъ отравилъ.

РУДЕНЦЪ.

Да, я не скрою: горько было мнѣ
Сносить насмѣшки гордыхъ чужеземцевъ,
Дворянами мужицкими прозвавшихъ
По праву насъ. Мнѣ видѣть тяжело,
Какъ юноши со всѣхъ сторонъ стремятся
За славою къ габсбургскимъ знаменамъ,
Я-жъ, праздный, здѣсь сижу въ своемъ наслѣдьи,
Въ занятіяхъ простыхъ теряю дни
Моей весны. Въ другихъ мѣстахъ дѣла
Великія свершаются; міръ славы
Тамъ движется, блистая, за горами;
А у меня заржавѣлъ шлемъ и щитъ.
Ни стукъ мечей, ни звукъ трубы военной,
Ни зовъ герольдовъ на турниръ блестящій
Не долетаютъ къ намъ въ долины! Здѣсь
Я слышу лишь пастушечьи напѣвы,
Да стадъ однообразные звонки.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Такъ! презирай отчизну, презирай,
Слѣпецъ, мишурнымъ блескомъ увлеченный!
Стыдись ея обычаевъ священныхъ!
Но будетъ время—съ горькими слезами
Къ роднымъ горамъ стремиться будешь ты,
И самые напѣвы пастуховъ,
Которыми теперь пренебрегаешь,
Твой гордый духъ страданьемъ возмутятъ,
Когда ты ихъ услышишь на чужбинѣ.
О, въ насъ сильна любовь къ родному краю!
Не для тебя обманчивый тотъ міръ!
Тамъ, при дворѣ блестящемъ государя,
Ты будешь чуждымъ самому себѣ.
Въ томъ мірѣ нужны доблести не тѣ,
Какими здѣсь въ горахъ ты отличался.
Иди туда, продай свою свободу,
Возьми помѣстье въ ленъ и стань рабомъ,
Когда не хочешь самъ быть господиномъ
И собственнымъ наслѣдьемъ управлять!
Ахъ, Ульрихъ! нѣтъ! останься лучше съ нами
И не ходи въ Альторфъ! Не покидай
Отечества въ опасности его!
Бездѣтенъ я, со мною пресѣчется
Мой древній родъ. Вотъ этотъ шлемъ и щитъ
Вы положить должны ко мнѣ въ могилу..
Ужели думать мнѣ въ послѣдній часъ,
Что ты лишь только ждешь моей кончины,
Чтобъ всѣ мои свободныя помѣстья,
Что Богъ мнѣ далъ, отъ Австріи принять?

РУДЕНЦЪ.

Мы королю противимся напрасно!
Ему покоренъ свѣтъ: ужели мы
Одни съ своимъ упорствомъ своевольнымъ
Возможемъ перервать ту цѣпь земель,
Которую вкругъ насъ обвелъ могучій?
Суды, дороги, рынки—все ему
Принадлежитъ, и даже табуны
Готтардскіе—и съ тѣхъ беретъ онъ подать.
Мы заперты, опутаны, какъ сѣтью,
Со всѣхъ сторонъ владѣньями его.
И защититъ имперія-ли насъ?
Сама себя оборонить не можетъ
Она отъ Австріи. Когда самъ Богъ

Намъ помощь не пошлетъ, тогда, повѣрь,
И императоръ никакой не въ силахъ
Помочь намъ. Развѣ можно полагаться
На императорское слово намъ,
Когда, мы видимъ, каждый императоръ
И при безденежьи, и для войны
Достать чтобъ денегъ, можетъ прибѣгать
Къ залогу и продажѣ городовъ,
Что покровительства себѣ искали
Подъ имперскимъ орломъ. —Нѣтъ, дядя, нѣтъ!
Во времена тяжелыхъ смутъ, раздоровъ,
Благоразуміе велитъ искать
Защиты намъ у сильнаго владыки.
Имперская корона переходитъ
Отъ дома къ дому, и для службы вѣрной
Нѣтъ памяти у ней. Когда-жъ монарху
Наслѣдственному станемъ мы служить,
Для будущности сѣмена посѣемъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Разсудилъ!
Ты хочешь быть умнѣй своихъ отцовъ,
Которые свободу дорогую
Готовы были кровью искупить.
Ступай-ка въ Люцернъ, разспроси-ка тамъ,
Какъ тягостно владычество австрійцевъ!
Они къ намъ придутъ; овецъ и скотъ
Пересчитаютъ, Альпы размежуютъ,
Въ лѣсахъ свободныхъ запретятъ охоту,
Къ воротамъ нашимъ и къ мостамъ приставятъ
Свои шлагбаумы съ пошлиной и будутъ
Обогащаться нашей нищетой,
И покупать сраженья нашей кровью.
Нѣтъ! если кровь свою намъ проливать,
Такъ лучше за себя: сходнѣй тогда
Придется намъ свобода, чѣмъ неволя.

РУДЕНЦЪ.

Но что жъ мы, пастухи, что можемъ сдѣлать
Альбертовымъ войскамъ?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Дитя, узнай сперва
Ты этихъ пастуховъ, тогда суди!
Я знаю ихъ: я ихъ водилъ на битвы,
Они при мнѣ сражались подъ Фавенцемъ.
Пусть ихъ придутъ, на насъ ярмо наложатъ—
Увидишь, какъ его мы понесемъ!
О, научись свой родъ и племя чтить!
Не отдавай за блескъ пустой, мишурный
Своей неложной, драгоцѣнной чести—
Главою быть свободнаго народа,
Который съ искренней къ тебѣ любовью
Довѣрчиво съ тобой пойдетъ на смерть.
Вотъ чѣмъ гордись! Вотъ истинная слава!
Не расторгай родныхъ, священныхъ узъ;
Не оставляй своей отчизны милой:
Всѣмъ сердцемъ, всей душой къ ней прилѣпись!
Въ ней твердый корень силъ твоихъ хранится;
Но тамъ, въ странѣ чужой, ты одинокъ,
Какъ тонкій прутъ, сломаешься отъ бури.
О, возвратись въ объятія своихъ!
Одинъ лишь день намъ подари, лишь нынче
Не ѣзди въ Альторфъ! слышишь? Только нынче,
Останься съ нами только въ этотъ день!
(*Беретъ его за руку*).

РУДЕНЦЪ.

Я слово далъ... пустите... я имъ связанъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ (*оставляетъ его руку*).

Ты связанъ? Да, ты связанъ, злополучный!
Не словомъ даннымъ и не клятвой—нѣтъ!
Любовныя тебя связали узы.
(*Руденцъ отворачивается*).
Скрывай свое лицо. Я знаю все:
Тебя плѣнила Берта фонъ-Брунекъ;
Она тебя влечетъ къ имперской службѣ.
Достать себѣ невѣсту хочешь ты
Измѣною отчизнѣ? Ты обманутъ;
Невѣстою они тебя желаютъ
Лишь приманить; она жъ не для тебя.

РУДЕНЦЪ.

Я слышалъ ужъ довольно. До свиданья!
(*Уходитъ*).

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Остановись, безумецъ! Онъ ушелъ!
И удержать, спасти его нельзя мнѣ!
Вотъ такъ отпалъ отъ насъ и Вольфеншисенъ;
Такъ и другіе отпадутъ: ихъ всѣхъ
Могучее влечетъ очарованье—
Туда, за горы, въ незнакомый край.
О, злополучный часъ, когда чужіе
Пришли въ сіи счастливыя долины
Нарушить мирныхъ нравовъ простоту!
Все новое втѣсняется сильнѣй,
Все древнее, почтенное отходитъ:
И времени, и мысли—все другое!
Зачѣмъ же я живу? Давно въ могилѣ
Всѣ тѣ, съ которыми я вмѣстѣ жилъ.
Мой вѣкъ земля покрыла; счастливъ тотъ,
Кто жить не долженъ съ новымъ поколѣньемъ!
(*Уходитъ*).

———

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Долина, окруженная высокими скалами и лѣсомъ.

По скаламъ проложены тропинки со ступенями, по которымъ сходятъ поселяне. Въ глубинѣ сцены видно озеро, надъ нимъ лунная радуга. Даль представляетъ перспективу высокихъ горъ, изъ-за которыхъ видны еще болѣе высокія снѣжныя горы. Темная ночь; только озеро и ледники блестятъ, освѣщенные луною.

МЕЛЬХТАЛЬ, БАУМГАРТЕНЪ, ВИНКЕЛЬРИДЪ, МЕЙЕРЪ ИЗЪ САРНЕНА, БУРГАРДЪ АМЪ-БЮХЕЛЬ, АРНОЛЬДЪ СЕВА, КЛАУСЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ *и еще четыре* ПОСЕЛЯНИНА; *всѣ вооружены.*

МЕЛЬХТАЛЬ (*за сценой*).

Вотъ горная тропа! за мной ступайте!
Теперь узналъ и скалы я, и крестъ.
На мѣстѣ мы; здѣсь Рютли.

(*Входятъ съ факелами*).

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Чу! послушай!

СЕВА.

Все тихо.

МЕЙЕРЪ.

Ни души. Мы прежде всѣхъ
Сюда пришли—мы, унтервальденцы.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Что, чай ужъ поздно?

БАУМГАРТЕНЪ.

Сторожъ въ Селисбергѣ
Два прокричалъ еще не такъ давно.

(*Вдали слышенъ звонъ*).

МЕЙЕРЪ.

Чу! слышите?

АМЪ-БЮХЕЛЬ.

Въ лѣсной часовнѣ въ Швицѣ,
За озеромъ, къ заутрени звонятъ.

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Да, воздухъ чистъ—и звукъ несетъ далеко.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Подите кто-нибудь зажгите хворостъ,
Чтобъ онъ горѣлъ, когда придутъ друзья.

(*Двое поселянъ уходятъ*).

СЕВА.

Ночь лунная прекрасна; неподвижно,
Какъ зеркало, тамъ озеро лежитъ.

АМЪ-БЮХЕЛЬ.

Тѣмъ легче будетъ плыть имъ.

ВИНКЕЛЬРИДЪ (*показывая на озеро*).

Ахъ, смотрите!
Смотрите-ка туда!

МЕЙЕРЪ.

Ну, что же тамъ?
Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, радуга!—и ночью!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Свѣтъ мѣсяца ее образовалъ.

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Вотъ рѣдкое чудесное явленье!
Иной умретъ, такого не видавъ.

СЕВА.

Надъ ней еще другая, поблѣднѣе.

БАУМГАРТЕНЪ.

Но вотъ теперь вдали видна ладья.

МЕЛЬХТАЛЬ.

То Штауффахеръ плыветъ. Старикъ почтенный,
Онъ не заставилъ долго ждать себя!

(*Идетъ съ Баумгартеномъ къ берегу*).

МЕЙЕРЪ.

Да вотъ изъ Ури только что-то медлятъ.

АМЪ-БЮХЕЛЬ.

Чтобъ не сойтись съ разъѣздами ландфогта
Имъ обходить далеко по горамъ.

(*Между тѣмъ два поселянина разложили посрединѣ мѣста дѣйствія огонь*).

МЕЛЬХТАЛЬ (*у берега*).

Кто тамъ? Скажите!

ШТАУФФАХЕРЪ (*снизу*).

Все друзья страны.

(*Всѣ идутъ навстрѣчу прибывшимъ*).

Изъ лодки выходятъ: ШТАУФФАХЕРЪ, ИТЕЛЬ РЕДИНГЪ, ГАНСЪ МАУЕРЪ, ІОРГЪ ГОФЪ, КОНРАДЪ ХУНЪ, УЛЬРИХЪ ШМИДЪ, ІОСТЪ ВЕЙЛЕРЪ *и еще три* ПОСЕЛЯНИНА, *также вооруженные.*

ВСѢ (*громко*).

Привѣтъ всѣмъ!

(*Между тѣмъ какъ другіе остаются въ глубинѣ сцены и привѣтствуютъ другъ друга, Мельхталь и Штауффахеръ выходятъ впередъ*).

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, Штауффахеръ! я видѣлъ
Того, кто на меня глядѣть не можетъ!
Къ его очамъ прикладывалъ я руку—
И изъ его лишенныхъ свѣта взоровъ
Я жгучей мести жажду почерпнулъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не говори о мщеньи. Не отмщать,
Но встрѣтить зло грозящее должны мы.
Скажи теперь, какъ въ Унтервальднѣ ты
Устроилъ все? Нашелъ ли тамъ друзей?
Что думаютъ объ этомъ поселяне?
Какъ самъ предательства сѣтей избѣгъ ты?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Черезъ Суренна грозныя вершины
По ледянымъ полямъ необозримымъ,
Гдѣ только слышенъ хриплый крикъ орловъ,
Дошелъ я до альпійскихъ пастбъ, куда
Изъ Ури пастухи и съ Энгельберга
Свои стада гоняютъ совокупно.
Я жажду утолялъ свою водой,
Струящейся изъ ледниковъ въ лощины;
Я въ хижины пустыя заходилъ
Хозяиномъ и гостемъ; наконецъ,
Достигъ жилищъ людей гостепріимныхъ.

Ужъ разнеслась въ долинахъ этихъ вѣсть
О новомъ здѣсь свершившемся злодѣйствѣ.
Мое несчастье доставляло мнѣ
У всѣхъ дверей привѣтъ и состраданье;
И я нашелъ, что всѣ и здѣсь равно
На новое правленье негодуютъ.
Какъ Альпы ихъ всегда, изъ года въ годъ,
Одни и тѣ жъ растенія питаютъ,
Какъ ихъ ручьи текутъ однообразно,
Какъ облака и даже вѣтры ихъ
Летятъ своей стезею неизмѣнной,
Такъ неизмѣнно нравы старины
Отъ предковъ здѣсь къ потомкамъ перешли.
Они не терпятъ дерзкой новизны
Въ ходу своей однообразной жизни.
Они съ радушіемъ мнѣ жали руки,
Со стѣнъ снимали ржавые мечи,
И въ ихъ глазахъ горѣлъ огонь отваги,
Когда я произнесъ имъ имена,
Священныя для нашихъ поселянъ,
Твое и Вальтеръ Фюрста; и они
Клялись исполнить все, что вы велите:
Клялись за вами слѣдовать на смерть.
Такъ я, изъ дома въ домъ, ходилъ подъ кровомъ
Священнаго гостепріимства правъ,
И такъ пришелъ въ родимую долину,
Гдѣ много у меня живетъ родныхъ;
Нашелъ отца, слѣпого, въ нищетѣ
И на чужой соломѣ, что ему
Изъ состраданья подослали...

ШТАУФФАХЕРЪ.

Боже!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но я не плакалъ; не хотѣлъ въ ничтожныхъ
Слезахъ излить тоски моей ужасной;
Ее въ груди своей, какъ драгоцѣнность,
Я схоронилъ, и думалъ лишь о дѣлѣ.
Я проникалъ во всѣ ущелья горъ,
Я проходилъ всѣ скрытыя долины,
И у подошвы вѣчныхъ ледниковъ
Я посѣтилъ смиренныя жилища.
Куда свои стопы ни направлялъ,
Вездѣ я видѣлъ ненависть къ тиранству;
Вѣдь даже тамъ, гдѣ край жилья людей,
Гдѣ ничего земля не производитъ,
Вѣдь даже тамъ царитъ грабежъ ландфогтовъ...
Я возбудилъ къ возстанію народъ.
Онъ нашъ теперь и сердцемъ, и душою.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты много сдѣлалъ въ столь короткій срокъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Я сдѣлалъ больше. Эти двѣ твердыни,
Росбергъ и Сарненъ, страшныя для всѣхъ,
Гдѣ, скрытые за стѣнами, враги
Сидятъ, для насъ выдумывая ковы,
Хотѣлъ своими видѣть я глазами:
И въ Сарненъ удалося мнѣ проникнуть
И замокъ этотъ весь я осмотрѣлъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И ты посмѣлъ войти въ пещеру тигра?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Въ одеждѣ пилигрима я тамъ былъ;
Я видѣлъ тамъ ландфогта за пирушкой.
Судите же, могу ль собой владѣть я:
Врага я видѣлъ тамъ—и не убилъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ну, счастье помогло твоей отвагѣ!
(*Между тѣмъ прочіе поселяне приближаются*).
Теперь скажи мнѣ, кто твои друзья,
Которыхъ ты сюда привелъ съ собою?
Дай ихъ узнать, чтобъ мы могли другъ другу
Довѣрчиво сердца свои открыть.

МЕЙЕРЪ.

Кто васъ не знаетъ въ нашихъ трехъ кантонахъ?
Я называюсь Мейеромъ изъ Сарна,
А вотъ племянникъ мой, Струтъ Винкельридъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Ты имя мнѣ знакомое сказалъ:
Былъ Винкельридъ, который умертвилъ
Дракона въ вейлерскихъ болотахъ—и
Самъ палъ въ бою.

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

То былъ мой предокъ, Вернеръ.

МЕЛЬХТАЛЬ (*показывая на двухъ поселянъ*).

Вотъ эти унтервальденцы живутъ
За лѣсомъ при аббатствѣ Энгельберга;
Хотя они крестьяне крѣпостные,
А не свободные землевладѣльцы,
Но вы не презирайте ихъ за то,
Они отчизну любятъ.

ШТАУФФАХЕРЪ (*обоимъ*).

Дайте руку!
Счастливъ, что независимъ отъ другого,
Свободенъ на своей землѣ; но честность
Во всякомъ званіи имѣетъ цѣну.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

ВотъРедингъ,нашъстаринныйландамманнъ.

МЕЙЕРЪ.

Его я знаю. Онъ противникъ мой:
У насъ съ нимъ тяжба объ одномъ участкѣ.
Да, Рединг, мы враги передъ судомъ.
Но здѣсь друзья.
(*Жметъ его руку*).

ШТАУФФАХЕРЪ.

Отлично сказано!

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Они идутъ! Чу! слышите рогъ Ури?
(*Справа и слѣва по скаламъ входятъ вооруженные люди, съ факелами въ рукахъ*).

МЕЙЕРЪ.

Вонъ съ ними и служитель алтаря,
Почтенный ихъ священникъ; несмотря
На трудный путь и ночи мракъ, идетъ онъ,
Какъ вѣрный пастырь, стадо сохранять.

БАУМГАРТЕНЪ.

Съ нимъ Петерманъ идетъ и Вальтеръ Фюрстъ;
Но Телля я не вижу между ними.

Вальтеръ Фюрстъ; Рессельманъ, *священникъ*; Петерманъ, *кистеръ*; Куони, *пастухъ*; Верни, *охотникъ*; Руоди, *рыбакъ и еще пятеро посслянъ. Всѣ числомъ тридцать три, становятся вокругъ огня.*

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Итакъ на собственномъ своемъ наслѣдьи,
На отческой землѣ должны мы тайно
Сходиться здѣсь, какъ-будто бы убійцы,
И въ ночь, подъ черной мрака пеленой,
Который лишь преступникамъ пріятенъ,
Должны свои права мы защищать,
Когда они и чисты, и свѣтлы,
Какъ солнца свѣтъ въ безоблачной лазури.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, нужды нѣтъ! Что̀ ночи мракъ посѣетъ,
То днемъ къ свободѣ, къ радости созрѣетъ.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Послушайте, что̀ мнѣ внушилъ Господь:
Мы общины собой здѣсь представляемъ
И можемъ говорить за весь народъ.
Приступимъ же теперь мы къ совѣщанью,
По древнему обычаю земли;
А если въ чемъ отступимъ отъ законовъ,
То обстоятельства намъ извинятъ.
Господь вездѣ, гдѣ защищаютъ право!
Не подъ его ли небомъ мы стоимъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ мы поступимъ, какъ велитъ обычай:
Хоть ночь теперь, но свѣтло наше право.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не полны мы числомъ, да сердце здѣсь
Всего народа: лучшіе при насъ.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

Хоть нѣтъ при насъ старинныхъ нашихъ книгъ,
Но мы въ сердцахъ хранимъ ихъ начертанье.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Итакъ, друзья, составимъ кругъ теперь.
Вонзите въ землю мечъ—орудье власти!

МАУЕРЪ.

Пусть ландамманъ займетъ въ срединѣ мѣсто,
А по бокамъ товарищи его.

ПЕТЕРМАНЪ.

Здѣсь три народа; такъ кого жъ изъ нихъ
Мы изберемъ главою быть надъ нами?

МЕЙЕРЪ.

Пусть съ Ури Швицъ объ этомъ соревнуетъ:
Имъ Унтервальденъ уступить готовъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да, онъ готовъ имъ уступить: онъ проситъ
О помощи друзей своихъ могучихъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Такъ пусть же Ури мечъ возьметъ: въ походахъ
Его хоругвь несется впереди.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, этой чести Швицъ одинъ достоинъ:
Мы всѣ гордимся племенемъ его.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Я разрѣшу вашъ благородный споръ:
Въ совѣтѣ Швицъ, въ войнѣ пусть Ури правитъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(*подаетъ Штауффахеру мечъ*).

Возьмите!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Нѣтъ! здѣсь старше есть меня.

ГОФЪ.

Здѣсь старше всѣхъ годами УльрихъШмидъ.

МАУЕРЪ.

Достойный мужъ, но крѣпостной и въ Швицѣ
Поэтому не можетъ быть судьей.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но вотъ нашъ Рединъ, ландамманнъ старинный:
Кого же лучше намъ еще искать?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Пусть будетъ онъ амманномъ, главой совѣта!
Согласенъ кто, тотъ руку подыми.
(*Всѣ подымаютъ правую руку*).

РЕДИНГЪ.

Нельзя руки мнѣ положить на книги,
Но вѣчными свѣтилами клянусь,
Что никогда не удалюсь отъ правды!

(*Передъ нимъ вонзаютъ два меча; всѣ составляютъ кругъ; Швицъ занимаетъ средину, Ури-правую, а Унтервальденъ—лѣвую сторону. Онъ стоитъ, опершись на мечъ*).

Скажите мнѣ, зачѣмъ, покинувъ горы,
Три племени въ полночный часъ пришли
Сюда, на берегъ озера пустынный?
Въ чемъ содержанье новаго союза,
Подъ этимъ звѣзднымъ небомъ заключаютъ?

ШТАУФФАХЕРЪ (*входитъ въ кругъ*).

Союзъ не новый заключаемъ мы,
Но древній, нашихъ предковъ, мы теперь
Возобновить желаемъ. Знайте, братья,
Хоть воды насъ и горы раздѣляютъ,
И хоть у насъ и разное правленье,
Но родъ у насъ одинъ и кровь одна,
И насъ одно отечество вскормило.

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Такъ правда, что поется въ нашихъ пѣсняхъ,
Что мы сюда издалека пришли?
О, разскажите намъ, какъ это было,
Чтобъ старымъ новый подкрѣпить союзъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Вотъ какъ о томъ разсказываютъ старцы:
Жилъ нѣкогда на сѣверѣ далекомъ
Большой народъ; насталъ тяжелый годъ,
Все вздорожало, и рѣшились люди,
Чтобы изъ нихъ, по жребію десятый
Оставилъ край родной. Такъ и сбылось.
И вотъ печально побрела толпа
Мужчинъ и женъ на полдень, пробивая
Себѣ мечомъ средь землю нѣмцевъ путь,
Пока достигла этихъ горъ лѣсистыхъ.
Все шли они впередъ и, наконецъ,
Пришли къ долинѣ дикой, гдѣ теперь
Течетъ Муотта въ берегахъ зеленыхъ.
Тутъ не было и слѣда человѣка,
Лишь хижина у берега стояла,
Да лодочникъ сидѣлъ для перевоза.
Но озеро такъ сильно волновалось,
Что плыть нельзя имъ было. Осмотрѣвъ
Весь этотъ край, замѣтили они,
Что онъ богатъ и лѣсомъ и водою,
И имъ казалось, что они нашли
Опять свою отчизну дорогую.
Тогда рѣшились здѣсь они остаться.
Построили селенье Швицъ, и много
Тяжелыхъ дней трудились, вырывая
Деревья съ ихъ вѣтвистыми корнями.
Потомъ, когда размножилось число ихъ,
И тѣсно стало имъ, тогда они
Подвинулись до Черныхъ горъ и даже
До Вейсланда, гдѣ за громадой льдовъ
Живетъ другой народъ съ другою рѣчью.
Мѣстечко Станцъ построили въ Кернвальдѣ,
Мѣстечко Альторфъ на долинѣ Рейсъ.
Но памятенъ ихъ родъ навѣкъ остался;
Отъ всѣхъ чужихъ племенъ, которымъ послѣ
Пришлось у нихъ въ долинахъ поселиться,
Мужей изъ Швица можно отличить какъ разъ:
Въ нихъ благородны и сердца, и кровь!
(*Подастъ руку направо и налѣво*).

МАУЕРЪ.

Да, въ насъ одна и кровь, одно и сердце!

ВСѢ

(*подавая другъ другу руки*).

Мы, какъ одинъ народъ, согласны будемъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Другіе чуждое несутъ ярмо;
Они всѣ сами сильнымъ покорились
Такихъ рабовъ и въ нашей сторонѣ
Найдется много: всѣ они въ неволѣ,
И рабство ихъ наслѣдуютъ ихъ дѣти.
Но мы, потомки славнаго народа,

Мы навсегда свободу сохранили.
Ни передъ кѣмъ колѣнъ мы не склонили,
А добровольно стали подъ покровъ
Имперіи.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Да, сами мы себѣ
Ея покровъ избрали. Такъ въ грамотѣ
Стоитъ, что далъ намъ императоръ Фридрихъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но и свободные не безначальны.
Начальникъ долженъ быть, судья верховный,
Къ кому бъ мы въ распряхъ прибѣгать могли;
И потому-то предки наши сами
За землю, на которой поселились,
Просили цезаря, какъ властелина
Всѣхъ италійскихъ и германскихъ странъ,
Чтобы онъ ихъ подъ свой покровъ принялъ,
И обѣщались быть ему за то
Союзниками въ войнахъ: это долгъ
Единственный свободныхъ—защищать
Имперію, защитницу свою.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Другое все ужъ будетъ признакъ рабства.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Когда къ нимъ приходилъ призывъ къ войнѣ,
Подъ знаменемъ имперіи сражались;
Въ Италію ходили добывать
Для императора корону Рима;
А дома сами правили собой
По собственнымъ законамъ и обрядамъ.
Самъ императоръ лишь убійцъ судилъ;
И для того назначенъ былъ имъ графъ,
Который жилъ однако жъ не у насъ:
Онъ пріѣзжалъ лишь въ случаѣ убійства—
И просто, ясно, подъ открытымъ небомъ,
Судъ изрекалъ правдивый, безъ боязни.
Ну, есть ли тутъ слѣды какого рабства?
Кто думаетъ иначе, тотъ скажи!

ГОФЪ.

Нѣтъ, все то правда, что сказали вы:
Мы никогда насилія не знали.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы и монарху даже отказали
Въ правахъ, имъ данныхъ въ пользу духовенства,
Когда Эйнзидельнъ овладѣть задумалъ
Горами, на которыхъ мы издавна
Пасемъ свои стада, когда аббатъ
Прислалъ сюда имперское письмо,
По коему ему дарились земли,
Гдѣ не было владѣтелей (какъ-будто
Никто не зналъ, что мы здѣсь обитаемъ)—
Тогда сказали мы: „Путемъ подлога
Добыта грамота. Не можетъ кесарь
Дарить того, что наше издавна,
А если намъ въ признаньѣ нашихъ правъ
Имперія откажетъ, мы тогда
И безъ нея въ горахъ прожить съумѣемъ".
Вотъ какъ сказали предки наши! Намъ ли
Терпѣть безчестье новаго ярма?
Отъ чуждаго вассала то сносить,
Къ чему не принудилъ самъ императоръ?
Мы сами землю создали себѣ,
Своей рукой мы древнія дубравы,
Съ пустынными берлогами звѣрей,
Въ жилища человѣка превратили;
Мы извели драконовъ хищныхъ племя,
Которыхъ ядъ болота заражалъ;
Мы разогнали облака тумановъ,
Висѣвшія надъ этою пустыней,
Разбили скалы, провели надъ бездной
Для путниковъ удобныя дороги...
Нашъ этотъ край. Мы имъ вѣка владѣемъ—
И чтобъ посмѣлъ чужой вассалъ явиться
Сюда и намъ оковами грозить,
И насъ позорить на родной землѣ!
Да развѣ мы не можемъ защищаться?
(*Сильное волненіе между поселянами*).
Нѣтъ, есть граница и тирановъ силѣ!
Коль угнетенный права не находитъ,
Коль для него несносно стало бремя,
Тогда онъ смѣло къ небу обратись:
Тамъ всѣ свои права отыщетъ онъ,
Тамъ всѣ они, какъ вѣчныя свѣтила,
Ненарушимы, тверды, неизмѣнны!
Вернется первобытная пора,
Пора борьбы людей между собой.
Когда ничто помочь ему не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ.
Свое добро должны мы защищать;
Мы возстаемъ за милую отчизну,
Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

ВСѢ (*ударяя по мечамъ*).

Мы возстаемъ за женъ и за дѣтей!

РЕССЕЛЬМАНЪ (*входитъ въ кругъ*).

Но прежде, чѣмъ возьметесь за мечи,
Подумайте, быть можетъ, мирно можно
Намъ съ императоромъ окончить дѣло.
Одно лишь слово,—насъ не притѣснять,
А угождать ужъ станутъ намъ тираны,
Исполните, что требуютъ отъ васъ,
И отъ имперіи вы отдѣлитесь,
Главенство Австріи признайте вы...

МАУЕРЪ.

Что говоритъ онъ? Австріи присягу?..:

АМЪ-БЮХЕЛЬ.

Не слушайте его!

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Такъ говоритъ
Измѣнникъ, врагъ страны!

РЕДИНГЪ.

Спокойнѣе,
Друзья мои!

СЕВА.

Чтобъ мы, за весь позоръ,
Австрійцамъ присягнули? Никогда!

ФОНЪ-ДЕРЪ-ФЛЮЕ.

Ужели мы насилью то уступимъ,
Въ чемъ ласкѣ отказали?

МЕЙЕРЪ.

О, тогда
Намъ подѣломъ рабами быть навѣки!

МАУЕРЪ.

Пусть потеряетъ всѣ права швейцарца
Кто подчиниться Австріи предложитъ!
Ландамманнъ, я стою на томъ, чтобъ это
Закономъ первымъ было между нами.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да будетъ такъ. Пусть кто заговоритъ
О подчиненьи Австріи, лишится
Всѣхъ правъ и почестей, и пусть никто
Ему въ дому своемъ не дастъ пріюта.

ВСѢ (*подымая правую руку*).

Да! мы хотимъ, чтобъ было то закономъ!

РЕДИНГЪ (*послѣ краткаго молчанія*)

Да будетъ такъ!

РЕССЕЛЬМАНЪ!

И вотъ, друзья, теперь
Свободны вы —чрезъ этотъ лишь законъ.
Да не получитъ Австрія то силой,
Чего не получила дружелюбно!

ІОСТЪ ВЕЙЛЕРЪ.

Теперь приступимъ къ дѣлу!

РЕДИНГЪ.

Но скажите,
Союзники, испытаны ль всѣ средства?
Быть можетъ, самъ король того не знаетъ.
Что терпимъ мы отъ имени его!
Мы все должны узнать и испытать.
Сперва пошлемъ мы жалобу къ нему:
Откажетъ онъ—тогда за мечъ возьмемся.
Хоть право наше дѣло, но всегда
Насиліе ужасно, и Господь
Тогда лишь намъ защиту посылаетъ,
Когда защиты нѣтъ отъ человѣка.

ШТАУФФАХЕРЪ (*Конраду Хуну*).

Теперь скажи намъ; что тебѣ извѣстно.

КОНРАДЪ ХУНЪ.

Я ѣздилъ въ Рейнфельдъ, въ замокъ королевскій,
Чтобъ на ланфогтовъ жалобу принесть
И испросить у новаго монарха
Возобновленья древнихъ нашихъ льготъ.
Тамъ депутатовъ много я увидѣлъ
Изъ Швабіи и съ рейнскихъ береговъ;
И всѣ они свои добыли льготы,
И весело въ отчизну возвратились.
А я, вашъ депутатъ, въ совѣтъ былъ призванъ,
И тамъ сказали мнѣ: „Нашъ императоръ
Теперь дѣлами занятъ: но онъ вспомнитъ
Объ васъ когда-нибудь, въ другое время“,
Тогда печальный, я пошелъ отъ нихъ,
И, проходя по заламъ королевскимъ,
Вдругъ вижу: герцогъ Іоаннъ стоитъ—
И слезы на глазахъ его. При немъ
Тутъ были Вартъ и Тегерфельдъ. Они,
Позвавъ меня, сказали мнѣ: „Надѣйтесь
Лишь сами на себя, а отъ монарха
Не ждите справедливости: не онъ ли
У своего племянника родного
Отцовское наслѣдье отнимаетъ?
Вотъ герцогъ ужъ теперь въ годахъ, и самъ
Своей землей законно можетъ править.
Онъ сталъ просить родительскихъ владѣній
У короля—и что же онъ отвѣтилъ?
Онъ на него вѣнокъ надѣлъ, сказавъ:
„Пусть будетъ это юности уборомъ“.

МАУЕРЪ.

Слыхали? Правъ своихъ не отыскать вамъ
У короля. Надѣйтесь на себя!

РЕДИНГЪ.

Намъ больше ничего не остается.
Рѣшимъ теперь, какъ дѣло намъ вести.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*входитъ въ кругъ*).

Мы наше иго сбросить лишь хотимъ
И сохранить старинныя права,
Которыя намъ предки завѣщали;

Но новыхъ правъ искать мы не должны.
Вы кесарево кесарю воздайте,
Пусть каждый обязательства свои
И впредь предъ сюзереномъ исполняетъ.

МЕЙЕРЪ.

Отъ Австріи свой ленъ я получилъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ продолжай платить ей, что обязанъ.

ІОСТЪ ВЕЙЛЕРЪ.

Я Рапперсвейлю подати плачу.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ продолжай платить ихъ, какъ и прежде.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Обители я цюрихской былъ ленникъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Церковное ты церкви отдавай.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Свой ленъ я отъ имперіи имѣю.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Все дѣлайте, что должно, но не больше.
Ландфогтовъ только мы хотимъ изгнать
И замки ихъ разрушить; однакоже,
Безъ крови, если можно. Пусть увидитъ
Нашъ императоръ, что одна нужда
Заставила къ насилію прибѣгнуть,
И если мы останемся въ границахъ—
Онъ укротитъ свой гнѣвъ благоразумно:
Тотъ страшенъ болѣе народъ, который
Смиряется съ оружіемъ въ рукахъ.

РЕДИНГЪ.

Но какъ же мы начатое покончимъ?
Враги не безоружны, и навѣрно
Не захотятъ безъ боя уступить.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Они уступятъ, если насъ увидятъ
Съ оружіемъ: мы ихъ врасплохъ застанемъ.

МЕЙЕРЪ.

Сказать легко, да сдѣлать это трудно.
У насъ въ землѣ двѣ крѣпости стоятъ:
Въ нихъ безопасенъ врагъ, и намъ не взять ихъ,
Когда король сюда прибудетъ съ войскомъ.
Росбергъ и Сарненъ взять намъ должно прежде,
Пока нигдѣ мечей не обнажили.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не медлите, чтобъ врагъ не остерегся;
Участниковъ такъ много въ нашей тайнѣ.

МЕЙЕРЪ.

Предателей въ лѣсныхъ кантонахъ нѣтъ.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Но и усердье лишнее вредитъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но если будемъ медлить, то въ Альторфѣ
Отстроится твердыня и ландфогтъ нашъ
Въ ней укрѣпится.

МЕЙЕРЪ.

Вы лишь о себѣ
Хотите думать.

ПЕТЕРМАНЪ.

Вы не справедливы.

МЕЙЕРЪ (*вспыльчиво*).

Несправедливы? мы? и Ури ль можетъ
Такъ говорить намъ!

РЕДИНГЪ.

Тише, замолчите,
Во имя вашей клятвы!

МЕЙЕРЪ.

Да, придется,
Намъ замолчать, когда и Швицъ за Ури!

РЕДИНГЪ.

Тебя я долженъ обвинить предъ всѣми.
Ты вспыльчивостью нарушаешь миръ.
Мы развѣ всѣ не за одно стоимъ?

ВИНКЕЛЬРИДЪ.

Не отложить ли намъ до Рождества,
Когда мы по обычаю должны всѣ
Къ ландфогту отнести подарки въ замокъ?
Такъ десять иль двѣнадцать человѣкъ
Могли-бы, не внушая подозрѣній,
Туда пройти. А такъ какъ въ замокъ входъ
Съ оружьемъ воспрещенъ, они могли-бы
Съ собою тайно острія пронесть,
И къ посохамъ затѣмъ ужъ ихъ приладить.
Другой отрядъ въ лѣсу засаду-бъ сдѣлалъ.
Когда же первымъ завладѣть удастся
Воротами, тогда затрубятъ въ рогъ,
И эти къ нимъ нахлынутъ изъ засады,
И замокъ покорится намъ легко.

МЕЛЬХТАЛЬ.

А въ Росбергъ я могу проникнуть; тамъ
Есть дѣвушка, которая со мною
Дружна и согласится безъ хлопотъ
Мнѣ для свиданья лѣстницу спустить;
Взберусь по ней—друзья во слѣдъ за мною!

РЕДИНГЪ.

Что, всѣ ль хотятъ отстрочки—отвѣчайте?
(*Большая часть поднимаетъ руки*).

ШТАУФФАХЕРЪ (*считая голоса*).

Двѣнадцать-противъ, двадцать—за отсрочку

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

И если въ день назначенный падутъ
Всѣ замки—мы огнями на горахъ
Къ возстанію сигналы подадимъ—
И вся страна возьмется за оружье.
Тогда ландфогты, видя, что взялись
Мы за оружье не шутя, повѣрьте,
И сами въ бой вступить не захотятъ,
А поспѣшатъ отсюда удалиться.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Меня страшитъ лишь Геслера упорство:
Онъ окруженъ своимъ отрядомъ грознымъ,
И не уступитъ безъ кровопролитья.
Онъ даже изгнанный ужасенъ будетъ.
Щадить его и трудно и опасно.

БАУМГАРТЕНЪ.

Гдѣ болѣе опасности—тамъ я!
Я жизнь свою, спасенную мнѣ Теллемъ,
Съ охотою за родину отдамъ,
За честь я отомстилъ и сердце успокоилъ.

РЕДИНГЪ.

Свершится все. Съ терпѣньемъ ожидайте!
Что быть должно, то будетъ непремѣнно.
Но вотъ, межъ тѣмъ какъ ночь мы здѣсь проводимъ,
На высотахъ ужъ утро занялось
Блестящее. Теперь мы разойдемся,
Чтобъ не застало насъ свѣтило дня.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, изъ долинъ ночь медленно уходитъ.
(*Всѣ невольно снимаютъ шляпы и въ молчаливомъ волненіи смотрятъ на зарю*).

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Теперь, друзья, при первомъ свѣтѣ дня,
Который насъ привѣтствуетъ, когда
Еще во мракѣ дремлютъ горожане,
Мы клятвою нашъ подтвердимъ союзъ.
Отнынѣ будемъ мы народомъ братьевъ,
Ни въ горѣ, ни въ бѣдѣ не разлучимся.
(*Всѣ повторяютъ поднявъ три перста*).
Свободны будемъ мы, какъ наши дѣды!
Ужъ лучше умереть, чѣмъ жить въ неволѣ!
(*Всѣ повторяютъ*).
На Господа возложимъ упованье—
И силы мы людей не убоимся.
(*Всѣ повторяютъ. Поселяне обнимаются*).

ШТАУФФАХЕРЪ.

Теперь пусть каждый мирно возвратится
Своей дорогой къ ближнимъ и друзьямъ.
Пастухъ свои стада пусть выгоняетъ
И въ тишинѣ для нашего союза
Товарищей сбираетъ. Мы потерпимъ
До времени: пусть наростаетъ нашъ
Разсчетъ съ тираномъ; но настанетъ день,
И мы за-разъ весь долгъ ему отплатимъ.
Смиряйте же правдивый гнѣвъ въ себѣ,
Для главнаго свое храните мщенье:
Грабитель тотъ общественнаго блага,
Кто о своемъ заботится лишь дѣлѣ.

(*Между тѣмъ, какъ они тихо расходятся въ разныя стороны, торжественно играетъ оркестръ: пустая сцена остается нѣсколько времени открытою; видны первые лучи солнца, позлащающіе снѣжныя вершины горъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Дворъ дома Телля.

ТЕЛЛЬ *плотничаетъ;* ГЕДВИГА *занята домашнею работою.* ВАЛЬТЕРЪ *и* ВИЛЬГЕЛЬМЪ *въ глубинѣ сцены играютъ маленькимъ лукомъ.*

ВАЛЬТЕРЪ (*поетъ*).

Съ лукомъ гибкимъ, со стрѣлою,
Чуть зардѣется востокъ,
Скользкой горною стезею
Ходитъ весело стрѣлокъ.

Какъ въ заоблачныхъ вершинахъ
Коршунъ царствуетъ одинъ,
Такъ и онъ въ горахъ, въ долинахъ
Самовластный господинъ.

Далью онъ лишь обладаетъ,
Мѣтокъ стрѣлъ его полетъ,
Все, что скачетъ и летаетъ,
Онъ добычею беретъ.

(*Подбѣгаетъ къ отцу*).

Ахъ! у меня порвалась тетива;
Поправь ее мнѣ, батюшка.

ТЕЛЛЬ.

Ну, нѣтъ!
Стрѣлокъ искусный самъ поправить долженъ.

(*Дѣти убѣгаютъ*).

ГЕДВИГА.

Раненько дѣти начали стрѣлять.

ТЕЛЛЬ.

Пускай учатся, чтобъ знать свое искусство.

ГЕДВИГА.

Дай, Господи, имъ ввѣкъ его не знать!

ТЕЛЛЬ.

Все нужно знать имъ, все! Кому должно
Въ мятежномъ мірѣ жить, пусть тотъ себя
Къ защитѣ и къ обидѣ приготовитъ.

ГЕДВИГА.

Ахъ! кто жъ тогда найдетъ покой въ семьѣ
Своей?

ТЕЛЛЬ.

Мой другъ, и я его не знаю!
Не въ пастухи назначенъ я природой:
Безъ отдыха стремиться долженъ я
Къ безвѣстной цѣли! Я тогда лишь жизнью
Своею наслаждаюсь въ полной мѣрѣ,
Когда—что день, то новое боренье.

ГЕДВИГА.

А между тѣмъ печальная жена
Тебя домой со страхомъ ожидаетъ.
Я съ ужасомъ внимала всѣмъ разсказамъ
О вашихъ смѣлыхъ подвигахъ въ горахъ.
Мнѣ чудится при каждомъ разставаньи,
Что я съ тобой ужъ больше не увижусь:
Что будто ты межъ ледяныхъ громадъ,
Дорогу потерявъ, скользишь по скаламъ,
И падаешь... Я вижу, какъ тебя
Съ собою въ бездну серна увлекаетъ,
Иль снѣжная лавина на тебя
Съ вершины катится, иль подъ тобою
Вдругъ треснулъ ледъ—и ты летишь стремглавъ,
И заживо скрываешься въ могилѣ...
Ахъ, въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ
Стрѣлку отвсюду угрожаетъ смерть!
Опасенъ, жалокъ промыселъ несчастный,
Который въ бездну можетъ лишь увлечь!

ТЕЛЛЬ.

Кто остороженъ, силенъ и проворенъ,
Кто Господу душою преданъ, тотъ

Опасности всѣ превозможетъ: горы
Тому не страшны, кто на нихъ родился.
(*Окончивъ свою работу, онъ кладетъ топоръ въ сторону*).
Теперь надолго дверь послужитъ намъ.
Коль есть топоръ, такъ плотника не нужно.
(*Беретъ шляпу*).

ГЕДВИГА.

Куда идешь ты?

ТЕЛЛЬ.

Къ батюшкѣ, въ Альторфъ.

ГЕДВИГА.

Опасное затѣялъ ты—признайся.

ТЕЛЛЬ.

Что вздумалось спросить тебѣ, жена?

ГЕДВИГА.

Есть заговоръ противъ ландфогтовъ; въ Рютли
Сбирались на совѣтъ, и ты тамъ былъ.

ТЕЛЛЬ.

Я не былъ тамъ; но я не отдѣлюсь
Отъ родины, коль позоветъ она.

ГЕДВИГА.

Тебя пошлютъ туда, гдѣ есть опасность;
Что потруднѣй, то взвалятъ на тебя.

ТЕЛЛЬ.

Исполнить каждый долженъ то, что въ силахъ.

ГЕДВИГА.

Намедни ты съ Баумгартеномъ, въ грозу,
По озеру рѣшился плыть. Вѣдь диво,
Что вы спаслись. Ужели ты не думалъ
О дѣтяхъ, о женѣ?

ТЕЛЛЬ.

Мой другъ, я думалъ—
И потому я дѣтямъ спасъ отца.

ГЕДВИГА.

Плыть въ этакую бурю! Это значитъ
Испытывать Творца.

ТЕЛЛЬ.

Кто любитъ медлить,
Не много тотъ полезнаго свершитъ.

ГЕДВИГА.

Ты всѣмъ готовъ служить и помогать...
Будь самъ въ нуждѣ, такъ всѣ тебя оставятъ.

ТЕЛЛЬ.

Дай, Господи, не знать такой нужды!
(*Беретъ лукъ и стрѣлы*).

ГЕДВИГА.

Зачѣмъ же ты съ собою лукъ берешь?

ТЕЛЛЬ.

Я безъ него какъ-будто безъ руки.
(*Дѣти возвращаются*).

ВАЛЬТЕРЪ.

Отецъ, куда ты?

ТЕЛЛЬ.

Я къ дѣдушкѣ въ Альторфъ.
Не хочешь ли со мной?

ВАЛЬТЕРЪ.

Хочу; пойдемъ.

ГЕДВИГА.

Теперь ландфогтъ вѣдь тамъ: останься дома.

ТЕЛЛЬ.

Сегодня онъ уѣдетъ.

ГЕДВИГА.

Потому-то
И обожди, чтобъ съ нимъ не повстрѣчаться.
Ты знаешь самъ, что онъ на насъ сердитъ.

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ гнѣвъ его не можетъ повредить;
Живу я честно—мнѣ враги не страшны.

ГЕДВИГА.

Но честныхъ-то онъ больше ненавидитъ.

ТЕЛЛЬ.

За то, что къ нимъ нельзя придраться; такъ,
Меня-же, думаю, ландфогтъ не тронетъ.

ГЕДВИГА.

Ты думаешь. А почему?

ТЕЛЛЬ.

Недавно
Охотился я въ Шехенской долинѣ.
Въ безлюдномъ, дикомъ захолустьи. Тамъ
Я проходилъ пустынною тропинкой,
Гдѣ не было другой дороги мнѣ.
Надъ головой моей висѣли скалы,
А подо мной кипѣлъ сердитый Шехенъ...
(*Дѣти подходятъ къ нему и съ напряженнымъ любопытствомъ слушаютъ его разсказъ*).
И вдругъ со мною встрѣтился ландфогтъ,
Который той же проходилъ дорогой.
Одни мы были съ нимъ, лицомъ къ лицу,
А подлѣ насъ зіяла пропасть. Онъ,
Узнавъ меня, смутился: вѣрно вспомнилъ,
Что я недавно былъ обиженъ имъ.
И вотъ теперь я встрѣтился ему,
Съ оружіемъ, въ пустынной сторонѣ.
Онъ поблѣднѣлъ, колѣни задрожали;
Еще минута—и отъ страха онъ
Навѣрное свалился бы съ утеса.
Но жалокъ онъ мнѣ сталъ, и я къ нему
Съ покорностью приблизился и молвилъ:
„Вѣдь это я, мой господинъ“. Но онъ
Ни слова мнѣ на это, лишь рукою
Махнулъ, чтобъ я прошелъ своей дорогой.
И я ушелъ, и слугъ къ нему прислалъ.

ГЕДВИГА.

Онъ предъ тобой смутился! Берегись!
Онъ этого вовѣкъ не позабудетъ.

ТЕЛЛЬ.

Не буду съ нимъ сходиться, такъ и онъ
Искать меня не станетъ.

ГЕДВИГА.

Но хоть нынче,
Мой другъ, ты не ходи туда, а лучше
Ступай стрѣлять.

ТЕЛЛЬ.

Чего же ты боишься?

ГЕДВИГА.

Мнѣ нынче что-то грустно. Не ходи!

ТЕЛЛЬ.

Но отчего же? Развѣ есть причина?

ГЕДВИГА.

Нѣтъ никакой; но, Телль, останься дома!

ТЕЛЛЬ.

Нельзя, мой другъ! я слово далъ прійти.

ГЕДВИГА.

Ну такъ ступай—оставь мнѣ только сына.

ВАЛЬТЕРЪ.

Нѣтъ, матушка. Пусти меня съ отцомъ.

ГЕДВИГА.

И Вельти хочетъ мать свою оставить?

ВАЛЬТЕРЪ.

Смотри, я принесу тебѣ гостинца
Отъ дѣдушки.

(*Уходитъ съ отцомъ*).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

А я съ тобой останусь.

ГЕДВИГА (*обнимаетъ его*).

Да, ты мое любезное дитя:
Одинъ ты у меня теперь остался!
(*Она идетъ къ воротамъ и долго провожаетъ глазами уходящихъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дикое, пустынное мѣсто въ лѣсу; съ горъ ниспадаютъ каскады.

Входитъ БЕРТА, *въ охотничьемъ платьѣ, вслѣдъ за нею* РУДЕНЦЪ.

БЕРТА.

Онъ здѣсь, и я могу съ нимъ объясниться

РУДЕНЦЪ (*быстро подходитъ къ ней*).

Вотъ, наконецъ, я васъ нашелъ одну.
Здѣсь заперты мы пропастями вкругъ;
Я не страшусь свидѣтелей межъ нихъ
И съ сердца тяжкій гнетъ сниму молч нья

БЕРТА.

Но, можетъ быть, мы близко отъ своихъ?

РУДЕНЦЪ.

Они всѣ тамъ. Теперь иль никогда!
Мнѣ каждая минута дорога;
Я знать хочу судьбы моей рѣшенье,
Хотя бъ чрезъ то и васъ лишился я.
О, для чего такъ строго на меня
Вы смотрите? Но нѣтъ, я знаю самъ,
Я заслужилъ отъ васъ одно презрѣнье:
Я, дерзкій, я посмѣлъ о васъ мечтать!
Еще ничѣмъ себя я не прославилъ,
Такъ мнѣ ль себя съ героями равнять,
Покрытыми блестящей, громкой славой?
Они достойны васъ, а я ничтоженъ.
Все, чѣмъ богатъ,—лишь вѣрность и любовь.

БЕРТА (*важно и строго*).

Но смѣетъ ли объ нихъ тотъ говорить,
Кто измѣнить готовъ святому долгу—
Рабъ Австріи, продавшійся врагамъ
И притѣснителямъ его народа?

РУДЕНЦЪ (*отступая въ удивленіи*).

Отъ васъ ли, Берта, слышу я упрекъ?
Кого же, какъ не васъ, у нихъ искалъ я?

БЕРТА.

Вы думали на сторонѣ измѣны
Меня найти? Скорѣе Геслеръ будетъ
Супругомъ мнѣ, чѣмъ недостойный сынъ
Швейцаріи, который для него,
Для притѣснителя, орудьемъ служитъ!

РУДЕНЦЪ.

О, Боже, что я слышу!

БЕРТА.

Что для сердца
Дороже счастья ближнихъ можетъ быть?
Скажите, что прекраснѣе названья
Защитника невинности гонимой,
Хранителя родныхъ, священныхъ правъ?
За вашъ народъ душа моя страдаетъ;
Да, я люблю его за то, что онъ
Такъ кротокъ и притомъ такъ полонъ силы;
И съ каждымъ днемъ въ душѣ моей растетъ
Привязанность къ нему и уваженье.
А вы, кого долгъ чести и природа
Назначили въ защитники ему,
Вы бросили его, ушли къ врагамъ
И съ ними для него куете цѣпи!
Повѣрьте, я должна себя принудить,
Чтобъ васъ за то не презирать.

РУДЕНЦЪ.

Но я
Ему желаю лучшее доставить—
Спокойствіе подъ скипетромъ австрійскимъ.

БЕРТА.

Неволю вы готовите ему!
Изъ своего послѣдняго пріюта,
Что ей теперь остался на землѣ,
Свободу вы изгнать хотите. Нѣтъ,
Въ чемъ счастіе его—народъ самъ знаетъ,
И не обманетъ ложный блескъ его.
Въ тенета вы попали съ головой.

РУДЕНЦЪ.

О, какъ должны меня вы презирать!

БЕРТА.

Да, лучше бъ презирать мнѣ васъ; но видѣть
Того достойнымъ одного презрѣнья,
Кого любить желала...

РУДЕНЦЪ.

Берта! Берта!
Вы кажете мнѣ высшее блаженство,
И въ тотъ же мигъ свергаете съ вершины.

БЕРТА.

Нѣтъ, въ васъ еще живетъ духъ благородства;
Онъ дремлетъ лишь: я разбужу его.
Вы силою хотѣли заглушить
Въ себѣ къ добру врожденную наклонность.
Но, къ счастію, она сильнѣе васъ,
И вы остались добрымъ, благороднымъ.

РУДЕНЦЪ.

Вы на меня надѣетесь?... О, Берта!
Чѣмъ стать я не могу съ любовью вашей!

БЕРТА.

Послѣдуйте велѣнію природы,
Исполните назначенный вамъ долгъ:
За свой народъ, за родину свою
И за права священныя возстаньте!

РУДЕНЦЪ.

Но я тогда навѣки васъ лишусь,
Когда противъ имперіи возстану.
Вы отъ родныхъ зависите; они
Располагаютъ вашею рукою.

БЕРТА.

Но всѣ мои владѣнья здѣсь лежатъ:
Когда освободите вы швейцарцевъ,
Тогда и я свободна буду.

РУДЕНЦЪ.

Берта,
Какую мысль вы мнѣ открыли!

БЕРТА.

Вамъ
Отъ Австріи меня не получить:
Тамъ всѣ моимъ прельщаются наслѣдствомъ,
И каждый пріобрѣсть его желаетъ.
Корысть ихъ хочетъ васъ поработить;
Она и мнѣ неволей угрожаетъ.
О, другъ! моя рука должна служить
Наградою любимцу властелина:
Въ придворный кругъ хотятъ меня втянуть.
И тамъ, гдѣ ложь, гдѣ кознями все полно—
Межъ тѣмъ людей я жить обречена,
Позорный бракъ тамъ цѣпи мнѣ наложитъ;
Спасти меня любовь лишь ваша можетъ.

РУДЕНЦЪ.

И вы бъ рѣшились здѣсь остаться, Берта,
Въ моей отчизнѣ быть моей женой?
О, всѣ мои надежды, всѣ желанья
Къ кому жъ стремились, какъ не къ вамъ одной?
Не васъ ли я искалъ на полѣ славы?
Одна любовь тогда владѣла мной!
И вы бъ могли покинуть свѣтъ блестящій
И удалиться въ мирный этотъ край?
О, такъ и я достигъ желанной цѣли,
И свѣтъ ужъ не прельститъ меня. Шуми
Потокъ его игривый, ударяй
Въ надежный берегъ нашихъ горъ завѣтныхъ!
Теперь я чуждъ желаній мимолетныхъ
И не помчусь туда своей мечтой.
Пусть эти скалы, твердою стѣной
Насъ оградивъ въ долинѣ безмятежной,
Оставятъ намъ лишь неба ясный сводъ
Открытымъ для очей!

БЕРТА.

Теперь ты тотъ,
Какимъ тебя желала я найти;
Предчувствіе меня не обмануло!

РУДЕНЦЪ.

Прочь отъ меня ничтожныя мечты!
Я счастіе найду въ горахъ родимыхъ,
Гдѣ весело младенцемъ я расцвѣлъ,
Гдѣ тысячу предметовъ мной любимыхъ—
Ручьи, деревья—взоръ плѣняли мой,
И гдѣ женой ты хочешь быть моею!
О, я всегда любилъ ее: она
Для полнаго блаженства мнѣ нужна.

БЕРТА.

Гдѣ жъ, какъ не здѣсь, тотъ островъ благодатный,
Прелестный край невинности святой,
Гдѣ никогда не вѣдали измѣны,
Гдѣ сохранилась вѣрность старины?
Здѣсь потекутъ счастливо наши годы,
Средь безмятежной, сладкой тишины.
Тебя я вижу, мощью одареннымъ,
Какъ перваго межъ равными себѣ,
Свободнымъ уваженьемъ окруженнымъ,
Какъ короля на собственной землѣ.

РУДЕНЦЪ.

И вижу я тебя, вѣнецъ всѣхъ женъ,
Заботливой подругою моею,
И, счастливый любовію твоею,
Блаженствомъ я небеснымъ окруженъ!
Тобою все живетъ и процвѣтаетъ,
И все вокругъ тебя благословляетъ!

БЕРТА.

Мой милый другъ, могла ль я не грустить,
Когда ты самъ свое земное счастье
Попрать хотѣлъ. Что было бы со мной,
Когда бъ меня тиранъ властолюбивый
Увлекъ съ собою въ мрачный замокъ свой?
Здѣсь замковъ нѣтъ, и отъ меня стѣною
Не отдаленъ народъ, любимый мною.

РУДЕНЦЪ.

Но какъ спастись, какъ разорвать мнѣ сѣти,
Въ которыя запуталъ я себя?

БЕРТА.

Расторгни ихъ могучею рукою!
Что бъ ни было, вступись за свой народъ!
То твой природный долгъ!

(*Вдали слышенъ звукъ роговъ*).

Но вотъ трубятъ
Охотники, разстанемся. Сразясь
За родину, ты за любовь сразишься!
Одинъ и тотъ же врагъ намъ угрожаетъ,
Одна свобода насъ освободитъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Лугъ въ Альторфѣ.

Впереди сцены деревья; въ глубинѣ на шестѣ виситъ шляпа. Перспектива замыкается, покрытыми заповѣдными лѣсами, горами, за которыми возвышается цѣпь снѣговыхъ горъ.

ФРИСГАРДЪ *и* ЛЕЙТГОЛЬДЪ *на часахъ.*

ФРИСГАРДЪ.

Напрасно, братъ, мы стережемъ. Никто
Нейдетъ сюда отдать почтенье шляпѣ.

А вѣдь, бывало, здѣсь, какъ на торгу,
Кипѣлъ народъ, вотъ чучело на шестъ
Повѣсили—и площадь запустѣла.

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Одна лишь сволочь лѣзетъ на глаза
И скидаетъ истертыя шляпенки,
А кто почище—всѣ кругомъ обходятъ
Другой дорогой, нужды нѣтъ, что дальше,
Лишь только бы не поклониться шляпѣ.

ФРИСГАРДЪ.

А дазеча-то, въ полдень, мимо насъ
Изъ ратуши итти имъ должно было.
Вотъ, думалъ я, кого-нибудь поймаю:
Я зналъ, что не поклонится никто.
Анъ тутъ явился попъ ихъ, Рессельманъ,
Который шелъ съ дарами отъ больного.
Онъ, какъ нарочно, сталъ передъ шестомъ,
А кистеръ въ колокольчикъ зазвенѣлъ—
И тотчасъ всѣ упали на колѣни
Передъ святынею—не передъ шляпой.

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Послушай, другъ, вотъ если такъ подумать,
Мы здѣсь съ тобой стоимъ, какъ дураки;
Обидно для солдата быть на стражѣ,
И передъ чѣмъ?—передъ пустою шляпой!
Вѣдь всякій, братъ, надъ нами посмѣется.
Вотъ вздумали, чтобъ шляпѣ поклонились!
По мнѣ такой приказъ—куда какъ глупъ.

ФРИСГАРДЪ.

Какое дѣло, что пустая шляпа!
Ты жъ кланяешься головѣ пустой.

ГИЛЬДЕГАРДА, МЕХТИЛЬДА *и* ЭЛЬСБЕТА *приходятъ съ дѣтьми и становятся вокругъ шеста.*

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Ну ужъ и ты, услужливый бездѣльникъ,
Радъ ни за что обидѣть человѣка.
Пусть тамъ кто хочетъ, тотъ идетъ;
Зажмурюсь и глядѣть не стану.

МЕХТИЛЬДА.

Дѣти,
Вотъ нашъ намѣстникъ!—кланяйтесь ему!

ЭЛЬСБЕТА.

Дай Богъ, чтобъ онъ ушелъ, оставивъ намъ
Одну лишь шляпу: это было бъ лучше.

ФРИСГАРДЪ (*отгоняетъ ихъ*).

Эй вы, бабье! что стали! Прочь отсюда!
Не васъ намъ нужно. Вы мужей пришлите:
Посмотримъ, какъ они храбриться будутъ.
(*Женщины уходятъ*).

ТЕЛЛЬ *идетъ вооруженный лукомъ, ведя за руку сына; они, не замѣчая шляпы, проходятъ мимо.*

ВАЛЬТЕРЪ (*показывая на покрытыя заповѣдными лѣсами горы*).

А правда ли, что тамъ въ горахъ такія
Есть дерева, коль топоромъ ударить,
То кровь пойдетъ?

ТЕЛЛЬ.

А кто тебѣ сказалъ?

ВАЛЬТЕРЪ.

Да нашъ пастухъ. Вишь, будто бы они
Священныя, а кто ихъ повредитъ,
Тому рука изъ гроба выростаетъ.

ТЕЛЛЬ.

Они священны,—это справедливо.
Вонъ видишь ли тѣ горы снѣговыя,
Которыя ушли подъ облака?

ВАЛЬТЕРЪ.

Тамъ ледники; они гремятъ ужасно,
Когда съ нихъ ночью катятся лавины.

ТЕЛЛЬ.

Такъ вотъ, мой другъ, они бъ давно-давно
Засыпали снѣгами нашъ Альторфъ,
Когда бы этотъ лѣсъ, тамъ въ вышинѣ,
Не охранялъ его, какъ вѣрный сторожъ.

ВАЛЬТЕРЪ (*немного подумавъ*).

А есть такія земли, гдѣ нѣтъ горъ?

ТЕЛЛЬ.

Когда, оставивъ за собой вершины,
Пойдешь все далѣ по теченью рѣкъ,
Тогда придешь въ обширныя долины,
Гдѣ водные потоки не шумятъ,
Не пѣнятся, но медленно текутъ;
Тамъ глазъ не можетъ обозрѣть окрестность,
Поля богатой жатвою цвѣтутъ,
А вся страна, какъ садъ разнообразный.

ВАЛЬТЕРЪ.

Что жъ, батюшка, зачѣмъ же мы скорѣе
Не перейдемъ въ ту чудную страну,
А здѣсь живемъ въ опасности и страхѣ?

ТЕЛЛЬ.

Хорошъ тотъ край, богатъ и плодоносенъ;

Но пахарь тамъ не пользуется плодомъ
Своихъ трудовъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

А развѣ нѣтъ у нихъ
Своихъ полей, какъ у тебя, свободныхъ?

ТЕЛЛЬ.

Тамъ вся земля иль короля, иль церкви.

ВАЛЬТЕРЪ.

Ну, такъ въ лѣсахъ охотиться имъ можно?

ТЕЛЛЬ.

Вся дичь принадлежитъ тамъ королю.

ВАЛЬТЕРЪ.

Но рыбу имъ въ рѣкахъ ловить вѣдь можно?

ТЕЛЛЬ.

Моря, озера, рѣки—все его.

ВАЛЬТЕРЪ.

Да кто-же этотъ страшный всѣмъ король?

ТЕЛЛЬ.

Лишь онъ одинъ ихъ кормитъ, защищаетъ.

ВАЛЬТЕРЪ.

А защитить себя не могутъ сами?

ТЕЛЛЬ.

Тамъ ближнему довѣриться нельзя.

ВАЛЬТЕРЪ.

Нѣтъ, батюшка, мнѣ бъ тѣсно стало тамъ,
Я лучше здѣсь въ горахъ своихъ останусь.

ТЕЛЛЬ.

Да, правда, сынъ мой, лучше за спиною
Имѣть ужъ ледники, чѣмъ злыхъ людей.

(*Хотятъ идти дальше*).

ВАЛЬТЕРЪ.

Ахъ, посмотри-ка—шляпа на шестѣ!

ТЕЛЛЬ.

Пойдемъ, пора. Намъ до нея нѣтъ дѣла.

(*Между тѣмъ, какъ онъ хочетъ итти, Фрисгардъ копьемъ заграждаетъ ему дорогу*).

ФРИСГАРДЪ.

Во имя императора! Извольте
Остановиться! Стойте!

ТЕЛЛЬ (*хватаясь за копье*).

Зачѣмъ ты пропустить меня не хочешь?

ФРИСГАРДЪ.

Приказъ нарушили. Ступайте съ нами.

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Затѣмъ, что ты не поклонился шляпѣ.

ТЕЛЛЬ.

Пусти, пріятель!

ФРИСГАРДЪ.

Нѣтъ! ступай въ тюрьму!

ВАЛЬТЕРЪ.

Какъ! батюшку въ тюрьму? О, помогите!

(*Кричитъ за сцену*).

Эй! кто тамъ есть?... сюда, сюда, скорѣй!
Насиліе! Его ведутъ въ тюрьму!

РЕССЕЛЬМАНЪ, *священникъ*, ПЕТЕРМАНЪ *кистеръ, прибѣгаютъ съ тремя поселянами.*

ПЕТЕРМАНЪ.

Что тутъ у васъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Зачѣмъ ты взялъ его?

ФРИСГАРДЪ.

Врагъ императора, измѣнникъ онъ!

ТЕЛЛЬ (*хватая его съ сердцемъ*).

Кто? я измѣнникъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Ты ошибся, другъ.
Вѣдь это Телль, нашъ честный гражданинъ.

ВАЛЬТЕРЪ

(*увидя Вальтера Фюрста, бѣжитъ къ нему навстрѣчу*).

Ахъ, дѣдушка! съ отцомъ бѣда случилась,

ФРИСГАРДЪ.

Въ тюрьму, въ тюрьму!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*прибѣгая*).

Стой! я ему порука!
Телль, ради Бога, что съ тобой, скажи мнѣ?

МЕЛЬХТАЛЬ *и* ШТАУФФАХЕРЪ *входятъ.*

ФРИСГАРДЪ.

Прямой ландфогта онъ приказъ
Ни уважать, ни исполнять не хочетъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ, Телль? не можетъ быть.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Ты лжешь, бездѣльникъ!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Онъ проходя, не поклонился шляпѣ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

За-то его въ тюрьму? Послушай, другъ,
Пусти его: я за него порука.

ФРИСГАРДЪ.

Ты за себя ручайся, если можешь;
Мы дѣлаемъ, что намъ велятъ. Пойдемъ!

МЕЛЬХТАЛЬ (*поселянамъ*).

Нѣтъ, это ужъ насиліе! Снесемъ ли,
Чтобъ онъ былъ взятъ у насъ передъ глазами!

ПЕТЕРМАНЪ.

Вѣдь мы сильнѣй. Друзья, не выдавайте!
Мы защищать обязаны своихъ.

ФРИСГАРДЪ.

Кто смѣетъ здѣсь возстать противъ указа?

ТРИ ПОСЕЛЯНИНА (*прибывая*).

Мы вамъ поможемъ! Бейте ихъ! смѣлѣе!

(*Гильдегарда, Мехтильда и Эльсбета возвращаются*).

ТЕЛЛЬ.

Оставьте насъ, друзья. Я самъ бы могъ
Управиться, когда бы захотѣлъ:
Меня бы копья ихъ не испугали.

МЕЛЬХТАЛЬ (*Фрисгарду*).

Попробуй-ка увесть его отъ насъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *и* ШТАУФФАХЕРЪ.

Друзья, спокойнѣй!

ФРИСГАРДЪ (*кричитъ*).

Измѣна! возмущенье!
(*Слышны охотничьи рога*).

ЖЕНЩИНЫ.

Ландфогтъ къ намъ ѣдетъ!

ФРИСГАРДЪ (*возвышая голосъ*).

Бунтъ! мятежъ! измѣна!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Дери, мерзавецъ, глотку, чтобъ ей лопнуть!

РЕССЕЛЬМАНЪ *и* МЕЛЬХТАЛЬ.

Да замолчишь ли ты?

ФРИСГАРДЪ (*еще пуще*).

Эй! помогите
Служителямъ закона! Помогите!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Вотъ и ландфогтъ! Бѣда намъ! что-то будетъ!

Геслеръ *на лошади, съ соколомъ на рукѣ,* Рудольфъ Гаррасъ, Берта *и* Руденцъ; *за ними многочисленная вооруженная свита, которая занимаетъ всю сцену.*

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Ландфогтъ! Ландфогтъ! дорогу!

ГЕСЛЕРЪ.

Разгони ихъ!
Зачѣмъ сюда народъ сбѣжался? Кто
На помощь звалъ? я знать хочу...
(*Всеобщее молчаніе, Фрисгарду*).
Сюда!
Кто ты таковъ? зачѣмъ его ты держишь?
(*Отдаетъ сокола ловчему*).

ФРИСГАРДЪ.

Мой господинъ! я вѣрный твой служитель
И часовой, поставленный у шляпы.
А вотъ его на томъ я изловилъ,
Что шляпѣ онъ твоей не поклонился.
Ну, я было и взялъ его, да вотъ
Народъ-то мнѣ отдать его не хочетъ.

ГЕСЛЕРЪ (*по краткомъ молчаніи*).

Ужели, Телль, такъ мало почитаешь
Ты императора, да и меня,
Его намѣстника, что отказался
Ты должное воздать почтенье шляпѣ?
Она виситъ, чтобъ узнавать покорныхъ,
Ты первый дерзко презрѣлъ мой указъ.

ТЕЛЛЬ.

Прости мнѣ, господинъ! Не изъ презрѣнья,
По невниманью провинился я.
Клянусь тебѣ, я не хотѣлъ нарушить
Указа твоего. Прости меня!

ГЕСЛЕРЪ (*помолчавъ немного*).

Ты мастерски владѣешь лукомъ, Телль—
Тебя равняютъ съ лучшими стрѣлками.

ВАЛЬТЕРЪ.

И это правда, сударь: мой отецъ
На ста шагахъ отъ дерева сшибаетъ
Любое яблоко своей стрѣлой.

ГЕСЛЕРЪ.

Что, это сынъ твой, Телль?

ТЕЛЛЬ.

Да, господинъ.

ГЕСЛЕРЪ.

А есть еще?

ТЕЛЛЬ.

Ихъ двое у меня!

ГЕСЛЕРЪ.

Котораго жъ изъ нихъ ты больше любишь?

ТЕЛЛЬ.

Я, господинъ, равно люблю обоихъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Такъ вотъ что, Телль; когда ты такъ искусно
Сшибать умѣешь яблоки съ деревьевъ,
Ты мнѣ теперь на дѣлѣ то покажешь.
Возьми стрѣлу и лукъ свой и сшиби
Мнѣ яблоко съ сыновней головы.
Но, мой совѣтъ: прицѣлься хорошенько.
Коль яблока ты сразу не сшибешь,
Такъ голова твоя не уцѣлѣетъ.

(*Всѣ поражены ужасомъ*).

ТЕЛЛЬ.

О, господинъ, ужасенъ твой приказъ!
Я, съ головы родного сына, долженъ...
Не можетъ быть! Нѣтъ, я не такъ разслышалъ!
Всевышній милосердъ! Ты отъ отца
Подобной жертвы требовать не можешь.

ГЕСЛЕРЪ.

Нѣтъ, я хочу, чтобъ ты, безъ отговорокъ,
Сшибъ яблоко съ сыновней головы.

ТЕЛЛЬ.

Какъ! цѣлью мнѣ послужитъ голова
Родного сына? Нѣтъ—умру скорѣе!

ГЕСЛЕРЪ.

Стрѣляй! не то—погибнете вы оба.

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ быть убійцей своего дитяти!
О, господинъ! ты не отецъ—не знаешь,
Что чувствуетъ родительское сердце!

ГЕСЛЕРЪ.

Э, Телль, какъ сталъ ты вдругъ благоразуменъ!
А я слыхалъ, что ты большой мечтатель,
Чуждаешься обычаевъ людскихъ!
Все любишь странное—и потому то
Я для тебя такой и подвигъ выбралъ.
Иной поостерегся бы, а ты,
Закрывъ глаза, на все готовъ рѣшиться.

БЕРТА.

О, не шутите, господинъ намѣстникъ!
Вы видите—трепещущи и блѣдны
Стоятъ они; такъ мало ваши шутки
Они привыкли слышать.

ГЕСЛЕРЪ.

Кто сказалъ вамъ,
Что я шучу?
(*Сбиваетъ яблоко съ ближняго дерева*).
Вотъ яблоко. Раздвиньтесь!
Отмѣряйте, какъ слѣдуетъ, шаги ..
Осьмидесятый пусть границей будетъ,
Не болѣе, не меньше: онъ хвалился,
Что можетъ въ цѣль попасть и въ ста шагахъ.
Теперь, стрѣлокъ, смотри, не промахнись!

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Ахъ, Господи! онъ хочетъ въ самомъ дѣлѣ...

Дитя, скорѣй пади къ ногамъ ландфогта,
Моли его помиловать тебя.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(*тихо Мельхталю, который едва можетъ удержать свое возбужденіе*).

О, успокойся, другъ мой! удержись!

БЕРТА (*Геслеру*).

Довольно, господинъ!—безчеловѣчно
Такъ чувствами родителя играть.
Да если бъ онъ и точно смертной казни
Достоинъ былъ за малый свой поступокъ,
То ужъ постигъ теперь ея мученья.
Пусть возвратится онъ въ свое жилище:
Теперь онъ васъ узналъ—и этотъ часъ
И онъ, и правнуки его запомнятъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Раздвиньтесь! Ну, скорѣе! что жъ ты медлишь?
Виновенъ ты: тебя казнить я могъ бы,
Но вотъ твою судьбу великодушно
Твоей рукѣ искусной я ввѣряю.
Тотъ на меня не можетъ возроптать,
Кому я волю далъ располагать
Своей судьбой. Ты мѣткостью хвалился;
Ну, такъ теперь ее докажешь мнѣ.
Достойна цѣль и велика награда!
Стрѣлой попасть въ назначенный кружокъ
Съумѣетъ и другой; но тотъ стрѣлокъ,
Кто никогда въ себѣ не усомнится,
Кто глазомъ и рукой всегда владѣетъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ

(*падаетъ предъ нимъ на колѣни*).

О, господинъ! мы чтимъ твой санъ высокій,
Но будь великодушенъ! Половину
Имѣнья моего отдамъ охотно,
Возьми хоть все, но пощади отца!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Нѣтъ, дѣдушка, не падай передъ нимъ,
Передъ такимъ жестокимъ человѣкомъ!
Скажите, гдѣ мнѣ стать. Я не боюсь;
Отецъ мой птицъ стрѣляетъ на лету,
Такъ въ сердце сына онъ попасть не можетъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, тронься хоть невинностью малютки!

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Но вспомни—есть Господь на небесахъ:
Ты дашь Ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ!

ГЕСЛЕРЪ (*показывая на мальчика*).

Его къ той липѣ привязать!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Меня
Привязывать? Нѣтъ, не хочу! Я буду
Тихъ, какъ ягненокъ: не дохну, не двинусь;
Но если вы привяжете меня,
То я кричать и биться буду въ узахъ.

РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ.

Дай, завяжу глаза тебѣ я, мальчикъ.

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ.

Зачѣмъ глаза? Не думаешь ли ты,
Что я боюсь стрѣлы изъ рукъ отцовскихъ?
Я смѣло жду ее, и не смигну.
Ну, батюшка, скорѣе! Докажи,
Что ты стрѣлокъ хорошій—онъ не вѣритъ.
Злодѣй насъ погубить съ тобою хочетъ—
На зло ему, стрѣляй и попади!

(*Онъ идетъ къ липѣ; ему на голову кладутъ яблоко*).

МЕЛЬХТАЛЬ (*поселянамъ*).

Какъ! намъ, друзья, смотрѣть, чтобъ здѣсь свершилось
Злодѣянье? Зачѣмъ же мы клялись?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Но что же дѣлать намъ?—мы безоружны;
А посмотри—тамъ копій цѣлый лѣсъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

О, если бъ мы тотчасъ за дѣло взялись!
Богъ тѣмъ прости, кто предложилъ отсрочку!

ГЕСЛЕРЪ (*Теллю*).

Ну, къ дѣлу! Вѣдь, оружье не игрушка!
Всегда съ собой носить его опасно:
Стрѣлой и самъ стрѣлокъ сраженъ бываетъ.
Такая вольность поселянъ обидна
Для главнаго начальника страны:
Оружіе носить имѣетъ право
Лишь тотъ, кто самъ повелѣваетъ. Если-жъ
Тебѣ пріятно лукъ носить съ собой—
Ну такъ тебѣ и цѣль я назначаю.

ТЕЛЛЬ (*натягиваетъ лукъ и кладетъ стрѣлу*).

Посторонитесь! дайте мѣсто!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Телль!
Ты хочешь?.. Нѣтъ, помедли! Ты въ волненьи,
Рука твоя дрожитъ, колѣни гнутся...

ТЕЛЛЬ (*роняя лукъ*).

Въ глазахъ темнѣетъ!

ЖЕНЩИНЫ.

Боже милосердный!

ТЕЛЛЬ (*ландфогту*).

Позволь мнѣ не стрѣлять. Вотъ грудь моя—
Вели пронзить ее оруженосцамъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Не смерти, но стрѣльбы твоей хочу я.
Вѣдь ты всегда такъ смѣлъ и предпріимчивъ;
Рулемъ владѣешь ты не хуже лука,
И никакой грозы не побоишься,
Когда спасти кого-нибудь захочешь.
Теперь—спаситель всѣхъ—себя спаси-ка!

(*Телль стоитъ въ страшномъ бореніи; руки его дрожатъ: взоры съ отчаяніемъ обращаются то на ландфогта, то къ небесамъ. Вдругъ онъ выхватываетъ изъ колчана еще стрѣлу и прячетъ ее на грудь. Геслеръ замѣчаетъ всѣ его движенія*).

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ (*подъ липою*).

Отецъ, стрѣляй! я не боюсь!

ТЕЛЛЬ.

Стрѣляю.

(*Овладѣваетъ собою и натягиваетъ лукъ*).

РУДЕНЦЪ

(*который досель едва удерживалъ свое негодованіе, подходитъ къ Геслеру*).

Довольно, господинъ ландфогтъ! довольно!
Ужъ опытъ былъ—и цѣли вы достигли.
Излишняя жестокость повредитъ:
Ломаетъ лукъ тугая тетива.

ГЕСЛЕРЪ.

Прошу молчать! Не съ вами говорятъ!

РУДЕНЦЪ.

Но я хочу... я долженъ говорить!
Честь короля священна для меня;
Но этакъ можно злобу возбудить.
Того король не хочетъ, я увѣренъ,
И мой народъ жестокости такой
Не заслужилъ. У васъ на то нѣтъ права.

ГЕСЛЕРЪ.

Вы смѣете?...

РУДЕНЦЪ.

Я до сихъ поръ ни слова
Не говорилъ; я закрывалъ глаза,
Чтобъ не смотрѣть на ваши притѣсненья,

Я заглушалъ въ груди своей страданья
Тоскующаго сердца; но теперь
Все кончено: мое молчанье будетъ
Измѣна государю и отчизнѣ.

БЕРТА (*бросаясь между ними*).

Ахъ, ты его лишь больше раздражишь!

РУДЕНЦЪ.

Я свой народъ забылъ, родныхъ покинулъ,
Я разорвалъ всѣ близкія мнѣ связи
Лишь для того, чтобъ съединиться съ вами.
Я полагалъ, что лучше будетъ, если
Здѣсь утвержу владычество Монарха.
И вотъ—повязка съ глазъ моихъ упала,
И я себя у пропасти увидѣлъ.
Довѣрчивость мою вы обманули,
Вы завлекли меня... Я былъ готовъ
Лишить народъ мой лучшей доли.

ГЕСЛЕРЪ.

Дерзкій,
Такъ говорить ты смѣешь господину?

РУДЕНЦЪ.

Мой господинъ не вы, а императоръ!
Какъ вы свободенъ я, и состязаться
Готовъ я съ вами въ рыцарскихъ дѣлахъ.
Не будь вы здѣсь отъ имени монарха,
Котораго всегда я уважалъ,
Тогда бъ я вамъ перчатку бросилъ,
И вы, какъ рыцарь, дали-бъ мнѣ отвѣтъ.
Ну что-жъ, солдатъ своихъ скорѣй зовите...
Не безоруженъ я, какъ эти люди!
(*Показывая на народъ*).
Нѣтъ! мечъ со мной, и кто лишь подойти
Ко мнѣ посмѣетъ...

ШТАУФФАХЕРЪ (*вскрикивая*).

Яблоко упало!

(*Между тѣмъ, какъ всѣ обратили вниманіе на разговоръ Руденца съ ландфогтомъ, Телль пустилъ стрѣлу*).

РЕССЕЛЬМАНЪ.

И мальчикъ живъ!

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Онъ въ яблоко попалъ!

(*Вальтеръ Фюрстъ шатается и готовъ упасть; Берта поддерживаетъ его*).

ГЕСЛЕРЪ (*пораженный*).

Какъ! онъ стрѣлялъ? Неистовый! Неужто?

БЕРТА.

Ребенокъ живъ! Отецъ, приди въ себя!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ (*прибѣгаетъ съ яблокомъ*).

Вотъ, папа, яблоко! Вѣдь зналъ я,
Что сына своего ты не поранишь.

ТЕЛЛЬ

(*стоявшій нагнувшись, какъ бы слѣдуя за полетомъ стрѣлы, видя приближающагося сына, роняетъ лукъ и съ распростертыми объятіями бѣжитъ къ нему навстрѣчу, съ восторгомъ прижимаетъ его къ сердцу и, ослабѣвъ, падаетъ на колѣни. Всѣ тронуты*).

БЕРТА.

О, Боже милосердный!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*отцу и сыну*).

Дѣти, дѣти!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Хвала Творцу!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ.

Вотъ это выстрѣлъ былъ!
Вѣка о немъ разсказы не умолкнутъ.

РУДОЛЬФЪ ГАРАССЪ.

Пока стоятъ твердыни этихъ горъ,
Разсказъ про Телля вѣчно не умолкнетъ.
(*Подаетъ яблоко ландфогту*).

ГЕСЛЕРЪ.

Смотри, пожалуй, яблоко насквозь!
Ну, выстрѣлъ славный, нечего сказать!

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Да, онъ хорошъ; но горе же тому,
Кто вынудилъ его, пытая небо.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Опомнись, Телль! теперь свободенъ ты
И можешь въ домъ спокойно возвратиться.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Идите-жъ, сына матери верните.
(*Хотятъ увести Телля*).

ГЕСЛЕРЪ.

Послушай, Телль!

ТЕЛЛЬ (*возвращаясь*).

Что повелишь?

ГЕСЛЕРЪ.

Ты спряталъ
Еще одну стрѣлу. Я это видѣлъ.
Скажи мнѣ, для чего ты это сдѣлалъ?

ТЕЛЛЬ (*въ смущеніи*).

У насъ таковъ обычай, господинъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Нѣтъ, Телль, мнѣ мало этого отвѣта:
Ты что-нибудь другое замышлялъ.
Скажи мнѣ правду смѣло, откровенно.
Что бъ ни было, я жизнь тебѣ дарую.
Зачѣмъ ты взялъ себѣ стрѣлу другую?

ТЕЛЛЬ.

Коль жизнь мнѣ безопасна, господинъ,
То я скажу всю правду откровенно.
(*Вынимаетъ изъ-за пазухи стрѣлу и устремляетъ на ландфогта ужасные взоры*).
Стрѣлою этой я тебя пронзилъ бы,
Когда бъ случайно въ сына я попалъ,
И вѣрно я тогда бъ не промахнулся.

ГЕСЛЕРЪ.

Ну, Телль, за жизнь страшиться ты не долженъ;
Давъ слово, я сдержу его, какъ рыцарь;
Но, злобныя намѣренья твои
Узнавъ, тебя возьму я и упрячу,
Гдѣ не узришь ни солнца ты во вѣкъ,
Ни мѣсяца. Принять мнѣ надо мѣры,
Чтобы отъ стрѣлъ избавиться твоихъ.
Эй, воины, сюда! Связать его!
(*Телля связываютъ*).

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ, господинъ?—его рука Господня
Такъ видимо избавила, а ты
Его теперь въ оковы заключаешь!

ГЕСЛЕРЪ.

Посмотримъ, кто спасетъ его вторично.
Отвесть его сейчасъ ко мнѣ на лодку:
Я самъ хочу въ Кюснахтъ его отправить.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Такъ кесарь самъ не можетъ поступать:
То нашимъ граматамъ противорѣчитъ.

ГЕСЛЕРЪ.

А гдѣ онѣ? Ихъ утвердилъ ли кесарь?
Онъ ихъ не утвердилъ. Такую милость
Покорностью лишь должно заслужить.
Бунтовщики вы противъ государя;
У васъ въ умѣ одно лишь возмущенье.
Я знаю васъ, я вижу васъ насквозь!
Теперь его беру отъ васъ; но всѣ
Вы столько же виновны, какъ и онъ.
Кто поумнѣй—учись молчать и гнуться!
(*Онъ удаляется; Берта, Гуденцъ, Гаррасъ и воины слѣдуютъ за нимъ; Фрисгардъ и Лейтгольдъ остаются*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*въ отчаяніи*).

Пропало все; онъ въ злобѣ замышляетъ
Меня со всѣмъ семействомъ погубить!

ШТАУФФАХЕРЪ (*Теллю*).

О, для чего ты раздражалъ тирана!

ТЕЛЛЬ.

Кто понимаетъ, что я испыталъ,
Пусть тотъ попробуетъ владѣть собою.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, такъ теперь пропало все! Съ тобою,
Телль, и мы закованы всѣ въ цѣпи!

ПОСЕЛЯНЕ (*окружаютъ Телля*).

Съ тобою вся надежда прочь отъ насъ!

ЛЕЙТГОЛЬДЪ (*приближаясь къ Теллю*).

Жаль мнѣ тебя!—но повинуюсь долгу!

ТЕЛЛЬ.

Прощайте!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ (*въ сильной горести*).

Отецъ, о милый мой отецъ!

ТЕЛЛЬ (*показывая на небо*).

Тамъ твой отецъ! Ему молись, мой другъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Что мнѣ сказать женѣ твоей, Вильгельмъ?

ТЕЛЛЬ (*съ нѣжностью обнимаетъ сына*).

Ребенокъ цѣлъ, а мнѣ Господь поможетъ.
(*Быстро оставляетъ ихъ и удаляется, окруженный стражей*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Восточный берегъ озера Четырехъ Кантоновъ.

Дикія, отвѣсныя скалы въ глубинѣ сцены. Озеро волнуется; слышенъ ревъ бушующихъ волнъ; по временамъ сверкаетъ молнія и гремитъ громъ).

КУНЦЪ ИЗЪ ГЕРЗАУ, РЫБАКЪ *и* МАЛЬЧИКЪ.

КУНЦЪ.

Повѣрьте мнѣ, я самъ все это видѣлъ;
Все было такъ, какъ я вамъ разсказалъ.

РЫБАКЪ.

Подъ стражей Телль и отвезенъ въ Кюснахтъ!
Онъ лучшею опорой былъ бы намъ,
Когда бъ пришлось возстать намъ за свободу.

КУНЦЪ.

Съ нимъ самъ ландфогтъ по озеру поѣхалъ.
Они готовы были ужъ отплыть,
Какъ вышелъ я изъ Флюлена; но буря,
Которая сбирается теперь,
Принудила меня сюда причалить.
Она и ихъ, быть можетъ задержала.

РЫБАКЪ.

Въ оковахъ Телль, во власти у ландфогта!
О, вѣрьте мнѣ, онъ такъ его укроетъ,
Что свѣта дня онъ больше не увидитъ!
Телль мужъ свободный, а его ландфогтъ
Такъ кровно оскорбилъ; теперь боится
Онъ мщенья справедливаго его.

КУНЦЪ.

Да говорятъ еще, что Аттингаузенъ,
Нашъ добрый ландамманнъ, лежитъ при смерти.

РЫБАКЪ.

И такъ послѣдній якорь нашъ сломился!
Лишь онъ одинъ могъ голосъ возвышать
За родину и за права народа.

КУНЦЪ.

Гроза сильнѣй становится. Прощайте!

Въ деревнѣ я ночую; вѣдь сегодня
О переправѣ страшно и подумать.

(*Уходитъ*).

РЫБАКЪ.

Въ темницѣ Телль! баронъ нашъ умираетъ!
Теперь возвысь чело свое, тиранство!
Прочь всякій стыдъ! Правдивыя уста
Замолкли, очи зоркія смежились,
Могучая рука теперь въ оковахъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Ну, градъ посыпалъ! Батюшка, уйдемъ
Домой, пока гроза насъ не застала.

РЫБАКЪ.

Крутися, вихрь! гори, небесный сводъ!
Бушуй, гроза! вы, тучи громовыя,
Залейте все потокомъ бурныхъ водъ!
Разбейте въ прахъ грядущій новый родъ!
Вы царствуйте, свирѣпыя стихіи!
Сюда, сюда, жильцы лѣсные! вамъ,
Вамъ отданы опять сіи пустыни.
Безъ воли жить здѣсь невозможно намъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Послушай, какъ реветъ водоворотъ;
Онъ никогда такъ страшно не крутился.

РЫБАКЪ.

Пустить стрѣлу въ главу родного сына!
Какой отецъ къ тому былъ принужденъ?
И какъ на то не возставать стихіямъ?
О, для меня не дивно будетъ видѣть,
Коль въ озеро обрушатся утесы,
Коль эти скалы, башни ледяныя,
Которыя отъ вѣка здѣсь стоятъ,
Растаютъ вдругъ и потекутъ рѣкою,
Коль рухнутъ горы, коль второй потопъ
Зальетъ и уничтожитъ все живое!

(*Слышенъ колокольный звонъ*).

МАЛЬЧИКЪ.

Чу, слышишь ли, тамъ на горѣ звонятъ.
Должно быть лодка тонетъ: этотъ звонъ
Сзываетъ всѣхъ къ молитвѣ о несчастныхъ.

(*Взлѣзаетъ на утесъ*).

РЫБАКЪ.

Бѣда ладьѣ, которая теперь
Качается въ ужасной колыбели!
Ни руль, ни кормчій не помогутъ ей;
Волна и вихрь теперь играютъ ею,
Какъ мячикомъ; а нѣтъ вблизи нигдѣ
Надежнаго залива: тамъ повсюду
Однѣ лишь скалы острыя торчатъ,
Крутыя, неприступныя, и гордо
Утесистую грудь ей выставляютъ.

МАЛЬЧИКЪ (*показывая налѣво*).

Ахъ, батюшка, изъ Флюельна ладья!

РЫБАКЪ.

Спаси Господь несчастныхъ! Если буря
Загонитъ ихъ въ проливъ, тогда бѣда:
Какъ въ клѣткѣ хищный звѣрь, объятый страхомъ,
Въ желѣзную рѣшетку бьется дико,
И съ ревомъ разломать ее стремится,
Такъ тамъ пучина яростно клокочетъ.
Тамъ узко ей, тамъ скалы по бокамъ
Тѣснятъ ее и путь ей заграждаютъ.

(*Взлѣзаетъ на утесъ*).

МАЛЬЧИКЪ.

Отецъ, ландфогта Ури это лодка:
Я узнаю ея пунцовый флагъ.

РЫБАКЪ.

О, Боже правосудный! Въ самомъ дѣлѣ,
Она и есть, и Геслеръ въ ней плыветъ,
А вмѣстѣ съ нимъ его гоненій жертва.
Такъ скоро же постигла казнь его!
Узнай, тиранъ, владыку надъ собою!
Твоихъ угрозъ не слушаетъ волна,
Не склонятся гранитные утесы
Предъ шляпою твоею. Не молись,
Мой сынъ! Пусть Божій судъ надъ нимъ свершится!

МАЛЬЧИКЪ.

Не за ландфогта я молюсь—за Телля;
Онъ въ лодкѣ съ нимъ.

РЫБАКЪ.

О, рокъ непостижимый!
Чтобъ одного злодѣя покарать,
Ты съ лодкой губишь всѣхъ пловцовъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Смотри, смотри, они ужъ Бугисгратъ
Счастливо миновали, но волною
Отъ Тейфельсмюнстера отбило ихъ
И отнесло къ большому Аксенбергу.
Я ихъ не вижу болѣ.

РЫБАКЪ.

Тамъ Гакмессеръ,
И не одна ладья ужъ тамъ разбилась.
Когда они его не обойдутъ,
То лодка ихъ ударится о скалы—
И всѣ они погибнутъ неизбѣжно.
Но вѣдь у нихъ хорошій кормчій—Телль.
Одинъ лишь онъ теперь спасти ихъ могъ бы;
Да у него оковы на рукахъ.

Вильгельмъ Телль, *вооруженный лукомъ. Онъ идетъ скорыми шагами, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ и страшно возбужденъ. Посреди сцены падаетъ на колѣни, кладетъ руки на землю и потомъ подымаетъ ихъ къ небу.*

МАЛЬЧИКЪ (*увидя его*).

Отецъ, смотри!—тамъ кто-то на колѣняхъ.

РЫБАКЪ.

Вотъ онъ на землю руки положилъ
И точно внѣ себя.

МАЛЬЧИКЪ (*подходитъ ближе*).

Кого я вижу!
Отецъ, отецъ! поди-ка, посмотри!

РЫБАКЪ (*приближается*).

Кто это? Боже! ты ли это, Телль?
Какъ ты сюда попалъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Ты развѣ не былъ
На лодкѣ тамъ, закованный въ цѣпяхъ?

РЫБАКЪ.

Ты развѣ не отправленъ былъ въ Кюснахтъ?

ТЕЛЛЬ (*встаетъ*).

Свободенъ я!

РЫБАКЪ *и* МАЛЬЧИКЪ.

Свободенъ? Какъ же это?

МАЛЬЧИКЪ.

Откуда жъ ты?

ТЕЛЛЬ.

Изъ лодки.

РЫБАКЪ.

Какъ, изъ лодки?

МАЛЬЧИКЪ.

А гдѣ жъ ландфогтъ?

ТЕЛЛЬ.

По озеру несется.

РЫБАКЪ.

Возможно ли? Но отчего жъ ты здѣсь?
Какъ ты ушелъ отъ узъ своихъ и бури?

ТЕЛЛЬ.

Мнѣ Богъ помогъ—и вотъ какъ это было...

РЫБАКЪ *и* МАЛЬЧИКЪ.

Ахъ, разскажи!

ТЕЛЛЬ.

Что въ Альторфѣ случилось,
Вы знаете?

РЫБАКЪ.

Все знаемъ, говори!

ТЕЛЛЬ.

И такъ ландфогтъ велѣлъ меня связать
И въ замокъ свой, Кюснахтъ, хотѣлъ отправить!

РЫБАКЪ.

Потомъ съ тобой изъ Флюельна поѣхалъ.
Все знаемъ мы. Скажи намъ, какъ ты спасся?

ТЕЛЛЬ.

Я, связанный лежалъ на днѣ ладьи;
Защиты нѣтъ, враги кругомъ меня;
Я мысленно прощался съ свѣтомъ дня,
Съ женой, съ дѣтьми, и взоръ мой безнадежный
Бродилъ съ тоской по влагѣ безмятежной.

РЫБАКЪ.

Бѣднякъ!

ТЕЛЛЬ.

Такъ плыли мы туда: ландфогтъ,
Его шталмейстеръ Гаррассъ и гребцы.
Колчанъ и лукъ мой у руля лежали.
И вотъ, едва успѣли малый Аксенъ
Мы обогнуть, какъ вдругъ Господь на насъ
Послалъ такую бурю отъ Готгарда,
Что у гребцовъ отъ страха замеръ духъ:
Всѣ думали погибнуть неизбѣжно.
Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ ландфогту:
„Не миновать бѣды намъ, господинъ;
Мы всѣ теперь на волоскѣ отъ смерти;
Отъ ужаса ни кормчій, ни гребцы
Не знаютъ, что начать; притомъ и путь
Имъ вовсе незнакомъ. Но съ нами Телль;
Онъ силенъ и рулемъ владѣть умѣетъ.
Что, если бъ вы ему велѣли править?“
Тогда ландфогтъ сказалъ мнѣ: „Телль, послушай,
Коль можешь ты отъ бури насъ спасти,
То я тебя освобожу отъ узъ“.
И я сказалъ: „Да, господинъ, надѣюсь
Спасти ладью при помощи Господней“.
Тогда меня освободили; я
За руль взялся и началъ править,
Украдкою смотрю, гдѣ лукъ лежитъ мой,

И выбираю пристально утесъ,
Удобный для скачка съ ладьи. Вдругъ вижу
Скалу крутую съ плоскою верхушкой,
Висящую надъ волнами...

РЫБАКЪ.

Я знаю;
Она лежитъ у Аксена большого;
Но вѣдь она крута: едва ли можно
Кому вскочить изъ лодки на нее.

ТЕЛЛЬ.

Кричу гребцамъ: „Дружнѣй! сильнѣе, братцы!
Вотъ этой бы скалы достигнуть только,
Тогда ужъ намъ не такъ опасно будетъ",
И вотъ мы наконецъ примчались къ ней.
Тогда, на помощь Господа призвавъ,
Всѣ силы я свои собралъ, и, лодку
Примкнувъ кормой къ скалѣ, схватилъ скорѣе
Оружіе и на нее скачкомъ
Высокимъ прыгнулъ, а ладью ногою
Отъ берега въ пучину оттолкнулъ.
Пусть будетъ съ нею, что угодно Богу!
И вотъ я здѣсь, спасенъ отъ власти бури
И отъ тиранской власти человѣка.

РЫБАКЪ.

Телль, видимое чудо надъ тобой
Явилъ Господь: едва могу я вѣрить
Своимъ глазамъ. Скажи, куда итти
Ты думаешь? Тебѣ укрыться должно.
Вѣдь, можетъ быть, ландфогтъ отъ бури спасся?...

ТЕЛЛЬ.

Онъ говорилъ, когда я былъ на лодкѣ,
Что онъ хочетъ у Брунена пристать
И черезъ Швицъ отправиться въ свой замокъ.

РЫБАКЪ.

Сухимъ путемъ?

ТЕЛЛЬ.

Такъ думалъ онъ тогда.

РЫБАКЪ.

О, такъ тебѣ, немедля, должно скрыться!
Ты отъ него въ другой разъ не спасешься.

ТЕЛЛЬ.

Скажи, какъ ближе мнѣ пройти въ Кюснахтъ и въ Артъ?

РЫБАКЪ.

Прямой дорогой можно черезъ Штейненъ,
Но ближе и скрытнѣе черезъ Ловерцъ.
Да вотъ мой сынъ тебя туда проводитъ.

ТЕЛЛЬ (*жметъ его руку.*)

Да наградитъ тебя Господь! Прощай!
(*Идетъ и опять возвращается*).
Мнѣ кажется, ты въ Рютли далъ присягу?
Я слышалъ про тебя.

РЫБАКЪ.

Да, я тамъ былъ
И нашему союзу присягалъ.

ТЕЛЛЬ.

Ну такъ, прошу тебя, отправься въ Бюргленъ!
Тамъ обо мнѣ жена моя тоскуетъ!
Скажи ей, другъ, что я спасенъ и скрытъ.

РЫБАКЪ.

Но какъ сказать, куда ты удалился?

ТЕЛЛЬ.

Ты тестя моего увидишь тамъ,
Да и другихъ, которыхъ въ Рютли видѣлъ.
Скажи имъ, чтобъ они не унывали,
Что Телль спасенъ, рука его свободна
И что объ немъ они услышатъ скоро.

РЫБАКЪ.

Открой мнѣ смѣло, что задумалъ ты?

ТЕЛЛЬ.

Когда исполню—всѣ про то узнаютъ.
(*Уходитъ*).

РЫБАКЪ.

Ну, мальчикъ, проводи его, Господь съ нимъ!
Онъ вѣрно то исполнитъ, что задумалъ.
(*Уходитъ*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Зала въ замкѣ барона Аттингаузена.

БАРОНЪ, *умирающій въ креслахъ*. ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ, ШТАУФФАХЕРЪ, МЕЛЬХТАЛЬ *и* БАУМГАРТЕНЪ *стоятъ вокругъ него*. ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ *передъ нимъ на колѣняхъ*.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Все кончено теперь! скончался онъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Не умеръ онъ; смотри, вотъ отъ дыханья
У губъ его шевелится перо!
Тихъ сонъ его; улыбка на лицѣ.
(*Баумгартенъ идетъ къ дверямъ и говоритъ съ кѣмъ-то*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*Баумартену*).

Кто тамъ пришелъ?

БАУМГАРТЕНЪ (*возвращается*).

Гедвига, ваша дочь;
Она желаетъ васъ и сына видѣть.
(*Вальтеръ Телль встаетъ*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Могу ль ее утѣшить?—Самъ тоскую!
Всѣ горести надъ головой моей!

ГЕДВИГА (*входитъ насильно*).

Гдѣ, гдѣ мой сынъ? Пусти меня къ нему!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Гедвига, тише! здѣсь жилище смерти!

ГЕДВИГА (*бросаясь къ сыну*).

Мой Вельти! о, ты живъ!

ВАЛЬТЕРЪ ТЕЛЛЬ (*бросаясь въ ея объятія*).

Я живъ, родная!

ГЕДВИГА.

Но точно ли? не раненъ ли ты гдѣ?
(*Осматриваетъ его съ безпокойствомъ*).
Возможно ли? И онъ въ тебя стрѣлялъ?
О, у него нѣтъ сердца! Какъ онъ могъ
Пустить стрѣлу въ дитя свое родное?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Съ растерзанной душой онъ это сдѣлалъ;
Былъ вынужденъ къ тому подъ страхомъ смерти.

ГЕДВИГА.

Когда бъ онъ былъ отецъ чадолюбивый,
Сто разъ бы умеръ онъ, а не стрѣлялъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тебѣ должно благодарить Творца,
Который спасъ его.

ГЕДВИГА.

Но какъ забыть мнѣ,
Чѣмъ кончиться могло бы это? Боже!
Вѣкъ проживу—и вѣкъ я буду видѣть,
Какъ въ сына цѣлится отецъ, и въ сердце
Стрѣла летѣть мнѣ вѣчно, вѣчно будетъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Но знаете ль, какъ онъ обиженъ былъ?

ГЕДВИГА.

Суровыя сердца! Коль ваша гордость
Обижена, такъ все для васъ ничто;
Сыновней жизнью, материнскимъ сердцемъ
Играете вы въ ярости слѣпой!

БАУМГАРТЕНЪ.

Бѣда постигла вашего супруга.
А вы его еще винить хотите!
Ужели вамъ не жаль его?

ГЕДВИГА
(*обращается къ нему и смотритъ на него сурово*).

Не ты ли
Чувствителенъ одинъ къ несчастью друга?
Гдѣ были вы, когда его при васъ
Въ оковы заключали? Кто помогъ
Ему? Кто спасъ его? Вы всѣ смотрѣли
Съ холодностью, какъ онъ былъ взятъ и связанъ,
И уведенъ отъ васъ. Скажите, такъ ли
Онъ съ вами поступалъ? Явилъ ли онъ
Тогда одно нѣмое состраданье,
Какъ за тобой ландфогтъ послалъ погоню,
А предъ тобой пучина бушевала?
Нѣтъ, онъ не плакалъ: онъ вскочилъ въ ладью,
Забывъ жену, дѣтей—и спасъ тебя!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но можно ль было намъ его спасти,
Когда мы всѣ стояли безоружны!

ГЕДВИГА (*бросаясь въ его объятія*).

Родитель мой! и ты его лишился!
И мы, и вся страна его лишились!
Но, вѣдь, и онъ насъ также потерялъ!
Ахъ, отъ отчаянья спаси его,
Господь! Въ его подземный, мрачный сводъ,
Не долетитъ отъ друга утѣшенье.
Онъ занеможетъ тамъ! Въ сырой тюрьмѣ
Онъ долженъ занемочь!.. Какъ роза Альпъ
Отъ воздуха болотъ тускнѣетъ, вянетъ,
Ахъ, такъ и онъ увянетъ тамъ безъ солнца
Безъ воздуха душистаго полей!
Въ оковахъ онъ! его душа—свобода:
Ему не жить подъ душнымъ мракомъ сводовъ!

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, успокойся! Мы употребимъ
Всѣ силы отворить его темницу.

ГЕДВИГА.

Что можете вы сдѣлать безъ него?
Когда онъ съ вами былъ—была надежда.
Тогда имѣлъ защитника невинный,
Надежнаго спасителя гонимый.

Онъ всѣхъ бы спасъ одинъ, а вы, всѣ вмѣстѣ,
Не можете оковъ его расторгнуть!
(*Баронъ просыпается*).

БАУМГАРТЕНЪ.

Вотъ онъ пошевелился! Тише, тише!

АТТИНГАУЗЕНЪ (*приподнимается*).

Но гдѣ жъ онъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Кто?

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Его здѣсь нѣтъ: меня
Оставилъ онъ въ послѣднія минуты!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Онъ вспомнилъ о племянникѣ. За нимъ
Послали ль вы?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Послали. Успокойтесь:
Онъ нашъ теперь и сердцемъ и душой.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Стоитъ ли онъ за родину свою?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Какъ истинный герой.

АТТИНГАУЗЕНЪ

Зачѣмъ же онъ
Нейдетъ принять мое благословенье?
Я чувствую, что близокъ мой конецъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

О, нѣтъ, мой господинъ! Короткій сонъ
Васъ подкрѣпилъ, и взоры ваши ясны.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Я живъ, пока страдаю; боли нѣтъ—
Страданья и надежда отлетѣли.
(*Увидя мальчика*).
Кто это?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Онъ мнѣ внукъ. Благословите
Его, онъ сирота.
(*Гедвига съ сыномъ упадаютъ на колѣни предъ умирающимъ*).

АТТИНГАУЗЕНЪ.

И васъ, друзья,

И васъ я оставляю сиротами!
О, горе мнѣ, что гаснущій мой взоръ
Паденіе отчизны долженъ видѣть,
Что я достигъ такихъ преклонныхъ лѣтъ,
Чтобъ унести въ могилу всѣ надежды!

ШТАУФФАХЕРЪ (*Вальтеру Фюрсту*).

И онъ умретъ въ печали безутѣшной?
Нѣтъ, озаримъ его послѣдній часъ
Лучомъ надежды! Благородный рыцарь,
Разсѣйте вашу скорбь! Мы не совсѣмъ
Покинуты, не вовсе беззащитны.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Но кто же васъ спасетъ теперь?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Мы сами.
Послушайте: недавно три земли
Вошли въ союзъ—изгнать своихъ тирановъ.
Онъ заключенъ—и клятвою священной
Былъ утвержденъ. Исполнимъ предпріятье—
И прежде, чѣмъ родится новый годъ,
Вашъ прахъ лежать въ землѣ свободной будетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

О, повтори! Союзъ ихъ заключенъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Да, господинъ, въ одинъ и тотъ же день
Возстанутъ три кантона. Все готово;
Но до сихъ поръ хранилась наша тайна,
Хоть много сотъ участниковъ въ ней есть.
Тираны ужъ надъ пропастью стоятъ,
Часы ихъ гордой власти сочтены,
И скоро здѣсь и ихъ слѣда не будетъ.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

А крѣпкіе ихъ замки въ городахъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Они падутъ въ одинъ и тотъ же день.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

А рыцари участвуютъ въ союзѣ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Мы помощи ихъ ждемъ: но до сихъ поръ
Крестьяне лишь союзу присягнули.

АТТИНГАУЗЕНЪ

(*медленно привстаетъ въ величайшемъ удивленіи*).

И селянинъ идетъ на этотъ подвигъ,
Самъ отъ себя, безъ помощи вельможъ?
И онъ вполнѣ въ своихъ увѣренъ силахъ
Тогда ему мы болѣе не нужны:
Утѣшенный въ могилу я сойду:
Здѣсь будетъ жить народъ—иною силой
Величіе свое сохранитъ.

(*Онъ кладетъ руку на голову мальчика, который стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ*).

Отъ сей главы, гдѣ яблоко лежало,
Для васъ свобода лучшая взойдетъ!
Все старое падетъ—и изъ развалинъ
Вѣкъ новый и блестящій оживетъ!

ШТАУФФАХЕРЪ (*Вальтеру Фюрсту*).

Какимъ огнемъ его сверкаютъ взоры!
Не смерти духъ надъ нимъ теперь витаетъ,
А свѣтлый лучъ прекрасной новой жизни.

АТТИНГАУЗЕНЪ.

Владѣтели изъ замковъ выѣзжаютъ,
Чтобъ городамъ присягу принести;
Въ Ухтландѣ ихъ, въ Тургау принимаютъ;
Вотъ поднялъ Бернъ державную главу
И Фрейбургъ сталъ защитникомъ свободы;
Богатый Цюрихъ снарядилъ къ войнѣ
Своихъ гражданъ—и силы королей
У крѣпкихъ стѣнъ его поколебались...

(*Онъ продолжаетъ голосомъ прорицателя; рѣчь его возрастаетъ до вдохновенія*).

И вижу я монарховъ горделивыхъ
И рыцарей въ доспѣхахъ золотыхъ:
Они идутъ сражаться съ пастухами.
Борьба на смерть—и громкими дѣлами
Прославятся ущелья горъ родныхъ.
Тамъ поселянинъ, съ грудью обнаженной,
На копій лѣсъ, какъ жертва полетитъ,
Захватитъ ихъ, пройдетъ, насквозь пронзенный,
Но вмѣстѣ съ нимъ падетъ враговъ оплотъ
И знамена свободы разовьются.

(*Беретъ руку Штауффахера и Вальтера Фюрста*).

Такъ будьте же во вѣки нераздѣльны—
Рука съ рукой, какъ братья и друзья!
Въ опасности немедленно летите
На первый зовъ союзниковъ своихъ...
Живите дружно... дружно... дружно...

(*Онъ упадаетъ на подушки и испускаетъ духъ, но, умирая, еще держитъ ихъ руки. Фюрстъ и Штауффахеръ взираютъ на него въ молчаніи; потомъ удаляются и предаются печали. Между тѣмъ вокругъ бездыханнаго барона собираются его слуги; всѣ изъявляютъ глубокую горесть; нѣкоторые падаютъ передъ нимъ на колѣни и обливаютъ слезами его руки. Въ продолженіе этой нѣмой сцены слышенъ въ замкѣ звонъ колокола*).

Руденцъ и прежніе.

РУДЕНЦЪ (*вбѣгая*).

Что, живъ ли онъ, услышитъ ли меня?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*печально*).

Вы нашъ теперь владѣлецъ и защитникъ;
Другое имя замокъ получилъ.

РУДЕНЦЪ

(*въ глубокой горести смотритъ на тѣло барона*).

О, Боже, Боже мой! ужели поздно
Раскаянье мое? Ужель не могъ онъ
Прожить еще хоть нѣсколько мгновеній,
Чтобы мою увидѣть перемѣну?
Я не внималъ его благимъ совѣтамъ!
Я презирать ихъ смѣлъ! Теперь онъ тамъ!
А я остался здѣсь, обремененный
Виною незаглаженной! Скажите,
Онъ умеръ, негодуя на меня?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Въ послѣдній часъ онъ все узналъ объ васъ
И ваше мужество благословилъ.
РУДЕНЦЪ (*становится на колѣни у трупа*).
Достойнаго священные останки,
Бездушный, милый прахъ! Даю обѣтъ
Здѣсь, надъ твоей рукою охладѣлой,
Что я расторгъ навѣкъ съ врагами связи
И моему народу отдался;
Швейцарецъ я—и всей душой желаю
Остаться имъ. (*Встаетъ*). Оплакивайте друга
И нѣжнаго отца, но будьте бодры:
Онъ не одно богатство мнѣ оставилъ—
Онъ духъ мнѣ свой и сердце передалъ:
Что старецъ вамъ маститый завѣщалъ
И юноша клянется то исполнить!
Дай руку мнѣ свою, отецъ почтенный,
И ты мнѣ дай свою, и ты, Мельхталь!
Не отвращайтесь отъ меня, друзья!
Мои примите клятвы и обѣты!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Дадимъ ему мы руки: онъ достоинъ
Довѣрія!

МЕЛЬХТАЛЬ.

Вы презирали насъ;
Скажите же, чего жъ намъ ждать отъ васъ?

РУДЕНЦЪ.

О, позабудьте юности ошибки!

ШТАУФФАХЕРЪ (*Мельхталю*).

„Живите дружно“—такъ отецъ сказалъ намъ
Припомни это.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Вотъ моя рука!
Я селянинъ, какъ рыцарь, вѣренъ слову!
Что вы безъ насъ? Вѣдь званье земледѣльца
Древнѣе вашего.

РУДЕНЦЪ.

Я чту его
И буду защищать своимъ мечомъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Рука того, кто землю подчинилъ
Себѣ и взрылъ ее тяжелымъ плугомъ,
И грудь его съумѣетъ защитить.

РУДЕНЦЪ.

Вы мнѣ, а я—я буду вамъ защитой,
Тогда сильнѣй въ союзѣ будемъ мы.
Но для чего слова, когда отчизну
Еще гнететъ тирановъ чуждыхъ власть?
Сперва страну освободимъ отъ ига,
Тогда свои права уравновѣсимъ.
(*Помолчавъ нѣсколько времени*).
Молчите вы? Вамъ нечего сказать мнѣ?
Такъ я не заслужилъ еще, чтобъ вы
Довѣрчиво открылись мнѣ! Насильно
Войти я долженъ въ тайный вашъ союзъ.
Я знаю все!—вы присягали въ Рютли,
И знаю, что тамъ было; хоть не вы
Открыли тайну мнѣ свою, но я
Хранилъ ее, какъ дорогой залогъ.
Я никогда врагомъ отчизны не былъ,
И не рѣшился бъ на нее возстать.
Но медлить вамъ не должно; время мчится...
УжъТелль былъ жертвой медленности вашей.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы поклялись дождаться Рождества.

РУДЕНЦЪ.

Я не былъ тамъ и клятвы не давалъ.
Не вы, такъ я начну.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ! вы хотите...

РУДЕНЦЪ.

Однимъ изъ главарей страны я сталъ,
И первый долгъ мой взять васъ подъ защиту.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Предать землѣ сей драгоцѣнный прахъ:
Вотъ долгъ для васъ первѣйшій и священный.

РУДЕНЦЪ.

Освободивъ страну, возложимъ мы
На одръ его вѣнокъ побѣды свѣжій.

Друзья мои, ахъ, не за васъ однихъ
Сразиться я съ тиранами намѣренъ—
И за себя! Узнайте: скрылась Берта;
Она тайкомъ отъ насъ похищена!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Тиранъ дошелъ до дерзости такой!
Злодѣйски покусился на свободу
Онъ дѣвушки изъ рыцарскаго званья!

РУДЕНЦЪ.

Друзья мои, я обѣщалъ вамъ помощь—
И долженъ васъ о помощи просить.
Ахъ, у меня похитили невѣсту!
Кто знаетъ, гдѣ сокрылъ ее злодѣй!
И, можетъ быть, онъ силою принудитъ
Съ собою въ ненавистный бракъ вступить.
О, помогите мнѣ ее избавить!
Повѣрьте мнѣ, она вполнѣ достойна,
Чтобъ за нее вооружились вы.

МЕЛЬХТАЛЬ.

На что же вы рѣшились?

РУДЕНЦЪ.

Самъ не знаю!
Ахъ, этотъ мракъ, который окружаетъ
Ея судьбу, сомнѣнье, безпокойство,
Которыми терзаюсь я теперь,
Одну лишь мысль мнѣ ясную внушаютъ,
Что должно намъ извлечь ее насильно
Изъ подъ развалинъ вражескихъ твердынь;
И потому ихъ должно всѣ разрушить,
Чтобъ отыскать, открыть ея темницу.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Ведите насъ, мы слѣдуемъ за вами!
Къ чему намъ то откладывать до завтра,
Что можемъ мы сегодня кончить? Телль
Свободенъ былъ, когда клялись мы въ Рютли;
Тогда еще не накопилось столько
Ужасныхъ дѣлъ. Несетъ другой законъ
Пора другая, и низкій трусъ тотъ,
Кто и теперь считаетъ нужнымъ медлить!

РУДЕНЦЪ

(Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту).

И такъ, вооружитесь—и за дѣло!
И ожидайте на горахъ огней:
Побѣды вѣсть къ вамъ долетитъ стрѣлою,
И, увидавъ желанный свѣтъ, быстрѣй
Вы на враговъ грозою налетите
И зданіе тиранства сокрушите.

(*Уходитъ*).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Утесистая дорога въ Кюснахтъ.

На нее сходятъ по тропинкѣ между скалъ, и путникъ, прежде нежели сойдетъ на авансцену, виденъ бываетъ наверху. Скалы окружаютъ всю сцену: одна изъ нихъ, обросшая кустарникомъ, выдалась впередъ.

Входитъ Телль, *вооруженный лукомъ.*

Вотъ этою дорогою онъ поѣдетъ:
Въ Кюснахтъ другой дороги нѣтъ. Я здѣсь
Исполню то, что случай мнѣ доставилъ.
Отсюда я, кустарникомъ прикрытый,
Могу достать его моей стрѣлой
И между скалъ спастися отъ погони.
Спѣши, ландфогтъ, разсчетъ свой кончить
съ небомъ!
Твой часъ пробилъ—ты долженъ умереть!
Я прежде жилъ спокойно, безмятежно:
Лишь на звѣрей стрѣлу я направлялъ;
Убійство мнѣ и въ мысль не приходило.
Но ты меня изгналъ изъ мирной жизни,
Ты въ сердце мнѣ излилъ змѣиный ядъ,
Ты пріучилъ меня и къ злодѣянью:
Кто въ голову сыновнюю стрѣлялъ,
Съумѣетъ тотъ попасть и въ вражескую
грудь.
Моихъ дѣтей, малютокъ непорочныхъ,
Жену мою я долженъ защитить
Отъ ярости твоей. Когда я лукъ
Дрожащею натягивалъ рукою,
Когда, моимъ страданьемъ веселясь,
Ты принуждалъ меня въ родного сына
Пустить стрѣлу, когда тебя, злодѣй,
Я тщетно умолялъ, тогда въ душѣ
Далъ клятву я ужасную—лишь небо
Внимало ей—что первой цѣлью будетъ
Мнѣ грудь твоя при выстрѣлѣ второмъ.
Въ чемъ я клялся въ минуту адской муки,
То долгъ святой: исполненъ будетъ онъ!
Ты властелинъ, намѣстникъ государя;
Но и монархъ не сдѣлалъ бы того,
Что ты, тиранъ. Тебя сюда послалъ онъ,
Чтобъ судъ творить, хоть строгій, но правдивый,
А не затѣмъ, чтобъ въ ярости слѣпой
Терзать народъ подъ игомъ притѣсненья.
Знай: есть Господь для кары и для мщенья!
Приди на помощь бѣдъ моихъ виновникъ,
Ты, лучшее сокровище мое!
Тебя ждетъ цѣль, которая была
Для просьбъ, для всѣхъ моленій недоступна,
Но предъ тобой не устоитъ она.
О ты, мой лукъ надежный! ты бывалъ
Товарищемъ мнѣ въ играхъ и забавахъ,
Стрѣлу мою ты часто окрылялъ:

Не измѣни же мнѣ и въ часъ опасный!
Будь вѣренъ мнѣ, мой лукъ, и въ этотъ разъ!
Когда теперь я промахъ дамъ несчастный,
Нѣтъ у меня другой стрѣлы запасной.
(*Путники проходятъ черезъ сцену*).
Здѣсь сяду я на каменной скамьѣ,
Устроенной для путниковъ усталыхъ.
Здѣсь, чуждые одинъ другому, всѣ
Они проходятъ мимо; въ ихъ сердцахъ
Участья нѣтъ къ страданью. Здѣсь идетъ
Заботливый купецъ, и богомолецъ
Съ котомкою, и набожный монахъ,
И мрачный воръ, и пѣсенникъ веселый,
И перевозчикъ со своимъ конемъ,
Навьюченнымъ товаромъ странъ далекихъ.
Ихъ всѣхъ сюда ведутъ свои дѣла—
Меня же мысль убійства привела!
(*Садится*).
Малютки милые! когда, бывало,
Я возвращался къ вамъ, съ какимъ восторгомъ
Встрѣчали вы отца: всегда ужъ онъ
Вамъ приносилъ иль пукъ цвѣтовъ альпійскихъ,
Иль птицу рѣдкую, иль аммонитъ,
Что странники находятъ на горахъ.
Теперь идетъ онъ за другой добычей:
Въ ущеліи сидитъ онъ для убійства
И ждетъ врага, чтобъ жизнь его отнять.
Но и теперь онъ думаетъ объ васъ,
Любезные, невинные малютки!
Чтобъ васъ спасти отъ мщенія тирана,
Свою стрѣлу извлекъ онъ изъ колчана.
(*Встаетъ*).
Я стерегу достойную добычу.
Иной стрѣлокъ весь день неутомимо
Зимой, въ морозъ, скитается въ горахъ;
Съ одной скалы онъ скачетъ на другую,
И до крови себѣ подошвы рѣжетъ,
Чтобъ устоять на скользкой высотѣ
И застрѣлить ничтожную козу.
Моя жъ добыча—злобный мой гонитель,
Который погубить меня хотѣлъ.
(*Вдали слышна веселая музыка, которая приближается*).
Всю жизнь свою я лукъ въ рукахъ имѣлъ,
Съ младенчества въ стрѣляньи упражнялся,
И въ цѣль стрѣлялъ, и часто получалъ
Прекрасныя награды за искусство;
Но нынче я пущу стрѣлу на славу—
И вся страна меня превознесетъ!
(*Чрезъ сцену вверхъ по дорогѣ идетъ свадебная процессія. Телль смотритъ на нее, опершись на лукъ*).
Штюсси, *полевой сторожъ, подходитъ къ нему.*

ШТЮССИ.

Вотъ женится нашъ мызникъ монастырскій
Изъ Мерлишахена, богатый человѣкъ:
Премного стадъ на Альпахъ у него.
Невѣсту онъ беретъ изъ Имизея,—
И въ эту ночь въ Кюснахтѣ будетъ пиръ.
Пойдемъ туда со мной: тамъ рады всѣмъ.

ТЕЛЛЬ.

Печальный гость для свадьбы не годится.

ШТЮССИ.

Забудь печаль, такъ сердцу будетъ легче.
Притомъ теперь плохія времена.
Такъ убѣгать веселія не должно.
Тутъ свадьба, тамъ, быть можетъ, погребенье.

ТЕЛЛЬ.

А иногда бываютъ оба вмѣстѣ.

ШТЮССИ.

Да, видно свѣтъ идетъ ужъ такъ. Вездѣ
Случается довольно бѣдъ и горя.
Вотъ въ Гларисѣ обрушилась скала
И часть его засыпала.

ТЕЛЛЬ.

И горы
Здѣсь валятся; что жъ прочно на землѣ?

ШТЮССИ.

Да вотъ еще какія чудеса!
Мнѣ разсказалъ изъ Бадена пріѣзжій:
Какой-то рыцарь ѣхалъ къ королю,
И вдругъ дорогой встрѣтилъ цѣлый рой
Слѣпней: они напали на него
И до смерти коня его заѣли—
И рыцарь къ королю пришелъ пѣшкомъ.

ТЕЛЛЬ.

И слабому дала природа жало.

Армгарта *приходитъ съ дѣтьми и становится на дорогѣ.*

ШТЮССИ.

Всѣ говорятъ, что это предвѣщаетъ
Несчастіе иль страшное злодѣйство.

ТЕЛЛЬ.

Ужасныя злодѣйства каждый день
Свершаются безъ всякихъ предвѣщаній.

ШТЮССИ.

Да, счастливъ тотъ, кто въ тишинѣ живетъ,
Кто дома своего не покидаетъ
И мирно пашетъ на землѣ своей.

ТЕЛЛЬ.

И кроткому спокойно не прожить,
Коль онъ недоброму сосѣду неугоденъ.
(*Съ безпокойнымъ ожиданіемъ смотритъ на дорогу*).

ШТЮССИ.

Прощай! Ты вѣрно ждешь кого-нибудь?

ТЕЛЛЬ.

Я жду.

ШТЮССИ.

Ну, такъ счастливо возвратиться!
Изъ Ури ты? Оттуда къ намъ сегодня
Пожалуетъ почтенный нашъ ландфогтъ.

ПУТНИКЪ (*проходя*).

Ландфогта вы не ждите. Рѣки вышли
Отъ ливня страшнаго изъ береговъ,
И всѣ мосты водою снесены.
(*Телль встаетъ*).

АРМГАРТА (*подходитъ ближе*).

Такъ онъ сюда не будетъ?

ШТЮССИ.

Вы къ нему?

АРМГАРТА.

Да, какъ же.

ШТЮССИ.

Для чего жъ вы стали тутъ,
Среди дороги?

АРМГАРТА.

Для того, чтобъ онъ
Здѣсь не ушелъ, не выслушавъ меня.

ФРИСГАРДЪ

(*входитъ поспѣшно и кричитъ издали*).

Эй, прочь съ дороги! Господинъ ландфогтъ
За мною ѣдетъ слѣдомъ. Прочь съ дороги!
(*Телль скрывается*).

АРМГАРТА (*съ живостью*).

Ландфогтъ слѣдомъ!

(*Она становится съ дѣтьми на авансцену. Геслеръ и Рудольфъ Гаррасъ показываются вдали на лошадяхъ*).

ШТЮССИ (*Фрисгарду*).

Какъ перешли вы воды?
Вѣдь, говорятъ, рѣка снесла мосты.

ФРИСГАРДЪ.

Мы съ бурею на озерѣ сражались—
Что намъ теперь альпійскіе потоки!

ШТЮССИ.

И вы на лодкѣ были въ эту бурю?

ФРИСГАРДЪ.

Ну да; и ввѣкъ того я не забуду.

ШТЮССИ.

Ахъ, разскажи!

ФРИСГАРДЪ.

Пусти, я долженъ въ замокъ
Дать знать, что ѣдетъ господинъ ландфогтъ.
(*Уходитъ*).

ШТЮССИ.

Будь въ лодкѣ люди честные, такъ вѣрно бъ
Пошли ко дну; а этакой народъ
Пройдетъ счастливо сквозь огонь и воду.
(*Оглядывается*).

А гдѣ жъ стрѣлокъ, съ которымъ говорилъ я?
(*Уходитъ*).

ГЕСЛЕРЪ *и* РУДОЛЬФЪ ГАРРАСЪ *верхомъ*

ГЕСЛЕРЪ.

Что хочешь говори—я, какъ слуга,
Стараться долженъ угодить монарху.
Сюда послалъ меня онъ не затѣмъ,
Чтобъ баловать народъ; повиновенья
Онъ требуетъ. Вопросъ: кто господиномъ
Здѣсь долженъ быть, мужикъ иль императоръ?

АРМГАРТА.

Теперь пора! я подойду къ нему.
(*Робко приближается*).

ГЕСЛЕРЪ.

Въ Альторфѣ я свою повѣсилъ шляпу,
Но не для шутки, не для испытанья
Народа—знаю я его давно—
А для того, чтобъ пріучить его
Сгибать свои чрезъ чуръ прямыя спины,
Повѣсилъ шляпу я нарочно такъ
На площади, чтобъ всѣмъ въ глаза бросалась
И господина имъ напоминала,
Котораго они совсѣмъ забыли.

РУДОЛЬФЪ.

Но и народъ свои права имѣетъ.

ГЕСЛЕРЪ.

Ихъ разбирать теперь не время намъ.
Великое готово совершиться!

Имперскій домъ растетъ: что началъ славно
Отецъ, то сынъ намѣренъ довершить.
Ему народъ ничтожный сталъ преградой;
Такъ иль не такъ—онъ долженъ покориться.
(*Хочетъ ѣхать дальше. Армгарта бросается передъ нимъ на колѣни*).

АРМГАРТА.

Умилосердись, господинъ, помилуй!

ГЕСЛЕРЪ.

Зачѣмъ ты мнѣ тутъ стала на дорогѣ?
Пошла назадъ!

АРМГАРТА.

Мой мужъ сидитъ въ тюрьмѣ;
А сироты безъ хлѣба, Господинъ,
Умилосердись надъ моимъ несчастьемъ!

РУДОЛЬФЪ.

Кто ты и кто твой мужъ?

АРМГАРТА.

Съ горы онъ Риги;
Тѣмъ только и живетъ, что ходитъ въ горы
И сѣно коситъ тамъ на крутизнахъ,
Надъ бездною, куда стада не ходятъ.

РУДОЛЬФЪ (*ландфогту*).

О, Боже, что за горестная жизнь!
Я васъ прошу, отдайте мужа ей!
Какъ ни великъ его проступокъ былъ бы,
Ужаснымъ онъ наказанъ ремесломъ.
(*Армгартѣ*).
Твою исполнятъ просьбу. Приходи
Въ Кюснахтъ, а здѣсь теперь не мѣсто.

АРМГАРТА.

Нѣтъ, нѣтъ! я ни на шагъ не отступлю,
Пока ландфогтъ не возвратитъ мнѣ мужа!
Шесть мѣсяцевъ томится въ башнѣ онъ,
Его суда напрасно ожидая.

ГЕСЛЕРЪ.

Съ дороги прочь! Оставь меня въ покоѣ!

АРМГАРТА.

О, будь же правосуденъ, умоляю!
Ты нашъ судья на мѣсто государя;
Твой долгъ—судить. Коль милости желаешь
Отъ Господа, такъ намъ ее воздай.

ГЕСЛЕРЪ.

Прочь! Отгоните дерзкую отсюда!

АРМГАРТА (*хватаетъ коня за поводья*).

Нѣтъ, нѣтъ! теперь мнѣ нечего терять!
Ландфогтъ, ты съ мѣста не сойдешь, пока
Меня не порѣшишь! Я не боюсь—
Сверкай себѣ глазами, сколько хочешь.
Такъ безгранично мы несчастны всѣ,
Что мнѣ и гнѣвъ не страшенъ твой.

ГЕСЛЕРЪ.

Пусти,
Не то конемъ тебя я затопчу!

АРМГАРТА.

Ну что жъ? топчи! вотъ—на!
(*Толкаетъ дѣтей и повернется съ ними на дорогѣ*).
Вотъ—я лежу,
И дѣти тутъ. Дави сиротъ несчастныхъ,—
И не такія ты злодѣйства дѣлалъ!

РУДОЛЬФЪ.

Она съ ума сошла!

АРМГАРТА (*внѣ себя*).

Ты ужъ и такъ
Страну всю затопталъ. О, если бъ я
Мужчиною была, тогда бъ я знала,
Что мнѣ начать—и предъ тобою здѣсь
Во прахѣ бъ не лежала.
(*Вдали снова слышна свадебная музыка*).

ГЕСЛЕРЪ.

Гдѣ же слуги?
Пусть прочь ее отгонятъ, иль, забывшись,
Свершу я то, въ чемъ каяться придется.

РУДОЛЬФЪ.

Имъ, господинъ, никакъ нельзя пробраться:
Тамъ свадьба весь проходъ загородила.

ГЕСЛЕРЪ.

Я слишкомъ тихъ для этого народа;
Здѣсь рѣчи ихъ границъ еще не знаютъ;
Нѣтъ, все еще не такъ, какъ должно быть.
Но я клянусь, что все пойдетъ иначе:
Да, я смирю ихъ дерзкое упорство
И подавлю надменный духъ свободы.
Законъ издамъ я новый—и введу...
(*Стрѣла пронзаетъ его; онъ схватывается рукою за сердце и, качаясь, продолжаетъ слабымъ голосомъ*).
О, Господи! прости мнѣ...

РУДОЛЬФЪ.

Господинъ
Ландфогтъ! О Боже мой, стрѣла!

АРМГАРТА (*вскакивая*).
Убитъ, убитъ! Стрѣла его пронзила!

РУДОЛЬФЪ (*соскакиваетъ съ лошади*).
Ужасно! Рыцарь, призовите Бога:
Надъ вами смерть!

ГЕСЛЕРЪ.
О, это выстрѣлъ Телля!
(*Унадаетъ съ лошади на руки Рудольфа; онъ опускаетъ его на скамью*).

ТЕЛЛЬ (*появясь на вершинѣ скалы*).
Узналъ стрѣлка! Теперь конецъ неволѣ,
Ограждена невинность отъ тебя:
Вредить странѣ ты болѣе не будешь!
(*Исчезаетъ между скалъ. Сбытается народъ*).

ШТЮССИ (*впереди*).
Что здѣсь у васъ такое приключилось?

АРМГАРТА.
Ландфогтъ убитъ стрѣлою.

НАРОДЪ (*вбѣгая*).
Кто убитъ?
(*Между тѣмъ, какъ передовые изъ свадебной процессіи выходятъ на сцену, остальные остаются на высотѣ—и музыка продолжается*).

РУДОЛЬФЪ.
Онъ кровью изойдетъ. Эй, помогите!
Скорѣй, скорѣй! Преслѣдуйте убійцу!
Несчастный, вотъ какой тебѣ конецъ!
Ахъ, для чего меня ты не послушалъ!

ШТЮССИ.
Ахъ, Господи! онъ точно умираетъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.
Да кто жъ его убилъ?

РУДОЛЬФЪ.
Народъ негодный!
Съ ума сошли вы, что ли? Здѣсь убійство,
А музыка играетъ. Замолчите!
(*Музыка умолкаетъ; сцена наполняется народомъ*).
Ландфогтъ, скажите, если только можно,
Что вамъ угодно приказать?
(*Геслеръ даетъ знакъ рукою и съ сердцемъ повторяетъ его, замѣтивъ, что его не поняли*).
Куда?
Въ Кюснахтъ? Я васъ не понялъ! Ради Бога,
Не гнѣвайтесь. Оставьте все земное!
Подумайте, какъ съ небомъ примириться!
(*Вся свадебная толпа съ безучастнымъ ужасомъ окружаетъ умирающаго*).

ШТЮССИ.
Смотрите, какъ онъ блѣденъ сталъ!
Хладѣетъ онъ, глаза его закрылись.

АРМГАРТА (*поднимая ребенка*).
Дитя, смотри, какъ извергъ умираетъ!

РУДОЛЬФЪ.
Безумная! ужель въ тебѣ нѣтъ чувства,
Что можешь ты еще смотрѣть на это?
Зачѣмъ же мнѣ никто помочь не хочетъ
Стрѣлу изъ груди вынуть роковую?

ЖЕНЩИНЫ (*отступая*).
Спасать того, кого убилъ самъ Богъ!

РУДОЛЬФЪ.
Да поразитъ проклятье васъ!..
(*Хватается за мечъ*).

ШТЮССИ (*взявъ его за руку*).
Потише!
Господство ваше кончилось. Тиранъ
Страны погибъ. Мы больше не потерпимъ
Насилія. Мы всѣ теперь свободны.

ВСѢ (*шумно*).
Свободны мы!

РУДОЛЬФЪ.
Вотъ какъ заговорили!
Покорность ихъ и страхъ ужъ миновались.
(*Вошедшимъ оруженосцамъ*).
Вы видѣли ужасное убійство;
Теперь помочь нельзя; напрасно будемъ
Отыскивать убійцу. Намъ заботы
Другія предстоятъ. Скорѣй въ Кюснахтъ!
Спасти намъ должно замокъ этотъ крѣпкій.
Теперь народъ, въ слѣпомъ остервенѣньи,
Забылъ свой долгъ и чуждъ повиновенья.
Въ то время, какъ онъ удаляется съ оруженосцами, входятъ БРАТЬЯ МИЛОСЕРДІЯ.

АРМГАРТА.
Посторонитесь! братья къ намъ идутъ.

ШТЮССИ.
Будь жертва лишь, а вороны какъ тутъ.

БРАТЬЯ МИЛОСЕРДІЯ
(*становятся вокругъ умершаго и поютъ протяжно*).
Внезапно, быстро часъ кончины
Отъ жизни смертнаго беретъ;
Среди утѣхъ, среди заботъ,
Отсрочки нѣтъ на мигъ единый.
Готовъ иль нѣтъ на судъ предстать,
Но долгъ велитъ отчетъ отдать.
(*При повтореніи послѣднихъ стиховъ занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Площадь около Альторфа.

Въ глубинѣ сцены, направо, стоитъ крѣпость Иго Ури съ мѣсами, какъ въ 3-й сценѣ 1-го дѣйствія; налѣво—тянется цѣпь горъ, на которыхъ горятъ сигнальные огни. Разсвѣтаетъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышенъ колокольный звонъ.

Руоди, Куони, Верни, каменьщикъ *и множество другихъ* поселянъ; женщины *и* дѣти.

РУОДИ.

Вы видите сигналы на горахъ?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Чу! слышите, звонятъ въ колокола?

РУОДИ.

Враговъ прогнали.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Замки взяты всѣ.

РУОДИ.

Чего-же въ Ури здѣсь еще мы ждемъ;
Что-жъ этотъ замокъ мы не разрушаемъ?
Ужель послѣдніе провозгласимъ
Свободу Ури?

КАМЕНЬЩИКЪ.

Оставимъ ли тюрьму въ странѣ свободной?
Долой ее!

ВСѢ.

Долой! долой! долой!

РУОДИ.

Гдѣ нашъ трубачъ?

ТРУБАЧЪ,

Я здѣсь. Что нужно вамъ?

РУОДИ.

Взойди на башню, братъ, и затруби,
Чтобъ далеко въ горахъ разнесся звукъ
Твоей трубы, чтобъ эхо повторило
Его въ ущельяхъ скалъ и созвало
Сюда всѣхъ поселянъ.

(*Трубачъ уходитъ*).

Вальтеръ Фюрстъ *входитъ*.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Постойте, други!
Еще къ намъ вѣсти не пришли изъ Швица
И Унтервальдена. Пождемъ сперва оттуда
Гонцовъ.

РУОДИ.

Чего намъ ждать? Тиранъ убитъ;
Насталъ желанный день освобожденья.

КАМЕНЬЩИКЪ.

Вонъ на горахъ костры горятъ кругомъ,
Какихъ гонцовъ вы ждать еще хотите?

РУОДИ.

Пойдемте всѣ, ломать лѣса идемте!
Обрушимъ своды, стѣны разобьемъ!
Чтобъ камня тамъ на камнѣ не осталось!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Товарищи, мы строили ее,
Такъ знаемъ, какъ ее ломать.

ВСѢ.

Пойдемте!
(*Бросаются со всѣхъ сторонъ къ строенію*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Теперь нельзя ихъ больше удержать.

Мельхталь *и* Баумгартенъ *входятъ*.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ! замокъ цѣлъ еще, тогда какъ Сарненъ
Весь въ пепелъ обращенъ, разрушенъ Росбергъ?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажи, Мельхталь, несешь ли намъ свободу?
Избавлена ль отчизна отъ враговъ?

МЕЛЬХТАЛЬ (*обнимаетъ его*).

Избавлена! порадуйся, отецъ!
Свободны мы: въ Швейцаріи теперь
Ни одного тирана не осталось.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, разскажи, какъ взяли вы твердыни?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Нашъ Руденцъ храбро взялъ упорный Сарненъ,
А въ Росбергъ я предъ тѣмъ пробрался ночью.
Но слушай, что случилось тамъ. Когда,
Очистивъ отъ враговъ, зажгли мы замокъ
И пламя къ небесамъ взвилось столбомъ,
Вдругъ прибѣжалъ Дитгельмъ, ландфогтовъ пажъ,
И закричалъ, что Берта въ немъ сгоритъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, Боже правосудный!

(*Слышенъ трескъ падающихъ лѣсовъ*).

МЕЛЬХТАЛЬ.

Тамъ она
Была сокрыта Геслеромъ въ темницѣ.
Нашъ Руденцъ, какъ ужаленный, вскочилъ,
А въ замкѣ ужъ всѣ своды потолковъ
Обрушились и вопль несчастной къ намъ
Изъ дыма долетѣлъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Спасли ль ее?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Нужна была рѣшимость и проворство.
Когда бъ онъ нашъ владѣтель только былъ,
Мы бъ для него не жертвовали жизнью;
Но онъ былъ нашъ союзникъ; весь народъ
Былъ преданъ Бертѣ—потому за нимъ
Мы бросились въ огонь единодушно.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Спасли ль ее?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Спасли! Баронъ и я,
Мы вынесли изъ пламени ее—
Едва мы вышли, рухнули стропила.
Но вотъ, когда она пришла въ себя
И къ небесамъ свой устремила взоръ,
Баронъ ко мнѣ на грудь упалъ съ восторгомъ.
Такъ нашъ союзъ, пожаромъ закаленный,
Былъ клятвою безмолвной подтвержденъ,
И устоитъ при всѣхъ ударахъ рока.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Гдѣ жъ Ланденбергъ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

За Брюнигомъ теперь.
Не я виной, что тотъ, кѣмъ ослѣпленъ
Отецъ мой былъ, ушелъ безъ наказанья.
Я вслѣдъ за нимъ гнался, достигъ его,
Схватилъ, повергъ къ родительскимъ стопамъ,
Уже надъ нимъ висѣлъ мой острый мечъ;
Но состраданію слѣпого старца
Обязанъ онъ, что вымолилъ пощаду.
Онъ клятву далъ, что къ намъ не возвратится...
И не придетъ: онъ насъ теперь узналъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Хвала тебѣ, что ты побѣды чистой
Не запятналъ убійствомъ.

ДѢТИ (*съ обломками лѣсовъ*).

Мы свободны!

(*Раздаются мощные звуки рога Ури*).

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Смотри какое празднество! Они
И въ старости его не позабудутъ.

(*Дѣвушки несутъ на шестѣ шляпу; вся сцена наполняется народомъ*).

РУОДИ.

Вотъ шляпа, предъ которою мы гнулись!

БАУМГАРТЕНЪ.

Скажите, что намъ дѣлать съ ней теперь?

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Ахъ, Господи! мой внукъ стоялъ подъ нею!

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Прочь этотъ гнусный памятникъ тиранства!
Въ огонь ее!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Нѣтъ, лучше сохранимъ.

Она была орудіемъ тиранства—
Да будетъ же теперь свободы знакомъ!

(*Поселяне—мужчины, женщины и дѣти—стоятъ и сидятъ на бревнахъ разрушенныхъ лѣсовъ, образуя большой живописный полукругъ*).

МЕЛЬХТАЛЬ.

Союзники, какъ радостно теперь
Мы стали на развалинахъ тиранства!
Исполнилось, въ чемъ поклялись мы въ Рютли!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Начало есть, но нѣтъ еще конца.
Теперь намъ должно быть въ союзѣ дружномъ:
Повѣрьте мнѣ, король не будетъ медлить
Отмстить за смерть ландфогта своего
И прогнанныхъ къ намъ снова возвратить.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Пусть онъ сюда съ войсками къ намъ приходитъ!
Коль изнутри врага прогнали мы,
Такъ встрѣтить внѣшняго врага съумѣемъ.

РУОДИ.

Въ горахъ у насъ проходовъ мало: мы
Ихъ заградимъ своими же тѣлами.

БАУМГАРТЕНЪ.

Въ союзѣ вѣчномъ поклялися мы—
И насъ враги не устрашатъ войсками.

РЕССЕЛЬМАНЪ *и* ШТАУФФАХЕРЪ *входятъ*.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Вотъ грозный судъ разгнѣванныхъ небесъ!

ПОСЕЛЯНЕ.

А что случилось тамъ?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Какихъ временъ
Мы дожили!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажите, что случилось?
А, Вернеръ, это вы! Какія вѣсти
Несете намъ?

ПОСЕЛЯНЕ.

Что сдѣлалось такое?

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Узнайте и дивитесь!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Мы теперь
Свободны отъ того, что такъ страшило.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Убитъ нашъ императоръ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

О, Боже!

(*Поселяне окружаютъ Штауффахера*).

ВСѢ.

Убитъ! Какъ? Императоръ? Императоръ?

МЕЛЬХТАЛЬ.

Не можетъ быть! Откуда эти вѣсти?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Все—истинная правда. Король Альбрехтъ
При Брукѣ палъ отъ рукъ убійцъ. Мнѣ вѣсть
О томъ достойный вѣры человѣкъ,
Гансъ Мюллеръ, изъ Шафгаузена привезъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Но кто жъ свершилъ ужасное злодѣйство?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Отъ имени виновника оно
Еще ужаснѣе. Убійцей былъ—
Его племянникъ, герцогъ Іоаннъ.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Какъ онъ рѣшился стать отцеубійцей?

ШТАУФФАХЕРЪ.

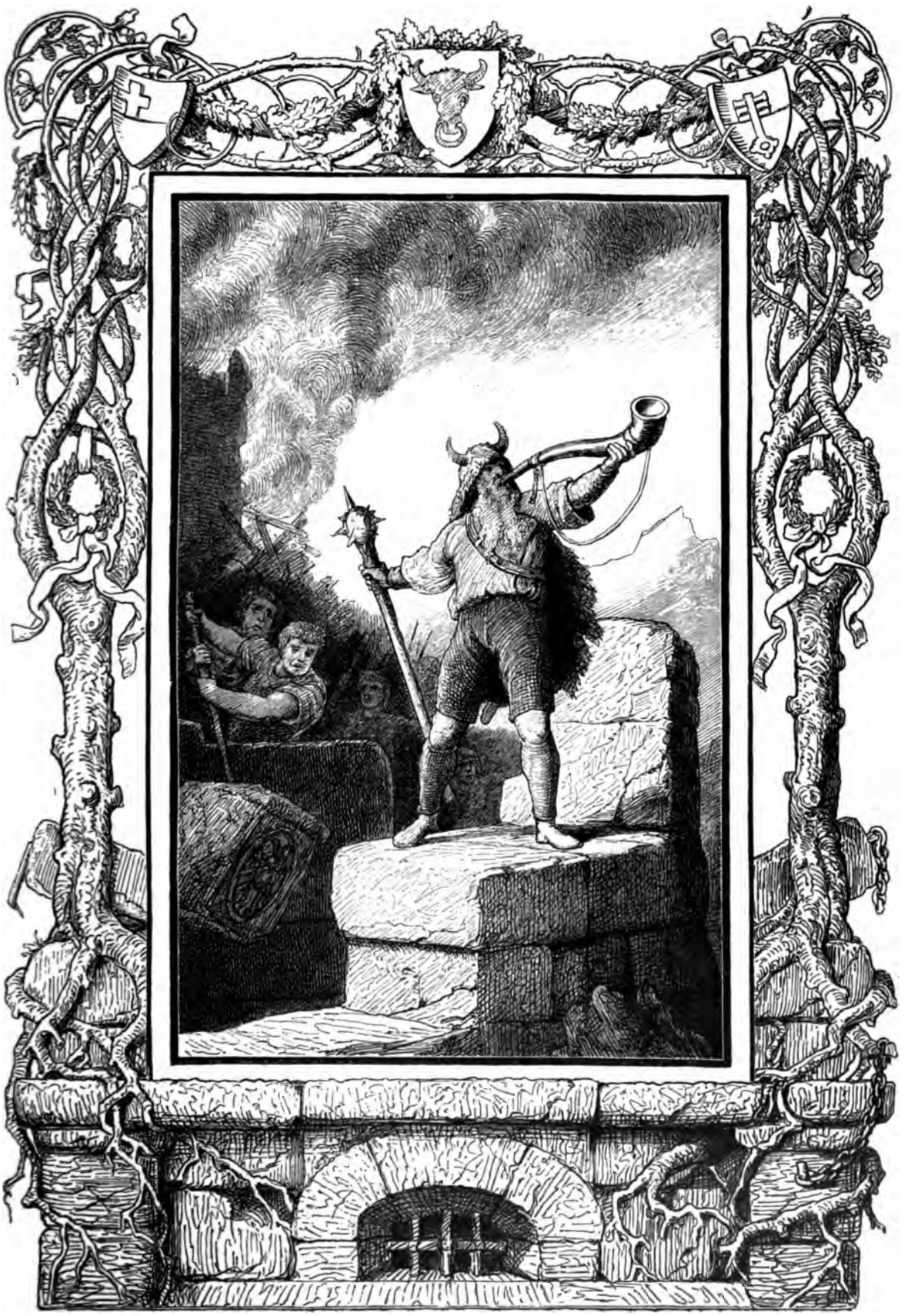
Король его отцовское наслѣдье
Удерживалъ насильно за собой
И, говорятъ, хотѣлъ совсѣмъ отнять,
Надѣвъ клобукъ епископа на принца.
И юноша послѣдовалъ совѣтамъ
Своихъ друзей. Съ нимъ Эшенбахъ, фонъ-Вартъ,
Фонъ-Тегерфельдъ и Пальмъ вошли въ союзъ,
И онъ рѣшился собственной рукою
Отмстить за всѣ обиды королю.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Скажите, какъ свершилось злодѣянье?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Король изъ Штейна ѣхалъ въ Баденъ, внизъ
Къ Рейнфельду; съ нимъ вмѣстѣ были принцы
Іоаннъ и Леопольдъ и свита знатныхъ.
И вотъ, когда доѣхали до Рейсы,
Гдѣ чрезъ рѣку была имъ переправа,
Тогда убійцы въ лодку всѣ взошли



И короля отъ свиты отдѣлили.
Потомъ поѣхалъ онъ обширнымъ полемъ,
Гдѣ нѣкогда, какъ говоритъ преданье,
Языческій былъ городъ, а теперь
Стоитъ высокій древній замокъ Габсбургъ,
Откуда знатный родъ его идетъ.
Тутъ Іоаннъ ударъ кинжаломъ въ горло
Ему нанесъ, а Пальмъ пронзилъ копьемъ,
Фонъ-Эшенбахъ его мечемъ ударилъ
По головѣ и раскроилъ ее.
Король въ крови навзничь упалъ, сраженный
Рукой своихъ и на землѣ своей.
Съ другого берега смотрѣла свита,
Но, раздѣленная рѣкой, могла лишь
Безсильнымъ воплемъ берегъ оглашать.
Старушка тутъ сидѣла у дороги—
И на ея рукахъ король скончался.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Такъ самъ себѣ могилу ископалъ,
Кто, ненасытный, все имѣть желалъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

И ужасомъ объята вся страна:
Заграждены всѣ горные проходы;
Свои границы каждый стережетъ,
И древній Цюрихъ затворилъ ворота,
Которыхъ тридцать лѣтъ не затворялъ,
Боясь убійцъ и мстителей за кровь.
Ужъ грозная Агнеса, королева
Венгерская, идетъ оттуда съ войскомъ.
Забывши нѣжность пола своего,
Она за кровь отца его убійцамъ
Клялась отмстить на всемъ ихъ поколѣньи,
На ихъ рабахъ, на дѣтяхъ и на внукахъ,
На самыхъ даже камняхъ ихъ домовъ.
Она клялась, что цѣлыя семейства
Низвергнетъ въ гробъ родительскій и кровью
Омоется, какъ майскою росой.

МЕЛЬХТАЛЬ.

А знаютъ ли, куда ушли убійцы?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Они, свершивъ убійство, разбѣжались
На пять сторонъ различныхъ, чтобъ вовѣки
Не свидѣться; а герцогъ Іоаннъ,
Какъ думаютъ, скитается въ горахъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Такъ не дало плода имъ преступленье!
Плодовъ отъ мести нѣтъ; она всегда
Ужасна; ей убійство—наслажденье,
А слѣдствіе—отчаянье одно.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Убійцамъ пользы нѣтъ отъ злодѣянья,
А мы сберемъ невинною рукой
Блаженный плодъ съ кроваваго поступка
Избавились мы гибельнаго страха:
Сильнѣйшій врагъ свободы низложенъ,
И говорятъ, что скиптръ въ домъ другой
Изъ габсбургскаго дома перейдетъ:
Имперія желаетъ удержать
Свободный выборъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ *и* МНОГІЕ.

О комъ-же говорятъ?

ШТАУФФАХЕРЪ.

Графъ Люксембургъ намѣченъ большинствомъ.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Вотъ хорошо, что мы остались вѣрны
Имперіи: теперь на справедливость
Разсчитывать мы можемъ.

ШТАУФФАХЕРЪ.

Да, несомнѣнно
Друзей искать властитель новый будетъ
И насъ австрійцамъ въ жертву не отдастъ.

(*Поселяне обнимаются*).

ПЕТЕРМАНЪ *и* ИМПЕРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ПЕТЕРМАНЪ.

Вотъ главари почтенные народа.

РЕССЕЛЬМАНЪ *и* МНОГІЕ.

Что тамъ у васъ?

ПЕТЕРМАНЪ.

Вотъ грамоту принесъ
Имперскій вѣстникъ намъ.

ВСѢ (*обращаясь къ Вальтеру Фюрсту*).

Прочти ее!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*читаетъ*).

„Всѣмъ скромнымъ гражданамъ изъ Ури, Швица
И Унтервальдена симъ королева
Елисавета милости даруетъ".

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Что нужно ей? Мы ей ужъ не подвластны.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*читаетъ*).

„Въ печали безутѣшной и вдовствѣ,
Въ которое повержена кровавой
Кончиною супруга своего,
Она любовь и вѣрность помнитъ ихъ".

МЕЛЬХТАЛЬ.

А въ счастіи не помнила она.

РЕССЕЛЬМАНЪ.

Потише, выслушаемъ все!

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ (*читаетъ*).

„И, обращаясь къ вѣрному народу,
Надѣется, что онъ обрушитъ свой
Правдивый гнѣвъ на дерзостныхъ убійцъ,
Что онъ не дастъ убѣжища злодѣямъ,
Но будетъ самъ усердно помогать
Ихъ отыскать и выдать правосудью,
Любовь къ нему и милость вспоминая
Рудольфова увѣнчаннаго дома".
(*Ропотъ неудовольствія между поселянами*).

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Любовь и милость!

ШТАУФФАХЕРЪ.

Милости намъ были
Дарованы отцомъ его достойнымъ;
Отъ сына же намъ нечѣмъ похвалиться.
Да, подтвердилъ ли наши льготы онъ,
Какъ до него всѣ прежніе монархи?
Творилъ ли онъ надъ нами судъ правдивый?
Давалъ ли онъ защиту угнетеннымъ?
И выслушалъ-ли нашихъ онъ пословъ,
Которыхъ мы отправили къ нему?
Нѣтъ, ничего для насъ не сдѣлалъ онъ,
И если бъ мы отважною рукою
Не защитили правъ своихъ, то онъ бы
Намъ не помогъ. Ему ли благодарность?
Не благодарность онъ посѣялъ здѣсь.
Онъ быть бы могъ отцомъ своихъ народовъ:
Но онъ любилъ лишь близкимъ помогать;
Такъ имъ объ немъ и слезы должно лить.

ВАЛЬТЕРЪ ФЮРСТЪ.

Не веселимся мы его паденьемъ,
И не хотимъ теперь припоминать
Его обидъ; но мстить за смерть того,
Кто никогда не дѣлалъ намъ добра,
И гнать людей, намъ вовсе не вредившихъ—
Нѣтъ, это намъ нейдетъ и не годится.
Любовь должна быть жертвою свободной!
Кончиной всѣ долги разрѣшены:
Ему теперь ничѣмъ мы не должны.

МЕЛЬХТАЛЬ.

Пусть во дворцѣ рыдаетъ королева
И шлетъ свои стенанья къ небесамъ—
Ты видишь здѣсь народъ освобожденный
Отъ бремени. Онъ къ тѣмъ же небесамъ
Воздѣлъ сердца съ мольбой благодаренья.
Тотъ сѣй любовь, кто хочетъ сожалѣнья!
(*Вѣстникъ уходитъ*).

ШТАУФФАХЕРЪ (*народу*).

Но гдѣ же Телль? Зачѣмъ же нѣтъ его
Межъ нами? Свободу онъ намъ далъ;
Онъ больше всѣхъ свершилъ и претерпѣлъ.
Пойдемъ къ нему, друзья! снесемъ привѣтъ
Тому, кто насъ освободилъ отъ бѣдъ!
(*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Жилище Телля.

На очагѣ горитъ огонь. Сквозь отворенныя двери видна даль.

ГЕДВИГА, ВАЛЬТЕРЪ *и* ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

ГЕДВИГА.

Сегодня къ намъ придетъ отецъ. Ахъ, дѣти!
Онъ живъ, свободенъ, и мы всѣ свободны—
И вашъ отецъ свою отчизну спасъ!

ВАЛЬТЕРЪ.

Но вѣдь и я при этомъ былъ: меня
Не позабудь, Отцовская стрѣла
По головѣ моей скользнула близко—
И я не вздрогнулъ.

ГЕДВИГА (*обнимаетъ его*).

Да, ты мой опять!
Тебя на свѣтъ я дважды родила
И дважды я страданья претерпѣла?
Все кончено!—теперь мои вы оба,
И нынѣ къ вамъ придетъ отецъ любимый!

МОНАХЪ *показывается въ дверяхъ.*

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Ахъ, матушка, смотри—пришелъ монахъ:
Не будетъ ли просить онъ подаянья?

ГЕДВИГА.

Введи его и накорми: пусть видитъ,
Что онъ въ жилище радости пришелъ.
(*Уходитъ въ хижину и вскорѣ возвращается съ кружкою*).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (*монаху*).

Войди сюда, честной отецъ! напейся.

ВАЛЬТЕРЪ.

Войди, войди—и отдохни съ дороги.

МОНАХЪ (*робко озирается*).

Гдѣ я, скажите, гдѣ? въ какой землѣ?

ВАЛЬТЕРЪ.

Ты заблудился, коль того не знаешь.
Ты въ Бюргленѣ, въ кантонѣ Ури. Здѣсь
Лежитъ дорога къ Шехенской долинѣ.

МОНАХЪ (*воротившейся Гедвигѣ*).

Однѣ ли вы? А дома ли вашъ мужъ?

ГЕДВИГА.

Я скоро жду его. Отецъ, что съ вами?
Вашъ видъ меня невольно устрашаетъ.
Но—нужды нѣтъ—напейтесь: вы устали.
(*Подаетъ ему кружку*).

МОНАХЪ.

Какъ ни томится жаждой грудь моя,
Но ни къ чему не прикоснуся я,
Пока не обѣщаете вы сами...

ГЕДВИГА.

Останьтесь тамъ, не подходите близко,
Коль слушать васъ должна я.

МОНАХЪ.

Симъ огнемъ,
Который здѣсь горитъ гостепріимно,
И жизнію дѣтей вамъ дорогихъ,
Молю я васъ...
(*Хочетъ обнять дѣтей*).

ГЕДВИГА.

Что нужно вамъ? Оставьте
Моихъ дѣтей. Вы не монахъ! Я вижу!
Смиренья знакъ всегда одежда эта,
Но не смиренье на лицѣ у васъ.

МОНАХЪ.

О, Боже! я несчастнѣйшій изъ смертныхъ!

ГЕДВИГА.

Несчастья видъ внушаетъ состраданье;
Но вашъ—меня приводитъ въ содроганье.

ВАЛЬТЕРЪ (*вскакиваетъ*).

Ахъ, матушка, отецъ!
(*Убѣгаетъ*).

ГЕДВИГА.

О, Боже мой!
(*Хочетъ итти, дрожитъ и останавливается*).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (*убѣгая*).

Родитель!

ВАЛЬТЕРЪ (*за сценою*).

Ты снова съ нами!

ВИЛЬГЕЛЬМЪ (*за сценою*).

Папа, милый папа!

ТЕЛЛЬ (*за сценою*).

Да, я пришелъ. Но гдѣ же ваша мать?
(*Входитъ*).

ВАЛЬТЕРЪ.

Вонъ, у дверей—сойти не можетъ съ мѣста:
Она дрожитъ отъ радости и страха.

ТЕЛЛЬ.

Гедвига, мать моихъ дѣтей! намъ Богъ
Помогъ—тиранъ насъ больше не разлучитъ.

ГЕДВИГА (*бросается къ нему на грудь*).

О, Телль, какъ за тебя я трепетала!
(*Монахъ прислушивается*).

ТЕЛЛЬ.

Забудь печаль, для радости живи!
Я снова здѣсь, въ семьѣ своей любимой,
Подъ мирнымъ кровомъ хижины родной.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Родитель, гдѣ же лукъ ты свой оставилъ?
Его не вижу я.

ТЕЛЛЬ.

И не увидишь.
Я положилъ его въ святое мѣсто:
Не будетъ ужъ служить онъ на охотѣ.

ГЕДВИГА.

О, Телль мой! Телль!
(*Оставляетъ его руку и отступаетъ*).

ТЕЛЛЬ.

Чего жъ ты испугалась?

ГЕДВИГА.

Скажи, какимъ ты возвратился? Боже!
Могу ли руку сжать твою? Ту руку...

ТЕЛЛЬ (*твердо и съ достоинствомъ*).

Она страну спасла и защитила!
Ее могу поднять я къ небесамъ.
(*Монахъ дѣлаетъ порывистое движеніе. Телль замѣчаетъ его*).
Кто этотъ братъ?

ГЕДВИГА.

Ахъ, я объ немъ забыла!
Ты съ нимъ поговори: мнѣ страшенъ онъ.

МОНАХЪ (*приближается*).

Ты Телль, убившій Геслера, не такъ ли?

ТЕЛЛЬ.

Я Телль—и ни предъ кѣмъ того не скрою.

МОНАХЪ.

Ты Телль! Такъ значитъ, Вышняго десницa
Меня къ тебѣ въ жилище привела!

ТЕЛЛЬ (*всматривается въ него*).

Ты не монахъ! Но кто жъ ты?

МОНАХЪ.

Телль! тобою
Сраженъ ландфогтъ, гонитель твой; я также
Убилъ врага, который гналъ меня.
Онъ былъ твоимъ, какъ и моимъ врагомъ.
Я отъ него страну теперь избавилъ.

ТЕЛЛЬ (*отступая*).

Такъ это ты? Ужасно! Дѣти, дѣти,
Прочь, прочь скорѣй! Жена, уйди и ты!
Несчастный!

ГЕДВИГА.

Боже! кто же онъ?

ТЕЛЛЬ.

Молчи,
Не спрашивай! Чтобъ дѣти не слыхали.
Уйди скорѣй отсюда, дальше, дальше;
Ты подъ одной съ нимъ кровлей быть не можешь.

ГЕДВИГА.

Великій Боже! О, уйдемте, дѣти!

(*Уходитъ съ дѣтьми*).

ТЕЛЛЬ (*монаху*).

Ты герцогъ Іоаннъ. Тобой убитъ
Законный императоръ твой и дядя!

ІОАННЪ ПАРРИЦИДА.

Онъ хищникъ былъ наслѣдства моего.

ТЕЛЛЬ.

Тобой убитъ твой дядя и властитель!
И подъ тобой тверда еще земля?
И солнца лучъ убійцу освѣщаетъ?

ПАРРИЦИДА.

Телль, выслушай!

ТЕЛЛЬ.

Ты, обагренный кровью
Отцеубійства и цареубійства,
Осмѣлился войти въ мой честный домъ?
Посмѣлъ предстать передъ лицо невинныхъ
И о гостепріимствѣ умолять?

ПАРРИЦИДА.

Здѣсь думалъ я участіе найти:
И ты, какъ я, врагу отмстилъ.

ТЕЛЛЬ.

Несчастный!
Кровавое исканіе короны
Ты смѣлъ сравнить съ отцовскимъ чувствомъ!
Спасалъ ли ты главу дѣтей любимыхъ?
Святыню дома охранялъ ли ты?
Избавилъ ли семейство отъ гоненья?
Рука моя чиста: я безъ боязни
Ее подъемлю къ небу. Проклинаю
Тебя и твой проступокъ. Я отмстилъ
Священныя права природы—ты же
Ихъ посрамилъ. Мнѣ ничего съ тобой
Нельзя дѣлить: убійца—ты одинъ;
Я защищалъ, что мнѣ всего дороже.

ПАРРИЦИДА.

Тобой отвергнутъ я безъ утѣшенья,
Съ проклятіемъ, съ отчаяньемъ въ душѣ!

ТЕЛЛЬ.

Твой голосъ мнѣ ужасенъ. Прочь отсюда!
Иди своею страшною стезей!
Не оскверняй обители невинныхъ!

ПАРРИЦИДА (*хочетъ удалиться*).

Такъ мнѣ нельзя, не должно больше жить!

ТЕЛЛЬ.

Но все мнѣ жаль тебя. Творецъ небесный!
Такъ молодъ онъ, такъ родомъ знаменитъ,
Внукъ Рудольфа, монарха моего—
Теперь убійца, изгнанный, печально
Здѣсь у порога бѣдняка стоитъ!

(*Закрываетъ лицо*).

ПАРРИЦИДА.

О, если можешь плакать, тронься, тронься
Моей судьбой!—она ужасна, Телль!
Я князь—имъ былъ и могъ бы счастливъ быть,
Когда бъ умѣлъ смирять свои желанья.
Но зависть грызла сердце мнѣ. Я видѣлъ,
Какъ счастливая юность Леопольда,
Увѣнчанная почестьми, цвѣла,
А я, его ровесникъ, все считался
Несовершеннолѣтнимъ...

ТЕЛЛЬ.

Да, видимо,

Твой дядя зналъ тебя, что не хотѣлъ
Отдать тебѣ владѣнья и вассаловъ!
Ты самъ теперь, своимъ ужаснымъ дѣломъ,
Его поступокъ мудрый оправдалъ.
А гдѣ твои сообщники убійства?

ПАРРИЦИДА.

Куда ихъ всѣхъ загнали духи мести—
Не знаю. Я съ тѣхъ поръ ихъ не видалъ.

ТЕЛЛЬ.

Но знаешь ли, что внѣ законовъ ты,
Что другъ тебя не защититъ, а врагъ
Съ тобою можетъ дѣлать все, что хочетъ?

ПАРРИЦИДА.

Затѣмъ большихъ дорогъ я избѣгаю;
Не смѣя постучаться у дверей,
Свои шаги въ пустыни направляю;
Брожу въ горахъ страшилищемъ людей,
И съ трепетомъ отскакивая прочь,
Когда въ ручьѣ лицо свое увижу.
О, если ты доступенъ состраданью...
(*Упадаетъ передъ нимъ на колѣни*).

ТЕЛЛЬ (*отвернувшись*).

Встань, встань, несчастный!

ПАРРИЦИДА.

Нѣтъ, не встану я,
Пока ты мнѣ не обѣщаешь помощь.

ТЕЛЛЬ.

Могу ль тебѣ помочь я, слабый смертный?
Но встань; какъ ни ужасенъ твой проступокъ,
Ты человѣкъ, я также. Отъ меня
Не отходилъ никто безъ утѣшенья.
Что я могу, то сдѣлаю.

ПАРРИЦИДА

(*вскакиваетъ и съ живостью хватаетъ его руку*).

О, Телль,
Меня ты отъ отчаянья спасаешь.

ТЕЛЛЬ.

Оставь меня! Ты долженъ удалиться.
У насъ тебѣ надежнаго пріюта
Не сыщется, ты здѣсь не безопасенъ
Отъ поисковъ. Гдѣ думаешь найти
Себѣ покой?

ПАРРИЦИДА.

Ахъ, я и самъ не знаю!

ТЕЛЛЬ.

Послушай, что внушилъ мнѣ Богъ: ступай
Въ Италію въ священный градъ Петра,
Предъ папою пади и покаяньемъ
Очисти душу грѣшную свою.

ПАРРИЦИДА.

Не выдастъ ли онъ мстителямъ меня?

ТЕЛЛЬ.

Чтобъ ни было, Всевышнему довѣрься.

ПАРРИЦИДА.

Но какъ пройду въ безвѣстную страну?
Я не знакомъ съ дорогой и не смѣю
Къ кому нибудь изъ странниковъ пристать.

ТЕЛЛЬ.

Пройти туда я научу; запомни:
Ступай все вверхъ, все противъ быстрой Рейсы,
Что съ горъ катитъ сердитыя струи.

ПАРРИЦИДА (*вздрогнувъ*).

Ахъ, эта Рейса видѣла убійство!

ТЕЛЛЬ.

По краю бездны тамъ идетъ дорога;
По ней стоятъ кресты на память тѣхъ,
Которые погибли подъ снѣгами.

ПАРРИЦИДА.

Не страшны мнѣ всѣ ужасы природы,
Когда борюсь я съ муками души!

ТЕЛЛЬ.

Съ горячими раскаянья слезами
Предъ каждымъ изъ крестовъ ты упадай,
И если той ужасною дорогой
Пройдешь благополучно, если горы
Своихъ снѣговъ не сбросятъ на тебя,
То ты придешь къ мосту, одѣтъ всегда,
Онъ пылью водяной, и если мостъ
Подъ страшнымъ бременемъ вины твоей не рухнетъ,
И ты его оставишь за собой,
Тогда въ скалѣ увидишь мрачный ходъ.
Гдѣ свѣта дня отъ вѣка не бывало.
Ступай по немъ: тебя онъ приведетъ
Въ веселую, цвѣтущую долину;
Но ты спѣши все далѣ: ты не долженъ
Тамъ оставаться, гдѣ живетъ покой.

ПАРРИЦИДА.

Рудольфъ, Рудольфъ, державный предскъ мой!
Такъ я, твой внукъ, въ землѣ твоей скитаюсь!

ТЕЛЛЬ.

Такъ, восходя, дойдешь ты до вершинъ
Готтарда, гдѣ озера вѣковыя
Наполнены потоками небесъ.
Тамъ ты простись съ нѣмецкою землей;
Рѣка другая путь тебѣ покажетъ
Въ Италію, въ твой край обѣтованный.
(*Слышны звуки альпійскихъ рожковъ*).
Но удались—я слышу голоса.

ГЕДВИГА (*вбыая*).

Ахъ Телль, гдѣ-жъ ты? Отецъ идетъ сюда
И съ нимъ союзники толпой.

ПАРРИЦИДА (*закрываетъ лицо*).

О, горе!
Я не могу остаться у счастливыхъ!

ТЕЛЛЬ.

Жена, ступай и накорми его;

Снабди его запасомъ на дорогу;
Его далекъ и труденъ путь—нигдѣ
Онъ не найдетъ пристанища себѣ.
Спѣши! Идутъ.

ГЕДВИГА.

Кто онъ?

ТЕЛЛЬ.

Не узнавай!
Когда жъ пойдетъ, ты отвратися взоромъ,
Чтобъ не видать, какой онъ путь избралъ.

(*Парриципда, тронутый, быстро подходитъ къ Теллю, но тотъ даетъ ему знакъ рукою и удаляется*).

Когда они оба уходятъ въ разныя стороны, декорація перемѣняется и

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ

представляетъ долину передъ домомъ Телля, на которой толпятся поселяне. Нѣкоторые изъ нихъ сходятъ по горной тропинкѣ, ведущей черезъ Шехенъ. Вальтеръ Фюрстъ съ обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахеръ идутъ впереди, другіе за ними. Когда выходитъ Телль, всѣ встрѣчаютъ его громкими восклицаніями.

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ Телль, нашъ избавитель!

(*Между тѣмъ какъ передовые толпятся вокругъ Телля и обнимаютъ его, приходятъ Руденцъ и Берта. Онъ привѣтствуетъ поселянъ, она обнимаетъ Гедвигу. Музыка играетъ на горахъ. Когда она умолкаетъ, Берта входитъ въ толпу).*

БЕРТА.

Союзники, друзья! прошу, примите
Меня въ свой кругъ! Я первая нашла
Себѣ защиту здѣсь, въ странѣ свободы.
Ввѣряю вамъ права свои. Хотите ль
Считать меня гражданкою своей?

ПОСЕЛЯНЕ.

Хотимъ—и защищать тебя готовы
Своею кровію!

БЕРТА.

Благодарю!

(*Указывая на Руденца*).

Ему свою я руку отдаю—
Свободному свободная швейцарка!

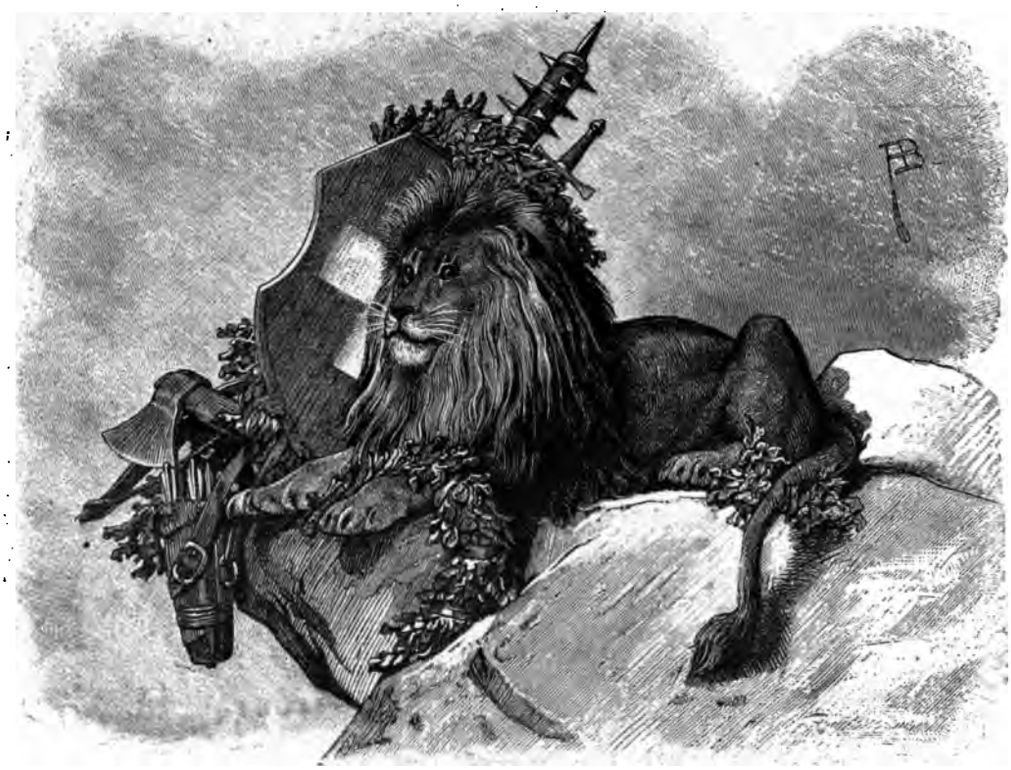
РУДЕНЦЪ.

Я-жъ крѣпостнымъ моимъ даю свободу!

(*Музыка снова играетъ. Занавѣсъ опускается*).

Θ. Миллеръ *).

*) Около 300 (не точно переведенныхъ) стиховъ внесено редакціею изъ перевода *А. А. Крылова*.



Почтительнѣйше посвящено Ея Императорскому Высочеству МАРІИ ПАВЛОВНѢ,

наслѣдной принцессѣ Веймарской, Великой Княгинѣ Россійской.

Представлено на королевскомъ театрѣ въ Веймарѣ, 12-го ноября 1804 г.

Дѣйствующія лица.

Отецъ.
Мать.
Юноша.
Дѣвушка.
Хоръ поселянъ.
Геній.

Сѣмь искусствъ.

Сцена представляетъ сельскую открытую мѣстность.

(*По срединѣ поселяне сажаютъ померанцовое дерево, покрытое плодами и убранное лентами. Дѣти и дѣвушки поддерживаютъ его съ двухъ сторонъ гирляндами цвѣтовъ*).

ОТЕЦЪ.

Деревцо страны иной,
Пересаженное нами,
Выростай, примись корнями
Въ этой почвѣ намъ родной.
Увѣнчай трудовъ усилья:
Да увидимъ въ изобильѣ
Бремя сладкое плодовъ
Въ вѣчной зелени листовъ.

ВСѢ ПОСЕЛЯНЕ.

Да цвѣтетъ твоя краса,
Поднимайся въ небеса!

ЮНОША.

Вслѣдъ за цвѣтомъ благовоннымъ,
Надъ листомъ твоимъ зеленымъ
Плодъ созрѣетъ золотой.
Передъ времени теченьемъ,
Подъ грозой—незыблемъ стой.

ВСѢ.

Передъ времени теченьемъ,
Подъ грозой—незыблемъ стой.

МАТЬ.

О, прими съ благословеньемъ
Чужеземца, мать—земля!
Будь и ты ему хранитель,
Стадъ пятнистыхъ покровитель,
Утучняющій поля!

ДѢВУШКА.

Пребывайте съ нимъ Дріады,
Будь ему охраной, Панъ!
Властью вашей, Ореады,
Обуздайте ураганъ.

ВСѢ.

Будь ему охраной, Панъ,
Пребывайте съ нимъ, Дріады.

ЮНОША.

Пусть тебѣ, не зная бурь,
Улыбается лазурь
Вѣковѣчною красою!
Солнце, шли ему лучи,
Ты, земля, пои росою.

ВСѢ.

Солнце, шли ему лучи,
Ты, земля, пои росою.

ОТЕЦЪ.

Для усталыхъ облегчи
Путь тяжелый, къ жизни новой
Подкрѣпи въ борьбѣ суровой.

Радостью насаждено,
Радуй внуковъ неизмѣнно,
Будь отъ нихъ благословенно,
И да будетъ суждено
Имъ плодовъ отвѣдать сладость.
Радостью насаждено,
Даруй всѣмъ и жизнь и радость!

(*Они составляютъ хороводъ и пляшутъ подъ звуки оркестра, переходящіе мало по малу въ нѣжную мелодію, между тѣмъ какъ въ глубинѣ сцены появляется геній искусствъ въ сопровожденіи семи богинь. Поселяне становятся по обѣимъ сторонамъ. Геній искусства выступаетъ на средину; три пластическихъ искусства становятся по правую его руку, четыре другихъ по лѣвую*).

ХОРЪ ИСКУССТВЪ.

Въ скитаніяхъ вѣчныхъ
Изъ года и въ годъ,
Спѣшимъ отъ народа
Къ народу—впередъ.
Пріюта мы ищемъ себѣ постоянно,
Гдѣ мы неустанно,
Въ тиши благотворной
Трудясь плодотворно,
Могли бъ созидать.
Но гдѣ же пріютъ намъ подобный сыскать?

ЮНОША.

Свѣтлый сонмъ богоподобныхъ
Приближается сюда.
Я въ смятеньи! Никогда
Я не видѣлъ имъ подобныхъ.

ГЕНІЙ.

Гдѣ слышно оружья бряцанье,
Гдѣ злобой и гнѣвомъ объяты сердца,
И люди блуждаютъ во тьмѣ безъ конца—
Мы наше не длимъ пребыванье.

ХОРЪ ИСКУССТВЪ.

Клянемъ лицемѣрныхъ,
Боговъ поносящихъ;
Мы ищемъ лишь вѣрныхъ,
За правду стоящихъ.
Гдѣ искренни чувства
И простъ человѣкъ—
Тамъ рады искусства
Остаться навѣкъ.

ДѢВУШКА.

Смятенье меня охватило,
Душа взволновалась моя;
Меня привлекаетъ къ нимъ тайная сила
И кажется все въ нихъ знакомо и мило,
Хотя никогда ихъ не видѣла я.

ВСѢ.

Смятенье меня охватило,
Душа взволновалась моя.

ГЕНІЙ.

Вижу я толпу людей
Съ просвѣтленными чертами,
Украшающихъ цвѣтами
Зелень темную вѣтвей.
Объясните. Что такое
Происходитъ здѣсь окрестъ?

ОТЕЦЪ.

Пастухи мы здѣшнихъ мѣстъ,
Празднество у насъ большое.

ГЕНІЙ.

Празднество? А въ честь кого?

МАТЬ.

Королевѣ празднество,
Встрѣчу мы приготовляемъ.
Не гнушаясь мирнымъ краемъ,
Величава и свѣтла,
Въ этотъ домъ, гдѣ все убого—
Наша гостья снизошла
Къ намъ изъ царскаго чертога.

ЮНОША.

Словно солнышко свѣтла.

ГЕНІЙ.

Въ землю дерево сажая,
Что хотѣли сдѣлать вы?

ЮНОША.

Здѣсь пока она чужая,
И къ отечеству, увы!
Рвется сердцемъ. Мы желаемъ,
Чтобъ съ родимымъ нашимъ краемъ
Породнилася она.

ГЕНІЙ.

Такъ же, какъ пускаетъ корни
Деревцо въ зеленомъ дернѣ—
Къ новой родинѣ должна
Прирости она душою
И не быть въ странѣ чужою?

ДѢВУШКА.

Все ее въ родимый край,

Все влечетъ неодолимо!
Тамъ она въ семьѣ любимой
Дѣтскихъ лѣтъ узнала рай,
Нѣжной матери объятья,
Ласку милую сестры,
Ей охраной были братья
Тамъ съ младенческой поры.
Что же ей дадимъ въ замѣну?
Назначать возможно ль цѣну
За подобные дары?

ГЕНІЙ.

Есть ли гдѣ любви предѣлъ,
Побѣдившей разстоянье?
И огонь не оскудѣлъ,
Если онъ даетъ питанье
Возникающимъ огнямъ.
Что у ней осталось тамъ
Дорогого—внѣ утраты.
Знала тамъ она любовь,
Здѣсь ее же встрѣтитъ вновь.

МАТЬ.

Послѣ мраморной палаты
Край нашъ бѣдный и простой,
Гдѣ лучъ солнца золотой
Въ синевѣ горитъ глубокой,
Гостьѣ можетъ ли высокой
Полюбиться?

ГЕНІЙ.

Вамъ читать
Въ сердцѣ свѣтломъ и прекрасномъ—
Не далася благодать.
Духъ возвышенный не проситъ
Самъ отъ жизни ничего,
Все святое для него
Въ эту жизнь съ собой онъ вноситъ.

ЮНОША.

О, молви намъ, какой сердечной связью
Избранницу къ себѣ мы привлечемъ
И радостно подъ эту сѣнь введемъ,
Чело ея изъ розъ украсивъ вязью?

ГЕНІЙ.

Высокій духъ не вѣдаетъ изгнанья
И цѣлый міръ въ себѣ вмѣщаетъ онъ,
Въ тиши творитъ великія дѣянья
И силой ихъ онъ къ жизни прикрѣпленъ,
Какъ дерево—могучими корнями
Проникшее глубоко внутрь земли.
Любовь склонна опутать насъ сѣтями,
Тамъ родина. гдѣ счастье мы нашли.

ЮНОША.

О, дивный гость, котораго не знаю,
Чѣмъ привязать ее къ родному краю—
Повѣдай намъ.

ГЕНІЙ.

Оно ужъ найдено—
Желанное чудесное звено,
Не все для ней чужое въ краѣ этомъ:
Меня она со свитою моей
Признать должна—какъ только передъ ней,
Назвать себя, мы явимся съ привѣтомъ.

(*Геній вмѣстѣ съ богинями выходитъ на авансцену и всѣ они образуютъ полукругъ. Богини показываютъ свои аттрибуты, которые до сихъ поръ были скрыты подъ складками одеждъ*).

ГЕНІЙ.

Я—творчества возвышеннаго геній
И для искусствъ—источникъ вдохновеній.
Мы всѣмъ людскимъ твореніямъ—вѣнецъ.
Мы украшаемъ храмы и дворецъ.
Твой царскій родъ былъ другомъ намъ всегдашнимъ;
Царица—мать державною рукой
Старается сама огонь святой
Поддерживать на алтарѣ домашнемъ.
Она туда послала насъ, гдѣ—ты.
Безъ насъ ни въ чемъ нѣтъ счастья полноты.

АРХИТЕКТУРА (*съ зубчатою короною на головѣ и золотымъ кораблемъ въ рукѣ*).

Я на Невѣ являюся царицей.
Великимъ предкомъ призвана твоимъ,
Я для него воздвигла новый Римъ
И сѣверною сдѣлала столицей.
По мановенью дивнаго жезла,
Вознесся онъ—величественно пышенъ.
И гдѣ въ быломъ лишь разстилалась мгла—
Тамъ жизнь кипитъ и шумъ веселый слышенъ,
И гордый флотъ, качаясь на волнахъ,
Тревожитъ міръ въ подводныхъ глубинахъ.

СКУЛЬПТУРА (*съ Побѣдою въ рукахъ*).

И мнѣ порой дарила ты вниманье.
Я—строгое искусство тѣхъ вѣковъ,
Когда иныхъ знавали мы боговъ.
Воздвигла я героя изваянье,
Подножіе которому—скала.
Еще другой я образъ создала,
Онъ предъ тобой—Побѣды образъ славный,
Которую съумѣлъ твой братъ державный

Навѣкъ къ своимъ дружинамъ приковать.
Царь Александръ умѣетъ побѣждать,
Побѣда въ бой ведетъ его дружины.
Безжизненно все то, что мной изъ глины
Сотворено, а онъ въ землѣ своей
Успѣлъ народъ создать изъ дикарей.

ЖИВОПИСЬ.

И я тебѣ, о дивная! извѣстна:
Съ невѣдомою силою дано
Мнѣ въ краскахъ жизнь возсоздавать чудесно,
Перенося ее на полотно.
При помощи волшебнаго искусства,
Могу я взоръ обманывать и чувства,
А черезъ нихъ—въ обманъ и сердце ввесть.
Любимаго лица изображенье
Даруетъ намъ въ разлукѣ утѣшенье:
Ее со мною легче перенесть.

ПОЭЗІЯ.

Узъ никакихъ, предѣла никакого
Нѣтъ для меня. Парю свободно я!
Орудіе мое—живое слово
И царство мысли—родина моя.
Все, чѣмъ живутъ земля и неба своды,
Всѣ таинства великія природы—
Открыты мнѣ. Все вѣдаетъ поэтъ,
И творчеству его границы нѣтъ.
Но лучшее, что знала я доселѣ—
Прекрасный духъ, живущій въ чудномъ тѣлѣ.

МУЗЫКА.

Гармонія божественная властью
Звучащая въ напѣвѣ нѣжномъ струнъ—
Близка тебѣ. Мучительно и страстно
Томится ли порой душа—вѣщунъ—
Излить тоску возможно только въ звукахъ
Когда они собой чаруютъ слухъ—
Изнемогаетъ сердце въ сладкихъ мукахъ,
Взволнованный, на волю рвется духъ,
И повышая звуки постепенно,
Могу вознесть я къ высшей красотѣ.

ПЛЯСКА (*съ тимпаномъ*).

Все дивное, все то, что совершенно—
Стоитъ въ тиши, на гордой высотѣ,
Но въ жизни есть забавы и услады;
Мы въ юности повеселиться рады
И слѣдуетъ отдать веселью дань,
Лишь красоты не преступая грань,
Итакъ веду съ собой безъ опасенья
Веселій рой. При помощи жезла,
Въ ладъ музыкѣ равняю я движенья,
И легкостью зефирова крыла
Я одаряю грузныя тѣла;
Подвластны всѣ моимъ безпечнымъ чарамъ
И граціи я обладаю даромъ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (*съ двойной маскою*).

Я предстою здѣсь Янусомъ двуликимъ,
Смѣюся я и плачу заодно;
Такъ смѣшивать и въ жизни суждено
Съ печалью—смѣхъ, забавное—съ великимъ.
И этой жизни ширь и глубину
Передъ тобой я смѣло разверну,
И ознакомясь съ драмой міровою,
Ты справишься съ душевною борьбою:
Чей ясный взоръ объемлетъ все кругомъ—
Тотъ побѣдилъ разладъ въ себѣ самомъ.

ГЕНІЙ.

Нашъ свѣтлый сонмъ божественныхъ искусствъ
Готовъ служить усладою для чувствъ.
Повелѣвай: по твоему приказу,
Какъ стѣны Ѳивъ при звукахъ вѣщихъ лиръ,
Бездушный камень оживится сразу
И красоты тебѣ предстанетъ міръ.

АРХИТЕКТУРА.

Украшу входъ я колоннадой гордой.

СКУЛЬПТУРА.

Подъ молотомъ смягчится мраморъ твердый.

МУЗЫКА.

Тебя плѣнитъ гармоніи волна.

ПЛЯСКА.

Веселые ряды сомкнутся въ пляскѣ.

ЖИВОПИСЬ.

На полотнѣ повѣютъ жизнью краски.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.

И будетъ сценой жизнь отражена.

ПОЭЗІЯ.

Фантазія на крыльяхъ пѣснопѣній
Тебя умчитъ въ обитель вдохновеній.

ЖИВОПИСЬ.

Какъ семицвѣтной радуги сіянье
Рождается отъ солнечныхъ лучей—
Такъ семь искусствъ въ божественномъ сіяньѣ

Усладою для сердца и очей
Являются въ твоей второй отчизнѣ.
И украшая путь суровой жизни,
Его узоромъ радужнымъ заткутъ.

ВСѢ ИСКУССТВА (*обнимаясь*).

Вся жизнь—лишь силъ соединенныхъ трудъ.

О. Чюмина.

ТУРАНДОТЪ
ПРИНЦЕССА
Китайская.
Сказочная трагикомедія.
(Сюжетъ заимствованъ
у Гоцци).

Турандотъ, принцесса Китайская.

Шиллеръ переселился въ Веймаръ 3-го декабря 1799-го года, и тамъ вмѣстѣ съ Гете занялся организаціей театра. Небольшая сравнительно веймарская сцена представляла большой интересъ для обоихъ поэтовъ; они пользовались ею для различныхъ экспериментовъ, для выясненія разныхъ вопросовъ и теорій въ области драматическаго искусства. На основаніи тогдашняго близкаго общенія со сценой написаны были „Regeln für Schauspieler“ Гете (1803 г.). Шиллеръ и Гете прежде всего хотѣли создать обширный и разнообразный репертуаръ для веймарскаго театра. Шиллеръ написалъ съ этой цѣлью „Марію Стюартъ“, имѣвшую огромный успѣхъ, и позже „Орлеанскую Дѣву“. Но кромѣ того, онъ усердно занимался всякаго рода переводами, передѣлками и приспособленіями къ сценѣ драматическихъ поэмъ лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Ко времени его веймарскаго пребыванія относится сценическая обработка гетевскаго „Эгмонта“ и лессинговскаго „Натана Мудраго“. Кромѣ того онъ переводилъ съ французскаго. Герцогъ Карлъ Августъ былъ большой поклонникъ французской классической трагедіи, и въ угоду ему Гете перевелъ и поставилъ на сценѣ „Магомета“ Вольтера. Шиллеръ признавалъ не всѣхъ французскихъ классиковъ, относился отрицательно къ Корнелю и, предпочитая ему Расина, перевелъ „Федру“. Изъ менѣе значительныхъ иностранныхъ піесъ онъ передѣлалъ двѣ французскія комедіи Пикара: „Племянникъ за дядю“ и „Паразитъ“. Кромѣ того онъ перевелъ шекспировскаго „Макбета“, нѣсколько измѣняя текстъ, соображаясь со вкусами веймарской публики.

Тогда-же онъ занялся переработкой сказочной траги-комедіи Гоцци „Турандотъ“. Это самая самостоятельная изъ всѣхъ его передѣлокъ, и въ ней онъ преслѣдовалъ нѣкоторыя теоретическія цѣли, вытекающія изъ его пониманія драматическаго искусства.

Поводъ къ обработкѣ „Турандотъ“ былъ чисто внѣшній. Шиллеръ прежде всего озабоченъ былъ репертуаромъ веймарскаго театра, и видя, что извнѣ не приходитъ ничего подходящаго, старался среди самостоятельныхъ работъ обогащать сцену и болѣе быстрымъ и легкимъ способомъ,—т. е. обработкой низшихъ пьесъ.

Въ письмѣ къ другу своему Кернеру, отъ 5-го октября 1801 г. онъ жалуется на оскуденіе драматическаго творчества въ Германіи: „Мы получили 13 комедій, конкурирующихъ на премію, объявленную Гете, и среди нихъ нѣтъ ни одной, которой можно было бы воспользоваться; большинство ниже всякой критики. Вотъ въ какомъ состояніи драматическое искусство въ Германіи“. Шиллеръ чувствуетъ, что нужно ему самому заняться скорѣйшимъ восполненіемъ скуднаго репертуара. Онъ воспользовался поэтому случайнымъ нездоровьемъ, мѣшавшимъ серьезной самостоятельной работѣ и взялся за обработку сказочной драмы Гоцци. Впервые онъ упоминаетъ о „Турандотъ“ въ письмѣ къ Кернеру отъ 2 ноября 1801 г. „Я еще несовсѣмъ, освободился“, пишетъ Шиллеръ, „отъ моего катара, и такъ какъ не могу сразу перейти къ свободной

творческой работѣ, то началъ приводить въ исполненіе давнишній замыселъ—я взялся за новую обработку для сцены сказки Гоцци „Турандотъ". Работа идетъ довольно успѣшно, и я надѣюсь сильно подвинуть ее въ теченіе мѣсяца. Такимъ образомъ, я все таки кое-что дѣлаю и не теряю времени, внутренно подготовляясь также къ новому самостоятельному труду. Къ тому же, это обогатитъ нашу сцену новой интересной пьесой". Въ другомъ письмѣ къ Кернеру, отъ 16 ноября, Шиллеръ объясняетъ болѣе пространно причины, побудившія его заняться сказкой Гоцци. „Прежде всего, я руководствуюсь интересами нашего театра; намъ очень нужна новая пьеса, и по возможности въ новомъ родѣ; сказка Гоцци вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Я пишу „Турандотъ" ямбическимъ стихомъ, и хотя совершенно не мѣняю самаго дѣйствія, но надѣюсь сдѣлать его болѣе поэтичнымъ, чѣмъ въ оригиналѣ. Комедія Гоцци задумана очень умно, но ей недостаетъ жизненности и поэзіи. Дѣйствующія лица похожи на маріонетокъ; педантичная неподвижность чувствуется во всемъ произведеніи, и это нужно вытравить изъ него. Работа моя такимъ образомъ отчасти творческая, и тѣ шесть, семь недѣль, которыя нужны для работы, не будутъ вполнѣ потеряны". Шиллеръ усердно работалъ надъ „Турандотъ" и закончилъ ее 28 декабря 1801 г., несмотря на множество внѣшнихъ препятствій; семья его вся переболѣла корью, о чемъ онъ сообщаетъ въ письмахъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о томъ, что работа надъ „Турандотъ" успѣшно подвигается. 28 декабря онъ пишетъ Кернеру подробности о своихъ больныхъ дѣтяхъ, и прибавляетъ нѣсколько словъ о себѣ и о завершеніи „Турандотъ": „Я довольно сносно чувствовалъ себя все это время, хотя о работѣ трудно было и думать среди такого разстройства. Все же я вчера закончилъ „Турандотъ" и ты ее получишь, какъ только она будетъ переписана". Въ нѣсколькихъ слѣдующихъ письмахъ къ издателю Фридриху Котта и къ Кернеру онъ уславливается о томъ, какъ слѣдуетъ напечатать „Турандотъ". Онъ предлагаетъ издателю заказать Рамбергу рисунокъ для заглавной страницы,—говоря, что художникъ можетъ вполнѣ ознакомиться съ содержаніемъ пьесы по прозаическому переводу Вертеса, потому что, пишетъ онъ, „я не внесъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ содержаніе". Въ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ письмахъ къ другимъ корреспондентамъ, Шиллеръ говоритъ о сценическихъ достоинствахъ передѣланной имъ пьесы. Такъ онъ пишетъ Генриху Беку 17 января 1802 г.: „Турандотъ", которую ты вѣроятно знаешь по оригиналу Гоцци, несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ на всякой сценѣ, и въ особенности у веселой, жизнерадостной публики. Къ тому же дѣйствіе происходитъ въ Китаѣ, и всѣ событія носятъ совершенно сказочный характеръ, такъ что даже самая щепетильная публика не сможетъ усмотрѣть никакихъ обидныхъ для себя намековъ въ пьесѣ. Ее скоро поставятъ въ Дрезденѣ—этимъ все сказано въ смыслѣ цензуры".

Въ письмѣ къ Ифланду отъ 21 января 1802 г. Шиллеръ сопровождаетъ посылаемый имъ экземпляръ „Турандотъ" пожеланіями успѣха сказки на сценѣ. „Эта пьеса и въ оригинальномъ текстѣ задумана очень спеціально и приспособлена къ вкусамъ живого, жизнерадостнаго итальянскаго народа; она всегда будетъ нравиться подобной публикѣ. Для оживленія интереса, слѣдуетъ при частыхъ повтореніяхъ пьесы мѣнять отъ времени до времени загадки; такъ буду поступать въ Веймарѣ, и вамъ тоже буду присылать новыя загадки, которыя мнѣ взбредутъ на умъ".

Настаивая на томъ, что онъ совершенно не мѣнялъ оригинальнаго текста Гоцци, Шиллеръ однако не отрицалъ, что внесъ кое-что своего въ приспособленную имъ для нѣмецкой сцены пьесу; онъ находилъ такого рода полутворческую работу очень полезной для ума. „Мнѣ очень пріятно", пишетъ онъ Кернеру 21 января 1802 г., „что вамъ всѣмъ понравилась „Турандотъ". Я не отрицаю, что въ этой работѣ есть кое что самостоятельное, что я имѣлъ возможность проявить въ ней художественное умѣніе. Это мнѣ доставило много удовольствія. Мнѣ хотѣлось бы найти еще такого рода работу; она очень благотворна для моментовъ усталости, потому что не требуетъ творческаго напряженія, и все же возбуждаетъ работу ума".

„Турандотъ" представлена была въ первый разъ въ Веймарѣ 30 января 1802 г., въ день рожденія герцога. Выборъ Шиллеромъ именно пьесы Гоцци для обработки очень знаменателенъ. Среди господства классическаго репертуара, Шиллеръ заинтересовался романтическимъ сюжетомъ, и показалъ, какъ можно воспользоваться элементами народнаго театра для чисто литературной піесы. „Турандотъ" Гоцци—одна

изъ его знаменитыхъ „Fiabe"; это любопытный литературный памятникъ, свидѣтельствующій о борьбѣ реализма и романтизма въ Италіи во второй половинѣ XVIII в. Гоцци талантливый сатирикъ и драматургъ, и его литературная судьба очень странная. При жизни онъ пользовался огромнымъ успѣхомъ, позднѣйшіе критики или превозносятъ его до небесъ, сравнивая его чуть ли не съ Аристофаномъ и Шекспиромъ, или же, напротивъ того, совершенно отрицаютъ его значеніе, считая, что онъ прославился только своей упорной и не всегда честной борьбой противъ Гольдони. На самомъ дѣлѣ Гоцци имѣетъ самостоятельныя литературныя заслуги. Значеніе его въ томъ, что онъ воскресилъ традиціи старыхъ итальянскихъ героически-комическихъ поэмъ, связалъ ихъ очень искусно съ элементами народнаго театра, съ Comedia del'Arte, внесъ въ свои пьесы сказочную миѳологію восточныхъ повѣствователей, а также сатиру на современные нравы, и создалъ такимъ образомъ очень своеобразный родъ драматическихъ произведеній.

Карло Гоцци родился въ 1720 году (умеръ въ 1806 г.), и принадлежалъ къ семьѣ, всѣ члены которой видѣли свое призваніе въ поэзіи. Его старшій братъ, Гаспаро Гоцци, извѣстный поэтъ и историкъ литературы своего времени; Карло же съ дѣтства, вмѣстѣ со своей сестрой, выдумывалъ импровизированныя комедіи, въ которыхъ высмѣивалъ всѣхъ знакомыхъ и даже собственныхъ родителей. Первоначальное благосостояніе семьи разстроилось главнымъ образомъ изъ за легкомыслія Гаспаро, и Карло долженъ былъ самъ начать заботиться и о себѣ и о другихъ необезпеченныхъ членахъ своей семьи. Онъ поступилъ на военную службу и прослужилъ три года въ Далмаціи (1741—1744), гдѣ ознакомился между прочимъ съ народными иллирійскими сказаніями, что ему сослужило впослѣдствіи большую службу. Вернувшись въ Венецію, Гоцци вступилъ въ литературный кружокъ „Гранелески", гдѣ состоялъ членомъ и его братъ. Кружокъ этотъ съигралъ видную роль въ исторіи итальянской литературы XVIII вѣка. Онъ хотѣлъ оживить заглохшій въ легкомысленной Венеціи того времени интересъ къ литературѣ, старался охранять отъ порчи литературный языкъ. Члены его всячески способствовали возрожденію народной драмы, старинныхъ арлекинадъ и т. д.; это дало даже поводъ нѣкоторымъ критикамъ обвинять членовъ кружка въ томъ, что они не столько оживили литературу, сколько дали ей впасть обратно въ младенчество. Болѣе всего „Гранелески" прославился своей войной противъ Гольдони и Кіари. Реалистъ Гольдони возмущался положеніемъ комедіи въ свое время, тѣмъ, что въ ней царятъ арлекинады и искаженія иностранныхъ драматурговъ, Лопе де Веги и Мольера, а также древнихъ авторовъ, Плавта и Теренція. Самъ онъ считалъ главной и единственной задачей драматурга—изучать „книгу природы и жизни". Онъ писалъ сначала сценаріи для импровизацій актеровъ, потомъ настоящія комедіи интригъ и характеровъ.

Гольдони писалъ чрезвычайно много и его комедіи производили такой фуроръ, что въ 1751 г., послѣ представленія „Pettegolezzi delle Donne" толпа почитателей носила его по городу на рукахъ. Соперникомъ Гольдони былъ аббатъ Кіари, талантливый, но необузданно дикій романтикъ, несоздавшій ни одной выдержанной, цѣльной вещи. Его раздражала слава Гольдони, и онъ всяческими способами старался затмить его, иногда даже безцеремонно обкрадывая своего врага. Литературная борьба между Гольдони и Кіари породила цѣлую литературу сатирическихъ стихотвореній, сонетовъ и поэмъ, въ которыхъ соперники осыпали другъ друга насмѣшками и грубыми клеветами. Противъ нихъ обоихъ выступилъ кружокъ „Гранелески", сначала въ лицѣ Гаспаро Гоцци, а потомъ и Карло. Послѣдній написалъ цѣлые томы сатиръ, сонетовъ и прямыхъ обличеній—главнымъ образомъ направленныхъ противъ Гольдони, въ которомъ онъ видѣлъ врага національныхъ традицій. Многое изъ его обличительныхъ произведеній осталось неизданнымъ, но изъ того, что сохранилось, можно судить объ ожесточенности этой литературной борьбы, волновавшей Венецію съ конца 50-хъ годовъ XVIII вѣка и до конца 70-хъ. Гоцци выказалъ въ своихъ сатирахъ необычайно блестящій умъ и находчивость; по силѣ и смѣлости своего богатаго языка, по изобрѣтательности своихъ, иногда весьма грубыхъ, пародій онъ напоминаетъ своихъ любимыхъ сатирическихъ поэтовъ эпохи возрожденія, Пульчи и Буркіело. Самыя удачныя и блестящія его сатиры и героическо-комическія поэмы „La Tartana", La Marfisa Bizzara", „Il Ratto delle Fanciulle-Castellane", „Gli Atti delle Graneleschi" и др. Онѣ отличаются остро-

той діалога, блескомъ фантазіи и яркостью юмора—но далеко не всегда безупречны въ нравственномъ отношеніи. Гоцци не стѣсняется нападать на частную жизнь Гольдони, смѣяться надъ его бѣдностью и даже дѣлать на него доносы.

„Fiabe" (сказочныя комедіи) Гоцци порождены были тоже этой полемикой. Гольдони приводитъ въ доказательство своей правоты свой необыкновенный успѣхъ, а Гоцци возражалъ ему на это, что можно привлечь толпу въ театръ всякой самой наивной сказкой, хотя бы въ родѣ тѣхъ, которыя няньки разсказываютъ дѣтямъ передъ сномъ. Чтобы доказать это, онъ сталъ писать свои „Fiabe", и въ самомъ дѣлѣ завоевалъ ими симпатіи публики, такъ какъ обнаружилъ въ разработкѣ сказочныхъ сюжетовъ большую изобрѣтательность, юморъ и чисто художественныя качества. Втеченіе четырехъ лѣтъ, отъ 1761—1765, онъ написалъ рядъ фантастическихъ пьесъ, на которыхъ главнымъ образомъ и основана его литературная слава. Большинство его сюжетовъ взяты изъ неаполитанскаго сборника сказокъ „Cunto delle Cunte" и изъ другихъ итальянскихъ и восточныхъ сказаній. Обработка сюжетовъ указываетъ на большую зрѣлость художественнаго таланта, недаромъ Гоцци сталъ писать „Fiabe" въ возрастѣ сорока лѣтъ, послѣ того какъ изощрился въ писаніи сатиръ. Въ первой комедіи „L'Amore delle tre Melerance" Гоцци еще занятъ полемическими цѣлями и пародируетъ Гольдони, но въ слѣдующихъ, начиная съ „Il Corvo", крѣпнетъ драматическій элементъ и обозначаются свойства драматическаго дарованія Гоцци. Главнѣйшія „Fiabe" Гоцци, кромѣ названныхъ: „Turandot", „Il Recervo", „La Donna Serpente", „I Pitocchi Fortunati", L'Angelino Belverde" и др. Главное качество Гоцци—оригинальность, съ которой онъ вводитъ въ драматическое дѣйствіе традиціонныя маски итальянской Comedia del'Arte. Тарталія, Труфальдинъ, Бригелла и Панталоне (у Шиллера—Панталонъ) типичные представители народнаго юмора и здраваго смысла, появляются въ каждой пьесѣ и представляютъ оригинальный контрастъ съ общимъ содержаніемъ. Гёте въ своихъ „Итальянскихъ Письмахъ" хвалитъ Гоцци именно за этотъ контрастъ комическихъ масокъ съ общимъ поэтическимъ содержаніемъ („Italien. Reise", письма отъ 4-го и 6-го октября 1786 года). Онъ видитъ въ этомъ траги-комичномъ жанрѣ отраженіе характера венеціанскаго народа. Во всѣхъ пьесахъ Гоцци сказывается также большой вкусъ въ пользованіи элементами старинной Comedia dell'Arte, умѣніе сочетать импровизацію съ художественной законченностью, переходить отъ драматизма чувствъ къ грубому народному комизму.

„Турандотъ" одна изъ самыхъ знаменитыхъ комедій Гоцци. Она закончена въ январѣ 1761 года. Ею Гоцци хотѣлъ оправдаться отъ обвиненія въ томъ, что фабулы его пьесъ основаны всегда на сказочныхъ чудесахъ. Гоцци самъ говоритъ, что „Турандотъ" принадлежитъ къ genere fiabesco, spoglio di mirabile magico". Въ этой пьесѣ выведены опять типичныя маски народнаго театра, занимающія на этотъ разъ должности королевскаго секретаря, великаго канцлера, начальника евнуховъ и начальника пажей. Эти представители народнаго здравомыслія и съ удивленіемъ и презрительнымъ сожалѣніемъ смотрятъ на страсти, обрекающія на гибель влюбленныхъ въ Турандотъ принцевъ. Такой же характеръ масокъ имѣютъ восемь докторовъ дивана, карикатурные ученые. Всѣ остальныя дѣйствующія лица имѣютъ вполнѣ индивидуальный характеръ. Смѣшеніе комизма съ драматизмомъ придаетъ всѣмъ пьесамъ Гоцци, а въ частности „Турандотъ", еще одну, характерную для итальянскаго театра особенность: трагизмъ положеній принимается очень легко какъ дѣйствующими лицами драмы, такъ очевидно и публикой, для которой пьеса была написана. На сценѣ происходятъ страшныя событія: зритель видитъ рядъ отрубленныхъ головъ — казненныхъ за свою безразсудную любовь принцевъ; герой пьесы, принцъ Калафъ, все время находится подъ угрозой такой же казни. Родители Калафа—жертвы цѣлаго ряда бѣдствій; несчастенъ отецъ жестокой Турандотъ, несчастна рабыня Адельма, мучимая трагической любовью къ Калафу, и тоскующая въ неволѣ—все дѣйствіе грозитъ превратиться въ трагедію—и все же во всемъ происходящемъ чувствуется какая то странная безпечность, легкость тона, позволяющая сосредоточить вниманіе на игрѣ ума, на разгадываніи загадокъ. Для того, чтобы оправдать это легкое отношеніе къ трагизму, Гоцци переноситъ дѣйствіе въ фантастическую китайскую обстановку и придаетъ всему восточный сказочный характеръ. Но конечно, дѣло не въ восточной обстановкѣ, а въ итальянской національной чертѣ—въ легкомъ отношеніи къ

жизни. Благодаря ей, фантастичность и поэзія самаго сюжета пріобрѣтаетъ въ обработкѣ Гоцци особую граціозность и въ драматическихъ и въ юмористическихъ подробностяхъ. Сюжетъ „Турандотъ“ старинный; первоначальный источникъ его—„Gesta Romanorum“; имъ уже воспользовался до Гоцци Шекспиръ въ „Венеціанскомъ купцѣ“, въ эпизодѣ съ тремя шкатулками, гдѣ выборъ одной изъ нихъ рѣшаетъ участь претендентовъ на руку Порціи. Шкатулки Порціи и загадки Турандотъ – одинъ и тотъ же мотивъ. Затѣмъ Мольеръ въ „Princesse d'Elide“ взялъ ту же тему, заимствовавъ ее изъ испанской драмы Морето.

Шиллеръ заинтересовался комедіей Гоцци не случайно. Гоцци предвозвѣстникъ романтизма, и нѣмецкимъ писателямъ эпохи „бури и натиска“ нравилась его свободная поэтика, идущая въ разрѣзъ со всѣми традиціями классическаго театра. Гоцци привлекалъ ихъ также со своими философскими темами, своею моралью, а также попыткой воскресить старыя легенды и средневѣковыя народныя повѣрія. „Fiabe“ Гоцци переведены были на нѣмецкій языкъ уже между 1777—1779 гг. Франциском Вертесомъ, и его прозаическимъ переводомъ пользовался Шиллеръ, который даже кажется не читалъ итальянскаго оригинала. Гоцци и впослѣдствіи пользовался особымъ почетомъ у нѣмецкихъ романтиковъ. Его восхвалялъ Фридрихъ Августъ Шлегель, а впослѣдствіи его большимъ поклонникомъ и отчасти подражателемъ былъ Гофманъ. Послѣдній особенно восторгался „Турандотъ“, и много говоритъ о ней въ діалогѣ „Die Tribulationen eines Theaterdirektors“. Гофману больше всего нравится странный контрастъ между поэтичностью Турандотъ и грубоватымъ простодушіемъ ея отца. Комическая важность Алтоума, этой маски, похожей на китайскую куклу, должна возбуждать, по мнѣнію Гофмана, неотразимый смѣхъ, составляя удачный противовѣсъ паѳосу драматическаго дѣйствія. Такимъ образомъ Гофманъ, какъ и Гёте, считаетъ, что сила Гоцци—въ удачномъ смѣшеніи паѳоса съ комизмомъ и въ изобрѣтательности его живого юмора.

Взявшись за передѣлку „Турандотъ“, Шиллеръ ясно понималъ всѣ особенности итальянскаго оригинала, и хотя называетъ свою работу переводомъ, онъ на самомъ дѣлѣ значительно измѣнилъ характеръ пьесы Гоцци, ничего не мѣняя въ содержаніи и въ стилѣ „Турандотъ“, написанной, какъ и пьеса Гоцци, ямбическимъ стихомъ.

Главное измѣненіе, сдѣланное Шиллеромъ въ „Турандотъ“, относится къ характеру четырехъ масокъ, введенныхъ въ комедію—Труфальдина, Тарталіи, Панталоне и Бригеллы. Шиллеръ отчасти перемѣнилъ должности, въ которыхъ они состоятъ у Гоцци; одинъ только Труфальдинъ сдѣланъ у Шиллера, какъ и въ итальянскомъ оригиналѣ, начальникомъ евнуховъ. Панталоне же возведенъ въ высшій чинъ. Онъ въ Шиллеровской „Турандотъ“ государственный канцлеръ, тогда какъ у Гоцци онъ только секретарь Алтоума. Бригелла, который въ комедіи Гоцци занимаетъ странную должность magistro de' paggi, передѣланъ Шиллеромъ въ начальника дворцовой стражи. Тарталія не канцлеръ, какъ у Гоцци, а министръ. Этой перетасовкой Шиллеръ хотѣлъ придать нѣкоторую реальную правдоподобность комическимъ фигурамъ комедіи Гоцци, ближе связать ихъ съ дѣйствіемъ, вводя ихъ въ составъ непосредственныхъ совѣтниковъ короля. Въ итальянскомъ оригиналѣ они составляютъ полный контрастъ съ восточной обстановкой сказочнаго китайскаго двора; Панталоне говоритъ на венеціанскомъ нарѣчіи и изумляется всему, что видитъ вокругъ себя, а другіе тоже всячески выказываютъ свою отчужденность отъ происходящихъ событій. Они единственные представители народнаго здраваго смысла среди фантазеровъ, выступающихъ въ пьесѣ. У Гоцци этотъ контрастъ намѣренный—въ немъ вся сила его юмора. Онъ не считаетъ своимъ долгомъ объяснять, какимъ образомъ разумные, трезвые итальянцы попали въ столь нелѣпую на ихъ взглядъ среду—онъ только пользуется традиціонными масками народной итальянской сцены для того, чтобы создать противовѣсъ паѳосу изображаемыхъ имъ чувствъ. На этомъ контрастѣ не только держится юморъ пьесы, но и основанъ ея болѣе глубокій идейный замыселъ. Гоцци какъ бы указываетъ двойственностью тона въ пьесѣ на внутренніе контрасты человѣческой натуры. Когда душа проникается высокими чувствами и доходитъ до паѳоса въ напряженіи своихъ силъ, то въ человѣкѣ просыпается насмѣшливый голосъ плоти, напоминающій о земныхъ потребностяхъ, о самосохраненіи, о близкихъ жизненныхъ благахъ и радостяхъ. Гоцци, вѣрный традиціямъ Comedia dell'Arte, жертвуетъ

внѣшней правдоподобностью для того, чтобы отразить несомнѣнную внутреннюю правду. Его итальянскія маски совершенно произвольно попадаютъ въ совершенно чуждую имъ среду, но это рѣзкое внѣшнее противопоставленіе тѣмъ яснѣе отражаетъ дѣйствительно существующее внутреннее противорѣчіе. Голосъ насмѣшливаго разума такой же диссонансъ въ высоко настроенной душѣ, какъ тривіальныя, но разумныя рѣчи Панталоне или Тарталіи, уговаривающихъ влюбленнаго принца не жертвовать своею жизнью для призрачнаго чувства.

Эстетическій вкусъ Шиллера не могъ примириться съ грубымъ внѣшнимъ контрастомъ комическихъ масокъ и драматическаго содержанія. Онъ сохранилъ комическія фигуры Гоцци, оставивъ такимъ образомъ намекъ на двойственное настроеніе пьесы, но самое противоположеніе пафоса грубому народному юмору смягчено у него. Должности и занятія карикатурныхъ придворныхъ менѣе фантастичны, чѣмъ у Гоцци; Панталонъ говоритъ не на народномъ нарѣчіи, а такимъ же языкомъ какъ и всѣ, хотя и упоминаетъ о своемъ венеціанскомъ происхожденіи; рѣчи всѣхъ четырехъ масокъ (иначе ихъ назвать все-таки нельзя, потому что Шиллеръ сохранилъ ихъ условныя имена) болѣе сливаются съ дѣйствіемъ, и характеръ каждаго разработанъ болѣе полно и цѣльно. У Гоцци роли четырехъ масокъ на половину предоставлены импровизаціи актеровъ. Во многихъ сценахъ намѣчено только, о чемъ говорятъ между собой или съ другими Панталонъ и Бригелла, Тарталія и Труфальдинъ. Шиллеръ разработалъ всѣ эти сценаріи, переложилъ написанныя прозой указанія Гоцци въ строго выдержанные ямбическіе стихи и далъ опредѣленную физіономію каждой изъ четырехъ масокъ. Панталонъ—смышленный, жизнерадостный старикъ, не понимающій никакихъ возвышенныхъ чувствъ, и очень усердно пропоѣдующій жизненную мудрость. У Гоцци онъ болѣе комиченъ, благодаря своему колоритному народному говору и своимъ a parte, въ которыхъ сказывается лукавый венеціанецъ, высмѣивающій все, что онъ видитъ въ чужой странѣ. Тарталія не насмѣшникъ какъ Панталонъ, но такой же простой, житейскій человѣкъ; онъ возмущается романтическимъ безуміемъ принца, но выражаетъ это не въ насмѣшкахъ, а въ чувствительныхъ словахъ и слезахъ. Это типъ простака, у котораго есть только одинъ аргументъ для увѣщеванія влюбленнаго принца. Онъ все повторяетъ ему, что дѣло идетъ о его головѣ.

Поймите, сударь, о головѣ идетъ
Здѣсь дѣло, не объ орѣхахъ!... поймите
О головѣ!... и доводовъ другихъ
Мнѣ кажется не надо. Только этотъ—
О вашей головѣ здѣсь рѣчь идетъ!

Наивная любовь къ жизни и легко прорывающаяся наружу чувствительность очень вѣрно рисуютъ простого, средняго человѣка, который не умомъ, а сердцемъ возмущается противъ всякаго безразсудства, грозящаго жизни, готовъ проливать дешевыя слезы, жалѣть о несчастіи другихъ — и въ то же время, если возможно, извлекать для себя пользу изъ этого несчастья. Тарталія говоритъ о своей нѣжной любви къ принцу, и все-таки старается выпытать у него секретъ его происхожденія, потому что съ помощью этого секрета онъ могъ бы попасть въ милость къ Турандотъ. У Гоцци есть указаніе на всѣ эти черты въ характерѣ фантастическаго китайскаго министра, но онѣ не разработаны, и Тарталія остается такой же карикатурной маской, лишь внѣшнимъ образомъ связанной съ дѣйствіемъ, какъ и остальные. У Шиллера же онъ превращенъ въ живой, вполнѣ реальный типъ. Два остальныхъ царедворца, жадный и грубый Труфальдинъ и честный начальникъ стражи Бригелла, тоже изображены съ большой жизненной правдой, безъ всякой карикатурности, свойственной имъ въ комедіи Гоцци.

Главное вниманіе Шиллеръ обратилъ, конечно, на центральную фигуру Турандотъ. Ома задумана очень поэтично и у Гоцци; характеръ ея построенъ на яркихъ контрастахъ, придающихъ всему ея существу таинственную силу. Неотразимая красота и гордый умъ влекутъ къ ней всѣ сердца — неумолимая жестокость дѣлаетъ ее извергомъ въ глазахъ всѣхъ, не ослѣпленныхъ любовью. Душа ея полна одной страсти — она хочетъ быть свободной и вѣчно праздновать побѣды своего ума, вѣчно сознавать свое превосходство надъ людьми. Когда же въ ея гордомъ сердцѣ просыпается любовь, она хочетъ одержать трудную побѣду—надъ своей собственной слабостью; жестокость ея разгорается еще болѣе ярко отъ этого, потому что, ополчаясь противъ любимаго человѣка, она тѣмъ самымъ борется противъ самой себя. Этотъ интересный характеръ исключительной женщины, затѣявшей походъ противъ всѣхъ человѣ-

ческихъ инстинктовъ, и сдѣлавшей жестокость закономъ жизни, Шиллеръ разработалъ съ большой любовью. Онъ окружилъ свою героиню атмосферой поэзіи, придалъ благородство даже ея безпощадному отношенію къ покореннымъ ея красотою принцамъ,—и жестокость становится новымъ обаяніемъ ея сложной натуры. Шиллеръ болѣе тонко мотивировалъ психологію Турандотъ, чѣмъ Гоцци. Въ итальянской комедіи китайская принцесса—ненавистница мужчинъ; она пользуется ниспосланнымъ ей небомъ даромъ мудрости, чтобы избѣгнуть униженія, каковымъ ей кажется замужество. У Гоцци не объяснена эта странная, неестественная ненависть. Она представлена только какъ слѣдствіе ея гордой, независимой натуры. Всѣ удивляются этой непонятной чертѣ характера. Панталоне издѣвается и всячески клянетъ жестокую принцессу; онъ съ нѣжностью вспоминаетъ о своихъ соотечественницахъ, совершенно иначе понимающихъ любовь. Старикъ Алтоумъ, отецъ Турандотъ, въ отчаяніи отъ того, что онъ называетъ пагубнымъ бездушіемъ своей дочери—но всѣ они не понимаютъ принцессы и ея жажды свободы. И въ самомъ дѣлѣ, въ пьесѣ Гоцци нѣтъ достаточной мотивировки поступковъ Турандотъ. Во второмъ дѣйствіи, когда принцесса, при видѣ Калафа, вдругъ проникается невѣдомой ей до того жалостью, она пытается разъяснить свой характеръ, говоритъ, что ею управляетъ не слѣпая жестокость, а болѣе высокое чувство—жажда свободы. Въ эту ея рѣчь, самую важную для выясненія ея натуры, Шиллеръ внесъ очень существенныя измѣненія, которыми сразу приподнялъ весь образъ китайской принцессы и приблизилъ ее къ идеалу культурной женщины новыхъ временъ. У Гоцци она говоритъ о смутной инстинктивной жаждѣ свободы,—у Шиллера она сознательная мстительница за вѣковой гнетъ женщины. Сравненіе монолога Турандотъ въ комедіи Гоцци съ его передѣлкой у Шиллера наглядно показываетъ, какъ нѣмецкій поэтъ, воспользовавшійся только нѣкоторыми намеками итальянскаго оригинала и положеніемъ, въ немъ представленнымъ, создалъ нѣчто совершенно самобытное—образъ женщины, отстаивающей свои человѣческія права. Шиллеровская Турандотъ провозглашаетъ въ этомъ монологѣ идеалы великой французской революціи, вполнѣ понятные и въ наше время. Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Шиллеръ написалъ „Турандотъ“, а этотъ ея монологъ могъ бы быть вложенъ въ уста какой нибудь убѣжденной „феминистки“ нашего времени.

Вотъ что говоритъ Турандотъ у Гоцци, убѣждая Калафа отказаться отъ испытанія: „Принцъ, откажитесь отъ рокового предпріятія. Небо знаетъ, что всѣ обвиняющіе меня въ жестокости лгутъ. Я питаю величайшую ненависть къ мужскому полу, и только эта ненависть заставляетъ меня защищаться, какъ могу и какъ знаю, чтобъ оставаться вдали отъ тѣхъ, кого я ненавижу. Почему мнѣ не даютъ свободы, которой можетъ пользоваться всякій? Зачѣмъ заставлять меня быть жестокой? Если просьбы могутъ подѣйствовать на васъ, то я готова унизиться до просьбы. Откажитесь, принцъ, отъ испытанія. Не пытайтесь бороться съ моимъ умомъ. Только имъ однимъ я и горжусь. Мнѣ небо послало въ даръ умъ и талантъ. Я пала бы мертвой, если бы кто нибудь передъ Диваномъ опозорилъ меня, превзойдя меня въ проницательности. Уходите, избавьте меня отъ необходимости предлагать вамъ загадки. Еще есть время. А то придется тщетно оплакивать вашу смерть“. Въ этомъ монологѣ нѣтъ ничего, кромѣ необъясненной ненависти къ мужчинамъ, кромѣ какого то страннаго каприза,—и потому совершенно правъ Панталоне и другіе, называющіе принцессу извергомъ и чудовищемъ, совершенно не понимая, что она сама страдаетъ отъ своей жестокости. Совершенно иной является Турандотъ въ томъ же монологѣ у Шиллера. Она говоритъ о правахъ женщины, предъявляя требованія справедливости, и является мстительницей за своихъ поруганныхъ сестеръ:

Еще есть время.
Оставьте, принцъ, намѣренье свое,
Бѣгите прочь... Свидѣтелемъ мнѣ небо,
Винятъ меня въ жестокости напрасно —
Свою свободу я лишь защищаю.
Я не желаю быть ничьей. Хочу
Я—хана дочь, принцесса Турандотъ—
Лишь сохранить то дорогое право,
Которое во чревѣ материнскомъ
Дается всѣмъ ничтожнѣйшимъ изъ смертныхъ,
Рабынями униженными вижу
Я въ Азіи всѣхъ женщинъ и за нихъ
Отмстить хочу тиранамъ ихъ—мужчинамъ;
Которые однимъ лишь превосходствомъ

Надъ женщиной кичиться могутъ—силой.
Природа мнѣ оружіемъ дала
Находчивость и гибкій острый умъ,
Чтобъ защищать отъ нихъ мою свободу.
Я не хочу ихъ знать. Я ненавижу
Высокомѣріе, кичливость ихъ.
Они на все, что поцѣннѣй, получше,
Какъ на свою добычу, смотрятъ алчно,
Что имъ понравится, то и берутъ...
Мнѣ умъ дала и красоту природа...
Но почему все цѣнное должно
Служить добычею страстей желанной,
Ничтожное-жъ въ покоѣ оставляютъ.
И почему добычей одного
Быть красотѣ? Она должна свободной
И видимой для всѣхъ сіять, какъ солнце,
На утѣшеніе и радость всѣмъ.

Такое толкованіе характера Турандотъ поднимаетъ и очеловѣчиваетъ образъ сказочной принцессы, превращая аллегорическую сказку въ психологическую драму, полную живого интереса. У Шиллера, согласно итальянскому оригиналу, сердце Турандотъ покоряется любви, но у Гоцци любовь эта не представлена въ своемъ психологическомъ развитіи; стихійное и ничѣмъ не мотивированное отвращеніе Турандотъ къ мужчинамъ побѣждено совершенно произвольно ея любовью къ Калафу. У Шиллера ея ненависть обоснована, и потому борьба съ зародившимся и назрѣвающимъ чувствомъ любви становится болѣе драматичной. Уже ея отчаяніе въ сценѣ передъ Дивановъ, когда Калафъ разгадалъ всѣ загадки, становится болѣе понятнымъ и возбуждаетъ сочувствіе: это не досада, вызванная неудовлетвореннымъ капризомъ, а начало серьезной борьбы между сердцемъ и умомъ, между сознаньемъ нравственнаго долга и инстинктивной жаждой личнаго счастья. Всѣ тѣ хитрости, на которыя пускается Турандотъ для вторичной побѣды, для того, чтобы вывѣдать происхожденіе Калафа, кажутся у Гоцци позорными для принцессы, потому что она не имѣетъ серьезной причины желать во что бы то ни стало побѣды и дѣйствовать противъ Калафа, когда сердце ея на его сторонѣ. Напротивъ того, у Шиллера даже ея хитрости въ высокой степени драматичны: въ нихъ отражена внутренняя борьба между исполненіемъ взятаго на себя обѣта, какъ бы священной миссіи, и личнымъ чувствомъ. У Шиллера, какъ и у Гоцци, побѣждаетъ любовь, но въ нѣмецкой драмѣ примиреніе съ Калафомъ имѣетъ психологическое обоснованіе. Турандотъ сначала выполняетъ свою миссію, одерживаетъ, хотя и не совсѣмъ честными путями, побѣду и тогда уже внимаетъ голосу чувства. Если признать Турандотъ тѣмъ, чѣмъ она представлена въ пьесѣ Шиллера, т. е. мстительницей за поруганныя женскія права, то уловки ея болѣе простительны, такъ какъ дѣло не въ ней лично, а въ томъ, чтобы для другихъ ясно было превосходство женскаго ума, умѣющаго отстоять свободу женщины. Исполнивъ свою миссію, она свободна располагать собой. Аллегорическій смыслъ сказки Шиллеръ не измѣнилъ. Онъ тоже рисуетъ торжество любви надъ гордыней и показываетъ, какъ любовь просвѣтляетъ разумъ и чувство. Любовь изощрила умъ Калафа и помогла ему разгадать загадки, смущавшія ученыхъ Дивана. Любовь, съ другой стороны, смирила гордое сердце Турандотъ и заставила ее подчиниться своему обидчику. Мысль одна и та же, но такъ какъ Шиллеръ обосновалъ психологически поступки своей героини, то помимо аллегорическаго замысла получилась еще и чисто психологическая драма. Замѣтимъ также, что Шиллеръ ничѣмъ не измѣнилъ самую фабулу, а только внесъ отдѣльные новые штрихи въ характеристику Турандотъ, въ ея разговоры съ наперсницей Зелимой и съ ненавидящей ее рабыней Адельмой, показывая, какъ борется въ принцессѣ мысль о виновности мужчинъ съ чувствомъ любви, влекущей ее къ Калафу. Примиреніе съ Калафомъ имѣетъ болѣе вѣрное психологическое объясненіе, чѣмъ въ сказкѣ Гоцци. Турандотъ потому полюбила Калафа и измѣнила ради него своему принципу, что онъ оказался достойнымъ ея любви, что онъ призналъ ея свободу и не осудилъ ея поведенія. Это не простое, произвольное примиреніе, а естественное завершеніе психологической борьбы полной внутренней гармоніей. Примиреніе происходитъ и у Гоцци, но болѣе внѣшнимъ путемъ, потому что итальянскій драматургъ заботится только объ эффектномъ чередованіи паѳоса и комизма, объ яркихъ контрастахъ трагическихъ положеній и мирнаго исхода. Эти контрасты Шиллеръ стеръ, измѣнивъ тѣмъ самымъ характеръ своей пьесы, которая изъ нравоучительной сказки въ духѣ итальянской Comedia dell'Arte превратилась въ психологическую драму романтическаго характера.

Остальныя дѣйствующія лица тоже отчасти измѣнены. Алтоумъ карикатуренъ,

какъ и у Гоцци, въ своемъ неумѣніи сладить съ дочерью и въ своемъ безсильномъ гнѣвѣ, но Шиллеръ намѣренно оставилъ эту условную фигуру, чтобы подчеркнуть сказочный, экзотическій характеръ пьесы, Адельма, коварная совѣтчица Турандотъ, скорѣе несчастна, нежели преступна, потому что она дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ своей пагубной страсти. У Шиллера ея психологія болѣе разработана, причемъ Адельма скорѣе напоминаетъ томную, романтичную нѣмку, нежели коварную и необузданную восточную женщину.

Помимо психологическаго сюжета сказки Гоцци, Шиллеръ заинтересовался нѣкоторыми ея чисто поэтическими сторонами. Такъ, онъ обратилъ большое вниманіе на загадки Турандотъ. По письмамъ Шиллера видно, что онъ придавалъ большое значеніе этимъ загадкамъ, задумалъ ихъ цѣлое множество, для того, чтобы мѣнять ихъ при повтореніяхъ пьесы. Изъ загадокъ для „Турандотъ" составилась впослѣдствіи цѣлая серія „Притчей и загадокъ" (См. въ I т.). У Гоцци загадки Турандотъ довольно наивныя и блѣдныя. Онѣ не оправдываютъ репутаціи ума Турандотъ и кажутся слишкомъ ничтожными для того, чтобы ими рѣшалась жизнь и смерть людей. Шиллеръ оставилъ въ своей передѣлкѣ только одну изъ нихъ— загадку о годѣ, и ту значительно дополнилъ. Двухъ остальныхъ, о солнцѣ и объ адріатическомъ львѣ (ею Гоцци хотѣлъ очевидно польстить національному чувству венеціанцевъ), нѣтъ въ пьесѣ Шиллера. Описаніе солнца, какъ „существа" (creatura), находящагося въ каждомъ городѣ и каждой деревнѣ, всѣмъ извѣстнаго и съ которымъ только безумцы могутъ хотѣть сравниться, очень безвкусно, и потому не могло прельстить Шиллера, также и тяжеловѣсная аллегорія объ эмблемѣ Венеціи, адріатическомъ львѣ. Шиллеръ замѣнилъ обѣ загадки совершенно новыми, и эта часть работы наиболѣе занимала его. Въ ней онъ могъ вполнѣ проявить свое поэтическое творчество. Говоря въ письмахъ объ удовлетвореніи, которое ему доставила работа надъ „Турандотъ", Шиллеръ имѣлъ очевидно въ виду именно загадки, т. е. художественныя красоты, которыми онъ дополнилъ первоначальный текстъ пьесы. Загадки о глазѣ и о плугѣ, включенныя въ „Турандотъ", принадлежатъ къ лучшимъ стихотвореніямъ Шиллера, и нужно сопоставить ихъ съ вымышленіями Гоцци, чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ красоту. Всѣ другія загадки, предназначенныя тоже для „Турандотъ" и вошедшія въ серію „Притчей и загадокъ", загадки о радугѣ, о солнцѣ и мѣсяцѣ и т. д., имѣютъ чисто поэтическій характеръ, и не столько замысловаты, какъ красивы. Шиллеръ хотѣлъ придать центральное значеніе загадкамъ въ „Турандотъ", потому что на нихъ въ сущности держится драматическій интересъ пьесы. Но онъ понялъ свою задачу, какъ художникъ, а не какъ философъ. Вотъ почему загадки Турандотъ это то, что въ пьесѣ есть самаго красиваго, а не самаго глубокаго; это скорѣе поэтическій hors d'oeuvre, чѣмъ основа идейнаго замысла пьесы. Въ этомъ отношеніи, однако, Шиллеръ можетъ быть оправданъ примѣромъ самыхъ знаменитыхъ въ литературѣ составителей загадокъ. Даже таинственныя загадки сфинкса, которыя разрѣшилъ мудрый Эдипъ (знаменитая загадка о возрастахъ человѣка), довольно наивный плодъ народной фантазіи. Дѣло всегда только въ самомъ фактѣ отгадыванія, который считается символомъ мудрости; содержаніе же загадокъ большею частію чисто поэтическое и заключается въ иносказательномъ описаніи явленій природы, предметовъ, или общаго плана человѣческой жизни. Смысла явленій загадки большею частью не касаются, и потому въ нихъ сказывается не мудрость составителей, а ихъ поэтическое чувство.

Таковы и загадки Шиллера въ „Турандотъ". Въ нихъ нѣтъ сокровеннаго смысла, нѣтъ новаго объясненія жизни, нѣтъ поученій; онѣ касаются совершенно опредѣленныхъ предметовъ, но зато поэтъ съ необычайной художественной проницательностью находитъ таинственный смыслъ въ самыхъ простыхъ предметахъ. Загадка таинственна, отгадка самая простая. Вѣчно мѣняющаяся картина, заключенная въ самомъ маленькомъ пространствѣ, таинственный кристаллъ, включающій въ себя весь міръ, оказывается просто человѣческимъ глазомъ. Простой предметъ, который ранитъ, но не проливаетъ крови и обогащаетъ народы,—земледѣльческій плугъ! Всѣ эти поэтическія загадки сводятся къ тому, чтобы показать, сколько таинственнаго въ кажущейся простотѣ явленій. Въ загадкахъ Гоцци такого сочетанія таинственности съ простотой нѣтъ; въ загадки Шиллера оно внесено его поэтическимъ чутьемъ. Такимъ образомъ „Турандотъ" имѣетъ уже то зна-

ченіе, что передѣлка сказки Гоцци вдохновила Шиллера на истинно-поэтическое творчество и создала рядъ стихотвореній, являющихся несомнѣнными перлами въ ряду его произведеній. Въ литературѣ загадокъ, Шиллеровскія, во всякомъ случаѣ, занимаютъ первое мѣсто. А такъ какъ Шиллеръ кромѣ того, внесъ такъ много самобытнаго и въ психологическую разработку заимствованнаго у итальянскаго драматурга матерьяла, то, въ общемъ, „Турандотъ“ и нельзя причислить къ чисто переводнымъ работамъ Шиллера.

Зин. Венгерова.

Турандотъ, принцесса Китайская.

Сказочная трагикомедія.

(Сюжетъ заимствованъ у Гоцци).

Дѣйствующія лица:

Алтоумъ, сказочный императоръ китайскій.

Турандотъ, его дочь.

Адельма, княжна татарская, невольница Турандотъ.

Зелима, прислужница Турандотъ.

Скирина, мать Зелимы.

Баракъ, мужъ Скирины, бывшій приближенный князя Калафа.

Калафъ, князь Астраханскій.

Тимуръ, изгнанный ханъ Астраханскій.

Измаилъ, приближенный князя Самаркандскаго.

Тарталія, министръ.

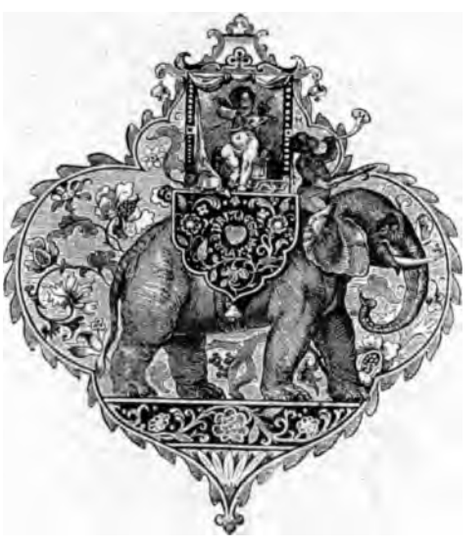
Панталонъ, канцлеръ.

Труфальдинъ, начальникъ евнуховъ.

Бригелла, начальникъ стражи

Ученые, засѣдающіе въ Диванѣ.

Невольники и невольницы сераля.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Предмѣстье Пекина. На заднемъ планѣ городскія ворота, надъ которыми симметрично, въ видѣ украшеній, вздымаются желѣзныя прутья съ воткнутыми на нихъ человѣческими головами въ чалмахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЛАФЪ, *въ татарскомъ, нѣсколько фантастическомъ, одѣяніи, выходитъ изъ одного жилища. Изъ городскихъ же воротъ выходитъ* БАРАКЪ, *въ персидскомъ одѣяніи.*

КАЛАФЪ.

Хвала богамъ! Судили и въ Пекинѣ
Мнѣ душу добрую найти!

БАРАКЪ (*замѣчаетъ Калафа и въ изумленіи отступаетъ*).

Что вижу!
Мой князь! Калафъ! Возможно-ль? Живъ еще?

КАЛАФЪ (*тоже узнаетъ его*).

Баракъ!...

БАРАКЪ (*бросаясь къ нему*).

Мой господинъ!

КАЛАФЪ.

Тебя-ль я вижу?

БАРАКЪ.

Увидѣть васъ въ живыхъ! И здѣсь въ Пекинѣ

КАЛАФЪ.

Молчи! Не выдавай меня! Но какъ,
Скажи, ты самъ попалъ сюда?

БАРАКЪ.

Велѣньемъ
Самихъ боговъ, я думаю, коль съ вами
Здѣсь встрѣтиться пришлось! Въ тотъ день злосчастный,

Когда бѣжалъ народъ нашъ подъ напоромъ
Тифлисскаго тирана, вашъ Баракъ,
Израненный въ бою, бѣжалъ въ столицу
И тамъ узналъ, что ханъ Тимуръ и вы,
Мой князь, въ бою погибли... Я не въ силахъ
Вамъ описать отчаянье мое?
Отъ горя внѣ себя, я все-жъ пытался
Хоть ханшу, вашу мать, спасти. За нею
Я кинулся,—исчезла изъ дворца!
А врагъ вступалъ ужъ въ Астрахань, и мнѣ
Къ спасенью путь одинъ остался—бѣгство.
Изъ края въ край три года я блуждалъ,
И вотъ, нашелъ пристанище въ Пекинѣ;
Подъ именемъ Гассана, вѣрной службой
Одной вдовы снискалъ расположенье;
Теперь я—мужъ ея. Она не знаетъ
Кто я таковъ; въ ея глазахъ я—персъ.
Въ сравненіи съ былымъ мой жребій жалокъ,
Но въ этотъ мигъ богачъ я и счастливецъ:
Тимура хана сынъ, питомецъ мой,
Самъ князь Калафъ, оплаканный, какъ мертвый,
Передо мной живой!.. Но, какъ вы живы,
Какъ очутились здѣсь?

КАЛАФЪ.

Не называй
По имени меня. Когда сраженье
Проиграно подъ Астраханью было
И царства мы лишились, во дворецъ
Я поспѣшилъ съ отцомъ; тамъ мы собрали
Что подъ руку попалось изъ сокровищъ
И вмѣстѣ съ матерью моей бѣжали.
Переодѣтыми, въ крестьянскомъ платьѣ,
Блуждали мы въ пустыняхъ, по горамъ...
Чего, чего не натерпѣлись, боги!...
Разбойничья орда насъ у подножья
Кавказскихъ горъ ограбила и тѣмъ
Насъ обрекла на холодъ и на голодъ,
На всѣ страданья голой нищеты!
Несъ на плечахъ своихъ поочередно
Отца и мать я—дорогія ноши!...
Не разъ съ трудомъ удерживалъ отца,
Чтобъ не пресѣкъ нить дней своихъ кинжаломъ,
И бодрость духа въ матери едва
Поддерживалъ, чтобъ скорбь не подкосила
Ея совсѣмъ. До города Яика
Мы добрались съ трудомъ и у мечети
Я скудное сбирать сталъ подаянье,
Чтобъ прокормить родителей моихъ.
Несчастье новое! Какъ всѣ тираны,
Исполненный боязни, ханъ Тифлисскій,
Нашъ лютый врагъ, не довѣряя слуху,
Что мертвы мы, преслѣдовать велѣлъ
Повсюду насъ. Увы! Ему подвластны
Всѣ мелкіе князья, и повелѣнье
Опередило насъ. Едва спаслись
Отъ зоркости приспѣшниковъ тирана
Поспѣшнымъ бѣгствомъ мы. О, кто-жъ посмѣлъ-бы
Дать царственнымъ изгнанникамъ пріютъ!...

БАРАКЪ.

Довольно, князь! Вы сердце мнѣ пронзили!
Могущественный ханъ и такъ униженъ!
Но живъ-ли онъ еще и ханша?

КАЛАФЪ.

Живы!
И знай, Баракъ, себѣ не измѣняетъ
Великая душа и въ униженьѣ!—
Мы кое-какъ дошли до Хорассана;
И тамъ въ садахъ у хана Кейкобада
Я за работу черную взялся,
Чтобъ съ голоду не умереть.—Однажды
Меня увидѣла княжна Адельма,
И чувство въ ней зажглося къ чужеземцу
Нѣжнѣе, чѣмъ бываетъ состраданье.
Любовь зорка! Не вѣрилось ей, чтобы
Я былъ рожденъ для столь ничтожной доли.
Увы! Какимъ злымъ рокомъ Кейкобадъ,
Отецъ ея, былъ увлеченъ, что вздумалъ
Войной идти на Алтоума, хана
Китайскаго? О томъ носились слухи
Въ народѣ странные... Одно я знаю:
Разбитъ былъ Кейкобадъ и истребленъ
Весь родъ его, утоплена Адельма
И семь сестеръ ея... А мы бѣжали!
Скитались долго мы и, наконецъ,
Пришли въ Берлу. Такъ заработкомъ скуднымъ
Носильщика кормилъ четыре года
Я мать съ отцомъ.

БАРАКЪ.

Не продолжайте, князь!
Теперь забыть пора всѣ тѣ невзгоды.—
Васъ въ одѣяніи богатомъ вижу,—
Такъ, наконецъ, вамъ счастье улыбнулось?

КАЛАФЪ (*съ горечью*).

О, да! Оно мнѣ улыбнулось. Слушай!
У хана улетѣлъ любимый кречетъ;
Его поймать мнѣ удалось; я птицу
Доставилъ хану самъ, и онъ спросилъ,
Кто я таковъ. Ему себя я выдалъ
За бѣдняка-носильщика, который
Отца и мать трудомъ тяжелымъ кормитъ.
Онъ ихъ велѣлъ принять въ пріютъ для бѣдныхъ...
(*Послѣ нѣкоторой паузы*).
Да, да, Баракъ! твой ханъ Тимуръ и ханша

Въ пріютѣ нищеты! И даже тамъ
Не въ безопасности,—въ тревогѣ вѣчной!
Узнаютъ ихъ и—умертвятъ!

БАРАКЪ.

О, боги!

КАЛАФЪ.

Мнѣ кошелекъ вотъ этотъ ханъ вручилъ,
Далъ мнѣ оружіе, коня, одежду,
И я съ отцомъ и матерью простился.
Иду,—воскликнулъ я—судьбу пытать,
Иль смерть найду, иль возвращусь съ побѣдой!
Они меня хотѣли удержать,
Потомъ сопровождать.—Не дайте, боги,
Чтобъ страхъ и скорбь заставили и впрямь
Ихъ вслѣдъ за мной пойти!—И вотъ, какъ видишь,
Въ Пекинѣ я, неузнанный никѣмъ,
За сотни миль отъ родины далекой!
Я поступить солдатомъ въ войско хана
Китайскаго хочу, и, если счастье
Мнѣ повезетъ, свою улучшу участь!
Не знаю я, какое празднество
Причиною наплыва чужестранцевъ,—
Я въ караванъ-сарай попасть не могъ;
Все занято. Въ той хижинѣ убогой
Дала пріютъ мнѣ женщина одна.

БАРАКЪ.

Моя жена.

КАЛАФЪ.

Ужель? Скажи спасибо
Своей судьбѣ за добрую жену!
(*Протягивая ему руку*).
Теперь прощай. Я въ городъ направляюсь,
Хочу взглянуть, какое празднество
Въ Пекинъ толпы народныя сманило.
Затѣмъ пойду и хану поклонюсь,
Чтобъ взялъ меня къ себѣ на службу въ войско.
(*Хочетъ идти, Баракъ удерживаетъ его*).

БАРАКЪ.

Остановитесь, князь! Ужель вы въ силахъ
Свидѣтелемъ быть ужасовъ такихъ?
Мой благородный князь! Пекинъ—арена
Кровавыхъ дѣлъ.

КАЛАФЪ.

Какъ такъ? Не понимаю!

БАРАКЪ.

Иль неизвѣстно вамъ, что Турандотъ,
Принцесса, дочь единственная хана,
Повергла въ скорбь и слезы всю страну?

КАЛАФЪ.

Да! кое что слыхалъ я въ Хорассанѣ...
Народъ болталъ, что князь, сынъ Кейкобада,
Погибъ у васъ въ Пекинѣ странной смертью,
Что оттого война и возгорѣлась,
Которая сгубила Кейкобада.
Но мало-ль что народъ болтаетъ глупый?
Кто поумнѣй—смѣется лишь. Итакъ,
Я отъ тебя разсказа жду.

БАРАКЪ.

Принцесса
Прославилась умомъ и красотою,
Которую не въ силахъ передать
Художники ни кистью, ни рѣзцомъ,
Хотя ея изображеній сотни.
Къ несчастію, такое отвращенье
Къ замужеству она питаетъ, что
Князья славнѣйшіе и ханы тщетно
Ея руки искали...

КАЛАФЪ.

Да, слыхалъ
И эту сказку я. А дальше что же?

БАРАКЪ.

Тутъ сказки нѣтъ. Отецъ ея не разъ,
Наслѣдника себѣ имѣть желая,
Хотѣлъ ее просватать, но упорно
Отказывала всѣмъ она. Увы!
Любовь отцовская не позволяла
Ему упрямицу принудить силой.
И сколько войнъ изъ-за нея онъ велъ!
За нимъ досель побѣда оставалась,
Но онъ старикъ уже, глядитъ въ могилу,
А на кого оставить тронъ и царство?
Однажды къ ней и приступилъ онъ строго:
„Упрямица, рѣшись же выйти замужъ,
Иль выдумай такое средство, чтобы
Отъ вѣчныхъ войнъ избавлены мы были.
Я старъ уже, а сколько хановъ сильныхъ
По милости твоей враждуютъ съ нами!
Такъ укажи мнѣ средство, чтобъ отнынѣ
Не воевать намъ больше, и сама
Живи потомъ, какъ знаешь и какъ хочешь".
Поражена отцовскими словами
И строгостью, пыталась извернуться
Упрямица, но тщетно; ни слезами,
Ни ласками не тронула отца;
Онъ на своемъ стоялъ. Тогда, подумай,
Что фурія потребовать рѣшилась!

КАЛАФЪ.

Слыхалъ и это я и посмѣялся
Надъ сказкою нелѣпою. Я слышалъ:
Она отца издать указъ просила,

Которымъ свататься къ ней разрѣшалось
Всѣмъ ханамъ и князьямъ, съ однимъ, однако,
Условіемъ: въ присутствіи Дивана,
Придворныхъ всѣхъ и хана самого,
Три долженъ отгадать женихъ загадки,
Которыя предложитъ Турандотъ,
И если жениху удастся это,—
Съ рукою Турандотъ получитъ тронъ,
А если нѣтъ—его казнятъ. И клятвой
Скрѣпить указъ отца она просила...
Такъ доскажи конецъ мнѣ этой сказки.

БАРАКЪ.

О, еслибы все это было сказкой!
Сначала ханъ принцессѣ отказалъ,
Потомъ змѣя склонить его сумѣла
Своими ласками и хитрой рѣчью.
Никто,—она твердила,—не дерзнетъ
На смерть идти, и будемъ мы спокойны;
А если кто, безумецъ, и рѣшится—
На самого себя пускай пеняетъ;
На хана же не будетъ нареканій,
Когда законъ онъ свято соблюдаетъ.
И слабый ханъ ей уступилъ и издалъ
Чудовищный законъ!
(*Калафъ отрицательно качаетъ головой*).
Да, да, мой князь!
Хотѣлъ бы я, чтобъ это сказкой было
И я сказать бы могъ: все это басни!

КАЛАФЪ.

Я не могу тебѣ не вѣрить; значитъ,
Такой законъ былъ изданъ, но безумцевъ
Вѣдь не нашлось, чтобъ головой играть?

БАРАКЪ (*указывая на ворота*).

Взгляните, князь! Вотъ головы несчастныхъ
Казненныхъ смѣльчаковъ. Не отгадали
Загадокъ Турандотъ, и ихъ казнили!

КАЛАФЪ.

Ужасный видъ! Находятся-жъ глупцы,
Что головы свои сложить готовы
Любви чудовища такого ради!

БАРАКЪ.

Не говорите такъ! Увидѣть стоитъ
Кому нибудь ея изображенье,—
Повсюду есть они,—и онъ всецѣло
Во власти чаръ волшебной красоты,
И, слѣпъ и глухъ къ опасности смертельной,
Идетъ на все, чтобъ ею овладѣть.

КАЛАФЪ.

Одни глупцы!...

БАРАКЪ.

О нѣтъ! Да вотъ сегодня
Должны казнить изъ Самарканда князя.
Умнѣй его не видѣлъ свѣтъ. Самъ ханъ
Въ отчаяньѣ, но Турандотъ не тронуть.
(*Слышенъ отдаленный грохотъ барабановъ*).
Вы слышите? Такъ казнь уже свершилась.
Чтобъ зрѣлища ужаснаго избѣгнуть,
Я и ушелъ изъ города.

КАЛАФЪ.

Ужасно!
Неслыханно! И какъ могла природа
Такую женщину создать, какъ эта,
Которая смѣется надъ любовью,
Надъ человѣчностью!

БАРАКЪ.

Жена моя
Имѣетъ дочь, прислужницу принцессы.
О госпожѣ ея прекрасной много
Мы отъ нея слыхали и дивились.
Лишь къ женихамъ принцесса такъ жестока,
А то добрѣй ея не сыщешь въ свѣтѣ,
И гордость—грѣхъ единственный ея.

КАЛАФЪ.

О, въ адъ ее, исчадье преисподней,
Холодную, безчувственную тварь,
Которая одну себя лишь любитъ!
Да будь я ханъ, я сжегъ бы эту вѣдьму!

БАРАКЪ.

Вотъ князя другъ, несчастный Измаилъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* Измаилъ.

ИЗМАИЛЪ (*заливаясь слезами, протягиваетъ Бараку руку*).

Его ужъ нѣтъ!... Зачѣмъ ударъ смертельный
Не на мою палъ голову!

БАРАКЪ.

Несчастный!
Но какъ же вы могли ему позволить
На гибель вѣрную идти?

ИЗМАИЛЪ.

Ужели
Я заслужилъ упрекъ такой, о боги?
Остерегалъ, просилъ и заклиналъ
Его, какъ долгъ и дружба мнѣ велѣли!
Не внялъ онъ мнѣ, и рокъ его увлекъ!...

БАРАКЪ.

Утѣшьтесь-же!

ИЗМАИЛЪ.

О, никогда! Онъ умеръ,
И я былъ тутъ, при немъ въ послѣдній мигъ!
Его „прости“ мое пронзило сердце.
„Не плачь!“ сказалъ онъ мнѣ: „я умираю
Безъ сожалѣнія, охотно, если
Любимая моею быть не можетъ.
Пусть дорогой отецъ меня проститъ
За то, что съ нимъ я не простился. Знаю,
Не разрѣшилъ бы онъ безумный шагъ.
Снеси-жъ ему ея изображенье;
Когда его увидитъ мой родитель,—
Меня проститъ!“ И онъ прижалъ къ губамъ
И поцѣлуями осыпалъ страстно
Проклятое ея изображенье!—
И въ смертный часъ не могъ онъ съ нимъ разстаться!—
Затѣмъ склонилъ колѣни, и—свершилось!..
Дрожу я весь и до сихъ поръ!.. Я видѣлъ,
Какъ брызнула фонтаномъ кровь, какъ тѣло
Упало тяжело, и дорогую
Мнѣ голову палачъ высоко поднялъ.
(*Въ гнѣвѣ бросаетъ портретъ о земь*).
Проклятое сто кратъ изображенье!
Лежи въ пыли! О, если бы съ тобой,
Я растоптать могъ и ее, тигрицу,
Иль къ хану моему на судъ представить!
Нѣтъ, не могу я въ Самаркандъ вернуться!
Въ пустыню скроюсь я отъ глазъ людскихъ
Оплакивать возлюбленнаго князя!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Калафъ *и* Баракъ.

БАРАКЪ (*послѣ нѣкоторой паузы*).

Вы слышали, мой князь?

КАЛАФЪ.

Я въ изумленьѣ,
Въ смятеніи и ужасѣ. Какъ можетъ
Бездушное изображенье всѣхъ
Такъ очаровывать?
(*Хочетъ поднять портретъ*).

БАРАКЪ (*быстро удерживаетъ его*).

Мой князь! О, боги!
Что дѣлаете вы?

КАЛАФЪ (*смѣясь*).

Изображенье
Хочу поднять съ земли; хочу взглянуть
На эту красоту, что смертью дышитъ!
(*Схватываетъ портретъ съ земли*).

БАРАКЪ (*не давая ему взглянуть на портретъ*).

О, лучше бъ вы Медузу увидали,
Чѣмъ этотъ смертный ликъ. Прочь, прочь его!
Нельзя позволить вамъ!

КАЛАФЪ.

Ты неразуменъ!
Ну, пусть ты слабъ и за себя боишься,—
Я не боюсь. Досель не становился
Я женской прелести рабомъ, тѣмъ болѣ
Въ одно мгновеніе! Такъ неужели
Бездушныя черты сильнѣй быть могутъ
Чѣмъ красота живая?... Успокойся!
Не до игры любовной мнѣ теперь!
(*Хочетъ взглянуть на портретъ*).

БАРАКЪ.

И все таки, мой князь! Остерегитесь

КАЛАФЪ (*съ нетерпѣніемъ*).

Довольно-же! Меня ты оскорбляешь!
(*Отталкиваетъ его, смотритъ на портретъ и не можетъ придти въ себя отъ изумленія. Послѣ нѣкоторой паузы*).
Что вижу я?

БАРАКЪ (*въ отчаяніи ломаетъ руки*).

О, горе мнѣ! Несчастный!

КАЛАФЪ (*порывисто схватывая его за руку*).

Баракъ!
(*Хочетъ продолжать, но, взглянувъ на портретъ, опять погружается въ восторженное созерцаніе*).

БАРАКЪ (*про себя*).

Беру въ свидѣтели васъ, боги,—
Я ни при чемъ! Не могъ я помѣшать!

КАЛАФЪ.

Баракъ! Не можетъ быть, чтобъ этотъ дивный,
Небесный ликъ, лучистый, кроткій взоръ,
И нѣжныя черты принадлежали
Чудовищу безъ сердца, безъ души!

БАРАКЪ.

Несчастный князь! Что слышу я?.. Принцесса
Сама еще прекраснѣй во сто кратъ!
Безсильна кисть художника предъ нею.
Но и языкъ безсиленъ описать,

Какъ Турандотъ жестока, неприступна!
О, бросьте-же проклятый этотъ образъ!
Онъ въ сердце вамъ вливаетъ ядъ смертельный!

КАЛАФЪ.

Напрасно все! напрасно рѣчи тратишь!
Небесный ликъ! Зовущія уста!
Глаза, какъ у самой любви богини!
О, райское блаженство – обладать
Сокровищемъ такимъ!

(*Опять погружается въ созерцаніе портрета, затѣмъ вдругъ поворачивается къ Бараку и схватываетъ его за руку*).

Баракъ, послушай!
Теперь иль никогда! Пора настала
Мнѣ испытать судьбу. Къ чему влачить
Такую жизнь? Нѣтъ, иль однимъ ударомъ
Завоевать прекраснѣйшую въ свѣтѣ
И съ нею тронъ, или покончить разомъ
Съ презрѣнною и ненавистной жизнью!—
Прекрасная картина! Будь залогомъ
Моихъ надеждъ и счастья моего!
Да, новая тебѣ готова жертва,
Готовъ подвергнуться я испытанью,—
Будь геніемъ-хранителемъ моимъ!...
Баракъ! Вѣдь, прежде, чѣмъ умру, увижу
Воочію я этотъ дивный ликъ?

(*Въ это время надъ воротами показывается ужасная личина палача, воздвигающаго при грохотѣ барабановъ новую голову на желѣзномъ прутѣ*).

БАРАКЪ.

Глядите, князь Калафъ, и ужасайтесь
Вотъ голова несчастнѣйшаго князя
Глядитъ на васъ и васъ остерегаетъ!
Рука, ее срубившая, и васъ
Ждетъ, князь! Одумайтесь, молю! Загадокъ
Тигрицы этой вамъ не отгадать.
И вашу голову уже я вижу
Надъ воротами здѣсь, какъ грозный знакъ
Остерегающій другихъ!

КАЛАФЪ (*смотритъ на голову князя Самаркандскаго задумчиво и съ состраданьемъ*).

Несчастный!
Какой же темный духъ непобѣдимо
Влечетъ меня тебѣ во слѣдъ, на гибель?

(*Задумывается, затѣмъ оборачивается къ Бараку*).

Не надо слезъ, Баракъ! Иль не оплакалъ
Ты ужъ давно, какъ мертваго, меня?
Ступай теперь! И никому не выдай,
Кто—я!.. Какъ знать? Преслѣдовать уставъ,
Судьба, быть можетъ, мнѣ пошлетъ удачу,
Обрадуетъ отца и мать подъ старость!
А если нѣтъ, то что теряетъ съ жизнью
Такой бѣднякъ?.. Но, если отгадать
Удастся мнѣ загадки, не забуду
Твоей любви ко мнѣ, Баракъ!.. Прощай!

(*Хочетъ идти, но Баракъ не пускаетъ его. Изъ дома въ это время выходитъ Скирина*).

БАРАКЪ.

Нѣтъ, ни за что? Жена, ко мнѣ! На помощь!
Не выпускай его! Твой гость несчастный
Идти отгадывать загадки хочетъ
Проклятой фуріи! Погибнетъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скирина.

СКИРИНА (*заступая дорогу Калафу*).

Что слышу я? О, горе! Вы, нашъ гость!..
Такъ молоды!.. Что-жъ васъ влечетъ на гибель?

КАЛАФЪ.

Вотъ этотъ ликъ божественный! Судьба
Съ нимъ связана моя! (*Показываетъ портретъ*).

СКИРИНА.

О, горе, горе!
Какъ на глаза портретъ ему попался?

БАРАКЪ.

Несчастнымъ случаемъ.

КАЛАФЪ (*становясь между ними*).

Гассанъ! Скирина!
За вашъ пріемъ радушный оставляю
Вамъ своего коня. Да вотъ еще
Мой кошелекъ. Въ немъ все мое богатство.
Не нужно больше мнѣ оно. Вернусь—
Такъ княземъ я, иль... не вернусь я вовсе!
Хотите вы, такъ принесите въ даръ
Богамъ хоть часть, да бѣднымъ отдѣлите,
Чтобъ вымолили мнѣ они удачу!
Прощайте-же! Меня зоветъ судьба!

(*Стремительно бросается въ городъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Баракъ и Скирина.

БАРАКЪ (*кидается за нимъ*).

Мой господинъ! Мой бѣдный князь!...
Напрасно!
Не слышитъ онъ!...

СКИРИНА (*любопытно*).

Твой господинъ? Такъ этотъ
Прекрасный юноша тебѣ знакомъ?
О, кто-же онъ, скажи!

БАРАКЪ.

Не любопытствуй!
Одно скажу: такимъ умомъ высокимъ
Онъ одаренъ, что не совсѣмъ еще
Отчаялся я за него. Пойдемъ-же
И отдадимъ богамъ и бѣднымъ все,
Что онъ намъ далъ и что имѣемъ сами.
Молиться будемъ всѣ предъ алтарями,
Колѣни преклонивъ! И будетъ онъ
Намъ милосердіемъ боговъ спасенъ!..

(*Уходитъ въ домъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ Дивана съ двумя дверями; однѣ ведутъ въ покои хана, другія въ покои принцессы.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРУФАЛЬДИНЪ, *начальникъ евнуховъ, стоитъ съ важнымъ видомъ посреди зала и отдаетъ приказанія чернымъ рабамъ, которые убираютъ залъ. Немного спустя* БРИГЕЛЛА.

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Ну, шевелитесь, вы! Живѣй!.. Собраться
Готовъ диванъ.—Ковры сюда и троны!
Направо сядетъ ханъ, а здѣсь налѣво
Прекрасная принцесса, Турандотъ!

БРИГЕЛЛА (*входитъ*).

А, Труфальдинъ! Что тутъ у васъ творится?
Что за уборка здѣсь идетъ?

ТРУФАЛЬДИНЪ (*не слушая*).

Вонъ тамъ
Поставить восемь креселъ для ученыхъ.
Хоть не о чемъ имъ тутъ и препираться,
А для порядка все-жъ должны сидѣть
Да бороды съ ученымъ видомъ гладить!

БРИГЕЛЛА.

Ну, отвѣчай-же мнѣ! Зачѣмъ все это?

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Зачѣмъ? Затѣмъ, что ханъ, принцесса, восемь
Ученыхъ мудрецовъ, министры, дворъ—
Всѣ соберутся здѣсь сейчасъ. Вѣдь новый
Смѣльчакъ женихъ явился! Надоѣло
Ему ходить, должно быть, съ головой!

БРИГЕЛЛА.

Нѣтъ трехъ часовъ, какъ одного казнили
И ужъ другой?

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Да, да! Хвала богамъ!
Дѣла у насъ идутъ пока недурно!

БРИГЕЛЛА.

А ты еще шутить способенъ, извергъ!
Ты радъ чудовищной рѣзнѣ?

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Еще бы!
Мнѣ всякій разъ, небось, перепадаетъ,
Какъ жениха на тотъ спровадятъ свѣтъ.
Едва корабль принцессы невредимо
Минуетъ брачную скалу, принцесса
Даетъ у насъ въ сералѣ брачный пиръ!
Таковъ у насъ обычай! Такъ ведется!
Мы по числу головъ пиры считаемъ!

БРИГЕЛЛА.

Безбожные и низкіе разсчеты!
Твоя душа черна, какъ тѣло, евнухъ!
Недаромъ, ты не полный человѣкъ...
У насъ, людей, то есть, у *настоящихъ*,
И сердце есть въ груди, чтобъ сострадать.

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Еще чего! Кто проситъ этихъ принцевъ
Намъ головы свои нести? Никто!
Вольно-жъ имъ быть такими дураками!
На воротахъ Пекина ясно можно
Прочесть о томъ, что здѣсь ихъ ожидаетъ.
И вообще, головъ ни у кого
Не отнимаемъ мы! Сюда стремятся
Лишь тѣ, что безъ головъ давно гуляютъ!

БРИГЕЛЛА.

Да, выдумка премилая, признаться!
Вамъ сватовствомъ оказываютъ честь,
А вы загадками благодарите,
И, если кто не сразу отгадаетъ,
Тѣмъ головы долой!

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Не такъ, товарищъ!
Придумано у насъ—чего ужъ лучше!
Посвататься не хитрость! Всякій сможетъ!
И ремесла нѣтъ легче сватовства:
Пріѣдешь женихомъ—на всемъ готовомъ
Живешь себѣ у будущаго тестя!
И младшіе сынки, князья поплоше,
Что всѣ владѣнія свои въ дорожномъ
Мѣшкѣ съ собой таскаютъ, преисправно
Отказами живутъ! Да вотъ, у насъ,
Чѣмъ не гостиница была для разныхъ
Искателей невѣстъ и приключеній?
Наслѣдница единственная хана—
Приманка хоть куда! И самый худшій
Себя считалъ прекраснѣйшей достойнымъ.
Къ намъ всякій лѣзъ, какъ будто-бы у насъ
Комедія давалась даровая,
Пока на мысль принцесса не напала,
Какъ въ сутки домъ очистить отъ гостей.
На мѣстѣ Турандотъ другая, вѣрно,
Послала-бы поклонниковъ своихъ
Схватиться съ колдуномъ, иль съ великаномъ,
Иль къ шаху въ Вавилонъ, чтобъ у него,
Когда за столъ онъ сядетъ кушать,—вырвать
Тихонечко три зуба коренныхъ;
Иль дерево поющее доставить
Ей приказала-бы, живую воду
Иль птицу, что умѣетъ говорить.
Такъ нѣтъ, такого ничего! Загадки
Пришлись по вкусу ей. Предложитъ три
Изысканныхъ вопроса и—довольно.
Тутъ никакихъ хлопотъ, возни; не надо
Изъ теплой комнаты ни шагу дѣлать
И острый мечъ изъ ноженъ вынимать.
Зато—намъ острый умъ подать извольте!
Да, да, мой другъ! Она-то поняла,
Она нашла, какъ дураковъ отвадить!

БРИГЕЛЛА.

Но можно быть и рыцаремъ и мужемъ
Отличнѣйшимъ и все-жъ не раскусить
Колючей скорлупы загадокъ!

ТРУФАЛЬДИНЪ.

То-то
И хорошо, и честно поступаетъ
Принцесса Турандотъ, что женихамъ
Загадки задаетъ еще *до* свадьбы.
Вѣдь, *послѣ*-то куда-бы хуже вышло!
Теперь женихъ не отгадаетъ—разомъ
Съ него заботы всѣ снимаютъ съ плечъ.
А если *мужъ* загадокъ не осилитъ,
Которыя *жена* ему подноситъ,
Онъ навсегда запутался, пропалъ!

БРИГЕЛЛА.

Ты шутъ, съ тобой и говорить не стоитъ!
Ну пусть себѣ загадки задаетъ,
Коль остроуміемъ блеснуть ей лестно,
Но головы рубить неостроумнымъ
И недогадливымъ—безчеловѣчно!
Гдѣ это слыхано: казнить людей
За то, что умъ у нихъ неповоротливъ!

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Баранья голова! Иль можно было
Отдѣлаться отъ дураковъ, считавшихъ
За умниковъ себя, когда бъ все дѣло
Кончалось тѣмъ, что имъ при всемъ Диванѣ
Сказали-бъ дурака? Да еслибъ знать,

Что цѣлъ останешься, кто сталъ-бы трусить?
Кто побоялся-бы однѣхъ загадокъ?
Онѣ скорѣй приманкой-бы служили,
Чѣмъ пугаломъ. До нихъ всѣ люди падки.
И, если ужъ не ради Турандотъ
Съ ея богатствами, такъ шли-бы люди
Сюда однѣхъ ея загадокъ ради.
Въ концѣ концовъ, кому не любъ свой умъ
И краснорѣчіе гораздо больше
Красавицы первѣйшей!

БРИГЕЛЛА.

Но, скажи,
Какой-же прокъ изъ этой всей затѣи?
Лишь тотъ, что Турандотъ засядетъ въ дѣвахъ.
Кто дорожитъ собой и кто не глупъ
Руки къ такой колючкѣ не протянетъ!

ТРУФАЛЬДИНЪ.

А велика бѣда прожить безъ мужа!

(*Издали доносятся звуки марша*).

БРИГЕЛЛА.

Изволитъ ханъ идти!

ТРУФАЛЬДИНЪ (*черномъ*).

Эй, вы, тамъ! Маршъ!
А я пойду мою принцессу встрѣтить.

(*Расходятся въ разныя стороны*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Процессія солдатъ и музыкантовъ. Затѣмъ восемь ученыхъ, педантовъ по виду и одеждѣ. За ними ПАНТАЛОНЪ *и* ТАРТАЛІЯ, *оба характерно загримированные, и, наконецъ, самъ* ХАНЪ АЛТОУМЪ *въ китайскомъ одѣяніи.* ПАНТАЛОНЪ *и* ТАРТАЛІЯ *становятся напротивъ ханскаго трона, восемь ученыхъ въ глубинѣ сцены и остальная свита вдоль стѣны, у которой стоитъ ханскій тронъ. При входѣ* АЛТОУМА *всѣ падаютъ ницъ, стукаются лбами о-земь и остаются въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока ханъ не занимаетъ своего мѣста. Ученые садятся на приготовленныя для нихъ кресла. По знаку* ПАНТАЛОНА *музыка смолкаетъ.*

АЛТОУМЪ.

О, слуги вѣрные! Когда-жъ настанетъ
Конецъ моимъ терзаніямъ и горю?
Едва схороненъ принцъ изъ Самарканда,
И осушить мы не успѣли слезъ,
Какъ новая уже готова жертва,
Опять мнѣ острый ножъ пронзаетъ сердце!
О, дочь жестокая! Послали боги
Ее на горе мнѣ! Я проклинаю
Тотъ день и часъ, когда я согласился
Издать законъ чудовищный и клятвой
Его скрѣпить! Но что въ томъ проку, если
Я не могу его нарушить, если
Неумолима дочь, неустрашимы
Искатели ея руки! Что дѣлать?
Никто помочь не въ силахъ, дать совѣтъ!

ПАНТАЛОНЪ.

Какой-же тутъ совѣтъ, мой повелитель!
У насъ, въ земляхъ и странахъ христіанскихъ,—
Въ Венеціи родной моей, къ примѣру,—
Не издаютъ такихъ законовъ странныхъ...
И не бывало случаевъ такихъ,
Чтобы въ портретъ влюблялись люди страстно
И головы свои несли на плаху
Изъ-за такой красотки! Не родилось
У насъ и дѣвушекъ такихъ кремней,
Которыя мужчинъ всѣхъ отвергаютъ.
Намъ ничего такого и не снилось!
Тамъ, у себя на родинѣ живя,—
Пока меня оттуда поединокъ,
Какъ вамъ извѣстно, не изгналъ, и я,
Звѣздой счастливою веденъ, не прибылъ
Сюда, въ Пекинъ, гдѣ нынѣ честь имѣю
Быть ханскимъ канцлеромъ,—я о Китаѣ
Такъ мало зналъ, что смѣшивалъ его
Я съ порошкомъ отъ лихорадки, хиной *)!
И до сихъ поръ дивлюсь я здѣшнимъ
Обычаямъ забавнымъ, страннымъ клятвамъ,
Диковиннымъ законамъ и нелѣпымъ
Мужчинамъ, женщинамъ... Ну, словомъ, если
Поразсказалъ-бы я о томъ въ Европѣ,
Всѣ на смѣхъ подняли-бъ меня, клянусь!

АЛТОУМЪ.

Тарталія! Ты посѣтилъ безумца?

ТАРТАЛІЯ.

Да, государь! Онъ помѣщенъ въ покояхъ,
Которые отводятъ чужестранцамъ.
Меня въ восторгъ привелъ лицомъ прекраснымъ
И царственной своей осанкой онъ.
Да, просто грѣхъ—такой цвѣтущій, юный,
Подъ топоромъ окончитъ жизнь свою!...
Подумаешь—такъ сердце защемитъ!...
Такой прекрасный князь!... Клянусь, не видѣлъ
Я никого прекраснѣе!

*) По-нѣмецки Китай—China.

АЛТОУМЪ.

О, клятва
Постылая! Чудовищный законъ!...
Принесены богамъ, однако, жертвы,
Чтобъ юношу-безумца просвѣтили
И отгадать загадки помогли?..
Но нѣтъ! Не смѣю я питать надежды!

ПАНТАЛОНЪ.

О, жертвъ мы, государь, не пожалѣли!
Принесены въ даръ богу неба триста
Быковъ, три сотни лошадей въ даръ солнцу,
И мѣсяцу—свиней три сотни.

АЛТОУМЪ.

Пусть
Передъ лицо мое представятъ князя!

(*Часть свиты уходитъ*).

Отговорить его пытаться надо.
Вы, свѣточи Дивана моего,
Своею мудростью мнѣ помогите,
Коль мой языкъ отъ горя онѣмѣетъ!..
Пусть въ доводахъ не будетъ недостатка!

ПАНТАЛОНЪ.

Не пощадимъ ума и краснорѣчья,
Которые годами накопили.
Да толку что? Истреплемъ мы языкъ,
И горло прокричимъ, и все-жъ онъ горло,
Какъ курица, себѣ дастъ перерѣзать!

ТАРТАЛІЯ.

Я канцлеру осмѣлюсь возразить,
Что въ князѣ острый умъ успѣлъ замѣтить...
Какъ знать? По мнѣ, отчаиваться рано!

ПАНТАЛОНЪ.

Чтобъ отгадать онъ могъ ея загадки?
Да никогда!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ и КАЛАФЪ *въ сопровожденіи почетной стражи. Онъ преклоняетъ колѣна передъ ханомъ, приложивъ руку ко лбу.*

АЛТОУМЪ (*молча разглядываетъ его нѣкоторое время*).

Встань, юноша несчастный!

(*Калафъ встаетъ и съ благороднымъ достоинствомъ занимаетъ мѣсто посреди зала*).

Прекрасное лицо! И вся осанка
Исполнена величія! Онъ сразу
Мнѣ по сердцу пришелся. О, несчастный!—
Скажи намъ, кто-же ты? Откуда родомъ?

КАЛАФЪ (*сначала въ смущеніи молчитъ, затѣмъ съ поклономъ, полнымъ достоинства, говоритъ*).

Позволь о томъ мнѣ умолчать, властитель!

АЛТОУМЪ.

Дакакъ-же смѣешь ты,пришлецъ безвѣстный,
Разсчитывать, что мы тебя признаемъ
Достойнымъ свататься за нашу дочь!

КАЛАФЪ.

Природный князь предъ вами, повелитель!
И, если рокъ на смерть меня осудитъ,
Я, прежде чѣмъ умру, открою вамъ
Свой родъ, отечество и имя, чтобы
Весь свѣтъ узналъ, насколько я былъ вправѣ
Искать руки прекраснѣйшей принцессы.
Пока-же я о милости прошу
Позволить мнѣ остаться неизвѣстнымъ.

АЛТОУМЪ.

Въ рѣчахъ его такое благородство!
О, какъ мнѣ жаль его!... Но, если ты
Сумѣешь разгадать всѣ три загадки,
И обнаружится, что родъ твой низокъ...

КАЛАФЪ.

Касается законъ лишь принцевъ крови!
Но, если небо мнѣ пошлетъ удачу,
И обнаружится, что я не князь,
Пусть поплачусь за дерзость головою,
И пусть мой трупъ безъ погребенья бросятъ
Звѣрямъ и коршунамъ на растерзанье.
Одинъ лишь человѣкъ въ Пекинѣ знаетъ,
Кто я. Онъ можетъ вамъ открыть мой родъ,
Пока-же я о милости прошу
Позволить мнѣ остаться неизвѣстнымъ.

АЛТОУМЪ.

Ну, хорошо. Довѣріе внушаетъ
Твой благородный видъ, осанка, рѣчи...
Согласенъ я. Но согласись и ты
На просьбу старика, который съ трона
Къ тебѣ о томъ взываетъ: откажись,
Не искушай судьбу! Стремишься въ бездну
Ты въ ослѣпленіи! Молю, опомнись,
И отъ меня хотя полцарства требуй!
Ты сердце побѣдилъ мое! Полцарства
Тебѣ отдамъ я безъ руки принцессы.
Не вынуждай меня тираномъ быть!
Меня гнететъ проклятіе народовъ
И пролитая кровь! О пожалѣй
Меня, когда себя ты не жалѣешь!
Не дай твою оплакивать мнѣ гибель.

И проклинать себя и дочь,
Рожденную самимъ-же мной на горе,
На гибель всѣмъ и на мученье мнѣ!

КАЛАФЪ.

О, государь! Свидѣтелемъ мнѣ небо—
До глубины души тебя жалѣю!
Не отъ отца, богатаго любовью,
Наслѣдовала дочь жестокость сердца.
Не виноватъ ни въ чемъ ты, повелитель!
Не преступленіе—отцу любить
Свое дитя, еще же меньше—міру
Дать чудо красоты и совершенства,
Которое собой чаруетъ всѣхъ!
Но ханъ! Ты милостью своей безмѣрной
Другого осчастливь! Я недостоинъ
Съ тобою власть дѣлить! Судили боги
Счастливымъ быть мнѣ только съ Турандотъ,
А безъ нея не надо мнѣ и жизни!
Иль Турандотъ, иль смерть!

ПАНТАЛОНЪ.

Любезный князь!
Вы головы на воротахъ видали?—
Да, къ этому ужъ нечего прибавить.
Скажите-жъ мнѣ, ну что за радость, право,
Изъ дальнихъ странъ сюда въ Пекинъ явиться
И, здорово живешь, подставить лобъ?
Вѣдь, Турандотъ предложитъ вамъ загадки,
Съ которыми семь древнихъ мудрецовъ
И семьдесятъ толковниковъ напрасно
Возились-бы хоть годъ. Взять насъ самихъ,—
Надъ книгами мы посѣдѣть успѣли,
Но глубина загадокъ и для насъ
Непроницаема. Вѣдь, не похожи
Загадки Турандотъ на тѣ загадки,
Которыя встрѣчаемъ въ дѣтскихъ книжкахъ:
„Не для того оно, кто это видитъ;
„Кто это дѣлаетъ, займетъ не тотъ,
„А кто займетъ, такъ тотъ ужъ не заплатитъ,
„Да не своею волей и займетъ!“
Нѣтъ, у нея загадки поновѣе,
Не такъ-то скоро ихъ раскуситъ каждый;
И, если-бы принцесса не вручала
Ученымъ всѣмъ съ разгадками конвертовъ,
И имъ, со всей ихъ мудростью сѣдой,
Во вѣкъ-бы тѣхъ загадокъ не осилить!
Итакъ, юнецъ, вернитесь-ка домой!
Мнѣ, право, жаль и вашей юной жизни
И шелковыхъ кудрей! А коль хотите
Упорствовать, то на грядахъ рѣдиска
Сидитъ вѣрнѣй, чѣмъ ваша голова!

КАЛАФЪ.

Вы даромъ тратите слова, добрѣйшій!
Иль Турандотъ, иль смерть!

ТАРТАЛІЯ (*заикающимся голосомъ*).

Ту... Турандотъ!
Чертовское упрямство! Ослѣпленье!
Поймите, сударь, о головѣ идетъ
Здѣсь дѣло, не объ орѣхахъ!... Поймите!
О головѣ!... И доводовъ другихъ
Мнѣ кажется не надо! Только этотъ:
О вашей головѣ здѣсь рѣчь идетъ!
Самъ ханъ отечески увѣщеваетъ,
Остерегаетъ васъ! Принесены
Владыкѣ неба въ даръ быковъ три сотни,
И триста лошадей въ даръ солнцу, триста
Свиней лунѣ, коровъ три сотни звѣздамъ!
И все для васъ! А, вы, неблагодарный,
Терзаете на части сердце хана!...
Не будь еще другихъ красавицъ въ свѣтѣ,
Какъ только Турандотъ!... Да и тогда
Поступокъ вашъ нелѣпымъ я-бы назвалъ,—
Простите, юноша, за откровенность!
Беру боговъ въ свидѣтели, что только
Одна любовь и состраданье къ вамъ—
Влагаютъ мнѣ въ уста такія рѣчи!
Вы понимаете, что это значитъ:
Лишиться головы? Вѣдь, смысла нѣтъ...

КАЛАФЪ.

Пускать слова такъ на вѣтеръ, какъ вы!
Вы тратите слова, почтенный, даромъ!
Иль Турандотъ, иль смерть!

АЛТОУМЪ.

Ну смерть, такъ смерть.
Губи себя и раздирай мнѣ сердце!

(*Къ свитѣ*).

Пусть явится принцесса Турандотъ
И полюбуется второю жертвой!

(*Одинъ изъ свиты уходитъ*).

КАЛАФЪ (*обернувшись къ дверямъ и въ сильномъ волненіи*).

Она сейчасъ войдетъ! Ее увижу!
Великій мигъ! Мнѣ силы дайте, боги!
Да сохраню ума и сердца твердость!
Я красоты ея одной страшусь.
О, только-бы мой умъ не помутился!
Я весь дрожу, душа моя слабѣетъ!—
Вы, судьи мудрые! Моей судьбы
Вершители! За дерзость не сочтите
Желаніе мое судьбу пытать,
Но состраданіе ко мнѣ имѣйте
Несчастному! Не воленъ я въ себѣ!
Могучая, невѣдомая сила
Влечетъ меня; безсиленъ я предъ нею!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же; *слышатся звуки марша, и затѣмъ входитъ* Труфальдинъ *съ саблей на-голо; за нимъ евнухи и рабыни, которые бьютъ въ барабаны;* Зелима *и* Адельма *съ завѣшанными лицами; послѣдняя въ татарскомъ одѣяніи; у* Зелимы *въ рукахъ блюдо съ запечатанными конвертами.* Труфальдинъ *и евнухи, войдя, отдаютъ хану земной поклонъ, стукаясь лбомъ объ полъ, рабыни, преклоняя колѣни и прикладывая руку ко лбу. Затѣмъ появляется сама* Турандотъ, *также съ завѣшаннымъ лицомъ и въ богатомъ китайскомъ одѣяніи; осанка ея горделива и величественна. Диванъ и ученые падаютъ передъ нею ницъ.* Алтоумъ *встаетъ;* Турандотъ, *приложивъ руку ко лбу, отвѣшиваетъ ему поклонъ, входитъ на ступени трона и занимаетъ свое мѣсто.* Зелима *и* Адельма *становятся по обѣ стороны ея трона; послѣдняя ближе къ зрителямъ.* Труфальдинъ *беретъ у* Зелимы *блюдо и раздаетъ конверты ученымъ съ разными смѣшными церемоніями. Затѣмъ, онъ опять отдаетъ земной поклонъ хану и уходитъ. Музыка умолкаетъ.*

Турандотъ (*послѣ нѣкоторой паузы*).

Кто это вновь себя надеждой льститъ,
Всѣ грозные примѣры забывая,
Открыть глубокій смыслъ моихъ загадокъ?
Кто жизни собственной не радъ и хочетъ
Умножить жертвъ число?

Алтоумъ (*указывая на Калафа, который пораженный стоитъ посреди зала*).

Вотъ онъ! Взгляни-же,
Достоинъ онъ, чтобъ согласилась ты
Его женою стать безъ испытанья.
О, не ввергай опять въ печаль народъ,
Не мучь отца!

Турандотъ (*нѣкоторое время смотритъ на Калафа, затѣмъ тихо Зелимѣ*).

О, небо, что со мною!

Зелима.

Что, госпожа моя?

Турандотъ.

Никто изъ всѣхъ,
Являвшихся сюда, не могъ заставить
Въ груди моей забиться сердце... Этотъ
Одинъ сумѣлъ!

Зелима.

Такъ легкихъ три загадки...
И гордость по боку!...

Турандотъ.

Какъ смѣешь ты?...
О, дерзкая! А честь моя?..

Адельма (*все время съ изумленіемъ всматривавшаяся въ Калафа*).

Ужели?
Иль это сонъ? Кого я вижу здѣсь?
То онъ! Тотъ самый юноша прекрасный,
Котораго я при дворѣ отцовскомъ
Слугой простымъ, работникомъ знавала!
Онъ князь!..Недаромъ сердце мнѣ твердило!
Не обманулась я!

Турандотъ.

Еще есть время!
Оставьте, князь, намѣренье свое,
Бѣгите прочь!... Свидѣтелемъ мнѣ небо,
Винятъ меня въ жестокости напрасно!
Свою свободу я лишь защищаю!
Я не желаю быть ничьей! Хочу
Я—хана дочь, принцесса Турандотъ—
Лишь сохранить то дорогое право,
Которое во чревѣ материнскомъ
Дается всѣмъ, ничтожнѣйшимъ изъ смертныхъ,—
Рабынями униженными вижу
Я въ Азіи всѣхъ женщинъ и за нихъ
Отмстить хочу тиранамъ ихъ, мужчинамъ,
Которые однимъ лишь превосходствомъ
Надъ женщиной кичиться могутъ—силой!
Природа мнѣ оружіемъ дала
Находчивость и гибкій, острый умъ,
Чтобъ защищать отъ нихъ мою свободу.
Я не хочу ихъ знать! Я ненавижу
Высокомѣріе, кичливость ихъ!
Они на все, что поцѣннѣй, получше,
Какъ на свою добычу, смотрятъ алчно,
Что имъ понравится, то и берутъ!..
Мнѣ умъ дала и красоту природа...
Но почему все цѣнное должно
Служить добычею страстей желанной,
Ничтожное-жъ въ покоѣ оставляютъ?
И почему добычей одного
Быть красотѣ? Она должна свободной
И видимой для всѣхъ сіять, какъ солнце,
На утѣшеніе и радость всѣмъ!

Калафъ.

Великая душа и благородный,
Высокій умъ здѣсь спорятъ съ красотой!
О, кто жъ того осудитъ, кто рискуетъ
Своею головой, чтобъ заслужить

Награду изъ наградъ?... Иль не ввѣряетъ
Купецъ, за выгодой гонясь, богатство,
Корабль, людей и жизнь стихіямъ дикимъ?
Герой, гонясь за призрачною славой,
Не презираетъ смерть? Такъ неужель
Намъ красота должна даваться даромъ,—
Первѣйшее и лучшее изъ благъ?
Итакъ, въ жестокости не упрекаю
Я—васъ, а вы не называйте дерзкимъ
Меня за то, что пламенной душой
Къ безцѣнному сокровищу стремлюсь!
Ему назначили вы цѣну сами,
Достойному къ нему открыли доступъ.
Я—князь и съ радостью рискую жизнью,
Несчастною—то правда, но она
Все достояніе мое! Да, еслибъ
И тысячу я ихъ имѣлъ, я всѣми
Теперь охотно-бы рискнулъ!

ЗЕЛИМА (*тихо Турандотъ*).

Принцесса!
Вы слышите?... О, ради неба, сжальтесь!..
Три простенькихъ загадки!... Стоитъ онъ!

АДЕЛЬМА.

Какъ благороденъ онъ! Любви достоинъ!
Онъ долженъ быть моимъ! О, знала-бъ я,
Что онъ природный князь, еще въ то время,
Когда свободна я была!... Какою
Любовью пламенной къ нему горю
Теперь, узнавъ, что онъ меня достоинъ!
Но мужество! Еще моимъ онъ будетъ!
(*Обращаясь къ Турандотъ*).
Молчите вы, колеблетесь, принцесса!
А ваша честь и слава? О, мужайтесь!

ТУРАНДОТЪ.

Ужель меня онъ склонитъ къ состраданью?
Нѣтъ, Турандотъ! Ты побѣдишь себя!—
Такъ будь готовъ, безумецъ!

АЛТОУМЪ.

Князь! Ужели
Вы не откажетесь?

КАЛАФЪ.

Я повторяю:
Иль Турандотъ, иль смерть!

(*Панталонъ и Тарталія знаками выражаютъ нетерпѣніе и досаду*).

АЛТОУМЪ.

Такъ пусть услышитъ
Кровавый нашъ указъ и содрогнется!

ТАРТАЛІЯ (*вынимаетъ изъ-за пазухи книгу законовъ, цѣлуетъ ее, прикладываетъ къ груди, затѣмъ ко лбу и передаетъ Панталону*).

ПАНТАЛОНЪ (*сначала падаетъ ницъ, затѣмъ встаетъ, беретъ книгу и громко читаетъ*):

Искать руки принцессы можетъ князь любой явиться;
„Ему изволитъ три она загадки загадать,—
„Не отгадаетъ онъ и долженъ головы лишиться,
„А голова его врата Пекина украшать;
„Сумѣетъ отгадать и—Турандотъ возьметъ женою.
„Законъ сей соблюдать клянемся солнцемъ и луною!“

(*Цѣлуетъ книгу, прикладываетъ ее къ груди и ко лбу и передаетъ Тарталіи, тотъ падаетъ ницъ, стукается лбомъ объ полъ, затѣмъ встаетъ и передаетъ книгу хану*).

АЛТОУМЪ (*возлагая правую руку на книгу*).

Губительный законъ! мое мученье!...
Но соблюсти тебя даю я клятву!

(*Тарталія прячетъ книгу за пазуху. Наступаетъ продолжительное молчаніе*).

ТУРАНДОТЪ (*встаетъ и начинаетъ торжественнымъ тономъ, какъ бы декламируя*).

Есть дерево; взрощаетъ
Въ вѣтвяхъ людей оно,
И вѣчно зеленѣетъ,
Хоть и растетъ давно!
Глядятъ на солнце листья
Одною стороной,
Но никогда не видятъ
Свѣтила дня другой.
Все новый слой за слоемъ
Является на немъ;
По нимъ всего на свѣтѣ
Мы возрастъ узнаемъ.
И на корѣ намъ имя
Легко запечатлѣть,
Едва-жъ кора подсохнетъ—
Его не разглядѣть.
Ну, кто-же смыслъ загадки
Сумѣетъ разгадать,
И дерево то можетъ
По имени назвать?

КАЛАФЪ (*раздумываетъ нѣкоторое время, возведя взоръ къ небу, затѣмъ говоритъ съ поклономъ*):

Вашъ рабъ, принцесса, слишкомъ счастливъ,
если

Его не ждутъ загадки потруднѣй!
То дерево, что вѣчно зеленѣетъ,
Людей роститъ и на которомъ листья
Одною стороной глядятъ на солнце,
Другую-жъ отъ него всегда скрываютъ,
И на корѣ котораго такъ много
Начертано именъ бываетъ разныхъ,
Увы, замѣтныхъ лишь, пока надрѣзы
Еще свѣжи,—то дерево есть *годъ*,
А листья двухстороннія, то—*сутки*;
День—сторона одна, а ночь—другая!

ПАНТАЛОНЪ (*радостно*).

Тарталія! Попалъ!

ТАРТАЛІЯ.

Какъ разъ!

УЧЕНЫЕ (*разрывая конверты*).

То годъ!
То годъ, то годъ!

АЛТОУМЪ (*радостно*).

Благословятъ пусть боги
Тебя, мой сынъ, и отгадать помогутъ
Загадку новую!

ЗЕЛИМА (*въ сторону*).

О, дайте, боги!...

АДЕЛЬМА (*въ сторону зрителей*).

Нѣтъ, нѣтъ! Не дайте, боги, чтобъ жестокой
Достался онъ, для любящей погибъ!

ТУРАНДОТЪ (*потрясенная, про себя*).

Онъ побѣдитъ меня и обезславитъ?
Клянусь богами, нѣтъ! (*Калафу*). Глупецъ
надменный!
Торжествовать еще не время!—Слушай!
(*Снова встаетъ и начинаетъ въ прежнемъ торжественномъ тонѣ*).
Вся свѣтомъ внутреннимъ сіяя,
Всегда ярка, всегда ясна,
Хоть каждый часъ и мигъ другая,
Картина въ свѣтѣ есть одна.
Размѣромъ рамки узкой, тѣсной
Она ничуть не стѣснена,
И необъятный сводъ небесный
Въ себѣ являетъ намъ она!
И есть кристаллъ одинъ безцѣнный,
Горитъ онъ внутреннимъ огнемъ
И отраженье всей вселенной
Вмѣщается свободно въ немъ!
Но часто то, что отражаетъ
Изъ глубины своей кристаллъ,
Еще прекраснѣе бываетъ,
Чѣмъ то, что самъ онъ воспринялъ!...

КАЛАФЪ (*послѣ краткаго раздумья съ поклономъ принцессѣ*).

Не гнѣвайтесь, прекрасная принцесса,
Что и на этотъ разъ я отгадалъ.
—Чудесная картина, въ тѣсной рамкѣ
Вмѣщающая міръ, и тотъ кристаллъ,
Который также міръ весь отражаетъ
Еще прекраснѣе, чѣмъ есть онъ,—*глазъ*!
Вашъ глазъ!... Когда мнѣ въ немъ блеснетъ
любовь—
Весь міръ онъ для меня сосредоточитъ!

ПАНТАЛОНЪ (*радостно подпрыгивая*).

Тарталія! Попалъ! Клянусь душою!

ТАРТАЛІЯ.

Какъ разъ!

УЧЕНЫЕ (*разрывая конверты*).

То глазъ, то глазъ, то глазъ!
(*Раздается музыка*).

АЛТОУМЪ.

О, счастье!
Еще въ послѣдній разъ, молю васъ, боги
Всесильные, ему помочь!

ЗЕЛИМА (*въ сторону*).

О, боги!
Еще единый разъ!

АДЕЛЬМА (*въ сторону зрителей*).

О, горе мнѣ!
Онъ побѣдитъ и для меня погибнетъ!

(*Обращаясь къ Турандотъ*).

Принцесса, вы въ опасности! Ужели
Онъ васъ лишитъ всемірной вашей славы?
Въ ничто побѣды ваши обратитъ?
ТУРАНДОТЪ (*встаетъ въ сильномъ гнѣвѣ*).
Скорѣй весь свѣтъ погибнетъ!—Дерзкій!
Знай-же,—
Тебя тѣмъ болѣе я ненавижу,
Чѣмъ больше ты надежды обрѣтаешь
Мной овладѣть. Послѣднюю загадку
Не думай отгадать! Спасайся лучше!
Бѣги скорѣй!

КАЛАФЪ.

Прекрасная принцесса!
Лишь ваша ненависть меня страшитъ!
И голову несчастную покорно
У вашихъ ногъ сложу, коль тронуть сердца
Я вашего не въ силахъ!

АЛТОУМЪ.

Встань, мой сынъ!

Не искушай боговъ! Уже два раза
Тебя спасли они! Еще ты можешь,
Покрытый славою, избѣгнуть смерти.
Но ни къ чему тебѣ и двѣ побѣды,
Коль въ третій разъ тебѣ измѣнитъ счастье.
Чѣмъ ближе мы къ вершинѣ, тѣмъ паденье
Страшнѣй!—О, дочь моя! Молю тебя,
Не задавай ему загадокъ больше!
Онъ сдѣлалъ то, чего никто не могъ.
Возьми его супругомъ. Онъ достоинъ!

(*Зелима дѣлаетъ ей умоляющіе знаки, Адельма-же угрожающіе*).

ТУРАНДОТЪ.

Признать его побѣду?... Взять супругомъ?...
Нѣтъ, нѣтъ! Пусть *три* загадки отгадаетъ!
Таковъ законъ!

КАЛАФЪ.

Таковъ законъ и должно
Его исполнить намъ. Въ рукахъ боговъ
Моя судьба. Иль Турандотъ иль смерть!

ТУРАНДОТЪ.

Такъ смерть-же, смерть! Ты слишишь-ли, безумецъ!
(*Встаетъ и опять говоритъ въ прежнемъ тонѣ*).
Есть вещь; не всѣ ей цѣну знаютъ,
Хоть отдаетъ самъ царь ей честь;
Какъ острый мечъ она пронзаетъ,
Но въ этомъ лишь въ нихъ сходство есть.
Она наноситъ также раны,
Но жизнь, не смерть онѣ несутъ;
Она не разоряетъ страны,—
Съ ней процвѣтаетъ мирный трудъ!
Она намъ миръ завоевала.
И усладила жизнь людей;
Счастливою страна та стала,
Гдѣ люди вѣрно служатъ ей!
И если ты ея не знаешь,—
У насъ въ странѣ ты не жилецъ!...
(*При этихъ словахъ открываетъ лицо*).
Гляди сюда!... Не отвѣчаешь?..
Такъ сгибни, дерзостный пришлецъ!

КАЛАФЪ (*пораженный, закрываетъ глаза рукой*).

Небесный блескъ! Я ослѣпленъ!

АЛТОУМЪ.

О, боги!
Онъ внѣ себя! Шатается!... Мой сынъ,
Приди въ себя и укрѣпися духомъ!

ЗЕЛИМА (*въ сторону*).

Я трепещу!

АДЕЛЬМА (*въ сторону зрителей*).

Моимъ ты будешь, милый!
Тебя спасти любовь моя сумѣетъ!

ПАНТАЛОНЪ (*Калафу*).

Да не теряйте-же вы головы!
Опомнитесь!... О горе! Онъ погибнетъ!

ТАРТАЛІЯ (*притворно-серьезно, про себя*).

Да, позволяй достоинство—на кухню
За уксусомъ мы сбѣгали-бы сами!

ТУРАНДОТЪ

(*Калафу, который все не сводитъ съ нея очарованнаго взгляда*).

Ты гибели хотѣлъ, несчастный, самъ!

КАЛАФЪ (*овладѣвъ собой, съ улыбкой дѣлаетъ ей поклонъ*).

Вы красотой небесной ослѣпили,
Какъ молніей нежданною, меня,
И помутился умъ мой на мгновенье!
Но я не побѣжденъ, принцесса!—Вещь,
Которую не всѣ цѣнить умѣютъ,
Но честь которой въ первый года день
Изволитъ воздавать самъ ханъ китайскій,
Ту вещь, которая наноситъ раны,
Но болѣе невинныя, чѣмъ мечъ,—
Кто не сумѣетъ оцѣнить ея,
Вступая изъ степей татарскихъ дикихъ,
Гдѣ жалкіе кочевники лишь бродятъ,
Въ цвѣтущій, дивный этотъ край съ полями,
Гдѣ зрѣетъ хлѣбъ, и съ сотней городовъ,
Гдѣ тысячи людей живутъ спокойно,
Подъ сѣнію законовъ?.. Это—*плугъ*!
Онъ благодать повсюду разливаетъ
И обезпечиваетъ миръ и счастье!

АЛТОУМЪ (*Калафу*).

О, дай тебя обнять. Я внѣ себя
Отъ радости!

ТАРТАЛІЯ.

Мой государь! Ликуйте!
Теперь насталъ конецъ печалямъ вашимъ!

УЧЕНЫЕ (*разрывая конверты*).

То плугъ, то плугъ, то плугъ!
(*Музыка играетъ съ оглушительной силой*).

ТУРАНДОТЪ (*почти безъ чувствъ опускается на тронъ*).

ЗЕЛИМА (*суетясь вокругъ нея*).

Въ себя придите!
Взгляните на него!... Прекрасный князь!..
Онъ побѣдилъ!

АДЕЛЬМА (*въ сторону зрителей*).

Онъ для меня потерянъ!...
Нѣтъ, нѣтъ! Не сдамся я! Надѣйся, сердце!

Алтоумъ, *исполненный радости, спускается съ трона, поддерживаемый* Панталономъ *и* Тарталіей. *Ученые встаютъ съ креселъ и группируются въ глубинѣ сцены. Всѣ двери раскрываются. Въ нихъ виденъ народъ. Все это время гремитъ музыка.*

АЛТОУМЪ (*Турандотѣ*).

Жестокое дитя! Теперь не будешь
Ты больше огорчать меня! Конецъ
Жестокому закону и всѣмъ бѣдамъ!—
Мой милый сынъ! Приди въ мои объятья!
Тебя я съ радостью въ зятья беру!

ТУРАНДОТЪ (*придя въ себя, гнѣвно бросается между ними*).

Нѣтъ, нѣтъ, не буду я его женою!
Загадки черезчуръ простыми были!
Возобновить хочу я испытанье!
Меня врасплохъ застали! Не успѣла
Я приготовиться!

АЛТОУМЪ.

Твой срокъ истекъ,
Жестокосердая! И не надѣйся
Насъ провести опять своимъ лукавствомъ.
Что требовалъ законъ, онъ все исполнилъ.
То можетъ подтвердить весь мой Диванъ!

ПАНТАЛОНЪ.

Да, съ вашего, принцесса, позволенья—
Ужъ больше не къ чему играть въ загадки
И головы рубить! Вотъ человѣкъ,
Который отгадалъ! Сказать короче:
Законъ исполненъ въ точности, и время
Къ столу идти!—Что скажетъ мой товарищъ?

ТАРТАЛІЯ.

Исполненъ въ точности законъ! Исчерпанъ!
—Что скажутъ мудрецы?

УЧЕНЫЕ.

Законъ исполненъ!
Конецъ рѣзнѣ! За горемъ радость вслѣдъ
Пусть руки подадутъ!

АЛТОУМЪ.

И въ храмъ за нами!
Тамъ князь себя намъ назоветъ, и тотчасъ
Обрядъ свершимъ...

ТУРАНДОТЪ (*заступая ему дорогу*).

Отецъ! Дай время мнѣ...
Не торопи, молю!

АЛТОУМЪ.

Безъ промедленья!
Рѣшился я. И то ужъ слишкомъ долго
Тебѣ потворствовалъ себѣ на горе.
Твой приговоръ произнесенъ. Подписанъ
Онъ кровью жертвъ, которыхъ долженъ былъ,
По милости твоей, предать я казни!
Держалъ свое я слово, ты теперь
Сдержи свое иль головой ужасной
Фу-си *) клянусь...

ТУРАНДОТЪ (*бросаясь къ его ногамъ*).

О, сжалься надо мною,
Отецъ! Хоть день одинъ мнѣ подари!

АЛТОУМЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! И слышать не хочу!... Идемъ!

ТУРАНДОТЪ (*внѣ себя*).

Такъ пусть-же храмъ могилою мнѣ будетъ!
Его женою быть я не хочу!...
Я не могу!... Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣй погибну,
Чѣмъ покорюсь надменному пришельцу!
Одна лишь мысль о томъ меня убьетъ!

КАЛАФЪ.

Неумолимая! Утѣшьтесь! Встаньте!
Кто устоитъ предъ вашими слезами?
(*Алтоуму*).
О, сжальтесь, государь! Я самъ молю
Ей даровать просимую отсрочку.
Могу-ль счастливымъ быть, коль ненавидитъ
Она меня? Ея страданій, горя
Я вынести не въ силахъ,—слишкомъ нѣжно
Ее люблю!—Жестокая! Ликуй-же,
Коль вѣрная и нѣжная любовь
Не трогаетъ тебя. Твоимъ супругомъ
Насильно быть я не хочу. О, еслибъ
Ты заглянуть могла мнѣ въ сердце,—знаю,
Ты пожалѣла-бы... Но, если жаждешь
Ты такъ моей упиться кровью, пусть
Меня опять подвергнутъ испытанью!
Молю о томъ васъ, государь! Я встрѣчу,
Какъ друга, смерть! Я жить и не хочу.

АЛТОУМЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! Во храмъ!... О, юноша безумный!
И слышать не хочу объ испытаньѣ!

ТУРАНДОТЪ (*яростно воспрянувъ*).

Пусть будетъ такъ! Но знайте, и во храмѣ
Сумѣю умереть!
(*Выхватываетъ кинжалъ и готова броситься впередъ*).

КАЛАФЪ.

Что слышу, боги!

---

*) Древне-китайскій императоръ Фу-си.

Нѣтъ, нѣтъ!—О, государь! У васъ прошу
Я милости одной! Теперь я самъ
Хочу ей загадать одну загадку:
Чей сынъ и какъ по имени зовется
Злосчастный князь, который изъ-за хлѣба
Былъ обреченъ слугою быть ничтожнымъ
И жалкій трудъ носильщика нести,
Чтобъ подъ конецъ, почти достигнувъ цѣли
Своихъ надеждъ, еще несчастнѣй стать?
Внимай, жестокая! Дивану завтра
Откроешь ты и родъ и имя принца,—
Тогда вели казнить меня! А если
Моей загадки ты не отгадаешь,
Отдай съ рукой и сердце мнѣ!

ТУРАНДОТЪ.

Согласна!

ЗЕЛИМА (*про себя*).

Ахъ, снова буду трепетать!

АДЕЛЬМА (*въ сторону*).

Я снова
Надѣяться могу!

АЛТОУМЪ.

Я не согласенъ!
Законъ псполненъ до конца быть долженъ!
Она твоя! Идемъ во храмъ!

КАЛАФЪ (*падая къ его ногамъ*).

О, ханъ!
Будь милостивъ! И если благосклоненъ
Ко мнѣ и дочерью ты дорожишь,—
То согласись! И да помогутъ боги,
Чтобъ жажду крови въ ней я могъ насытить!
Она мою загадку разгадаетъ,
Коль такъ умна.

ТУРАНДОТЪ (*про себя*).

Смѣется надо мной?
Со мной бороться смѣетъ онъ!

АЛТОУМЪ (*Калафу*).

Безумный!
Не знаешь ты, на что идешь! Природа
Такимъ умомъ принцессу одарила,
Что для нея нѣтъ тайнъ непостижимыхъ!
Но будь по твоему. Въ Диванѣ завтра
Пусть назоветъ намъ имена, коль хочетъ
Порвать съ тобой! Но я не разрѣшу
Убійства новаго. Довольно крови!
И, если отгадать удастся ей—
Ты лишь покинешь этотъ край. Теперь-же
За мной!... О, юноша ты неразумный,
Напрасно ты затѣялъ это все!

(*Музыка снова играетъ маршъ и* АЛТОУМЪ, *въ сопровожденіи* КНЯЗЯ, ПАНТАЛОНА, ТАРТАЛІИ, *ученыхъ и почетной стражи уходитъ черезъ тѣ-же двери, черезъ которыя вошелъ, а* ТУРАНДОТЪ *съ* АДЕЛЬМОЙ, ЗЕЛИМОЙ *и рабынями и* ТРУФАЛЬДИНЪ *съ евнухами черезъ другія*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покой въ сералѣ. Адольма одна.

ЯВЛЕНІЕ I.

АДЕЛЬМА.

Теперь иль никогда! Пора оковы
Расторгнуть мнѣ. Пять лѣтъ въ груди таю
Я ненависть, пять лѣтъ ношу я маску
Притворной вѣрности и дружбы къ ней,
Убійцѣ брата моего, сгубившей
И весь мой родъ, меня обрекшей рабству.
Я крови царской, какъ она. И я
Могла-бы тронъ занять, тогда какъ нынѣ
Я преклонять должна предъ ней колѣни,
Служанкой быть ея, ея—убійцы
Моей семьи, причины бѣдъ моихъ!
Терпѣнья болѣ нѣтъ. Изнемогаю
Подъ бременемъ столь долгаго притворства.
Пора, пора мнѣ выйти на свободу,—
Любовь укажетъ мнѣ къ спасенью путь.
Употреблю я все свое искусство,
Чтобы въ его проникнуть тайну, или
Заставлю хитростью его бѣжать.
Онъ, ненавистная, твоимъ не будетъ!
Я окажу тебѣ услугу эту,
Но не тебѣ, самой себѣ служа.
Я утолю свой гнѣвъ и жажду мести,
И сердце разобью тебѣ, коварно
Потворствуя твоей гордынѣ. Вижу,
Что любишь ты его, но въ томъ не смѣешь
Самой себѣ сознаться. Оттолкнуть
Ты отъ себя его должна, спасая
Свою нелѣпую, смѣшную славу.
Но изъ груди своей стрѣлы не вынешь,
И никогда тебѣ не исцѣлиться.
Покой утраченъ твой: ты полюбила!
(*Въ глубинѣ сцены показывается* ТУРАНДОТЪ, *опирающаяся на* ЗЕЛИМУ, *которая старается ее успокоить*).

Она идетъ сюда. Изнемогаетъ
Отъ гнѣва, отъ стыда и отъ борьбы
Любви и гордости. Я упиваюсь
Страданьями ея.—Она подходитъ...
Послушаемъ, что будетъ говорить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТУРАНДОТЪ, ЗЕЛИМА *и* АДЕЛЬМА, *вначалѣ незамѣчаемая первыми.*

ТУРАНДОТЪ.

О, помоги, дай мнѣ совѣтъ, Зелима!
Быть побѣжденной имъ предъ всѣмъ Диваномъ...
Я не снесу такого униженья!

ЗЕЛИМА.

Возможно-ли, принцесса, чтобъ такой
Прекрасный князь, васъ любящій такъ пылко,
Любви достойный самъ, вамъ могъ внушать
Лишь ненависть, презрѣнье, отвращенье?

ТУРАНДОТЪ.

Презрѣнье? Ненависть?.. (*Спохватясь*). Ну,
да, ну, да!
Онъ ненавистенъ мнѣ. Онъ обезславилъ
Меня предъ всѣмъ Диваномъ. И повсюду
О пораженіи моемъ узнали,
Смѣются надо мной!—Съ зарею завтра
Отецъ мой созоветъ Диванъ, и если
Не разрѣшу мнѣ заданной загадки,
То узы брачныя на вѣкъ насъ свяжутъ.
„Чей сынъ и какъ по имени зовется
„Несчастный князь, который изъ-за хлѣба
„Былъ обреченъ слугою быть ничтожнымъ
„И тяжкій трудъ носильщика нести,
„Чтобъ, подъ конецъ, почти достигнувъ цѣли
„Своихъ надеждъ, еще несчастнѣй стать?"
Что этотъ князь онъ самъ, я вижу ясно,
Но какъ открыть отца его и имя,
Когда онъ никому здѣсь неизвѣстенъ,
И разрѣшилъ ему самъ ханъ скрывать
Отъ всѣхъ, кто онъ?—Была я въ ту минуту
Въ такомъ смущеніи, волненьѣ, страхѣ,
Что приняла условье, не подумавъ.
Я только выиграть хотѣла время...
Но какъ теперь мнѣ разрѣшить загадку?
Хотя—бы слѣдъ какой, чтобъ ухватиться!

ЗЕЛИМА.

Ворожеи такія есть, принцесса,
Которыя по гущѣ...

ТУРАНДОТЪ.

Ты глумишься?
Вотъ до чего дошло!

ЗЕЛИМА.

И то сказать:
Къ чему намъ прибѣгать къ чужимъ услугамъ?
О, вспомните, какъ онъ стоялъ предъ вами,—
Прекрасный князь! Какъ трогательны были
Его мольбы и жалобы!.. Забывъ
Свои страданія, великодушно
За васъ молилъ онъ на колѣняхъ хана
За васъ, которая такъ безсердечно
Съ нимъ обошлась, и былъ готовъ опять
Рискнуть своей съ трудомъспасеннойжизнью.

ТУРАНДОТЪ (*отворачиваясь*).

О, замолчи!

ЗЕЛИМА.

Вы прячете лицо...
Вы тронуты. Да, да! Не отпирайтесь!
Слезой блеститъ вашъ взоръ... О не стыдитесь,
Что чувство въ васъ проснулось! Никогда
Такой прекрасной васъ я не видала.
Пора, пора вамъ сдаться! Онъ...

АДЕЛЬМА (*готова выступить впередъ*).

ТУРАНДОТЪ.

Ни слова
Мнѣ болѣе о немъ! И онъ—мужчина
И ненавистенъ мнѣ... Должна питать
Я ненависть къ нему. Себялюбивы,
Измѣнчивы, коварны всѣ мужчины.
Самоотверженность, любовь и вѣрность
На нихъ мы, женщины, лишь даромъ тратимъ.
Рабы покорные, пока стремятся
Любовью нашей овладѣть; добьются—
Тиранами становятся они.
Слѣпую страсть, задоръ самолюбивый,
Себялюбивое желанье—вотъ,
Что называется у нихъ любовью,
Что ихъ влечетъ на подвиги, на смерть.
Нѣтъ, къ вѣрной, истинной любви способна
Лишь женщина. —Ни слова, я сказала!...
И, если завтра онъ восторжествуетъ,
Не такъ страшна мнѣ будетъ смерть, какъ
бракъ!
Чтобы весь свѣтъ, мнѣ ненавистный, видѣлъ
Какъ покорюсь обычной женской долѣ,
Рабынею мужчины стану?... Нѣтъ!
Такъ низко не паду!... Скорѣй въ могилу,
Чѣмъ въ ненавистныя его объятья!

АДЕЛЬМА (*во время предыдущаго снова прячется*).

ЗЕЛИМА.

Вамъ не легко сломить, я вѣрю, гордость,
Спуститься съ высоты, гдѣ окружало
Всеобщее васъ поклоненье. Но...
Что слава вся въ сравненіи съ любовью?
Вашъ часъ насталъ, сознайтесь! Гордость
прочь,
И не боритесь съ тѣмъ, кто васъ сильнѣе.
Въ васъ ненависти нѣтъ и быть не можетъ.
Зачѣмъ-же вамъ съ своимъ бороться
сердцемъ
Любимому отдайтесь,—пусть весь свѣтъ
Смѣется надъ счастливцами!

АДЕЛЬМА (*прислушиваясь, все больше выступаетъ изъ прикрытія и, наконецъ, подходитъ къ нимъ*).

Прилично
Такъ разсуждать лишь тѣмъ, кто, какъ
Зелима,

Рожденья низкаго. А дочь царей
Должна по царски чувствовать и мыслить.
Прости меня, Зелима, но не можешь
Понять ты чувствъ принцессы, столь высоко
Поставленной, какъ наша госпожа,
И вынужденной вдругъ предъ цѣлымъ міромъ
Признать себя разбитой, побѣжденной
Какимъ-то пришлецомъ!—Я такъ и вижу
Усмѣшку торжества въ глазахъ мужчинъ,
Когда онъ отгадалъ загадки ваши,
Какъ-бы шутя и съ видомъ превосходства,
Какъ дѣтскія, пустячныя загадки.
О, я была готова провалиться
Отъ гнѣва и стыда сквозь землю! Я
Всѣмъ сердцемъ госпожу люблю, и слава
Ея мнѣ дорога. Такъ презирала
Она мужчинъ, глумилась такъ надъ ними,
И ей женой стать одного изъ нихъ!

ТУРАНДОТЪ.

Не растравляй же ранъ моихъ, Адельма!

ЗЕЛИМА.

Несчастіе большое—выйдти замужъ!

АДЕЛЬМА.

Молчи. Съ тобой не говорить о томъ,
Что благородное терзаетъ сердце.
Я не умѣю льстить. Жестоко было-бъ
Теперь кривить душой, скрывать всю правду.
Какъ женщинѣ ни тяжело бываетъ
Отдать себя во власть мужчины, все-же
Мы утѣшаться можемъ тѣмъ, что сами,
Своею волею мы отдаемся
Избраннику. Его великодушье
Мужскую гордость въ немъ должно смягчить.
Не то принцессу ждетъ. Отяготила
Она сама свой жребій: не ея
Любви и нѣжности обязанъ будетъ
Онъ счастіемъ своимъ, а лишь себѣ
И своему уму. Вѣдь, какъ добычей
Военною, онъ ею овладѣетъ,
Такъ станетъ-ли ее онъ уважать?
Ей ждать-ли отъ него великодушья,
Когда она безжалостна была,
Принудила его бороться на смерть,
Ему досталась, какъ трофей побѣдный?
И будетъ-ли онъ правъ своихъ стѣсняться,
Которыми обязанъ лишь себѣ?

ТУРАНДОТЪ (*въ сильнѣйшемъ волненіи*).

Адельма, знай, коль я не отгадаю,
Я заколю себя кинжаломъ въ храмѣ!

АДЕЛЬМА.

Къ чему отчаянье? Мужайтесь! Мы
Всю хитрость пустимъ въ ходъ и все умѣнье,
Чтобъ отгадать.

ЗЕЛИМА.

Когда она умнѣе,
Чѣмъ я, и вамъ такъ предана, то пусть
Она найдетъ, какъ вамъ помочь.

ТУРАНДОТЪ (*Адельмѣ*).

Подруга,
Дай мнѣ совѣтъ, что дѣлать! Помоги...
Не знаю я, кто онъ, откуда. Какъ-же
Мнѣ имя отгадать его?

АДЕЛЬМА (*въ раздумьѣ*).

Постойте,
Мнѣ кажется... онъ говорилъ, въ Пекинѣ
Есть человѣкъ одинъ, который знаетъ,
Кто онъ. Его намъ надо отыскать,
Хотя-бъ пришлось вверхъ дномъ поставить
городъ!
Не пожалѣть лишь золота...

ТУРАНДОТЪ.

Бери
И золото и камни дорогіе!
Не пожалѣю ничего.

ЗЕЛИМА.

Къ кому-жъ
Прибѣгнуть намъ? Съ чего начать?—И если
Такимъ путемъ дѣйствительно удастся
Открыть, кто онъ,—удастся-ли намъ скрыть,
Что мы обязаны побѣдой нашей
Не своему уму и не искусству,
А подкупу?

АДЕЛЬМА.

Кто-жъ выдастъ насъ? Не ты-ль?

ЗЕЛИМА.

Нѣтъ, это черезчуръ!—Поберегите,
Принцесса, золото свое. Молчала
Я до сихъ поръ: надѣялась васъ тронуть,
Склонить, чтобъ добровольно вы рѣшились
Женою стать достойнѣйшаго князя,
Который вовсе вамъ не ненавистенъ.
Но вы стоите на своемъ... И я
Исполню долгъ рабыни,—повинуюсь.
Узнайте же,—Скирина, мать моя,
Сейчасъ лишь у меня была. Въ восторгѣ,
Что одержалъ побѣду неизвѣстный,
И ничего о новомъ состязаньѣ
Не вѣдая, она открыла мнѣ,
Что ночевалъ вчера онъ въ нашемъ домѣ,
Что мужъ ея, Гассанъ, съ нимъ связанъ
дружбой,
А также чтитъ его, какъ господина.
Лишь имени его мнѣ не могла
Она сказать.—Гассанъ его скрываетъ,—

Но вывѣдать хотѣла постараться.—
Я заслужила-ли, теперь скажите,
Въ любви и вѣрности моей сомнѣнье?
(*Уходитъ обиженная*).

ТУРАНДОТЪ (*хочетъ вернуть ее*).

Куда-же ты? Ужель ты оскорбилась?
Прости своей подругѣ!...

АДЕЛЬМА (*останавливая ее*).

Пусть себѣ!
Она на слѣдъ насъ навела, и надо
Скорѣе дѣйствовать, да поумнѣе.
Нельзя разсчитывать, чтобъ добровольно
Открылъ Гассанъ намъ тайну, зная какъ
Важна она. Такъ къ хитрости прибѣгнемъ,
А если нужно, то—и къ силѣ, чтобы
Признанье вырвать у него. Итакъ,
Нельзя терять минуты, и, пока
Предупредить Гассана не успѣли,
И онъ отъ насъ не ускользнулъ,—велите
Его въ сераль доставить.—Гдѣ рабы?

ТУРАНДОТЪ (*бросаясь ей на шею*).

Согласна я на все. Что хочешь, дѣлай,
Подруга милая! Лишь-бы побѣды
Не одержалъ пришлецъ!
(*Уходитъ*).

АДЕЛЬМА (*одна*).

О, подкрѣпи
Меня, любовь! Тебя я призываю!
Могучая, ты сокрушаешь все,
Такъ помоги—же мнѣ разбить оковы!
Соперницы моей высокомѣрье
Откроетъ путь къ свободѣ мнѣ, а ты
Мнѣ обмануть жестокую поможешь,
Ей отомстить и друга обрѣсти!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Площадка передъ дворцомъ. КАЛАФЪ *и* БАРАКЪ *выходятъ разговаривая.*

КАЛАФЪ.

Никто здѣсь въ городѣ меня не знаетъ,
Лишь ты, мой вѣрный другъ. И наше царство
За сотни верстъ отсюда, да къ тому-же
Ужь восемь лѣтъ какъ отнято у насъ,
А мы умершими слывемъ. Такъ можемъ
Мы въ безопасности считать себя.
Да, мой Баракъ. Стираются безслѣдно
Несчастные изъ памяти людской.

БАРАКЪ.

Нѣтъ, неразумно, князь, вы поступили,—
Простите мнѣ. Несчастный опасаться
Всего и невозможнѣйшаго долженъ.
Заговорить нѣмые камни могутъ,
И стѣны самыя—подслушать, выдать.
Я не могу спокойнымъ быть. Нежданно,
Негаданно далось вамъ счастье въ руки:
Вы чудо красоты завоевали
И съ нею тронъ и—потеряли все
По слабости, лишь женщинѣ пристойной.

КАЛАФЪ.

Когда бы видѣлъ ты ея терзанья,
Отчаянье... и слезы!..,

БАРАКЪ.

Вамъ-бы надо
Заботиться побольше о терзаньяхъ,
Отчаяньѣ родителей несчастныхъ,
Покинутыхъ въ Берлѣ, чѣмъ о слезахъ
Надменной женщины.

КАЛАФЪ.

Не оскорбляй-же
Моей возлюбленной. Я для нея
Готовъ былъ сдѣлать все. Быть можетъ тронетъ
Ее великодушіе мое,
Исполнится признательностью сердце...

БАРАКЪ.

Вы отъ змѣи признательности ждете!

КАЛАФЪ.

Но какъ-бы ни было—она моя.
Ей не найти ключа къ моей загадкѣ.
Я знаю, ты меня, мой другъ, не выдашь.
Иль, можетъ быть, довѣрилъ по секрету
Своей женѣ ты нашу тайну?

БАРАКЪ.

Я?
Ни слова ей я не сказалъ. Умѣю
Повиноваться я.—Меня, однако,
Недоброе предчувствіе томитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же; ПАНТАЛОНЪ, ТАРТАЛІЯ и БРИГЕЛЛА СО СТРАЖЕЮ.

ПАНТАЛОНЪ.

Такъ вотъ гдѣ онъ! Фу, чортъ возьми! Что нужно

Вамъ здѣсь, мой князь, позвольте васъ спросить?
(*Смѣривая взглядомъ Барака*).
И что за человѣкъ къ вамъ привязался?

БАРАКЪ (*про себя*).
О, горе намъ! Что съ нами будетъ, боги!

ТАРТАЛІЯ.
Скажите-же, кто этотъ человѣкъ?

КАЛАФЪ.
Его не знаю я. Случайно встрѣтилъ
Я здѣсь его, и такъ, отъ скуки, сталъ
Про здѣшніе обычаи и нравы
Разспрашивать...

ТАРТАЛІЯ.
Некстати это, князь,
Вы черезчуръ довѣрчивы и просты.
Въ васъ сердце говоритъ сильнѣй, чѣмъ разумъ,—
Какъ утромъ, напримѣръ, у насъ въ Диванѣ.
Съ чего вамъ блажь пришла—изъ самыхъ рукъ
Дать птичкѣ упорхнуть?

ПАНТАЛОНЪ.
Оставимъ это.
Что было не вернешь. Но князь не знаетъ,
Въ какую онъ попалъ теперь трясину.
Со всѣхъ сторонъ ему грозитъ измѣна,
Предательство.—Чуть съ глазъ мы спустимъ васъ,
И васъ на удочку поддѣнутъ живо.
(*Бараку*).
А ты, любезнѣйшій, держи подальше
Свой носъ. Разнюхивай въ другихъ краяхъ!
Благоволите князь къ себѣ вернуться.
(*Стражѣ*).
Эй, вы, сюда! и окружите князя.—
А ты свой долгъ, Бригелла, знаешь? Стражу
Къ дверямъ поставь, чтобъ стерегла его,
Пока въ Диванъ пора идти настанетъ,
И никого къ нему не пропускала.
Такъ ханъ велѣлъ. (*Калафу*). Вы поняли? Отъ васъ
Онъ безъ ума и смерть боится, чтобы
Опять бѣды какой не приключилось.
Коль завтра онъ не станетъ вашимъ тестемъ,
Боюсь, намъ схоронить придется старца.—
Да, князь, не гнѣвайтесь, но, право, блажь
Нашла на васъ въ Диванѣ утромъ... Будьте
Умнѣе хоть теперь. Не проболтайтесь!
(*На ухо ему*).
Но, если вамъ шепнуть угодно имя
Мнѣ, старику—сочту себѣ за честь.
Такъ удостоите?

КАЛАФЪ.
Вы такъ-то чтите
Приказъ, который ханъ вамъ далъ?

ПАНТАЛОНЪ.
Bravo!
Charmant! — Итакъ, впередъ, Бригелла...
Что-же?
Иль не слыхалъ?

БРИГЕЛЛА.
Кончайте разговоры,
А я то ужъ свой долгъ исполню.

ТАРТАЛІЯ.
Помни,
Ты головой, Бригелла, отвѣчаешь.

БРИГЕЛЛА.
Я головой своею дорожу
Не менѣе, чѣмъ вы. Напоминанья
Излишни тутъ.

ТАРТАЛІЯ.
А страхъ, какъ разбираетъ
Меня узнать... Когда-бъ угодно было
Вамъ, князь, сказать мнѣ имя, какъ святыню
Въ своей груди я-бъ схоронилъ его!

КАЛАФЪ.
Напрасны всѣ старанья ваши. Завтра
Въ Диванѣ всѣмъ оно извѣстно станетъ.

ТАРТАЛІЯ.
Браво! Брависсимо! Чортъ побери!

ПАНТАЛОНЪ.
Такъ съ Богомъ, князь! (*Бараку*). Ступай и ты, бездѣльникъ!
Тутъ нечего тебѣ слоняться. Лучше
За дѣло бы взялся свое. Ты понялъ?
(*Уходитъ*).

ТАРТАЛІЯ (*косясь на Барака*).
Да, да. И мнѣ не слишкомъ то по нраву
Его лицо.—Совѣтую, любезный,
Добромъ тебѣ: проваливай отсюда.
(*Слѣдуетъ за Панталономъ*).

БРИГЕЛЛА (*Калафу*).
Позвольте, князь, исполнить мнѣ мой долгъ
Повиновенья тѣмъ, кто власть имѣетъ
Приказывать. Угодно вамъ идти?

КАЛАФЪ.

Охотно, другъ. (*Тихо Бараку*). Съ тобой-же, другъ, прощаюсь
До болѣе счастливыхъ обстоятельствъ.

БАРАКЪ.

Вашъ рабъ покорный я.

БРИГЕЛЛА.

Скорѣй! Пора
Намъ церемоніи покончить эти!
(*Стража окружаетъ Калафа, и они направляются во дворецъ*).

БАРАКЪ (*глядя вслѣдъ Калафу*).

Пусть боги сохранятъ тебя, невинный,
Великодушный юноша! А я
Держать на привязи языкъ сумѣю.

ЯВЛЕНІЕ V.

БАРАКЪ и ТИМУРЪ (*бѣдно одѣтый, входитъ съ противоположной стороны и, увидавъ уводимаго стражей Калафа, приходитъ въ ужасъ и отчаяніе*).

ТИМУРЪ (*про себя*).

О, горе мнѣ! Мой сынъ!. Его схватили!
На казнь ведутъ! Нашъ врагъ, тиранъ Тифлисскій,
Навѣрно, выслѣдилъ его въ Пекинѣ
И месть свою готовится насытить.
(*Кидается вслѣдъ за Калафомъ, громко взывая*)
Калафъ! Калафъ!

БАРАКЪ (*заступая ему путь и приставляя мечъ къ его груди*).

Молчи, иль смерть тебѣ!
(*Пауза. Оба удивленно глядятъ другъ на друга. Тѣмъ временемъ стража съ Калафомъ скрывается*).
Кто ты, старикъ? Откуда ты, что знаешь,
Какъ этотъ юноша зовется?

ТИМУРЪ.

Боги!
Что вижу я? Баракъ! И ты въ Пекинѣ?...
Такъ это ты его, измѣнникъ, предалъ?
Мятежный рабъ! Теперь на хана поднялъ
Свой мечъ!

БАРАКЪ (*пораженный, опуская мечъ*).

Тимуръ! Мой ханъ! Возможно-ль? Небо!

ТИМУРЪ.

Да, это я, предатель, я—несчастный
Твой ханъ! Всѣ измѣнили мнѣ, и ты,
Вѣрнѣйшій мой слуга! Такъ что-же медлишь
Убей! Мнѣ ненавистна жизнь, коль вижу,
Что измѣнилъ и ты изъ гнусныхъ выгодъ,
И обреченъ на смерть мой сынъ.

БАРАКЪ.

О, боги!
Мой господинъ! Мой ханъ... Да, это онъ!..
(*Падая къ ногамъ Тимура*).
Униженный, измученный, въ лохмотьяхъ!..
Вотъ до чего я долженъ былъ дожить!—
Безумный гнѣвъ мнѣ, господинъ, простите!
Былъ вызванъ онъ горячею любовью
Къ питомцу моему и опасеньемъ
За жизнь его. Когда вашъ сынъ вамъ дорогъ,
То имени Калафъ вы не должны
Произносить.—Я самъ зовусь Гассаномъ,
А не Баракомъ здѣсь.—И горе намъ,
Коль насъ подслушаютъ. Скажите: ханша
Жива еще? Въ Пекинѣ вмѣстѣ съ вами?

ТИМУРЪ.

Не говори о ней, Баракъ. Въ Берлѣ
Скончалася съ тоски по миломъ сынѣ,
Въ моихъ объятіяхъ...

БАРАКЪ.

Мой бѣдный ханъ!

ТИМУРЪ.

Мнѣ одному тамъ оставаться было
Не въ мочь, и я бѣжалъ. Изъ края въ край
Я по слѣдамъ сыновнимъ пробирался
И, наконецъ, рукой боговъ веденный,
Пришелъ въ Пекинъ, гдѣ первый же мой взглядъ
Упалъ на сына, взятаго подъ стражу!..
Его, навѣрное, на казнь вели...

БАРАКЪ.

Не бойтесь за него. Быть можетъ, прежде,
Чѣмъ завтрашній минуетъ день, достигнетъ
Вершины счастья онъ, а съ нимъ и вы.
Одно условіе, чтобъ ваше имя
А также и его остались тайной...
Запомните, и я зовусь Гассаномъ,
А не Баракомъ здѣсь.

ТИМУРЪ.

Да что за тайны?
Ты объясни..

БАРАКЪ.

Ко мнѣ пойдемте въ домъ;

Не мѣсто здѣсь для разговоровъ.
(*Увидя выходящую изъ дворца Скирину*).
Боги!
Что вижу я? Жена была въ сералѣ.
О, горе намъ! Открыты мы!
(*Съ горячностью Скиринѣ*).
Откуда,
Несчастная, идешь? Ты гдѣ была?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Скирина.

СКИРИНА.

Въ сералѣ я была у дочки. Какъ-же!
Ужъ больно рада я была, узнавъ,
Что побѣдилъ нашъ гость, тотъ князь прекрасный!
Да поглядѣть мнѣ любопытно было,
Какъ ненавистница мужчинъ изволитъ
Себя держать невѣстою. И то-то
Порадовались мы съ моей Зелимой!

БАРАКЪ.

Я такъ и полагалъ. Жена! Жена!
Не знаешь ты всего, а, какъ сорока
Болтливая, хвостомъ трясешь въ сералѣ!
Я не успѣлъ тебя предупредить.
Да, глупость женская всегда успѣетъ
Опередить совѣтъ мужчины мудрый.—
Чего, чего ты тамъ ни наболтала
Въ нелѣпой радости! Я такъ и слышу:
„А этотъ князь невѣдомый—нашъ гость.
„И мужъ мой знаетъ, кто онъ, и съ почтеньемъ
„Относится къ нему". Не такъ ли? Ну?

СКИРИНА.

А хоть и такъ?

БАРАКЪ.

Нѣтъ, признавайся прямо,
Ты это все сказала, да?

СКИРИНА.

Сказала.
И почему-бы нѣтъ? Хотѣлось также
Узнать имъ, какъ зовется онъ, и я
Узнать—признаться—имъ пообѣщала...

БАРАКЪ.

Пропали мы! Безумная! (*Тимуру*). Скорѣе
Бѣжать, бѣжать!

ТИМУРЪ.

Да объясни ты мнѣ...

БАРАКЪ.

Скорѣй, скорѣй! Нельзя терять минуты.
(*Въ глубинѣ сцены появляются Труфальдинъ съ евнухами*).
Увы! Они идутъ!... Мы опоздали!
Вонъ посланцы свирѣпой Турандотъ. (*Скиринѣ*).

Безумная! Ты всѣхъ насъ погубила!
(*Труфальдинъ замѣчаетъ его и дѣлаетъ евнухамъ знакъ, чтобы они схватили его*).
Я не могу бѣжать. Бѣги хоть ты
И старца этого спасти старайся.

ТИМУРЪ.

Да ты скажи...

БАРАКЪ.

Бѣгите, говорю!
Не до разспросовъ намъ. Меня открыли...
Молчаніе храните, чтобъ не выдать
Именъ, какъ я вамъ говорилъ.—А ты,
Несчастная, коль хочешь зло исправить,
Которое языкъ твой причинилъ,
Бѣги скорѣй со старцемъ и укройся,
Да не въ своемъ, въ чужомъ жилищѣ, чтобы
Васъ не могли найти до полдня завтра.

СКИРИНА.

А ты не скажешь намъ...

ТИМУРЪ.

А ты не съ нами?

БАРАКЪ.

Спаслись-бы вы! Со мною будь, что будетъ!
Такъ слушайтесь меня.

СКИРИНА.

Скажи сначала,
Въ чемъ провинилась я?

ТИМУРЪ.

Я долженъ знать,
Въ чемъ дѣло тутъ.

БАРАКЪ (*съ горячностью*).

Богами заклинаю
Не тратьте времени, скорѣй спасайтесь!
Они уже насъ окружили! Поздно!
Бѣжать нельзя... Но лишь молчать умѣйте,
И можетъ все окончиться счастливо.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Труфальдинъ съ евнухами.

ТРУФАЛЬДИНЪ (*успѣвшій занять всѣ выходы, кидается къ Бараку и приставляетъ кинжалъ къ его груди*).

Не шевелись! Ни съ мѣста и ни звука,
Иль смерть тебѣ!

СКИРИНА.

О, горе мнѣ!

БАРАКЪ.

Я знаю,
Вы ищете Гассана. Онъ передъ вами.

ТРУФАЛЬДИНЪ.

Тсъ! Не шуми... Не бойся. Ожидаетъ
Тебя несказанная честь и милость...

БАРАКЪ.

Да, да. Въ сераль меня должны доставить.
Ведите-же!

ТРУФАЛЬДИНЪ.

И не счастливецъ ты?
Въ сераль попасть! Туда, куда и мухѣ
Не пролетѣть, пока не убѣдимся,
Что женщина она, а не мужчина,
Не то казнимъ ее безъ милосердья!—
А это кто?

БАРАКЪ.

Бѣднякъ мнѣ неизвѣстный.
Итакъ, идемъ!

ТРУФАЛЬДИНЪ (*съ комичнымъ стараніемъ разглядывая Тимура*).

Постой, постой! Бѣднякъ—
Ты говоришь? Ну, мы великодушны,
Готовы и его составить счастье.
(*Замѣчая Скирину*).
А это кто?

БАРАКЪ.

Да что-же медлишь ты?
Вѣдь, госпожа твоя насъ ждетъ, я знаю.
Идемъ, а старика оставь въ покоѣ.
И этой женщины не знаю я.
Впервые вижу здѣсь ее.

ТРУФАЛЬДИНЪ (*съ насмѣшкой*).

Не знаешь?
Впервые видишь здѣсь? Вотъ лжецъ безстыдный!
Иль это не жена твоя? Не мать
Зелимы, а? Ее разъ сто я видѣлъ,
Когда она въ сераль являлась къ дочкѣ!
(*Съ комической важностью евнухамъ*).
Внимайте мнѣ! Берите всѣхъ троихъ

И стерегите ихъ, чтобъ ни съ одною
Живой душой они не сообщались,
Когда-же ночь настанетъ, приведите
Въ сераль.

ТИМУРЪ.

Что ждетъ меня? О, боги, боги!

СКИРИНА.

Мнѣ въ толкъ не взять...

БАРАКЪ (*Тимуру*).

Что ждетъ тебя? Меня?
Я все перенесу. И ты старайся.
Не забывай, что я сказалъ, и—что бы
Съ тобою ни было, храни молчанье

(*Скирину*).

Вотъ, глупая, ты своего добилась!

СКИРИНА.

Спасите, боги, насъ!

ТРУФАЛЬДИНЪ (*евнухамъ*).

Ведите ихъ!

(*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Передній дворъ съ колоннами; посреди столъ съ большой чашей, полной червонцами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Турандотъ, Зелима, Скирина, Тимуръ, Баракъ.

Баракъ и Тимуръ *стоятъ каждый у колонны, другъ противъ друга, окруженные* евнухами, *которые держатъ въ рукахъ обнаженныя сабли и кинжалы.* Зелима и Скирина *въ слезахъ стоятъ по одну сторону,* Турандотъ *съ гнѣвнымъ угрожающимъ видомъ по другую.*

ТУРАНДОТЪ.

Даю вамъ срокъ одуматься; до просьбы
Къ вамъ снисхожу... Всю эту груду денегъ
Я вамъ дарю, лишь имена откройте...
Упорствовать-же берегитесь, или—
Васъ поразятъ рабовъ моихъ кинжалы!
Готовы будьте вы, рабы!

(*Евнухи направляютъ оружіе въ грудь Барака и Тимура).*

БАРАКЪ (*Скирин*ѣ).

Ты видишь,
О, неразумная, чему подвергла
Насъ болтовня твоя? — Свой гнѣвъ и месть,
Принцесса, можете на насъ обрушить!
Я не боюсь, какія-бы мученья
Вы ни придумали. Готовъ я къ смерти!
Сюда, рабы, орудія свирѣпой!
Я все снесу! Терзайте, убивайте!...
Она не солгала; я знаю князя
И кто отецъ его, но ихъ именъ
Изъ устъ моихъ не вырвать вамъ! Напрасно
Вы золотомъ прельщаете меня:
Оно въ глазахъ моихъ ничтожнѣй праха!..
Ты обо мнѣ, жена, не убивайся!
Для старца этого прибереги
Свои мольбы и слезы, чтобы тронуть
Жестокую, невиннаго спасти!
Онъ виноватъ лишь въ томъ, что былъ мнѣ другомъ.

СКИРИНА (*умоляюще*).

О, сжальтесь, госпожа!

ТИМУРЪ.

Не безпокойтесь
О старикѣ, гонимомъ злой судьбою!
Ему сулитъ освобожденье смерть,
А жизнь—одни мученья. Тебя-же
Хочу спасти, мой другъ... Итакъ, узнай,
Свирѣпая...

БАРАКЪ (*перебивая*).

Богами заклинаю!
Молчи, старикъ! Не выдавай именъ!

ТУРАНДОТЪ (*съ любопытствомъ*).

Такъ имена тебѣ, старикъ, извѣстны?

ТИМУРЪ.

Извѣстны-ли?.. Жестокая!... Скажи
Мнѣ, другъ, зачѣмъ держать ихъ должно
въ тайнѣ?

БАРАКЪ.

И онъ и мы погибнемъ оба, если
Откроютъ ихъ.

ТУРАНДОТЪ.

Не вѣрь! Не вѣрь! Онъ хочетъ
Лишь запугать тебя, старикъ! За дерзость
Я накажу его! Рабы, сюда!
(*Евнухи бросаются на Барака*).

СКИРИНА.

Мой мужъ! Мой бѣдный мужъ! О, боги!...

ТИМУРЪ (*бросаясь между ними*).

Стойте!
Что дѣлать мнѣ? О, небо! Вотъ мученье!...
Клянитесь мнѣ, принцесса, головою,
Его и чужестранца пощадить—
Собой не дорожу—и я открою
Вамъ имена.

ТУРАНДОТЪ.

Клянусь Фу-си ужаснымъ
И головой своей; не угрожаетъ
Опасности ихъ жизни никакой!...

БАРАКЪ (*перебивая*).

Не вѣрь! Не вѣрь! Лукавствомъ дышитъ
клятва!
Нѣтъ, поклянитесь намъ за князя выйти,
Какъ справедливость вамъ велитъ, коль мы
Вамъ имена откроемъ! Поклянитесь,
Что не отвергнете его, и онъ
Въ отчаяньѣ съ собою не покончитъ!
Клянитесь намъ, что нечего бояться
И намъ ни смерти злой, ни заточенья
На вѣки-вѣчные въ глухой тюрьмѣ,
И—первый я вамъ имена открою!

ТИМУРЪ.

Я ничего понять не въ силахъ! Боги!
Избавьте-же меня отъ этихъ мукъ!

ТУРАНДОТЪ.

Устала тратить я слова напрасно.
Рабы! Пронзите ихъ!

СКИРИНА.

О, сжальтесь! Сжальтесь!
(*Евнухи готовы повиноваться, но Скирина и Зелима бросаются между ними*).

БАРАКЪ.

Старикъ, ты видишь, какова она!

ТИМУРЪ (*поверженный на-земь*).

Мой сынъ! Я за тебя умру охотно!
За матерью послѣдую твоей!

ТУРАНДОТЪ (*пораженная, останавливаетъ рабовъ*).

Твой сынъ!... Назадъ, рабы!... Что слышу?
Значитъ,
Ты ханъ? Его невѣдомый отецъ?

ТИМУРЪ.

Я ханъ, жестокая! Отецъ несчастный,
Согбенный горестью!

БАРАКЪ.

Мой повелитель!
Что вы надѣлали!

СКИРИНА.

Онъ ханъ, и видимъ
Его въ такомъ уничиженьѣ!

ЗЕЛИМА.

Боги!

ТУРАНДОТЪ (*изумленная и не безъ волненья*).

Онъ ханъ, и такъ униженъ, обездоленъ!
Отецъ того, кого я ненавидѣть
Хочу и не могу!... Старикъ, несчастный!..
О, что со мной! Въ груди заныло сердце...
Его отецъ!... Да, самъ онъ мнѣ сказалъ,
Что принужденъ служить былъ изъ-за хлѣба
Работникомъ простымъ и тяжкій трудъ
Носильщика нести. Вотъ какъ играетъ
Людьми судьба!

БАРАКЪ.

Принцесса, ханъ предъ вами!
Священенъ санъ его. Остерегитесь
Вы руку на него поднять. И, если
Васъ горести его не въ силахъ тронуть
И человѣчность въ васъ молчитъ, то пусть
Заговоритъ въ васъ стыдъ! Почтите въ
старцѣ
Сѣдины вашего отца! На вѣки
Себя покрыть позоромъ берегитесь!
Довольно юношей вы погубили,
Такъ сжальтесь хоть надъ старостью без-
сильной,
Которую щадятъ и сами боги.

ЗЕЛИМА (*падая къ ногамъ Турандотъ*).

Вы тронуты... Не въ силахъ вы скрывать.
Смѣните-жъ гнѣвъ на милость, состраданье!
О, троньтесь бѣдствіемъ его великимъ!

— — —

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и АДЕЛЬМА.

ТУРАНДОТЪ (*бросаясь къ ней*).

Ко мнѣ, ко мнѣ, Адельма! Помоги!
Что дѣлать мнѣ? Я смущена... Колеблюсь...
Вотъ здѣсь отецъ его... Онъ—ханъ!...

АДЕЛЬМА.

Я знаю;
Все слышала. Скорѣй ихъ уведите!
И золото убрать! Къ вамъ ханъ идетъ.

ТУРАНДОТЪ.

Отецъ? Идетъ сюда?

АДЕЛЬМА.

Да, да! Онъ близко! (*Рабамъ*).
Скорѣй, скорѣй! Нельзя, чтобъ насъ застали!
А этихъ двухъ запрячьте въ подземелье
До новаго приказа. (*Турандотъ*). Безполезно
Намъ долѣе къ насилью прибѣгать.
Прибѣгнемъ къ хитрости... Останьтесь обѣ,
Скирина и Зелима, здѣсь.

БАРАКЪ (*Тимуру*).

Увы!
Бѣда намъ, ханъ! Какъ знать, какую хитрость
Ужасную измыслятъ намъ на гибель!
Жена и дочь! Смотрите, будьте тверды,
Не поддавайтесь ей, змѣѣ!

ТУРАНДОТЪ (*рабамъ*).

Скорѣй!
Ведите ихъ обоихъ въ подземелье!

ТИМУРЪ.

Пусть на меня обрушится вся месть,
Лишь къ сыну моему имѣйте жалость!

БАРАКЪ.

Вы жалости отъ фуріи хотите?
Погибъ вашъ сынъ, и мы погибли оба!
Насъ вѣчный мракъ отъ глазъ людскихъ сокроетъ,
Отнынѣ насъ никто ужъ не увидитъ,
Ни свѣта лучъ, ни взоръ ничей живой
Не проберется къ намъ, и наши стоны
Замрутъ безъ отклика! (*Принцессѣ*). Людей умѣешь
Морочить ты. Но ты должна страшиться
Боговъ! Предѣловъ ихъ прозрѣнью нѣтъ.
И, какъ-бы ни пыталась ты укрыться,
Дѣла твои всѣ выведутъ на свѣтъ!
(*Уходитъ съ Тимуромъ и евнухами, которые уносятъ столъ и чашу съ червонцами*).

— — —

ЯВЛЕНІЕ III.

ТУРАНДОТЪ, АДЕЛЬМА, ЗЕЛИМА и СКИРИНА.

ТУРАНДОТЪ (*Адельмѣ*).

Лишь на тебя надѣюсь я, подруга!
О, говори-же, какъ меня спасешь?

АДЕЛЬМА.

Принцесса, вашъ отецъ приставилъ стражу
Къ его дверямъ; подкуплена она,
И къ князю доступъ намъ открытъ.
Теперь съ умомъ чего не сможемъ мы добиться?
Довѣрчивъ онъ, лукавыми рѣчами
Его нетрудно обойти. Лишь были-бъ
Послушны мнѣ Зелима и Скирина
И, какъ должно, свои сыграли роли.

ТУРАНДОТЪ (*Скиринѣ*).

Ты жизнью мужа дорожишь, Скирина?
Смотри! Въ моей онъ власти! Повинуйся!

СКИРИНА.

Приказывайте мнѣ, на все готова,
Чтобъ только жизнь его спасти!

ТУРАНДОТЪ (*Зелимѣ*).

И если
Ты милостью моею дорожишь...

ЗЕЛИМА.

Я ваша вѣрная раба, принцесса!

АДЕЛЬМА.

Идемъ! Терять нельзя намъ ни минуты.
(*Уводитъ ихъ*).

ТУРАНДОТЪ.

Скорѣй! И повинуйтесь ей во всемъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Турандотъ *одна.*

ТУРАНДОТЪ.

На что она рѣшилась? И спасетъ-ли
Она меня? Ей помогите, боги!—
Удастся мнѣ побѣду одержать
На этотъ разъ—чья слава не затмится
Въ лучахъ моей? И кто посмѣетъ впредь
Помѣряться умомъ со мной? Какъ сладко
Ему въ лицо мнѣ будетъ бросить имя
Предъ всѣмъ собраніемъ! Прогнать съ позоромъ
Его отъ трона моего!... И все-же,
Когда подумаю, какъ будетъ онъ
Уничиженъ, въ отчаяньѣ,—на сердцѣ
Такъ тяжело становится, такъ грустно!...
Опомнись, Турандотъ! Ужели гордость
Великихъ душъ покинула тебя?
А онъ скорбѣлъ-ли сердцемъ, унижая
Тебя при всемъ Диванѣ?... И подумай
Объ участи своей, когда и тутъ
Онъ побѣдитъ?... Нѣтъ, нѣтъ, права Адельма!
Мы далеко зашли. Возврата нѣтъ.
Я побѣдить должна иль пасть съ позоромъ.
Униженный однимъ, униженъ всѣми!

ЯВЛЕНІЕ V.

Турандотъ, Алтоумъ, Панталонъ и Тарталія. *Послѣдніе слѣдуютъ за ханомъ въ нѣкоторомъ разстояніи.*

АЛТОУМЪ (*держа въ рукахъ письмо и задумчиво разговаривая съ самимъ собой*).

Свирѣпому Тифлисскому тирану
Пришелъ конецъ! Калафъ, Тимура сынъ,
Изъ царства изгнанный, бродилъ по свѣту,
Чтобъ подъ конецъ въ Пекинѣ очутиться
И счастья здѣсь достичь, благодаря
Чудесному стеченію обстоятельствъ!
Да, да, судьба невидимой рукою
Ведетъ людей таинственной стезею.
Надъ княземъ ясно власть боговъ видна;
Все къ лучшему устроила она!

ПАНТАЛОНЪ (*тихо Тарталіи*).

Въ порядкѣ-ли нашъ ханъ? Онъ самъ съ собою
Стихами говоритъ?

ТАРТАЛІЯ (*также тихо*).

Потише вы!
Къ нему изъ дальнихъ странъ гонецъ явился
Съ письмомъ. Чортъ знаетъ, что въ немъ...

АЛТОУМЪ (*пряча письмо на груди*).

Дочь моя!
Часы бѣгутъ, не за горами утро,
А ты безъ сна блуждаешь, силясь тщетно
Неразрѣшимую рѣшить загадку.
Напрасно лишь себя терзаешь ты!
А мнѣ разгадка безъ труда досталась.
Вотъ тутъ письмо, и въ немъ разгадка тайны.
Тутъ оба имени и все, что нужно
Намъ знать. Письмо сейчасъ изъ дальнихъ странъ
Привезъ гонецъ, котораго, немедля,
Я заключилъ до завтра подъ замокъ.
Нашъ неизвѣстный князь—сынъ хана, правда,
Но ихъ именъ ты знать не можешь: слишкомъ
Далеко царство ихъ; едва-ли даже
Въ Пекинѣ кто ихъ имена слыхалъ.
Я, какъ отецъ, тебя люблю, жалѣю,
Къ тебѣ пришелъ, не глядя на ночь... Слушай!
Ужели хочется тебѣ вторично
Быть посрамленною предъ всѣмъ Диваномъ.
Подвергнуться насмѣшкамъ злостнымъ черни,
Которая нетерпѣливо ждетъ
Тебя униженной въ конецъ увидѣть?
Народъ волнуется давно, ты знаешь,
И мнѣ едва-ль его сдержать удастся
На этотъ разъ.—Такъ вотъ зачѣмъ явился
Я, дочь моя къ тебѣ. (*Панталону и Тарталіи*)
Оставьте насъ!
(*Тѣ неохотно и медленно удаляются*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Турандотъ и Алтоумъ.

АЛТОУМЪ (*ласково беретъ принцессу за руку*).

Я честь твою спасти хочу!

ТУРАНДОТЪ.

Не стоитъ
Трудиться, мой отецъ. Я не нуждаюсь
Въ спасеніи. Сама въ Диванѣ завтра
Я честь свою съумѣю защитить.

АЛТОУМЪ.

Повѣрь, себя напрасно льстишь надеждой.
Не можешь ты узнать, какъ тамъ ни бейся.
И я въ глазахъ твоихъ читаю ясно
Смятенье, отчаянье и страхъ.
Я твой отецъ, тебя люблю я нѣжно...
Мы здѣсь одни... Такъ будь чистосердечна,
Откройся мнѣ: ты знаешь имена?..

...ы узнаете въ Диванѣ.

АЛТОУМЪ.

Дитя, ты ихъ не знаешь, знать не можешь!
А если знаешь, то довѣрься мнѣ,
И поспѣшу дать знать я несчастливцу,
Что кто-то измѣнилъ ему, и можетъ
Безъ шума онъ отсюда удалиться.
Избѣгнемъ этимъ мы волненья черни,
И ты, себя побѣдой увѣнчавъ,
Прославишься еще великодушьемъ
За то, что побѣжденнаго тобой
Избавила отъ явнаго позора.
Вотъ все, о чемъ твой любящій отецъ
Пришелъ просить. Ужель ты мнѣ откажешь?

ТУРАНДОТЪ.

Ужъ знаю-ли, не знаю-ль имена—
Я не скажу. Одно скажу, что если
Пощады онъ мнѣ не далъ, то и мнѣ
Его щадить нѣтъ нужды. Расквитаться
Я съ нимъ должна. И весь народъ услышитъ
Изъ устъ моихъ тѣ имена, коль мнѣ
Открыть ихъ удалось.

АЛТОУМЪ (*сдерживая свое нетерпѣніе, кротко и ласково*).

Да развѣ долженъ
Онъ былъ и могъ тебя щадить?.. Какъ будто
Онъ не за жизнь свою боролся! Больше:
Онъ за *тебя* боролся; ты дороже
Ему, чѣмъ жизнь, была! Чтобъ жизнь спасти
И овладѣть тобою, поневолѣ
Пришлось ему такъ поступить съ тобою.
Забудь свой гнѣвъ, дитя, хоть на минуту,
Одумайся!.. Я головой ручаюсь
Не знаешь ты именъ! А я ихъ знаю.
(*Указывая на письмо*).
Вотъ здѣсь они. Такъ хочешь, назову?..
Мы соберемъ Диванъ по утру завтра
И неизвѣстнаго ты встрѣтишь, громко
Его по имени назвавъ... Онъ будетъ,
Какъ молніей сраженъ, покрытъ стыдомъ,
Убитъ отчаяньемъ. Ты насладишься
Вполнѣ его стыдомъ, своей побѣдой.
Но, въ прахъ его повергнувъ, ты затѣмъ
И подыми его! По доброй волѣ
Его своей рукою осчастливь.
Клянись-же мнѣ, дитя, что все исполнишь,
И я—мы здѣсь одни—тебѣ открою
Ихъ имена. Объ этомъ не узнаетъ
Никто и никогда, тебѣ клянусь!
Такимъ путемъ мы мирно все уладимъ.
Прославишься ты новою побѣдой,
Великодушіемъ къ себѣ преклонишь
Народныя сердца, пріобрѣтешь
Достойнаго супруга и утѣшишь
На старости отца!

ТУРАНДОТЪ (*все болѣе и болѣе охватываемъ волненіемъ*).

О, какъ со мною
Хитритъ отецъ!... Что дѣлать мнѣ? Адельмѣ
Довѣриться, на счастье положиться,
Иль меня узнать изъ устъ отца,
Подъ ненавистное ярмо склониться?..
Какъ быть? Ужасный выборъ! (*Стоитъ въ рѣшимости, видимо жестоко борясь съ собою*
Покорись,
О, сердце гордое! Не стыдъ смириться
Передъ отцомъ! (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Алтоуму и опять останавливается*). Но
если вдругъ Адельма...
Она увѣренно такъ говорила!...
Быть можетъ, ей удастся, я-же клятвой
Потороплюсь себя связать?

АЛТОУМЪ.

Ну, что-жъ,
Колеблешься ты, дочь моя? Трепещешь?
Но трепетъ твой едва-ль меня увѣритъ,
Что обезпечена твоя побѣда.
Довѣрься-же отцу и согласись!

ТУРАНДОТЪ.

Нѣтъ, рѣшено! Я подожду Адельму!...
И почему отецъ настойчивъ такъ?
То вѣрный знакъ: не такъ трудна разгадка,
Боится онъ, что имена узнаю!
Онъ съ княземъ за-одно! И отъ кого-же
Узналъ онъ имена, какъ не отъ князя?
Условились они меня поймать!
Смѣются надо мной!

АЛТОУМЪ.

Ну, что-же медлишь?
Довольно мучиться тебѣ. Рѣшайся!

ТУРАНДОТЪ.

Рѣшилась я. Пусть соберется завтра
Диванъ.

АЛТОУМЪ.

Рѣшилась ты ни передъ чѣмъ
Не отступать? Себя покрыть позоромъ
Рѣшилась ты вторично?

ТУРАНДОТЪ.

Испытанью
Подвергнуться рѣшилась я, отецъ!

АЛТОУМЪ (*въ сильномъ гнѣвѣ*).

Закоренѣлое, слѣпое сердце!
Слѣпѣй невѣжды всякаго изъ черни!
Ручаюсь головой—не отгадать
Тебѣ именъ! Позоръ ты новый примешь!
Но пусть. Диванъ мы утромъ соберемъ,
А рядомъ я велю алтарь воздвигнуть.
И вотъ, когда молчаніемъ отвѣтишь
Ты князю на вопросъ, насмѣшки черни
Тебя проводятъ къ алтарю! Отецъ
Просилъ тебя, ты не хотѣла слушать,
Такъ отступается онъ отъ тебя!

(*Уходитъ*).

ТУРАНДОТЪ (*одна*).

Спаси меня, Адельма! Вся надежда
Лишь на тебя! Покинута я всѣми.
Отецъ разгнѣвался и отступился!
Спасенья жду теперь лишь отъ тебя!

(*Уходитъ въ другую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежняя декорація смѣняется новою, изображающею великолѣпный покой съ нѣсколькими выходами. Въ глубинѣ восточное ложе. Ночь.

КАЛАФЪ *въ глубокой задумчивости ходитъ взадъ и впередъ.* БРИГЕЛЛА *съ факеломъ въ рукахъ смотритъ на Калафа, качая головой.*

БРИГЕЛЛА.

Четвертый часъ, мой князь, и вы успѣли
Взадъ и впередъ пройтись разъ триста слишкомъ.
Прошу простить,—мнѣ сонъ смыкаетъ вѣки,
И вамъ самимъ не худо отдохнуть.

КАЛАФЪ.

Ты правъ. Но думы скорбныя покоя
Мнѣ не даютъ, а ты ступай, усни.

БРИГЕЛЛА (*уходитъ, но тотчасъ-же возвращается*).

Два слова, князь. Почудится, быть можетъ,
Вамъ кое-что... Привидится... Такъ будьте
На сторожѣ!—Я васъ предупредилъ.

КАЛАФЪ.

Привидится? Въ покоѣ здѣсь? (*Тревожно оглядываетъ покой*).

БРИГЕЛЛА.

О, небо!
Ну, да! Запрещено подъ страхомъ смерти
Сюда кого-бъ то ни было впускать.
Но бѣдные служаки!.. Ханъ-то ханомъ,
Да и принцесса, вѣдь, не кто нибудь,
И если что ей въ голову засѣло,

Такъ будетъ по ея! И не легко
Межъ двухъ огней, мой князь, остаться цѣлымъ.
Вы поняли? Хотѣлось бы по чести
Исполнить долгъ... Да и скопить на старость
Хоть кое-что—соблазнъ великъ! Извѣстно
Какъ туго намъ приходится!

КАЛАФЪ.

Ужель
За жизнь свою я долженъ опасаться?
Бригелла, говори!

БРИГЕЛЛА.

Избави небо!
Я намекаю лишь на любопытство,
Которое снѣдаетъ всѣхъ—узнать,
Кто вы. И можетъ такъ случиться,
Что въ скважину замочную пролѣзетъ
Къ вамъ духъ... иль оборотень, или вѣдьма,
Чтобъ выпытать... Довольно! Князь теперь
Предупрежденъ! Намекъ мой вамъ понятенъ?
Соблазнъ великъ для бѣдныхъ слугъ!...

КАЛАФЪ (*смѣясь*).

Я понялъ!
Спокоенъ будь! Я буду остороженъ!

БРИГЕЛЛА.

Вотъ, вотъ, мой князь! Да сохранятъ васъ боги!
Такъ не введите-же меня въ бѣду!
(*Въ сторону зрителей*).
Пожалуй, тутъ удастся заработать
Кошель, набитый золотомъ. Такъ что-же?
Я сдѣлалъ все, что могъ.
(*Уходитъ*).

КАЛАФЪ.

Забросилъ въ душу
Онъ подозрѣнье мнѣ. Кто-жъ нападеньемъ
Мнѣ здѣсь грозитъ? Но хоть самъ чортъ явись,
Я устою.
(*Подходитъ къ окну*).
Не за горами утро.
Не долго мнѣ лежать на ложѣ пытки.
Попробую я сонъ къ себѣ сманить,
Чтобъ вѣки мнѣ усталыя смежилъ.

(*Хочетъ прилечь, какъ вдругъ одна изъ дверей отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КАЛАФЪ. СКИРИНА (*въ мужской одеждѣ и въ маскѣ*).

СКИРИНА (*боязливо приближаясь*).

Мой господинъ!... Какъ сильно сердце бьется!

КАЛАФЪ (*вскакивая съ ложа*).

Ты кто? Зачѣмъ? Что надо здѣсь тебѣ?

СКИРИНА (*снимая маску*).

Не узнаете вы меня?—Скирина,
Жена Гассана я, хозяйка ваша.
Переодѣтая я мимо стражи
Къ вамъ пробралась. Ахъ, сколько надо мнѣ
Повѣдать вамъ!... Но страшно мнѣ... Колѣни
Дрожатъ... Отъ слезъ не вымолвить ни слова!

КАЛАФЪ.

Не бойся, говори!

СКИРИНА (*боязливо озираясь*).

Скрываться долженъ
Мой бѣдный мужъ. Принцессѣ донесли,
Что знаетъ онъ, кто вы. Она велѣла
Его искать повсюду, чтобъ доставить
Въ сераль и ваше имя вырвать силой...
Найдутъ его—пропалъ Гассанъ мой бѣдный:
Скорѣй на смерть пойдетъ, чѣмъ выдастъ васъ.

КАЛАФЪ.

Мой вѣрный другъ!... Жестокая принцесса!

СКИРИНА.

Еще должна я вамъ сказать: ко мнѣ
Отецъ явился вашъ...

КАЛАФЪ.

Что слышу? Небо!

СКИРИНА.

Скончалась ваша мать, онъ безутѣшенъ...

КАЛАФЪ.

О, мать моя!...

СКИРИНА.

Не все я вамъ сказала.
Узнавъ, что вы содержитесь подъ стражей,
За вашу жизнь трепещетъ онъ. Отъ горя
Онъ внѣ себя и рвется къ хану, чтобы
Назвать себя и васъ,—тамъ будь что будетъ!
„Я съ сыномъ умереть хочу!“—кричитъ.
Старалась убѣдить его я тщетно,
Онъ голосу отчаянья лишь внемлетъ.

Едва добилась я, чтобъ согласился
Онъ подождать, пока ему добуду
Я вѣсточку, подписанную вами,—
Онъ изъ нея увидитъ, что вы живы.
И я опасности себя подвергла,
Чтобъ старика несчастнаго утѣшить.

КАЛАФЪ.

Въ Пекинѣ мой отецъ! А мать въ могилѣ!..
Меня обманываешь ты, Скирина!

СКИРИНА.

Коль такъ, пусть самъ Фу-си меня накажетъ!

КАЛАФЪ.

О, мать несчастная! Отецъ мой бѣдный!

СКИРИНА (*торопливо*).

Намъ время дорого! Скорѣй пишите!
Я принесла что нужно для письма.
(*Протягиваетъ ему дощечку*).
Всего лишь слова два, чтобъ убѣдился
Онъ въ вашей безопасности. Иль къ хану
Въ отчаяньѣ онъ кинется и выдастъ
Себя и васъ, и все тогда пропало!

КАЛАФЪ.

Давай сюда дощечку!
(*Хочетъ писать, но задумывается и испытующе смотритъ на нее*).
Нѣтъ, постой!
Ты, кажется, имѣешь дочь въ сералѣ?
Да, да! У Турандотъ она служанкой.
Гассанъ мнѣ говорилъ.

СКИРИНА.

Ну, да! Такъ что-же?

КАЛАФЪ.

Ступай къ отцу, Скирина, и скажи,
Что пусть онъ явится безъ страха къ хану,
Ему откроется чистосердечно,
И буду я доволенъ тѣмъ.

СКИРИНА (*пораженная*).

Такъ вы
Не будете писать?.. Одно лишь слово!..
И подпись...

КАЛАФЪ.

Нѣтъ! лишь завтра всѣ узнаютъ
Кто я. Но я дивлюсь: Жена Гассана
Пытается меня предать!

СКИРИНА.

Я? васъ?
(*Про себя*).
Адельма пусть сама добьется толку!
(*Калафу*).
Какъ вамъ угодно, князь! Я удалюсь
И передамъ, что вы сказали. Только
Не чаяла, что за труды свои
Я заслужу отъ васъ лишь подозрѣнье!
(*Уходя*).
Адельма бодрствуетъ, и онъ не спитъ.
(*Уходитъ*).

КАЛАФЪ.

Такъ правъ Бригелла былъ насчетъ видѣній!
Но поклялась она, что мой отецъ
Въ Пекинѣ здѣсь, а мать моя скончалась.
Ахъ, никогда бѣда одна не ходитъ,
И рѣдко лгутъ намъ вѣстники печали.
(*Противоположная дверь открывается*).
Еще видѣніе? Оно что скажетъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

КАЛАФЪ. ЗЕЛИМА.

ЗЕЛИМА.

Я, князь, служанка Турандотъ, Зелима,
И съ добрыми вѣстями къ вамъ пришла.

КАЛАФЪ.

Хвала богамъ! Пора-бъ добру явиться;
Но я себя надеждою не тѣшу,—
Безчувственна, я знаю, Турандотъ.

ЗЕЛИМА.

Не буду спорить я. И все-же тронуть
Вы сердце гордое ея сумѣли,—
Вы—первый, вы одни—хоть и твердитъ
Она, что ненавидитъ васъ. Я знаю,
Что любитъ васъ она, и, если лгу,
Разверзнется земля пусть подо мною
И преисподняя меня поглотитъ!

КАЛАФЪ.

Ну, хорошо, я вѣрю. Вѣсть твоя
Не изъ дурныхъ. А дальше что?

ЗЕЛИМА.

Признаться
Я, князь, должна: въ отчаянье готова
Принцесса впасть, понявъ, что не подъ силу
Взяла задачу на себя. Ужасно
Для гордости ея, что послѣ всѣхъ
Побѣдъ придется ей быть посрамленной,
Униженной предъ цѣлымъ міромъ; мысль

О томъ ее гнететъ невыносимо!...
Пусть провалюсь сквозь землю, коль я лгу!

КАЛАФЪ.

Не накликай столь страшной кары! Вѣрю.
Ступай, скажи своей принцессѣ, что
Ей выйти изъ борьбы легко со славой:
Себѣ ея она стяжаетъ больше,
Чѣмъ всѣмъ умомъ своимъ блестящимъ, если
Научится повиноваться сердцу,
Докажетъ всѣмъ, что чувствовать способна,
Мою любовь вознаградить рѣшится
И престарѣлаго отца утѣшить!
Не съ этою-ли доброй вѣстью ты
Пришла ко мнѣ?

ЗЕЛИМА.

О, нѣтъ, не такъ-то просто
Насъ покорить. Вамъ нужно снизойти
До нашей слабости. Прошу вниманья.

КАЛАФЪ

Я слушаю.

ЗЕЛИМА.

Принцесса умоляетъ
Ей имена открыть и въ остальномъ
Довѣриться ея великодушью.
Ей надо гордость лишь свою спасти,
Не быть униженной при всемъ Диванѣ!
Тогда она сама сойдетъ къ вамъ съ трона
И осчастливитъ васъ по доброй волѣ.
Рѣшитесь, князь. Опасности тутъ нѣтъ.
Добромъ ее скорѣй вы покорите,
И по любви, а не по принужденью
Вамъ сердце гордое во власть отдастся.

КАЛАФЪ (*пристально глядя на нее, съ горькимъ смѣхомъ*).

А эту рѣчь Зелима не скрѣпила
Обычнымъ заключеніемъ.

ЗЕЛИМА.

Какимъ-же?

КАЛАФЪ.

Пусть я сквозь землю провалюсь, коль лгу!

ЗЕЛИМА.

Я лгу, по вашему?

КАЛАФЪ.

Увѣренъ въ этомъ
И твоего совѣта не приму.
Скажи принцессѣ, что моя вся гордость
И слава вся—въ ея любви. Такъ пусть
Отказъ проститъ моей любви горячей!

ЗЕЛИМА.

Вы, князь, подумали,—во что вамъ можетъ
Упорство ваше обойтись?

КАЛАФЪ.

Пусть стоитъ
Хоть жизни мнѣ!

ЗЕЛИМА.

Пожалуй, такъ и будетъ.
Такъ ничего вы мнѣ не сообщите?

КАЛАФЪ.

Не сообщу.

ЗЕЛИМА.

Прощайте! (*Уходя, про себя*).
Даромъ только
Потратила и трудъ и время!
(*Уходитъ*).

КАЛАФЪ.

Скройтесь
Безплотныя видѣнья! Не удастся
Вамъ побороть меня. Но вотъ что сердце
Мое гнететъ, и страхъ внушаетъ мнѣ:
Въ Пекинѣ мой отецъ, а мать скончалась!..
Но мужество! Теперь недолго ждать
Рѣшенія судьбы, и это время,
Быть можетъ, мнѣ удастся скоротать
Въ объятьяхъ сна. Нуждается въ покоѣ
Усталый духъ, и надо мной какъ будто
Богъ сна ужъ вѣетъ легкими крылами.
(*Ложится и засыпаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

КАЛАФЪ, АДЕЛЬМА (*входитъ съ закрытымъ лицомъ; въ рукахъ у нея восковая свѣча*).

АДЕЛЬМА.

Не можетъ быть, чтобъ все не удалось!...
Всѣ ухищренія напрасны были,—
Не поддался, именъ не выдалъ онъ.
Такъ я его увлечь сумѣю къ бѣгству
Съ прекрасною добычей! Мигъ желанный!...
Любовь, ты до сихъ поръ мнѣ помогала,
Вливала мужество и силы въ душу!
Вложи въ уста мнѣ пламенныя рѣчи
И помоги побѣду одержать.
(*Смотритъ на спящаго*).
Возлюбленный мой спитъ. Не бейся, сердце,
Тревожно такъ!... Какъ жаль! мнѣ свѣять съ
васъ,
О, милые глаза, сны золотые!

Но близокъ день, и не могу я медлить.

(*Подходитъ къ князю и тихонько дотрагивается до него*).

Проснитесь, князь!

КАЛАФЪ (*просыпаясь*).

Кто сонъ мой нарушаетъ?
Видѣнье новое? Исчезни, призракъ!
Ужель на мигъ мнѣ не дадутъ забыться?

АДЕЛЬМА.

Что васъ волнуетъ такъ, мой князь? Не бойтесь!
Не врагъ стоитъ предъ вами. Вашей тайны
Не буду я выманивать у васъ!

КАЛАФЪ.

Да и напрасный трудъ. Предупреждаю,
Я никакимъ обманамъ не поддамся.

АДЕЛЬМА.

Чтобъ я обманывать васъ стала? Чѣмъ
Я вызвала такое подозрѣнье?
Скажите мнѣ: была у васъ Скирина
И выманить у васъ письмо пыталась?

КАЛАФЪ.

Была.

АДЕЛЬМА.

И не добилась ничего?

КАЛАФЪ.

Я не такой глупецъ.

АДЕЛЬМА.

Хвала вамъ, боги!...
Потомъ была у васъ служанка Турандотъ
И обойти пыталась васъ?

КАЛАФЪ.

Пыталась.
Но и она ни съ чѣмъ ушла. Тебѣ
Не больше повезетъ.

АДЕЛЬМА.

Какъ мнѣ ни больно,
Охотно вамъ прощаю подозрѣнье.
Должны сначала вы узнать, кто я.
Садитесь, слушайте, потомъ судите,
Обманщица-ли я.

(*Садится; Калафъ также*).

КАЛАФЪ.

Такъ говорите,
Чтобъ зналъ я, за кого мнѣ васъ считать.

АДЕЛЬМА.

Попристальнѣе, князь, въ меня вглядитесь.
Кто я, по вашему, скажите мнѣ?

КАЛАФЪ.

Вашъ величавый станъ и вся осанка
Невольное внушаютъ уваженье.
По платью-же передо мной рабыня,
Которую въ Диванѣ видѣлъ я
И пожалѣлъ.

АДЕЛЬМА.

Свидѣтели мнѣ боги,
И я васъ, князь, отъ всей души жалѣла.
Пять лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я,
Еще любимицей судьбы, впервые
Васъ увидала, князь. Тогда вы были
Простымъ слугой, но сердце мнѣ сказало,
Что родились для лучшей доли вы.
И всѣ старанія я прилагала
Смягчить для васъ судьбы несправедливость.
Мой взоръ о чувствахъ вамъ моихъ повѣдалъ,
Насколько то княжнѣ прилично было.

(*Открываетъ лицо*).

Смотрите, князь, и вспомните: видали
Меня когда-нибудь вы раньше?

КАЛАФЪ.

Боги!
Возможно-ли?.. Адельма, вы?

АДЕЛЬМА.

Да, я!
Дочь хана Хорассанскаго! Для трона
Я рождена была—рабыней стала!

КАЛАФЪ.

Васъ схоронить поторопились люди.
Но гдѣ и какъ намъ свидѣться пришлось!
Княжну, дочь ханскую, рабыней вижу!

АДЕЛЬМА.

Рабыней Турандотъ, жестокосердой,
Виновницы паденья моего!
Я вамъ повѣдаю свои несчастья.
Былъ у меня любимый братъ. Плѣнился
Онъ Турандотъ, какъ вы... и попытался...

(*Не можетъ продолжать отъ слезъ*).

Ахъ, средь головъ на воротахъ Пекина—
Ужасный видъ—и голова его,
Любимаго, оплаканнаго брата!

КАЛАФЪ.

Несчастный князь. Такъ не лгала молва,
А я считалъ ужасные разсказы
Пустыми баснями!

АДЕЛЬМА.

Въ порывѣ горя
Отецъ мой Кейкобадъ, отважный воинъ,
Пошелъ войной на хана Алтоума,
Чтобъ отомстить за сына... Но, увы!
Судьба къ нему была неблагосклонна!
Онъ съ сыновьями палъ въ геройской битвѣ,
Меня-же, мать мою, моихъ сестеръ—
Всѣхъ утопить велѣлъ свирѣпый визирь,
Преслѣдователь нашъ. Тѣ потонули,
А я спаслась великодушьемъ хана.
Онъ къ берегу подъѣхалъ въ ту минуту
И, осудивъ приказъ безчеловѣчный,
Велѣлъ меня спасти. Полуживой
Извлечь меня успѣли изъ потока,
Вернули къ жизни вновь и, какъ рабыню,
Принцессѣ отдали. Считать за счастье
Должна была и то я, что мнѣ жизнь
Оставилъ врагъ! О, если есть въ васъ чувство,
То доля тяжкая моя васъ тронетъ.
Подумайте, что вытерпѣла я,
И какъ терзаюсь я, служа рабыней
Убійцѣ всѣхъ моихъ родныхъ!

КАЛАФЪ.

Княжна,
Всѣмъ сердцемъ васъ жалѣю я и съ вами
Готовъ оплакивать страданья ваши.
Но не вините вы въ своихъ несчастьяхъ
Принцессы Турандотъ. Своею волей
Пошелъ вашъ братъ на гибель, вашъ отецъ
Сгубилъ васъ всѣхъ горячностью своею.
Скажите-жъ мнѣ, чѣмъ я, несчастный, самъ
Игрушка злой судьбы, помочь вамъ въ силахъ?
Достигну завтра я вершины счастья—
Васъ сдѣлаю свободной и счастливой!
Теперь же мысль о вашей тяжкой долѣ
Лишь горести мои усугубляетъ!

АДЕЛЬМА.

Могли не довѣрять вы неизвѣстной.
Теперь вы знаете меня. Княжнѣ
И ханской дочери должны вы вѣрить,
Когда она, внимая состраданью,
Иль лучше—голосу любви, вамъ скажетъ...
О, только-бъ вы, плѣненный ею, вѣрить
Могли моимъ словамъ, когда предъ вами
Я обвинять возлюбленную стану!

КАЛАФЪ.

Да говорите-же, Адельма!

АДЕЛЬМА.

Знайте...
Но, нѣтъ! Подумаете вы, что я
Хочу васъ обмануть, какъ тѣ рабыни
Продажныя!

КАЛАФЪ.

Вы мучите меня!
Я заклинаю васъ сказать мнѣ прямо,
Въ чемъ можете вы обвинить ее,
Владычицу моей несчастной жизни?

АДЕЛЬМА (*въ сторону*).

О, небо, дай мнѣ убѣдить его!
(*Калафу*). Жестокая, коварная принцесса
Не постыдилась приказать... убить
Васъ завтра, князь!—Вотъ вамъ богиня ваша!

КАЛАФЪ.

Убить меня?

АДЕЛЬМА.

Убить! Какъ только завтра
Вы сдѣлаете шагъ отсюда, васъ
Тотчасъ пронзятъ десятками кинжаловъ.
Безчеловѣчная такъ приказала!

КАЛАФЪ (*быстро встаетъ и направляется къ дверямъ*).

Я стражу позову... предупрежу!...

АДЕЛЬМА (*удерживая его*).

Что дѣлаете вы? Спастись хотите?
Несчастный, вы не знаете, гдѣ вы!
Опутаны кругомъ вы гнусной сѣтью.
Та стража самая, которой ханъ
Оберегать васъ поручилъ, принцессой
Подкуплена, чтобъ умертвить васъ завтра!

КАЛАФЪ (*въ порывѣ отчаянья*).

О, мой отецъ, несчастый ханъ Тимуръ!
Погибнуть долженъ твой Калафъ! Явился
Въ Пекинъ какъ разъ ты, чтобъ его оплакать!
Такой-ли ждалъ отъ сына ты утѣхи?
Судьба жестокая!.. (*Закрываетъ лицо руками*).

АДЕЛЬМА (*въ радостномъ изумленіи про себя*).

Тимура сынъ,
Калафъ!.. О, счастье! будь теперь, что будетъ!
Хотя-бъ избѣгнулъ онъ моихъ сѣтей,
Его въ рукахъ держу!

КАЛАФЪ.

Итакъ та стража,
Которая дана въ защиту мнѣ,
Меня постыдно предала! Недаромъ
Сказалъ одинъ изъ тѣхъ рабовъ продажныхъ,
Что страхъ предъ сильными и деньги могутъ
Легко заставить ихъ нарушить вѣрность!
Прости, о жизнь! Бороться невозможно
Съ неумолимою судьбой!—Твой взоръ,
Жестокая, моей упьется кровью!
Жизнь, улетай! Отъ смерти не уйти!

АДЕЛЬМА (*съ жаромъ*).

Я укажу вамъ путь ея избѣгнуть!
Я не одни пустыя сожалѣнья
Вамъ принесла. Я просьбъ не пощадила
И золота, чтобъ стражу подкупить.
За мною слѣдуйте! Я васъ отъ смерти
Освободить пришла, себя отъ рабства!
Насъ кони ждутъ, проводники готовы!
Бѣжимъ изъ этихъ стѣнъ! На нихъ проклятье
Боговъ лежитъ! Бѣжимъ въ Берлу. Въ родствѣ
Со мною ханъ Берлы. Мнѣ дать защиту
Онъ клятвою священною обязанъ.
Онъ приметъ насъ къ себѣ и дастъ намъ войско
Отвоевать отцовскій тронъ, который
Я съ вами раздѣлить сочту за счастье,
Коль вы руки моей не оттолкнете.
А если мной пренебрежете—много
Въ Татаріи принцессъ, что не уступятъ
Красою Турандотъ, но съ нѣжнымъ сердцемъ.
Изъ нихъ достойную вы изберете,
А я себя сумѣю побѣдить...
Лишь дорогую жизнь свою спасайте!

(*Продолжаетъ съ все возрастающею страстностью и, схвативъ его за руку, старается увлечь за собою*).

Скорѣй-же, князь! Скорѣй! Уходитъ время!
Ужъ пѣтухи поютъ, и во дворцѣ
Движенье началось. Заря восходитъ,
Съ собою смерть неся. Спѣшите, князь,
Пока къ спасенью путь еще свободенъ!

КАЛАФЪ.

Великодушная княжна! Мой другъ
Единственный! Какъ больно мнѣ, что съ вами
Бѣжать въ Берлу, принять отъ васъ свободу
И вамъ помочь отцовскій тронъ вернуть
Я не могу. Что о такомъ побѣгѣ
Сказалъ-бы ханъ? не гнусный-ли поступокъ
Я совершу, поправъ долгъ гостя первый,
Долгъ благодарности, похитивъ васъ,
Столь дорогую плѣнницу сераля.
И въ сердцѣ я своемъ, княжна, неволенъ!
Желанной будетъ для меня и смерть,
Когда ее *она* мнѣ шлетъ!—Спѣшите
Спастись одна, и да хранятъ васъ боги!
А я дождусь, что мнѣ судьба готовитъ:
Коль не дано мнѣ жить для Турандотъ,
Изъ-за нея и умереть мнѣ сладко!

АДЕЛЬМА.

Безумецъ вы. Такъ вы рѣшили твердо..

КАЛАФЪ.

Рѣшилъ остаться здѣсь, дождаться смерти.

АДЕЛЬМА.

Неблагодарный князь! Нѣтъ, не любовь
Удерживаетъ васъ,—ко мнѣ презрѣнье!
Вамъ смерть желаннѣй, чѣмъ побѣгъ со мной!
Ну, что-жъ! Отвергните меня съ презрѣньемъ,
Но сами-то спасайте вашу жизнь!

КАЛАФЪ.

Не тратьте словъ напрасно. Я останусь.
Дождусь своей судьбы.

АДЕЛЬМА.

Такъ оставайтесь!
И я рабой останусь! Ни свободы,
Ни счастья мнѣ не надобно безъ васъ!
Посмотримъ-же, кто смерть смѣлѣе встрѣтитъ!

(*Уходя*).

Мнѣ-ль первой суждено достигнуть цѣли
Настойчивымъ стремленіемъ?
(*Про себя, съ ударѐніемъ*).
Сынъ Тимура
Калафъ!

(*Насмѣшливо кланяясь*).
Прощайте, неизвѣстный князь!
(*Уходитъ*).

КАЛАФЪ.

О, будетъ-ли конецъ ужасной ночи?
И долго-ль мнѣ дрожать на ложѣ пытки?
А день... какъ знать, какой бѣдой грозитъ?
И кто причиною всего?.. Того-ли
Моя любовь и вѣрность заслужили,
Безжалостная, отъ тебя?—Быть такъ!
Румянитъ небеса зари явленье;
Всѣмъ жизнь неся, свѣтило дня встаетъ,
И мнѣ лишь смерть! Душа, имѣй терпѣнье!
Судьбы рѣшенье день тебѣ несетъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

КАЛАФЪ. БРИГЕЛЛА.

БРИГЕЛЛА.

Готовьтесь, князь. Диванъ уже весь въ сборѣ.

КАЛАФЪ (*смѣривая его дикимъ блуждающимъ взглядомъ*).

Такъ вотъ кого орудіемъ избрали?
Гдѣ твой кинжалъ? Скорѣй приказъ исполни!
Ты у меня не можешь ничего
Отнять, чѣмъ я бы дорожилъ!

БРИГЕЛЛА.

Что съ вами?
Какой приказъ? Приказано мнѣ только
Васъ проводить въ Диванъ, гдѣ все готово.

КАЛАФЪ (*подумавъ, покорно*).

Идемъ! Я знаю, мнѣ не суждено
Дойти туда живымъ. Но ты увидишь,
Сумѣю-ль я спокойно умереть.

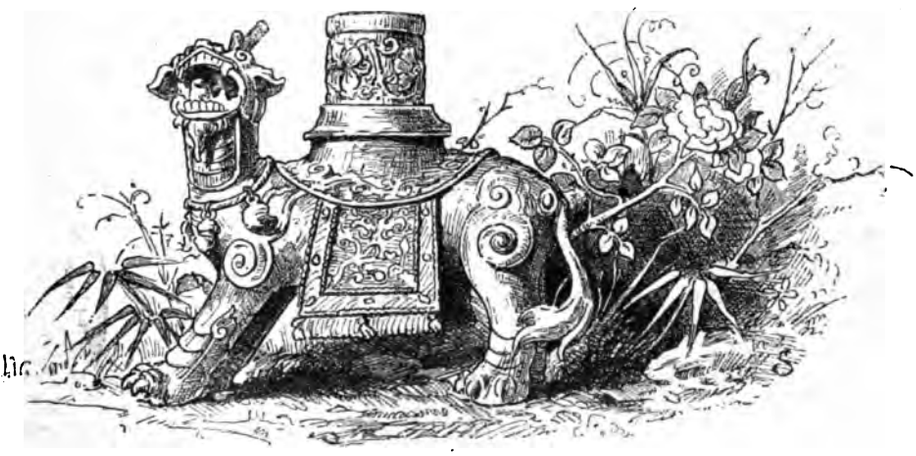
БРИГЕЛЛА (*удивленно глядя на него*).

Что, чортъ возьми, онъ говоритъ о смерти?
Проклятое бабье! Ни на минуту
Покоя не дали!. Онъ самъ не свой!

КАЛАФЪ (*отбрасывая свой мечъ*).

Я бросилъ мечъ! Не стану защищаться!
Пусть донесутъ жестокой, что охотно
Я самъ открылъ ударамъ грудь свою!

(*Выходитъ изъ покоя и на встрѣчу ему раздаются звуки марша*).



ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація второго дѣйствія. Въ глубинѣ сцены освѣщенный восковыми свѣчами алтарь, съ изображеніями китайскихъ божествъ, и двое жрецовъ; глазамъ зрителей алтарь и жрецы открываются, когда отдергивается особая занавѣсь въ глубинѣ сцены.

Алтоумъ *сидитъ на тронѣ.* Панталонъ *и* Тарталія *по сторонамъ трона; восемь* ученыхъ *на своихъ мѣстахъ; почетная* стража *съ саблями на-голо.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Алтоумъ, Панталонъ, Тарталія, ученые, стража и Калафъ.

калафъ (*стремительно входитъ, подозрительно оглядываясь назадъ. Достигнувъ средины сцены, онъ отдаетъ поклонъ хану, затѣмъ говоритъ про себя*).

Я здѣсь? Дошелъ живимъ и невредимымъ?
Я съ каждымъ шагомъ ждалъ, что мнѣ вонзятся
Кинжалы въ грудь. Но вотъ, благополучно
Прошелъ весь путь. Такъ ложныя мнѣ вѣсти
Адельма принесла? Иль Турандотъ
Открыла имена, и я погибну
И безъ того?

алтоумъ.

Мой сынъ! Твой взоръ тревоженъ.
Сомнѣнье, страхъ тебя волнуетъ, вижу.
Не бойся, князь! Ужъ близится конецъ
Всѣмъ испытаніямъ твоимъ, и скоро
Прояснится твое чело. Имѣю
Я радостныя вѣсти для тебя,
Но ихъ пока я затаить хотѣлъ-бы
Въ своей груди: ты ихъ тогда узнаешь,
Когда для радости открыта будетъ
Твоя душа. Пока скажу одно,
Что счастіе не ходитъ въ одиночку,
Но съ цѣлой свитою даровъ богатыхъ!—
Твоею будетъ Турандотъ. Три раза
Сегодня въ ночь она ко мнѣ являлась
Меня просить и умолять, чтобъ я
Освободилъ ее отъ испытанья.
Итакъ, суди, насколько можешь ты
Ее съ спокойнымъ сердцемъ ждать.

ПАНТАЛОНЪ.

Ручаюсь,
Что можете, мой князь! Ужъ это вѣрно!
Позвольте мнѣ поздравить васъ! Сегодня
Сыграемъ свадьбу мы. Два раза ночью
Меня къ себѣ принцесса призывала
И торопила такъ, что ноги въ туфли
Едва я всунуть успѣвалъ. Къ тому-же
Бѣжать съ пустымъ желудкомъ въ этотъ
холодъ...
Брр!.. до сихъ поръ такъ дрожь и пробираетъ!
Я долженъ былъ устроить ей отсрочку,
Ей дать совѣтъ, предъ ханомъ заступиться...
Чего-чего еще не поручала!
А я глядѣлъ, по чести, съ наслажденьемъ,
Въ какомъ она отчаяньѣ была!

ТАРТАЛІЯ.

Я въ шесть часовъ утра былъ вызванъ къ ней.
Не спавъ всю ночь, совой она смотрѣла!
И съ полчаса она меня молила
И улещала всячески, но тщетно.
Мнѣ кажется, что я отъ нетерпѣнья
И холода ей горькихъ истинъ много
Наговорилъ.

АЛТОУМЪ.

Оттягиваетъ выходъ
До самаго послѣдняго мгновенья!
Но заперлась напрасно. Данъ приказъ,
Чтобы въ Диванъ она явилась. Если-жъ
Не явится добромъ, заставятъ силой.
Сама меня упрямствомъ довела
До строгихъ мѣръ. Я отъ стыда избавить
Хотѣлъ ее, такъ нѣтъ, не тутъ-то было!
Пусть на себя пеняетъ. Твой чередъ
Торжествовать теперь, мой сынъ. Ликуй-же!

КАЛАФЪ.

О, государь! Я ликовать могу-ли?
Меня гнететъ, что ей, любимой мною,
Терпѣть приходится изъ-за меня.
Ужъ лучше-бъ я... Ахъ, нѣтъ! Я не былъ
въ силахъ!
Что безъ нея мнѣ жизнь? И мнѣ, быть
можетъ,
Когда-нибудь удастся побѣдить
Любовью нѣжною ея презрѣнье
И превратить его въ любовь. Я буду
Рабомъ ея. Моей всей жизни цѣль
Ея любовь! Тому, кто пожелаетъ
Добиться милостей моихъ, не надо
Заступниковъ иныхъ,—довольно знака
Прекрасныхъ глазъ ея. Ей не откажетъ
Ни въ чемъ и никогда моя любовь,
Пока меня не срѣжетъ смерть косою;
Она одна, пока есть въ жилахъ кровь,
Моею будетъ мыслью и мечтою!

АЛТОУМЪ.

Пора! Намъ медлить не зачѣмъ. Диванъ
Пусть обратится въ храмъ! Алтарь воздвигнутъ
И ждутъ жрецы. Прочтетъ пусть на порогѣ
Судьбу свою и знаетъ, что я клятву
Свою сдержу!

(*Занавѣсъ отдергивается, и въ глубинѣ сцены видны алтарь и жрецы*).

Откройте двери настежь,
И входъ народу пусть не возбраняютъ!
Пора неблагодарной Турандотъ
Намъ заплатить за тысячи мученій,
Которыми она отягощала
Мою сѣдую голову.

(*Слышны глухіе барабанные звуки похоронnаго марша. Вскорѣ появляется* ТРУФАЛЬДИНЪ *съ* ЕВНУХАМИ, РАБЫНИ *и, наконецъ, сама* ТУРАНДОТЪ, *въ черномъ одѣяніи и подъ чернымъ покрываломъ, какъ и всѣ ея рабыни*).

ПАНТАЛОНЪ.

Идетъ!
Идетъ!.. Но что за музыка!.. Смотрите,
Всѣ въ траурныхъ одеждахъ въ знакъ печали!
Не свадебный, а похоронный маршъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ; ТУРАНДОТЪ, ЗЕЛИМА, АДЕЛЬМА, ТРУФАЛЬДИНЪ, РАБЫНИ *и* ЕВНУХИ.

ТУРАНДОТЪ (*занявъ мѣсто на тронѣ и обращаясь среди наступившей тишины къ Калафу*).

Одежды скорбныя и видъ печальный
Моихъ людей, вамъ, *неизвѣстный* князь,
Пріятнымъ зрѣлищемъ должны казаться.
Я вижу, что алтарь уже воздвигнутъ
И ждутъ жрецы. Во всѣхъ глазахъ читаю
Насмѣшку надо мной, и горько мнѣ.
Я истощила умъ и все искусство,
Чтобы не дать вамъ побѣдить, самой-же
Позорнаго избѣгнуть пораженья,
И вотъ должна судьбѣ я покориться.

КАЛАФЪ.

О, еслибъ ты прочла въ моей душѣ,
Какъ скорбь твоя мрачитъ мое блаженство,
Твой гнѣвъ смягчился-бы. Иль преступленье
Сокровищемъ стремиться овладѣть?..
Нѣтъ, отказаться отъ него преступно!

АЛТОУМЪ.

Вамъ, князь, теперь смиренье не къ лицу
Смириться очередь ея! И если
Она съ достоинствомъ того не можетъ,
Пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Мы приступимъ.
Да возвѣстятъ торжественные звуки...

ТУРАНДОТЪ.

Не торопитесь такъ!
(*Встаетъ и обращается къ Калафу*).
Я не вполнѣ
Побѣдою своей бы насладилась,
Когда-бъ души твоей надеждой сладкой
Сперва не опьянила, чтобъ затѣмъ
Ее въ отчаянье повергнуть разомъ.
(*Медленно и возвысивъ голосъ*).
Итакъ, *Калафъ, Тимура сынъ*, бѣги!
Ищи себѣ въ иныхъ мѣстахъ супругу!
Для моего ума загадокъ нѣтъ.
И горе всѣмъ, кто съ Турандотъ поспоритъ!

КАЛАФЪ.

О, горе мнѣ! Несчастный я!

АЛТОУМЪ.

Что слышу?
Возможно-ли?

ПАНТАЛОНЪ.

Святая Катерина!
(*Тарталіи*).
Вы можете теперь идти домой
И вырвать бороду!

ТАРТАЛІЯ.

Владыка неба!
Я голову теряю!

КАЛАФЪ.

Все погибло!
Надеждамъ всѣмъ конецъ!... Кто мнѣ поможетъ?
Никто, никто! Я самъ себя сгубилъ!
Любилъ я слишкомъ горячо и нѣжно
И оттого любимую утратилъ!
Зачѣмъ вчера нарочно не ошибся?
Покоился-бъ теперь я вѣчнымъ сномъ,
Вкусила-бъ миръ тревожная душа.
Зачѣмъ условія мои смягчили
Вы, государь? Я головой своею
Хотѣлъ ей заплатить, коль отгадаетъ!
Тогда полнѣй была-бъ ея побѣда,
Ей ничего желать бы не осталось!
(*Въ глубинѣ сцены слышенъ негодующій ропотъ*).

АЛТОУМЪ.

Калафъ! Какъ молніей я пораженъ!
Удара не снести моимъ сѣдинамъ!

ТУРАНДОТЪ (*тихо Зелимѣ*).

Я тронута его глубокой скорбью!
Не въ силахъ съ сердцемъ я своимъ бороться.

ЗЕЛИМА (*тихо Турандотъ*).

Такъ сдайтесь, наконецъ! Пора покончить.
Вы слышите: въ народѣ громкій ропотъ?

АДЕЛЬМА (*про себя*).

Моя судьба рѣшается теперь!
Жизнь или смерть?

КАЛАФЪ.

Не нуженъ мечъ закона,
Чтобъ жизни бремя снять съ меня, когда
Его нести я болѣе не въ силахъ!
(*Подступая къ трону Турандотъ*).
Неумолимая! Да, предъ тобой
Калафъ, котораго возненавидѣть
Успѣла ты, кто онъ таковъ не зная;
Котораго, узнавъ, ты презираешь!
Такъ стоитъ-ли мнѣ дольше жизнь влачить,
Которая значенья не имѣетъ
Въ твоихъ глазахъ? Не будетъ омрачать
Ихъ блеска тѣнь моей печальной жизни!
У ногъ твоихъ...
(*Выхватываетъ кинжалъ и хочетъ пронзить себя. Адельма дѣлаетъ движеніе, чтобы броситься и удержать его, но Турандотъ предупреждаетъ ее, бросается съ трона и схватываетъ Калафа за руку съ выраженіемъ ужаса и любви*).

ТУРАНДОТЪ.

Калафъ!
(*Оба смотрятъ другъ на друга, не отрываясь и нѣсколько мгновеній не измѣняя положенія*)

АЛТОУМЪ.

Что вижу я?

КАЛАФЪ.

Ты помѣшала мнѣ. Изъ состраданья?
Ты хочешь, чтобъ я жилъ? Жилъ безъ надежды
И безъ любви? Повелѣвать ты хочешь
И моему отчаянью... Здѣсь власти
Твоей конецъ. Властна ты умертвить
Меня, но жить принудить ты не можешь.
Оставь меня, а если состраданья
Хоть искра есть въ тебѣ, прибереги
Его для моего отца, для старца

Несчастнаго, который здѣсь въ Пекинѣ,
Лишается послѣдней онъ опоры
Съ моею гибелью!
(*Хочетъ заколоться*).

ТУРАНДОТЪ (*бросаясь ему на грудь*).
Живи, Калафъ!..
Для Турандотъ живите, князь! Не въ силахъ
Я болѣе съ своимъ бороться сердцемъ!
Спѣши скорѣй, Зелима, къ двумъ несчастнымъ,
Утѣшь, обрадуй ихъ, освободи!

ЗЕЛИМА.
Бѣгу, бѣгу!

АДЕЛЬМА (*про себя*).
Конецъ моимъ надеждамъ!
Мнѣ умереть пора!

КАЛАФЪ.
Не сонъ-ли это?

ТУРАНДОТЪ.
И славы я не заслужила, князь.
Обязана я разрѣшеньемъ тайны—
Пусть знаютъ всѣ!—ни знаніямъ своимъ,
И ни уму, и ни искусству даже,
А случаю. Въ порывѣ горя вы
Передъ Адельмою проговорились,
И отъ нея я имена узнала.
Вамъ одному и слава и награда!
Но я не долгу одному послушна
Иль чувству справедливости, а также
И сердцу своему, вамъ отдаваясь.
Ахъ, вамъ оно принадлежало, князь,
Съ минуты той, какъ васъ я увидала!

АДЕЛЬМА (*въ сторону*).
Кто испыталъ мученія такія!

КАЛАФЪ (*бывшій все время, какъ во снѣ, приходитъ въ себя и заключаетъ принцессу въ свои объятія*).
Такъ ты моя!... О, вынесло-бы сердце
Блаженства полноту!

АЛТОУМЪ.
Дитя! пусть боги
Благословятъ тебя за то, что ты
Утѣшить старика-отца рѣшилась!
Тебѣ прощу всѣ прошлыя страданья
За этотъ полный счастья мигъ!

ПАНТАЛОНЪ.
Такъ свадьба!
Сейчасъ обрядъ начнется! Мѣсто! Мѣсто!

ТАРТАЛІЯ.
Всѣ по мѣстамъ! Сейчасъ обрядъ начнется!

АДЕЛЬМА.
Живи и счастливъ будь, жестокій, съ нею,
Которая такъ ненавистна мнѣ!
(*Принцессѣ*).
И никогда тебя я не любила!
Лишь ненависть руководила мной,
Когда я имена тебѣ открыла.
Его изъ рукъ твоихъ хотѣла вырвать,
И съ нимъ, любимымъ мной еще тогда,
Когда его не знала ты, укрыться
Въ иные, лучшіе края. Я ночью
Всѣ хитрости, уловки въ ходъ пустила
И даже клевету, чтобы къ побѣгу
Его склонить, но тщетно. Только выдалъ
Онъ мнѣ въ порывѣ горя имена,
И я открыла ихъ тебѣ. Побѣду
Должна была ты одержать, и онъ,
Отвергнутый тобой; искалъ-бы счастья
Въ моихъ объятіяхъ. Но все напрасно!
Онъ такъ любилъ тебя, что предпочелъ
Изъ-за тебя погибнуть, чѣмъ со мною
Счастливымъ быть. Мои мечты разбиты.
Одно осталось мнѣ... Я хана дочь,
Княжна какъ ты, и должно мнѣ стыдиться,
Что долго такъ носила цѣпи рабства.
Тебя я ненавидѣть вправѣ. Ты
Меня отца и всѣхъ родныхъ лишила,
Всего, что дорого мнѣ было въ жизни.
Теперь возлюбленнаго отняла...
Возьми-же и послѣдній отпрыскъ рода—
Меня! Я жить не стану, не хочу!
(*Поднимаетъ съ земли кинжалъ, отнятый Турандотъ у Калафа*).
Отчаянье кинжалъ схватило этотъ,
И сердце онъ нашелъ, куда вонзиться!
(*Хочетъ пронзить себя*).

КАЛАФЪ (*удерживая руку*).
Остановись!

АДЕЛЬМА.
Неблагодарный, прочь!
Въ ея объятіяхъ тебя мнѣ видѣть?!

КАЛАФЪ.
Нѣтъ, не должна ты умирать! Обязанъ
Твоей измѣнѣ я своимъ блаженствомъ!
Прекрасная душа, насилья врагъ,
Мнѣ отдалась теперь по доброй волѣ.
О, государь! Когда васъ тронуть могутъ
Мои горячія мольбы, то дайте
Свободу ей! Залогомъ счастья будетъ
Для насъ вашъ даръ, вернувшій счастье ей!

ТУРАНДОТЪ.

Я вмѣстѣ съ нимъ, отецъ, молю о томъ-же!
Я знаю, ей я слишкомъ ненавистна,
Мнѣ не проститъ она и не повѣритъ
Въ прощеніе мое. Такъ возвратите
Свободу ей и счастлива пусть будетъ,
Коль можетъ быть еще счастливой! Мы
Не мало зла и горя причинили,
Пора намъ счастье доставлять и радость!

ПАНТАЛОНЪ.

И я прошу васъ, государь, скорѣй
Ей отпускную дать, да на дорогу
Хоть царство цѣлое, когда попроситъ!
Не разлетѣлось бы все счастье наше,
Коль ненавистница такая будетъ
Въ дому у насъ!

АЛТОУМЪ (*Турандотѣ*).

Въ такой счастливый день
Я милостямъ моимъ границъ не знаю.
Не только ей свободу я дарую,
Но ханство ей отцовское верну.
Пусть изберетъ достойнаго супруга,
Который съ мудростью имъ будетъ править,
Сосѣда мощнаго не раздражая.

АДЕЛЬМА.

О, государь... Принцесса... Смущена,
Подавлена такимъ великодушьемъ.
Быть можетъ, раны мнѣ излѣчитъ время,
Великій врачъ... Теперь-же разрѣшите
Умолкнуть мнѣ... Должна я удалиться...
Теперь могу я только слезы лить!
(*Уходитъ, закрывъ лицо, но проходя бросаетъ на Калафа пламенный взоръ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, *кромѣ* Адельмы. *Въ концѣ явленія* Тимуръ, Баракъ, Скирина *и* Зелима

КАЛАФЪ.

О, мой отецъ! Гдѣ ты теперь? Откликнись,
Чтобъ на груди твоей излить я могъ
Избытокъ счастія!

ТУРАНДОТЪ (*смущенно*).

Вашъ благородный
Отецъ, мой князь, теперь въ моихъ покояхъ...
И радостную вѣсть узналъ... Но больше
Меня пока не спрашивайте, князь.
Мнѣ совѣстно свидѣтелей столь многихъ.

АЛТОУМЪ.

Тимуръ въ твоихъ покояхъ? Гдѣ же онъ?
Ликуй, мой сынъ! Обрѣлъ ты царство наше,
Но и твое должно къ тебѣ вернуться;
Сохранено оно слугою вѣрнымъ.
Убитъ тиранъ, вашъ врагъ, и твой народъ
Зоветъ тебя, Калафъ, на тронъ отцовскій.
Гонцы разосланы во всѣ края,
И вотъ одинъ ко мнѣ сюда явился.
Здѣсь самъ прочтешь, что всѣмъ бѣдамъ конецъ!
(*Протягиваетъ ему письмо*).

Калафъ (*бросаетъ взглядъ на письмо и нѣкоторое время стоитъ безмолвно въ глубокомъ волненіи*).

Признательность мою услышитъ небо,
Хоть и безмолвствуютъ мои уста!...
(*Въ это мгновеніе двери открываются и входитъ* Тимуръ *въ сопровожденіи* Барака, Зелимы *и* Скирины. *Увидавъ отца,* Калафъ *спѣшитъ къ нему съ распростертыми объятіями.* Баракъ *бросается къ ногамъ* Калафа, *а* Зелима *и* Скирина *къ ногамъ* Турандотъ, *которая милостиво ихъ поднимаетъ.* Алтоумъ, Панталонъ *и* Тарталія *стоятъ растроганные*).

Занавѣсъ.

Анна Ганзенъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ
ОТРЫВКИ.

Драматическіе наброски и планы Шиллера.

Сохранившіеся въ бумагахъ Шиллера отрывки, планы и сценаріи задуманныхъ имъ, но не получившихъ окончательной обработки пьесъ, далеко не равнаго достоинства и представляютъ не одинаковый интересъ. Иные изъ нихъ („Мальтійцы", „Варбекъ", „Дѣти дома") настолько любопытны и такъ много обѣщаютъ, что мы готовы искренно пожалѣть о томъ, что Шиллеръ впослѣдствіи отказался отъ мысли ихъ разработать, заинтересовавшись другими темами. Наряду съ этимъ, мы находимъ, однако, и такіе наброски, по которымъ съ трудомъ можно себѣ составить понятіе о замыслѣ автора,—несомнѣнно, предполагавшаго еще не разъ вернуться къ первымъ очертаніямъ будущихъ пьесъ и кореннымъ образомъ видоизмѣнить ихъ.

Во всякомъ случаѣ, вся эта черновая, подготовительная работа интересна уже въ томъ отношеніи, что она даетъ понятіе о сюжетахъ, въ разное время привлекавшихъ вниманіе драматурга, а также о критическомъ отношеніи его къ своему творчеству и той вѣчной неудовлетворенности, съ которою онъ передѣлывалъ и дополнялъ свои произведенія, равно какъ и первоначальные наброски ихъ, результатомъ чего явились, напримѣръ, три редакціи плана „Мальтійцевъ" и „Дѣтей дома", длинный рядъ подготовительныхъ замѣтокъ и обстоятельный сценарій къ „Варбеку" и т. д. Наконецъ, очень интересно бываетъ иногда сравнить неоконченные наброски съ нѣкоторыми сходными мотивами, встрѣчающимися въ лучшихъ произведеніяхъ Шиллера.

Герои, выступающіе въ этихъ наброскахъ, иногда довольно точно и обстоятельно обрисованные Шиллеромъ въ его сценаріяхъ и отдѣльныхъ черновыхъ замѣткахъ; иногда, наоборотъ, очерченные нѣсколькими блѣдными штрихами, намѣченные въ самыхъ общихъ чертахъ, могутъ быть разбиты на двѣ главныя группы, подобно дѣйствующимъ лицамъ его всемірно-извѣстныхъ трагедій. Шиллеръ, какъ и многіе другіе драматурги вродѣ, напримѣръ, Корнеля, любилъ рѣзкіе контрасты и противопоставленія. Если, съ одной стороны, въ его пьесахъ выступаютъ такія лица, какъ Карлъ Мооръ, Фердинандъ, Донъ-Карлосъ, Поза, Максъ Пикколомини, Вильгельмъ Телль, то не менѣе существенную роль играютъ въ нихъ и Францъ Мооръ, президентъ, Вурмъ, Филиппъ, Доминго, Октавіо Пикколомини, Геслеръ и др.,—цѣлая портретная галлерея безсердечныхъ, подозрительныхъ, алчныхъ или развратныхъ людей, еще болѣе оттѣняющихъ своимъ эгоизмомъ и другими отрицательными свойствами достоинства своихъ антагонистовъ... Точно такъ же и въ драматическихъ наброскахъ фигурируютъ энергичные, сильные безусловно выдающіеся люди, иногда поражающіе насъ своимъ благородствомъ, безкорыстіемъ и героизмомъ, принужденные на каждомъ шагу сталкиваться и вести борьбу съ представителями противоположной категоріи лицъ.

Таковъ гросмейстеръ Мальтійскаго ор-

:тарикъЛавалеттъ,—въ „Мальтійцахъ“ -человѣкъ идеи, свято хранящій тра- ордена, не допускающій никакихъ окъ, послабленій и компромиссовъ, щій выше всего чувство долга и ѣніе дѣлу... Онъ предпочитаетъ про- суровымъ и безжалостнымъ, чѣмъ умереть старому, рыцарскому духу ор-

Когда турки начинаютъ угрожать у С.-Эльмо, и всѣ склоняются въ поль- го мнѣнія, что дальнѣйшее сопротив- врагамъ было бы совершенно без- нымъ, онъ одинъ настаиваетъ на томъ, и фортъ защищался до послѣдней жности. Его обвиняютъ въ холод- и, безсердечномъ отношеніи къ своимъ рямъ, готовности жертвовать ихъ ью ради какихъ то химерическихъ овъ... Духъ недовольства ростетъ съ ымъ днемъ,—но тѣ, кто осуждаютъ естнаго старца не знаютъ того, что ь изъ рыцарей, которыхъ онъ, повини- му, такъ спокойно обрекаетъ на ге- ескую, отчаянную борьбу съ врагомъ, Сентъ-Пристъ,—его незаконный сынъ, ю имъ любимый...

тотъ пылкій, увлекающійся юноша при- житъ къ той же группѣ энтузіастовъ, и Карлъ Мооръ, Донъ-Карлосъ, Максъ оломини или Мортимеръ. Въ противо- кность гросмейстеру, онъ проявляетъ ю, страстную, неукротимую натуру,— нъ походитъ на отца яснымъ сознa- своего долга, мужествомъ, благоче- ъ и идеализмомъ. Восторженная, мечта- ая дружба его съ рыцаремъ Креки минаетъ дружбу Карлоса съ маркизомъ ю.—Любопытно, что въ спискѣ дѣй- ющихъ лицъ будущей трагедіи „Маль- “ первоначально стояло и только по- было вычеркнуто Шиллеромъ имя Позы. Сентъ-Фуа(въ другой редакціи—Шарло), го изъ героевъ наброска „Дѣти дома“ оминающаго мѣстами „Разбойниковъ“ воему общему колориту и отдѣльнымъ ностямъ сюжета), есть много сходныхъ ъ съ Карломъ Мооромъ. Мы узнаемъ, этотъ молодой человѣкъ одаренъ не- йною, вѣчно возбужденною и, вмѣстѣ ѣмъ, чувствительною натурою, что ему о и душно въ той обстановкѣ, среди рой онъ живетъ и какая то неудержи- сила влечетъ его на просторъ, вдаль общества. Неуживчивый, замкнутый въ , задумчивый, онъ, съ другой стороны, обенъ иногда становиться почти сенти- альнымъ...

Безусловный интересъ представлялъ бы, вѣроятно, герой задуманной Шиллеромъ исторической трагедіи „Варбекъ“ (изъ исторіи междоусобной войны Алой и Бѣлой Розы), отъ которой сохранился наиболѣе подробный планъ, сценарій и рядъ явленій. Этотъ талантливый, богато одаренный отъ природы человѣкъ, подпавъ вліянію герцогини бургундской Маргариты, соглашается играть роль претендента на англійскій престолъ, выдаетъ себя за принца Ричарда Іоркскаго, группируетъ вокругъ себя своихъ преданныхъ сторонниковъ. Но Шиллеръ хотѣлъ показать, что, являясь такимъ образомъ самозванцемъ, Варбекъ обнаружилъ все же блестящія дарованія, великодушныя и гуманныя влеченія. Если онъ не настоящій король, то, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживаетъ того, чтобы быть королемъ! Опираясь, противъ своего желанія, на обманъ, подъ давленіемъ желѣзной воли Маргариты, онъ, въ то же время, искренно стремится къ тому, чтобы приносить пользу ближнимъ, старается дѣлать добро, обнаруживаетъ замѣчательное пониманіе государственныхъ интересовъ и знаніе людей. Необходимость притворяться и лгать подчасъ гнететъ и мучитъ его, и онъ только не имѣетъ достаточно мужества, чтобы сбросить съ себя маску.

Очень симпатичными чертами былъ бы надѣленъ въ этой трагедіи одинъ изъ самыхъ пламенныхъ сторонниковъ Варбека, старый вельможа, лордъ Герфордъ, нарочно покидающій Англію и являющійся въ Брюссель, чтобы увидѣть того, кого онъ считаетъ своимъ законнымъ государемъ. Герфордъ—воплощеніе неподкупной честности, преданности и лойяльности; онъ безконечно счастливъ, когда видитъ, наконецъ, мнимаго сына короля Эдуарда, ставитъ ни во что всѣ трудности и опасности, которыя только что вынесъ, рѣшивъ навсегда выселиться изъ Англіи; возмущается, негодуетъ и скорбитъ душою, убѣждаясь въ томъ, какъ развязно и неуважительно обращаются нѣкоторые приближенные герцогини съ Варбекомъ...

Положительные герои, — благородные, отзывчивые, безкорыстные, мужественные,— должны были выступать и во многихъ другихъ пьесахъ, задуманныхъ Шиллеромъ. Таковъ Флоризель въ „Графинѣ Фландрской“, пріобрѣтающій расположеніе народа и любовь графини своими блестящими подвигами и высокими нравственными достоинствами. Это настоящій рыцарь, хотя онъ и не знатнаго происхожденія,—смѣлый

и неукротимый въ бою, кроткій и благочестивый въ обыкновенной жизни, беззавѣтно преданный своей дамѣ. Къ той же категоріи, вѣроятно, относился бы отчасти и одинъ изъ героевъ пьесы „Флибустьеры", нѣсколько похожій на Карла Моора,—морской разбойникъ „съ благородною душою", „способный на самыя тонкія чувства", попавшій въ общество пиратовъ только вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ и временами тяготящійся своимъ ремесломъ... Совершенно такъ же герой наброска „Морской пьесы" могъ, по объясненію самого Шиллера, стать корсаромъ или потому, что у него похитили любимую дѣвушку, или вслѣдствіе рѣзкаго столкновенія съ несправедливостью и жестокостью существующихъ законовъ, заставившаго его объявить войну всему общественному строю, всему цивилизованному міру,—или, по крайней мѣрѣ, извѣстной націи или опредѣленному сословію.

Наряду со всѣми этими лицами, въ наброскахъ играютъ замѣтную роль и отталкивающіе, безпринципные, низкіе душою или жестокіе люди,—достойные собратья Франца Моора или Вурма. Въ „Мальтійцахъ" долженъ былъ, напримѣръ, выступать злой геній всего ордена, интриганъ и предатель Монтальто, съ восторгомъ раздувающій зародившееся въ умахъ рыцарей недовольство гросмейстеромъ въ цѣлый пожаръ, тайно сносящійся съ турками и готовый имъ выдать своихъ братьевъ. Какъ ловкій и искусный негодяй, Монтальто примиряетъ двухъ враждовавшихъ между собою рыцарей, чтобы возстановить ихъ противъ Лавалетта и заставить подать другъ другу руки для совмѣстной борьбы съ нимъ. Своими нашептываніями, инсинуаціями и заманчивыми обѣщаніями онъ постепенно достигаетъ своей цѣли, артистически играя при этомъ роль послушнаго, примѣрнаго рыцаря, — пока, наконецъ, его козни и интриги не обнаруживаются,и его эгоистическіе мотивы не становятся очевидными для всѣхъ. Въ той же трагедіи, какъ видно изъ одного наброска, долженъ былъ, сверхъ того, фигурировать какой то ренегатъ,—христіанинъ, принявшій магометанство и являющійся, чтобы вести переговоры съ рыцарями отъ имени турокъ.

Луи Нарбоннъ,—въ „Дѣтяхъ дома",—богатый землевладѣлецъ, живущій въ одномъ изъ провинціальныхъ французскихъ городовъ и пользующійся общимъ уваженіемъ, вѣроятно, походилъ бы на Франца Моора и отчасти на президента въ „Коварствѣ и любви". Это какой-то „извергъ естества", уголовный преступникъ, искусно скрывшій слѣды своихъ злодѣяній. Онъ убилъ своего брата, благороднаго и гуманнаго Пьера, сумѣлъ устранить съ своей дороги его дѣтей, сбывъ ихъ какой то цыганкѣ, отнялъ у нихъ то, что имъ принадлежало по праву, занялъ мѣсто брата и искусно свалилъ свою вину на другого.

Шиллеръ имѣлъ въ виду изобразить, какъ постепенно открывается закулисная, никому изъ постороннихъ невѣдомая сторона жизни Луи, и обстоятельства такъ складываются, что онъ самъ, конечно, не подозрѣвая этого, ускоряетъ возмездіе, приближаетъ часъ страшной расплаты за все, что онъ сдѣлалъ. „Дѣти дома", Сентъ-Фуа и Аделаида, считавшіеся давно погибшими, неожиданно выступаютъ на первый планъ, узнаютъ случайно о своемъ происхожденіи,—и съ этой минуты вы чувствуете, что Немезида должна въ ближайшемъ будущемъ поразить узурпатора, что онъ не избѣгнетъ рукъ правосудія. Нельзя не упомянуть здѣсь кстати о двухъ-трехъ другихъ представителяхъ той же категоріи лицъ,—о Монфорѣ, соперникѣ Флоризеля, въ „Графинѣ Фландрской", грубомъ и деспотичномъ человѣкѣ, желающемъ силою заставить графиню стать его женою; о принцѣ Готландскомъ Эрихѣ—въ „Варбекѣ", стремящемся во всемъ вредить главному герою; о супругѣ „Принцессы фонъ Целле", — циникѣ, матеріалистѣ и алчномъ честолюбцѣ.

Женскіе образы, мелькающіе въ драматическихъ наброскахъ Шиллера, частью принадлежатъ къ той же категоріи, какъ и Амалія, Леонора, Луиза, т. е. къ болѣе слабымъ и блѣднымъ созданіямъ драматурга, далеко не сразу постигшаго тайну изображенія женской психологіи, частью представляютъ безусловный интересъ и, конечно, производили бы сильное впечатлѣніе на читателей и зрителей, еслибы были подвергнуты окончательной, детальной обработкѣ. Въ „Мальтійцахъ" женскій элементъ почти отсутствуетъ; плѣнная гречанка, изъ за которой ссорятся два рыцаря, забывая свой обѣтъ строгаго цѣломудрія — совершенно неопредѣленная, отнюдь не типичная фигура. Викторія де Понти, главная героиня трагедіи „Дѣти дома", невѣста Луи Нарбонна, также имѣетъ мало характерныхъ чертъ и стоитъ въ этомъ отношеніи ниже фигурирующей въ томъ же наброскѣ старой служанки и прежней по-

други Нарбонна, Маделонъ, участвовавшей въ лишеніи дѣтей покойнаго Пьера ихъ законныхъ правъ. Безпросвѣтная меланхолія, неудовлетворенность и душевныя терзанія Маделонъ придаютъ ея психологіи болѣе оригинальный оттѣнокъ.

Герцогиня бургундская Маргарита въ „Варбекѣ", вѣроятно, была бы однимъ изъ лучшихъ женскихъ образовъ, созданныхъ Шиллеромъ, и, можетъ быть, превзошла бы по силѣ даже королеву Елизавету въ „Маріи Стюартъ". Это—выдающаяся, энергичная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суровая, жестокая натура, не имѣющая почти ничего женственнаго, подчиняющая своему вліянію всѣхъ, кто съ нею сталкивается. Варбекъ, при всей своей даровитости и хорошихъ влеченіяхъ, является слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Ненависть къ Ланкастерскому дому, мстительные инстинкты и властолюбіе заставляютъ ее поддерживать и выдвигать впередъ человѣка, котораго она считаетъ самозванцемъ, но находитъ нужнымъ утилизировать для своихъ цѣлей, въ виду его поразительнаго сходства съ ея братомъ, королемъ Эдуардомъ, и возможности благодаря этому вводить въ заблужденіе народъ, выдавая Варбека за сына Эдуарда. Оказывая ему почести при постороннихъ, играя роль и притворяясь, какъ настоящая актриса, открыто заявляя объ его правахъ на престолъ, эта страшная женщина не скрываетъ, оставшись съ нимъ вдвоемъ, своего презрѣнія и отвращенія къ нему, какъ выскочкѣ, человѣку безъ роду и племени (настоящее происхожденіе Варбека должно было раскрыться только въ пятомъ актѣ), не упускаетъ случая уколоть его напоминаніемъ о шаткости и необезпеченности его положенія, обо всемъ томъ, чѣмъ онъ ей обязанъ.

Трудно сказать, насколько удался бы Шиллеру трагическій образъ Агриппины (набросокъ трагедіи „Агриппина"), которую онъ хотѣлъ сдѣлать героинею трагедіи, отчасти вдохновляясь „Британникомъ" Расина, но изображая другой моментъ исторіи властной, безсердечной и порочной матери Нерона. Что касается Розамунды, главной героини драматическаго наброска „Розамунда или невѣста ада", то едва ли эта тщеславная и суетная дѣвушка, отвергающая любовь многихъ достойныхъ рыцарей, чтобы, не сознавая этого, отдать свое сердце таинственному выходцу изъ ада, даже если-бы драматургъ удѣлилъ больше вниманія этой фабулѣ, стала бы наравнѣ съ его лучшими героинями. Этотъ набросокъ носитъ ультра-романическую окраску, поражаетъ своимъ туманнымъ, нездоровымъ, искусственнымъ характеромъ, который не могъ не сказаться и въ обрисовкѣ психологіи дѣйствующихъ лицъ. Съ нимъ можно въ этомъ случаѣ сравнить развѣ только программу задуманной, но не осуществленной Шиллеромъ второй части „Разбойниковъ" („Die Braut in Trauer"), гдѣ между прочимъ, должны были явиться тѣни Амаліи и Франца Моора (см. т. I, пред. къ „Разбойникамъ").

Положительныя героини, кажется, въ общемъ, менѣе удались бы Шиллеру. Сравнительно, довольно искусно, но все же гораздо слабѣе, чѣмъ герцогиня Маргарита, обрисована въ планѣ „Варбека" ея антагонистка, принцесса Аделаида, молодая, чистая душою, любящая дѣвушка, искренно расположенная къ Варбеку, твердо вѣрящая въ его правоту,—что то вродѣ Тэклы Валленштейнъ, помѣщенной, по волѣ судьбы, въ совершенно неподходящую для нея обстановку. Героиня наброска „Графиня Фландрская" также ставитъ любовь выше всего на свѣтѣ, отказываетъ всѣмъ претендентамъ на ея руку, потому что хочетъ выйти за того человѣка, котораго будетъ искренно любить. Она согласна выносить всѣ опасности и гоненія, только бы обезпечить себѣ свободу выбора и не подчиняться чуждому вліянію въ вопросахъ чувства. Полюбивъ Флоризеля, она уже ни на кого не можетъ промѣнять его, и никакое насиліе или давленіе не заставятъ ее выйти замужъ противъ своей воли.

Софія—въ „Полиціи", дочь графа Юліана (онъ же—Карлъ Мооръ)—Матильда во второй части „Разбойниковъ" и нѣкоторыя другія героини очерчены настолько блѣдными штрихами, что едва ли есть возможность точно опредѣлить ихъ душевный міръ и отнести ихъ къ той или другой категоріи шиллеровскихъ женщинъ. Слѣдуетъ упомянуть еще только о главной героинѣ задуманной Шиллеромъ трагедіи „Принцесса фонъ Целле". Повидимому, она должна была отчасти напоминать королеву Елизавету „Донъ-Карлоса",—одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ женскихъ образовъ, созданныхъ Шиллеромъ. Нѣжная, кроткая, чистая душою, прямая и благородная по натурѣ, она жаждала искренней любви, готова была беззавѣтно привязаться къ любимому человѣку. И вотъ, какъ нарочно, ей пришлось стать женою такого безчувственнаго, надменнаго, честолюбиваго и развратнаго

человѣка, какъ герцогъ Целле, который не былъ въ состояніи понять и оцѣнить ее и выше всего ставилъ свои собственныя выгоды, игнорируя желанія и вкусы своей супруги. Планъ этой трагедіи обрывается довольно неожиданно,—но все же не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что главное мѣсто въ ней должно было принадлежать изображенію несчастной участи беззащитной, непонятой женщины.

Наряду съ обрисовкою внутренняго міра отдѣльныхъ героевъ и героинь, Шиллеръ предполагалъ въ задуманныхъ имъ пьесахъ удѣлить немало вниманія изображенію массовой психологіи, сдѣлать и въ нихъ народъ, толпу однимъ изъ весьма существенныхъ элементовъ. Драматургъ, написавшій такую трагедію, какъ „Разбойники", гдѣ наравнѣ съ единичными героями играетъ видную роль разсматриваемая, какъ одно цѣлое, группа лицъ, связанныхъ между собою общностью интересовъ и одинаковыми условіями жизни, создалъ бы нѣчто подобное и въ „Мальтійцахъ". Онъ хотѣлъ изобразить общій упадокъ мальтійскаго ордена, пониженіе уровня нравственности, ослабленіе прежней дисциплины, мужества, безкорыстія, смиренія, идеализма, религіознаго чувства. Онъ хотѣлъ показать, какъ подъ вліяніемъ строгихъ предписаній гросмейстера и коварныхъ нашептываній Монтальто, они на столько забываютъ традиціонный обѣтъ послушанія, что начинаютъ допускать мысль объ открытомъ возмущеніи. Когда же постепенно обнаруживается, что они были неправы, и гросмейстеръ побѣждаетъ ихъ своимъ великодушіемъ, совѣсть начинаетъ мучить этихъ несходныхъ между собою людей, кромѣ только закоснѣлыхъ негодяевъ вродѣ Монтальто, и они приходятъ съ повинною, сознавая свою ошибку. Независимо отъ этого, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ трагедіи мы находимъ, какъ и въ „Мессинской невѣстѣ", *хоръ*, въ совершенно античномъ вкусѣ, принимающій живое участіе во всемъ, что совершается на его глазахъ. Этотъ хоръ долженъ былъ вступать на сцену въ духовныхъ одеждахъ, что указывало бы на его связь съ церковью, подъ покровительствомъ которой создался орденъ, отстаиваетъ необходимость самопожертвованія, превозноситъ героизмъ и осуждаетъ новыя, нежелательныя явленія, замѣчающіяся въ средѣ рыцарей, ссылаясь даже на примѣры изъ античной исторіи, вродѣ геройской гибели Леонида.

Можно пожалѣть о томъ, что Шиллеръ не написалъ двухъ пьесъ, задуманныхъ имъ подъ заглавіемъ „Полиція", причемъ, по его замыслу, одна изъ этихъ пьесъ имѣла бы комическую окраску, а въ другой изображалась бы серьезная, драматическая сторона тѣхъ-же самыхъ житейскихъ явленій. Онъ думалъ сдѣлать ихъ яркимъ отраженіемъ парижской жизни, о которой, какъ видно изъ его бумагъ, онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой панорамѣ Парижа занялъ бы закулисный, темный міръ искателей приключеній, игроковъ и разнаго рода мошенниковъ, фигурировавшій въ „плутовскихъ романахъ" всѣхъ странъ. Вотъ какіе персонажи, по указанію самого Шиллера, должны были вообще выступать въ этихъ пьесахъ: дворяне, философы, писцы, модистки, лакеи, солдаты, монахи, пуасардки, уличные франты, аббаты, биржевики, адвокаты, писатели, куртизанки, носильщики, извощики, нищіе, игроки, фальшивые монетчики и т. д. Эта бытовая сторона, это изображеніе сложной, почти неуловимой психологіи парижскаго населенія представило бы, вѣроятно, больше интереса, чѣмъ самая фабула той и другой пьесы.

Въ „Варбекѣ" довольно важную роль должна была играть брюссельская толпа, принимающая, особенно женщины, большое участіе въ судьбѣ претендента, желающая ему успѣха, негодующая и предающаяся грусти, когда его права оспариваются и подвергаются сомнѣнію. Точно такъ же въ планѣ „Графини Фландрской" упоминаются возставшіе горожане Гента; они вступаются за графиню, которую Монфоръ держитъ въ плѣну, освобождаютъ ее, но за то хотятъ принудить ее подчиниться ихъ волѣ, стать послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Любопытно, что Шиллеръ, какъ видно изъ сценарія къ этой трагедіи, намѣревался на этотъ разъ изобразить, совершенно въ духѣ „Пѣсни о колоколѣ", отрицательныя стороны крайней демократіи, ввести въ пьесу, говоря его словами, „комическія и потрясающія сцены народнаго владычества". Освободивъ графиню отъ ея притѣснителя, горожане вполнѣ увѣрены, что теперь они могутъ предписывать ей, какъ поступать. Но отъ надменности и самомнѣнія они очень быстро переходятъ къ паническому страху. Когда разносится вѣсть о приближеніи Флоризеля, только что разбившаго враговъ и возвращающагося съ торжествомъ, они сразу теряютъ голову, не знаютъ, что начать, съ

тревогою ждутъ наказанія за свое обращеніе съ графинею и организованное по соглашенію съ врагами возстаніе.

Извѣстный интересъ представило бы, вѣроятно, изображеніе быта моряковъ и жителей отдаленныхъ, экзотическихъ странъ, которое намѣчено было Шиллеромъ въ наброскахъ „Корабль", „Морская пьеса" и „Флибустьеры". Здѣсь должны были выступать купцы, мореплаватели, плантаторы, матросы, индѣйцы, негры — представители двухъ міровъ, сталкивающихся между собою и олицетворяющихъ культуру и первобытный строй жизни. Намѣреваясь писать „Флибустьеровъ" и „Морскую пьесу", Шиллеръ нарочно читалъ спеціальныя сочиненія, относящіяся къ морскимъ путешествіямъ и жизни моряковъ, чтобы съ возможно большею точностью возсоздать мало извѣстную ему до того времени среду. Онъ допускалъ мысль, что мѣстомъ дѣйствія „Флибустьеровъ" будетъ корабль, находящійся въ открытомъ морѣ, предполагалъ изобразить возмущеніе морскихъ разбойниковъ противъ своего начальника,—а въ „Морскую пьесу" хотѣлъ ввести хоръ матросовъ, поющихъ свою любимую пѣсню.

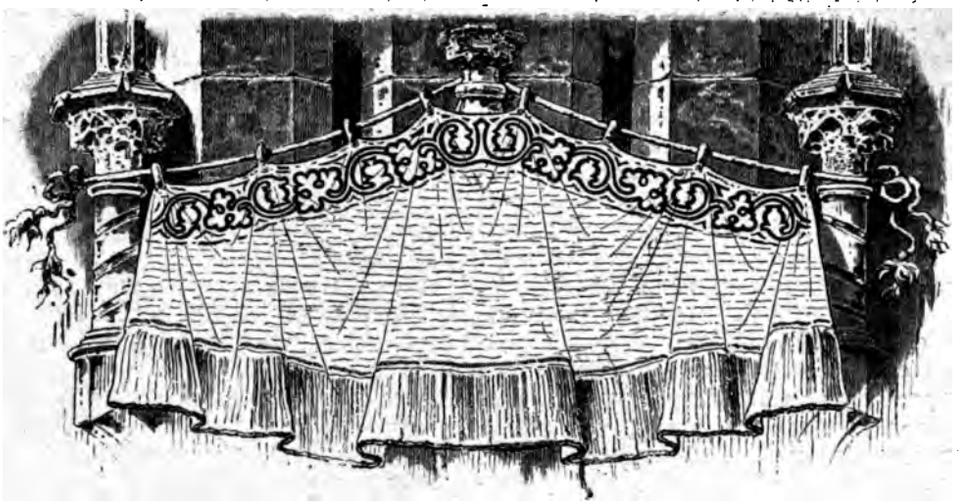
Нельзя не упомянуть, въ заключеніе, еще о двухъ, совершенно несходныхъ между собою драматическихъ наброскахъ, въ которыхъ также видное мѣсто принадлежало бы характеристикѣ опредѣленной среды или обрисовкѣ психологіи извѣстнаго народа. Въ „Ѳемистоклѣ" Шиллеръ хотѣлъ, подобно Эсхилу въ „Персахъ", противопоставить грековъ персамъ, изобразить положеніе Ѳемистокла, представителя культурнаго міра, порвавшаго всѣ связи съ родиною и принужденнаго искать пріюта у традиціонныхъ враговъ ея — „варваровъ". Дѣйствіе „Комедіи въ духѣ гетевской пьесы „*Der Bürgergeneral*" должно было происходить въ деревенской обстановкѣ, причемъ драматургъ предполагалъ вывести дворянъ, крестьянъ, охотниковъ, слугъ, школьниковъ и т. п. Такимъ образомъ, во многихъ пьесахъ, задуманныхъ Шиллеромъ, какъ мы сейчасъ имѣли случай убѣдиться, должна была играть большую роль толпа,—представители различныхъ общественныхъ классовъ. Авторъ „Лагеря Валленштейна" и массовыхъ сценъ въ „Вильгельмѣ Теллѣ" и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ!...

Драматическіе наброски Шиллера въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились, въ общемъ, представляютъ собою, конечно, сырой, не вполнѣ обработанный матеріалъ, мѣстами отличаются отрывочностью и неоднократными повтореніями одного и того же мотива, кое гдѣ состоятъ изъ простого перечня собственныхъ именъ и отдѣльныхъ ситуацій, задуманныхъ авторомъ. Болѣе или менѣе законченныхъ сценъ, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что Шиллеръ уже приступилъ къ осуществленію своего замысла и принялся за созданіе той или другой пьесы, мы почти не имѣемъ. Всего больше, кромѣ „Димитрія" *), сохранилось отъ „Варбека", но тѣ нѣсколько сценъ, которыя написалъ драматургъ, все же не могутъ быть признаны вполнѣ отдѣланными,—мѣстами въ нихъ попадаются пропуски, недостаетъ очень существенныхъ словъ, даже цѣлыхъ фразъ! Но подобные черновые наброски представляютъ все же безусловный интересъ, разъ они принадлежатъ такому писателю, какъ Шиллеръ. Среди массы сырого матеріала, даже балласта, мы иногда встрѣчаемъ проблески творческаго генія великаго драматурга, видимо, увлеченнаго образами Лавалетта, Варбека, Маргариты. Мы узнаемъ обычные пріемы писателя, съ живымъ интересомъ относившагося всегда къ самымъ разнороднымъ эпохамъ, національностямъ и героямъ, до конца дней своихъ придумывавшаго все новые и новые сюжеты,—и, увы! успѣвшаго создать далеко не всѣ произведенія, общія очертанія которыхъ въ разное время носились въ его умѣ **).

Юрій Веселовскій.

*) См. дальше спеціальное предисловіе къ «Димитрію» проф. Е. Ф. Шмурло.

**) Въ текстѣ настоящаго тома даны тѣ наброски, которые имѣютъ нѣкоторую законченность, хотя-бы, напр., въ видѣ простого изложенія плана пьесы. Изложеніе содержанія прочихъ набросковъ см. въ примѣчаніяхъ къ III т. *Ред.*



ВАРБЕКЪ.

Дѣйствующія лица:

Маргарита Іоркъ, герцогиня Бургундская.

Аделаида, принцесса Бретанская.

Эрикъ, принцъ Готландскій.

Варбекъ, мнимый герцогъ Ричардъ Іоркъ.

Симнель, мнимый принцъ Эдуардъ Кларенсъ.

Эдуардъ Плантагенетъ, дѣйствительный принцъ Кларенсъ.

Графъ Герфордъ, англійскій лордъ-выходецъ.

Пятеро сыновей его.

Сэръ Вильямъ Стенли, посолъ Генриха Англійскаго.

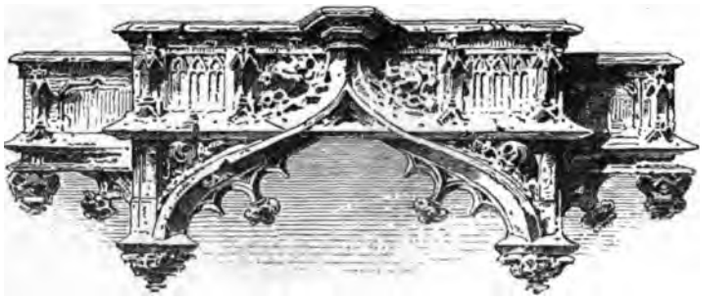
Графъ Кильдарэ.

Бельмонтъ, епископъ Иперискій.

Сэръ Ричардъ Блэнтъ, посланецъ ложнаго Эдуарда.

Горожане Брюсселя.

Придворные служители Маргарит



ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Герфордъ, приверженецъ Іорковъ,
ьмя сыновьями, покинулъ Англію,
то Ричардъ Іоркъ, второй сынъ
IV, котораго считали убитымъ еще
зѣ, живъ, находится въ Брюсселѣ
ъ своего наслѣдія. Признаніе пре-
его теткой, Франціей и Португа-
лосъ народа побудили Герфорда
тъ Генриха VII и, въ надеждѣ на
искнуть всѣмъ своимъ достояніемъ.
яется во дворецъ Маргариты и
ъ немъ изображенія Іорковъ; его
пребываніе въ странѣ, гдѣ онъ
можетъ выражать свою предан-
кскому дому.

Стенли, посолъ Генриха VII при
ргариты, встрѣчаетъ его здѣсь и
ытается открыть ему глаза на
Оба горячатся и въ аванзалѣ
аргариты возобновляется распря
озъ".

опъ Ипернскій, ближайшій совѣт-
ргариты, входитъ и разнимаетъ
восхваляетъ великодушное отно-
оцогини къ сторонникамъ своего
наго дома и беззащитнымъ род-
амъ и, вообще, выражаетъ все то,
арита хотѣла-бы слышать о себѣ.
ельскіе горожане и горожанки на-
залъ, въ ожиданіи герцогини съ
Іоркомъ. Стенли коритъ ихъ за
ie; ругательства, которыми онъ
ъ ихъ обожаемаго принца, приво-
въ такую ярость, что они грозятъ
ъ его. Слышны трубы, возвѣщаю-
ытіе Іорка.

Ричардъ вмѣшивается въ толпу, спасаетъ посла, обращается къ народу съ рѣчью и успокаиваетъ его. Пока онъ говоритъ, входитъ Маргарита съ принцемъ Готландскимъ, принцессой Клевъ и другими знатными особами.—Герфордъ увлеченъ, убѣжденъ и побѣжденъ видомъ Ричарда. Онъ бросается передъ нимъ на колѣни и присягаетъ ему, какъ сыну своего короля. Маргарита вступаетъ въ разговоръ и съ материнскою нѣжностью объявляетъ себя сторонницей племянника.—Она побуждаетъ принца оказать лорду подобающій пріемъ.

Ричардъ обнимаетъ его и привѣтствуетъ съ чувствомъ, но въ то же время и съ царственнымъ достоинствомъ. Герфордъ обласканъ имъ и освѣдомляется объ его приключеніяхъ.

Ричардъ уклоняется отъ разсказа.

Герцогиня беретъ подъ защиту сдержанность Ричарда и готова за него все разсказать.

Слѣдуетъ разсказъ о баснословныхъ приключеніяхъ Ричарда, производящій сильное впечатлѣніе и постоянно прерываемый возбужденными слушателями.

(Все, что сдѣлано Генрихомъ VII противъ іоркскаго дома, обрисовывается злобно-рѣзкими чертами. Поведеніе его относительно жены... относительно принцессы Іоркской,— относительно Эдуарда Плантагенета, чѣмъ и подготовляется появленіе послѣдняго. Все дурное приписывается англійскому королю—и въ этомъ сказывается та ненависть, которая побудила Маргариту прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ, какъ придуманный ею обманъ).

Стенли еще разъ протестуетъ и уходитъ, не встрѣтивъ сочувствія. Исполненное достоинства объясненіе Ричарда уничтожаетъ силу его словъ.

Герфордъ подтверждаетъ свои увѣренія и сулитъ герцогу Ричарду наплывъ приверженцевъ въ Англіи. Ричардъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о своей былой неизвѣстности и сравниваетъ тогдашнее беззаботное состояніе съ теперешнимъ своимъ положеніемъ.—То, что ему приходится защищать свои права, для него—тяжелая обязанность, а не благополучіе. Онъ еще разъ обсудитъ и дастъ возможность обсудить герцогинѣ, предпринимать ли ему кровавую борьбу, которая должна нарушить миръ двухъ странъ.

Она воодушевляетъ его на это, какъ ни тяжело ей разстаться съ нимъ и думать объ ожидающихъ его случайностяхъ войны.—Пылкія выраженія ея нѣжности.

Дальше она говоритъ о двухъ сердечныхъ желаніяхъ своихъ—о возстановленіи въ правахъ племянника и о предстоящемъ бракѣ Аделаиды съ принцемъ Готландскимъ.

Принцъ Эрикъ Готландскій остается наединѣ съ принцессой Бретанской и глумится надъ разыграннымъ фарсомъ, Аделаида все еще взволнована и негодуетъ на безчувственную холодность Эрика. Онъ вышучиваетъ ее и съ презрѣніемъ говоритъ о принцѣ Іоркѣ. Она горячо беретъ сторону Варбека, въ личности котораго не сомнѣвается, и дѣлаетъ между нимъ и Эрикомъ невыгодное для послѣдняго сравненіе. Ея нѣжность къ мнимому Іорку выдаетъ ее. Эрикъ ссылается на поведеніе Варбека, какъ на доказательство его невысокаго происхожденія, при чемъ обнаруживаетъ пошлость собственныхъ понятій о томъ, каковъ долженъ быть принцъ. Аделаида не скрываетъ своего презрѣнія къ нему и ставитъ его неизмѣримо ниже претендента.

Для Эрика вполнѣ ясно, что Аделаида питаетъ нѣжность къ Варбеку, но злорадство одерживаетъ въ немъ верхъ надъ ревностью; онъ находитъ удовольствіе въ томъ, что Аделаида и Варбекъ любятъ другъ друга безнадежно, обладать же принцессою все-таки будетъ онъ. Обладаніемъ, думаетъ онъ, завершается все, а къ этому еще присоединяется наслажденіе отнять у ненавистнаго ему Варбека возлюбленную.

(Третье лицо прерываетъ этотъ разговоръ).

Аделаида высказываетъ въ монологѣ свою любовь, свое состраданіе къ Варбеку и скорбитъ о собственномъ своемъ положеніи при дворѣ Маргариты. Она находитъ сходство въ судьбѣ своей и Ричарда: оба живутъ милостью гордой, властной родственицы и оба—безпомощныя жертвы насилія.

1. У герцогини два дѣла: брачный союзъ съ Эрикомъ и интрига съ Варбекомъ.

2. Дѣйствіе въ первомъ актѣ еще не имѣетъ надлежащаго единства, временами оно даже какъ бы останавливается,—но съ самаго же начала оно должно пріобрѣсти быстрое движеніе и возрастающій интересъ. Связи между первыми двумя актами еще нѣтъ.

Положенія въ первомъ актѣ намѣчены, а во второмъ развиваются.

а) (Маргарита и Бельмонтъ.

б) Варбекъ, Явное и тайное положеніе.

1. Недостойныя предложенія Варбеку.

2. Безучастіе Варбека къ своей судьбѣ.

3. Общность съ принцессой.

4. Популярность и обходительность герцога.

5. Ближайшія заботы Варбека).

в) Герфордъ—Варбекъ.

г) Принцесса—Варбекъ.

д) Эрикъ—Варбекъ.

е) Стенли—Варбекъ.

ж) Маргарита—принцесса.

ВТОРОЙ АКТЪ

Первый актъ показалъ Варбека въ его общественныхъ отношеніяхъ; теперь онъ является въ домашнемъ быту. Блестящіе покровы ниспадаютъ: онъ—среди своихъ слугъ, приставленныхъ къ нему Маргаритою и обращающихся съ нимъ безъ малѣйшаго стѣсненія. Одни сомнѣваются въ его личности и презираютъ его за это; другіе, признающіе его, какъ принца, помыкаютъ имъ оттого, что онъ бѣденъ и живетъ милостью родственницы. За двоихъ приходится одновременно отвѣчать ему, за обманщика, играющаго роль принца, и за дѣйствительнаго принца, не имѣющаго собственныхъ

средствъ... (Бельмонтъ и Варбекъ)... Онъ терпитъ нужду въ необходимомъ; состоя на положеніи принца, онъ не вѣдаетъ даже счастья и довольства своей частной жизни,—но есть сердце, услаждающее всѣ его горести.

Аделаида знаетъ его нужду и старается облегчить ее. Хотя онъ не сразу принимаетъ даръ ея великодушія, но ужъ одно доказательство ея любви дѣлаетъ его счастливымъ.

(Сцена между Варбекомъ и Стенли. Монологи Варбека).

Негодяй, знавшій Варбека въ частной жизни, является къ нему и стращаетъ его тѣмъ, что можетъ во всякое время его изобличить. Варбеку во что бы то ни стало нужно удалить его, а для этого онъ долженъ купить его молчаніе. Впрочемъ, эта и слѣдующая сцена могутъ быть перенесены въ четвертый актъ.

Лордъ Герфордъ застаетъ Варбека наединѣ съ этимъ человѣкомъ, дивится развязному, непочтительному обхожденію послѣдняго и задаетъ ему вопросы, сильно смущающіе Варбека. Въ концѣ концовъ Варбекъ вынужденъ обратиться къ Герфорду за денежною помощью. Герфордъ успѣлъ уже примѣтить, какъ мало оказываютъ здѣсь почтенія сыну его короля, и съ особенною горячностью убѣждаетъ его поторопиться высадкой въ Англію.

(Прощальная сцена Варбека съ принцессой; тутъ же и объясненіе).

Эрикъ готовитъ Варбеку жестокій ударъ—и является, чтобы нанести его. Онъ приводитъ съ собой нѣсколькихъ свидѣтелей и выказываетъ Варбеку притворное почтеніе умышленно, до преувеличенія, величая его принцемъ Іоркомъ.

Приходитъ человѣкъ, подученный Эрикомъ; онъ выдаетъ себя за родственника Варбека и требуетъ отъ него уплаты долга, утверждая, что зналъ его въ бѣдности и помогалъ ему деньгами. Издѣвательство Эрика усугубляетъ этотъ срамъ, и Варбекъ въ первую минуту, стоитъ, какъ уничтоженный. Скоро, однако, онъ овладѣваетъ собой и приставляетъ шпагу къ груди Эрика, угрожая убить его, если онъ немедленно не признается въ томъ, что самъ нарочно все это подстроилъ. Эрикъ, насколько золъ, настолько же и трусливъ, и страхъ заставляетъ его признаться. Варбекъ оправданъ, Эрикъ посрамленъ,—и первый оказывается даже въ выигрышѣ, такъ какъ его соперникъ вызываетъ общее презрѣніе къ себѣ. (Во время этой сцены Маргарита появляется и тотчасъ же исчезаетъ).

Объ этомъ случаѣ Бельмонтъ спѣшитъ увѣдомить герцогиню, которая сама приходитъ мирить принцевъ. (Потомъ Варбекъ и Бельмонтъ). Она требуетъ, чтобы Варбекъ протянулъ руку врагу, а когда тотъ противится, даетъ ему понять, что таково ея желаніе. При этомъ она особенно подчеркиваетъ, что Эрикъ—принцъ, и, незамѣтно для другихъ, но вполнѣ ясно для Варбека, намекаетъ ему на его зависимость отъ нея и на его личную ничтожность.

Является подозрительнаго вида посланецъ отъ имени Эдуарда Кларенса, домогающагося получить охранительную грамоту въ Брюсселѣ, чтобы отрекомендоваться теткѣ-герцогинѣ и представить документы о своемъ происхожденіи. Онъ, будто бы, убѣжалъ изъ Тоуера въ Лондонѣ и намѣренъ доказывать свои права на англійскій престолъ. Маргарита ни на минуту не сомнѣвается въ обманѣ, но ей выгодно поддержать претендента. Она обнаруживаетъ готовность оказать помощь, Варбекъ же горячо протестуетъ противъ этого. Маргарита, со свойственною ей властностью, осаживаетъ его и даетъ ему почувствовать, что здѣсь онъ никакого голоса не имѣетъ. Варбекъ принужденъ замолчать, но, уходя, объявляетъ, что онъ мечомъ развѣдается съ принцемъ Кларенсомъ.

Маргарита остается наединѣ съ Бельмонтомъ и замѣчаетъ съ гордымъ негодованіемъ, что Варбекъ начинаетъ слишкомъ много позволять себѣ. У нея давно уже

не лежитъ къ нему сердце, заносчивыя же выходки его прямо возбуждаютъ въ ней ненависть. Мало того, что она находитъ его недостаточно покорнымъ: затѣянный ею, при его посредствѣ, обманъ тяготитъ ее, и его существованіе, какъ Іорка, какъ ея племянника,—оскорбляетъ ея царственную гордость. (Бельмонтъ освѣдомляется объ ея намѣреніяхъ относительно Симнеля. Она высказывается по этому поводу. Они должны сразиться на судебномъ поединкѣ [en camp clos] etc).

Въ такомъ неблагопріятномъ н находитъ ее Аделаида, которая п просьбой освободить ее отъ с принца Готландскаго. Аделаида даетъ свою сердечную склонност беку и этимъ окончательно возста противъ него уже и безъ того р ную герцогиню. Та сурово отпус съ приказаніемъ не думать болѣе бекѣ и смотрѣть на Эрика, какъ н

Свадьба должна состояться ка скорѣе—и это повергаетъ Аде сильнѣйшее горе.

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Площадь; тронъ для герцогини... Устроена арена, и все приготовлено для судебнаго поединка. Зрители наполняютъ глубину сцены.

Эдуардъ Плантагенетъ проситъ одного изъ присутствующихъ объяснить ему, что значатъ эти приготовленія; изложеніе спора между Симнелемъ и Варбекомъ, который долженъ быть рѣшенъ судебнымъ поединкомъ. Эдуардъ выслушиваетъ разсказъ съ величайшимъ изумленіемъ, а его вопросы, обнаруживающіе какъ полное незнаніе событій дня, такъ и живѣйшій интересъ къ данному случаю,—вызываютъ, въ свою очередь, удивленіе слушателей.

Англійскій посолъ также находится при этомъ, и странный юноша сразу привлекаетъ его вниманіе. Повидимому онъ, его знаетъ и опасается.

Симнель является со своими приближенными и обращается къ народу съ рѣчью. Онъ говоритъ о своей родословной, о своемъ бѣгствѣ изъ Тоуера—и толпа изъ-за него раздѣляется на двѣ партіи. (Сопоставленіе ложнаго Плантагенета съ настоящимъ въ догадкахъ зрителя). Англійскій посолъ заговариваетъ съ Эдуардомъ и старается, что нужно, вывѣдать у него, но тотъ оказывается крайне боязливымъ и недовѣрчивымъ и этимъ только подтверждаетъ его подозрѣніе.

Входитъ герцогиня со свитой. Ее сопровождаютъ Эрикъ, Аделаида и Варбекъ. При трубныхъ звукахъ Маргарит на тронъ. Пока все приходитъ докъ, между Варбекомъ и Адела исходитъ короткое объясненіе, п она выражаетъ негодованіе и го поводу предстоящей недостойной онъ обнаруживаетъ присутствіе д

Выступаетъ герольдъ: возвѣс чину предстоящаго, онъ вызываетъ на арену—сначала Симнеля, котор родно называетъ себя Эдуардомъ генетомъ и излагаетъ свои при потомъ герцога Іоркскаго, которы ляетъ эти притязанія ложными ными, что и берется доказать ме предаютъ себя Божьему суду и, шеніи обычныхъ формальностей, чтобы сразиться на аренѣ.

Во время дальнѣйшихъ сборс гиня сообщаетъ Бельмонту, или а послу, или Герфорду, которые смѣ мнимымъ принцемъ Кларенсомъ, достовѣрному извѣстію, получе сегодня утромъ изъ Лондона, пр ствительно бѣжалъ изъ Тоуе англійскій посланникъ, повидимо шутку обезпокоенъ. (Это извѣстіе большой важности, и оно приво гариту въ сильное волненіе).

Одновременно съ этимъ юны генетъ своимъ взволнованнымъ со и трогательною наружностью пр вниманіе герцогини и принцесс гиня распрашиваетъ его; онъ

нѣсколько многозначительныхъ отвѣтовъ и въ обращеніи съ нею обнаруживаетъ горячность. Не успѣла она, однако, удовлетворить свое любопытство относительно интересующаго ее юноши, какъ раздается трубный сигналъ къ бою.

Бой. Симнель раненъ и падаетъ. Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ, арену сламываютъ, народъ съ криками врывается на нее. Умирая, Симнель сознается въ обманѣ, указываетъ подстрекателей, признаетъ Варбека дѣйствительнымъ Іоркомъ и проситъ у него прощенія. Радость народа.

Варбекъ, какъ побѣдитель и признанный герцогъ, пользуется минутой, чтобы всенародно заявить о своей любви къ принцессѣ и попросить у герцогини согласіе на бракъ. Англійскіе лорды присоединяются къ нему и поддерживаютъ его просьбу. Эрикъ бѣсится, герцогиня скрежещетъ отъ гнѣва зубами, отсылаетъ принцессу и уходитъ, бросая яростные взгляды.

Тогда лорды окружаютъ своего герцога, клянутся ему въ вѣрности и преданности и торжественно сопровождаютъ его домой.

Одинъ Плантагенетъ чувствуетъ себя покинутымъ, потерявшимъ свою личность, безъ защиты,—остается при немъ только его право. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшается приблизиться къ герцогинѣ. Здѣсь Стенли можетъ подойти къ нему и попытаться предостеречь его отъ этого.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ

Герцогиня возвращается домой въ гнѣвѣ и въ ярости. Счастье и смѣлость Варбека увеличили ея ненависть къ нему, извѣстіе о бѣгствѣ изъ Тоуера дѣйствительнаго Плантагенета дѣлаетъ обманщика для нея ненужнымъ, она рѣшается низвергнуть его и тотчасъ же приступаетъ къ этому: принцессѣ, которая приходитъ вслѣдъ за нею, строго-настрого запрещаетъ думать о немъ и даже поселяетъ въ ней сомнѣніе насчетъ его личности. Докладываютъ о Варбекѣ; принцесса проситъ позволенія остаться, но герцогиня отсылаетъ ее въ слезахъ.

Варбекъ и герцогиня—первое tête-à-tête между ними. Варбекъ, ободренный удачей и надѣясь на друзей, а также поддерживаемый любовью, рѣшается покончить съ положеніемъ, которое онъ больше не въ силахъ выносить, обращается къ герцогинѣ съ мужественною рѣчью и требуетъ, чтобъ она объяснила ему свое двусмысленное, относительно него, поведеніе. Она дивится его смѣлости и обходится съ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Чѣмъ больше старается она его унизить, тѣмъ бо́льшую проявляетъ онъ самостоятельность. Онъ ссылается на то, что именно *она* поставила его на это мѣсто, оторвавъ отъ частной жизни, въ которой онъ былъ такъ счастливъ,—что она должна заботиться о немъ и поддерживать его, что она не имѣетъ никакого права играть его счастьемъ. Ея отвѣты обнаруживаютъ безчувственную царственную гордость и холодную, себялюбивую душу: она никогда не думала объ его счастьи, онъ служилъ для ея плановъ только орудіемъ, которое она и отбрасываетъ, едва оно перестало ей быть нужнымъ. (Въ эту минуту ее поражаетъ сходство Варбека съ Эдуардомъ). Но это орудіе самостоятельно, и именно то, что сдѣлало его способнымъ разыгрывать роль принца, даетъ ему силу освободиться отъ постыдной зависимости. Наконецъ, герцогиня принуждена затаить свое бѣшенство и уходитъ, наружно съ нимъ примиренная, но съ местью и злобой въ сердцѣ.

Принцесса, боясь ненавистнаго брака и потерявъ всякую надежду на содѣйствіе герцогини, стеченіемъ обстоятельствъ отдана въ руки обманщика. Съ полнымъ довѣріемъ къ его личности приходитъ она къ нему и сама настаиваетъ на бѣгствѣ. Со всею нѣжно-

стью отдаетъ она ему свою честь и любовь. Она называетъ ему графа Кильдарэ, почтеннаго старика и давнишняго друга іоркскаго дома, у котораго они и могутъ найти пріютъ. Она вручаетъ ему всѣ свои драгоцѣнности. Чѣмъ больше оказываетъ она ему довѣрія, тѣмъ больше мучится онъ своимъ обманомъ; онъ не смѣетъ принять предлагаемую ему руку, а тѣмъ болѣе сказать принцессѣ всю правду,—борьба его ужасна, и онъ покидаетъ ее въ отчаяніи.

Оставшись одна, принцесса удивляется его поведенію и упрекаетъ себя въ томъ, что, можетъ быть, зашла слишкомъ далеко, но тутъ же и оправдываетъ себя опасностью и любовью.

Входитъ Плантагенетъ, застѣнчиво и робко оглядываясь и съ грустнымъ умиленіемъ привѣтствуя родственную обстановку. Онъ видитъ фамильные бюсты Іорковъ, преклоняется передъ ними и оплакиваетъ судьбу своего рода и свою собственную.

Варбекъ возвращается съ рѣшеніемъ все разсказать принцессѣ. Онъ видитъ колѣнопреклоненнаго Плантагенета, удивляется, смотритъ на него, удивляется еще болѣе и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ; то, что онъ слышитъ, и то, что онъ видитъ, увеличиваетъ его страхъ и удивленіе—и, наконецъ, онъ больше не сомнѣвается, что передъ нимъ дѣйствительный Іоркъ. Плантагенетъ удаляется съ благородными и знаменательными словами, оставляя Варбека въ ужасѣ.

(Сцена съ англійскими бѣглецами).

Едва началъ Варбекъ высказывать свои предчувствія и опасенія, какъ входитъ англійскій посолъ. Заговоривъ съ нимъ, посолъ подтверждаетъ его предчувствія и предлагаетъ ему сдѣлку съ англійскимъ королемъ, если онъ поможетъ устранить дѣйствительнаго Іорка. Гибель Іорка выгодна для обоихъ. Варбекъ чувствуетъ всю опасность своего положенія, но его ненависть къ Ланкастеру и лучшія свойства его природы берутъ верхъ, и онъ отсылаетъ искусителя.

Но необходимо дѣйствовать. Настоящій Іоркъ налицо, онъ можетъ потребовать то, что ему принадлежитъ, герцогиня поторопится признать его и сдернуть съ ложнаго Іорка театральный нарядъ; все поставлено на карту, и принцесса для него потеряна, если дѣйствительный Іоркъ не будетъ удаленъ. Теперь несчастный чувствуетъ, что обманъ можетъ быть поддержанъ только рядомъ преступленій, проклинаетъ свой первый шагъ и день своего рожденія.

(Человѣкъ, отъ котораго онъ считаетъ себя внѣ опасности, возвращается вмѣстѣ съ Эрикомъ или какимъ-нибудь другимъ, враждебнымъ ему, лицомъ. Этотъ человѣкъ долженъ быть введенъ въ дѣйствіе. Лорды также мучатъ его своими добрыми намѣреніями. Шаги герцогини. Камиллъ докладываетъ о графѣ Кильдарэ—новый ужасъ).

Приходитъ герцогиня со своимъ совѣтомъ. Дѣлается извѣстнымъ, что графъ Кильдарэ находится на пути въ Брюссель и надѣется найти здѣсь юнаго Плантагенета, который далъ ему знать, что спѣшитъ сюда. Герцогиня и обрадована и смущена этимъ извѣстіемъ—смущена изъ за Варбека. Тѣмъ не менѣе, она твердо рѣшилась пожертвовать послѣднимъ, какъ только явится дѣйствительный Плантагенетъ. Но гдѣ же онъ, дорогой ея племянникъ? Кильдарэ пишетъ, что онъ прямо направился въ Брюссель: значитъ, онъ можетъ быть уже здѣсь.—Ей вспоминается неизвѣстный юноша.—На полу замѣчаютъ платокъ... Въ этомъ платкѣ она узнаетъ свой подарокъ девятилѣтнему Эдуарду.—Внѣ себя отъ изумленія она спрашиваетъ, кто былъ въ комнатѣ. Ей отвѣчаютъ, что, кромѣ Варбека, не было никого. Ее какъ бы озаряетъ молнія. Она посылаетъ за неизвѣстнымъ юношей и за Варбекомъ.

Варбекъ могъ очутиться въ невыносимомъ положеніи, могъ быть, благодаря злостнымъ стараніямъ Эрика, всенародно посрамленъ, даже если бы Эрику удалось только выставить соперника въ смѣшномъ, жалкомъ видѣ, что нанесло бы ему непоправимый вредъ въ чувствахъ къ нему со стороны окружающихъ. При такомъ оборотѣ дѣла, должно произойти что-нибудь ужасное или нелѣпость выдумки должна выдать съ головой ея изобрѣтателя. Выведенный изъ себя Варбекъ приставляетъ шпагу къ груди Эрика, требуя, чтобы тотъ или сознался во лжи или со стыдомъ удалился. Варбекъ щадитъ въ немъ слѣпое орудіе.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Передъ Іоркскимъ памятникомъ. Входитъ Плантагенетъ; онъ лишенъ родины, чувствуетъ изнеможеніе отъ долгаго пути, его охватываетъ сонъ, онъ поручаетъ душу Всевышнему и въ молитвѣ выражаетъ желаніе проснуться на небѣ.

Варбекъ входитъ и смотритъ на спящаго. Трогательный монологъ, въ которомъ онъ сравниваетъ свои муки съ дѣтскими радостями. Онъ умиленъ и, заслышавъ шаги, отходитъ въ сторону.

Входятъ два злодѣя, намѣревающіеся убить спящаго отрока.—(Подосланы ли они изъ Лондона, или подкуплены посломъ?) Варбекъ спѣшитъ на помощь, одного ранитъ, оба убѣгаютъ, отрокъ просыпается, съ другой стороны появляется Камиллъ. Варбекъ велитъ увести испуганнаго отрока и спрятать его въ безопасномъ мѣстѣ. Самъ онъ идетъ вслѣдъ.

Входитъ Эрикъ съ англійскимъ посломъ. (Послѣдній, какъ будто, посовѣтовалъ первому убить Плантагенета и встрѣтилъ съ его стороны готовность на это). Они находятъ слѣды крови, убійца подалъ знакъ, они не сомнѣваются больше, что дѣло сдѣлано, радуются этому и тутъ же рѣшаютъ устроить такъ, чтобы подозрѣніе въ убійствѣ пало на Варбека.

(ТОЖЕ) ПЯТЫЙ АКТЪ.

Герцогиня. Совѣтъ. Принцесса. Лорды.—Тщетны всѣ поиски Эдуарда—его нигдѣ не могутъ найти. У герцогини возникаетъ страшное подозрѣніе. Она посылаетъ за Варбекомъ.

Эрикъ и посолъ сообщаютъ, что, вѣроятно, произошло убійство: они слышали крики о помощи и, когда поспѣшили на нихъ, увидѣли на землѣ кровь.

Герцогиня и принцесса въ сильнѣйшемъ волненіи.

Приходитъ Варбекъ, герцогиня встрѣчаетъ его словами: „гдѣ мой племянникъ? куда вы его дѣвали?“ Онъ смущенъ и она прямо называетъ его убійцей. При этомъ словѣ среди лордовъ происходитъ движеніе. Она повторяетъ его съ большею увѣренностью. Тѣ укоряютъ ее, что она взводитъ такую страшную вину на герцога, своего племянника.—Тогда гнѣвъ вырываетъ у нея тайну.—Герцогъ? восклицаетъ она:—Іоркъ! мой племянникъ!— и разсказываетъ весь обманъ въ немногихъ словахъ, съ постояннымъ припѣвомъ: „убійца“. Принцесса готова лишиться чувствъ, Варбекъ спѣшитъ къ ней, она падаетъ въ объятія герцогини; Варбекъ хочетъ обратиться къ лордамъ, тѣ съ отвращеніемъ отступаютъ. (NB. Лорды не вѣрятъ герцогинѣ: не въ ея власти уничтожить его, какъ она его создала. Тутъ лорды упрекаютъ ее за то, что она такъ играла имъ, а она говоритъ на это, что сама же себя и наказала, такъ какъ изъ за ложнаго Іорка утратила дѣйствительнаго и т. д. Варбекъ

гъ ей только тѣмъ, что оставляетъ ее
грашномъ убѣжденіи). Въ эту минуту
дываютъ о графѣ Кильдарэ, котораго
я. Герцогиня говоритъ: „Онъ яв-
:я какъ разъ во-время. Я никогда не
па его пріѣзда. Теперь я ему очень
Онъ знаетъ моего племянника, онъ
талъ его въ дѣтствѣ. (Къ Варбеку).
йся, если можешь. Посмотримъ, какъ
:тоишь противъ этого свидѣтеля".
Пятый актъ. Принцесса. Варбекъ. Она
ъ устроить ему побѣгъ. Онъ остается
помъ отчаяніи).

:одитъ Кильдарэ; Варбекъ стоитъ отъ
дальше всѣхъ, съ поникшей головой;
гиня идетъ ему навстрѣчу.—„Вы пріі
обнять Іорка, несчастный человѣкъ,
е найдете его и т. д. (Этимъ она
ла сказать, что Варбекъ—мнимый гер-
Іоркъ). Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ
ывается кругомъ и замѣчаетъ Вар-
Онъ подходитъ ближе; онъ изумленъ,
:енъ и восклицаетъ: „что я вижу!"
:къ при этихъ словахъ поднимаетъ
, смотритъ графу въ лицо и воскли-
: „отецъ мой!"—Кильдарэ съ своей
ы восклицаетъ: „сынъ мой!"—Его
повторяютъ всѣ. Варбекъ бросается
ю къ отцу. Кильдарэ внѣ себя отъ
енія и не знаетъ, что на это ска-
Онъ проситъ окружающихъ оставить
ла нѣсколько минутъ вдвоемъ. Изъ
нія къ нему, эта просьба исполняет-
то же время докладываютъ, что при
двухъ убійцъ, и герцогиня уходитъ
опрашивать.

рбекъ остается съ Кильдарэ, все
ле пришедшимъ въ себя отъ изумле-
то въ мнимомъ Іоркѣ онъ нашелъ
сына. Въ короткихъ словахъ Вар-
все ему разсказываетъ, Кильдарэ
етъ къ Провидѣнію и прославляетъ
Его. Онъ объявляетъ Варбеку, что
ле сынъ его, что онъ похитилъ имя,
вительно ему принадлежащее. Онъ,
бы, незаконный сынъ Эдуарда IV, ро-
Іоркъ. Варбекъ видитъ свѣтъ во мракѣ,
къ его судьбы сразу разматывается.
нечно обрадованный, онъ сбрасываетъ
бя бремя терзавшихъ его мукъ и про-
Кильдарэ позволить ему на минуту
иться.

Кильдарэ, а потомъ лорды, вмѣстѣ съ Эрикомъ и посломъ. Они соболѣзнуютъ Кильдарэ, что сыномъ его оказался негодяй, присвоившій себѣ священное имя Іорка и умертвившій дѣйствительнаго обладателя этого имени.

Кильдарэ не вѣритъ этому и спѣшитъ открыть имъ настоящее происхожденіе Варбека. Они вѣрятъ ему, удивляются, но еще болѣе печалятся, такъ какъ убійцею оказывается сынъ ихъ государя.

(Кильдарэ и лорды. Они въ отчаяніи отъ обнаруженнаго обмана и оплакиваютъ свое погибшее существованіе, свои разбитыя надежды).

Между тѣмъ является Варбекъ, ведя за руку Плантагенета. Всѣ удивлены; Кильдарэ узнаетъ юнаго принца, который не знаетъ, что съ нимъ творится, пока Варбекъ не открываетъ всей тайны, не присягаетъ Плантагенету, какъ своему государю, и не заключаетъ его въ объятія, какъ двоюроднаго брата. (Варбекъ нашелъ Плантагенета спящимъ у Іоркскаго памятника и спасъ его отъ двухъ злодѣевъ, намѣревавшихся убить его). Радость лордовъ, великодушіе Плантагенета.

Явившаяся въ это время Маргарита обнимаетъ племянника и прижимаетъ его къ сердцу. Лорды требуютъ, чтобы она такъ же обошлась и съ Варбекомъ.—Благородное объясненіе Варбека, который падаетъ къ ея ногамъ, какъ племянникъ.—Она тронута, умилена и доказываетъ это тѣмъ, что идетъ за принцессой.

Во время ея отсутствія—общій разговоръ. Убійственный замыселъ Эрика и посла открытъ, они прощены и пристыжены. Варбекъ на глазахъ посла обнимаетъ Плантагенета и отсылаетъ перваго къ его королю съ извѣщеніемъ, что они вдвоемъ будутъ добиваться своихъ правъ на престолъ.

Герцогиня возвращается съ принцессой. Заключеніе.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Брюссель. Зала во дворцѣ герцогини Маргариты. Въ нишахъ бронзовые бюсты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ ГЕРФОРДЪ *входитъ съ пятью сыновьями.* СЭРЪ ВИЛЬЯМЪ СТЕНЛИ *стоитъ въ сторонѣ, на авансценѣ, и наблюдаетъ за ними.*

ГЕРФОРДЪ.

Вотъ, дѣти, нашъ очагъ, нашъ кровъ желанный,
Дворецъ радушный тотъ, гдѣ Маргарита,
Владычица богатыхъ Нидерландовъ,
Великая жена, чтитъ память предковъ,
Поруганнаго царственнаго дома
Друзей оберегаетъ и гонимымъ
Даетъ пріютъ.
(*Оглядывая залу*).
Вы видите? Вокругъ—
Все вашихъ королей изображенья,
Живыя лица Іорковъ благородныхъ.
Сестры благочестивыми руками
Воздвигнуты они—и, какъ пенаты,
Встрѣчаютъ васъ привѣтливой улыбкой.
Здѣсь алой не увидите вы розы:
Здѣсь бѣлая цвѣсти лишь можетъ—гербъ
Издревне именитѣйшаго рода.
Возложимъ же на шляпы этотъ знакъ!
Отнынѣ мы Ланкастеру не слуги—
Отнынѣ мы на смерть враги тирану.
(*Прикалываетъ бѣлую розу къ шляпѣ; сыновья дѣлаютъ то же*).

СТЕНЛИ.

Съ прискорбіемъ гляжу, съ негодованьемъ,
Какъ благородный нашъ маститый Герфордъ
Злой умыселъ лелѣетъ на чужбинѣ
И мятежа примѣтой ненавистной
Тщеславится во вражескихъ палатахъ.
Да что! и сыновей, птенцовъ незрѣлыхъ,
Преступниками дѣлаетъ онъ такъ же,
Отъ родины, отъ долга отторгаетъ,
Позорному изгнанью предаетъ.

ГЕРФОРДЪ.

На родинѣ—изгнанье, гдѣ престоломъ
Разбойникъ и тиранъ владѣетъ нагло.
Помѣстьями и землями своими
Пожертвовалъ лордъ Герфордъ не колеблясь,
Чтобъ сердце неизмѣнное къ стопамъ
Властителя законнаго повергнуть—
Властителя, случайностью счастливой
Спасеннаго отъ смерти и сюда
Вернувшагося выходцемъ изъ гроба.

СТЕНЛИ.

Возможно ли? На возрастъ не взирая,
Обмануты вы такъ же, какъ другіе,
Безстыднымъ шутовствомъ безсильной злобы,
Для злобы лишь одной и вѣроятнымъ?
Поистинѣ, внушаетъ ужасъ эта
Неистовая іоркская порода,
На всякое чудовищное дѣло
Готовая! Пока хватало мочи—
Пускала въ ходъ и казни и убійства;
Теперь, когда, по милости Господней,
Губительнаго жала лишена,—
Сплетаетъ ложь за ложью неустанно:
Любому проходимцу согласится
Предать на расхищенье государство
Скорѣе, чѣмъ допуститъ, чтобъ Ланкастеръ
Ему блаженство мира обезпечилъ.

ГЕРФОРДЪ.

Священный блескъ величія, печать

аго рожденья,—лгать не можетъ,
ъ памяти людей неподкупныхъ
гъ несокрушимо—то личиной
а прикрывать себя не станетъ.
убѣжденъ, онъ въ Ричарда повѣрилъ,
а родныхъ заговорили, три
ха признаютъ его за сына
дова и чтутъ его, какъ принца.
шалъ, онъ себя и держитъ прин-
цемъ,
олевски думаетъ и явно
ь всѣми доблестями Іорковъ.

СТЕНЛИ.

довъ сынъ, тщедушный Іоркъ, что
ранней
ой вмѣстѣ съ братомъ поглощенъ,
ости мрачный Тоуеръ укрываетъ,—
тъ Іоркъ вдругъ возстаетъ изъ гроба,
въ Брюсселѣ ожить? Да, Маргарита—
ая волшебница, я вижу:
ихъ пробуждаетъ! создаетъ
раха ихъ державное потомство!
ятся и старцы, уваженья
йные мужи, что вѣрятъ сказкѣ
олько притворяются, что вѣрятъ:
цѣль возобновить старинный споръ,
у двухъ розъ, которая ужъ столько
тей причинила государству.

ГЕРФОРДЪ.

сказкою меня не обморочить,
погляжу—лишь собственному взору,
чному лишь голосу повѣрю.
скажется! Не въ ней ли искони
я наша вѣрность дому Іорковъ?
цѣлый міръ свидѣтельствуетъ: я
мъ себя увлечь, пока того же
звѣститъ мнѣ кровь.

СТЕНЛИ (*подходитъ къ нему и беретъ его за руку*).

Еще есть время!
ите прямодушному совѣту:
лайте почтенный возрастъ свой
кою злодѣйскаго коварства!
ддавайтесь женщинѣ лукавой,
оей груди вмѣстившей всю вражду,
енависть двухъ отраслей вѣнчанныхъ!
ртвенникъ желаній ненасытныхъ
тъ она и земли и народы
во что судьбу людскую ставитъ.
вы у порога—возвратитесь,
не жалѣть, не каяться, когда
ете ногой въ сѣтяхъ обмана!

ГЕРФОРДЪ (*пристально смотритъ на него*).

Васъ истина страшитъ, а не обманъ.
Да, это Іоркъ,—по вашей злобѣ вижу!

СТЕНЛИ.

Безумный человѣкъ! Спѣшите въ петлю—
Отрѣзывайте путь себѣ къ возврату!

ГЕРФОРДЪ.

Вотъ этотъ мечъ монарха моего
Къ престолу приведетъ, меня—въ отчизну!

(*Сыновья Герфорда въ смятеніи хватаются за мечи*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и ЕПИСКОПЪ ИПЕРНСКІЙ.

ЕПИСКОПЪ.

Кто смѣетъ . . . . . .
Будить въ палатахъ этихъ? Тише, лорды
Священный миръ почіетъ въ этомъ домѣ.

ГЕРФОРДЪ.

Такъ пусть же изъ него уйдетъ Ланкастеръ,
Который въ родовомъ жилищѣ Іорковъ
Кичливо . . . . . .

БЕЛЬМОНТЪ.

Кто . . . . . .

ГЕРФОРДЪ.

Прочь—вмѣстѣ съ нимъ, ланкастерскимъ
холопомъ!
Я Англію покинулъ, чтобъ тиранства...
Я поспѣшилъ сюда . . . . . .
И мерзкое лицо свое холопъ
Ланкастера мнѣ кажетъ на порогѣ!

СТЕНЛИ.

Измѣну я караю . . . . . .
. . . . . ее . . . . . .
. . . . . гдѣ ни встрѣчу!

ГЕРФОРДЪ.

Гоните же Ланкастера, кичливо
Въ святилищѣ . . . . . .
Какъ въ Англіи, подъ кровомъ Іорковъ хочетъ
Царить!

СТЕНЛИ.

Измѣну обличаю, гдѣ ни встрѣчу!

ГЕРФОРДЪ.

Такъ пусть же уберется вонъ Ланкастеръ,
Который въ родовомъ жилищѣ Іорковъ,

Какъ въ Англіи, царить кичливо хочетъ...
Какъ въ Англіи, господствуетъ кичливо!

БЕЛЬМОНТЪ.

Спокойнѣй будьте, лорды. Здѣсь не мѣсто..
Довольно, лорды доблестные...
. . . . . Мечи оставьте
И этихъ стѣнъ радушіе почтите.
Здѣсь царство справедливости . . . . .
Великая . . . . . .
Здѣсь правитъ благородная жена
Изъ благородной вѣтви Іорковъ...
Нѣтъ и врагу отказа въ правосудьи,
И въ . . . . . достойнѣйшаго лорда
Чтитъ . . . . . къ . . . . . .
Свой дворъ здѣсь, въ Брюсселѣ, открыла
Всѣмъ партіямъ враждующимъ: мирить
Враговъ—ея прекраснѣйшая слава.

СТЕНЛИ.

. . . . . Здѣсь двери настежъ.
Привѣтствуютъ здѣсь каждаго . . . . .
Кто ковы противъ Англіи куетъ.

БЕЛЬМОНТЪ.

Она—сестра двухъ іоркскихъ государей
И съ кротостью, по родственному чувству...
. . . . . въ несчастьи . . .
. . . помнитъ о своемъ . . . родѣ,
Подпавшемъ подъ удары злого рока.
Лишившійся престола . . . . . .
Гдѣ онъ въ странѣ враговъ пріютъ нашелъ бы
. . . какъ не здѣсь, подъ мирнымъ кровомъ?
Гдѣ иначе . . . . . .
Нашелъ бы онъ . . . . . .
Нѣтъ и врагу отказа въ правосудьи—
И въ личности достойнѣйшаго лорда
Чтитъ . . . . . посла . . . . .

ГЕРФОРДЪ.

. . . . . чувство долга . . .
. . . . . вѣрность предкамъ . . .
Блестящій образецъ любви сестры
И матери являетъ намъ принцесса
Въ жестокій нашъ . . . чуждый . . . вѣкъ.
Всѣ вѣрныя сердца стремятся въ Брюссель,
За іоркскій домъ гоненьямъ подвергаясь,
И . . . . . .
Къ ней видимо и небо благосклонно:
Изъ гроба возстаетъ ея племянникъ,
Давно уже оплаканный, и вновь . . . .
И вновь сіяетъ славой родъ угасшій...
И вновь исполненъ жизни родъ угасшій,
Въ побѣгѣ этомъ царственномъ воспрянувъ...
Но гдѣ же онъ, гдѣ дорогой нашъ герцогъ,
Предъ кѣмъ я преклонить колѣни долженъ?
Покинулъ я и родину и домъ
И поспѣшилъ воочію увидѣть
Воскресшую отечества надежду...
Гдѣ мнѣ найти его?
(*Толпа*).

ЕПИСКОПЪ.

Сейчасъ онъ самъ
Пожалуетъ сюда съ принцессой вмѣстѣ:
Толпа уже ликующимъ потокомъ...
Ликующимъ потокомъ въ эту залу
Стремится . . . . . .
И возвѣщаетъ намъ ихъ приближенье.

Бельмонтъ. Остановитесь, благородные лорды. Укротите вашъ гнѣвъ и почтите величіе этого мѣста...

Здѣсь ожесточеніе партій должно безмолвствовать; здѣсь царствуетъ справедливость, а не пристрастіе. Моя повелительница изъ рода Іорковъ, и ея державное сердце свято чтитъ память предковъ, но это не мѣшаетъ ей жить въ добромъ согласіи съ королемъ Генрихомъ, и въ особѣ этого благороднаго лорда она уважаетъ его посла. Она ненавидитъ вражду и готова уладить всѣ раздоры. Она охотно предлагаетъ для этого свои услуги и открыла свой дворъ въ Брюсселѣ всѣмъ партіямъ. Приверженцы Іорковъ здѣсь желанные гости: какъ справедливый и мудрый третейскій судья, она выслушиваетъ ихъ жалобы и по мѣрѣ силъ откликается на нихъ. (Она поручила мнѣ привѣтствовать васъ, благородный лордъ Герфордъ). Она считаетъ себя обязанною оказывать эту защиту своимъ родственникамъ и приверженцамъ, подпавшимъ подъ удары судьбы. Но и врагу нѣтъ отказа...

Сэръ Вильямъ. Такъ какъ...

Герфордъ. Герцогиня представляетъ собою возвышенный, блестящій образецъ благочестивой родственницы и доблестной патріотки и лежащій на ней священный долгъ исполняетъ съ примѣрною добросовѣстностью. Въ Брюссель стремятся всѣ вѣрныя сердца, претерпѣвающія гоненія за благородный домъ Іорковъ, она радушно принимаетъ ихъ и ..... И вотъ небо вознаградило ея родственное милосердіе, возвратило

ей какъ бы изъ гроба, племянника, котораго считали умершимъ и въ которомъ снова расцвѣтаетъ наша увядшая, было, надежда. Мы явились сюда поклониться ему, мы покинули Англію, мы незадумываясь, оставили наше имущество на расхищеніе неумолимому королю, чтобы поспѣшить къ сыну нашего государя и повергнуть передъ нимъ наше вѣрное сердце.

Португальцы. И мы также здѣсь, посланные нашимъ . . . . . чтобы засвидѣтельствовать почтеніе и предложить ему помощь нашего короля къ полученію обратно законнаго наслѣдія.

Шотландцы. Мы посланы впередъ, чтобы возвѣстить прибытіе принцессы Шотландской, предназначенной въ супруги благородному герцогу Ричарду.

Ганзейцы. Черезъ насъ ганзейскіе города предлагаютъ благородному принцу Іорку свои корабли для высадки въ его королевствѣ.

Ирландцы. . . . . .

Сэръ Вильямъ. Какое сумасбродство! Какое безуміе! Какая преступная игра! Такъ далеко зашло! Нѣтъ, это не ослѣпленіе! Это завѣдомый злонамѣренный обманъ!

Бельмонтъ. Добро пожаловать всѣ
Отъ имени моей повелительницы и ея бла
городнаго племянника благодарю васъ всѣхъ
Сейчасъ онъ возвратится съ охоты—вы
увидите его самого и мою повелительницу...
Вотъ они...

Герфордъ (*сыновьямъ*). Станьте здѣсь и дѣлайте то же, что я буду дѣлать. Давно желанная минута наступаетъ. Приготовься, сердце, перенести великую радость.

Брюссельскіе горожане и горожанки.

Первый горожанинъ. Это англійскіе бѣглецы. Они явились привѣтствовать герцога Іорка . . . . . .

Ихъ короля и законнаго государя. Тотъ, Генрихъ,—не что иное, какъ тиранъ.

Второй горожанинъ. Городъ полонъ англичанъ. Скоро некуда будетъ ихъ дѣвать.

Третій горожанинъ. Въ нашихъ стѣнахъ—англійскій король.

Третій горожанинъ. Мы его защитники.

Второй горожанинъ.
Городъ полонъ англичанъ.
Онъ здѣсь скоро будетъ Я . . . . . .

Популярность герцога. Съ тѣхъ поръ
Какъ онъ..... много хорошихъ послѣдствій.....
Его достойное жалости положеніе. . . . . .
Его красота, величіе, царственное великодушіе . . . . .
Купецъ изъ Гента. . . . . .
Корабельщикъ . . . . . .
Заводчикъ . . . . . .
. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ III.

Маргарита *и* Варбекъ, *какъ герцогъ Іоркъ. Впереди идутъ . . . . . и* знатныя особы *замыкаютъ шествіе.*

При входѣ Бѣльмонтъ *говоритъ съ герцогиней, которая пытливымъ взглядомъ окидываетъ залу.* Варбека, *едва онъ появляется, тѣсно окружаютъ мужчины, цѣлующіе его руки и платье и вообще съ такою горячностью привѣтствующіе его, что онъ съ трудомъ отъ нихъ освобождается. Онъ обнаруживаетъ сильное волненіе и ласково раскланивается на всѣ стороны.*

маргарита (*долгое время любовавшаяся этимъ зрѣлищемъ*). Да это онъ, вы видите его, вашего Ричарда, возставшаго изъ гроба и сохраненнаго чудомъ. Упивайтесь лицезрѣніемъ его, созерцайте мой славный родъ, воскресшій въ этомъ единственномъ отпрыскѣ! Я счастливая женщина, я больше не бездѣтна.—Хорошенько вглядитесь въ него. Посмотрите на эти изображенія Іорковъ вдоль стѣнъ! Сравните черты! Кажется, будто эти фигуры сошли со своихъ подставокъ и движутся здѣсь! (*Варбеку*). Примите ихъ радушно, принцъ... Это друзья вашего дома, которые хотятъ сражаться за ваши права . . . . . и т. д.

варбекъ.

Друзья мои . . . . . родная . . . .

герфордъ.

Поближе, дѣти! Всѣ сюда! Поближе!
Мнѣ громко говоритъ . . . . . .
Онъ, онъ! Мнѣ громко сердце говоритъ,
Что это онъ! Черты то Эдуарда,
Монарха моего прекрасный обликъ—
И голосу его я внемлю снова!
(*Падая къ его ногамъ*).
О Ричардъ, Ричардъ,
Сынъ короля моего! Какое мнѣ, старику, счастье, что я дожилъ до этого! О, дайте мнѣ поцѣловать эту руку, эту дорогую руку..

варбекъ.

Встаньте, милордъ... Не здѣсь ваше мѣсто... Ко мнѣ на грудь... Обнимите меня, прижмите меня къ вашему честному англійскому сердцу, пыломъ вашей любви воспитайте мою доблесть. (*По братски обнимаетъ сыновей Герфорда*).

Варбекъ тронутъ, благодаренъ, ласковъ, скроменъ; но притомъ исполненъ благороднаго достоинства, какъ государь передъ своими вассалами.

герфордъ (*не налюбуется Варбекомъ и во всемъ находитъ его похожимъ на Эдуарда. Онъ вспоминаетъ случай изъ дѣтства братьевъ Іорковъ и разсказываетъ его; радость и старость дѣлаютъ его болтливымъ*). О,—спрашиваетъ онъ,—гдѣ вы скрывались? Гдѣ вы были хранимы небомъ, чтобы сразу явиться мужемъ, цвѣтущимъ юношей? Какъ вы спаслись отъ убійства? отъ преслѣдованій? Гдѣ вы такъ развились? Какимъ путемъ привело васъ небо къ открытію?

варбекъ.

О, позвольте мнѣ набросить завѣсу на прошлое... Не надо... Я между вами... Я вижу себя въ кругу друзей... Судьба чудно вела меня... Да, я чувствую себя Іоркомъ. Ничто не можетъ заглушить во мнѣ могучій голосъ крови. Могучія священныя узы приковываютъ меня къ вамъ... Вы мои... я вашъ.. и не будь тутъ даже никакихъ другихъ доказательствъ, громко говоритъ мнѣ голосъ сердца, что вы—мои друзья.

герфордъ.

Скажите же! скажите, какъ избѣгнуть
Вамъ удалось кровавыхъ рукъ убійцы?
Гдѣ отрочество ваше протекло,
Гдѣ нѣжный цвѣтъ его хранило небо,
Чтобъ горячо желанный, благодатный,
Онъ сразу намъ явился въ полномъ блескѣ

маргарита.

Не медлите исполнить просьбу, герцогъ—
Почтенный лордъ освѣдомиться вправѣ,
Достоинъ онъ...

варбекъ.

Нѣтъ... Не теперь... Позвольте
Набросить мнѣ на прошлое завѣсу.
Не надо . . . . . я между вами. . . . . .
Вокругъ себя однихъ друзей я вижу...

Путемъ чудесъ вела меня судьба...
. . . . . въ себѣ
Я Іорка признаю—и мощнымъ чувствомъ
Полна душа . . . . . .

МАРГАРИТА.

Какъ, герцогъ?..
Васъ ложный стыдъ удерживаетъ, ваше
Несчастье—вашъ почетъ. . . . . .

ГЕРФОРДЪ.

. . . . . .

ВАРБЕКЪ.

. . . . . .

МАРГАРИТА.

Пусть такъ!
Я пощажу ваше чувство. Я избавлю васъ отъ печальной обязанности. Да, печальная обязанность—тяжкій сонъ . . . . .
Мы вмѣсто васъ исполнимъ это.

ГЕРФОРДЪ.

О . . . . . .

МАРГАРИТА.

Приходится къ тяжелымъ временамъ
Вернуться мнѣ, изъ тьмы воззвать былое,
Которое покровомъ вѣчной ночи
Одѣли мы, честь дома охраняя.
Но то несчастье наше, не вина,
Что создали проклятье міра мы
И царственнаго дома и всего
Людского рода былъ злодѣемъ Ричардъ...
И былъ . . . . . также . . . . . .
Рождались и великіе герои!
Я . . . . . .
То былъ мой братъ. . . . . .
Убиты были . . . . . .
На англійскій престолъ вступаетъ Ричардъ
Кровавыми путями, какъ. . . . . .
На англійскомъ престолѣ Ричардъ Глостеръ...
Племянниковъ его скрываетъ Тоуеръ...
Вотъ—истина,—молва же увѣряетъ,
Что Тиррель обагренъ невинной кровью,
И называетъ мѣсто даже, гдѣ
Тѣла дѣтей зарыты. . . . . .
Но страшное событіе той ночи
Отъ насъ непроницаемая тайна
Безслѣдно утаила; лишь позднѣе
Съ . . . . . снято покрывало.
Да, правда, что съ приказомъ короля
Убить дѣтей, явился Тиррель въ замокъ,
Что подъ его кинжаломъ палъ принцъ Вэльскій,
Что та же участь брату угрожала...
Но совѣсть ли въ злодѣѣ пробудилась,
Иль въ сердце закоснѣлое проникла
Ребенка беззащитнаго мольба,—
Ударъ смертеленъ не былъ—и убійца
Бѣжалъ оттуда, ужасомъ объятый...
Короче, юный принцъ избѣгнулъ смерти...
Служитель, что тѣла убитыхъ вѣдалъ,
Заботливо скрылъ принца отъ ищеекъ.
Пять лѣтъ ему исполнилось тогда,
О той порѣ онъ ничего не помнитъ—
Лишь въ ужасъ безотчетный повергаетъ
Его еще донынѣ видъ кинжала.

ГЕРФОРДЪ.

Я это понимаю!...

МАРГАРИТА.

Боязнь передъ шпіонами тирана
Принудила въ убѣжищѣ убогомъ...
Жемчужину такую . . . . . скрывать.
Принцъ одному изъ гражданъ былъ довѣренъ.
Какъ сынъ его, воспитанъ былъ, не зная,—
И тотъ не зналъ,—что онъ сынъ короля:
Молчалъ предусмотрительно служитель,
Пока царилъ свирѣпый Ричардъ...
Когда жъ нашелъ конецъ онъ при Босвортѣ,
И англійскій престолъ вновь сталъ свободнымъ,—
Тотъ вспомнилъ о заброшенномъ ребенкѣ,
Надеждѣ государства, и обратно
Потребовалъ довѣренный залогъ.
Однако, воспитатель . . . . . .
Ужъ выѣхалъ изъ Англіи—и Ричардъ,
Не вѣдая еще, кто онъ такой,—
Отправился съ отцомъ своимъ названнымъ...
Исчезъ безслѣдно юноша державный. . . .
Напрасно всѣ края . . . . . .
Рѣшилъ, но Іорковъ доблестная кровь,
Что въ жилахъ у него текла незримо,
Разрушила судьбы его преграды,
Изъ дома воспитателя исторгла...
Лишь мечъ его порывовъ былъ достоинъ—
И за него герой нашъ ухватился...

ГЕРФОРДЪ.

Никто въ ярмо не запрягаетъ львенка.

МАРГАРИТА.

Сначала предложилъ свои услуги
Онъ королю, вступилъ во флотъ военный,
Служилъ (среди королевскихъ стрѣлковъ)
далекій отъ мысли,
Что онъ подъ отчимъ кровомъ пріютился.

ЯВЛЕНІЕ . . .

Эрикъ *и* Аделаида.

ЭРИКЪ.

Да, тетушка—искусная актриса!
По правдѣ, развѣ роль свою она
Сыграла не до полнаго обмана?
Естественными плакала слезами...

АДЕЛАИДА.

Сыграла роль!

ЭРИКЪ (*какъ будто онъ только-что ее замѣтилъ*).

Вы также до сихъ поръ
Взволнованы, принцесса .. Что я вижу!
И вашъ прекрасный взоръ туманятъ слезы?
Возможно ли! Такъ жалобная эта
Исторія васъ за сердце задѣла?

АДЕЛАИДА.

Одинъ изъ всѣхъ не тронулись вы ею!
Хвалитесь, что черезъ тройную броню
Къ вамъ въ грудь живое чувство не проникнетъ!

ЭРИКЪ.

Мнѣ тронуться! подобнымъ шутовствомъ!
Иль обмануть легко меня, какъ прочихъ?
Я долженъ новоявленному Іорку,
Созданью вашей тетушки, повѣрить?
Меня все это тѣшитъ. Допускаю
Охотно я, чтобъ свѣтъ былъ обмороченъ,
Чтобъ этому Ланкастеру, который
За мудрость прозванъ здѣшнимъ Соломономъ,
Столь горькій былъ подарокъ приготовленъ.
Весьма хитро задуманъ этотъ женскій,
Жестокій планъ: я отъ него въ восторгѣ,
Но самъ-то ужъ обману не поддамся!
Личину я прозрѣлъ, едва взглянулъ,—
Теперь, какъ день, все ясно мнѣ...

АДЕЛАИДА.

Несчастный
Плантагенетъ!

ЭРИКЪ.

Особенно забавно было мнѣ
Его . . . . . .обратить вниманье—
Вѣдь я совсѣмъ былъ въ сторонѣ... И тетку
Я также . . . . . и взгляды
Я уловилъ, которыми все время
Мѣнялись выразительно они...
Онъ—принцъ? Я принца распозналъ бы сразу...
Ужъ какъ ни прихорашивайся онъ—
Не видно въ немъ породы, нѣтъ въ немъ этой
Естественной увѣренности... Принцемъ
Родиться надобно, чтобъ имъ казаться.

АДЕЛАИДА.

Да кто же отрицаетъ, что для принца
Еще все ново здѣсь? А воспитанье?
Едва лишь годъ прошелъ съ его признанья...

ЭРИКЪ.

Съ породою освоиться недолго.
Не то, чтобъ я замѣтилъ недостатокъ
Въ немъ навыка,—онъ держится прилично...
Но эта неувѣренность въ себѣ,
Какъ будто страхъ—похожъ ли онъ на принца,—
Вотъ, что меня въ притворствѣ убѣждаетъ.

АДЕЛАИДА.

Кому природа царственной печатью
Отмѣтила наружность, если даже
Вѣнецъ и не сіяетъ на челѣ . . . .
Несчастье въ прахъ его низвергнуть мо[illegible]
жетъ,
Но благородства знакъ стереть не въ си[illegible]
лахъ.
Не во дворцѣ и . . . . . .
Гдѣ . . . . . .
Среди людей лишь крѣпнетъ человѣчность [illegible]
И, будь судьбѣ суровой благодаренъ . . . [illegible]
Сторицей воздающей за лишенья. . . . .[illegible]
По правдѣ, бѣдняки одни—счастливцы,
Которые . . . . . .

ЭРИКЪ.

Не нравимся мы вамъ, скажите прямо.

АДЕЛАИДА.

Вы знаете и ищете руки!

ЭРИКЪ.

Я чувства въ васъ не вызываю...
. . . . . Могу ль сказать, кузи[illegible]
Я не нуждаюсь въ этомъ... Не нуждаю[illegible]
Въ приманкахъ я: довольно тѣхъ, что е[illegible]
Старайся трогать тутъ, герой романа,
Старайся нищій нравиться, а принцъ
Лишь принцемъ будь—цѣны никто не сбавитъ.

АДЕЛАИДА.

. . . . . .

ЭРИКЪ.

ите его, ужъ я замѣтилъ...
я это... Какъ вы покраснѣли!
по васъ вздыхаетъ втихомолку—
но угадать, когда вы вмѣстѣ.
бы разсердиться, не считай
во это низменнымъ, мѣщанскимъ,
ія достойнымъ . . . . . .
люблю тѣмъ больше я, чѣмъ больше
Іоркъ по васъ, вотъ я каковъ!
юбитъ онъ—я буду обладать!
альное вздоръ: лишь это важно!
дущемъ я радость предвкушаю...

АДЕЛАИДА.

судьба! О, что ты мнѣ готовишь!

ЭРИКЪ.

итесь, сердце въ васъ пылаетъ злобой...
да ли, вы внѣ себя отъ злобы...
ъ меня вы взглядами готовы...
окойтесь! Этому значенья
идамъ: вашъ язычокъ колючій
бы лишь слегка я наказать.
ге жъ вашу маленькую ручку...
е къ теткѣ... Какъ? серьезно значитъ?
о разсердились вы? Смягчитесь!
ѣтъ,—не такъ. Совсѣмъ смягчиться надо.
ь должны готландской герцогиней—
, такъ хочетъ тетка, я хочу:
мъ знаютъ всѣ—и это будетъ.
(*Уходитъ*).

— —

ЯВЛЕНІЕ . . .

АДЕЛАИДА (*одна*).

вистный! Правда ли все это?
ідѣлъ? Любишь ли меня ты, Ричардъ?
ишь, мы другъ друга понимаемъ:
оръ сказалъ—мой взоръ смолчать не могъ.
, горе намъ! Мы наши чувства
таить въ сердечной глубинѣ!
ыя узы ждутъ, меня же
итъ въ жертву этому грубьяну.
оля нами управляетъ,
о выбирать не смѣетъ сердце...
ія судьба у насъ обоихъ,
ый Іоркъ,—и какъ судьбой мы сходны!
лые ли сироты мы оба
одвластны-ль родственницѣ гордой,
любя насъ угнетаетъ?
Не . . . . . .
Ты, какъ племянникъ, дорогъ ей—она
Ко всѣмъ тебя, воскресшаго, ревнуетъ,—
И, вотъ, чего бояться надо: бойся
Любви ея властительной. . . . . .
Она стоитъ за право твердо . . . . .
Но поощрять не станетъ никогда
Чего не создала . . . . . .
Дѣйствительно онъ видѣлъ, ненавистный
Ты весь у герцогини подъ надзоромъ—
И скована при ней твоя душа
Прекрасная... Боюсь и я не меньше!
И взорами мѣняясь, мы трепещемъ,
Какъ голуби предъ ястребомъ. . . . .
О, лютый жребій сиротъ. . . . . .
Изъ любящихъ объятій попадаютъ
Они въ холодный свѣтъ и отдаются
Во власть великодушію чужому.
Какъ тяжкій грузъ, на доблестную грудь
Дары надменной милости ложатся:
Одной любви понятенъ этотъ жребій...
И гдѣ гнететъ его . . . . . страхъ
Тамъ сердце боязливо цѣпенѣетъ!
Холодное участіе не грѣетъ!
Зачѣмъ, зачѣмъ злой рокъ привелъ, о Ричардъ,
Насъ къ этому надменному двору!
Самъ отъ себя схороненный, ты жилъ
Въ блаженной неизвѣстности, теряясь
Въ . . . . . человѣческомъ потокѣ
Свободный, какъ въ волнахъ воздушныхъ птица,
Свободный, какъ въ горахъ скалистыхъ серна,
Скиталецъ безымянный, но надъ сердцемъ
Свою лишь волю царственную знавшій,—
Отнынѣ прикрѣпленъ, прикованъ прочно
Ты къ сану своему кольцомъ желѣзнымъ...
. . . . . свѣтъ увидалъ—
Ты самъ себя нашелъ и потерялъ!
О, если бы осталось все какъ было!
О, если бы, невѣдомые міру,
Мы встрѣтились съ тобой подъ низкой кровлей!
Царила бы надъ нами тамъ природа,
Сердца бы насъ навѣкъ соединили,
Въ одно слились бы тѣ сердца, что нынче
Разлучены величіемъ тщеславнымъ!
Въ блаженной слѣпотѣ на блескъ мишурный
Мы счастья своего не промѣняли-бъ.
Но для чего судьбу я укоряю!
Во мракѣ я тебя и не нашла-бы.
Нѣтъ, я ее должна благословлять
За то, что и утраченное имя
И самого тебя она тебѣ же
Вновь отдала: она ведетъ насъ вмѣстѣ!

В. Лихачовъ.

МАЛЬТІЙЦЫ.

Мальта осаждена всѣми силами Солимана, который далъ клятву истребить орденъ до основанія. Къ турецкимъ военачальникамъ, Мустафѣ и Піяли, присоединились корсары Улуччіали и Драгутъ, а также алжирцы Гасцемъ и Канделисса. Обѣ гавани блокированы турецкимъ флотомъ, и къ острову нѣтъ никакого доступа. Кто хочетъ пробраться туда на помощь осажденнымъ, долженъ непремѣнно отважиться на схватку съ несмѣтными силами непріятеля. Съ суши турки атаковали фортъ С.-Эльмо, разсчитавъ совершенно вѣрно всѣ выгоды, предоставляемыя взятіемъ этого пункта. Овладѣй они фортомъ, обѣ гавани очутятся въ ихъ рукахъ, и имъ тогда ничего не стоитъ напасть на Иль-Борго, фортъ святого Михаила и фортъ святого Ангела, гдѣ сосредоточены всѣ силы ордена.

Ла Валетъ—гросмейстеръ Мальтійскаго ордена. Онъ предвидѣлъ нападеніе турокъ и сдѣлалъ всѣ возможныя приготовленія къ нему. Рыцари въ огромномъ количествѣ стянуты на островъ; кромѣ того 10000 солдатъ расположено тутъ-же. Оружіе и всѣ съѣстные припасы заготовлены въ достаточномъ количествѣ; укрѣпленія въ порядкѣ. Помимо всего этого приходится разсчитывать на помощь Сициліи, такъ какъ количественный перевѣсъ непріятеля слишкомъ великъ, и стѣны крѣпости, какъ и люди, не могутъ устоять подъ напоромъ безпрерывныхъ нападеній. Каждое такое нападеніе уноситъ огромное число рыцарей и солдатъ, ряды защитниковъ рѣдѣютъ, и если энергія турокъ не ослабѣетъ, то, безъ посторонней помощи, некому будетъ въ концѣ-концовъ бороться съ ними. Не выдержать и укрѣпленіямъ всѣхъ этихъ штурмовъ, повторяющихся одинъ за другимъ.

Не безъ основанія ждетъ Ла-Валетъ помощи отъ Сициліи: если погибнетъ Мальта,

адѣнія испанскаго короля подвер-
і величайшей опасности. Поэтому
ипъ Второй обѣщалъ ему всевозмож-
оддержку и въ этомъ смыслѣ далъ
ряженіе вице-королю сицилійскому.
ваняхъ Сициліи стоитъ флотъ, гото-
ь отплытію, много рыцарей и вся-
искателей приключеній стеклось сюда
мѣреніемъ отправиться въ Мальту.
омоченные гросмейстера неотступно
ятся при вице-королѣ испанскомъ,
і его ускорить отбытіе флота.

испанская политика слишкомъ своеко-
гна для того, чтобъ отважиться на
будь серьезное въ этомъ серьезномъ
Могущество турокъ пугаетъ испан-
они хотятъ выиграть время и вы-
пока силы турецкія ослабѣютъ,—имъ
ется бросаться въ явную опасность.
мъ за дѣло то того, что орденъ надѣ-
гъ въ этой борьбѣ свои силы, толь-
онъ окончательно не погибъ, а му-
рыцарей служитъ Испаніи порукой
мъ, что на долю турокъ достанется
ю таки хлопотъ. Они и разсчиты-
на то, что турки, ослабленные мало-
у упорнымъ сопротивленіемъ ордена,
собой снимутъ осаду или же смогутъ
отбиты съ меньшимъ рискомъ и
стью. Въ этихъ видахъ вице-король
кій ограничивается обѣщаніями, но
лаетъ ни шагу для того, чтобы вы-
орденъ изъ тяжкаго положенія.
мъ временемъ пока Ла-Валетъ торо-
испанцевъ, а испанцы медлятъ, турки,
яя времени, тѣснятъ С.-Эльмо съ
тающей энергіей. Фортъ не можетъ
ься особенно надежнымъ оплотомъ,
какъ онъ занимаетъ слишкомъ тѣс-
остранство, почему и не снабженъ
очнымъ количествомъ укрѣпленій.
того, онъ вмѣщаетъ въ себѣ только
ченное число людей, которое сильно
тъ послѣ каждаго нападенія и долж-
кдый разъ снова пополняться. Нѣ-
о наружныхъ укрѣпленій уже пере-
ь руки турокъ, ихъ артиллерія на
, и стѣнамъ нанесено уже много
кденій. Гарнизонъ не охраняется крѣ-
и, не смотря на все свое мужество,
авляетъ легкую добычу непріятель-
огня.

цари не въ состояніи больше бо-
съ такимъ стеченіемъ неблагопріят-
ь условій; они просятъ гросмейстера,
ихъ перевели куда-нибудь въ болѣе
ное мѣсто, такъ какъ все равно не
можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ удер-
жать С. Эльмо. Остальные рыцари присоеди-
няютъ къ нимъ свои просьбы, стараясь убѣ-
дить гросмейстера въ томъ, что онъ по-
ступаетъ дурно, безполезно жертвуя рыца-
рями, находящимися на С.-Эльмо, и тѣмъ по-
степенно ослабляя силы ордена ради без-
плодной защиты безнадежнаго мѣста. Не
благоразумнѣе было-бы развѣ сосредоточить
всѣ эти силы въ главномъ пунктѣ? Сами
турки, кажется, не могли-бы придумать для
себя ничего лучше того упрямства, съ ко-
торымъ гросмейстеръ вбилъ себѣ въ голову
фантазію пожертвовать мало-по-малу всѣми
лучшими рыцарями на этомъ беззащитномъ
посту.

Несмотря на полную очевидность этихъ
доводовъ, гросмейстеръ остается при сво-
емъ мнѣніи, ничуть не убѣжденный ими.
Онъ знаетъ, конечно, что С.-Эльмо нельзя
удержать, ему отъ души жаль погибающихъ
рыцарей, онъ глубоко страдаетъ, принося
ихъ въ жертву, но онъ не можетъ отка-
заться отъ этого пункта,—на то есть у
него двѣ основательныя причины: 1) С.-
Эльмо должно сопротивляться во что бы
то ни стало, чтобъ протянуть время до
прибытія вспомогательнаго флота изъ Си-
циліи,—стоитъ только туркамъ захватить
этотъ фортъ, и они могутъ запереть обѣ
гавани, такъ что доступъ для помощи сдѣ-
лается крайне затруднительнымъ, да и сами
испанцы грозятъ, что въ этомъ случаѣ
они немедленно повернутъ обратно. 2) Если
непріятелю удастся покончить съ С.-Эльмо,
онъ всѣ свои силы, сплоченныя во-едино,
направитъ прямо на центръ ордена и, от-
рѣзавъ путь какой-бы то ни было помощи,
начнетъ мало-по-малу изводить орденъ по-
стоянно повторяющимися сраженіями. Со-
всѣмъ не то, если мы и лишимся С.-Эльмо,
но заставимъ непріятеля взять его штур-
момъ: 1) силы у него тогда много поубавится и не такъ легко ему будетъ затѣ-
ять новое крупное предпріятіе противъ на-
шего главнаго центра и 2) (что всего важ-
нѣе въ поэтическомъ смыслѣ) они будутъ
такъ напуганы примѣромъ отчаяннаго со-
противленія на первомъ-же оплотѣ острова
и получатъ такое представленіе о христі-
анскомъ мужествѣ, что потеряютъ всякую
охоту испытывать его долѣе.

Такимъ образомъ гросмейстеръ имѣетъ
свои серьезныя причины во имя блага цѣ-
лаго пожертвовать частью рыцарей, обязан-
ныхъ защищать С.-Эльмо. Какъ ни суровъ
его образъ дѣйствій, онъ не идетъ въ раз-

рѣзъ съ законами ордена, такъ-какъ каждый вступающій въ него обязуется положить свою жизнь за религію съ безпрекословной и слѣпой покорностью; но для слѣпого повиновенія такому суровому закону нуженъ чистый духъ ордена, ибо повиновеніе должно исходить изнутри человѣка и не можетъ быть вынуждено внѣшними насильственными мѣрами. Тутъ необходимо: 1) слѣпо отдаться во власть гросмейстера съ твердой вѣрой въ правоту его и мудрость его рѣшеній; 2) имѣть благочестивый, строго религіозный, отрѣшенный отъ всѣхъ земныхъ интересовъ образъ мыслей, соединенный съ высокимъ героизмомъ.

Но орденъ не обладаетъ тѣмъ высокимъ духомъ, который такъ необходимъ въ настоящую минуту. Рыцари храбры, они мужественны, но они хотятъ воспользоваться этими качествами по своему, не хотятъ слѣпо повиноваться закону. Данная минута требуетъ духовнаго (идеалистическаго) настроенія, а между тѣмъ настроеніе ихъ мірское (матеріалистическое). Они утратили первоначальный духъ, положенный въ основаніе ордена: они любятъ не одинъ только долгъ, но и многое другое, они интересуются преходящими радостями текущей жизни. Они герои, но герои не христіанскіе, не духовные. Любовь, богатство, честолюбіе, національная гордость и многія другія земныя чувства волнуютъ ихъ сердца.

Осада зхватила орденъ въ тотъ моментъ, когда непорядки въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Многіе рыцари открыто предавались разврату, на который Ла Валетъ смотрѣлъ сквозь пальцы: онъ былъ въ этомъ отношеніи снисходителенъ—вѣдь и самъ онъ не вполнѣ свободенъ отъ человѣческихъ слабостей. Но теперь, когда обнаружились печальныя послѣдствія непорядковъ, когда они послужили поводомъ къ раздору и внутреннимъ междоусобіямъ въ самомъ орденѣ, Ла Валетъ самъ видитъ необходимость преобразовать орденъ и возстановить его въ его первоначальной чистотѣ. Онъ приказываетъ удалить плѣнницу—гречанку, изъ за которой спорятъ два важныхъ рыцаря, увлекая въ этотъ раздоръ и остальныхъ, такъ-какъ къ каждому изъ нихъ присоединяется его *языкъ*. Гросмейстеръ запрещаетъ теперь азартныя игры, попойки и роскошь въ одеждѣ, чѣмъ навлекаетъ на себя неудовольствіе рыцарей. Они находятъ его поведеніе своевольнымъ, называютъ его образъ дѣйствій тираніей и утверждаютъ, что теперь не время для стѣсненій,—война и опасность даютъ право на свободу.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ *).

Открытая колоннада съ видомъ на гавань.

гасъ и Бирон*ъ ссорятся изъ за*
ой гречанки; одинъ схватилъ ее, дру-
гой хочетъ ею овладѣть.

РОМЕГАСЪ.

дерзкій! Ты рабыню похищаешь,
взятую, которую своею
явилъ!

БИРОНЪ.

Даю свободу ей;
выберетъ по сердцу господина.

РОМЕГАСЪ.

она: таковъ законъ войны,
коробля ее добылъ пиратовъ.

БИРОНЪ.

убый ихъ обычай презираетъ
кто плѣнить свободно сердце можетъ.

РОМЕГАСЪ.

красота—награда храбрецу.

БИРОНЪ.

сти женъ—мечъ рыцаря защита.

РОМЕГАСЪ.

-Эльмо будь защитникомъ! Тебѣ
быть должно.

БИРОНЪ.

Тамъ—бой, а здѣсь—награда.

РОМЕГАСЪ.

воровать конечно безопаснѣй,
съ турками, какъ должно мужу,
биться.

БИРОНЪ.

ютый бой, такъ впереди кипящій,
но, здѣсь бесѣдовать удобно.

РОМЕГАСЪ.

Начальнику ты повинуйся... Прочь!

БИРОНЪ.

Начальникъ ты надъ флотомъ, но не здѣсь.

РОМЕГАСЪ.

Чти на груди моей великій крестъ.

БИРОНЪ.

Подъ малымъ здѣсь большое сердце бьется.

РОМЕГАСЪ.

Остеръ языкъ хвастливыхъ провансальцевъ.

БИРОНЪ.

Но мечъ у нихъ зато еще острѣй.

РОМЕГАСЪ.

. . . . . .
. . . . . .

РЫЦАРИ (*сбѣгаются*).

Испанецъ правъ. Надменность провансаль-
цевъ
Наказана должна быть!

ДРУГІЕ РЫЦАРИ (*вбѣгаютъ съ противопо-
ложной стороны*).

Три клинка
На одного! Сюда! На помощь! Трое
На одного! Ударьте на кастильца!
Держись бодрѣе, мужественный братъ!
Мы—за тебя! Мы всѣ тебѣ поможемъ.

РЫЦАРИ.

Разите провансальцевъ!

ДРУГІЕ.

Смерть испанцамъ!

Среди дикаго шума разъяренныхъ голосовъ раздаются звуки, возвѣщающіе приближеніе хора.

---

*) Стихотворная часть отрывка переведена *Чюминой*.

Вслѣдъ затѣмъ хоръ появляется на сценѣ. Онъ состоитъ изъ шестнадцати духовныхъ рыцарей, одѣтыхъ въ длинную одежду ордена, и располагается двумя рядами по обѣ стороны театра, такъ что окружаетъ всѣхъ остальныхъ, находящихся на сценѣ.

Хоръ упрекаетъ рыцарей за ихъ распри въ такой моментъ. Изображеніе грозящей опасности и опасенія, вызванныя внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ ордена. Самонадѣянность рыцарей, разсчитывающихъ на помощь Испаніи.

Приходитъ Ла Валетъ съ Мирандой, испанскимъ уполномоченнымъ изъ Сициліи. Онъ заявляетъ рыцарямъ, чтобъ они не разсчитывали больше на испанскую помощь, не бросали взоръ на Сицилію. Орденъ совершенно одинокъ и предоставленъ самому себѣ. Онъ предлагаетъ Мирандѣ изложить свое порученіе, состоящее въ томъ, что вице-король не хочетъ рисковать своимъ флотомъ въ томъ случаѣ, если господствующій надъ гаванью фортъ Сентъ-Эльмо очутится въ рукахъ турокъ.

Со стороны рыцарей раздаются крики единодушнаго негодованія по поводу своекорыстной и вѣроломной политики испанцевъ.

Миранда добровольно рѣшается остаться на островѣ и раздѣлить участь ордена.

Монтальто приводитъ стараго христіанина—плѣнника съ завязанными глазами. Его прислалъ Мустафа будто-бы для переговоровъ съ гросмейстеромъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы связать сношенія съ измѣнникомъ. Ла Валетъ не хочетъ слышать о переговорахъ,—никакого соглашенія у рыцарей съ невѣрными состояться не можетъ. Онъ угрожаетъ смертью старому христіанину и всякому другому, кто вздумаетъ явиться отъ имени турокъ. Христіанинъ жалуется на свою горькую участь. Ему предлагаютъ остаться, если онъ хочетъ, но онъ предпочитаетъ вернуться къ прежнему тяжкому рабству,—онъ не сомнѣвается въ томъ, что рано или поздно Мальта все-таки будетъ взята. Уходя, онъ бросаетъ вскользь предостереженіе относительно измѣнниковъ.

Депутація рыцарей изъ С.-Эльмо докладываетъ, что фортъ не можетъ держаться, и проситъ отъ имени уполномочившихъ ихъ позволенія удалиться оттуда. Несмотря на полную очевидность безнадежнаго состоянія форта, Ла Валетъ настаиваетъ на необходимости его защищать. Ромегасъ покамѣстъ еще на сторонѣ Ла Валета.

Остальные рыцари присоединяютъ свои энергическія настоянія къ ходатайству депутатовъ изъ С -Эльмо. Ла Валетъ самъ ихъ очень жалѣетъ, но остается непреклоннымъ.

Рыцари руководствуются матеріалистическими побужденіями; онъ имъ противопоставляетъ свои идеалистическія. Креки молитъ о разрѣшеніи отправиться въ С.-Эльмо, но получаетъ отказъ. Заявивъ требованіе безусловнаго повиновенія, Ла Валетъ уходитъ вмѣстѣ со старыми рыцарями.

Появляются два уполномоченныхъ отъ гарнизона въ Сентъ-Эльмо. Гарнизонъ этотъ не выбранъ гросмейстеромъ, а назначенъ безъ его участія установленнымъ порядкомъ. Двадцатилѣтній рыцарь, Сентъ-Пристъ, котораго всѣ любятъ, и котораго гросмейстеръ особенно отличаетъ, находится въ числѣ защитниковъ Сентъ-Эльмо. Внѣшнимъ видомъ и отвагой это юный Ринальдо. Онъ бичъ турокъ, и, какъ его ни стараются оберегать, онъ всегда первый въ сраженіяхъ Но, окруженный опасностями и смертью, онъ всегда остается невредимъ; кажется, что одно его появленіе обезоруживаетъ врага, и что его охраняютъ ангелы. Креки, молодой рыцарь вспыльчиваго нрава, привязанъ къ нему страстнымъ, но благороднымъ чувствомъ. Уполномоченные описываютъ положеніе Сентъ-Эльмо, успѣхи враговъ, говорятъ о томъ, что крѣпость не можетъ долѣе держаться, и просятъ, чтобы гарнизону позволили удалиться на другой постъ. Младшіе рыцари, въ особенности Креки, усиленно поддерживаютъ эту просьбу, но гросмейстеръ отказываетъ. Онъ ясно показываетъ свое участіе въ судьбѣ гарнизона, но очень серьезно и твердо объясняетъ, что Сентъ-Эльмо *нужно* отстоять, и удаляется со старшими рыцарями.

Ропотъ молодыхъ рыцарей противъ гросмейстера. Креки тревожно освѣдомляется о Сентъ-Пристѣ и узнаетъ отъ уполномоченныхъ, что онъ въ особенности подвергается опасности. Монтальто возвращается, проводивъ христіанина-плѣнника, и усили-

ваетъ ожесточеніе противъ гросмейстера злобными замѣчаніями о его самоуправствѣ и жестокости.

Недовольные удаляются, остается хоръ. Онъ жалуется на паденіе ордена и на несправедливое отношеніе къ гросмейстеру, заслуги котораго онъ очень цѣнитъ. Воспоминанія изъ исторіи ордена.

Ла Валетъ; хоръ. Гросмейстеръ обнаруживаетъ свои душевныя качества. Онъ боится, что у него не хватитъ твердости отстоять должное. Его мучитъ необходимость принести въ жертву храбрыхъ защитниковъ Сентъ-Эльмо. Онъ озабоченъ злоупотребленіями, вкравшимися въ жизнь ордена. Хоръ указываетъ ему на послѣдствія его уступчивости и напоминаетъ ему о спорѣ изъ-за гречанки. Ла Валетъ сознается въ своихъ ошибкахъ и хочетъ попытаться произвести полную реформу ордена. Гречанку онъ уже велѣлъ увести.

Ромегасъ, Бирон и остальные. Оба рыцаря жалуются на удаленіе гречанки. Ла Валетъ напоминаетъ рыцарямъ объ ихъ обѣтѣ. Они утверждаютъ, что положеніе дѣлъ даетъ имъ право на снисхожденіе. Въ нихъ проявляется ихъ дикій нравъ, который разбиваетъ всѣ преграды въ минуту грозной опасности. Они хотятъ насладиться мгновеніемъ, когда слѣдующій часъ, быть можетъ, уже не принадлежитъ имъ. Храбрецъ, который знаетъ, что въ немъ нуждаются, считаетъ себя вправѣ нарушать законы. Гросмейстеръ говоритъ съ ними властнымъ тономъ и удаляется.

Ромегасъ и Бирон, въ высшей степени озлобленные, соединяются противъ гросмейстера. Ромегасъ и безъ того уже считаетъ его своимъ врагомъ.

Приходитъ Креки и рѣзко говоритъ о жестокости гросмейстера. Разговоръ прерывается приходомъ Монтальто, который возвѣщаетъ о прибытіи новыхъ уполномоченныхъ изъ Сентъ-Эльмо. Положеніе форта очень ухудшилось; у турокъ очень сильныя наружныя укрѣпленія. Гарнизонъ еще разъ проситъ позволенія удалиться или хочетъ пойти на вѣрную смерть, рискнувъ на открытую битву. Въ числѣ уполномоченныхъ находится и Сентъ-Пристъ, при помощи котораго надѣются повліять на гросмейстера. Ла Валетъ отказывается говорить съ уполномоченными. Эта кажущаяся жестокость еще болѣе возмущаетъ рыцарей, хотя на самомъ дѣлѣ она только слѣдствіе его мягкости; онъ боится, что вся его твердость исчезнетъ въ присутствіи юноши, который близокъ его сердцу. Сентъ-Пристъ его незаконный сынъ; но объ этомъ не знаетъ никто, кромѣ одного Ла Валета.

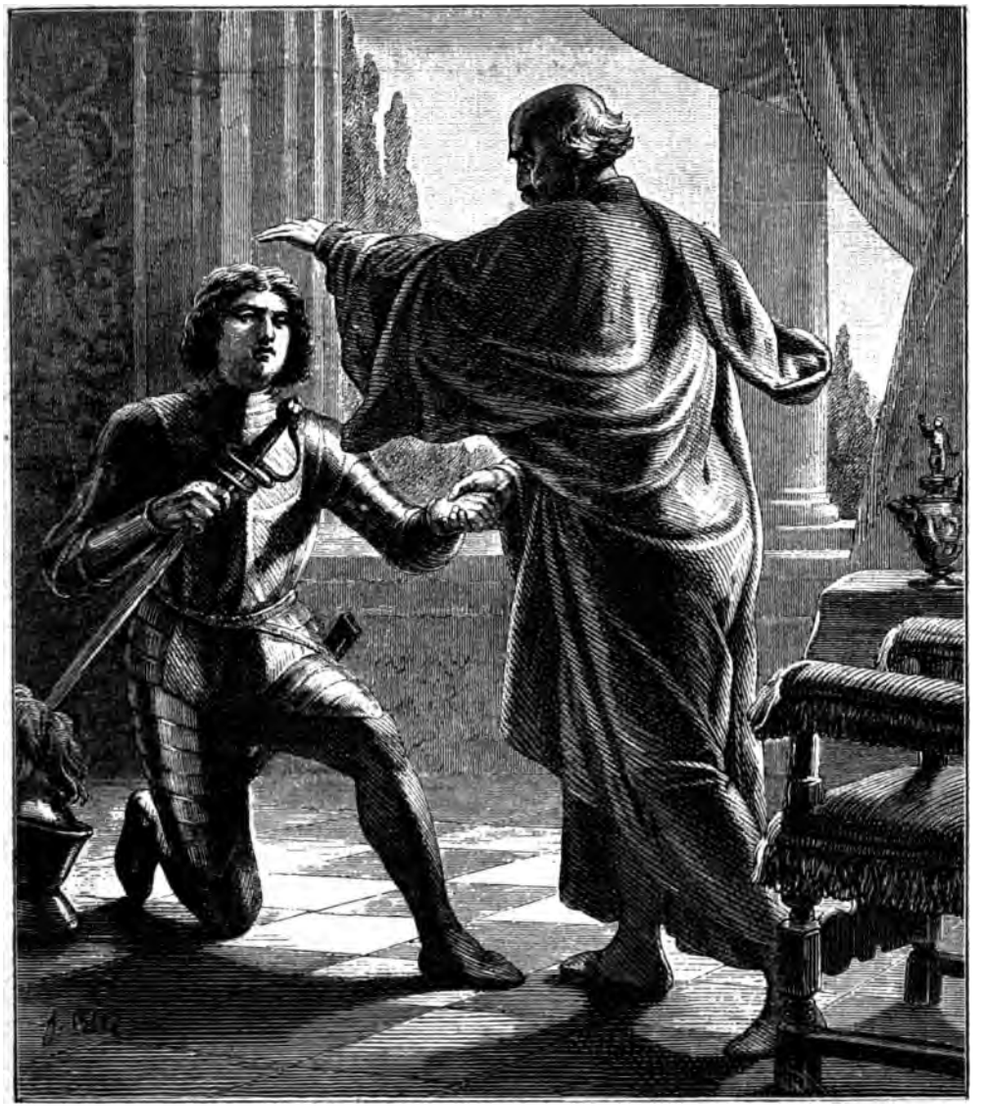
Входятъ уполномоченные въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей, которые громко выражаютъ свое недовольство противъ гросмейстера. Самъ Сентъ-Пристъ молчитъ, но Креки бурно выражаетъ свое возмущеніе. Ромегасъ и Бирон поддерживаютъ его, Монтальто пользуется этимъ моментомъ, чтобы возбудить рыцарей противъ гросмейстера, хоръ тщетно напоминаетъ имъ объ ихъ долгѣ. Составляется страшный заговоръ противъ гросмейстера.

Ла Валетъ поручаетъ инженеру Кастріотто ознакомиться съ положеніемъ Сентъ-Эльмо

У гросмейстера зарождается подозрѣніе противъ Монтальто, и онъ велитъ строго слѣдить за нимъ. Онъ говоритъ съ нимъ на-единѣ, чтобы добромъ уговорить его, но это не удается. Монтальто настойчиво и дерзко все отрицаетъ и упрямо кичится своимъ командорскимъ званіемъ.

Послѣ его ухода, къ Ла Валету является Сентъ-Пристъ. Онъ совершенно не раздѣляетъ взглядовъ другихъ уполномоченныхъ гарнизона. Ему не хочется, чтобъ гарнизонъ отозвали, и онъ является съ тѣмъ, чтобъ съ дѣтскимъ довѣріемъ разсказать гросмейстеру о возмущеніи рыцарей. Ла Валетъ съ трудомъ скрываетъ свои чувства къ юношѣ.

Онъ говоритъ съ Сентъ-Пристомъ, какъ гросмейстеръ, и отпускаетъ его, давъ



ему разныя порученія. Юноша воспламененъ чувствомъ долга и очарованъ личностью гросмейстера.

Появляются Ромегасъ, Бирон, Креки и нѣсколько ихъ приверженцевъ. Они начинаютъ настойчиво требовать, чтобы гарнизонъ былъ отозванъ, и послѣ отказа гросмейстера произносятъ мятежныя рѣчи. Креки заходитъ дальше всѣхъ въ своемъ возмущеніи. На упрекъ Ла Валету въ томъ, что онъ губитъ орденъ своимъ упрямствомъ, гросмейстеръ отвѣчаетъ, что орденъ все равно уже распался, что его въ эту минуту уже нѣтъ, и что погубила его не сила непріятеля, а внутреннее распаденіе. Онъ съ достоинствомъ удаляется и велитъ рыцарямъ ждать его приказа.

Рыцари потрясены послѣдней рѣчью гросмейстера и нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ сознавать свою неправоту. Одинъ рыцарь приноситъ извѣстіе о томъ, что явился ренегатъ съ порученіями отъ турецкаго командира, несмотря на то, что Ла Валетъ грозилъ смертью всякому непрія-

тельскому парламентеру. У ренегата найдены письма съ большими обѣщаніями Монтальто. Послѣдній убѣжалъ къ врагу. Рыцари вспоминаютъ, что Монтальто болѣе всего раздувалъ озлобленіе противъ гросмейстера.

Появляются въ полномъ вооруженіи Миранда, испанскій посолъ, за нимъ самые молодые рыцари, нѣсколько старѣйшихъ, и затѣмъ хоръ. За ними слѣдуютъ гросмейстеръ съ Кастріотто. Инженеръ получаетъ приказъ отдать отчетъ передъ всѣмъ собраніемъ о положеніи Сентъ-Эльмо. Онъ утверждаетъ, что возможно еще держаться въ Сентъ-Эльмо нѣсколько времени. Гросмейстеръ спрашиваетъ младшихъ и старшихъ рыцарей, а затѣмъ хоръ и Миранду, хотятъ ли они подъ его предводительствомъ взять на себя защиту Сентъ-Эльмо. Всѣ соглашаются, и тогда гросмейстеръ даетъ прежнему гарнизону Сентъ-Эльмо позволеніе удалиться, отпускаетъ возмутившихся рыцарей, и одному только Ромегасу велитъ не уходить.

Ла Валетъ говоритъ съ нимъ какъ умирающій, который открываетъ свою послѣднюю волю. Онъ утверждаетъ, что только Ромегасъ, который погубилъ орденъ, въ состояніи спасти его. Онъ говоритъ, что избралъ его своимъ преемникомъ, и заручился для него самыми вліятельными голосами. Ромегасъ поставленъ такимъ образомъ въ положеніе властителя, которое вполнѣ отвѣчаетъ его силамъ, и онъ понимаетъ теперь, какъ нехорошо поступалъ до того. Чрезвычайно пристыженный великодушіемъ человѣка, къ которому онъ такъ несправедливо относился, онъ удаляется съ намѣреніемъ показать на дѣлѣ, что достоинъ такого довѣрія.

Сентъ-Пристъ является проститься съ гросмейстеромъ. Ла Валетъ крайне взволнованъ, открываетъ Сентъ-Присту, что онъ его отецъ, благословляетъ сына и говоритъ ему, что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ на встрѣчу смерти въ Сентъ-Эльмо. Хоръ присутствуетъ при этой сценѣ.

Входитъ Ромегасъ съ мятежными рыцарями и уполномоченными гарнизона. Всѣ раскаиваются въ своемъ поведеніи, и каждый готовъ пожертвовать своей жизнью въ Сентъ-Эльмо для спасенія ордена. Хоръ еще болѣе стыдитъ рыцарей, открывая имъ, что Сентъ-Пристъ сынъ гросмейстера, и что послѣдній только-что обрекъ его на смерть. Ла Валетъ не хочетъ отказаться отъ своего прежняго рѣшенія, пока не убѣждается въ полномъ раскаяніи рыцарей. Наконецъ онъ рѣшается на то, чтобы прежніе защитники Сентъ-Эльмо продолжали оставаться на своемъ посту, и покоряется изъ чувства долга необходимости сохранить себя ордену, какъ гросмейстера, и остаться на прежнемъ мѣстѣ. Всѣ убѣждаютъ его не разставаться съ сыномъ. Каждый готовъ замѣстить доблестнаго юношу. Сентъ-Пристъ сопротивляется и остается непреклоннымъ. Онъ весь горитъ воодушевленіемъ. Ла Валетъ тоже не хочетъ и слышать ни о какомъ исключеніи, ни о какихъ личныхъ соображеніяхъ. Сентъ-Пристъ прощается съ гросмейстеромъ и съ Креки.

Хоръ торжественно и съ большимъ воодушевленіемъ говоритъ о всемъ томъ, что возвышаетъ человѣка: о чувствѣ долга, рыцарскомъ духѣ, религіи.

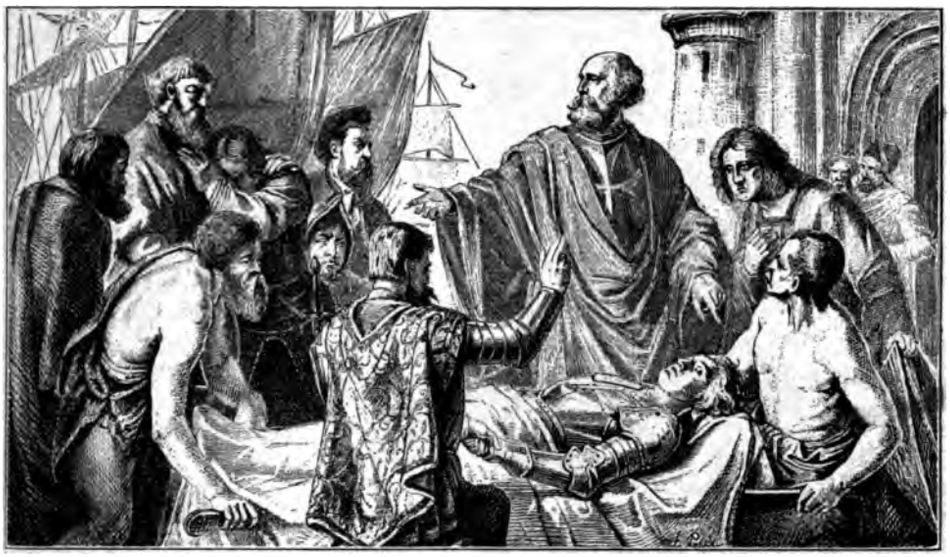
Извѣстія изъ Сентъ-Эльмо. Турки приступаютъ къ штурму форта. Креки бѣжалъ въ Сентъ-Эльмо, чтобы умереть вмѣстѣ съ другомъ. Появляется Ла Валетъ, крайне озабоченный, но онъ мужественно сохраняетъ твердость духа. Онъ глубоко чувствуетъ, что приноситъ въ жертву.

Сентъ-Эльмо взятъ. Грекъ Ласкарисъ, родомъ изъ семьи, владѣвшей греческимъ императорскимъ трономъ, бѣжитъ съ величайшей опасностью изъ турецкаго войска, гдѣ занимаетъ высокое положеніе, къ мальтійцамъ; онъ восторгается ихъ героизмомъ: съ ихъ религіей его связываютъ первыя впечатлѣнія юности. Онъ даетъ подробный отчетъ о невѣроятныхъ подвигахъ защитниковъ Сентъ-Эльмо, о страшныхъ потеряхъ турокъ, объ ихъ удивленіи, когда они узнали о положеніи форта и о небольшомъ числѣ его защитниковъ; онъ говоритъ

объ особенно важной потери врага въ лицѣ одного изъ первыхъ и самыхъ опытныхъ начальниковъ, правителя Триполи, который умеръ во время осады. Измѣны Монтальто нечего больше бояться. Онъ убитъ при штурмѣ Сентъ-Пристомъ и получилъ свое возмездіе.

Прибило волной трупъ Сентъ-Приста. Его приносятъ, и рыцари провожаютъ его въ нѣмой печали. Ла Валетъ достигаетъ вершины духовнаго подъема. Онъ восхваляетъ высокое назначеніе вознесеннаго на небо сына, говоритъ, что видитъ во всѣхъ рыцаряхъ своихъ сыновей, и твердо вѣритъ въ силу ордена, которая теперь несомнѣнна и безконечна. Великая жертва рѣшаетъ побѣды, какъ доказала смерть Леонида въ персидской войнѣ. Счастливый исходъ подтверждаетъ эту вѣру.

З. Венгерова.



ДѢТИ ДОМА.

Нарбоннъ—богатый, видный и вліятельный гражданинъ одного изъ французскихъ провинціальныхъ городовъ—Бордо, Ліона или Нанта. Онъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ: ему отъ сорока до пятидесяти лѣтъ. Безупречный характеръ его и безукоризненное повѣденіе создали ему то единодушное уваженіе, которымъ онъ пользовался въ обществѣ. Къ тому же и всеобщая симпатія, съ которою относились къ покойному брату его—Пьеру Нарбонну была перенесена теперь цѣликомъ на него ужъ за одно имя, единственнымъ представителемъ котораго онъ являлся въ настоящее время. Послѣ брата его не осталось наслѣдниковъ: двое дѣтей, которыхъ родила Нарбонну его жена, сгорѣли во время пожара (или утонули), благодаря небрежности прислуги.

Луи остался единственнымъ наслѣдникомъ послѣ смерти Пьера. Онъ былъ въ отсутствіи, когда братъ умеръ, и возвратился для того, чтобы войти во владѣніе огромнымъ имуществомъ и поселиться въ этомъ городѣ навсегда.

Десять лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Въ настоящее время Нарбоннъ собирается вступить въ бракъ и такимъ образомъ продолжить свой родъ. Онъ обратилъ вниманіе на прекрасную, благородную и богатую дѣвушку, Викторію де-Понтисъ, родители которой крайне польщены его предложеніемъ и съ радостью обѣщаютъ ему свою дочь.

Надо сказать, что лѣтъ шесть тому назадъ одинъ юноша, по имени Сентъ-Фуа, былъ въ качествѣ сироты принятъ въ домъ Нарбонна, гдѣ получилъ хорошее воспитаніе и осыпанъ былъ благодѣяніями. Ему было четырнадцать лѣтъ, когда онъ появился впервые и безпомощностью своею а также всѣмъ своимъ милымъ существомъ возбудилъ состраданіе всего города. Нарбоннъ открылъ передъ нимъ двери своего дома и всецѣло взялъ на себя заботъ объ его участи. Не въ качествѣ слуги, какъ бѣдный родственникъ, жилъ у него мальчикъ, и весь городъ изумлялся великодушію Нарбонна къ сиротѣ, къ которому во многихъ сердцахъ начинала уже шевелиться зависть.

Сентъ-Фуа подвигался быстрыми шагами въ образованіи, которое онъ получалъ стараніями Нарбонна. Онъ былъ одаренъ прекраснымъ умомъ и такимъ же сердцемъ но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дана была ему отъ природы значительная доза благородства гордости, не совсѣмъ подходившихъ бѣдному сиротѣ, котораго пріютили изъ состраданія и жившему чужими милостями Къ благодѣтелю своему онъ былъ полонъ благодарной почтительности, но, казалось ничуть не чувствовалъ себя униженнымъ и подавленнымъ благодѣяніями Нарбонна, которыя принималъ съ видомъ человѣка

пользующагося лишь тѣмъ, что принадлежитъ ему по праву. Казалось, нерѣдко отвага его граничила съ дерзостью, его наивность и беззаботность походили на легкомыслiе. Онъ обладалъ независимымъ характеромъ, былъ расточителенъ, гордъ и щепетиленъ въ дѣлахъ чести.

Часто представлялся Викторiи случай видѣть Сентъ-Фуа, и она вскорѣ почувствовала къ нему склонность, которую считала совершенно безнадежной. Сватовство Нарбонна, внушавшаго ей особенный ужасъ и отвращенiе, усилило чувства ея къ юношѣ, тѣмъ болѣе, что теперь Нарбоннъ самъ посылалъ его къ ней съ разными порученiями. Сентъ-Фуа боготворилъ Викторiю съ первой встрѣчи, но никогда даже въ сокровеннѣйшихъ мысляхъ не осмѣливался мечтать о ней.

Онъ познакомился съ другой дѣвушкой, круглой сиротой, какъ онъ самъ. Онъ оказалъ ей однажды значительную услугу. Нѣжная дружба привязывала его къ этой дѣвушкѣ; страсть и благоговѣнiе питалъ онъ къ Викторiи. Сердце его принадлежало обѣимъ, но чувства къ нимъ были совершенно различныя и не могли смѣшаться.

Изъ многочисленной дворни Нарбонна, среди которой сохранился еще одинъ только старый слуга Пьера Нарбонна, многiе ненавидѣли и завидовали Сентъ-Фуа. Изъ нихъ одна лишь женщина питала къ нему нѣжныя чувства и разсчитывала даже на брачный союзъ съ нимъ. Она была гораздо старше его и не предъявляла никакихъ притязанiй, кромѣ желанiя раздѣлить съ нимъ то маленькое счастье, котораго она могла достичь этимъ единственнымъ путемъ. Имя ея было Маделонъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Экономка Нарбонна, Маделонъ, возвратившись съ богомолья, узнаетъ отъ своего господина объ исчезновеніи драгоцѣннаго убора, предназначеннаго имъ въ подарокъ невѣстѣ. Не имѣя ни противъ кого опредѣленнаго подозрѣнія, онъ обратился въ полицію съ тѣмъ, чтобъ та прослѣдила хорошенько за его домашними и вообще приняла всѣ мѣры къ розысканію пропажи. Маделонъ выражаетъ безпокойство по поводу того, что онъ обратился къ содѣйствію полиціи. „Оставили бы вы ее лучше въ покоѣ“ говоритъ она: „мнѣ жутко при мысли о ней. Покоритесь добровольно маленькому несчастію; радуйтесь, что небо посылаетъ вамъ это испытаніе. Давно ужъ безпокоитъ меня невозмутимое постоянство и продолжительность вашего благополучія“ и т. д. Нарбоннъ полагаетъ, что онъ только отстаиваетъ свое право. „Ваше право!“ прерываетъ она и намекаетъ ему на какую-то тайну.

Безпокойство ея возрастаетъ, когда она узнаетъ, что прислуга подозрѣваетъ цыганку, приходившую на дняхъ въ домъ и занимавшуюся гаданьемъ и предсказаніями. Она сильно сожалѣетъ о томъ, что не была здѣсь. Въ то время, какъ она въ дальнемъ паломничествѣ безполезно искала успокоенья своему сердцу, она упустила, быть можетъ, единственный случай, который помогъ бы ей положить предѣлъ своей скорби. Нарбоннъ бранитъ ее за суевѣріе и мнительность. Что касается его, то онъ вполнѣ доволенъ своей участью и ничего ужъ теперь не боится, такъ какъ имѣетъ основанія надѣяться, что избавился отъ единственнаго человѣка, владѣвшаго его тайной,—тотъ впервые не потребовалъ выплачиваемой ему ежегодно суммы, вѣроятно онъ умеръ и т. д.

Приходитъ Понтисъ, мѣстный бальи (судья) и будущій тесть: ему нужно собрать необходимыя справки по поводу пропавшаго убора. Это можетъ сопровождаться нѣкоторыми формальностями,—при участіи судебнаго писца описываются примѣты утраченной драгоцѣнности и перечисляются всѣ принадлежащія къ дому лица. Тутъ раскрывается часть исторіи.

Особенно много говорятъ о Шарло, томъ юношѣ, котораго пять лѣтъ тому назадъ Нарбоннъ принялъ въ свой домъ. Событіе это припоминается во всѣхъ подробностяхъ, причемъ Нарбоннъ, какъ великодушный благодѣтель, фигурируетъ въ самомъ годномъ свѣтѣ. Онъ, видимо, не допуска ни малѣйшей тѣни подозрѣнія по отноше къ своему воспитаннику.

Всѣ оффиціальныя обязанности оконче послѣ чего рѣчь заходитъ о свадьбѣ. Г тисъ высказываетъ, какъ глубоко уважа и высоко цѣнитъ Нарбонна не только с но и весь городъ, и какъ онъ счастл при мысли о предстоящемъ, столь жел номъ родствѣ.

(Шарло считаетъ себя сыномъ дурн родителей).

— ——

Шарло въ разговорѣ со старымъ Ты

Молодой человѣкъ полонъ страст тревоги. Ему тѣсно въ этомъ домѣ, рвется на просторъ; онъ въ крайне бужденномъ состояніи.

(Въ сценѣ этой трогательно сказыва живущее въ немъ сознаніе бездомн своей — весь необъятный міръ откр предъ нимъ, но нигдѣ не ждетъ его ной кровъ.

Собирается-ли онъ бѣжать съ Аде дой или же у нихъ иные какіе-ни планы? Ихъ связываетъ сходство проис денія). Въ словахъ его сквозитъ нѣчт таенное, неувѣренное, пугливое, мучите ное, что-то похожее на угрызенія совѣ Видимо, онъ всего болѣе терзается ве*ли* своей неблагодарностью по отношенію Нарбонну. Когда рѣчь заходитъ о свад тревога его возрастаетъ до крайней пени.

Разговоръ юноши съ Тьери производ впечатлѣніе прощанья предъ вѣчной лукой. Онъ прощается даже со всѣми щами и убѣгаетъ весь подавленный, к бы съ усиліемъ отрываясь отъ окруж щаго.

Тьери качаетъ головой и изо вс силъ старается отогнать отъ себя возник щее въ немъ подозрѣніе. Въ монологѣ ясно обрисовывается прежняя жизнь эт дома и теперешняя.

Онъ вмѣстѣ съ Маделонъ составля здѣсь единственный остатокъ былыхъ дн

Викторія де Понтисъ со своей матер Она радуется пропажѣ предназначенн для нея подарка и обнаруживаетъ в свой ужасъ предъ бракомъ, которому видуетъ весь міръ. Кромѣ необъясним отвращенія къ Нарбонну, въ словахъ подмѣчается вліяніе горячаго чувства

', болѣе бѣдному, на союзъ съ ко-
она не можетъ надѣяться.
итъ Понтисъ, отецъ ея, и сообщаетъ
что напали на слѣдъ вора: устроивъ
ьный надзоръ за Сентъ-Фуа, открыли
безпутство его поведенія и, между
ь, обнаружили тайныя свиданія его
ой-то бѣглой женщиной.
отданъ приказъ объ ихъ аресто-

торію сильно волнуетъ разсказъ,
й она, очевидно, принимаетъ очень
къ сердцу.

———

тъ-Фуа и Аделаида. Отношенія ихъ
нуты невиннымъ взаимнымъ чувст-
Сердце молодой дѣвушки исполнено
ирности; обращеніе юноши доказы-
жалость къ ней. Онъ повѣряетъ ей
евзгоды, она ему свои. Она показы-
ему сохранившійся у нея подарокъ.
ея единственная драгоцѣнность,—
богатство, съ которымъ нужда за-
тъ ее разстаться. Золотыхъ дѣлъ
ь, которому приносятъ вещь для
и, узнаетъ въ ней свою собственную
сдѣланную имъ для госпожи Нар-
Онъ не замедлилъ представить ее,
лѣдуетъ, что и послужило поводомъ
стованію Аделаиды).
яются полицейскіе и требуютъ, чтобы
ида слѣдовала за ними къ судьѣ.
но старается Сентъ-Фуа воспрепят-
гь этому.
съ въ лѣсу.
елаида бѣжала отъ страшной цыганки,
я тиранила ее и толкала на дурной
Шарло нашелъ дѣвушку въ безвыход-
оложеніи и устроилъ ее у добрыхъ
у которыхъ она тайно находится и
тоящее время. Она считаетъ цыганку
е матерью, то, по крайней мѣрѣ,
теткой.
рло ея единственная опора; никому
она не хочетъ довѣриться, боясь
ь въ руки цыганки или властей. Къ
влечетъ ее какая-то неотразимая
ія, которая, однако, ни въ какомъ
не можетъ быть названа любовью.
а-ли она знать, что сердце его уже
бодно?).
ея есть одна драгоцѣнная вещь, —
богатство. Изъ нужды она рѣшается
ь эту вещь, но, боясь сама показаться
одѣ, передаетъ ее для продажи своей
ѣ.

Благочестивая мать одѣла на шею своей дочери золотой крестъ или что-либо иное, имѣющее отношеніе къ религіи. Словомъ, набожность содѣйствуетъ разоблаченію истины.

Въ то время, какъ она ждетъ возвращенія женщины, приходитъ Шарло съ извѣстіемъ, что они должны вмѣстѣ бѣжать.

Она готова это сдѣлать. Надо только дождаться возвращенія посланной, которая обратитъ ея сокровище въ деньги „Богъ съ ней", говоритъ онъ, „у меня хватитъ на насъ обоихъ".

Въ дверь стучится полиція. Аделаиду требуютъ къ судьѣ. Сентъ-Фуа хочетъ за нее поручиться, но заступничествомъ своимъ навлекаетъ только на себя подозрѣніе, почему и не можетъ добиться благопріятнаго результата. Тогда и онъ отправляется съ нею съ твердымъ рѣшеніемъ ходатайствовать предъ судьею или его дочерью за невинную дѣвушку.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Викторія со своей матерью. Дѣвушка высказываетъ все свое отвращеніе къ сватовству Нарбонна, сватовству, возбуждающему всеобщую зависть къ ней. Въ словахъ ея, кромѣ антипатіи къ личности Нарбонна, чувствуется еще и тайное, вполнѣ безнадежное влеченіе къ кому-то другому.

Приходитъ Понтисъ и сообщаетъ, что напали на слѣдъ пропавшаго убора.

Приводятъ Аделаиду, и Понтисъ удаляется, чтобъ произвести ей допросъ. Сентъ-Фуа въ страшномъ волненіи входитъ къ Викторіи съ мольбой о заступничествѣ и помощи ея. Въ горячихъ выраженіяхъ увѣряетъ онъ ее въ невинности Аделаиды, чѣмъ вызываетъ мучительную ревность въ душѣ Викторіи.

Сцена, гдѣ Викторія и Сентъ-Фуа, оставшись вдвоемъ, не могутъ владѣть своимъ чувствомъ и узнаютъ такимъ образомъ о взаимной любви своей.

Входитъ Нарбоннъ и находитъ въ лицѣ Сентъ-Фуа своего соперника. (Къ чему это явленіе?).

Затѣмъ является Понтисъ по окончаніи допроса и объявляетъ Сентъ-Фуа соучастникомъ преступленія.

Нарбоннъ узнаетъ отъ судьи, что часть пропажи найдена.

Ему показываютъ при этомъ драгоцѣн-

ную вещь Аделаиды; Нарбоннъ приходитъ въ сильное смущеніе при видѣ драгоцѣнности.

Сцена его съ Понтисомъ, гдѣ Нарбоннъ играетъ въ великодушіе, прося прекратить слѣдствіе и ограничиться лишь простой высылкой обоихъ заподозрѣнныхъ лицъ.

Понтисъ настаиваетъ на строжайшемъ разслѣдованіи дѣла.

(Нарбоннъ и Сентъ-Фуа одни. Онъ хочетъ удалить юношу вмѣстѣ съ дѣвушкой).

Во время ихъ разговора приходятъ къ судьѣ съ извѣстіемъ о томъ, что привели цыганку, при видѣ которой Аделаида страшно испугалась.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Сентъ-Фуа и Аделаида содержатся у судьи въ то время, какъ приводятъ туда цыганку. Маделонъ видѣла, какъ ее проводили мимо, и въ ужасѣ приходитъ къ Нарбонну. Тотъ только что вошелъ въ свою комнату и съ удивленіемъ замѣчаетъ, что кто-то въ ней былъ, не смотря на то, что онъ самъ ее заперъ при своемъ уходѣ.

Маделонъ открываетъ ему, что узнала цыганку, что это и есть та самая, которую она ищетъ съ давнихъ поръ, что отъ нея можно получить свѣдѣнія о дѣтяхъ Нарбонна и т. д.

(По поводу женитьбы Нарбонна можетъ обнаружиться печальное настроеніе Маделонъ).

Меланхолія ея должна странно бросаться въ глаза. У нея можетъ быть разговоръ: 1) съ Шарло, 2) съ Тьери, 3) съ другими слугами дома.

Маделонъ видѣла цыганку и признала въ ней ту самую, которой она передала дѣтей. Страхъ и радость овладѣваютъ ею въ одно и то-же время. Ей неизвѣстно еще, что дѣти найдены; эти два открытія раздѣляются между собой разными событіями.

Нарбоннъ опасается [раскаянія со стороны Маделонъ и заранѣе обдумываетъ мѣры противъ этой опасности.

Бурная сцена Маделонъ съ Шарло или Аделаидой производитъ въ высшей степени странное впечатлѣніе: она узнаетъ въ одномъ изъ нихъ пропавшаго ребенка. Всѣ должны ее счесть за сумасшедшую.

Маделонъ занимаетъ въ домѣ особенное положеніе, изъ котораго вытекаютъ разныя событія.

Цыганка навлекла на себя подозрѣніе и по пути къ судьѣ обнаруживаетъ немалый страхъ.

Маделонъ продала или передала двухъ дѣтей цыганкѣ и распустила слухъ, что они погибли во время пожара.

Аделаида оставалась у цыганки до двѣнадцати лѣтъ. Сентъ-Фуа ужъ на десятомъ году бѣжалъ отъ нея, пробывъ у нея пять лѣтъ. Появленіе его въ родномъ городѣ и переселеніе къ Нарбонну. Это случилось, когда ему было четырнадцать лѣтъ; онъ сталъ такимъ образомъ девятью годами и старше съ тѣхъ поръ, какъ потерялся. Понятно, что онъ не узналъ родныхъ мѣстъ, какъ и его здѣсь никто не узналъ.

Аделаида, тотчасъ же разлученная съ братомъ, оставалась у цыганки до тѣхъ поръ, пока не начала приходить въ возрастъ. Тутъ постоянная борьба съ преслѣдованіями осаждавшихъ ее мужчинъ принудила ее къ бѣгству. Прибытіе ея на родину и знакомство съ Сентъ-Фуа... Пѣсенка

Маделонъ и цыганка. Должны-ли онѣ видѣться до встрѣчи на судѣ?

Нарбоннъ съ ужасомъ узнаетъ о скоромъ прибытіи капитана, владѣющаго его тайной.

Приходитъ Понтисъ и сообщаетъ, что Сентъ-Фуа и Аделаида признали другъ въ другѣ брата и сестру, что цыганка получила обоихъ дѣтей шестнадцать лѣтъ тому назадъ и т. д., что...

Аделаида у ногъ Понтиса молитъ его освободить ее отъ этой ужасной женщины-цыганки, выдающей себя за ея мать. Ужъ лучше тюрьма или смерть.

Спрашиваютъ цыганку, ея-ли это дочь?

Она отвѣчаетъ: нѣтъ, — ей было дано двое дѣтей.

Куда-же дѣлось второе дитя?

Братъ ея взялъ его съ собой въ Испанію, но, по дошедшимъ до нея слухамъ, ребенокъ умеръ въ Бискайѣ.

Сентъ-Фуа пораженъ. Онъ задаетъ нѣсколько вопросовъ.

Онъ заявляетъ, что онъ и есть тотъ, о комъ идетъ рѣчь.

Братъ и сестра узнаютъ другъ друга.

Нарбоннъ вмѣшивается и старается замять все дѣло. Но Понтисъ во чтобы то ни стало хочетъ выказать свою энергію и проницательность и добиться истины. Онъ вспоминаетъ о драгоцѣнности.

Злополучное письмо отъ капитана, извѣщающаго о своемъ прибытіи. Нарбоннъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобъ остановить дѣятельность правосудія.

ъ предлагаетъ Сентъ-Фуа и остальтайное бѣгство, отъ котораго тѣ отются.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

аделонъ видитъ цыганку и узнаетъ й ту самую, которой она передала Та же не должна ее видѣть).
делонъ терзается угрызеніями совѣсти.
олько обнаруживается происхожденіе -Фуа, она жадно схватывается за этотъ і, чтобъ возвратить одному изъ дѣ-, что ему принадлежитъ. По этому сцена съ Нарбонномъ.
а хочетъ, чтобы онъ усыновилъ Сентъназначилъ его своимъ наслѣдникомъ.
жетсяейсчастливымъиединственнымъ ъмъ. Нарбоннъ въ большомъ затруд- Онъ долженъ все обѣщать, но твердо енъ ничего не исполнить.
рбонну некогда долго разбирать сред- Ему приходитъ на умъ извести Маь, что онъ и спѣшитъ осуществить пѣ. Но она не сразу умираетъ и успѣеще облегчить свою совѣсть, растайну свою третьему лицу. Она умине сразу, и обстоятельство это явл для Нарбонна ударомъ рока, котораго можетъ предотвратить. Или, быть моему, дѣйствительно, удается немедубить ее, но самое это убійство роъ образомъ ускоряетъ разоблаченіе . Въ то-же время можетъ выясниться кожденіе обоихъ дѣтей. Толпа ствомъ вводитъ ихъ къ Нарбонну разъ въ ту минуту, когда свершилось во. Онъ долженъ признать дѣтей. Но великодушны и настаиваютъ на томъ, онъ остался полнымъ хозяиномъ и ателемъ всего имущества, предостаимъ только право наслѣдованія. Дѣло ы начинаетъ принимать благопріятоборотъ.

Смерть Маделонъ можетъ быть объяснена самоубійствомъ.

Сводница.

Куда дѣлся на самомъ дѣлѣ драгоцѣнный уборъ?

Полицейскія открытія разростаются, принимая угрожающіе размѣры.

Вводятъ капитана.

Задерживаютъ сводницу, которая содѣйствуетъ раскрытію личности Аделаиды.

Убійцѣ (Пьера Нарбонна) можетъ быть извѣстна секретная дверь въ комнату Луи Нарбонна. При ея помощи онъ тайно пробрался сюда, увидѣлъ лежавшій здѣсь драгоцѣнный уборъ и, захвативъ его съ собой, удалился. Онъ оставилъ Нарбонну записку, гдѣ въ краткихъ словахъ извѣщаетъ, что онъ пускается теперь въ дальній путь: ему надо бѣжать вслѣдствіе совершеннаго недавно убійства. Однако, онъ былъ задержанъ во время этого бѣгства, все благодаря рвенію полиціи.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Нарбоннъ находитъ въ своей комнатѣ слѣды пребыванія убійцы.

Понтисъ съ торжествомъ возвѣщаетъ о найденной драгоцѣнности.

Нарбоннъ тщетно ищетъ спасенія въ бѣгствѣ.

Очная ставка Нарбонна съ убійцей.

Маделонъ и разоблаченіе его любовной тайны.

Нарбоннъ безуспѣшно посягаетъ на свою жизнь.

Съ него окончательно сорвана маска, и онъ преданъ суду.

Аделаида.

Сцена между Шарло и Викторіей заканчиваетъ собою пьесу.

Р. Венгерова.

„ДИМИТРІЙ“.

I.

Кто изъ посѣтителей Вѣчнаго города не восхищался знаменитымъ *торсомъ* Геркулеса (Torso del Belvedere), однимъ изъ рѣдкихъ сокровищъ Ватиканскаго музея?. Съ обломанными ногами, безъ рукъ и головы, фигура Амфитріонова сына даже и въ такомъ жалкомъ состояніи поражаетъ зрителя глубиною замысла и силою экспрессіи; отъ нея такъ и вѣетъ благородствомъ мысли, энергіей жизни. Великое произведеніе остается великимъ даже въ искаженномъ, изувѣченномъ видѣ.

Въ ряду драматическихъ произведеній Шиллера есть одна трагедія, за которою въ нѣмецкой литературѣ прочно установилось названіе литературнаго „торса“—его „Димитрій“, хотя въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ работой, обезображенной временемъ или рукою варвара, сколько съ произведеніемъ, оставшимся неоконченнымъ за преждевременною смертью автора. Поэтъ успѣлъ написать всего лишь два акта, да и то не отдѣлавъ ихъ, какъ слѣдуетъ; остальные три не болѣе, какъ простые наброски, предварительная разработка литературнаго матеріала, черновые эскизы, гдѣ поэтъ только еще расправляетъ свои крылья въ соотвѣтствіи съ поэтическимъ полетомъ творческой фантазіи. И тѣмъ не менѣе какое крупное произведеніе, какая печать зрѣлаго генія лежитъ на всемъ!.. По своему драматизму, „Димитрій“, говоритъ Гетнеръ, есть одно изъ величайшихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ. Характеры, положенія дѣйствующихъ лицъ, развитіе и судьба главнаго героя роднятъ эту трагедію съ „Фіеско“ и съ „Валленштейномъ“, а мастерство въ обработкѣ разнообразнаго и сложнаго матеріала и искусство, проявленное въ сплетеніи, ходѣ и развитіи дѣйствія—во многомъ напоминаютъ „Орлеанскую дѣву“.

Поэзія очень не многихъ писателей носитъ такой космополитическій, такой отрѣшенный отъ національности характеръ, какъ у Шиллера. Его генію доступно было пониманіе духовной жизни чуть ли не всѣхъ народностей земного шара, и въ трагедіяхъ великаго нѣмецкаго поэта лучшее свидѣтельство того, какъ умѣлъ онъ силою своего творчества вскрыть эту жизнь. Его „Мессинская невѣста“ вводитъ насъ въ античное міросозерцаніе; исторіи Италіи и Испаніи воспроизведены въ „Донъ-Карлосѣ“ и „Фіеско“; Франціи и Англіи—въ „Орлеанской Дѣвѣ“, „Варбекѣ“ и „Маріи Стюартъ“: Швейцаріи—въ „Вильгельмѣ Теллѣ“. Но міръ античный и міръ германо-романскій были все еще слишкомъ тѣсны для поэтическаго размаха и полета фантазіи Шиллера: на преждевременномъ закатѣ своихъ дней

кій поэтъ задумалъ завершить циклъ
авной дѣятельности новымъ произ-
ъ, на этотъ разъ на тему изъ жизни
ихъ народностей, русской и поль-

„Димитрія“ навѣяна чтеніемъ
евека „Histoire de Russie“ во вто-
изданіи (1800), быть можетъ, не
язи съ приготовленіями, дѣлавши-
ту пору въ Веймарѣ къ предстоя-
адьбѣ наслѣднаго принца Карла
а съ великой княжною Маріей
ой. Свадьба эта, весьма естест-
ызвала въ мѣстномъ обществѣ нѣ-
интересъ къ Россіи, благодаря чему,
), и книга французскаго писателя
ила для Шиллера незамѣченною.
ъ, не разгаданная и трагическая
несчастнаго Самозванца сама по
е могла глубоко залечь въ чуткой
эта. Шиллеру вообще были по душѣ
съ заговорами, государственными
тами и разными трагическими кон-
и подобнаго рода. Въ этомъ, можетъ
казывался до извѣстной степени
духъ времени, то стремительное
, что охватило европейское обще-
II стол. на почвѣ борьбы историче-
рава съ правомъ естественнымъ,
порядка съ новыми идеями и во-
аго возстанія противъ наслѣдствен-
сти во имя свободы и права на
жизнь. Въ „Димитріи“ ставится во-
законныхъ правахъ претендента на
, противополагается право избира-
праву наслѣдственному, патріар-
еспотическій образъ правленія рес-
—все такія темы, которыя отнюдь
азвать новыми или необычными въ
ъ произведеніяхъ Шиллера. Не за-
что въ послѣдніе годы жизни, т. е.
новременно съ „Димитріемъ“, Шил-
работывалъ совершенно аналогичу
у—„Варбекъ“, гдѣ главнымъ дѣй-
мъ лицомъ является тоже самозва-

въ 1802 г. трагическій эпизодъ
исторіи рисовался воображенію поэ-
ормѣ „Кровавой свадьбы въ Москвѣ“
luthochzeit zu Moskau“); но только
спустя, по окончаніи „Вильгельма
февраль 1804), складывается у него
серьезное рѣшеніе. Подъ 10 марта
Шиллеръ занесъ въ свой дневникъ:
чательно остановился на Димитріи“
m Demetrius entchlossen). Къ сожа-
поэта впереди оставался съ не-
большимъ всего одинъ годъ жизни, да и
тутъ значительную часть времени пришлось
удѣлить на другія литературныя работы и,
въ особенности, на борьбу съ физическими
недугами. Болѣзнь, иногда на цѣлые мѣсяцы
и недѣли вырывавшая перо изъ рукъ Шил-
лера, не помѣшала однако ему проявить
кипучую дѣятельность въ предварительной
обработкѣ намѣченной темы: онъ изучаетъ
историческій матеріалъ, бытовую обстановку,
въ какой должно было развиваться драма-
тическое событіе, собираетъ данныя о зда-
ніяхъ, костюмахъ, монетахъ, составляетъ
генеалогическія таблицы, записываетъ рус-
скія пословицы и поговорки, отмѣчаетъ, какъ
выглядятъ казаки и каковы особенности ихъ
общественной жизни, старается выяснить
себѣ представленія, сложившіяся у русскаго
народа о царѣ и о царской власти, знако-
мится съ политическимъ устройствомъ
Польши, дѣлаетъ выписки самаго разно-
образнаго характера, относящіяся до исто-
ріи, культуры, географіи и топографіи;
даетъ характеристики, намѣчаетъ вопросы,
требующіе разъясненія, высказываетъ со-
браженія относительно декорацій, театраль-
ныхъ эффектовъ той или иной сцены и т. д.,
и т. д. Вообще Шиллеръ работалъ надъ
своей трагедіей, не покладая рукъ; но не-
умолимая смерть уже сторожила его: онъ
умеръ въ самомъ разгарѣ работы, далеко
не доведя ее до желаннаго конца. Однако
и въ предсмертной агоніи Шиллеръ про-
должалъ бредить своимъ „Димитріемъ“,
скандировалъ изъ него отдѣльныя строфы,
какъ бы желая и на краю могилы удержать
тѣ образы, какими жилъ за послѣдніе мѣ-
сяцы. Монологъ царицы Маріы во 2-мъ
актѣ былъ послѣднею грезой о томъ надз-
вѣздномъ мірѣ поэзіи и прекраснаго, въ
которомъ всегда витала возвышенная душа
Шиллера: въ день смерти, 9 мая 1805 г.,
монологъ этотъ былъ найденъ на письмен-
номъ столѣ великаго поэта.

II.

Шиллеръ далеко не первый обрабаты-
валъ тему о Димитріи. Еще въ самомъ
началѣ XVII стол. знаменитый испанскій
драматургъ *Лопе де Вега* написалъ „El gran
duque de Moscovia y emperador persequido“.
Драма напечатана въ 1617 г., событія до-
ведены въ ней только до смерти Бориса и
остается не совсѣмъ яснымъ, почему авторъ
какъ бы сознательно отказался отъ такихъ

Современный портретъ Димитрія Самозванца, работы Луки Киліана. Гравированъ въ 1606 году.

Ὀρκ ἀφῆκεν αὐτὸν, ἕως ἠνέγκεν αὐτῷ σκῆπτρα βασιλείας
ἐξουσίαν τυραννούντων αὐτοῦ· ψευδεῖς δὲ ἔδειξε τοὺς μω-
μησαμένους αὐτὸν, καὶ ἔδωκεν αὐτῷ δόξαν αἰώνιον. σοφ.

Admiratione virtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
Scalpsit Lucas Kilianus Augustæ Vind. An. MDCVI

Современный портретъ Димитрія Самозванца, работы Луки Киліана. Гравированъ въ 1606 году.

вается *Маржеретъ* [1]). Вотъ его главныя положенія:

Опасность, грозившая малолѣтнему Димитрію отъ Годунова, заставила мать царевича и приверженныхъ къ ней бояръ подмѣнить ребенка, воспитывая въ тайнѣ отъ постороннихъ глазъ, такъ что въ Угличѣ убитъ былъ не онъ, а другой мальчикъ. Димитрій не Гришка Отрепьевъ; тотъ и другой два разныхъ лица, совмѣстно бѣжавшихъ въ Польшу отъ преслѣдованій Бориса. Иноземцемъ Димитрій быть не могъ: по-русски выражался онъ совершенно правильно, какъ нельзя лучше, насмѣшки же надъ нравами и обычаями русскихъ не представляютъ ничего удивительнаго въ человѣкѣ, который видѣлъ „большой свѣтъ“ и, живя въ Польшѣ, могъ ознакомиться съ лучшими сторонами просвѣщенія и образованности. Будь онъ замозванецъ, король польскій едва ли бы рѣшился содѣйствовать ему, а безъ согласія короля не могли бы помогать ему и поляки. Только увѣренностью въ царскомъ своемъ происхожденіи можно объяснить то „пренебреженіе, съ какимъ Димитрій игнорировалъ представлявшіеся ему случаи привлечь къ себѣ сердца новыхъ подданныхъ, то неизъяснимое величіе“, какое виднѣлось въ его взорѣ, та рѣшимость съ ничтожными средствами бороться съ государемъ, располагавшимъ такою грозною силою, какая находилась въ распоряженіи Бориса. Димитрій не побоялся ни полчищъ Годунова, ни того, что вдова Ивана Грознаго можетъ отвергнуть его, какъ сына, и тѣмъ разбить весь его замыселъ. Если бы это было не такъ, замѣчаетъ Маржеретъ, то отчего же Борисъ, называя Димитрія обманщикомъ, не допросилъ всенародно инокиню Марѳу, чтобы дать возможность всѣмъ убѣдиться въ истинномъ происхожденіи своего врага? Отчего, когда Димитрія низвергли, его поторопились убить, а не уличили передъ народомъ во лжи, не заставили объясниться? Отчего Василій Шуйскій выдумывалъ на него разнаго рода клеветы, вродѣ намѣренія предать Россію полякамъ и пр.? Все это, взятое вмѣстѣ, по мнѣнію Маржерета, говоритъ въ пользу Димитрія и потому заставляетъ автора категорически высказаться за его *подлинность*.

Годъ спустя послѣ Маржерета нѣкій *Гревенбрухъ* также взялся защищать мысль объ истинномъ происхожденіи Димитрія [1]); отстаиваютъ ее и *анонимный* авторъ, писавшій еще при жизни Димитрія [2]), вышеупомянутый французъ *Де ла Рошель*, въ романѣ, спеціально посвященномъ личности Самозванца [3]), нѣмецкій профессоръ *Трейеръ* въ исторіи Московскаго княжества [4]), трудѣ компилятивномъ, опиравшемся, въ опредѣленіи личности Димитрія, по собственному заявленію автора, главнымъ образомъ на показанія Маржерета и Гревенбруха, и, наконецъ, *Левекъ* [5]).

Послѣдній трактуетъ свой предметъ съ живостью и убѣжденіемъ истиннаго француза. Подобно Маржерету, онъ не только утвердительно высказывается въ пользу Димитрія, но и приводитъ цѣлый рядъ соображеній въ доказательство своей мысли. Эта защита ведется въ духѣ Маржерета, въ данномъ вопросѣ, несомнѣнно, оказавшаго извѣстное вліяніе на точку зрѣнія автора. Левекъ однако не ограничивается однимъ подражаніемъ, но, идя въ намѣченномъ направленіи, вноситъ (къ слову сказать, не безъ успѣха) и самостоятельную разработку въ этотъ вопросъ. Къ тому же Левекъ писалъ въ ту пору, когда противоположный взглядъ на Димитрія былъ уже до извѣстной степени обоснованъ въ вышеназванномъ трудѣ Миллера, что въ свою очередь отразилось и на содержаніи, и на полемической формѣ нѣкоторыхъ страницъ книги французскаго писателя.

Миллеръ утверждалъ, въ противность другимъ заявленіямъ, что убійство никоимъ образомъ не могло произойти ночью, и что на этомъ нельзя строить подмѣны одного ребенка другимъ: неужели, говоритъ онъ, Битяговскій, мамка и ея сынъ, такъ хорошо знавшіе царевича въ лицо, могли бы ошибиться и не знали, кого убивали? Точно также безпочвенно утвержденіе, будто бы у Димитрія-царя и у Димитрія-царевича, у

[1]) **Estat** de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie. Paris 1607.

[1]) Tragoedia Moscovitica, sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio, ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Coloniae Agrippinae apud Gerardum Grevenbruch. Два изданія 1608 и 1609 г. г. Остается неизвѣстнымъ, былъ ли этотъ Гревенбрухъ авторомъ или только издателемъ книги, или же, наконецъ, хозяиномъ той типографіи, гдѣ она печаталась.

[2]) Reliquiae Moscorum. Tom. VI. Сравн. Миллеръ стр. 184.

[3]) Le Zar Démétrius. Histoire Moscovite. Paris 1714.

[4]) Einleitung zur Moscovitischen Historie. Helmstadt 1720.

[5]) Historie de Russie. Tome troisième. Paris MDCCLXXXII.

обоихъ, имѣлись на щекѣ бородавки и одна рука была длиннѣе другой. Признаніе Самозванца царицею Маѳою нисколько еще не говоритъ въ пользу претендента: царицу могли понудить къ тому разныя побужденія, а послѣдующій отказъ Маѳы отъ Димитрія совершенно аннулируетъ ея первое заявленіе. Точно также оспариваетъ Миллеръ и свидѣтельство Маржерета о Григоріи Отрепьевѣ и Димитріи, какъ о двухъ разныхъ лицахъ; по его мнѣнію, это одно и то же лицо, доказательства чему петербургскій академикъ находитъ въ источникахъ русскаго происхожденія.

Можно ли однако положительно утверждать, что царевичъ Димитрій былъ, дѣйствительно, убитъ въ Угличѣ? спрашиваетъ въ свою очередь Левекъ: злодѣевъ, пролившихъ кровь 15 мая 1591 г., толпа растерзала почти тотчасъ. Говорятъ, церковный пономарь былъ свидѣтелемъ злодѣянія, но кто засвидѣтельствовалъ его показаніе? Да и существовалъ ли вообще этотъ самый свидѣтель? Борисъ старательно смелъ всѣ слѣды и обстановку ужаснаго событія. По словамъ Маржерета, въ Россіи соблюдали о немъ такую тайну, что было крайне затруднительно добиться истины тѣмъ, кто не видѣлъ совершившагося собственными глазами. Довѣрять показаніямъ Шуйскаго и Клекшина, посланныхъ въ Угличъ для разслѣдованія, нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что тѣло убитаго, обезображенное ранами, не будучи набальзамировано, должно было ко времени пріѣзда слѣдователей стать совершенно неузнаваемымъ. Что открыли Шуйскій съ Клекшинымъ, къ какимъ заключеніямъ сами они пришли, остается положительно неизвѣстнымъ. Если по возвращеніи въ Москву они разглашали басню, заранѣе сговорившись на счетъ ея съ Годуновымъ, то впослѣдствіи имъ уже нельзя было возстановить истины безъ риска навлечь на себя обвиненіе въ плутнѣ и сознательномъ обманѣ.

Предположимъ, продолжаетъ Левекъ, что, будучи въ Угличѣ, они убѣдились въ спасеніи царевича — въ интересахъ Бориса было скрывать этотъ фактъ и поддерживать уже успѣвшій распространиться слухъ о смерти Димитрія, въ ожиданіи той минуты, когда убѣжище мальчика будетъ открыто и явится возможность нанести второй ударъ, болѣе вѣрный. Подробности дѣла, безъ сомнѣнія, ускользнули даже отъ жителей Углича: тѣмъ не менѣе они все еще знали болѣе, чѣмъ это было желательно, а потому многіе поплатились ссылкой. Во все царствованіе Ѳедора, а затѣмъ Бориса малѣйшее любопытство касательно судьбы молодого Димитрія было крайне рискованно: слѣдовало вѣрить тому, что онъ самъ наложилъ на себя руки. Впослѣдствіи ложный или истинный Димитрій вступилъ на престолъ, и въ свою очередь нельзя было сомнѣваться, что это царевичъ, сынъ Ивана. Наконецъ, въ царствованіе Василія Шуйскаго значило зарекомендовать себя плохимъ подданнымъ, если не вѣрить, что этотъ самый царевичъ въ дѣтствѣ былъ убитъ по приказанію Годунова. Такимъ образомъ обиліе субъективныхъ мотивовъ постоянно мѣшало спокойному раскрытію истины: въ концѣ концовъ отъ нея осталось такъ мало слѣдовъ, что о полномъ возстановленіи ея теперь нечего и думать.

Между тѣмъ допустить избавленіе царевича отъ рукъ Бориса вполнѣ возможно, хотя проникнуть пути, какими онъ спасся, было бы тщетной попыткой. Что удивительнаго въ томъ, что Димитрій скрывался подъ именемъ боярскаго сына и какъ таковой принялъ иноческій обѣтъ? Выставлять его послушникомъ Чудова монастыря еще не значитъ опровергать царское происхожденіе. Утверждаютъ, будто бы сходство монаха Григорія съ покойнымъ царевичемъ навело перваго на мысль объявить себя сыномъ Ивана Грознаго. Но, замѣчаетъ по этому поводу Левекъ, я видѣлъ его портретъ сохраняющимся или, вѣрнѣе говоря, заброшеннымъ въ петербургской Академіи Наукъ — широкій лобъ, короткое лицо, толстыя губы, двѣ крупныхъ бородавки на правой щекѣ — все это придаетъ физіономіи такой отпечатокъ индивидуальности, что трудно допустить, чтобы природа могла дважды проявить себя съ такою точностью и однообразіемъ.

Самое главное и неопровержимое свидѣтельство въ пользу Димитрія—это его мать, и она высказалась за него открыто, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа. Говорятъ, она признала его изъ страха смерти; но возможно ли обвинять въ такой низости ту, кого исторія не вправѣ упрекнуть ни въ чемъ дурномъ?... Будь Димитрій сознательнымъ обманщикомъ, какъ осмѣлился бы онъ показаться на глаза царицѣ, вдовѣ Грознаго, бравировать ея присутствіемъ на виду народа, бояръ?... Надо было быть слишкомъ дерзкимъ или вѣрнѣе безразсуднымъ, чтобы ставить на карту все

свое положеніе, опираясь на такой шаткій разсчетъ, какъ страхъ и удрученное состояніе царицы; допускать же, что Димитрій посылалъ къ ней довѣренныхъ лицъ уговаривать признать его сыномъ, пугая ее разными угрозами и обольщая наградами, влагать въ его уста фразы вродѣ такихъ: „я злодѣй, обманувшій народъ. Истинный царевичъ въ могилѣ, я же ничтожество, принявшее его имя съ цѣлью завладѣть престоломъ. Отыщи его мать, царицу, заставь ее признать меня своимъ сыномъ и употреби всѣ средства достичь этого"— допускать такія рѣчи возможно лишь въ плохихъ трагедіяхъ, но отнюдь не въ жизни.

Однако царица Марѳа впослѣдствіи отрекалась отъ Самозванца? Но такъ ли? Откуда это извѣстно? Отъ Шуйскаго и его сторонниковъ, въ чьихъ интерасахъ было настаивать именно на такой, а не иной версіи. Отъ Шуйскаго нельзя ожидать правды: онъ достаточно проявилъ свою лживость еще во время слѣдствія 1591 г. Маржеретъ утверждаетъ, что Отрепьевъ не былъ Димитріемъ, но что первый увелъ второго въ Польшу и вернулся съ нимъ обратно въ Россію. Это былъ пьяница, человѣкъ наглый, и Димитрій вынужденъ былъ сослать его въ Ярославль. По смерти Димитрія Отрепьевъ продолжалъ утверждать царское происхожденіе его. Привезенный, по приказанію Шуйскаго, въ Москву, онъ съ той поры совершенно исчезаетъ изъ виду.

Но если даже и допустить, что лицо, царствовавшее подъ именемъ Димитрія, родилось не для трона, во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ, достойный его. Левекъ ссылается на свидѣтельство Маржерета: Димитрій отличался умомъ, ловкостью, силой; вспыльчивый, онъ умѣлъ себя сдерживать; милосердіе было отличительной чертой его характера. Благородный, одушевленный мыслью о славѣ, полный желанія оставить по себѣ добрую память, Димитрій былъ способенъ на великія дѣла. Я придаю, говоритъ Левекъ, большое значеніе тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены мною противъ самозванства Отрепьева, однако рѣшить самый вопросъ не берусь. Чтобъ судить вполнѣ основательно, необходимо имѣть данныя, а они, вѣроятно, погибли навсегда. Но по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что не прости этотъ ложный или истинный Димитрій Шуйскаго послѣ перваго заговора, удайся ему вообще разстроить замыслы своихъ враговъ и царствуй послѣ него его потомки—никто бы не сомнѣвался въ законности его власти, и по сей день возносились бы къ небу благодарственныя молитвы за счастливое избавленіе царевича отъ нѣкогда грозившей ему опасности.

IV.

Такова въ общихъ чертахъ была литература о Самозванцѣ въ ту пору, когда Шиллеръ писалъ своего „Димитрія". Изъ всего названнаго поэтъ воспользовался сочиненіями Олеарія, Трейера, Миллера и Левека,—безспорно, лучшимъ и наиболѣе полнымъ изъ того, что могло подлежать его выбору: остальной матеріалъ, въ основныхъ чертахъ, и безъ того былъ внесенъ въ сочиненія сейчасъ названныхъ писателей. Шиллеръ прибавилъ къ нимъ еще только пятое сочиненіе „Описаніе Польши" англійскаго доктора *Конвора* [1]), цѣнное для него главнымъ образомъ по даннымъ о бытовой и политической жизни польскаго общества.

Такимъ образомъ, создавая своего героя, поэтъ долженъ былъ неизбѣжно считаться съ двумя противоположными, взаимно исключающими одно другое мнѣніями, съ двумя непримиримыми крайностями. Въ данномъ случаѣ представляется излишнимъ выяснять, насколько убѣдительны были эти мнѣнія; для поэта и то, и другое имѣло значеніе лишь *фактическаго* матеріала; чутье же художника подсказало наилучшій выходъ, а творческій талантъ въ самыхъ этихъ крайностяхъ открылъ данныя для художественной концепціи и созданія величественнаго, истинно трагическаго образа. Сознательный проходимецъ, основывающій свое счастье на одномъ нагломъ обманѣ и грубо своекорыстныхъ разсчетахъ, конечно никогда не могъ стать героемъ Шиллера; съ другой стороны, даже допуская „подложность" Димитрія, нельзя было закрывать глаза на цѣлый рядъ фактовъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствовавшихъ искреннему убѣжденію въ спасеніи царевича, причемъ увѣровать могла не только толпа, но и самъ „спасенный" Обильный матеріалъ въ такомъ именно духѣ нашелъ Шиллеръ у Левека и мастерски воспользовался имъ для своей трагедіи.

[1]) Beschreibung des Königreichs Polen und Gross-Hertzogthums Litthauen, Durch D. Bernard Connor, medicum in London, vormahls Leib-Medicum Königs Johannis III in Polen. Aus dem Englischen übersetzet. Leipzig 1700.

Шиллеровскій Димитрій не сынъ Ивана Грознаго, но онъ глубоко вѣруетъ въ свое царственное происхожденіе и чуждъ малѣйшаго сомнѣнія на счетъ законности своихъ правъ на русскій престолъ. Все вокругъ него способствуетъ укрѣпленію этой вѣры: помощь поляковъ, убѣжденіе русскихъ. Димитрій вѣритъ въ себя, и въ него вѣритъ весь міръ. Къ тому же это личность по истинѣ царственная, въ счастьи, равно и въ несчастьи, полная безстрашія, благородства, самодостоинства. Монастырскія стѣны давятъ его; цѣль его жизни—вернуть законное наслѣдіе, похищенное Борисомъ, и къ этой цѣли ведетъ его само Небо. Вотъ почему такъ убѣжденно звучитъ его рѣчь передъ польскими магнатами и шляхтой; вотъ почему такъ заразительно дѣйствуютъ его слова и увлекаютъ слушателей.

Дѣйствіе открывается блестящей картиною краковскаго сейма; Димитрій среди величественныхъ и исполненныхъ собственнаго достоинства польскихъ епископовъ, сенаторовъ и земскихъ пословъ разсказываетъ приключенія своей жизни, увѣренно восклицая:

Неправда: царь одинъ московскій—я!—

это картина, полная неподдѣльнаго драматизма, одна изъ самыхъ сильныхъ во всей трагедіи, сразу художественно обрисовывающая положеніе дѣла. Димитрій проситъ о поддержкѣ, но въ его словахъ слышится голосъ, умѣющій не только просить. Безусловная вѣра въ самого себя, въ правоту своего дѣла идетъ рука объ руку съ политическимъ идеализмомъ, который заставляетъ его произнести такія слова:

А есть ли что правдивѣе на свѣтѣ,
Какъ храбрый, независимый народъ?
Верховной властью древле облеченный,
Онъ самъ свои дѣянья повѣряетъ,
И преклоняетъ ухо ко всему,
Что человѣчно.

Такъ говоритъ онъ, мотивируя свою надежду найти справедливость и защиту; и тотъ же Димитрій, чтобъ лучше обезпечить себѣ эту защиту, не задумывается поддѣлаться подъ самыя грубыя страсти толпы, потакая ея низменнымъ инстинктамъ, и обѣщаетъ богатую добычу всѣмъ, кто поможетъ ему овладѣть Москвою:

Кто въѣдетъ въ Кремль за мной, такъ—вотъ клянусь—
Тотъ въ бархатѣ, шелку и соболяхъ,
И въ жемчугахъ ходить по буднямъ будетъ,
А серебромъ подкуй коня, кто хочетъ...

Вторая сцена 2-го акта изображаетъ намъ Димитрія готовымъ переступить „рубежъ земли московской". Юноша охваченъ чистою радостью, видя желанныя поля и равнины своей родины, и вмѣстѣ съ тѣмъ сердце его щемитъ мысль, что своимъ появленіемъ онъ вноситъ войну со всѣми ея ужасами и несчастьемъ:

Прости меня, прости, земля родная,
. . . . . .
Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ
Я въ мирный храмъ насильственно вхожу.

Но онъ долженъ идти: онъ единственный и послѣдній отпрыскъ династіи, и это налагаетъ на него особенныя обязанности.

Столкновеніе съ войскомъ Бориса, хотя на первый разъ и неудачное, оканчивается для Димитрія успѣхомъ: полководцы правительственной арміи передаются на его сторону; Димитрій доходитъ до Тулы и, кажется, никогда еще будущее такъ не улыбалось ему, какъ теперь. Небывалое счастье кружитъ ему голову; сердца всѣхъ людей, полныя надеждъ, склонились на его сторону; для нихъ это свѣтлое, радостное солнце, вновь озарившее русскую землю, онъ идолъ народный; его одѣваютъ въ царскую одежду, и съ этой минуты осуществляется мечта его жизни: онъ становится *царемъ* для своихъ подданныхъ.

Но именно когда Димитрій чувствуетъ себя на вершинѣ счастья, судьба готовитъ ему тяжелый ударъ: убійца истиннаго царевича открываетъ ему всю правду, сообщая, насколько тотъ обманывается, считая себя за дѣйствительнаго сына Ивана: истинный Димитрій въ могилѣ; его убійца, видя, что вмѣсто ожидаемой награды царь Борисъ ему же угрожаетъ смертью, пылая мщеніемъ, подыскалъ мальчика, схожаго чертами лица съ покойнымъ царемъ Иваномъ, надѣлъ на него золотой крестъ, снятый имъ самимъ съ убитаго царевича, и отдалъ ребенка на воспитаніе въ монастырь, посвятивъ игумена въ свою тайну. Такимъ образомъ теперешній Димитрій—подкидышъ, не болѣе. Извѣстіе это порождаетъ въ душѣ Димитрія цѣлую бурю: „Ты, говоритъ онъ, смертельно поразилъ мое

Современный портретъ Димитрія Самозванца. Прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

Современный портретъ Димитрія Самозванца. Прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

сердце, ты отнялъ у меня вѣру въ самого себя. Прощай, мое мужество, мои надежды! Охваченный ложью, въ разладѣ съ самимъ собою, теперь я не болѣе, какъ врагъ людей, и отнынѣ я и правда,—мы разошлись навѣки"... Душевное равновѣсіе покидаетъ Димитрія; возмущенный требованіемъ награды, онъ тутъ же убиваетъ вѣстника ужаснаго факта.

Но что дѣлать ему самому? Откажется ли онъ отъ своей цѣли?... О, нѣтъ, теперь ему уже нельзя отступать назадъ: жизнь его друзей и сподвижниковъ поставлена на карту. Народъ вѣритъ въ него, и можетъ ли онъ, Димитрій, ввергнуть его въ несомнѣнную пучину бѣдъ?—а это неизбѣжно случится, если онъ отступитъ. И почему онъ не можетъ, даже и не будучи истиннымъ царевичемъ, все же оказать благодѣяніе своей странѣ? Развѣ не мечталъ онъ освободить крестьянъ отъ крѣпостного ига? Подобно Фіеско и Валленштейну, Димитрій достигаетъ власти не изъ низкихъ личныхъ побужденій,—нѣтъ, имъ двигаетъ сила, составляющая удѣлъ великихъ, возвышенныхъ натуръ. Какъ Фіеско, который при видѣ города, облитаго утреннею зарею, сбрасываетъ съ себя нерѣшительность и принимаетъ рѣшеніе домогаться короны, хотя бы путемъ обмана и лицемѣрія; какъ Валленштейнъ передъ рѣшающимъ разговоромъ съ Врангелемъ, обсуждая самъ съ собою безвыходное положеніе, въ какое онъ попалъ, признаетъ, что возврата для него болѣе уже не существуетъ,—такъ точно и Димитрій въ разгарѣ колебаній приходитъ къ убѣжденію, что онъ долженъ царствовать. И, подобно Фіеско и Валленштейну, онъ рѣшается на преступленіе не изъ мелочнаго эгоизма, а изъ благороднаго движенія души, на благо родины и народа.

Однако благородная цѣль должна осуществляться лишь благородными средствами. Пока Димитрій вѣритъ въ себя—онъ остается человѣкомъ, достойнымъ полнаго уваженія и симпатіи; но когда желанная цѣль достигнута, оказывается, роковая сила овладѣла героемъ, право превращая въ безправіе. Въ концепціи Шиллера намъ слышатся отдаленные отзвуки античнаго пониманія человѣческой судьбы. Трагическій фатумъ влечетъ Димитрія отъ счастія къ несчастью; наряду съ самымъ возвышеннымъ въ человѣкѣ уживается и самое дурное: злыя силы только подавлены, притуплены, но не искоренены; настанетъ благопріятный моментъ, и онѣ проснутся, злорадно подднявъ голову, и, овладѣвъ человѣкомъ, неумолимо поведутъ его къ гибели [1]). Стоило Димитрію потерять вѣру въ свое происхожденіе, и онъ становится тираномъ, простымъ обманщикомъ. Первою его жертвою падаетъ тотъ, кто открылъ ему правду, потомъ Димитрія увлекаютъ страсти другихъ; временами онъ то необдуманно попираетъ завѣты праотцевъ, то становится причудливымъ деспотомъ.

Но какъ ни глубоко падаетъ Димитрій, онъ все же не потерялъ вполнѣ нашихъ симпатій. Мы не можемъ ему не сочувствовать въ его нѣжной (въ противоположность исторической дѣйствительности) страсти къ Ксеніи, дочери царя Бориса, къ которой его влечетъ нравственная сила, проявленная этою свѣтлою дѣвушкою въ минуты несчастья; не можемъ не сочувствовать ему, видя его любовь отвергнутой, особенно когда сердечная рана еще усилена циничнымъ признаніемъ честолюбивой Марины, заявившей Димитрію, тотчасъ послѣ вѣнца, что она никогда не считала его истиннымъ царевичемъ, но выходила замужъ по однимъ личнымъ разсчетамъ.

Шиллеру удается до конца сохранить трагическое величіе въ своемъ героѣ. Послѣднія минуты Димитрія, опять таки въ противность исторіи, не заключаютъ въ себѣ ничего для него постыднаго или безславнаго. Уязвленный Мариною, Димитрій находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ сознаніи, что есть однако сердце, никогда не переставшее биться за него—это Лодоиска, дочь самборскаго кастеляна, пославшая въ Москву своего брата Казиміра охранять ея возлюбленнаго и до конца быть его вѣрнымъ защитникомъ. Любовь Лодоиски пробуждаетъ въ Димитріи прежнія мечты, полныя свѣтлыхъ надеждъ, трогательную тоску и влеченіе къ милому прошлому, тягостное сопоставленіе съ настоящимъ, отъ котораго вѣетъ такимъ холодомъ и безсердечіемъ. Бесѣдуя съ Казиміромъ, Димитрій вспоминаетъ, какимъ онъ былъ раньше, и при этомъ говоритъ о себѣ, какъ о совершенно постороннемъ лицѣ: такъ непохожъ кажется онъ теперь самому себѣ, такъ много пережито имъ съ той поры.. Былые годы представляются ему

[1]) «Demetrius wird eine tragische Person, wenn er durch fremde Leidenschaften, wie durch ein Verhängniss, dem Glück und dem Unglück zugeschleudert wird, und bei dieser Gelegenheit die mächtigsten Kräfte der Menschheit entwickelt, auch die menschliche Verderbniss zuletzt erleidet». (Слова Шиллера).

въ туманной дымкѣ вечернихъ сумерекъ. А рядомъ съ этими сладостными воспоминаніями грубая дѣйствительность: власть безъ любви, головокружительная высота положенія съ отсутствіемъ покоя...

Но минуты Димитрія уже сочтены, и его неудовлетворенное сердце сейчасъ найдетъ желанный покой. Заговорщики не далеко; они уже ломятся въ двери. Съ величественнымъ видомъ, съ отвагой встрѣчаетъ ихъ Димитрій. Онъ могъ бы обезоружить противниковъ или по крайней мѣрѣ сдѣлать попытку спасти себя обѣщаніемъ предать ненавистныхъ поляковъ—но это слишкомъ для него низко, и онъ безмолвно падаетъ, пронзенный мечами враговъ.

V.

Такъ очерченъ у Шиллера Димитрій. Отступленій отъ историческихъ фактовъ авторъ допустилъ не мало; но, не говоря уже о томъ, что и цѣлью его трагедіи было не воспроизведеніе исторіи, нельзя не признать, что именно *художественное* чутье помогло Шиллеру успѣшнѣе иного профессіональнаго историка возстановить историческую правду, разрѣшивъ проблему, надъ которой и понынѣ еще ломаютъ голову спеціалисты: Димитрій Шиллера *убѣжденный* противникъ Бориса, а не наглый обманщикъ. Какого бы онъ ни былъ происхожденія, изъ московской или западной Руси, Отрепьевъ или кто иной, кѣмъ бы ни былъ выставленъ, русскими или поляками, боярами или іезуитами—но допустить сознательный обманъ со стороны претендента, значитъ слишкомъ игнорировать психологическую сторону явленія и черезчуръ свободно переносить на людей, жившихъ за триста лѣтъ назадъ, воззрѣнія, привычки, пріемы, вообще строй понятій нашего собственнаго времени. Здѣсь не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи Самозванца, и мы ограничимся лишь самымъ существеннымъ.

Извѣстная группа лицъ могла *выдумать* самозванца, могла сознательно поддерживать свой обманъ, хотя и здѣсь, вѣроятнѣе всего, въ значительной степени дѣйствовала всеобщая вѣра въ спасеніе царевича отъ руки убійцы; но какимъ надо было быть хитроумнымъ, изворотливымъ Одиссеемъ, какими обладать ловкими пріемами, самообладаніемъ, обдуманностью, предусмотрительностью въ поступкахъ, и при томъ не только по отношенію каждаго изъ поступковъ въ отдѣльности, но и по ихъ взаимодѣйствію, логической связи и послѣдовательности,—какой талантъ первокласснаго актера надо было проявить человѣку, чтобы цѣлые годы играть—и такъ безукоризненно!—свою роль, на виду цѣлаго свѣта, въ ежеминутномъ сознаніи, что это именно только *роль*, малѣйшій неправильный шагъ въ который будетъ стоить жизни!!...

Умеръ ли названный Димитрій въ убѣжденіи своей „истинности“, раскрылъ ли кто ему глаза на горькую правду (если ужъ непремѣнно считать его подложнымъ царемъ)—это вопросъ другой, и мы его касаться здѣсь не станемъ,—но что въ началѣ своего выступленія на сцену онъ дѣйствовалъ по убѣжденію, въ этомъ для насъ не можетъ быть сомнѣнія. Триста лѣтъ назадъ складъ русской жизни былъ значительно проще и еще не выработалъ ни такихъ условій, ни средствъ, которыя научили бы, какъ разыгрывать роль самозванца. Правда, въ XVII столѣтіи у насъ появлялся далеко не одинъ этотъ самозванецъ; но для остальныхъ почва была уже подготовлена, и всѣ они дѣйствовали болѣе или менѣе *подражая* своему первообразу; не говоря уже про то, что ихъ самозванство выдавалъ самый характеръ поступковъ,—не даромъ же сфера вліянія, результаты ихъ обмана значительно ничтожнѣе и не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, чего достигло лицо, приковавшее въ 1605 г. взоры всей Русской земли. Есть замыслы и замыслы, успѣхъ и успѣхъ, и Шиллеръ художественнымъ тактомъ понялъ, что крупный успѣхъ названнаго Димитрія не могъ опираться на одинъ только обманъ, не достаточно было даже и вѣры народной—необходимо было самому Димитрію увѣровать въ себя и въ правоту своего дѣла.

VI.

Въ настоящемъ изданіи отрывки изъ „Димитрія“ и общій планъ пьесы печатаются въ превосходнѣйшемъ переводѣ Мея. Русскій переводчикъ пользовался оригиналомъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ появился въ печати вскорѣ послѣ смерти Шиллера. Это та редакція, которая пріобрѣла всемірную извѣстность и до настоящаго времени входитъ во всѣ нѣмецкія изданія, назначенныя для большой публики. Но кромѣ этого, такъ сказать, классическаго текста, приведеннаго въ извѣстный порядокъ другомъ Шиллера—Кернеромъ и кое-гдѣ даже стилизованнаго имъ, есть еще очень важный дополнительный матеріалъ—позже отыскан-

ныя черновыя тетради Шиллера, что даетъ возможность возстановить ходъ самой работы поэта, иногда даже въ мельчайшихъ ея подробностяхъ, и съ гораздо большею полнотою выяснить содержаніе тѣхъ сценъ (именно 3-й, 4-й и 5-й акты), которыя самимъ Шиллеромъ всего лишь намѣчены и слегка зарисованы. Сверхъ того изъ этихъ черновыхъ тетрадей оказывается, что авторомъ было написано цѣлое особое дѣйствіе—сцены въ Самборѣ, которыми онъ первоначально думалъ начать свою трагедію.

Въ этихъ сценахъ Димитрій выведенъ еще подъ именемъ Гришки, какъ бѣглецъ, нашедшій пріютъ въ Самборскомъ замкѣ у воеводы Мнишка. Онъ живетъ тутъ среди многочисленной мелкопомѣстной шляхты, пока еще совершенно далекій отъ мысли видѣть въ себѣ царскаго сына. Однимъ онъ ненавистенъ, потому что стоитъ имъ поперекъ дороги; другіе, особенно женщины, сочувствуютъ ему; воеводѣ онъ нравится, честолюбивая дочь Мнишка, Марина, хотя и невѣста другого, выдѣляетъ его среди остальныхъ мужчинъ, а Лодоиска, дочь кастеляна, любитъ его беззавѣтной, чистой любовью. Димитрій держитъ себя съ достоинствомъ среди лицъ, стоящихъ въ Самборскомъ замкѣ на одинаковой съ нимъ ногѣ, съ благородной признательностью къ воеводѣ, давшему ему пріютъ и защиту, съ почтительнымъ чувствомъ восхищенія передъ его дочерью. Но Марина—бездушная кокетка, сгарающая честолюбивыми мечтами; она не въ силахъ удовлетвориться скромной судьбою своихъ сестеръ. Съ обиднымъ пренебреженіемъ принимаетъ она подарокъ своего жениха, люблинскаго старосты [1]), и въ то же время съ легкомысленнымъ вниманіемъ беретъ цвѣтокъ изъ рукъ Димитрія. Столкновеніе между двумя молодыми людьми неизбѣжно. Староста затѣваетъ ссору и Димитрій, незаслуженно оскорбленный, неожиданно для самого себя, убиваетъ его.

Этимъ открывается дѣйствіе. На лязгъ мечей сбѣгается дворня и видитъ Димитрія съ обнаженнымъ мечемъ надъ трупомъ жениха. По мѣстнымъ законамъ, иноземецъ, убившій поляка, хотя бы и незлоумышленно, можетъ смыть свое преступленіе лишь кровью: Димитрія ожидаетъ неминуемая смерть. „Но развѣ это моя вина?—оправдывается Димитрій:—нападалъ не я; я только защищался, а онъ наткнулся на мой мечъ. Право и законъ на моей сторонѣ". Тѣмъ не менѣе его уводятъ въ темницу.

Во второй сценѣ появляются русскіе бѣглецы Аѳанасій и Тимоѳей, князья, какъ ихъ величаетъ Мнишекъ, искать пріюта у сендомирскаго воеводы: они бѣжали изъ Россіи отъ тиранніи Бориса. Въ бесѣдѣ съ Мнишкомъ одинъ изъ нихъ, Аѳанасій, сообщаетъ, что слухъ прошелъ по всему Московскому государству о томъ, что царевичъ не погибъ въ Угличѣ во время пожара, но спасся, и что Борисъ приведенъ этимъ въ трепетъ. Мнишекъ не хочетъ вѣрить: царь Борисъ слишкомъ умный государь, чтобы бояться тѣни. Во время разговора входятъ Марина и Лодоиска: онѣ принесли золотой наперсный крестъ, усыпанный драгоцѣнными камнями; Лодоиска бѣла у Димитрія въ темницѣ и тотъ передалъ его ей на память передъ смертью, какъ святыню, которую всегда носилъ на груди. Видъ креста несказанно поражаетъ Аѳанасія: это царскій клейнодъ изъ сокровищъ Ивана Грознаго, имя котораго вырѣзано на крестѣ. Аѳанасій нетерпѣливо разспрашиваетъ, кто тотъ, кому принадлежитъ эта вещь? какъ долго живетъ онъ въ Самборѣ? сколько ему лѣтъ? откуда онъ появился? какъ называется тотъ монастырь, гдѣ по его словамъ, онъ находился раньше? Ему говорятъ: уже годъ какъ Гришка въ Самборѣ—но какъ разъ годъ тому назадъ распространился слухъ о спасеніи царевича! Далѣе оказывается, что и годы Гришки подходятъ къ лѣтамъ царевича; названіе же монастыря (Шиллеромъ не указанное) особенно сильно дѣйствуетъ на Аѳанасія: онъ проситъ показать ему приговореннаго къ смерти, и удивленный воевода ведетъ его въ темницу.

Сцена третья изображаетъ Димитрія въ темницѣ въ ожиданіи предстоящей казни. Онъ готовъ умереть и спокойно приметъ смерть; но ему горько сознавать, что счастье такъ жестоко надсмѣялось надъ нимъ, разрушивъ его надежды и величавыя мечты... Входятъ Мнишекъ, Аѳанасій, Тимоѳей, Марина и Лодоиска. Воевода приказываетъ освободить Димитрія изъ оковъ и дѣлаетъ ему допросъ. Димитрій совершенно не помнитъ, когда надѣли на него этотъ крестъ: онъ знаетъ его на себѣ съ той самой поры, какъ началъ помнить себя. Его наставляли беречь эту драгоцѣнность, какъ святыню, говоря, что отъ этого будетъ зависѣть вся его судьба. Не будучи въ состоя-

[1]) Въ болѣе поздней редакціи онъ является подъ именемъ львовскаго кастеляна.

ніи дать болѣе ясныхъ показаній, Димитрій вспоминаетъ, что у него есть молитвенникъ, который также наказывали беречь: тамъ написаны непонятныя для него греческія слова. Аѳанасій читаетъ ихъ и вдругъ падаетъ передъ узникомъ на колѣни. Греческія письмена раскрыли тайну: обладатель молитвенника—царевичъ Димитрій, сынъ царя Ивана. Теперь повязка спадаетъ и съ глазъ самого Димитрія: онъ припоминаетъ прошлое, бывшій пожаръ, свое пребываніе въ монастырѣ, вспоминаетъ, какъ его уже тогда иногда величали царевичемъ, и вполнѣ убѣждается въ своемъ царскомъ происхожденіи. Съ легкостью, достойной удивленія, умѣетъ Димитрій найтись въ новомъ своемъ положеніи: давешній изгнанникъ, безпріютный скиталецъ, онъ сразу превращается въ государя, точно онъ былъ имъ постоянно. Первое его движеніе къ Маринѣ, достойнымъ которой чувствуетъ себя онъ только теперь. На страстное изліяніе чувства Марина отвѣчаетъ ободряющими словами, но невольно выдаетъ свое честолюбіе, подчеркивая Димитрію необходимость прежде всего удостовѣрить свои права на царственное положеніе передъ всѣмъ свѣтомъ: хотя онъ и царевичъ, но безъ царства; Россія принадлежитъ ему, но надо подумать о томъ, какъ бы стать ея дѣйствительнымъ обладателемъ.

Дальнѣйшее содержаніе „самборскихъ сценъ“ осталось лишь намѣченнымъ; имѣлось въ виду дать еще четыре новыхъ. Въ первой шляхта сендомирскаго воеводы бесѣдуетъ о предстоящемъ сеймѣ въ Краковѣ, куда отправляется Димитрій съ Мнишкомъ, и выражаетъ готовность служить дѣлу царевича; появляется Марина поддержать это настроеніе. Во 2-й сценѣ Димитрій заключаетъ условіе съ Мнишкомъ о содѣйствіи въ достиженіи престола и получаетъ согласіе на бракъ съ Мариной, обязываясь въ свою очередь отдарить воеводу и будущую жену областями Русской земли. Сцена 3-я—разговоръ Марины съ отцомъ, который, какъ послушное орудіе, идетъ, куда ведетъ его честолюбивая дочь. Наконецъ, сцена 4-я—прощаніе Димитрія передъ отъѣздомъ въ Краковъ съ Лодоиской.

Таково содержаніе „самборскихъ сценъ“; часть ихъ набросана только вчернѣ, другая, наоборотъ, вполнѣ отдѣлана и закончена. Судя по черновымъ бумагамъ, обработка этого акта стоила Шиллеру не малаго труда. Сценичность и художественность концепціи стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія,—и тѣмъ не менѣе впослѣдствіи поэтъ выкинулъ его весь цѣликомъ, справедливо почувствовавъ, что это дѣйствіе ослабитъ силу впечатлѣнія послѣдующихъ. Онъ предпочелъ открыть занавѣсъ безъ какихъ либо предисловій и показалъ своего героя съ той минуты, когда тотъ уже всецѣло успѣлъ проникнуться не только сознаніемъ своего царственнаго положенія, но твердой рѣшимостью бороться за свои права,—выброшенныя же сцены, основу ихъ содержанія, поэтъ съумѣлъ ярко и образно ввести въ описаніе краковскаго сейма. Окончательно выброшенною, безъ какой либо замѣны, осталась лишь сцена прощанія съ Лодоиской, а потому мы и очертимъ ее въ немногихъ словахъ.

Лодоиска—вторая Навзикая. Она была невольной причиной признанія Димитрія царевичемъ; но теперь, поднявшись такъ высоко, онъ для нея потерянъ. Она не въ силахъ примириться съ своею утратой, но прирожденная нѣжность ея натуры отъ того не измѣнилась, и дѣвушка продолжаетъ любить Димитрія съ прежнимъ трогательнымъ чувствомъ, Лодоиска ничего не требуетъ, не выражаетъ никакихъ просьбъ и желаній, даже того, чтобы ее помнили; она посылаетъ съ Димитріемъ своего брата Казиміра, да и то не съ цѣлью напоминать имъ о себѣ, а чтобы Димитрій зналъ, что подлѣ него всегда есть вѣрное сердце. Трогательно заклинаетъ она брата никогда не покидать ея возлюбленнаго и посвятить ему свою жизнь. На прощаніе Димитрій хочетъ обнять Лодоиску, но тамягкоотстраняетъ его отъ себя. Трубятъ рога, Димитрій уходитъ, и несчастная дѣвушка, оставшись одна, не въ силахъ болѣе владѣть собою; предавшись неутѣшному горю, она даетъ клятву не любить болѣе никого на свѣтѣ.

Выше указывалось, что подготовительныя къ „Димитрію“ работы даютъ возможность съ большею ясностью представить себѣ схему и содержаніе Шиллеровской трагедіи. По окончательному плану, если только вообще можно говорить объ *окончаніи* тамъ, гдѣ работа едва доведена до половины, трагедія должна была состоять изъ *пяти* актовъ съ слѣдующимъ распредѣленіемъ:

Актъ I. Сеймъ въ Краковѣ. въ нѣсколькихъ сценахъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, автору удалось обработать этотъ актъ вполнѣ.

Современный портретъ Ф. Снядецкаго (1605).

Фантастическій портретъ, работы Іоле (1606).

Портреты Димитрія Самозванца, появившіеся въ XVII в.

(Изъ Собранія П. Я. Дашкова).

Современный портретъ Ф. Снядецкаго (1605).

Фантастическій портретъ, работы Іоле (1606).

Портреты Димитрія Самозванца, появившіеся въ XVII в.

(Изъ Собранія П. Я. Дашкова).

Актъ II въ 5 картинахъ; изъ нихъ двѣ первыхъ—царица Марѳа въ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ и Димитрій на русской границѣ—достигли той же степени обработки, какъ и весь первый актъ; картина третья—чтеніе манифеста Димитрія въ деревнѣ—обработана только въ первой половинѣ. Нарисованная опытною рукою автора „Вильгельма Телля", эта картина полна необычайной жизни и движенія. Одну минуту Шиллеръ колебался, что сдѣлать центральнымъ пунктомъ дѣйствія: рѣзкій ли переходъ отъ мирнаго покоя къ тревогѣ и возбужденію, вызванному въ населеніи чтеніемъ манифеста, или построить всю сцену на почвѣ національнаго столкновенія русскихъ съ поляками; его сомнѣнія разрѣшились на третій ладъ: драматизмъ сцены лежитъ въ борьбѣ двухъ противоположныхъ партій,—одна деревня стоитъ за Димитрія, другая за Бориса. Четвертая и пятая картины—пораженіе Димитрія и его побѣда надъ войсками Бориса—только намѣчены.

Актъ III состоитъ изъ четырехъ большихъ картинъ: 1) Борисъ въ Москвѣ; 2) Димитрій узнаетъ свое истинное происхожденіе; 3) встрѣча Димитрія съ царицею Марѳой и 4) торжественный въѣздъ Димитрія въ Москву.

Шиллеровскій Борисъ въ общемъ очень близокъ къ Борису историческому, по крайней мѣрѣ какъ послѣдняго понимали въ эпоху Шиллера. Обманомъ и насиліемъ достигъ онъ престола и деспотически правитъ государствомъ, не разбирая средствъ для обезпеченія власти. Царское достоинство бережетъ онъ ревностно и гордо, считая униженіемъ сану лично выступать противъ Самозванца. Въ то же время это прекрасный семьянинъ, нѣжный отецъ. Какъ государя, Шиллеръ изобразилъ Бориса съ самой выгодной стороны, и въ этомъ случаѣ онъ тоже не расходился съ показаніями современныхъ историковъ: и Миллеръ, и Трейеръ находятъ въ Борисѣ черты симпатичныя, а по мнѣнію Левека, духовныя способности дѣлали Бориса вполнѣ достойнымъ высшей власти, и остается пожалѣть, что въ сущности рожденный для трона, онъ могъ достичь его только преступленіемъ. Король Сигизмундъ въ бесѣдѣ съ Димитріемъ (актъ I) такъ выражается о Годуновѣ:

Вамъ предстоитъ не легкая побѣда.
Силенъ и чтимъ престолъ царя Бориса.
Не съ нѣженкой вступаете вы въ споръ.
Въ чьи руки скипетръ вложенъ всенародно,
Того не скоро опрокинетъ вѣтеръ
Молвы пролетной: у того въ замѣну
Всѣхъ предковъ есть дѣянья и заслуги.

Шиллеръ оттѣняетъ стараніе Бориса облегчить страданія народныя во время бывшаго голода, заботы о правосудіи, бдительность и политическій тактъ въ поддержаніи мира съ сосѣдями, въ охранѣ государства, предусмотрительность и вниманіе къ благу народному. Борисъ стоитъ выше окружающихъ не только по сану, но и по духовнымъ качествамъ. Онъ не въ силахъ пережить удара, нанесеннаго Самозванцемъ, и добровольно принимаетъ ядъ. Борисъ умираетъ истинно по царски, съ безстрашіемъ смотря въ глаза смерти.

Всѣ эти черты имѣютъ особое значеніе въ примѣненіи къ личности Димитрія: онѣ усиленно подчеркиваютъ ту мысль, что таланты правителя, твердая воля и самосознаніе—необходимыя условія для устойчивости положенія каждаго государя. И не смотря на это, Борисъ все же гибнетъ! Гибнетъ и Димитрій—и это потому, что таланты правителя ничто, если они не опираются на нравственныя качества и законность. Борисъ достигъ царства путемъ преступленія, и судьба караетъ его, въ самомъ этомъ преступленіи найдя орудіе кары: съ трона Бориса низвергаетъ не кто иной, какъ тотъ царевичъ, котораго онъ нѣкогда безжалостно убилъ.

Личность Марѳы очень драматизирована. Она играетъ роковую роль одинаково, какъ для Бориса, такъ и для Димитрія. Во 2-мъ актѣ это настоящій титанъ, пылающій мщеніемъ; въ третьей картинѣ 3-го дѣйствія, въ ней, наоборотъ, отчетливо выступаютъ чисто женскія черты. Тамъ она легко увѣровала въ своего сына; здѣсь ее беретъ сомнѣніе. Дрожа отъ волненія, ждетъ она прихода Самозванца. Димитрій входитъ въ палатку, и при первомъ взглядѣ на него царица понимаетъ, что *вѣрить* больше невозможно. „Что-то невѣдомое стало между ними, природа не сказалась: они навѣкъ чужды другъ другу". Однако, достоинство и благородство просвѣчиваютъ въ лицѣ, во всѣхъ движеніяхъ этого отнынѣ совершенно чуждаго ей человѣка; ея чуткая душа, такъ много испытавшая въ жизни, не можетъ оставаться безучастною къ тому, чья судьба находится въ ея рукахъ. Ей еще самой такъ

больно, такъ трудно разстаться съ грезами, которыя она передъ этимъ не переставала лелѣять. Нѣтъ, она не отвергнетъ его. Слова Димитрія ласкаютъ ея слухъ, она плачетъ — и Димитрій спѣшитъ показать эти слезы народу, какъ лучшее доказательство того, что ихъ льетъ не чужая ему женщина.

Актъ IV. Начиная съ этого акта, композиція трагедіи расплывается и уловить ее становится не такъ то легко. Авторъ успѣлъ лишь бѣгло, въ общихъ чертахъ намѣтить дальнѣйшій ходъ событій. Дѣйствіе открывается сценою въ Кремлѣ. Властная натура Димитрія сказывается теперь въ мрачныхъ выходкахъ деспотизма, въ недовѣріи и насиліяхъ; самъ онъ глубоко страдаетъ отъ сознанія, что долженъ обманывать окружающихъ. Душевному разладу соотвѣтствуетъ разладъ внѣшній: поляки и русскіе настроены враждебно другъ противъ друга; тщетно пытается смягчить онъ заносчивость первыхъ; отношенія къ царицѣ Маринѣ портятся тоже, а рядомъ съ затрудненіями политическаго характера приходится переживать и сердечную драму: Ксенія отвергаетъ его любовь, а впереди пріѣздъ Марины, которую онъ пересталъ любить и отъ которой охотно бы освободился.

Слѣдующая картина рисуетъ намъ пышный въѣздъ Марины въ Москву и приготовленія Шуйскаго къ заговору; въ третьей картинѣ мы видимъ Марину въ Кремлѣ: она узнаетъ объ измѣнѣ своего жениха и посылаетъ ядъ Ксеніи; наконецъ, четвертая картина—Романовъ въ темницѣ.

Романовъ—одно изъ наименѣе согласованныхъ съ исторіей дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Въ своихъ поясненіяхъ Шиллеръ называетъ его будущимъ основателемъ династіи. Романовъ любитъ Ксенію и любимъ ею взаимно. Въ свое время Борисъ, чуя въ немъ новаго врага, преслѣдовалъ его, но Романовъ—чистая, благородная, прямая личность; когда всѣ покинули Бориса, онъ одинъ самоотверженно отстаиваетъ его интересы. Къ сожалѣнію, онъ появляется слишкомъ поздно; однако, собираетъ остатки партіи, провозглашаетъ Ѳедора, Борисова сына, царемъ; спѣшитъ къ арміи, чтобъ удержать ее въ повиновеніи; однако, всѣ усилія его тщетны: армія передается Димитрію, Москва провозглашаетъ Самозванца царемъ, низвергаетъ Ѳедора. Покинутый своими, Романовъ возвращается въ Москву съ намѣреніи спасти по крайней мѣрѣ Ксенію, но попадаетъ въ темницу. Тамъ въ видѣніи ему является умершая Ксенія и предрекаетъ славное будущее, въ то же время увѣщевая покориться судьбѣ и не обагрять кровью своихъ рукъ. Вводя зрителя своею трагедіею въ сложную сѣть обмана и заговоровъ, поэтъ настоящею сценою вноситъ умиротворяющій элементъ, подавая надежду, хотя бы лишь въ отдаленномъ будущемъ, на болѣе спокойное и нормальное теченіе событій.

Актъ V предполагался изъ двухъ большихъ картинъ и эпилога. Первая картина—ночь послѣ свадебныхъ торжествъ. Марина сообщаетъ Димитрію безпощадную правду—она никогда его не любила, никогда не считала истиннымъ царевичемъ. Въ лицѣ Казиміра, брата Лодоиски, готоваго умереть за него, находитъ Димитрій въ эту минуту нѣкоторое утѣшеніе. Заговорщики врываются и Казиміръ падаетъ, вѣрный принятому на себя долгу.

Вторая картина — въ другой части Кремля, въ комнатѣ Маріы, куда укрывается Димитрій отъ своихъ враговъ. Въ виду грозящей опасности, Димитрій снова преображается: передъ нами въ эту минуту снова властелинъ, вполнѣ обладающій своею демоническою силой. Тѣмъ болѣе потрясающе дѣйствуетъ молчаніе Маріы среди напряженнаго ожиданія сбѣжавшейся толпы. Крестъ, передъ которымъ она должна поклясться—это самъ судъ Божій; царица не можетъ лгать передъ ними,—и отвергнутый Димитрій падаетъ, пораженный врагами.

Эпилогъ, самъ по себѣ въ трагедіяхъ Шиллера необычный, по мнѣнію Кетнера, намѣченъ былъ авторомъ съ цѣлью усилить трагизмъ послѣдней сцены. Марина, спасаясь отъ преслѣдованія, вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ только-что убитъ Димитрій, и такимъ образомъ попадаетъ въ западню. Однако, она не теряется и съ находчивостью разыгрываетъ роль жертвы, претерпѣвшей отъ Самозванца, чѣмъ вызываетъ къ себѣ сочувствіе. Обѣщаніе денегъ, выкупъ драгоцѣнностями, угроза мести со стороны поляковъ нѣсколько смягчаютъ пылъ бунтовщиковъ, и безъ того уже значительно охлажденный убійствомъ Димитрія. Шуйскій находитъ, что одной жертвы довольно, и отдаетъ приказъ покончить съ рѣзней: ему надо подготовить кое-что другое, и онъ уводитъ сотоварищей совѣщаться на счетъ избранія новаго царя. Знаки царской власти, взятые

у Димитрія, въ его рукахъ. По удаленіи всѣхъ, возвращается одинъ изъ толпы съ царской печатью, какъ-то очутившейся въ его рукахъ. Въ счастливой находкѣ онъ видитъ средство разыгрывать изъ себя убитаго Димитрія, увѣренный, что это будетъ не особенно трудно, такъ какъ цѣлый рядъ обстоятельствъ будетъ содѣйствовать ему въ этомъ обманѣ: выгода для поляковъ продолжать внутреннія неурядицы въ Россіи, мятежницкія наклонности казаковъ, отсутствіе законнаго претендента, интересы Марины остаться царицей и трудность впослѣдствіи доказать, что Димитрія, дѣйствительно, нѣтъ болѣе въ живыхъ. Однимъ словомъ, нарождается новый самозванецъ, а за нимъ въ перспективѣ имѣются новыя волненія и новыя смуты.

Монологомъ второго самозванца заканчивалась, по мысли Шиллера, его трагедія.

VII.

Какъ уже было указано, Мей переводилъ съ первоначальнаго текста „Димитрія“ и до того, какъ Гедеке въ 1876 г. опубликовалъ посмертныя бумаги поэта, содержащія матеріалы по разработкѣ „Димитрія“. Этимъ объясняются и нѣкоторыя „ошибки“ оригинала, указанныя Меемъ въ примѣчаніяхъ къ своему переводу. Таковы: *Нагори* вм. *Нагой*, *Вестисловской* вм. *Мстиславскій*— обѣ исправлены въ послѣдующихъ изданіяхъ, равно какъ и *Мейшекъ* замѣненъ болѣе правильно *Мнишкомъ* (имя это Шиллеръ написалъ первоначально готическими буквами и прочелъ *n*, какъ *e*) *Schinosky*, для обозначенія Шуйскаго, едва-ли не опечатка; обыкновенно Шиллеръ употреблялъ начертаніе *Zusky*, руководствуясь Олеаріемъ и Трейеромъ; встрѣчается также и *Schuskoi*, быть можетъ, какъ отголосокъ Миллера и Левека, правильно писавшихъ *Schuiski*, *Chouiski*. *Ксенія* въ оригиналѣ названа *Axinia*, согласно Трейеру и Миллеру, а въ счетѣ браковъ Ивана Грознаго (пять вмѣсто семи) поэтъ слѣдовалъ Левеку.

Въ свою очередь *Moromesk* оригинала (актъ II, вых. 3), заимствованный Шиллеромъ у Миллера, неправильно переведенъ *Муромомъ* вм. *Моровска*. Точно также напрасно думать, будто *Одовальскій* есть испорченное *Одовскій*: сопоставлять одно имя съ другимъ нѣтъ никакихъ основаній, а потому и въ русскомъ переводѣ правильнѣе слѣдовать оригиналу, *Комля*, имя атамана казаковъ, надо думать, есть простой недосмотръ русскаго текста, потому что даже уже въ старыхъ изданіяхъ Шиллера [1]) это имя правильно пишется: *Корела*. *Lodoiska* не *Лодойская*, а *Лодоиска*, не фамильное прозвище, а имя личное.

Въ русскомъ переводѣ наблюдаются и еще нѣкоторыя мелкія отступленія сравнительно съ оригинальнымъ текстомъ позднѣйшихъ изданій: такъ въ первомъ актѣ, въ описаніи обстановки засѣданій краковскаго сейма не упомянуто, что епископы, палатины и кастеляны сидятъ въ шляпахъ; сказано, что послы отъ шляхты стоятъ „близъ нихъ“, тогда какъ они стояли *позади* (*Hinter diesen*) [2]). Ближе къ духу русскаго языка замѣнить „палатиновъ“ и „выборныхъ отъ шляхты“ *воеводами* и *послами*, тѣмъ болѣе что и самъ Шиллеръ, опираясь на Коннора, дѣлаетъ такую отмѣтку: „Die Woywoden oder Palatini, Nuncien oder Landboten“. Существеннѣе, однако, отсутствіе въ русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ подробностей и діалоговъ, найденныхъ Гедеке. Таковы: 1) въ первомъ актѣ сцена Марины съ Одовальскимъ; 2) тамъ же, слѣдующая за нею сцена Марины съ шляхтичами и 3) во второмъ актѣ сцена въ деревнѣ.

1) *Сцена Марины съ Одовальскимъ.* Новыя строфы полнѣе обрисовываютъ отношенія къ Димитрію Марины, которая хочетъ слѣдить за малѣйшимъ его движеніемъ и даже за тайными помыслами. „Не спускай съ него глазъ, говоритъ она Одовальскому; будь для него одновременно охраною и сторожемъ; веди его къ побѣдѣ, но такъ, чтобы онъ вѣчно нуждался въ насъ... Люди неблагодарны; почувствуетъ себя царемъ и живо сброситъ съ себя наши путы. Оказанное благодѣяніе становится тяжелою несправедливостью, чуть только надо отплачивать за него. Русь ненавидитъ Польшу, и эта ненависть естественна: межъ ними нѣтъ никакихъ сердечныхъ узъ. Будь, что будетъ, счастье иль несчастье, но только-бъ поскорѣй. Твоихъ пословъ я буду ждать въ Кіевѣ. Разставь ихъ по дорогѣ верстовыми столбами! Готовь въ любую пору дня, шли ихъ, хотя бы ради этого пришлось обезлюдить самое войско“.

---

[1]) Ср. напр. Fr. v. Schiller, Sämmtliche Werke Stuttgart 1815. 12 ter Band.

[2]) Въ старыхъ изданіяхъ. напр. 1815 г.: *насупротивъ* (diesen gegenüber).

2) *Сцена Марины съ шляхтичами.* Въ первоначальномъ текстѣ говорится о приходѣ одной только группы; въ нов. выхъ матеріалахъ — ихъ уже двѣ. Первая (безъ указанія именъ дѣйствующихъ лицъ) входитъ, предлагая свои услуги Маринѣ. Та, назначивъ имъ сборнымъ пунктомъ Кіевъ (эти строфы въ первоначальномъ текстѣ, а слѣдовательно и въ переводѣ Мея, переставлены въ другое мѣсто) и обѣщавъ имъ уплату денегъ черезъ епископа Каменецкаго, обращается къ Роколю (въ русск. пер. къ Бѣльскому):

„Жди: ты сейчасъ меня проводишь"

послѣ чего начинаются новыя строфы:

Всѣ. Ты должна быть царицей или намъ не жить на этомъ свѣтѣ.

Другіе. Ты заново одѣла насъ, обула: служить тебѣ готовы мы своею кровью.

(*Входятъ Опалинскій, Оссолинскій, Замойскій и много другихъ шляхтичей*).

Опалинскій. Мы тоже идемъ вмѣстѣ; мы не остаемся.

Замойскій. И мы. *Намъ* также хочется принять участіе въ московской добычѣ.

Оссолинскій. Боярышня, возьми съ собою насъ. Мы сдѣлаемъ тебя царицею Россіи!

Марина. Что это за люди? Какой-то сбродъ!

Оссолинскій. Мы конюхи у старосты...

Замойскій. Я поваромъ у виленскаго кастеляна.

Опалинскій. Я кучеръ...

Бѣльскій. За вертеломъ присматриваю я.

Марина. Фи, Одовальскій! Ужъ очень они плохи!

Конюхи. Мы Пясты, свободные мы по рожденію поляки. Не смѣшивай съ простымъ насъ мужикомъ. Мы не изъ низкаго сословія, и есть права у насъ.

Одовальскій. Да, нечего сказать! Ихъ сѣкли на коврахъ!

Замойскій. Не презирай насъ; наше сердце благородно.

Одовальскій. Возьми ихъ на службу, дай имъ коней и сапоговъ, и будутъ биться за тебя они, какъ самый лучшій воинъ.

Марина. Ну, ладно! Да покажитесь, какъ вы выглядите по-людски. Пусть мой дворецкій дастъ вамъ платье.

Шляхта. Ты позаботилася и объ этомъ?! О, нѣтъ, ты все замѣтишь! По истинѣ ты рождена быть королевой.

Марина. Конечно, да! Вотъ потому-то мнѣ и надо ею стать.

Оссолинскій. Веди сама насъ! Будь намъ вождемъ и нашимъ знаменемъ! Садись на бѣлаго коня, бери оружіе, вторая Ванда! Къ побѣдамъ вѣрнымъ веди свои отважныя войска!

Марина. Не плотью, мысленно я поведу васъ—война не женщины удѣлъ. Клянетесь-ли мнѣ въ вѣрности?

Всѣ. Juramus! Клянемся! (обнажаютъ сабли).

Нѣкоторые. Vivat Marina!

Другіе. Russiae regina!

Такимъ образомъ, заключительныя фразы въ приведенной редакціи (оригиналъ ея см. у Кетнера и Гедеке) тѣ же, что и въ старой, но имъ предшествуетъ цѣлый рядъ другихъ, и чувствуется, насколько, благодаря имъ, мысль, положенная въ основу всей сцены, значительно выиграла въ яркости и пластичности.

3) *Сцена въ деревнѣ.* Въ стихотворной формѣ она обрывалась на появленіи посадника, но въ черновыхъ бумагахъ позже отыскалось нѣсколько полуобработанныхъ строфъ, въ которыхъ нашлось мѣсто и посаднику.

Посадникъ (*входитъ со свиткомъ въ рукахъ*). То дѣло рукъ сосѣдей злыхъ, совѣтчиковъ-друзей. Избави насъ, Господь, отъ смуты и свѣтомъ просвѣти!

Народъ. Что намъ несетъ посадникъ?

Посадникъ. Къ намъ отъ царевича, что съ польскимъ войскомъ, пришла бумага. Онъ въ ней . . . . . Что дѣлать намъ?

Народъ. Читай бумагу. Давай, послушаемъ ее.

Другіе. Читай бумагу.

Посадникъ. Ну, слушайте жъ. „Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ всея Руси, Князь Угличскій, Дмитровскій и другихъ княженій, кровный государь и наслѣдникъ всѣхъ русскихъ государствъ, всѣмъ царскій нашъ поклонъ".

Глѣвъ. Да это полный титулъ нашихъ государей.

Посадникъ. „Царь Иванъ Васильевичъ преславной памяти . . . . его дѣтямъ чтобъ вѣрой, правдою служить . . . . на нашу жизнь однако, на сына кровнаго царя, Борисъ посягнулъ Годуновъ; но Господу угодно было намъ сохранить ее. Теперь же

Фантастическій портретъ, изъ книги
«The ancient and present state of Moscovy» (1698).

Фантастическій портретъ 168[illegible]
книги Роколя «Les [illegible]»

Портреты Димитрія Самозванца, появившіеся въ XVII в.

(Изъ Собранія П. Я. Дашкова).

мы идемъ занять наслѣдный тронъ свой, съ мечемъ въ рукѣ и съ вѣтвью пальмовой въ другой, неся для вѣрныхъ милость и погибель — супротивнымъ. Напоминаемъ вамъ о вашей клятвѣ, увѣщеваемъ васъ отстать отъ стороны Бориса Годунова, и намъ, законному владыкѣ и истинному государю, дать присягу. Исполните—и милостиво будемъ править вами, а если нѣтъ, то да падетъ кровь пролитая на ваши головы: не вложимъ въ ножны мы меча, на отческій престолъ доколѣ не возсядемъ".

Тимошка. Да, это правда; ему мы присягали.

Глѣбъ. Возможно-ль сыну нашего царя въ повиновеньи отказать и путь ему загородить!

Илья. А, что коли совсѣмъ не истинный онъ сынъ царя?

Тимошка. Да, какъ же! Не будьте дураками; тряхни умомъ! Ну, какъ бы могъ обманнымъ онъ путемъ все это выдумать? Будь иначе, да развѣ говорилъ бы онъ и утверждалъ все это?

Глѣбъ. Я то же думаю. И сталъ-ли бы полякъ изъ-за обманщика тащиться на войну?

Тимошка. Конечно, такъ, ребята; иначе и не можетъ быть. И какъ же сыну нашего царя въ повиновеньи отказать и путь ему загородить?

Илья. Однако жъ мы Борису Годунову, какъ своему царю, клялись и присягали...

На этомъ обрывается сцена.

VIII.

По смерти Шиллера въ нѣмецкой литературѣ не перестаютъ и до послѣдняго времени появляться попытки дальнѣйшей литературной обработки „Димитрія". Цѣлый рядъ талантливыхъ и заурядныхъ писателей старается досказать недосказанное великимъ поэтомъ и приспособить его трагедію къ сценѣ. Обработки эти можно разбить на двѣ группы: одни писатели строго придерживаются идей и характера Шиллеровской трагедіи, неуклонно слѣдуя по намѣченному поэтомъ направленію, другіе —пользуются Шиллеромъ лишь въ качествѣ простого матеріала и строятъ на немъ уже нѣчто собственное. Вотъ перечень тѣхъ и другихъ обработокъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Fr. v. Maltitz. Demetrius. Ein Trauerspiel von Schiller. Nach dem Hinterlassenen Entwurf des Dichters bearbeitet. Karlsruhe. 1817.

2) H. Grimm. Demetrius. Lpz. 1854.

3) Fr. Bodenstedt. Demetrius. Historische Tragödie in 5 Aufzügen. Berlin. 1856.

4) G. Kühne. Demetrius. Für die Bühne bearbeitet. Dresden. 1860.

5) O. Fr. Gruppe. Demetrius. Schillers Fragment, für die Bühne bearbeitet und fortgeführt, nebst einer litterar-historischen Abhandlung. Berlin. 1861.

6) Fr. Hebbel. Demetrius. Eine Tragödie mit einem Vorspiel. Hamburg. 1866 (осталась неоконченною; конецъ написанъ Э. Ку (E. Kuh) въ 1869 г.).

7) K. Hardt. Demetrius. Hamburg. 1869.

8) A. Wilhelmi. Dmitri Jwanowitsch. Lpzg. 1869.

9) H. Laube. Demetrius. Historische Tragödie in 5 Akten. Mit Benutzung des Schiller'schen Fragments bis zur Verwandlung in zweiten Akte Lpzg. 1872.

10) H. v. Zimmermann. Demetrius. Trauerspiel in 5 Aufzügen, als freie Vollendung de gleichlautenden Schillerschen Fragmentes. Prag 1855.

11) O. Sievers. Demetrius. Geschichtliches Trauerspiel in vier Aufzügen. Mit Benutzung des Schillerschen Bruchstücks bis zur Verwandlung im zweiten Aufzug. Braunschweig. 1888.

12) A. Weimar. Demetrius. Trauerspiel in 5 Akten mit Benutzung des gleichnamigen Schillerschen Fragments und einiger Scenen der G. Kühneschen Bearbeitung. Lpzg. 1893.

Нѣмецкая литература о Шиллеровскомъ „Димитріи" очень обширна. Найденные Гедеке матеріалы каждый изъ издателей научныхъ изданій Шиллера группируетъ по своему. Таковы, кромѣ Гедеке [1]), изданія Боксбергера [2]), Кетнера [3]) и Беллермана [4]). Обработка Кетнера одна изъ лучшихъ.

Не касаясь *біографій* Шиллера, въ ко-

[1]) Schillers sämmtliche Schriften. Historisch-Kritische Ausgabe von K. Goedeke. 15-ter Theil. 2-ter Band. Stuttgart. 1876.

[2]) Schillers Werke, herausg. von R. Boxberger. 3-ter Theil (Deutsche National-Litteratur herausg. von J. Kürschner, 125 Bnd.).

[3]) Schillers Demetrius. Nach den Handschriften des Goethe- und Schiller-Archivs herausg. von G. Kettner. Weimar 1894 (Schriften der Goethe-Gesellschaft. 9-ter Band).

[4]) Schillers Werke herausg. von Bellermann. Kritisch durchgesehene und erläuterte Ausgabe Bnd. V u. X. (изъ серіи Meyers Klassiker-Ausgaben in 150 Bänden).

торыхъ, начиная отъ Гофмейстера [1]) до новѣйшей популярной Вихграма [2]), вездѣ говорится о „Димитріи“, ограничусь хронологическимъ перечнемъ главнѣйшихъ работъ, спеціально относящихся до интересующей насъ трагедіи. Это будутъ:

1) O. F. Gruppe. Demetrius, Anhang. Berlin. 1861.

2) Rudolf. Herrigs Archiv. 1865. Bd. 38.

3) H. Düntzer. Erläuterungen zu den deutschen Klassikern. Lpzg. 1886.

4) J. Baechtold. Ueber Schillers Demetrius. Programm des Töchterschule in Zürich. 1888.

5) J. Minor. Aus dem Schiller-Archiv. Weimar. 1890.

6) Dr. A. Stein. Schillers Demetrius-Fragment und seine Fortsetzungen. Wissenschaftliche Beilage zum Programm der Gewerbeschule auf das Schuljahr 1890 — 91 und das Schuljahr 1893 — 94. Mülhausen. 1891—94.

7) R. v. Gottschall. Dramaturgische Parallelen in «Studien zur neuen deutschen Litteratur». Berlin. 1892.

8) R. Boxberger. Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte. Bd. V, Heft 1 u 2. Berlin. 1892.

9) R. Franz. Gesichtspunkte und Materiallen zur Behandlung von Schillers Demetrius in Prima. Programm des Realgymnasiums zu Halberstadt. 1892—93.

Е Шмурло.

---

[1]) Dr. Karl Hoffmeister. Schiller's Leben, Geistesentwickelung und Werke im Zusammenhang. 5-ter Theil. Stuttgart. 1842.

[2]) Dr. Wychgram. Schiller dem deutschen Volke dargestelt. Bielefeld u. Leipzig. 1895!

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

(Demetrius).

ПЕРВЫЙ АКТЪ

СЕЙМЪ ВЪ КРАКОВѢ.

При поднятіи занавѣса открывается зала сената, въ которой засѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ. На высокой эстрадѣ о трехъ ступеняхъ, крытыхъ алымъ сукномъ, королевскій тронъ съ сѣнію: по бокамъ висятъ польскіе и литовскіе гербы.

КОРОЛЬ *восходитъ на тронъ; справа и слѣва стоятъ на эстрадѣ десять* КОРОННЫХЪ САНОВНИКОВЪ. *Подъ эстрадой, по обѣимъ сторонамъ сцены сидятъ* ЕПИСКОПЫ ПАЛАТИНЫ *и* КАСТЕЛЛАНЫ. *Близъ нихъ помѣщаются въ два ряда,* ВЫБОРНЫЕ ОТЪ ШЛЯХТЫ *съ непокрытой головой. Всѣ вооружены,* ГНѢЗНЕНСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ, *какъ примасъ королевства, сидитъ ближе всѣхъ къ авансценѣ, за нимъ его* КАПЕЛЛАНЪ *держитъ золотое распятіе.*

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

И такъ, нашъ бурный сеймъ благополучно
Достигъ давно-желаннаго конца:
Король съ чинами разстается дружно;
Оружіе съ себя слагаетъ шляхта;
Упрямый *рокошъ* *) разойдтись согласенъ;
А самъ король даетъ святое слово—
Внимать отнынѣ жалобамъ правдивымъ.—

. . . . . ,
Внутри все мирно и теперь мы можемъ
Окинуть взоромъ внѣшнія дѣла.
. . . . . .
Угодно ли чинамъ свѣтлѣйшимъ будетъ,
Чтобъ князь Димитрій правый притязатель
На русскую корону, какъ законный,
Какъ истинный сынъ покойнаго Ивана,
Предсталъ и доказалъ свои права
На русскій тронъ, здѣсь передъ *сеймомъ вальнымъ*? *)

КРАКОВСКІЙ КАСТЕЛЛАНЪ.

Конечно! Гдѣ же честь и справедливость?
И отказать намъ князю не прилично...

ЕПИСКОПЪ ВЕРМЕЛАНДСКІЙ.

Всѣ документы на его права
Просмотрѣны теперь и оказались

*) *Рокошъ* (rokosz) возстаніе шляхты противъ короля и сенаторовъ. *Прим. переводчика.*

*) *Seym Walny* – генеральный сеймъ. *Прим. переводчика.*

Всѣ подлинными. Выслушать его
Намъ *можно.*

НѢСКОЛЬКО ВЫБОРНЫХЪ ШЛЯХТИЧЕЙ.

Нѣтъ! не только можно—*должно.*

ЛЕВЪ САПѢГА.

Но выслушать—все то же, что признать.

ОДОВАЛЬСКІЙ *)

Не выслушать—все то же, что отвергнуть.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Благоволятъ ли допросить его?
Вопросъ въ другой и въ третій разъ предложенъ.

ВЕЛИКІЙ КОРОННЫЙ КАНЦЛЕРЪ.

Пусть предстаетъ предъ королевскій тронъ!

СЕНАТОРЫ.

Пусть говоритъ!

ВЫБОРНЫЕ.

Мы всѣ готовы слушать.

(*Великій коронный маршалъ даетъ придверному знакъ своимъ жезломъ; придверникъ отворяетъ двери*).

ЛЕВЪ САПѢГА.

Я протестую—пусть запишетъ канцлеръ—
Противъ всего, что несогласно съ миромъ
Межъ Польшей и московскою короной.

Входитъ Димитрій, *приближается на нѣсколько шаговъ къ трону, и не снимая шапки, отдаетъ по поклону королю, сенаторамъ и выборнымъ; ему отвѣчаютъ наклоненіемъ головы. Затѣмъ Димитрій становится такъ, что ему видна большая часть собранія и присутствующихъ на сеймѣ; къ королевскому трону онъ только-что не повернулся спиной.*

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Князь Димитрій Іоанновичъ Быть можетъ,
Блескъ сейма и величье короля
Тебѣ невольно связываютъ рѣчи?
Такъ вѣдай, что дозволено сенатомъ
Тебѣ избрать повѣреннаго: можешь
Его устами съ сеймомъ объясниться.

ДИМИТРІЙ.

Отецъ архіепископъ, я предсталъ
Искателемъ наслѣдственнаго царства
И скипетра державнаго: не гоже
Смущаться мнѣ передъ народомъ вольнымъ,
Передъ его владыкой и сенатомъ.
Я никогда еще ни лицезрѣлъ
Подобнаго высокаго собранья—
И этотъ видъ мнѣ возвышаетъ душу.
Но—не страшитъ. Чѣмъ послухи *) достойнѣй,
Тѣмъ мнѣ желаннѣй; а теперь я слово
Держу наисвѣтлѣйшему собранію.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ

. . . . . .

Рѣчь Посполита слову твоему
Благо-вонметъ. Скажи не обинуясь.

ДИМИТРІЙ.

Отцы-епископы, вельможный сонмъ
Достойныхъ палатиновъ, паны-рада
И выборные Рѣчи Посполитой!
Дивлюсь и, съ несказаннымъ изумленьемъ,
Себя, пріимца русскаго престола,
Наслѣдника державы Іоанна,
На вашемъ сеймѣ всенародномъ вижу...
Кровавою враждою оба царства,
Русь съ Польшей, обмѣнялися; о мирѣ
И рѣчь не шла, пока отецъ былъ живъ...
И—вотъ теперь благо-рѣшило небо,
Чтобъ плоть отъ плоти и отъ крови кровь,
Сынъ Іоанна, съ молокомъ всосавшій
Наслѣдственно-пріемную вражду,
Чтобъ я предъ вами странникомъ явился,
И у враговъ, въ срединномъ градѣ Польши,
Отстаивалъ законныя права!...
Забудьте жъ прежде, чѣмъ держать мнѣ слово,
Забудьте быль-былую благодушно:
Не осудите сына за отца
И кровною войной не упрекните.
Я, русскій князь,—ограбленъ, угнетенъ,—
Прошу защиты. Развѣ угнетенный
Не вправѣ полагаться на участье
Людей правдивыхъ, благородно-вольныхъ?
А есть ли что правдивѣе на свѣтѣ,
Какъ храбрый, независимый народъ?
Верховной властью древле-облеченный,
Онъ самъ свои дѣянья повѣряетъ,

*) Въ переводѣ Мея при первомъ упоминаніи *Одовальскаго*. сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Нѣкоторыя собственныя имена искажены у Шиллера: такъ, напримѣръ вмѣсто *Одоевскій* у него *Одовальскій* (Odowalsky). Вообще, какъ иностранный писатель тогдашняго времени, незнакомый съ русскимъ бытомъ и съ русской исторіей, онъ неминуемо долженъ былъ впасть въ погрѣшности и анахронизмы. Они будутъ указаны послѣдовательно въ выноскахъ. *Прим. переводчика*». Но какъ мы уже знаемъ, поправка Мея произвольна. См. выше стр. 275. *С. В.*

*) Я не нашелъ приличнѣе забытаго слова *послухъ* для передачи современнаго понятія *свидѣтель*. Оттѣнки обоихъ понятны. *Прим. переводчика.*

Современный портретъ Марины **Мнишекъ**. Прежде
замкѣ Вишневецкихъ, теперь **въ** Историче

И преклоняетъ ухо ко всему,
Что человѣчно.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Князь! ты передъ нами
Предсталъ, какъ сынъ законный Іоанна.
Твоя наружность и слова согласны
Съ такимъ высокомѣрнымъ притязаньемъ;
Но докажи намъ подлинность твою
Неотвержимо—и надѣйся смѣло
На благородство Рѣчи-Посполитой:
Она встрѣчалась съ русскими на полѣ,
И доказала, что способна быть
Честнымъ врагомъ и вселюбезнымъ другомъ.

ДИМИТРІЙ.

Иванъ Васильичъ былъ женатъ пять *) разъ
И первую супругу взялъ изъ дома
Романовыхъ. Царица родила
Царевича Ѳеодора: наслѣдникъ
И царь онъ былъ по смерти Іоанна,
Но у покойнаго еще былъ сынъ, Димитрій,
Отъ брака съ Марфою, изъ роду Нагихъ **),
Съ послѣднею супругою. Димитрій
Въ пеленкахъ былъ, когда скончался царь.
Ѳеодоръ Іоанновичъ—и тѣломъ,
И духомъ слабый—передалъ кормило
Правленія Борису Годунову,
Великому конюшему—и тотъ
Всѣмъ царствомъ русскимъ правилъ само-властно.
Бездѣтному Ѳеодору надежды
На сына и наслѣдника престола
Царицы юной лоно не сулило.
А между тѣмъ правитель хитрый царства
Снискалъ любовь и преданность народа,
И на вѣнецъ возвелъ свой смѣлый взоръ.
Одной препоной былъ царевичъ-отрокъ,
Димитрій Іоанновичъ взрощенный
Въ удѣльномъ Угличѣ царицей Марѳой.
Когда Бориса замыслы созрѣли,
Послалъ убійцъ онъ въ Угличъ потаенно,
Чтобъ умертвить царевича-младенца.
Глухою ночью, въ терему царицы,
Вдругъ вспыхнули отдѣльные покои,
Гдѣ съ дядькою опочивалъ царевичъ.
Все сдѣлалось добычею пожара,
А самъ царевичъ безъ вѣсти пропалъ:
И мать и всѣ сочли его погибшимъ,
Оплакали безвременную смерть—
Тѣмъ дѣло и покончилось. Спросите—
И вся Москва вамъ въ этомъ присягнетъ.

*) Ошибка: Іоаннъ былъ женатъ не пять, а семь разъ. *Прим. переводчика.*

**) У Шиллера: Нагори (Nagori). *Прим. переводчика.* См. выше стр. 275. *С. В.*

АРХІЕПИ КОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Мы слышали тогда же эти вѣсти:
Всѣ государства обошла молва,
Что въ Угличѣ царевичъ средь пожара
Погибъ; и такъ какъ смерть его конечно
Была желанна для царя Бориса,
Бориса въ этой смерти обвинили.
Теперь однакожъ не о смерти рѣчи:
Царевичъ живъ. Ты увѣряешь, будто
Онъ живъ въ твоей особѣ: докажи,
Гдѣ основанье тождеству такому?
По чемъ признать намъ подлинность твою?
Какъ поисковъ Бориса несомнѣнныхъ
Ты избѣжалъ, и чрезъ шестнадцать лѣтъ
Явился въ Божьемъ мірѣ такъ нежданно?

ДИМИТРІЙ.

И года нѣтъ, какъ самого себя
Обрелъ я, ибо жизнь моя доселѣ
Была покрыта непроглядным мракомъ,
И о своемъ рожденьѣ я не вѣдалъ.
Едва себя запомню, былъ я служкой
За крѣпкой монастырскою оградой.
Охъ какъ тѣсна монашеская жизнь,
Когда душа запроситъ вольной-воли,
И въ богатырскихъ, юношескихъ жилахъ
Забьетъ ключомъ наслѣдственная кровь!
Я сбросилъ ненавистный мнѣ подрясникъ
И убѣжалъ потайно въ вашу Польшу.
Здѣсь славный Сендомирскій воевода
Мнѣ далъ пріютъ въ своемъ вельможномъ замкѣ
И честнымъ званьемъ воина облекъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Какъ? о себѣ ты самъ еще не вѣдалъ,
Когда по свѣту слухъ ходилъ издавна,
Что былъ спасенъ отъ гибели царевичъ?
Борисъ, дрожа на отнятомъ престолѣ,
По всѣмъ границамъ утвердилъ заставы,
Чтобы слѣдить за путниками зорко.
Какъ? до тебя слухъ этотъ не достигнулъ,
И ты не выдавалъ себя нигдѣ
За Дмитрія?

ДИМИТРІЙ.

Я разсказалъ, что знаю.
Коль слухи о моемъ существованьѣ
Ходили—ихъ разсѣялъ самъ Господь.
Себя не зналъ я. Въ домѣ палатина
Я прожилъ юность въ сонмѣ челядинцевъ.
Въ молчаніи благоговѣйномъ, страстно
Я полюбилъ одну изъ дочерей
Хозяина, хоть взоровъ и не поднялъ
На высоту, запретную пришельцу.
Но вотъ что было: Львовскій кастелланъ,

Женихъ моей красавицы, случайно,
Узналъ про страсть мою къ его невѣстѣ
И оскорбилъ меня кичливой бранью,
И даже руку поднялъ на меня...
Я взялся за оружіе: безумный,
Онъ въ бѣшенствѣ попался мнѣ подъ саблю—
И палъ... Но въ смерти этой я невиненъ.

МНИШЕКЪ.

Да, такъ все было. . . .

ДИМИТРІЙ.

Боже! безъименный
И бѣглый чужеземецъ умертвилъ
Сановника, пріятеля и зятя
Вельможнаго патрона своего!...
Ни явная невинность, ни участье
Всей челяди, ни даже милосердье
Патрона не могли меня спасти:
Законъ, къ полякамъ милостивый, прямо
Меня, пришельца, осуждалъ на казнь.
И вотъ меня приговорили къ смерти...
И я колѣна преклонилъ предъ плахой,
И шею подъ ударъ меча подставилъ...
Но въ это-то мгновенье у меня
Блеснулъ на шеѣ золота литого,
Каменьями осыпанный, наперсный
Купельный крестъ! У насъ такой обычай,
Чтобы символъ святого искупленья
Не скидывать съ груди отъ колыбели.
Въ тотъ самый мигъ, какъ съ жизнью разставаться
Пришлося мнѣ, я этотъ крестъ купельный
Поднесъ къ устамъ съ благочестивой думой.

(*Поляки знаками выражаютъ свое сочувствіе*).

Замѣтили святую драгоцѣнность
Съ немалымъ изумленьемъ; любопытство
Понудило мнѣ узы разрѣшить
И допросить меня; но я не вѣдалъ—
Съ которыхъ поръ ношу святыню эту.
Тутъ были трое изъ дѣтей боярскихъ,
Бѣжавшихъ отъ Бориса въ Сендомиръ:
Они признали крестъ, по изумрудамъ
И аметистамъ, за наперстный крестъ
Царевича Димитрія: возложенъ,
По ихъ словамъ, онъ былъ Мстиславскимъ княземъ *)
При самомъ воспринятьи отъ купели
Царевича. Оглядываютъ ближе
Меня—и замѣчаютъ съ изумленьемъ,
Что правая рука моя короче,
Чѣмъ лѣвая: такая же примѣта
Была и у Димитрія, случайно.
Допрашиваютъ крѣпко... Я припомнилъ,
Что захватилъ съ собою, при побѣгѣ
Изъ монастырской келіи, псалтырь,
Что въ псалтырѣ есть греческая надпись,
Начерчена игуменомъ—а какая—
Не знаю, по незнанью языка.
Псалтырь нашли и разобрали надпись.
Гласитъ: что братъ Василій-Филаретъ
(Тогда мое монашеское имя)
Владѣтель псалтыря сего,—законный
Царевичъ Дмитрій, младшій сынъ Ивана;
Что чудомъ спасъ младенца дьякъ Андрей
И скрылся отъ клевретовъ Годунова;
Что есть тому свидѣтельства: хранятся
Въ какихъ-то двухъ обителяхъ и нынѣ.
Тогда бояре *) мнѣ упали въ ноги;
И съ полнымъ убѣжденьемъ и сознаньемъ
Челомъ мнѣ били, какъ цареву сыну.
И такъ: внезапно, изъ потемной бездны,
Горѣ меня судьбина вознесла!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

. . . . . .

ДИМИТРІЙ.

И вотъ—теперь я чувствую, какъ будто
Съ моихъ очей ниспала чешуя,
Воспоминанья подняли завѣсу
Минувшаго,—и ясно въ отдаленьѣ,
Какъ купола въ лучахъ зари вечерней,
Два образа передо мной мелькаютъ,—
Двѣ первыхъ искры дѣтскаго сознанья.
Тѣ облики: бѣгу я темной ночью;
Взглянулъ назадъ—потемки словно спрыснулъ
Пылающими брызгами пожаръ...
Должно быть, вспоминанье стародавне,
Затѣмъ, что облики, съ нимъ слитые, погасли
Въ моей душѣ. Я смутно помню только
Вотъ этотъ страшный, неотступный образъ.
Потомъ яснѣй мои воспоминанья:
Припоминаю, какъ меня обидѣлъ
Одинъ изъ служекъ, упрекнувши царскимъ
Пріемышемъ... Тогда я счелъ за шутку
Его слова: заушиной отвѣтилъ
На нихъ—и думалъ, что вполнѣ былъ правъ,
Какъ человѣкъ. Теперь я понимаю—
Не какъ простой я смертный былъ разгнѣванъ,

---

*) У Шиллера: Вестисловской (*Westislowskoy*). *Прим. переводчика.* См. выше стр. 275. *С. В.*

*) Шиллеръ смѣшиваетъ званіе боярина и боярскаго сына. *Прим. переводчика.*

Какъ царскій сынъ... Теперь единымъ словомъ
Разрѣшена судьбы моей загадка:
Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ,
А по біенью собственнаго сердца,
Я узнаю наслѣдственную кровь—
И ужъ скорѣй пролью ее по каплѣ,
Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Нельзя же намъ-то на слово повѣрить,
Что впечатлѣнья дѣтскія правдивы!
Кому должны мы вѣрить? Бѣглецу?
Иль показанью бѣглецовъ такихъ же?
Прости меня: я вижу – благороденъ
Ты, юноша! По голосу, по рѣчи
И по осанкѣ—видимо не лжецъ;
Но можетъ быть и *самъ* вѣдь ты обманутъ?
Понятно: человѣческому сердцу
Простительно забиться ложно, если
Вопросъ идетъ о царственной игрѣ,
Что можетъ быть словамъ твоимъ порукой?

ДИМИТРІЙ.

Пятнадцать я свидѣтелей представлю,
Пятнадцать родовитыхъ поляковъ,
Отъ корня безукорнаго Піастовъ:
Пусть подтвердятъ, иль нѣтъ мои слова...
Вотъ къ слову, Сендомирскій воевода
И кастелланъ Люблинскій полагаю,
Что за меня ручательства дадутъ.

. . . . . .

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Такъ что жъ еще, пресвѣтлое собранье?...
Свидѣтельствомъ такихъ особъ высокихъ
Разрѣшено сомнѣніе. Давно
По свѣту слухъ прошелъ, что князь Димитрій,
Сынъ Іоанна, живъ еще доселѣ:
Самъ царь Борисъ невольно подтверждаетъ
Слухъ этотъ непонятнымъ опасеньемъ.
Теперь предъ нами юноша: лѣтами,
Обличьемъ, даже до примѣтъ малѣйшихъ,
Случайною природною игрою,
Онъ сходенъ съ тѣмъ, кто такъ необъяснимо
Пропалъ, кого такъ долго и такъ тщетно
Искали. Этотъ юноша достоинъ,
По разуму и сердцу, предъявить
Высокое такое притязанье.
Судьба его чудесна несказанно:
Изъ кельи монастырской бѣдный служка
Является, и на груди его—
Тотъ самый крестъ безцѣнный, что царевичъ
Носилъ когда-то... тотъ купельный крестъ,
Съ которымъ онъ ни разу не разстался,
Онъ, то есть—этотъ юноша... Припомнимъ,
Какъ рукопись смиренная монаха,
Безъ спору несомнѣнная, гласитъ
О томъ, что яко-бъ самый этотъ служка
И есть Димитрій... Я не говорю,
Не помяну, что ясное чело
И рѣчь по правдѣ—всякому порука:
Съ такимъ челомъ обманъ потайный въ свѣтѣ
Еще ни разу не смѣлъ пройдти,
Закидывая громкими словами...
И такъ—я дальше возражать не смѣю
На притязанье юноши и имя—
Даю ему, какъ примасъ, первый голосъ!

АРХІЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ.

Мой голосъ—твой!

НѢСКОЛЬКО ЕПИСКОПОВЪ.

И наши—также ваши!

НѢСКОЛЬКО ПАЛАТИНОВЪ.

И я!

ОДОВАЛЬСКІЙ.

И я!

ВЫБОРНЫЕ (*поспѣшно другъ за другомъ*).

Мы всѣ!

САПѢГА.

Но нѣтъ, позвольте,
Позвольте, паны-рада! не спѣшите:
Обдумать надо... Благородный сеймъ
Изъ пустяковъ не долженъ расходиться

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Тутъ нечего обдумывать; все ясно
Свидѣтельство и дѣло—на лицо.
Здѣсь—не орда: здѣсь горла не затянетъ,
За слово правды, ханская веревка!
Здѣсь истина чела не потупляетъ!
Надѣюсь, что въ собранье благородномъ,
Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,
Ни одного нѣтъ ханскаго холопа.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю сенаторовъ свѣтлѣйшихъ
За признанную истину! И если
Я подлинно тотъ самый, за кого
Меня признали, прибѣгаю къ сейму
Съ усердною, но правомѣрной просьбой:
Ужели благородный сеймъ допуститъ,
Чтобъ дерзностный и наглый похититель
Владѣлъ моимъ наслѣдіемъ законнымъ

И государскимъ скипетромъ моимъ?

. . . . . .

Мои—права, а ваши—мощь и сила:
Такого нѣтъ ни царства, ни престола,
Гдѣ не было бы славы: справедливость,
Гдѣ не было бы собственности правой.
Тогда и веселъ только человѣкъ,
Когда онъ знаетъ, что его наслѣдье
Ограждено закономъ, что надъ каждымъ
И домомъ, и престоломъ вѣетъ знамя
Свободнаго, святого договора,
Какъ бы хоругвь охранная правамъ.
Не даромъ говорятъ, что справедливость—
Десницей смертной возведенный сводъ,
На немъ же опочіетъ все—едино
Все то, что съ нимъ же рушиться должно

. . . . . .

(*Одобрительныя мнѣнія сенаторовъ*).

ДИМИТРІЙ.

Король пресвѣтлый Сигизмундъ! Проникни
Мнѣ въ душу яснымъ и духовнымъ взоромъ;
Пойми, что участь скорбная моя
Сродна съ твоей; что ты и самъ родился
Въ темницѣ, самъ безропотно сносилъ
Судьбы несправедливые удары.
Твой первый взглядъ на склепъ тюремный брошенъ;
И изъ тюрьмы избавиться ты могъ
Единымъ бѣгствомъ—на престолъ наслѣдный...
Достигъ—а съ нимъ достигъ великодушья:

. . . . . .

Такъ будь-же и ко мнѣ великодушенъ...
А вы, сановники, представители сената,
Вы преподобно-твердые столпы
Всей церкви христіанской, палатины
И кастелланы! Вотъ удобный мигъ—
Слитъ два родныхъ народа во-едино.
Давно они между собой враждуютъ...
Оставьте же вы славу за собой,
Что поняли, что даже доказали,
Какъ Польша сопрестольна со Москвой,
И какъ въ враждебномъ, видимо, сосѣдѣ
Вы друга благодарнаго нашли...
А вы, опора Рѣчи Посполитой,
Вы, шляхтичи, скорѣй коней сѣдлайте,
Влетайте въ золотыя ворота,
Что передъ вами распахнуло счастье!
Я подѣлюсь всей вражьею добычей.
Москва богата. Царская казна
Несчастна: награжу друзей по-царски,
Кто въѣдетъ въ Кремль за мной, такъ—вотъ клянусь!—
Тотъ въ бархатѣ, въ шелку, и въ соболяхъ,
И въ жемчугахъ ходить по буднямъ будетъ,
А серебромъ—подкуй коня, кто хочетъ...

(*Сильное волненіе между выборныхъ отъ шляхты*).

КОРЕЛА *), КАЗАЧІЙ АТАМАНЪ.

(*Объясняетъ, что онъ готовъ привести Димитрію войско*).

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Ужели же казакъ у насъ похититъ
И славу, и богатую добычу?

. . . . . .

Мы въ мирѣ съ Крымомъ, съ турками и съ шведомъ.
Уже давно всю нашу молодежь
Такой нежданно-долгій миръ тревожитъ...
Давно покрылись ржавчиною сабли...
Пора!... Гайда—на царскія владѣнья!...

НѢСКОЛЬКО ШЛЯХТИЧЕЙ.

Война, война съ Москвою!

ОСТАЛЬНЫЕ.

Рѣшено!
По голосамъ рѣшимъ!

САПѢГА (*встаетъ*).

Коронный маршалъ!
Вели молчать: хочу держать я слово.

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Война, война съ Москвою!

САПѢГА.

Стойте: слово!
Вы, маршалъ, долгъ исполнить не хотите?

КОРОННЫЙ МАРШАЛЪ.

Вы, видите, что это невозможно.

САПѢГА.

Какъ? И коронный маршалъ также купленъ?
На сеймѣ, значитъ, больше нѣтъ свободы?
Да бросьте жъ жезлъ, въ знакъ общаго молчанья:
Я требую, упорствую, хочу.

(*Коронный маршалъ бросаетъ свой жезлъ на средину палаты; говоръ стихаетъ*).

О чемъ тутъ спорить? развѣ мы не въ мирѣ,
Не въ полномъ соглашеніи съ Москвою?
Я, полномочный короля посолъ,
Я на двадцать лѣтъ вѣрно, самолично,
Скрѣпилъ съ Москвой условье перемирья:
Я поднялъ руку правую къ соборамъ
Во имя королевское и Польши...
Царь слово держитъ... Но зачѣмъ же клятвы,

*) У Мея по ошибкѣ *Комля*. См. стр. 275 *С. В.*

Димитрій Самозванецъ. Воевода Мнишекъ. Марина и ея сынъ.
Гравюра А. Олещинскаго.

Зачѣмъ же и святые договоры,
Коль можно ихъ нарушить сеймомъ сразу?

ДИМИТРІЙ.

Князь Левъ Сапѣга! Вы намъ говорите,
Что миръ съ царемъ Московскимъ заключили?
Неправда: царь одинъ Московскій—я.
Во мнѣ Москвы величіе; за мною
Наслѣдная держава Іоанна...
Коль поляки миръ съ Русью заключатъ,
Такъ заключатъ съ ея царемъ законнымъ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

И намъ-то что за дѣло? Мы тогда
Хотѣли такъ—теперь хотимъ другого.

САПѢГА.

А! вотъ куда зашло!... И не найдется
Здѣсь никого, кто-бъ сталъ теперь за правду?
Такъ стану я, такъ я сорву личину
И обнаружу истину. Какъ? Примасъ,
Ты можешь такъ сочувствовать усердно
Налетной, недоказанной молвѣ?
Иль можешь такъ искусно притворяться?
Какъ? Польскіе сенаторы доступны
Для первой сплетни? Какъ?.. И ты, король,
Такъ слабодушенъ, что повѣрилъ сплетнѣ?
Да развѣ вы не вѣдали доселѣ,
Что были вы игрушкою въ рукахъ
У воеводы хитраго, что онъ-то
И сочинилъ вамъ русскаго царя,
Такого честолюбца, самозванца,
Что загодя, на нашихъ же глазахъ,
Свою Москву родную намъ же дѣлитъ?
Напоминать объ этомъ вамъ, помимо
Всѣхъ клятвенно-скрѣпленныхъ договоровъ,
Не нужно, а скажу, что воевода
Дочь младшую ему же, самозванцу,
Помолвилъ... Будто въ Рѣчи-Посполитой
Всѣ слѣпы такъ, что разглядѣть не могутъ,—
Гдѣ омутъ? Но зачѣмъ же намъ вдаваться
Въ опасности, въ случайности войны,
На пользу воеводы Сендомира
И быть ступенькой для его Марины,
Чтобъ легче ей взойдти на русскій тронъ?
Онъ—мало *покупать*—*подкупать*...
Про сеймъ теперь ужъ я не говорю!
Что сеймъ! когда по Кракову повально
Принаняты и праздныя ватаги,
И тридцать тысячъ праздныхъ лошадей?..
Сторонники его и здѣсь, въ палатѣ,
Свободный голосъ заглушить хотятъ
Неправо, покупными голосами...
Но страхъ душѣ правдивой не причастенъ,
А потому, пока течетъ по жиламъ
И не застыла родовая кровь,
Упорно я остаиваю право
Свободой мнѣ дарованнаго слова:
Я заручался миромъ и съ Москвою—
Билъ *по рукамъ*, онъ святъ мнѣ поневолѣ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Не слушайте его!—по голосамъ.

(*Епископы краковскій и виленскій встаютъ и становятся на сторону Одовальскаго, чтобы отбирать голоса*).

МНОГІЕ.

Война, война съ Москвою!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ (*Сапѣгѣ*).

Панъ, сдавайся!
Нельзя противу видимости спорить,
Иначе выйдетъ неразумный споръ
И несогласіе.

КОРОННЫЙ КАНЦЛЕРЪ

(*сходитъ со ступенекъ трона и говоритъ Сапѣгѣ*).

Король васъ очень проситъ,
Чтобъ какъ нибудь, разнорѣчивымъ мнѣньемъ
Разстроенъ не былъ общій голосъ сейма.

ПРИДВЕРНИКЪ (*на ухо Одовальскому*)

Васъ просятъ: стойте смѣло на своемъ,
А проситъ—цѣлый Краковъ, за дверями.

КОРОННЫЙ МАРШАЛЪ (*Сапѣгѣ*).

Рѣшенье обще: лучше—согласитесь!

КРАКОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ

(*отобравъ съ одной стороны голоса*).

Направо—всѣ согласны.

САПѢГА.

Пусть согласны
А все-таки и всѣмъ скажу я: нѣтъ!
Я сеймъ, по праву, распускаю. Veto!
Кричите, какъ хотите, но вашъ крикъ
Никѣмъ, нигдѣ не можетъ быть услышанъ!

(*Общее смятеніе. Король встаетъ съ трона. Перила раздвигаются. Шумъ. Выборные обнажили сабли и сверкаютъ ими, справа и слѣва, передъ Сапѣгой. Епископы съ обѣихъ сторонъ прикрываютъ его своими столами*).

Что видимость! въ ней нѣту даже смысла
Затѣмъ, что смыслъ-то есть, да не у всѣхъ.
Что для слѣпого значитъ очевидность?
Что потерять, пожалуй—все, тому,

Кто не имѣетъ ничего? Для нищихъ
Есть развѣ выборъ? Нѣту: нищій долженъ
Служить тому, кто милосердно кормитъ
И обуваетъ за продажный голосъ.
Не счетъ, а вѣсъ быть долженъ голосамъ:
То государство, рано или поздно,
Обрушится, гдѣ *видимость* царитъ,
А неразумье дѣло разрѣшаетъ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Не слушайте извѣтчика!

ВЫБОРНЫЕ.

Долой!
Долой его! Рубите на куски!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ

(*вырываетъ изъ руки своего капеллана крестъ и становится между спорщиками*).

Миръ!... Уступи, Сапѣга благородный!
Ужели сеймъ быть можетъ .. окровавленъ?
(*Епископамъ*).
Скорѣй его отсюда... Потихоньку...
Въ дверь боковую... Защитите грудью,
Чтобы толпа въ куски не растерзала...

(*Сапѣга все еще грозя очами, насильно уводится епископами. Архіепископы Гнѣзненскій и Львовскій удерживаютъ въ это время выборныхъ отъ шляхты. При общемъ шумѣ и звукѣ сабель, палата пустѣетъ; остаются только Димитрій, Мнишекъ, Одовальскій и казачій атаманъ*).

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Мы промахнулись . . . . .
. . . . . Только не отсюда
Вы помощи и ждите: пусть тамъ Польша
Съ Москвою въ мирѣ, справимся мы сами.

КОРЕЛА.

И кто бъ подумалъ, чтобы онъ одинъ
На цѣлый сеймъ такъ дерзко поднялъ голосъ?

МНИШЕКЪ.

Король идетъ.

Входитъ КОРОЛЬ СИГИЗМУНДЪ, *за нимъ коронные* КАНЦЛЕРЪ, МАРШАЛЪ *и нѣсколько* ЕПИСКОПОВЪ.

КОРОЛЬ.

Позвольте васъ, царевичъ
Димитрій Іоанновичъ, обнять:
Вы признаны всей Рѣчью-Посполитой,
Хоть наше сердце васъ—признало прежде.
Мы тронуты до глубины души
Судьбою вашей: столько въ ней уроковъ
Для насъ, владыкъ, по милости Господней!..

ДИМИТРІЙ.

Я все забылъ, что прожито когда-то,
И на груди у васъ я возрождаюсь.

КОРОЛЬ.

Я много словъ не трачу, но спрошу васъ:
Какъ властвовать возможно королю,
Когда вассалы и его богаче!
Вы видѣли теперь примѣръ плачевный:
Но худа не подумайте о Польшѣ:
Случайно государственный корабль
Былъ потрясенъ грозою мимолетной.

МНИШЕКЪ.

А смѣлый кормчій и подъ шумомъ бури
Направитъ судно въ пристань безопасно.

КОРОЛЬ.

Сеймъ на-двое распался. Я не властенъ,
Коль и хотѣлъ бы, миръ съ царемъ нарушить,
Но—сильные друзья у васъ... Поляки
Могли-бъ и на свой страхъ вооружиться,
И казаки могли бы попытать
Удачи: тѣ, да и другіе вольны.

МНИШЕКЪ.

Весь *рокошъ* подъ оружьемъ, государь!
Коль вашему величеству угодно,
Потокъ мятежный можете отвесть
Вы на другое русло—на Москву.

КОРОЛЬ.

Царевичъ, вамъ сильнѣйшее орудье
Дастъ Русь; щитомъ вамъ будетъ грудь народа.
Русь побѣдима развѣ только Русью.
Какъ нынче говорили передъ сеймомъ,
Такъ точно говорите и въ Кремлѣ!
Всѣ вашимъ сердцемъ доблестнымъ плѣнятся,
И властвовать вы будете, конечно.
Я въ Швеціи, наслѣдникомъ природнымъ,
Вступилъ когда-то на престолъ законно,
Но потерялъ отцовское наслѣдье,
Затѣмъ, что мнѣ противился народъ.

МАРИНА (*входитъ*).

. . . . . .

МНИШЕКЪ.

Всепресвѣтлѣйшій, вотъ къ твоимъ стопамъ,

Дочь младшая моя, Марина, здѣсь
Со всеусердной просьбой припадаетъ:
Ей руку, вмѣстѣ съ сердцемъ, предлагаетъ
Царевичъ... Ты—одна у насъ опора:
Твоей рукѣ единой подобаетъ
Ввести къ намъ въ домъ достойнаго супруга.

(Марина колѣно-преклоняется передъ королемъ).

КОРОЛЬ.

Согласенъ съ вами, братецъ! Если нужно,
И если вамъ пріятно, я готовъ
Быть у царевича отцомъ на свадьбѣ.

(Димитрію, влагая руку Марины въ его руку).

Я лучшій фантъ теперь вамъ вынимаю:
Богиню счастья... Только бы дожить,
Пока чета прелестная такая
Возсядетъ на достойномъ ей престолѣ.

МАРИНА.

Я, государь, всегда всеуниженно
Склонюсь передъ твоимъ великодушьемъ,
Всегда твоей остануся рабой.

КОРОЛЬ.

Царица, встаньте! Здѣсь вы не у мѣста—
Здѣсь мѣста нѣтъ возлюбленницѣ царской
И дочери такого воеводы,
Какимъ отецъ вашъ вами признается.
У насъ онъ—первый, и хоть вы моложе
Сестеръ, однакожъ умъ вашъ и любезность
На высоту должны васъ возвести.

ДИМИТРІЙ.

Король, изъ рукъ передаю я въ руки,
Какъ государь такому-жъ государю,
Вотъ эту клятву: принимаю руку
Дѣвицы Мнишекъ, какъ залогъ на счастье!
Клянусь, взойдя на отческій престолъ,
Взвести ее торжественно туда же,
Какъ подобаетъ, истою царицей!
На утро, послѣ свадьбы, ей даю,
Какъ брачный даръ, и Псковъ и Новый-Городъ,
Всю пригородь ихъ, волости, концы,
И села, и поселки, и угодья,—
Даю ихъ ей я въ вѣчное владѣнье—
И грамоту пишу въ Кремлѣ московскомъ!
За то, что благородный воевода,
Въ защиту правъ моихъ, теперь сбираетъ
По шляхтѣ ополченье, предлагаю
Милльонъ дукатовъ польскаго чекана!
. . . . . .
Помогъ бы мнѣ Господь и всѣ святые,
А клятву я сдержу ненарушимо!

КОРОЛЬ.

Вы сдержите: нельзя вамъ позабыть,
Чѣмъ одолжилъ васъ польскій воевода.
Тотъ, кто свое завѣдомое благо,
Кто дщерь свою любимую бросаетъ
Какъ упованье лучшее на жребій—
Такого друга надобно цѣнить,
И, если посчастливится, вамъ должно
Припомнить всѣ престольныя ступени...
Съ одеждою вы сердца не смѣняйте—
И не забудьте, что нашлися въ Польшѣ,
Что Польша васъ вторично породила.

ДИМИТРІЙ.

Я выросъ вѣдь въ бездольѣ, и узналъ,
Какъ только узы чувства и пріязни
Людей взаимно межъ собой связуютъ.

КОРОЛЬ.

Но вы теперь вступаете на царство,
Гдѣ нравы и обычаи не схожи
Съ такой землей свободною, какъ Польша.
Здѣсь самъ король, хотя изъ первыхъ первый
По блеску, долженъ часто уступать...
Тамъ, на Руси—священныя права,
Семейныя; тамъ—*отческая* власть ..
. . . . . .

ДИМИТРІЙ.

Я здѣсь свободу сладкую вкусилъ—
Перевести ее хочу въ отчизну...
. . . . . .
. . . . . .

КОРОЛЬ.

Не торопитесь! Время нужно выждать!
Послушайте, царевичъ, три совѣта,
И слѣдуйте имъ вѣрно: предлагаетъ
Вамъ ихъ старикъ, а въ старческомъ совѣтѣ
Для юноши всегда таится польза.

ДИМИТРІЙ.

О, научите, доблестный король!
Вы почтены, вы избраны народомъ
Свободнымъ: какъ достигнуть мнѣ того же?

КОРОЛЬ.

. . . . . .
Вы на Руси явились изъ чужбины,
Явилися подъ вражескимъ оружьемъ—
Съумѣйте жъ, чтобъ про это позабыли,
Чтобъ признали васъ родичемъ Москвы,
И мѣстные обычаи уважьте.
Блюдите слово, данное полякамъ:
На новомъ тронѣ нуженъ старый другъ,
Иначе та же самая рука,

Что вознесла, и ниспровергнуть можетъ.
Но помните, что подражать не надо;
Обычай чуждый для страны не въ прокъ...
. . . . . .
А главное: къ чему-бъ ни приступали,
У матери своей вы благословитесь—
Вѣдь вы ее найдете?

ДИМИТРІЙ.

Государь!

КОРОЛЬ.

Какъ сынъ, ее вы чтить должны сыновне—
Почтите же... Межъ вами и народомъ
Она да будетъ связію священной.
Конечно—нѣтъ законовъ для царей;
Но для людей законы естества
Не только есть, а боязливо чтимы...
Для вашего народа нѣтъ святѣе
Залога доказательства и права,
Какъ дѣтская—*сыновняя* любовь.
Я замолчу объ этомъ. Слишкомъ много
Препятствій неожиданныхъ прійдется
Вамъ побороть, чтобъ наконецъ достигнуть
До золотого вашего руна.
Вамъ предстоитъ не легкая побѣда:
Силенъ и чтимъ престолъ царя Бориса.
Не съ нѣженкой вступаете вы въ споръ.
Въ чьи руки скипетръ вложенъ всенародно,
Того не скоро опрокинетъ вѣтеръ
Молвы пролетной: у того въ замѣну
Всѣхъ предковъ есть дѣянья и заслуги.
Я васъ ввѣряю вашему же счастью:
Оно спасло васъ два раза отъ смерти—
Спасло какимъ-то непонятнымъ чудомъ—
Оно же васъ и увѣнчать должно.

МАРИНА, ОДОВАЛЬСКІЙ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Ну, панна, я исполнилъ договоръ:
Жду, чтобъ мое усердье похвалили.

МАРИНА.

Да... хорошо, что мы теперь одни,
Поговорить намъ нужно, Одовальскій *),
О многомъ, очень важномъ. Чтобъ царевичъ
Не зналъ объ этомъ. Впрочемъ, еслибъ онъ
Могъ до конца небесному внушенью
Послѣдовать! Въ себя онъ вѣритъ такъ же,
Какъ свѣтъ въ него. И пусть его объемлетъ
Та тьма, та тайна, изъ которой столько
Исходитъ дѣлъ и подвиговъ великихъ;
Но между нами все должно быть *ясно*.
У насъ въ рукахъ все дѣло,—такъ разсудимъ;
За нимъ, конечно, имя, вдохновенье;
За нами—мысль, и если мы разумно
Идемъ къ желанной цѣли и успѣху,
Пускай онъ остается въ заблужденьи,
Что это все ему ниспало съ неба.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Повелѣвайте, панна! Я дышу,
Живу затѣмъ, чтобъ вашимъ быть слугою.
Ужель мнѣ занимателенъ вопросъ
О томъ, кто сядетъ на московскомъ тронѣ?
Меня величье ваше занимаетъ
И слава: я за нихъ готовъ отдать
И жизнь и кровь—всю до послѣдней капли.
Вѣдь для меня ужъ не бывать весны;
Зависимый и бѣдный, я не смѣю
Моихъ желаній дерзостно возвысить;
Но милость вашу я снискать хочу
И домогаюсь одного я только,
Чтобъ, панна, вы взошли на высоту;
Затѣмъ—пускай другой владѣетъ вами!
Вы все-таки мое произведенье.

МАРИНА.

Затѣмъ и я сердечно васъ люблю,
И дѣло вамъ спокойно довѣряю.
Король его считаетъ вовсе ложнымъ.
Я вижу пресвѣтлѣйшаго насквозь:
Игра съ Сапѣгой тайная—и только.
Хотя ему, конечно, по душѣ,
Что мой отецъ, кого онъ такъ боится,
Что все дворянство, страшное ему,
Вмѣшалось въ это дѣло, отклонило
Всю силу къ чужеземной сторонѣ;
Но, все-таки, онъ самъ въ борьбу не вступитъ,
А всю удачу съ нами раздѣлитъ.
Насъ побѣдятъ—ему тѣмъ легче будетъ
Нагнуть всю Польшу подъ свое ярмо.
Одни мы въ полѣ. Жеребій нашъ выпалъ.
Онъ—за себя; такъ, стало, мы—за насъ.
. . . . . .
Вы—въ Кіевъ, съ войскомъ. Пусть дадутъ присягу
Царевичу Димитрію и мнѣ.—
Мнѣ, слышите? необходимо нужно...
. . . . . .

ОДОВАЛЬСКІЙ.

. . . . . .

МАРИНА.

Мнѣ мало рукъ—мнѣ нужны и глаза.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Повелѣвайте!

*) Ради сохраненія размѣра пришлось измѣнить расположеніе словъ этого стиха. У Мея: «*Одоевскій, поговорить намъ нужно*». *С. В.*

Бракосочетаніе Дмитрія Самозванца и Марины Мнишекъ въ Москвѣ въ 160

временной картины, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

МАРИНА.

Самъ царевичъ съ вами,
И безотлучно: ровно ни на шагъ;
Иначе мнѣ отвѣтите за каждый.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Повѣрьте: ни на шагъ не отпущу.

МАРИНА.

Неблагодарные люди! Какъ почуетъ,
Что царь—тотчасъ и сброситъ наши путы.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Марина, Одовальскій, Опалинскій, Бѣльскій *и множество* шляхтичей.

ОПАЛИНСКІЙ.

Намъ очень нужно денегъ, патронесса!
Сеймъ истощилъ въ конецъ насъ, а вѣдь надо
Тебя поставить русскою царицей.

МАРИНА.

Епископъ Каменецкій, онъ же Кульмскій,
Подъ общинный залогъ земли и душъ,
Вамъ вышлетъ деньги. За его порукой,
Продайте или заложите избы
Своихъ крестьянъ, все обратите въ деньги
На вашего коня и на оружье!
Война—торговецъ смѣтливый; пожалуй,
Хоть изъ желѣза золото скуетъ.
Москва убытокъ въ десять разъ оплатитъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Двѣ сотни пьютъ теперь еще въ корчмѣ.
Войди туда и выпей съ ними кубокъ,
Тамъ всѣ твои: я коротко ихъ знаю.

МАРИНА.

Жди: ты сейчасъ туда меня проводишь.

ОПАЛИНСКІЙ.

. . . . . .
Ты рождена, конечно, королевой.

МАРИНА.

Конечно. Ей и буду непремѣнно.

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ. Только вотъ что: прикажи сѣдлать
Ты иноходца бѣлаго, садися,
Броней покройся, и—вторая Ванда—
Сама веди безстрашныя дружины.

МАРИНА.

Зачѣмъ? Мой духъ вамъ сопричастимъ будетъ.
Войну не слабымъ женщинамъ вести!
Вамъ сборнымъ мѣстомъ—Кіевъ. Мой отецъ
Немедленно отправится туда,
И съ нимъ три тысячи коней. Мой деверь
Даетъ еще двѣ тысячи; да съ Дону
Мы ждемъ коней и всадниковъ въ подмогу.
Даете вы присягу мнѣ?

ВСѢ.

Даемъ!
(*Обнажаютъ сабли*).

ОДНИ. Vivat Marina! ДРУГІЕ. Russiae regina!

(*Марина рветъ на себѣ покрывало и раздаетъ куски шляхтичамъ. Всѣ кромѣ нея уходятъ*).

Мнишекъ, Марина.

МАРИНА.

Зачѣмъ, отецъ, такъ хмуренъ, если счастье
Нашъ каждый шагъ улыбкою встрѣчаетъ,
И всѣ для насъ берутся за оружье?

МНИШЕКЪ.

Затѣмъ-то именно! Все, все на ставку
Поставлено. О! это ополченье
Задавитъ силу твоего отца!
Опора есть, да грустно вѣдь подумать,
Какъ измѣнятъ и счастье и успѣхъ?
. . . . . .

МАРИНА.

. . . . . .

МНИШЕКЪ.

Ты вовлекла меня въ такое дѣло,
Что опасаюсь... Слабый я отецъ...
По королѣ я первый воевода,
И всѣхъ богаче... Еслибъ мы *тогда*
Не заключили договоръ—ничто бы
Покоя не нарушило; но ты
Рвалась душой повыше: скромный жребій
Твоихъ сестеръ тебѣ былъ не подъ стать;
Стремилась ты всечасно къ высшей цѣли;
Тянула руку къ царскому вѣнцу;
А я, родитель слабый, я для милой,
Для дочери, готовъ былъ заблуждаться
И позволялъ себя вполнѣ дурачить,
И грезѣ совѣсть честную повѣрить.

МАРИНА.

Какъ? Ты, отецъ, раскаялся?Да въ чемъ?
Не въ добротѣ-ль... Тотъ капли не услышитъ,
Надъ кѣмъ неслышно пролилась рѣка.

МНИШЕКЪ.

Однако сестры счастливы покуда,
Хотя не коронованы . . . . . .
. . . . . .

МАРИНА.

Кто счастливъ?
Онѣ-то, сестры? Развѣ это счастье,
Когда изъ дому моего отца
И воеводы я перевожуся
Въ домъ мужа моего и палатина?
Что новаго кому въ такомъ обмѣнѣ?
Какъ для меня должно быть это *завтра*
Пріятнѣй, чѣмъ *сегодня?* Какъ и чѣмъ?
Одно и то же, все одно и то же!
Нѣтъ ни стремленья, даже ни надежды!
По мнѣ—одно: любовь или величье,
А все другое—ровно ничего.

МНИШЕКЪ.

. . . . . .

МАРИНА.

Развеселись, мой дорогой родитель!
Довѣримся несущему потоку!
Не думай ты о жертвѣ принесенной—
А о давно намѣченной ужъ цѣли;
Подумай ты, что дочь свою увидишь
Царицей, въ полномъ царственномъ убранствѣ,
На томъ московскомъ царственномъ престолѣ,
Гдѣ возсѣдать твои же будутъ внуки!

МНИШЕКЪ.

Я ни о чемъ не думаю, опричь,
Какъ я тебя, дитя мое родное,
Въ вѣнцѣ увижу царскомъ. Такъ ты хочешь,
А я тебѣ не смѣю отказать.

МАРИНА.

Еще—вотъ просьба, милый мой родитель!

МНИШЕКЪ.

Какая?

МАРИНА.

Неужели въ Сандомирѣ
Я схимницей все буду изнывать?
Мой жеребій далеко переброшенъ
Поверхъ Днѣпра: искать его мнѣ долго
И тяжело, сносить его—нѣтъ силы!
Ты знаешь самъ, что ожиданье—пытка,
И что его измѣрить можно только
Тоскливыми біеніями сердца.

МНИШЕКЪ.

Такъ что же ты? Скажи: чего ты хочешь?

МАРИНА.

Пусти меня ты въ Кіевъ за удачей!
Тамъ буду черпать новости вседневно
Изъ свѣжаго, живого родника,
Тамъ на предѣлахъ нашихъ царствъ обоихъ
. . . . . .

МНИШЕКЪ.

Ты вся теперь въ волненьи! Успокойся!

МАРИНА.

Какъ упрекать меня теперь за то,
Во что ты самъ вовлекъ меня.

МНИШЕКЪ.

Нѣтъ! ты,
Ты вовлекла меня—твоя и воля!

МАРИНА.

Родитель мой любезный, если буду
Московскою царицей я, смотри,
Чтобъ Кіевъ былъ у *насъ*, въ предѣлахъ нашихъ.
Ты царствовать тамъ будешь.

МНИШЕКЪ.

Грезишь ты!
Тебѣ уже сама Москва тѣсна:
Ты польскія владѣнья отбираешь?

МАРИНА.

Да Кіевъ развѣ Польша? Тамъ варяги
Споконъ-вѣка наслѣдственно княжили.
Я лѣтопись старинную читала
И вникла: онъ отъ русскаго княженья
Оторванъ—надо и назадъ отдать.

МНИШЕКЪ.

Сс! Сс! Не говори при воеводѣ!

(*Слышны трубы*).

Здѣсь, говорятъ, и письма-то вскрываютъ.

ВТОРОЙ АКТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Монастырь, Бѣлое озеро.

По сценѣ переходитъ длинный рядъ монахинь, въ черныхъ рясахъ и покрывалахъ. На нихъ смотритъ Марѳа *изъ-подъ бѣлаго покрывала; она уединенно склонилась надъ надгробнымъ камнемъ.* Ольга *выходитъ изъ ряда, съ минуту смотритъ на Марѳу и подходитъ къ ней.*

ОЛЬГА.

Весна идетъ и зиму разбудила,
А у тебя къ ней сердце не лежитъ.
Вѣдь вотъ и солнце... да и ночь короче;
Ледъ ломится по рѣчкамъ и оврагамъ,
И сани—ужъ не сани—а челноки,
И птицы перелетныя—вотъ тянутъ...
Земля вздохнула; обновленный воздухъ
Всѣхъ выманилъ на монастырскій дворъ
Изъ душныхъ келій; только ты одна
Печальна, общей радости не дѣлишь.

МАРѲА.

Оставь меня, не покидай сестеръ.
Кому есть радость въ свѣтѣ—есть надежда!
Мнѣ ничего не принесетъ весна:
Все прошлое, какъ тѣнь, идетъ за мною.

ОЛЬГА.

Неужели ты вѣкъ не перестанешь
Оплакивать потерянnаго сына
И прежнее величіе твое?
Я слышала, что время проливаетъ
Бальзамъ на раны сердца: отчего же
Оно безсильно только надъ тобой?
Была ты царства мощнаго царицей
И матерью цвѣтущаго младенца;
Онъ былъ случайно у тебя похищенъ;
Ты скрылася въ стѣнахъ монастыря,
Здѣсь, на предѣлѣ всякой жизни... Что жъ!
Шестнадцать лѣтъ съ поры той миновало,
Шестнадцать разъ кнѣлъ Господній міръ
И измѣнялся—ты не измѣнилась:
Ты холодна, какъ памятникъ надгробный!
Обсаженный цвѣтами юной жизни!
Похожа ты на неподвижный обликъ,
Изваянный художникомъ изъ камня!
И навсегда *однимъ* запечатлѣнный.

МАРѲА.

Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбѣ моей ужасной!
Я не могу ни сдвинуться съ былого,
Ни позабыть того, что было прежде.
То сердце слабо, ежели ужъ время
Ему способно раны заживить
И замѣнить, что вѣкъ не замѣнимо.
Моей печали подкупить нельзя:
Какъ сводъ небесный путника повсюду
Сопровождаетъ, такъ и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не изсякнетъ никогда отъ слезъ.

ОЛЬГА.

А! посмотри: вонъ тамъ столпились сестры
Вокругъ мальчишки-рыбака. Онъ вѣсти
Принесъ намъ изъ далекой стороны,
Гдѣ есть жилье и люди. Посмотри же—
Теперь отливъ и улицы свободны.
Ужель тебя не тянетъ любопытство?
Мы всѣ здѣсь словно умерли для свѣта
Но слушаемъ о немъ еще охотно.
Пойдемъ на берегъ: тамъ съ тобой мы можемъ
Напоромъ волнъ спокойно любоваться.

Монахини *подходятъ съ маленькимъ* РЫБАКОМЪ.

КСЕНІЯ И ЕЛЕНА.

Скажи, скажи, что новаго?

АЛЕКСІЯ.

Что въ мірѣ?

РЫБАКЪ.

Дозвольте, сестры, духъ перевести.

КСЕНІЯ.

Война иль миръ?

АЛЕКСІЯ.

Кто властвуетъ надъ міромъ?

РЫБАКЪ.

Пришелъ корабль въ Архангельскъ ото льдовъ,
Гдѣ, говорятъ, и кровь-то замерзаетъ.

ОЛЬГА.

А какъ зашелъ онъ въ Ледяное море?

РЫБАКЪ.

То англійскій купеческій корабль.
Къ Архангельскому въ первый разъ заходитъ.

АЛЕКСІЯ.

Ой! Люди гдѣ не будутъ изъ наживы!

КСЕНІЯ.

Теперь отъ міра никуда не скрыться.

РЫБАКЪ.

Да это новость малая, а вотъ что:
Молва другая по-свѣту прошла...

АЛЕКСІЯ.

Что? что?

ОЛЬГА.

Скажи, пожалуйста, скорѣе.

РЫБАКЪ.

На свѣтѣ снова появились дива.

ОЛЬГА.

Какъ-такъ?

РЫБАКЪ.

А вотъ какъ: Дмитрій-то царевичъ
(Тужили лѣтъ шестнадцать, говорятъ,
По немъ по мертвомъ)—Дмитрій то царевичъ
Теперь вѣдь въ Польшѣ!

ОЛЬГА.

Что? царевичъ Дмитрій?

МАРѲА (*подходя*).

Мой сынъ!

ОЛЬГА.

Скрѣпися! сердце удержи,
Пока всѣ сестры не слыхали вѣсти.

АЛЕКСІЯ.

Царевичъ Дмитрій!... Да его убили:
Онъ въ Угличѣ погибъ среди пожара.

РЫБАКЪ.

Вишь: отъ огня и полымя онъ спасся;
Его укрыли гдѣ-это монахи;
Въ монастырѣ подросъ и появился,
Какъ, значитъ, время самое пришло.

ОЛЬГА (*Марѳѣ*).

Царица! Ты дрожишь... Вся поблѣднѣла...

МАРѲА.

Я знаю, знаю: это только греза!
Но такъ—еще малѣйшая надежда
И страхъ меня тревожитъ, что невольно
Трепещетъ сердце.

ОЛЬГА.

Отчего-же греза?
Послушай... Даромъ не идетъ молва.

РЫБАКЪ.

Какъ даромъ! Да вѣдь дѣло-то какое:
На насъ Литва поднялася, поляки.
Царевичъ въ градъ престольный свой грядетъ!...

(*Марѳа дрожитъ всѣми членами и должна опереться на Ольгу и Алексію*).

КСЕНІЯ.

Да говори-жъ ты, говори, что знаешь!

АЛЕКСІЯ.

Да ты скажи—откуда эти вѣсти?

РЫБАКЪ.

Я развѣ лгу?.. Вѣдь грамата царева
Давно пришла, и намъ читалъ посадникъ
На городу, на сходкѣ вѣчевой,
А писано, что, слышите, обманщикъ,
И намъ тому обману бы не вѣрить...
А мы-то вѣримъ. Коль была-бъ неправда,
Такъ...Что тутъ ужъ!.. Царевичъ не солжетъ.

МАРѲА.

Такъ оттого мнѣ сердце защемило?
Ужель оно такъ слушается міра,
Что слухъ пустой тревожить можетъ?
Шестнадцать лѣтъ оплакиваю сына—
И вѣрю сразу, что онъ живъ еще.

ОЛЬГА.

Шестнадцать лѣтъ ты плакала по мертвомъ,
А никогда и трупа не видала.
Молвы ничто не можетъ опровергнуть
И кто же можетъ предсказать судьбу
Народовъ и надъ ними главъ вѣнчанныхъ?..
Открой же въ сердце путь для упованья:
Свершилось нѣчто большее, какъ видно,
Что ты недавно называла грезой...
Предѣла Всемогущему вѣдь нѣтъ!

МАРѲА.

Ужели взоръ приходится на то
Мнѣ обратить, что такъ давно ужъ было?
. . . . . .
На мертвыхъ я тогда не уповала...
Не говори, сестра, мнѣ ничего!
Не раздражай видѣньемъ ложнымъ сердца!
Не допусти вторично потерять
Возлюбленнаго сына. Нѣтъ покою
И мира нѣтъ въ душѣ моей давно!..
Охъ! и слова то даже я забыла...
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сына потеряла,
Не знаю я—жива иль умерла?
Отчаянье безмѣрное!

(*Слышенъ ударъ колокола. Входитъ сестра-привратница*).

ОЛЬГА.

Что значитъ?
(*Привратницѣ*).
Сестра, скажите—что такое значитъ?

ПРИВРАТНИЦА.

У монастырскихъ вратъ архіепископъ
Желаетъ быть допущенъ отъ царя.

ОЛЬГА.

Архіепископъ! Самъ архіепископъ...
За чудомъ чудо!..

КСЕНІЯ.

Поскорѣе всѣ
На встрѣчу!..
(*Монахини отправляются къ воротамъ; при входѣ архіепископа преклоняютъ предъ нимъ колѣни; онъ ихъ осѣняетъ благословеннымъ крестомъ*).

ІОВЪ.

Миръ обители во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!

ОЛЬГА.

Владыко! паству допусти къ рукѣ
Святительской...

ІОВЪ.

Гдѣ инокиня Марѳа?

ОЛЬГА.

Владыко, здѣсь: твоихъ ждетъ повелѣній!
(*Всѣ инокини удаляются*).

ІОВЪ И МАРѲА.

ІОВЪ.

Самъ государь послать меня изволилъ
Къ тебѣ, царица, съ государскимъ словомъ:
Со своего высокаго стола
Онъ келію отшельницы попомнилъ,
Зане: какъ солнце лучезарнымъ окомъ
Вселенную повсюду освѣщаетъ,
Такъ государь своимъ всезрящимъ взглядомъ
Все освѣщаетъ царство, ибо свыше
Печалуетъ о всемъ и обо всѣхъ.

МАРѲА.

Я знаю, какъ рука его *печальна!*

ІОВЪ.

Познавъ твою великую печаль,
Позналъ онъ также и всю силу духа
И все твое безвременье, царица!
Разгрѣванъ онъ правдиво, какъ и ты,
Тебѣ же нанесенною обидой..

МАРѲА.

. . . . . .

ІОВЪ.

Уразумѣй, царица! Отъ поляковъ
Является какой-то отщепенецъ,
Какой-то бѣглый, безъизвѣстный служка,
Всей братіей отторнутый соборнѣ,
И Божье имя призываетъ всуе
О имени младенца твоего,
Представшаго передъ престолъ Господній;
И сыномъ Іоанновымъ дерзаетъ
Сей скоморохъ народно величаться!
Миро-измѣнникъ, польскій воевода,
Ведетъ на Русь изъ Польши самозванца
Во всеоружьѣ, вѣрныя сердца
Къ предательству и мятежу склоняя.
. . . . . .

Теперь свою державную *печаль*
Царь восхотѣлъ мнѣ возложить на рамо—
Послалъ къ тебѣ... Душевно поминая
Покойнаго младенца, ты не можешь
Дозволить потревожить прахъ и имя
Во гробѣ опочіющаго сына;
Ты не должна позволить проходимцу
Права у непорочнаго похитить...
Но объяви всегласно, что скитальца
Не признаешь за собственное чадо,
Что этой подлой крови не могло
Быть у тебя подъ сердцемъ благороднымъ.
Царь ждетъ, что ты конечно отречешься
Отъ выдумки позорной, наказуя
Ее правдиво заслуженнымъ гнѣвомъ.

МАРѲА (*въ продолженіе всей рѣчи силится сдержать душевное волненіе*).

Владыко, что я слышу?.. Невозможно!
Какой же признакъ, поводъ, да и доводъ,
Чтобъ кто-нибудь обманщику повѣрилъ?

ІОВЪ.

Со Іоанномъ сходство, письмена
И крестъ святой—вотъ чѣмъ обманщикъ этотъ
Къ себѣ привлекъ не мало легковѣрныхъ.

МАРѲА.

Какой же крестъ?.. Повѣдай мнѣ, владыко!

ІОВЪ.

Крестъ золотой... въ немъ девять изумрудинъ...
И говорятъ, что князь Иванъ Мстиславскій,
Какъ воспріемникъ, имъ благословилъ.

МАРѲА.

Владыко, какъ?.. И крестъ онъ этотъ знаетъ?
(*Подавляетъ сердечный порывъ*).
А объяснилъ обманщикъ, какъ онъ спасся?

ІОВЪ.

Онъ говоритъ, что дьякомъ былъ спасенъ
Отъ смерти и полночнаго пожара.
Что былъ въ Смоленскъ потайно увезенъ.

МАРѲА.

Да гдѣ же пребывалъ-то онъ доселѣ?
Гдѣ, говоритъ, доселѣ онъ скрывался?

ІОВЪ.

Онъ выросъ въ Чудовомъ монастырѣ,
Не вѣдая и самъ-то—кто такой?
Бѣжалъ оттуда онъ въ Литву и въ Польшу,
Гдѣ, разъ, при сендомирскомъ воеводѣ,
Узнавъ свое происхожденье...

МАРѲА.

Будто
Такою побасенкой онъ нашелъ
Такихъ друзей, что крови не жалѣютъ?

ІОВЪ.

Царица, всѣ лукавы поляки:
Завистливо на нашу землю смотрятъ
И ловятъ случай—какъ бы имъ внести
Войну въ предѣлы русскіе.

МАРѲА.

Послушай!...
Но есть ли легковѣрные въ Москвѣ?

ІОВЪ.

Царица, знаешь, что народа голосъ
Разноситъ вѣтромъ... Перемѣну любятъ...
Имъ новость власти вдохновляетъ вѣру.
Не ложь, а правда въ спасенье... За тѣмъ-то
И пожелалъ державный государь,
Чтобъ ты, по праву, съ глазъ сняла повязку
У цѣлаго народа: скажешь слово—
И для Руси обманщикъ сей—ничто...
Обманщикъ сей твой яко-бъ сынъ, царица!
Твое смущенье радуетъ меня:
Я вижу—скоморошество его
До глубины души тебя волнуетъ,
И гнѣвъ тебѣ ланиты зарумянилъ.

МАРѲА.

Но гдѣ, скажи мнѣ, гдѣ тотъ дерзновенный,
Что имя сына нашего присвоилъ?

ІОВЪ.

Изъ Кіева идетъ онъ подъ Черниговъ;
За нимъ толпа вооруженныхъ ляховъ
И цѣлый хвостъ казаковъ, прямо съ Дону.

МАРѲА.

Благодарю Тебя я, Всемогущій,
Благодарю, что далъ ты наконецъ
Мнѣ силу права, вмѣстѣ съ правомъ мести.

ІОВЪ.

Да что съ тобой? Какъ разумѣть велишь?

МАРѲА.

Всѣ Силы и Господствія, спасите!
Архангелы крылами осѣняйте
Его хоругвь!

ІОВЪ.

Какъ?.. И тебя обманщикъ...

МАРѲА.

Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю—

И признаю... хоть по боязни царской...
Онъ, самый онъ! Онъ живъ! онъ недалеко!
Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль,
И царь грядетъ, наслѣдный царь грядетъ
Спросить у вѣрноподданныхъ отчета.

ІОВЪ.

Безумная, слова свои обдумай!

МАРѲА.

Вотъ наконецъ зардѣлся день отместный:
На божій свѣтъ выводитъ изъ могилы
Невинность угнетенную Господь!
Самъ Годуновъ, смертельный врагъ мой, долженъ
У ногъ моихъ пощады вымолять:
Услышаны горячія молитвы!

ІОВЪ.

Ужели месть слѣпитъ тебя на столько?

МАРѲА.

А не на столько страхъ слѣпитъ царя,
Что онъ себѣ спасенья ожидаетъ
Отъ женщины, обиженной самимъ же?
. . . . . .
Мнѣ отрекаться надобно отъ сына,
Что изъ могилы вызвало мнѣ чудо?
И отрекаться для чего? Въ угоду
Всероднаго убійцы моего?
Мнѣ избѣгать Господняго спасенья
Отъ материнскихъ скорбей и печалей,
Ниспосланнаго свыше наконецъ?

ІОВЪ.

. . . . . .

МАРѲА.

Не убѣждай, а выслушай меня!
Не выслушавъ, ты не уйдешь, владыко!
Охъ, наконецъ вздохнула грудь свободно
Мнѣ наконецъ пришлось излить всю желчь,
Подъ сердцемъ хороненную . . .
. . . . . Скажи мнѣ:
Кто за живо зарылъ меня въ могилу,
Со всею силой свѣжею моей
И дѣвственнымъ волненьемъ юныхъ персей?
Кто отнялъ сына милаго отъ лона
Подъ ножъ убійцы? Не найдешь ты словъ
Для передачи всѣхъ моихъ страданій,
Когда меня безсонница томила
Всѣ ночи, вмѣстѣ съ ясными звѣздами,
Когда платила я за каждый часъ
Тоскою и горючими слезами.
Насталъ и часъ спасенія и мести:
Мнѣ мощь влагаетъ въ душу Всемогущій!

ІОВЪ.

Не мнишь ли ты, что царь тебя боится?

МАРѲА.

Онъ у меня во власти: только слово,
Одно-вотъ слово—и ему конецъ!
За нимъ-то онъ послалъ тебя, владыко!
Всѣ на меня—и Русь, и Польша—смотрятъ,
Признай теперь я сыномъ Іоанна
Царевича—ему удастся все;
А не признай—все словно въ воду канетъ
Вотъ почему: кто и когда повѣритъ,
Чтобы, какъ я, обиженная мать
Отъ подлиннаго сына отреклася,
Съ убійцею семейнымъ по согласью?,.
Скажу другое слово—цѣлый міръ
Отступитъ отъ обманщика. Не правда-ль?
Вотъ это слово вамъ теперь и нужно;
И услужить могу я Годунову.

ІОВЪ.

Нѣтъ, не царю, а царствію всему:
Ты отъ войны спасла бы государство
Правдивымъ словомъ. Ты сама, царица,
Не можешь въ смерти сына твоего,
По совѣсти и чести, сомнѣваться.

МАРѲА.

Я плакала объ немъ шестнадцать лѣтъ,
А мертвымъ не видала; да и въ смерти
Его затѣмъ лишь только убѣдилась,
Что всѣ сказали.,. что мнѣ было тяжко.
Теперь—молвѣ всеобщей, да и сердцу
Я вѣрю, что мой сынъ не умиралъ.
Сомнѣніемъ заблудшимся не должно
Переступать прямыхъ путей Господнихъ.
Но, еслибъ я подъ сердцемъ не носила
Его, теперь подъ сердцемъ мщенье носитъ
Его же. Я того усыновляю,
Кого мнѣ возродили небеса.

ІОВЪ.

Несчастная! Ты съ сильнымъ не борися!
Его рука, ты знаешь, далека:
Въ обители достанетъ.

МАРѲА.

Пусть убьетъ—
Мой голосъ вѣдь не то, чтобъ изъ темницы,
Изъ-за могилы будетъ слышанъ міромъ...
Въ ту и въ другую онъ повергнуть можетъ,
Да вотъ чего не можетъ: приказать
Мнѣ говорить со словъ его, и даже
Не сможетъ онъ при хитрости своей.

ІОВЪ.

Послѣднее твое, царица, слово?..
Что жъ мнѣ сказать царю и государю?

МАРѲА.

Пусть на небо надѣется, коль смѣетъ,
И на народъ, коль можетъ!

ІОВЪ.

Помолчи,
Не завершай заранѣй преступленья:
Ты беремя берешь себѣ на плечи,
Да беремя-то плечи къ земи клонитъ.

———

МАРѲА, *одна*.

Сынъ—несомнѣнно!.. Дальніе края
И дикія пустыни возмутились—
И за него оружіе подняли,
Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,
Рѣшается отдать ему въ супруги
Не дочь свою, а золото литое...
И я одна, я, мать, его отвергну?
И буду очевидицей нѣмой,
Какъ вихорь общей радости и счастья
Всю Русь охватитъ въ день вѣнчальный сына?
Онъ *сынъ* мой—знаю, чувствую и вѣрю!
Хочу повѣрить и берусь за якорь,
Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.
Онъ! онъ! Идетъ сюда вооруженный
Спасти меня и отомстить врагу!...
Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
Сбирайтеся отъ сѣвера и юга,
Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
Всѣ языки, державному навстрѣчу,
По всѣмъ путямъ! Сѣдлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Какъ волны моря, слейтесь отовсюду
Безчисленно подъ царскую хоругвь!
О, для чего же здѣсь съ тоской-печалью
(А имъ конца и мѣры нѣтъ) я гибну?
Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
Кругомъ земли—снеси мои желанья!
Ты воздухъ, необъятный и летучій,
Вѣй на *него* моимъ благословеньемъ.
Опричь молитвъ и скорби, ничего
Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
Ихъ окрыленно шлю я въ выси неба,
Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
И къ моему возлюбленному сыну.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Пригорокъ, осѣненный деревьями. Открывается вдали веселая окрестность, широкая рѣка; кругомъ зеленыя нивы; тамъ и сямъ мелькаютъ церковные купола нѣсколькихъ городовъ; за сценой трубы и звуки военной музыки.

Появляются ОДОВАЛЬСКІЙ *и прочіе* ВОЕНАЧАЛЬНИКИ; *вслѣдъ за ними* ДИМИТРІЙ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Лѣсъ окружить всѣмъ войскомъ, а покуд
Осмотримъ мы окрестности съ пригорка.

(*Нѣкоторые изъ присутствующихъ уходятъ. Димитрій выступаетъ на авансцену*).

ДИМИТРІЙ (*осматриваясь кругомъ*).
Га! Что за видъ!

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Теперь ты предъ собою
Свое же царство видишь, государь!
Русь!...

РАЗИНЪ.

На межѣ поставленъ столбъ московскій
А польскія владѣнья прекратились.

ДИМИТРІЙ.

Что жъ это, Днѣпръ?

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, государь, Десна:
Вотъ это—Кремль въ Черниговѣ бѣлѣетъ

РАЗИНЪ.

А дальше—вонъ сверкаютъ купола:
Самъ Новгородъ-то Сѣверскій.

ДИМИТРІЙ.

Прелестно!
Что за поляны!

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Государь весна!
Беременна роскошной жатвой нива.

ДИМИТРІЙ.

И взглядомъ не окинешь.

РАЗИНЪ.

Государь!
По правдѣ молвить, это вѣдь начатокъ
Руси. Идетъ она необозримо
Къ востоку и къ востоку, а на сѣверъ
Предѣлъ ей тамъ, гдѣ кончились предѣ
Всему живому . . . . . .
. . . . . .

РАЗИНЪ.

. . . . . Посмотри: нашъ царь
Задумался надъ чѣмъ-то.

Рисунки [illegible] Рамоефа къ „Димитрію Самозванцу“.
Изъ Альманаха „Minerva“ [illegible]

ДИМИТРІЙ.

И вотъ эти
Поля, доселѣ мирныя, я долженъ
Наслѣдовать оружіемъ, какъ врагъ.

ОДОВАЛЬСКІЙ.

Такъ, государь, и слѣдуетъ.

ДИМИТРІЙ.

Послушай:
Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный,
Вѣдь это все—все родина моя.
Прости меня, прости, земля родная!
Прости меня и ты, столбъ пограничный
Съ наслѣдственнымъ родительскимъ орломъ!
Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ
Я въ мирный храмъ насильственно вхожу,
Чтобъ возвратить законное по праву
И достоянье отчее, и имя!
Здѣсь властвовало тридцать поколѣній
Моихъ радоначальниковъ-варяговъ;
Но дубъ упалъ—осталась только отрасль,
Единственно въ моемъ лицѣ осталась
Неизрѣченной милостью Господней.
. . . . . .

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Русское село. Церковный погостъ. Звучитъ набатъ. Глѣбъ, Илья и Тимошка *выходятъ на сцену; за поясами у нихъ топоры.*

ГЛѢБЪ (*выходя изъ избы*).

Куда народъ?

ИЛЬЯ (*выходя изъ другой избы*).

Да кто въ набатъ ударилъ?

ТИМОШКА.

Сосѣдушко скорѣе всѣ на сходку!

Входитъ Олегъ *и* Игорь; *за ними толпа крестьянъ, бабъ и ребятишекъ съ пожитками.*

ГЛѢБЪ.

Куда вы всѣ, бабье и ребятежь?

ИГОРЬ.

Бѣги скорѣй: поляки подъ Моравскомъ, *)
И бьютъ и рѣжутъ кто ни попадется.

ОЛЕГЪ.

Бѣги, бѣги!... Скорѣе!... Въ городъ! въ городъ!

*) У Мея неправильно:—«Бѣги скорѣй: подъ *Муромомъ* поляки». *С. В.*

А ужъ село со всѣхъ концовъ зажгли.
Всѣмъ міромъ снялись—прямо въ царскій станъ.

ТИМОШКА.

Ну, вонъ и тѣ!

Съ противуположной стороны выходитъ Ивашка *и* Петрушка; *за ними вооруженная толпа.*

ИВАШКА.

Да здравствуетъ на вѣки
Великій князь Димитрій!

ГЛѢБЪ.

Это что?

ИЛЬЯ.

Ты что такое?

ТИМОШКА.

Да ты кто-такой?

ПЕТРУШКА.

А вотъ: кто только носитъ крестъ—за мною.

ТИМОШКА.

Да что жъ такое? Все село бѣжитъ
Отъ поляковъ, а ты—вотъ такъ и лѣзешь
Подъ лапу имъ? Аль ворогъ-то—не ворогъ?

ПЕТРУШКА.

Какой онъ ворогъ?... Онъ нашъ другъ, а хочетъ
Свое наслѣдье отобрать, по правдѣ...

Входитъ посадникъ и начинаетъ читать манифестъ Димитрія. Между поселянами замѣтно колебаніе и они дѣлятся на двѣ стороны. Поселянки первыя склоняются въ пользу Димитрія и даютъ перевѣсъ его партіи.

—

Станъ Димитрія. Онъ разбитъ въ первомъ сраженіи, но войско царя Бориса одержало побѣду какъ бы нехотя и не пользуется своимъ успѣхомъ. Димитрій въ отчаяніи, хочетъ умертвить себя; Корела и Одовальскій съ трудомъ его отговариваютъ. Своевольные поступки казаковъ, даже противъ самого Димитрія.

—

Царскій станъ. Самъ царь Борисъ находится въ отсутствіи, и это очень вредитъ

царю, потому что его больше страшатся, чѣмъ любятъ. Войско сильно, но очень не надежно. Воеводы несогласны между собою и, по разнымъ причинамъ, держатъ сторону Димитрія. Одинъ изъ воеводъ, Салтыковъ, объявляетъ себя сторонникомъ Димитрія, по убѣжденію. Его переходъ влечетъ за собою самыя важныя послѣдствія: большая часть войска переходитъ къ Димитрію.

—

Борисъ въ Москвѣ. Онъ еще не утратилъ самодержавной своей власти и окруженъ вѣрными слугами; но постоянно огорченъ худыми вѣстями. Страхъ народнаго возстанія въ Москвѣ не позволяетъ ему принять военачалія надъ войскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ царь, стыдится вступить въ борьбу съ обманщикомъ. Сцены между нимъ и патріархомъ.

—

Со всѣхъ сторонъ гонцы приносятъ печальныя вѣсти, и опасенія Бориса увеличиваются все болѣе и болѣе. Онъ слышитъ объ измѣнѣ крестьянъ и уѣздныхъ городовъ, о бездѣйствіи и мятежѣ войскъ, о народномъ волненіи въ Москвѣ, о приближеніи Димитрія. Романовъ, тяжело оскорбленный Борисомъ, прибылъ въ Москву. Его прибытіе возбуждаетъ новое опасеніе царя. Приходитъ вѣсть, что бояре перебѣгаютъ изъ стана къ Димитрію и что все войско передалось ему.

—

Борисъ и Ксенія. Царь растроганъ какъ отецъ, и въ разговорѣ съ дочерью открываетъ всю свою душу.

Борисъ достигнулъ престола преступленіемъ, но всѣ обязанности самодержавнаго владыки безтрепетно взялъ себѣ на рамена и выполнялъ добросовѣстно.—Онъ безцѣнный повелитель страны и истинный отецъ народа. Только въ своихъ личныхъ отношеніяхъ онъ гнѣвенъ, мстителенъ и суровъ. По своему уму и положенію, онъ выше всего, что его окружаетъ. Долговременная привычка къ верховной власти, умѣнье повелѣвать людьми и самодержавная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Онъ видитъ ясно, что его ожидаетъ, но онъ еще царь и никогда не дойдетъ до униженія, потому что рѣшился умереть.

—

Онъ вѣритъ въ примѣты, и, въ настоящемъ настроеніи его духа, ему кажутся важными такія бездѣлицы, которыми онъ пренебрегалъ нѣкогда. Случайныя обстоятельства принимаетъ онъ за предвѣщаніе судьбы, и оно заставляетъ его прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ.

—

Незадолго до смерти, въ душѣ его происходитъ перемѣна: онъ кротко выслушиваетъ даже вѣстниковъ неудачи и стыдится прежнихъ порывовъ гнѣва. Онъ заставляетъ разсказывать себѣ все, до мельчайшихъ подробностей, мало того—награждаетъ разскащика.

—

Получивъ вѣсть объ окончательной неудачѣ, онъ хладнокровно и самоотверженно рѣшается покончить съ собою: облекается въ иноческую одежду, и въ послѣднее мгновеніе удаляетъ отъ себя дочь. Въ стѣнахъ обители должна она найти защиту отъ оскорбленій; сыну его Ѳеодору, какъ юношѣ, грозитъ меньшая, можетъ быть, опасность. Борисъ принимаетъ ядъ и удаляется въ уединенную горницу, чтобы умереть спокойно.

—

Общее смущеніе при вѣсти о смерти царя. Бояре составляютъ государскую думу и правятъ въ Кремлѣ. Романовъ (впослѣдствіи царь и прародитель нынѣшняго императорскаго дома) является во главѣ вооруженнаго отряда передъ останками царя Бориса, присягаетъ сыну его Ѳеодору и принуждаетъ бояръ послѣдовать его примѣру. Месть и честолюбіе не сродны его душѣ; онъ служитъ единой правдѣ. Ксенію любитъ онъ безнадежно и любимъ взаимно, не подозрѣвая этой любви.

—

Романовъ спѣшитъ къ войску, чтобы склонить его на сторону юнаго царя. Волненіе въ Москвѣ, произведенное приверженцами Димитрія. Народъ врывается въ боярскіе дома, овладѣваетъ особами Ѳеодора и Ксеніи, заключаетъ ихъ въ темницу и посылаетъ выборныхъ къ Димитрію.

—

Димитрій въ Тулѣ, на высотѣ своего благополучія. Войско ему присягнуло; ему подносятъ ключи отъ городовъ. Одна Москва, повидимому, противится. Димитрій ласковъ и любезенъ, съ благороднымъ сердечнымъ волненіемъ выслушиваетъ онъ вѣсть о смерти царя Бориса; прощаетъ обличеннымъ заговорщикамъ покушеніе на его жизнь; отклоняетъ отъ себя рабскія изъявленія покорности русскихъ и выказываетъ намѣреніе уничтожить съ корнемъ

низкопоклонничество. Напротивъ, окружающіе Димитрія поляки обращаются съ русскими сурово и презрительно. Димитрій изъявляетъ желаніе видѣться со своею матерью и отправляетъ пословъ къ Марѳѣ.

—

Посреди толпы русскихъ, скопившихся въ Тулѣ около Димитрія, появляется человѣкъ, котораго царевичъ признаетъ сразу, и встрѣча съ которымъ въ высшей степени его обрадовала. Онъ удаляетъ отъ себя всѣхъ и, оставшись наединѣ съ этимъ человѣкомъ, приноситъ ему сердечную благодарность, какъ своему спасителю и благодѣтелю. Незнакомецъ объясняетъ, что Димитрій, безъ всякаго сомнѣнія, очень обязанъ ему, и даже болѣе, чѣмъ самъ думаетъ. Димитрій вынуждаетъ его объясниться опредѣлительнѣе—и убійца законнаго царевича показываетъ всю правду. Онъ не получилъ награды за убійство и могъ ожидать отъ Бориса только смерти. Пылая мщеніемъ, онъ увидалъ случайно одного отрока и былъ пораженъ его сходствомъ съ царемъ Иваномъ. Случая нельзя было упустить. Убійца усыновилъ мальчика, бѣжалъ съ нимъ изъ Углича, поручилъ своего пріемыша одному духовному лицу, принявшему участіе въ его предпріятіи, и передалъ этому сообщнику драгоцѣнный крестъ, снятый имъ самимъ съ умерщвленнаго царевича. И вотъ теперь онъ отомстилъ своему врагу въ лицѣ этого отрока, котораго никогда не терялъ изъ виду и за которымъ слѣдилъ незамѣтно. Лжедимитрій, его орудіе, царитъ надъ Русью вмѣсто Бориса.

Во время этого разсказа въ душѣ Димитрія кипитъ борьба. Молчаніе его ужасно. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ предается необузданному отчаянію, убійца выводитъ его изъ себя кичливымъ и дерзкимъ требованіемъ награды. Димитрій закалываетъ его.

—

Монологъ Димитрія. Онъ борется съ властолюбіемъ, но сознаніе необходимости—объявить себя царемъ—превозмогаетъ.

—

Являются выборные отъ Москвы и подчиняютъ городъ власти Димитрія. Ихъ принимаютъ сурово и съ грозными предосторожностями. Между ними находится патріархъ. Димитрій слагаетъ съ него патріаршее званіе и вслѣдъ затѣмъ осуждаетъ на смертную казнь одного изъ знатныхъ россіянъ, усомнившагося въ его неподложности.

—

Марѳа и Ольга ожидаютъ Димитрія въ роскошно убранной ставкѣ. Марѳа говоритъ о предстоящемъ свиданіи болѣе съ волненіемъ и боязнію, чѣмъ съ надеждою, и трепещетъ того мгновенія, которое сулитъ ей полное благополучіе; Ольга ее уговариваетъ, хотя и сама не вѣритъ своимъ словамъ. Во время долгаго пути онѣ успѣли обсудить всѣ обстоятельства, и восторженность уступила мѣсто раздумью. Суровое молчаніе и угрюмые взгляды стражей только увеличиваютъ сомнѣнія.

—

Гремятъ трубы. Марѳа въ нерѣшимости: идти ли ей навстрѣчу Димитрія, или нѣтъ. И вотъ онъ стоитъ предъ нею, одинъ. При первомъ взглядѣ на царевича, въ сердцѣ Марѳы угасаетъ послѣдняя искра надежды. *Что-то невѣдомое* стало между ними; природа не сказалась: они на вѣкъ чужды другъ другу. Въ первое мгновеніе была обоюдная попытка—кинуться другъ другу въ объятія; но Марѳа отшатнулась назадъ. Димитрій замѣтилъ ея движеніе—и пораженъ. Знаменательное молчаніе.

ДИМИТРІЙ.

И ничего не говоритъ тебѣ сердце? И не сказалась во мнѣ кровь твоя?

МАРѲА (*молчитъ*).

ДИМИТРІЙ.

Голосъ естества святъ и свободенъ: не изнасиловать его, не исказить. Забейся твое сердце при взглядѣ на меня—и мое отвѣтило бы, и палъ бы тебѣ на грудь покорный и любящій сынъ. Чему суждено—сбылось бы доброскловно, любовно, искренно. Но если ты не чувствуешь, какъ мать, обдумай все, какъ великая княгиня, укрѣпи свой духъ, какъ царица. Меня судьба повергаетъ въ твои объятія нежданнымъ сыномъ—прими же меня на свое лоно, какъ даръ небесный. Еслибы я не былъ твоимъ сыномъ какъ теперь, что же я отнимаю у твоего дитяти? Отнимаю я что нибудь—только у твоего врага. Тебя и кровь твою извлекъ я изъ бездны, гдѣ тебя заживо похоронили,—извлекъ и возвелъ на „царское мѣсто“. Пойми, что твой жребій скованъ съ моимъ. Ты—высоко стоишь возлѣ меня и упадешь со мной. Народъ не спускаетъ съ насъ глазъ.

Ненавижу я скоморошество, облыжнымъ чувствомъ не кичуся, но передъ тобой благоговѣю и достойно преклоняю колѣни.

(*Марѳа молчитъ; въ ней замѣтна сильная душевная тревога*).

ДИМИТРІЙ.

Рѣшайся. Не стѣсняй своей воли, говори по душѣ. Я не требую ни лицемѣрія, ни лжи: требую истиннаго чувства. *Полно тебѣ казаться моею матерью—будь ею.* Откинь отъ себя прошлое, прилѣпись всѣмъ сердцемъ къ настоящему! Если я не сынъ твой—я царь. За меня—сила, за меня—счастіе. *Тотъ* лежитъ въ гробу, тотъ—прахъ, и ничего болѣе: у него нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ взора, чтобъ привѣтствовать. Полюби того, кто живъ.

(*Марѳа плачетъ*).

ДИМИТРІЙ.

О, эти слезы—золотая роса! Пусть ихъ падаютъ, пусть на нихъ смотритъ народъ!

(*Димитрій дѣлаетъ знакъ: пола шатра поднимается, и толпы русскихъ становятся зрителями этой сцены*).

—

Въѣздъ Димитрія въ Москву. Торжество пышно, но лица окружающихъ царевича угрюмы. Поляки и казаки во главѣ поѣзда. Какая-то мрачность и боязнь нарушаютъ общее веселіе. Такъ и вѣетъ недовѣріемъ и предчувствіемъ бѣды.

—

Романовъ прибылъ въ войско въ недобрый часъ: онъ опоздалъ, и возвратился въ Москву, чтобы защитить Ѳеодора и Ксенію. Попытки его напрасны; онъ становится узникомъ. Ксенія прибѣгаетъ подъ покровъ царицы Марѳы и бьетъ ей челомъ о защитѣ отъ поляковъ. Здѣсь видитъ ее Димитрій, и въ душѣ его вспыхиваетъ мгновенная, неодолимая страсть. Ксенія гнушается Димитріемъ.

—

Димитрій царь. Несетъ его вдаль грозная стихія, и онъ не можетъ противостать ей; его увлекаютъ страсти другихъ людей. Въ глубинѣ души своей онъ никому не довѣряетъ: у него нѣтъ ни друга, ни преданнаго сердца. Поляки и казаки вредятъ ему въ народномъ мнѣніи своею дерзостью. Даже то, что дѣлаетъ ему честь, то-есть его любовь къ народу, простота обращенія, пренебреженіе къ стариннымъ льстивымъ обрядамъ и обычаямъ, даже и эти достоинства возбуждаютъ общій ропотъ. Иногда онъ необдуманно попираетъ ногами завѣтъ праотцевъ. Онъ преслѣдуетъ монаховъ, потому что долго вращался между ними. Бываютъ мгновенія, когда его гордость глубоко уязвлена, и тогда онъ становится причудливымъ деспотомъ. Одовальскій съумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ человѣкомъ, удалилъ отъ него русскихъ и окончательно упрочилъ свое вліяніе.

—

Димитрій задумалъ измѣнить Маринѣ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ съ патріархомъ Іовомъ, а тотъ, въ надеждѣ отстранить поляковъ, одобряетъ его замыслы и представляетъ ему царскую власть во всемъ ея величіи.

—

Марина прибыла въ Москву съ многочисленною свитою. Свиданіе съ Димитріемъ. Съ обѣихъ сторонъ коварство и холодность; но Марина лучше умѣетъ носить личину. Она торопитъ бракосочетаніемъ. Приготовленія къ пышному празднеству.

—

По приказанію Марины, Ксеніи подносятъ отравленный кубокъ. Смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Димитрій поведетъ ее къ алтарю.

—

Неутолимая печаль Димитрія. Съ растерзаннымъ сердцемъ онъ становится подъ вѣнецъ съ Мариною.

—

Послѣ вѣнца, Марина открываетъ своему супругу, что она никогда не считала и не признавала его за истиннаго Димитрія, и оставляетъ его въ самомъ безпомощномъ, въ самомъ ужасномъ положеніи.

—

Между тѣмъ одинъ изъ воеводъ царя Бориса, Шуйскій, пользуется возрастающимъ негодованіемъ народа и составляетъ заговоръ противъ Димитрія.

—

Романовъ, въ темницѣ, утѣшенъ неземнымъ видѣніемъ: ему является душа Ксеніи, заставляетъ его прозрѣть въ будущія счастливыя времена, повелѣваетъ ему спокойно дожидаться своего жребія и не обагрять своихъ рукъ въ крови. Въ словахъ призрака слышенъ намекъ, что Романовъ самъ нѣкогда взойдетъ на престолъ. Вскорѣ затѣмъ его приглашаютъ сдѣлаться участникомъ въ заговорѣ.

—

Рисунки Іоганна Рамберга къ „Димитрію Самозванцу“. II.

Изъ Альманаха „Minerva“ (1818).

Рисунки Іоганна Рамберга къ „Димитрію Самозванцу“. II.

Изъ Альманаха „Minerva“ (1818).

Салтыковъ горько упрекалъ себя, что измѣнилъ отчизнѣ, ради Димитрія, но не хочетъ быть вторично измѣнникомъ и невольно держится прежней партіи. Бѣда уже стряслась надъ головами: по крайней мѣрѣ, нужно отвратить ее хоть сколько нибудь, нужно ослабить власть поляковъ. За свою попытку Салтыковъ платится жизнію, но считаетъ смерть заслуженною карою, и, умирая, самъ сознается въ этомъ Димитрію.

—

Казиміръ, братъ молодой польки Лодоиски *), тайно и безнадежно любившей Димитрія, въ дому Сендомирскаго воеводы, сопровождалъ лжецаревича во всѣхъ походахъ и, по просьбѣ своей сестры, не одинъ разъ мужественно защищалъ его. Въ минуту величайшей опасности, когда всѣ приверженцы оставили Димитрія, Казиміръ остался ему вѣрнымъ и сложилъ за него голову.

—

Заговоръ обнаруживается. Димитрій у царицы Маріы; мятежники врываются въ ея покои. На мгновеніе величавый видъ и смѣлость Димитрія производятъ впечатлѣніе на заговорщиковъ. Онъ едва не обезоруживаетъ ихъ обѣщаніемъ—предать имъ въ жертву поляковъ. Но вотъ появляется Шуйскій во главѣ новой разъяренной толпы. Они настоятельно требуютъ отъ царицы крестной присяги, что Димитрій ея сынъ. Царица не въ силахъ клятвопреступно измѣнить своей совѣсти: молча отворачивается она отъ Димитрія и хочетъ выйдти.—„Она молчитъ!“ вскрикиваетъ шумная толпа.—„Она отрекается отъ него! Умри же, обманщикъ!“ И заколотый Димитрій падаетъ къ ногамъ Маріы.

Л. Мей.

*) У Мея неправильно: *Лодойской. С. В.*

ПОВѢСТИ.

Прогулка подъ липами.

Вольмаръ и Эдвинъ — два друга. Они удалились отъ свѣта, съ его дѣловой суетой и будничными тревогами, и жили вдвоемъ въ тиши мирнаго уединенія. Здѣсь, на свободѣ, они предавались философскому созерцанію, стараясь познать и распутать тѣ таинственно и чудесно переплетенныя нити судьбы, по которымъ направлялась ихъ жизнь. Удачникъ Эдвинъ готовъ былъ заключить весь міръ въ свои горячія, радостныя объятія, мрачному Вольмару все существующее рисовалось въ черномъ цвѣтѣ его собственныхъ неудачъ и жизненныхъ невзгодъ. Липовая аллея была мѣстомъ, гдѣ они всего охотнѣе предавались своимъ размышленіямъ. Однажды, въ очаровательный майскій день они совершили свою обычную прогулку. Вотъ что осталось у меня въ памяти изъ ихъ разговора.

Эдвинъ. День такъ прекрасенъ; вся природа полна радости и веселья. Вы все-жъ задумчивы, Вольмаръ.

Вольмаръ. Оставьте меня! Вы знаете мое обыкновеніе портить всякое расположеніе духа.

Эдвинъ. Ну можно-ли такъ брезгливо отталкивать чашу радости?

Вольмаръ. А почему-жъ бы и нѣтъ, если въ чашѣ оказывается паукъ? Возьмемъ, для примѣра, настоящій моментъ: не правда-ли, природа представляется вамъ теперь въ видѣ прекрасной дѣвушки-невѣсты, щеки которой залиты нѣжнымъ румянцемъ стыдливости; мнѣ-же она кажется поблекшей матроной, а румянецъ ея—слоемъ румянъ, скрывающихъ зеленоватую желтизну увядшихъ щекъ; въ ея выцвѣтшихъ волосахъ наслѣдственные алмазы, и какъ она жеманится, какъ любуется собой въ этомъ праздничномъ нарядѣ! Да вѣдь нарядъ-то ужъ изношенъ и сотни тысячъ разъ перешитъ и перекроенъ! Вѣдь при предшественникахъ Девкаліона она уже волочила этотъ самый извивающійся зеленый шлейфъ, душилась этими-же самыми духами, этой же самой пестрой каймой украшала свое платье. Сотни тысячъ лѣтъ она поддерживаетъ свое существованіе, питаясь исключительно объѣдками со стола смерти. Изъ чего сдѣланы ея бѣлила, ея румяна? Она варитъ ихъ изъ костей своихъ собственныхъ дѣтей,—прахъ и тлѣнъ она превращаетъ въ блестки, которыми ослѣпляетъ наивные взоры простаковъ. Это—нечистоплотное, неразборчивое чудовище, небрезгающее собственными нечистотами, которыя оно тысячекратно разогрѣваетъ, чтобы снова и снова пожирать ихъ. Изъ обносковъ своихъ, заштопанныхъ и заплатанныхъ, мастеритъ она новые наряды, которыми такъ кичится, и выноситъ ихъ на рынокъ и затѣмъ снова ихъ раздираетъ, превращая въ груду отвратительнаго тряпья. Извѣстно ли тебѣ, молодой человѣкъ, въ чьемъ обществѣ ты, быть можетъ, прогуливаешься въ настоящую минуту? Приходитъ-ли тебѣ когда-нибудь на умъ, что весь этотъ безконечный кругъ — безграничная могила твоихъ предковъ? Думалъ-ли ты о томъ, что этотъ нѣжный зефиръ, принося-

щій тебѣ сладкое благоуханіе липъ, вдуваетъ, можетъ быть, въ твой носъ развѣянную силу Арминія? Возможно, что изъ этого серебристаго источника, вмѣстѣ съ живительной влагой, ты вкушаешь разложившіеся остатки нашихъ великихъ Генриховъ? Фи, фи! Римскіе мужи, потрясавшіе нѣкогда вселенную, разорвавшіе величавый міръ на три части и подѣлившіе его между собой, какъ мальчишки разрываютъ букетъ цвѣтовъ и дѣлятся имъ, чтобы воткнуть его въ свои шляпы,—эти великіе герои древности обязаны, быть можетъ, въ настоящее время глотками кастратовъ—потомковъ своихъ—завывать трогательныя аріи оперъ. Атомъ, озарившійся мыслью о Божествѣ въ мозгу Платона, атомъ, трепетавшій великимъ человѣколюбіемъ и состраданіемъ въ сердцѣ Тита, этотъ самый атомъ, весьма возможно, подергивается скотскими вожделѣніями въ жилахъ какого-нибудь современнаго Сарданапала или-же разносится вороньемъ подъ видомъ падали повѣшеннаго грабителя. Что за стыдъ! Какой позоръ! Изъ священнаго пепла нашихъ отцовъ мы вылѣпили себѣ арлекинскія маски, мудростью нашихъ предшественниковъ мы набили себѣ дурацкіе колпаки. Вы, кажется, находите это забавнымъ, Эдвинъ?

Эдвинъ. Не сердитесь! Отъ вашихъ разсужденій вѣетъ весьма комическими выводами. Ужъ не хотите-ли вы, чтобъ наши тѣла странствовали по тѣмъ-же законамъ, какіе приписываются нашимъ душамъ? Чтобы послѣ смерти управляющаго ими механизма они несли тѣ-же обязанности, которыя исполняютъ при жизни по распоряженію духа? А духъ усопшаго обязанъ, въ свою очередь, продолжать ту-же дѣятельность, которой онъ предавался въ первой своей жизни. Quae cura fuit vivis, eadem sequitur tellure repostos.

Вольмаръ. Или же, чтобы пепелъ Ликурга покоился на днѣ океана и по сію пору, и на вѣчныя времена. Да?

Эдвинъ. Слышите-ли вы нѣжныя трели соловья? Что, если это маленькое существо, такъ глубоко трогающее наши сердца, возродилось изъ урны съ пепломъ Тибулла, голосъ котораго былъ такъ-же нѣженъ, какъ голосъ этой маленькой птички? Что если вдохновенный Пиндаръ паритъ надъ нами въ образѣ вонъ того орла, высоко возносящагося къ синему куполу неба? Не атомъ-ли Анакреона носится вокругъ насъ въ ласкающемъ дыханіи вѣтерка? Кто поручится за то, что тѣла сластолюбцевъ не ложатся нѣжнымъ налетомъ пудры на разметавшіеся локоны ихъ повелительницъ? Кто знаетъ, тысячелѣтняя ржавчина на зарытыхъ въ землю монетахъ не есть-ли остатки лихоимцевъ, плотно приставшіе послѣ смерти къ тому, что было имъ такъ дорого при жизни? Быть можетъ, тѣла полиграфовъ, перелитыя въ буквы или перемолотыя въ бумагу, присуждены къ вѣчной мукѣ въ тискахъ печатнаго станка для увѣковѣченія и распространенія нелѣпостей, рождающихся изъ-подъ пера ихъ коллегъ. Чѣмъ мнѣ докажутъ, что камень, доставляющій столь тяжкія страданія нашему сосѣду, не есть остатокъ неискуснаго врача, осужденнаго за безуспѣшное лѣченіе на роль непрошеннаго стража позорной темницы до тѣхъ поръ, пока не явится искусная рука хирурга для освобожденія заколдованнаго принца? Ну вотъ видите, Вольмаръ, изъ той-же чаши, откуда вы черпаете горечь вашей желчи, мой бодрый духъ почерпаетъ веселыя шутки.

Вольмаръ. Эдвинъ, Эдвинъ, какъ можете вы обращать въ шутку такіе серьезные вопросы, какъ хватаетъ у васъ духа острить и потѣшаться надъ ними! Узнали-бы наши государи, воображающіе, что жизнь и смерть зависитъ отъ одного мановенія ихъ бровей; узнали бы наши красавицы, стремящіяся одурачить всю нашу мудрость однимъ только нѣжнымъ пушкомъ своихъ щекъ; узнали-бы тѣ сладкіе молодчики, которые создаютъ себѣ божество изъ горсточки бѣлокурыхъ волосъ,—дошло-бы до ушей ихъ, разсказалъ-бы кто-нибудь имъ всѣмъ, какъ безцеремонно прохаживается лопата могильщика по черепу бѣднаго Іорика. Что стоитъ женщина со всей ея красотой, если великій Цезарь идетъ на замазку щелей дырявой стѣны въ защиту отъ вѣтра?

Эдвинъ. И что-же слѣдуетъ изъ всего этого?

Вольмаръ. Слѣдуетъ жалкая развязка жалкаго фарса! Трагедія, видите-ли, въ томъ, что жизнь и участь души руководствуется предписаніями матеріи. Сдѣлайте-ка тутъ какой вамъ угодно благопріятный выводъ.

Эдвинъ. Осторожнѣе, Вольмаръ! Вы увлекаетесь бреднями, пренебрегая всякимъ благоразуміемъ.

Вольмаръ. Дайте мнѣ договорить! Доброе дѣло не боится свѣта истины.

Эдвинъ. Пусть-же Вольмаръ откроетъ истину, если онъ счастливѣе меня.

Вольмаръ. Э, фи! Вотъ выужъ и ткнули прямо въ самую опасную рану. Судя по вашему, мудрость—какая-то гнусная кумушка, которая примащивается къ каждому дому, прилаживается къ каждому настроенію,—съ несчастными злословитъ на счетъ милости и справедливости неба, въ тонъ счастливцамъ старается найти свѣтлыя стороны въ злѣ и горѣ, царствующихъ на землѣ. Плохого пищеваренія достаточно, чтобы весь земной шаръ представился сплошнымъ адомъ; стаканъ вина способенъ заставить насъ поклониться, какъ богу, тому, кого мы считаемъ обыкновенно дьяволомъ. Скажите мнѣ, Эдвинъ, гдѣ-же правда, если вся философія есть отраженіе нашего настроенія. Эдвинъ, я боюсь, что мудрость прійдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ утратой ясности вашего духа.

Эдвинъ. Я предпочелъ-бы отказаться отъ мудрости.

Вольмаръ. Вы произнесли слово „счастливый". А скажите-ка мнѣ, Эдвинъ, какъ стать имъ? Необходимое условіе жизни—трудъ, мудрость—ея цѣль, а блаженство, вы говорите,—ея награда. Тысячи судовъ распускаютъ паруса вслѣдъ за другими тысячами, и еще тысячи отправляются за ними, и всѣ они носятся по безбрежному морю въ поискахъ счастливаго острова, въ стремленіи добыть это золотое руно. Скажиже мнѣ, мудрецъ, коль ты знаешь, сколькимъ изъ нихъ удалось найти это сокровище? Я вижу флотъ безчисленныхъ судовъ, мечущійся въ вѣчномъ круговоротѣ своихъ ежедневныхъ нуждъ, вѣчно отчаливающій отъ этого берега, чтобы опять къ нему-же пристать, и вѣчно сюда пристающій, чтобы снова отчаливать. Они кружатъ около пристаней своего предназначенія, робко крейсируютъ вдоль берега, чтобъ добыть себѣ провіантъ или привести въ порядокъ свой такелажъ, но никогда не отваживаются въ открытое море. Это тѣ, которые сегодня заканчиваютъ свой трудовой день для того, чтобы завтра начать его снова. Этихъ, конечно, я не стану считать, а они—половина человѣчества. Есть и другіе: тѣ, что, увлекаемые бурнымъ водоворотомъ страстей, находятъ свою пристань въ безславной могилѣ; вся сила ихъ существованія сводится къ усерднымъ стараніямъ вкусить какъ можно больше отъ пота, пролитаго первыми. Конечно, и этихъ нельзя считать, но тогда въ остаткѣ получится одна только жалкая четверть. Уныло и робко направляетъ она свои паруса по бурнымъ волнамъ грознаго океана, плывя безъ компаса подъ руководствомъ однѣхъ только обманчивыхъ звѣздъ. Вонъ-вонъ на краю горизонта, подобно бѣлому облачку, мерцаетъ желанный берегъ—берегъ счастья. „Земля!" восклицаетъ кормчій, но въ ту-же минуту какая то предательская ничтожная дощечка даетъ течь, и мощное судно идетъ ко дну въ виду самаго берега. Apparent rari nantes in gurgite vasto. Послѣ долгой неравной борьбы человѣка со стихіей самому искусному пловцу, обезсилѣвшему и почти потерявшему сознаніе, удается выбраться на берегъ. Вотъ онъ—этотъ счастливецъ, чужой и одинокій въ тропическомъ поясѣ, куда выбросила его прихоть волнъ, тоскливо бродитъ по спасительному берегу и озирается полными слезъ глазами, отыскивая свое сѣверное отечество. Такимъ образомъ одинъ милліонъ за другимъ убываетъ изъ вашей щедрой категоріи. Дѣти мечтаютъ о рыцарскихъ латахъ мужей, мужи плачутъ о безвозвратно утраченномъ дѣтствѣ. Потокъ нашихъ знаній оглядывается назадъ, чтобъ найдти свое устье. Вечеру предшествуютъ сумерки, какъ утру—разсвѣтъ. Въ одну и ту же ночь Аврора обнимается съ Гесперомъ. Мудрецъ, мнящій пробить стѣну смерти, мало-по-малу опускается и вновь погружается въ неразумное дѣтство. Ну, Эдвинъ, найдите-же оправданіе горшечнику передъ горшкомъ. Отвѣчайте что-нибудь, Эдвинъ!

Эдвинъ. Горшечникъ оправданъ уже тѣмъ, что горшокъ осмѣливается призывать его къ отвѣту.

Вольмаръ. Говорите серьезно!

Эдвинъ. Я считаю поѣздку не напрасной, хотя-бы островъ и не былъ отысканъ.

Вольмаръ. Ужъ не потому-ли Эдвинъ, что глаза упиваются живописными видами, мелькающими направо и налѣво? И во имя этого отдаваться на полный произволъ стихій; ради этого ежеминутно трепетать встрѣчи острыхъ подводныхъ скалъ; ради этого подвергать себя тройной смерти въ безпокойной пустынѣ водъ? Ни слова больше! Мое озлобленіе краснорѣчивѣе вашего довольства!

Эдвинъ. Такъ, по вашему, я долженъ топтать ногами фіалку за то, что роза мнѣ не дается? Я не долженъ наслаждаться этимъ прекраснымъ майскимъ днемъ, потому что можетъ набѣжать облако и омрачить его? Такъ нѣтъ-же; я предпочитаю исчерпать всю радость подъ этой ясной безоблачной синевой и тѣмъ сократить

себѣ скуку предстоящей непогоды. Неужели-же не сорвать цвѣтка, потому что завтра онъ утратитъ свое благоуханіе? Я сорву его, а когда онъ увянетъ, я его брошу и сорву его младшую сестру, которая уже пробивается изъ почки, благоуханная и прекрасная.

Вольмаръ. Тщетно! напрасно! Гдѣ посѣяно одно зерно удовольствія, тамъ выросли тысячи плодовъ страданія. Гдѣ пала одна слеза радости, тамъ погребены тысячи слезъ отчаянія. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ радовался и веселился человѣкъ, тысячи насѣкомыхъ корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. Въ тотъ самый мигъ, когда наши восторги возносятся къ небу, къ нимъ присоединяются тысячи проклятій, направленныхъ туда-же. Это обманчивая игра, гдѣ горсточка выигравшихъ исчезаетъ въ несчетномъ количествѣ разоренныхъ. Каждый мигъ уноситъ съ собою радости. Каждая пылинка есть надгробный памятникъ счастью. На каждую точку безграничной вселенной смерть наложила свою царственную печать. Каждый атомъ носитъ безнадежную надпись: „Прошло".

Эдвинъ. Почему „Прошло", а не „Было"? Кто знаетъ, быть можетъ каждый звукъ въ природѣ похоронный гимнъ, полный скорби и надежды, возвѣщающій горесть утраты и радость вѣчнаго блаженства. А вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый звукъ можетъ быть хвалебнымъ гимномъ любви вездѣсущей и безсмертной... Вольмаръ, у этой липы я получилъ первый поцѣлуй моей Юліи.

Вольмаръ. (*поспѣшно удаляясь*). Молодой человѣкъ! подъ этой липой я потерялъ мою Лауру.

Р. Венгерова.

ЮНОША и СТАРИКЪ.

(Опытъ неученаго человѣка).

Селимъ. Какъ реветъ и бушуетъ потокъ въ ожиданіи надвигающейся бури! Вдохновляющіе звуки: предчувствіе великихъ дѣлъ. Альмаръ, душа моя переполняется.

Альмаръ. Юноша, почему ты не хочешь лучше остановить свой взоръ вотъ на томъ, еще ясномъ покамѣстъ, уголкѣ неба, успокоить свой слухъ нѣжнымъ и кроткимъ лепетомъ вотъ этого родника?

Селимъ. Сколько разъ я страстно жаждалъ покоя. Я называлъ себя безумцемъ, гоняющимся за призраками, которые гибнутъ лишь съ тѣмъ, чтобы, подобно головамъ гидры, возродиться болѣе грозными, болѣе опасными, чѣмъ раньше. Но, о Альмаръ! Что мы за неустойчивыя, двусмысленныя существа. Мы не призваны для покоя,— онъ не соотвѣтствуетъ нашей природѣ: неудержимо влечетъ насъ тайный голосъ, вѣчно нашептывая намъ свой призывъ на невѣдомый подвигъ, рисуя неясные, заманчивые образы впереди. Достигнувъ сѣдыхъ волосъ, я назвалъ бы себя презрѣннымъ трусомъ, еслибы совершилъ лишь половину пути по скользкой дорогѣ въ невѣдомый край, а впереди меня, и вправо и влѣво разстилались бы цвѣтущія страны, тѣ страны, что я оставилъ пустынными.

Альмаръ. Жалѣю тебя, мой милый! Твой мозгъ все еще распаленъ романами; твои фантазіи о призваніи человѣка, о великихъ подвигахъ—поистинѣ блуждающіе огни. Взгляни: природа насаждаетъ и взращиваетъ кусты розъ повсюду; она-же научаетъ невинность пѣть радостныя пѣсни. Какой блескъ побѣдныхъ трофеевъ, какіе трубные возгласы могутъ прославить и возвеличить нашу жизнь лучше и достойнѣе. Повѣрь мнѣ, старику, твои суетныя стремленія не въ твоей душѣ родились,— это мечты извнѣ навѣянныя, онѣ погубятъ тебя.

Селимъ. Эту мораль ужъ я слышу не въ первый разъ, но она годится лишь для тебя, создалась въ твоей душѣ, легко со всѣмъ примиряющейся и не способной къ борьбѣ. Прости меня, отецъ, за эти слова! А ты счастливъ, Альмаръ? Ничего болѣе не желаешь?

Альмаръ. Я сталъ счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ умѣрилъ свои требованія.

Селимъ. Бѣдняга! Такъ твое счастье заключается въ томъ, что ты самъ не видишь, сколько потерялъ при такомъ обмѣнѣ. Ты не наклоняешься болѣе за цвѣткомъ, потому что нервы твои отупѣли. Ты мнишь себя счастливымъ лишь потому, что неспособенъ болѣе пить изъ полной чаши счастья. Дай сказать тебѣ откровенно: я не могу безъ содроганія подумать о той минутѣ, когда долженъ буду засыпать и пробуждаться безъ желаній, безъ надеждъ. Неудержимое, неустанное стремленіе впередъ есть основа душевной жизни. При словѣ „удовлетвореніе“ рушатся ступени безконечной лѣстницы бытія. Эта неутолимая жажда, эта неусыпная тревога, эта скорбь по поводу моего безсилія, свидѣтельствуютъ мнѣ о величіи моемъ. Я сокрушаюсь, когда чувствую, что я лишь че-

ловѣкъ; я ликую, когда чувствую въ себѣ возможность стать Богомъ.

Альмаръ. И все-таки ты только рабъ. Взгляни на поверхность рѣки: какъ покорна она малѣйшему движенію воздуха; сильный-же порывъ вѣтра выгоняетъ ее вонъ изъ береговъ.

Селимъ. А безъ этого порыва, безъ бури вода застаивается и дѣлается негодной. Бываютъ минуты, когда духъ мой уподобляется тихимъ водамъ; нѣтъ благодѣтельнаго вѣтерка, который нарушилъ-бы тягостное, удручающее равновѣсіе. Природа какъ-бы замираетъ, біеніе ея пульса пріостанавливается. Существо мое раздваивается и, склонившись надъ самимъ собой, я судорожно и неустанно мечусь, какъ покойникъ, пробудившійся въ гробу. Малѣйшее насѣкомое раздражаетъ меня. Призвавъ на помощь всѣ свои силы я ищу выхода, добиваюсь возврата къ жизни. Существованіе мое достигаетъ высочайшей степени своего напряженія. Я блаженствую.

Альмаръ. Ты такъ много говоришь о желаніяхъ и стремленіяхъ, а гдѣ-же наслажденіе? Изъ твоихъ парадоксовъ слѣдуетъ, что на него надо смотрѣть, какъ на несчастье.

Селимъ. Непремѣнно, еслибъ только оно могло длиться вѣчно. Разсуди самъ хорошенько и ты увидишь, что лишь предвкушенье наслажденія, надежда на него и составляютъ сущность удовольствія; самое наслажденіе — его смерть. Въ объятіяхъ прекраснѣйшей дѣвушки всего болѣе я достоинъ сожалѣнія и именно въ тотъ самый мигъ, когда я всего ближе къ высочайшему блаженству. Это и есть, по моему, лучшее и главное преимущество человѣка, существенное отличіе его отъ животнаго; я жажду и предвкушаю наслажденіе, и это даетъ мнѣ счастье; животное наслаждается только тогда, когда оно вкушаетъ.

Альмаръ. А вотъ я и ловлю тебя на противорѣчіи! ты стремишься къ цѣли, достиженія которой ты боишься.

Селимъ. Я не боюсь достиженія, Альмаръ, но оно задуваетъ священный огонь души; высокій полетъ воображенія осѣдаетъ у цѣли; очарованіе исчезаетъ; напряженная дѣятельность мысли уступаетъ мѣсто назойливой, крикливой дѣйствительности. Вотъ когда душа всего болѣе страдаетъ, всего менѣе испытываетъ счастья. Но я и этого не боюсь, Альмаръ, потому что новыя, еще болѣе возвышенныя цѣли, уже открываются мнѣ впереди, уже манятъ меня издалека. Жизненное поприще мое— стремленіе къ вѣчности. Путемъ высоты и многочисленности желаній проникну я въ сонмъ духовъ, несущихся къ Божеству.

Альмаръ. Остановись, фантазеръ; ты договорился до того, чего мнѣ было надо: очарованіе исчезаетъ, говоришь ты, у цѣли твоихъ стремленій,—ты гонялся, значитъ, за пустымъ призракомъ.

Селимъ. Но путь мой былъ не напрасенъ. Пусть то будутъ и призраки, лишьбы Творцу угодно было вложить въ меня душу не угасающую, не устающую въ погонѣ за ними. Горе дерзновенному, рука котораго, преступивъ священный законъ, сдернетъ покровъ съ этого волшебнаго пламени. Ему удастся опередить старость— печальное преимущество. Для него Элизій превратится въ простой огородъ.

Альмаръ. Прощай, мечтатель. Я поговорю съ тобой въ слѣдующій разъ и послушаю, что ты мнѣ тогда отвѣтишь, если только къ тому времени, пустившись въ высь, не бухнешься оттуда въ болото. Теперь я иду къ себѣ въ садъ понѣжиться въ ласковыхъ лучахъ возвращающагося солнышка.

Селимъ. Я плачу оттого, что стремлюсь обрѣсть Элизій и не нахожу его. Ты-же улыбаешься отъ радости и во всякомъ случаѣ отъ одного предчувствія радости уже болѣе не плачешь.

Р. В.

Великодушный поступокъ изъ новѣйшей исторіи.

Трагедіи и романы представляютъ намъ блистательнѣйшія черты человѣческаго сердца; но ими восхищается только наша фантазія, а сердце остается холоднымъ: по крайней мѣрѣ жаръ, внушаемый сими произведеніями, продолжается очень короткое время и не имѣетъ вліянія на наши поступки. Въ ту самую минуту, когда насъ почти до слезъ трогаетъ безукрашенное добросердечіе какого нибудь простячка, мы отгоняемъ отъ себя можетъ быть нищаго, который надоѣдаетъ намъ своею просьбою. И не эта ли искусственная жизнь въ идеальномъ мірѣ уничтожаетъ нашу жизнь въ мірѣ дѣйствительномъ? Мы какъ будто бы носимся между двумя полюсами нравственности,—ангелами и дьяволами, и забываемъ средину—человѣка.

Предлагаемый анекдотъ о двухъ нѣмцахъ — съ гордою радостію я пишу сіи слова—имѣетъ неотъемлемое достоинство: истину. Надѣюсь, что онъ возбудитъ большее участіе въ моихъ читателяхъ, нежели всѣ томы Памелы и Грандисона.

Два брата, бароны В., влюбились въ одну молодую прекрасную дѣвушку. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ о любви другого. Оба они любили горячо и сильно, потому что любили въ первый разъ. Дѣвушка была прекрасна собою и рождена для чувства. Оба допустили свою любовь сдѣлаться страстію, потому что никто изъ нихъ не зналъ объ опасности, ужаснѣйшей для ихъ сердца—имѣть брата соперникомъ. Оба не хотѣли признаваться дѣвушкѣ заранѣе въ своей страсти, и такимъ образомъ приводили другъ друга въ заблужденіе, пока неожиданная встрѣча не открыла всей тайны ихъ чувствованій.

Любовь ихъ возросла до высочайшей степени. Эта несчастнѣйшая страсть, почти столь же гибельная для людей, какъ и ненависть, овладѣла ихъ сердцами, и пожертвованіе сдѣлалось невозможнымъ какъ для одной стороны, такъ и для другой. Дѣвушка тронутая печальнымъ положеніемъ несчастныхъ, не отважилась рѣшить дѣло въ чью либо пользу и предоставила приговоръ братской любви.

Побѣдитель въ сомнительной борьбѣ должности съ чувствованіемъ, которую наши философы ежедневно рѣшаютъ, и за которую человѣкъ практическій такъ медленно принимается, старшій братъ сказалъ меньшому: „Я знаю, что ты любишь дѣвушку, такъ же пламенно, какъ я. Не хочу спрашивать, въ чью пользу рѣшаетъ право старшинства. Оставайся ты здѣсь, а я поѣду по бѣлу свѣту стараться забыть ее. Если во мнѣ будетъ столько силы... братъ, она... твоя, и Богъ да благословитъ вашу любовь. Если же во мнѣ не будетъ столько силы, то... тогда, тогда ступай ты и сдѣлай то же“.

Онъ оставилъ внезапно Германію и отправился въ Голландію; но образъ его любимицы за нимъ послѣдовалъ. Въ удаленіи отъ мѣста своей любви, изгнанный изъ страны, въ коей заключалось все его бла-

женство, въ коей только онъ могъ жить, несчастный занемогъ, какъ чахнетъ растеніе, привезенное европейцемъ изъ родимой Азіи и изъ-подъ кроткаго солнца пересаженное въ суровую почву. Онъ добрался въ отчаяніи до Амстердама и тамъ горячка повергла его на страшный одръ болѣзни. Образъ его дѣвушки представлялся ему среди болѣзненныхъ сновъ, и выздоровленіе его зависѣло отъ обладанія ею. Врачи отчаялись въ его жизни и только увѣренія возвратить его къ возлюбленной исхитили его медленно изъ рукъ смерти. Подвижнымъ остовомъ, страшнымъ изображеніемъ снѣдающей горести возвратился онъ въ отечественный городъ,—повлекся по лѣстницѣ къ своей возлюбленной, къ своему брату.

„Братъ! я воротился.—Какое насиліе дѣлалъ я моему сердцу, знаетъ Тотъ, Кто на небѣ.—Больше я не могу".

Безъ памяти упалъ онъ въ объятія дѣвушки.

Меньшой братъ былъ столько же рѣшителенъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ приготовился къ отъѣзду.

„Братъ, ты носилъ свою горесть до Голландіи,—я попытаюсь пронести ее дальше.—Не веди ее къ алтарю до тѣхъ поръ, какъ я не напишу тебѣ. Только это условіе позволяетъ себѣ братская любовь. Если же нѣтъ—тогда, тогда пусть небо рѣшитъ нашу судьбу, пусть будетъ, что будетъ. Прощай. На тебѣ запечатанный пакетъ, не распечатывай его до моего отъѣзда. Я ѣду въ Америку".

Съ этими словами онъ прыгнулъ въ коляску.

Почти безъ чувствъ смотрѣли на него оставшіеся. Онъ побѣдилъ брата въ благородствѣ духа. Любовь и вмѣстѣ горесть о потерѣ благороднѣйшаго человѣка свирѣпствовали надъ оставшимся братомъ. Стукъ отъ отъѣзжавшей кареты проникалъ до глубины его сердца. Жизнь его была въ опасности. Дѣвушка... но объ ней ни слова! мы узнаемъ это послѣ.

Пакетъ распечатали. Въ немъ была дарственная запись брату на все имѣніе уѣхавшаго, въ случаѣ если бы тамъ послужило ему счастіе. Побѣдитель себя самого сѣлъ на корабль съ голландскими купцами и благополучно прибылъ въ Америку. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ написалъ къ брату слѣдующее письмо:

„Здѣсь, по милосердію Всемогущаго, здѣсь, въ Новомъ свѣтѣ, думаю я о тебѣ, о нашей любви, съ наслажденіемъ мученика. Новыя явленія, новыя обстоятельства расширили мою душу. Богъ послалъ мнѣ силу—принести величайшую жертву дружбѣ; тебѣ... Боже!.. Здѣсь выкатилась слеза — послѣдняя... Я преодолѣлъ... тебѣ принадлежитъ дѣвушка. Братъ, я не долженъ былъ владѣть ею, то есть, она не была бы счастлива со мною.—А если она думала, что была бы счастлива со мною—братъ!—братъ!—Тяжело мнѣ отдавать ее на твою душу. Не позабудь, какъ тяжело долженъ ты былъ пріобрѣсти ее.—Поступай съ этимъ ангеломъ всегда такъ, какъ теперь внушаетъ тебѣ твоя новая любовь. Блюди ее, какъ драгоцѣнный залогъ твоего брата, котораго никогда не будешь уже ты заключать въ своихъ объятіяхъ. Прощай! не пиши ко мнѣ, когда ты будешь праздновать свою свадьбу. Моя рана не зажила еще; изъ нея льется кровь. Напиши мнѣ, какъ счастливъ ты будешь. Мой поступокъ служитъ мнѣ порукою, что и меня Богъ не оставитъ на чужой сторонѣ".

Бракъ былъ совершенъ. Молодые жили счастливо. Но черезъ годъ умерла жена. Умирая призналась она своей наперсницѣ въ несчастнѣйшей тайнѣ своего сердца: уѣхавшаго она любила нѣжнѣе.

Оба брата еще живы. Старшій въ Германіи женился въ другой разъ. Младшій остался въ Америкѣ, произнесъ обѣтъ никогда не жениться и сдержалъ его.

М. П. (Погодинъ).

(«Моск. Вѣстн.» 1827. ч. VI).

Завтракъ герцога Альбы въ Рудольштадтскомъ замкѣ въ 1547 году.

Перелистывая одну изъ старыхъ хроникъ шестнадцатаго вѣка (Res in Ecclesia et Politia Christiana gestae ab anno 1500 ad anno 1600. Aut I. Soeffing. Th. D. Rodolst. 1676), я нашелъ въ ней нижеслѣдующій анекдотъ, который рѣшаюсь вызвать изъ забвенія, находя его по многимъ причинамъ достойнымъ того. Въ рукописи, носящей заглавіе: Mausolea manibus Metzeli posita a Fr. Melch. Dedekindo 1738, я встрѣтилъ подтвержденіе этого разсказа. Онъ внесенъ также и въ „Дворянское Зерцало“ Шпангенберга, т. I, ч. 13, стр. 445.

Рѣчь идетъ объ одной нѣмецкой дамѣ, твердостью и рѣшительностью своего поведенія заставившей трепетать самого герцога Альбу, привыкшаго до того лишь приводить въ трепетъ другихъ. Домъ, изъ котораго она происходила, издавна уже прославился геройскимъ духомъ своимъ и далъ императора нѣмецкому народу. Разсказъ нашъ относится къ 1547 году. Когда послѣ битвы при Мюльбергѣ императоръ Карлъ V на пути своемъ во Франконію и Швабію проходилъ черезъ Тюрингію, вдовствующая графиня Екатерина фонъ-Шварцбургъ, урожденная княгиня Генебергъ, исходатайствовала у него охранную грамоту для своихъ подданныхъ, во избѣжаніе тѣхъ бѣдъ, которыя могла имъ причинить проходящая испанская армія. Въ свою очередь, она обязалась за это позаботиться о доставкѣ изъ Рудольштадта по дешевымъ цѣнамъ хлѣба, пива и прочихъ необходимыхъ припасовъ къ мосту, гдѣ должны были переправиться черезъ Заалу испанскія войска. Кромѣ того она, на всякій случай, предусмотрительно распорядилась, чтобы былъ сломанъ мостъ, слишкомъ близко прилегавшій къ городу и перенесенъ подальше; она разсчитывала этимъ способомъ оградить хищные инстинкты ожидаемыхъ гостей отъ соблазна, которому ихъ могла подвергнуть чрезмѣрная близость города. Кромѣ того жителямъ всѣхъ мѣстностей, лежавшихъ по пути проходящаго войска, разрѣшено было болѣе цѣнную часть своихъ пожитковъ приносить въ Рудольштадскій замокъ на сохраненіе.

Тѣмъ временемъ испанскій генералъ, въ сопровожденіи герцога Генриха Брауншвейгскаго и его сыновей, приближался къ городу. Онъ отправилъ впередъ гонца къ графинѣ Шварцбургъ, съ просьбой принять его гостемъ къ себѣ на завтракъ. Столь скромная просьба со стороны человѣка, стоящаго во главѣ дѣйствующей арміи, не можетъ быть, конечно, отвергнута. Все, что найдется въ домѣ, будетъ предложено къ его услугамъ—таковъ былъ отвѣтъ. Его превосходительство могутъ пожаловать и располагать всѣмъ, чѣмъ имъ угодно. Кстати, не преминули напомнить ему объ охранной грамотѣ съ прибавленіемъ убѣдительнѣйшей просьбы насчетъ добросовѣстнаго соблюденія данныхъ въ ней обѣщаній.

Дружескій пріемъ и богато сервированный, обильно уставленный блюдами столъ ожидаютъ герцога во дворцѣ. Онъ долженъ признать, что тюрингенскія дамы свято чтутъ долгъ гостепріимства и имѣютъ хорошую кухню. Но едва успѣли сѣсть за столъ, какъ появляется гонецъ и вызываетъ графиню изъ залы. Она узнаетъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ испанскіе солдаты на пути своемъ производятъ безчинства и угоняютъ скотъ у крестьянъ. Графиня Екатерина была матерью своему

народу: непріятность, причиненная даже ничтожнѣйшему изъ ея подданныхъ, была ея собственной, личной непріятностью. Взбѣшенная вѣроломствомъ, она сохранила, однако, полное присутствіе духа и самообладаніе. Приказавъ всѣмъ слугамъ своимъ вооружиться какъ можно тише и быстрѣе и покрѣпче запереть всѣ входы и выходы замка, она возвращается въ залу, гдѣ высокіе гости все еще сидѣли за столомъ. Въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ стала она имъ жаловаться на безчинства, о которыхъ ей сейчасъ сообщили, и на то, какъ плохо выполняется императорское слово. Ей отвѣчаютъ со смѣхомъ, что таковъ ужъ обычай войны, и что подобныя маленькія непріятности неизбѣжны при всякомъ прохожденіи солдатъ. Такой отвѣтъ окончательно вывелъ ее изъ себя. „Это мы еще увидимъ!“ сказала она: „моимъ бѣднымъ подданнымъ должно быть возвращено то, что имъ принадлежитъ, или же—клянусь Богомъ...“ Она угрожающе возвысила голосъ: „кровь князей за кровь быковъ!“ Съ этимъ краткимъ, но рѣшительнымъ заявленіемъ она вышла изъ комнаты, которая въ ту-же минуту наполнилась вооруженными людьми. Съ мечами въ рукахъ и выраженіемъ глубокой почтительности на лицахъ, встали они за стульями военачальниковъ и вѣжливо прислуживали имъ за завтракомъ. Герцогъ Альба измѣнился въ лицѣ при появленіи этой воинственной свиты; онѣмѣвъ отъ неожиданности, гости сидѣли неподвижно за столомъ и безмолвно глядѣли другъ на друга. Отрѣзанные отъ своего войска, окруженные значительно превосходившей ихъ численно, крѣпкой тѣломъ и духомъ, толпой, на какой исходъ могли они разсчитывать?

Грозному герцогу оставалось только, скрѣпя сердце, пойти на всѣ условія, лишь бы смягчить разгнѣванную даму. Генрихъ Брауншвейгскій первый пришелъ въ себя и разразился громкимъ хохотомъ: онъ избралъ благоразумный путь—обратить все происшедшее въ шутку. Въ длинной хвалебной рѣчи сталъ онъ прославлять графиню за материнскую заботливость ея о благѣ своей страны, за твердость и рѣшительность духа, какія она только что обнаружила. Онъ просилъ ее успокоиться и вполнѣ положиться на него: онъ беретъ на себя отвѣтственность въ томъ, что герцогъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы удовлетворить пострадавшихъ. И въ самомъ дѣлѣ ему удалось уговорить герцога, чтобы тотъ немедленно отдалъ приказъ о возвращеніи похищеннаго скота безъ малѣйшихъ проволочекъ. Какъ только графиня Шварцбургская убѣдилась, что достояніе ея подданныхъ будетъ возвращено, она тотчасъ же измѣнила свое отношеніе къ гостямъ и разсыпалась въ горячихъ выраженіяхъ благодарности. Распрощавшись самымъ вѣжливымъ и изысканнымъ образомъ, гости покинули замокъ.

Несомнѣнно, что этотъ случай и доставилъ графинѣ Екатеринѣ Шварцбургской эпитетъ „Великодушной“, прилагаемый обыкновенно къ ея имени. Но не однимъ этимъ заслужила она свою славу: ея дѣятельной энергіи обязана своимъ успѣхомъ реформація, введенная въ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ супругомъ ея Генрихомъ XXXVII; по ея стараніямъ были изгнаны монахи и ея заботами было улучшено школьное преподаваніе. Многимъ изъ протестантскаго духовенства, подвергавшимся гоненіямъ за вѣру, оказывала она поддержку и покровительство. Въ ихъ числѣ былъ и знаменитый Каспаръ Аквила, пасторъ Заальфельдскій. Въ качествѣ полкового священника, онъ въ юныхъ годахъ своихъ сопровождалъ въ Нидерланды армію императора. Тутъ, однажды, онъ разсердилъ солдатъ, отказавшись крестить пушечное ядро; буйная ватага бросила его въ дуло мортиры, намѣреваясь выстрѣлить имъ оттуда на воздухъ, и лишь счастливая случайность спасла его,—порохъ какъ-бы нарочно не хотѣлъ загораться. Во второй разъ теперь жизнь его подвергалась опасности: голова его была оцѣнена въ 5000 гульденовъ, такъ какъ онъ разгнѣвалъ императора, указъ котораго поносилъ публично съ каѳедры. По просьбѣ заальфельдцевъ, Екатерина приказала тайно привести пастора въ свой замокъ, гдѣ долгое время скрывала его, заботясь о немъ съ истинно высокимъ человѣколюбіемъ до тѣхъ поръ, пока опасность миновала и Аквила могъ снова появиться открыто. Она пользовалась глубокимъ и всеобщимъ уваженіемъ и умерла, оплакиваемая всѣми, на пятьдесятъ восьмомъ году жизни и двадцать девятомъ царствованія. Въ Рудольштадской церкви хранятся останки ея.

Р. В.

Если вы хотите извлечь наиболѣе поучительную для сердца и ума страницу изо всей исторіи человѣчества, обратитесь къ хроникѣ его заблужденій. Всякое крупное преступленіе неизбѣжно приводило въ дѣйствіе соотвѣтствующее количество крупныхъ силъ. Тайная игра людскихъ вожделѣній, незримо дремлющая при тускломъ мерцаніи будничныхъ чувствъ, пробуждаясь подъ вліяніемъ могучихъ страстей, неудержимо вырывается наружу, и тѣмъ бурнѣе, колоссальнѣе, ярче и грознѣй ея мощь, чѣмъ дольше она таилась. Не мало данныхъ для изученія души можетъ почерпнуть тутъ тонкій психологъ, не мало свѣта можетъ онъ внести въ нравственные законы жизни, онъ, который знаетъ, много-ли, собственно, можно разсчитывать на механизмъ обычной свободы воли. Онъ можетъ судить по аналогіи, если только аналогія тутъ допустима.

Какъ однообразны сердца человѣческія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они сложны! Одна и та-же способность, одни и тѣ-же стремленія сказываются въ тысячѣ различныхъ формъ, расходятся по тысячѣ противополо жныхъ направленій, даютъ тысячи разныхъ проявленій, появляются въ тысячѣ всевозможныхъ сочетаній. А вмѣстѣ съ тѣмъ различные характеры и поступки могутъ быть порождены однородными наклонностями, хотя-бы представители этого душевнаго родства сами о немъ ничего не подозрѣвали. Появись для рода человѣческаго такой-же Линней, какъ для другихъ царствъ природы, распредѣли онъ людей на классы по ихъ вкусамъ и склонностямъ, и мы были-бы поражены, найдя какого-нибудь дюжиннаго человѣка, пороки котораго не могли развиться подъ давленіемъ тѣсной сферы мѣщанской жизни и узкихъ рамокъ закона, въ одной категоріи съ чудовищнымъ Борджіа.

Съ этой точки зрѣнія не малый упрекъ можетъ быть сдѣланъ обычнымъ пріемамъ изложенія исторіи, пріемамъ, которыми объясняется полная безплодность ея изученія въ смыслѣ практическаго примѣненія уроковъ ея къ ежедневной жизни. Бурные порывы и кипучія страсти человѣка, совершающаго тотъ или другой поступокъ, пред-

ставляютъ такую противоположность мирному и ровному настроенію читателя, которому поступокъ этотъ излагается, такая непроходимая пропасть между двумя людьми—дѣйствующимъ и слѣдящимъ за дѣйствіемъ, что трудно и даже невозможно послѣднему заподозрить какую-бы то ни было связь между собою и тѣмъ другимъ, чуждымъ ему человѣкомъ. Между историческимъ лицомъ и читателемъ поставлена всегда непреодолимая преграда, устраняющая всякую возможность какого-либо сравненія или примѣненія къ себѣ фактовъ исторіи, остающейся мертвою буквой: читатель не испытываетъ спасительнаго и цѣлебнаго ужаса, необходимаго для предохраненія его гордаго и самоувѣреннаго здоровья,—онъ только пожимаетъ плечами съ видомъ полнаго непониманія и изумленія. Каждый преступникъ, въ сущности, такой-же человѣкъ, какъ и мы, бывшій такимъ-же въ моментъ совершенія имъ проступка, какъ и остающійся такимъ-же въ моментъ его искупленія. А между тѣмъ этотъ несчастный представляется намъ существомъ иной породы, существомъ, кровь котораго обращается не такъ, какъ у насъ, воля котораго повинуется инымъ законамъ, чѣмъ наша. Участь его мало трогаетъ насъ, потому что сочувствіе наше строится на смутномъ сознаніи угрожающей намъ подобной-же опасности. А въ данномъ случаѣ въ насъ не можетъ зародиться ни малѣйшаго подозрѣнія насчетъ возможности примѣненія разсказываемаго факта къ намъ самимъ, насчетъ хотя-бы тѣни сходства изображаемаго лица съ нами.

Чувствомъ полной отчужденности убивается всякая поучительность, и исторія, вмѣсто того, чтобы служить школой для воспитанія и образованія души, должна довольствоваться жалкой ролью разсказчицы, удовлетворяющей наше любопытство. Для того, чтобы задача ея была расширена и данное ей великое назначеніе исполнено, необходимо избрать одинъ изъ двухъ методовъ: чувства читателя должны быть разогрѣты въ такой-же степени, какъ у героя, или же герой охлажденъ сообразно чувствамъ и пониманію читателя.

Я знаю, что нѣкоторые изъ лучшихъ историковъ древности и новѣйшихъ временъ придерживались перваго метода: увлекательное изложеніе и сочувственная окраска служили имъ средствами для того, чтобы подкупить читателя. Но подобные пріемы со стороны писателя—узурпація, оскорбляющая республиканскую свободу читающей публики, которой должно быть предоставлено право суда и приговора; въ то-же время этотъ пріемъ есть вторженіе въ чужую область, такъ-какъ онъ всецѣло и исключительно надлежитъ оратору и поэту, на долю-же историка остается лишь второй изъ поименованныхъ методовъ.

Герой долженъ быть охлажденъ сообразно чувствамъ и пониманію читателя, или же, говоря другими словами, мы должны познакомиться съ нимъ самимъ раньше, чѣмъ съ его поступками,—мы должны видѣть его не въ тотъ моментъ только, когда онъ совершаетъ свое дѣйствіе, но и тогда, когда онъ его замышляетъ. Мысли его гораздо важнѣе для насъ его дѣлъ, а послѣдствія этихъ дѣлъ безконечно уступаютъ по своей важности источникамъ его мыслей. Для того, чтобы узнать причину изверженій Везувія, произвели изслѣдованіе его почвы, почему-же явленія нравственной жизни не удостоиваются одинаковаго вниманія съ жизнью физической? Почему не хотятъ заняться столь-же тщательнымъ изслѣдованіемъ предметовъ и условій, окружающихъ такого человѣка, зажигающихъ своей совокупностью пламя вулкана въ глубинѣ души его и вызывающихъ изверженіе изъ ея нѣдръ. Фантазера, любителя всего необычайнаго, увлекаетъ романическая и чудесная сторона подобныхъ явленій, въ то время какъ другъ истины старается разыскать мать этихъ погибшихъ дѣтей. Онъ ищетъ ее внутри въ неизмѣнномъ строеніи души человѣческой и извнѣ въ измѣнчивыхъ окружающихъ условіяхъ, дающихъ ей направленіе; и онъ несомнѣнно находитъ ее въ сліяніи этихъ двухъ источниковъ. И, познавъ истину, онъ не изумляется при видѣ ядовитыхъ растеній, вырастающихъ на той же грядкѣ, которая сплошь покрыта цѣлебными травами; онъ не изумляется, находя мудрость въ одной колыбели съ глупостью, порокъ съ добродѣтелью.

Помимо тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ подобная система изученія исторіи, обогащая психолога обильнымъ матеріаломъ для науки о душѣ человѣческой, главное ея преимущество заключается въ томъ, что ею сбрасывается съ позиціи жестокое пренебреженіе и гордая самоувѣренность, не подвергавшейся искушеніямъ, устоявшей добродѣтели по отношенію къ павшимъ братьямъ. Система эта порождаетъ кроткій духъ терпимости, безъ которой нѣтъ возврата ни одному бѣглецу, нѣтъ прими-

ренія съ закономъ ни одному его нарушителю, нѣтъ спасенія ни единому члену общества, разъ его постигла зараза.

Имѣлъ-ли, однако, право тотъ преступникъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь, взывать къ этому духу терпимости? Или-же это былъ членъ, безвозвратно погибшій для тѣла, для того цѣлаго, часть котораго онъ составлялъ,—для своей страны? Ему не нужно наше снисхожденіе, такъ какъ онъ уже палъ подъ рукой палача, но посмертное вскрытіе его проступковъ, быть можетъ, окажется поучительнымъ не только для человѣчества, но и для самого правосудія.

Христіанъ Вольфъ былъ сынъ трактирщика въ маленькомъ городишкѣ ...скаго княжества (имя его мы должны умолчать по причинамъ, которыя выяснятся впослѣдствіи). Рано лишившись отца, онъ долженъ былъ помогать своей матери въ хозяйствѣ, что и исполнялъ лѣтъ до двадцати. Дѣла шли туго, и у Вольфа оставалось слишкомъ много празднаго времени. Будучи еще школьникомъ, онъ уже слылъ безпутнымъ малымъ: дѣвушки жаловались на его наглость, молодые люди приходили въ восторженное изумленіе отъ находчивости его и изобрѣтательности. Природа пренебрегла отдѣлкой его тѣла: маленькая невзрачная фигурка, вьющіеся волосы непріятной черноты, приплюснутый носъ и вздутая верхняя губа, которая сверхъ того была перекошена вслѣдствіе удара лошадинымъ копытомъ. Все это дѣлало его наружность столь отталкивающею, что дѣвушки обѣгали его, а товарищи черпали въ ней неизсякаемый источникъ для своего остроумія.

Онъ хотѣлъ взять насильно то, въ чемъ ему было отказано природой, — онъ былъ непривлекателенъ и задался цѣлью привлекать. Обладая страстнымъ темпераментомъ, онъ легко убѣдилъ себя въ томъ, что овладѣвшее имъ чувство къ дѣвушкѣ есть любовь. Избранница его не раздѣляла его чувствъ, и онъ имѣлъ основаніе опасаться, что его соперники счастливѣе его. Дѣвушка, однако, была бѣдна,—сердце, не сдававшееся на всѣ любовныя клятвы и мольбы, открылось-бы, можетъ быть, его подаркамъ. Но вѣдь и самъ онъ терпитъ недостатокъ во всемъ, даже скудные доходы отъ плохо торговавшаго трактира были поглощены тщетнымъ и суетнымъ стремленіемъ его скрасить свою наружность. Ему не хватало ловкости и умѣнья, чтобы поддержать свои разстроенныя дѣла какимъ-либо предпріятіемъ. Гордость и изнѣженность не допу-

скали его промѣнять свое положеніе хозяина и господина на долю крестьянина, и тѣмъ самымъ лишить себя свободы, той свободы, которая ему всего дороже въ мірѣ. Онъ не видѣлъ иного пути кромѣ того, какимъ тысячи людей шли до него и послѣ него съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ онъ,—то былъ путь честнаго воровства. Его родной городъ граничилъ съ лѣсомъ владѣтельнаго князя, и онъ сталъ заниматься въ немъ браконьерствомъ, честно и вѣрно передавая весь доходъ со своего промысла въ руки возлюбленной.

Въ числѣ поклонниковъ Аннушки былъ молодой егерь при лѣсничемъ, по имени Робертъ. Отъ него не укрылся тотъ перевѣсъ, который взялъ надъ нимъ его соперникъ, благодаря своей щедрости. Полный зависти, сталъ онъ искать объясненія столь внезапному перевороту. Онъ сдѣлался частымъ посѣтителемъ „Солнца"—такъ гласила вывѣска трактира—и пронырливыми глазами, ухищренными ревностью и завистью, не замедлилъ открыть тотъ источникъ, изъ котораго лились таинственные доходы. Незадолго до этого былъ возстановленъ строгій законъ, обрекавшій подобныхъ охотниковъ на заточеніе въ смирительномъ домѣ. Неутомимо выслѣживалъ Робертъ своего противника, и трудъ его увѣнчался, наконецъ, желаннымъ успѣхомъ: безразсудный и легкомысленный юноша былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія. Онъ былъ арестованъ и лишь съ большимъ трудомъ, цѣною всего своего небольшого имущества, избѣгнулъ угрожавшаго ему наказанія, замѣненнаго денежнымъ штрафомъ.

Робертъ торжествуетъ. Его соперникъ отбитъ,—милость Аннушки не существуетъ для нищаго. Вольфъ хорошо зналъ, кто его врагъ, и этотъ врагъ—счастливый обладатель его Іоганны! Гнетущее чувство нужды присоединилось къ оскорбленному самолюбію. Бѣдность и ревность преслѣдовали его дружными усиліями. Голодъ гналъ его вонъ на широкій просторъ; страсть и ревность удерживали его на мѣстѣ. И вотъ онъ возобновляетъ свое браконьерство; но и Робертъ не дремлетъ, — онъ удваиваетъ бдительность и снова накрываетъ злополучнаго соперника. Теперь-то Вольфъ познаетъ строгость законовъ во всей ея силѣ: у него нѣтъ ничего болѣе, ему нечего давать, и его препровождаютъ въ столицу для заключенія въ смирительномъ домѣ.

Прошелъ годъ, и срокъ его наказанія окончился. Разлука усилила страсть, а несчастья закалили упорство. Вырвавшись на свободу, онъ тотчасъ же мчится въ родной городъ на свиданіе со своею Іоганной. Онъ является къ ней, она бѣжитъ отъ него. А нужда тѣмъ временемъ не ждетъ: она заставляетъ его, наконецъ, сломить свою гордость, преодолѣть физическую изнѣженность и слабость и отправиться къ мѣстнымъ богачамъ съ предложеніемъ своихъ услугъ за поденную плату. Но крестьянинъ пожимаетъ плечами при видѣ слабаго нѣженки, онъ отдаетъ предпочтеніе другому претенденту, крѣпкому сложеніемъ и сильному тѣломъ. Еще одна послѣдняя попытка: одна должность оказывается незанятой — жалкая должность! послѣднее убѣжище честнаго имени,—онъ вызывается пасти городской скотъ, но крестьянинъ не хочетъ довѣрить своихъ свиней негодяю. Разочарованный во всѣхъ ожиданіяхъ, получивъ отказъ на всѣ предложенія, отвергнутый во всѣхъ исканіяхъ, принимается онъ въ третій разъ за свою незаконную охоту, и въ третій разъ его постигаетъ все то-же несчастье—онъ снова попадаетъ въ руки неусыпнаго врага своего.

Онъ попадается въ третій разъ въ одномъ и томъ-же преступленіи. Это обстоятельство усугубляетъ его вину. Судьи тщательно и добросовѣстно справляются съ уложеніемъ о наказаніяхъ, но ни одному изъ нихъ не приходитъ въ голову прочесть то, что начертано въ душѣ обвиняемаго. Законы противъ браконьерства вопіютъ, требуя удовлетворенія примѣрнаго и соотвѣтствующаго обстоятельствамъ. Этимъ требованіемъ и только имъ однимъ руководствуется судъ при постановленіи приговора, по которому Вольфъ обрекается на трехлѣтнюю каторжную работу въ крѣпости, причемъ предварительно на спинѣ его должно быть выжжено клеймо, изображающее висѣлицу.

Истекъ и этотъ срокъ. Вольфъ вышелъ изъ крѣпости, но уже совсѣмъ инымъ, чѣмъ онъ вошелъ туда. Отсюда начинается новая эпоха его жизни. Послушаемъ, что онъ впослѣдствіи самъ говоритъ объ этомъ передъ судьями и духовнику: «Я былъ человѣкъ, сбившійся съ пути, когда вступилъ въ крѣпость, а вышелъ оттуда настоящимъ негодяемъ. Мнѣ было еще кое-что дорого въ мірѣ, и гордость моя страдала подъ гнетомъ стыда. Въ крѣпости меня заперли въ обществѣ двадцати трехъ арестантовъ, изъ которыхъ двое были убійцы, остальные—закоренѣлые воры и бродяги. Когда я имъ говорилъ о Богѣ, они издѣвались

надо мной и не давали мнѣ прохода, заставляя поносить Божественнаго Спасителя гнусными словами. Они напѣвали мнѣ грязныя пѣсни, которыхъ даже я, распутный бездѣльникъ, не могъ слышать безъ ужаса и отвращенія; а то, что тамъ творилось, наполняло стыдомъ мою безстыдную душу. Изо дня въ день продолжался все тотъ-же мерзостный образъ жизни, изо дня въ день изобрѣтались и осуществлялись грязныя продѣлки. Сначала я избѣгалъ этихъ людей и прятался отъ ихъ разговоровъ, насколько было возможно. Но я нуждался въ какомъ-нибудь живомъ существѣ, а варварство моихъ стражей простерлось до того, что они лишили меня даже моей собаки. Работа была тяжелая, обращеніе жестокое. Тѣло мое, болѣзненное и хилое, нуждалось въ помощи и поддержкѣ. Говоря откровенно, я испытывалъ потребность въ состраданіи, и я могъ купить его только цѣной послѣднихъ остатковъ совѣсти. Такимъ образомъ я привыкъ мало-по-малу ко всѣмъ гнусностямъ,—ничто болѣе не внушало мнѣ отвращенія, и въ послѣднюю четверть года я превзошелъ всѣхъ своихъ наставниковъ. Я жаждалъ свободы, а еще сильнѣе жаждалъ я мести. Я былъ обиженъ всѣми, потому что всѣ были лучше и счастливѣе меня. Себя же я считалъ мученикомъ и искупительной жертвой закона. Со скрежетомъ зубовнымъ рвалъ я свои цѣпи, когда показывалось солнце за крѣпостнымъ валомъ: видъ открытый на далекій просторъ родитъ адскія муки въ душѣ узника. Сквозной вѣтеръ, гудѣвшій въ отдушинахъ моей башни, вольныя ласточки, опускавшіяся на перекладины моей рѣшетки, какъ бы дразнили меня своею свободой и дѣлали мое заключеніе мнѣ еще ненавистнѣй. Тутъ-то я далъ обѣтъ непримиримой ненависти ко всему, что имѣетъ подобіе человѣка, и съ тѣхъ поръ я не измѣнялъ своему обѣту, честно и свято соблюдая его.

Первая моя мысль, какъ только я вырвался на свободу, была о родномъ городѣ. Немного обѣщалъ я себѣ въ немъ для своего будущаго пропитанія, но тѣмъ болѣе пищи готовилъ мнѣ голодъ для моей мести. Сердце сильнѣе забило тревогу, когда церковный куполъ выглянулъ вдали изъ-за деревьевъ рощи; то не былъ сладкій трепетъ

радости, какой я испытывалъ при первомъ приближеніи къ храму Божію,—точно отъ страшнаго смертельнаго сна воспряло воспоминаніе обо всѣхъ невзгодахъ, всѣхъ преслѣдованіяхъ, вынесенныхъ тамъ мною; всѣ раны заныли, всѣ язвы открылись. Я удвоилъ шаги, наперед упиваясь радостью при мысли о томъ ужасѣ, въ какой будутъ повергнуты мои враги внезапнымъ моимъ появленіемъ: я уже жаждалъ теперь новыхъ униженій такъ-же сильно, какъ я раньше ихъ боялся.

Колокола звонили къ вечернѣ, когда я очутился на рынкѣ. Площадь была полна народа, направлявшагося въ церковь. Меня быстро узнали; всякій, кто натыкался на меня, въ ужасѣ отступалъ назадъ. Издавна любилъ я ребятишекъ и теперь, забывшись, невольно сунулъ грошикъ маленькому мальчишкѣ, проскакавшему мимо меня. Тотъ остановился, неподвижно поглядѣлъ на меня и... бросилъ мнѣ грошъ мой въ лицо. Обращайся кровь спокойнѣе въ моихъ жилахъ, я-бы вспомнилъ, что некрасивое лицо мое сдѣлалось теперь страшнымъ, благодаря бородѣ, которая выросла у меня въ крѣпости. Но озлобленное сердце помутило мой разумъ, и по щекамъ моимъ полились слезы обильныя и горькія, какими я еще никогда не плакалъ.

„Мальчикъ не знаетъ, откуда и кто я", говорилъ я себѣ вполголоса: „и все-жъ избѣгаетъ меня, какъ будто бы я какое нибудь отвратительное животное. Неужели же на лицѣ моемъ есть какая-то печать, или-же я утратилъ подобіе человѣка подъ вліяніемъ сознанія, что сердце мое потеряло способность любви къ кому-бы то ни было". Больнѣе и горше трехлѣтней каторги показалось мнѣ презрѣніе этого мальчика, которому я хотѣлъ сдѣлать добро и котораго поэтому не могъ заподозрить въ личной злобѣ ко мнѣ.

Я присѣлъ противъ церкви. Чего я хотѣлъ, я не вполнѣ знаю, но знаю хорошо ту горечь, съ которою я поднялся послѣ того, какъ изъ прошедшихъ мимо меня знакомыхъ никто не удостоилъ меня поклона, никто, ни единый. Озлобленный и раздраженный, покинулъ я свое мѣсто и отправился искать себѣ пристанища. На поворотѣ одной изъ улицъ я столкнулся лицомъ къ лицу съ моею Іоганной. „Ссдержатель „Солнца!" громко закричала она, порываясь обнять меня: „Ты опять здѣсь, милый хозяинъ „Солнца!" Слава Богу, что ты вернулся!" Голодъ и нужда глядѣли сквозь ея покровы; слѣды страшной, постыдной болѣзни были начертаны на ея лицѣ; вся внѣшность ея говорила о томъ, что она—отверженное существо, втоптанное въ грязь. Я быстро нарисовалъ себѣ картину свершившихся здѣсь событій: мнѣ попалось навстрѣчу нѣсколько гвардейскихъ драгунъ,—очевидно, гарнизонъ стоялъ въ городишкѣ. „Солдатская дѣвка!" воскликнулъ я со смѣхомъ, поворачиваясь къ ней спиною. Мнѣ было отрадно сознаніе, что есть на землѣ существо, павшее еще ниже меня. Видно, я ее никогда не любилъ.

Мать моя умерла. Домикъ мой ушелъ въ уплату кредиторамъ. Ничего и никого у меня больше не осталось. Всѣ обѣгали меня, какъ прокаженнаго, и я разучился, наконецъ, стыдиться. Раньше я бѣгалъ отъ людскихъ глазъ, потому что не могъ выносить сквозившаго въ нихъ презрѣнья; теперь я имъ нарочно попадался и забавлялся тѣмъ, что наводилъ ужасъ на встрѣчныхъ. Мнѣ было легко: нечего беречь, нечего терять. Достоинствъ мнѣ не надо было, потому что мнѣ ихъ не приписывали; никто ихъ во мнѣ не подозрѣвалъ, никто не искалъ.

Міръ былъ широко открытъ передо мной, и я могъ-бы отправиться куда нибудь въ незнакомое мѣсто, гдѣ сошелъ-бы еще, можетъ быть, за честнаго человѣка, но я утратилъ всякую энергію и охоту не только быть честнымъ, но даже имъ казаться, такъ сломили меня стыдъ и отчаяніе. Все, что мнѣ осталось,—полное отреченіе отъ чести, на которую я больше не смѣлъ предъявлять притязаній. Если-бы былое тщеславіе мое и гордость пережили теперешнее униженіе, мнѣ неизбѣжно пришлось-бы покончить съ собой.

Что предпринять, я самъ не зналъ, но память мнѣ смутно подсказываетъ, что я хотѣлъ творить зло. Я хотѣлъ свою участь заслужить. Полагая, что законы установлены для блага человѣчества, я задался цѣлью всѣми силами нарушать ихъ. То, что я дѣлалъ прежде изъ нужды и легкомыслія, то совершалъ теперь по доброй волѣ, ради удовольствія.

Прежде всего я возобновилъ свое браконьерство. Вообще охота превратилась мало по малу у меня въ страсть, да и надоже было жить чѣмъ нибудь. И всетаки не одно это руководило мною; я находилъ наслажденіе въ издѣвательствѣ надъ княжескимъ постановленіемъ, въ пакостяхъ владѣтельному князю, творимыхъ по мѣрѣ

силъ моихъ. На этотъ разъ я не боялся быть захваченнымъ: въ карманѣ у меня лежала пуля, предназначенная тому, кто меня накроетъ; а уже выстрѣлъ мой не минуетъ своей цѣли, это я зналъ вѣрно. Я застрѣливалъ всякую дичь, какая мнѣ ни попадалась, но лишь немногое обращалъ въ деньги на границѣ, остальное бросалъ и оно гнило. Жилъ я отвратительно и заботился только о томъ, чтобы хватало на дробь и порохъ. Вскорѣ обнаружились опустошенія, производимыя мной въ княжеской охотѣ; теперь уже подозрѣнія не падали на меня,—внѣшній видъ мой не допускалъ ихъ, а имя мое было забыто.

Такъ прожилъ я нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ утромъ я, по своему обыкновенію, рыскалъ по лѣсу въ погонѣ за оленемъ. Втеченіе двухъ часовъ всѣ труды и старанія были тщетны, и я уже собирался отказаться отъ своей добычи, какъ вдругъ снова вижу ее на разстояніи ружейнаго

выстрѣла отъ себя. Я прицѣливаюсь и собираюсь спустить курокъ, но въ эту минуту чья-то шляпа, лежащая на землѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, пугаетъ меня. Всматриваюсь и узнаю егеря Роберта, который, притаившись за стволомъ толстаго дуба, цѣлитъ въ ту же дичь, что была намѣчена мною. Смертельный холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при видѣ его: это именно былъ человѣкъ самый ненавистный изо всего, что мнѣ ненавистно на землѣ, и этотъ человѣкъ въ настоящую минуту находится во власти моей пули. Судьба всего міра, казалось мнѣ, зависѣла въ этотъ мигъ отъ выстрѣла моего ружья, и ненависть всей моей жизни сосредоточилась у меня въ концахъ пальцевъ, которые должны были произвести смертоносное движеніе. Тяжелая, незримая рука тяготѣла надо мной, часовая стрѣлка моей судьбы неотвратимо указывала на этотъ роковой мрачный часъ. Рука моя дрожала, когда я рѣшилъ предоставить страшный выборъ на произволъ моего ружья; зубы у меня стучали, какъ въ лихорадкѣ, и дыханіе спиралось въ груди. Съ минуту стволъ ружья оставался въ нерѣшимости, колеблясь между оленемъ и человѣкомъ; прошла минута, и еще минута, и еще... Жажда мести вступила въ борьбу съ совѣстью, борьбу рѣшительную и ожесточенную. Месть побѣдила, и егерь мертвый повалился на землю.

Оружіе выпало у меня изъ рукъ. „Убійца", пробормоталъ я медленно. Въ лѣсу было тихо, какъ на кладбищѣ, и я ясно слышалъ произнесенное мною слово: „Убійца". Я проскользнулъ ближе къ лежавшему человѣку; онъ оказался мертвымъ. Безмолвно и неподвижно стоялъ я передъ трупомъ, долго стоялъ, и, наконецъ, разразился громкимъ хохотомъ, давшимъ свободу моему стѣсненному дыханію. „Будешь ты теперь держать языкъ на привязи, дружище?" проговорилъ я и, смѣло подступивъ къ нему, повернулъ его голову лицомъ кверху. Глаза его были широко открыты. Я пересталъ смѣяться и вдругъ снова примолкъ. Мною начало овладѣвать какое-то странное чувство.

Всѣ безчинства и беззаконія, совершенныя мною до сихъ поръ, шли на счетъ прежняго моего стыда; теперь совершилось нѣчто, что не было еще мною искуплено. Полагаю, что за часъ до этой минуты никакія силы міра не могли бы меня убѣдить въ томъ, что подъ небесами есть что-нибудь хуже, ниже меня; теперь мнѣ стало казаться, что всего часъ тому назадъ я достоинъ былъ зависти. Мнѣ не приходила въ голову мысль о судѣ Божіемъ. Что я думалъ, что себѣ представлялъ, я самъ не знаю,—какія то спутанныя, сбивчивыя воспоминанія о висѣлицѣ, видѣнной мною, когда я былъ еще школьникомъ, о казни дѣтоубійцы. Какое-то совсѣмъ особенное ужасное чувство рож-

дала во мнѣ мысль о томъ, что отнынѣ я достоинъ смертной казни. Многаго я теперь совсѣмъ не припоминаю. Я хотѣлъ, чтобы онъ былъ живъ. Всѣми силами старался я вызвать въ своемъ воображеніи все то зло, которое принесъ мнѣ этотъ человѣкъ, но—странно!—память точно умерла во мнѣ; я ни за что не могъ воскресить десятой доли того, что приводило меня въ бѣшеную ярость какихъ нибудь четверть часа тому назадъ. Я не могъ даже никакъ сообразить и понять, какъ я дошелъ до убійства.

Я все стоялъ и стоялъ надъ трупомъ. Щелканье кнутовъ и грохотъ фургоновъ, проѣзжавшихъ по лѣсу, заставилъ меня опомниться. Преступленіе было совершено на разстояніи какой нибудь четверти мили отъ большой дороги.

Надо было подумать о своей безопасности. Инстинктивно сталъ я углубляться въ лѣсъ. Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что покойный всегда носилъ при себѣ часы. Мнѣ нужны были деньги, чтобы добраться до границы, но у меня не хватило мужества вернуться къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ убитый. Тутъ впервые меня испугала мысль о дьяволѣ и о Вездѣсущемъ Господѣ. Я призвалъ на помощь все свое мужество и, рѣшившись предать себя на волю ада, вернулся обратно. Я нашелъ что разсчитывалъ, кромѣ того въ зеленомъ кошелькѣ оказалось денегъ одинъ талеръ съ небольшимъ. Я ужъ собирался припрятать къ себѣ то и другое, но что то заставило меня остановиться въ нерѣшимости. То не былъ внезапный припадокъ стыда или страха увеличить свое преступленіе грабежемъ. Я бросилъ часы и оставилъ себѣ только половину денегъ; изъ упрямства, какъ я полагаю: затѣмъ, чтобъ убійство могло быть объяснено исключительно только личной моей враждой къ покойному, а не нападеніемъ грабителя.

Теперь я бѣжалъ по лѣсу впередъ и впередъ. Я зналъ, что лѣсъ тянулся на пространствѣ четырехъ миль на сѣверъ, гдѣ упирался въ границу страны, и туда бѣжалъ я безъ передышки до самаго полудня. Поспѣшность моего бѣгства заглушила на нѣкоторое время терзанія совѣсти, но тѣмъ мучительнѣе было ихъ пробужденіе, когда силы мои стали мало-по малу упадать. Тысячи отвратительныхъ призраковъ проносились во моемъ воображеніи, и каждый изъ нихъ точно вонзалъ острый ножъ въ мою грудь. Только два пути оставалось мнѣ на выборъ,—выборъ ужасный, но неизбѣжный: насильственная смерть или полная вѣчныхъ опасеній за свою безопасность жизнь. У меня не хватало мужества покончить самоубійствомъ всѣ счеты съ земнымъ существованіемъ, а мысль продолжать его приводила меня въ содроганіе. Сжатый, какъ въ тискахъ, между завѣдомыми муками жизни и невѣдомымъ ужасомъ вѣчности, одинаково неспособный жить и умереть, проводилъ я шестой часъ своего бѣгства, часъ полный мукъ, о какихъ не могъ повѣдать еще ни одинъ смертный на землѣ.

Погруженный въ свои мысли, со шляпой, безсознательнымъ движеніемъ глубоко надвинутой на лицо, какъ бы для того, чтобы скрыться отъ глазъ даже безчувственной природы, медленно шелъ я, самъ того не замѣчая, по узенькой тропинкѣ, увлекавшей меня въ глубину темной чащи, какъ вдругъ чей-то сиплый голосъ произнесъ повелительно: „Стой!“ Голосъ раздался совершенно близко отъ меня,—благодаря своей растерянности и надвинутой шляпѣ, я раньше не замѣтилъ того, кому онъ принадлежалъ. Я поднялъ глаза, и взорамъ моимъ представился дикаго вида человѣкъ съ суковатой дубиной въ рукахъ, шедшій прямо на меня. Онъ обладалъ колоссальной фигурой; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ, ошеломленному неожиданностью. Цвѣтъ кожи его, темный, какъ у мулата, рѣзко оттѣнялъ бѣлки его глазъ, казавшихся страшными, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ косилъ. Поверхъ шерстяной одежды зеленаго цвѣта, вмѣсто кушака, дважды была обвита толстая веревка. Большой ножъ, какъ у мясника, торчалъ изъ-за нея рядомъ съ пистолетомъ. Окликъ повторился, и я почувствовалъ себя въ мощныхъ рукахъ, заставившихъ меня остановиться. Я испугался звука человѣческаго голоса, но при видѣ злодѣя пріободрился: естественно было трепетать въ моемъ положеніи при встрѣчѣ съ честнымъ человѣкомъ; зато воры были мнѣ не страшны.

— Кто идетъ?—проговорилъ незнакомецъ.

— Тебѣ подобный,—отвѣчалъ я,—если ты, дѣйствительно, тотъ, кѣмъ выглядишь!

— Тутъ нѣтъ дороги! Зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— А зачѣмъ ты спрашиваешь?—передразнилъ я его.

Дважды измѣрялъ меня взглядомъ этотъ человѣкъ съ головы до пятокъ. Казалось, онъ противопоставлялъ мою фигуру своей и мои отвѣты моему внѣшнему виду. „Ты говоришь грубо, какъ нищій!“ проговорилъ онъ, наконецъ.

— Быть можетъ: я имъ былъ еще только вчера.

Незнакомецъ разсмѣялся. „Можно было бы поклясться“, воскликнулъ онъ: „что и сегодня ты не мечтаешь о лучшемъ званіи!“.

— Не о лучшемъ, такъ о худшемъ!—Я хотѣлъ продолжать свой путь.

— Потише, другъ! Что тебѣ такъ не терпится. Куда тебѣ спѣшить?

Я подумалъ съ минуту и потомъ медленно выговорилъ слова, которыя, самъ не знаю какъ, сорвались у меня съ языка: „Жизнь коротка, адъ длится вѣчно“.

Онъ въ недоумѣніи уставился на меня.

— Будь я проклятъ,—сказалъ онъ, наконецъ:—если ты не сорвался гдѣ-нибудь съ висѣлицы.

— Это можетъ еще случиться современемъ. До свиданія, товарищъ!

— Стопъ, товарищъ!—воскликнулъ онъ. Раскрывъ свою охотничью сумку, онъ досталъ оттуда оловянную бутыль и, хлебнувъ изъ нея порядочный глотокъ, передалъ ее мнѣ. Страхъ и продолжительное бѣгство истощили мои силы. Ни одной капли не было у меня во рту втеченіе всего этого ужаснаго дня. Опасеніе погибнуть отъ жажды въ этой лѣсной чащѣ, гдѣ на протяженіи трехъ миль я не могъ разсчитывать на пристанище, невольно стало закрадываться въ мою душу. Можете себѣ вообразить, съ какой готовностью я согласился на предложенный мнѣ тостъ. Я почувствовалъ, какъ свѣжія силы вливаются въ мои члены вмѣстѣ съ живительнымъ напиткомъ, какъ бодрый духъ вселяется въ мое сердце, а въ душѣ пробуждается надежда и любовь къ жизни. Мнѣ начало казаться, что не все еще для меня погибло на землѣ,—такъ велика была сила освѣжающаго питья. Да, я сознаюсь, что испытывалъ нѣчто похожее на счастье: послѣ тысячи неудачъ и тысячи разбитыхъ надеждъ я встрѣтилъ, наконецъ, существо, подобное себѣ. Я находился въ такомъ состояніи, что съ самимъ духомъ ада согласился-бы чокнуться, лишь бы найти себѣ товарища и повѣреннаго.

Онъ растянулся на травѣ; я послѣдовалъ его примѣру.

— Ты оживилъ меня своимъ напиткомъ,—сказалъ я: — мы должны познакомиться ближе!

Онъ высѣкъ огонь, чтобы зажечь свою трубку.

— Давно ты промышляешь этимъ?

Онъ пристально взглянулъ на меня: „я не понимаю, что ты хочешь сказать?“

— Часто ужъ приходилось ему быть въ крови?“—Я вытащилъ у него ножъ изъ-за пояса.

— Кто ты?—закричалъ онъ страшнымъ голосомъ, откидывая трубку.

— Разбойникъ, какъ и ты, только еще начинающій.

Онъ еще разъ вглядѣлся въ меня и снова взялся за свою трубку.

— Ты не здѣшній? — выговорилъ онъ, наконецъ.

— За три мили отсюда. Содержатель „Солнца“ изъ Л..., если тебѣ приходилось когда-нибудь слышать.

Какъ безумный, вскочилъ мой собесѣдникъ.

— Охотникъ Вольфъ?—съ живостью вскричалъ онъ.

— Именно.

— Милости просимъ, другъ! Милости просимъ!—воскликнулъ онъ, пожимая мнѣ руки изо-всѣхъ силъ. — Вотъ это славно, что ты мнѣ, наконецъ, попался! Давнымъ-давно ужъ я мечтаю о тебѣ! Я тебя очень хорошо знаю. Я знаю все, и давно на тебя разсчитываю!

— На меня разсчитываешь! Въ чемъ?

— Весь край толкуетъ о тебѣ. Тебя преслѣдуютъ враги, тебя притѣснялъ какой-то чиновникъ. Тебя разорили, Вольфъ, и погубили. Съ тобой поступили возмутительно!

Онъ все болѣе и болѣе горячился.— За то, что ты пристрѣлилъ пару свиней, вскормленныхъ княземъ на нашихъ же поляхъ и пашняхъ, они годами томили тебя въ смирительномъ домѣ и въ крѣпости, лишили тебя крова и имущества, ограбили тебя и нищимъ пустили по міру! Или-же мы ужъ до того дожили, братъ, что человѣкъ стоитъ меньше зайца? Или мы не больше значимъ, чѣмъ скотъ въ полѣ? Какъ могъ все это терпѣть такой человѣкъ, какъ ты?

— Что же мнѣ было дѣлать?

— А вотъ это мы увидимъ. Но скажи мнѣ сначала, откуда ты теперь, и что предпринимаешь?

Я разсказалъ ему всю свою исторію.

Еще не дождавшись конца, онъ вскочилъ въ радостномъ нетерпѣніи и потащилъ меня за собой. „Идемъ, братъ, идемъ, говорилъ онъ: ты теперь совсѣмъ созрѣлъ, ты дошелъ какъ-разъ до того, что мнѣ надо. Съ тобой я добуду славу. Слѣдуй за мной!"

— Куда ты меня тащишь?

— Не разспрашивай! Иди за мной! И онъ насильно тащилъ меня впередъ.

Мы прошли съ четверть мили. Дорога становилась все круче, лѣсъ—непроходимѣе и гуще. Ни одинъ изъ насъ не произносилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока свистокъ моего спутника не пробудилъ меня отъ задумчивости. Тутъ только я увидѣлъ, что мы стоимъ у крутого обрыва на краю скалы, глядѣвшей въ глубокую пропасть. Оттуда изъ нѣдръ земли донесся до насъ отвѣтный свистъ, и вслѣдъ затѣмъ медленно, будто сама собой, появилась лѣстница изъ глубины. Спутникъ мой тотчасъ-же сталъ по ней спускаться, приказавъ мнѣ ждать, пока онъ вернется. „Я долженъ сначала распорядиться, чтобъ собаку посадили на цѣпь", прибавилъ онъ: „ты здѣсь чужой, и эта бестія можетъ разорвать тебя". И онъ исчезъ.

Я стоялъ надъ пропастью совершенно одинъ, мнѣ это было хорошо извѣстно,— отъ моего вниманія не ускользнула легкомысленная неосторожность моего спутника. Одинъ мигъ твердой рѣшимости, чтобы вытащить лѣстницу, и я буду свободенъ, а бѣгство мое будетъ обезпечено. Сознаюсь, что я помышлялъ объ этомъ. Я смотрѣлъ въ глубину бездны, которая готовилась принять меня въ свое лоно, и воображенію моему смутно рисовалась бездна адская, изъ которой нѣтъ возврата, нѣтъ освобожденія. Жуткое чувство стало охватывать меня при мысли о томъ поприщѣ, на которое я готовился вступить. Въ одномъ только поспѣшномъ бѣгствѣ могъ я найти спасеніе. И я окончательно рѣшаюсь бѣжать. Уже я протягиваю руку за лѣстницей, какъ вдругъ въ ушахъ точно раздается адскій хохотъ духовъ тьмы и мнѣ явственно слышится вопросъ: „Что можетъ терять убійца?" И рука моя безсильно опускается. Мои счеты сведены, время раскаянія упущено; совершенное мною убійство, какъ скала, взгромоздилось между настоящимъ моимъ и прошлымъ и заградило мнѣ путь къ возврату навсегда. Кстати, и провожатый мой вернулся съ извѣстіемъ, что теперь я могу двинуться. Выбора не оставалось все равно, и я полѣзъ внизъ.

Когда мы спустились на нѣсколько шаговъ вдоль стѣны утеса, я увидѣлъ, что бездна все расширяется книзу, и на днѣ ея пріютились нѣсколько избушекъ. Круглая лужайка оставлена посреди между ними, и группа человѣкъ въ восемнадцать-двадцать расположилась на этой лужайкѣ вокругъ костра.

— Вотъ, товарищи!—провозгласилъ мой спутникъ, выводя меня на середину круга: —Вотъ нашъ содержатель „Солнца"! Привѣтствуйте его надлежащимъ образомъ!

— Содержатель „Солнца"!—закричали всѣ въ одинъ голосъ. Всѣ вскочили—мужчины и женщины—и столпились вокругъ меня. Говоря правду, радость была самая задушевная и нелицемѣрная. Полное довѣріе, уваженіе, да, даже уваженіе выражалось на ихъ лицахъ. Одинъ потрясалъ мнѣ руку, другой дружески дергалъ меня за платье. Казалось, то было радостное свиданіе послѣ долгой разлуки со старымъ знакомымъ, которымъ дорожатъ и котораго цѣнятъ высоко. Я нарушилъ своимъ появленіемъ пиршество, къ нему тогда только-что приступали. Теперь за него принялись снова и заставили меня пить въ честь моего прибытія. Всевозможная дичь служила ѣдой, а бутылка съ виномъ неустанно странствовала изъ рукъ въ руки. Полное довольство и дружеское единеніе царятъ, казалось, среди этой шайки и связываютъ ее тѣсными узами. Всеобщее стараніе наперерывъ выказать свою радость по поводу моего появленія не знало предѣловъ.

Меня посадили между двухъ женщинъ, что считалось самымъ почетнымъ мѣстомъ за столомъ. Я разсчитывалъ въ нихъ встрѣтить отребье своего пола, но каково же было мое изумленіе, когда среди этой гнусной шайки глазамъ моимъ представились два прекраснѣйшихъ женскихъ образа изо-всѣхъ, какіе мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Старшей и болѣе красивой изъ нихъ, Маргаритѣ, едва-ли было двадцать пять лѣтъ. Она требовала, чтобъ ее называли дѣвицей, но разговаривала нахально и вела себя безстыдно. Младшая, Марія, была замужемъ. Она бѣжала отъ мужа, который съ нею дурно обращался. Блѣдная и хрупкая, она была нѣжнѣе и благороднѣе первой, но зато менѣе бросалась въ глаза, чѣмъ ея пламенная товарка. Обѣ наперерывъ старались возбудить мою страсть. Прекрасная Маргарита своими дерзкими и наглыми шутками шла навстрѣчу моей застѣнчивости, но мнѣ не

по душѣ пришлась эта женщина, и я всецѣло отдалъ мое сердце робкой Маріи.

— Вотъ, братъ,—заговорилъ, наконецъ, приведшій меня человѣкъ:—теперь ты видишь, какъ мы живемъ, и каждый день у насъ подобенъ нынѣшнему. Неправда-ли, братцы?

— Каждый день подобенъ нынѣшнему!— повторила вся шайка.

— И такъ, можешь-ли ты согласиться на нашу жизнь? Рѣшайся и будь нашимъ предводителемъ! Я былъ имъ до сихъ поръ, но тебѣ я согласенъ уступить свое мѣсто. Довольны-ли вы этимъ, товарищи?

Радостное „да!“ оглушительнымъ ревомъ вырвалось изо-всѣхъ глотокъ.

Голова моя горѣла, умъ мутился. Страсть и вино зажгли мою кровь. Общество выбросило меня вонъ изъ своей среды, какъ зачумленнаго, здѣсь-же я нашелъ братскій пріемъ, почетъ и жизнь, полную довольства. Что-бы я ни избралъ, меня одинаково ждала смерть,—здѣсь, по крайней мѣрѣ, я могъ продать свою жизнь дорогой цѣной. Сластолюбіе всегда преобладало у меня надъ всѣми чувствами, но до сихъ поръ я встрѣчалъ одно только презрѣніе со стороны прекраснаго пола,

тутъ-же меня ждала благосклонность и безграничныя наслажденія. Рѣшиться было не трудно. „Я остаюсь у васъ, товарищи", воскликнулъ я громко и выступилъ рѣшительно на середину круга. „Я остаюсь у васъ", повторилъ я еще разъ: „если вы уступите мнѣ мою прелестную сосѣдку!" Условіе было единогласно принято всѣми, и я формально объявленъ собственникомъ дѣвки и главою воровской шайки".

Здѣсь я прерываю разсказъ,—слѣдуетъ рядъ подробностей, которыя я опускаю; одни только грязные и гнустные факты не представляютъ собою ничего поучительнаго для читателя. Естественно, что человѣкъ, котораго постигло несчастіе столь глубокаго паденія, ничѣмъ уже болѣе не стѣсняясь, способенъ на все, что возмущаетъ и оскорбляетъ человѣческое чувство. И тѣмъ не менѣе еще одного убійства онъ себѣ никогда не позволилъ, какъ самъ онъ увѣрялъ подъ пыткой.

Быстро разнесся кличъ этого человѣка по всему краю. Дороги сдѣлались ненадежными; ночныя вторженія нарушали покой мирныхъ гражданъ. Слово „Содержатель Солнца" наводило страхъ на окрестныхъ поселянъ. Правосудіе безуспѣшно искало его, и голова его была оцѣнена. Но тутъ ловкость и счастье помогли ему отвратить всякія покушенія на его свободу. Корыстолюбію крестьянъ онъ противопоставилъ ихъ суевѣріе, которымъ съумѣлъ очень ловко воспользоваться для своей безопасности. Своимъ сообщникамъ онъ поручилъ распространять слухъ о томъ, будто бы онъ вступилъ въ союзъ съ чортомъ и получилъ даръ колдовства. Округъ, на который распространялась его дѣятельность, принадлежалъ тогда еще менѣе, чѣмъ теперь, къ просвѣщеннымъ частямъ Германіи. Слуху очень легко вѣрили, и безопасность его была обезпечена. Ни у кого не являлось охоты связываться со страшнымъ существомъ, у котораго самъ дьяволъ состоялъ въ услуженіи.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Вольфъ принялся за свое печальное ремесло, и онъ сталъ чувствовать, что оно дѣлается ему все болѣе и болѣе невыносимымъ. Шайка, во главѣ которой онъ сталъ, не оправдала его блестящихъ ожиданій. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ онъ далъ увлечь себя обманчивой внѣшностью обстановки, теперь же онъ съ ужасомъ убѣдился въ томъ, какъ отвратительно былъ введенъ въ заблужденіе. Голодъ и нужда заступили мѣсто того изобилія, которымъ онъ далъ обойти себя въ первый разъ. Нерѣдко приходилось ставить свою жизнь на карту изъза дневного пропитанія, изъ за того, чтобъ только не погибнуть отъ голода. Исчезъ и призракъ братскаго единства, представшій ему при первомъ прибытіи сюда: зависть, взаимное недовѣріе, ревность царили всевластно среди этихъ отверженныхъ. Правосудіе обѣщало награду тому, кто предастъ его живымъ въ руки властей, если же то будетъ его сообщникъ, то получитъ еще и торжественное прощеніе — какое искушеніе для отребья рода человѣческаго! Несчастный ясно сознавалъ опасность своего положенія. Преданность и вѣрность тѣхъ, которые отступились отъ Бога и людей, врядъ-ли могла служить порукой за его жизнь. Сонъ его исчезъ; вѣчный страхъ не давалъ ему ни минуты покоя; мучительныя подозрѣнія слѣдовали за нимъ по пятамъ, и не было возможности бѣжать отъ нихъ,—они терзали его при первомъ же пробужденіи, не покидали даже и во снѣ, пугая его страшными сновидѣніями. Умолкшая было совѣсть заговорила съ новой силой, и уснувшая ехидна раскаянія пробудилась отъ шума, поднятаго въ его душѣ бурей встревоженныхъ чувствъ. Вся ненависть его къ человѣчеству миновала и обратила свое ужасное жало противъ него самого. Онъ всѣмъ прощалъ теперь—людямъ и природѣ, виня и проклиная одного себя.

Жизнь среди порока завершила воспитаніе несчастнаго: его природный здравый смыслъ взялъ, наконецъ, верхъ надъ печальными заблужденіями. Онъ чувствовалъ теперь, какъ глубоко было его паденіе. Тихая грусть заняла въ его душѣ мѣсто прежняго бурнаго отчаянія. Со слезами онъ призывалъ свое прошлое,—онъ знаетъ навѣрное, что теперь устроилъ бы его совершенно иначе. Онъ сталъ надѣяться на лучшее будущее, когда онъ заживетъ честнымъ человѣкомъ. Подобный переворотъ долженъ свершиться въ его жизни, потому что онъ уже свершился въ существѣ его. Такъ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ своей преступности, онъ былъ, можетъ быть, ближе къ добру, чѣмъ въ тотъ мигъ, когда сдѣлалъ первый шагъ на своемъ ложномъ пути.

Тѣмъ временемъ разразилась семилѣтняя война, и пошелъ усиленный наборъ солдатъ. За это обстоятельство ухватился несчастный, какъ за способъ для

осуществленія родившейся въ немъ надежды. Онъ обратился къ своему князю съ письмомъ, которое я и привожу здѣсь въ извлеченіи:

„Если Ваше княжеское снисхожденіе не побрезгаетъ снизойти до меня, если подобный мнѣ преступникъ не стоитъ внѣ предѣловъ Вашего милосердія, то удостойте выслушать меня, свѣтлѣйшій государь! Я убійца и воръ, законъ обрекаетъ меня на смерть, правосудіе ищетъ меня, но я предлагаю добровольно предстать предъ Вашимъ тономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложить у ногъ Вашихъ странную, быть можетъ, чудовищную просьбу: я не дорожу жизнью и смерти не боюсь, но страшно мнѣ умереть, не поживъ еще хоть немного. Я хотѣлъ бы пожить для того, чтобы загладить хоть часть своего прошлаго; я хотѣлъ бы пожить, чтобъ искупить свою вину передъ страной, которой я причинилъ столько зла. Казнь моя послужитъ, можетъ быть, поучительнымъ примѣромъ для другихъ, но никого не вознаградитъ за совершенное мною зло. Я ненавижу порокъ и тоскую по добродѣтели, по жизни честнаго человѣка. Я доказалъ, что умѣю быть страшнымъ для своего отечества, надѣюсь, что у меня еще осталось умѣнье и послужить на его пользу.

„Я знаю, что добиваюсь неслыханнаго и невѣроятнаго. Голова моя оцѣнена, и не мнѣ вступать въ переговоры съ правосудіемъ. Но вѣдь не цѣпи и оковы приводятъ меня къ Вамъ,—я пока еще свободенъ, и страхъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду причинъ, побуждающихъ меня къ этой просьбѣ.

„Я молю только о милости. Я не имѣю притязаній на какія-либо права, а еслибы и имѣлъ ихъ, то не осмѣлился бы предъявить. Объ одномъ, однако, я долженъ напомнить своимъ судьямъ. Преступленія мои начинаются со времени приговора, лишившаго меня навсегда моей чести; будь мнѣ тогда оказана справедливость, быть можетъ, теперь я не нуждался бы въ милости.

„Пусть же теперь Ваша милость, государь, замѣнитъ собой мое право. Если Ваше княжеское слово властно смягчить законъ въ мою пользу, то даруйте мнѣ жизнь, и отнынѣ она будетъ посвящена на служеніе Вамъ. Если возможно, опубликуйте Вашу всемилостивѣйшую волю въ газетахъ, и я тотчасъ же явлюсь въ столицу по княжескому слову. А если же рѣшеніе Ваше на мой счетъ будетъ иное, то пусть правосудіе дѣлаетъ свое дѣло, я же долженъ свершить мое".

На это прошеніе не послѣдовало отвѣта, какъ и на послѣдующія—второе и третье, въ которыхъ Вольфъ просился на кавалерійскую службу въ рядахъ княжескаго войска. Нечего было больше разсчитывать на прощеніе, и онъ рѣшилъ, бѣжавъ изъ своего отечества, поступить на службу къ королю прусскому, чтобы тамъ принять честную смерть храбраго солдата.

Ему удалось благополучно ускользнуть отъ своей шайки и отправиться по намѣченному пути. Онъ разсчитывалъ переночевать въ маленькомъ городишкѣ, чрезъ который шелъ его путь. Такъ какъ владѣтель городишка, государь, одинъ изъ имперскихъ князей, принялъ участіе въ войнѣ, то незадолго до того по всему княжеству были разосланы строжайшіе приказы, въ которыхъ повелѣвалось тщательнѣйшимъ образомъ слѣдить за всѣми проѣзжающими. Подобный же приказъ получилъ и приставленный къ шлагбауму заставный писецъ. Мирно сидѣлъ онъ на лавочкѣ у городской ограды въ то время какъ подъѣхалъ содержатель „Солнца". Соединеніе смѣшного со страшнымъ и дикимъ въ наружности путника и во всей его обстановкѣ рѣзко бросалось въ глаза. Поражала худая кляча, на которой онъ сидѣлъ, и непонятная смѣсь одѣянья, въ выборѣ котораго онъ, по всей вѣроятности, руководствовался не столько собственнымъ вкусомъ, сколько хронологическимъ порядкомъ совершенныхъ грабежей, и въ довершеніе поражало лицо, на которомъ слѣды пережитыхъ страстей были разбросаны, подобно изувѣченнымъ трупамъ на мѣстѣ кроваваго побоища. Писецъ остолбенѣлъ при первомъ появленіи необычайнаго всадника. Вся жизнь его до сѣдыхъ волосъ протекла у шлагбаума, и сорокалѣтняя служба воспитала въ немъ тонкаго физіономиста, способнаго безошибочно распознавать бродягъ самой разнообразной породы. Не далъ промаху и на этотъ разъ соколиный глазъ опытной ищейки: онъ немедленно заперъ городскія ворота и, схвативъ лошадь подъ уздцы, потребовалъ паспортъ у страннаго путешественника.

Вольфъ предусмотрѣлъ подобный случай и имѣлъ при себѣ паспортъ, отнятый у незадолго до этого ограбленнаго имъ купца. Однако, свидѣтельство это не обладало силой, способной побѣдить наблюдательность,

скопленную сорокалѣтней практикой и упражненіемъ. Поколебать оракула, засѣдавшаго у шлагбаума, оказалось не легко: онъ повѣрилъ бумажкѣ меньше, чѣмъ своимъ собственнымъ глазамъ, и волей-неволей Вольфъ долженъ былъ за нимъ послѣдовать въ полицію.

Старшій чиновникъ, разсмотрѣвъ паспортъ, нашелъ его совершенно правильнымъ. Большой любитель всякихъ новостей, онъ охотнѣе всего проводилъ время въ бесѣдѣ за бутылкой вина по поводу газетныхъ извѣстій. Судя по паспорту, владѣлецъ его прибылъ изъ непріятельскихъ краевъ, прямо съ театра военныхъ дѣйствій,—навѣрное, отъ него можно будетъ вывѣдать частнымъ образомъ какія нибудь интересныя или важныя новости. Увлеченный этой надеждой, чиновникъ возвращаетъ чрезъ своего секретаря паспортъ путешественнику, посылая ему при этомъ приглашеніе на бутылочку вина.

Тѣмъ временемъ и самъ бывшій содержатель „Солнца“ подъѣзжаетъ къ полиціи. Потѣшное зрѣлище увлекаетъ вслѣдъ за нимъ огромныя толпы городской черни, которая, тѣснясь и толкаясь вкругъ него, сопровождаетъ его по пятамъ. Одни шепчутся, другіе указываютъ пальцами—кто на него, кто на лошадь. Общее веселье все возрастаетъ и переходитъ, наконецъ, въ неистовый шумъ и суматоху. Къ несчастью, лошадь, на которую устремлены всѣ взоры и пальцы, была краденая, и сидящій на ней всадникъ вообразилъ, что примѣты ея опубликованы въ приказахъ о задержаніи преступника, и теперь она признана всѣми по этимъ примѣтамъ. Неожиданное гостепріимство судьи только подтверждаетъ его предположеніе: нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что подложность паспорта обнаружена, и приглашеніе придумано, какъ ловушка, чтобъ безъ сопротивленія съ его стороны захватить его живымъ. Нечистая совѣсть помрачила его разумъ, и, поддаваясь вліянію страшныхъ подозрѣній, Вольфъ пришпориваетъ лошадь и пытается скрыться.

Внезапное бѣгство даетъ исходъ разыгравшимся страстямъ.

—„Плутъ, мошенникъ!“ раздается со всѣхъ сторонъ, и всѣ бросаются вслѣдъ за нимъ. Дѣло идетъ о жизни и смерти для всадника. Ему ужъ удалось ускакать далеко, его преслѣдователи, далеко отставшіе, ужъ еле переводятъ духъ; спасеніе близко... Но незримая тяжелая рука опустилась на него, часъ его пробилъ, рокъ стоитъ на стражѣ, и неумолимая Немезида требуетъ разсчета: улица, отъ которой зависѣла его участь, заканчивалась глухимъ переулкомъ, дальнѣйшій путь былъ загражденъ,—пришлось повернуть обратно прямо навстрѣчу преслѣдователямъ.

Шумъ, вызванный этимъ происшествіемъ, взволновалъ все населеніе городка. Толпы стекаются за толпами, всѣ улицы запружены народомъ, цѣлая непріятельская армія выступаетъ навстрѣчу бѣглецу. Онъ показываетъ пистолетъ; толпа пятится назадъ. Воспользовавшись смущеніемъ, онъ хочетъ силой пробить себѣ дорогу въ тѣснотѣ. „Этотъ выстрѣлъ“, восклицаетъ онъ: „предназначается тому безумцу, который дерзнетъ задержать меня!“ Страхъ приковываетъ къ мѣсту всѣхъ присутствующихъ. Но находится отважный мальчишка, подмастерье слесаря, обходитъ сзади разсвирѣпѣвшаго человѣка, схватываетъ его за палецъ, готовый каждую минуту спустить курокъ, и изо всей силы сжимаетъ его въ суставѣ. Пистолетъ падаетъ; безоружную жертву легко стаскиваютъ съ лошади и съ торжествомъ влекутъ въ полицію.

— Кто ты?—спрашиваетъ его судья довольно грубымъ тономъ.

— Я—человѣкъ, твердо рѣшившійся не отвѣчать ни на одинъ вопросъ до тѣхъ поръ, пока его не предложатъ повѣжливѣе.

— Кто вы?

— Тотъ, кѣмъ я себя назвалъ. Я изъѣздилъ всю Германію и нигдѣ не встрѣчалъ нахальства и безстыдства, подобныхъ тѣмъ, какія я нашелъ здѣсь.

— Ваше поспѣшное бѣгство весьма подозрительно. Чѣмъ оно было вызвано?

— Мнѣ надоѣло служить посмѣшищемъ для вашего сброда.

— Вы грозили выстрѣломъ.

— Мой пистолетъ былъ не заряженъ.

Осмотрѣли пистолетъ, пули въ немъ не оказалось.

— Почему вы держите при себѣ скрытое оружіе?

— Потому что при мнѣ есть цѣнныя вещи, и меня предостерегали отъ знаменитаго содержателя „Солнца“, рыскающаго въ этихъ мѣстахъ.

— Ваши отвѣты говорятъ много въ пользу дерзости вашей, но ничуть не въ пользу правоты. Я вамъ даю время до завтра,—не согласитесь-ли вы тогда открыть истину.

— Я останусь при своихъ показаніяхъ!

— Свести его въ тюрьму!

— Въ тюрьму? Господинъ судья, надѣюсь, что осталась въ вашемъ краю хоть тѣнь справедливости. Я потребую удовлетворенія!

— И я вамъ дамъ его, какъ только будетъ доказана ваша невинность.

На слѣдующее утро судьѣ пришло въ голову, что проѣзжій, быть можетъ, и невиненъ. Во всякомъ случаѣ, рѣзкимъ обращеніемъ его упрямства не сломишь, и, вѣроятно, гораздо лучше было бы отнестись къ нему мягко и сдержанно. Собравъ мѣстныхъ присяжныхъ, онъ приказалъ ввести узника.

— Если вчера, подъ вліяніемъ первой вспышки, я оскорбилъ васъ, то простите мнѣ, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ, если вы теперь измѣняете свое отношеніе ко мнѣ.

— У насъ теперь большія строгости. Ваше поведеніе надѣлало много шуму. Я не могу отпустить васъ безъ нарушенія своихъ обязанностей, такъ какъ противъ васъ есть улики. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы ихъ чѣмъ-нибудь опровергли.

— Я ничего не знаю, ничего не могу сказать.

— Тогда я долженъ доложить высшей власти обо всемъ случившемся и въ ожиданіи распоряженій держать васъ подъ крѣпкой охраной.

— Затѣмъ?

— Затѣмъ вы подвергаетесь опасности быть высланнымъ за границу въ качествѣ бродяги, или же, въ лучшемъ случаѣ, попасться въ руки вербовщиковъ.

Онъ молчалъ. Казалось, въ немъ происходила тяжелая внутренняя борьба. Черезъ нѣсколько минутъ, внезапно обернувшись къ судьѣ, онъ проговорилъ:

— Могу я остаться наединѣ съ вами на четверть часа?

Присяжные многозначительно переглянулись. Начальникъ повелительнымъ жестомъ далъ имъ знакъ удалиться, и они безмолвно вышли.

— Ну-съ, что прикажете?

— Вчерашнее ваше поведеніе, господинъ судья, никогда не привело бы меня къ сознанію, потому что я не способенъ покоряться силѣ. Деликатность сегодняшняго вашего отношенія ко мнѣ измѣняетъ и мои чувства, внушая мнѣ довѣріе и уваженіе къ вамъ. Вы, кажется, благородный человѣкъ.

— Что вамъ угодно?

— Я вижу, что вы благородный человѣкъ. Давно мечталъ я о такомъ человѣкѣ, какъ вы. Позвольте мнѣ вашу правую руку.

— Что изъ этого выйдетъ?

— Эта голова сѣда и почтенна. Вы много пожили на свѣтѣ и, вѣроятно, много пе-

дежили горя. Неправда-ли? И вы стали вѣдь человѣчнѣе?

— Къ чему вы все это говорите?

— Вы стоите на порогѣ вѣчности. Ужъ скоро, скоро понадобится вамъ милосердіе Божіе, не откажите же въ немъ просящему васъ человѣку. Вы ничего не подозрѣваете? Какъ вы полагаете, кто съ вами говоритъ?

— Что это значитъ? Вы меня пугаете?

— Такъ вы все еще ничего не подозрѣваете? Напишите же вашему князю, какъ я вамъ попался. Сообщите ему, что я самъ добровольно предалъ себя. Скажите ему, что Господь на небѣ будетъ нѣкогда къ нему такъ же милостивъ, какъ будетъ онъ теперь ко мнѣ. Попросите за меня, почтенный старецъ, и пусть слеза упадетъ на ваше посланіе. Я содержатель „Солнца!“

Р. Венгерова.

Алоизій фонъ Г**, сынъ богатаго бюргера, состоявшаго на *** службѣ, былъ щедро одаренъ природнымъ умомъ и способностями, которыя рано развились подъ вліяніемъ полученнаго имъ прекраснаго образованія. Онъ былъ еще совсѣмъ молодъ, но владѣлъ уже серьезными познаніями, когда поступилъ въ военную службу къ своему государю, который скоро обратилъ вниманіе на несомнѣнныя достоинства юноши, подававшаго большія надежды. Г** былъ полонъ юношескаго пыла, какъ и его государь. Г** былъ энергиченъ и предпріимчивъ, какъ и государь, который любилъ и цѣнилъ такіе характеры. Неистощимое остроуміе и богатый запасъ познаній придавали живость и обаяніе обхожденію Г** съ людьми: въ какомъ бы кружкѣ онъ ни появлялся, онъ умѣлъ всѣхъ расшевелить своею неизмѣнною, ровною веселостью и все подчинить своей обаятельной жизнерадостности. Государь же тонко цѣнилъ достоинства, которыми и самъ обладалъ въ высокой степени. Все, что ни дѣлалъ Г**, даже самыя забавы его были отмѣчены величіемъ. Никакія препятствія не устрашали его и никакія ошибки и неудачи не могли поколебать его твердости. Всѣ эти качества возвышались еще необыкновенно привлекательной наружностью. Онъ казался олицетвореніемъ цвѣтущаго здоровья и геркулесовской силы съ лицомъ, одухотвореннымъ выразительной игрой подвижного ума. Взглядъ, походка, все существо его были исполнены величія, смягчаемаго благородной скромностью. Государь былъ очарованъ душой и умомъ своего товарища, а плѣнительная внѣшность послѣдняго дѣйствовала на его чувственность. Между молодыми людьми одного возраста и съ такимъ соотвѣтствіемъ въ характерахъ и наклонностяхъ скоро установились отношенія, въ которыхъ была и крѣпость дружбы, и пылъ страстной любви.

Г** быстро пошелъ въ гору, переходя отъ повышенія къ повышенію; но эти внѣшніе знаки монаршаго благоволенія далеко не выражали еще всего, чѣмъ въ дѣйствительности молодой человѣкъ былъ для государя. Съ изумительной быстротой подвигалась блестящая карьера юноши подъ покровительствомъ его пламеннаго друга и обожателя. Двадцати двухъ лѣтъ Г** достигъ уже такого высокаго положенія, какимъ наиболѣе заслуженные и преуспѣвшіе обыкновенно заканчивали свое служебное поприще. Но дѣятельный умъ его не могъ праздно покоиться въ утѣхахъ тщеславія, ни удовлетворяться внѣшнимъ блескомъ достигнутаго имъ высокаго положенія. Онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества и силъ для того, чтобъ серьезно отдаться возложеннымъ на него обязанностямъ.

И пока государь беззаботно предавался удовольствіямъ, молодой фаворитъ рылся въ актахъ и бумагахъ, посвящая все свое время труднымъ дѣламъ правленія, съ которыми онъ освоился въ такой степени, что ни одно значительное дѣло не проходило уже иначе, какъ черезъ его руки. Изъ товарища забавъ своего повелителя онъ сдѣлался его первымъ совѣтникомъ и министромъ и даже подчинилъ его себѣ. Скоро не стало другого пути къ государю, какъ черезъ него. Отъ него зависѣли всѣ назначенія, и всѣ награды получались изъ его рукъ.

Г** былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ быстро достигъ власти для того, чтобъ не злоупотреблять ею и сохранить чувство мѣры. Когда онъ увидѣлъ себя на такой высотѣ, честолюбивая голова его закружилась, и, достигнувъ крайней цѣли своихъ стремленій, онъ утратилъ прежнюю скромность.

Почтительная угодливость, съ которой приступали къ нему первые сановники страны, всѣ, стоящіе и по рожденію, и по положенію, и по состоянію гораздо выше его,—угодливость, съ которой обращались къ нему, юношѣ, даже почтенные старики,—опьяняла его высокомѣріе, а неограниченная власть, которой онъ пользовался, скоро обнаружила въ немъ несомнѣнную жестокость, которая и раньше была въ его природѣ и которую онъ сохранилъ среди всѣхъ превратностей судьбы. Не было достаточно трудной или невозможной услуги, о которой не могли бы просить его лица, пользующіяся его благосклонностью; зато врагамъ его приходилось трепетать. Если съ одной стороны онъ оказывалъ безмѣрныя благодѣянія, то съ другой не зналъ предѣловъ и въ удовлетвореніи своей мести. Онъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ не столько для личнаго обогащенія, какъ для того, чтобы возвышать и устраивать другихъ людей, которые естественно должны были зависѣть отъ творца своего благосостоянія и благоговѣть передъ нимъ. Но не справедливость, а произволъ и прихоть руководили при этомъ его выборомъ. Своимъ высокомѣрнымъ и властолюбивымъ нравомъ онъ оттолкнулъ отъ себя сердца даже наиболѣе обязанныхъ ему людей: и въ то же время въ лицѣ своихъ соперниковъ и тайныхъ завистниковъ онъ нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ.

Въ числѣ людей, ревниво и завистливо слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ и въ тишинѣ подготовлявшихъ орудія для его низверженія, былъ одинъ графъ изъ Пьемонта, Іосифъ Мартиненго, приближенный государя. Г** самъ поставилъ его на это мѣсто, считая Мартиненго безвредной и преданной ему креатурой. Онъ предоставилъ итальянцу занять ту роль въ развлеченіяхъ государя, которою самъ онъ давно тяготился и которую охотно промѣнялъ на занятія государственными дѣлами. Г** смотрѣлъ на этого человѣка, какъ на свою креатуру, которую, еслибъ ему только вздумалось, онъ всегда могъ вернуть къ его прежнему ничтожеству, и онъ считалъ его связаннымъ страхомъ и благодарностью. Такимъ образомъ, онъ впалъ въ ту же ошибку, которую сдѣлалъ Ришелье, представивъ для забавъ Людовику XIII молодого Le Grand. Но онъ не съумѣлъ исправить этой ошибки съ умомъ Ришелье, тѣмъ болѣе, что ему пришлось имѣть дѣло съ болѣе хитрымъ противникомъ, чѣмъ тотъ, котораго надо было одолѣть французскому министру.

Не кичась своимъ успѣхомъ, не давая почувствовать своему благодѣтелю, что онъ болѣе не нуждается въ немъ, Мартиненго, напротивъ, всѣми силами старался подчеркивать свою зависимость отъ Г** и съ притворной угодливостью льнулъ къ виновнику своего возвышенія. Но въ то же время онъ не пропускалъ случаевъ какъ можно больше бывать съ государемъ и, пользуясь своимъ положеніемъ, старался сдѣлаться ему нужнымъ и необходимымъ. Въ короткое время онъ прекрасно изучилъ нравъ своего властелина, отыскалъ всѣ ходы къ его довѣрію и незамѣтно вкрался въ его расположеніе. Онъ не останавливался и передъ низостями для достиженія своей цѣли и прибѣгалъ къ такимъ средствамъ, которыхъ не допускала благородная гордость министра и природная возвышенность его души.

Хитрый итальянецъ хорошо зналъ, что нигдѣ человѣку такъ не нуженъ руководитель и пособникъ, какъ на пути порока, и что ничто не приводитъ къ такой близости и откровенности, какъ совмѣстное укрываніе какихъ-нибудь тайныхъ слабостей. Онъ пробудилъ въ государѣ дурныя страсти, которыя еще дремали въ немъ, и самъ явился его сообщникомъ и наперсникомъ. Распутства, въ которыя онъ вовлекъ его, не терпѣли повѣренныхъ и свидѣтелей и такимъ образомъ онъ незамѣтно пріучилъ государя къ откровеннымъ изліяніямъ, при

которыхъ невозможно было присутствіе третьяго лица. На развращенности и испорченности своего покровителя ему удалось наконецъ воздвигнуть свой постыдный планъ личнаго возвышенія, а тайна, которой онъ окружалъ ихъ близость, сдѣлала то, что онъ всецѣло овладѣлъ сердцемъ государя раньше, чѣмъ Г** могло придти въ голову, что кто нибудь оспариваетъ у него это сердце.

Странно, что такая важная перемѣна ускользнула отъ его вниманія; но Г** былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ и не допускалъ мысли о томъ, чтобъ такое ничтожество, какъ Мартиненго, могло соперничать съ нимъ; послѣдній же хорошо владѣлъ собой, былъ всегда на-сторожѣ и остерегался какой нибудь необдуманной неловкостью вывести своего противника изъ его гордаго спокойствія.

То, что погубило уже тысячи другихъ, послуживъ имъ преткновеніемъ на скользкой почвѣ монаршаго благоволенія, то же привело къ паденію и Г**—слишкомъ большая увѣренность въ себѣ и своемъ значеніи.

Таинственныя отношенія государя и Мартиненго не тревожили его. Онъ охотно уступалъ ничтожному временщику успѣхи, которые презиралъ въ душѣ и которые никогда не были цѣлью его стремленій. Онъ лично цѣнилъ въ дружбѣ государя только то, что она одна могла проложить ему путь къ высшей власти. И достигнувъ желанной высоты, онъ легкомысленно далъ упасть за собою той лѣстницѣ, по которой онъ поднялся.

Мартиненго не былъ человѣкомъ, способнымъ удовольствоваться подчиненной ролью. Съ каждымъ шагомъ, который подвигалъ его въ милостяхъ монарха, стремленія его становились смѣлѣе, и честолюбіе его домогалось болѣе осязательнаго удовлетворенія. Притворная роль подобострастія, которую онъ продолжалъ играть относительно своего благодѣтеля, становилась ему все болѣе и болѣе тягостной, по мѣрѣ

того, какъ вмѣстѣ съ его возвышеніемъ росло и его высокомѣріе. Несмотря на очевидный успѣхъ итальянца, Г** не измѣнилъ къ лучшему своего обращенія съ нимъ. Напротивъ, онъ часто видимо старался унизить его и цѣлительнымъ напоминаніемъ о его происхожденіи умѣрить его зарождающуюся гордость. Но итальянецъ усталъ терпѣть такое обращеніе и составилъ серьезный планъ дѣйствій, чтобы сразу покончить съ ненавистнымъ соперникомъ.

Подъ непроницаемой завѣсой притворства лелѣялъ онъ въ душѣ этотъ планъ. Выступить открыто противъ Г** было еще рано. Хотя пора страстной любви къ нему государя и миновала, все же онъ полюбилъ его въ ранней молодости, и привязанность эта пустила въ душѣ его глубокіе корни, которые нелегко было сразу вырвать. Малѣйшее обстоятельство могло возродить эту привязанность съ прежней силой. Мартиненго понималъ это и разсчиталъ вѣрно, что ударъ, который онъ нанесетъ, долженъ быть смертельнымъ ударомъ. Если Г** утратилъ сколько нибудь въ любви государя, онъ столько же пріобрѣлъ въ его уваженіи. Чѣмъ болѣе государь удалялся отъ дѣлъ правленія, тѣмъ труднѣе было ему обойтись безъ человѣка, который такъ добросовѣстно, съ такой вѣрностью и преданностью трудился въ его интересахъ. Если раньше онъ былъ дорогъ ему, какъ другъ, теперь онъ былъ необходимъ ему, какъ министръ.

Въ чемъ заключалось средство, придуманное итальянцемъ для достиженія своей цѣли, осталось тайной нѣсколькихъ лицъ, тайной тѣхъ, кто нанесъ ударъ, и того, на кого онъ палъ. Говорятъ, будто-бы Мартиненго представилъ государю подлинникъ тайной и весьма подозрительной переписки съ сосѣднимъ дворомъ. Существовала-ли дѣйствительно подобная переписка или, она была подложной, на этотъ счетъ мнѣнія расходятся. Какъ-бы то ни было, итальянецъ осуществилъ свой замыселъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Г** явился въ глазахъ монарха неблагодарнымъ чернымъ измѣнникомъ, и преступленіе его казалось до такой степени внѣ сомнѣній, что безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій рѣшено было расправиться съ нимъ сейчасъ же. Но всѣ переговоры объ этомъ дѣлѣ велись въ глубочайшей тайнѣ между государемъ и Мартиненго, такъ что Г** издали и не подозрѣвалъ грозы, которая собиралась надъ его головою. И онъ оставался совершенно спокойнымъ до того самаго мгновенья, когда внезапно изъ предмета всеобщаго поклоненія и зависти онъ сдѣлался предметомъ состраданія.

Въ этотъ роковой день Г** по обыкновенію отправился на разводъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ онъ поднялся съ чина поручика до полковника; но, конечно, и этотъ послѣдній чинъ былъ слишкомъ скромнымъ для той министерской должности, которую онъ исполнялъ въ дѣйствительности и которая возвышала его надъ первыми сановниками страны.

Разводъ былъ обычнымъ мѣстомъ, гдѣ гордость его находила полное удовлетвореніе въ выраженіяхъ всеобщей покорности и преданности. Въ теченіе короткаго часа онъ упивался здѣсь собственнымъ величіемъ и блескомъ, ради которыхъ всѣ остальные часы дня онъ несъ свои тяжелые труды.

Высшіе чины приближались къ нему съ почтительной робостью; люди же, не вполнѣ увѣренные въ его благосклонности, трепетали.

Самъ государь, когда ему случалось присутствовать здѣсь, могъ замѣтить, что къ нему относятся почти съ пренебреженіемъ, когда онъ является рядомъ со своимъ великимъ визиремъ. Дѣйствительно, было столько же опасно не угодить послѣднему, сколько безполезно заручиться одобреніемъ перваго. И случилось, что именно это мѣсто, гдѣ Г** принималъ чуть не божескія почести, и было избрано для его униженія.

Беззаботно вступилъ онъ въ хорошо знакомый кругъ, гдѣ всѣ были такъ же далеки отъ подозрѣнія о томъ, что произойдетъ, какъ и онъ самъ. Передъ нимъ, какъ и всегда, почтительно разступились, ожидая его приказаній.

Вслѣдъ за нимъ явился Мартиненго въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, не прежній вкрадчивый, низкопоклонный, льстиво улыбающійся царедворецъ, а дерзкій, грубо спѣсивый, какъ лакей, сдѣлавшійся бариномъ. Дерзкими, увѣренными шагами идетъ онъ навстрѣчу Г**, становится передъ нимъ, не обнажая головы, и именемъ государя требуетъ у него оружіе. Молча, съ изумленными взглядами, вручаютъ ему шпагу. Онъ вонзаетъ ее въ землю, наступивъ на нее ногой, ломаетъ ее попаламъ и бросаетъ обломки къ ногамъ Г**. Это служитъ сигналомъ, по которому оба адъютанта бросаются на него. Одинъ поспѣшно срѣзаетъ его ордена, другой срываетъ аксельбанты, обшлага мундира, ленту и сул-

танъ съ каски. И за все время этой странной операціи, совершаемой съ невѣроятной быстротой, не слышно ни звука, ни дыханія въ толпѣ, состоящей болѣе, чѣмъ изъ пятисотъ человѣкъ. Съ поблѣднѣвшими лицами, съ бьющимися сердцами, въ смертельномъ оцѣпенѣніи, стоитъ пораженная толпа вокругъ того, который въ минуту этого страннаго переряживанья—и смѣшное и страшное зрѣлище!—испытываетъ то ощущенье, подобное которому испытываетъ только приговоренный къ смерти на мѣстѣ казни.

Тысяча другихъ людей свалилась бы на его мѣстѣ отъ такого неожиданнаго потрясенія; но его здоровые нервы и сильная душа выдержали ужасъ его положенія и дали ему испить чашу до дна.

Сорвавъ съ него знаки отличія, его ведутъ передъ рядами безчисленныхъ зрителей въ конецъ площади, гдѣ ждетъ его закрытая карета. Нѣмымъ кивкомъ ему приказываютъ сѣсть въ экипажъ. Отрядъ гусаръ конвоируетъ его.

Между тѣмъ слухъ о происшедшемъ облетаетъ столицу. Вездѣ открываютъ окна, улицы наполняются любопытными, которые съ криками слѣдуютъ за поѣздомъ и повторяютъ его имя, сопровождая его злорадными и насмѣшливыми восклицаніями или еще болѣе обидными соболѣзнованіями. Наконецъ, онъ видитъ себя за городомъ, но тутъ ожидаетъ его новая тревога. Карета сворачиваетъ съ большой дороги въ пустынную, безлюдную улицу, ведущую къ лобному мѣсту, куда и везутъ его по ясно выраженному приказу государя. Ему даютъ испытать здѣсь всѣ ужасныя муки ожиданія смерти; затѣмъ карета снова поворачиваетъ и выѣзжаетъ на большую дорогу. Семь мучительныхъ часовъ провелъ онъ еще въ этой душной каретѣ, подъ палящимъ зноемъ, безъ питья и пищи, не слыша слова. Наконецъ, въ часъ заката, карета привозитъ его къ мѣсту назначенія и останавливается у крѣпости.

Его выносятъ изъ кареты на рукахъ безъ памяти, въ состояніи среднемъ между жизнью и смертью. Даже его богатырская

природа не вынесла двѣнадцати часовъ мучительной, неутоленной жажды и отсутствія пищи. Когда къ нему возвращается сознаніе, онъ сидитъ въ темномъ подземельѣ.

Открывъ глаза къ этой новой жизни, онъ видитъ передъ собой мрачную стѣну каземата, слабо освѣщенную блѣднымъ лучомъ луны, прокравшимся сквозь узкую щель на высотѣ девятнадцати саженъ. Подлѣ него стоитъ кружка воды и лежитъ черствый хлѣбъ; тутъ же охапка соломы для его ложа. И онъ остается въ такомъ положеніи до слѣдующаго полудня, когда въ серединѣ башни открывается ставень, показываются двѣ руки и спускаютъ ему внизъ висячую корзину съ той же пищей, какую онъ нашелъ наканунѣ.

Въ первый разъ съ момента ужасной катастрофы вырвались у него наконецъ вопросы: почему попалъ онъ сюда? въ чемъ его вина?

Но никто не отвѣтилъ ему сверху; руки исчезли и ставень закрылся.

И такъ не видя человѣческаго лица, не слыша человѣческаго голоса, не находя объясненій своему заключенію, томясь мучительными сомнѣніями относительно своего прошлаго и будущаго, не согрѣтый ни однимъ теплымъ лучомъ солнца, не освѣженный дыханіемъ чистаго воздуха, покинутый людскимъ состраданіемъ и лишенный всякой помощи, отсчитываетъ онъ въ заточеніи четыреста девяносто страшныхъ дней; онъ отсчитываетъ ихъ по тѣмъ скуднымъ коркамъ хлѣба, которыя ежедневно, съ унылымъ однообразіемъ, спускаютъ ему внизъ.

Мѣра его несчастія довершается открытіемъ, которое онъ сдѣлалъ еще въ первые дни своего заключенія. Онъ узнаетъ эту ужасную яму. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, побуждаемый низкой жаждой мести, онъ самъ приказалъ приготовить ее для одного заслуженнаго офицера, навлекшаго на себя его неудовольствіе. Съ изобрѣтательностью жестокости указывалъ онъ способы къ тому, чтобъ сдѣлать пребываніе въ казематѣ какъ можно ужаснѣе.

Не очень давно онъ самъ пріѣзжалъ сюда, чтобъ взглянуть на работу и поторопить съ ея окончаніемъ. Надо прибавить, что офицеръ, котораго онъ намѣревался засадить сюда, почтенный старый полковникъ, получилъ теперь должность только что умершаго коменданта этой крѣпости, и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться жертвой мщенія Г**, онъ сдѣлался властелиномъ его судьбы.

Это отнимало и послѣднее утѣшеніе у заключеннаго, который не могъ ни ждать состраданія, ни жаловаться на несправедливость судьбы, какъ бы жестока она ни была къ нему. Къ его тяжелымъ физическимъ ощущеніямъ присоединилось еще жгучее чувство презрѣнія къ самому себѣ и страданіе, очень горькое для гордаго сердца, которое причиняло ему сознаніе своей зависимости отъ великодушія врага, которому самъ онъ въ свое время не оказалъ великодушія.

Впрочемъ, этотъ честный человѣкъ былъ слишкомъ благороденъ для того, чтобъ мстить за себя. Строгости, предписанныя данной ему инструкціей, тяготили его доброе сердце; но, какъ старый солдатъ, привыкшій слѣпо исполнять букву приказа, онъ ничѣмъ не могъ помочь несчастному и только жалѣлъ его.

Болѣе дѣятельная помощь для Г** явилась въ лицѣ духовника крѣпости. Тронутый тяжкимъ положеніемъ узника, о которомъ до него дошли темные несвязные слухи, священникъ сейчасъ же рѣшилъ сдѣлать все возможное для облегченія его участи. Этотъ достойный пастырь, имя котораго я неохотно утаиваю, думалъ, что его пастырскій долгъ велитъ ему оказать состраданіе несчастному, которому неоткуда больше было ожидать помощи.

Такъ какъ комендантъ не могъ разрѣшить ему доступа къ заключенному, то священникъ самъ отправился въ столицу для личнаго ходатайства передъ государемъ. Онъ поклонился послѣднему въ землю и умолялъ его сжалиться надъ страдальцемъ, лишеннымъ даже утѣшенія христіанской религіи, котораго не должно лишать и совершившихъ самыя чудовищныя преступленія. Лишенный этого утѣшенія, онъ томился безнадежно и безпомощно и могъ быть близокъ къ отчаянію. Спокойно, съ безстрашіемъ и съ достоинствомъ, которое всегда дается сознаніемъ выполненнаго долга, священникъ убѣждалъ государя разрѣшить ему свободный доступъ къ узнику, котораго онъ считалъ духовнымъ сыномъ и за душу котораго онъ долженъ былъ дать отвѣтъ передъ небомъ. Доброе, правое дѣло, за которое стоялъ священникъ, придавало ему краснорѣчія; гнѣвъ же государя давно уже былъ охлажденъ временемъ и онъ разрѣшилъ священнику обрадовать узника утѣшеніемъ религіи.

Первымъ человѣческимъ лицомъ, которое увидѣлъ злополучный Г** послѣ шестнадцати мѣсяцевъ одиночества, было лицо его избавителя.

Одинъ только другъ былъ у него на свѣтѣ и этому другу онъ былъ обязанъ своей пыткой. За время своего благополучія онъ не пріобрѣлъ другихъ друзей. Неожиданное посѣщеніе священника показалось ему появленіемъ ангела. Я не описываю его ощущеній; скажу только, что съ этого дня слезы его полились легко и свободно; онъ видѣлъ, что есть еще человѣческое существо, которое его оплакиваетъ.

Священникъ ужаснулся, войдя въ казематъ. Онъ искалъ глазами человѣка, а на встрѣчу ему изъ угла, болѣе похожаго на нору дикаго звѣря, чѣмъ на человѣческое жилье, выползло отвратительное страшилище. Страшный, блѣдный остовъ, напоминающій мертвеца, съ лицомъ, съ котораго сошли всѣ краски жизни и на которомъ скорбь и отчаяніе прорыли глубокія борозды. Борода и ногти несчастнаго, давно запущенные, непомѣрно выросли; платье полуистлѣло на немъ отъ давняго употребленія; и такъ какъ помѣщеніе его совсѣмъ не чистили, то невыносимый смрадъ заражалъ вокругъ него воздухъ. Въ такомъ видѣ предсталъ священнику этотъ бывшій баловень счастья; и все это выдержало его желѣзное здоровье!

Пораженный тѣмъ, что онъ увидѣлъ, священникъ сейчасъ же поспѣшилъ къ губернатору, желая оказать узнику и вторую услугу, безъ которой первая ничего не стоила. Губернаторъ отговорился тѣмъ, что онъ связанъ данными ему предписаніями; тогда священникъ великодушно рѣшился предпринять вторую поѣздку въ столицу и еще разъ обратиться къ милосердію монарха. Онъ объяснилъ послѣднему, что не можетъ, не роняя святости Таинствъ, совершать какіе-бы то ни было христіанскіе обряды надъ томящимся въ заточеніи существомъ, пока тому не дадутъ возможности вернуть себѣ утраченное имъ подобіе человѣка. И на это послѣдовало разрѣшеніе. И съ этого дня началась новая жизнь для узника.

Много лѣтъ еще провелъ Г** въ этой крѣпости; но положеніе его стало легче съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ конецъ краткому владычеству новаго временщика и мѣсто его стало переходить къ другимъ людямъ, болѣе человѣчнымъ и не ищущимъ удовлетворенія своей мести. Наконецъ, послѣ десятилѣтняго заключенія пришелъ день свободы. Г** выпустили безъ законнаго разслѣдованія, безъ формальнаго признанія его невинности. Онъ получилъ освобожденіе, какъ даръ высочайшей милости и сейчасъ же ему было предложено навсегда покинуть страну.

Здѣсь обрываются тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать относительно этой исторіи, и я вижу себя вынужденнымъ перенестись черезъ промежутокъ въ двадцать лѣтъ. За это время Г** началъ въ чужой странѣ новую карьеру въ военной службѣ, которая въ концѣ концовъ привела его къ тому же блестящему положенію, съ котораго онъ былъ низвергнутъ у себя въ отечествѣ. Но время, этотъ истинный другъ всѣхъ несчастныхъ, медленно, но неизбѣжно возстановляющій справедливость, взяло на себя разсудить и это дѣло.

Годы страстей и увлеченій государя миновали, и по мѣрѣ того, какъ бѣлѣли его кудри, онъ мало-по-малу научался давать должную цѣну людямъ. Прежде, чѣмъ умереть, ему захотѣлось свидѣться съ другомъ своей юности. Чтобъ смягчить старику всѣ прежде нанесенныя ему оскорбленія, онъ ласково пригласилъ его вернуться на родину, къ которой давно уже втайнѣ стремилось сердце Г**. Трогательна была ихъ встрѣча. Г** нашелъ такой теплый любезный пріемъ, точно они вчера разстались. Государь устремилъ задумчивый взглядъ на это лицо, когда то такое близкое и сдѣлавшееся теперь такимъ чуждымъ ему; казалось, онъ пересчитывалъ глубокія морщины, которыя самъ онъ наложилъ. Жадно вглядываясь и припоминая, искалъ онъ любимыя черты юноши въ лицѣ этого старика. Но того, чего онъ искалъ, уже не было. Отъ дружеской бесѣды ихъ вѣяло холодомъ и принужденіемъ. Страхъ и стыдъ навсегда разъединили эти два сердца. Видъ человѣка, который напоминалъ государю о его опрометчивой жестокости, не могъ быть пріятенъ ему, а Г** не въ силахъ былъ любить по-прежнему виновника своихъ страданій.

Тѣмъ не менѣе, успокоенный и утѣшенный, онъ оглядывался на свое прошлое, какъ на тяжелый миновавшій сонъ.

Вскорѣ Г** возвращены были всѣ его прежніе чины и отличія. Государь, преодолѣвая внутреннюю непріязнь, старался блистательно вознаградить его за прошлое. Но могъ ли онъ вернуть ему сердце, изувѣченное долговременнымъ лишеніемъ всѣхъ радостей жизни? Могъ-ли онъ вернуть ему

годы надеждъ? Могъ-ли онъ придумать для старика такое счастье, которое хотя-бы въ слабой степени вознаградило его за все, что было отнято у него въ прошломъ?...

Еще девятнадцать лѣтъ прожилъ Г**, утѣшаясь свѣтлымъ закатомъ своей жизни. Ни удары судьбы, ни годы не могли сокрушить его живучести, ни сломить его бодрости. И семидесяти лѣтъ онъ все еще гнался за призракомъ того счастья, которое было его удѣломъ, когда ему было двадцать лѣтъ.

Онъ умеръ, исполняя должность начальника крѣпости, въ которой содержались государственные преступники. Казалось, можно-бы ожидать, что онъ будетъ относиться къ послѣднимъ съ тѣмъ человѣколюбіемъ, цѣну которому онъ извѣдалъ собственнымъ опытомъ. Однако онъ былъ жестокъ къ нимъ и порывъ гнѣва противъ одного изъ этихъ несчастныхъ вызвалъ его смерть на восьмидесятомъ году.

В. Микуличъ.

ДУХОВИДЕЦЪ.

Изъ бумагъ графа О**

КНИГА ПЕРВАЯ.

Происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, большая часть моихъ читателей найдетъ невѣроятнымъ, хотя оно совершилось почти все на моихъ глазахъ. Немногія лица, знакомыя съ однимъ политическимъ фактомъ, котораго не называю, найдутъ здѣсь — если только эти страницы застанутъ еще ихъ въ живыхъ—желаемое объясненіе этого факта; да и для другихъ разсказъ мой будетъ вѣроятно не лишенъ интереса, какъ прибавленіе къ исторіи обмана и заблужденій человѣческаго духа. Нельзя не удивляться *смѣлости цѣли*, какую въ состояніи избрать себѣ и преслѣдовать злоба; нельзя не удивляться *средствамъ*, на какія способна она для достиженія этой цѣли. Чистая, строгая истина будетъ водить моимъ перомъ, ибо когда эти страницы явятся въ свѣтъ, меня уже не будетъ, и я никогда не узнаю ихъ судьбы.

На обратномъ пути въ Курляндію, въ 17** году, въ самый карнавалъ, посѣтилъ я въ Венеціи принца**. Мы познакомились на службѣ въ **ской арміи, и тутъ только возобновилось наше знакомство, прерванное миромъ. Такъ какъ я и безъ того желалъ осмотрѣть достопримѣчательности города, а ждалъ только векселей, чтобы отправиться въ **, то ему не стоило большого труда уговорить меня сопутствовать ему и отсрочить мой отъѣздъ. Мы рѣшили не разставаться другъ съ другомъ, пока останемся въ Венеціи, и принцъ былъ такъ милъ, что предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ жилъ здѣсь въ строжайшемъ инкогнито, желая пользоваться полной свободой и не имѣя возможности поддерживать своимъ небольшимъ доходомъ достоинство своего сана. Вся свита его заключалась въ двухъ приближенныхъ лицахъ, на скромность которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться, и въ нѣсколькихъ вѣрныхъ слугахъ. Пышности избѣгалъ онъ не столько изъ бережливости, сколько изъ любви къ простотѣ. Онъ бѣжалъ отъ удовольствій; до тридцатипятилѣтняго возраста устоялъ онъ

противъ всѣхъ соблазновъ этого искусительнаго города. Къ прекрасному полу былъ онъ равнодушенъ. Господствующими чувствами были въ немъ глубокая задумчивость, мечтательность и меланхолія. Склонности у него были кроткія, но чрезмѣрно упорныя; выборъ его былъ медленъ и нерѣшителенъ, привязанность—тепла и безконечна; въ шумной толпѣ людской стоялъ онъ одиноко. Заключившись въ свой собственный фантастическій міръ, онъ часто являлся чужестранцемъ въ дѣйствительномъ мірѣ — и, хорошо сознавая въ себѣ недостатокъ наблюдательности, отказывался произносить свои сужденія и черезчуръ дорожилъ чужими. Казалось, онъ былъ рожденъ подчиняться, не будучи въ то же время слабымъ. При томъ онъ былъ неустрашимъ и довѣрчивъ, если разъ въ чемъ убѣждался, и готовъ былъ ожесточенно биться съ признаннымъ предразсудкомъ и умирать за новое заблужденіе.

Какъ третьему принцу царственнаго дома, ему не представлялось вѣроятности быть главою правленія. Честолюбіе въ немъ никогда не шевелилось. Страсти его приняли иное направленіе.

Онъ былъ доволенъ, что не зависитъ ни отъ чьей воли, и никому не навязывалъ, какъ законъ, свою; всѣ его желанія ограничивались мирнымъ затишьемъ непринужденной жизни частнаго человѣка. Онъ много читалъ, но безъ выбора. Небрежное воспитаніе и раннее поступленіе въ военную службу не дали вполнѣ созрѣть его уму. Познанія, которыя онъ пріобрѣталъ потомъ, только увеличивали смутный хаосъ его понятій, потому что не опирались на твердую почву.

Онъ былъ протестантъ, какъ и вся его фамилія—протестантъ по рожденію, а не по выбору; онъ никогда не разсуждалъ объ этомъ, хотя одно время былъ почти фанатикомъ протестантизма. Масономъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не былъ.

Однажды вечеромъ мы гуляли по площади Св. Марка, какъ водится, подъ масками и особнякомъ. Становилось уже поздно, и толпа начала рѣдѣть. Тутъ принцъ замѣтилъ, что за нами все слѣдитъ одна маска. Это былъ кто-то въ костюмѣ армянина. Онъ ходилъ одинъ. Мы участили шаги и старались частою перемѣной дороги сбить его. Напрасно: маска не отставала отъ насъ.

— Ужъ не было ли у васъ здѣсь какой интриги? — спросилъ наконецъ у меня принцъ.—Мужья въ Венеціи опасны.

— Я не знаю здѣсь ни одной дамы,— отвѣчалъ я.

— Сядемте здѣсь и начнемъ говорить по-нѣмецки,—продолжалъ онъ. — Мнѣ кажется, насъ приняли за другихъ.

Мы сѣли на каменную скамью и ждали, чтобы маска прошла мимо насъ. Она направилась прямо къ намъ и сѣла на скамью рядомъ съ принцемъ. Принцъ вынулъ часы и, поднимаясь съ мѣста, громко сказалъ мнѣ по-французски:

— Ужъ десятый часъ. Пойдемте. Мы и забыли, что насъ ждутъ въ Луврѣ.

Онъ выдумалъ это, чтобы сбить маску съ нашихъ слѣдовъ.

— *Десятый часъ*, — повторила она по-французски же выразительно и медленно.— Пожелайте себѣ счастья, принцъ (и маска назвала его настоящее имя). *Въ девять часовъ онъ умеръ*.

Маска встала и пошла. Мы въ изумленіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто умеръ? — спросилъ наконецъ принцъ, послѣ долгаго молчанія.

— Пойдемте за нимъ, сказалъ я:—и потребуемъ объясненія.

Мы исходили всѣ уголки Санъ-Марка. Маски уже не было тутъ. Недовольные, воротились мы въ свою гостиницу. Принцъ не сказалъ мнѣ дорогою ни слова и шелъ все стороной, одинъ; казалось, въ немъ происходила сильная борьба, онъ потомъ и самъ признался мнѣ въ этомъ. Только когда мы были дома, раскрылъ онъ ротъ.

— Ну, не смѣшно ли,—сказалъ онъ:— что помѣшанный можетъ двумя словами такъ потрясти спокойствіе человѣка!

Мы пожелали другъ другу спокойной ночи, и, прійдя въ свою комнату, я тотчасъ же отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ день и часъ, когда это случилось. Это было въ четвергъ.

На другой день вечеромъ принцъ сказалъ мнѣ:

— Не пойти ли намъ на площадь Св. Марка и не поискать ли нашего таинственнаго армянина? Мнѣ бы хотѣлось дойти до развязки этой комедіи.

Я былъ очень радъ. Мы остались на площади до одиннадцати часовъ. Армянинъ нигдѣ не показывался. Мы повторили свои поиски и въ четыре слѣдующіе вечера, но такъ же безуспѣшно.

Когда на шестой вечеръ мы уходили

изъ отеля, мнѣ пришла въ голову мысль—сознательно или безсознательно, теперь ужъ не помню—сказать слугѣ, гдѣ мы будемъ, на случай, если кто-нибудь спроситъ объ насъ. Принцъ замѣтилъ мою предосторожность и улыбкой похвалилъ меня. На площади Св. Марка мы застали большую суету. Мы не прошли и тридцати шаговъ, какъ я опять замѣтилъ армянина. Онъ быстрыми шагами протискивался сквозь толпу и, казалось, искалъ кого-то глазами. Мы уже пробирались къ нему, какъ къ намъ подбѣжалъ, запыхавшись, баронъ Ф. изъ свиты принца и вручилъ принцу письмо.

— Оно съ черной печатью,—прибавилъ онъ.—Должно быть спѣшное.

Я былъ какъ громомъ пораженъ. Принцъ подошелъ къ фонарю и сталъ читать.

— Мой двоюродный братъ умеръ!—вскричалъ онъ.

— Когда?—быстро перебилъ я его.

Онъ еще разъ взглянулъ на письмо.

— Въ прошлый четвергъ, въ девять часовъ вечера.

Мы не успѣли еще оправиться отъ изумленія, какъ армянинъ стоялъ уже около насъ.

— Васъ узнали здѣсь,—сказалъ онъ принцу.—Отправляйтесь домой. Вы найдете тамъ депутацію сената. Не отвергайте чести, которую хотятъ оказать вамъ. Баронъ Ф. забылъ сказать вамъ, что и векселя ваши получены.

И онъ затерялся въ толпѣ.

Мы поспѣшили въ свой отель. Все было точь-въ-точь, какъ говорилъ армянинъ. Трое нобили республики ожидали принца съ привѣтствіемъ; они должны были торжественно проводить его въ собраніе, гдѣ его ожидало высшее дворянство города. Принцъ едва улучилъ минуту бѣгло кивнуть мнѣ головой, давая знать, чтобы я подождалъ его.

Онъ воротился ночью, часовъ въ одиннадцать. Важно и задумчиво вошелъ онъ въ комнату, выслалъ слугъ и взялъ меня за руку.

— Графъ,—сказалъ онъ мнѣ словами Гамлета:—въ небѣ и на землѣ больше вещей, нежели мы воображаемъ въ своей философіи.

— Принцъ,—отвѣчалъ я:—вы, кажется, забываете, что нынче вы заснете съ одною новою надеждой въ сердцѣ.

(Покойный былъ наслѣдный принцъ).

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ,—сказалъ принцъ.—И будь мнѣ назначена корона въ настоящую минуту, у меня нѣтъ досуга думать о томъ. Если этотъ армянинъ не просто угадалъ...

— Можетъ ли это быть?—перебилъ я.

— То я готовъ уступить вамъ всѣ мои царственныя надежды за монашескую рясу.

Привожу эти слова въ доказательство, какъ далекъ онъ былъ тогда отъ всякихъ властолюбивыхъ намѣреній.

На слѣдующій вечеръ мы были раньше обыкновеннаго на площади Св. Марка. Внезапный дождь принудилъ насъ зайти въ кофейню, гдѣ шла игра. Принцъ всталъ за стуломъ одного испанца и слѣдилъ за игрой. Я ушелъ въ сосѣднюю комнату и читалъ тутъ газеты. Немного спустя услыхалъ я шумъ. До прихода принца испанецъ былъ постоянно въ проигрышѣ; теперь онъ выигрывалъ на каждой картѣ. Вся игра приняла странный оборотъ, и банку грозила опасность; того и ждали, что его сорветъ понтеръ, становившійся отъ удачи все смѣлѣе. Венеціанецъ, державшій банкъ, сказалъ принцу оскорбительнымъ тономъ, что онъ мѣшаетъ счастью игры и долженъ отойти отъ стола. Принцъ холодно взглянулъ на него и остался; онъ не тронулся съ мѣста, когда венеціанецъ повторилъ свое оскорбленіе по-французски. Банкометъ подумалъ, что принцъ не знаетъ ни того, ни другого языка, и обратился съ презрительнымъ смѣхомъ къ остальнымъ:

— Скажите, пожалуйста, господа, какъ мнѣ говорить, чтобы этотъ франтъ понялъ меня?

Въ то же время онъ всталъ и хотѣлъ взять принца за руку; принцъ вышелъ тутъ изъ себя, схватилъ венеціанца могучей рукой и бросилъ его на полъ. Вся кофейня пришла въ движеніе. Я выбѣжалъ на шумъ и невольно назвалъ принца по имени.

— Берегитесь, принцъ! — прибавилъ я необдуманно: -- вѣдь мы въ Венеціи.

Имя принца было какъ будто сигналомъ къ общему молчанію, которое вскорѣ перешло въ шопотъ, показавшійся мнѣ опаснымъ. Всѣ присутствовавшіе тутъ итальянцы раздѣлились на партіи и отошли въ сторону. Одинъ за другимъ, всѣ вышли изъ залы, и наконецъ тутъ остались лишь мы двое, да испанецъ, да нѣсколько французовъ.

— Вы пропали, принцъ,—говорили французы,—если тотчасъ же не уѣдете изъ города. Венеціанецъ, котораго вы обидѣли, настолько богатъ, чтобы нанять браво. Ему будетъ стоить всего пятьдесятъ цехиновъ спровадить васъ на тотъ свѣтъ.

Испанецъ вызвался привести стражу для безопасности принца и проводить насъ до дому. То же хотѣли и французы. Мы еще стояли и разсуждали, какъ дверь отворилась и вошло нѣсколько служителей государственной инквизиціи. Они показали намъ правительственный приказъ, который вмѣнялъ намъ въ обязанность немедленно слѣдовать за ними. Подъ сильнымъ прикрытіемъ довели насъ до канала. Здѣсь ожидала насъ гондола, въ которую мы должны были сѣсть. Передъ выходомъ на берегъ намъ завязали глаза. Насъ вели по большой каменной лѣстницѣ, потомъ по длинному извилистому ходу надъ сводами, какъ я могъ заключить по многочисленнымъ отголоскамъ, звучавшимъ у насъ подъ ногами. Наконецъ, дошли мы до другой лѣстницы, которая свела насъ двадцатью шестью ступенями въ глубину. Здѣсь открылась передъ нами зала, гдѣ у насъ опять развязали глаза. Мы очутились въ кругу почтенныхъ стариковъ въ черной одеждѣ; вся зала была завѣшена чернымъ сукномъ и скудно освѣщена; мертвая тишина господствовала въ собраніи и производила страшное впечатлѣніе. Одинъ изъ этихъ стариковъ, вѣроятно, высшій инквизиторъ, приблизился къ принцу и спросилъ его торжественнымъ тономъ, указывая на подведеннаго къ нему венеціанца:

— Этотъ ли человѣкъ обидѣлъ васъ сегодня въ кофейнѣ?

— Да,—отвѣчалъ принцъ.

Затѣмъ старикъ обратился къ венеціанцу.

— Эту ли особу хотѣли вы велѣть убить сегодня вечеромъ?

Венеціанецъ отвѣчалъ: *да*.

Кругъ тотчасъ же разомкнулся, и мы съ ужасомъ увидали, какъ голова у венеціанца скатилась съ плечъ.

— Довольны ли вы этимъ удовлетвореніемъ?—спросилъ инквизиторъ.

Принцъ лежалъ безъ чувствъ на рукахъ своихъ спутниковъ.

— Идите,—продолжалъ грознымъ голосомъ инквизиторъ, обращаясь ко мнѣ:— впередъ не судите такъ поспѣшно о венеціанскомъ правосудіи.

Мы не могли угадать, что за таинственный другъ спасъ насъ быстрою рукою юстиціи отъ вѣрной смерти. Пораженные ужасомъ, дошли мы до своей квартиры. Было уже за полночь. Камеръ-юнкеръ Ц. ждалъ насъ съ нетерпѣніемъ на крыльцѣ.

— Хорошо, что вы прислали!—сказалъ онъ принцу, свѣтя намъ.—Извѣстіе, принесенное домой барономъ Ф. вслѣдъ за вашимъ уходомъ съ площади Св. Марка, повергло насъ въ сильнѣйшій страхъ за вашу безопасность.

— Я прислалъ? когда? Я ничего не знаю.

— Сегодня вечеромъ въ девятомъ часу. Вы велѣли сказать намъ, чтобы мы не безпокоились, если вы будете нынче позже домой.

Принцъ взглянулъ на меня.

— Это можетъ быть *вы* позаботились, безъ моего вѣдома?

Я ничего не зналъ.

— Сомнѣнья не могло быть, ваша свѣтлость,—сказалъ камеръ-юнкеръ;—вѣдь вотъ ваши часы съ репетиціей, присланные вами для вѣрности.

Принцъ схватился за карманъ. Часовъ дѣйствительно не было, и въ рукахъ камеръ-юнкера были дѣйствительно его часы.

— Кто принесъ ихъ?—спросилъ онъ, пораженный.

— Неизвѣстная маска въ армянскомъ костюмѣ, которая тотчасъ же и удалилась.

Мы стояли и смотрѣли другъ на друга

— Что вы объ этомъ думаете?—сказалъ наконецъ принцъ послѣ долгаго молчанія.— У меня здѣсь въ Венеціи какой-то таинственный соглядатай.

Страшная сцена этой ночи причинила принцу лихорадку, принудившую его не выходить изъ дому цѣлые восемь дней. Въ это время отель нашъ былъ полонъ и чужестранцами, и мѣстными жителями: всѣхъ привлекло въ него открытое званіе принца. Всѣ наперерывъ старались услуживать ему, и мы съ удовольствіемъ замѣчали, какъ одинъ, смѣняя другого, старался заподозрить своего предшественника въ глазахъ принца. Любовныя письма сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ. Всякій старался выслуживаться по своему. О происшествіи съ инквизиціей никто и не поминалъ. Такъ какъ **скій дворъ желалъ нѣкоторой отсрочки пріѣзда принца, то нѣсколько банкировъ въ Венеціи получили кредитивы для выдачи ему значительныхъ суммъ. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ противъ воли продлить свое пребываніе въ Италіи, и по просьбѣ его я рѣшился тоже отсрочить свой отъѣздъ.

Только что оправился онъ настолько, что могъ выходить изъ комнаты, докторъ уговорилъ его сдѣлать прогулку по Брентѣ, чтобы перемѣнить воздухъ. Погода была ясная, и мы собрались. Мы только что хо-

тѣли садиться въ гондолу, какъ принцъ хватился ключа отъ небольшой шкатулки, въ которой были очень важныя бумаги. Тотчасъ же возвратились мы искать его. Принцъ какъ нельзя вѣрнѣе помнилъ, что онъ еще наканунѣ заперъ шкатулку, а съ этого времени онъ не выходилъ изъ комнаты. Но всѣ поиски оказались тщетными, мы принуждены были оставить ихъ, чтобы не терять времени. Душа принца была чужда всякой подозрительности: онъ объявилъ намъ, что ключъ потерянъ, и просилъ насъ не говорить о немъ больше.

Катанье наше было очень пріятно. Живописная мѣстность, съ каждымъ поворотомъ рѣки старавшаяся, кажется, превзойти самое себя въ богатствѣ и красотѣ; безоблачное небо, казавшееся майскимъ въ срединѣ февраля; пышные сады и изящныя дачи безъ числа, украшавшіе оба берега Бренты; за ними величественная Венеція съ сотнею встающихъ изъ водъ башенъ и мачтъ—все это представляло восхитительнѣйшее зрѣлище. Мы вполнѣ отдались благодатнымъ чарамъ этой прекрасной природы, у всѣхъ было свѣтло на душѣ, и самъ принцъ сбросилъ съ себя свой серьезный видъ и пустился весело шутить взапуски съ нами. Веселая музыка встрѣтила насъ, когда мы вышли на берегъ въ двухъ итальянскихъ миляхъ отъ города. Она раздавалась въ маленькой деревенькѣ, гдѣ была ярмарка: народъ всѣхъ сословій толпился тутъ. Труппа дѣвочекъ и мальчиковъ въ театральныхъ костюмахъ привѣтствовала насъ пантомимными танцами. Изобрѣтеніе было ново; легкость и грація одушевляли каждое движеніе. Прежде, чѣмъ

танецъ вполнѣ кончился, казалось, какая то незримая рука мгновенно остановила корифейку, которая представляла королеву. Она стала какъ вкопанная, а съ нею и всѣ. Музыка смолкла. Все собраніе, казалось, удерживало дыханіе, а *она* стояла, устремивъ глаза въ землю, въ глубокомъ оцѣпенѣніи. Вдругъ она встрепенулась въ изступленіи вдохновенія и дико повела вокругъ глазами.

— Между нами есть король!—вскричала она, сорвала корону у себя съ головы и положила ее къ ногамъ принца.

Всѣ, кто тутъ ни былъ, обратили на него глаза и долго смотрѣли на него недовѣрчиво, будто соображая, есть ли смыслъ въ этой выходкѣ танцовщицы, какъ ни полна правды казалась она по своему серьезному тону. Всеобщія рукоплесканія одобренія прервали наконецъ это безмолвіе. Глаза мои искали принца. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень пораженъ и старался избѣгать пытливыхъ взглядовъ зрителей. Онъ бросилъ денегъ дѣтямъ и поспѣшилъ выбраться изъ толпы.

Едва прошли мы нѣсколько шаговъ, сквозь народъ протѣснился къ намъ почтенный босоногій монахъ и заступилъ дорогу принцу.

— Государь,—сказалъ монахъ:—удѣли Мадоннѣ отъ твоего богатства! Тебѣ понадобится ея молитва.

Тонъ, какимъ онъ сказалъ это, смутилъ насъ. Толпа оттѣснила его.

Свита наша, между тѣмъ, увеличилась. Къ намъ присоединился англійскій лордъ, котораго принцъ видѣлъ уже прежде въ Ниццѣ, нѣсколько купцовъ изъ Ливорно, нѣмецкій пасторъ, французскій аббатъ съ нѣсколькими дамами и русскій офицеръ. Въ физіономіи послѣдняго было что-то совершенно необыкновенное, привлекшее наше вниманіе. Въ жизнь мою не видалъ я столько *чертъ* и такъ мало *характера;* столько привлекательной ласковости, соединенной въ человѣческомъ лицѣ съ такой отталкивающей холодностью. Казалось всѣ страсти тѣшились этимъ лицомъ и снова покинули его. Ничего не осталось, кромѣ тихаго проницательнаго взгляда глубокаго знатока людей, пугавшаго всякій встрѣчавшійся съ нимъ взглядъ. Этотъ странный человѣкъ издали слѣдовалъ за нами и, казалось, мало принималъ участія во всемъ происходившемъ.

Мы остановились передъ лавкой, въ которой разыгрывалась лотерея. Дамы приняли участіе; мы послѣдовали ихъ примѣру; принцъ взялъ билетъ. Онъ выигралъ табакерку. Открывъ ее, онъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Въ ней лежалъ ключъ.

— Что это такое?—сказалъ мнѣ принцъ, когда мы на минуту остались вдвоемъ.— Какая-то высшая сила преслѣдуетъ меня. Кто-то всезнающій слѣдитъ за мной. Какое-то невидимое существо, отъ котораго не могу укрыться, стережетъ каждый мой шагъ. Мнѣ надо отыскать армянина и потребовать отъ него объясненія.

Солнце склонялось къ западу, когда мы подошли къ гостинницѣ, гдѣ для насъ былъ приготовленъ ужинъ. Имя принца увеличило наше общество: насъ было уже шестнадцать человѣкъ. Къ числу помянутыхъ выше присоединились: виртуозъ изъ Рима, нѣсколько швейцарцевъ и одинъ авантюристъ изъ Палермо; послѣдній былъ въ мундирѣ и выдавалъ себя за капитана. Мы рѣшили провести тутъ вечеръ и отправиться домой съ факелами. Разговоръ за столомъ былъ очень оживленный, и принцъ не вытерпѣлъ, чтобы не разсказать случая съ ключомъ, возбудившаго общее удивленіе. Завязался сильный споръ объ этомъ предметѣ. Большая часть собесѣдниковъ утверждала, что всѣ эти таинственныя искусства оказываются подъ конецъ штуками маленькаго проворства; аббатъ, уже изрядно выпившій, объявилъ битву всему міру духовъ; англичанинъ богохульствовалъ; музыкантъ ограждался крестнымъ знаменіемъ отъ дьявола. Лишь немногіе, и въ томъ числѣ принцъ, говорили, что объ этихъ вещахъ нельзя произносить рѣшительнаго сужденія; русскій офицеръ разговаривалъ между тѣмъ съ дамами и, казалось, вовсе не обращалъ вниманія на споръ. Въ жару преній никто не замѣтилъ ухода сицилiанца. Спустя полчаса, онъ возвратился закутанный въ плащъ и сталъ за стуломъ француза.

— Вы похвастались давеча, что готовы помѣряться со всѣми духами... Не хотите ли попробовать съ *однимъ?*

— Ба!— сказалъ аббатъ:—отчего жъ, если вы возьмете на себя трудъ добыть мнѣ такого?

— Я добуду вамъ его,—отвѣчалъ сицилiанецъ (и при этомъ обратился къ намъ):— когда эти господа и дамы разстанутся съ нами.

— Зачѣмъ же? — вскричалъ англичанинъ. — Благовоспитанному духу нечего бояться веселаго общества.

—Я не ручаюсь за развязку,—сказалъ сициліанецъ.

— Ахъ, ради Бога! не надо!—закричали дамы за столомъ и вскочили съ испугомъ со своихъ мѣстъ.

— Пусть является вашъ духъ,—угрюмо сказалъ аббатъ:—только предупредите его, что здѣсь есть обо что наколоться.

(И онъ взялъ шпагу у одного изъ гостей).

— Это ужъ ваше дѣло,—холодно отвѣчалъ сициліанецъ: — посмотримъ, какъ-то вы будете потомъ храбриться.

Тутъ обратился онъ къ принцу.

— Принцъ, — сказалъ онъ ему: — вы утверждаете, что ключъ вашъ былъ въ чужихъ рукахъ. Можете ли вы предположить, въ чьихъ именно?

— Нѣтъ.

— И никого нѣтъ у васъ въ виду?

— Да, я точно думалъ...

— Узнали ль бы вы эту особу, если бъ увидали ее передъ собой?

— Безъ сомнѣнія.

Сициліанецъ распахнулъ плащъ и поднесъ зеркало къ глазамъ принца.

— Онъ?

Принцъ отступилъ въ ужасѣ.

— Что вы видѣли?—спросилъ я.

— Армянина.

Сициліанецъ опять спряталъ зеркало подъ плащъ.

— И это былъ именно тотъ, о комъ вы думали?—спрашивало все общество.

— Да.

У всѣхъ измѣнились лица, смѣхъ притихъ. Всѣ глаза были съ любопытствомъ обращены на сициліанца.

— Monsieur l'Abbé, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, — сказалъ англичанинъ: и вамъ не мѣшало бы подумать о ретирадѣ.

— Да въ немъ чортъ сидитъ!—вскричалъ французъ и упорхнулъ изъ дому.

Женщины съ крикомъ бросились изъ залы; артистъ послѣдовалъ за ними; нѣмецкій пасторъ храпѣлъ въ креслѣ; русскій сидѣлъ себѣ равнодушно, какъ прежде.

— Вы можетъ быть хотѣли только проучить хвастуна? — началъ принцъ, когда всѣ разошлись:—или можетъ быть вы согласитесь сдержать слово?

— Ваша правда,—сказалъ сициліанецъ: съ аббатомъ я только пошутилъ. Я поймалъ его на словѣ, потому что зналъ, что онъ далеко не пойдетъ по своей трусости. Дѣло, впрочемъ, слишкомъ важно, чтобы имъ только шутить.

— Значитъ, вы все-таки утверждаете, что духи въ вашей власти?

Магикъ долго молчалъ и, казалось, хотѣлъ проникнуть глазами въ самое сердце принцу.

— Да,—отвѣчалъ онъ наконецъ.

Любопытство принца было уже напряжено въ высшей степени. Это было постоянно его любимой мечтой, и со времени перваго появленія передъ нимъ армянина въ немъ опять зароились идеи, которыя такъ долго отвергалъ его зрѣлый разумъ, его болѣе серьезное чтеніе. Онъ отошелъ въ сторону съ сициліанцемъ, и я слышалъ, какъ обстоятельно онъ объяснялся съ нимъ.

— Передъ вами человѣкъ,—продолжалъ онъ,—который пылаетъ нетерпѣніемъ достичь убѣжденія въ этой важной матеріи. Я обнялъ бы, какъ благодѣтеля, какъ своего перваго друга, того, кто разсѣялъ бы мои сомнѣнія и снялъ повязку съ моихъ глазъ. Хотите вы оказать мнѣ эту великую услугу?

— Чего вы хотите отъ меня? — спросилъ осмотрительно магикъ.

— На первый разъ лишь опыта вашего искусства. Покажите мнѣ какое-нибудь видѣніе.

— Что жъ дальше?

— Потомъ, познакомившись со мною ближе, вы будете въ состояніи судить, достоинъ ли я высшихъ уроковъ.

— Я васъ высоко цѣню, свѣтлѣйшій принцъ. Таинственная сила вашей наружности, еще неизвѣстная и вамъ самимъ, непреоборимо связала меня съ вами съ перваго же мгновенія. Вы могущественнѣе, чѣмъ думаете. Вы можете безгранично повелѣвать всею моею силою... Но...

— Такъ покажите же мнѣ видѣніе.

— Но я долженъ прежде всего быть увѣренъ, что вы обращаете ко мнѣ это требованіе не изъ любопытства. Правда, незримыя силы подчинены нѣкоторымъ образомъ моей волѣ, но лишь съ тѣмъ священнымъ условіемъ, чтобы я не злоупотреблялъ своей силой.

— У меня чистѣйшія намѣренія. Я хочу истины.

Тутъ они оставили свое мѣсто и отошли къ отдаленному окну, гдѣ я не могъ уже ихъ слышать. Англичанинъ, слышавшій вмѣстѣ со мною этотъ разговоръ, отвелъ меня въ сторону.

— Вашъ принцъ—благородный человѣкъ: мнѣ жаль его. Головой ручаюсь, что онъ связался съ мошенникомъ.

— Надо посмотрѣть,—сказалъ я,—чѣмъ дѣло разыграется.

— Знаете ли что?—сказалъ англичанинъ:—бѣдняга старается теперь возвысить свою цѣну. Онъ не станетъ показывать своего искусства, пока не услышитъ звона денегъ. Насъ здѣсь девять человѣкъ. Сложимтесь. Это вскружитъ ему голову и можетъ быть откроетъ глаза вашему принцу.

— Я согласенъ.

Англичанинъ бросилъ на тарелку шесть гиней и обошелъ съ нею всѣхъ. Каждый далъ по нѣскольку луидоровъ; русскому чрезвычайно понравилось наше предложеніе, онъ положилъ на тарелку банковый билетъ въ сто цехиновъ... Англичанинъ просто испугался такой расточительности. Мы принесли сборъ принцу.

— Сдѣлайте милость,—сказалъ англичанинъ,—убѣдите отъ нашего имени этого господина показать намъ опытъ своего искусства и принять это слабое доказательство нашей признательности.

Принцъ положилъ на тарелку еще драгоцѣнный перстень и подалъ ее сициліанцу. Магикъ пріостановился на нѣсколько секундъ...

— Господа,—началъ онъ потомъ,—это великодушіе унижаетъ меня... но я уступаю вашему желанію. Я его исполню.

Онъ позвонилъ.

— Что касается этого золота, я лично не имѣю на него никакого права, и прошу васъ позволить мнѣ передать его въ ближайшій монастырь бенедиктинцевъ на богоугодныя учрежденія. Перстень же оставляю у себя, какъ драгоцѣнную память о достойнѣйшемъ принцѣ.

Тутъ вошелъ хозяинъ, и онъ тотчасъ же передалъ ему деньги.

— А все-таки онъ мошенникъ,—шепнулъ мнѣ на ухо англичанинъ.—Онъ отказывается отъ денегъ, потому что ему теперь главное—принцъ.

— Кого хотите вы видѣть?—спросилъ магикъ, обращаясь къ принцу.

Принцъ задумался на минуту...

— Ужъ лучше сразу великаго человѣка!—вскричалъ лордъ.—Пусть вызоветъ папу Ганганелли. Вѣдь ему это все равно.

Сициліанецъ закусилъ губу.

— Я не могу вызывать помазанниковъ.

— Жаль,—сказалъ англичанинъ.—Можетъ быть, мы отъ него узнали бы, отъ какой болѣзни онъ умеръ.

— Маркизъ де-Лануа,—началъ принцъ,—былъ французскимъ бригадиромъ въ послѣдней войнѣ и моимъ ближайшимъ другомъ. Въ сраженіи при Гастинбекѣ онъ былъ смертельно раненъ; его принесли въ мою палатку, и онъ вскорѣ умеръ тутъ на моихъ рукахъ. Въ предсмертной агоніи онъ подозвалъ меня къ себѣ легкимъ наклоненіемъ головы и сказалъ: „Принцъ, мнѣ ужъ не видать своей родины; и такъ узнайте тайну, къ которой ни у кого, кромѣ меня, нѣтъ ключа. Въ одномъ монастырѣ на фландрской границѣ живетъ одна"... На этомъ словѣ онъ скончался. Рука смерти разорвала нить его рѣчи; я желалъ бы увидать его здѣсь и услышать продолженіе.

— Требованіе не малое, ей-богу!—воскликнулъ англичанинъ.—Я признаю васъ величайшимъ искусникомъ въ мірѣ, если вы разрѣшите эту задачу.

Мы подивились находчивости принца и единогласно одобрили его выборъ. Между тѣмъ, магикъ тяжелыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и, казалось, въ нерѣшимости боролся съ самимъ собой.

— И больше ничего не оставилъ вамъ умирающій?

— Ничего.

— И вы не наводили дальнѣйшихъ справокъ по этому предмету у него на родинѣ?

— Всѣ справки были тщетны.

— Безукоризненно ли жилъ маркизъ де-Лануа?... Не каждаго покойника могу я вызвать.

— Онъ умеръ, раскаяваясь въ проступкахъ своей молодости.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь на память о немъ?

— Есть.

У принца точно была табакерка съ миніатюрнымъ портретомъ маркиза на финифти; она лежала около него на столѣ во время ужина.

— Мнѣ, впрочемъ, этого не нужно.. Оставьте меня одного. Вы увидите покойника.

Насъ попросили удалиться въ другой павильонъ, пока не позовутъ. Магикъ велѣлъ въ то же время вынести изъ залы всю мебель, вынуть окна и наглухо запереть ставни. Хозяину, съ которымъ, повидимому, онъ былъ уже хорошо знакомъ, велѣлъ онъ принести сосудъ съ горячими углями и тщательно залить водой всѣ огни въ домѣ. Прежде чѣмъ мы удалились, онъ съ каждаго изъ насъ взялъ честное слово хранить вѣчное молчаніе о томъ, что мы

увидимъ и услышимъ. За нами заперли на ключъ всѣ комнаты въ этомъ павильонѣ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ и мертвая тишина царствовала во всемъ домѣ. Когда мы выходили, русскій спросилъ меня, есть ли при насъ заряженные пистолеты.

— Зачѣмъ?—сказалъ я.

— На всякій случай,—отвѣчалъ онъ.—Подождите немного, я поищу здѣсь.

Онъ удалился. Баронъ Ф. и я отворили окно, выходившее насупротивъ того павильона, и намъ послышался какъ будто шопотъ двухъ людей и шумъ словно отъ приставляемой лѣстницы. Это, впрочемъ, было лишь предположеніе, и я не посмѣлъ его выдавать за правду. Русскій возвратился черезъ полчаса съ парой пистолетовъ. Мы видѣли, какъ онъ зарядилъ ихъ. Было около двухъ часовъ, когда вновь явился магикъ и объявилъ намъ, что все готово. Передъ входомъ мы должны были снять башмаки и войти не иначе, какъ въ одной рубашкѣ, въ чулкахъ и въ исподнемъ платьѣ. Дверь за нами, какъ и въ первый разъ, заперли на ключъ.

Возвратясь въ залу, мы увидѣли тутъ начертанный на полу углемъ широкій кругъ, въ которомъ свободно могли помѣститься всѣ мы десятеро. Вокругъ, у всѣхъ четырехъ стѣнъ комнаты, полы были сняты, такъ что мы стояли какъ будто на островѣ. Въ срединѣ круга былъ воздвигнутъ алтарь, завѣшенный чернымъ сукномъ; подъ нимъ разостланъ красный атласный коверъ. На алтарѣ лежала развернутая халдейская библія и черепъ около нея; серебряное распятіе было крѣпко къ нему придѣлано. Вмѣсто свѣчъ горѣлъ спиртъ въ серебряномъ сосудѣ. Густой дымъ ладана омрачалъ залу, и свѣтъ едва мерцалъ въ немъ. Вызыватель былъ раздѣтъ, какъ и мы, но босъ; на голой шеѣ висѣлъ у него амулетъ на цѣпочкѣ изъ человѣческихъ волосъ; вокругъ стана повязалъ онъ бѣлый передникъ, исчерченный таинственными знаками и символическими фигурами. Онъ сказалъ, чтобы мы взялись за руки и хранили глубокое молчаніе; а главное—никакъ не обращались съ вопросами къ видѣнію. Англичанина и меня (обоимъ намъ онъ, кажется, больше всего не довѣрялъ) попросилъ онъ скрестить и неподвижно держать на вершокъ надъ его головой двѣ обнаженныя шпаги во все время дѣйствія. Мы стояли полумѣсяцемъ вокругъ него; русскій офицеръ протѣснился къ англичанину и сталъ ближе всѣхъ къ алтарю. Обратясь лицомъ къ востоку, магикъ вступилъ на коверъ, окропилъ священной водой всѣ четыре стороны и трижды склонился надъ библіей. Минутъ шесть-семь длилось заклинаніе, въ которомъ мы ничего не поняли; окончивъ его, онъ далъ знакъ стоявшимъ около него крѣпко ухватиться за его волосы. Въ страшныхъ конвульсіяхъ онъ трижды назвалъ по имени покойника и въ третій разъ протянулъ руку къ распятію...

Вдругъ всѣ мы разомъ почувствовали какъ бы ударъ молніи, такъ что руки у насъ опустились; внезапный раскатъ грома потрясъ домъ, всѣ замки забренчали, всѣ двери захлопнулись, крышка сосуда упала, огонь погасъ, и на противоположной стѣнѣ, надъ каминомъ, показалась человѣческая фигура въ окровавленной рубашкѣ, блѣдная, съ лицомъ умирающаго.

— Кто призывалъ меня?—послышался глухой, едва внятный голосъ.

— Другъ твой,—отвѣчалъ заклинатель,—который чтитъ твою память и молится за твою душу.

И онъ назвалъ принца.

Отвѣты слѣдовали обыкновенно за очень длинными паузами.

— Что ему нужно?—продолжалъ голосъ.

— Онъ хочетъ услышать до конца твое признаніе, начатое тобою, но неоконченное въ этомъ мірѣ

— Въ одномъ монастырѣ на фландрской границѣ живетъ...

Тутъ домъ снова потрясся. Дверь сама собою распахнулась при сильномъ громовомъ ударѣ, молнія озарила комнату, и другой *тѣлесный* образъ, окровавленный и блѣдный, какъ и первый, но еще страшнѣе, появился на порогѣ. Спиртъ опять самъ собою запылалъ, и въ залѣ стало попрежнему свѣтло.

— Кто есть между нами?—воскликнулъ въ испугѣ магикъ и тревожнымъ взоромъ обвелъ собраніе:—тебя я не звалъ!

Видѣніе подошло величавымъ, тихимъ шагомъ прямо къ алтарю, встало на коверъ, противъ насъ, и взяло распятіе. Первой фигуры мы уже не видали.

— *Кто призывалъ меня?*—спросилъ этотъ второй призракъ.

Магикомъ овладѣлъ трепетъ. Страхъ и изумленіе оковали насъ. Я схватился за пистолетъ: магикъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и выстрѣлилъ въ видѣніе. Пуля тихо покатилась къ алтарю, и видѣніе показа-

лось безъ малѣйшаго измѣненія изъ дыма. Магикъ упалъ въ обморокъ.

— Что изъ этого выйдетъ?—вскричалъ въ изумленіи англичанинъ и хотѣлъ ударить видѣніе своею шпагой.

Видѣніе коснулось его руки—и шпага упала на полъ. Холодный потъ проступилъ у меня на лбу. Баронъ Ф. признался намъ потомъ, что шепталъ молитву. Принцъ все это время стоялъ безстрашно и спокойно, остановивъ пристальный взглядъ на видѣніи.

— Да, я узнаю тебя!—воскликнулъ онъ наконецъ въ волненіи:—ты Лануа, ты другъ мой... Откуда ты?

— Вѣчность нѣма. Спрашивай меня о прошедшей жизни.

— Кто живетъ въ монастырѣ, о которомъ ты говорилъ?

— Дочь моя.

— Какъ! Ты былъ отцомъ?

— Увы! я имъ не былъ!

— Ты несчастливъ, Лануа?

— Судъ Божій!

— Не могу ли я оказать тебѣ какой услуги на этомъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, если не будешь думать о себѣ.

— Какъ думать?

— Узнаешь въ Римѣ.

Тутъ раздался новый ударъ грома. Черное облако дыма наполнило комнату. Когда оно разсѣялось, видѣнія уже не было. Я распахнулъ окно. Было уже утро.

Магикъ пришелъ въ чувство.

— Гдѣ мы?—вскричалъ онъ, какъ увидѣлъ дневной свѣтъ.

Русскій офицеръ стоялъ какъ разъ за нимъ и смотрѣлъ черезъ его плечо.

— Фокусникъ!—сказалъ онъ, бросая на него ужасный взглядъ:—*теперь ужъ не станешь ты вызывать духовъ!*

Сициліанецъ поворотился, внимательнѣе взглянулъ ему въ лицо, громко вскрикнулъ и упалъ къ его ногамъ.

Тутъ и мы всѣ посмотрѣли на мнимаго русскаго. Принцъ безъ труда узналъ въ немъ черты своего армянина, и слово, которое онъ только что хотѣлъ пролепетать, замерло у него на языкѣ. Мы всѣ остолбенѣли отъ ужаса и изумленія. Безмолвно и неподвижно смотрѣли мы на это таинственное существо, прозрѣвавшее насъ насквозь взглядомъ тихой силы и величія. Минуту длилось это молчаніе—еще минуту. У всѣхъ замеръ духъ.

Нѣсколько сильныхъ ударовъ въ дверь возвратили намъ наконецъ сознаніе. Выломанная дверь упала въ залу, и въ нее вошли полицейскіе и солдаты.

— Вотъ они, и всѣ въ сборѣ!—крикнулъ предводитель ихъ и обратился къ своимъ спутникамъ.—Именемъ закона!—крикнулъ онъ намъ:—я арестую васъ.

Мы не успѣли одуматься, какъ насъ уже окружила стража. Русскій офицеръ, котораго я опять стану называть армяниномъ, отвелъ въ сторону предводителя сыщиковъ и, сколько могъ я замѣтить въ этой суматохѣ, шепнулъ ему что-то на-ухо и показалъ какую-то бумагу. Сыщикъ тотчасъ же отошелъ отъ него съ безмолвнымъ и почтительнымъ поклономъ, потомъ обратился къ намъ и снялъ шляпу.

— Извините меня, господа, — сказалъ онъ,—что я чуть не смѣшалъ васъ съ этимъ обманщикомъ. Не буду спрашивать, кто вы такіе, но по увѣренію этого господина — передо мною люди, достойные всякаго уваженія.

И онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ оставить насъ. Сициліанца велѣлъ онъ связать и хорошенько смотрѣть за нимъ.

— Давно пора взять этого молодца,— прибавилъ онъ. — Мы семь мѣсяцевъ его подстерегали.

Несчастный сициліанецъ представлялъ самый жалостный видъ. Онъ совсѣмъ растерялся отъ двойного ужаса, произведеннаго на него вторымъ видѣніемъ и неожиданнымъ арестомъ. Какъ дитя, позволилъ онъ связать себя; вытаращенные глаза его были неподвижны; лицо помертвѣло; по дрожащимъ губамъ пробѣгали легкія судороги; языкъ не издавалъ ни звука. Каждую минуту ждали мы, что онъ упадетъ на полъ въ конвульсіяхъ. Принцу стало жаль его, и онъ рѣшился замолвить о немъ слово полицейскому, причемъ сказалъ о себѣ, кто онъ такой.

— Да знаете ли вы, принцъ,—сказалъ ему полицейскій,—за какого человѣка заступаетесь вы такъ великодушно? Что онъ вздумалъ обмануть васъ—это еще наименьшее его преступленіе. У насъ въ рукахъ его помощники. Они разсказываютъ о немъ ужасныя вещи. Счастье еще его, если онъ однѣми галерами отдѣлается.

Между тѣмъ, мы увидѣли, что по двору ведутъ связанными и хозяина, и его челядинцевъ.

— И его взяли?—вскричалъ принцъ.— Да чѣмъ же онъ-то виноватъ?

— Онъ съ нимъ вмѣстѣ проказилъ и

укрывалъ его,—отвѣчалъ главный полицейскій: — помогалъ ему въ его фокусахъ и мошенничествахъ и дѣлилъ съ нимъ добычу. Ваша свѣтлость сейчасъ убѣдитесь въ этомъ.

Онъ обратился къ своимъ спутникамъ.

— Обыскать весь домъ и сейчасъ же донести мнѣ, что будетъ найдено!

Принцъ осмотрѣлся кругомъ, ища глазами армянина; но его уже не было тутъ. Ему удалось уйти незамѣтно посреди общаго замѣшательства, произведеннаго появленіемъ полиціи. Принцъ не могъ утѣшиться; онъ тотчасъ же хотѣлъ разослать за нимъ всѣхъ своихъ людей, хотѣлъ самъ отыскивать его и увлечь меня съ собой. Я поспѣшно подошелъ къ окну; весь домъ былъ окруженъ любопытными, которыхъ привлекла вѣсть о происшествіи. Невозможно было протѣсниться сквозь эту толпу. Я сказалъ это принцу.

— Если этому армянину непремѣнно нужно скрыться отъ насъ, то онъ, разумѣется, лучше насъ знаетъ всѣ лазейки, и сколько мы ни ищи, всѣ поиски наши будутъ напрасны. Лучше побудемъ покамѣстъ здѣсь, ваша свѣтлость. Можетъ быть мы узнаемъ о немъ больше отъ этого полицейскаго. Если я не ошибаюсь, вѣдь онъ открылся ему.

Тутъ мы вспомнили, что мы раздѣты. Мы поспѣшили въ свою комнату, чтобы наскоро одѣться. Когда мы воротились, обыскъ былъ уже конченъ.

Алтарь убрали и въ залѣ подняли полы. Тутъ открыли просторный сводъ, подъ которымъ удобно могъ сидѣть человѣкъ; отсюда маленькая дверь выходила въ узкую лѣстницу, сообщавшуюся съ погребомъ. Подъ этимъ сводомъ нашли электрическую машину, часы и небольшой серебряный колоколъ, который сообщался, какъ и электрическая машина, съ алтаремъ и съ утвержденнымъ на немъ распятіемъ. Въ оконномъ ставнѣ, помѣщенномъ прямо противъ камина, было сдѣлано отверстіе съ задвижкой, чтобы въ него можно было, какъ мы потомъ узнали, вставить волшебный фонарь, который и отразилъ на каменной стѣнѣ требуемую тѣнь; съ чердаковъ и изъ подвала принесли разные барабаны съ прикрѣпленными къ нимъ на шнуркахъ большими свинцовыми пулями, вѣроятно для произведенія грома, который мы слышали. Въ карманахъ сициліанца нашли разные порошки въ коробочкѣ, ртуть въ склянкахъ и баночкахъ, фосфоръ въ стеклянной бутылочкѣ, перстень, оказавшійся магнитнымъ: онъ повисъ на стальной пуговицѣ, къ которой поднесли его; при магикѣ были, кромѣ того, четки, накладная борода, карманные пистолеты и кинжалъ.

— Посмотримъ, заряжены ли,—сказалъ кто-то изъ полицейскихъ, взялъ одинъ изъ пистолетовъ и выстрѣлилъ за каминъ.

— Боже милостивый!—послышался глухой человѣческій голосъ, тотъ самый, какимъ говорило первое видѣніе.

И въ ту же минуту изъ трубы показалось окровавленное тѣло.

— Ты все еще не на отдыхѣ, бѣдный духъ?—воскликнулъ англичанинъ, а мы всѣ отступили въ ужасѣ.—Иди домой—въ свою могилу. Ты казался тѣмъ, чѣмъ не былъ, ты будешь, чѣмъ казался.

— Боже милостивый! я раненъ!—повторялъ человѣкъ въ каминѣ.

Пуля раздробила ему правую ногу. Рану ему тотчасъ же перевязали.

— Да кто ты такой, и какой злой демонъ привелъ тебя сюда?

— Я бѣдный нищій, — отвѣчалъ раненый.—Незнакомый господинъ предложилъ мнѣ цехинъ, чтобы я...

— Произнесъ формулу. Да отчего жъ ты не ушелъ отсюда тотчасъ же?

— Онъ хотѣлъ дать мнѣ знакъ, когда уходить; знака я не дождался, а какъ вздумалъ выбраться, лѣстницы то и не было.

— Ну, а какой формулѣ онъ тебя научилъ?

Тутъ съ нимъ сдѣлался обморокъ и ужъ нечего было разспрашивать его. Между тѣмъ принцъ обратился къ главному полицейскому.

— Вы помогли намъ,—сказалъ онъ всовывая ему въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ:—вы спасли насъ отъ обманщика и оказали намъ справедливость, не зная насъ. Вы бы насъ вполнѣ обязали, если бъ открыли намъ, кто этотъ незнакомецъ, которому стоило сказать два слова, чтобы освободить насъ?

— О комъ вы говорите?—спросилъ полицейскій; но по выраженію лица его было видно, что онъ спрашиваетъ о томъ, что знаетъ.

— Я говорю о господинѣ въ русскомъ мундирѣ, который отвелъ васъ давеча въ сторону, показалъ какую-то бумагу и сказалъ нѣсколько словъ на-ухо, послѣ чего вы тотчасъ же оставили насъ.

— Такъ вы не знаете этого господина?—спросилъ опять полицейскій. — Развѣ онъ былъ не съ вами въ компаніи?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ принцъ,—и очень важныя причины заставляютъ меня желать познакомиться съ нимъ ближе.

— Ближе,—сказалъ полицейскій,—и я его не знаю. Самое имя его мнѣ неизвѣстно, и я видѣлъ его сегодня въ первый разъ въ моей жизни.

— Какъ! И въ самое короткое время, нѣсколькими словами могъ онъ заставить васъ признать и его, и всѣхъ насъ невинными?

— Да, однимъ словомъ.

— Какое жъ это слово?.. Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы знать его.

— Этотъ незнакомецъ... (И онъ взвѣсилъ на рукѣ цехины). Вы очень великодушны, и я не могу таить отъ васъ... Этотъ незнакомецъ—членъ инквизиціи.

— Инквизиціи!.. Онъ!..

— Да, въ этомъ убѣдила меня показанная имъ бумага.

— Этотъ человѣкъ, говорите вы. Невозможно!

— Скажу вамъ болѣе: по его-то доносу и присланъ я сюда арестовать заклинателя духовъ.

Мы переглянулись въ еще большемъ изумленіи.

— Такъ вотъ отчего,—вскричалъ наконецъ англичанинъ:—вотъ отчего бѣднягазаклинатель такъ всполошился, какъ разглядѣлъ его. Онъ узналъ въ немъ шпіона и потому такъ завопилъ и кинулся къ его ногамъ...

— Вовсе нѣтъ!—сказалъ принцъ.—Этотъ человѣкъ—все, чѣмъ только захочетъ быть, и все, чѣмъ нужно ему быть въ данную минуту. Что онъ въ самомъ дѣлѣ—не узналъ еще ни одинъ смертный. Видѣли ли вы, какъ дрогнулъ сициліанецъ, когда онъ крикнулъ ему: „Ты ужъ не станешь вызывать духовъ!“ Тутъ было что-то необыкновенное. Никто не увѣритъ меня, что можно такъ ужаснуться отъ человѣческихъ словъ.

— Это намъ лучше всего можетъ разъяснить самъ магикъ,—сказалъ лордъ—если этотъ господинъ (онъ обратился къ предводителю полицейскихъ) дастъ намъ случай поговорить съ своимъ плѣнникомъ.

Полицейскій обѣщалъ, и мы сговорились съ англичаниномъ отправиться къ нему на слѣдующее же утро. Теперь же была пора воротиться въ Венецію.

Чуть свѣтъ явился лордъ Сеймуръ (такъ звали англичанина), да вскорѣ потомъ пришло и довѣренное лицо отъ полицейскаго, чтобы сводить насъ въ тюрьму. Я забылъ, разсказать, что принцъ уже нѣсколько дней не видалъ около себя одного изъ своихъ егерей, родомъ бременца, честно служившаго ему много лѣтъ и пользовавшагося полнымъ его довѣріемъ. Никто не зналъ, что съ нимъ случилось—несчастье ли какое, или его похитили, или же онъ бѣжалъ. Предполагать послѣднее не было вѣроятной причины; онъ всегда былъ смирнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, и за нимъ не знали никакихъ пороковъ. Товарищи его могли припомнить только, что онъ былъ въ послѣднее время очень мраченъ и задумчивъ и, какъ лишь могъ удосужиться, отправлялся въ одинъ миноритскій монастырь въ Джудеккѣ, гдѣ у него были знакомые въ числѣ братіи. Это навело насъ на мысль, не попалъ ли онъ въ руки поповъ и не обратился ли въ католичество. У принца было въ то время много терпимости и индеферентизма относительно религіозныхъ убѣжденій, и онъ успокоился на этой мысли послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ розысковъ. Тѣмъ не менѣе его огорчала потеря этого человѣка, бывшаго постоянно при немъ въ его походахъ, всегда вѣрно ему служившаго, преданнаго и трудно замѣнимаго на чужой сторонѣ. Въ этотъ день, въ ту минуту, какъ мы уже совсѣмъ собрались выйти изъ дому, принцу доложили о приходѣ его банкира, которому онъ поручилъ постараться пріискать ему другого слугу. Банкиръ представилъ принцу порядочнаго съ-виду и хорошо одѣтаго человѣка среднихъ лѣтъ, бывшаго долго секретаремъ у одного прокурора; онъ говорилъ по-французски и немного по-нѣмецки и былъ хорошо аттестованъ. Принцу понравилась его физіономія, и его тотчасъ же приняли, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ, что принцъ можетъ назначить ему жалованье сообразно со степенью довольства его службой.

Мы нашли сициліанца въ предварительной тюрьмѣ, куда, какъ сообщилъ намъ полицейскій служитель, его пересадили на время, ради желанія принца видѣться съ нимъ, но что потомъ его засадятъ подъ свинцовую кровлю, гдѣ ужъ не будетъ къ нему доступа. Эта свинцовая кровля—ужаснѣйшая венеціанская тюрьма подъ крышей дворца Св. Марка, гдѣ несчастные преступники страждутъ часто до потери разсудка отъ солнечнаго зноя, раскаляющаго свинцовую поверхность кровли. Сициліанецъ оправился уже послѣ вчерашняго происшествія и почтительно всталъ, увидавъ

принца. Одна нога и одна рука были у него скованы; но онъ могъ свободно расхаживать по комнатѣ. Только что мы вошли, стража отъ дверей удалилась.

— Я пришелъ,—сказалъ принцъ,—попросить у васъ объясненія на два пункта. Объясненіе одного пункта осталось за вами въ долгу, да и относительно другого вамъ не будетъ бѣды объясниться.

— Я отыгралъ свою роль,—возразилъ сициліанецъ,—и судьба моя у васъ въ рукахъ.

— Только ваша откровенность можетъ ее облегчить.

— Спрашивайте. Я готовъ отвѣчать, потому что мнѣ уже нечего терять.

— Вы показали мнѣ въ зеркало лицо армянина. Какъ сдѣлали вы это?

— Это было не зеркало. Васъ ввелъ въ обманъ просто пастельный рисунокъ за стекломъ, изображавшій человѣка въ армянскомъ костюмѣ. Мое проворство, сумракъ, ваше изумленіе подкрѣпили обманъ. Картинка вѣрно найдется въ числѣ другихъ вещей, отобранныхъ у меня въ гостинницѣ.

— Но какъ могли вы такъ хорошо узнать мои мысли и указать именно на армянина?

— Это было вовсе не трудно. Вы, вѣроятно, не разъ говорили за столомъ, при вашей прислугѣ, о встрѣчѣ вашей съ этимъ армяниномъ. Одинъ изъ моихъ людей случайно познакомился въ Джудеккѣ съ вашимъ егеремъ и мало-по-малу узналъ отъ него все, что было мнѣ нужно.

— Гдѣ этотъ егерь?—спросилъ принцъ.— Онъ исчезъ, и вы навѣрное знаете, куда онъ дѣлся.

— Клянусь, что рѣшительно не знаю. Самъ я никогда его не видалъ и, кромѣ сказаннаго, не входилъ ни въ какія съ нимъ отношенія.

— Продолжайте,—сказалъ принцъ.

— Этимъ путемъ добрался я до перваго свѣдѣнія о вашемъ пребываніи и о вашихъ приключеніяхъ въ Венеціи и тотчасъ же рѣшился воспользоваться ими. Видите ли, какъ я откровененъ! Я зналъ, что вы затѣяли прогулку по Брентѣ, я построилъ на этомъ свой разсчетъ, и только что оброненный

вами ключъ далъ мнѣ первую возможность попробовать на васъ мое искусство.

— Какъ! Такъ я ошибся? Штука съ ключомъ—ваше дѣло, а не армянина? Вы говорите: ключъ я обронилъ?

— Да, когда вынимали кошелекъ—и я воспользовался минутой, когда никто не смотрѣлъ на меня, чтобы быстро прикрыть его ногой. Человѣкъ, у котораго вы взяли лотерейные билеты, былъ со мною въ стачкѣ. Вы брали билетъ изъ ящика, гдѣ не было проигрышей, и ключъ лежалъ въ табакеркѣ, прежде чѣмъ вы ее выиграли.

— Теперь понимаю. А босоногій монахъ, что кинулся мнѣ поперекъ дороги съ такими торжественными восклицаніями?

— Былъ тотъ самый человѣкъ, котораго, какъ я слышалъ, вытащили раненаго изъ камина. Это одинъ изъ моихъ товарищей, уже не разъ оказавшій мнѣ большія услуги подъ этой одеждой.

— Но изъ-за чего вы затѣяли все это?

— Чтобы заставить васъ задуматься—чтобы привести васъ въ такое душевное состояніе, при которомъ вы могли бы поддаться вліянію чудеснаго, задуманнаго мною.

— Но пантомимная пляска, принявшая такой странный, поразительный оборотъ... Неужто и это ваше изобрѣтеніе?

— Дѣвушка, представлявшая королеву, была научена мною, и вся роль ея—мое дѣло. Я предполагалъ, что ваша свѣтлость не мало удивитесь, увидавъ, что васъ знаютъ въ такомъ мѣстѣ, и притомъ—простите меня, принцъ!—приключеніе съ армяниномъ подавало мнѣ надежду, что вы уже подготовлены къ тому, чтобы пренебречь натуральными соображеніями и устремиться за отвѣтомъ къ высшимъ источникамъ сверхъестественнаго.

— Вы правы,—сказалъ принцъ съ нѣкоторой досадой и съ удивленіемъ и значительно взглянулъ на меня.—Да!—воскликнулъ онъ:—этого я не ожидалъ! [1]).

— Но,—продолжалъ принцъ послѣ долгаго молчанія,—какъ произвели вы видѣніе, явившееся на каменной стѣнѣ?

— Посредствомъ волшебнаго фонаря, приложеннаго къ противуположному ставню, въ которомъ вы, вѣрно, замѣтили и сдѣланное для этого отверстіе.

— Да какимъ же образомъ никто изъ насъ этого не замѣтилъ въ то время?—спросилъ лордъ Сеймуръ.

— Вы забываете, что вся зала была погружена во мракъ отъ густого дыма ладана, когда вы вошли. Къ тому жъ я изъ предосторожности велѣлъ приставить поднятые въ комнатѣ полы именно къ тому окну, въ которомъ была утверждена laterna magica; это помѣшало вамъ обратить вниманіе на ставень. Впрочемъ, фонарь былъ заслоненъ задвижкой до тѣхъ поръ, пока вы всѣ не заняли своихъ мѣстъ, и уже нечего было опасаться, что вы станете осматривать залу.

— Мнѣ показалось,—замѣтилъ я,—будто вблизи этой залы приставляли куда-то лѣстницу, въ то время, какъ я смотрѣлъ изъ окна въ другомъ павильонѣ. Было ли это въ самомъ дѣлѣ?

— Да, это была лѣстница, по которой мой помощникъ взобрался къ окну, чтобы управлять волшебнымъ фонаремъ.

— Въ фигурѣ, продолжалъ принцъ,—какъ мнѣ показалось, было дѣйствительно нѣкоторое сходство съ моимъ покойнымъ другомъ; главная особенность его была сохранена—свѣтлые бѣлокурые волосы. Случайность это, или вы почерпнули откуда-нибудь свѣдѣнія объ этомъ?

— Ваша свѣтлость, можетъ быть, не забыли, что за столомъ около васъ лежала табакерка съ финифтянымъ портретомъ офицера въ **скомъ мундирѣ. Я спросилъ васъ, нѣтъ ли при васъ чего на память о вашемъ другѣ? Вы отвѣчали утвердительно; изъ этого я заключилъ, что можетъ быть это—табакерка. Я хорошо разсмотрѣлъ пор-

---

[1]) Да, вѣроятно, не ожидала большая часть моихъ читателей. Эта корона, такъ неожиданно и такъ торжественно положенная къ ногамъ принца, и предшествовавшее этому случаю пророчество армянина представляются такъ естественно и безъ всякой натяжки фактами, подготовленными къ извѣстной цѣли, что мнѣ, при первомъ чтеніи этихъ записокъ, невольно пришло на память коварное привѣтствіе вѣдьмъ въ «Макбетѣ»: *Слава тебѣ, гламисскій танъ! быть тебѣ королемъ!* Вѣроятно, и многимъ пришло это на умъ. Стоитъ какому бы то ни было представленію сообщиться душѣ торжественнымъ и необыкновеннымъ образомъ, чтобы ужъ потомъ непремѣнно всѣ слѣдующія представленія, хотя бы весьма мало относящіяся къ первому, примыкали къ нему и становились въ извѣстныя отношенія съ нимъ. Сициліанецъ, повидимому, всею своей продѣлкой хотѣлъ ни больше ни меньше, какъ удивить принца тѣмъ, что санъ его открытъ, а между тѣмъ онъ, самъ того не подозрѣвая, дѣйствовалъ, какъ бы продолжая дѣло армянина. Какъ ни много отнимается интереса отъ этого случая простымъ объясненіемъ, не открывающимъ въ немъ никакой высшей цѣли, ради которой, какъ сначала кажется, онъ произошелъ,—я не смѣю нарушить исторической истины и разсказываю фактъ такъ, какъ нашелъ его въ бумагахъ графа О**. *Примѣчаніе Шиллера*

третъ за столомъ; рисую я не дурно и хорошо схватываю лица, и мнѣ было не трудно придать фигурѣ замѣченное вами сходство, тѣмъ болѣе, что черты маркиза очень характерны.

— Но фигура, казалось, двигалась...

— Да, такъ казалось; но двигалась не она, а дымъ, озаренный ея свѣтомъ.

— И человѣкъ, сидѣвшій въ трубѣ, отвѣчалъ за нее?

— Да.

— Но вѣдь онъ не могъ слышать хорошенько вопросовъ.

— Да это и не нужно было. Вы помните, принцъ, что я строго запретилъ всѣмъ вамъ обращаться къ призраку съ вопросами самимъ. Мы заранѣе сговорились, что я буду спрашивать и что онъ долженъ отвѣчать; а чтобъ не вышло какого замѣшательства, я велѣлъ ему отвѣчать чрезъ большіе промежутки, считая время по стуку часоваго маятника.

— Вы приказали хозяину тщательно залить водой всѣ огни въ домѣ; безъ сомнѣнія, вы хотѣли...

— Обезопасить моего помощника отъ удушенія въ каминѣ, такъ какъ трубы въ домѣ соединены между собой, и я не былъ въ нихъ увѣренъ.

— Но какъ же вы сдѣлали,—спросилъ лордъ Сеймуръ,—что вашъ духъ явился въ комнатѣ ни раньше, ни позже, чѣмъ вамъ было нужно?

— Духъ мой былъ уже въ комнатѣ, прежде чѣмъ я его вызвалъ; но пока горѣлъ спиртъ, нельзя было видѣть этого слабаго отраженія. Когда я кончилъ формулу заклинанія, я закрылъ сосудъ, въ которомъ горѣлъ спиртъ; въ залѣ воцарился мракъ, и тутъ только можно было замѣтить фигуру на стѣнѣ, давно уже отражавшуюся на ней.

— Но въ ту самую минуту, какъ явился духъ, всѣ мы почувствовали электрическій ударъ. Какъ произвели вы его?

— Вы открыли машину подъ алтаремъ. Видѣли и то, что я стоялъ на шелковомъ коврѣ. Я поставилъ васъ около себя полукружіемъ и сказалъ, чтобъ вы взялись за руки; когда было нужно, я далъ знакъ одному изъ васъ, чтобы онъ взялъ меня за волосы. Серебряное распятіе было проводникомъ, и вы почувствовали ударъ, когда я коснулся до него рукой.

— Вы велѣли мнѣ и графу О**, — сказалъ лордъ Сеймуръ,—скрестить надъ вами двѣ обнаженныя шпаги и держать ихъ надъ вами все время, пока продлится заклинаніе. Къ чему было это нужно?

— Ни для чего болѣе, какъ занять васъ во все продолженіе акта, потому что я вамъ всего менѣе довѣрялъ. Вы припомните, что я сказалъ вамъ, чтобы вы держали шпаги непремѣнно на вершокъ отъ моей головы; не выпуская изъ виду этого предостереженія, вы не могли обратить глазъ туда, куда я не хотѣлъ. Сильнѣйшаго врага своего въ это время я еще не замѣтилъ.

— Я долженъ признаться,—воскликнулъ лордъ Сеймуръ,—что вы дѣйствовали предусмотрительно! Но зачѣмъ было намъ раздѣваться?

— Только, чтобъ придать всему происшествію болѣе торжественности и еще болѣе распалить ваше воображеніе необыкновеннымъ.

— Второе видѣніе не дало продолжать вашему духу,—сказалъ принцъ.—Что должны мы были узнать онъ него?

— Почти то же, что вы услыхали потомъ. Я не безъ цѣли спросилъ вашу свѣтлость, все ли вы мнѣ сказали, что слышали отъ умирающаго, и не производили ли дальнѣйшихъ розысковъ о немъ на его родинѣ; я считалъ это необходимымъ, чтобы какой-нибудь неизвѣстный фактъ не противорѣчилъ изреченіямъ моего духа. Я спросилъ, намекая на извѣстные грѣшки юности, какъ велъ себя покойный, и на вашемъ отвѣтѣ основалъ свое изобрѣтеніе.

— На все это,—началъ принцъ послѣ нѣкотораго молчанія,—дали вы мнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы объяснили главное обстоятельство.

— Если это въ моей власти и...

— Безъ условій! Правосудіе, въ руки котораго вы попались, не стало бы спрашивать васъ такъ кротко. Кто этотъ незнакомецъ, къ ногамъ котораго вы упали? Что знаете вы о немъ? Гдѣ познакомились съ нимъ? Откуда и какъ явилось второе видѣніе?

— Принцъ...

— Взглянувъ внимательнѣе ему въ лицо, вы издали громкій крикъ и упали на полъ. Отчего? Что это значитъ?

— Этотъ незнакомецъ, принцъ...

Онъ остановился, сталъ замѣтно безпокойнѣе и смущеннымъ взоромъ оглядывалъ всѣхъ насъ.

— Да, видитъ Богъ! этотъ незнакомецъ, принцъ,—страшное существо.

— Что знаете вы о немъ? Въ какихъ

онъ къ вамъ отношеніяхъ?—Не надѣйтесь утаить отъ насъ истину.

— О! это невозможно... Кто поручится мнѣ, что онъ въ эту минуту не между нами?

— Гдѣ? кто?—вскричали мы всѣ разомъ, и осмотрѣлись въ комнатѣ и съ улыбкой, и со страхомъ.—Какъ это можетъ быть?

— О! этому человѣку—или кто бы онъ ни былъ—возможны вещи, которыя еще непостижимѣе.

— Да кто же онъ такой? Откуда родомъ? Армянинъ или русскій? Что правда въ томъ, за что онъ выдаетъ себя?

— Онъ вовсе не то, чѣмъ кажется. Едва ли есть сословіе или нація, въ маскѣ которыхъ онъ не явился бы. Кто онъ? откуда? куда его путь?—никто не знаетъ. Многіе говорятъ, что онъ долго былъ въ Египтѣ и добылъ тамъ изъ какой-то катакомбы свою таинственную мудрость; этого я не стану ни утверждать, ни отрицать. У насъ извѣстенъ онъ лишь подъ именемъ *непостижимаго*. Напримѣръ, какъ по вашему мнѣнію—какихъ онъ лѣтъ?

— Судя по наружности, ему не больше сорока.

— А какъ вы думаете, сколько лѣтъ мнѣ?

— Вамъ подъ-пятьдесятъ.

— Вы угадали. Но что вы вотъ на это скажете? Я былъ еще семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда дѣдушка мой разсказывалъ мнѣ объ этомъ чудномъ человѣкѣ: онъ видѣлъ его въ Фамагустѣ въ такомъ же почти возрастѣ, въ какомъ является онъ намъ теперь.

— Это смѣшно, невѣроятно и преувеличено.

— Ни на волосъ. Не держи меня эти оковы, я привелъ бы вамъ свидѣтелей, почтенный видъ которыхъ не оставилъ бы въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Достойные всякаго вѣроятія люди вспоминаютъ, что видѣли его въ одно время въ разныхъ частяхъ свѣта. Нѣтъ клинка, которымъ можно бы пронзить его; нѣтъ яду, властнаго надъ нимъ; онъ не горитъ въ огнѣ; сядь онъ на корабль—и корабль несокрушимъ. Самое время какъ-будто утратило надъ нимъ свою власть; года идутъ, не изсушая его соковъ, и старость не можетъ убѣлить ему волосъ. Никто не видалъ, чтобы онъ ѣлъ, никогда не прикасался онъ къ женщинѣ; глаза его не знаютъ сна; изъ всѣхъ часовъ дня есть лишь одинъ, надъ которымъ онъ не властенъ, и въ этотъ часъ никто не видалъ его, въ этотъ часъ не брался онъ ни за какое земное дѣло.

— Вотъ какъ!—сказалъ принцъ:—который же это часъ?

— Двѣнадцатый часъ ночи. Какъ только прозвучитъ двѣнадцатый ударъ часовъ, онъ уже не принадлежитъ къ живущимъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ долженъ удалиться; что бы ни дѣлалъ, долженъ оставить свое дѣло. Этотъ ужасный ударъ колокола вырываетъ его изъ объятій дружбы, отторгаетъ его даже отъ алтаря и вызвалъ бы его изъ смертной борьбы. Никто не знаетъ, куда онъ тогда уходитъ и что дѣлаетъ. Никто не смѣетъ спросить его объ этомъ, тѣмъ болѣе — слѣдовать за нимъ; лишь только пробьетъ этотъ роковой часъ, всѣ черты лица его вдругъ принимаютъ такой мрачный и грозный характеръ, что ни у кого не хватаетъ духа взглянуть ему въ лицо или заговорить съ нимъ. Глубокое, мертвое безмолвіе прерываетъ тогда вдругъ самый оживленный разговоръ, и всѣ, окружающіе его, ожидаютъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ его возврата, не рѣшаясь даже подняться съ мѣста или отворить дверь, въ которую онъ вышелъ.

— А замѣтно въ немъ что-нибудь необыкновенное, когда онъ возвращается?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Нѣтъ, онъ только блѣденъ и какъ-будто усталъ, словно человѣкъ, вынесшій мучительную операцію или пораженный ужасной вѣстью. Нѣкоторые утверждаютъ, что видѣли капли крови на его рубашкѣ; но я за это не ручаюсь.

— По крайней мѣрѣ не пытался ли кто-нибудь скрыть отъ него этотъ часъ, или такъ развлечь его, чтобы онъ о немъ не вспомнилъ?

— Однажды, говорятъ, онъ пропустилъ срокъ, лишь однажды. Онъ былъ въ многочисленномъ обществѣ, позднимъ вечеромъ; всѣ часы были нарочно переставлены, и онъ увлекся пыломъ разговора. Когда насталъ роковой часъ, онъ внезапно смолкъ и оцѣпенѣлъ; всѣ члены его остались въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ этотъ роковой часъ, глаза остановились, пульсъ пересталъ биться; всѣ средства привести его въ чувство оказались напрасными, и онъ оставался въ этомъ состояніи, пока не прошелъ часъ. Тутъ онъ снова внезапно ожилъ, открылъ глаза и продолжалъ рѣчь съ того слова, на которомъ она прервалась. Всеобщее изумленіе обли-

чило ему все происшедшее ,и онъ сказалъ съ грозной важностью, что счастье еще его собесѣдникамъ, что они отдѣлались однимъ страхомъ. Но городъ, гдѣ случилось это съ нимъ, покинулъ онъ въ тотъ же вечеръ—и навсегда. Вообще думаютъ, что въ этотъ таинственный часъ онъ ведетъ переговоры съ своимъ геніемъ. Нѣкоторые полагаютъ даже, что онъ мертвецъ, которому дано вращаться въ теченіе двадцати трехъ часовъ въ день въ средѣ живыхъ людей; но на одинъ часъ душа его должна возвращаться въ подземный міръ и являться тамъ на судъ. Многіе также считаютъ его знаменитымъ Аполлоніемъ Тіанскимъ; а есть и такіе, что говорятъ, будто онъ ученикъ Іоанна, о которомъ сказано, что онъ долженъ остаться въ живыхъ до страшнаго суда.

— Конечно, не можетъ быть, чтобы такой необыкновенный человѣкъ не возбуждалъ странныхъ толковъ. Но все, что вы сказали теперь, основывается только на слухахъ, а между тѣмъ его обращеніе съ вами и ваше съ нимъ обличали, какъ мнѣ показалось, болѣе близкое знакомство. Не было ли какой особенной исторіи, въ которую были замѣшаны вмѣстѣ съ нимъ и вы сами? Не скрывайте отъ насъ ничего!

Сициліанецъ смотрѣлъ на насъ съ сомнѣніемъ и молчалъ.

— Если дѣло касается отношеній,—продолжалъ принцъ,—которымъ вы не желали бы давать гласность, то я могу увѣрить васъ, отъ имени обоихъ этихъ господъ, въ самомъ ненарушимомъ безмолвіи. Только говорите откровенно и безъ утайки.

— Такъ какъ вы обѣщаете мнѣ,—началъ, наконецъ, сициліанецъ послѣ продолжительнаго молчанія,—не употреблять во зло моей откровенности, то я разскажу вамъ замѣчательное происшествіе съ этимъ армяниномъ. Я былъ очевидцемъ этого происшествія, и оно не оставитъ въ васъ никакого сомнѣнія относительно таинственнаго могущества этого человѣка. Прошу объ одномъ,—прибавилъ онъ:—позвольте мнѣ не называть нѣкоторыхъ именъ.

— Будто это условіе необходимо?

— Да, принцъ: тутъ замѣшана фамилія, которой я обязанъ уваженіемъ.

— Разказывайте!—сказалъ принцъ.

— Лѣтъ пять тому,—началъ сициліанецъ,—въ Неаполѣ, гдѣ я довольно удачно занимался своимъ искусствомъ, познакомился я съ Лоренцо дель М**нте, кавалеромъ ордена Св. Стефана, молодымъ и богатымъ синьоромъ, который принадлежалъ къ одному изъ первыхъ домовъ въ королевствѣ. Онъ осыпалъ меня милостями и, казалось, чувствовалъ большое уваженіе къ моимъ тайнамъ. Онъ открылъ мнѣ, что маркизъ дель М**нте, его отецъ, горячій поклонникъ кабалистики, и что онъ былъ бы очень счастливъ увидать въ своемъ домѣ мудреца (такъ называлъ онъ меня). Старикъ жилъ въ одной изъ своихъ приморскихъ виллъ, миляхъ въ семи отъ Неаполя; почти въ совершенномъ отчужденіи отъ людей оплакивалъ онъ тамъ утрату любимаго сына, отнятаго у него ужасною судьбою. Лоренцо намекнулъ мнѣ, что и онъ и семейство его могутъ даже имѣть серьезную надобность въ моихъ таинственныхъ знаніяхъ: можетъ быть они рѣшили бы нѣчто, оставшееся непроницаемымъ для всѣхъ естественныхъ средствъ. Лоренцо прибавлялъ къ этому многозначительно, что въ особенности онъ будетъ, можетъ быть, имѣть со временемъ поводъ считать меня виновникомъ своего спокойствія и счастія всей своей жизни. Дѣло было вотъ въ чемъ. Этотъ Лоренцо былъ младшій сынъ маркиза, почему и предназначался въ духовное званіе; родовыя имѣнія должны были достаться его старшему брату. Іеронимо (такъ звали его брата) провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ и возвратился на родину лѣтъ за семь до происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, чтобы вступить въ бракъ съ единственною отраслью одного сосѣдняго графскаго дома, именно К**тти. Союзъ этотъ былъ условленъ обоими домами еще при рожденіи дѣтей, съ цѣлью соединить ихъ значительныя богатства. Хотя союзъ этотъ и былъ лишь дѣломъ родительскаго соглашенія и при выборѣ никто не спросилъ совѣта у сердца обрученныхъ, тѣмъ не менѣе они и сами тайно поклялись другъ другу соединиться. Іеронимо дель М**нте и Антонія К**тти воспитывались вмѣстѣ; на дѣтей съ раннихъ лѣтъ смотрѣли, какъ на жениха съ невѣстой, и обращеніе ихъ между собой ничѣмъ не было стѣсняемо. Это рано развило въ нихъ нѣжную склонность другъ къ другу, которую еще болѣе скрѣпило сходство характеровъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ она незамѣтно превратилась въ любовь. Четырехлѣтняя разлука не только не охладила, а скорѣе распалила ее, и Іеронимо съ такой вѣрностью и съ такимъ пыломъ возвратился въ объятія невѣсты, какъ будто и не разставался съ нею.

„Восторги свиданія не успѣли еще пройти, и кипѣли приготовленія къ свадьбѣ,

какъ вдругъ женихъ — исчезъ. Не разъ проводилъ онъ цѣлые вечера на одной приморской виллѣ и любилъ тогда покататься по морю. Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ онъ особенно долго не являлся. За нимъ разослали гонцовъ; лодки отыскивали его въ морѣ; никто его не видалъ; слуги его были всѣ дома, стало быть онъ никого не взялъ съ собой. Наступила ночь, а онъ не возвращался. Наступило утро, полдень и вечеръ—Іеронимо все нѣтъ. Ужъ какихъ ужасныхъ предположеній ни дѣлали! Вдругъ узнаютъ, что наканунѣ къ берегу приставало алжирское корсарское судно и нѣсколько прибрежныхъ жителей взято въ плѣнъ. Тотчасъ же снаряжаютъ двѣ готовыя уже къ пути галеры; на одну садится старый маркизъ, рѣшившись освободить сына, съ опасностью собственной жизни. На третье утро видятъ они разбойничье судно, передъ которымъ у нихъ было преимущество въ болѣе счастливомъ вѣтрѣ; скоро догоняютъ они его; вотъ уже они такъ близко, что Лоренцо, находящійся на первой галерѣ, видитъ какъ будто брата на палубѣ вражескаго корабля; вдругъ буря— и они опять теряютъ другъ друга изъ виду. Съ трудомъ выдерживаютъ ее поврежденныя галеры; добыча ушла у нихъ, и имъ приходится поневолѣ пристать къ Мальтѣ. Вся семья въ неописанномъ горѣ; старый маркизъ рветъ въ отчаяніи свои сѣдые волосы; всѣ опасаются за жизнь молодой графини.

„Пять лѣтъ проходитъ въ безплодныхъ поискахъ. Вдоль всего варварійскаго берега наводятся справки; за освобожденіе молодого маркиза предлагаютъ несмѣтныя суммы, но не отыскивается ни одного охотника обогатиться. Наконецъ, всѣ остановились на очень вѣроятномъ предположеніи, что буря, разлучившая оба судна, разбила корсарскій корабль, и что весь экипажъ его потонулъ.

„Какъ ни правдоподобно было это предположеніе, все же оно не имѣло цѣны достовѣрнаго факта, и ничто не заставляло совершенно покинуть надежду на возвращеніе Іеронимо. Предположите теперь, что онъ не возвратился: съ нимъ угасаетъ фамилія, или другой братъ его долженъ отказаться отъ духовнаго поприща и вступить во всѣ права первороженнаго. Какъ ни несправедливо, казалось, было бы это въ отношеніи къ старшему, фамилія не могла подвергнуть себя опасности прекратиться изъ излишней добросовѣстности. Горе и старость приближали стараго маркиза къ могилѣ; съ каждой неудачной попыткой все болѣе терялъ онъ надежду увидать опять пропавшаго сына; онъ видѣлъ погибель своего дома, которую можно бы отстранить небольшою несправедливостью, если бъ только онъ рѣшился осчастливить младшаго сына въ ущербъ старшему. Чтобы исполнить обязательство къ графскому дому К**тти, стоило только перемѣнить имя; цѣль обѣихъ фамилій достигалась одинаково, за кого бы ни вышла Антонія—за Лоренцо или за Іеронимо. Слабая *возможность* возвращенія Іеронимо не могла имѣть значенія передъ *вѣрной* и неизбѣжной опасностью, совершеннымъ исчезновеніемъ фамиліи, и старый маркизъ, чувствуя съ каждымъ днемъ сильнѣе близость смерти, нетерпѣливо желалъ умереть хоть безъ *этой* заботы.

„Болѣе всѣхъ отклонялъ и упорнѣе всѣхъ оспаривалъ этотъ шагъ именно тотъ, кто больше всѣхъ при немъ выигрывалъ— Лоренцо. Его не прельщали несчетныя богатства; онъ былъ нечувствителенъ даже къ обладанію прелестнѣйшимъ существомъ, которое должно было перейти въ его объятія, и съ великодушнѣйшей добросовѣстностью отказывался отнять все у брата: вѣдь онъ можетъ быть еще живъ и со временемъ потребуетъ обратно свою собственность.

„— Судьба моего дорогого Іеронимо,— говорилъ онъ,—и безъ того ужасна; сколько лѣтъ невольничества! А я еще болѣе омрачу ее, лишая его всего, что ему дорого въ этомъ мірѣ! Какъ стану я молить Небо о его возвращеніи, когда жена его будетъ лежать въ моихъ объятіяхъ? Какъ поспѣшу къ нему навстрѣчу, если наконецъ какое-нибудь чудо возвратитъ его намъ? Положимъ, что судьба навѣки отняла его у насъ; чѣмъ намъ лучше почтить его, какъ не оставивъ навѣки незанятымъ то мѣсто, которое смерть его сдѣлала пустымъ въ нашемъ кругу? Не лучше ли будетъ принесть въ жертву на его могилѣ всѣ наши надежды и оставить неприкосновеннымъ, какъ святыню, все, что принадлежало ему?

„Но никакіе доводы, изобрѣтаемые братскою деликатностью, не могли примирить стараго маркиза съ мыслью, что онъ увидитъ конецъ рода, процвѣтавшаго почти девять столѣтій. Лоренцо успѣлъ склонить его лишь на одну уступку: далъ ему еще два года сроку, прежде чѣмъ онъ поведетъ къ алтарю невѣсту своего брата. Въ про-

долженіе этого времени неусыпно продолжались розыски. Самъ Лоренцо сдѣлалъ нѣсколько морскихъ путешествій, и самъ подвергался не разъ опасностямъ; онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, только бы отыскать пропавшаго. Но эти два года, какъ предшествовавшіе, прошли безплодно".

— А графиня Антонія? — спросилъ принцъ.—Вы не говорите ничего о ея положеніи. Неужто она такъ равнодушно покорилась судьбѣ? Мнѣ не вѣрится этому.

„Въ Антоніи происходила мучительнѣйшая борьба долга со склонностью, ненависти съ уваженіемъ. Безкорыстное великодушіе братской любви трогало ее; она чувствовала невольное уваженіе къ человѣку, котораго никакъ не могла любить: самыя противуположныя чувства терзали ея сердце. Но отвращеніе ея къ Лоренцо росло, кажется, по мѣрѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе правъ на ея уваженіе. Съ глубокой скорбью замѣчалъ онъ тайное горе, подтачивавшее ея молодую жизнь. Нѣжное состраданіе незамѣтно смѣнило равнодушіе, съ какимъ онъ прежде смотрѣлъ на нее; но это обманчивое чувство скоро перешло въ пылкую страсть, которая дѣлала ему все тягостнѣе и тягостнѣе до той поры безпримѣрную вѣрность своему долгу. Впрочемъ, онъ наперекоръ любви продолжалъ внимать голосу благородства: онъ одинъ становился въ защиту несчастной жертвы противъ произвола семьи. Но всѣ старанія его были безполезны: каждая побѣда, одержанная имъ надъ своею страстью, возвышала его достоинства въ глазахъ Антоніи, и великодушіе, съ какимъ отказывался онъ отъ нея, сдѣлало почти невозможнымъ, непростительнымъ отказъ съ ея стороны.

„Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Лоренцо уговорилъ меня посѣтить виллу. Теплая рекомендація моего покровителя приготовила мнѣ тамъ пріемъ, превзошедшій всѣ мои ожиданія. Я долженъ упомянуть, что нѣсколько крупныхъ удачъ прославили тогда мое имя; это можетъ быть возвысило еще болѣе довѣріе ко мнѣ стараго маркиза и заставило его ожидать отъ меня многаго. Какъ сильно было мое вліяніе, и какими путями я пріобрѣталъ его, я не стану вамъ разсказывать; вы можете судить о томъ изъ моихъ прежнихъ признаній. Я воспользовался всѣми мистическими книгами, какія нашлись въ очень большой библіотекѣ маркиза, и вскорѣ могъ говорить съ нимъ его языкомъ и украшалъ мою систему невидимаго міра самыми удивительными изобрѣтеніями. Скоро сталъ онъ вѣрить во все, что я хотѣлъ, и готовъ былъ клясться связью философовъ съ саламандрами и сильфидами, какъ какимъ-нибудь членомъ символа вѣры. Притомъ онъ былъ религіозенъ, и мистическія наклонности его развивались до крайней степени въ этой школѣ; такимъ образомъ небылицы мои находили къ нему прямой доступъ, и, наконецъ, я такъ опуталъ его мистицизмомъ, что онъ только и вѣрилъ тому, что сверхъестественно. Скоро сталъ я боготворимымъ пророкомъ дома. Обыкновеннымъ содержаніемъ моихъ лекцій были экзальтація человѣческой натуры и связь съ высшими существами; порукой мнѣ былъ непогрѣшительный графъ Габалисъ. Молодая графиня, послѣ потери своего жениха и безъ того жившая болѣе въ фантастическомъ, чѣмъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и безъ того съ большею примѣсью меланхоліи въ характерѣ, ловила съ трепетнымъ любопытствомъ мои летучіе намеки; даже прислуга старалась оставаться за какимъ-нибудь дѣломъ въ комнатѣ, когда я говорилъ, чтобы поймать что-нибудь изъ моихъ словъ. Эти отрывки составлялись потомъ любителями на свой ладъ въ одно цѣлое.

„Такимъ образомъ я прожилъ на виллѣ мѣсяца два. Разъ Лоренцо входитъ ко мнѣ въ комнату. Глубокая печаль лежала у него на лицѣ, всѣ черты его были въ тревогѣ; и онъ опустился на стулъ со всѣми признаками отчаянія.

„Капитанъ,—сказалъ онъ, — все для меня кончено. Я долженъ уѣхать. Здѣсь мнѣ не подъ-силу оставаться.

„—Что съ вами? Что случилось?

„—О! эта пагубная страсть!...

„Тутъ онъ быстро вскочилъ со стула и бросился ко мнѣ на шею.

„—Я боролся съ нею мужественно... Теперь не могу больше...

„—Да отъ кого же зависитъ все, какъ не отъ васъ, дорогой другъ? Развѣ не все въ вашей волѣ? Отецъ, семейство...

„—Отецъ! семейство! Что мнѣ въ этомъ?.. Чего хочу я? насильнаго союза или добровольной склонности?.. Развѣ у меня нѣтъ соперника?.. О! и какого еще соперника!... Соперника можетъ быть между покойными! О! пустите меня! Пустите меня! Хотя бъ на край свѣта! Я долженъ найти брата!

„—Какъ? и послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ въ васъ живетъ еще надежда...

„—Надежда?.. У *меня* въ сердцѣ она давно умерла. А въ ея?.. Что за дѣло, надѣюсь ли я?.. Могу ли я быть счастливъ, пока хоть искра надежды теплится въ сердцѣ Антоніи? Два слова, другъ, могли бы кончить мою пытку... Но напрасно! моя судьба останется темной, пока вѣчность не прорветъ своего долгаго безмолвія и могилы не станутъ свидѣтельствовать за меня.

„—Такая увѣренность, значитъ, можетъ сдѣлать васъ счастливымъ?

„— Счастливымъ? Я сомнѣваюсь, чтобы это было когда-нибудь для меня возможно!... Но неувѣренность—ужаснѣйшая казнь!

„Немного помолчавъ, онъ какъ будто успокоился немного и грустно продолжалъ:

„— О! если бъ онъ видѣлъ мои страданія!... Можетъ ли дать *ему* счастья эта вѣрность, составляющая горе его брата? Неужто слѣдуетъ живому томиться изъ-за мертваго, который непричастенъ земнымъ благамъ!... О! если бъ онъ зналъ мои муки!...

„Тутъ онъ горько заплакалъ и припалъ лицомъ къ моей груди.

„— Можетъ быть... да, можетъ быть тогда онъ самъ привелъ бы ее въ мои объятія!

„— Да развѣ такое желаніе совершенно неисполнимо?

„— Другъ мой? что вы сказали?

„Онъ взглянулъ на меня испуганными глазами.

„— И гораздо менѣе важныя причины,— продолжалъ я,—связывали усопшихъ съ судьбою живыхъ. Неужто все временное счастье человѣка—брата—должно...

„— Все временное счастье! О! я это чувствую! Какъ справедливо сказали вы! Все мое блаженство!

„— Неужто это счастье! и спокойствіе горюющей семьи недостаточно сильный вызовъ? Да, если только какія земныя побужденія могутъ дать право нарушить покой усопшихъ... прибѣгнуть къ силѣ...

„— Ради Бога, другъ мой!—перебилъ онъ меня:—ни слова больше объ этомъ! Прежде—сознаюсь вамъ — я питалъ такія мысли... Чуть ли я и не говорилъ вамъ объ этомъ... Но я давно отвергъ ихъ, какъ ужасныя и гнусныя.

„Вы видите", продолжалъ сициліанецъ, „куда шло дѣло. Я старался разсѣять опасенія Лоренцо, и это, наконецъ, удалось мнѣ. Мы рѣшили вызвать духъ покойнаго. Я выпросилъ себѣ двѣ недѣли срока, чтобы, какъ я говорилъ Лоренцо, достойно приготовиться къ этому дѣйствію. Срокъ наступилъ, машины мои были всѣ наготовѣ, и я воспользовался дождливымъ вечеромъ, когда вся семья была по обыкновенію въ сборѣ вокругъ меня, и выманилъ у нихъ согласіе, или лучше сказать, незамѣтнымъ образомъ навелъ ихъ самъ на мысль просить меня вызвать тѣнь Іеронимо. Упорнѣе всѣхъ была молодая графиня, тогда какъ присутствіе ея было необходимо; намъ помогъ, впрочемъ, грустный порывъ ея страсти, а можетъ быть еще болѣе слабая искра надежды, что считаемый мертвецомъ женихъ ея еще живъ и не явится на зовъ. Недовѣрія къ моей силѣ, сомнѣнія въ моемъ искусствѣ ни въ комъ не было, и съ этой стороны затрудненія не представлялось.

„Какъ скоро всѣ были согласны, я назначилъ для вызова третій день послѣ этого вечера. Молитвы, которыя должны были продолжаться до полночи, постъ, бдѣніе, уединеніе и мистическія бесѣды, вмѣстѣ съ игрою на одномъ еще неизвѣстномъ музыкальномъ инструментѣ, очень дѣйствительномъ, по моему мнѣнію, въ подобныхъ случаяхъ, были приготовленіемъ къ этому торжественному акту; они оказались такъ согласны съ моими желаніями, что фантастическое одушевленіе моихъ слушателей воспламеняло мое собственное воображеніе и не мало способствовало полнотѣ иллюзіи, къ которой я бывалъ принужденъ напрягать себя въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ ожидаемый часъ наступилъ"...

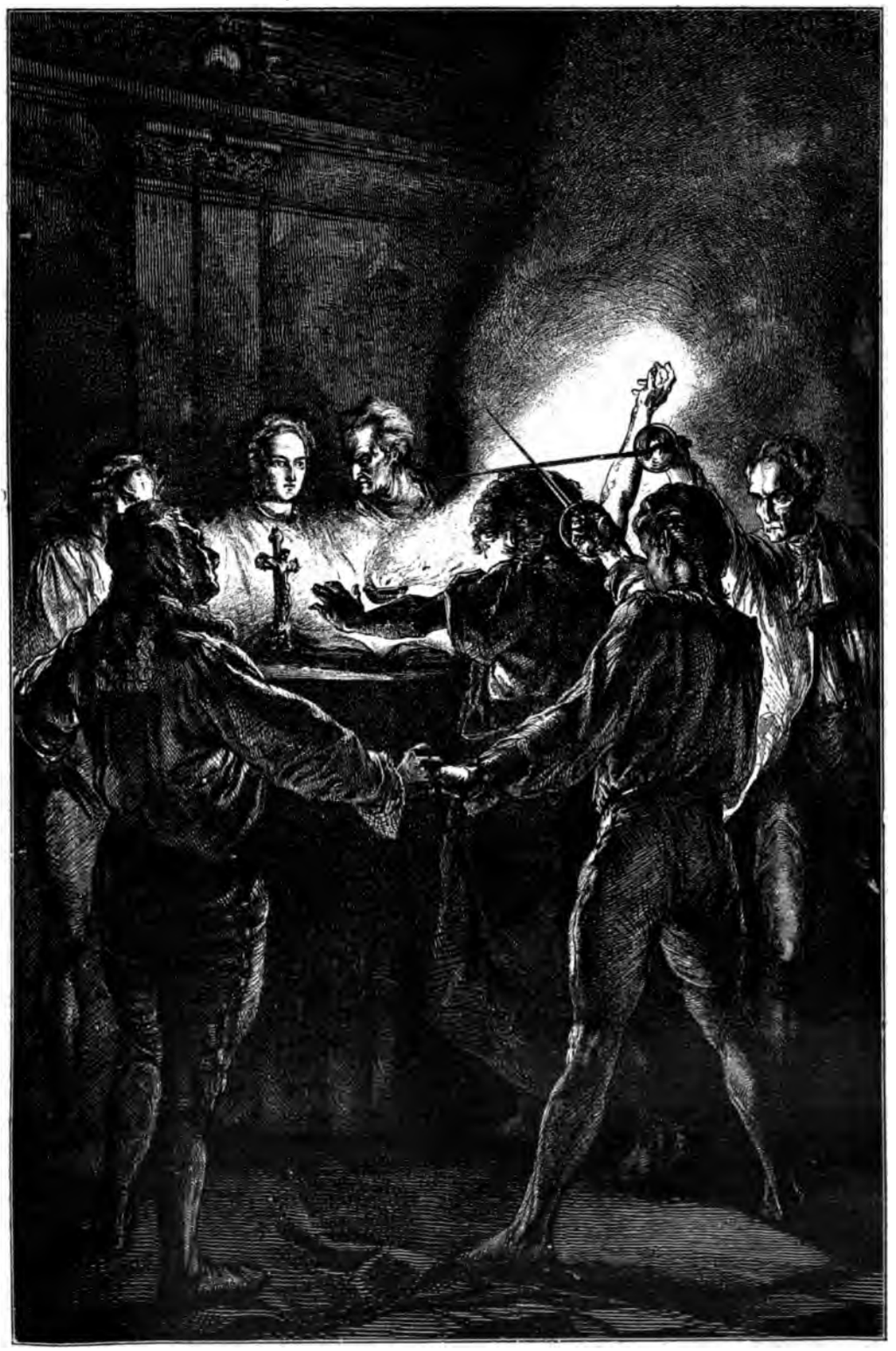
— Угадываю,—воскликнулъ принцъ,— кто теперь явится!... Но продолжайте! продолжайте!..

— Нѣтъ, принцъ. Заклинаніе прошло благополучно.

— Какъ такъ? А гдѣ жъ армянинъ?

— Не бойтесь, — отвѣчалъ сициліанецъ:—армянинъ явится какъ разъ во-время.

„Я не вдаюсь въ разсказъ о моихъ штукахъ; это завело бы меня слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что все оправдало мои ожиданія. При вызовѣ присутствовали: старый маркизъ, молодая графиня съ матерью, Лоренцо и еще нѣсколько родственниковъ. Вы легко поймете, что въ долгое пребываніе мое въ домѣ у меня было довольно случаевъ получить точнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что касалось покойника. Нѣсколько портретовъ его, находившихся въ виллѣ, дали мнѣ возможность сообщить моему видѣнію самое разительное сходство съ оригиналомъ; притомъ я заставилъ духа объясняться лишь знаками; стало быть и голосъ его не могъ возбудить никакого по-



дозрѣнія. Покойникъ явился въ невольнической одеждѣ, съ глубокою раной на шеѣ. „Замѣтьте", сказалъ сициліанецъ, „что я отступилъ въ этомъ случаѣ отъ всеобщаго предположенія, что онъ погибъ въ морѣ; у меня былъ поводъ надѣяться, что именно этотъ нежданный оборотъ будетъ не мало способствовать иллюзіи; напротивъ, я больше всего опасался добросовѣстнаго естественнаго объясненія".

— Мнѣ кажется, вы разсудили очень вѣрно,—сказалъ принцъ.—Въ ряду необыкновенныхъ явленій, по моему, именно *наиболѣе вѣроятное* нарушало бы иллюзію; нетрудность понять предлагаемое открытіе могла бы тутъ только уменьшить цѣну способа, какимъ оно добыто; нетрудность изобрѣсть такой фактъ могла бы даже заподозрить его вѣрность. Вѣдь стоитъ ли тревожить духъ мертвеца, если отъ него нельзя узнать ничего, кромѣ того, что можно думать и безъ него, съ помощью лишь обыкновеннаго разсужденія? Поразительная новость и трудность открытія въ этомъ случаѣ служатъ подкрѣпленіемъ самаго чуда, какимъ это открытіе сдѣлало... Кто усомнится въ сверхъ-естественности дѣйствія, если оно представляетъ то, чего невозможно добыть естественными средствами?— Я перебилъ васъ,—прибавилъ принцъ:— продолжайте вашъ разсказъ.

„Я заставилъ", сталъ продолжать сициліанецъ, „обратить къ духу вопросъ, есть ли для него что-либо въ этомъ мірѣ, что онъ можетъ назвать *своимъ*, и не оставилъ ли онъ здѣсь чего, что ему дорого? Духъ трижды покачалъ головой и поднялъ одну руку къ небу. Передъ исчезновеніемъ своимъ онъ, казалось, снялъ кольцо у себя съ руки. Потомъ это кольцо нашли на полу, и графиня, внимательно разсмотрѣвъ его, признала въ немъ свое обручальное кольцо".

— Обручальное кольцо! — воскликнулъ въ изумленіи принцъ:—обручальное кольцо ея! Гдѣ достали вы его?

— Я... Это было не настоящее, принцъ... Я его... Это было поддѣльное кольцо...

— Поддѣльное!—повторилъ принцъ.— Но для того, чтобы поддѣлать, вамъ нужно было настоящее; гдѣ жъ вы добыли его? Покойникъ, вѣроятно, никогда не снималъ его съ пальца...

— Это правда,—сказалъ не безъ замѣшательства сициліанецъ,—но по описанію настоящаго обручальнаго кольца, по разсказамъ...

— А *кто* вамъ разсказывалъ?

— Еще задолго до этого... сказалъ сициліанецъ:—это было самое простое золотое кольцо; кажется, съ именемъ молодой графини... Вы совсѣмъ, однакожъ, сбили меня.

— Что жъ было дальше?—сказалъ принцъ съ очень недовольной и двусмысленной миной.

„Всѣ убѣдились, что Іеронимо нѣтъ болѣе въ живыхъ. Родные на другой же день оффиціально возвѣстили его смерть и оффиціально надѣли трауръ по немъ. Случай съ кольцомъ не оставлялъ ни тѣни сомнѣнія и въ Антоніи и далъ больше увѣренности сватовству Лоренцо. Но сильное впечатлѣніе, произведенное на нее этимъ явленіемъ, причинило ей опасную болѣзнь, которая вскорѣ разрушила навѣки надежды ея новаго жениха. Оправившись отъ болѣзни, Антонія непремѣнно хотѣла вступить въ монастырь и постричься; отъ этого намѣренія могли отвратить ее развѣ только непрестанныя убѣжденія ея духовника, пользовавшагося ея безпредѣльнымъ довѣріемъ. И точно, соединеннымъ усиліямъ этого человѣка и всей родни удалось, наконецъ, вынудить у нея согласіе. Послѣдній день траура долженъ былъ стать днемъ радости, и старый маркизъ намѣревался сдѣлать его еще торжественнѣе передачею всего имѣнія своего законному наслѣднику.

„Наступилъ этотъ день, и Лоренцо всталъ предъ алтаремъ со своею трепещущей невѣстой. День близился къ концу; пышный пиръ ждалъ веселыхъ гостей въ ярко освѣщенной свадебной залѣ, и громкая музыка вторила шумному веселью. Счастливому старику хотѣлось, чтобы весь міръ раздѣлялъ съ нимъ его радость; всѣ двери замка были отворены настежь, и званымъ гостемъ былъ всякій, радовавшійся свадьбѣ. Въ этой толпѣ"...

Тутъ сициліанецъ пріостановился; мы едва переводили духъ въ трепетѣ ожиданія...

„Въ этой толпѣ, — продолжалъ онъ,— сосѣдъ мой за столомъ указалъ мнѣ на *францискаго монаха*, высокаго и худого, съ желто-блѣднымъ лицомъ, который стоялъ неподвижной статуей и не сводилъ съ брачной четы серьезнаго и печальнаго взгляда. Радость, оживлявшая улыбкой всѣ лица вокругъ, казалось, не касалась только одного его; выраженіе лица его оставалось неизмѣнно, какъ лицо изваянія въ средѣ живыхъ людей. Необыкновенный взглядъ его, поразившій меня среди общаго веселья

и рѣзко отдѣлившій меня отъ всего, происходившаго вокругъ въ эту минуту, глубоко подѣйствовалъ на меня и оставилъ въ душѣ моей неизгладимое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе позволило мнѣ узнать черты монаха въ физіономіи русскаго (вы, конечно, уже догадались, что онъ одно и то же лицо съ нимъ и съ вашимъ армяниномъ). Иначе я едва ли могъ бы узнать его. На свадебномъ пиру я не разъ пытался отвести глаза отъ этой грозной фигуры, но они невольно обращались снова къ ней и всякій разъ находили ее въ прежнемъ положеніи. Я толкнулъ своего сосѣда, сосѣдъ—своего; то же любопытство, то же удивленіе пронеслись по всему столу; разговоръ пріостановился; внезапно наступило всеобщее молчаніе; оно не смутило монаха. Монахъ стоялъ все такъ же, въ той же неподвижной позѣ, и серьезный, и печальный взоръ его все такъ же былъ прикованъ къ новобрачной четѣ. Всѣхъ испугало появленіе этого незнакомца; лишь молодая графиня нашла какъ бы отраженіе своей собственной грусти въ его лицѣ, и смотрѣла съ тихой отрадой на единственный предметъ во всемъ собраніи, который, повидимому, понималъ и раздѣлялъ ея горе. Мало-по малу толпы гостей разошлись; было ужъ за полночь; музыка звучала и тише и глуше, свѣчи горѣли темнѣе; наконецъ изъ нихъ только нѣсколько осталось непогасшими; разговоръ становился все тише, тише и перешелъ въ шопотъ... Все безлюднѣе и безлюднѣе становилась тускло освѣщенная свадебная зала; монахъ стоялъ неподвижно, и все тѣмъ же серьезнымъ и печальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на новобрачныхъ. Столъ убираютъ; гостей уже нѣтъ; семья смыкается въ болѣе тѣсный кружокъ; монахъ безъ приглашенія остается въ этомъ тѣсномъ домашнемъ кругу. Не знаю, какъ это случилось, но никто не хотѣлъ заговорить съ нимъ; никто не промолвилъ ему слова. Женщины тѣснятся уже около дрожащей невѣсты; она обращаетъ умоляющій о помощи взглядъ на почтеннаго незнакомца; незнакомецъ не отвѣчаетъ на этотъ взглядъ. Мужчины также собираются вокругъ жениха... Въ общемъ безмолвіи чувствуется что-то страшное, будто ожиданіе чего-то...

„— Всѣ мы такъ счастливы,—заговорилъ наконецъ старый маркизъ, который одинъ, казалось, не замѣчалъ между нами незнакомца или вовсе не удивлялся его присутствію:—всѣ мы такъ счастливы,—сказалъ онъ,—и только нѣтъ сына моего Іеронимо.

„— А ты звалъ его, и онъ не пришелъ?—спросилъ монахъ.

„Въ первый разъ произнесъ онъ слово. Мы въ ужасѣ взглянули на него.

„— Увы! онъ ушелъ туда, откуда нѣтъ возврата!—отвѣчалъ старикъ.—Вы не такъ поняли меня, достопочтенный отецъ. Сынъ мой Іеронимо—умеръ!

„— А можетъ быть онъ просто боится явиться сюда при такомъ обществѣ?—продолжалъ монахъ.—Почемъ знать, каковъ онъ на видъ, твой сынъ Іеронимо?—Дай ему услышать голосъ, который онъ слышалъ въ послѣдній разъ!—Попроси сына твоего Лоренцо вызвать его!

„— Что это значитъ?—прошептали всѣ.

„Лоренцо поблѣднѣлъ. Признаюсь у меня волосы становились дыбомъ.

„Монахъ приблизился между тѣмъ къ столу, взялъ со стола полный стаканъ съ виномъ и поднесъ его ко рту.

„— Въ память нашего дорогого Іеронимо!—воскликнулъ онъ.—Кто любилъ покойнаго, пусть выпьетъ со мной!

„— Откуда и кто бы вы ни были, достопочтенный отецъ, вскричалъ наконецъ маркизъ,—вы назвали дорогое намъ имя; будьте нашимъ гостемъ!—Друзья мои! сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и раздавая полные стаканы:—не дадимъ чужому пристыдить насъ!—Въ память сына моего Іеронимо!

„Никогда, я думаю, не принимались заздравные стаканы съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ.

„— Вотъ еще полный стаканъ... Что же сынъ мой Лоренцо медлитъ и не отвѣтитъ дружескому приглашенію?

„Съ трепетомъ принялъ Лоренцо стаканъ изъ рукъ францисканца... съ трепетомъ поднесъ его къ губамъ...

„— Въ память любимаго брата моего Іеронимо!—пролепеталъ онъ, и съ трепетомъ поставилъ стаканъ на столъ.

„— Это голосъ моего убійцы!—произнесла страшная фигура, внезапно появившаяся посреди насъ, въ окровавленной одеждѣ, обезображенная ужасными ранами.

„Не разспрашивайте меня о томъ, что было дальше!“ сказалъ сициліанецъ со всѣми признаками ужаса на лицѣ: „Я лишился чувствъ, едва взглянулъ на видѣніе. То же случилось и со всѣми присутствовавшими. Когда мы пришли въ себя, Лоренцо былъ въ смертной агоніи; монахъ и видѣніе уже исчезли. Лоренцо перенесли въ страшныхъ конвульсіяхъ на постель; около умирающаго оставались лишь духовникъ его да убитый

горемъ отецъ, который нѣсколько недѣль спустя послѣдовалъ за сыномъ въ могилу. Признанія его схоронены въ груди патера, принявшаго его послѣднюю исповѣдь, и никто изъ живыхъ не узналъ ихъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія вздумали какъ то очистить колодецъ на заднемъ дворѣ виллы, заросшій дикимъ кустарникомъ и съ давнихъ лѣтъ засыпанный и заваленный щебнемъ; разрывая щебень, нашли въ колодцѣ скелетъ. Домъ, въ которомъ это случилось, уже не существуетъ; родъ дель М***нте угасъ, и въ одномъ изъ монастырей близъ Салерно можно видѣть могилу Антоніи.

„Вы знаете теперь", продолжалъ сициліанецъ, видя, что всѣ мы стоимъ въ безмолвномъ изумленіи и никто не начинаетъ рѣчи: „вы знаете теперь, съ чего началось мое знакомство съ этимъ русскимъ офицеромъ, или съ этимъ францисканскимъ монахомъ, или съ этимъ арманиномъ. Судите сами, былъ ли у меня поводъ дрожать передъ существомъ, такъ странно и грозно дважды преграждавшимъ мнѣ дорогу".

— Дайте мнѣ отвѣтъ еще лишь на одинъ вопросъ,—сказалъ, вставая, принцъ.— Откровенно ли вы разсказали все, касающееся до Лоренцо?

— Я больше ничего не знаю,—отвѣчалъ сициліанецъ.

— Стало-быть вы дѣйствительно считали его честнымъ человѣкомъ?

— Да, божусь вамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— И тогда, какъ онъ вручилъ вамъ кольцо?

— Какъ?.. Онъ мнѣ никакого кольца не давалъ... вѣдь я не говорилъ, что кольцо далъ мнѣ онъ.

— Хорошо,—сказалъ принцъ, собираясь итти, и дернулъ за звонокъ.— И духъ маркиза де Лануа,—спросилъ онъ, еще разъ возвращаясь отъ дверей,—котораго этотъ русскій вызвалъ вслѣдъ вашему духу, вы тоже считаете дѣйствительно-настоящимъ духомъ?

— Я не могу считать его ничѣмъ инымъ,— отвѣчалъ сициліанецъ.

— Пойдемте!—сказалъ принцъ.

Вошелъ сторожъ.

— Мы готовы,—сказалъ принцъ, обращаясь къ нему.—Вы, синьоръ, еще услышите обо мнѣ.

— Вопросъ, обращенный вами на прощаньи къ этому штукарю, принцъ, мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ самимъ,—сказалъ я принцу, когда мы снова остались вдвоемъ.—Этотъ второй духъ кажется вамъ дѣйствительно-настоящимъ?

— Мнѣ? нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ.

— Нѣтъ? Но по крайней мѣрѣ онъ казался вамъ такимъ?

— Сознаюсь, съ минуту я былъ увлеченъ настолько, что этотъ обманъ чувствъ казался мнѣ чѣмъ-то большимъ.

— Желалъ бы я видѣть *того*,—воскликнулъ я,—кто при такихъ обстоятельствахъ можетъ отдѣлаться отъ подобнаго предположенія. Но на основаніи чего же вы отказываетесь отъ своего прежняго мнѣнія? Послѣ того, что мы сейчасъ слышали объ армянинѣ, вѣра въ его чудное могущество могла бы скорѣе увеличиться, но ужъ никакъ не уменьшиться.

— Послѣ того, что мы слышали отъ негодяя?—строго перебилъ меня принцъ.— Надѣюсь, вы ужъ не сомнѣваетесь, что разсказчикъ нашъ—негодяй?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Но развѣ оттого свидѣтельство его...

— Свидѣтельство негодяя—положимъ, другого повода къ сомнѣнію у меня нѣтъ— свидѣтельство негодяя не можетъ приниматься въ разсчетъ противъ истины и здраваго разсудка. Можно ли человѣку, который обманъ сдѣлалъ своимъ ремесломъ, можно ли дать ему вѣру въ такомъ дѣлѣ? Въ этомъ случаѣ, чтобъ заставить повѣрить, и самая прямая любовь къ истинѣ должна предварительно очиститься. Этотъ человѣкъ можетъ быть никогда не говорилъ правды ради правды: такъ какъ же вѣрить ему, когда онъ становится въ свидѣтели противъ человѣческаго разума и вѣчнаго порядка природы? Не все ли это равно, что уполномочить заклейменнаго злодѣя обвинять никогда незапятнанную, никогда непоруганную невинность.

— Да на какомъ основаніи станетъ онъ приписывать такія неслыханныя качества человѣку, который далъ ему немало поводовъ если не ненавидѣть, то по крайней мѣрѣ бояться себя?

— Положимъ, я не вижу основанія; но развѣ оно поэтому не можетъ существовать? Почемъ я знаю, *кто* подкупилъ его обманывать меня? Признаюсь, я еще не могу хорошенько разобрать всего сплетенія его обмановъ; но онъ оказалъ плохую услугу дѣлу, которому служитъ, снявъ съ себя передо мною маску и обличивъ себя обманщикомъ, а можетъ быть и чѣмъ нибудь хуже.

— Обстоятельство съ кольцомъ кажется мнѣ подозрительнымъ.

— Оно *больше*, чѣмъ подозрительно,— возразилъ принцъ: — оно явно преступно. Это кольцо получилъ онъ отъ убійцы, и, принимая его, долженъ былъ вѣрно знать, что беретъ его отъ убійцы. Кто, кромѣ убійцы, могъ снять съ покойника кольцо, котораго тотъ вѣрно никогда не снималъ съ пальца? Во все продолженіе разсказа онъ старался убѣдить насъ, будто самъ былъ обманутъ Лоренцо, и будто думалъ, что обманываетъ его. Къ чему эти оговорки, если бъ онъ не чувствовалъ, сколько потеряетъ, обличивъ свое соглашеніе съ убійцей? Весь разсказъ его очевидно не что иное, какъ рядъ вымысловъ съ вплетеніемъ въ него немногихъ истинъ, которыя онъ считалъ полезнымъ сообщить намъ. Не лучше ли негодяя, пойманнаго мною десять разъ на лжи обвинять и въ одиннадцатый разъ, нежели допустить нарушеніе основного порядка природы, въ которомъ я не замѣчалъ еще ни одного диссонанса?

— На это мнѣ нечего возразить вамъ,— сказалъ я.—Но тѣмъ не менѣе видѣнный вами вчера призракъ остается для меня непостижимымъ.

— Для меня тоже,—замѣтилъ принцъ,— хотя мною тотчасъ же овладѣло искушеніе—поискать ключа къ этому явленію.

— Какъ?—спросилъ я.

— Вы помните, что вторая фигура, едва появилась, подошла къ алтарю, взяла въ руки распятіе и стала на коверъ...

— Да, такъ мнѣ показалось.

— А распятіе, по словамъ сицилiанца, было проводникомъ. Изъ этого ясно, что она поспѣшила наэлектризоваться. Ударъ шпаги лорда Сеймура не могъ не оказаться недѣйствительнымъ: электрическій ударъ обезоружилъ его руку.

— Шпага, положимъ, могла не подѣйствовать. Но пуля изъ пистолета сицилiанца? Мы слышали, какъ она тихо скатилась у алтаря.

— Да навѣрное ли вы знаете, что пуля эта была изъ этого пистолета?.. Ужъ я не говорю о томъ, что кукла, или представлявшій духа могли быть одѣты въ броню, неподатливую ни для пули, ни для шпаги... Вспомните одно—*кто* заряжалъ пистолеты?

— Да, ваша правда!—сказалъ я (и внезапный свѣтъ озарилъ меня):—ихъ зарядилъ русскій. Но вѣдь это было на нашихъ глазахъ. Какъ могъ произойти тутъ обманъ?

— А отчего жъ нѣтъ? Развѣ вы чувствовали тогда недовѣріе къ этому человѣку и старались слѣдить за каждымъ его движеніемъ? Развѣ вы осмотрѣли пулю, прежде чѣмъ онъ опустилъ ее въ стволъ? Вѣдь она могла быть ртутная или просто глиняная, выкрашенная. Развѣ вы наблюдали, дѣйствительно ли онъ опустилъ ее въ стволъ пистолета, а не въ руку? Чѣмъ вы поручитесь — предположимъ, что онъ точно зарядилъ пистолеты какъ слѣдуетъ— чѣмъ вы поручитесь, что онъ взялъ съ собой въ другой павильонъ именно заряженные, а не другіе; подмѣнить ихъ было не трудно: никому и въ голову не приходило слѣдить за нимъ, и притомъ мы были заняты—раздѣвались. И развѣ не могла фигура въ то мгновеніе, какъ была закрыта отъ насъ дымомъ пороха, бросить у алтаря другую, взятую на этотъ случай пулю? Все это было возможно.

— Вы правы. Но это поразительное сходство фигуры съ вашимъ покойнымъ другомъ... Вѣдь я тоже очень часто видалъ его у васъ и сразу узналъ его въ образѣ духа.

— И я—не могу и я не сознаться, что иллюзія была въ высшей степени удачна. Но ужъ если этотъ сицилiанецъ, послѣ двухъ-трехъ бѣглыхъ взглядовъ на мою табакерку, съумѣлъ придать даже *своей* копіи сходство, обманувшее и васъ, и меня, то какъ же было не произвести еще полнѣйшаго обмана русскому, который во все продолженіе ужина свободно пользовался моею табакеркой? На сторонѣ его была та выгода, что никто и не думалъ наблюдать за нимъ, и притомъ я ему сказалъ потихоньку, *чей* на табакеркѣ портретъ. Прибавьте къ этому—что и сицилiанецъ замѣтилъ—что характерныя черты лица маркиза легко уловить и въ грубомъ изображеніи, и согласитесь, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего непостижимаго.

— Но содержаніе его словъ? объясненіе, касающееся вашего друга?

— Какъ! да развѣ не сказалъ намъ сицилiанецъ, что изъ немногихъ отвѣтовъ моихъ на его вопросы сочинилъ подобную же исторію? Развѣ это не доказываетъ, какъ естественно было напасть именно на такой вымыселъ? Притомъ духъ отвѣчалъ темно, какъ оракулъ, и ему нечего было опасаться, что его поймаютъ на какомъ-нибудь противорѣчіи. Предположите, что у креатуры этого фокусника, представлявшей духа, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ

быстротѣ соображенія, и что ей были хоть немножко извѣстны обстоятельства... да этотъ фокусъ можно было растянуть Богъ знаетъ на сколько времени!

— Но подумайте, принцъ, сколько и какихъ затѣйныхъ приготовленій нужно было сдѣлать армянину, чтобы произвести такой сложный обманъ! Сколько времени требовалось на это! Сколько времени нужно лишь на то, чтобы росписать человѣческое лицо сходно съ портретомъ, какъ вы предполагаете! Сколько времени нужно, чтобъ научить такого подставного духа, и научить такъ, чтобы не опасаться какой-нибудь грубой обмолвки! Сколько вниманія требовалось для всѣхъ этихъ неисчислимыхъ мелочей, которыя должны были или помогать обману, или не ускользать изъ виду, чтобы какъ-нибудь не нарушить его! А вѣдь русскій, вы знаете, удалился не болѣе, какъ на полчаса. Можно ли въ полчаса устроить даже все то, что было лишь самымъ неизбѣжнымъ?—Право, принцъ, даже ни одинъ драматическій писатель, стѣсняемый тремя единствами Аристотеля, не нагромоздилъ бы въ антрактъ столько дѣйствій, и не посмѣлъ бы разсчитывать на такую сильную вѣру въ своемъ партерѣ.

— Какъ! такъ по вашему совершенно невозможно было сдѣлать всѣ эти приготовленія въ какіе-нибудь полчаса?

— Да, — отвѣчалъ я, — почти невозможно...

— Этого выраженія я не понимаю. Или вы находите противнымъ всѣмъ законамъ времени, пространства и физическихъ дѣйствій, чтобы такой ловкій человѣкъ, какъ этотъ армянинъ, съ помощью своихъ можетъ быть столь же ловкихъ креатуръ, подъ покровомъ ночи, никѣмъ не наблюдаемый, со всѣми вспомогательными средствами, съ которыми люди этого ремесла и безъ того никогда не разстаются, чтобы такой человѣкъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлать такъ много въ такой короткій срокъ? Или, по вашему, невозможно и нелѣпо думать, что онъ могъ съ помощью немногихъ словъ, приказаній или знаковъ дать своимъ помощникамъ обширныя порученія, отрядить ихъ на обширныя и сложныя операціи, не теряя лишнихъ рѣчей?—И что хотите вы противупоставить вѣчнымъ законамъ природы? Явную невозможность! Вы хотите лучше повѣрить чуду, чѣмъ допустить невѣроятность! лучше опровергнуть силы природы, чѣмъ признать искусную и несовсѣмъ обыкновенную комбинацію этихъ силъ!

— Хотя дѣло и не оправдываетъ такого смѣлаго заключенія, вы однакожъ должны со мною согласиться, что оно много выше нашихъ понятій.

— Я почти готовъ поспорить съ вами и въ этомъ,—сказалъ принцъ не безъ притворнаго хладнокровія. — Какъ любезный графъ? а если бъ, напримѣръ, оказалось, что приготовленія для этого армянина производились не только въ эти полчаса и потомъ не мелькомъ и наскоро, а цѣлый вечеръ и всю ночь? Вспомните, что у сицилiанца ушло на его распоряженія почти цѣлыхъ три часа!

— У сицилiанца, принцъ!

— А чѣмъ вы мнѣ докажете, что сицилiанецъ не принималъ во второмъ явленіи такого же участія, какъ и въ первомъ?

— Какъ такъ, принцъ?

— Что онъ не былъ самымъ главнымъ помощникомъ армянина?.. Однимъ словомъ—что оба не дѣлали вмѣстѣ *одного* дѣла?

— Ну, это трудно доказать!—вскричалъ я въ немаломъ изумленіи.

— Не такъ трудно, какъ вы думаете, графъ. Какъ! И вы назовете это случайностью, что два эти человѣка встрѣтились въ такомъ странномъ, въ такомъ запутанномъ умыслѣ на одно лицо, въ одно время и въ одномъ мѣстѣ? что въ ихъ обоюдныхъ дѣйствіяхъ оказалась такая поразительная гармонія? что одинъ какъ-будто работалъ въ пользу другого? Предположите, что онъ пустилъ въ ходъ болѣе грубыя пружины, чтобы возвысить потомъ свое значеніе. Онъ создалъ себѣ Гектора, чтобы быть его Ахиллесомъ. Предположите, что онъ устроилъ сперва эти фокусы, чтобы узнать, на какую степень вѣры во мнѣ можетъ разсчитывать; чтобы развѣдать пути къ моему довѣрію; чтобы посредствомъ этого опыта, который могъ, безъ вреда его остальнымъ планамъ, не удаться, ближе познакомиться со своимъ субъектомъ; однимъ словомъ, чтобы этимъ настроить свой инструментъ. Предположите, что онъ сдѣлалъ это, чтобы, умышленно возбуждая и поддерживая мое вниманіе къ одной сторонѣ, усыпить его для другой, болѣе для него важной. Предположите, что ему нужно было собрать кой-какія свѣдѣнія, и онъ хотѣлъ, чтобы они были отнесены на счетъ шарлатана, и тѣмъ отвратили подозрѣніе отъ настоящаго слѣда.

— Что хотите вы этимъ сказать?

— Предположимъ, онъ подкупилъ одного изъ моихъ людей, чтобы получать черезъ него нѣкоторыя тайныя свѣдѣнія, а можетъ быть даже и документы, пригодныя для его цѣлей. Егерь мой пропалъ. Отчего не подумать мнѣ, что виной пропажи этого человѣка армянинъ? Но случай можетъ открыть мнѣ эти происки; перехватится письмо, проболтается кто-нибудь изъ слугъ. Все значеніе его рушится, какъ скоро я открою источники его всевѣдѣнія. Этотъ фокусникъ—его подставное лицо, обязанное производить на меня вліяніе такъ или иначе. Онъ нарочно заранѣе намекаетъ мнѣ о жизни и намѣреніяхъ этого человѣка. Такимъ образомъ, что-бы я ни открылъ, подозрѣніе мое должно пасть на этого шарлатана—ни на кого болѣе: изысканія, производимыя имъ, арміяниномъ, будутъ прикрыты именемъ сицилiанца. Это кукла, которою онъ заставлялъ меня играть, чтобы тѣмъ временемъ удобнѣе было ему самому, не обращая на себя вниманія и подозрѣнія, опутывать меня невидимыми сѣтями.

— Прекрасно! но въ такомъ случаѣ какъ согласить его намѣреніе съ тѣмъ, что онъ самъ помогаетъ разоблаченію обмана и раскрываетъ предъ глазами непосвященныхъ тайны своего искусства?

— Да что за тайны онъ раскрываетъ? Ужъ, конечно, въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной, которую бы онъ собирался примѣнить на мнѣ. Стало быть, профанируя ихъ, онъ ничего не теряетъ... Зато каковъ будетъ, напротивъ, его выигрышъ, если это мнимое торжество надъ обманомъ и шарлатанствомъ внушитъ мнѣ *увѣренность* и довѣрчивость, если этимъ ему удастся направить мою бдительность въ противуположную сторону, остановить мое еще неопредѣленно-блуждающее подозрѣніе на такихъ предметахъ, которые наиболѣе отдалены отъ настоящаго мѣста нападенія?—Онъ могъ ожидать, что я, рано или поздно, изъ собственнаго недовѣрія или по чужому наущенію, вздумаю доискиваться ключа къ его чудесамъ въ фиглярскомъ искусствѣ. Ему казалось лучше всего сопоставить ихъ самому и дать мнѣ, такъ сказать, масштабъ къ нимъ, и, искусно ограничивъ ими поле моего зрѣнія, тѣмъ болѣе преувеличить или спутать мои понятія относительно его собственныхъ чудесъ. Сколько предположеній уничтожилъ онъ сразу этимъ ловкимъ пріемомъ! Сколько заранѣе опровергъ объясненій, на которыя я можетъ быть напалъ бы впослѣдствіи.

— Такимъ образомъ онъ все-таки дѣйствовалъ очень въ ущербъ себѣ: онъ утончилъ зрѣніе тѣхъ, кого хотѣлъ ослѣпить, и вообще убавилъ въ нихъ вѣры въ чудеса, разъяснивъ такой искусный обманъ. Вы сами, принцъ, лучшее опроверженіе его плана, если только у него былъ какой планъ.

— Онъ можетъ быть ошибся во мнѣ; но отъ этого соображенія его не менѣе остроумны. Могъ ли онъ предвидѣть, что у меня въ памяти останется именно то, что можетъ послужить ключомъ къ чуду? Было ли въ его планѣ позволить своей креатурѣ обнаружить передо мной такія слабыя стороны? Почему знать, не превысилъ ли сицилiанецъ своего полномочія?.. Относительно кольца—навѣрное, и преимущественно это-то единственное обстоятельство рѣшительно утвердило мою недовѣрчивость къ этому человѣку. Какъ легко самый утонченный, самый остроумный планъ нарушить вмѣшательствомъ нѣсколько болѣе грубаго органа! Навѣрное, армянинъ не думалъ, что фокусникъ станетъ возвѣщать намъ съ такимъ паѳосомъ о своей славѣ, что онъ станетъ потчивать насъ баснями, которыя не могутъ устоять противъ самого мимолетнаго размышленія. Такъ, напримѣръ, сколько нужно было необдуманности этому шарлатану, чтобы утверждать, что его чудодѣй долженъ прекращать всякія сношенія съ людьми, какъ только пробьетъ двѣнадцать часовъ ночи? Развѣ мы сами не видѣли его объ эту пору въ нашемъ кругу?

— Это правда!—воскликнулъ я.—Онъ вѣрно забылъ объ этомъ.

— Это, впрочемъ, въ характерѣ подобныхъ людей: они обыкновенно пересаливаютъ въ такихъ порученіяхъ и лишнимъ усердіемъ портятъ все, чего прекрасно бы достигъ скромный и умѣренный обманъ.

— Тѣмъ не менѣе я все еще не могу окончательно убѣдиться, принцъ, что все это дѣло не что иное, какъ заранѣе сыгранная комедія. Какъ! ужасъ сицилiанца, конвульсіи, обморокъ, все жалкое положеніе этого человѣка, внушившее намъ даже состраданіе—все это лишь заученная роль? Положимъ, что театральная игра можетъ итти даже такъ далеко; но неужто искусство актера можетъ господствовать надъ органами его жизни?

— О, что касается до этого, мой другъ—я видѣлъ Гаррика въ Ричардѣ III... Да и были ль мы въ эту минуту настолько хо-

лодны и умѣренны, чтобы оставаться безпристрастными зрителями? Могли ли мы анализировать чувства этого человѣка, не владѣя своими чувствами? Притомъ рѣшительный кризисъ даже въ обманѣ такое важное дѣло для самого обманщика, что *ожиданіе* можетъ произвести и въ *немъ* такіе же страшные признаки, какіе производитъ *изумленіе* въ *обманутыхъ*. Вспомните, кромѣ того, неожиданное появленіе сыщиковъ.

— Оно-то именно, принцъ... хорошо, что вы мнѣ напомнили объ этомъ... Рѣшился ли бы онъ обнаружить предъ лицомъ правосудія такой опасный планъ? подвергнуть вѣрность своей креатуры такому опасному искусу?.. И съ какой цѣлью?

— За это нечего бояться; онъ вѣрно знаетъ своихъ людей. Почемъ знать, что ему не ручаются за скромность этого человѣка какія-нибудь тайныя преступленія?.. Вы слышали, какую должность занимаетъ онъ въ Венеціи... Что стоитъ ему выручить этого молодца, у котораго нѣтъ, кромѣ его, обвинителей?

(И точно, развязка оправдала вполнѣ подозрѣніе принца на этотъ счетъ. Нѣсколько дней спустя, мы справились о нашемъ узникѣ, и получили въ отвѣтъ, что онъ пропалъ безъ вѣсти).

— Съ какой цѣлью, спрашиваете вы? Какимъ инымъ путемъ, кромѣ такого насильственнаго, могъ онъ дать потребовать отъ сициліанца столь невѣроятной и позорной исповѣди, которая была однакожъ такъ существенно необходима? Кто, кромѣ человѣка отчаяннаго, которому ужъ нечего терять, могъ рѣшиться сообщить такія уни-

зительныя о себѣ свѣдѣнія? При какихъ иныхъ обстоятельствахъ могли бы мы повѣрить имъ?

— Соглашаюсь съ вами во всемъ, принцъ,—сказалъ я наконецъ.—Пусть оба явленія просто штуки шарлатановъ; пусть этотъ сицилiанецъ разсказалъ намъ не что иное, какъ небылицу, которой научилъ его старшой; пусть оба дѣйствуютъ сообща и съ одной цѣлью; пусть изъ одного общаго источника исходятъ всѣ чудныя обстоятельства, удивлявшія насъ въ ходѣ этого происшествія. Все-таки пророчество на площади св. Марка — это первое чудо, съ котораго начинаются всѣ остальныя чудеса—остается необъяснимымъ; и что намъ въ ключѣ ко всѣмъ остальнымъ, если на объясненія этого перваго у насъ нѣтъ надежды?

— Скажите лучше наоборотъ, графъ,— возразилъ принцъ.—Скажите, что доказываютъ всѣ эти чудеса, если я вижу, что въ нихъ есть хоть одна шарлатанская штука? Пророчество на площади, признаюсь вамъ, не поддается моимъ объясненіямъ. Будь оно *одно*, заключи имъ армянинъ свою роль, какъ онъ началъ имъ ее,—признаюсь, я не знаю, какъ еще долго былъ бы я въ заблужденіи! Въ этомъ же *низкомъ* сообществѣ оно мнѣ немножко подозрительно.— Пусть оно объяснится со временемъ или не объяснится; но вѣрьте мнѣ, мой другъ, — заключилъ онъ, взявъ меня за руку съ строго-серьезнымъ выраженіемъ лица:—человѣкъ, которому подвластны высшія силы, не прибѣгнетъ къ шарлатанству; оно для него презрѣнно.

Такъ кончилась бесѣда, которую я привелъ здѣсь цѣликомъ, потому что она показываетъ, какъ трудно было овладѣть довѣріемъ принца, и, какъ мнѣ кажется, сниметъ съ его памяти упрекъ въ слѣпой необдуманности, съ которою будто бы онъ кинулся въ сѣти, разставленныя ему неслыханною, адскою хитростью. Не всѣ, — продолжаетъ графъ О**,—не всѣ тѣ, что смѣются въ ту минуту какъ я пишу это, надъ его слабостью, и въ высокомѣрной самонадѣянности невѣдавшаго борьбы разума считаютъ себя вправѣ бросить въ него камень осужденія, не всѣ они, чего добраго, устояли бы такъ мужественно въ этомъ первомъ испытаніи. Если онъ впослѣдствіи все-таки палъ, несмотря на такое счастливое начало; если все-таки надъ нимъ привели въ исполненіе черный умыселъ, отъ котораго, при самомъ первомъ возникновеніи его, предостерегалъ принца его добрый геній,—то слѣдуетъ не смѣяться надъ его безумiемъ, а изумляться громадности злыхъ козней, передъ которыми не могъ устоять такъ хорошо защищенный умъ. Въ свидѣтельствѣ моемъ не могутъ участвовать никакіе житейскіе интересы; того, кто могъ бы мнѣ быть за него признателенъ, уже нѣтъ на свѣтѣ. Ужасная судьба его кончена, душа его давно очистилась предъ престоломъ истины, да и моя душа въ то время, какъ свѣтъ станетъ читать эти строки, давно уже будетъ тамъ же; но да простятъ мнѣ невольную слезу въ память моего лучшаго друга. Записки мои—дань справедливости: онъ былъ благородный человѣкъ и вѣрно украсилъ бы собою тронъ, къ достиженію котораго злобныя наущенія указали ему путь преступный.

КНИГА ВТОРАЯ.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, —продолжаетъ разсказывать графъ О**,—я сталъ замѣчать большую перемѣну въ настроеніи принца; перемѣна эта была непосредственнымъ слѣдствіемъ послѣдняго происшествія, отчасти произошла отъ стеченія нѣсколькихъ случайныхъ обстоятельствъ. До сихъ поръ принцъ избѣгалъ всякаго болѣе строгаго изслѣдованія своей вѣры и довольствовался тѣмъ, что очищалъ грубыя и чувственныя религіозныя понятія, въ которыхъ былъ воспитанъ, лучшими идеями, пріобрѣтенными впослѣдствіи, или примирялъ тѣ и другія, не изслѣдуя основаній своей вѣры. Вообще предметы религіозные всегда казались ему, какъ онъ не разъ признавался мнѣ, очарованнымъ замкомъ, куда нельзя вступать безъ ужаса, и гораздо лучше было, по его мнѣнію, проходить съ благоговѣйной покорностью мимо, не подвергая себя опасности заблудиться въ его лабиринтахъ. Лицемѣрное, рабское воспитаніе было источникомъ этого страха; оно запечатлѣло въ его воспріимчивомъ воображеніи грозные образы, отъ которыхъ онъ не могъ вполнѣ освободиться во всю жизнь. Религіозная меланхолія была наслѣдственнымъ недугомъ въ его родѣ; воспитаніе его и его братьевъ было сообразно этому расположенію ума; съ этой же точки зрѣнія выбирались люди, которымъ ихъ довѣряли, и это были, разумѣется, или мечтатели, или ханжи. Утушать всякую живость въ ребенкѣ подъ тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ—было единственнымъ средствомъ заслужить высшее благоволеніе царственныхъ родителей. Вся юность нашего принца прошла среди этого чернаго полуночнаго мрака; веселость была изгнана даже изъ игръ его. Во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ его было что-то ужасающее, и этотъ-то грозный и мрачный ихъ характеръ прежде всего овладѣлъ его живымъ воображеніемъ и дольше всего не разставался съ нимъ. Богъ его былъ страшилищемъ, существомъ карающимъ; его богопочитаніе было рабскимъ трепетомъ или слѣпою преданностью, гасившею всѣ силы и всякую смѣлость. Религія преграждала ему путь во всѣхъ дѣтскихъ и юношескихъ склонностяхъ его, которыя тѣмъ сильнѣе рвались наружу, что онъ былъ крѣпокъ тѣломъ и цвѣлъ здоровьемъ; она враждовала со всѣмъ, къ чему тянулось его юношеское сердце; онъ никогда не видѣлъ въ ней блага, и всегда представлялась она ему бичемъ его страстей. Такимъ образомъ мало-по малу закипало у него въ сердцѣ затаенное негодованіе противъ нея, которое образовало самое странное смѣшеніе съ благоговѣйною вѣрою и слѣпымъ страхомъ въ его головѣ и сердцѣ — досаду на владыку, предъ которымъ онъ трепеталъ.

Не удивительно, что онъ ухватился за первую возможность убѣжать изъ-подъ такого тяжелаго ига; но онъ убѣжалъ отъ него, какъ убѣгаетъ отъ своего жестокаго господина крѣпостной рабъ, сознающій въ себѣ и на волѣ чувство рабства. Не по спокойному выбору отказался онъ отъ вѣрованій своей юности; онъ не хотѣлъ ждать, пока его зрѣлый, очищенный умъ исподволь отрѣшится отъ нихъ, и поки-

нулъ ихъ какъ бѣглецъ, на которомъ тяготѣютъ еще права его господина, и потому-то приходилось ему, послѣ столь далекихъ отклоненій, все-таки возвращаться къ нимъ. Онъ вырвался на волю съ цѣпью, и потому долженъ былъ становиться добычею каждаго обманщика, умѣвшаго замѣтить ее на немъ и пользоваться ею. Что такой человѣкъ нашелся, тѣмъ изъ читателей, которые еще не догадались, покажетъ продолженіе этой исторіи.

Признанія сициліанца оставили въ умѣ принца слѣдъ болѣе глубокій, чѣмъ можно было ожидать отъ всего этого дѣла, и небольшая побѣда, одержанная его разсудкомъ надъ этимъ слабымъ обманомъ, вообще замѣтно возвысила въ немъ довѣріе къ своему уму. Онъ, казалось, самъ удивлялся, какъ легко удалось ему открыть *этотъ* обманъ; истина и заблужденіе еще не разграничились между собой рѣзкой чертой у него въ головѣ, и ему часто случалось смѣшивать ихъ и искать опоры вмѣсто одной въ другомъ; оттого ударъ, разрушившій его вѣру въ чудесное, покачнулъ въ то же время и все зданіе его вѣры. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ на неопытнаго человѣка, обманувшагося въ любви или дружбѣ, потому что выборъ его былъ дуренъ, и допускающаго въ себѣ упадокъ вѣры вообще въ эти чувства, такъ какъ простыя случайности принимаетъ онъ за существенные ихъ признаки. Обличенный обманъ заподозрилъ въ глазахъ его и истину, потому что истина опиралась для него на равно шаткія основанія.

Это мнимое торжество было въ такой же мѣрѣ отрадно ему, какъ тяжелъ былъ гнетъ, изъ-подъ котораго оно, повидимому, освободило его. Съ этого времени зашевелился въ немъ духъ сомнѣнія, не щадившій даже самыхъ достойныхъ уваженія предметовъ.

Много обстоятельствъ способствовало оставить его въ этомъ состояніи духа и еще болѣе утвердить его въ немъ. Отчужденіе, въ какомъ онъ доселѣ жилъ, должно было уступить мѣсто разсѣянному образу жизни. Санъ его былъ открытъ. Вниманіе, на которое приходилось ему отвѣчать вниманіемъ, этикетъ, предписываемый людямъ въ его положеніи, незамѣтно увлекали его въ круговоротъ большого свѣта. И званіе, и личныя достоинства его ввели принца въ самые образованные кружки въ Венеціи; вскорѣ онъ сошелся съ самыми свѣтлыми умами республики, учеными и государственными людьми. Это побудило его расширить однообразный, тѣсный кругъ, въ которомъ дотолѣ вращалась его душа. Онъ началъ сознавать скудость и ограниченность своихъ понятій и необходимость высшаго образованія. Обветшалый образъ его мыслей, каковы бы ни были когда-то его преимущества, былъ теперь въ разительномъ контрастѣ съ ходячими идеями общества, и незнаніе самыхъ общеизвѣстныхъ предметовъ нерѣдко ставило принца въ смѣшное положеніе; а онъ ничего такъ не боялся, какъ казаться смѣшнымъ. Общее предубѣжденіе не въ пользу его родной страны, какъ ему казалось, налагало на него обязанность опровергнуть это предубѣжденіе своею особой. Притомъ, по странности характера, онъ постоянно обижался вниманіемъ къ себѣ, какъ скоро приписывалъ его своему сану, а не личнымъ своимъ качествамъ. Особенно чувствовалъ онъ такое униженіе въ присутствіи людей, блиставшихъ умомъ и какъ-бы торжественно признававшихъ бо́льшія права за своими личными заслугами, нежели за своею высокой породой. Видѣть себя въ такомъ обществѣ постоянно отличеннымъ, принцемъ, было для него всегда глубокимъ оскорбленіемъ, такъ какъ онъ, по несчастію, думалъ, что самое имя это исключаетъ его изъ всякой конкуренціи. Все это вмѣстѣ убѣждало его въ необходимости дать уму своему образованіе, которымъ онъ до сихъ поръ пренебрегалъ, чтобы догнать образованное и мыслящее общество въ томъ, въ чемъ онъ такъ далеко отсталъ отъ него въ послѣднія пять лѣтъ. Съ этой цѣлью принялся онъ за самыя современныя книги, и принялся съ жаромъ, какъ вообще за все принимался. Къ сожалѣнію, выборъ его былъ неудаченъ, и онъ обыкновенно читалъ то, что мало способствовало къ развитію его ума и сердца. И тутъ руководила имъ его главная наклонность, съ неудержимой силой увлекавшая его къ тому, что выше нашего пониманія. Лишь такіе предметы возбуждали его вниманіе и удерживались у него въ памяти, голова его наполнялась смутными понятіями, а умъ и сердце оставались праздны. Одинъ авторъ увлекалъ его воображеніе блестящимъ стилемъ, другой опутывалъ его разсудокъ діалектическими тонкостями. Обоимъ было легко подчинить себѣ умъ, отдававшійся во власть всякому, кто нападалъ на него съ извѣстной степенью смѣлости. Чтеніе, которому принцъ страстно предавался

больше чѣмъ годъ, едва ли обогатило его хотя однимъ здравымъ понятіемъ; напротивъ. оно наполнило ему голову сомнѣніями, и сомнѣнія эти, какъ и всегда бываетъ у людей съ характеромъ послѣдовательнымъ, къ несчастію, нашли путь и къ его сердцу. Короче сказать—онъ пустился въ этотъ лабиринтъ полнымъ вѣры мечтателемъ, а вышелъ изъ него скептикомъ и вскорѣ сталъ рѣшительнымъ вольнодумцемъ.

Въ числѣ кружковъ, которымъ удалось привлечь его, было одно общество, носившее названіе *Бучентавро*. Общество это, подъ видомъ служенія благородной, разумной свободѣ мысли, служило пріютомъ необузданнѣйшей вольности мнѣній и нравовъ. Между членами его было немало духовныхъ лицъ, и во главѣ ихъ стояло даже нѣсколько кардинальскихъ именъ; поэтому принца нечего было долго убѣждать вступить въ число членовъ. По его мнѣнію, нѣкоторыя опасныя истины разума нигдѣ нельзя было провѣрить такъ хорошо, какъ въ кругу такихъ лицъ, которыхъ самый санъ обязывалъ быть увѣренными и которыя пользовались преимуществомъ слышать и разбирать мнѣнія противной партіи. Принцъ забылъ, что распущенность ума и нравовъ въ особахъ этого положенія тѣмъ сильнѣе вліяетъ на окружающихъ, что съ нея снята тутъ еще одна лишняя узда. Точно такъ было и въ Бучентавро. Большая часть его членовъ, своею предосудительной философіей и нравами, достойными такой руководительницы, позорили не только свой санъ, но и самое человѣчество. Въ обществѣ было нѣсколько тайныхъ степеней, и, къ чести принца, я думаю, что онъ никогда не былъ удостоенъ входа въ сокровеннѣйшее святилище. Всякій, вступившій въ это общество, обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ на то время, какъ принадлежалъ къ нему, сложить съ себя свой санъ, отказаться отъ своей націи, отъ своей религіозной партіи, однимъ словомъ, отъ всѣхъ условныхъ отличій своихъ, и стать подъ уровень всеобщаго равенства. Попасть въ члены было дѣйствительно трудно; только умственныя преимущества пролагали дорогу въ общество. Оно гордилось своимъ изысканнымъ тономъ и утонченнымъ вкусомъ, и вся Венеція признавала за нимъ эти качества. Какъ эти качества, такъ и кажущееся равенство, господствовавшее въ обществѣ, непреоборимо привлекали къ нему принца. Просвѣщенныя бесѣды, оживляемыя тонкимъ остроуміемъ, поучительные разговоры, соединеніе всего лучшаго изъ міра ученаго и политическаго, какъ въ одномъ общемъ средоточіи, долго скрывали отъ принца, что было опаснаго въ этомъ кругу. Когда мало-по-малу онъ сталъ разглядывать подъ личиной духъ этого учрежденія, да можетъ быть и самимъ членамъ надоѣло, наконецъ, быть постоянно на сторожѣ—отстать отъ общества было уже опасно. Ложный стыдъ и стараніе о своей безопасности принудили принца таить свое внутреннее недовольство. Но уже одно близкое знакомство съ этимъ классомъ людей и ихъ образомъ мыслей, хотя оно и увлекло принца къ подражанію, погубило въ немъ чистую, прекрасную простоту характера и нѣжность нравственнаго чувства! Разумъ его, не опиравшійся на основательныя познанія, не могъ безъ посторонней помощи бороться съ ложными умозаключеніями, которыми его тутъ опутали, и эта страшная порча незамѣтнымъ образомъ подточила въ немъ все—почти все, на что должна была опираться его нравственность. Естественныя и *необходимыя* опоры своего счастья онъ промѣнялъ на софизмы, которые измѣнили ему въ рѣшительную минуту и тѣмъ заставили его ухватиться за первый произвольный выводъ, предложенный ему.

Можетъ быть рука друга смогла бы еще во-время отвлечь его отъ этой бездны, но, не говоря уже о томъ, что тайны Бучентавро я узналъ лишь долго спустя, когда бѣду нельзя было поправить, въ началѣ этого періода одно неотлагательное обстоятельство отозвало меня изъ Венеціи. Лордъ Сеймуръ, одинъ изъ уважаемыхъ друзей принца, здравый умъ котораго былъ недоступенъ никакого рода обманамъ, могъ бы тоже служить вѣрной опорой принцу, но и онъ разстался съ нами въ это время и возвратился на родину. Я оставилъ принца въ рукахъ, правда, честныхъ, но неопытныхъ и въ дѣлѣ религіи ограниченныхъ людей, которые не отличались предусмотрительностью и не пользовались вѣсомъ въ глазахъ принца. Хитрымъ софизмамъ они не могли противупоставить ничего, кромѣ принятыхъ слѣпо на вѣру, неизслѣдованныхъ текстовъ, которые или сердили, или тѣшили его. Онъ почти не слушалъ ихъ, и его разсудительный умъ скоро заставилъ совсѣмъ смолкнуть этихъ защитниковъ праваго дѣла, какъ читатель ясно увидитъ изъ примѣра, который я приведу далѣе. Другіе,

овладѣвшіе впослѣдствіи его довѣріемъ, только о томъ и старались, какъ бы утвердить за собою покрѣпче это довѣріе. Когда на слѣдующій годъ я воротился въ Венецію—все было не похоже на старое!

Вліяніе этой философіи скоро отразилось на жизни принца. Чѣмъ болѣе благопріятствовало ему въ Венеціи счастье, чѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ новыхъ друзей, тѣмъ болѣе сталъ утрачивать привязанность прежнихъ друзей. Я охлаждался къ нему съ каждымъ днемъ; мы рѣже видѣлись, да и вообще съ нимъ было теперь труднѣе видѣться. Потокъ большого свѣта увлекалъ его. Когда онъ былъ дома, проходу не было отъ гостей. Одно удовольствіе смѣнялось другимъ, за пиромъ слѣдовалъ пиръ, за удачей удача. Онъ былъ красавицей, за которою всѣ ухаживаютъ, царемъ и кумиромъ всѣхъ кружковъ. Въ прежнемъ затишьи скромнаго житья шумъ свѣта казался ему ужаснымъ; теперь онъ изумлялся, какъ легко жилось ему въ свѣтѣ. Все стремилось къ нему навстрѣчу; все, что произносилъ его языкъ, было превосходно; молчаніе его было потерей для общества. Какъ искусно умѣли тутъ заставить его высказать съ пріятною легкостью свои мысли! Онъ самъ удивлялся себѣ, не замѣчая тонкой посторонней помощи. Отъ этого, всюду слѣдовавшаго за нимъ счастья, отъ этихъ вѣчныхъ удачъ онъ какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ сталъ чѣмъ-то *больше*, нежели былъ дѣйствительно: въ немъ прибавилось духу и довѣрія къ себѣ. Высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ, развившись въ немъ, заставляло его вѣрить преувеличенному и почти безусловному поклоненію, которое вызывалъ будто бы его умъ, тогда какъ, безъ этой чрезмѣрной и небезсознательной самонадѣянности, поклоненіе это непремѣнно было бы ему подозрительно. Теперь же этотъ всеобщій голосъ служилъ для него только подкрѣпленіемъ тому, что втихомолку нашептывала ему самодовольная гордость, только данью, принадлежащею ему по всѣмъ правамъ. Онъ навѣрное освободился бы отъ этихъ путъ, будь у него время перевести духъ; будь у него спокойный досугъ, чтобы сравнивать свои достоинства съ тѣми чертами, которыя показывали ему въ такомъ льстивомъ зеркалѣ. Но жизнь его была вся постояннымъ опьянѣніемъ, отуманивающимъ похмельемъ, чѣмъ выше ставило его общество, тѣмъ больше требовалось отъ него стараній держаться на этой высотѣ; онъ медленно чахъ отъ этого постояннаго напряженія; самый сонъ его сталъ тревоженъ. Слабыя стороны его были обнаружены, и возбужденная въ немъ страсть разсчетливо поддерживалась.

Скоро честной свитѣ его пришлось почувствовать на себѣ, что господинъ ея попалъ въ геніи. Серьезныя чувства и уважительныя истины, къ которымъ прежде такъ лежало его сердце, становились предметомъ его насмѣшекъ; на истинахъ религіи вымещалъ онъ гнетъ, подъ которымъ такъ долго держали его ложныя понятія; но неумѣстный голосъ сердца все-таки возставалъ противъ заблужденій его головы, и потому въ насмѣшкахъ его было больше горечи, чѣмъ ясности духа. Нравъ его сталъ измѣняться; явились капризы. Лучшаго украшенія его характера—скромности—какъ не бывало; ласкатели отравили его доброе сердце. Кроткая нѣжность обхожденія, заставлявшая прежде его свиту забывать о его санѣ, смѣнялась теперь часто повелительнымъ рѣшительнымъ тономъ; этотъ тонъ былъ тѣмъ ощутительнѣе и непріятнѣе, что происходилъ не отъ внѣшнихъ отличій, съ которыми не трудно примириться и которыми мало дорожилъ онъ самъ, а отъ обиднаго убѣжденія въ своемъ личномъ превосходствѣ. Дома ему все-таки случалось вдаваться въ размышленія, которыя были далеки отъ него въ шумѣ общества, и потому домашніе видѣли его почти постоянно мрачнымъ, ворчливымъ и недовольнымъ, тогда какъ въ кругу постороннихъ онъ одушевлялъ всѣхъ своей насильственной веселостью. Съ грустнымъ участіемъ смотрѣли мы на его шаги по этому опасному пути; но въ этотъ круговоротъ, уносившій его, не долеталъ слабый голосъ дружбы; да и не могъ еще онъ понимать его—былъ слишкомъ счастливъ.

Еще въ самомъ началѣ этой эпохи я былъ призванъ ко двору моего государя однимъ важнымъ дѣломъ, которымъ не могъ пренебречь даже ради самыхъ священныхъ интересовъ дружбы. Незримая рука, открытая мною лишь долго спустя, нашла средства запутать тамъ мои отношенія и распространить обо мнѣ слухи, которые я долженъ былъ спѣшить опровергнуть своимъ личнымъ присутствіемъ. Мнѣ было тяжело разстаться съ принцемъ; зато онъ чуть ли не былъ радъ моему отъѣзду. Съ нѣкотораго времени узы, соединявшія его со мной, ослабѣли. Тѣмъ не менѣе судьба его глубоко интересовала меня, и я просилъ барона Ф** сообщать мнѣ письменно обо

всемъ, что случится. Онъ обѣщалъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ сдержалъ свое обѣщаніе. Итакъ, съ этого времени я уже не былъ очевидцемъ приключеній принца; поэтому позволяю себѣ дополнить свой разсказъ извлеченіями изъ писемъ ко мнѣ барона Ф**. Взгляды друга моего Ф** не всегда согласны съ моими взглядами, но я ни слова не измѣнилъ въ его письмахъ. Читатель и самъ легко откроетъ въ нихъ истину.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

*Мая 17**.*

Благодарю Васъ, многоуважаемый другъ, за Ваше позволеніе продолжать и заочно дружескія бесѣды съ Вами, бывшія для меня лучшимъ удовольствіемъ во время пребыванія Вашего здѣсь. Вы знаете, мнѣ здѣсь не съ кѣмъ поговорить о нѣкоторыхъ предметахъ.—Что бы Вы ни говорили, а этотъ народъ для меня ненавистенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ принцъ сошелся съ нимъ, и съ тѣхъ поръ, какъ Вы уѣхали, я чувствую себя одинокимъ въ этомъ многолюдномъ городѣ. Ц** не такъ тяжело: красавицы Венеціи заставляютъ его забыть огорченія, которыя ему приходится дома дѣлить со мной. Да и что горевать *ему?* Онъ видитъ въ принцѣ лишь господина, котораго вездѣ найдетъ, и больше отъ него ничего не требуетъ. Что же касается до меня... Вы знаете, какъ близки къ моему сердцу и счастье и горе нашего принца и какъ много у меня причинъ къ такой привязанности. Шестнадцать лѣтъ живу я при немъ, живу лишь для него. Девятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ я къ нему, и съ этого времени ничто не разлучало меня съ нимъ. На его глазахъ я выросъ; долгое общеніе съ нимъ развило меня въ его духѣ; я раздѣлялъ съ нимъ всѣ важныя и неважныя его приключенія. Я живу его счастьемъ. До этого несчастнаго года я видѣлъ въ немъ лишь своего друга, старшаго брата; какъ ясное солнце, согрѣвалъ меня его взглядъ; ни облачко не омрачило моего счастія,—и всему этому пришлось разлетѣться прахомъ въ этой злополучной Венеціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, все у насъ перемѣнилось. На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда принцъ **д** съ огромной и блестящей свитой, и въ нашемъ кругу прибавилось еще больше шуму и суеты. Такъ какъ онъ въ близкомъ родствѣ съ нашимъ принцемъ и теперь они довольно дружны другъ съ другомъ, то вѣрно и будутъ большею частью вмѣстѣ во все его пребываніе здѣсь, которое, какъ слышно, продлится до праздника Вознесенія. Начало сдѣлано хорошо; вотъ уже десять дней, какъ нашъ принцъ отдыха не знаетъ. Принцъ **д** зажилъ сразу очень роскошно, и это ему ничего, потому что онъ скоро опять уѣдетъ; но худо то, что и нашъ принцъ заразился отъ него: ему кажется, что онъ не можетъ отстать отъ гостя, и при особыхъ отношеніяхъ, существующихъ между обоими домами, обязанъ поддерживать всѣми силами оспариваемое достоинство своего дома. Къ тому жъ и сами мы должны черезъ нѣсколько недѣль проститься съ Венеціей; стало быть ему не удастся уже протянуть дольше эти чрезвычайные расходы.

Принцъ **д**, какъ говорятъ, пріѣхалъ сюда по дѣламъ ордена ***, при которыхъ, по его мнѣнію, онъ играетъ важную роль. Нечего Вамъ и говорить, что онъ тотчасъ же сошелся со всѣми знакомыми нашего принца. Съ особеннымъ торжествомъ ввели его въ Бучентавро, такъ какъ онъ съ нѣкотораго времени старается прослыть остроумцемъ и мыслителемъ, состоитъ въ перепискѣ съ разными знаменитостями во всѣхъ частяхъ свѣта, и его иначе не называютъ, какъ prince philosophe. Не знаю, имѣли ли Вы счастіе видѣть его. У него многообѣщающая наружность, озабоченный взглядъ, тонъ знатока въ искусствахъ, много пріобрѣтенной естественности (извините меня за это выраженіе) и царственнаго снисхожденія къ человѣческимъ чувствамъ; при этомъ онъ исполненъ героической самоувѣренности и все-уничтожающаго краснорѣчія. Можно ли, при такихъ блестящихъ качествахъ, его свѣтлости не пользоваться всеобщимъ уваженіемъ? Впрочемъ, какъ поладятъ съ этимъ гремучимъ совершенствомъ скромныя, бѣдныя словами, но положительныя достоинства нашего принца—покажутъ послѣдствія.

Въ нашемъ образѣ жизни произошло съ этихъ поръ много большихъ перемѣнъ. Мы переѣхали въ великолѣпный домъ насупротивъ новой прокураціи; въ отелѣ стало принцу тѣсно. Свита наша увеличилась цѣлой дюжиной слугъ: пажи, арабы, гайдуки и проч. и проч. Все теперь на большую ногу. Вы, какъ были здѣсь, жаловались на роскошь... Посмотрѣли бы теперь!

Наши домашнія отношенія остаются какъ были; лишь съ тѣхъ поръ, какъ Ваше присутствіе перестало удерживать принца въ границахъ, онъ сталъ, если только это возможно, еще односложнѣе и холоднѣе съ нами, и притомъ мы только и видимъ его, когда онъ одѣвается или раздѣвается. Подъ предлогомъ, что мы говоримъ плохо по-французски, а по-италіянски и вовсе не говоримъ, онъ старается не допускать насъ въ большую часть домовъ, гдѣ бываетъ. Что касается лично меня, я не вижу въ этомъ большой для себя потери; но, мнѣ кажется, истинный поводъ у него другой: онъ стыдится насъ... Это мнѣ больно — этого мы не заслужили.

Изъ всей нашей прислуги (Вы хотѣли знать все до мелочей) при немъ почти исключительно одинъ Біонделло, котораго, какъ Вы знаете, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе послѣ исчезновенія нашего егеря, и который теперь, при новомъ образѣ жизни, сталъ ему рѣшительно необходимымъ. Этотъ человѣкъ знаетъ все въ Венеціи и молодецъ на всѣ руки. Подумаешь, у него тысяча глазъ, тысяча рукъ. Онъ говоритъ, что обработываетъ все съ помощью гондольеровъ. Принцъ пользуется его всевѣдѣніемъ, чтобы заранѣе узнавать отъ него всѣ подробности о новыхъ лицахъ, съ которыми встрѣчается въ обществѣ, и секретныя свѣдѣнія, сообщаемыя имъ принцу, всегда оказывались вѣрными. При этомъ онъ прекрасно говоритъ и пишетъ по-французски и по-италіянски, что заставило принца сдѣлать его своимъ секретаремъ. Я не могу не разсказать Вамъ одной черты его безкорыстія и вѣрности, которыя такъ рѣдки въ людяхъ этого званія. Недавно одинъ богатый купецъ изъ Римини просилъ у принца аудіенціи. Предметомъ аудіенціи была странная жалоба на Біонделло. Прокураторъ, прежній господинъ его, слывшій великимъ чудакомъ, жилъ въ непримиримой враждѣ со своими родными, которая должна была даже пережить его самого. Полнымъ и исключительнымъ довѣріемъ его пользовался одинъ Біонделло, которому онъ повѣрялъ обыкновенно всѣ свои тайны; Біонделло долженъ былъ поклясться ему у смертнаго одра — свято хранить ихъ и никогда не обнаруживать въ пользу родныхъ; въ награду за скромность ему оставлялась очень значительная доля въ наслѣдствѣ. По вскрытіи завѣщанія и просмотрѣ бумагъ покойника встрѣтились большія недоразумѣнія и запутанности; разрѣшить ихъ могъ одинъ Біонделло. Онъ упорно утверждалъ, что ничего не знаетъ, предоставилъ наслѣдникамъ все, что завѣщалъ ему покойный прокураторъ, и не выдалъ его тайнъ. Родные дѣлали ему не мало выгодныхъ предложеній, но все понапрасну; наконецъ, чтобы избѣжать ихъ преслѣдованій (они же грозили повести дѣло судебнымъ порядкомъ), Біонделло вступилъ въ услуженіе къ принцу. Къ нему-то и обратился теперь главный наслѣдникъ, этотъ купецъ, и предлагалъ еще выгоднѣйшія, чѣмъ прежде, условія, чтобы только Біонделло измѣнилъ свое рѣшеніе Но и посредничество принца не помогло. Правда, принцу онъ признался, что дѣйствительно покойникъ довѣрилъ ему такого рода тайны; онъ соглашался и въ томъ, что ненависть прокуратора къ роднымъ была уже черезчуръ безпощадна,.. „Но“, присовокупилъ онъ, „покойникъ былъ мнѣ добрымъ господиномъ и благодѣтелемъ и умеръ въ твердомъ убѣжденіи въ моей честности. Я былъ единственный другъ, оставленный имъ на землѣ... Какъ же не оправдать мнѣ единственной его надежды!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ замѣтить, что откровенія его не послужили бы къ большой чести покойнаго. Не истинно ли это благородно! Вы и сами поймете, что принцъ не особенно настаивалъ и не хотѣлъ колебать его похвальныхъ убѣжденій. Эта рѣдкая вѣрность въ отношеніи къ умершему пріобрѣла ему довѣріе живого человѣка.

Прощайте, дорогой другъ! Какъ хотѣлось бы воротиться опять къ той тихой жизни, въ которой Вы нашли насъ здѣсь и которую такъ пріятно украсили своимъ присутствіемъ! Боюсь, что свѣтлое время въ Венеціи для меня миновало; хорошо еще, если не то же можетъ сказать и принцъ. Стихія, въ которой онъ живетъ теперь, неспособна сдѣлать его надолго счастливымъ, или меня обманываетъ моя шестнадцатилѣтняя опытность.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

18 мая.

Никакъ я не думалъ, чтобы пребываніе наше въ Венеціи могло еще на что-нибудь пригодиться! Оно спасло жизнь одному человѣку, и я съ нимъ примирился.

Недавно позднею ночью принцъ прика-

залъ нести себя изъ Бучентавро домой; его сопровождало двое слугъ—Біонделло и еще другой. Не знаю, какъ это случилось, но наскоро собранныя носилки сломались, и принцу пришлось пройти остатокъ дороги пѣшкомъ. Біонделло пошелъ впереди; надо было идти темными, отдаленными улицами; было уже недалеко до разсвѣта, и фонари горѣли тускло, а кое-гдѣ и совсѣмъ уже погасли. Они шли съ четверть часа, какъ вдругъ Біонделло замѣтилъ, что онъ заблудился. Его обмануло сходство мостовъ, и вмѣсто перехода къ Св. Марку они очутились на Сестіере ди Кастелло. Улица была изъ самыхъ отдаленныхъ; нигдѣ ни души; надо было вернуться, чтобы оріентироваться въ одной изъ главныхъ улицъ. Они прошли всего нѣсколько шаговъ, какъ невдалекѣ отъ нихъ изъ переулка послышался крикъ: „разбой!“ Принцъ былъ безоруженъ; онъ вырвалъ палку изъ рукъ одного слуги и съ извѣстной Вамъ рѣшимостью и отвагой кинулся въ ту сторону, откуда слышался крикъ. Трое страшныхъ верзилъ готовы уже были свалить четвертаго, который еще слабо защищался отъ нихъ со своимъ спутникомъ; принцъ подоспѣлъ какъ разъ въ пору, чтобы помѣшать смертельному удару. Крикъ его и слугъ смущаетъ убійцъ, неожидавшихъ, что ихъ застигнутъ въ такой дальней части города; нанеся нѣсколько легкихъ ударовъ кинжаломъ своей жертвѣ, они оставляютъ ее и бѣгутъ. Почти безъ чувствъ и утомленный борьбой, раненый опускается на руки принца; проводникъ его объявляетъ принцу, что онъ спасъ маркиза Чивителлу, племянника кардинала А** и. Такъ какъ у маркиза текло изъ ранъ много крови, Біонделло, какъ умѣлъ, наскоро перевязалъ ихъ, а принцъ озаботился, чтобы маркиза перенесли въ палаццо его дяди, до котораго было недалеко и куда онъ самъ проводилъ его. Здѣсь онъ оставилъ его, не сказавъ ни имени своего, ни сана.

Но одинъ изъ слугъ, узнавшій Біонделло, обличилъ его. На слѣдующее утро явился кардиналъ, старый знакомый принца по Бучентавро. Визитъ продолжался часъ; кардиналъ былъ въ сильномъ волненіи, когда они вышли, глаза его были полны слезъ, и принцъ былъ растроганъ. Въ тотъ же день принцъ навѣстилъ вечеромъ больного; докторъ говоритъ, впрочемъ, что опасаться нечего. Плащъ, въ который былъ закутанъ маркизъ, не позволилъ нанести вѣрныхъ ударовъ и глубокихъ ранъ. Съ этого происшествія не проходитъ дня, чтобы принцъ не побывалъ въ домѣ кардинала или кардиналъ у него, и тѣсная дружба завязывается между принцемъ и этимъ домомъ.

Кардиналъ—почтенный старикъ, лѣтъ шестидесяти, величественнаго вида, веселый, свѣжій и здоровый. Онъ считается однимъ изъ богатѣйшихъ прелатовъ въ цѣлой республикѣ. Несчетнымъ богатствомъ своимъ онъ распоряжается, какъ говорятъ, не очень-то по-стариковски, и, при благоразумной бережливости, не пренебрегаетъ никакими свѣтскими удовольствіями. Этотъ племянникъ—его единственный наслѣдникъ; но онъ не всегда въ ладахъ съ дядей. Хотя старикъ вовсе не врагъ удовольствія, поведеніе племянника способно, говорятъ, вооружить противъ себя и высшую терпимость. Его свободныя правила и необузданный образъ жизни, къ несчастію поддерживаемый всѣмъ, что можетъ украсить порокъ и увлечь чувственность, дѣлаютъ его ужасомъ всѣхъ отцовъ и несчастьемъ всѣхъ мужей; и это послѣднее нападеніе, какъ громко утверждаютъ всѣ, навлекъ онъ на себя интригой, которую свелъ съ супругою ***скаго посланника, не говоря уже о другихъ гадкихъ исторіяхъ, отъ которыхъ лишь съ трудомъ спасали его деньги и вліяніе кардинала. Не будь у него такого племянника, кардиналъ былъ бы, по словамъ всѣхъ, счастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣлой Италіи; у него есть все, дающее отраду жизни. Это единственное семейное горе омрачаетъ для него всѣ дары счастія и отравляетъ ему пользованіе богатствомъ, заставляя безпрестанно опасаться, что у него, пожалуй, не будетъ наслѣдника.

Всѣ эти свѣдѣнія доставилъ мнѣ Біонделло. Въ этомъ человѣкѣ принцъ нашелъ истинный кладъ. Съ каждымъ днемъ становится онъ необходимѣе; съ каждымъ днемъ открываемъ мы въ немъ какой-нибудь новый талантъ. На дняхъ принцъ разгорячился и не могъ заснуть. Свѣча была погашена, и никакой звонъ не могъ разбудить камердинера, спавшаго внѣ дома, у одной оперной пѣвицы. Принцъ рѣшается встать самъ, чтобы позвать кого-нибудь изъ своихъ людей. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ ему слышится издали прелестная музыка. Какъ очарованный, идетъ онъ на ея звукъ и находитъ Біонделло въ своей комнатѣ, играющаго на флейтѣ; вокругъ сидятъ его товарищи. Онъ не вѣритъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ и приказы-

ваетъ ему продолжать. Біонделло съ удивительной легкостью играетъ то же пѣвучее адажіо съ самыми оригинальными варіаціями и со всѣми тонкостями настоящаго виртуоза. Принцъ, Вы знаете, знатокъ въ музыкѣ, и онъ утверждаетъ, что Біонделло былъ бы находкой для любого оркестра.

— Мнѣ слѣдуетъ отпустить этого человѣка,—сказалъ онъ мнѣ на другое утро:— я не въ состояніи награждать его по заслугамъ.

Біонделло, слышавшій эти слова, подошелъ къ принцу.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ онъ:—если вы сдѣлаете это, вы отнимете у меня лучшую мою награду.

— Ты можешь быть чѣмъ-нибудь лучше, нежели слугой, — сказалъ принцъ. — Я не хочу мѣшать твоему счастью.

— Зачѣмъ вы хотите, ваша свѣтлость, чтобы я искалъ иного счастья, а не пользовался тѣмъ, которое самъ выбралъ.

— Какъ можно пренебрегать такимъ талантомъ?.. Нѣтъ! я не хочу этого допустить.

— Въ такомъ случаѣ прошу вашу свѣтлость позволить мнѣ упражняться по временамъ въ вашемъ присутствіи.

И тотчасъ же все уладили для этого. Біонделло дали комнату рядомъ со спальней принца, чтобы онъ могъ усыплять его съ вечера и будить поутру своею музыкой. Принцъ хотѣлъ удвоить его содержаніе, но онъ отказался, и просилъ, чтобы принцъ позволилъ ему считать эту предложенную ему милость капиталомъ, отданнымъ принцу на сохраненіе, такъ какъ ему, можетъ быть, въ скоромъ времени понадобится милость принца. Принцъ все ждетъ, что онъ вскорѣ явится къ нему съ какою-нибудь просьбой, и что бы онъ ни попросилъ, на просьбу его принцъ заранѣе согласенъ. Прощайте, дорогой другъ. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти изъ К**на.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

4 іюня.

Маркизъ Чивителла совсѣмъ оправился отъ своихъ ранъ и на прошлой недѣлѣ дядя его, кардиналъ, представилъ его принцу. Съ этого дня маркизъ слѣдуетъ за принцемъ, какъ его тѣнь. Біонделло разсказалъ мнѣ про него неправду, по крайней мѣрѣ все очень преувеличилъ. Это очень милый и порядочный человѣкъ, увлекательный въ обхожденіи. Невозможно не любить его; онъ покорилъ меня сразу. Представьте себѣ самую очаровательную фигуру, достоинство и нѣжность манеръ, умное, полное жизни лицо, открытый, влекущій взглядъ, ласкающій тонъ голоса, плавную и блестящую рѣчь и пышно-цвѣтущую молодость въ соединеніи со всѣми прелестями самаго утонченнаго воспитанія. Въ немъ вовсе нѣтъ ни мелочной спѣси, ни торжественной важности, которыя такъ невыносимы во всѣхъ прочихъ нобили. Все дышитъ въ немъ юношескимъ чистосердечіемъ, благодушіемъ, теплотою чувства. Разсказы о его распутствахъ навѣрно преувеличены: никогда не видалъ я болѣе совершеннаго, болѣе прекраснаго образа здоровья. Если онъ дѣйствительно такъ дуренъ, какъ говорилъ мнѣ Біонделло, то онъ — сирена, полная для всѣхъ обаянія.

Со мной онъ съ перваго же разу былъ очень откровененъ. Онъ признался мнѣ съ милѣйшимъ чистосердечіемъ, что у дяди онъ не на лучшемъ счету и что, можетъ быть, самъ виноватъ въ этомъ. Но, по словамъ его, онъ серьезно рѣшился исправиться, и этимъ будетъ вполнѣ обязанъ принцу. Онъ въ то же время надѣется, что принцъ помиритъ его опять съ дядей, ибо можетъ дѣлать изъ кардинала, что только захочетъ. До сихъ поръ маркизу, какъ онъ говоритъ, недоставало только друга и руководителя, и ему кажется, что онъ и того и другого нашелъ въ лицѣ принца.

И точно, принцъ пользуется въ отношеніи къ нему всѣми правами руководителя и обращается съ нимъ съ бдительностью и строгостью ментора. Но это-то именно обращеніе даетъ и маркизу нѣкоторыя права относительно принца, которыми онъ очень ловко пользуется. Онъ уже почти не отходитъ отъ него; во всѣхъ выѣздахъ, въ которыхъ участвуетъ принцъ, участвуетъ и онъ; для Бучентавро былъ онъ до сихъ поръ—и это его счастье!—слишкомъ молодъ. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ вмѣстѣ съ принцемъ, умѣетъ онъ отвлечь его отъ общества и съ свойственной ему утонченностью занять и обратить его вниманіе на себя. Говорятъ, никто не могъ обуздать его, и принцъ стоитъ канонизаціи, если ему удастся совершить этотъ исполинскій подвигъ. Я, впрочемъ, очень боюсь, какъ бы не случилось наоборотъ, и руководитель не попалъ въ ученики къ своему питомцу: повидимому, всѣ обстоятельства клонятся къ этому.

Принцъ **д** уѣхалъ, къ общему удовольствію всѣхъ насъ, не исключая и нашего принца. Что я говорилъ заранѣе, милый О**, случилось какъ по писаному. При такихъ противуположныхъ характерахъ, при такихъ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ, это доброе согласіе не могло надолго упрочиться. Немного успѣлъ пробыть принцъ **д** въ Венеціи, какъ уже возникъ здѣсь опасный *расколъ* въ кругу избранныхъ умовъ, грозившій отнять у нашего принца половину его прежнихъ поклонниковъ. Куда бы онъ ни показался, этотъ соперникъ былъ у него на дорогѣ; пріѣзжій принцъ обладалъ какъ разъ необходимой долей мелкой хитрости и самонадѣяннаго тщеславія, чтобы выставлять на видъ каждое малѣйшее преимущество свое предъ нашимъ принцемъ. Притомъ онъ пользовался всѣми мелкими свѣтскими уловками, браться за которыя нашему принцу не дозволяло благородное сознаніе своего достоинства. Само собою разумѣется, что вскорѣ на сторону принца **д** перешли всѣ слабыя головы, и принцъ сталъ во главѣ партіи, достойной его [1]). Благоразумнѣе всего было бы, конечно, вовсе не пускаться въ состязаніе съ такимъ противникомъ, и будь это нѣсколькими мѣсяцами раньше—принцъ такъ бы и сдѣлалъ. Но потокъ увлекъ его ужъ слишкомъ далеко, и такъ скоро достигнуть вновь берега было невозможно. Эти мелочи, хотя лишь вслѣдствіе обстоятельствъ, пріобрѣли нѣкоторое значеніе въ его глазахъ; да если бъ онъ дѣйствительно презиралъ ихъ, гордость не позволяла ему отказаться отъ нихъ въ такое время, когда его уступчивость сочли бы

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перваго письма баронъ Ф** произноситъ слишкомъ строгій судъ надъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ принцевъ. Всѣ, пользующіеся счастіемъ знать этого принца ближе, найдутъ, вмѣстѣ со мной, сужденіе барона преувеличеннымъ и припишутъ его увлеченію юнаго судьи. (*Примѣчаніе графа О***).

скорѣе сознаніемъ въ безсиліи, чѣмъ добровольнымъ рѣшеніемъ. Прибавьте къ этому несчастную передачу туда и назадъ непріятныхъ колкихъ рѣчей съ обѣихъ сторонъ; духъ соперничества, овладѣвшій его партіей, сообщился и ему самому. Такимъ образомъ, чтобы сохранить за собой свои завоеванія и удержаться на зыбкомъ мѣстѣ, разъ отведенномъ ему общественнымъ мнѣніемъ, онъ считалъ необходимымъ искать какъ можно болѣе случаевъ блеснуть и обязать кого-нибудь, а этого можно было достигнуть только царскими издержками; вотъ и начались вѣчные пиры и банкеты, дорогіе концерты, подарки и большая игра. Это дикое безумство сообщилось вскорѣ и свитѣ, и прислугѣ обоихъ принцевъ. Вы знаете, что въ дѣлѣ чести челядь еще щекотливѣе господъ. И нашему принцу пришлось помогать своею щедростью доброй волѣ своихъ челядинцевъ. Вотъ вамъ и цѣлый длинный рядъ жалкихъ случаевъ, неизбѣжнаго слѣдствія одной довольно простительной слабости, которой принцъ поддался въ несчастную минуту.

Отъ соперника мы, правда, теперь избавились; но что онъ испортилъ, исправить не такъ то легко. Шкатулка принца опустѣла; все, что онъ накопилъ годами благоразумной экономіи, прожито; намъ надо поскорѣе уѣзжать изъ Венеціи, а то принцу придется дѣлать долги, отъ чего онъ до сихъ поръ такъ тщательно берегся. День отъѣзда ужъ назначенъ, и мы ждемъ только новыхъ векселей.

Пусть бы дѣлались всѣ эти издержки, лишь бы принцу была отъ того хоть какая-нибудь радость! Но никогда не былъ онъ менѣе счастливъ, какъ нынче! Онъ чувствуетъ, что онъ уже не тотъ, что былъ прежде... онъ старается возвратиться къ прежнему... онъ недоволенъ собой и кидается въ новыя развлеченія, чтобъ избѣжать слѣдствій предшествовавшихъ развлеченій. Новыя знакомства смѣняютъ одно другое, и онъ все болѣе вдается въ суету. Не знаю, что изъ этого выйдетъ. Намъ надо ѣхать—другого спасенія нѣтъ... намъ надо уѣзжать изъ Венеціи.

А отъ Васъ, дорогой другъ, все еще нѣтъ ни строчки! Не знаю, чѣмъ объяснить себѣ это долгое, упорное молчаніе.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

12 іюня.

Благодарю Васъ, дорогой другъ, за память обо мнѣ и за вѣсточку о себѣ, переданную мнѣ молодымъ Б**лемъ. Но о какихъ письмахъ говорите Вы, будто бы полученныхъ мною? Я не получалъ отъ Васъ ни одного письма, ни одной строки. Видно они ѣдутъ ко мнѣ очень окольными дорогами! На будущее время, любезный О**, если Вы вздумаете писать ко мнѣ, посылайте письма черезъ Трентъ, на имя принца.

Наконецъ пришлось-таки намъ, дорогой другъ, сдѣлать шагъ, котораго мы до сихъ поръ такъ счастливо избѣгали. Векселей мы не получили; какъ нарочно, они въ первый еще разъ запоздали именно тогда, когда въ нихъ такая настоятельная нужда, и мы были поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ ростовщику: принцъ, конечно, готовъ дороже заплатить, только бы не выдать своей тайны. Хуже всего то, что этотъ непріятный случай отсрочиваетъ нашъ отъѣздъ.

По этому поводу у меня были съ принцемъ кой-какія объясненія. Все дѣло устраивалось чрезъ Біонделло: я и не подозрѣвалъ еще ничего, какъ явился ростовщикъ еврей. У меня сжалось сердце, что принцу пришлось обратиться къ такому крайнему средству; во мнѣ ожили всѣ воспоминанія прошлаго, всѣ опасенія за будущее, и я былъ очень мраченъ и грустенъ, когда ушелъ ростовщикъ. Принца и безъ того уже раздражала предшествовавшая сцена; онъ сердито ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; свертки золота лежали еще на столѣ; я стоялъ у окна и считалъ окна прокураціи; долго длилось молчаніе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Ф**! — началъ онъ: — я терпѣть не могу около себя мрачныхъ лицъ!

Я молчалъ.

— Что жъ вы не отвѣчаете? Развѣ я не вижу, что у васъ тяжело на сердцѣ и что вамъ хочется высказать свою досаду? Я хочу, чтобы вы говорили. Вы, пожалуй, подумаете, что и Богъ знаетъ какія мудрыя слова этакъ погибнутъ.

— Я мраченъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ я,—только потому, что вижу, что *вамъ* не весело.

— Я знаю,—продолжалъ онъ,—знаю,

что вы недовольны мной... давно ужъ... что ни одинъ шагъ мой не нравится вамъ... что... Что пишетъ графъ О**?

— Графъ О** ничего мнѣ не писалъ.

— Ничего? Къ чему вы запираетесь? Вы изливаете сердца другъ передъ другомъ—вы и графъ. Я это очень хорошо знаю. Но все-таки признайтесь. Я не стану выпытывать вашихъ тайнъ.

— Графъ О**,—отвѣчалъ я,—изъ трехъ отправленныхъ мною къ нему писемъ не отвѣчалъ еще и на первое.

— Я дурно поступилъ, — продолжалъ онъ. —Не правда ли?

И онъ взялъ одинъ свертокъ со стола.

— Мнѣ не слѣдовало бы этого дѣлать? а?

— Я понимаю, что это было *необходимо*.

— Мнѣ не слѣдовало ставить себя въ эту необходимость?

Я молчалъ.

— Точно! мнѣ никакъ не слѣдовало давать такой воли своимъ желаніямъ, чтобы они могли довести меня до *этого*; мнѣ слѣдовало состарѣться такъ же, какъ я дожилъ до мужескаго возраста! А вотъ, какъ я вздумалъ выйти изъ печальнаго однообразія моей прежней жизни и осмотрѣться, нѣтъ ли для меня гдѣ въ иномъ мѣстѣ источника удовольствія... какъ я...

— Если это была лишь попытка, принцъ, мнѣ нечего возражать... За опытность, которую мы могли пріобрѣсть, не было бы дорого заплатить и втрое большею суммой. Мнѣ было горько, признаюсь вамъ, что вы предоставляли мнѣнію свѣта рѣшить вопросъ, *какъ* быть вамъ счастливу.

— Хорошо, что *вы* можете презирать мнѣніе свѣта! Я его созданіе, и долженъ быть его рабомъ. Что мы и сами такое, какъ не мнѣніе? Все въ насъ, принцахъ—мнѣніе. Мнѣніе—наша нянька и воспитательница въ дѣтствѣ, наша законодательница и любовница въ годы мужества, нашъ посохъ въ старости. Отнимите у насъ то, что дано намъ мнѣніемъ—и самый худшій изъ самыхъ низшихъ классовъ будетъ лучше насъ: его судьба создала ему хоть какую-нибудь философію его судьбы. Принцъ, смѣющійся надъ мнѣніемъ, самъ себя уничтожаетъ, какъ священникъ, отрицающій бытіе Божіе.

— Тѣмъ не менѣе, принцъ...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Я могу перешагнуть черезъ кругъ, описанный мнѣ моимъ рожденіемъ... Но могу ли я истребить изъ своей памяти всѣ дикія понятія, посѣянныя въ ней воспитаніемъ и ранними привычками и все глубже и глубже утвержденныя въ ней сотнею тысячъ глупцовъ изъ вашей же братіи? Всякій хочетъ быть *вполнѣ* тѣмъ, что онъ есть, а наша доля — *казаться счастливыми*. *Быть* счастливыми по вашему мы не можемъ; неужто ужъ и вовсе не знать намъ счастья? Мы не можемъ уже черпать радость прямо изъ ея чистаго источника; неужто и не обмануть намъ себя искусственнымъ наслажденіемъ и не принять слабой уплаты отъ той самой руки, которая ограбила насъ?

— Прежде вы находили *эту радость* въ своемъ сердцѣ.

— Да если ужъ ея нѣтъ тамъ?... О! какъ мы договорились до этого? Зачѣмъ вздумалось вамъ будить во мнѣ эти воспоминанія?... Да не затѣмъ ли бросился я въ этотъ отуманивающій чувства омутъ, чтобы заглушить внутренній голосъ, составляющій несчастіе моей жизни, чтобы угомонить этотъ пытливый умъ, что словно острый серпъ проходитъ по моему мозгу и каждою новою мыслью подрѣзываетъ новую вѣтвь моего счастья?

— Добрый мой принцъ!...

Онъ всталъ и ходилъ въ сильнѣйшей тревогѣ по комнатѣ [1]).

— Все рушится и передо мной и за мной... прошедшее лежитъ позади въ печальномъ однообразіи, словно какъ окаменѣлое царство... въ будущемъ нѣтъ для меня ничего... весь кругъ моего бытія заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящаго... За что же винить меня, что я хочу заключить въ свои объятія этотъ скудный даръ времени, горячо и ненасытимо, какъ друга, котораго вижу въ послѣдній разъ? что я спѣшу собрать проценты съ этого мимолетнаго капитала, какъ восьмидесяти-

[1]) Я старался, любезный О**, передать Вамъ важный разговоръ, завязавшійся тутъ между нами, какъ можно вѣрнѣе, слово въ слово; но это оказалось для меня невозможнымъ, хоть я и занялся имъ въ тотъ же вечеръ. Чтобы помочь своей памяти, я принужденъ былъ дать бѣглымъ мыслямъ принца нѣкоторую связь, которой у нихъ не было; такимъ образомъ вышло нѣчто среднее между свободнымъ разговоромъ и философскимъ разсужденіемъ, что и лучше и хуже источника, изъ котораго я черпалъ. Впрочемъ, могу увѣрить Васъ, что я скорѣе убавилъ что-нибудь, чѣмъ прибавилъ въ словахъ принца, что мнѣ не принадлежитъ тутъ ничего, кромѣ самаго порядка бесѣды да нѣсколькихъ замѣчаній, которыя вы, конечно, узнаете по ихъ пелѣпости. (*Примѣчаніе барона Ф***.).

лѣтній старикъ со своей тіары?—О, я научился цѣнить мгновеніе! Мгновеніе—наша мать, какъ же и не любить его, какъ мать?

— Принцъ, вы вѣрили когда то въ болѣе прочное благо...

О! сдѣлайте прочнымъ облачный призракъ, и я сожму его въ горячихъ объятіяхъ. Что мнѣ за радость счастливить явленія, котэрыя завтра исчезнутъ, какъ я?—Развѣ не все убѣгаетъ вкругъ меня? Все мятется и стѣсняетъ сосѣдей, чтобы второпяхъ уловить одну каплю изъ источника жизни и отойти отъ него съ прежнею жаждой. Въ ту минуту, какъ я еще пользуюсь своими силами, новая жизнь ждетъ уже моего тлѣнія. Укажите мнѣ на существо не гибнующее, и я буду добродѣтеленъ.

— Что же убило въ васъ благодѣтельныя чувства, бывшія наслажденіемъ и путеводною нитью вашей жизни? Насаждать сѣмена для будущаго, служить высшему, вѣчному порядку...

— Будущее! вѣчный порядокъ!... Отнимите то, что человѣкъ взялъ изъ своей собственной груди и навязалъ какъ цѣль созданному имъ божеству, какъ законъ природѣ... Что останется намъ?

Что было до меня и что будетъ послѣ меня, представляется мнѣ двумя черными непроницаемыми покровами, опущенными на двухъ предѣлахъ человѣческой жизни; и еще ни одинъ изъ смертныхъ не приподнималъ ихъ. Сотни поколѣній стоятъ передъ ними со свѣточами, и думаютъ и гадаютъ, что бы такое крылось за ними. Многіе видятъ свои собственныя тѣни, образы своихъ страстей, въ увеличенномъ видѣ и въ движеніи на темной завѣсѣ будущаго, и содрогаются передъ самими собою. Поэты, философы и основатели государствъ раскрасили ихъ своими грезами, яснѣе или темнѣе, смотря по тому, свѣтло или хмуро было надъ ними небо; а издали перспектива обманывала. Этимъ всеобщимъ любопытствомъ воспользовалось и нѣсколько шарлатановъ: странными личинами изумляли они напряженныя воображенія. Глубокое безмолвіе царитъ за этой завѣсой; единожды скрывшись за нею, никто не пошлетъ сюда отвѣта; на вопросы отвѣчаетъ только глухой отголосокъ, какъ изъ могилы. Всѣмъ придется быть за этой завѣсою, и всѣ съ трепетомъ прикасаются къ ней, не зная, кто стоитъ тамъ и встрѣтитъ ихъ: quid sit id, quod tantum morituri rident. Бывали, правда, и невѣрующіе, которые утверждали, что завѣса эта только дурачитъ людей, что за нею ничего нѣтъ, и потому никто ничего не видалъ до сихъ поръ; но, чтобы изобличить, ихъ тотчасъ же отправляли туда.

— Заключеніе было слишкомъ поспѣшно, если они основывались только на томъ что ничего не видали.

— Любезный другъ, я и покоряюсь, и не стараюсь заглянуть за эту завѣсу—и, разумѣется, нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ отогнать отъ себя всякое любопытство. Но по мѣрѣ того, какъ я обвожу около себя этотъ непереступаемый кругъ и заключаю все свое бытіе въ предѣлы настоящаго, все важнѣе становится для меня этотъ маленькій участокъ, которымъ я чуть уже не пренебрегъ, вдаваясь въ суетные завоевательныепланы. Для того, что вы называете цѣлью моей жизни, мнѣ нѣтъ теперь никакого дѣла. Я не могу отъ нея уйти; не могу приблизить ее къ себѣ; но я знаю и твердо вѣрю, что я долженъ достичь идостигаю этой цѣли. И тѣмъ святѣе для меня средства, избранныя природой, чтобы достигнуть мною своей цѣли; эти средства—все, что я могу назвать моимъ: моя нравственность, мое благополучіе. Ничего остальнаго я никогда не узнаю. Я похожъ на посланца, который несетъ къ мѣсту назначенія запечатанное письмо. Ему все равно, что бы ни было въ этомъ письмѣ; онъ долженъ заслужить плату за вѣрную доставку—больше ничего.

—О! на какую нищету обрекаете вы меня!

—Однакожъ мы далеко-таки забрались!—воскликнулъ, наконецъ, принцъ, глядя съ улыбкой на столъ, гдѣ лежали свертки съ золотомъ.—А все-таки не совсѣмъ же сбились съ дороги!—прибавилъ онъ.—Теперь вы найдете можетъ быть прежняго меня и въ этомъ новомъ образѣ жизни. Не такъ-то легко было и мнѣ отвыкнуть отъ воображаемаго богатства и оторвать основы своей нравственности и своего счастья отъ милой мечты, съ которою было такъ тѣсно связано все, что до сихъ поръ жило во мнѣ. Я жаждалъ легкомыслія, дѣлавшаго сноснымъ существованіе большинства людей вкругъ меня. Я былъ радъ всему, что отвлекало меня отъ самого себя. Признаться ли? Я желалъ *пасть*, чтобы уничтожить источникъ своего страданія и истощить въ себѣ силу на страданіе.

Тутъ прервали насъ гости... Въ слѣдующій разъ я разскажу Вамъ новость, которой Вы вѣрно не ожидаете послѣ сегодняшняго разговора.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

1 іюля.

Такъ какъ время отъѣзда наше изъ Венеціи приближается быстрыми шагами, то эту недѣлю рѣшили посвятить осмотру всего замѣчательнаго по части картинъ и зданій; оставаясь долго въ городѣ, вѣчно откладываешь многое до послѣднихъ дней. Съ особеннымъ восторгомъ говорили намъ о „Бракѣ въ Канѣ Галилейской" *Павла Веронеза* въ одномъ бенедиктинскомъ монастырѣ на островѣ Св. Георга. Не ждите отъ меня описанія этого несравненнаго произведенія; въ цѣломъ оно произвело на меня чрезвычайное впечатлѣніе, но я не успѣлъ насладиться имъ вполнѣ. Нужно было столько часовъ, сколько мы простояли передъ нимъ минутъ, чтобы разсмотрѣть эту композицію, въ которой сто двадцать фигуръ и больше тридцати футовъ въ ширину. Можетъ ли человѣческій глазъ въ одинъ разъ обнять столь сложное цѣлое и насладиться всею красотой, расточенной въ немъ художникомъ? Нельзя не пожалѣть объ одномъ: такое высокое твореніе должно бы блистать въ публичномъ мѣстѣ и быть досупнымъ всякому, а оно услаждаетъ теперь лишь нѣсколькихъ монаховъ въ ихъ рефекторіи. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и церковь этого монастыря. Она одна изъ лучшихъ въ городѣ.

Подъ-вечеръ мы переправились въ Джудекку—погулять тамъ по чуднымъ садамъ. Общество было не велико; оно скоро разсѣялось по аллеямъ, а меня увлекъ въ чащу Чивителла, искавшій цѣлый день случая переговорить со мной.

— Вы другъ принца,—началъ онъ,—и онъ ничего не скрываетъ отъ васъ, какъ я узналъ изъ вѣрнаго источника. Сегодня, какъ я подходилъ къ его дому, оттуда вышелъ человѣкъ, котораго ремесло мнѣ извѣстно— и я замѣтилъ неудовольствіе въ чертахъ принца, войдя къ нему.

Я хотѣлъ перебить его.

— Вы меня не разувѣрите,—продолжалъ онъ:—я узналъ этого молодца; очень хорошо его разглядѣлъ... Да какъ же это было можно? У принца есть друзья въ Венеціи, друзья, обязанные ему жизнью, а онъ обращается при нуждѣ къ такимъ тварямъ! Будьте откровенны, баронъ!... Принцъ въ затруднительномъ положеніи?.. Вы напрасно стараетесь скрыть это. Не скажете вы, такъ я узнаю отъ человѣка, для котораго нѣтъ тайны не продажной.

— Маркизъ...

— Извините меня. Я принужденъ казаться нескромнымъ, чтобы не быть неблагодарнымъ. Я обязанъ принцу жизнью и, что для меня еще важнѣе, разумнымъ направленіемъ жизни. И вы хотите, чтобы я видѣлъ, какъ принцъ рѣшается на такіе, дорого стоющіе ему и унижающіе его достоинство шаги? Я могъ бы не допустить его до этого, и стану смотрѣть хладнокровно!

— Принцъ вовсе не въ затруднительномъ положеніи,—сказалъ я.—Мы ждали векселей изъ Трента, и они запоздали. Конечно, случайно—или потому, что, противъ чаянія, тамъ думали, что принцъ уже уѣхалъ, и ждали новаго приказа. Приказъ посланъ, а до тѣхъ поръ...

Онъ покачалъ головой.

— Не перетолковывайте моихъ намѣреній,—сказалъ онъ.—Нечего и говорить, что я не думаю этимъ отплатить принцу за его благодѣяніе... Всѣхъ богатствъ моего дяди не доставало бы на это! Я желалъ бы только избавить его отъ одной непріятной минуты. У дяди моего огромное состояніе, и я могу располагать имъ, какъ своимъ собственнымъ. Счастливое обстоятельство доставляетъ мнѣ единственный возможный случай быть полезнымъ принцу хоть чѣмъ-нибудь изо-всего, что въ моей власти.—Я знаю,—продолжалъ онъ,—чего требуетъ отъ принца деликатность; но она взаимна – и со стороны принца было бы великодушно позволить мнѣ это ничтожное удовлетвореніе, хоть только для виду—чтобы сдѣлать для меня менѣе чувствительнымъ бремя подавляющей меня признательности.

Онъ не отставалъ отъ меня, пока я не обѣщалъ ему сдѣлать все, что отъ меня зависитъ; я зналъ принца, и потому надежды у меня было мало. Маркизъ соглашался на всѣ условія принца, хотя и признавался, что его глубоко огорчитъ, если принцъ будетъ смотрѣть на него, какъ на чужого.

Въ пылу разговора мы ушли далеко отъ остального общества. Когда мы возвращались, намъ попался навстрѣчу Ц**.

— А я ищу принца... Онъ не съ вами?..

— Мы къ нему-то и шли. Думали, что найдемъ его съ остальнымъ обществомъ.

— Общество все въ сборѣ, а его нигдѣ не могутъ найти. Я не понимаю, какъ мы потеряли его изъ виду.

Чивителла замѣтилъ тутъ, что принцу вздумалось можетъ быть зайти въ ближайшую церковь, про которую маркизъ незадолго передъ тѣмъ говорилъ, какъ про очень замѣчательную. Мы тотчасъ же отправились отыскивать его тамъ. Еще издали замѣтили мы Біонделло у входа въ церковь. Мы были уже близко, когда изъ боковыхъ дверей довольно поспѣшно вышелъ принцъ; лицо у него горѣло; онъ искалъ взглядомъ Біонделло и кликнулъ его. Онъ приказывалъ ему что-то повидимому очень важное и при этомъ безпрестанно взглядывалъ на дверь, остававшуюся незатворенною. Біонделло бросился въ церковь. Принцъ, не замѣчая насъ, протѣснился сквозь толпу и пошелъ поспѣшно къ нашему обществу. Онъ былъ тамъ раньше насъ.

Мы рѣшили поужинать въ открытомъ павильонѣ въ саду; маркизъ, безъ вѣдома нашего, устроилъ тутъ небольшой, очень хорошо составленный концертъ. Особенно восхитила всѣхъ и прекраснымъ голосомъ, и прелестной наружностью одна молодая пѣвица. На принца ничто повидимому не производило впечатлѣнія; взглядъ его былъ спокойно устремленъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти Біонделло; казалось, въ душѣ его происходила сильная тревога. Чивителла спросилъ, понравилась ли ему церковь; онъ не могъ ничего сказать ему на это. Разговоръ зашелъ о нѣкоторыхъ превосходныхъ картинахъ, которыми эта церковь замѣчательна; онъ ни одной картины не видалъ. Мы замѣтили, что вопросы наши стѣсняютъ его, и замолчали. Проходитъ часъ за часомъ, а Біонделло не возвращался. Нетерпѣніе принца усилилось до крайности; онъ поспѣшилъ кончить ужинъ и сталъ тяжелыми шагами ходить взадъ и впередъ одинъ по отдаленной аллеѣ. Никто не могъ понять, что съ нимъ случилось. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ столь быстрой перемѣны; я давно уже не позволяю себѣ обращаться къ нему съ прежнею искренностью. Тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ я возвращенія Біонделло, отъ котораго надѣялся получить разгадку.

Онъ пришелъ часовъ въ десять. Вѣсти, принесенныя имъ, не сдѣлали принца разговорчивѣе. Онъ подошелъ къ намъ въ дурномъ расположеніи духа; послали за гондолой, и вскорѣ мы поплыли домой.

Во весь вечеръ не могъ я улучить минуты, чтобы поговорить съ Біонделло, и мнѣ пришлось лечь въ постель, не удовлетворивъ своего любопытства. Принцъ рано оставилъ насъ; но тысячи мыслей, приходившихъ мнѣ въ голову, не давали мнѣ спать. Долго слышалъ я шаги его надъ своею спальней; наконецъ сонъ овладѣлъ мной. Поздно за полночь разбудилъ меня чей-то голосъ; чья-то рука прошла по моему лицу... Я открылъ глаза. У моей постели стоялъ принцъ со свѣчой въ рукѣ. Онъ сказалъ, что не можетъ заснуть, и просилъ меня помочь ему скоротать ночь. Я хотѣлъ одѣться; но онъ приказалъ мнѣ оставаться въ постели и сѣлъ рядомъ на стулъ.

— Сегодня со мной былъ случай, — началъ онъ,—впечатлѣніе котораго никогда не изгладится изъ моего сердца. Я ушелъ отъ васъ, какъ вы знаете, въ церковь **. Меня заинтересовалъ ею Чивителла, и она еще издали привлекала мое вниманіе. Ни васъ, ни его около меня не было, и я отправился въ церковь одинъ; Біонделло велѣлъ я поджидать меня у входа. Церковь была совсѣмъ пуста... Меня охватилъ таинственный прохладный мракъ, когда я вступилъ въ нее изъ знойнаго, яркаго дневного свѣта. Я очутился одинъ подъ высокими сводами; вокругъ царствовала торжественная могильная тишина. Я всталъ по срединѣ церкви и отдался впечатлѣнію окружающаго: мало-по-малу все яснѣе выступали предо мной геніальныя комбинаціи этой величественной постройки; я забылся въ спокойномъ, отрадномъ созерцаніи. Вечерній колоколъ звучалъ надо мной; звуки его тихо замирали подъ сводами и у меня въ душѣ. Нѣкоторыя украшенія алтаря привлекли издали мое вниманіе, я подошелъ ближе — разсмотрѣть ихъ; незамѣтно прошелъ я всю эту сторону церкви до противуположнаго ея конца. Здѣсь витая лѣстница вокругъ колонны ведетъ вверхъ, въ смежную капеллу, гдѣ въ нишахъ поставлены маленькіе алтари и статуи святыхъ. Я вошелъ въ придѣлъ направо, и мнѣ послышался вблизи нѣжный шопотъ, какъ будто кто-то тихо говорилъ... Я поворачиваюсь въ ту сторону, гдѣ слышится голосъ, и въ двухъ шагахъ отъ себя вижу женскую фигуру... Нѣтъ! я не могу описать ее!... Первымъ чувствомъ моимъ былъ страхъ; но онъ тотчасъ же смѣнился благоговѣйнымъ удивленіемъ.

— И эта фигура, принцъ... Увѣрены ли вы, что это было дѣйствительное, живое существо, а не картина, или не мечта вашего воображенія?

— Слушайте... Это была дама... Нѣтъ, до сей минуты не зналъ я этого пола!... Все было сумрачно кругомъ; вечерѣющій день проникалъ въ капеллу единственнымъ окномъ; солнце, отвсюду исчезши, озаряло только эту женщину. Съ неизъяснимою прелестью полу-лежала, полу-стояла она на колѣняхъ передъ алтаремъ... Позы смѣлѣе, плѣнительнѣе, удачнѣе нельзя вообразить; линій прекраснѣе не создавала природа. Она была въ платьѣ изъ черной матеріи; оно плотно облекало ея чудный станъ и прелестныя руки и падало вкругъ нея въ широкихъ складкахъ, какъ испанская роба; ея длинные свѣтлорусые волосы, заплетенные въ двѣ широкія косы, резвернулись отъ тяжести, выбились изъ-подъ вуали и разсыпались въ милѣйшемъ безпорядкѣ по спинѣ... Одна рука лежала на распятіи; на другую, тихо склонясь, опиралась она. Но найду ли я слова, чтобы описать вамъ ангельски-прекрасное лицо, на которомъ, какъ въ святилищѣ своемъ, сіяла во всей своей прелести ангельская душа? Вечернее солнце играло на немъ, и золотые лучи окружали ея голову будто ореоломъ. Помните мадонну нашего флорентинца?—Она была предо мною живая, даже со всѣми неправильностями и особенностями, которыя казались мнѣ такъ непреодолимо-влекущими въ этой картинѣ.

Надо Вамъ сказать, о какой мадоннѣ говорилъ принцъ. Вскорѣ послѣ Вашего отъѣзда онъ познакомился здѣсь съ однимъ флорентинскимъ живописцемъ, приглашеннымъ въ Венецію написать запрестольный образъ для какой-то церкви. Онъ привезъ съ собою три картины, которыя назначалъ для галлереи палаццо Корнари. Эти картины были: Мадонна, Элоиза и Венера почти безъ всякаго одѣянія—всѣ три изумительной красоты и, при всей разности содержанія, равнаго достоинства, такъ что почти невозможно было рѣшить, которой отдать преимущество. Только принцъ ни минуты не колебался: только что увидалъ онъ ихъ, мадонна завладѣла вполнѣ его вниманіемъ; въ двухъ другихъ картинахъ онъ удивлялся генію художника, тутъ же онъ забылъ и о художникѣ, и весь погружался въ созерцаніе его произведенія. Картина произвела на него удивительное впечатлѣніе; онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Художникъ, какъ можно было замѣтить, соглашался въ душѣ съ мнѣніемъ принца; но, по странному капризу, онъ никакъ не хотѣлъ продавать трехъ картинъ своихъ въ разныя руки и просилъ за всѣ полторы тысячи цехиновъ. Принцъ предлагалъ ему половину за одну мадонну; художникъ стоялъ на своемъ, и не знаю, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бъ не нашелся рѣшительный покупщикъ. Чрезъ два часа всѣ три картины исчезли; мы ужъ не видали ихъ больше. Вотъ объ этой то мадоннѣ и вспомнилъ принцъ.

— Я стоялъ,—продолжалъ онъ,—и не сводилъ съ нея изумленнаго взора. Она не замѣчала меня, не смущалась моимъ присутствіемъ: такъ была погружена въ молитву. Она молилась Божеству, а я молился ей!... да! я ей молился... Всѣ эти статуи святыхъ, всѣ эти алтари, горящія свѣчи не наводили меня на мысль о молитвѣ; тутъ только въ первый разъ дрогнуло во мнѣ сердце, и я почувствовалъ, что стою въ святилищѣ. Признаться ли вамъ? Я твердо вѣровалъ въ эту минуту въ Того, къ Кому прикасалась ея прекрасная рука. Я читалъ отвѣтъ Его въ ея глазахъ. Ея дивное благоговѣніе осуществило Его передо мною, и я послѣдовалъ за нею въ Его небесныя обители.

„Она поднялась, и тутъ только я снова пришелъ въ себя. Въ робкомъ смущеніи отошелъ я въ сторону; шорохъ моихъ шаговъ обличилъ ей меня. Неожиданная близость мужчины должна была испугать ее; дерзость моя могла ее оскорбить; но ни того, ни другого не было во взглядѣ, брошенномъ ею на меня. Въ немъ было спокойствіе, неизъяснимое спокойствіе и ласковая улыбка озаряла ея лицо. Она снизошла со своего неба— и я былъ первымъ счастливымъ существомъ, вызвавшимъ ея благость. Она была еще на послѣднихъ ступеняхъ молитвенной лѣстницы—нога ея не коснулась еще земли.

„Тутъ послышался мнѣ шорохъ и въ другомъ углу капеллы. За мною поднялась съ церковнаго стула пожилая дама. Я до тѣхъ поръ не замѣчалъ ея. Она была лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; она могла видѣть всѣ мои движенія. Это смутило меня... Я опустилъ глаза—и платье прошелестило мимо меня".

Относительно послѣдняго предположенія я могъ успокоить принца.

— Странно! — продолжалъ онъ послѣ глубокаго молчанія. — Казалось бы, невозможно, никогда не знавши, никогда не чувствовавши и потребности въ чемъ-нибудь, вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, только и жить что имъ однимъ. Или до-

статочно одного мгновенія, чтобы раздѣлить человѣка на два столь разнородныя существа? Для меня такъ же невозможно возвратиться къ радостямъ и желаніямъ вчерашняго утра, какъ къ играмъ дѣтства—съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ ее, съ тѣхъ поръ, какъ ея образъ живетъ въ моемъ сердцѣ. Это живое, могучее чувство одно во мнѣ... „Кромѣ *ея*", говоритъ оно мнѣ: „ты не можешь ничего любить, и никто въ этомъ мірѣ не подѣйствуетъ на тебя сильнѣе!"

— Вспомните, принцъ, въ какомъ воспріимчивомъ настроеніи вы были при этой встрѣчѣ, и какъ все способствовало, чтобы расшевелить ваше воображеніе! Изъ яркаго, ослѣпительнаго дневного свѣта, изъ уличнаго шума вы вдругъ попали въ этотъ мракъ и въ это безмолвіе; вы вполнѣ отдались чувствамъ, которыя, какъ вы сами сознаетесь, возбудила въ васъ тишина, торжественность этого мѣста, обозрѣніе прекрасныхъ художественныхъ произведеній сдѣлало васъ впечатлительнѣе къ красотѣ вообще; притомъ вы были одни; такъ по крайней мѣрѣ вамъ казалось... и вдругъ, неожиданно, вы очутились около женщины, не подозрѣвая, что у васъ есть свидѣтель... Красота ея—въ этомъ случаѣ я вполнѣ вѣрю вашему чувству—казалась еще плѣнительнѣе отъ выгоднаго освѣщенія, отъ удачной позы, отъ выраженія живого благоговѣнія... Неудивительно, что воспламененное воображеніе ваше придало ей нѣчто идеальное, нѣчто небесно-совершенное.

— Да развѣ можетъ воображеніе дать то, чего оно никогда не воспринимало?.. А во всемъ кругу моихъ представленій нѣтъ ничего, чтобы я могъ сравнить съ этимъ образомъ. Цѣлый и неизмѣнный, какъ въ минуту созерцанія, хранится онъ въ моемъ воспоминаніи; у меня нѣтъ ничего, кромѣ этого образа, но я не отдалъ бы его за весь міръ!

— Принцъ, это любовь.

— Будто непремѣнно нужно названіе моему счастью? Любовь! — Не унижайте чувства моего названіемъ, которымъ злоупотребляютъ тысячи слабыхъ душъ! Кто чувствовалъ то, что я чувствую? Такого существа еще не было; какъ же могло названіе существовать прежде чувства? Это новое, отдѣльное чувство, нововозникшее съ этимъ новымъ отдѣльнымъ существомъ и только для этого существа возможное?—Любовь! любви я не боюсь!

— Вы услали Біонделло—безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы онъ пошелъ по слѣдамъ вашей незнакомки и узналъ что-нибудь о ней? Какія вѣсти принесъ онъ?

— Біонделло ничего не открылъ—все равно, что ничего. Онъ нашелъ ее еще у двери церкви. Къ ней подошелъ пожилой, пристойно одѣтый человѣкъ, съ виду больше похожій на здѣшняго гражданина, чѣмъ на слугу, и проводилъ ее къ гондолѣ. Толпа нищихъ разступилась, когда она пошла, и почтительно пропустила ее. Тутъ, по словамъ Біонделло, проглянула ея рука, украшенная драгоцѣнными камнями. Она сказала что-то своей спутницѣ; Біонделло не понялъ, что именно; онъ утверждаетъ, что онѣ говорили по-гречески. До канала было ей не близко, и около нихъ началъ собираться народъ; всѣ останавливались, какъ передъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Никто не зналъ ея; но красота—царица отъ рожденія. Всѣ почтительно уступали ей мѣсто. Она опустила на лицо черный вуаль, который закрылъ и весь станъ ея, и поспѣшно пошла къ гондолѣ. Біонделло не выпускалъ изъ виду гондолы все время, какъ она плыла по каналу Джудекки; но слѣдить за нею дальше помѣшала ему толпа.

— Хоть гондольера-то примѣтилъ ли онъ, и можетъ ли его узнать?

— Онъ говоритъ, что гондольера узналъ бы; но онъ не изъ числа тѣхъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣла. Онъ разспрашивалъ нищихъ; но они знали одно только: что синьора, уже нѣсколько недѣль, показывается тутъ обыкновенно въ субботу и всякій разъ даетъ на всѣхъ по золотой монетѣ. Монету Біонделло вымѣнялъ и принесъ мнѣ; это голландскій дукатъ.

— Значитъ, она гречанка и, повидимому, не изъ простыхъ; по крайней мѣрѣ съ состояніемъ и съ любовью къ добру. На первый разъ этого довольно, принцъ,—слишкомъ довольно. Одно странно: гречанка—и ходитъ въ католическую церковь!

— Что же тутъ страннаго? Развѣ она не могла перемѣнить религіи? Притомъ!... Тутъ все-таки есть что-то таинственное... Отчего только разъ въ недѣлю является она? отчего по субботамъ и въ эту церковь, которая, по словамъ Біонделло, въ субботу всегда пуста?—Слѣдующая суббота все разрѣшитъ. Но до тѣхъ поръ, дорогой другъ, помогите мнѣ сократить это время! Впрочемъ, это напрасно! Часы подвигаются лѣнивымъ шагомъ, а во мнѣ все горитъ.

— Ну, настанетъ наконецъ этотъ день— что же тогда, принцъ? Что намѣрены вы сдѣлать?

— Что?.. Я увижу ее. Узнаю, гдѣ она живетъ. Узнаю, кто она.—Кто бъ ни была! то, что я *видѣлъ*, осчастливило меня; и такъ я ужъ знаю все, что можетъ сдѣлать меня счастливымъ.

— А отъѣздъ нашъ изъ Венеціи? Вѣдь онъ назначенъ въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.

— Да развѣ я зналъ, что въ Венеціи есть еще такое сокровище для меня?—Вы говорите о моей вчерашней жизни. Я живу и хочу жить лишь съ сегодняшняго дня.

Мнѣ показалось кстати сдержать тутъ слово, данное мною маркизу. Я представилъ принцу, что оставаться въ Венеціи дольше невозможно при настоящемъ положеніи его кассы, и что нельзя больше разсчитывать и на помощь его двора, если онъ продлилъ свое пребываніе здѣсь за назначенный срокъ. Въ отвѣтъ на это я узналъ (чего до сихъ поръ принцъ не говорилъ), что онъ получаетъ отъ сестры своей, царствующей** правительницы ской**, секретно, одинъ изъ всѣхъ братьевъ, значительное добавочное содержаніе, и что она съ удовольствіемъ удвоитъ его, если дворъ поставитъ его въ затруднительное положеніе. Сестра эта, какъ Вы знаете, большая мечтательница и богомолка; она тратитъ чрезвычайно мало на содержаніе своего двора; у нея остаются въ экономіи большія суммы, и она отдаетъ ихъ брату, котораго безгранично уважаетъ за его мудрую благотворительность. Правда, я давно уже зналъ, что между нимъ и сестрой существуютъ близкія отношенія, что они въ постоянной перепискѣ другъ съ другомъ; но до сихъ поръ расходы принца не превышали извѣстныхъ мнѣ источниковъ, и я не подозрѣвалъ еще секретнаго, вспомогательнаго источника. Ясно, значитъ, что у принца были издержки, которыя оставались и остаются для меня тайной; зная его характеръ, я думаю, впрочемъ, что издержки эти могутъ служить лишь къ чести его. А я еще воображалъ, что вполнѣ понялъ его?—Послѣ этого открытія мнѣ уже не казалось неловкимъ сказать принцу о предложеніи маркиза... Къ немалому удивленію моему, принцъ безъ всякихъ отговорокъ принялъ его. Онъ уполномочилъ меня обдѣлать это дѣло съ маркизомъ, какъ я признаю за лучшее, и затѣмъ немедленно покончить съ ростовщикомъ. Самъ онъ хотѣлъ тотчасъ же написать къ сестрѣ.

Принцъ ушелъ отъ меня ужъ на разсвѣтѣ. Какъ ни непріятенъ мнѣ этотъ случай по *многимъ* причинамъ, но всего для меня досаднѣе въ немъ, что онъ вѣроятно отсрочитъ отъѣздъ нашъ изъ Венеціи. Отъ этой начинающейся страсти принца я скорѣе жду добра, чѣмъ дурного. Можетъ быть она послужитъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ разсѣять метафизическія грезы принца и возвратить его къ обыкновенной человѣческой средѣ; она не обойдется безъ обычнаго кризиса и, какъ искусственная болѣзнь, унесетъ и старый недугъ.

Прощайте, добрѣйшій другъ! Все это описалъ я Вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Почта сейчасъ отходитъ; Вы получите это письмо въ одинъ день съ предыдущимъ.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

20-е іюня.

Трудно найти человѣка услужливѣе этого Чивителлы. Въ послѣдній разъ, только что принцъ ушелъ отъ меня, я получилъ отъ маркиза записку съ убѣдительнѣйшимъ повтореніемъ его предложенія. Я тотчасъ же отправилъ къ нему росписку, отъ имени принца, въ шести тысячахъ цехиновъ. Не прошло и получасу, какъ я получилъ ее обратно съ удвоенною суммою, частью билетами, частью золотомъ. Принцъ подъ конецъ согласился оставить за собой всю сумму; но взамѣнъ этого и маркизъ долженъ былъ согласиться взять росписку съ обязательствомъ уплаты всего черезъ полтора мѣсяца.

Вся эта недѣля прошла въ поискахъ таинственной гречанки. Біонделло пустилъ въ ходъ всѣ пружины; но до сихъ поръ было все напрасно. Гондольера онъ, правда, отыскалъ, но толку отъ него не добился. Гондольеръ говорилъ только, что высадилъ обѣихъ дамъ на островъ Мурано; тамъ ждали ихъ носилки, и онѣ сѣли въ нихъ. Онъ думалъ, что онѣ англичанки, потому что говорили на иностранномъ языкѣ и заплатили ему золотомъ. Спутника ихъ онъ тоже не зналъ; кажется ему только, будто онъ зеркальный фабрикантъ въ Мурано. Такимъ образомъ мы узнали хоть то, что намъ слѣдуетъ искать ее не на Джудеккѣ, и что она, по всей вѣроятности, живетъ на островѣ

Мурано; по несчастію, описаніе ея, сообщенное принцемъ, вовсе не годилось для передачи третьему лицу. Страстное вниманіе, съ какимъ онъ, можно сказать, упивался ея прелестями, не дало ему хорошенько разсмотрѣть ее; онъ былъ совершенно слѣпъ для всего того, на что всякій другой обратилъ бы преимущественное вниманіе; по его изображенію, ее, казалось, легче отыскать у Петрарки или у Тасса, нежели на венеціанскомъ островѣ. Притомъ эти разспросы должны были производиться съ величайшею осторожностью, чтобы не компрометировать дамы и не возбудить какой-нибудь непріятной сплетни. Кромѣ принца, ее видѣлъ одинъ Біонделло, по крайней мѣрѣ, сквозь вуаль, и развѣ онъ одинъ могъ узнать ее; поэтому онъ долженъ былъ по возможности являться вездѣ, гдѣ только можно было предполагать встрѣтиться съ нею; всю эту недѣлю бѣдняга только и дѣлалъ, что безъ отдыха мыкался по улицамъ Венеціи. Особенно тщательны были розыски въ греческой церкви: но все понапрасну. Нетерпѣніе принца возрастало съ каждымъ обманутымъ ожиданіемъ, и ему наконецъ осталось одно утѣшеніе—ждать ближайшей субботы.

Онъ былъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Ничто его не занимало, ничто не могло увлечь. Все въ немъ было въ какой-то лихорадочной тревогѣ; для него не существовало общества, и волненіе его росло въ одиночествѣ. Между тѣмъ его какъ нарочно никогда еще не осаждали безчисленные посѣтители такъ, какъ въ эту недѣлю. Всѣ узнали о скоромъ его отъѣздѣ и тѣснились къ нему въ домъ. Приходилось занимать этихъ людей, чтобы отвлечь отъ него ихъ подозрительное вниманіе; приходилось занимать и *его*, чтобы развлечь хоть немного его мысль. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Чивителла прибѣгнулъ къ игрѣ. Онъ при этомъ надѣялся пробудить въ принцѣ временный интересъ къ картамъ, который вскорѣ могъ бы остановить романическіе порывы его страсти, не дѣлаясь слишкомъ опаснымъ.

— Карты, —говорилъ Чивителла,—предохранили меня отъ многихъ безумствъ, которыя я готовъ былъ сдѣлать, и поправили не одну сдѣланную мною глупость. Не разъ пара прекрасныхъ глазъ лишала меня разсудка и спокойствія, но часто находилъ я и то, и другое за карточнымъ столомъ, и никогда женщины не имѣли надо мной такой власти, какъ при безденежьѣ, не позволявшемъ мнѣ играть.

Не стану разбирать, насколько правъ Чивителла; но придуманное нами средство скоро начало становиться опаснѣе самой бѣды, которой мы хотѣли имъ помочь. Только большой рискъ придавалъ игрѣ мимолетный интересъ въ глазахъ принца; вскорѣ онъ готовъ былъ переступить всякія границы. Онъ уже сорвался со своей колеи. Все, что бы онъ ни дѣлалъ, принимало страстный характеръ; ко всему обращался онъ съ порывистымъ нетерпѣніемъ, овладѣвшимъ его душой. Вы знаете его равнодушіе къ деньгамъ; тутъ оно превратилось въ совершенное презрѣніе. Червонцы исчезали, какъ водяныя капли, у него въ рукахъ. Онъ почти безпрерывно проигрывался, потому что игралъ безъ всякаго вниманія. Онъ проигрывалъ огромныя суммы, потому что рисковалъ, какъ отчаянный игрокъ. Дорогой О**, съ сердечнымъ замираніемъ пишу Вамъ объ этомъ... Двѣнадцать тысячъ цехиновъ—да еще и слишкомъ—принцъ проигралъ въ четыре дня.

Не браните меня. Я и самъ браню себя жестоко. Но могъ ли я помѣшать этому? Принцъ меня не слушалъ. Я могъ только представлять ему свои опасенія—не больше. Я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, и не могу считать себя виноватымъ.

Чивителла тоже порядочно проигралъ; я выигралъ около шести сотъ цехиновъ. Безпримѣрное несчастіе принца возбудило всеобщее вниманіе; тутъ-то нельзя ему было оставить игру. Чивителла, у котораго на лицѣ написана радость, когда онъ можетъ обязать принца, тотчасъ же далъ ему сумму. Дѣло улажено, но принцъ долженъ теперь маркизу двадцать четыре тысячи цехиновъ. О! какъ бы пріятно было прибѣгнуть къ экономической шкатулкѣ благочестивой сестрицы!—Неужто всѣ государи таковы, дорогой другъ? Принцъ держитъ себя такъ, какъ-будто оказалъ особенную честь маркизу, а этотъ играетъ свою роль, право, не дурно.

Чивителла старался успокоить меня, увѣряя, что именно эта неразсчетливость, это необыкновенное несчастіе—самое дѣйствительное средство образумить принца. По его словамъ, не въ деньгахъ тутъ дѣло. Эта сумма для него ничего не значитъ, и онъ готовъ предложить принцу, когда угодно, втрое больше. Кардиналъ тоже увѣрилъ меня, что племянникъ его дѣй-

ствуетъ вполнѣ искренно, и говорилъ, что хоть сейчасъ поручится за него.

Хуже всего то, что эти громадныя потери не произвели ожидаемаго дѣйствія. Можно подумать, что принцъ по крайней мѣрѣ игралъ съ увлеченіемъ. Ничуть не бывало. Мысли его были далеко, и страсть, которую мы старались потушить въ немъ, находила повидимому лишь новую пищу въ его неудачахъ въ игрѣ. И въ самыя рѣшительныя минуты, когда всѣ съ трепетнымъ ожиданіемъ тѣснились къ игорному столу, его глаза искали Біонделло, чтобы прочесть у него на лицѣ, не несетъ ли онъ какой вѣсти. Біонделло ничего не приносилъ—и карта бывала убита.

Деньги уходили, впрочемъ, въ очень небогатыя руки. Нѣсколько превосходительныхъ особъ, которыя, какъ злобно увѣряютъ въ свѣтѣ, сами ходятъ на рынокъ за скудной провизіей къ обѣду и приносятъ ее домой въ своихъ сенаторскихъ шапкахъ, явились къ намъ въ домъ нищими и оставили его съ полными карманами. Чивителла указалъ мнѣ ихъ.

— Посмотрите,—говорилъ онъ,—сколькимъ бѣднякамъ пользы отъ того, что умному человѣку вздумалось подурачиться! Впрочемъ, это хорошо. Это по-княжески, по-царски! Великій человѣкъ долженъ и въ заблужденіяхъ своихъ доставлять счастье другимъ и, какъ разлившаяся рѣка, орошать сосѣднія поля.

У Чивителлы прекрасная, благородная душа... Но принцъ долженъ ему двадцать четыре тысячи цехиновъ!

Суббота, которой мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, наступила, и принцъ, разумѣется, не медля ни минуты, отправился въ церковь **. Онъ помѣстился въ той же капеллѣ, гдѣ въ первый разъ увидалъ свою незнакомку, но такъ, чтобы не попасться ей сразу на глаза. Біонделло долженъ былъ стоять часовымъ у церковныхъ дверей и завязать тутъ знакомство съ провожатымъ дамы. Я взялся сыграть роль совершенно посторонняго человѣка и, при возвращеніи незнакомки, помѣститься съ нею въ одной гондолѣ, чтобы идти по ея слѣдамъ, если бы все остальное не удалось. На томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ гондольера, онъ высадилъ ее въ первый разъ, были приготовлены двое носилокъ; кромѣ того, принцъ приказалъ камеръ-юнкеру Ц** слѣдовать за нею въ особой гондолѣ. Самъ принцъ готовился вполнѣ отдаться созерцанію своей красавицы и, если будетъ случай, попытать счастье въ церкви. Чивителла долженъ былъ остаться дома, потому что пользовался дурной репутаціей между венеціанскими женщинами, и могъ, пожалуй, вмѣшательствомъ своимъ возбудить въ незнакомкѣ недовѣріе. Вы видите, любезный графъ, что мы не виноваты, если красавица отъ насъ ускользнула.

Трудно представить желанія пламеннѣе тѣхъ, что одушевляли принца въ церкви, да трудно вообразить и болѣе грустное разочарованіе. До самыхъ сумерекъ ждалъ принцъ въ капеллѣ... Каждый шорохъ, слышавшійся вблизи, каждый скрипъ церковной двери кидалъ его въ жаръ и трепетъ... битыхъ семь часовъ ждалъ онъ — гречанка все не являлась! Не стану вамъ говорить о состояніи его души. Вы знаете, что такое—несбывшаяся надежда, и притомъ надежда, которою почти исключительно жилъ человѣкъ въ теченіе семи дней и семи ночей.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Іюль.

Таинственная незнакомка нашего принца напомнила маркизу Чивителла романическое приключеніе, случившееся нѣсколько времени тому назадъ съ нимъ самимъ, и онъ, чтобы немножко разсѣять принца, разсказалъ намъ его. Передаю Вамъ этотъ разсказъ его собственными словами. Изложеніе мое не можетъ передать только той живости, которою онъ умѣетъ одушевлять все, что говоритъ.

„Прошлою весной",—разсказывалъ Чивителла:—„я имѣлъ несчастіе возстановить противъ себя испанскаго посланника, который сглупилъ на своемъ семидесятомъ году, женившись на восемнадцатилѣтней римлянкѣ. Мщеніе его преслѣдовало меня, и друзья мои совѣтовали мнѣ уѣхать на время, чтобы спастись онъ него, и ждать, пока рука природы или какая-нибудь полюбовная сдѣлка не избавитъ меня отъ опаснаго врага. Мнѣ казалось слишкомъ тяжко совсѣмъ разстаться съ Венеціей, и потому я поселился въ одномъ отдаленномъ кварталѣ на Мурано, гдѣ нанялъ подъ чужимъ именемъ уединенный домикъ. Днемъ я не показывался, а по ночамъ принадлежалъ друзьямъ и удовольствіямъ.

„Окна мои выходили въ садъ, на западъ упиравшійся въ стѣну одного монастыря, а на востокъ вдававшійся маленькимъ полуостровомъ въ лагуну. Садъ былъ прелестный, но его мало посѣщали. По утрамъ, простясь со своими пріятелями, я имѣлъ обыкновеніе, прежде чѣмъ лечь спать, проводить нѣсколько минутъ у окна, встрѣчать восходъ солнца надъ заливомъ и уже затѣмъ, пожелавъ ему спокойной ночи, отправляться въ постель. Если вы, принцъ, не испытали еще этого удовольствія, я рекомендую вамъ это мѣсто, чтобы насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Лучше его, кажется, и нѣтъ во всей Венеціи. Пурпуровая ночь лежитъ надъ водами, и золотой паръ, окаймляющій вдали лагуну, возвѣщаетъ приближеніе солнца. Небо и море исполнены мирнаго ожиданія. Мигъ, и оно явилось во всемъ блескѣ своемъ, и волны горятъ... Это дивное зрѣлище!

„Однажды утромъ, любуясь такимъ образомъ великолѣпною картиною природы, я вдругъ замѣчаю, что я не единственный ея зритель. Мнѣ слышатся голоса въ саду, я смотрю и вижу: къ берегу пристаетъ гондола. Черезъ нѣсколько минутъ въ саду появляются люди и приближаются тихими шагами, какъ гуляющіе, по аллеѣ. Я разглядываю мужчину и женщину и за ними маленькаго негра. Женщина одѣта въ бѣломъ, и на рукѣ у нея блеститъ брилліантъ. Больше пока не могу я ничего различить въ сумракѣ.

„Любопытство зашевелилось во мнѣ. Вѣроятно, это любовное свиданіе влюбленной четы... Но почему же именно здѣсь и въ такую необыкновенную пору? Было всего три часа, и все еще было окутано мутнымъ сумракомъ. Случай этотъ показался мнѣ новъ и представлялъ какъ-будто завязку романа. Мнѣ хотѣлось дождаться конца.

„Я потерялъ ихъ изъ виду въ густой зелени сада и долго ждалъ ихъ появленія снова. Между тѣмъ садъ огласился пріятнымъ пѣніемъ. Это пѣлъ отъ скуки гондольеръ, сидя въ своей гондолѣ; ему вторилъ товарищъ по сосѣдству. Пѣсня была — стансы изъ Тасса; пора и мѣсто гармонировали имъ, и мелодія отрадно звучала среди всеобщей тишины.

„День между тѣмъ свѣтлѣлъ, и предметы обозначались яснѣе. Я сталъ искать глазами свою чету. Они шли рука объ руку по широкой аллеѣ и часто пріостанавливались; но они были обращены ко мнѣ спиной, и аллея шла довольно далеко отъ моего дома. По граціи ихъ походки я заключилъ, что они принадлежатъ къ аристократіи; по благородству и красотѣ стана женщины — что она и лицомъ необыкновенная красавица. Они говорили повидимому мало, но дама все-таки больше, чѣмъ ея спутникъ. Зрѣлище восхода солнца, сіявшаго въ эту минуту во всемъ своемъ величіи, кажется, вовсе ихъ не занимало.

„Пока я пошелъ за зрительной трубкой и навелъ ее, чтобы разсмотрѣть, какъ можно ближе, странныхъ гостей сада, они опять вдругъ исчезли въ боковой аллеѣ, и прошло не мало времени, прежде чѣмъ я опять увидалъ ихъ. Солнце совсѣмъ уже взошло; они показались изъ аллеи близко отъ моего окна и шли лицомъ ко мнѣ... Что за небесныя черты увидалъ я!.. Было ли это игрой воображенія, или освѣщеніе производило такой волшебный эффектъ, но мнѣ казалось, что я вижу неземное существо, и я невольно опустилъ глаза, пораженные ослѣпительнымъ свѣтомъ. Сколько величія и при этомъ сколько кротости! сколько души и благородства, и какой пышный дѣвственный расцвѣтъ! Описать вамъ ее нечего и стараться. Съ этой минуты для меня не существовало иной красоты!

Интересъ разговора удержалъ ее неподалеку отъ меня, и я могъ свободно любоваться ею. Но едва взглядъ мой упалъ на ея спутника, даже самая красота ея не могла уже отвлечь его. Это былъ, какъ мнѣ показалось, человѣкъ среднихъ лѣтъ, довольно худой, высокій и стройный; но еще ни разу ни на одномъ челѣ не видалъ я такого отсвѣта ума, такого благородства, такой божественности. Какъ ни былъ я обезпеченъ, что меня нельзя видѣть, а все же не могъ выдерживать пронзительнаго взгляда, сверкавшаго молніей изъ-подъ темныхъ бровей. Въ глазахъ его виднѣлась тихая, трогательная печаль, и лишь кроткое выраженіе губъ смягчало строгую мрачность, лежавшую на всемъ его лицѣ. Характеръ лица былъ не европейскій; какъ это, такъ и одежда, составленная изъ самыхъ разнородныхъ принадлежностей съ неподражаемымъ вкусомъ, придавали ему оригинальный видъ и усиливали чрезвычайное впечатлѣніе, производимое всѣмъ его существомъ. Что-то дикое во взорѣ заставляло предполагать въ немъ мечтателя, но манеры его и внѣшняя порядочность обличали человѣка, много вращающагося въ свѣтѣ".

Тутъ Ц**, по извѣстной Вамъ склонности высказывать все, что думаетъ, не выдержалъ.

— Это нашъ армянинъ!—воскликнулъ онъ: — нашъ армянинъ! Больше некому быть!

— Что за армянинъ?—спросилъ Чивителла.

— А вы не слыхали объ этой комедіи?—сказалъ принцъ.—Впрочемъ, безъ отступленій! Меня начинаетъ интересовать вашъ незнакомецъ. Продолжайте вашъ разсказъ.

„Въ поведеніи этого человѣка было что-то непостижимое. Глаза его внимательно, страстно покоились на его спутницѣ, когда она смотрѣла въ сторону, и опускались, встрѣчаясь съ ея глазами. Что это за человѣкъ? думалъ я, и готовъ былъ простоять цѣлую вѣчность, наблюдая его.

„Они опять исчезли въ кустахъ. Я долго, долго ждалъ ихъ появленія, но напрасно. Наконецъ изъ другого окна я опять увидалъ ихъ.

„Они стояли у бассейна, въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, оба въ глубокомъ молчаніи. Вѣроятно, довольно долго уже оставались они въ такомъ положеніи. Ея открытые, выразительные глаза были пытливо обращены на него и, казалось, читали каждую возникающую мысль на его челѣ. Онъ, словно не отваживаясь любоваться ею прямо, украдкой ловилъ ея образъ въ зеркальной водѣ или останавливалъ глаза на дельфинѣ фонтана. Не знаю, долго ли продлилась бы эта нѣмая бесѣда, если бъ дама не прервала ее. Съ прелестнѣйшею нѣжностью подошла она къ нему, обвила рукой его шею, взяла его руку и поднесла ее къ своимъ губамъ. Онъ холодно и небрежно принялъ эту ласку и не отвѣтилъ на нее лаской.

„Въ этой сценѣ было для меня нѣчто трогательное. Именно его было жаль. Казалось, борьба глубокаго чувства происходила у него въ груди; непреоборимая сила влекла его къ ней, а какая-то незримая рука отталкивала. Безмолвна, но мучительна была эта борьба и опасность такъ обаятельна! Нѣтъ, думалъ я, онъ беретъ подвигъ не по силамъ. Онъ падетъ, онъ долженъ пасть.

„Онъ подалъ незамѣтный знакъ, и маленькій негръ исчезъ. Я ждалъ чувствительной сцены, колѣнопреклоненной мольбы о прощеніи, примиренія, запечатлѣннаго тысячью поцѣлуевъ. Ничуть не бывало. Этотъ непостижимый человѣкъ вынулъ изъ бумажника запечатанный пакетъ и подалъ его дамѣ. Взглянувъ на пакетъ, она омрачилась, и въ глазахъ ея блеснули слезы.

„Послѣ краткаго молчанія бесѣда ихъ кончилась. Изъ боковой аллеи подошла къ нимъ пожилая дама, все время бывшая отъ нихъ въ отдаленіи и только тутъ мною замѣченная. Обѣ женщины тихо пошли, разговаривая другъ съ другомъ; пользуясь этимъ случаемъ, спутникъ незамѣтно отсталъ отъ нихъ. Нерѣшительно и пристально взглянулъ онъ на красавицу, постоялъ и пошелъ, потомъ опять постоялъ— и вдругъ исчезъ въ кустахъ.

„Молодая дама, наконецъ, оглянулась. Ею овладѣваетъ безпокойство, что его нѣтъ позади; она останавливается, повидимому поджидая его. Его нѣтъ. Взоры ея робко обращаются по сторонамъ; она удвоиваетъ шаги. Я тоже осматриваю весь садъ изъ окна, и не вижу его. Его нѣтъ нигдѣ.

„Вдругъ съ канала слышится плескъ весла, и отъ берега отчаливаетъ гондола. Это былъ онъ, и я насилу удержался, чтобы не крикнуть. Теперь ясно—это была сцена разставанья.

„Она, казалось, *подозрѣвала* то, что я зналъ. Она быстро побѣжала къ берегу, такъ что спутница ея не могла поспѣть за нею. Но ужъ поздно. Гондола летѣла, какъ стрѣла, и только бѣлый платокъ развѣвался вдали. Вскорѣ уѣхали и дамы.

„Проснувшись послѣ краткой дремоты, я невольно посмѣялся надъ своимъ ослѣпленіемъ. Фантазія продолжала это происшествіе во снѣ, и самая дѣйствительность превратилась для меня какъ бы въ сонъ. Прелестная, какъ гурія, дѣвушка, гуляющая до солнечнаго восхода въ отдаленномъ саду передъ моими окнами со своимъ любовникомъ; любовникъ, не умѣющій сдѣлать лучшаго изъ этой поры—все это казалось вымысломъ, способнымъ родиться развѣ въ фантазіи спящаго человѣка. Но сонъ былъ такъ прекрасенъ, что мнѣ хотѣлось бы чаще повторять его, и самый садъ сталъ для меня дороже съ тѣхъ поръ, какъ фантазія моя населила его такими плѣнительными образами. За этимъ утромъ слѣдовало нѣсколько пасмурныхъ дней; они отогнали меня отъ окна; но въ первый же ясный вечеръ я невольно возратился къ нему. Судите сами о моемъ изумленіи! Глаза мои недолго бродили по саду, какъ имъ мелькнуло бѣлое платье моей незна-

комки. Это была она сама. Да, она сама. Значитъ, это былъ не сонъ.

„Съ нею была прежняя пожилая дама; она вела за руку небольшого мальчика. Сама же она шла задумчиво и поодаль. Вмѣстѣ съ спутницей своей посѣтила она всѣ мѣста, ставшія для нея замѣчательными со времени перваго посѣщенія, когда съ нею былъ ея кавалеръ. Дольше всего остановилась она у бассейна, и ея напряженный, неподвижный взглядъ, казалось, напрасно искалъ милый образъ.

„Эта чудная красота увлекла меня въ первый разъ, какъ я увидалъ ее; въ этотъ разъ она произвела на меня болѣе кроткое впечатлѣніе, хотя и не менѣе сильное. Я могъ уже совершенно свободно любоваться небеснымъ лицомъ; изумленіе первой встрѣчи незамѣтно смѣнилось отраднымъ чувствомъ. Ореолъ ея для меня исчезъ, и я видѣлъ въ ней лишь прелестнѣйшую изъ женщинъ, распалящую мои чувства. Эта минута рѣшила все. Она будетъ моею! сказалъ я.

„Пока я разсуждалъ, сойти ли мнѣ внизъ и приблизиться къ ней, или прежде, чѣмъ рѣшиться на это, навести объ ней справки, отворилась маленькая калитка въ монастырской стѣнѣ, и изъ нея вышелъ монахъ-кармелитъ. Заслышавъ шорохъ, дама оставила свое мѣсто и быстрыми шагами пошла къ нему навстрѣчу. Онъ вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу. Она порывисто схватила ее, и какъ-будто свѣтлая радость мелькнула по ея лицу.

„Въ эту самую минуту мои обычные вечерніе посѣтители отвлекли меня отъ окна. Я не подхожу къ нему ни на шагъ, чтобы не сдѣлать другихъ участниками въ моемъ открытіи. Цѣлый часъ приходится мнѣ оставаться въ этомъ мучительномъ нетерпѣніи; наконецъ мнѣ удается выпроводить непрошенныхъ гостей. Я подбѣгаю къ окну, но все уже исчезло!

„Садъ совершенно пустъ; я схожу въ него. На каналѣ нѣтъ уже ни одной лодки. Нигдѣ ни слѣда людей. Я не знаю, ни откуда пріѣзжала она, ни куда уѣхала. Я бродилъ по саду, глядя во всѣ стороны, и вдругъ мнѣ мелькнуло въ глаза что-то бѣлое на пескѣ аллеи. Я подхожу. Это бумажка, свернутая въ формѣ письма. Что могло это быть, какъ не письмо, переданное ей кармелитомъ? Счастливая находка! воскликнулъ я. Это письмо разоблачитъ мнѣ всю тайну; оно сдѣлаетъ меня владыкой ея судьбы.

„На печати былъ сфинксъ, на письмѣ не было адреса, и оно было написано цифирью; это меня не испугало, потому что я умѣю разбирать эти таинственные знаки. Я наскоро переписалъ письмо, боясь, чтобы она не хватилась его и не возвратилась въ садъ на поиски. Если она не найдетъ письма, сообразилъ я, она подумаетъ, что въ саду было много гуляющихъ и, пожалуй, уже не заглянетъ сюда въ другой разъ. Тогда всѣмъ надеждамъ моимъ конецъ!

„Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Я только что переписалъ письмо, какъ она явилась съ прежней спутницей своей, и обѣ принялись тревожно искать. Я прилѣпилъ письмо къ куску черепицы, который снялъ съ кровли, и бросилъ его въ такое мѣсто, гдѣ она должна была пройти. Ея плѣнительная радость при находкѣ письма наградила меня за мое великодушіе. Она тщательно осмотрѣла письмо со всѣхъ сторонъ, словно стараясь угадать непосвященную руку, можетъ быть касавшуюся до него; но лицо ея не выражало и тѣни неудовольствія, когда она прятала письмо, и показывало, что она ничего не подозрѣвала. Она пошла, и, обративъ взоръ назадъ, казалось, благодарила боговъ-охранителей сада, что они такъ вѣрно сберегли тайну ея сердца.

„Я принялся разбирать письмо. Я перепробовалъ нѣсколько языковъ; наконецъ остановился на англійскомъ. Содержаніе письма было для меня такъ интересно, что я удержалъ его цѣликомъ въ памяти".

Мнѣ приходится оставить перо. Доскажу въ другой разъ.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Августъ.

Нѣтъ, любезный другъ, Вы несправедливы къ доброму Біонделло. Вы напрасно подозрѣваете его. Я готовъ согласиться съ Вами, что всѣ итальянцы—мошенники; но Біонделло—малый честный.

Вамъ кажется страннымъ, что человѣкъ съ такими блестящими талантами и съ такимъ примѣрнымъ поведеніемъ могъ поступить въ услуженіе, если бъ у него не было при этомъ какихъ-нибудь тайныхъ цѣлей, и Вы думаете, что эти цѣли подозрительны. Какъ? Развѣ есть что-нибудь

необыкновенное въ томъ, что умный и даровитый человѣкъ старается понравиться принцу, который можетъ составить его счастье? Развѣ это такъ унизительно? И развѣ не ясно изо всего, что Біонделло лично привязанъ къ принцу? Онъ признался, что у него есть въ запасѣ какая-то просьба къ нему. Можетъ быть у него и есть тайныя цѣли; но отчего же не быть имъ невинными?

Васъ удивляетъ, что въ первые мѣсяцы (когда мы еще пользовались Вашимъ обществомъ) Біонделло скрывалъ всѣ свои высокіе таланты, которые проявляетъ теперь, и ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Это правда; но былъ ли у него тогда случай отличиться? Принцу еще не нужно было его услугъ; а остальные таланты его открыли мы случайно.

Но недавно онъ представилъ намъ доказательство своей преданности и честности, которое уничтожитъ всѣ Ваши сомнѣнія. За принцемъ слѣдятъ. Собираютъ тайныя свѣдѣнія о прежнемъ образѣ его жизни, о его знакомствахъ и отношеніяхъ. Не знаю, кому, это любопытно. Но вотъ послушайте.

Здѣсь въ ** есть трактиръ, гдѣ часто бываетъ Біонделло; какая у него тамъ приманка—не знаю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ заходитъ туда и застаетъ цѣлую компанію: адвокатовъ и чиновниковъ, веселыхъ малыхъ и своихъ знакомыхъ. Всѣ

удивляются, всѣ рады, что встрѣтились съ нимъ. Возобновляется старое знакомство; каждый принимается разсказывать свою исторію до настоящей минуты; требуютъ, чтобъ и Біонделло разсказалъ. Онъ передаетъ все въ немногихъ словахъ. Ему желаютъ счастья въ новой должности, говорятъ, что уже слышали о роскошномъ образѣ жизни принца, о щедрости его, преимущественно къ людямъ, умѣющимъ хранить тайны; всѣмъ извѣстна его дружба съ кардиналомъ А** и его страсть къ игрѣ и проч. Біонделло удивленъ... Надъ нимъ подшучиваютъ, что онъ накидываетъ на себя такую таинственность, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что онъ исполняетъ всѣ порученія принца **; два адвоката сажаютъ его между собою; бутылка живо пустѣетъ.. Принуждаютъ пить и его; онъ отговаривается, что не можетъ, но все таки пьетъ, чтобъ казаться пьянымъ.

— а!—говоритъ, наконецъ, одинъ изъ адвокатовъ: Біонделло знаетъ свое ремесло, да еще не совсѣмъ, а только на половину,

— Чего же мнѣ недостаетъ?—спрашиваетъ Біонделло.

— Ты умѣешь,—говоритъ другой адвокатъ,—беречь тайны, а не умѣешь сбывать ихъ съ выгодой.

— А развѣ найдутся покупщики?—спрашиваетъ Біонделло.

Тутъ другіе гости удалились изъ комнаты, и онъ остался съ глазу на глазъ съ двумя адвокатами, у которыхъ развязался языкъ. Короче вамъ сказать, они уговаривали его доставлять имъ свѣдѣнія объотношеніяхъ принца къ кардиналу и его племяннику, указать имъ источникъ, откуда принцъ достаетъ деньги, и передавать имъ письма, адресованныя къ графу О**. Біонделло сказалъ, что дастъ имъ отвѣтъ въ другой разъ; но по чьему приказанію они дѣйствуютъ—не могъ отъ нихъ вывѣдать. Судя по блестящимъ предложеніямъ, обращеннымъ ими къ Біонделло, они должны быть агентами очень богатаго человѣка.

Вчера вечеромъ Біонделло разсказывалъ обо всемъ этомъ принцу. Принцъ хотѣлъ было тотчасъ же забрать въ руки этихъ шпіоновъ; но Біонделло отговорилъ его. Вѣдь ихъ пришлось бы потомъ освободить, и тогда онъ потерялъ бы между ними всякій кредитъ, да можетъ быть и самая жизнь его подвергалась бы опасности. Весь этотъ народъ за-одно; Біонделло говорилъ, что ему легче было бы быть во враждѣ съ цѣлымъ венеціанскимъ сенатомъ, нежели прослыть между ними за измѣнника, Къ тому жъ онъ не могъ бы ужъ быть полезнымъ и принцу, потерявъ довѣріе простого класса.

Мы думали и гадали, что бы это значило. Кому въ Венеціи такъ важно знать, что принцъ получаетъ и тратитъ, что у него за сношенія съ кардиналомъ А**и, и что я пишу къ вамъ? Ужъ не по порученію ли это принца **д**? Или не опять ли поднялся армянинъ?

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Августъ.

Принцъ утопаетъ въ любви и счастьи, Онъ нашелъ свою гречанку. Послушайте, какъ это случилось.

Одинъ путешественникъ, проѣзжавшій черезъ Кіоццо, много разсказывалъ намъ о прекрасномъ мѣстоположеніи этого города, и принцу захотѣлось побывать тамъ. Вчера мы привели это въ исполненіе. Для избѣжанія всякаго принужденія и лишнихъ издержекъ, принца должны были сопровождать только Ц** и я, да Біонделло. Принцъ хотѣлъ остаться инкогнито. Туда какъ разъ отходило судно, и мы взяли на немъ мѣста. Общество было очень смѣшанное, но не замѣчательное ничѣмъ, и путь нашъ не представлялъ ничего особеннаго.

Кіоццо выстроенъ на крѣпкихъ сваяхъ, какъ Венеція, и въ немъ считается около сорока тысячъ жителей. Дворянства здѣсь почти не видать, и на каждомъ шагу рыбаки и матросы. Всякій, кто ходитъ въ парикѣ и въ плащѣ, именуется богачемъ; шапка и епанча счатаются признакомъ бѣдности. Мѣстоположеніе города прекрасно, но не послѣ Венеціи.

Мы остались тамъ не долго. Корабль, на которомъ было довольно пассажировъ и кромѣ насъ, долженъ былъ вскорѣ отправиться назадъ въ Венецію, а принца ничто въ Кіоццо не привязывало. Всѣ уже были въ сборѣ, когда мы явились на корабль. Въ первый проѣздъ насъ нѣсколько стѣсняло общество пассажировъ, и поэтому мы взяли на этотъ разъ отдѣльную каюту. Принцъ спросилъ, кто есть еще на кораблѣ. Ему отвѣчали: доминиканецъ и двѣ дамы, возвращающіяся въ Венецію. Принцъ не полюбопытствовалъ взглянуть на нихъ и тотчасъ же занялъ свою каюту.

И въ первый проѣздъ, и на возвратномъ пути предметомъ нашего разговора была

гречанка. Принцъ съ жаромъ вспоминалъ о встрѣчѣ съ нею въ церкви; составлялъ разные планы и отвергалъ ихъ; время прошло незамѣтно; мы не успѣли опомниться, какъ были уже въ Венеціи. Нѣкоторые пассажиры съѣхали на берегъ между ними былъ и доминиканецъ. Хозяинъ судна явился къ дамамъ, которыхъ, какъ оказалось, отдѣляла отъ насъ лишь тонкая досчатая стѣна, и спросилъ, гдѣ угодно имъ пристать.

— Къ острову Мурано,—отвѣчали ему, и при этомъ назвали домъ.

— Къ острову Мурано?—воскликнулъ принцъ, и, казалось, по душѣ его прошелъ трепетъ предчувствія.

Я не успѣлъ отвѣтить ему, какъ вбѣжалъ Біонделло.

— Знаете ли, кто съ нами ѣдетъ?

Принцъ вскочилъ.

— Она здѣсь! она сама! — продолжалъ Біонделло. — Я сейчасъ говорилъ съ ея провожатымъ.

Принцъ выбѣжалъ изъ каюты. Ему было тутъ тѣсно и душно; тѣсно и душно было бы ему въ эту минуту и въ цѣломъ мірѣ. Тысячи чувствъ кипѣли въ немъ, колѣни дрожали, блѣдность смѣнялась румянцемъ, румянѣцъ блѣдностью на его лицѣ. Я дрожалъ и самъ отъ ожиданія. Описать это состояніе я не умѣю.

Мы причалили къ Мурано. Принцъ соскочилъ на берегъ. Она появилась. На лицѣ принца прочелъ я, что это она. Взглядъ на нее не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія. Я никогда не видалъ болѣе чудной красавицы; дѣйствительность помрачила всѣ разсказы принца. Горячій румянецъ разлился по ея лицу, когда она увидала принца. Она многозначительно взглянула на свою спутницу, словно хотѣла сказать: „вотъ онъ!“ и въ смущеніи потупила глаза. Съ корабля спустили узкую доску, по которой должна была она сойти. Казалось, она вступила на нее со страхомъ... Но, мнѣ кажется, она боялась не столько поскользнуться, сколько итти безъ чужой помощи, а принцъ протянулъ уже руку, чтобы пособить ей. Смущеніе уступило необходимости. Она подала руку принцу и сошла на берегъ. Принцъ отъ сильнаго волненія оказался не совсѣмъ вѣжливымъ; другая дама ждала отъ него такой же услуги, но онъ забылъ о ней... о чемъ не забылъ бы онъ въ эту минуту! Наконецъ ужъ я помогъ ей, и такимъ образомъ не слыхалъ начала разговора, завязавшагося между принцемъ и молодою дамой.

Онъ все еще не выпускалъ ея руки—вѣроятно въ разсѣянности и вовсе о томъ не думая.

— Уже не въ первый разъ, синьора, я... мнѣ...

Онъ не могъ договорить.

— Я какъ будто помню, — прошептала она.

— Въ церкви***,—сказалъ онъ.

— Въ церкви***,—сказала она.

— Могъ ли я предполагать, что сегодня буду около васъ...

Тутъ она стала слегка высвобождать свою руку. Онъ видимо смутилъ ее. Біонделло, говорившій между тѣмъ со слугою, подоспѣлъ ему на помощь.

— Синьоръ,—началъ онъ,—дамы приказали быть здѣсь носилкамъ, но мы пріѣхали раньше, чѣмъ можно было предполагать. Здѣсь есть по близости садъ, гдѣ вы можете побыть покуда, чтобы избѣжать толкотни.

Предложеніе было принято—и Вы можете вообразить, какъ обрадовался ему принцъ. Мы остались въ саду до вечера. Ц** и мнѣ удалось занять старшую даму, чтобы принцъ могъ, не стѣсняясь, говорить съ молодой. Что онъ съумѣлъ воспользоваться этими минутами, Вы можете судить по тому, что онъ получилъ позволеніе бывать у нея. И теперь, въ то время, какъ я пишу къ вамъ, онъ тамъ. Какъ воротится, я больше узнаю.

Вчера, возвратясь домой, мы нашли и векселя отъ нашего двора, которыхъ ожидали, но при письмѣ, сильно раздражившемъ принца. Его отзываютъ назадъ и вовсе непривычнымъ для него тономъ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, въ такомъ же тонѣ, и остался здѣсь. Векселей едва достаетъ на уплату процентовъ съ должныхъ имъ капиталовъ. Мы ждемъ не дождемся отвѣта отъ его сестры.

Баронъ Ф** къ графу О**.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Сентябрь.

Принцъ разошелся со своимъ дворомъ; мы уже не будемъ получать оттуда никакого содержанія.

Шесть недѣль, по истеченіи коихъ принцъ долженъ былъ заплатить маркизу, миновали; прошло уже нѣсколько дней послѣ срока, а все не было еще векселей ни отъ

двоюроднаго брата принца, у котораго онъ снова убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ денегъ, ни отъ сестры. Разумѣется, Чивителла не напоминалъ о своемъ долгѣ; но тѣмъ болѣе заботилъ этотъ долгъ принца. Вчера утромъ получился отвѣтъ отъ царствующаго двора.

Незадолго передъ тѣмъ мы заключили новый контрактъ по найму отеля, и принцъ всѣмъ уже объявилъ, что останется въ Венеціи дольше. Не говоря ни слова, подалъ онъ мнѣ письмо. Глаза у него сверкали; я уже по лицу его угадалъ содержаніе письма.

Какъ вы думаете, дорогой другъ? Въ ** извѣстны всѣ здѣшнія отношенія принца, и клевета сплела изъ нихъ отвратительную ткань всякой лжи. „До свѣдѣнія двора дошло", говорится между прочимъ въ письмѣ: „что съ нѣкотораго времени принцъ началъ измѣнять своему прежнему характеру и усвоилъ себѣ образъ поведенія, совершенно противуположный его прежнему похвальному направленію. Какъ слышно, онъ предается самымъ непозволительнымъ образомъ женщинамъ и игрѣ, путается въ долги, водится съ духовидцами и заклинателями, состоитъ въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ католическими прелатами и окружаетъ себя роскошью, превышающей и санъ его, и доходы. Говорятъ даже, что онъ хочетъ увѣнчать это въ высшей степени неприличное поведеніе переходомъ въ римско-католическое вѣроисповѣданіе. Чтобы оправдать себя отъ послѣдняго обвиненія, онъ должен̄ъ немедленно возвратиться. Одинъ изъ венеціанскихъ банкировъ, которому будетъ передано состояніе его долговъ, получилъ порученіе удовлетворить всѣхъ его кредиторовъ *тотчасъ послѣ его отъѣзда;* ибо, при помянутыхъ обстоятельствахъ, было бы предосудительно дать деньги ему въ руки".

Какія обвиненія и какой тонъ! Я взялъ письмо, прочиталъ его еще разъ, желая найти въ немъ хоть что-нибудь, чтобы смягчило первое впечатлѣніе; но ничего не нашелъ и не понимаю его.

Ц** припомнилъ мнѣ таинственные разспросы, обращенные нѣсколько времени тому назадъ къ Біонделло. Время, смыслъ ихъ и всѣ обстоятельства подтверждали его подозрѣніе. Мы несправедливо приписывали шпіонство армянину. Теперь было ясно, кто устроилъ его. Перейти въ католичество!.. Да кому какая выгода такъ отвратительно и такъ плоско клеветать на принца? Я думаю, что это штуки принца **д**, которому во что бы то ни стало хочется удалить нашего принца изъ Венеціи.

Принцъ все еще молчалъ, неподвижно устремивъ взоръ впередъ. Молчаніе его безпокоило меня. Я бросился къ его ногамъ.

— Ради Бога, принцъ, — воскликнулъ я,—не принимайте никакого крутого рѣшенія! Вы должны получить и получите полнѣйшее удовлетвореніе. Предоставьте это дѣло *мнѣ*. Отправьте меня туда. Оправдываться противъ такихъ обвиненій несовмѣстно съ вашимъ достоинствомъ; но позвольте сдѣлать это *мнѣ*. Надо узнать имя клеветника и открыть глаза ***.

Въ этомъ положеніи засталъ насъ Чивителла. Онъ съ удивленіемъ сталъ разспрашивать о причинѣ такой тревоги. Ц** и я молчали. Но принцъ давно уже привыкъ не дѣлать различія между нами и имъ; да къ тому же онъ былъ въ эту минуту черезчуръ взволнованъ и не могъ разсудить дѣла хладнокровно, и потому велѣлъ намъ передать письмо маркизу. Я не рѣшался, но принцъ вырвалъ письмо у меня изъ рукъ и самъ вручилъ его Чивителлѣ.

— Я вашъ должникъ, маркизъ,—началъ принцъ, когда тотъ въ изумленіи прочелъ письмо,—но не тревожьтесь этимъ. Дайте мнѣ только двадцать дней сроку—и вы будете удовлетворены.

— Принцъ!—воскликнулъ въ сильнѣйшемъ волненіи Чивителла:—чѣмъ я заслужилъ это?

— Вы не хотѣли напоминать мнѣ о моемъ долгѣ; я чувствую вашу деликатность и благодарю васъ за нее. Черезъ двадцать дней, повторяю, вы будете удовлетворены.

— Что это значитъ?—спросилъ меня пораженный Чивителла.—Какая тутъ связь? Я этого не понимаю.

Мы объяснили ему, что знали сами. Онъ вышелъ изъ себя и говорилъ, что принцъ долженъ непремѣнно требовать удовлетворенія, что ему нанесена неслыханная обида, а пока умолялъ принца безгранично пользоваться и его состояніемъ, и его кредитомъ.

Маркизъ удалился, а принцъ все еще не произносилъ ни слова. Онъ рѣзкими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ немъ происходило что-то необыкновенное. Наконецъ онъ остановился и проговорилъ сквозь зубы:

— Онъ сказалъ: „Пожелайте себѣ счастья... въ девять часовъ онъ умеръ!"

Мы съ испугомъ посмотрѣли на него.

— „Пожелайте себѣ счастья"...—продолжалъ онъ.—Счастья... Мнѣ желать себѣ

счастья .. Кажется, такъ онъ сказалъ? Что разумѣлъ онъ подъ этимъ?

— Какъ это вы вспомнили объ этомъ,— воскликнулъ я:—и для чего?

— Я тогда не понялъ, чего онъ хотѣлъ... Теперь я его понимаю... О! имѣть надъ собою господина—невыносимо тяжело!

— Принцъ!

— Господина, который можетъ дать намъ почувствовать свою власть!.. О! это должно быть пріятно!

Онъ опять смолкъ. Выраженіе лица его испугало меня. Я никогда не видѣлъ его такимъ.

— Жалчайшій изъ народа,—началъ онъ опять,—и ближайшій къ трону принца! Не все ли это равно? *Одно* только различіе и есть у людей — повиноваться или господствовать.

Онъ еще разъ взглянулъ на письмо.

— Вы видѣли человѣка,—продолжалъ онъ,—который можетъ позволить себѣ такъ писать ко мнѣ. Поклонились бы вы ему на улицѣ, если бъ судьба не поставила его господиномъ надъ вами? Клянусь Богомъ! корона—не шуточное дѣло!

Онъ продолжалъ все въ этомъ тонѣ, а съ устъ его срывались слова, которыхъ не посмѣлъ бы я привести ни въ какомъ письмѣ. Но при этомъ случаѣ принцъ открылъ мнѣ одно обстоятельство, которое привело меня въ немалое удивленіе и безпокойство и можетъ имѣть опаснѣйшія послѣдствія. Мы были до сихъ поръ въ большомъ заблужденіи касательно фамильныхъ отношеній **скаго двора.

Принцъ немедленно отвѣтилъ на письмо, какъ я ни противился этому, и тонъ его отвѣта не позволяетъ уже надѣяться на мирное соглашеніе.

Вамъ, конечно, любопытно, дрожайшій О**, узнать что-нибудь положительное о гречанкѣ; но я до сихъ поръ не могу сказать Вамъ объ этомъ предметѣ ничего удовлетворительнаго. Отъ принца нельзя ничего допытаться, ибо его вовлекли въ тайну и, какъ мнѣ кажется, взяли съ него слово хранить ее. Одно открылось: что она вовсе не гречанка, какъ мы предполагали. Она нѣмка и самаго аристократическаго происхожденія. Судя по слухамъ, дошедшимъ до меня, мать ея—лицо очень высокое, и она—плодъ несчастной любви, о которой не мало было толковъ въ Европѣ. Тайныя преслѣдованія сильной руки заставили ее, какъ думаютъ, искать убѣжища въ Венеціи, и оттого-то происходитъ ея скрытность, не позволявшая нашему принцу узнать ея мѣстопребываніе. Это предположеніе подтверждается, по моему, уваженіемъ, съ какимъ отзывается о ней принцъ, и нѣкоторыми предосторожностями, которыя онъ принимаетъ относительно нея.

Онъ привязался къ ней со всѣмъ пыломъ страсти, и страсть эта растетъ со дня на день. Въ первые дни посѣщенія его были рѣдки; но уже со второй недѣли стали они видѣться чаще и чаще, а теперь дня не проходитъ, чтобы принцъ не былъ тамъ. По цѣлымъ вечерамъ не видимъ мы его въ глаза, и если онъ и не въ ея обществѣ. то все же лишь *она* одна занимаетъ его. Онъ совсѣмъ какъ будто измѣнился, ходитъ словно въ дремотѣ и не обращаетъ даже мимолетнаго вниманія на то, что прежде интересовало его.

Что изъ этого выйдетъ, дорогой другъ? Я трепещу за будущее. Разрывъ съ дворомъ поставилъ принца въ унизительную зависимость отъ одного человѣка, именно отъ маркиза Чивителлы. Маркизъ владѣетъ нашими тайнами, всею нашею судьбой. Всегда ли будетъ онъ такъ благородно дѣйствовать относительно принца, какъ теперь? Всегда ли останутся прочными эти дружескія отношенія, и хорошо ли дать столько значенія и власти надъ собою одному человѣку, какъ ни будь онъ совершененъ?

Къ сестрѣ принца отправлено еще письмо. О результатѣ надѣюсь сообщить Вамъ въ ближайшемъ моемъ письмѣ.

Приписка графа О**.

Этого письма я не получилъ. Прошло три мѣсяца безъ всякихъ извѣстій изъ Венеціи. Этотъ перерывъ очень хорошо объяснился впослѣдствіи: всѣ письма друга моего ко мнѣ останавливались и перехватывались. Можно судить о моемъ изумленіи, когда наконецъ въ декабрѣ этого года я получилъ слѣдующее письмо, которое лишь счастливый случай (Біонделло въ это время вдругъ заболѣлъ и не могъ удержать его) доставилъ въ мои руки.

„Вы не пишете, не отвѣчаете. Пріѣзжайте —о! пріѣзжайте ради дружбы! Надежда наша погибла. Прочтите прилагаемую записку. Всѣ наши надежды погибли.

„Говорятъ, рана маркиза смертельна. Кардиналъ кипитъ мщеніемъ, и подкупленные имъ убійцы ищутъ принца. Бѣдный, бѣдный нашъ принцъ!... Вотъ до чего мы дожили! Страшный, несправедливый рокъ! Какъ несчастнымъ, приходится намъ прятаться отъ убійцъ и разбойниковъ.

„Пишу вамъ изъ монастыря ***, гдѣ принцъ нашелъ себѣ убѣжище. Онъ лежитъ въ эту минуту близъ меня на жесткой постели и спитъ... Онъ задремалъ, истощенный до послѣдней степени, и дремота подкрѣпитъ его только на новыя страданія. Въ теченіе десяти дней, какъ она была больна, онъ не смыкалъ его глазъ. Я присутствовалъ при вскрытіи. Найдены слѣды отравы. Сегодня ее будутъ хоронить.

„Ахъ, дорогой О**, сердце у меня изныло. Сцена, которой былъ я свидѣтелемъ, никогда не изгладится у меня изъ памяти. Я стоялъ у постели умирающей. Она скончалась, какъ праведница; и послѣднее предсмертное краснорѣчіе ея истощилось, стараясь обратить ея любовника на путь спасенія, которымъ она шла въ рай. Мы были потрясены до глубины души; одинъ принцъ оставался непоколебимъ, и хотя онъ испытывалъ тройныя муки при ея смерти, но все же сохранилъ настолько силы духа, что не обѣщалъ исполнить послѣдней ея просьбы".

Письмо сопровождало слѣдующая записка:

Принцу** отъ его сестры.

Единая святая католическая церковь, сдѣлавшая столь блистательное пріобрѣтеніе въ особѣ принца**, вѣроятно доставитъ ему и средства продолжать образъ жизни, доставившій ей это пріобрѣтеніе. Я могу плакать и молиться о заблудшемъ, но не стану осыпать своими благодѣяніями человѣка недостойнаго.

*Генріэта****

Я тотчасъ же взялъ почтовыхъ лошадей, ѣхалъ день и ночь, и на третьей недѣлѣ былъ въ Венеціи. Поспѣшность моя не помогла. Я ѣхалъ утѣшить и оказать помощь несчастному, и нашелъ счастливца, который уже не нуждается въ моемъ слабомъ по-

собіи. Ф** былъ боленъ, и я не могъ переговорить съ нимъ, когда пріѣхалъ; отъ него мнѣ принесли слѣдующую записку:

„Уѣзжайте, дрожайшій О**, назадъ, откуда пріѣхали. Принцу не нужно уже ни Васъ, ни меня. Долги его уплачены, кардиналъ примирился съ нимъ, маркизъ оправился. Помните армянина, который съумѣлъ такъ опутать насъ въ прошломъ году? Принцъ у *него* на рукахъ, и вотъ уже пять дней, какъ онъ присутствовалъ на первой обѣднѣ".

Тѣмъ не менѣе я отправился къ принцу, но меня не приняли. У постели моего друга узналъ я наконецъ странную исторію...

М. Михайловъ.

ИСТОРІЯ
ОТПАДЕНІЯ
НИДЕРЛАНДОВЪ
ОТЪ
ИСПАНСКАГО
ВЛАДЫЧЕСТВА.

Историческія сочиненія Шиллера.

Читая въ настоящее время историческія сочиненія Шиллера, нужно хорошо помнить, что они были написаны болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Отъ эпохи Шиллера насъ отдѣляетъ весь XIX вѣкъ, въ теченіе котораго въ области историческаго воспроизведенія событій и состояній прошлаго произошелъ полнѣйшій переворотъ, превратившій исторію-искусство въ исторію-науку. Еще въ началѣ XIX в. одною изъ обычныхъ темъ въ теоретическихъ разсужденіяхъ о томъ, чѣмъ должна быть исторія, было сравненіе между поэзіей и исторіей, родственную черту между которыми видѣли въ задачѣ обѣихъ художественно воспроизводить жизнь, и вся разница полагалась въ томъ, что исторія воспроизводитъ нѣчто, когда-нибудь бывшее въ дѣйствительности, тогда какъ поэзія имѣетъ дѣло съ вымысломъ, съ тѣмъ, чего не было, но что могло бы быть. Такимъ образомъ выходило, что разница лежала въ предметахъ, а не въ методахъ, методъ же мыслился одинъ и тотъ же.

XIX вѣкъ возвелъ исторію на степень науки, указалъ на то, что и методъ у исторіи долженъ быть иной, нежели у поэзіи,— т. е. путь изслѣдованія, а не путь творчества, анализъ, а не синтезъ. Пока исторія занималась исключительно событіями и ихъ героями, а это значитъ— людскими дѣйствіями и ихъ характерами, у нея, дѣйствительно, было много точекъ соприкосновенія съ поэзіей, но когда въ исторической наукѣ на первый планъ выступили общественныя состоянія и тѣ коллективные процессы народной жизни, которыми эти состоянія создаются, историческія темы получили слишкомъ отвлеченный характеръ для того, чтобы оставаться предметомъ художественнаго творчества, чтобы не сдѣлаться, наоборотъ, предметомъ научнаго изслѣдованія. Исторія-искусство въ основѣ человѣческихъ поступковъ видѣла лишь тѣ или другіе индивидуальные характеры и, стоя на этой точкѣ зрѣнія, такъ и изображала событія и дѣйствующія въ нихъ лица, какъ будто все дѣло было въ дѣйствіи душевныхъ настроеній и страстей, въ психологіи. Для исторіи-науки событія получили значеніе показателей извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ состояній, сдѣлавшихся главнымъ ея предметомъ, а то, что историками-художниками выдвигалось на первый планъ, характеры героевъ, игра страстей, драматизмъ положеній, все это въ глазахъ историковъ научнаго типа отошло на задній планъ передъ выступившими впередъ, такъ сказать, безличными процессами культурной и соціальной эволюціи.

Шиллеръ въ исторіи былъ прежде всего художникомъ. Не даромъ и темы обѣихъ его главныхъ историческихъ работъ стоятъ въ тѣсной связи съ его чисто поэтическими твореніями, сюжеты которыхъ были имъ

взяты въ прошломъ. Къ „Отпаденію Нидерландовъ" онъ перешелъ отъ „Дона Карлоса", т. е. въ данномъ случаѣ сначала воспроизвелъ эпоху поэтически, потомъ исторически, и, наоборотъ, отъ „Тридцатилѣтней войны" перешелъ къ „Валленштейну", т. е. на этотъ разъ исторія эпохи предшествовала драмѣ, взятой изъ того же времени. Но если уже старое пониманіе исторіи ставило задачу воспроизводить то, что было, какъ оно было, а не то, что могло быть или какъ могло быть, то уже этимъ самымъ требованіемъ въ исторію-искусство вносился научный элементъ— необходимость доподлинно узнать, что же такое было на самомъ дѣлѣ и какъ оно происходило. Конечно, это — самое элементарное требованіе, безъ исполненія котораго немыслима никакая исторія, и Шиллеръ для своего времени былъ все-таки ученый историкъ, хотя и предавался историческимъ занятіямъ лишь въ сравнительно короткій періодъ своей жизни. Главный недостатокъ его историческихъ работъ съ теперешней точки зрѣнія тотъ, что въ его распоряженіи былъ лишь недостаточный и крайне ограниченный кругъ источниковъ. Шиллеръ писалъ за три-четыре десятилѣтія до той поры въ прошломъ теперешней исторической науки, когда за настоящимъ знаніемъ событій XVI и XVII вѣковъ, времени нидерландской революціи и тридцатилѣтней войны, историки обратились къ богатому архивному матеріалу, до сихъ поръ еще не вполнѣ использованному наукой. Учеными разныхъ странъ и на разныхъ языкахъ уже столько было написано большихъ книгъ и мелкихъ изслѣдованій и о нидерландской революціи, и о тридцатилѣтней войнѣ, что въ настоящее время сочиненія Шиллера объ этихъ событіяхъ утратили всякое значеніе, кромѣ литературнаго[1]). Лишь очень немногіе рѣшаются утверждать, что историческія сочиненія Шиллера и теперь еще могутъ претендовать на научное значеніе. Такое мнѣніе мы встрѣтили, напримѣръ, въ извѣстной „Исторіи нѣмецкой литературы" Фохта и Коха, которые находятъ, что, несмотря на всѣ свои методическіе недостатки, эти сочиненія имѣютъ и научное достоинство, причемъ въ заслугу Шиллеру ставятся всемірно-историческая точка зрѣнія, связывающая избранныя для изображенія эпохи съ цѣлымъ историческаго развитія человѣчества, и „удивительная историческая проницательность въ отдѣльныхъ вопросахъ"[1]). Это мнѣніе можетъ служить обращикомъ того, какъ мало требованій иногда предъявляется къ историческимъ работамъ, чтобы имѣть право приписывать имъ научное значеніе.

Вмѣстѣ съ историческою жизнью и историческая наука движется впередъ, и многое въ исторической литературѣ, что было важно и значительно въ свое время, съ годами переходитъ въ разрядъ совершенно устарѣлаго. Съ научной точки зрѣнія не однѣ историческія работы Шиллера постигла такая участь, но и болѣе крупныя произведенія исторіографіи всѣхъ временъ и народовъ. Но къ сочиненіямъ крупныхъ писателей всемірной литературы нельзя прила-

---

[1]) Нидерландская революція и тридцатилѣтняя война были въ XIX в. предметомъ обширной исторической литературы, въ которой по обѣимъ эпохамъ существуютъ первоклассныя сочиненія. Мы назовемъ здѣсь лишь главныя (кромѣ общихъ исторій эпохи или Голландіи и Германіи и спеціальныхъ монографій объ отдѣльныхъ личностяхъ или частныхъ событіяхъ).

Нидерландская революція:

— *Prescott.* «History of the regn of Philipp II». 1855—1858 (есть въ русск. пер.).

— *Motley.* «The rise of the Dutch republic» (1856) и «History of the United Netherlands» (1860—1868); первое изъ нихъ переведено по-русски.

— *Juste.* «Les Pays-Bas sous Philippe II» и «Le souslevement des Pays-Bas contre la domination espagnole» (1884—1885).

— *Holzwarth.* «Der Abfall der Niderlande».

— *Borgnet.* «Philippe II et la Belgique».

Кромѣ того, нѣсколько сочиненій на голландскомъ языкѣ.

По-русски см. *Кудрявцевъ* «Осада Лейдена (во второмъ томѣ «Сочиненій») и *Н. Н. Любовичъ*: «Марниксъ де С. Альдегондъ». (1877).

Тридцатилѣтняя война.

— *Gindely.* «Geschichte des dreissigjährigen Krieges». Подъ этимъ заглавіемъ существуютъ два сочиненія: большое, оставшееся неоконченнымъ (1878 1880), и меньшихъ размѣровъ, охватывающее всю эпоху (1882).

— *Charvériat.* «Histoire de la guerre de Trente ans». 1878.

— *Gardiner.* «The thirty years war».

По-русски см. второй томъ соч. *Г. В. Форстена* «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ».

Болѣе подробныя указанія см. въ главахъ 25 и 28 второго тома нашей «Исторіи Западной Европы въ новое время» или въ V томѣ «Всеобщей исторіи *Лависса и Рамбо*». Замѣтимъ только, что по одному Валленштейновскому вопросу» существуетъ громадная литература. Знатокъ эпохи, Гиндели сравниваетъ работу надъ этимъ вопросомъ съ работой миѳическаго Сизифа. Одинъ изъ послѣднихъ трудовъ принадлежитъ чешскому ученому *Пекаржу*.

[1]) *Fr. Vogt und M. Koch* «Geschichte der deutschen Literatur». 1897. Стр. 619.

гать одну только эту мѣрку. Конечно, тотъ, кто желалъ бы познакомиться съ исторіей Греціи въ V в. до Р. Х. или Рима въ I в. по Р. Х., какъ ихъ понимаетъ современная наука, долженъ былъ бы читать сочиненія теперешнихъ историковъ, а не Ѳукидида или Тацита, но изъ этого не слѣдуетъ, что Ѳукидидъ и Тацитъ не должны читаться и переводиться въ наше время. То, что въ свою эпоху находило въ обществѣ восторженный пріемъ и продолжало пользоваться популярностью у цѣлаго ряда поколѣній, не могло бы, конечно, прославиться, если бы не заключало въ себѣ такихъ достоинствъ, которымъ не страшны цѣлыя столѣтія. Лучшій примѣръ—Тацитъ, труды котораго и въ настоящее время, черезъ тысячу восемьсотъ лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ, находятъ множество читателей среди образованной публики всего міра. Есть вещи, которыя не могутъ никогда устарѣть, потому что всегда найдутъ сочувственный откликъ въ душѣ читателей. Въ литературныхъ произведеніяхъ это — благородство мыслей и мастерство изложенія. Въ обоихъ отношеніяхъ историческія сочиненія Шиллера, одного изъ благороднѣйшихъ и наиболѣе художественныхъ писателей новаго времени, продолжаютъ сохранять и долго еще сохранять будутъ свое воспитательное значеніе, а потому и будутъ находить читателей. Имъ только слѣдуетъ знать, что въ научномъ отношеніи и „Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ Испанской монархіи", и „Исторія тридцатилѣтней войны" совершенно устарѣли.

Шиллеромъ, какъ историкомъ, уже давно въ большей или меньшей степени интересовались его біографы[1]) и другіе писатели, посвящавшіе этому предмету отдѣльные этюды [2]). Шиллеръ занимался исторіей, съ одной стороны, въ связи съ своими чисто-поэтическими замыслами, съ другой—ради заработка, который заставилъ его также и взять на себя преподаваніе исторіи въ іенскомъ университетѣ. Кромѣ исторіи нидерландской революціи и тридцатилѣтней войны, онъ написалъ цѣлый рядъ статей, изъ которыхъ, конечно, далеко не всѣ могутъ представлять такой интересъ, чтобы ихъ стоило переводить. Вотъ общій списокъ этихъ меньшаго размѣра историческихъ сочиненій Шиллера:

1. Что такое всемірная исторія и съ какою цѣлью мы ей учимся?
2. Нѣчто о первомъ человѣческомъ обществѣ по Моисееву свидѣтельству.
3. Посланничество Моисея.
4. Законодательство Ликурга и Солона.
5. Всемірно-историческое обозрѣніе главнѣйшихъ націй, принимавшихъ участіе въ крестовыхъ походахъ, ихъ государственнаго устройства, религіозныхъ понятій, нравовъ, занятій, мнѣній и обычаевъ.
6. Всемірно-историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ государственныхъ событій во времена императора Фридриха I.
7. Исторія французскихъ смутъ, предшествовавшихъ правленію Генриха IV.
8 и 9. Два приложенія къ „Исторіи отпаденія Соединенныхъ Нидерландовъ отъ Испанской монархіи": а) Жизнь и смерть графа Эгмонта и в) Осада Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1584 и 1585 гг.
10. Филиппъ II, король испанскій [1]).

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить объ отдѣльныхъ историческихъ работахъ Шиллера, мы бросимъ общій взглядъ на всю его дѣятельность, какъ историка.

Интересъ къ историческому знанію сталъ пробуждаться у Шиллера еще въ учебные годы, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ его учителей. Первый, кто поселилъ въ юношѣ любовь къ исторіи, былъ Шоттъ, человѣкъ очень краснорѣчивый и восторженный, отдававшій явное предпочтеніе исторіи новыхъ временъ, и въ его преподаваніи Шиллеръ впервые познакомился со всѣми тѣми историческими эпохами, которыя впослѣдствіи обрабатывалъ въ своихъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеніяхъ. Другой его преподаватель, Дрюкъ, посвящалъ своего ученика въ исторію древности, быть можетъ, и нѣсколько суховато,

---

[1]) См., напр., *H. Düntzer*. «Schillers Leben» (1881), гдѣ цѣлая книга озаглавлена «Die Professur».

[2]) *Janssen* «Schiller, als Historiker». 1879. Большею частью эти статьи входятъ въ составъ разныхъ изданій сочиненій Шиллера, таковы: 1) Введеніе *A. Richter'a* къ V тому берлинскаго шеститомнаго изданія Тренкеля. 2) *Robert Boxberger*. «Schiller als Geschichtsschreiber» (въ X части изданія Боксбергера). 3) Статья *Th. Kückelhaus'a* «Schiller als Historiker», и его же введенія къ отдѣльнымъ историческимъ сочиненіямъ Шиллера (въ VI и VII тт. изданія Л. Беллермана) и др

Кромѣ того, см. въ исторіяхъ нѣмецкой литературы и въ частности исторіографіи (*Wegele*. «Geschichte des deutschen Historiographie», 1885), равно какъ философіи исторіи.

[1]) Въ настоящемъ изданіи даются переводы №№ 1, 8 и 9, кромѣ, конечно, обоихъ большихъ трудовъ.

но основательно и не безъ вліянія на общій складъ историческаго міросозерцанія Шиллера, такъ какъ совершенно въ духѣ своего времени выдвигалъ на первый планъ доблести великихъ людей, какъ достойный предметъ подражанія и соревнованія. Третьимъ учителемъ, оставившимъ слѣдъ въ душѣ Шиллера, былъ Абель, у котораго его питомецъ заимствовалъ склонность къ философскому пониманію исторіи, научившись у него видѣть первый источникъ всякой исторіи въ человѣческомъ сердцѣ и въ первый разъ въ его передачѣ познакомившись съ идеями Гердера. По указаніямъ этихъ трехъ своихъ наставниковъ Шиллеръ выбиралъ и свои книги для чтенія. Особенно пристрастился онъ къ Плутарху, сдѣлавшемуся для него источникомъ „возвышенныхъ чувствъ" на всю жизнь, и когда Шиллеръ познакомился съ сочиненіями Руссо, то только еще болѣе укрѣпился въ своемъ поклоненіи Плутарху. „Вольнолюбивыя мечты" Шиллера подогрѣвались и этимъ преподаваніемъ, и этимъ чтеніемъ, и скоро одною изъ любимѣйшихъ его книгъ сдѣлалась „Исторія заговоровъ" (Histoire des complots) Дюпонъ-ди-Тертра, изъ которой онъ почерпнулъ очень много для своихъ будущихъ произведеній. Отсюда онъ заимствовалъ сюжетъ для своей, до насъ не дошедшей юношеской драмы „Заговоръ Пацци противъ Медичи", и здѣсь же онъ нашелъ сюжетъ для „Заговора Фіеско". Въ связи съ этою книгою стоитъ также не только „Исторія отпаденія Нидерландовъ", но даже и „Исторія тридцатилѣтней войны", такъ какъ съ заговоромъ Валленштейна, входящимъ въ составъ этой исторіи, Шиллеръ впервые познакомился, по всей видимости, именно изъ сочиненія Дюпонъ-ди-Тертра.

Начитанность Шиллера въ исторической литературѣ съ теченіемъ времени только расширялась. Уже подготовляя своего „Фіеско", онъ долженъ былъ обратиться и къ другимъ книгамъ, среди которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить „Исторію Карла V" Робертсона. Этотъ англійскій писатель былъ первымъ историкомъ въ совершенно новомъ для того времени духѣ, съ которымъ познакомился Шиллеръ. Онъ очень понравился нашему поэту, который сталъ читать и другія его произведенія, между прочимъ „Исторію Шотландіи въ царствованіе королевы Маріи и короля Іакова VI", послужившую ему первымъ источникомъ для драмы „Марія Стюартъ". Расширяя свое историческое чтеніе, до поры до времени, однако, Шиллеръ имѣлъ въ виду исключительно одно приведеніе въ исполненіе своихъ поэтическихъ плановъ, а потому въ его чтеніи большое мѣсто заняли въ сущности своего рода историческіе романы, бывшіе въ то время въ ходу въ рукахъ всѣхъ людей, которые интересовались разными приключеніями извѣстныхъ историческихъ лицъ. Долгое время источники подобнаго рода не возбуждали въ Шиллерѣ никакихъ критическихъ сомнѣній, но мало-по-малу, особенно съ того времени, какъ началась подготовка „Дона Карлоса", Шиллеръ выработалъ въ себѣ извѣстное чутье исторической правды и умѣніе отличать дѣйствительный фактъ отъ вымысла романической фантазіи. Вмѣстѣ съ этимъ въ головѣ Шиллера все болѣе и болѣе стала выясняться та общая идея, которую онъ положилъ въ основу своего пониманія общественнаго значенія исторіи. До того времени „ученая" исторія разсматривалась, какъ наука, пригодная главнымъ образомъ для государей и правителей, и соотвѣтственная литература способна была нагонять только скуку на простыхъ смертныхъ. Источникомъ интереса къ исторіи у Шиллера были не ученая любознательность и не сознаніе политической пользы, а чисто человѣческій интересъ къ человѣку и ко всему человѣческому. Онъ находилъ, что исторія можетъ и должна сдѣлаться великою воспитательницею для гражданскаго общества, для котораго раньше она была совсѣмъ безплодна, а для этого, думалъ онъ, она должна возбуждать въ читателѣ болѣе глубокое участіе къ дѣйствующимъ въ ней лицамъ. Главнымъ средствомъ въ достиженіи такой цѣли Шиллеръ считалъ ознакомленіе читателей не столько съ самими поступками людей, сколько съ основными источниками ихъ поведенія, а эти источники онъ видѣлъ въ человѣческой душѣ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ, на нее дѣйствующихъ. Съ этой точки зрѣнія за историческимъ чтеніемъ Шиллеръ призналъ новое для себя и притомъ въ высшей степени важное значеніе. Оно должно было теперь не только давать матеріалъ для поэтической переработки, но и дѣйствовать образовательнымъ образомъ на него самого. При тогдашнихъ условіяхъ нѣмецкой дѣйствительности Шиллеръ не могъ имѣть большого жизненнаго опыта въ общественномъ смыслѣ, и недостатокъ его онъ сознательно замѣнялъ историческимъ чтеніемъ.

Особенно сильно сталъ предаваться

этому занятію Шиллеръ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Можно даже сказать, что на время историческіе интересы заслонили отъ него собою его поэтическіе замыслы. Онъ признавался съ болью въ сердцѣ, что ему нужно еще страшно много учиться, прежде нежели пожинать плоды чтенія, и онъ, дѣйствительно, съ настоящею страстью предавался чтенію. Въ 1787 г. онъ занялся вплотную „Исторіей тридцатилѣтней войны и послѣдовавшаго за нею вестфальскаго мира" Бужана (Bougeant) въ нѣмецкомъ переводѣ Рамбаха [1]), и вотъ что писалъ своему другу Кернеру по этому поводу: „съ каждымъ днемъ исторія дѣлается для меня дороже и дороже. На этой недѣлѣ я читалъ одну исторію тридцатилѣтней войны, и до сихъ поръ моя голова отъ нея горитъ... Я хотѣлъ бы, чтобы въ теченіе десяти лѣтъ подъ рядъ могъ ничѣмъ больше не заниматься, какъ исторіей. Я думаю, что тогда изъ меня вышелъ бы совершенно иной человѣкъ" (ein ganz anderer Kerl). Главное, что заняло такъ Шиллера, было проявленіе въ эту эпоху бѣдствій великой силы человѣческаго духа. Теперь для него дѣло заключалось уже не въ томъ, чтобы „вылавливать забытыя жемчужины въ царствѣ исторіи", а въ томъ, чтобы заняться этимъ царствомъ самимъ по себѣ и ради него самого. И вотъ у Шиллера рождается планъ въ сотрудничествѣ съ другими написать большую „Исторію достопримѣчательнѣйшихъ возстаній и заговоровъ" [2]).

Въ этой коллекціи Шиллеръ взялъ лично на себя борьбу голландцевъ за свою свободу. Въ то самое время, какъ онъ принялся за эту работу, въ философскомъ отношеніи онъ испыталъ на себѣ вліяніе Канта, поставившаго (въ своей извѣстной брошюрѣ „Идея всеобщей исторіи съ всемірно-гражданской точки зрѣнія") исторіи новую задачу, и еще болѣе сталъ увлекаться этимъ предметомъ. Онъ даже сталъ смотрѣть на него, какъ на главную свою спеціальность („sein Fach"), и взялъ на себя ея защиту противъ нападокъ одного изъ своихъ друзей, находя его пренебреженіе къ исторіи несправедливымъ. „Положимъ, писалъ онъ, въ ней много произвольнаго, недостаточнаго и часто даже безплоднаго, но именно само это произвольное способно возбудить философскій умъ къ тому, чтобы ее преодолѣть, а пустое и безплодное—подвинуть творческій умъ на то, чтобы ее оплодотворить и одѣть этотъ скелетъ мускулами и нервами". Въ связи съ защитою исторіи стоитъ и разсужденіе Шиллера о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и поэзіи. По собственному опыту онъ зналъ, что обработка вымышленнаго сюжета вовсе не легче обработки сюжета, заимствованнаго изъ исторіи, внутренняя же необходимость и здѣсь, и тамъ въ сущности одна и та же. И у исторіи, и у поэзіи есть свои преимущества, „и если удивляются великому поэту, то вѣдь уважаютъ и Робертсона, а если бы этотъ самый Робертсонъ писалъ въ поэтическомъ духѣ, то его и уважали бы, и удивлялись бы ему". И передъ Шиллеромъ носилась мысль о превращеніи исторіи „изъ сухой науки въ науку привлекательную". Въ пылу спора съ другомъ Шиллеръ даже придумываетъ особые аргументы въ пользу того, что ему лично лучше заниматься исторіей, чѣмъ поэзіей, аргументы, которые теперь кажутся намъ нѣсколько наивными, но въ искренности которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ думалъ, что на поприщѣ исторіи онъ будетъ гораздо полезнѣе для общества, и что это занятіе лучше обезпечитъ его экономическое благополучіе. У Шиллера въ эти годы постоянно возникали все новые и новые планы историческихъ изданій. Одно время онъ носился съ мыслью объ изданіи „нѣмецкаго Плутарха", но изъ этого ничего не вышло. Нѣсколько счастливѣе былъ Шиллеръ съ другимъ предпріятіемъ, впрочемъ, оставшимся недоведеннымъ до конца. Онъ очень дорожилъ мемуарами, занимающими, такъ сказать, среднее мѣсто между исторіей и романомъ, и ему захотѣлось дать нѣмецкой публикѣ нѣчто въ родѣ выходившаго въ Лондонѣ въ 1785 -- 1790 гг. по-французски „Общаго собранія частныхъ мемуаровъ, касающихся исторіи Франціи". Въ отличіе отъ этого изданія онъ думалъ дать мемуары изъ разныхъ странъ, начиная съ XII вѣка, съ особыми историческими къ нимъ введеніями. Въ этомъ изданіи [1]), въ которомъ онъ работалъ лишь до 1793 г. (съ 1790), были помѣщены сдѣланный имъ

[1]) Historie des Dreiszigjährigen Krieges und des darauf erfolgten westfälischen Friedens. 1758.

[2]) Geschichte der merkwürdigsten Rebellionen und Verschwörungen aus den mittleren und neueren Zeiten. Bearbeitet von verschiedenen Verfassern, gesammelt und herausgegeben von Fr. Schiller. Leipzig. 1788. Вышелъ только одинъ томъ.

[1]) Allgemeine Sammlung historischer Memoires herausgegeben von Fr. Schiller.

переводъ части „Достопамятностей" византійской принцессы Анны Комнины [1]) и статьи, названныя нами выше подъ №№ 5, 6 и 7.

„Отпаденіе Нидерландовъ" открыло въ 1789 г. путь Шиллеру къ профессурѣ, которой самъ онъ не искалъ. Приглашеніе на каѳедру въ іенскомъ университетѣ было для самого него совершенной неожиданностью, и нельзя сказать, чтобы она его обрадовала. Совсѣмъ даже напротивъ. Біографы Шиллера подробно разсказываютъ, съ какимъ неудовольствіемъ принялъ онъ сдѣланное ему предложеніе—по соображеніямъ чисто практическаго свойства. Его даже не привлекала перспектива глаголомъ жечь сердца студенческой молодежи и самому одушевляться отъ соприкосновенія съ чуткой аудиторіей. Шиллеру казалась вся эта вѣчная исторія хожденія изъ своего кабинета въ аудиторію слишкомъ скучной и прозаической, и смущало его равнымъ образомъ и то, что у него не было надлежащей подготовки въ своемъ предметѣ: „иной студентъ, писалъ онъ, можетъ быть, больше знаетъ, нежели господинъ профессоръ". Онъ долженъ былъ читать шесть лекцій въ недѣлю, и, нѐ надѣясь на свою память, онъ каждую лекцію писалъ сполна, а это, по его разчету, значило ежедневно писать чуть не по два печатныхъ листа, не считая чтенія разныхъ книгъ и извлеченія изъ нихъ выписокъ. И все это ради какихъ-нибудь трехъ десятковъ слушателей, которые у профессора остались изъ цѣлыхъ сотенъ, стекавшихся на его первыя лекціи. Стоило ли ради этого, спрашивалъ себя Шиллеръ, жертвовать своею независимостью? Хотя къ концу своей кратковременной профессуры Шиллеръ и сталъ испытывать отъ лекцій нѣкоторое удовольствіе, но когда болѣзнь заставила его отказаться отъ преподаванія, онъ объ этомъ нисколько не жалѣлъ.

Съ какими историко-философскими идеями вступилъ Шиллеръ на университетскую каѳедру, объ этомъ мы знаемъ изъ его первой лекціи о томъ „Что такое всемірная исторія и съ какою цѣлью мы ее изучаемъ". Въ сущности мы имѣемъ въ печати совсѣмъ не то, что было произнесено съ каѳедры, какъ это теперь превосходно доказано изслѣдователями біографіи и сочиненій Шиллера, но это не мѣшаетъ намъ видѣть въ статьѣ, носящей названіе „вступительной рѣчи" (Antrittsrede), выраженіе тогдашнихъ взглядовъ Шиллера на исторію. Уже современники отмѣтили въ ней вліяніе кантовской идеи. Благодаря усиленному чтенію и приготовленію къ собственнымъ лекціямъ, въ два года своего профессорства Шиллеръ еще болѣе расширилъ кругъ своихъ историческихъ идей, и онъ самъ даже признавался, что въ нихъ совершился крупный переворотъ. Въ болѣе ранніе годы главнымъ руководителемъ Шиллера въ его политическомъ міросозерцаніи былъ Руссо, философія котораго отличалась глубоко антиисторическимъ характеромъ; теперь же Шиллеръ научился цѣнить Монтескье, представителя историческаго духа въ теоретической политикѣ, хотя онъ и не закрывалъ глазъ на недостатки и односторонности и этого новаго своего руководителя въ области вопросовъ исторіи и государственнаго права. Съ другой стороны, Шиллеръ въ эту эпоху своей жизни приблизился къ тому взгляду на исторію, который былъ высказанъ Вольтеромъ въ „Опытѣ о духѣ и нравахъ народовъ", находя, что съ политической исторіей слѣдовало бы слить воедино исторіи церкви, философіи, искусства, нравовъ и торговли. Это было своего рода предчувствіемъ „культурной исторіи XIX в.", хотя на практикѣ Шиллеръ продолжалъ стоять на старой точкѣ зрѣнія.

Вообще теоретическіе взгляды Шиллера на исторію не нашли своего осуществленія въ его собственныхъ трудахъ. Въ нихъ нѣтъ обозрѣнія „гражданскихъ отношеній", и рѣчь идетъ лишь о государяхъ и полководцахъ, о „государственныхъ дѣйствіяхъ" (Staatsaktionen) и сраженіяхъ. И универсальной, всемірно-исторической точки зрѣнія, или какъ еще ее называли, всемірно-гражданской, космополитической (weltbürgerlich), которую съ особенною настойчивостью рекомендовалъ Шиллеръ, не видно также въ сочиненіяхъ самого Шиллера. Чтеніе „Исторіи тридцатилѣтней войны" сдѣлалось, какъ выразился одинъ писатель, дѣломъ патріотической чести для каждаго нѣмца, да и въ Голландіи „Исторія отпаденія Нидерландовъ" пріобрѣла значеніе памятника національной славы. Между тѣмъ вотъ что писалъ въ 1789 г. Шиллеръ своему другу Кернеру: „Мы, новые, обладаемъ интересомъ, котораго не зналъ ни одинъ грекъ или римлянинъ, именно представлять важнымъ для человѣка всякое замѣчательное происшествіе, случившееся съ человѣкомъ. Это—незначительный, мелкій идеалъ, писать для

[1]) Другая часть была переведена не Шиллеромъ.

одной націи; для философскаго духа такая граница нестерпима. Философскій духъ не можетъ успокоиться на такой измѣнчивой, случайной, произвольной формѣ человѣчества, на отрывкѣ, а что такое всякая, самая даже важная нація, какъ не отрывокъ?" Впрочемъ, въ оправданіе Шиллера слѣдуетъ продолжить начатую выписку и привести тѣ его слова, гдѣ объясняется, при какихъ условіяхъ и національное содержаніе получаетъ универсальное значеніе. „Онъ, т. е. философскій духъ, продолжаетъ Шиллеръ, можетъ одушевляться ею (націею) лишь настолько, насколько ему та или другая нація, то или другое національное событіе кажется условіемъ для прогресса всего рода. Разъ исторія какой бы то ни было націи или времени способна къ такому примѣненію, то и можетъ примкнуть ко всему роду". Поставивъ, далѣе, теоретически задачею исторіи выяснить, какъ цѣль человѣческаго существованія, постепенное облагороженіе человѣка, переходъ его изъ состоянія дикости къ свѣту разума, на самомъ дѣлѣ Шиллеръ о каждомъ времени судилъ на основаніи его собственной мѣрки и старался объяснить каждаго человѣка изъ окружающей его среды. Историко-философскія построенія въ духѣ теоретическихъ требованій Канта и Шиллера приводили въ Германіи очень часто къ чисто фантастическимъ представленіямъ о ходѣ исторіи, и Шиллеръ сдѣлалъ хорошо, что воздержался отъ подобной попытки, но все-таки теорія и практика оказались у него въ противорѣчіи между собою. Шиллеръ оказался слишкомъ проникнутымъ духомъ настоящаго историка и для того, чтобы восполнять фактическіе пробѣлы философскими домыслами и искажать факты въ угоду какой бы то ни было внутренней правды, какъ это часто дѣлалось его философскими соотечественниками, и въ этомъ его заслуга, позволяющая намъ не придавать большого значенія тому, что Шиллеръ не всѣ свои теоретическія обѣщанія исполнялъ на практикѣ.

Кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности Шиллера, какъ историка, была его работа надъ „Исторіей тридцатилѣтней войны". Къ этому своему труду онъ готовился тщательнѣе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому изъ своихъ произведеній, прочитывая „массу фоліантовъ и пыльныхъ авторовъ". Въ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ" его интересовала борьба между тиранніей и человѣческими правами, которой не было въ тридцатилѣтней войнѣ, и тонъ историка здѣсь сдержаннѣе, спокойнѣе, но и здѣсь его симпатія на сторонѣ свободы, борцовъ за которую онъ видѣлъ въ протестантахъ. Для Шиллера тридцатилѣтняя война — „блестящая эпоха человѣческой силы", какъ онъ выразился въ своемъ письмѣ къ Кернеру по поводу чтенія книги Бужана. Исторія этой войны и по основному своему замыслу, и по своему общему построенію, и по широтѣ взгляда и вѣрности сужденій, особенно же по художественности изображенія является въ своемъ родѣ образцовымъ произведеніемъ нѣмецкой исторической литературы, до сихъ поръ находящимъ читателей не по однимъ мотивамъ патріотическаго свойства.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ путь, пройденный Шиллеромъ, какъ историкомъ. Конечно, исторія не была настоящимъ его призваніемъ, какъ онъ думалъ въ періодъ разгара своихъ историческихъ интересовъ, и въ послѣдніе годы своей жизни послѣ окончанія „Исторіи тридцатилѣтней войны" онъ уже не возвращался болѣе къ научнымъ занятіямъ въ области прошлыхъ судебъ народовъ и государствъ, но занятія его исторіей не прошли безслѣдно для исторіи литературы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ отдѣльно объ каждомъ изъ историческихъ произведеній Шиллера.

„Что такое всемірная исторія и съ какою цѣлью мы ей учимся". На этой статьѣ, представляющей изъ себя не вполнѣ точное, повидимому, воспроизведеніе вступительной лекціи въ іенскомъ университетѣ, сказалось вліяніе идей Лессинга и Канта. Лессингъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ исторіи воспитаніе человѣческаго рода, что прямо даже выражено въ заголовкѣ его „Die Erziehung des Menschengeschlechts", а Кантъ въ своей „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht" проводитъ мысль о возможности и необходимости философской попытки обработать всеобщую исторію по плану природы, имѣющему цѣлью совершенное гражданское общество [1]). Шиллеръ въ своей статьѣ исходитъ изъ идеи о необходимости относиться къ исторіи философски. Онъ приписываетъ этой наукѣ гуманизирующее вліяніе путемъ разсмотрѣнія совершающагося въ жизни человѣчества движенія впередъ, причемъ вся

[1]) Ср. также у Шиллера «философскія письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода».

Императоръ Максимиліанъ I и его семья.

Картина Бернгарда Стригеля въ вѣнской Императорской картинной галлереѣ

эта жизнь должна быть представлена, какъ единое цѣлое, и прошлое понято по его отношенію къ настоящему. Задача каждаго поколѣнія въ историческомъ движеніи человѣчества—передать потомству общій запасъ истины, нравственности и свободы, пріумноженнымъ для дальнѣйшаго совершенствованія человѣчества и стяжанія себѣ истиннаго безсмертія. Шиллеръ, какъ самъ въ томъ признается, хотѣлъ показать своею статьею, что онъ можетъ дать въ качествѣ профессора, но на этотъ счетъ голоса современниковъ раздѣлились, и въ то время, какъ одни ею восторгались, другіе находили ее недостаточно основательною для академическаго преподаванія.

„*Исторія отпаденія соединенныхъ Нидерландовъ отъ испанскаго правительства*", вышедшая въ свѣтъ въ 1788 г., осталась не оконченною. Событія въ ней доведены только до отъѣзда изъ Нидерландовъ герцогини Пармской, а изъ подготовительныхъ работъ къ дальнѣйшему продолженію были опубликованы „Жизнь и смерть графа Ламораля Эгмонта" (1789) и „Осада Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1584 и 1585 гг." (1795), двѣ большія статьи, которыя впослѣдствіи и стали печататься въ видѣ приложеній къ новымъ изданіямъ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ". Текстъ книги былъ снабженъ подстрочными указаніями на источники, въ новѣйшихъ изданіяхъ обыкновенно опускаемыми. Этихъ источниковъ было довольно много, и лишь самымъ незначительнымъ количествомъ того, что о предметѣ было написано, авторъ не воспользовался для своего труда. Какъ и вообще у Шиллера, факты служатъ здѣсь главнымъ образомъ иллюстраціями идей, но историкъ пользовался этимъ пріемомъ такъ искусно, что его идеи вовсе не кажутся внесенными въ его представленія извнѣ, а какъ бы сами непосредственно изъ фактовъ вытекаютъ. Въ отпаденіи Нидерландовъ отъ испанской монархіи Шиллеръ видѣлъ законную борьбу народа, достойнаго свободы, противъ своихъ притѣснителей, а въ ходѣ этой борьбы—примѣръ того, что не геній создаетъ обстоятельства, но что нужда родитъ геніевъ и случаи—героевъ. Эту мысль онъ хотѣлъ подтвердить свидѣтельствами источниковъ, но они давали ему много такого, что или не укладывалось въ рамки этой идеи, или прямо ей противорѣчило, и безпристрастіе не позволило ему оправдывать всѣ дѣйствія возставшаго населенія Нидерландовъ или объяснять въ пользу твердости Вильгельма Оранскаго всѣ его отдѣльные поступки. Въ первый разъ предметъ, которымъ занялся Шиллеръ въ этомъ своемъ сочиненіи, былъ разсмотрѣнъ здѣсь съ возвышенной точки зрѣнія и въ духѣ глубокой гуманности, чѣмъ и объясняется его успѣхъ среди тогдашней нѣмецкой публики. Критики, однако, находили въ произведеніи и слабыя стороны. Остроумнѣе другихъ судилъ о цѣломъ другъ Шиллера Кернеръ, указывавшій на то, что великолѣпному вступленію, въ которомъ авторъ раскрылъ передъ читателемъ свой идеалъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ самое содержаніе книги, данное его матеріалами, столь часто противорѣчившими его высшимъ требованіямъ. Послѣ 1788 г. Шиллеръ нѣкоторое время разсчитывалъ еще окончить это свое произведеніе, но оно такъ и осталось недописаннымъ. Передъ своимъ издателемъ онъ оправдывался тѣмъ, что одно дѣло писать для дамскаго и моднаго свѣта, другое—для потомства. Въ этихъ словахъ былъ намекъ на „Исторію тридцатилѣтней войны", печатавшуюся въ одномъ изданіи для дамъ, и это указываетъ на то, что по исполненію Шиллеръ гораздо выше ставилъ свое „Отпаденіе Нидерландовъ", нежели „Тридцатилѣтнюю войну".

„*Исторія тридцатилѣтней войны*" стала появляться съ 1791 г. въ „Историческомъ календарѣ для дамъ" изданія Гешена и была окончена печатаніемъ въ 1793 г., отдѣльною же книгою вышла въ свѣтъ только въ 1802 г. Сочиненіе было предпринято Шиллеромъ главнымъ образомъ въ виду необходимости въ лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи послѣ вступленія въ бракъ въ 1790 г. Надъ этимъ своимъ историческимъ трудомъ Шиллеръ работалъ страшно много для того незначительнаго количества времени, въ теченіе котораго его исполнилъ. Ежедневно онъ диктовалъ или писалъ по нѣскольку часовъ, но въ общемъ здѣсь онъ гораздо меньше работалъ по источникамъ, чѣмъ въ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ", предпочитая уже готовыя описанія войны. По окончаніи книги, работая надъ своимъ „Валленштейномъ", Шиллеръ многое сталъ понимать въ исторіи тридцатилѣтней войны иначе, чѣмъ понималъ во время ея составленія, и поэтому хотѣлъ ее переработать для новаго, роскошнаго изданія, но Гешенъ на это не согласился.

Мы уже приводили слова Шиллера изъ его письма къ Кернеру о томъ, какъ заин-

тересовало его сочиненіе Бужана о тридцатилѣтней войнѣ, которое онъ читалъ въ 1786 г. Его удивляло то, что „эпоха глубочайшаго національнаго бѣдствія была и самою блестящею эпохою человѣческой силы", которая и является ему въ двухъ главныхъ образахъ Густава-Адольфа и Валленштейна, настоящихъ героевъ всей „Исторіи тридцатилѣтней войны". Еще набрасывая только планъ этого историческаго труда, онъ думалъ довести подробный разсказъ лишь до смерти Густава-Адольфа, чтобы окончить исторію, „какъ эпическое произведеніе", оставивъ лишь самое ограниченное мѣсто для двухъ послѣдующихъ событій. У Шиллера была даже мысль сдѣлать шведскаго короля героемъ эпической поэмы, такъ его заняла эта историческая личность. Валленштейнъ тоже приковалъ къ себѣ особое его вниманіе, и уже въ 1791 г. родилась у него мысль о будущей трагедіи. Когда работа Шиллера надъ исторіей тридцатилѣтней войны подвинулась впередъ, онъ рѣшилъ остановиться въ подробномъ изложеніи ея хода на убіеніи Валленштейна. Съ исчезновеніемъ со сцены этихъ двухъ крупныхъ фигуръ—шведскаго короля и католическаго кондотьера—какъ-будто увядаетъ весь интересъ автора къ разыгравшейся въ Германіи драмѣ. Работа, предпринятая по книгопродавческому заказу и для заработка, работа, вышедшая изъ предположенныхъ первоначально рамокъ и крайне спѣшная, въ концѣ концовъ должна была очень утомить ея автора, и онъ скомкалъ въ небольшой пятой книгѣ всю вторую половину войны, отъ смерти Валленштейна до вестфальскаго мира, едва упомянувъ о послѣднемъ въ самомъ концѣ труда.

Когда въ гешеновскомъ „Календарѣ" появилось начало „Тридцатилѣтней войны", публика отнеслась къ нему съ такимъ восторгомъ, что еще до конца года оно разошлось въ семи тысячахъ экземпляровъ. Кернеръ, не ожидавшій ничего путнаго отъ труда, предпринятаго „ради финансовой спекуляціи, съ такою неохотою и съ такою спѣшкою", долженъ былъ признаться, что его опасенія оказались напрасными, и объявилъ, что „Исторія тридцатилѣтней войны" принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Шиллера. Потомство подтвердило этотъ приговоръ друга Шиллера.

Что касается до тѣхъ историческихъ работъ Шиллера, которыя въ настоящее время большею частью не входятъ въ изданія его сочиненій, то онѣ, дѣйствительно, и не заслуживаютъ этого. Для полноты обзора дѣятельности Шиллера въ качествѣ историка мы, впрочемъ, остановимся и на нихъ.

Историческія статьи Шиллера, названныя нами въ общемъ спискѣ его историческихъ работъ подъ №№ 5, 6 и 7, какъ было уже сказано, составляли общія введенія въ предпринятомъ поэтомъ изданіи мемуаровъ. *„Всемірно-историческое обозрѣніе главнѣйшихъ націй, принимавшихъ участіе въ крестовыхъ походахъ"* заключаетъ въ себѣ ту общую мысль, что мрачныя времена среднихъ вѣковъ въ сущности были необходимымъ условіемъ нашего лучшаго положенія. Великое переселеніе народовъ создало на почвѣ римской деспотіи, гдѣ были только граждане и рабы, новыя государства, состоящія изъ свободныхъ семействъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи крестовые походы привели къ банкротству іерархическаго однообразія и феодализма и подготовили борьбу XVI в. за духовную свободу. Другимъ такимъ введеніемъ было *„Всемірно-историческое обозрѣніе событій во времена Фридриха I"*, которое должно было ввести читателя въ пониманіе мемуаровъ Анны Комнины, Оттона Фрейзингенскаго и Радевиха [1]). Такой же характеръ по отношенію къ мемуарамъ XVI в. имѣла статья *„Исторія французскихъ смутъ передъ царствованіемъ Генриха IV"*. Кромѣ того, въ этой же коллекціи были напечатаны и менѣе еще значительныя вступительныя статьи: 1) общая ко всему изданію въ I т. съ объявленіемъ о его продолженіи во II т., 2) къ соч. Богадина о султанѣ Саладинѣ и 3) къ мемуарамъ Сюлли. Кромѣ того, Шиллеру принадлежитъ еще 4) „Vorrede zu den Denkwürdigsten aus dem Leben des Marschalls von Vielleville („Die Horen" за 1797 г.).

„Нѣчто о первомъ человѣческомъ обществѣ по Моисееву свидѣтельству". Эта статья, появившаяся въ „Рейнской Таліи" за 1790 г. и имѣвшая подзаголовокъ „Переходъ человѣка къ свободѣ и человѣчности (Humanität)", была вызвана статьею Канта „Mutmasslicher Anfang der Menschengeschichte nach philosophischen Begriffen". Шиллеръ разсматриваетъ книгу Бытія, какъ исторію общихъ понятій, воплощенныхъ въ человѣческихъ индивидуумахъ, и даетъ общую картину ранней человѣческой исторіи отъ чисто растительной жизни до образованія первыхъ государствъ.

---

[1]) Продолженіе было написано другимъ лицомъ.

„*Посланничество Моисея*“ было напечатано въ первый разъ въ „Рейнской Таліи“ за 1790 г. Въ этой статьѣ Шиллеръ проводитъ ту мысль, что основаніе іудейскаго государства было дѣломъ личной иниціативы Моисея, заимствовавшаго свои религіозныя идеи въ тайноученіяхъ Египта. Руководителемъ его въ данномъ случаѣ былъ извѣстный трудъ Рейнгольда „Еврейскія мистеріи или древнѣйшее религіозное ученіе вольныхъ каменщиковъ“ (1788), въ свою очередь примыкавшій къ англійскому сочиненію Варбуртона „Доказательство божественнаго посланничества Моисея“.

„*Законодательство Ликурга и Солона*“. Статья подъ этимъ заглавіемъ появилась въ „Рейнской Таліи“ 1790 г. безъ всякой подписи. Шиллеру въ ней принадлежитъ безспорно только вторая половина — о Солонѣ. Законодательство Ликурга разсматривается, какъ помѣха свободному человѣческому развитію, такъ какъ оно требовало принесенія въ жертву требованіямъ государства всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Наоборотъ, Солонъ видѣлъ въ государствѣ не цѣль, а только средство гражданскаго благополучія и свободной дѣятельности духа, и въ этомъ Шиллеръ видитъ настоящую государственную мудрость.

«*Филиппъ II, король испанскій*», помѣщенный впервые въ издававшейся Шиллеромъ „Rhein Thalia“ (1786), представляетъ собою переводъ сочиненія Мерсье, но многіе сомнѣваются, дѣйствительно ли переводъ принадлежитъ Шиллеру.

Н. Карѣевъ.

Исторія отпаденія Соединенныхъ Нидерландовъ отъ испанскаго владычества.

Предисловіе къ I-му изданію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, читая превосходную исторію нидерландской революціи при Филиппѣ II *Ватсона*, я пришелъ въ такое восхищеніе, какое рѣдко вызывается государственными дѣяніями. Поразмысливъ хорошенько, я нашелъ, что это восхищеніе было вызвано во мнѣ не столько самою книгой, сколько быстротой моего собственнаго воображенія, придавшаго матеріалу тотъ именно видъ, который такъ плѣнилъ меня. Мнѣ захотѣлось закрѣпить это впечатлѣніе, усилить, разнообразить его; мнѣ захотѣлось распространить это возвышенное настроеніе, подѣлиться имъ съ другими. Вотъ первый поводъ къ этой исторіи: и тутъ мое единственное право писать ее.

Исполненіе этого намѣренія повело меня дальше, чѣмъ я думалъ. При ближайшемъ знакомствѣ съ матеріаломъ, тотчасъ вскрывались непредвидѣнные недочеты въ немъ, обширные пробѣлы, которые пришлось заполнять, кажущіяся противорѣчія, которыя нужно было устранить, отдѣльные факты, которые я долженъ былъ привести въ связь съ цѣлымъ. Желая не столько наполнить мою исторію собраніемъ новыхъ событій, сколько найти ключъ къ уже имѣвшимся у меня, я обратился къ самымъ источникамъ: такъ задуманный общій очеркъ превратился въ подробную исторію.

Предлагаемая первая часть, до отъѣзда герцогини Пармской изъ Нидерландовъ, составляетъ лишь *введеніе* къ той настоящей революціи, которая разразилась лишь при ея преемникѣ. Я счелъ необходимымъ обработать эту *подготовительную* эпоху съ особенной тщательностью и заботливостью: у большинства касавшихся ея авторовъ, я не нашелъ этихъ качествъ, а, по мнѣ, на ней-то зиждется все послѣдующее. Поэтому, если читателю покажется, что эта первая часть бѣдна важными событіями, преисполнена мелочами дѣйствительными или мнимыми или повтореніями, что, вообще, дѣйствіе въ ней затягивается, то пусть онъ помнитъ, что именно изъ этихъ ничтожныхъ зачатковъ выросла вся революція, что всѣ послѣдующіе великіе результаты вытекли изъ совокупности безчисленныхъ мелкихъ фактовъ. У такой націи, какъ занимающая насъ теперь, первые шаги всегда медленны, осторожны, нерѣшительны; зато потомъ она идетъ живо, я предначерталъ себѣ точно такой же ходъ изображенія этого возстанія. Чѣмъ дольше остановится читатель на введеніи, чѣмъ ближе ознакомится онъ съ дѣятелями и съ поприщемъ ихъ дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и увѣреннѣе поведу я его по дальнѣйшимъ періодамъ, гдѣ масса матеріала не дозволила бы мнѣ двигаться такъ медленно, вдаваться въ такія подробности.

Въ этой исторіи приходится жаловаться не на недостатокъ, а, скорѣе, на преизбытокъ источниковъ: вѣдь, нужно перечесть ихъ *всѣ*, чтобы достигнуть ясности, которая нерѣдко страдаетъ при ознакомленіи со *многими* изъ нихъ. При разнородныхъ, односторонніхъ, часто противорѣчивыхъ изображеніяхъ одного и того же предмета, вообще трудно добиться истины, которая отчасти таится въ каждомъ изъ нихъ, но нигдѣ не является цѣликомъ и въ чистомъ видѣ. Въ предлагаемой первой части моими путеводителями были, кромѣ *Де-ту*, *Страды*, *Рейда*, *Гроція*, *Метерена*, *Бургундіуса*, *Меурзія*,

Бентивольо и нѣкоторыхъ иныхъ историковъ: записки государственнаго совѣтника *Гоппе-руса*, жизнеописаніе и переписка его друга, *Виліуса*, бумаги по суду надъ графами *Горномъ* и *Эгмонтомъ*, апологія принца *Оранскаго* и немногіе другіе. Весьма большую услугу оказала мнѣ обширная, заслуживающая, сказать правду, лучшаго имени, компиляція, составленная съ усердіемъ и критикой, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и добросовѣстностью; помимо многихъ документовъ, которыхъ я никакъ не могъ добыть, въ эту компиляцію вошли драгоцѣнные труды *Бора*, *Гофта*, *Брандта*, *Ле-Клерка* и др., которыми я не могъ пользоваться, частью по неимѣнію ихъ, частью по незнанію голландскаго языка. Я веду рѣчь о всеобщей исторіи Соединенныхъ Нидерландовъ, появившейся въ Голландіи въ текущемъ вѣкѣ. *Рихардъ Динотъ*, хотя и посредственный писатель, принесъ мнѣ пользу выдержками изъ разныхъ, уже утраченныхъ, брошюръ того времени. Напрасно добивался я переписки кардинала *Гранвеллы*, которая, безъ сомнѣнія, бросила бы яркій свѣтъ и на эту эпоху. Что касается только что появившагося сочиненія моего достолюбезнѣйшаго земляка, г. профессора *Шпиттлера* изъ Геттингена, объ испанской инквизиціи, то я получилъ его слишкомъ поздно, чтобы воспользоваться его глубокомысленнымъ и весьма важнымъ содержаніемъ.

Мнѣ хотѣлось изучить избранную эпоху по *первоначальнымъ* и по современнымъ ей документамъ. Я старался переработать все заново, независимо отъ формы, въ которую облекалась исторія ея у лучшей части моихъ предшественниковъ, чтобы освободиться отъ вліянія, которое всякій разумный писатель оказываетъ, въ извѣстной степени, на своего читателя, сожалѣю, что это было сверхъ моихъ силъ—сожалѣю тѣмъ больше, чѣмъ глубже вникаю въ содержаніе дѣла. Но, вѣдь, иначе—работа нѣсколькихъ лѣтъ превратилась бы въ трудъ цѣлой человѣческой жизни. При этомъ опытѣ, моя цѣль была бы достигнута съ лихвой, если бы онъ убѣдилъ часть читающей публики въ томъ, что можно писать достовѣрную исторію, не подвергая испытанію терпѣнія читателя, и что исторія можетъ кое-что заимствовать у близкаго къ ней искусства, не превращаясь непремѣнно въ романъ.

Веймаръ, во время Михайлов. ярм. (29 сент.) 1788.

ВВЕДЕНІЕ.

На мой взглядъ, однимъ изъ знаменательнѣшихъ государственныхъ событій, сдѣлавшихъ 16 вѣкъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всемірной исторіи, было основаніе свободы Нидерландовъ. Даже сверкающія дѣянія славолюбцевъ и пагубныхъ властолюбцевъ могутъ разсчитывать на наше глубокое вниманіе: что же сказать о томъ зрѣлищѣ, гдѣ забитое человѣчество борется за свои благороднѣйшія права, гдѣ необычайныя силы строятся на сторонѣ добра, гдѣ мужество отчаянія побѣждаетъ, въ неравной борьбѣ, страшныя орудія тиранніи? Величава, отрадна мысль, что „есть средство даже противъ упорнѣйшихъ притязаній государственной власти, что искуснѣйшіе ея замыслы посрамляются человѣческою свободой, что стойкое сопротивленіе подгибаетъ даже поднятую руку деспота, и геройская выдержка, въ концѣ концовъ, истощаетъ его страшныя средства. Ничто не возбуждало во мнѣ этой мысли до такой степени, какъ исторія того достопамятнаго возстанія, которое навѣки оторвало Соединенные Нидерланды отъ испанской короны, и, казалось мнѣ, стоитъ попытаться представить міру этотъ дивный памятникъ гражданской мощи, пробудить въ груди моего читателя отрадное чувство собственнаго достоинства и показать новый непобѣдимый примѣръ того, какъ должно дерзать ради добра и что можетъ сдѣлать сила единенія. Не чрезвычайное, не героическое увлекало меня въ этомъ дѣлѣ. Лѣтописи міра хранятъ извѣстія о подобныхъ предпріятіяхъ, даже болѣе смѣлыхъ по замыслу, болѣе блестящихъ по исполненію. Одни государства рушились съ болѣе величавымъ потрясеніемъ, другія поднимались выше. Нѣтъ здѣсь ни тѣхъ выдающихся колоссальныхъ личностей, ни тѣхъ изумительныхъ подвиговъ, которыми переполнена древняя исторія. Тѣ времена миновали, тѣхъ людей уже нѣтъ. Среди изнѣживающей утонченности нравовъ, увяли тѣ силы, которыми по необходимости жили тѣ періоды. Съ изумленіемъ, съ смущеніемъ взираемъ мы на этихъ великановъ, какъ разслабленные старцы на мужественныя игры юности. Въ предлагаемой исторіи не то. Передъ нами самый мирный народъ нашего полушарія; въ немъ меньше, чѣмъ у любого изъ его сосѣдей, того геройства, которое сообщаетъ высокій полетъ самымъ ничтожнымъ дѣламъ. Ходъ событій овладѣлъ имъ неудержимо и временно придалъ ему то величіе, котораго онъ, иначе, никогда бы не достигъ и, быть можетъ, никогда не достигнетъ вновь. Именно недостатокъ героическаго величія—вотъ поучительная особенность этого событія, и если другіе стараются показать побѣду генія надъ случаемъ, то я развертываю картину, гдѣ нужда творитъ генія и случай создаетъ героевъ.

Если вообще позволительно примѣшивать высшее Провидѣніе къ человѣческимъ дѣламъ, то это особенно идетъ къ этой исторіи, при всемъ ея противорѣчіи съ разумомъ и всяческимъ опытомъ. Передъ нами *Филиппъ II*, могущественнѣйшій монархъ своего времени: его страшная сила

грозила всей Европѣ поглощеніемъ; его сокровища превосходили богатства всѣхъ христіанскихъ королей, вмѣстѣ взятыхъ; его флоты господствовали на всѣхъ моряхъ; его страшнымъ замысламъ служили многочисленныя войска, закаленныя въ кровавыхъ битвахъ и въ римской дисциплинѣ, одушевленныя упорною національной гордостью, подстрекаемыя памятью одержанныхъ побѣдъ, жаждущія чести и добычи, двигающіяся послушными орудіями отчаяннаго генія своего вождя. Этотъ грозный человѣкъ упрямо отдается одному замыслу, посвящаетъ одному предпріятію безустанную работу всего своего долгаго царствованія, жертвуетъ одной цѣли всѣ эти страшныя средства,—и на закатѣ своихъ дней, онъ принужденъ отъ всего отказаться: мы видимъ Филиппа II—въ борьбѣ съ немногими слабыми націями,—борьбѣ, которой онъ не въ силахъ кончить!

И съ какими націями? Вотъ мирные рыбаки и пастухи, въ заброшенномъ уголкѣ Европы, съ трудомъ отбитомъ ими у морскихъ волнъ; море—ихъ промыселъ, ихъ богатство и ихъ мука; свободная нищета—ихъ высшее благо, ихъ слава, ихъ добродѣтель. А тамъ добродушные, степенные торговцы, утопающіе въ роскошныхъ плодахъ благодатнаго трудолюбія, строго соблюдающіе благодѣтельные законы. Въ счастливомъ досугѣ достатка, выходятъ они изъ заботливаго круга первыхъ потребностей и начинаютъ стремиться къ высшимъ цѣлямъ. На эту воспріимчивую почву падаетъ плодотворный лучъ новой истины, отрадная заря которой занялась надъ Европой: и свободный гражданинъ радостно пріемлетъ свѣтъ, отъ котораго отворачиваются забитые жалкіе рабы. Веселое своеволіе, этотъ спутникъ избытка и свободы, подстрекаетъ ихъ подвергнуть почтенныя вѣковыя мнѣнія провѣркѣ и разорвать позорныя цѣпи. Тяжелый бичъ деспотизма виситъ надъ ними, произволъ угрожаетъ разнести основы ихъ счастія, блюститель ихъ законовъ становится ихъ тираномъ. Люди простые въ своей государственной мудрости, какъ и въ своихъ нравахъ, они дерзаютъ разорвать устарѣлый договоръ и напомнить владыкѣ обѣихъ Индій объ естественномъ правѣ. Одно слово рѣшаетъ весь исходъ дѣла: въ Мадридѣ называли мятежомъ то, что въ Брюсселѣ считалось лишь законнымъ дѣломъ. Жалобы Брабанта требовали только умнаго государственнаго посредника,—Филиппъ II послалъ туда палача. И былъ поданъ знакъ къ войнѣ. Безпримѣрная тираннія овладѣваетъ жизнью и собственностью. Доведенный до отчаянія гражданинъ, которому оставался лишь выборъ между двумя смертями, выбираетъ благороднѣйшую изъ нихъ—на полѣ брани. Богатый, пышный народъ любитъ миръ; но онъ становится воинственнымъ, если обѣднѣетъ. Онъ уже не дрожитъ за жизнь, лишенную всего, чѣмъ она была красна для него. Пламя возстанія охватываетъ отдаленнѣйшія провинціи; торговля и сношенія останавливаются; корабли покидаютъ гавани, ремесленники—свои мастерскія, земледѣльцы—свои опустошенныя поля. Тысячами бѣгутъ на чужбину; тысячи жертвъ падаютъ на эшафотахъ, другія тысячи слѣдуютъ за ними: стало быть, божественно то ученіе, за которое можно умирать такъ радостно! Недостаетъ только послѣдней, всесокрушающей руки — свѣтлой, предпріимчивой личности, которая схватилась бы за это великое политическое мгновеніе и превратила бы порожденіе случая въ мудрый замыселъ.

Вильгельмъ Молчаливый, этотъ второй Брутъ, посвящаетъ себя дѣлу свободы. Далекій отъ трусливаго себялюбія, отказываетъ онъ королю въ исполненіи преступныхъ обязанностей, великодушно низлагаетъ съ себя княжеское званіе, нисходитъ въ добровольную нищету: онъ уже не больше, какъ гражданинъ міра. Пытаются рѣшить правое дѣло жребіемъ войны; но сбродъ наемниковъ и мирныхъ крестьянъ не можетъ устоять противъ страшнаго натиска опытной военной силы. Дважды ведетъ Молчаливый свои смущенныя войска противъ тирана, и дважды они покидаютъ его; его не покидало только мужество. Филиппъ II посылаетъ столько подкрѣпленій, сколько его жестокій, алчный посредникъ создавалъ нищихъ. Выбрасываемые родиной бѣглецы ищутъ новаго отечества на морѣ и утоленія голода и жажды мести—на судахъ врага. И вотъ, корсары превращаются въ морскихъ героевъ, разбойничьи корабли—во флотъ: и изъ болотъ вздымается республика. Вдругъ отрываются семь провинцій — новое юное государство, сильное своимъ единствомъ, своими наводненіями, своимъ отчаяніемъ. Нація торжественною клятвой низвергаетъ тирана съ престола; имя Испаніи исчезаетъ изъ всѣхъ законовъ.

Совершилось дѣло, которому не можетъ быть прощенія. Страшно грозна будетъ республика, которой нѣтъ возврата. Борьба партій разрываетъ ея единство; само море, эта

ея ужасная стихія, словно сговорившись съ угнетателемъ, грозитъ безвременною смертью ея нѣжному зародышу. Она чувствуетъ слабость своихъ силъ передъ превосходною мощью врага и съ мольбой обращается къ могучимъ престоламъ Европы, предлагая имъ державу, которую не можетъ защитить сама. Но такъ жалко было начало новаго государства, что съ презрѣніемъ взирала на него даже алчность иноземныхъ королей; лишь съ трудомъ удалось навязать, наконецъ, чужаку опасную корону. Новыми надеждами окрыляется духъ республиканцевъ; но въ лицѣ новаго отца отечества судьба дала имъ измѣнника: въ тяжелую минуту, когда неумолимый врагъ уже ломится въ ворота, *Карлъ Анжуйскій* посягаетъ на ту самую свободу, которую онъ призванъ оборонять. Мало того—рука убійцы уноситъ кормчаго съ его поста. Повидимому судьба республики свершилась: вмѣстѣ съ *Вильгельмомъ Оранскимъ* улетаютъ всѣ ея ангелы-хранители. Однако корабль летитъ среди бури, и трепещущій парусъ уже не нуждается въ помощи гребца.

Видитъ *Филиппъ II* гибель своего дѣла, и страдаетъ его честь, а, пожалуй, и его гордость въ тайникахъ сознанія. Упорно и загадочно борется свобода съ деспотизмомъ; даются кровавыя битвы; на полѣ чести смѣняются блестящіе ряды героевъ; Фландрія и Брабантъ стали питомниками полководцевъ слѣдующаго столѣтія. Долгая опустошительная война разрушаетъ благоденствіе страны, побѣдители и побѣжденные истекаютъ кровью; а тѣмъ временемъ зиждущееся морское государство влекло къ себѣ бездомныхъ тружениковъ и воздвигало роскошное зданіе на развалинахъ своего сосѣда. Сорокъ лѣтъ длилась война, счастливый исходъ которой не услаждалъ меркнувшихъ взоровъ Филиппа,—война, которая истребила одинъ рай въ Европѣ и на его развалинахъ насадила другой, которая поглотила цвѣтъ героической молодежи, обогатила цѣлую часть свѣта и повергла въ нищету обладателя золотоноснаго Перу. Этотъ монархъ, который могъ, не отягощая своей страны, швырять 900 тоннами золота въ годъ и еще больше выжималъ съ народа тираническими уловками, обременилъ свою обезлюдѣвшую страну 140 милліонами дукатовъ долга. Непримиримая ненависть свободныхъ людей поглотила всѣ его сокровища и сдѣлала безплодной его жизнь, но на опустошенной его мечемъ почвѣ уродилась реформація, и изъ крови гражданъ вздымалось побѣдное знамя новой республики.

Этотъ неестественный оборотъ дѣлъ граничитъ съ чудомъ; но онъ объясняется многими обстоятельствами, которыя соединились для того, чтобы сломить могущество этого короля и доставить успѣхъ новому государству. Обрушилось это могущество на соединенныя провинціи всею своею тяжестью—и не было бы спасенія ни для ихъ религіи, ни для ихъ свободы. Собственное честолюбіе деспота пришло на помощь слабымъ: оно заставило его раздѣлить свои силы. Дорогостоющая политика, оплачивавшая измѣнниковъ во всѣхъ кабинетахъ Европы, пособія французской лигѣ, возстаніе мавровъ въ Гранадѣ, завоеваніе Португаліи, пышныя постройки въ Эскуріалѣ—все это истощило, наконецъ, его, повидимому, неисчерпаемыя сокровища и не давало ему возможности дѣйствовать на войнѣ энергически и сосредоточенно. Нѣмецкія и итальянскія войска, привлекаемыя подъ его знамена лишь надеждой на добычу, возмутились, не получая платы, и вѣроломно покинули своего вождя въ рѣшительную минуту. Эти страшныя орудія угнетенія обратили теперь свою опасную силу противъ него самого и свирѣпствовали какъ враги въ тѣхъ провинціяхъ, которыя оставались вѣрны ему. Окончательно истощилъ его тотъ злополучный походъ противъ Британіи, на который онъ, словно бѣшеный игрокъ, положилъ всѣ силы своего королевства: вмѣстѣ съ Армадой пошли ко дну и дани обѣихъ Индій, и цвѣтъ испанскаго героизма.

Такъ постепенно истощалось испанское могущество. Въ провинціяхъ Брабантѣ, Фландріи и Геннегау, бывшихъ поприщемъ и кладовой этой дорогой войны, вырывались все новыя жертвы, благодаря новой религіи, тиранніи церковныхъ судовъ, свирѣпому разбойничеству солдатчины и безпрерывнымъ опустошеніямъ долгой борьбы; и конечно, съ каждымъ годомъ становилось тяжелѣе содержать и обновлять арміи. Католическіе Нидерланды потеряли милліонъ гражданъ, и растоптанныя поля уже не питали своихъ пахарей. Сама Испанія могла уже поднять лишь немного народу: ея земли, не справившись со своимъ быстрымъ обогащеніемъ, повлекшимъ за собой бездѣльничанье, потеряли много населенія и не могли долго выдерживать эту разсылку людей въ Новый Свѣтъ и въ Нидерланды. Изъ послѣднихъ немногіе увидѣли свое отечество, да и тѣ,

Карлъ V, на 31 году жизни.
Современная (1531) гравюра Бартеля Бегам[illegible]

покинувъ его юношами, возвращались хилыми стариками. Вслѣдствіе распространенія золота, солдатъ становился все дороже; усиливающееся господство изнѣженности возвышало цѣну противоположныхъ добродѣтелей.

Совсѣмъ не то видимъ у мятежниковъ. Къ нимъ стекались всѣ тѣ тысячи людей, которыхъ изгоняли жестокость королевскихъ намѣстниковъ изъ южныхъ Нидерландовъ, гугенотская война—изъ Франціи, религіозныя преслѣдованія — изъ другихъ странъ Европы. Ихъ вербовочнымъ рынкомъ былъ весь христіанскій міръ. На нихъ работали и фанатизмъ преслѣдователей, и фанатизмъ преслѣдуемыхъ. Свѣжее одушевленіе новоявленнымъ ученіемъ, жажда мести, голодъ, безнадежное горе гнали подъ ихъ знамена авантюристовъ со всѣхъ угловъ Европы. Для всякаго нововѣрца, для всякаго пострадавшаго или имѣвшаго пострадать отъ деспотизма, судьба новой республики становилась его собственной участью. Всякая обида отъ тирана давала право гражданства въ Голландіи. Все стремилось въ страну, гдѣ свобода развернула свое ободряющее знамя, гдѣ бѣглымъ исповѣдникамъ обезпечивались уваженіе, покой и надежда мстить угнетателямъ. Взгляните на стеченіе всѣхъ народовъ даже въ нынѣшней Голландіи, при вступленіи въ которую они снова получаютъ человѣческія права, — что же должно было быть въ тѣ времена, когда вся остальная Европа еще стонала подъ печальнымъ духовнымъ гнетомъ, когда Амстердамъ былъ чуть ли не единственнымъ свободнымъ пристанищемъ для всякой мысли? Много сотенъ семей свезли свои богатства въ землю, крѣпко охраняемую какъ океаномъ, такъ и единодушіемъ. Республиканская армія оказалась многочисленной, хотя не отрывала рукъ отъ плуга. Среди грома оружія процвѣтали промыслы и торговля; и спокойный гражданинъ заранѣе вкушалъ всѣ плоды свободы, завоеванной на первыхъ порахъ чужою кровью. И въ то самое время, когда Голландская республика еще боролась за свое существованіе, ея границы раздвинулись по міровому морю, а въ Остъ-Индіи тихо создавались ея троны.

Мало того, Испанія вела эту дорогую войну на мертвое, безплодное золото, которое не возвращалось въ выпустившія его руки и только поднимало цѣну въ Европѣ на всѣ предметы первой необходимости; а казной республики были трудолюбіе и торговля. То сокращалось съ теченіемъ времени, эти — увеличивались; какъ разъ по мѣрѣ того, какъ истощались средства правительства при долголѣтней войнѣ, республика начинала собирать свою жатву. То былъ запасъ благодатныхъ сѣмянъ, который потомъ вознаградился сторицей; а то дерево, съ котораго Филиппъ срывалъ плоды, оказалось обтесаннымъ бревномъ, которому ужъ не зазеленѣть.

Судьба Филиппа была такъ злополучна, что именно тѣ сокровища, которыми онъ сорилъ на погибель провинцій, послужили къ ихъ обогащенію. Эти непрерывные потоки испанскаго золота распространили богатство и роскошь по всей Европѣ; а Европа получала предметы для удовлетворенія своихъ размножившихся потребностей, главнымъ образомъ, изъ рукъ нидерландцевъ, которые овладѣли торговлей всего тогдашняго міра и назначили цѣны всѣмъ товарамъ. Во время самой войны, Филиппъ не б..лъ въ состояніи воспретить Голландской республикѣ торговать съ его собственными подданными; онъ не могъ даже желать этого. Онъ самъ выплачивалъ мятежникамъ издержки ихъ обороны: именно война, долженствовавшая раздавить ихъ, увеличивала сбытъ товаровъ. Громадныя издержки на его флоты и арміи текли преимущественно въ казну республики, которая находилась въ сношеніяхъ съ торговыми рынками Фландріи и Брабанта. Такъ все, что Филиппъ пускалъ въ ходъ *противъ* мятежниковъ, косвенно шло *на пользу* имъ. Всѣ неисчислимыя суммы, поглощенныя 40-лѣтнею войной, падали въ бочки Данаидъ и пропадали въ бездонной глубинѣ.

Медленный ходъ войны столько же причинялъ вреда испанскому королю, сколько доставлялъ выгодъ мятежникамъ. Его арміи состояли, главнымъ образомъ, изъ остатковъ тѣхъ побѣдоносныхъ войскъ, которыя пожинали лавры еще при *Карлѣ V*. Пожилой возрастъ и долгая служба давали имъ право на отдыхъ; многіе изъ воиновъ, обогащенныхъ войной, жаждали возвратиться домой, чтобы уютно доживать свой многотрудный вѣкъ. Былое рвеніе, геройскій пылъ, дисциплина покидали ихъ по мѣрѣ того, какъ они сознавали, что уже исполнили свой долгъ и соблюли честь, и начинали, наконецъ, пожинать плоды столькихъ походовъ. Къ тому же войска, привыкшія побѣждать всѣ препятствія яростнымъ натискомъ, утомлялись въ войнѣ, гдѣ приходилось бороться больше со стихіями, чѣмъ съ людьми, гдѣ требовалось больше терпѣнія, чѣмъ

славолюбія, гдѣ встрѣчались не столько опасности, сколько лишенія и тягости. Ихъ личное мужество, ихъ долгая военная опытность были ни причемъ въ странѣ, гдѣ особенности почвы нерѣдко давали перевѣсъ надъ ними даже самому трусливому изъ туземцевъ. Наконецъ, на чужбинѣ *одно* пораженіе вредило имъ больше, чѣмъ приноситъ пользы рядъ побѣдъ надъ врагомъ, который былъ у себя дома. У мятежниковъ же дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Въ столь долгой войнѣ, лишенной рѣшительныхъ битвъ, слабѣйшій противникъ научался у сильнѣйшаго; мелкія пораженія пріучали его къ опасности, а мелкія побѣды разжигали его самоувѣренность. При началѣ междоусобія, республиканская армія едва смѣла показываться испанцамъ въ открытомъ полѣ; но его продолжительность обучила и закалила ее. Королевскимъ войскамъ надоѣдало драться, а у мятежниковъ росла самоувѣренность, вмѣстѣ съ опытомъ и улучшеніемъ дисциплины. Наконецъ, полстолѣтія спустя, учителя и ученики разошлись, непобѣжденные, какъ равные бойцы.

Далѣе. Во всю эту войну, у мятежниковъ было болѣе связности и единства, чѣмъ у короля. Прежде чѣмъ тѣ потеряли своего перваго вождя, этотъ пять разъ смѣнялъ своихъ правителей въ Нидерландахъ. Нерѣшительность герцогини *Пармской* сообщилась мадридскому кабинету — и тамъ въ короткое время перепробовали чуть не всѣ государственныя системы. Непреклонная суровость герцога *Альбы*, кротость его преемника, *Рекевезенса*, коварство и козни *донъ-Жуана Австрійскаго*, живой цезарскій духъ принца *Пармскаго* сообщали этой борьбѣ противоположныя направленія; а мятежники постоянно слѣдовали одному и тому же плану, ясно и живо созданному одною головой. Но хуже всего было то, что системы, по большей части, являлись не во-время. Въ началѣ волненій, когда перевѣсъ очевидно былъ еще на сторонѣ короля, когда быстрая рѣшимость и мужественная стойкость могли задушить мятежъ въ колыбели, бразды правленія были оставлены въ рукахъ колеблющейся женщины. А когда вспыхнуло настоящее возстаніе, когда силы мятежниковъ и короля уже находились въ равновѣсіи, и только умная уступчивость могла предотвратить междоусобіе, намѣстничество досталось человѣку, которому недостовало, на такомъ посту, только этой добродѣтели. Отъ такого неусыпнаго надсмотрщика, какъ *Вильгельмъ Молчаливый* не ускользала ни одна изъ выгодъ, доставляемыхъ ему неудачной политикой противника; и прилежно, въ тишинѣ, постепенно двигалъ онъ свое предпріятіе къ цѣли.

Но отчего же Филиппъ II не явился самъ въ Нидерланды? Почему онъ хватался за всякія, даже самыя неестественныя средства, не испытавъ одного только, которое могло привести къ цѣли? Чтобы сломить пышную власть дворянства, для этого не было болѣе естественнаго исхода, чѣмъ личное присутствіе государя. Подлѣ его величества пало бы всякое частное величіе, померкло бы всякое другое значеніе. Правда не протекала бы къ отдаленному престолу такъ медленно и мутно черезъ столько нечистыхъ каналовъ; оборона не запоздала бы до того, что случайность успѣла созрѣть до разумнаго дѣла: монархъ собственнымъ проницательнымъ взглядомъ распозналъ бы правду отъ лжи. Тутъ не требовалось отъ него человѣчности: одинъ холодный государственный разсчетъ спасъ бы милліонъ гражданъ. Чѣмъ указы ближе къ своему источнику, королю, тѣмъ они дѣйствительнѣе; чѣмъ удары мятежа ближе къ цѣли, тѣмъ они слабѣе и робче. Гораздо легче причинить вредъ отсутствующему врагу черезъ другихъ, чѣмъ прямо ему въ лицо. Вначалѣ мятежъ, казалось, дрожалъ передъ своимъ собственнымъ именемъ: онъ долго прикрывался искусственнымъ предлогомъ— будто дѣло идетъ о защитѣ дѣла короля противъ произвола его намѣстника. Появленіе Филиппа въ Брюсселѣ сразу покончило бы съ этимъ скоморошествомъ: притворщики должны бы были или выполнить свое мороченіе до конца, или сбросить маски и своимъ настоящимъ видомъ осудить себя. И какое было бы облегченіе для Нидерландовъ, если бы присутствіе монарха устранило хоть тѣ бѣдствія, которыя обрушились на нихъ безъ его вѣдома и противъ его воли! Какая выгода для него самого, если бы оно привело хоть къ одному—къ надзору за тѣми неизмѣримыми суммами, которыя беззаконно собирались на войну и таяли въ разбойничьихъ рукахъ его правителей. Что́ выжималось у народа его намѣстниками неестественнымъ путемъ ужаса, то его величеству давалось бы добровольно. Король однимъ страхомъ достигъ бы того, чего добивались чиновники мѣрами, дѣлавшими ихъ предметомъ всеобщаго отвращенія: вѣдь, злоупотребленіе прирожденной властью гнететъ не такъ больно, какъ зло-

употребленіе властью, порученной другимъ. Присутствіе Филиппа спасло бы тысячи народу, если бы даже онъ былъ не больше, какъ домовитый деспотъ. А еслибъ за нимъ не было и *этого*, то одинъ страхъ его личности сохранилъ бы ему страну, которую погубили ненависть и презрѣніе къ его орудіямъ.

Казалось-бы, что въ такой-же степени, въ какой угнетеніе нидерландскаго народа стало какъ-бы дѣломъ всѣхъ людей, сознающихъ свои человѣческія права, непокорность и отпаденіе этого народа должно было стать вызовомъ всѣмъ государямъ; они какъ-бы защищали собственные интересы, сохранивъ права сосѣда. Но на этотъ разъ государственныя соображенія уступили мѣсто соперничеству съ Испаніей; первыя державы Европы стали на сторону свободы, однѣ явственно, другія потаенно. Императоръ *Максимиліанъ II*, самъ принадлежавшій къ испанскому дому, подалъ ему поводъ справедливо обвинять его въ тайномъ потворствѣ мятежникамъ. Предложеніемъ своего посредничества онъ молчаливо призналъ извѣстную долю справедливости за ихъ жалобами; а это должно было поощрить ихъ къ болѣе упорному сопротивленію. При императорѣ, который былъ бы искренно преданъ испанскому дому, врядъ ли Вильгельмъ Оранскій получилъ бы столько войскъ и денегъ изъ Германіи. Франція хотя и не разрывала съ Мадридомъ открыто и формально, однако поставила своего принца крови во главѣ нидерландскихъ мятежниковъ: послѣдніе орудовали, главнымъ образомъ, ея войсками и деньгами. *Елизавета англійская* лишь удовлетворяла справедливому чувству мести и возмездія, взявъ возставшихъ подъ свое покровительство противъ ихъ законнаго господина; и если ея экономная помощь развѣ только устранила полный разгромъ республики, зато это уже значило чрезвычайно много въ ту минуту, когда лишь надежда могла поддержать падающій духъ возставшихъ. Тогда Филиппъ находился еще въ мирѣ съ этими обѣими державами, и обѣ измѣнили ему. Въ сношеніяхъ между сильнымъ и слабымъ честность обыкновенно—вовсе не добродѣтель: на долю того, кого боятся, рѣдко приходятся тѣ благородныя связи, которыя соединяютъ равнаго съ равнымъ. Филиппъ самъ изгналъ правду изъ политическаго обихода; онъ самъ разрушилъ нравственныя отношенія между королями и поставилъ коварство божествомъ своего кабинета. И тутъ никогда онъ не наслаждался полнымъ превосходствомъ, а между тѣмъ долженъ былъ всю свою жизнь бороться съ тѣмъ соперничествомъ, которое возбуждало оно у другихъ. Европа предоставила ему казниться за злоупотребленіе властью, которой онъ, въ сущности, никогда не употреблялъ вполнѣ.

Прибавьте всѣ случайности, которыя вредили одному изъ противниковъ и помогали другому — и исчезнетъ все чудесное въ этой борьбѣ, такъ поражающее насъ съ перваго взгляда. Но останется, все-же, ея необычайность: и здѣсь-то мѣрило заслугъ дѣятелей республики передъ ихъ свободой. Но не думайте, будто дѣлу предшествовало точное соображеніе силъ, будто пловцы, уже при вступленіи въ это загадочное море, знали берегъ, къ которому потомъ пристали. Въ мысли зачинщиковъ дѣло вовсе не представлялось такимъ зрѣлымъ, смѣлымъ и роскошнымъ, какъ оказалось оно во всей своей полнотѣ: тутъ было то же, что съ вѣчнымъ раздѣленіемъ церквей, о которомъ и не думалъ Лютеръ, когда возставалъ противъ торговли индульгенціями. Какая разница между скромнымъ выступленіемъ въ Брюсселѣ тѣхъ нищихъ, которые молили о болѣе человѣческомъ обращеніи, какъ о милости, и грознымъ величіемъ того свободнаго государства, которое переговаривается съ королями, какъ съ равными, и меньше чѣмъ черезъ одно столѣтіе распоряжается по своему усмотрѣнію престоломъ своихъ бывшихъ тирановъ! Незримая десница рока направила спущенную стрѣлу высокимъ полетомъ, совсѣмъ не въ ту сторону, куда посылала ее тетива. Въ нѣдрахъ счастливаго Брабанта родилась свобода, которая, уже ребенкомъ, была оторвана отъ груди матери, чтобы осчастливить презрѣнную Голландію. Но да не покажется намъ самое предпріятіе менѣе великимъ оттого, что оно кончилось иначе, чѣмъ было задумано. Человѣкъ обтесываетъ, лощитъ, отдѣлываетъ дикій камень, но этотъ камень приносится временемъ: ему принадлежитъ минута и мѣсто, но всемірную исторію двигаетъ случай. Если только вынесшія это событіе страсти хотя не недостойны дѣла, которому онѣ безсознательно служили, если помогшія ему силы и отдѣльные поступки, изъ чудеснаго сцѣпленія которыхъ оно выросло, были, сами по себѣ, благородныя силы, прекрасные и великіе поступки, то событіе будетъ для насъ великимъ, любопытнымъ, плодоноснымъ, и уже наше дѣло — изумляться ли

смѣлому порожденію случая, или восторгаться высшимъ Разумомъ.

Всемірная исторія довлѣетъ себѣ самой, какъ и законы природы; она проста, какъ душа человѣка. Одинаковыя условія приводятъ къ одинаковымъ явленіямъ. На той же самой почвѣ, на которой нынѣ нидерландцы сопротивляются своему испанскому тирану, 15 вѣковъ тому назадъ ихъ предки, батавы и белги, боролись съ своимъ римскимъ палачомъ. Подобно тѣмъ, эти неохотно подчинялись надменному властителю, были угнетены хищными сатрапами; точно такъ же сбросили они съ себя цѣпи и искали счастья въ столь же неравной борьбѣ. Испанецъ 16-го в. и римлянинъ — 1-го были одушевлены одною и тою же завоевательною спесью, однимъ и тѣмъ же полетомъ національнаго генія; ихъ войска отличались одинаковой храбростью и дисциплиной, и ихъ битвы внушали тотъ же ужасъ. Тамъ, какъ и здѣсь, хитрость боролась съ превосходствомъ силъ; и стойкость, опирающаяся на единодушіе, истомила чудовищную мощь, которая подрывала сама себя раздорами. Тамъ, какъ и здѣсь, частная ненависть подымаетъ націю; единственный человѣкъ, рожденный для своего времени, раскрываетъ ей опасную тайну ея силъ и доводитъ ея нѣмую скорбь до кроваваго проявленія. Въ священной рощѣ *Клавдій Цивилисъ* обратился къ своимъ согражданамъ съ такими словами: „Скажите, батавы, смотрятъ ли на насъ эти римляне по старому, какъ на союзниковъ и друзей, или же, скорѣе, какъ на слугъ? Мы преданы на произволъ ихъ чиновниковъ и намѣстниковъ, которые насыщаются нашею кровью и нашимъ добромъ; а затѣмъ ихъ смѣняютъ другіе, которые принимаются за тѣ же насилія, только подъ другими именами. А пришлютъ намъ римляне главнаго надсмотрщика, онъ мучитъ насъ хвастливой, дорогой свитой и еще болѣе невыносимой спесью. Опять подходятъ наборы, которые навѣки разлучаютъ дѣтей съ родителями, братьевъ съ братьями и предаютъ вашу крѣпкую молодежь въ жертву распутства. Теперь, батавы, настало наше время. Никогда еще Римъ не падалъ такъ глубоко. Да не устрашаетъ же васъ слово *легіоны*: въ ихъ лагеряхъ одни старики да добыча.

У насъ есть и пѣхота, и конница; Германія наша; Галлія воспламенится желаніемъ сбросить свое иго. Да и Сирія поможетъ, и Азія, и Востокъ съ его царями! Среди насъ есть такіе, что родились раньше, чѣмъ начались римскія дани. Боги за храбрецовъ!" Торжественные обряды освятили этотъ заговоръ, какъ и союзъ гейзовъ; и, какъ дѣло послѣднихъ, онъ лукаво притаился подъ покровомъ подобострастія, подъ сѣнью великаго имени. Когорты Цивилиса на Рейнѣ присягали Веспасіану, пребывавшему въ Сиріи, какъ дѣятели эпохи компромисса — Филиппу II. То же поприще порождаетъ тотъ же планъ обороны, тотъ же наплывъ отчаянныхъ. Оба народа ввѣряютъ свое шаткое счастье родной стихіи: въ точно такой же крайности, Цивилисъ спасаетъ свой островъ искусственнымъ наводненіемъ, подобно тому, какъ, 15 вѣковъ спустя, Вильгельмъ Оранскій спасъ городъ Лейденъ. Храбрость батавовъ вскрываетъ немощь міроправителя точно такъ же, какъ дивное мужество ихъ потомковъ обнаруживаетъ упадокъ испанской мощи. Въ обѣ эпохи, одна и та же находчивость вождей одинаково упорно затягиваетъ войну и приводитъ ее почти къ равно сомнительному концу. Но есть одна разница. Римляне и батавы дрались человѣчно, потому что они дрались не за религію [1]).

[1]) *Tacitus*: Histor., L. IV, V.

Первоначальная исторія Нидерландовъ до 16-го столѣтія.

Прежде чѣмъ углубиться въ эту великую революцію, необходимо отступить немного къ древней исторіи страны и взглянуть на зарожденіе того строя, въ которомъ застаемъ мы ее во время этого замѣчательнаго переворота.

Появленіе этого народа въ исторіи совпадаетъ съ его гибелью: онъ получилъ политическое существованіе изъ рукъ своихъ поработителей. Обширная область, граничащая на востокѣ съ Германіей, на югѣ—съ Франціей, на сѣверѣ и западѣ—съ Сѣвернымъ моремъ и именуемая нами вообще Нидерландами, принадлежала, при вторженіи римлянъ въ Галлію, тремъ главнымъ народамъ нѣмецкаго племени, нѣмецкихъ нравовъ, нѣмецкаго духа [1]). Ихъ раздѣлялъ Рейнъ. Налѣво отъ него жили белги [2]), направо—фризы [3]) и батавы [4]) на островѣ, который образовывался тогда двумя рукавами рѣки вмѣстѣ съ океаномъ. Каждый изъ этихъ народцевъ былъ, рано или поздно, покоренъ римлянами; но сами побѣдители прославляютъ ихъ храбрость. По словамъ Цезаря [1]), белги одни только изъ всѣхъ галльскихъ народовъ сдерживали напоръ тевтоновъ и кимвровъ. А Тацитъ [2]) свидѣтельствуетъ, что батавы превосходили героизмомъ всѣ народы у Рейна. Этотъ дикій народъ давалъ дань солдатами, и поработители берегли ихъ такъ же, какъ стрѣлы и мечъ только для битвъ. Батавская конница считалась самими римлянами лучшею частью ихъ войска. Она долго составляла, какъ теперь швейцарцы, лейбъ-гвардію римскихъ императоровъ; ея дикое мужество навело ужасъ на даковъ, когда она переплывала Дунай въ полномъ вооруженіи. Такіе же батавы сопровождали *Агриколу* въ походѣ въ Британію и помогли ему завоевать этотъ островъ [3]).

---

[1]) *Gaesar.* De bello Gall. L. I. *Tacit.*: de Morib. Germ. и Hist. L. IV.

[2]) Въ земляхъ, которыя составляютъ теперь, главнымъ образомъ, католическіе Нидерланды и такъ наз генеральныя области.

[3]) Теперь Грёнингенъ, Вост. и Зап. Фрисландія, часть Голландіи, Гельдерна, Утрехта и Оберисселя.

[4]) Въ верхней части Голландіи, Утрехта и Оберисселя, въ нынѣшнемъ Клеве и др., между Лекомъ и Вааломъ. Сюда же можно причислить болѣе мелкіе народцы, населявшіе часть Зап. Фрисландіи, Голландіи и Зеландіи, каковы каннинефаты, маттіаки, маресаты и др. *Tacit.* Hist. L. IV, c. 15, 56. De Morib. Germ. c. 29.

[1]) De Bello Gall.

[2]) Hist. L. IV c. 12.

[3]) *Dio Cass.* L. LXIX — *Tacit.*: Agric. c 36 *Tacit*: Annales. L. II c. 15.

Позже всѣхъ были сломлены фризы, и они же освободились раньше всѣхъ. Населенныя ими болота позже привлекли вниманіе завоевателей и стоили имъ больше труда. Римлянинъ *Друзъ*, воевавшій въ той странѣ, провелъ каналъ отъ Рейна къ Флево (теперь Зюйдерзе); по немъ римскій флотъ проникъ въ Сѣверное море; а оттуда шелъ легкій путь въ Германію, черезъ устья Эмса и Везера [1]).

Четыре вѣка видимъ мы батавовъ въ римскихъ войскахъ, но съ *Гонорія* ихъ имя исчезаетъ изъ исторіи. Ихъ островъ наводняется франками, которые, въ свою очередь, теряются затѣмъ въ сосѣдней Бельгіи. Фризы разбили узы своего далекаго и безсильнаго повелителя и снова являются свободнымъ и даже завоевательнымъ народомъ, управляемымъ собственными обычаями и остатками римскаго права; они расширили свои границы до лѣваго берега Рейна. Вообще изъ всѣхъ нидерландскихъ провинцій Фрисландія наименѣе пострадала отъ вторженія чужихъ народовъ, чужихъ обычаевъ и законовъ; цѣлые вѣка сохранялись слѣды ея политическаго строя, ея національнаго духа и нравовъ; они не совсѣмъ исчезли и теперь.

Переселеніе народовъ разрушило первобытныя формы большинства этихъ націй: возникли новыя смѣси съ другимъ строемъ. Города и лагерныя стоянки римлянъ исчезаютъ среди всеобщаго опустошенія, а съ ними—и столько памятниковъ ихъ великаго правительственнаго искусства, созданныхъ руками чужихъ тружениковъ. Заброшенныя плотины снова сдаются ярости своихъ потоковъ и натиску океана. Искусственные каналы, эти чудеса человѣческихъ рукъ, высыхаютъ, рѣки мѣняютъ свое теченіе, твердь и море путаются въ своихъ границахъ; претворяется самая природа почвы, вмѣстѣ со своими обитателями. Кажется, будто исчезла связь между двумя эпохами; и словно съ новымъ человѣчествомъ начинается новая исторія.

Французская монархія, возникшая на развалинахъ римской Галліи, поглотила всѣ нидерландскія провинціи, въ 6—7 вв., и насадила христіанство въ этихъ земляхъ. Послѣднею подчинилась Фрисландія, послѣ упорной войны: *Карлъ Мартелъ* присоединилъ ее къ французской коронѣ и оружіемъ проложилъ тамъ дорогу Евангелію. *Карлъ Великій* соединилъ всѣ эти земли, составлявшія лишь часть обширной монархіи, созданной этимъ завоевателемъ изъ Германіи, Франціи и Ломбардіи. Но подобно тому, какъ это большое царство раздробилось отъ раздѣловъ при его преемникахъ, распадались и Нидерланды то на нѣмецкія, то на франкскія или лотарингскія провинціи; наконецъ, мы видимъ ихъ подъ двумя именами—Фрисландіи и Нижней Лотарингіи [1]).

Вмѣстѣ съ франками явилось въ этихъ земляхъ и порожденіе сѣвера—ленная система; и она выродилась здѣсь, какъ и вездѣ. Болѣе могущественные вассалы постепенно отдѣлились отъ короны; королевскіе чиновники превращали въ наслѣдственное владѣніе тѣ области, которыя были отданы имъ лишь въ управленіе. Но эти отложившіеся вассалы могли отстоять свою независимость отъ короны лишь съ помощью своихъ подвассаловъ; а ее приходилось покупать раздачей новыхъ леновъ. Съ другой стороны, благодаря хищеніямъ и даяніямъ мірянъ, духовенство стало могучимъ и вскорѣ достигло независимости въ своихъ аббатствахъ и епископскихъ столицахъ. Такъ, въ 10—13 вв., Нидерланды распались на множество мелкихъ государствъ, владѣтели которыхъ присягали въ вѣрности кто нѣмецкимъ императорамъ, кто—французскимъ королямъ. Многія изъ нихъ нерѣдко вновь сплачивались подъ *однимъ* владѣтельнымъ домомъ, благодаря куплѣ, бракамъ, завѣщаніямъ, не то—и завоеваніямъ; въ 15-мъ вѣкѣ мы видимъ большую часть Нидерландовъ подъ властью Бургундскаго дома [2]). Уже герцогъ бургундскій *Филиппъ Добрый*, правдой и неправдой, соединилъ подъ своей державой 11 провинцій; его сынъ, *Карлъ Смѣлый*, прибавилъ еще двѣ силой оружія. Такъ, незамѣтно, въ Европѣ возникло цѣлое новое государство, которому недоставало только имени, чтобы стать самымъ цвѣтущимъ королевствомъ нашей части свѣта. Эта обширность владѣній сдѣлала бургундскихъ герцоговъ грозными сосѣдями Франціи и внушила безпокойному Карлу Смѣлому мысль образовать, путемъ завоеванія, цѣлую сомкнутую область изъ земель отъ Зюйдерзе и устьевъ Рейна до Эльзаса. Неисчерпаемыя средства этого государя оправдывали, въ нѣкоторой степени, такую смѣлую мечту. Страшная военная сила угрожала осуще-

[1]) *Tacit.*: Annal. II c. 8.—*Suetonius*: Claud I, 3.

[1]) *Allgemeine Geschichte der vereinigten Niederlanden.* I Th. 4 и 5 Buch.

[2]) *Grot.* Annal, L. I. p. 2—3.

ствить ее Уже Швейцарія дрожала за свою свободу; но коварное счастье покинуло Карла въ трехъ жестокихъ битвахъ, и сумасбродный завоеватель затерялся среди живыхъ и мертвыхъ [1]).

Вниманіе всего тогдашняго міра было устремлено на единственную наслѣдницу Карла Смѣлаго, *Марію*, богатѣйшую принцессу эпохи, эту злополучную Елену, принесшую столько несчастья своимъ землямъ. Въ числѣ жениховъ было два великихъ принца—французскій король Людовикъ XI хлопоталъ для своего сына, юнаго дофина; другой претендентъ былъ *Максимиліанъ* австрійскій, сынъ императора Фридриха III. Тотъ, кому досталась бы рука невѣсты, сталъ бы могущественнѣйшимъ государемъ Европы, и впервые наша часть свѣта испугалась за свое равновѣсіе. Сильнѣйшій изъ соперниковъ, Людовикъ, могъ подкрѣпить свои исканія оружіемъ; но нидерландскій народъ, располагавшій рукой своей принцессы, обошелъ этого страшнаго сосѣда: онъ рѣшилъ въ пользу Максимиліана, который былъ не такъ опасенъ свободѣ страны, вслѣдствіе отдаленности своего государства и ограниченности своихъ силъ. Вѣроломная, злополучная политика, которая, странною волей Провидѣнія, только ускорила печальный жребій, вмѣсто того, чтобы отвратить его, какъ думали ея творцы!

Сыну Маріи и Максимиліана, *Филиппу Красивому*, принесла его испанская невѣста въ приданое ту обширную монархію, которая была основана незадолго передъ тѣмъ Фердинандомъ и Изабеллой, и его сынъ, *Карлъ Австрійскій* былъ рожденнымъ государемъ королевствъ Испаніи, Обѣихъ Сицилій, Новаго Свѣта и Нидерландовъ.

Въ Нидерландахъ раньше, чѣмъ въ другихъ ленныхъ государствахъ, простой народъ вызволился изъ жалкаго крѣпостничества и скоро достигъ гражданской независимости. Счастливое положеніе у Сѣвернаго моря и большихъ судоходныхъ рѣкъ рано пробудило здѣсь торговлю, а она тянула населеніе въ города, оживляла работы мастеровъ, привлекала чужестранцевъ, распространяла между ними достатокъ и избытокъ. Какъ ни презрительно смотрѣла воинствующая политика того времени на полезную ремесленность, однако владѣтельныя особы не могли пренебрегать существенными выгодами, проистекавшими для нихъ отсюда. Размножающееся населеніе, разнообразные налоги, взимаемые ими съ своихъ и чужихъ, подъ всевозможными названіями (пошлины, мыта, за проходъ, за проводы, мостовое, ярмарочное, за наслѣдства и т. д.), были слишкомъ лакомою приманкой, чтобы они оставались равнодушными къ источникамъ, доставлявшимъ имъ все это. Собственная алчность дѣлала ихъ покровителями торговли и, какъ часто бываетъ, само варварство помогало до тѣхъ поръ, пока на его мѣсто не явилось, наконецъ, здравое государственное искусство. Оттого-то владыки сами привлекали ломбардскихъ купцовъ и даровали городамъ драгоцѣнныя привилегіи и собственный судъ, что придавало горожанамъ необыкновенную почтенность и вліяніе. Многія войны, которыя вели графы и герцоги между собой и съ сосѣдями, ставили ихъ въ зависимость отъ доброй воли городовъ, которые пріобрѣтали значеніе своимъ богатствомъ и за свои деньги умѣли добывать важныя преимущества. Эти привилегіи общинъ росли съ теченіемъ времени: крестовые походы требовали отъ дворянства болѣе дорогого вооруженія; произведеніямъ Востока открывался новый путь въ Европу; внѣдрявшаяся роскошь пробуждала въ государяхъ новыя потребности. Такъ уже въ 11—12 вв. видимъ въ этихъ земляхъ смѣшанное государственное устройство: власть монарха замѣтно ограничивается вліяніемъ сословій—дворянства, духовенства и городовъ. Такъ называемые государственные чины собирались постольку, поскольку требовалось нуждами провинціи. Безъ ихъ согласія не имѣлъ силы никакой законъ, нельзя было ни вести войнъ, ни взимать податей, ни измѣнять монеты, ни раздавать должностей чужестранцамъ. Эти привилегіи были даны всѣмъ провинціямъ, нѣкоторыя другія—принадлежали лишь извѣстнымъ мѣстностямъ. Правительство было наслѣдственно; но наслѣдникъ престола вступалъ въ права отца лишь послѣ торжественной присяги конституціи [1]).

[1]) Пажъ видѣвшій, гдѣ онъ палъ, и приведшій туда побѣдителей, черезъ нѣсколько дней послѣ битвы спасъ его хоть отъ позорнаго забвенія. Голый, совсѣмъ искаженный ранами, трупъ вытащили изъ болота, гдѣ онъ примерзъ: съ большимъ трудомъ узнали его по недостававшимъ зубамъ и по ногтямъ на рукахъ, которые были у него длиннѣе, чѣмъ у кого-бы то ни было. Впрочемъ, несмотря на эти примѣты, находились невѣрующіе, которые ждали его возвращенія. Это явствуетъ изъ одного мѣста въ посланіи Людовика XI, который призывалъ бургундскіе города возвратиться къ французской коронѣ: «а если герцогъ Карлъ окажется еще въ живыхъ, то вы освобождаетесь отъ присяги мнѣ». *Comines*, t. III. Preuves des Mémoires, 495, 497.

[1]) *Grotius*, L. I, 3.

Карлъ V.

Портретъ Тиціана (1548). Находится въ Мюнхенской [illegible]

Нужда — первый законодатель: всѣ потребности, которымъ удовлетворяла эта конституція, относились первоначально къ торговлѣ. Такъ весь строй республики покоился на купечествѣ: тутъ законы возникли позже промысловъ. Послѣдняя статья конституціи, устраняющая чужестранцевъ отъ всякихъ должностей, естественно вытекала изъ всѣхъ остальныхъ. Такія путанныя, искусственныя отношенія монарха къ народу, притомъ видоизмѣнявшіяся по разнымъ провинціямъ и даже городамъ, требовали людей, которые не только ревностно стремились бы оберегать мѣстныя льготы, но и основательно знали бы ихъ. Ни того, ни другого нельзя было ожидать отъ чужестранца. И этотъ законъ примѣнялся даже ко всякой провинціи въ частности: фламандецъ не могъ служить въ Брабантѣ, голландецъ—въ Зеландіи. Такой порядокъ сохранялся даже послѣ того, какъ всѣ эти провинціи уже соединились подъ властью *одного* государя.

Самою роскошною свободой пользовался Брабантъ. Его привилегіями дорожили до того, что зачастую матери сосѣднихъ провинцій ѣздили туда родить, чтобы доставить своимъ дѣтямъ всѣ преимущества этой счастливой земли; такъ, говоритъ Страда, растенія суроваго климата облагораживаются подъ болѣе мягкимъ небомъ [1]).

Когда Бургундскій домъ соединилъ много провинцій подъ своею властью, отдѣльныя провинціальныя собранія, составлявшія независимыя судилища, были подчинены всеобщему суду въ Мехельнѣ, который связывалъ различные члены въ одно тѣло и рѣшалъ въ послѣдней инстанціи всѣ гражданскія и уголовныя дѣла. Такъ была уничтожена державность отдѣльныхъ провинцій: теперь въ мехельнскомъ сенатѣ присутствовалъ его величество.

По смерти Карла Смѣлаго, чины не преминули воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ своей герцогини, которой угрожало французское оружіе и которая находилась въ ихъ власти [2]). Штаты Голландіи и Зеландіи принудили ее подписать великую хартію свободы, которая обезпечивала за ними важнѣйшія державныя права [3]). Гентцы дошли, въ своемъ высокомѣріи, до того, что они самовольно осудили и обезглавили на глазахъ ***Маріи*** тѣхъ изъ ея любимцевъ, которые имѣли несчастіе не угодить имъ. Въ короткое правленіе этой государыни, до ея замужества, ихъ община достигла такой

Парадныя латы Карла V.

(Находятся въ вѣнскомъ артиллерійскомъ арсеналѣ)

силы, что уже почти походила на республику. По смерти жены, ***Максимиліанъ***

[1]) *De Bello belg.* Dec. I, L. II, 31. *Guicciardini:* Descript. Belg.

[2]) Mémoires de *Philippe de Comines*, t. I. 314.

[3]) *Allg Gesch. der verein. Niederl.* Th. II.

самовластно взялся за правленіе, какъ опекунъ своего сына. Штаты, оскорбленные нарушеніемъ ихъ правъ, не признали его власти: они согласились только терпѣть его, какъ намѣстника, и то лишь на извѣстный срокъ и на подтвержденныхъ присягой условіяхъ.

Ставши императоромъ, Максимиліанъ вообразилъ, что ему слѣдуетъ перешагнуть чрезъ конституцію. Онъ наложилъ на провинціи чрезвычайныя дани, раздалъ должности бургундцамъ и нѣмцамъ и поставилъ чужеземныя войска. Но вмѣстѣ съ силой правителя возросла и настойчивость этихъ республиканцевъ. Когда Максимиліанъ вступилъ въ Брюгге, въ сопровожденіи сильной дружины иностранцевъ, народъ взялся за оружіе, овладѣлъ его особой и засадилъ его плѣнникомъ во дворцѣ. Не взирая на настойчивыя ходатайства императорско-римскаго двора, его освободили лишь послѣ того, какъ были даны обезпеченія въ соблюденіи нарушеннаго.

Обезпеченіе жизни и собственности, этотъ плодъ смягченныхъ законовъ и равномѣрнаго правосудія, оживило предпріимчивость и прилежаніе въ этихъ земляхъ. Въ вѣчной борьбѣ съ океаномъ и устьями бурныхъ потоковъ, свирѣпо низвергающихся на низменность и останавливаемыхъ только плотинами и каналами, народъ издавна научился приглядываться къ окрестной природѣ, бороться прилежаніемъ и стойкостью съ могучими стихіями; подобно египтянину, ученику своего Нила, онъ изощрялъ свою находчивость и остроуміе въ изобрѣтательномъ сопротивленіи. Естественное плодородіе почвы, благопріятной земледѣлію и скотоводству, пріумножало населеніе. Счастливое положеніе у моря и у большихъ судоходныхъ рѣкъ Германіи и Франціи, которыя отчасти впадаютъ тамъ въ него, множество искусственныхъ каналовъ, прорѣзывающихъ страну во всѣхъ направленіяхъ, оживляли судоходство; а это облегчало внутреннія сношенія, которыя, въ свою очередь, вскорѣ пробудили торговый духъ у этихъ народовъ.

Ихъ корабли посѣтили, прежде всего, сосѣдніе берега Британіи и Даніи. Доставляемая ими англійская шерсть занимала тысячи прилежныхъ рукъ въ Брюгге, Гентѣ и Антверпенѣ: уже въ половинѣ 12-го в. французы и нѣмцы носили фландрскія сукна. Уже въ 11-мъ в. мы застаемъ фризскія суда въ Бельтѣ и даже на водахъ Малой Азіи. Этотъ мужественный народъ ухитрился даже, безъ компаса, проплыть подъ сѣвернымъ полюсомъ до сѣвернаго конца Россіи [1]). Изъ славянскихъ городовъ нидерландцы получали часть левантской торговли, которая шла тогда еще изъ Чернаго моря къ Остзейскому черезъ Русское государство. Когда эта торговля начала падать въ 13-мъ в., когда крестовые походы открыли индійскимъ товарамъ новый путь по Средиземному морю и итальянскіе города захватили эту выгодную отрасль торговли, а въ Германіи возникла великая Ганза, Нидерланды стали важнымъ складочнымъ мѣстомъ между сѣверомъ и югомъ. Компасъ еще не былъ во всеобщемъ употребленіи; плавали еще медленно и осторожно вдоль береговъ. Балтійскія гавани, по большей части, замерзали зимой и становились недоступными судамъ [2]); корабли, которые не могли въ *одинъ* сезонъ совершить длинный путь изъ Средиземнаго моря въ Бельтъ, охотно скоплялись въ мѣстѣ, одинаково удаленномъ отъ обоихъ концовъ. Съ неизмѣримымъ материкомъ позади, связаннымъ съ нимъ судоходными рѣками, съ усѣяннымъ гостепріимными гаванями океаномъ на западѣ и сѣверѣ, это мѣсто, казалось, было создано стать сборищемъ народовъ, средоточіемъ торговли. Въ главнѣйшихъ городахъ Нидерландовъ устроились склады. Сюда стекались португальцы, испанцы, итальянцы, французы, британцы, нѣмцы, датчане и шведы, съ произведеніями всѣхъ странъ свѣта. Соперничество между продавцами понижало цѣну товаровъ; промышленность оживлялась, въ виду рынка у дверей. Съ неизбѣжнымъ развитіемъ денежныхъ оборотовъ возникла торговля въ кредитъ, которая открывала новый богатый источникъ обогащенія. Правители, понявшіе, наконецъ, свою истинную выгоду, поощряли купца важными льготами и старались охранять его торговлю благопріятствующими договорами съ иностранными державами. Когда, въ 15-мъ вѣкѣ, многія провинціи слились подъ *одною* властью, прекратились и ихъ вредныя усобицы; и общее правительство тѣснѣе связывало ихъ раздѣльныя выгоды въ одно цѣлое. Торговля и благоденствіе процвѣтали среди долгаго мира, налагаемаго на сосѣднихъ королей мощью фландрскихъ государей. Бургундскій флагъ внушалъ страхъ на всѣхъ моряхъ [3]); зна-

[1]) *Fischer*. Geschichte des deut. Handels I. Th. 417
[2]) *Anderson*, III, 89.
[3]) *Mémoires de Comines*, L. III, chap. V.

ченіе монарха нидерландцевъ укрѣпляло ихъ предпріятія и превращало попытки частнаго лица въ дѣло грознаго государства. Вскорѣ столь могучая защита дала возможность провинціямъ даже отказаться отъ Ганзейскаго союза и на всѣхъ моряхъ преслѣдовать этого упорнаго врага. Ганзейскіе купцы, которымъ были заперты берега Испаніи, поневолѣ должны были, наконецъ, посѣщать фландрскія ярмарки и брать испанскіе товары изъ нидерландскихъ складовъ.

Брюгге, во Фландріи, былъ, въ 14—15 вв., средоточіемъ всей европейской торговли и великою ярмаркой всѣхъ націй. Въ 1468 г. въ гавань Слюйсъ заходили по 150 торговыхъ судовъ сразу [1]). Помимо богатыхъ амбаровъ Ганзейскаго союза, здѣсь было 15 торговыхъ обществъ съ ихъ конторами, много факторій и купеческихъ семей со всѣхъ странъ Европы. То было складочное мѣсто всѣхъ произведеній сѣвера для южанъ, всѣхъ товаровъ юга и Леванта—для сѣверянъ. Эти послѣдніе товары переправлялись, на ганзейскихъ судахъ, черезъ Зундъ и по Рейну въ Верхнюю Германію, или же перевозились гужемъ въ сторону на Брауншвейгъ и Люнебургъ.

По естественному ходу вещей, за этимъ благосостояніемъ послѣдовала разнузданная роскошь. Она росла быстро, подъ вліяніемъ соблазнительнаго примѣра *Филиппа Добраго*. Дворъ бургундскихъ герцоговъ былъ самымъ распущеннымъ и роскошнымъ во всей Европѣ, не исключая даже Испаніи. Дорогіе наряды вельможъ, послужившіе образцомъ для испанскихъ модъ, а потомъ перешедшіе къ австрійскому дворцу, вмѣстѣ съ бургундскими обычаями, вскорѣ распространились въ народѣ: послѣдній мѣщанинъ холилъ свое тѣло въ шелку и бархатѣ [2]).

Коминъ—писатель, проѣзжавшій по Нидерландамъ въ половинѣ 15-го в.—говоритъ: „за преизобиліемъ послѣдовало высокомѣріе. Пышность и тщеславіе въ нарядахъ, у обоихъ половъ, приводили къ чудовищнымъ издержкамъ. Роскошь въ ѣдѣ не доходила до такой расточительности ни у одного народа. Безнравственное общеніе обоихъ половъ въ баняхъ и купальняхъ и тому подобныхъ сборищахъ, разжигающее сладострастность, подавило всякій стыдъ. И мы говоримъ не объ обычной пышности знати: самая низкая чернь женскаго пола предавалась этому распутству безъ мѣры, безъ предѣловъ" [1]).

Однако даже эти излишества насколько отраднѣе для друга человѣчества, чѣмъ жалкая воздержность нужды и варварская добродѣтель тупоумія, которыя угнетали тогда чуть не всю Европу! Бургундская эпоха благодатно мерцаетъ среди мрака тѣхъ вѣковъ, какъ прелестный весенній день среди проливныхъ дождей февраля.

Впрочемъ именно это процвѣтаніе довело, наконецъ, фландрскіе города до паденія. Гентъ и Брюгге, опьянѣвшіе отъ свободы и преизбытка, объявили войну властителю 11-ти провинцій, *Филиппу Доброму*; и она кончилась для нихъ такъ же несчастливо, какъ дерзко была задумана. Одинъ Гентъ потерялъ, въ битвѣ у Гавра, нѣсколько тысячъ человѣкъ и долженъ былъ утолить гнѣвъ побѣдителя пеней въ 400.000 золотыхъ гульденовъ. Всѣ власти и именитѣйшіе граждане этого города, числомъ 2.000, принуждены были, въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ, съ непокрытыми головами, выдти за французскую милю навстрѣчу герцогу и на колѣняхъ просить помилованія. Тутъ у нихъ были отняты нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ привилегій—невознаградимая потеря для всей ихъ будущей торговли. Въ 1482 г. не съ бо́льшимъ счастьемъ воевали они съ *Максиміліаномъ Австрійскимъ*, оспаривая опеку надъ его сыномъ, которую онъ присвоилъ незаконно. Правда, Брюгге плѣнилъ, въ 1487 году, самого эрцгерцога и казнилъ нѣкоторыхъ изъ именитѣйшихъ его министровъ; зато императоръ *Фридрихъ III* вторгся съ войскомъ въ ихъ страну, въ отмщеніе за сына, и 10 лѣтъ

---

[1]) *Anderson*, III, 237. 259, 260.

[2]) Филиппъ Добрый былъ слишкомъ расточителенъ, чтобы собирать казну: тѣмъ не менѣе Карлъ Смѣлый унаслѣдовалъ больше утвари, драгоцѣнностей, книгъ, ковровъ и бѣлья, чѣмъ было тогда у трехъ царственныхъ домовъ, взятыхъ вмѣстѣ; да еще ему досталась казна въ 300.000 талеровъ наличными деньгами. Богатство этого государя и бургундскаго народа обнаружилось на поляхъ битвъ Грансона, Муртена и Нанси. Здѣсь одинъ швейцарскій солдатъ снялъ съ пальца Карла Смѣлаго знаменитый алмазъ, который долго считался первымъ въ Европѣ, да и теперь красуется вторымъ во французской коронѣ, а невѣжественный счастливецъ продалъ его за 1 гульденъ. Швейцарцы промѣняли найденное серебро на олово, а золото на мѣдь и рвали на куски дорогія парчевыя палатки. Ихъ добыча серебромъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями цѣнилась въ три милліона золотыхъ гульденовъ. Карлъ и его войско выступили въ походъ на какъ враги, жаждущіе битвъ, а какъ разубранные побѣдители. *Comines*, I, 253, 259, 265.

[1]) Mémoires de M. Philippe de *Comines*, t. I, l. I, c. 2; l. V, c. 9, 291. *Fischer:* Geschichte des deut. Handels, II, 193 и дальше.

держалъ взаперти гавань Слюйсъ, что стѣсняло всю торговлю города. При этомъ ему дѣятельно помогали Амстердамъ и Антверпенъ, которые давно уже завидовали процвѣтанію фландрскихъ городовъ. Итальянцы начали привозить въ Антверпенъ собственныя шелковыя матеріи; а фландрскіе ткачи, поселившіеся въ Англіи, тоже посылали туда свои произведенія, и городъ Брюгге потерялъ двѣ главныхъ отрасли своей торговли. Спесивость его гражданъ уже давно оскорбляла Ганзейскій Союзъ—и онъ, въ свою очередь, покинулъ ихъ теперь и перенесъ свои товарные склады въ Антверпенъ. Въ 1516 году, перекочевали всѣ чужеземные купцы: осталось лишь немного испанцевъ. Но благосостояніе города понижалось такъ же медленно, какъ медленно оно поднялось [1]).

Въ 16-мъ вѣкѣ Антверпенъ воспринялъ торговлю, изгнанную пышностью изъ фландрскихъ городовъ: при *Карлѣ* V онъ былъ самымъ живымъ и великолѣпнымъ городомъ въ христіанскомъ мірѣ. Такая рѣка, какъ Шельда, широкія устья которой раздѣляютъ съ Сѣвернымъ моремъ его приливы и отливы и доносятъ къ его стѣнамъ самыя грузныя суда, сдѣлали изъ него естественное сборное мѣсто всѣхъ кораблей, посѣщавшихъ тѣ берега. Его свободныя ярмарки привлекали торговцевъ со всѣхъ странъ [2]). Промышленность націи достигла, въ началѣ вѣка, высшаго процвѣтанія. Земледѣліе, льноводство, скотоводство, охота и рыболовство обогащали поселянина, ремесла, мануфактуры, рукодѣлья шли на пользу горожанина. Прошло немного времени—и произведенія труженіковъ Фландріи и Брабанта появились въ Аравіи, Персіи и Индіи. Ихъ корабли покрывали океанъ, и мы видимъ, какъ они борятся съ генуезцами въ Черномъ морѣ изъ за права покровительства [3]). Отличіемъ нидерландскаго моряка было то, что онъ круглый годъ былъ подъ парусами, никогда не зимовалъ.

Когда открылся новый путь вокругъ африканскаго мыса и остъ-индская торговля португальцевъ погубила торговлю Леванта, Нидерланды были избавлены отъ тѣхъ ранъ, которыя были нанесены итальянскимъ республикамъ: португальцы устроили въ Брабантѣ свои склады—и калькутскія пряности красовались на антверпенскомъ рынкѣ [1]). Сюда же притекали товары Вестъ-Индіи—эта дань испанской лѣни трудолюбію нидерландскихъ промышленниковъ. Остъ-индскіе склады привлекали сюда именитѣйшіе торговые дома изъ Флоренціи, Лукки и Генуи, а изъ Аугсбурга—Фуггеровъ и Вельзеровъ. Теперь и Ганза доставляла сюда свои сѣверные товары и англійская компанія завела здѣсь свой складъ. Тутъ, казалось, искусство и природа выставляли всѣ свои богатства. То была роскошная выставка произведеній Творца и человѣка [2]).

Вскорѣ слава Нидерландовъ разошлась по всему свѣту. Въ концѣ столѣтія, одно общество турецкихъ купцовъ просило дозволенія основаться здѣсь и доставлять сюда, черезъ Грецію, произведенія востока. Съ торговлей поднялись и денежные обороты. Векселя нидерландцевъ принимались во всѣхъ концахъ міра. Говорятъ, тогда Антверпенъ въ одинъ мѣсяцъ совершалъ больше сдѣлокъ, чѣмъ Венеція—въ цѣлыхъ два года, въ самыя цвѣтущія ея времена [3]).

Въ 1491 году, весь Ганзейскій союзъ собрался въ этомъ городѣ на торжественное засѣданіе, а оно раньше всегда происходило въ Любекѣ. Въ 1531 была выстроена биржа, роскошнѣйшая въ цѣлой тогдашней Европѣ, и она оправдала свою гордую надпись. Въ Антверпенѣ числилось уже 100.000 жителей. Волнующаяся жизнь, безконечная людская сутолока превосходитъ всякое вѣроятіе. Нерѣдко сотня-другая мачтъ разомъ влетали въ гавань; не проходило дня безъ того, чтобы не приходили и выходили пять и болѣе сотенъ судовъ; а въ ярмарочное время число ихъ доходило до 800 и 900. Черезъ ворота города ежедневно проѣзжало двѣ сотни и даже больше экипажей; каждую недѣлю прибывало 2,000 телѣгъ съ кладью изъ Германіи, Франціи и Лотарингіи, не говоря уже о крестьянскихъ повозкахъ съ хлѣбомъ, число которыхъ обыкновенно доходило до 10,000. Тридцать тысячъ рукъ было занято однимъ англійскимъ обществомъ смѣлыхъ купцовъ. Правительство получало ежегодно милліоны рыночныхъ, таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ.

---

[1]) *Anderson*, III Th., 200, 314—316, 488.

[2]) Двѣ такія ярмарки длились 40 дней, и всякій проданный тамъ товаръ былъ свободенъ отъ пошлинъ.

[3]) *Anderson*, III Th., 155.

[1]) По свидѣтельству Гвиччіардини, цѣна пряностей и аптечныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Лиссабона, достигала милліона кронъ.

[2]) *Meteren*, I Th., I Band, 12–13.

[3]) *Fischer:* Geschichte des deut. Handels, II, 593 и дальше.

О средствахъ націи можно судить по тому, что ея чрезвычайная дань на войны Карла V. исчислялась въ 40 милліоновъ золотомъ [1]).

Нидерландцы были обязаны этимъ процвѣтаніемъ столько же своей свободѣ, сколько естественному положенію своей страны. Шаткіе законы и деспотичный произволъ хищнаго государя могли бы уничтожить всѣ выгоды, столь щедро доставленныя имъ благопріятною природой; только нерушимая святыня законовъ можетъ обезпечить гражданину плоды его трудолюбія и внушить ему ту счастливую самоувѣренность, которая составляетъ душу всякой дѣятельности.

Шлемъ Карла V.

Вѣнскій артиллерійскій арсеналъ; относится къ лучшей порѣ нѣмец. Возрожденія; изображенныя сцены иллюстрируютъ («Энеиду»).

Геній этой націи, развитый торговымъ духомъ и сношеніями со столькими народами, блестяще проявлялся въ полезныхъ изобрѣтеніяхъ; въ нѣдрахъ избытка и свободы зрѣли всѣ благородныя искусства. Изъ просвѣщенной Италіи, которой Козьма Медичи доставилъ, незадолго передъ тѣмъ, новый золотой вѣкъ, нидерландцы заимствовали живопись, зодчество, рѣзьбу и гравюру, — искусства, которыя достигли новаго процвѣтанія на новой почвѣ. Нидерландская школа, эта дочь итальянской, вскорѣ начала соперничать съ матерью и, заодно съ нею, дала законы всѣмъ изящнымъ искусствамъ въ Европѣ. Нечего и говорить о мануфактурахъ и ремеслахъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, было основано и отчасти основано и теперь благосостояніе нидерландцевъ. Тканье ковровъ, живопись масляными кра, сками, живопись на стеклѣ даже, по словамъ Гвиччіардини, карманные и солнечные часы, все это — изобрѣтенія нидерландцевъ. Имъ же мы обязаны усовершенствованіемъ компаса: его раздѣленія и теперь называются голландскими именами. Въ 1432 году, въ Гарлемѣ было изобрѣтено книгопечатаніе,—и судьбѣ было угодно, чтобы, столѣтіе спустя, это полезное искусство наградило свое отечество свободой. Съ этимъ плодовитѣйшимъ геніемъ изобрѣтательности соединялся счастливый талантъ улучшать чужое, уже готовое: мало механическихъ искусствъ и мануфактуръ, которыя не зародились бы на этой почвѣ или не были бы доведены до совершенства.

[1]) *Allg. Gesch. der Verein. Niederlande*, II Th, 582. *Fischer:* Gesch. des deut. Handels, II, 595 и дальше.

Нидерланды при Карлѣ V.

Такъ покуда провинціи были завиднѣйшимъ государствомъ въ Европѣ. Ни одному изъ бургундскихъ герцоговъ и въ голову не приходило низвергнуть конституцію. Она была священна даже для отчаяннаго Карла Смѣлаго, который готовилъ рабство одной чужой республикѣ. Всѣ эти государи воспитывались въ сознаніи, что имъ придется управлять своею республикой, и ни одна изъ ихъ земель не подавала имъ иного примѣра. Сверхъ того, у нихъ не было ничего, кромѣ того, что давали имъ Нидерланды: нація выставляла имъ войска въ поле; чины соизволяли имъ сборы. Но теперь все измѣнилось. Нидерланды достались властелину, который располагалъ иными орудіями, иными средствами, который могъ выставить противъ нихъ чужеземную силу [1]). Карлъ V хозяйничалъ произвольно въ своихъ испанскихъ владѣніяхъ; въ Нидерландахъ же онъ былъ не больше, какъ первый гражданинъ. Югъ государства, благодаря своей полнѣйшей покорности, внушалъ ему пренебреженіе къ правамъ личности; на сѣверѣ же ему напоминали о нихъ. Чѣмъ болѣе тамъ наслаждался онъ неограниченною властью и проникался высокимъ мнѣніемъ о себѣ, тѣмъ противнѣе было ему здѣсь нисходить на степень простого смертнаго, тѣмъ сильнѣе жаждалъ онъ побѣдить это препятствіе.

[1]) Неестественное соединеніе двухъ столь противоположныхъ націй, какъ нидерландцы и испанцы, никогда не могло привести къ добру. Не могу воздержаться, чтобы не ознакомить читателя съ слѣдующею параллелью *Гроція*, выраженною сильными словами: «Нидерландцы легко могли быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ окрестными народами: у нихъ былъ одинъ общій языкъ; тѣ и другіе шли однимъ путемъ. Но испанцы и нидерландцы во многомъ расходятся другъ съ другомъ; и эта разница особенно бьетъ въ глаза при ихъ взаимной встрѣчѣ. Обѣ націи цѣлые вѣка блистали въ битвахъ; но нидерландцы, наслаждаясь пышнымъ покоемъ, отвыкли отъ оружія, а испанцы сохранили воинственный духъ, благодаря итальянскимъ и африканскимъ походамъ. Жажда пріобрѣтенія дѣлаетъ нидерландца болѣе миролюбивымъ, но не менѣе чувствительнымъ къ обидѣ. Онъ больше всѣхъ свободенъ отъ духа завоеваній; но никто лучше не защищаетъ своей собственности. Отсюда многочисленные, стѣснившіеся на узкой полосѣ земли города, переполненные и собственнымъ населеніемъ, и чужеземными пришельцами и укрѣпившіеся у моря и большихъ рѣкъ. Оттого же иностранное оружіе не имѣло повода касаться ихъ, въ теченіе восьми вѣковъ послѣ сѣверной перекочевки народовъ. Испанія же гораздо чаще мѣняла своихъ господъ; когда она досталась, наконецъ, готамъ, ея характеръ и нравы уже пострадали болѣе или менѣе отъ каждаго побѣдителя. Послѣ всѣхъ этихъ смѣшеній, явился, какъ описываютъ, народъ самый выносливый въ трудѣ, самый безстрашный въ опасностяхъ, равно алчный и честолюбивый, гордый до презиранія всѣхъ другихъ, набожный и не забывающій чужого благодѣянія, но до того мстительный и распущенный при побѣдѣ, словно онъ не признавалъ ни совѣсти, ни чести по отношенію къ врагу. Все это было чуждо нидерландцу, который хитеръ, но не коваренъ, который, поставленный между Германіей и Франціей, воспринялъ, въ смягченномъ видѣ, пороки и достоинства обоихъ народовъ. Его не легко обойти; его нельзя оскорблять безнаказанно. И въ набожности онъ не уступаетъ испанцу; оружіе норманновъ не могло

Нужно имѣть большой запасъ добродѣтели, чтобы не бороться, какъ съ врагомъ, съ той силой, которая противится нашимъ задушевнымъ желаніямъ.

Въ то же время могущество Карла возбуждало у нидерландцевъ недовѣрчивость, эту спутницу слабости. Никогда еще они не были такъ чувствительны относительно своей конституціи, такъ подозрительны насчетъ правъ монарха, такъ осторожны въ своихъ переговорахъ. Тогда-то послѣдовали самыя вызывающія вспышки республиканизма; притязанія націи нерѣдко доходили до того, что придавали противодѣйствію королей видъ справедливости. Монархъ всегда смотритъ на гражданскую свободу, какъ на отчужденную часть своихъ владѣній, которую нужно возвратить себѣ; а въ глазахъ каждаго гражданина монархическая власть есть стремительный потокъ, сносящій его права. Нидерландцы ограждали себя отъ океана плотинами, отъ своихъ государей—конституціей. Вся исторія есть вѣчная борьба властолюбія съ свободой за этотъ спорный клочекъ земли, и исторія природы—не что иное, какъ борьба элементовъ и тѣлъ за мѣста.

Вскорѣ Нидерланды почувствовали, что они—провинція монархіи. Пока прежніе государи довольствовались охраной ихъ благоденствія, ихъ положеніе напоминало тихое счастье замкнутой семьи, глава которой игралъ роль управителя. Карлъ V вывелъ ихъ на политическое поприще; они стали однимъ изъ членовъ тѣла великана орудіемъ честолюбія одной личности. Они перестали быть сами себѣ цѣлью; сущность ихъ бытія перенеслась въ душу ихъ управителя. А такъ какъ все его правленіе направлялось кнаружи, было политическою дѣятельностью то ему нужно было, владѣть своими членами, чтобы пускать ихъ въ ходъ энергично и быстро. Онъ не могъ впутываться въ скучную механику внутренней гражданской жизни Нидерландовъ, дарить добросовѣстнымъ вниманіемъ ихъ своеобразныя привилегіи, какъ требовала ихъ республиканская щепетильность. Смѣлой стопой монарха попралъ онъ искусственное сооруженіе червяковъ. Ему нужно было облегчить себѣ употребленіе ихъ силъ посредствомъ объединенія. Судилище въ Мехельнѣ было до тѣхъ поръ независимымъ трибуналомъ: онъ подчинилъ его учрежденному въ Брюсселѣ королевскому совѣту, иоторый былъ органомъ его воли. Онъ ввелъ въ самые тайники конституціи чужестранцевъ, которымъ довѣрилъ важнѣшія должности. Конечно, люди, опиравшіеся только на королевскую милость, могли быть лишь плохими стражами правъ, которыя были вдобавокъ мало извѣстны имъ. Возраставшія издержки воинственнаго правленія требовали расширенія средствъ казны. Карлъ обременилъ провинціи необычайными налогами, пренебрегая ихъ священнѣйшими привилегіями. И штаты, чтобы спасти свое значеніе, должны были соглашаться на то, чего онъ, по скромности, не хотѣлъ вынуждать: вся исторія царствованія этого монарха въ Нидерландахъ—почти непрерывный перечень налоговъ, требуемыхъ, отвергаемымъ и, въ концѣ концовъ, соизволенныхъ. Вопреки конституціи, онъ ввелъ туда иностранныя войска, дѣлалъ наборы и затянулъ провинціи въ войны, которыя были чужды ихъ интересамъ, если не вредны, и на которыя онѣ не давали своего соизволенія. Онъ каралъ проступки республиканцевъ, какъ монархъ, и страшное наказаніе Гента возвѣщало имъ о тѣхъ великихъ перемѣнахъ, которыя уже испытывала ихъ конституція.

Благоденствіе страны было обезпечено настолько, насколько было нужно ея господину, и разумная политика Карла, безъ сомнѣнія, не нарушала здоровья того тѣла, которымъ онъ принужденъ былъ пользоваться. Къ счастью, нерѣдко противоположные замыслы властительства и безкорыстнаго человѣколюбія приводятъ къ одному и тому же слѣдствію: случается, что иной Августъ или Людовикъ споспѣшествуетъ тому благополучію гражданъ, которое служитъ цѣлью Маркамъ Авреліямъ.

Карлъ V отлично понималъ, что сила нидерландцевъ—въ торговлѣ, а основа ихъ торговли—свобода: онъ щадилъ ихъ сво-

оторвать его отъ разъ принятаго христіанства: чистоты его вѣры покуда не отравляло ни одно изъ воззрѣній, осужденныхъ церковью. Мало того: его благочестивая расточительность доходила до того, что пришлось законами сдерживать жадность его духовенства. Обоимъ народамъ прирождена преданность своимъ государямъ, но съ тѣмъ различіемъ, что нидерландецъ ставитъ законы выше королей. Изъ испанцевъ правительство должно было особенно осторожно обращаться съ кастильцами; однако они неохотно признавали за другими тѣ льготы, на которыя притязали сами. Отсюда затруднительность задачи общаго всѣмъ господина: ему приходилось дѣлить свое вниманіе и попеченія между обѣими націями такъ, чтобы нидерландцы не были обижены предпочтеніемъ кастильцевъ, а гордость кастильцевъ не страдала отъ равноправія нидерландцевъ». *Grotius*: Annal. Belg. l.. I., 4 и слѣд.

боду, такъ какъ нуждался въ ихъ силахъ. Политически мудрѣе своего сына, хотя и не справедливѣе его, онъ подчинялъ свои принципы потребностямъ мѣста и времени и отмѣнилъ, въ Антверпенѣ, одинъ указъ, который былъ бы приведенъ въ исполненіе, въ Мадридѣ, со всѣми своими ужасами.

Всего замѣчательнѣе въ управленіи Нидерландами при Карлѣ V была религіозная революція, которою мы должны заняться обстоятельнѣе, какъ главнымъ источникомъ послѣдующаго возстанія. Она-то ввела произволъ въ священные тайники ихъ конституціи и побудила его къ первой странной пробѣ своей ловкости; она какъ бы узаконила этотъ произволъ, поставивъ ребромъ вопросъ о республикѣ. И между тѣмъ какъ послѣдняя расточала свои силы въ анархіи и мятежѣ, монархическая власть достигла верха деспотизма.

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ переходъ гражданской свободы въ свободу совѣсти. Человѣкъ или народъ, познавшій свое достоинство, въ силу счастливой конституціи привыкшій смотрѣть въ глаза повелѣвающему имъ закону, не то и самъ создавшій его, закалившій свой духъ дѣлами, развившій свои чувства наслажденіемъ жизни, расширившій свое мужество, благодаря внутреннему спокойствію и достатку, —такой народъ, такой человѣкъ не такъ-то легко сдастся слѣпой силѣ тупой деспотической вѣры и скорѣй всѣхъ поднимется изъ-подъ ея гнета. Еще одно обстоятельство содѣйствовало росту новой религіи въ этой странѣ. Могутъ возразить, что Италія едва-ли не болѣе всѣхъ европейскихъ странъ убереглась отъ этихъ новшествъ,—Италія, гдѣ человѣческій духъ достигъ величайшей изощренности, гдѣ вѣчно бушевали самыя пылкія политическія страсти, гдѣ жаркій климатъ разгорячаетъ кровь до дикихъ проявленій. Но то былъ романтическій народъ, который утопалъ въ чувственности, благодаря теплому, милому небу, вѣчно юной, улыбающейся природѣ и разнообразнѣйшимъ чарамъ искусства. Къ нему подходила религія, которая захватываетъ внѣшнія чувства пышною обрядностью, своею загадочною таинственностью, раскрываетъ воображенію безконечное поприще, внѣдряетъ въ душу основы своего ученія путемъ живописныхъ формъ. Не то съ народомъ, который привлекается заботами обычной гражданской жизни къ прозаической дѣйствительности, живетъ больше отчетливыми понятіями, чѣмъ образами, и развиваетъ свой разумъ насчетъ воображенія: такому народу нравится вѣра, которая не боится провѣрки, больше полагается на нравственное ученіе, чѣмъ на мистику, воспринимается скорѣе мышленіемъ, чѣмъ созерцаніемъ. Словомъ, католичество болѣе подходитъ къ народу художниковъ, протестантство — къ народу торговцевъ.

Оттого-то новое ученіе, распространяемое Лютеромъ въ Германіи и Кальвиномъ въ Швейцаріи, нашло въ Нидерландахъ самую благопріятную почву. Его первыя сѣмена были заброшены сюда протестантскими купцами, собиравшимися въ Амстердамѣ и Антверпенѣ. Его успѣхамъ содѣйствовали нѣмецкія и швейцарскія войска Карла, а также множество бѣглецовъ изъ Франціи, Германіи и Англіи, которые искали во Фландріи свободы, избѣгая меча преслѣдованія въ своемъ отечествѣ. Большая часть нидерландской знати обучалась тогда въ Женевѣ: лувенская академія еще не была въ модѣ, а дуэская еще не была открыта. А изъ Женевы учащаяся молодежь приносила въ свое отечество новыя религіозныя понятія, которыя внушались тамъ открыто. Въ однородномъ и замкнутомъ народѣ можно было заглушить эти первыя сѣмена. Но въ складочныхъ городахъ Голландіи и Брабанта, куда стекалось столько различныхъ націй, ихъ первый ростъ ускользалъ отъ взоровъ правительства и самый покровъ тайны ускорялъ его. Различіе мнѣній легко укоренялось тамъ, гдѣ не было цѣльнаго народнаго характера, одинаковыхъ нравовъ и законовъ. Наконецъ, въ странѣ, гдѣ трудолюбіе было главною добродѣтелью, а нищенство — презрѣннѣйшимъ порокомъ, на монашество, это организованное праздношатаніе, издавна смотрѣли съ осужденіемъ. Возставшая противъ него новая религія много выигрывала уже тѣмъ, что тутъ мнѣніе народа было на ея сторонѣ. Полные горечи и язвительности летучіе листки, которые быстро расходились въ этой странѣ благодаря новоизобрѣтенному книгопечатанію, множество странствовавшихъ тамъ проповѣдниковъ, „редерикеровъ“, осмѣивавшихъ пороки времени въ театральныхъ представленіяхъ и пѣсняхъ, не мало способствовали паденію значенія римской церкви и подготовкѣ умовъ къ новому ученію [1]).

Первыя завоеванія нововѣрія были поразительно быстры: громадно было число

[1]) *Allg. Geschichte der vereinten Niderlande*, II Th., 399, примѣч.

Отреченіе Карла V отъ престола.

живо приставшихъ къ нему, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ. Впрочемъ, тутъ иностранцевъ было гораздо больше, чѣмъ рожденныхъ нидерландцевъ. Карлъ V, который, какъ деспотъ, понятно на какую сторону сталъ въ этомъ расколѣ, взялся за самыя рѣшительныя мѣры противъ растущаго потока новшествъ. Къ несчастію для религіозной реформы, политическая справедливость была на сторонѣ ея гонителя. Плотина, столько вѣковъ преграждавшая человѣческому разуму доступъ къ истинѣ, была снесена слишкомъ быстро: низвергнувшійся потокъ долженъ былъ выйти изъ предназначеннаго ему русла. Возрожденный духъ свободы и критики, которому слѣдовало бы ограничиваться пока религіозными вопросами, сталъ подкапываться и подъ права королей.

Сначала разбивали только желѣзныя оковы; затѣмъ рѣшились разорвать и самыя законныя, самыя необходимыя узы. Священное Писаніе, которое становилось болѣе общедоступнымъ, неизбѣжно снабжало ядомъ самый вздорный фанатизмъ столько же, сколько доставляло свѣта и пищи самому искреннему правдолюбію. Добру пришлось

стать на дурной путь мятежа—и послѣдовало то, что будетъ всегда, пока люди останутся людьми. Зло, у котораго было одно только общее съ добромъ — противозаконныя средства, стало наглѣе отъ этого родства: оно вступило въ его сообщество, стало слыть имъ. Лютеръ возставалъ противъ почитанія святыхъ: теперь именовался лютераниномъ всякій дерзкій мальчишка, который врывался въ ихъ церкви и монастыри, грабилъ ихъ алтари. Партійность, хищничество, сумасбродство облекались въ цвѣта нововѣрія, страшные злодѣи заявляли себя на судѣ сектантами. Реформація низвела римскаго епископа въ разрядъ грѣшнаго человѣчества: яростная толпа, подстрекаемая голодомъ, жаждала уничтоженія всякаго различія между сословіями. Понятно, что ученіе, которое обнаруживалось для государства лишь съ пагубной стороны, не могло привлечь монарха, у котораго уже было столько причинъ желать его искорененія: неудивительно, что онъ воспользовался противъ него тѣмъ самымъ оружіемъ, которое было навязано ему имъ самимъ!

Карлъ долженъ былъ смотрѣть на себя въ Нидерландахъ, какъ на самодержца, уже потому, что онъ не распространялъ на эту страну той религіозной свободы, которую допустилъ въ Германіи. Вслѣдствіе упорнаго сопротивленія нѣмецкихъ государей, онъ предоставилъ нѣмцамъ мирное исповѣданіе новой религіи, а въ нидерландскихъ провинціяхъ преслѣдовалъ ее самыми жестокими указами. Здѣсь, подъ страхомъ тяжелыхъ каръ, воспрещались чтенія евангелистовъ и апостоловъ, всякія открытыя или тайныя собранія, сколько нибудь связанныя съ именемъ религіи, всякія подобнаго рода разговоры, дома и за столомъ. Во всѣхъ провинціяхъ были учреждены особыя судилища, которыя блюли за исполненіемъ этихъ указовъ. Всякій, кто питалъ ложныя мнѣнія, лишался мѣста, какого бы чина онъ ни былъ. Кто былъ уличенъ въ распространеніи ереси или хотя бы въ посѣщеніи тайныхъ сборищъ исправителей вѣры, того приговаривали къ смерти: мужчинъ казнили мечемъ, женщинъ зарывали живыми въ землю. Повторныхъ еретиковъ предавали пламени. Даже отреченіе преступника не могло отклонить этихъ страшныхъ приговоровъ: въ такомъ случаѣ только смягчался родъ смерти [1]).

[1]) *Thuanus:* Hist. P. I. L. VI, 300. *Grotius*, L. I.

Ленное имущество осужденнаго отбиралось въ казну, вопреки всякимъ привилегіямъ страны, по которымъ наслѣднику — предоставлялось право выкупать ихъ за небольшую сумму. Вопреки прямому драгоцѣнному праву голландскихъ гражданъ — быть судимыми лишь въ собственныхъ провинціяхъ, виновныхъ увлекали за предѣлы отечественной юстиціи и судили въ чужихъ трибуналахъ. Такъ религія помогала деспотизму безъ страха и противорѣчія касаться духовной дланью тѣхъ льготъ, которыя были недоступны свѣтской рукѣ [1]).

Ободренный успѣхами своего оружія въ Германіи, Карлъ V вообразилъ, что можетъ дерзнуть на все: онъ серьезно думалъ перенести испанскую инквизицію въ Нидерланды. Одно страшное имя этого учрежденія вдругъ остановило торговлю въ Антверпенѣ. Именитѣйшіе иностранные купцы собирались покинуть городъ. Никто ничего не покупалъ, не продавалъ. Цѣна домовъ пала; мастерскія замолкли. Деньги уходили изъ рукъ гражданъ. Цвѣтущій торговый городъ погибъ бы неизбѣжно, еслибы Карлъ V не отложилъ этого опаснаго намѣренія, убѣжденный представленіями штатгальтерши. Трибуналу приказано было щадить иностранныхъ купцовъ, и имя инквизиторовъ было замѣнено болѣе легкимъ названіемъ духовныхъ судей. Но въ остальныхъ провинціяхъ это судилище продолжало свирѣпствовать съ свойственнымъ ему безчеловѣчнымъ деспотизмомъ. Вычислено, что при одномъ Карлѣ V черезъ руки палача прошло 50.000 человѣкъ только изъ-за религіи [2]).

Принявъ въ соображеніе насилія этого монарха, трудно понять, какимъ образомъ могло сдерживаться при немъ то возстаніе, которое такъ яростно вспыхнуло въ слѣдующее царствованіе. Это объясняется при ближайшемъ изслѣдованіи. Грозное преобладаніе Карла въ Европѣ подняло нидерландскую торговлю на небывалую высоту. Величіе его имени открывало ея кораблямъ всѣ гавани, очищало имъ всѣ моря, доставляло имъ самые благопріятные договоры съ иностранными державами. Благодаря ему-то нидерландцы разрушили господство Ганзы въ Балтійскомъ морѣ. Новый Свѣтъ, Испанія, Италія, Германія, подчиненныя одному съ ними господину, были какъ бы

[1]) *Allg. Gesch. der verein. Niederlande*, IIB, 547.
[2]) *Meteren*, I Th., I Buch., 56, 57.—*Grot*, Annal. Belg. L. I. 12. Послѣдній насчитываетъ 100000. — *Allg. Gesch. d. v. Niderl.*, Th. II, 519.

провинціями ихъ собственнаго отечества и были доступны всѣмъ ихъ предпріятіямъ. Мало того, Карлъ еще соединилъ остальныя шесть провинцій съ бургундскимъ наслѣдствомъ и доставилъ этому государству такіе размѣры, такое политическое значеніе, что оно могло поспорить съ первыми монархіями Европы [1]). Это льстило національной гордости нидерландскаго народа. Когда въ его составъ вошли Гельдернъ, Утрехтъ, Фрисландія и Гренингенъ, то прекратились всѣ частныя войны, столь долго мѣшавшія торговлѣ; благодаря ненарушимому внутреннему миру, провинціи пользовались всѣми плодами своихъ трудовъ. Стало быть, Карлъ былъ также благодѣтелемъ Нидерландовъ. Въ то же время блескъ его побѣдъ ослѣплялъ ихъ; слава ихъ монарха, озарявшая и ихъ, подкупала республиканскую бдительность; грозное сіяніе непобѣдимости, окружавшее покорителя Германіи, Франціи, Италіи и Африки, устрашало политиковъ. А на что не дерзнетъ человѣкъ—частное лицо или государь—которому удалось вызвать восторгъ! Частое личное появленіе Карла въ этихъ земляхъ, которыя онъ, по собственному сознанію, посѣщалъ десятокъ разъ, сдерживало недовольныхъ; неоднократное проявленіе строгой и бдительной юстиціи поддерживало страхъ державной власти. Наконецъ, Карлъ родился въ Нидерландахъ и любилъ націю, въ нѣдрахъ которой возросъ. Ихъ нравы привились ему; естественность ихъ характера и обхожденія доставляла ему пріятный отдыхъ отъ строгой чопорности испанцевъ. Онъ говорилъ ихъ языкомъ, и придерживался ихъ обычаевъ въ своей частной жизни. Въ Брюсселѣ не знали удручающаго церемоніала, неестественнаго средостѣнія между королемъ и народомъ. Тутъ никакой косо смотрѣвшій чужеземецъ не закрывалъ доступа подданнымъ къ ихъ государю; путь къ нему шелъ черезъ собственныхъ земляковъ, которымъ онъ довѣрялъ свою особу. Монархъ много и охотно бесѣдовалъ съ подданными; его осанка была пріятна, рѣчь—мила. Эти маленькія уловки привлекали сердца; онъ уловлялъ ихъ дружескимъ видомъ въ то время, когда его арміи попирали нивы республиканцевъ, когда его разбойничьи руки рылись въ ихъ имуществахъ, когда его намѣстники выжимали соки у народа, его палачи совершали казни.

Карлу хотѣлось завѣщать своему сыну, Филиппу, эту благосклонность націи. Вотъ почему онъ призвалъ его, еще юношу, изъ Испаніи и показалъ его въ Брюсселѣ его будущему народу. Въ торжественный день своего отреченія отъ престола передавалъ онъ ему эти земли, какъ драгоцѣннѣйшіе камни своей короны, и серьезно внушалъ ему щадить ихъ конституцію.

Филиппъ II, какъ человѣкъ, былъ противоположностью своего отца. Столь же честолюбивый, но менѣе знакомый съ людьми и съ человѣческимъ достоинствомъ, онъ создалъ себѣ такой идеалъ королевской власти, при которомъ личности играютъ роль лишь послушныхъ орудій произвола и всякое проявленіе свободы является оскорбленіемъ. Рожденный въ Испаніи, выросшій подъ желѣзнымъ бичемъ монашества, онъ и отъ другихъ требовалъ печальнаго однообразія и принужденія, составлявшихъ основу его характера. Все его существо возмущалось противъ игриваго своеволія нидерланцевъ точно также, какъ его властолюбіе оскорблялось ихъ привилегіями. Онъ говорилъ только по-испански, терпѣлъ подлѣ себя однихъ испанцевъ и упрямо держался ихъ обычаевъ. Напрасно всѣ города Фландріи, по которымъ онъ прослѣдовалъ, соперничали между собой въ изобрѣтательности, устраивая дорогія празднества, чтобы возвеличить его присутствіе [1]): взоры Филиппа оставались мрачными, никакое великолѣпіе, никакія громкія изліянія искреннѣйшей радости не могли вызвать на его лицѣ улыбки одобренія [2]).

Карлъ совсѣмъ не достигъ цѣли, съ которой представлялъ фламандцамъ своего сына. Иго послѣдняго могло бы показаться имъ потомъ не такъ тяжкимъ, еслибы его нога не наступила на ихъ землю: его видъ пред-

[1]) Карлъ V намѣревался даже возвести это государство на степень королевства; но его остановила большая разница между провинціями во всемъ, отъ конституціи и нравовъ до мѣръ и вѣсовъ. Онъ могъ оказать имъ болѣе существенную услугу своимъ бургундскимъ договоромъ, установлявшимъ ихъ отношенія къ Нѣмецкой имперіи. Въ силу этого договора, семнадцать провинцій обязывались давать на общія нужды имперіи вдвое болѣе всякаго курфюрста, а на турецкую войну—втрое больше; за это онѣ пользовались могучимъ покровительствомъ имперіи, и за ними обезпечивалась неприкосновенность всѣхъ ихъ особыхъ правъ. Революція, измѣнившая политическій строй провинцій при сынѣ Карла V, разрушила этотъ договоръ, и онъ не заслуживаетъ дальнѣйшаго упоминанія, по своему малому значенію.

[1]) Одинъ Антверпенъ издержалъ тогда 260.000 золотыхъ гульденовъ. *Meteren*, I Th. I B., 21, 22.

[2]) *Allg. Gesch. d. ver. N.*, II, 512.

возвѣстилъ имъ его; его вступленіе въ Брюссель оттолкнуло отъ него всѣ сердца. Дружелюбіе императора къ этому народу служило теперь лишь къ тому, чтобы еще противнѣе высказывалась высокомѣрная учтивость его сына. Нидерландцы прочли на его лицѣ пагубный замыселъ противъ ихъ свободы, который уже тогда волновалъ его грудь. Они приготовились видѣть въ немъ тирана и снаряжались въ походъ противъ него.

Нидерланды были первымъ престоломъ, съ котораго снизошелъ Карлъ V. Въ торжественномъ собраніи, въ Брюсселѣ, разрѣшилъ онъ генеральные штаты отъ присяги и перенесъ ее на своего сына, короля Филиппа. Послѣднему онъ сказалъ, въ заключеніе: „Еслибы моя смерть передала вамъ эти земли, то уже столь дорогое наслѣдство дало бы мнѣ большое право на вашу благодарность. Но теперь, когда я добровольно уступаю ихъ вамъ, спѣша къ могилѣ, чтобы ускорить вамъ пользованіе ими, я желаю, чтобы вы уплатили этимъ народамъ то, что признаете должнымъ мнѣ за это. Другіе государи считаютъ себя счастливыми, радуя своихъ дѣтей короной, исторгаемой у нихъ смертью: я же хочу раздѣлить съ вами эту радость, хочу видѣть, какъ вы будете жить и править. Не многіе послѣдуютъ моему примѣру, какъ не многимъ и я слѣдовалъ. Но мое дѣло будетъ достойнымъ, если ваша жизнь оправдаетъ мое довѣріе, если вы не измѣните той мудрости, съ которою васъ ознакомили, если вы останетесь непоколебимы въ чистой вѣрѣ, образующей крѣпчайшій столпъ вашего престола. Еще одно слово. Да наградитъ васъ Небо сыномъ, которому вы могли бы уступить власть—могли бы, но не имѣли бы въ томъ нужды".

Когда императоръ кончилъ, Филиппъ преклонилъ колѣна передъ нимъ, прильнулъ къ его рукѣ и получилъ отцовское благословеніе. Его глаза были влажны—въ послѣдній разъ. Всѣ предстоявшіе плакали. Незабвенная минута! [1]).

За этой трогательной комедіей послѣдовала другая. *Филиппъ* принялъ присягу отъ собравшихся штатовъ и самъ далъ такую клятву: „Я, Филиппъ, милостію Божіей принцъ Испаніи, Обѣихъ Сицилій и проч. и проч., обѣщаюсь и клянусь быть добрымъ и справедливымъ господиномъ, охотно и вѣрно соблюдать дарованныя моими предками привилегіи и льготы всѣхъ благородныхъ, городовъ, общинъ и подданныхъ, а также обычаи, преданія, обряды и права, которыми обладаютъ они теперь вообще и въ частности,—наконецъ, дѣлать все то, что довлѣетъ, по закону, доброму и справедливому принцу и господину. Да поможетъ мнѣ Богъ и всѣ его святые!" [2]).

Уже въ этой клятвѣ проглядываетъ страхъ, внушенный произволомъ императора и недовѣріемъ чиновъ къ его сыну: она составлена гораздо осторожнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ та, которую давали самъ Карлъ V и всѣ бургундскіе герцоги. Тутъ Филиппъ принужденъ былъ пообѣщать нидерландцамъ соблюденіе ихъ обычаевъ и преданій, чего не требовалось никогда до него. Въ присягѣ чиновъ [3]) ему обѣщалось только то послушаніе, которое связывалось съ привилегіями страны. Его чиновники могли разсчитывать на подчиненіе и содѣйствіе лишь тогда, когда они будутъ усердно исполнять обязанности по ввѣреннымъ имъ должностямъ. Наконецъ, въ этой присягѣ чиновъ Филиппъ названъ лишь естественнымъ, рожденнымъ государемъ, а не монархомъ или господиномъ, какъ желалъ императоръ,—явный знакъ того, какъ мало надеждъ возлагали нидерландцы на справедливость и великодушіе новаго государя.

---

[1]) *Strada*, Dec. I, L. I, 4, 5. *Meteren*, I B., I Buch., 28. *Thuan.* Hist. P. I, L. XVI, 769.
[2]) *Allg. Gesch. d. ver. Niderl.*, II Th.,515.
[3]) *Тамъ же*, 516.

Филиппъ II, властитель Нидерландовъ.

Филиппъ II получилъ Нидерланды въ полномъ цвѣту ихъ благоденствія. Онъ былъ первый государь, которому они достались всецѣло. Они состояли теперь изъ семнадцати областей: четыре герцогства—Брабантъ, Лимбургъ, Люксембургъ и Гельдернъ, семь графствъ—Артуа, Геннегау, Фландрія, Намюръ, Цютфенъ, Голландія и Зеландія, маркграфство Антверпенъ и пять господствъ (Herrlichkeiten)—Фрисландія, Мехельнъ, Утрехтъ, Обериссель и Грёнингенъ. Все это вмѣстѣ составляло большое и могучее государство, которое могло соперничать съ королевствами. Его торговля никогда не стояла выше. Его золотые рудники находились надъ землей, но они были неисчерпаемѣе и богаче американскихъ жилъ. Эти семнадцать провинцій, которыя всѣ вмѣстѣ составляли едва одну пятую часть Италіи и занимали не болѣе трехсотъ фландрскихъ миль, приносили своему властителю немного меньше доходу, чѣмъ вся Британія своимъ королямъ, передъ тѣмъ какъ они присоединили къ своей коронѣ церковныя имущества. Триста пятьдесятъ городовъ, оживленныхъ наслажденіями и трудомъ, и многіе изъ нихъ—крѣпости безъ укрѣпленій, замки безъ стѣнъ, шесть тысячъ триста большихъ мѣстечекъ, безчисленное множество менѣе крупныхъ деревень, мызъ и замковъ придавали этому государству видъ цвѣтущей на всемъ своемъ протяженіи страны [1]). Именно тогда нація достигла своего высшаго блеска. Трудолюбіе и преизбытокъ поднимали геній гражданъ, просвѣщали его понятія, облагораживали его наклонности. Съ процвѣтаніемъ страны явилось и духовное процвѣтаніе. Здѣсь болѣе спокойная кровь, охлаждаемая суровымъ климатомъ, не обуревалась страстями; здѣсь душевная уравновѣшенность, умѣренность, выдержка, терпѣніе, эти дары сѣвернаго пояса, честность, справедливость и вѣра, эти добродѣтели ихъ занятій, правда, благожелательность и патріотическая гордость, эти милые плоды ихъ свободы, нѣжно смѣшивались съ облагороженными пороками. Ни одинъ народъ не подчинялся такъ легко разумному государю, но никто не былъ такъ щекотливъ къ произволу скомороха или тирана. Нигдѣ гласъ народа не былъ такимъ справедливымъ судьей правительства. Нигдѣ истинное государственное искусство не могло найти лучшаго поприща для достославныхъ опытовъ, и ничто не было страшнѣе этой націи для хилой, искусственной политики.

Такое государство, какъ Нидерланды, могло работать съ мощью и выдержкой великана, если бы только крайняя нужда потребовала его силы, если бы умное и попечительное правительство вскрыло его родники. Карлъ V оставилъ здѣсь своему наслѣднику власть, близкую къ умѣренной монархіи. Король замѣтно стоялъ выше республиканскихъ учрежденій, и эта сложная машина могла дѣйствовать почти такъ же вѣрно и быстро, какъ совершенно подчиненное государство. Многочисленная, нѣкогда могучая знать слѣдовала теперь послушно за своимъ монархомъ въ его вой-

[1]) *Strud.* Dec. I, L. I, 17, 18. *Thuan.* II, 482.

нахъ, а въ мирное время заискивала улыбки его величества. Коварная политика короны создала новыя мѣстныя блага, которыя раздавались только ею. Новые взгляды, новое пониманіе счастья вытѣснили, наконецъ, грубую простоту республиканскихъ добродѣтелей. Гордость уступила мѣсто тщеславію, свобода—чести, убогая независимость—сладострастно-улыбающемуся рабству. Алчные и кровожадные вельможи гораздо больше стремились угнетать и грабить отечество, какъ неограниченные сатрапы неограниченнаго владыки, чѣмъ отнимать у послѣдняго хоть сотую часть власти на собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Къ тому же знать, по большей части, погрязала въ бѣдности и тяжелыхъ долгахъ. Карлъ V обезсилилъ наиболѣе опасныхъ вассаловъ такими внѣшними почестями, какъ разорительныя посольства при иностранныхъ дворахъ. Такъ *Вильгельмъ Оранскій* былъ отправленъ, съ императорскою короной, въ Германію, а графъ *Эгмонтъ*—въ Англію, для заключенія брака Филиппа съ Маріей. Потомъ оба они сопровождали герцога Альбу во Францію, съ цѣлью заключить миръ между обѣими коронами и сватать Елизавету французскую за своего короля. На эти путешествія ушло до 300.000 гульденовъ, изъ которыхъ король не далъ ни гроша. Когда принцъ Оранскій былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ на мѣсто герцога Савойскаго, ему пришлось принять на себя всѣ издержки, связанныя съ этимъ званіемъ. Когда въ Брюссель наѣзжали иностранные посланники или государи, нидерландскіе вельможи были обязаны спасать честь своего короля, который всегда кушалъ отдѣльно и не держалъ открытаго стола. Испанская политика изобрѣла еще болѣе остроумныя средства для ослабленія богатѣйшихъ фамилій страны. Каждый годъ пріѣзжалъ въ Брюссель одинъ изъ кастильскихъ вельможъ и жилъ съ роскошью и расточительностью, далеко превышавшими его состояніе. Брюссельцы почли бы себя навѣки опозоренными, если бы уступили ему въ этомъ: всѣ соперничали между собой, чтобы еще превзойти его, и истощали свой достатокъ въ этомъ дорогомъ соревнованіи. А испанецъ во́-время возвращался домой, гдѣ четырьмя годами поста покрывалъ растраты одного года. Соперничать богатствомъ со всякимъ пришельцемъ было слабостью нидерландскаго дворянства, которою правительство умѣло отлично пользоваться. Правда, послѣдствія этихъ уловокъ были не такъ выгодны, какъ оно разсчитывало: именно въ силу этихъ обременительныхъ долговъ, дворянство склонялось ко всякому новшеству, такъ какъ тотъ, кто все потерялъ, могъ только выиграть при всеобщемъ крушеніи [1]).

Духовенство всегда было опорой королевской власти, и иначе не могло быть. Его золотое времячко обыкновенно совпадаетъ съ рабствомъ человѣческаго духа: оно, какъ и корона, пожинаетъ плоды тупоумія и чувственности. Угнетеніе заставляетъ гражданъ болѣе нуждаться въ религіи и дорожить ею; слѣпое повиновеніе власти тирана подготовляетъ умы къ слѣпой, удобной вѣрѣ,—и іерархія вознаграждаетъ деспотизмъ съ лихвой за его услуги. Епископы и прелаты въ парламентѣ были горячими защитниками его величества и всегда готовы были пожертвовать интересами гражданъ выгодамъ церкви и государственной пользѣ монарха. Многочисленные и храбрые гарнизоны держали въ страхѣ города, которые были раздираемы къ тому же религіозными распрями и политическими партіями и не могли разсчитывать на могущественную опору. Какъ мало требовалось отъ короны, чтобы сохранить такое свое преобладаніе, и какъ чудовищна должна была быть ошибка, погубившая его!

Вліяніе Филиппа въ этихъ земляхъ было такъ глубоко, значеніе испанской монархіи во всей Европѣ было такъ велико, что ни одно государство не смѣло мѣриться съ ними силами. Опаснѣйшій сосѣдъ, Франція, была такъ ослаблена тяжелою войной и внутренними раздорами, поднявшимися при властителѣ-ребенкѣ, что уже быстро шла къ той несчастной порѣ, когда она цѣлые полвѣка была поприщемъ бѣдствій и гнусностей. Елизавета англійская съ трудомъ защищала свой собственный, еще колеблющійся престолъ противъ борьбы партій и свою новую, еще неокрѣпшую церковь—противъ тайныхъ происковъ изгнанниковъ. Лишь по ея творческому призыву должно было подняться это государство изъ позорнаго мрака, черпая въ самыхъ ошибкахъ соперника ту живую силу, которая, наконецъ, ниспровергла его. Нѣмецкій императорскій домъ былъ связанъ съ испанскимъ двойными узами крови и государственныхъ выгодъ, и возраставшее военное счастье Сулеймана отвлекало его вниманіе съ запада Европы на востокъ. Государи Италіи подчинялись Филиппу изъ благодарности и

[1]) *Reidanus*, E. I. 2.

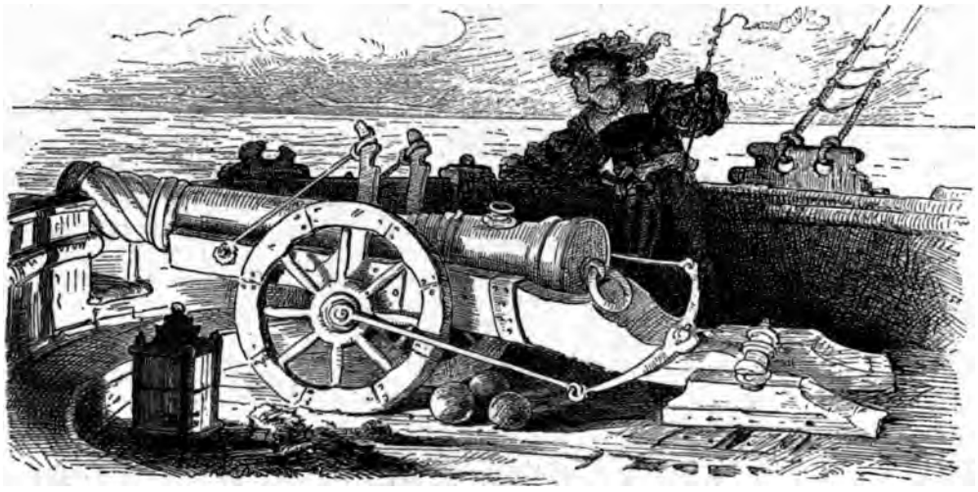
страха, а конклавомъ заправляли его созданія. Сѣверныя монархіи были еще окутаны мракомъ варварства или же только начинали принимать опредѣленный видъ, и система европейскихъ государствъ не знала ихъ. Способнѣйшіе генералы, многочисленныя, привыкшія къ побѣдамъ арміи, грозный флотъ, большая дань золотомъ, которая только-что стала притекать правильно и вѣрно изъ Вестъ-Индіи,—что за страшныя орудія въ твердыхъ, крѣпкихъ рукахъ умнаго государя! Вотъ подъ какою счастливою звѣздой началось царствованіе Филиппа.

Прежде чѣмъ слѣдить за его дѣяніями, бросимъ бѣглый взглядъ въ его душу, чтобы поискать здѣсь ключа къ его политической жизни. Ей недоставало радости и доброжелательства: первую отнимали у него свойства его темперамента и мрачное дѣтство; второго не могли дать ему люди, въ общеніи съ которыми недостовало нѣжныхъ, но крѣпкихъ узъ, нужныхъ для всякаго истиннаго общенія. Его скудный умъ былъ наполненъ только двумя понятіями—своимъ *я* и тѣмъ, что стояло выше этого *я*: эгоизмъ да религія—вотъ сущность и девизъ всей его жизни. Онъ былъ король и христіанинъ, и плохой въ обоихъ смыслахъ, ибо ему хотѣлось слить то и другое качество. Никогда не былъ онъ человѣкомъ, такъ какъ всегда выходилъ изъ своего *я* только вверхъ, а не внизъ. Его вѣра была жестока и мрачна, ибо его божество было страшное существо. Ему нечего было ожидать отъ него: онъ лишь боялся его. Простому смертному божество представляется утѣшителемъ, спасителемъ: для него же то былъ ужасный призракъ, мучительное, унизительное ограниченіе его человѣческаго всевластія. Его благоговѣніе передъ нимъ было тѣмъ глубже, сердечнѣе, чѣмъ меньше распространялось оно на другія существа. Какъ рабъ, дрожалъ онъ передъ Богомъ, ибо только передъ Богомъ онъ и могъ дрожать. Карлъ V былъ ревностенъ къ религіи, потому что она работала на него, Филиппъ II—потому что вѣрилъ въ нее. Карлъ огнемъ и мечемъ мучилъ тысячи народу изъ-за догмы, а самъ осмѣивалъ въ лицѣ папы, своего плѣнника, то самое ученіе, въ жертву которому приносилъ потоки крови; Филиппъ съ отвращеніемъ, съ смущенной совѣстью рѣшался на самую справедливую войну съ куріей и отказывался отъ плодовъ побѣдъ, какъ раскаявшійся злодѣй—отъ своей добычи. Тотъ былъ варваръ по разсчету, этотъ—по чувству. Первый былъ сильный, просвѣщенный умъ и, быть можетъ, потому-то дурной человѣкъ; второй—ограниченный, слабоумный, но справедливый человѣкъ.

Но, по мнѣ, оба могли быть лучше и, въ сущности, могли дѣйствовать одинаковыми мѣрами. Часто то, что приписывается характеру личности, составляетъ слабость, неизбѣжный исходъ человѣческой природы вообще. Столь обширная монархія была слишкомъ большимъ искушеніемъ для гордости и слишкомъ тяжелая задача—для силъ человѣка. Слить всеобщее блаженство съ свободой личности—такое дѣло можетъ совершить лишь безпредѣльный духъ, повсюду сущій. А какія средства у человѣка, очутившагося въ положеніи Творца? Въ своей ограниченности, онъ прибѣгаетъ къ классификаціи; подобно естествоиспытателю, онъ установляетъ признаки и правила, которыя помогаютъ его неувѣренному взгляду и становятся обязательными для всякаго. Эту услугу оказываетъ ему религія. Она находитъ во всякой человѣческой груди сѣмена надежды и страха; овладѣвая ими, подчиняя ихъ *одному* предмету, она превращаетъ милліоны самостоятельныхъ существъ въ однообразное отвлеченное понятіе. Безконечное разнообразіе людскихъ воззрѣній уже не стѣсняетъ того, кто хочетъ ими повелѣвать: теперь найдено общее зло и общее добро, которое можно указывать и отчуждать, которое дѣйствуетъ заодно съ человѣкомъ даже безъ него самого. Найдена граница, у которой останавливается свобода, признанная священная линія, къ которой должны прилаживаться всѣ борющіяся движенія воли. Общая цѣль свѣтскаго и церковнаго деспотизма—однообразіе; а однообразіе—необходимая опора человѣческой нищеты и тупоумія. Филиппъ былъ тѣмъ деспотичнѣе своего отца, чѣмъ ограниченнѣе были его способности. Другими словами, онъ долженъ былъ тѣмъ крѣпче придерживаться общихъ правилъ, чѣмъ менѣе могъ снисходить до видовъ и особей. Что же должно было произойти изо всего этого? Высшею задачей Филиппа, конечно, стало однообразіе вѣры и государственной машины, безъ котораго онъ не могъ управлять.

И все-таки онъ началъ бы свое правленіе болѣе мягко и осторожно, еслибы раньше вступилъ на престолъ. Кажется, приступая къ оцѣнкѣ этого государя, обыкновенно не берутъ въ разсчетъ одного обстоятельства, играющаго важную роль въ исторіи его ума и сердца. Филиппу было почти тридцать лѣтъ, когда ему досталось прав-

леніе, а рано созрѣвшій разсудокъ еще ускорялъ его совершеннолѣтіе. Такая душа, сознававшая свою зрѣлость и уже сжившаяся съ великими чаяніями, могла лишь съ отвращеніемъ переносить иго дѣтской покорности; выдающійся геній отца и произволъ самодержца угнетали самодовольную гордость такого сына. Доля, предоставленная сыну въ управленіи государствомъ, была достаточно велика, чтобы отвлечь его отъ мелкихъ страстей и поддерживать суровую строгость его характера, но она была до того мала, что только разжигала его жажду неограниченной власти. Когда онъ, наконецъ, получилъ эту власть, она уже потеряла для него прелесть новизны. У него уже давно прошло, если только было когда нибудь, то сладостное опьяненіе юнаго монарха, озадаченнаго высшею властью, то радостное волненіе, которое открываетъ дорогу для всякихъ нѣжныхъ движеній, которому человѣчество обязано столькими благодѣяніями. Его характеръ былъ уже закаленъ, когда счастье послало ему это испытаніе; его укоренившіяся правила противостояли этому благодѣтельному потрясенію. Уже пятнадцать лѣтъ готовился онъ къ этому превращенію. И вмѣсто того, чтобы юношески залюбоваться знаками своего новаго званія или встрѣтить зарю своего правленія въ чаду празднаго тщеславія, онъ сохранилъ хладнокровіе и серьезность; онъ тотчасъ вступилъ въ настоящее обладаніе своей властью, чтобы ея полнотой вознаградить себя за долгое лишеніе ея.



Филиппъ II.

Картина Рубенса (Мадридъ, Музей дель Прадо).

Инквизиціонный судъ.

Не успѣлъ Филиппъ II вступить въ спокойное обладаніе своимъ государствомъ, благодаря миру въ Шато-Камбрези, какъ весь отдался великому дѣлу очищенія вѣры и оправдалъ страхъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ. Были возстановлены, въ полной силѣ, указы отца противъ еретиковъ, и за ихъ соблюденіемъ надзирали страшныя судилища, которымъ недоставало только имени инквизиціи. Но ему казалось, что цѣль и наполовину не достигнута, пока не будетъ перенесена въ эти земли испанская инквизиція въ полной формѣ — замыселъ, который не удался самому императору.

Эта испанская инквизиція—учрежденіе новаго сорта, совсѣмъ особенное: въ исторіи не было ничего подобнаго; ея нельзя сравнить ни съ какимъ свѣтскимъ или духовнымъ судилищемъ. Въ сущности, инквизиція существовала съ тѣхъ поръ, какъ разумъ дерзнулъ коснуться святыни, съ того времени, когда возникли люди, усомнившіеся и жадные до новизны; но лишь въ половинѣ 13-го вѣка, когда іерархія пришла въ ужасъ отъ нѣкоторыхъ примѣровъ богоотступничества, *Иннокентій III* снабдилъ ее собственнымъ судомъ и неестественно отдѣлилъ духовный надзоръ и учительство отъ карательной власти. Чтобы никакое человѣческое чувство, никакой соблазнъ природы не нарушалъ косной строгости ея правилъ, онъ отнялъ ее у епископовъ и у свѣтскаго духовенства, связаннаго съ людьми гражданскими узами; онъ препоручилъ ее монахамъ, этимъ выродкамъ человѣчества, отрекшимся отъ священныхъ требованій природы, этимъ послушнымъ созданіямъ римскаго престола. Германія, Италія, Испанія, Португалія, Франція приняли инквизицію; францисканецъ предсѣдалъ при страшномъ приговорѣ надъ храмовниками; не многимъ государствамъ удалось избавиться отъ грознаго судилища или подчинить его свѣтской власти. Нидерланды были пощажены до Карла V: здѣсь епископы пользовались духовнымъ надзоромъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ обращались къ инквизиціонному судилищу французскія провинціи—въ Парижъ, нѣмецкія—въ Кельнъ[1]).

Не та инквизиція, о которой мы говоримъ, явилась съ запада Европы: она была иного происхожденія и иного вида. Въ 15-мъ в., въ Гранадѣ, палъ послѣдній мавританскій тронъ, и сарацинское богопочитаніе уступило мѣсто христіанству. Но въ этомъ самомъ юномъ христіанскомъ королевствѣ Евангеліе было еще новинкой: оно еще не утвердилось; религіи еще не вполнѣ обособились среди смутнаго смѣшенія разнородныхъ законовъ и нравовъ. Хотя мечъ преслѣдованія изгналъ въ Африку тысячи семей, однако гораздо больше иновѣрцевъ были не въ силахъ разстаться съ дорогимъ небомъ родины; комедіей мнимаго обращенія они откупались отъ этой ужасной необходимости и у христіанскихъ алтарей

[1]) *Hopper*: Mémoires des Troubles des Pays-bas, въ *Vita Vigl.*, 65, 80.

продолжали служить своему Магомету и Моисею. Но пока ихъ молитвы уносились къ Меккѣ, Гранаду нельзя было считать покоренной; пока новый христіанинъ, въ нѣдрахъ своихъ домовъ, оставался іудеемъ и мусульманиномъ, онъ не былъ благонадеженъ для трона точно такъ же, какъ и для римской куріи. И вотъ, дѣло шло уже не о томъ, чтобы подчинить этотъ строптивый народъ внѣшнимъ формамъ новой вѣры или примѣнить его къ побѣдной церкви слабыми узами церемоніала, а о томъ, чтобы искоренить старую религію, чтобы вытравить упорную, воспитанную вѣками, привязанность къ собственнымъ нравамъ и законамъ, къ собственному языку, которая поддерживалась постояннымъ вліяніемъ родного неба, родной почвы. Если церковь хотѣла торжествовать полную побѣду надъ враждебнымъ богопочитаніемъ и обезпечить за собой новое завоеваніе, она должна была изрыть самую почву, въ которой пустила ростки старая вѣра, она должна была разбить самую форму, въ которую отлился характеръ народа и съ которой эта вѣра, казалось, была сплетена неразрывно. Она должна была подрѣзать ея невидимые корни въ самыхъ тайникахъ души, изгладить всякіе ея слѣды въ домашней и гражданской жизни, затмить всякое воспоминаніе о ней, если можно—даже убить всякую воспріимчивость къ ней. Отечество и семья, совѣсть и честь, священныя чувства природы и общества—вотъ первыя и ближайшія силы, съ которыми всегда сплетается религія: отсюда она получаетъ свою крѣпость, сюда она вливаетъ ее сама. Теперь требовалось разрушить эту связь; старую вѣру нужно было насильственно оторвать отъ священнаго чувства природы—хотя бы цѣной самой святости этихъ ощущеній. Такова была инквизиція, которую мы называемъ *испанской*, въ отличіе отъ другихъ, болѣе человѣчныхъ судилищъ, носившихъ это имя. Творцомъ ея былъ кардиналъ *Хименесъ*. Доминиканецъ *Торквемада* первый вступилъ на ея кровавый престолъ, начерталъ ея уставъ и этимъ завѣщаніемъ предалъ свой орденъ вѣчному проклятію. Позоръ духу, смерть умамъ—вотъ обѣты этого ордена; ужасъ и срамъ—вотъ его орудія. Всякая страсть—у него на жалованьѣ; на каждую радость жизни накинуты его силки, Самое уединеніе — для него не уединеніе; страхъ его вездѣсущія сковываетъ свободу въ самой глубинѣ души, Инквизиція низвергла къ стопамъ вѣры всѣ прирожденныя стремленія человѣчества; передъ этою вѣрой распались всѣ священнѣйшія узы человѣка. Для еретика не существовало никакихъ правъ на продолженіе рода человѣческаго; малѣйшая измѣна матери-церкви искореняла его потомство. Самое скромное сомнѣніе въ непогрѣшимости папы каралось, какъ отцеубійство, и позорилось, какъ Содомскій грѣхъ. Приговоры инквизиціи походили на сѣмена заразы, которыя быстро разлагаютъ самое здоровое тѣло. Она проклинала даже неодушевленные предметы, принадлежавшіе еретику; ничто не могло спасти ея жертвъ; ея приговоры исполнялись на трупахъ и портретахъ; самая могила не укрывала отъ ея страшныхъ рукъ.

Дерзость приговоровъ инквизиціи блѣднѣла лишь передъ тѣмъ безчеловѣчіемъ, съ которымъ они исполнялись. Она соединяла смѣшное съ ужаснымъ и забавляла взоры странностью процессій: такъ сочувственное впечатлѣніе притуплялось другими раздраженіями; симпатія потоплялась въ безднѣ насмѣшки и презрѣнія. Съ торжественной пышностью вели преступника къ эшафоту; впереди развѣвалось красное кровавое знамя; трезвонъ всѣхъ церквей сопровождалъ шествіе. Во главѣ шли священники въ облаченіи и пѣли священный псаломъ. За ними слѣдовалъ осужденный грѣшникъ, въ желтой одеждѣ, на которой были намалеваны черные черти; на головѣ у него торчалъ бумажный колпакъ, кончавшійся человѣчкомъ, вокругъ котораго обвивалось пламя и летали отвратительные демоны. Навѣки осужденнаго сопровождало отвращенное отъ него изображеніе Распятаго: ему ужъ нѣтъ спасенія. Огню принадлежитъ его бренное тѣло, адскому пламени—его безсмертная душа. Кляпомъ сомкнуты его уста, чтобъ не облегчались его муки жалобами, чтобъ не вызвалъ онъ состраданія своею трогательною исторіей, чтобъ не повѣдалъ онъ міру о тайнахъ святого судилища. За нимъ слѣдуютъ духовенство въ праздничномъ облаченіи, власти и знать; осудившіе его отцы заключаютъ страшное шествіе. Подумаешь, трупъ несутъ на кладбище; а это—живой человѣкъ, мученія котораго станутъ столь ужасно забавлять народъ. Обыкновенно эти казни назначались въ большіе праздники; для этого берегли извѣстное число несчастныхъ въ казематахъ святого дома, чтобы возвеличить зрѣлище количествомъ жертвъ. И тогда присутствовали на немъ сами короли. Съ непокрытой головой сидѣли они на креслѣ пониже

великаго инквизитора, которому уступалось первенство въ такіе дни. Кто же не задрожалъ бы предъ судилищемъ, предъ которымъ преклоняется самъ его величество? [1]).

Великая религіозная революція Лютера и Кальвина снова выдвигала это судилище, подобно первому поводу, послужившему къ его основанію. И если тогда оно понадобилось, чтобы очистить маленькое королевство Гранаду отъ слабыхъ остатковъ сарациновъ и іудеевъ, то теперь это было потребностью всего католическаго христіанства. Всѣ инквизиціи въ Португаліи, Италіи, Германіи и Франціи приняли форму испанской; она слѣдовала за европейцами въ Индію и воздвигла въ Гоа страшное судилище, безчеловѣчіе котораго приводитъ насъ въ содроганіе даже при чтеніи его описанія. Гдѣ появлялась она, тамъ наступало запустѣніе; но нигдѣ она не свирѣпствовала въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Испаніи. Мертвые, ея жертвы, забываются; поколѣнія возобновляются, и снова процвѣтаютъ земли, ею опустошенныя и обезлюденныя; но пройдутъ вѣка, пока ея слѣды исчезнутъ изъ испанскаго характера. Инквизиція остановила умную, прекрасную націю на пути къ совершенству; она изгнала геній съ его родного пепелища и поселила гробовую тишину въ душѣ народа, который больше многихъ другихъ европейцевъ былъ призванъ къ жизнерадостности.

Первый инквизиторъ былъ поставленъ Карломъ V въ Брабантѣ, въ 1522 г. Ему даны были въ помощники нѣсколько священниковъ, но самъ онъ былъ свѣтское лицо. По смерти папы Адріана VI, его преемникъ *Климентъ VII* назначилъ трехъ инквизиторовъ для всѣхъ нидерландскихъ провинцій. *Павелъ III* оставилъ только двухъ, которые и удержались до начала волненій. Въ 1530 г., съ согласія и при участіи чиновъ, были изданы указы противъ еретиковъ, легшіе въ основаніе всѣхъ слѣдующихъ законовъ; здѣсь прямо упоминается инквизиція. Въ 1550 г., при быстромъ ростѣ сектъ, Карлъ V возобновилъ и усилилъ указы, и тогда-то городъ Антверпенъ воспротивился инквизиціи и даже счастливо избѣгъ ея. Впрочемъ, по духу страны, въ Нидерландахъ инквизиція была человѣчнѣе, чѣмъ въ Испаніи, и ею не заправлялъ еще ни одинъ иностранецъ, не говоря уже про доминиканцевъ. Она руководилась указами, которые были всѣмъ извѣстны. И она не вызывала такого отвращенія, какъ испанская инквизиція, именно потому, что, при всей своей строгости, менѣе подчинялась произволу и не такъ закутывалась въ таинственность.

Но Филиппу хотѣлось водворить въ Нидерландахъ именно испанскую инквизицію, которая казалась ему самымъ подходящимъ орудіемъ для порчи этого народа и подготовки его къ его деспотизму. Онъ началъ съ усиленія указовъ своего отца и постепенно расширялъ власть инквизиторовъ, дѣйствія которыхъ становились все болѣе произвольными и независимыми отъ гражданской юстиціи. Вскорѣ этому судилищу уже недоставало только имени и доминиканца, чтобы стать настоящею испанскою инквизиціей. Достаточно было простого подозрѣнія, чтобы гражданинъ былъ вырванъ изъ нѣдръ спокойнаго общества, изъ круга своей семьи; малѣйшій доносъ оправдывалъ пытку. Кто попадалъ въ эту пасть, тому уже не было возврата; для него уже не существовало никакихъ благодѣяній закона; не для него были материнскія заботы справедливости. По ту сторону міра, исчадія злобы и сумасбродства судили его по законамъ, не подходящимъ къ человѣку. Обвиняемый никогда не вѣдалъ своего обвинителя и весьма рѣдко зналъ свое преступленіе. Такою безбожной, дьявольской уловкой принуждали несчастнаго угадывать свою вину; почти лишившись ума отъ пытокъ или отъ долгаго погребенія заживо, онъ признавался въ проступкахъ, какихъ вовсе не было, которыхъ, во всякомъ случаѣ, не могъ знать судья. Имущества осужденныхъ отбирались въ казну, а доносчиковъ поощряли милостивыми грамотами и наградами. Противъ святой власти были безсильны всякія привилегіи, всякая гражданская справедливость. Кого касалась она, тотъ былъ утраченъ для свѣтскихъ властей. Послѣдніе играли, въ ея юстиціи, только роль благоговѣйныхъ исполнителей ея приговоровъ. Послѣдствія такого хода дѣлъ могли быть лишь самыя неестественныя и ужасныя. Все земное счастье, самая жизнь непорочнаго человѣка становились игрушкой въ рукахъ любого мерзавца. Всякому тайному врагу, всякому завистнику предстоялъ роковой соблазнъ воспользоваться незримой и неукоснительной местью. Исчезли обезпеченность собственности, прямота въ обращеніи. Распались всѣ узы выгодъ, крови и

[1]) *Burgund* Histor. Belg., 126 127. *Hopper*, 65 – 67. *Grot.* Annal Belg., t. I, S – 9. *Essay sur les Moeurs*, t. III, Inquisition.

Сожженіе еретиковъ.

любви. Заразительная недовѣрчивость отравляла общественную жизнь; мутился взоръ, замиралъ голосъ отъ страха вездѣсущаго шпіонства. Потеряли вѣру въ честныхъ людей, да никто и не слылъ честнымъ. Доброе имя, землячество, братство, самая клятва,—словомъ, все, что считалось священнымъ, утратило цѣну.

Такая то судьба постигла большой цвѣтущій торговый городъ, гдѣ сто тысячъ занятыхъ людей были связаны единственно узами довѣрія. Всѣ были необходимы другъ другу—и каждый былъ сомнителенъ, подозрителенъ. Всѣхъ влекла другъ къ другу корысть, а страхъ отталкивалъ. Рухнули всѣ столпы общественности тамъ, гдѣ общественность была основой жизни и прочности [1]).

---

[1]) *Grotius*, Lib. I, 9—10.

Другія нарушенія конституціи Нидерландовъ.

Немудрено, что такое неестественное судилище, ставшее нестерпимымъ даже для болѣе терпѣливаго испанца, возмутило республику. Но внушаемый имъ ужасъ поддерживался испанскими войсками, которыя остались и послѣ мира и, вопреки конституціи, наполняли пограничные города. Карлу V прощали это введеніе иностранныхъ армій, такъ какъ видѣли ихъ необходимость и разсчитывали на его благоволеніе. Теперь же въ нихъ видѣли лишь страшную подготовку угнетенія и орудіе ненавистной іерархіи. Значительной конницы, выставляемой туземцами, было достаточно для защиты страны: эти иностранцы были излишни. Распущенность и грабежи этихъ испанцевъ, которые еще собирали большія недоимки, а сами жили на счетъ гражданъ, довершали негодованіе народа и доводили простолюдиновъ до отчаянія. А когда всеобщій ропотъ понудилъ правительство стянуть эти войска изъ городовъ на зеландскіе острова, гдѣ ждали ихъ готовые къ отплытію корабли, ихъ дерзость дошла до того, что жители бросили работы на плотинахъ: они рѣшились лучше предоставить свое отечество морю, чѣмъ терпѣть далѣе скотское своеволіе этихъ неистовыхъ шаекъ [1]).

Филиппу очень хотѣлось удержать этихъ испанцевъ въ странѣ, чтобы, съ ихъ помощью, подкрѣпить свои указы и поддержать тѣ нововведенія, которыя онъ замышлялъ сдѣлать въ конституціи Нидерландовъ. Они служили ему какъ бы порукой всеобщаго спокойствія и цѣпью, къ которой онъ приковывалъ націю. Оттого онъ перепробовалъ все, чтобы уклониться отъ упорныхъ настояній государственныхъ чиновъ, желавшихъ удаленія испанцевъ, причемъ пустилъ въ ходъ всевозможныя интриги и уговоры. Сегодня онъ опасался внезапнаго нападенія раздираемой внутренними партіями Франціи, которой не справиться съ домашнимъ врагомъ; завтра его войска должны были принимать, на границѣ, его сына, донъ-Карлоса, котораго онъ никогда не думалъ выпускать изъ Кастиліи. А содержаніе ихъ не будетъ-де стоить ни гроша нидерландцамъ: онъ уплатитъ всѣ издержки изъ собственной шкатулки. Чтобы имѣть лучшій предлогъ для удержанія ихъ тамъ, онъ аккуратно задерживалъ уплату имъ просроченнаго жалованья; конечно, онъ предпочелъ бы ихъ туземнымъ войскамъ, которымъ платилъ сполна. Чтобы усыпить страхъ націи и утишить всеобщее недовольство, онъ предложилъ начальство надъ испанцами двумъ любимцамъ народа — принцу *Оранскому* и графу *Эгмонту*; но оба отказались, благородно заявивши, что никогда они не станутъ служить вопреки законамъ страны.

Чѣмъ яснѣе обнаруживалось желаніе короля удержать своихъ испанцевъ въ странѣ, тѣмъ упорнѣе настаивали чины на ихъ

[1]) *Allg. Gesch. der verein. Niederl.*, III B., 21 Buch p. 23 и дальше.

удаленіи. На собраніи чиновъ въ Гентѣ ему пришлось выслушать, среди своихъ царедворцевъ, республиканскую правду. „Неужели весь свѣтъ долженъ подумать, будто мы стали ужъ до того легкомысленны, даже тупоумны, что не можемъ защищать сами себя? Кчему было заключать миръ, если и въ мирное время насъ угнетаютъ тягости войны? Во время войны необходимость изощряла наше терпѣніе, а въ мирѣ мы переносимъ ея мученія. Или ты думаешь, что мы въ состояніи держать въ порядкѣ эту распущенную шайку, когда твое собственное присутствіе мало дѣйствуетъ? Вотъ твои подданные изъ Камбрэ и Антверпена: они вопіютъ противъ насилія. Тіонвиль и Маріенбургъ опустошены: неужели же ты даровалъ намъ миръ для того, чтобы наши города превратились въ пустыни, что неизбѣжно, если ты не избавишь ихъ отъ этихъ разрушителей? Или ты думаешь обезопасить себя отъ нападенія нашихъ сосѣдей? Такая предосторожность разумна; но громъ ихъ снаряженія задолго предупредитъ объ ихъ походѣ. Кчему дорого нанимать чужаковъ, которымъ нечего жалѣть страну, завтра покидаемую ими? Храбрые нидерландцы еще готовы къ твоимъ услугамъ, и твой отецъ довѣрялъ имъ республику въ гораздо болѣе бурныя времена. Почему же ты вздумалъ теперь усомниться въ вѣрности, которую они неуклонно блюли цѣлые вѣка по отношенію къ твоимъ предкамъ? Развѣ они не въ силахъ сдерживать войну до тѣхъ поръ, пока не приспѣютъ твои союзники подъ своими знаменами или пока ты самъ не пришлешь помощи по сосѣдству?“

Такой языкъ былъ слишкомъ новъ для короля; но правдивость заявленія была слишкомъ очевидна, чтобы онъ могъ отвѣчать тотчасъ. Наконецъ, онъ воскликнулъ: „Да, вѣдь, и я—иностранецъ! Не лучше ли меня самого выгнать изъ страны?“ И онъ сошелъ съ престола и покинулъ собраніе; но ораторъ не поплатился за свою смѣлость. Два дня спустя, Филиппъ велѣлъ объявить чинамъ: знай онъ раньше, что эти войска обременительны для нихъ, онъ уже распорядился бы сейчасъ же взять ихъ съ собой въ Испанію; теперь же уже поздно, ибо они не могутъ уходить, не получивъ своего жалованья; впрочемъ, онъ торжественнѣйше обѣщаетъ, что это бремя не продолжится больше четырехъ мѣсяцевъ. Но войска оставались еще восемнадцать мѣсяцевъ, да, пожалуй, и тогда не ушли бы, еслибы нужды государства не потребовали ихъ въ другое мѣсто [1]).

Насильственное поставленіе чужеземцевъ на важнѣйшія мѣста въ Нидерландахъ вызвало новыя нареканія на правительство. Изъ всѣхъ привилегій провинцій испанцамъ противнѣе всего было это устраненіе чужаковъ отъ службы; и его-то они наиболѣе старались подорвать [2]). Италія, обѣ Индіи и всѣ провинціи этой чудовищной монархіи были открыты ихъ алчности и честолюбію: только въ самыя богатыя земли не допускалъ ихъ неумолимый основной законъ. Монарха убѣдили, что королевская власть никогда не утвердится въ этихъ областяхъ, если онъ не будетъ пользоваться тамъ чужеземными орудіями. Уже епископъ *аррасскій*, бургундецъ родомъ, былъ самовольно навязанъ фламандцамъ; теперь кастилецъ, графъ *Ферія*, долженъ былъ получить мѣсто и голосъ въ государственномъ совѣтѣ. Но этотъ замыселъ встрѣтилъ болѣе горячій отпоръ, чѣмъ внушали королю льстецы. На этотъ разъ деспотическое всемогущество Филиппа разбилось о ловкость Вильгельма Оранскаго и о твердость чиновъ [3]).

---

[1]) *Burgund.* L. I, 38 40. *Reidan* L. I, 1. *Meteren.* I Th., I Buch, 47.— *Grot*, Annal., L. I. 13.

[2]) *Reidan.* L. I, 1.

[3]) *Grot.* Annal. L. I, 13.

Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ.

Такъ возвѣстилъ Филиппъ II Нидерландамъ свое царствованіе; таковы были ихъ жалобы, когда онъ собирался покинуть ихъ. Уже давно жаждалъ онъ удалиться изъ страны, гдѣ онъ былъ чужакомъ, гдѣ многое оскорбляло его склонности, а его деспотическая душа встрѣчала такія рѣзкія напоминанія о законахъ свободы. Наконецъ, миръ съ Франціей далъ ему возможность оставить Нидерланды, а вооруженія Сулеймана призывали его на югъ; да и Испанія уже нуждалась въ возвращеніи короля. Но надо было покончить съ главной заботой—выборомъ главнаго штатгальтера Нидерландовъ. Со времени отреченія Маріи венгерской, это мѣсто занималъ герцогъ *Эммануилъ Филибертъ* савойскій; но оно было болѣе почетнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, пока король самъ пребывалъ въ Нидерландахъ. Въ отсутствіе же монарха то была важнѣйшая должность во всей монархіи и самая блестящая цѣль для честолюбія всякаго гражданина. Теперь она оставалась свободной, съ удаленіемъ герцога, которому вернули его владѣнія по миру въ Шато-Камбрези. Почти неограниченная власть главнаго штатгальтера, способности и знанія, требуемыя столь обширнымъ и щекотливымъ мѣстомъ, въ особенности же отважные замыслы правительства противъ свободы страны, исполненіе которыхъ зависѣло отъ него,—все это, конечно, затрудняло выборъ. Законъ, устранявшій иностранцевъ отъ службы, дѣлалъ исключеніе для главнаго штатгальтера. Такъ какъ онъ не могъ быть родомъ разомъ изъ всѣхъ семнадцати провинцій, то ему дозволялось не принадлежать ни одной изъ нихъ; изъ соперничества, брабантецъ не больше уступилъ бы фламандцу, живущему отъ него въ полмилѣ, чѣмъ сициліанцу, рожденному подъ другимъ небомъ, на другой землѣ. Но, казалось, выгоды самой короны требовали предпочтенія нидерландскаго гражданина. Рожденный брабантецъ, напримѣръ, которому отечество отдавалось бы съ безграничнымъ довѣріемъ, могъ, въ случаѣ измѣны, уже наполовину нанести ему смертельный ударъ, прежде чѣмъ иностранцу удалось бы подавить то недовѣріе, которое сопровождало бы малѣйшій его шагъ. Еслибы правительство провело свой планъ въ *одной* провинціи, сопротивленіе остальныхъ было бы дерзостью, за которую оно было бы вправѣ покарать строжайшимъ образомъ. Конституціи отдѣльныхъ провинцій какъ бы расплывались въ общемъ цѣломъ, которое онѣ составляли тогда; послушаніе одной изъ нихъ было закономъ для всѣхъ остальныхъ, и привилегія, которой не съумѣла соблюсти *одна* провинція, погибала для всѣхъ остальныхъ.

Изъ всѣхъ нидерландскихъ вельможъ, могшихъ притязать на главное штатгальтерство, ожиданія и желанія націи дѣлились между графомъ Эгмонтомъ и принцемъ Оранскимъ: они были призваны къ этому посту одинаково благороднымъ происхожденіемъ, одинаковыми заслугами, одинаковою любовью народа. Высокое положеніе ставило обоихъ ближе всѣхъ къ престолу, и если

только взоры монарха искали достойнѣйшаго, они неизбѣжно должны были пасть на одного изъ нихъ. Такъ какъ впослѣдствіи намъ придется часто упоминать эти имена, то пора остановить на нихъ вниманіе читателя.

Вильгельмъ I, принцъ Оранскій, происходилъ изъ нѣмецкаго княжескаго дома Нассау, который процвѣталъ уже восемь вѣковъ, одно время боролся за первенство съ Австрійскимъ домомъ и далъ Германіи одного императора. Помимо богатыхъ земель въ Нидерландахъ, по которымъ онъ былъ гражданиномъ этого государства и рожденнымъ вассаломъ Испаніи, ему принадлежало еще во Франціи независимое княжество Оранское. Вильгельмъ родился въ 1533 г., въ Дилленбургѣ (въ Нассаускомъ графствѣ), отъ графини Штольбергъ. Его отецъ, графъ Нассаускій того же имени, принялъ протестантизмъ, въ которомъ воспиталъ и своего сына; но Карлъ V, которому онъ понравился еще мальчикомъ, взялъ его очень молодымъ къ своему двору и воспитывалъ въ римской религіи. Провидя въ ребенкѣ будущаго великаго человѣка, онъ продержалъ его девять лѣтъ подлѣ себя, удостоилъ его собственнаго наставленія въ правительственныхъ дѣлахъ и почтилъ его довѣріемъ не по лѣтамъ: ему одному дозволялось быть при императорѣ, когда тотъ давалъ аудіенцію иностраннымъ посламъ,—знакъ, что уже мальчикомъ онъ заслуживалъ славное прозвище *Молчаливаго*. Императоръ, не краснѣя, признался даже однажды публично, что этотъ юноша нерѣдко предлагаетъ ему планы, которые ускользали отъ его собственной мудрости. Чего нельзя было ожидать отъ ума человѣка, воспитаннаго въ такой школѣ!

Вильгельму было двадцать три года, когда Карлъ отрекся отъ престола; онъ уже дважды получилъ отъ него публичное свидѣтельство высочайшаго уваженія. Монархъ далъ ему, въ отличіе отъ всѣхъ вельможъ своего двора, почетное порученіе отвезти императорскую корону своему брату Фердинанду. Когда герцогъ Савойскій, командовавшій императорскою арміей въ Нидерландахъ, былъ призванъ въ Италію собственными дѣлами, императоръ вручилъ ему начальство надъ этими войсками, вопреки представленіямъ всего своего военнаго совѣта, которому казалось слишкомъ опаснымъ противопоставить юношу опытнымъ полководцамъ Франціи. Въ его отсутствіе и безъ всякаго авторитетнаго указанія на него, монархъ предпочелъ его увѣнчанной лаврами толпѣ своихъ героевъ, и послѣдствія не заставили его раскаяться въ своемъ выборѣ.

Довольно было особенной милости, которою пользовался этотъ принцъ у отца, чтобы сынъ не довѣрялъ ему. Сверхъ того, Филиппъ, кажется, поставилъ себѣ закономъ отомстить нидерландской знати за то предпочтеніе передъ испанской, которымъ она пользовалась при Карлѣ V. Но важнѣе были тайныя побужденія, отклонявшія его отъ принца. Вильгельмъ Оранскій принадлежалъ къ тѣмъ тощимъ и блѣднымъ людямъ, какъ называлъ ихъ Цезарь, которые не спятъ по ночамъ и все думаютъ и передъ которыми отступали самые безстрашные мужи. Подъ спокойствіемъ всегда безстрастнаго лица скрывалась дѣятельная, пылкая душа, не колебавшая даже покрова, подъ которымъ она работала, недоступная ни хитрости, ни любви; разносторонняя, плодовитая, безустанная, достаточно мягкая и гибкая, чтобы вдругъ переливаться во всякія формы, она была достаточно опытна, чтобы нигдѣ не расплыться, и настолько крѣпка, что могла перенести всякія превратности счастья. Никто не умѣлъ такъ понимать людей и привлекать сердца, какъ Вильгельмъ. Не то, чтобы онъ, по придворному, холопствовалъ на словахъ, презираемыхъ гордымъ сердцемъ: онъ дѣйствовалъ тѣмъ, что не былъ ни скупъ, ни расточителенъ на знаки милости и уваженія; какъ умный хозяинъ, онъ, обязывая людей, только пріумножалъ дѣйствительный запасъ своихъ средствъ. Медленно зрѣла въ немъ мысль, но тѣмъ лучше были ея плоды; поздно являлось рѣшеніе, зато тѣмъ упорнѣе и непоколебимѣе было его исполненіе. Разъ онъ облюбовалъ планъ—уже никакое препятствіе не могло ослабить его, никакая случайность не могла разрушить его: все предвидѣлось имъ заранѣе. Насколько онъ стоялъ выше ужаса и радости, настолько же подчинялся страху; но страхъ у него предшествовалъ опасности: онъ былъ спокоенъ въ минуту схватки, потому что дрожалъ въ предшествовавшія ей минуты спокойствія. Вильгельмъ сорилъ деньгами, но, какъ скряга, дорожилъ каждою секундой. Обѣдъ былъ его единственнымъ отдыхомъ, и онъ весь принадлежалъ его сердцу, его семьѣ и друзьямъ: вотъ все, что онъ позволялъ себѣ урывать изъ своей службы отечеству! Здѣсь просвѣтлялся его лобъ за стаканомъ вина, подслащеннаго веселостью и воздер-

Вильгельмъ Оранскій.

По картинѣ Адріана Ванъ-деръ-Венне (1589—1662), гравировалъ Вилемъ Якобсъ Дельфъ (1582—1638).

жаніемъ; здѣсь заботы не омрачали юности его духа. Его домъ былъ роскошенъ; многочисленность слугъ, число и важность окружавшихъ его лицъ уподобляли его жилище двору владѣтельнаго князя. Широкое гостепріимство, это главное магическое средство демагоговъ, было божествомъ его дворца. Чужеземные принцы и посланники находили здѣсь пріемъ и угощеніе, которые были выше всего, что могла предложить имъ пышная Бельгія. Благоговѣйная покорность правительству останавливала порицаніе и подозрѣнія, которыя могла вызвать такая роскошь. Но эта расточительность поддерживала славу его имени у народа, которому больше всего льститъ это выставленіе сокровищъ отечества передъ чужеземцами; а высота счастья, на которой видѣли его, возвышала цѣну той ласковости, до которой нисходилъ онъ. Да, не было человѣка, который до такой степени былъ бы рожденъ для роли вождя заговора. Проницательный, твердый взглядъ, обращенный къ прошедшему, настоящему и будущему, быстрое уловленіе случая, власть надъ умами, громадные замыслы, которые охватишь лишь издали, смѣлыя соображенія, вьющіяся длинною цѣпью у подножія будущаго,—всѣ эти силы находились подъ надзоромъ просвѣщенной и свободомысленной добродѣтели, которая твердою стопой стоитъ даже на самомъ рубежѣ.

Такой человѣкъ могъ быть непостижимымъ для всего своего вѣка; но его понялъ великій сердцевѣдецъ, недовѣрчивый духъ своего времени, Филиппъ II: онъ быстро и глубоко проникъ въ характеръ, который, среди добронравныхъ, наиболѣе походилъ на него самого. Еслибы онъ не постигъ его въ совершенствѣ, было бы необъяснимо, какъ онъ не удостоилъ своимъ довѣріемъ человѣка, совмѣщавшаго въ себѣ почти всѣ тѣ качества, которыя цѣнились имъ больше всего. У Вильгельма была еще болѣе важная точка соприкосновенія съ Филиппомъ II: оба учились государственному искусству у одного и того же мастера, но можно было опасаться, что первый былъ болѣе способный ученикъ. Вильгельмъ ознакомился съ опаснымъ искусствомъ низвергать и возстановлять троны не изъ „Государя“ Макіавеля: онъ пользовался жизненными уроками монарха, руководившагося этою книгой. Филиппу приходилось вѣдаться съ противникомъ, который выходилъ во всеоружіи его собственнаго государственнаго искусства и, защищая добро, располагалъ также средствами зла. Послѣднее обстоятельство и объясняетъ намъ, почему изъ всѣхъ смертныхъ онъ ненавидѣлъ этого больше всего и боялся его такъ неестественно сильно.

Уже сложившееся недовѣріе къ принцу поддерживалось его двумысленнымъ отношеніемъ къ религіи. Вильгельмъ вѣрилъ въ папу, пока былъ въ живыхъ его благодѣтель, императоръ; но не безъ основанія опасались, что его сердце не было свободно отъ пристрастія, которое питалъ онъ въ юности къ реформированной религіи. Какую бы церковь онъ ни предпочиталъ въ разные періоды своей жизни, каждая изъ нихъ могла

Медаль съ изображеніемъ кардинала Гранвеллы.

(Берлинъ, Минцъ-Кабинетъ).

быть увѣрена, что онъ не принадлежалъ вполнѣ ни одной. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ перешелъ въ кальвинизмъ почти такъ-же легко, какъ въ раннемъ дѣтствѣ промѣнялъ католическую церковь на лютеранство. Онъ оборонялъ отъ испанской тиранніи не столько мнѣнія протестантовъ, сколько ихъ человѣческія права: онъ побратался съ ними изъ-за ихъ страданій, а не ради ихъ вѣры [1]).

Эти общіе поводы къ недовѣрію, казалось, оправдывались однимъ открытіемъ насчетъ его истиннаго образа мыслей, кото-

[1]) *Strada*, Dec. I, L. I, 24; L. III, 55—и слѣд.— *Grot.* Annal., L. I, стр. 7. *Reidan.*, L. III, 59. — *Meurs.* Guil. Auriac., t. I, 2 и слѣд. *Burg.*, 65, 66.

рое было доставлено случаемъ. Вильгельмъ остался во Франціи заложникомъ мира въ Шато-Камбрези, въ заключеніи котораго онъ принималъ личное участіе. По оплошности Генриха II, принявшаго одного изъ своихъ собесѣдниковъ за повѣреннаго Филиппа II, онъ узналъ о тайномъ планѣ французскаго и испанскаго дворовъ, направленныхъ противъ протестантовъ обоихъ королевствъ. Принцъ поспѣшилъ сообщить это важное открытіе своимъ брюссельскимъ друзьямъ, которыхъ оно касалось такъ близко; а письма, которыми онъ обмѣнялся по этому поводу, попали, къ несчастью, въ руки испанскаго короля [1]). Филиппъ не столько былъ пораженъ этимъ рѣшительнымъ свидѣтельствомъ образа мыслей Вильгельма, сколько разозлился на разрушеніе своего плана. Но испанскіе вельможи, еще не простившіе принцу той минуты, когда величайшій изъ императоровъ опирался на его плечи при послѣднемъ актѣ своей государственной жизни, не преминули воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы окончательно погубить предателя государственной тайны въ мнѣніи короля.

Не менѣе благороднаго происхожденія былъ *Ламораль*, графъ *Эгмонтъ* и принцъ Гаврскій, потомокъ тѣхъ герцоговъ Гельдернскихъ, которые притупляли оружіе Австрійскаго дома своимъ воинственнымъ духомъ. Его родъ блисталъ въ лѣтописяхъ страны; одинъ изъ его предковъ уже былъ, при Максиміліанѣ, намѣстникомъ Голландіи. Бракъ Эгмонта съ герцогиней баварской Сабиной придалъ ему еще больше блеска; его могущество возросло отъ важныхъ связей. Карлъ V посвятилъ его въ 1546 г., въ Утрехтѣ, въ рыцари Золотого Руна. Войны этого императора служили школой для его будущей славы; битвы при С. Кантенѣ и Гравелингенѣ дѣлали его героемъ вѣка. Каждое изъ благодѣяній мира, столь цѣнимыхъ работящими народами, освѣжало память ускорившихъ его побѣдъ; и гордость фламандцевъ, словно тщеславная мать, росла вмѣстѣ съ великолѣпнымъ сыномъ ихъ земли, вызывавшимъ удивленіе всей Европы. Девять дѣтей, разцвѣтавшихъ на глазахъ согражданъ, служили новою тѣсною связью между нимъ и отечествомъ; и всеобщая любовь къ нему отражалась во взорахъ самыхъ дорогихъ ему лицъ. Каждое появленіе Эгмонта на парадѣ было тріумфальнымъ шествіемъ; всякій устремленный на него взоръ повѣствовалъ объ его жизни; въ хвастливости его соратниковъ воскресали его подвиги; на рыцарскихъ играхъ матери указывали на него своимъ дѣтямъ.

Заслуги изящно украшались у него вѣжливостью, благородствомъ осанки, привѣтливостью—этими милыми добродѣтелями рыцарства. На его открытомъ челѣ отражалась свободная душа. Откровенность была такимъ же плохимъ стражемъ его тайнъ, какъ благотворительность — хозяйкой его имущества: каждая его мысль тотчасъ становилась всеобщимъ достояніемъ. Нѣжна, человѣчна была его религія, но она не отличалась особенной ясностью: она получала свой свѣтъ изъ его сердца, а не изъ разума. У Эгмонта было больше совѣсти, чѣмъ убѣжденій; его голова не сама создала кодексъ принциповъ, которымъ онъ слѣдовалъ, а заучила готовое; оттого онъ отвращался отъ извѣстныхъ поступковъ изъ-за одного ихъ названія. Въ его глазахъ, люди были злы или добры, но не знали ни зла, ни добра; въ его нравственномъ ученіи не было посредника между порокомъ и добродѣтелью; оттого нерѣдко какая-нибудь одна хорошая черта въ человѣкѣ подкупала его совсѣмъ. Въ Эгмонтѣ соединялись всѣ достоинства героя. Какъ воинъ, онъ былъ выше Оранскаго, но стоялъ далеко ниже его, какъ государственный мужъ; тотъ видѣлъ свѣтъ такимъ, какъ онъ былъ на дѣлѣ, этому онъ представлялся пріукрашеннымъ, въ магическомъ зеркалѣ фантазіи. Люди, ошеломляемые наградой счастья, для которой они не видятъ оправданій въ своихъ дѣлахъ, легко подвергаются соблазну вообще забывать необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій и замѣшивать въ естественный ходъ вещей ту высшую чудесную силу, которой они, наконецъ, безумно ввѣряются, какъ Цезарь своей звѣздѣ. Таковъ былъ Эгмонтъ. Опьяненный отъ признанія заслугъ, преувеличиваемыхъ благодарными людьми, утопалъ онъ въ этомъ сладкомъ сознаніи, какъ въ пріятныхъ сновидѣніяхъ. Онъ ничего не боялся, довѣряясь такому невѣрному залогу судьбы, какъ всеобщая любовь, и вѣрилъ въ справедливость, потому что самъ былъ счастливъ. Даже потомъ, познавъ ужаснымъ опытомъ испанское вѣроломство, онъ не могъ разстаться съ этой довѣрчивостью; на эшафотѣ его послѣднимъ чувствомъ была надежда. Нѣжный страхъ

[1]) *Strada*, Dec. I, L. III, 56. - *Thuan.*, I, 1010. — *Reid.* L. I, 2.

за свою семью сковывалъ его отчизнолюбіе мелкими заботами. Дрожа за свое достояніе и жизнь, онъ не могъ идти на большой рискъ для республики. Вильгельмъ Оранскій разорвалъ съ тономъ, такъ какъ произволъ возмущалъ его гордость; Эгмонтъ былъ тщеславенъ и потому цѣплялся за монаршія милости. Тотъ былъ гражданиномъ всего міра, этотъ всегда оставался фламандцемъ [1]).

Филиппъ II состоялъ еще въ долгу у побѣдителя при С. Кантенѣ, и главное намѣстничество въ Нидерландахъ, казалось, было единственною наградой, достойною столь блестящихъ заслугъ. Родовитость и значеніе, голосъ націи и личныя дарованія говорили одинаково и за Эгмонта, и за Оранскаго, и если обойти послѣдняго, то это могло быть только въ пользу перваго.

Два соперника столь равныхъ заслугъ поставили бы Филиппа втупикъ, еслибы онъ думалъ выбрать одного изъ нихъ. Но они не годились, именно въ силу достоинствъ, на которыхъ опирались ихъ права; а горячее желаніе успѣха имъ со стороны націи окончательно губило ихъ шансы. Филиппъ не могъ допустить въ Нидерландахъ штатгальтера, въ распоряженіи котораго находились бы добрая воля и силы народа. По своему происхожденію отъ гельдернскихъ герцоговъ, Эгмонтъ былъ рожденнымъ врагомъ испанскаго дома; казалось опаснымъ вручить высшую власть человѣку, которому могло придти въ голову отомстить на сынѣ угнетенія отца. Устраненіе любимцевъ націи, казалось, не должно было оскорбить ни ее, ни ихъ самихъ: король заявилъ, что избѣгаетъ ихъ обоихъ лишь потому, что не можетъ предпочесть одного другому [1]).

Однако неудача въ разсчетахъ на регентство не вполнѣ отняла у Оранскаго надежду на упроченіе своего вліянія въ Нидерландахъ. Въ числѣ другихъ кандидатовъ на эту должность находилась герцогиня лотарингская и тетка короля, Христина, оказавшая престолу блестящую услугу, какъ посредница при заключеніи мира въ Шато-Камбрези. Вильгельмъ разсчитывалъ на ея дочь, которую надѣялся уговорить горячо ходатайствовать за мать; но онъ не сообразилъ, что этимъ то и губилъ ея дѣло. Герцогиня Христина была отвергнута, и не потому (какъ было заявлено), что зависимость ея земель отъ Франціи дѣлала ее подозрительной въ глазахъ испанскаго двора, а потому, что она была люба нидерландскому народу и принцу Оранскому [2]).

[1]) *Grot.* Annal., L. I. 7. – *Strada*, L. 1, 23 и L. III, 84.

[1]) *Strada*, Dec. I. L. I., 24. *Grot.* Annal., 12.
[2]) *Burgund.* L. I, 23 и слѣд. — *Strada.* Dec. I L. I, 24—25.

Маргарита Пармская, штатгальтерша Нидерландовъ.

Между тѣмъ какъ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ гадали о томъ, кто будетъ распоряжаться судьбой провинцій, на границѣ появилась герцогиня *Маргарита Пармская*, призванная королемъ изъ далекой Италіи управлять Нидерландами.

Маргарита была незаконная дочь Карла V и нидерландки Вангестъ, рожденная въ 1522 г. Чтобы не срамить ея дома, ее воспитывали сначала тайкомъ; но ея мать, болѣе тщеславная, чѣмъ честолюбивая, не очень-то заботилась о сокрытіи ея настоящаго происхожденія — и царское воспитаніе выдавало званіе дочери короля. Она еще ребенкомъ была сдана на руки двоюродной бабушки, штатгальтерши Маргариты, проживавшей въ Брюсселѣ; но уже семи лѣтъ она потеряла свою воспитательницу, роль которой перешла къ преемницѣ послѣдней, венгерской королевѣ Маріи, сестрѣ императора. Ей не было и четырехъ лѣтъ, когда отецъ просваталъ ее за одного изъ феррарскихъ принцевъ. Но впослѣдствіи эти узы были разорваны: Маргариту предназначили въ супруги новому герцогу Флоренціи, Александру Медичи, и этотъ бракъ состоялся, по возвращеніи побѣдоноснаго императора изъ Африки въ Неаполь. Но не прошло и года несчастнаго супружества (мужъ не любилъ ее), какъ насильственная смерть похитила Александра,— и отецъ въ третій разъ торговалъ ея рукой въ интересахъ своей политики. Октавій Фарнезе, 13-лѣтній принцъ и родственникъ Павла III, получилъ, вмѣстѣ съ ней, герцогства Парму и Пьяченцу; по странной игрѣ судьбы, совершеннолѣтняя Маргарита стала женой ребенка, какъ прежде, сама дитя, она была продана взрослому человѣку. Ея вовсе не женская натура дѣлала эту послѣднюю связь еще болѣе неестественной: она обладала наклонностями мужчины; весь ея образъ жизни былъ насмѣшкой надъ ея поломъ. Она страстно любила охоту, подобно своей воспитательницѣ и прабабкѣ герцогинѣ Маріи Бургундской, которая и умерла отъ этой забавы; она закалила тутъ свое тѣло до того, что могла не хуже мужчины выдерживать всѣ тягости такой жизни. Въ самой ея поступи было такъ мало женской граціи, что ее можно было почесть скорѣе переодѣтымъ мужчиной, чѣмъ мужеподобной женщиной. Природа, которую она оскорбляла такимъ пренебреженіемъ границъ, отомстила ей, наконецъ, мужскою болѣзнью—подагрой. Столь странныя качества довершались грубой монашеской вѣрой; честь насажденія ея въ этой душѣ принадлежала духовнику и учителю Маргариты, *Игнатію Лойолѣ*. Среди добрыхъ дѣлъ и подвиговъ покаянія, которыми разнообразилось ея тщеславіе, замѣчательнѣе всего было одно: каждый годъ, на Страстной седмицѣ, она собирала извѣстное число нищихъ, которымъ строго запрещалось обчиститься, собственноручно мыла имъ ноги, служила имъ за столомъ, какъ прислуга, и отпускала съ дорогими подарками.

Уже этой послѣдней черты было достаточно, чтобы понять, почему король предпочелъ Маргариту всѣмъ другимъ соперникамъ; но его предпочтеніе оправдывалось

Маргарита Пармская.
Современная гравюра.

и лучшими побужденіями—государственною пользой. Маргарита родилась и воспитывалась въ Нидерландахъ. Она провела первую юность среди этого народа и многое усвоила изъ его нравовъ. Двѣ штатгальтерши, на глазахъ которыхъ возросла она, постепенно посвятили ее въ тайны наилучшаго управленія этимъ своеобразнымъ народомъ и могли тутъ служить ей образцомъ. У нея не было недостатка въ умѣ и въ особой склонности къ дѣламъ, которую она заимствовала у своихъ воспитательницъ и развила въ итальянской школѣ. Нидерланды уже давно привыкли къ женскому правленію; быть можетъ, Филиппъ надѣялся даже, что женская рука мягче будетъ работать ножомъ той тиранніи, которую онъ хотѣлъ теперь употребить противъ нихъ. Говорятъ, на этотъ выборъ короля повліяло и извѣстное вниманіе къ отцу, который еще былъ живъ и очень благоволилъ къ этой дочери. Вѣроятно также, что Филиппъ хотѣлъ такимъ предпочтеніемъ къ женѣ привязать къ себѣ мужа, герцога пармскаго, которому именно тогда онъ отказалъ въ одной просьбѣ. Вручать Маргаритѣ высшую власть не представляло опасности: ея земли были окружены итальянскими государствами испанцевъ и всегда доступны ихъ оружію. Для окончательной безопасности, ея сынъ, *Александръ Фарнезскій*, оставался заложникомъ при мадридскомъ дворѣ. Всѣхъ этихъ при-

чинъ было достаточно, чтобы склонить короля на сторону Маргариты; онѣ возобладали, когда ее поддержали епископъ Аррасскій и герцогъ Альба. Послѣдній, кажется, руководился ненавистью и завистью ко всѣмъ остальнымъ кандидатамъ; первый же, вѣроятно, уже тогда предчувствовалъ то великое удовлетвореніе своему властолюбію, за которое ручался непостоянный нравъ этой принцессы [1]).

Филиппъ встрѣтилъ новую регентшу на границѣ, окруженный блестящею свитой, и, при роскошномъ церемоніалѣ, привезъ ее въ Гентъ, гдѣ были собраны генеральные штаты. Такъ какъ онъ не думалъ скоро воротиться въ Нидерланды, то, прежде чѣмъ совсѣмъ покинуть ихъ, ему вздумалось удовлетворить націю торжественнымъ сеймомъ и придать своимъ распоряженіямъ больше святости и законной силы. Тутъ онъ въ послѣдній разъ показался своимъ нидерландцамъ, которые затѣмъ должны были ожидать своей судьбы изъ таинственной дали. Чтобы возвысить блескъ этого торжественнаго дня, посвятилъ онъ одиннадцать новыхъ рыцарей Золотого Руна, посадилъ свою сестру на креслѣ, подлѣ себя, и показалъ ее націи, какъ ея будущую властительницу. На этомъ сеймѣ поднялись всѣ жалобы народа—и на указы о вѣрѣ съ инквизиціей, и на удержаніе испанскихъ войскъ, и на тяжелыя подати, и на противозаконное допущеніе чужеземцевъ къ мѣстнымъ должностямъ. Онѣ обсуждались упорно съ обѣихъ сторонъ; однѣ были хитро отклонены или устранены лишь по видимости, другія—отвергнуты властительно. Не владѣя языкомъ страны, король говорилъ съ націей устами епископа Аррасскаго; онъ хвастливо высчитывалъ всѣ благодѣянія своего правленія, увѣрялъ въ благоволеніи на будущее и еще разъ строжайше внушалъ чинамъ соблюдать католическую вѣру, искоренять еретичество. Онъ обѣщалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ освободить страну отъ испанскихъ войскъ: дайте ему только время оправиться отъ массы затратъ на послѣднюю войну и уплатить этимъ войскамъ недоданное жалованье. Мѣстные законы будутъ-де неприкосновенны, налоги не будутъ превышать силъ народа, а инквизиція станетъ отправлять свои обязанности справедливо и умѣренно. Король прибавилъ, что при выборѣ штатгальтерши онъ руководился, главнымъ образомъ, желаніями націи и остановился на туземкѣ, посвященной въ ея нравы и обычаи, любящей свое отечество. А потому онъ увѣщевалъ нидерландцевъ почтить его выборъ благодарностью и повиноваться герцогинѣ, его сестрѣ, какъ ему самому. Въ заключеніе, Филиппъ сказалъ, что, въ случаѣ, если неожиданныя препятствія помѣшаютъ его возвращенію, онъ обѣщаетъ прислать, вмѣсто себя, своего сына, принца Карла, который будетъ пребывать въ Брюсселѣ [1]).

Нѣкоторые изъ болѣе мужественныхъ членовъ собранія отважились сдѣлать еще попытку въ пользу свободы совѣсти. По ихъ мнѣнію, съ каждымъ народомъ нужно обходиться согласно съ его національнымъ характеромъ, какъ съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ слѣдуетъ принимать въ разсчетъ его тѣлесное сложеніе. Такъ югъ можно считать еще счастливымъ при нѣкоторомъ угнетеніи, которое было бы невыносимо для сѣвера. Прибавляли, что фландрцы никогда не согласятся на иго, которому, пожалуй, подчинились бы испанцы, и скорѣе пойдутъ на все, если только вздумаютъ наложить его на нихъ. Эти представленія поддерживались также нѣкоторыми совѣтниками короля, которые серьезно настаивали на смягченіи упомянутыхъ страшныхъ указовъ о вѣрѣ. Но Филиппъ остался неумолимымъ. Онъ отвѣчалъ, что лучше вовсе не царствовать, чѣмъ управлять еретиками [2]).

По распоряженію, сдѣланному еще Карломъ V, при главной штатгальтершѣ были учреждены три совѣта или палаты, которые участвовали въ управленіи государственными дѣлами. Пока Филиппъ самъ находился въ Нидерландахъ, власть этихъ трехъ судилищъ сильно сократилась, а первое изъ нихъ, государственный совѣтъ, почти совсѣмъ замолкъ. Теперь же, когда онъ выпустилъ изъ рукъ кормило правленія, они пріобрѣли прежнее значеніе. Въ государственномъ совѣтѣ, которому подлежали вопросы о войнѣ и мирѣ и внѣшняя безопасность, засѣдали: епископъ Аррасскій, принцъ Оранскій, графъ Эгмонтъ, президентъ тайнаго совѣта Вигліусъ изъ Зюйхема, Аитта и президентъ финансоваго со-

[1]) *Burgund*, L. I, 23 и слѣд.—*Strada* Dec. I, L. I, 24 30.—*Meteren*, II, 61. *Recueil et Mémorial des Troubles des Pays bas* (autore Hoppero), t. II.—*Vita Vigl.*, 18—19.

[1]) *Burg*, L, I, 34,—37. *Allg. Gesch d. ver. Niderl.*, III, 25 26 *Strada*, L, I, 2

[2]) *Bentivogl* L. I. 10.

вѣта графъ Барлемонъ. Всѣ рыцари Золотого Руна, всѣ члены тайнаго и финансоваго совѣтовъ, а также члены великаго сената въ Мехельнѣ, который уже при Карлѣ V былъ подчиненъ брюссельскому тайному совѣту, пользовались мѣстомъ и голосомъ въ государственномъ совѣтѣ, если главная штатгальтерша приглашала ихъ сюда особо. Управленіе королевскими доходами и дворцовыми имѣніями принадлежало финансовому совѣту; а тайный совѣтъ завѣдывалъ судами и гражданскимъ порядкомъ въ странѣ, а также изготовлялъ жалованныя и льготныя грамоты. Незанятыя должности намѣстниковъ провинцій были или вновь замѣщены, или отданы прежнимъ лицамъ. Графъ Эгмонтъ получилъ Фландрію и Артуа, принцъ Оранскій—Голландію, Зеландію, Утрехтъ и Западную Фрисландію, графъ Аремберга—Восточную Фрисландію, Обериссель и Гренингенъ, графъ Мансфельдъ — Люксембургъ, Барлемонъ—Намюръ, маркизъ Бергенъ—Геннегау, Шато-Камбрези и Валансьенъ, баронъ Монтиньи—Турнэ съ его областью. Остальныя провинціи были розданы лицамъ, менѣе заслуживающимъ нашего вниманія. Намѣстничество въ Гельдернѣ и Цютфенѣ было поручено графу Мегену, когда Филиппъ Монморанси, графъ Горнъ, былъ утвержденъ адмираломъ нидерландскаго флота. Каждый намѣстникъ провинціи былъ въ то же время рыцаремъ Руна и членомъ государственнаго совѣта. Каждый, въ своей провинціи, начальствовалъ мѣстными войсками и надзиралъ за гражданскимъ управленіемъ и судами; только во Фландріи намѣстникъ не могъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Одинъ только Брабантъ непосредственно былъ подчиненъ главной намѣстницѣ, которая, согласно обычаю, избрала Брюссель своимъ мѣстопребываніемъ. Назначеніе принца Оранскаго на намѣстническіе посты было собственно противно конституціи страны: онъ былъ иностранецъ. Но это уравновѣшивалось тѣмъ, что онъ частью самъ владѣлъ нѣкоторыми разбросанными въ провинціяхъ землицами, частью управлялъ, какъ опекунъ, землями своего сына. Сверхъ того, онъ долго жилъ въ странѣ. А главное—онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ націи [1]).

Національное войско нидерландцевъ, въ его полномъ составѣ, представляло собой 3.000 коней; тогда же въ немъ числилось немного больше 2.000, и оно было раздѣлено на 14 эскадроновъ, которыми начальствовали, помимо намѣстниковъ провинцій, герцогъ Аршотъ, графы Гогстратенъ, Боссю, Ре (Roeux) и Бредероде. Эта конница, разбросанная по всѣмъ семнадцати провинціямъ, должна была стоять наготовѣ для быстрыхъ дѣйствій; недостаточная для крупныхъ предпріятій, она предназначалась къ поддержанію внутренняго спокойствія страны. То были люди испытаннаго мужества прошлыя войны разнесли славу ихъ храбрости по всей Европѣ [1]). Еще слѣдовало набрать пѣхоту; но штаты до сихъ поръ не соглашались на это. Изъ иностранныхъ войскъ находилось лишь нѣсколько нѣмецкихъ полковъ, ожидавшихъ уплаты жалованья. 4.000 испанцевъ, вызывавшихъ столько нареканій, находились подъ начальствомъ двухъ испанцевъ, Мендозы и Ромеро, и стояли гарнизонами въ пограничныхъ городахъ. Изъ всѣхъ нидерландскихъ вельможъ, особенно предпочтенныхъ королемъ при всѣхъ этихъ назначеніяхъ, важнѣе всѣхъ были графъ Эгмонтъ и Вильгельмъ Оранскій. Какъ ни глубоко ненавидѣлъ ихъ Филиппъ уже тогда, особенно послѣдняго, онъ далъ имъ эти публичныя доказательства своей милости: его месть еще не созрѣла, а народъ почиталъ ихъ до безумія. Ихъ имѣнія были освобождены отъ налоговъ [2]); имъ самимъ были вручены самыя доходныя намѣстничества. Король надѣялся даже высказать имъ довѣріе, котораго самъ вовсе не питалъ, предложивъ имъ начальство надъ остававшимися испанцами. Но именно въ ту минуту, когда онъ оказывалъ принцу публично такое почтеніе, ему удалось тайно нанести ему чувствительное оскорбленіе. Опасаясь, какъ бы соединеніе съ важнымъ Лотарингскимъ домомъ не вовлекло этого подозрительнаго вассала въ болѣе смѣлыя предпріятія, Филиппъ помѣшалъ браку, налаженному между нимъ и одной принцессой этого дома, и тѣмъ разрушилъ его надежду, которая была такъ близка къ осуществленію; принцъ никогда не могъ забыть этой обиды [3]). Однажды ненависть возобладала даже надъ прирожденнымъ коварствомъ короля; она довела его до шага, въ которомъ

[1]) *Meteren*, I Band, I Buch. 48.—*Burgund*, L. I, p. 7, 25, 30, 34. - *Strada*, L. I, 20 и слѣд.—*Allg. Gesch. d. ver. Niederl.*, III, 21.

[1]) *Burgund*. L. 1, 26.—*Strada* E. I, 21 и слѣд. - *Hopper*, 18 и слѣд. - *Thuan*. II, 489.

[2]) Та же милость была оказана графу Горну. *Allg. Gesch. d. ver. Niederl.*, III, 8.

[3]) *Watson*, I, 137.

нельзя было узнать его. Когда Филиппъ II садился на корабль во Флиссингенѣ, и мѣстные вельможи окружили его на берегу, онъ забылся до того, что грубо принялъ принца и началъ публично обвинять его, какъ зачинщика волненій во Фландріи. Принцъ отвѣчалъ сдержанно, что не случилось ничего такого, чего штаты не совершили бы по собственному почину и согласно съ законными побужденіями. „Нѣтъ,—воскликнулъ Филиппъ, схвативъ его за руку и сильно потрясая ею,—нѣтъ! Не штаты, а вы, вы, вы!“ Принцъ смолчалъ. Не дожидаясь отплытія корабля, онъ пожелалъ королю счастливаго пути и возвратился въ городъ[1]). Такъ личныя причины довели до крайности то ожесточеніе противъ палача свободнаго народа, которое уже давно таилось въ груди Вильгельма, и благодаря этому двойному вызову, созрѣло, наконецъ, великое предпріятіе, выхватившее у испанской короны семь драгоцѣннѣйшихъ камней.

Филиппъ не мало отступилъ отъ своего истиннаго нрава, оставляя Нидерланды еще такъ милостиво. Законная форма сейма, готовность удалить своихъ испанцевъ, порученіе главныхъ должностей любимцамъ народа, наконецъ, такая жертва въ пользу конституціи, какъ удаленіе графа Феріи изъ государственнаго совѣта, все это были знаки вниманія, до которыхъ потомъ уже не снисходило его великодушіе. Но въ ту минуту онъ нуждался болѣе, чѣмъ когда-либо, въ расположеніи штатовъ, чтобы, съ ихъ помощью, насколько возможно погасить долги, лежавшіе на Нидерландахъ отъ прежнихъ войнъ. Къ тому же онъ, пожалуй, надѣялся этими маленькими жертвами снискать у нихъ согласіе на свои важныя превышенія власти. Свое разставанье съ ними король ознаменовалъ милостью: онъ зналъ, какія руки будутъ приводить ее въ исполненіе. Страшные смертные приговоры, замышленные для этого несчастнаго народа, не должны были омрачать блеска величества, которое какъ божество, обозначаетъ свой путь одними благодѣяніями. Эта ужасная слава предоставлялась его намѣстникамъ. А учрежденіе государственнаго совѣта больше льстило самолюбію нидерландскаго дворянства, чѣмъ давало ему дѣйствительное вліяніе. Историкъ Страда, лучше всѣхъ знавшій все, что касается главной штатгальтерши, изъ ея собственныхъ бумагъ, сохранилъ намъ одну статью изъ тайныхъ наказовъ, данныхъ ей испанскимъ министерствомъ [1]) Тамъ сказано, что если она замѣтитъ, что совѣтники раздѣляются на партіи или, Боже упаси, частно совѣщаются передъ засѣданіемъ и сговариваются между собой, она должна закрыть все собраніе и самолично рѣшить спорные вопросы въ тѣсномъ комитетѣ. Въ этомъ комитетѣ, названномъ *консультой*, засѣдали епископъ Аррасскій, президентъ Вигліусъ и графъ Барлемонъ. Такъ же должна поступать она въ случаѣ, если не терпящія отлагательства дѣла потребуютъ быстраго рѣшенія. Не будь это новое учрежденіе дѣломъ произвола и деспотизма, самая разумная политика, пожалуй, оправдала бы его; его стерпѣла бы, быть можетъ сама республиканская свобода. Въ большихъ собраніяхъ сталкивается много частныхъ интересовъ и страстей; масса слушателей страшно возбуждаетъ тщеславіе и честолюбіе оратора; партіи нерѣдко нападаютъ другъ на друга съ необузданной яростью; тутъ рѣдко рѣшеніе постановляется съ такой разсудительностью и зрѣлостью, какъ въ тѣсномъ кругу, если онъ хорошо подобранъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что при многолюдности преобладаютъ ограниченныя головы, которыя, въ силу равноправія голосовъ, нерѣдко направляютъ дѣла на менѣе разумный путь. Другое правило, которому должна была слѣдовать штатгальтерша, было таково: если извѣстное распоряженіе прошло вопреки желанію нѣкоторыхъ членовъ совѣта, настойчиво требовать отъ послѣднихъ, чтобы они такъ же охотно исполняли его, какъ его самые ревностные защитники. Такимъ образомъ, штатгальтерша не только маскировала бы передъ народомъ изобрѣтателя такого закона, но еще мѣшала бы частнымъ распрямъ между членами и ввела бы больше свободы въ голосованіе [2]).

При всѣхъ этихъ стараніяхъ, Филиппъ не могъ бы покинуть Нидерланды спокойно, если бы руководство государственнымъ совѣтомъ и обезпеченіе послушанія провинцій находились въ рукахъ подозрительнаго дворянства; чтобы обезопасить себя и съ этой стороны, а также и заручиться на счетъ штатгальтерши, онъ подчинилъ ее самое, а съ нею—и всѣ государственныя дѣла высшему надзору епископа Аррасскаго, который одинъ могъ служить достаточнымъ ору-

[1]) *Vie et Généalogie de Guillaume , Prince d'Orange.*

[1]) *Strada*, L. II, 49; L: I, 31.
[2]) *Strada*, Dec. I, L. 1, 31.

PIVS·IIII·PONT·OPT·MAX

Папа Пій IV.

Современная гравюра Николая Беатризета (1515—1560).

діемъ противъ самаго страшнаго заговора. Герцогиня должна была смотрѣть на него, какъ на непогрѣшимый оракулъ его величества, а онъ былъ самымъ бдительнымъ и строгимъ надсмотрщикомъ за ея управленіемъ. Тогда изъ всѣхъ смертныхъ, казалось, одинъ Гранвелла избѣжалъ подозрительности Филиппа II: пока тотъ былъ въ Брюсселѣ, этотъ могъ спать въ Сеговіи. Король покинулъ Нидерланды въ сентябрѣ 1559 года. Буря потопила его флотъ, а онъ невредимо сошелъ на берегъ у Ляредо, въ Бискаіи; его мрачная радость излилась въ отвратительномъ обѣтѣ Спасителю. Опасное кормило правленія въ Нидерландахъ было вручено священнику и женщинѣ, а трусливый тиранъ улизнулъ въ свою молельню, въ Мадридѣ, отъ просьбъ, жалобъ и проклятій своего народа [1]).

[1]) *Allg. Gesch. d. ver. Niederl.* III, 27—28.

КНИГА ВТОРАЯ.

Кардиналъ Гранвелла.

Антонъ Перено, епископъ Аррасскій, впослѣдствіи архіепископъ Мехельнскій и митрополитъ всѣхъ Нидерландовъ, увѣковѣченный ненавистью современниковъ подъ именемъ *кардинала Гранвеллы*, родился въ 1516 году, въ Безансонѣ, въ Бургундскомъ графствѣ. Его отецъ, Николай Перено, сынъ кузнеца, собственными заслугами возвысился до званія тайнаго секретаря герцогини Маргариты Савойской, тогдашней регентши Нидерландовъ. Здѣсь онъ сталъ извѣстенъ, какъ способный человѣкъ, Карлу V, который взялъ его къ себѣ на службу и пользовался имъ при самыхъ важныхъ переговорахъ. Двадцать лѣтъ работалъ онъ въ кабинетѣ императора, занималъ должности его тайнаго совѣтника и хранителя печати, былъ посвященъ во всѣ государственныя тайны этого монарха и пріобрѣлъ большое состояніе [1]). Званія, вліяніе, государственное искусство отца перешли къ сыну, Антону Перено, который смолоду выказалъ большія способности, открывшія ему потомъ столь славное поприще. Въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ развилъ Антонъ таланты, которыми одарила его природа, и пошелъ дальше отца. Скоро оказалось, что онъ собственными силами можетъ держаться на мѣстѣ, которое досталось ему за чужія заслуги. Ему было 24 года, когда императоръ послалъ его своимъ уполномоченнымъ на тридентскій соборъ; здѣсь-то онъ впервые проявилъ то краснорѣчіе, которое потомъ давало ему такую власть надъ двумя королями [1]). Карлъ употреблялъ его еще въ разныхъ затруднительныхъ посольствахъ, осыпая его похвалами; а когда онъ передавалъ сыну скипетръ, этотъ дорогой подарокъ былъ поднесенъ наслѣднику тѣмъ самымъ министромъ, который помогалъ ему справиться съ нимъ.

Гранвелла началъ новое поприще съ самого блестящаго проявленія своего политическаго таланта: онъ легко перешелъ отъ милостей такого отца къ благоволенію такого сына. Вскорѣ ему удалось дѣйствительно заслужить послѣднее. Въ 1558 году, въ Перонннѣ, происходили тайные переговоры между французскими и испанскими министрами, при посредствѣ герцогини Лотарингской. Тутъ Гранвелла составилъ, съ кардиналомъ Лотарингскимъ, планъ заговора противъ протестантовъ, который созрѣлъ въ Шато-Камбрези, гдѣ онъ также

[1]) *Meteren*, 60. *Strada*, 47.

[1]) *Allg. Gesch. d. ver. Niederl.*, II, 526.

помогалъ заключенію мира. Но тамъ же этотъ заговоръ и былъ преданъ.

Въ этомъ человѣкѣ дивно соединялись разнообразныя свойства—проницательный, многообъемлющій умъ, рѣдкая легкость въ веденіи крупныхъ запутанныхъ дѣлъ, обширнѣйшая ученость, а рядомъ—выносливое прилежаніе съ неистощимымъ терпѣніемъ и самый предпріимчивый духъ съ машинообразной аккуратностью. Дни и ночи этотъ трезвый, безсонный человѣкъ могъ проводить за государственными дѣлами; онъ соображалъ съ равно добросовѣстной тщательностью и важное, и пустяки. Нерѣдко на него работали разомъ пять секретарей, прибѣгая къ различнымъ языкамъ; самъ онъ, утверждали, говорилъ на семи. Все, медленно выработанное испытующимъ умомъ, принимало въ его устахъ силу и прелесть, и истина, опираясь на могучій даръ убѣжденія, неудержимо увлекала всякаго слушателя. Его преданность была неподкупна: его не искушала никакая страсть, ставящая человѣка въ зависимость отъ другихъ. Съ удивительной проницательностью вникалъ онъ въ душу своего господина и часто по одному виду схватывалъ весь ходъ его мыслей, словно отбрасываемая впередъ тѣнь указывала ему на приближающійся предметъ. Съ облегчающимъ искусствомъ шелъ онъ навстрѣчу этой лѣнивой головѣ, придавалъ видъ законченной мысли безформенному намеку на его губахъ, а затѣмъ великодушно предоставлялъ ему славу изобрѣтенія. Гранвелла понималъ трудное и столь полезное искусство стушевываться самому, закрѣпощаться чужой душѣ. Такъ онъ властвовалъ, скрывая свою власть,—и только такъ можно было властвовать надъ Филиппомъ II. Довольный незамѣтной, но дѣйствительной властью, онъ не стремился ненасытно къ ея новымъ знакамъ, какъ мелкія душонки; но всякій новый санъ шелъ къ нему, словно онъ всегда былъ при немъ. Немудрено, что столь необычайныя качества снискали ему милость господина; но онъ былъ и необходимъ королю, благодаря той сокровищницѣ политическихъ тайнъ и опыта, которую скопилъ Карлъ V въ свою богатую событіями жизнь и завѣщалъ ему. Какъ ни довѣрялъ самодовольный Филиппъ собственному уму, этому боязливо крадущемуся политику было необходимо найти опору въ сильной личности, чтобы помочь авторитетностью и живымъ примѣромъ собственной нерѣшительности. Ни одно политическое событіе, ни одно дѣло королевскаго дома не обходилось безъ Гранвеллы, пока Филиппъ пребывалъ въ Нидерландахъ; а когда король отправился въ Испанію, онъ сдѣлалъ новой штатгальтершѣ, въ лицѣ этого министра, такой же подарокъ, какой получилъ самъ отъ своего отца, императора.

Деспотичные государи одаряютъ своимъ довѣріемъ собственныя созданія, вытащенныя изъ грязи: это—дѣло обыкновенное. Но побѣдить замкнутое себялюбіе такого человѣка, какъ Филиппъ, до того, что оно смѣнилось довѣріемъ и даже задушевностью – для этого требовались превосходныя дарованія. Малѣйшее поползновеніе предъявить права собственности на какую-нибудь мысль, которую король соблаговолилъ признать своею, стоило бы министру всего его вліянія. Онъ могъ предаваться низкимъ страстямъ—сладострастію, алчности, мстительности; но онъ долженъ былъ тщательно скрывать отъ подозрительныхъ взоровъ деспота единственную, одушевлявшую его страсть—сладкое сознаніе своего превосходства и силы. Онъ добровольно отказывался отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, чтобы вновь получать ихъ отъ великодушія короля, его счастье должно было проистекать только отсюда; больше никто на свѣтѣ не могъ разсчитывать на его благодарность. Онъ не надѣлъ присланнаго ему изъ Рима пурпура до тѣхъ поръ, пока не пришло на это королевское соизволеніе изъ Испаніи: повергнувъ его къ подножію престола, онъ какъ бы принялъ его изъ рукъ его величества [1]). Не столь ловкій государственный мужъ, герцогъ Альба создалъ лично себѣ тріумфъ въ Антверпенѣ и подписался подъ побѣдой, которую одержалъ, какъ орудіе короны;—и Альба сошелъ въ могилу съ немилостью своего владыки. Преступною рукой коснулся онъ правъ короны: онъ осмѣлился черпать прямо изъ источника безсмертія.

Трижды мѣнялъ Гранвелла господъ — и трижды добился высшей милости. Онъ такъ же легко игралъ щепетильнымъ тщеславіемъ женщины, какъ и достойной гордостью самодержца и жесткимъ эгоизмомъ деспота. Его сношенія съ регентшей происходили посредствомъ записочекъ, когда оба они жили даже въ одномъ домѣ,—обычай, бывшій въ употребленіи еще при Августѣ и Тиверіи. Когда штатгальтерша находилась въ затрудненіи, оба обмѣнивались съ министромъ записочками изъ часа въ часъ.

[1]) *Strada*, 65.

По всей вѣроятности, Гранвелла выбралъ этотъ путь съ тѣмъ, чтобы отводить глаза дворянамъ, ревность которыхъ росла: они не должны были знать всего его вліянія на регентшу. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ также крѣпче запечатлѣть свои совѣты въ умѣ послѣдней, а, если понадобится, оправдаться отъ обвиненій посредствомъ такихъ письменныхъ свидѣтельствъ. Однако эта предосторожность разбилась о бдительность дворянства: вскорѣ во всѣхъ провинціяхъ было извѣстно, что ничего не дѣлается безъ министра.

У Гранвеллы были всѣ качества настоящаго государственнаго мужа для монархій, близкихъ къ деспотизму; но онъ вовсе не годился для республикъ, во главѣ которыхъ стоятъ короли. Воспитанный между престоломъ и исповѣдальней, онъ не понималъ иныхъ отношеній между людьми, кромѣ властительства и покорности; а присущее ему чувство собственнаго превосходства внушало ему презрѣніе къ людямъ. Его государственному искусству недоставало гибкости—единственной добродѣтели, которая тутъ-то и требовалась. Онъ былъ надменъ и наглъ; королевскія полномочія подымали въ немъ прирожденную рѣзкость и страсти его духовнаго званія. Онъ прикрывалъ интересами короны свое собственное честолюбіе и старался довести разладъ между націей и королемъ до разрыва: вѣдь, тогда монархъ не могъ бы обойтись безъ него. Гранвелла вымещалъ на дворянствѣ свое низкое происхожденіе; какъ всѣ, завоевавшіе счастье собственными заслугами, онъ ставилъ преимущества рожденія ниже тѣхъ, которыхъ достигъ самъ. Протестанты видѣли въ немъ своего непримиримаго врага. Всѣ тягости, обременявшія страну, приписывались ему, и онѣ ощущались тѣмъ мучительнѣе, что проистекали отъ него. Мало того, его обвиняли въ томъ, что онъ разрушилъ то болѣе мягкое отношеніе, которое было, наконецъ, вынуждено у монарха настойчивыми просьбами штатовъ. Нидерланды проклинали его, какъ самаго страшнаго врага своей свободы и перваго виновника того бѣдствія, которое потомъ обрушилось на нихъ [1]).

1559 годъ. Было очевидно, что Филиппъ слишкомъ рано покинулъ Нидерланды. Новыя мѣры правительства были еще слишкомъ чужды этому народу, — только благодаря ему, онѣ могли получить освященіе и силу. Требовалось страшно крѣпкою рукой двигать машины, пущенныя имъ въ ходъ, выждать ихъ первыхъ дѣйствій, утвердить ихъ, на первыхъ порахъ, торжественностью. А Филиппъ выставилъ своего министра противъ всѣхъ страстей, которыя вдругъ почувствовали себя свободными отъ монаршаго присутствія; онъ передалъ въ слабыя руки подданнаго положеніе, котораго не вынесло бы само королевское величество, со всѣми его могучими опорами.

Правда, страна процвѣтала; всеобщій достатокъ, повидимому, свидѣтельствовалъ о благахъ мира, котораго она только что удостоилась. Внѣшнее спокойствіе обманывало глазъ; но оно было лишь показное; въ сокровенныхъ нѣдрахъ націи пылалъ страшный раздоръ. Когда въ данной землѣ пошатнулась религія, дѣло не останавливается на ней. Своеволіе начало съ святыни, кончило житейскими дѣлами. Удачное нападеніе на іерархію пробудило дерзость и желаніе коснуться власти вообще, стремленіе подвергнуть критикѣ законы и догмы, обязанности и мнѣнія. Это фанатичное настроеніе, какъ это всегда бываетъ, можетъ направляться на разные предметы; это презрѣніе къ жизни и собственности въ силахъ превратить трусливыхъ мѣщанъ въ дерзновенныхъ бунтовщиковъ. Почти сорока-лѣтнее женское правленіе дало возможность націи закрѣпить свои вольности; долгія войны, поприщемъ которыхъ были Нидерланды, породили извѣстную распущенность и выдвинули право сильнаго насчетъ гражданскаго порядка. Провинціи наполнились чужеземными проходимцами и бѣглецами — все людьми, которыхъ не связывали ни отечество, ни семья, ни собственность и которые еще принесли съ собой съ несчастной родины сѣмена мятежа. Постоянное зрѣлище мученій и смерти порвало тонкія нити нравственности и придало характеру націи неестественную суровость.

При всемъ томъ, мятежъ извивался бы внизу робко и тихо, еслибы онъ не нашелъ въ дворянствѣ опору, съ которой онъ вдругъ страшно поднялся. Карлъ V избаловалъ нидерландскихъ вельможъ: онъ сдѣлалъ ихъ соучастниками своей славы, питалъ ихъ національную гордость пристрастнымъ предпочтеніемъ предъ кастильскимъ дворянствомъ, открывалъ поприще ихъ честолюбію во всѣхъ частяхъ своей имперіи. Въ послѣдней французской войнѣ они дѣй-

[1]) *Strada*, Dec. I, L. II, 47—50. *Thuan.* L. VI. 301. *Burgundius.*

ствительно заслужили это преимущество въ глазахъ его сына. Выгоды короля по миру въ Шато-Камбрези были, главнымъ образомъ, плодомъ ихъ храбрости, и теперь имъ чувствительно было лишиться благодарности, на которую они такъ увѣренно разсчитывали. А тутъ нѣмецкая императорская корона отпала отъ испанской монархіи, и новое правительство проявляло менѣе воинственный духъ—и поле дѣятельности нидерландскихъ вельможъ вообще сократилось; имъ уже не предвидѣлось выгодъ за предѣлами своего отечества. Филиппъ наставилъ своихъ испанцевъ тамъ, гдѣ Карлъ V употреблялъ нидерландцевъ. Они перенесли въ мирные дни тѣ страсти, которыя были пробуждены и пущены въ ходъ прежнимъ правительствомъ, и эти разнузданныя стремленія, лишенныя законной цѣли, направились, къ несчастью, на тягости отечества. Они снова вызвали притязанія, которыя были заглушены на-время новыми страстями. При послѣднихъ назначеніяхъ, король поселилъ почти всеобщее недовольство; даже получившіе мѣста были не много болѣе довольны, чѣмъ совсѣмъ обойденные: они разсчитывали на лучшее. Вильгельмъ Оранскій получилъ четыре штатгальтерства, не считая мелкихъ мѣстъ, которыя, всѣ вмѣстѣ, стоили пятаго; но онъ надѣялся на Брабантъ и Фландрію. Онъ и графъ Эгмонтъ забывали, что дѣйствительно выпало имъ на долю,—они помнили лишь о томъ, что̀ потеряли черезъ регентство. Большая часть дворянства или погрязала въ долгахъ, или затягивалась въ нихъ правительствомъ. Теперь исчезла надежда поправиться на доходныхъ мѣстахъ, и вельможамъ грозилъ недостатокъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ оттѣнялся блестящимъ бытомъ богатыхъ мѣщанъ. Они доходили до такой крайности, что многіе готовы были на преступленіе; какъ же было имъ сопротивляться соблазнительнымъ предложеніямъ кальвинистовъ, хорошо оплачивавшихъ ихъ обѣщанія и защиту! Наконецъ, многіе, которымъ уже не было спасенія, искали послѣдняго прибѣжища въ общемъ опустошеніи; каждую минуту они готовы были поджечь республику [1]).

Это опасное состояніе умовъ ухудшалось еще отъ злополучнаго сосѣдства Франціи. Тамъ уже совершилось то, чего Филиппъ II опасался для провинцій. Въ судьбѣ этого государства могъ онъ читать предзнаменованіе судьбы своихъ Нидерландовъ, и духъ мятежа могъ заимствовать оттуда соблазнительный примѣръ. Подобная же случайность разнесла сѣмена новшествъ по этому королевству, при Францискѣ I и Генрихѣ II; подобная же ярость гоненія и духъ партій помогли ихъ росту. Въ ту минуту гугеноты и католики находились въ столь же сомнительной борьбѣ; яростныя партіи выбили всю монархію изъ колеи и влекли это могучее государство къ погибели. Здѣсь и тамъ корыстолюбіе, властолюбіе и партійность могли прикрываться религіей и отечествомъ, и страсти немногихъ гражданъ могли поставить подъ ружье всю націю. Граница обѣихъ земель проходитъ по валлонской Фландріи, мятежъ могъ, подобно морскому приливу, коснуться ея своими волнами. И могли ли остановить ихъ страна, которая причислялась то къ Галліи, то къ Бельгіи, по своему языку, нравамъ и характеру? Правительство еще не производило смотра своимъ протестантскимъ подданнымъ въ этихъ странахъ; но оно знало, что новая секта—чудовищная цѣльная республика, пустившая корни во всѣхъ христіанскихъ монархіяхъ, и во всѣхъ своихъ частяхъ равно чувствуетъ малѣйшее потрясеніе. Есть грозные вулканы, соединенные подземными ходами, въ которыхъ одновременно начинается изверженіе. Нидерланды должны были стоять открытыми для всѣхъ народовъ: вѣдь, они жили всѣми народами. Развѣ король могъ закрыть торговое государство такъ же легко, какъ свою Испанію? Если онъ желалъ очистить эти провинціи отъ ереси, ему необходимо было начать съ истребленія ея во Франціи [1]).

1560. Таково было положеніе Нидерландовъ при вступленіи Гранвеллы въ управленіе (1560). Великою задачей новаго министра и испанской политики было—возвратить этимъ странамъ единообразіе католичества, сломить соперничествующую власть дворянства и чиновъ и возстановить королевское могущество на развалинахъ республиканской свободы. Но задача эта встрѣтила препятствія, для устраненія которыхъ потребовалось изобрѣсти новыя средства и пустить въ ходъ новыя машины. Правда, инквизиціи и указовъ о вѣрѣ, казалось, было достаточно, чтобы предотвратить заразу еретичества; но за указами некому было смотрѣть, а инквизиціи не

---

[1]) *Vita Vigl.*, II, vid. *Recueil des troudles des Pays bas* p. Hopper, 22. *Strada*, 47.

[1]) *Strada*, L. III, 71—73.

хватало надежныхъ орудій для ея обширнаго судопроизводства. Еще сохранялось церковное устройство былыхъ временъ, когда провинціи не были еще такъ населены, когда церковь пользовалась еще всеобщимъ спокойствіемъ и за нею легче было надзирать. Въ теченіе ряда столѣтій, когда измѣнился весь внутренній видъ провинцій, эта форма іерархіи оставалась нерушимой, и она была охраняема отъ произвола властителей особыми привилегіями провинцій. Всѣ семнадцать провинцій были подѣлены между четырьмя епископами, имѣвшими свое пребываніе въ Аррасѣ, Турнэ, Камбрэ и Утрехтѣ и были подчинены архіепископамъ Реймса и Кельна. Правда, уже герцогъ бургундскій, Филиппъ Добрый, помышлялъ о расширеніи іерархіи, въ виду увеличивавшагося населенія этихъ земель; но планъ разсѣялся въ туманѣ его пышной жизни. Карлъ Смѣлый, увлекаемый честолюбіемъ и завоевательностью, не могъ углубляться во внутреннія дѣла своихъ земель; а у Максимиліана было и безъ того слишкомъ много препирательствъ съ чинами. Бурное царствованіе не дозволило Карлу V исполнить обширный планъ, который и достался теперь Филиппу II, какъ завѣщаніе всѣхъ этихъ государей [1]). Теперь настала пора, когда неотложная церковная потребность могла оправдать это нововведеніе, а досугъ мира могъ споспѣшествовать его исполненію. Вмѣстѣ съ громаднымъ наплывомъ людей въ нидерландскіе города изъ всѣхъ странъ Европы, возникло такое смѣшеніе религій и мнѣній, что потребовалось много глазъ, чтобы опознаться тутъ. Число епископовъ оказалось очень малымъ, а ихъ округа—слишкомъ обширными; четыре человѣка не могли совладать съ задачей очищенія вѣры на такомъ большомъ пространствѣ.

Судебная власть кельнскаго и реймскаго архіепископовъ въ Нидерландахъ уже давно претила правительству, которое не могло считать ихъ своею собственностью, пока важнѣйжая отрасль власти находилась еще въ чужихъ рукахъ. Нужно было вырвать ее изъ этихъ рукъ, оживить религіозные процессы посредствомъ новыхъ усердныхъ орудій, а также увеличить на сеймѣ число своихъ приверженцевъ, а для этого не было лучшаго средства, какъ умножить число епископовъ. Съ такимъ замысломъ вступилъ Филиппъ II на престолъ; но перемѣны въ іерархіи должны были вызвать самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны штатовъ, безъ которыхъ нельзя было провести ихъ. Должно было предвидѣть, что дворянство никогда не согласится на мѣру, которая доставила бы столько выгодъ королевской партіи и отняла бы у него самого перевѣсъ на сеймѣ. Доходы, на которые должны были жить новые епископы, приходилось отнимать у аббатовъ и монаховъ, а они составляли значительную часть штатовъ на сеймѣ. Нечего и говорить, что слѣдовало опасаться всѣхъ протестантовъ, которые не преминули бы тайно дѣйствовать противъ короля на сеймѣ. Все дѣло подготовлялось въ Римѣ въ строжайшей тайнѣ. Священникъ города Левена, Франциск Соннуа, креатура Гранвеллы, явился къ Павлу IV и доложилъ, какъ обширны эти земли, какъ онѣ благодатны и многолюдны, какъ пышно ихъ благоденствіе. Но, прибавилъ онъ, среди неумѣреннаго наслажденія свободой пренебрегается истинная вѣра и появляются еретики. Чтобы остановить это зло, римскій престолъ долженъ сдѣлать что-нибудь чрезвычайное. Не трудно склонить римскаго епископа къ нововведенію, которое расширяетъ кругъ его собственной власти. Павелъ IV назначилъ судъ изъ семи кардиналовъ для разсмотрѣнія этого важнаго дѣла; за его смертью, оно было окончено Піемъ IV [1]). Желанное посланіе застало короля еще въ Зеландіи, прежде чѣмъ онъ сѣлъ на корабль для отплытія въ Испанію, и онъ тихонько поручилъ министру исполненіе опаснаго плана. Объявляется новая іерархія (1560); къ *четыремъ* наличнымъ епископствамъ прибавляется *тринадцать* новыхъ, по одному на каждую изъ семнадцати провинцій; четыре изъ нихъ возводятся въ архіепископства. Шесть епископствъ (Антверпенъ, Герцогенбушъ, Гентъ, Брюгге, Ипернъ и Рюремонде) подчиняются мехельнскому архіепископству, пять — Гарлемъ, Миддельбургъ, Леэварденъ, Девентеръ и Гренингенъ)—утрехтскому, четыре (Аррасъ, Турнэ, Сентъ-Омеръ и Намюръ), близкія къ Франціи, раздѣляющія ея языкъ, характеръ и нравы, поступаютъ въ вѣдомство камбрейскаго архіепископства. Мехельнъ, лежащій въ срединѣ Брабанта и всѣхъ семнадцати провинцій, становится приматомъ или главой всѣхъ остальныхъ епископствъ и, вмѣстѣ со многими богатыми аббатствами, вручается Гранвеллѣ.

1) *Burgund.* 45. *Strada*, 22.

1) *Burgund*, 46. *Meteren*, 57. *Vigl. Vit.*, t. I, 34.

Доходы новыхъ епископствъ черпаются изъ сокровищницъ монастырей и аббатствъ, скопленныхъ доброхотнымъ благочестіемъ цѣлыхъ вѣковъ. Нѣкоторые изъ аббатовъ получили епископскія мѣста, сохраняя свои монастыри и прелатуры, съ которыми былъ связанъ голосъ на сеймѣ. Съ каждымъ епископствомъ связывается еще девять пребендъ, розданныхъ самымъ искуснымъ юристамъ и богословамъ, которые должны были поддерживать инквизицію и епископа въ его служебныхъ дѣлахъ. Двое изъ нихъ, наиболѣе выдающіеся знаніями, опытностью и безукоризненнымъ поведеніемъ, были настоящими инквизиторами и имѣли первый голосъ въ собраніяхъ. Архіепископу мехельнскому, какъ митрополиту всѣхъ семнадцати провинцій, предоставлялась власть назначать и низлагать всѣхъ епископовъ по своему произволу: римскій престолъ только утверждалъ ихъ выборъ [1]).

Во всякое другое время нація приняла бы съ благодарностью такое улучшеніе церкви, достаточно оправдываемое необходимостью, полезное для религіи и неизбѣжное въ видахъ исправленія нравовъ монашествующей братіи. Но теперь обстоятельства придавали ему самый ненавистный видъ. Оно было встрѣчено всеобщимъ недовольствомъ. Кричали: конституція попрана; права націи нарушены; инквизиція у нашего порога, и отнынѣ она и здѣсь, какъ въ Испаніи, открываетъ свои кровавые суды! Народъ съ содраганіемъ взиралъ на этихъ девять служителей произвола и гоненій. Дворянство увидѣло, что въ собраніи штатовъ монархическая власть усилилась на четырнадцать сильныхъ голосовъ, и что уничтожено равновѣсіе между королевской и гражданской властями — эта главная опора національной свободы. Прежніе епископы жаловались на уменьшеніе своихъ богатствъ и на сокращеніе ихъ округовъ; аббаты и монахи потеряли разомъ и власть, и доходы, да еще должны были принять строгихъ блюстителей ихъ нравовъ. Знать и народъ, свѣтскіе люди и церковники — всѣ выступили противъ этого общаго врага, и хотя каждый боролся за свои маленькія выгоды, казалось, что раздался страшный голосъ патріотизма [2]).

Изъ всѣхъ провинцій громче всѣхъ сопротивлялся Брабантъ. Неприкосновенность его церковнаго строя была одною изъ важныхъ привилегій, созданныхъ замѣчательною льготною грамотой—такъ называемымъ Веселымъ Вшествіемъ, и нарушеніе этихъ статутовъ освобождало націю отъ повиновенія монарху. Напрасно сама высшая школа въ Левенѣ доказывала, что въ смутныя времена церкви привилегіи теряютъ силу, данную имъ въ спокойную пору. Вѣдь, введеніе новыхъ епископствъ потрясало все зданіе народной свободы. Перешедшія теперь къ епископамъ прелатуры должны были служить иной цѣли, а не пользѣ той провинціи, въ чинахъ которой онѣ состояли. Свободные патріотическіе граждане превращались въ послушныя орудія римскаго престола и орудія архіепископа, который могъ еще приказывать имъ, какъ первый прелатъ Брабанта [1]). Свобода голосованія исчезала, такъ какъ епископы, эти покорные соглядатаи короны, запугивали всякаго. Тогда спрашивали: „Кто посмѣетъ теперь, при такихъ надсмотрщикахъ, возвысить голосъ въ парламентѣ или, на ихъ глазахъ, отстаивать права націи противъ разбойничьихъ когтей правительства? Они вынюхаютъ всѣ источники доходовъ провинцій и выдадутъ коронѣ всѣ тайники нашей свободы и нашей собственности. Они заградятъ путь ко всѣмъ почетнымъ мѣстамъ; а тамъ полѣзутъ царедворцы; впредь парламентъ будутъ занимать дѣти чужеземцевъ, и ихъ голоса будетъ направлять эгоизмъ ихъ покровителей". А монахи прибавляли: „Что это за насиліе—разрушать святыя мѣста молитвы, презирать неприкосновенную волю умирающихъ, наконецъ, жертвовать пышности этихъ епископовъ сокровищами, сложенными въ эти архивы благочестивыми милостивцами на пользу злополучныхъ, прославлять ихъ гордое великолѣпіе ограбленіемъ нищихъ!" И не одни аббаты и монахи, которыхъ прямо коснулась бѣда, страдали отъ этого сокращенія ихъ правъ: всѣ семьи, которыя могли питать надежды на то, что имъ или ихъ потомкамъ достанутся церковныя бенефиціи, горестно оплакивали утрату своихъ чаяній; скорбь нѣкоторыхъ прелатовъ стала дѣломъ цѣлыхъ родовъ [2]).

Историки показываютъ намъ, какъ Вильгельмъ Сранскій тихонько пробирался среди

---

[1]) *Burgund.* 49—50.—Dinoth. de Bello civili Belg., L. I, 8. - *Grot*, 15. - *Vita Vigl.* 34. *Strada* 23.—*Reid.* 6. *Hopper.*: Rec. des troubles des Pays-bas in Vit. Vigl., t. II, 23, 28.

[2]) *Grot.*, 15 и слѣд. *Vita Vigl.*, t. II, 28 и слѣд.

[1]) Аббатъ Аффлигема.

[2]) *Burgundius*, 55, 56. – *Vita Vigl.*, II, 24.—*Strada*, 36.

всей этой смуты, стараясь направить всѣ эти перекрещивающіяся страсти къ одной цѣли. По его наущенью, брабантцы просили себѣ у регентши особаго ходатая и защитника, такъ какъ, по несчастью, у нихъ однихъ изъ всѣхъ нидерландскихъ подданныхъ и власть и тотъ, который могъ бы предстательствовать о нихъ предъ властью, соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. И конечно ихъ выборъ могъ пасть только на принца Оранскаго. Но Гранвелла отстранилъ этотъ подвохъ своею находчивостью. „Кто занимаетъ эту должность, тотъ, надѣюсь, пойметъ, что онъ раздѣляетъ власть надъ Брабантомъ съ королемъ Испаніи", сказалъ онъ въ государственномъ совѣтѣ [1]). Долгая задержка папскихъ дипломовъ, причиненная недоразумѣніемъ между римскимъ и испанскимъ дворами, дало время недовольнымъ соединиться. Въ полной тайнѣ изготовили чины Брабанта чрезвычайное посольство къ Пію IV, чтобы самимъ обдѣлать свое дѣло въ Римѣ. Посланникъ получилъ отъ принца Оранскаго важное рекомендательное письмо и значительную сумму, чтобы проложить себѣ путь къ главѣ церкви. Въ то же время къ испанскому королю пошло оффиціальное письмо отъ города Антверпена, въ которомъ убѣдительнѣйше просили его избавить этотъ цвѣтущій торговый центръ отъ нововведеній. Граждане,—говорилось въ немъ,—знаютъ, что намѣреніе монарха превосходно, а назначеніе новыхъ епископовъ для поддержанія истинной религіи весьма полезно; но въ этомъ не убѣдишь иностранцевъ, а отъ нихъ зависитъ процвѣтаніе города. Въ такихъ случаяхъ, самые вздорные слухи не менѣе опасны, чѣмъ самые справедливые. Первое посольство было во-время открыто и устранено регентшей; на второе городу Антверпену отвѣчали, что „до личнаго прибытія короля" онъ будетъ избавленъ отъ епископа [2]).

Примѣръ и удача Антверпена подстрекнули къ сопротивленію всѣ остальные города, гдѣ имѣлось въ виду водворить епископовъ. Вотъ замѣчательное доказательство ненависти, которую возбуждала тогда инквизиція, и единодушія между нидерландскими городами: послѣдніе скорѣе готовы были отказаться отъ всѣхъ выгодъ, сопряженныхъ съ пребываніемъ у нихъ епископовъ, чѣмъ поддержать своимъ согласіемъ это отвратительное судилище и пойти противъ интересовъ всей страны. Девентеръ, Рюремонде и Леэварденъ стойко воспротивились и достигли своего (1561); но другимъ городамъ насильно навязали епископовъ, несмотря ни на какія возраженія. Первыми отворили имъ ворота Утрехтъ, Гарлемъ, Сент-Омеръ и Миддельбургъ; ихъ примѣру послѣдовали остальные города. Но въ Мехельнѣ и Герцогенбушѣ епископы были встрѣчены несовсѣмъ почтительно. Когда Гранвелла совершалъ свой торжественный въѣздъ въ Мехельнъ, не явился ни одинъ дворянинъ; его торжество совсѣмъ провалилось, такъ какъ не оказалось именно тѣхъ, надъ которыми онъ собирался торжествовать [1]).

Между тѣмъ истекъ срокъ, въ который испанскія войска должны были очистить страну, а не было замѣтно никакихъ приготовленій къ ихъ удаленію. Съ ужасомъ узнали объ истинной причинѣ этой оттяжки, и, къ несчастью, подозрѣніе связало ее съ инквизиціей. Задержка этихъ войскъ мѣшала министру производить дальнѣйшія нововведенія: она дѣлала націю бдительною и недовѣрчивою. А онъ не хотѣлъ разстаться съ этой сильной опорой, она казалась ему необходимой въ странѣ, гдѣ все ненавидѣло его, и при исполненіи дѣла, вызывавшаго сопротивленіе отовсюду. Наконецъ, всеобщій ропотъ принудилъ регентшу серьезно настаивать у короля на отозваніи войскъ. Она писала въ Мадридъ, что провинціи единодушно заявили, что пока не сдержатъ слова въ этомъ отношеніи, онѣ ни въ какомъ случаѣ не согласятся на требуемые чрезвычайные налоги. Она прибавляла, что мятежъ грозитъ опасностью гораздо больше, чѣмъ нападеніе французскихъ протестантовъ, а вспыхни возстаніе въ Нидерландахъ, войска окажутся слишкомъ слабыми, чтобы подавить его, въ казнѣ же не хватаетъ денегъ для найма другихъ. Король все еще старался хоть выиграть время задержкой своего отвѣта, и повторительныя представленія регентши оставались бы втунѣ, еслибы, къ счастью провинцій, пораженіе, нанесенное ему турками, не заставило его нуждаться въ этихъ войскахъ для борьбы на Средиземномъ морѣ. Онъ согласился, наконецъ, на ихъ возвращеніе: они были посажены на суда въ Зеландіи (1561).

[1]) *Strada*, III, 80–81.

[2]) *Burgund*, 60, 61. *Meteren*, 59.— *Vita Vigl.* II, 29—30. *Strada*, III, 78, 79. *Thuan.*, II, 488.

[1]) *Vita Vigl.*, t. II. *Recueil des troubles des Pays bas* p. Hopper, 24.

Народъ освобождаетъ проповѣдника реформаціи.

Ихъ отплытіе сопровождалось ликованіемъ всѣхъ провинцій [1]).

Между тѣмъ Гранвелла господствовалъ почти неограниченно въ государственномъ совѣтѣ. Онъ раздавалъ всѣ должности, какъ свѣтскія, такъ и духовныя; его мнѣніе перевѣшивало соединенный голосъ всего собранія. Сама штатгальтерша повиновалась ему, его приказамъ. Ему удалось подстроить такъ, что самое ея назначеніе было ограничено лишь двумя годами,—уловка, которая отдавала ее ему во власть [2]). Лишь изрѣдка представлялись на обсужденіе остальнымъ членамъ болѣе важныя дѣла, да и тѣ, въ сущности, рѣшались уже заранѣе: то была одна формальность. Если читалось королевское посланіе, Вигліусу приказывалось выпускать мысли, подчеркнутыя министромъ. Нерѣдко случалось, что посланія въ Испанію раскрывали слабыя стороны государства или опасенія штатгальтерши, которыя желали скрыть отъ членовъ совѣта, чтобы не возбуждать въ нихъ подозрѣній. Если оппозиціонные члены совѣта брали верхъ надъ министромъ и упорно настаивали на мѣрѣ, которой онъ не могъ сопротивляться, онъ отправлялъ дѣло на рѣшеніе мадридскаго министерства: этимъ онъ, по крайней мѣрѣ, выигрывалъ время, а въ поддержкѣ тамъ не могло быть сомнѣнія [1]). За исключеніемъ графа Барлемона, президента Вигліуса и немногихъ другихъ, всѣ остальные государственные совѣтники были пустыми куклами въ сенатѣ, и въ обращеніи съ ними министръ показывалъ, какъ мало онъ цѣнитъ ихъ дружбу и преданность. Понятно, съ какимъ глубокимъ негодованіемъ замѣчали строптивость *плебея* люди, крайне возгордившіеся отъ лестнаго вниманія монарховъ и почитаемые за боговъ благоговѣйно преданными согражданами. Многіе ихъ нихъ были лично оскорблены Гранвеллой. Принцу Оранскому было извѣстно, что онъ разстроилъ его бракъ съ принцессой Лотарингской и пытался сдѣлать то же съ его другимъ планомъ женитьбы на прин·

1) *Strada*, 61—63.
2) *Meteren*, 61. *Burgund.*, 57.

1) *Meteren*, 61.

цессѣ Саксонской. У графа Горна онъ отнялъ штатгальтерство въ Гельдернѣ и Цютфенѣ и оставилъ за собой одно аббатство, на которое разсчитывалъ графъ Эгмонтъ для одного изъ своихъ родственниковъ. Увѣренный въ своей силѣ, онъ даже не считалъ нужнымъ скрывать того презрѣнія къ знати, которымъ руководился во всемъ своемъ управленіи: онъ удостоивалъ своего лицемѣрія одного только Вильгельма Оранскаго. Если онъ и вправду чувствовалъ себя свободнымъ отъ всякаго страха и требованій приличія, зато его губила самоувѣренная гордость, и онъ погрѣшалъ противъ государственнаго искусства столько же, сколько и противъ скромности. При тогдашнихъ условіяхъ, не было ничего хуже для правительства, какъ пренебреженіе дворянствомъ. Слѣдовало льстить его склонностямъ, лукаво и незамѣтно вовлекать его въ свои планы и при его же содѣйствіи подавлять свободу націи. А теперь это подавленіе свободы совсѣмъ не кстати напоминало дворянству объ его обязанностяхъ, объ его достоинствѣ и силѣ, принуждало его стать патріотичнымъ, направить необдуманно отвергнутое правительствомъ честолюбіе на истинно великія дѣла. Правительство нуждалось въ усердномъ содѣйствіи штатгальтеровъ, для проведенія указовъ о вѣрѣ; но немудрено, что они не очень-то старались помогать ему въ этомъ. Наоборотъ, весьма вѣроятно, что они усиливались тайкомъ нагромождать препятствія министру и разрушать его мѣры, чтобы неудача поколебала довѣріе короля къ нему и подняла на смѣхъ его управленіе. Очевидно, нужно приписать ихъ равнодушію тѣ быстрые успѣхи, которые дѣлала при Гранвеллѣ реформація въ Нидерландахъ, несмотря на всѣ страшные указы. Опираясь на знать, Гранвелла могъ бы пренебрегать яростью черни, которая безсильно разбивается о страшное подножіе престола. Страданія простыхъ гражданъ долго ограничивались слезами и тихими стонами, пока не вырвался вопль, вызванный ловкостью и примѣромъ дворянъ [1]).

1561—1562.—Между тѣмъ начались разслѣдованія о вѣрѣ съ новымъ усердіемъ, и законы противъ еретиковъ начали прилагаться съ страшною ревностью. Но это отвратительное лекарство запоздало: Нидерландскій народъ уже переросъ моментъ такихъ лошадиныхъ средствъ. Новая религія уже могла быть истреблена лишь смертью всѣхъ ея приверженцевъ. Всѣ эти казни служили лишь соблазнительной выставкой ихъ превосходства, зрѣлищемъ ихъ торжества, ихъ лучезарной добродѣтели. Героическое величіе, съ которымъ они умирали, возбуждало страсть къ вѣрѣ, за которую они умирали: изъ *одного* убитаго выросталъ десятокъ новыхъ исповѣдниковъ. Не только по городамъ и деревнямъ, но и на большихъ дорогахъ, на корабляхъ и въ телѣгахъ, спорили о значеніи папы, о святыхъ, о чистилищѣ, объ индульгенціяхъ, говорили проповѣди, обращали въ нововѣріе. Изъ селъ и городовъ бросались толпы, чтобы вырвать жертвы святого судилища изъ рукъ полицейскихъ, и летѣли камни во власти, дерзавшія внушать къ себѣ почтеніе силой. Народъ кучами ходилъ за протестантскими проповѣдниками, которыхъ преслѣдовала инквизиція; онъ вносилъ ихъ на плечахъ въ церкви и изъ церквей и, съ опасностью собственной жизни, пряталъ ихъ отъ гонителей. Первая провинція, которою овладѣло опьяненіе мятежа, была, какъ и опасались, валлонская Фландрія. Въ Турнэ появился чудодѣй, французскій кальвинистъ Лонуа, подкупившій нѣсколько женщинъ, которыя притворились больными и были исцѣлены имъ. Онъ проповѣдывалъ въ лѣсахъ, подъ городомъ, привлекалъ толпы народа и воспламенялъ умы къ возстанію. То же произошло въ Лиллѣ и Валансьенѣ, но въ послѣднемъ городѣ власти захватили апостоловъ. Казнь ихъ затянулась, а между тѣмъ число приверженцевъ такъ страшно возросло, что они были въ состояніи разбить тюрьмы и отнять у правосудія его жертвы. Наконецъ, правительство привело въ городъ войска, которыя возстановили спокойствіе. Однако этотъ неважный случай сразу разоблачилъ таинственность, окутывавшую протестантовъ: министръ увидѣлъ ихъ огромное число. Въ одномъ Турнэ ихъ было до пяти тысячъ на проповѣди, немного меньше—въ Валансьенѣ. Чего же слѣдовало ожидать отъ сѣверныхъ провинцій, гдѣ свободы было больше, а правительство дальше, и гдѣ сосѣдство Германіи и Даніи умножало источники заразы? Такъ, по одному мановенію, выступила изъ мрака такая страшная масса. Несравненно больше должно было быть тѣхъ, которые въ душѣ примыкали къ новой сектѣ и ждали только благопріятной минуты, чтобы выказаться открыто [1]).

[1]) *Grot.*, 8—14.-*Strada*, 51.

[1]) *Burgund.* 53—55. *Strada*, L. III, 75 - 77.—*Dinoth.* De Bello civil Belgic., L. I, 25.

Это открытіе крайне обезпокоило регентшу. Ей становилось тѣмъ тяжелѣе, что указы плохо исполнялись, казна опустѣла до того, что пришлось назначить новые налоги, а на французской границѣ происходили подозрительныя движенія гугенотовъ. Въ то же время ей было приказано изъ Мадрида отправить двѣ тысячи нидерландскихъ всадниковъ во Францію, къ королевѣ-матери, которая прибѣгла къ помощи Филиппа II, удручаемая религіозною войной. Всякое дѣло вѣры, въ какой бы странѣ ни случилось оно, было *собственнымъ* дѣломъ Филиппа. Онъ принималъ его къ сердцу, какъ участь своего дома; въ такихъ случаяхъ онъ всегда былъ готовъ пожертвовать своимъ добромъ чужому интересу. Если онъ тутъ и руководился своекорыстіемъ, то королевскимъ, величественнымъ, и мы настолько же благоговѣемъ передъ смѣлой твердостью этихъ правилъ, насколько осуждаемъ ея зловредность.

Штатгальтерша возвѣстила государственному совѣту королевскую волю, которая встрѣтила самое упорное сопротивленіе со стороны дворянства. Графъ Эгмонтъ и принцъ Оранскій заявили, что вовсе не кстати лишать Нидерланды войскъ, когда, напротивъ, слѣдовало бы набрать новыхъ. Движенія Франціи по сосѣдству ежеминутно грозятъ нападеніемъ, а внутреннее броженіе въ провинціяхъ требуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, бдительности правительства. До сихъ поръ, говорили они, нѣмецкіе протестанты смотрѣли на борьбу своихъ единовѣрцевъ, сложа руки; но будетъ ли такъ еще, когда мы подкрѣпимъ ихъ враговъ нашей помощью? Не возбудимъ ли мы ихъ мести противъ *насъ* самихъ и не привлечемъ ли ихъ оружія въ сѣверные Нидерланды? Почти весь государственный совѣтъ присоединился къ этому мнѣнію; доводы были настойчивы, и нечего было возражать. Сама штатгальтерша и министръ должны были почувствовать ихъ справедливость, и, казалось, собственная выгода заставляла ихъ отложить исполненіе королевскаго приказа. Въ самомъ дѣлѣ, неужели же, удаливъ большую часть арміи, отнять у инквизиціи единственную опору? Неужели отдаться безоружно, безпомощно на произволъ строптивой знати, въ мятежной странѣ? Между тѣмъ какъ регентша колебалась, подъ вліяніемъ королевской воли, настойчиваго заявленія своихъ совѣтниковъ и страха и не рѣшалась ни на какую окончательную мѣру, поднялся Вильгельмъ Оранскій и предложилъ созвать генеральные штаты. Для королевской власти не было болѣе смертельнаго удара, чѣмъ обращеніе къ націи: въ такую минуту это было бы соблазнительнымъ напоминаніемъ ея могущества и ея правъ. Отъ министра не ускользнула грозившая ему опасность; онъ далъ знакъ герцогинѣ прервать засѣданіе и распустить собраніе. „Для правительства не было бы ничего вреднѣе, какъ согласиться на собраніе чиновъ, писалъ онъ въ Мадридъ. Такой шагъ всегда опасенъ, такъ какъ онъ вводитъ націю въ соблазнъ обсуждать и ограничивать права короны. Теперь же онъ трижды неумѣстенъ: нынѣ духъ мятежа уже распространился далеко; аббаты, затронутые утратой своихъ доходовъ, пойдутъ на все, чтобы подорвать значеніе епископовъ; вся знать и всѣ уполномоченные городовъ подчиняются ловкости принца Оранскаго, и недовольные могутъ вполнѣ разсчитывать на содѣйствіе націи". Это представленіе, которому, по крайней мѣрѣ, нельзя было отказать въ краткости, не преминуло произвести ожидаемое дѣйствіе на умъ короля. Послѣдовала резолюція—собраніе штатовъ отвергнуть разъ навсегда, преслѣдованіе еретиковъ возобновить со всею строгостью, заставить штатгальтершу поскорѣе отправить требуемыя войска.

Но государственный совѣтъ не поддавался. Отъ него могли добиться только одного: вмѣсто субсидій, послали королевѣ-матери деньги, что было ей всего пріятнѣе въ ту минуту. А чтобы обмануть націю хоть тѣнью республиканской свободы, пригласили штатгальтеровъ провинцій и рыцарей Золотого Руна въ чрезвычайное собраніе въ Брюсселѣ для совѣщаній о наставшихъ опасностяхъ и о нуждахъ государства. Президентъ Вигліусъ изложилъ предметъ совѣщаній и далъ три дня на обдумываніе. За это время принцъ Оранскій собралъ приглашенныхъ въ своемъ дворцѣ и выставилъ имъ необходимость собраться еще разъ передъ засѣданіемъ и сообща опредѣлить мѣры, которыя слѣдуетъ принять при нынѣшней государственной опасности. Многіе согласились; только Барлемонъ съ нѣкоторыми приверженцами кардинала Гранвеллы рѣшился заговорить въ пользу короны и министра. „Вамъ не подобаетъ вмѣшиваться въ заботы правительства, сказалъ онъ, и эта предварительная голосовка есть противозаконное, достойное кары притязаніе, въ которомъ я не хочу провиниться". Этимъ заявленіемъ прекратилось собраніе, не при-

ведя ни къ какому результату [1]). Увѣдомленная графомъ Барлемономъ штатгальтерша съумѣла такъ занять рыцарей во время ихъ пребыванія въ городѣ, что имъ не оставалось времени для дальнѣйшихъ сговоровъ. Однако, съ ихъ согласія, было рѣшено въ этомъ собраніи, чтобы владѣлецъ Монтиньи, Флорентій Монморанси, поѣхалъ въ Испанію сообщить королю о положеніи дѣлъ. Но регентша отправила впередъ въ Мадридъ тайнаго посланца, который заблаговременно увѣдомилъ короля обо всемъ, что произошло на томъ собраніи между принцемъ Оранскимъ и рыцарями. Въ Мадридѣ фламандскаго депутата осыпали пустыми заявленіями королевскаго благоволенія и отеческой заботливости о Нидерландахъ, а регентшѣ былъ данъ приказъ всячески препятствовать тайнымъ сговорамъ дворянъ и по возможности сѣять раздоры между ихъ представителями [2]).

Многіе вельможи уже давно не ладили между собой, изъ-за соперничества, личныхъ выгодъ и различія религій; но они были соединены теперь общимъ пренебреженіемъ къ нимъ со стороны правительства и ненавистью къ министру. Пока графъ Эгмонтъ и принцъ Оранскій добивались главнаго штатгальтерства, они неизбѣжно сталкивались между собой на разныхъ избранныхъ ими путяхъ къ одной цѣли. Оба встрѣчались на пути къ славѣ и у престола; пути ихъ скрещивались и въ республикѣ, гдѣ они стремились къ одной и той же наградѣ—къ благосклонности своихъ согражданъ. Столь противоположные характеры должны были, наконецъ, разойтись; но ихъ быстро соединило глубокое сочувствіе въ нуждѣ. Они стали необходимы другъ другу: эта потребность стала между ними узами, которыхъ не могло сковать сердце [3]). А регентша основывала свои разсчеты именно на этомъ несходствѣ ихъ характеровъ, и еслибъ ей удалось разъединить этихъ мужей, она разбила бы все нидерландское дворянство на двѣ партіи. Она старалась подарками и мелкими знаками вниманія къ нимъ возбудить противъ нихъ зависть и недовѣріе остальной знати, а отдавая, повидимому, предпочтеніе графу Эгмонту предъ принцемъ Оранскимъ, она надѣялась породить въ послѣднемъ подозрѣніе на счетъ преданности товарища. Именно тогда ей пришлось снарядить чрезвычайнаго посланника на императорскіе выборы во Франкфуртъ; она выбрала самаго отъявленнаго врага принца, герцога Аршота, какъ бы съ тѣмъ, чтобы показать, какъ блестяще награждается ненависть къ Вильгельму Молчаливому.

Но оранская партія не уменьшалась; напротивъ, она получила важное приращеніе въ лицѣ графа *Горна*, который сопровождалъ короля въ Бискаію, въ качествѣ адмирала нидерландскаго флота, и теперь снова вступилъ въ государственный совѣтъ. Безпокойный республиканскій духъ Горна соотвѣтствовалъ отважнымъ замысламъ Оранскаго и Эгмонта, и вскорѣ изъ этихъ трехъ друзей образовался опасный тріумвиратъ, который подорвалъ королевскую власть въ Нидерландахъ, но кончился неодинаково для всѣхъ трехъ.

1562.—Тѣмъ временемъ Монтиньи возвратился изъ своего посольства и передалъ государственному совѣту благоволеніе монарха. Но принцъ Оранскій получалъ извѣстія изъ Мадрида черезъ собственныхъ тайныхъ посредниковъ; они совершенно противорѣчили этому докладу и гораздо больше заслуживали довѣрія. Отсюда онъ узналъ всѣ подвохи Гранвеллы у короля противъ него самого и противъ его друзей, а также подлинныя клички, которыми окрестили тамъ поведеніе нидерландскаго дворянства. Ничего нельзя было подѣлать, пока этотъ министръ не будетъ устраненъ отъ кормила правленія,—и какъ ни былъ отваженъ и страненъ такой замыселъ, онъ занималъ теперь его всего. Вильгельмъ и графы Горнъ и Эгмонтъ рѣшили отправить королю общее посланіе, отъ имени всей знати, съ открытымъ обвиненіемъ министра и съ настойчивымъ требованіемъ удалить его. Герцогъ Аршотъ, которому графъ Эгмонтъ сообщилъ это предложеніе, отвергъ его, гордо заявивъ, что онъ не намѣренъ получать приказанія ни отъ него, ни отъ Оранскаго, что онъ не можетъ пожаловаться на Гранвеллу, что, наконецъ, онъ находитъ дерзкимъ предписывать королю, что дѣлать съ министрами. Подобный же отвѣтъ получилъ Оранскій отъ графа Аремберга. Не то уже пустили корни сѣмена подозрѣнія, посѣянныя регентшей между дворянствомъ, не то страхъ передъ могуществомъ министра пересилилъ отвращеніе къ его управленію,—довольно сказать, что вся знать робко, нерѣшительно уклонилась отъ этого предложенія. Но неудавшаяся попытка не отняла духа у трехъ

[1]) *Burgund.* 63-65. *Vita Vigl.*, t. II, 25 26.—*Strada*, 82.
[2]) *Strada*, t. III, 83.
[3]) *Burgund.* 45 *Stada*, 83, 84.

вождей: посланіе было составлено (1563), и они подписались подъ нимъ [1]).

Здѣсь Гранвелла изображенъ, какъ первый виновникъ всей смуты въ Нидерландахъ. Вожди заявляли, что пока высшая власть будетъ находиться въ столь преступныхъ рукахъ, имъ невозможно усердно служить націи и королю, и все придетъ въ прежнее спокойствіе, всѣ распри прекратятся, и народъ опять полюбитъ правительство, какъ только его величество соблаговолитъ удалить этого человѣка отъ кормила государства. Въ такомъ случаѣ, прибавляли авторы посланія, у нихъ хватитъ рвенія и вліянія поддержать въ странѣ то значеніе короля, ту чистоту вѣры, которыя священны для нихъ не меньше, чѣмъ для кардинала Гранвеллы [2]).

Какъ ни тайно было отправлено посланіе, герцогиня во-время узнала о немъ, чтобы успѣть разсѣять возможное, хотя и невѣроятное, его впечатлѣніе на короля другимъ посланіемъ, которое она поспѣшно препроводила въ Мадридъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло безъ отвѣта; наконецъ, онъ пришелъ—мягкій, но неопредѣленный. Онъ гласилъ: „Король не привыкъ осуждать своихъ министровъ по обвиненію ихъ враговъ, не выслушавъ ихъ. Естественная справедливость требуетъ, чтобы обвинители кардинала перешли отъ общихъ жалобъ къ частнымъ доказательствамъ, и если имъ нежелательно сдѣлать это письменно, то пусть одинъ изъ нихъ пожалуетъ въ Испанію, гдѣ онъ будетъ встрѣченъ съ подобающимъ почтеніемъ [3])". Кромѣ этого отвѣта всѣмъ тремъ вождямъ, графъ Эгмонтъ получилъ еще собственноручное письмо короля, который выражалъ желаніе подробно узнать отъ него обо всемъ, чего то общее посланіе касалось лишь слегка. И регентшѣ было предписано съ величайшей точностью, что она должна отвѣчать всѣмъ тремъ вмѣстѣ и графу Эгмонту въ отдѣльности. Король понималъ своихъ людей. Онъ зналъ, какъ легко было дѣйствовать на графа Эгмонта, если имѣть дѣло съ нимъ однимъ: оттого-то ему хотѣлось привлечь его въ Мадридъ, гдѣ надъ нимъ не было бы надзора со стороны высшаго ума. Отличая его столь лестнымъ знакомъ своего довѣрія отъ двухъ остальныхъ друзей, Филиппъ ставилъ трехъ вождей въ *неодинаковое* положеніе передъ престоломъ: какъ могли бы они одинаково ревностно работать для одной и той же цѣли, когда ихъ требованія были бы различны? На этотъ разъ бдительность Оранскаго разстроила этотъ планъ, но исторія покажетъ дальше, что посѣянныя тутъ сѣмена несовсѣмъ заглохли [1]).

1563.—Трое союзниковъ не были удовлетворены отвѣтомъ короля: они осмѣлились сдѣлать новую попытку. „Ихъ не мало удивило—писали они—что его величество обратилъ столь мало вниманія на ихъ представленія. Они отправили то посланіе не какъ обвинители министра, а какъ совѣтники его величества, обязанные извѣщать его о положеніи его государствъ. Имъ вовсе не желательно сдѣлать министра несчастнымъ; напротивъ, имъ было бы пріятно видѣть его довольнымъ и счастливымъ во всякомъ *другомъ* мѣстѣ въ мірѣ, только не въ Нидерландахъ. Но они вполнѣ убѣждены, что его присутствіе совершенно несовмѣстимо со всеобщимъ спокойствіемъ. Нынѣшнее опасное положеніе ихъ отечества не дозволяетъ никому изъ нихъ отлучаться и ради Гранвеллы предпринимать далекое путешествіе въ Испанію. Если же его величеству не угодно снизойти на ихъ *письменную* просьбу, то они надѣются, что онъ избавитъ ихъ впредь отъ посѣщенія сената, гдѣ ихъ ожидаетъ лишь непріятность встрѣтить министра, не принося пользы ни королю, ни государству и пріобрѣтая презрѣніе къ себѣ самимъ. Въ заключеніе они просили не посѣтовать на ихъ неприкрашенную простоту: люди *ихъ* сорта предпочитаютъ хорошіе поступки краснымъ словамъ" [2]). То же значилось въ письмѣ графа Эгмонта, который благодарилъ короля за собственноручное посланіе. На это второе посланіе послѣдовалъ такой отвѣтъ: „ихъ представленія будутъ приняты во вниманіе, а пока ихъ просятъ попрежнему посѣщать государственный совѣтъ".

Было очевидно, что монархъ вовсе не думалъ исполнять ихъ просьбу, и они ушли изъ государственнаго совѣта, даже покинули Брюссель. Имъ не удалось удалить министра законнымъ путемъ—и они попытались теперь прибѣгнуть къ другому, болѣе надежному способу. Они и ихъ приверженцы открыто высказывали кардиналу на каждомъ шагу презрѣніе, которое кипѣло у

[1]) *Strada*, 85, 86.
[2]) *Burgund.*, 1, 67. -*Hopper*, 30 *Strada*, 87 — *Thuan*, pars I', 489.
[3]) *Vita Vigl.* II, 32, 33. *Grot.*, 16.—*Burg.* 68.

[1]) *Strada*, 88.
[2]) *Vita Vigl. t.* II, 34, 35.

нихъ въ груди, и имъ удавалось обратить въ смѣхъ всѣ предпринимаемыя имъ мѣры. Они надѣялись мучить этого высокомѣрнаго человѣка такимъ унизительнымъ обращеніемъ и, быть можетъ, получить отъ его уязвленнаго самолюбія то, чего нельзя было добиться иначе. Правда, *этого* они не достигли, но избранный ими путь привелъ-таки къ низверженію министра.

Голосъ народа громко поднялся противъ Гранвеллы, какъ только узнали, что онъ обманулъ доброе мнѣніе знати и что люди, которыхъ слѣпо обожала толпа, предупредили ее въ презрѣніи къ нему. Унижающее поведеніе дворянства относительно министра какъ бы предавало его на всеобщій позоръ и оправдывало то злословіе противъ его чести, которое ни передъ чѣмъ не останавливается. Новый строй церкви, внушавшій такой ужасъ націи, былъ главною причиной возвышенія Гранвеллы—и этого ему не могли простить. Каждое новое зрѣлище казней, на которыя были такъ щедры рьяные инквизиторы, распространяло ненависть къ нему; наконецъ, вошло въ обычай примѣшивать его имя ко всякому бѣдствію. Чужой въ странѣ, которой онъ былъ навязанъ насильно, одинъ среди милліоновъ враговъ, неувѣренный во всѣхъ своихъ орудіяхъ, слабо поддерживаемый далекимъ королемъ, связанный съ націей, которую ему хотѣлось привлечь къ себѣ предательскими посредниками, все людьми, прямая выгода которыхъ состояла въ искаженіи его дѣлъ, наконецъ, приставленный къ женщинѣ, которая не могла раздѣлять съ нимъ тяжесть всеобщихъ проклятій,—такъ стоялъ Гранвелла передъ злобой, неблагодарностью, партійностью, завистью, передъ всѣми страстями разнузданнаго, расходившагося народа! Замѣчательно, что возбужденная имъ ненависть далеко превосходила обвиненія, которыя можно было взвести на него: его обвинителямъ было трудно, даже невозможно, оправдать частными доводами тотъ приговоръ, который они изрекали противъ него вообще. И *до*, и *послѣ* него фанатизмъ приводилъ къ алтарю свои жертвы; и до, и послѣ него текла кровь гражданъ, были попираемы человѣческія права и создавались несчастные. При Карлѣ V тиранія должна была чувствоваться сильнѣе, по своей новизнѣ; при герцогѣ Альбѣ она дошла до послѣднихъ предѣловъ, такъ что правленіе Гранвеллы должно бы казаться милостивымъ сравнительно съ дѣйствіями его преемника, а между тѣмъ нигдѣ не видно, чтобы современники питали къ послѣднему такое личное озлобленіе и презрѣніе, какія выпали на долю его предшественника.

Чтобы покрыть его низкое происхожденіе блескомъ высокаго сана и въ надеждѣ защитить его отъ злобы враговъ высшимъ знаніемъ, регентша добыла ему въ Римѣ пурпуровую мантію; но именно этотъ санъ, сближавшій министра съ римскимъ дворомъ, окончательно отчуждалъ его отъ провинцій. Пурпуръ сталъ въ Брюсселѣ новымъ преступленіемъ и ненавистнымъ одѣяніемъ, именно разоблачавшимъ побужденія, которыми кардиналъ станетъ руководиться въ будущемъ. Его не могли спасти отъ насмѣшекъ ни почетный санъ, который нерѣдко освящаетъ самаго гнуснаго плута, ни высокій постъ, ни выдающіеся таланты, ни даже страшное всемогущество, которое проявлялось ежедневно такими кровавыми примѣрами. Въ его лицѣ неестественно соединялись страхъ и насмѣшка, ужасающее и возбуждающее хохотъ[1]). Отвратительные слухи чернили его честь. Ему приписывали злодѣйскіе замыслы на жизнь Эгмонта и Оранскаго; вѣрили неимовѣрному; ничто самое чудовищное не поражало никого, если оно было полезно *ему* или подозрѣвалось за нимъ. Нація уже дошла до той степени одичанія, на которой сливаются самыя противоположныя чувства, исчезаютъ тонкія границы приличія и нравственнаго чутья. Эта вѣра въ необычайное преступленіе почти всегда служитъ несомнѣннымъ признакомъ его близкаго появленія [2]).

Однако въ такой странной судьбѣ этого человѣка есть что-то великое, возвышенное, что радуетъ безпристрастнаго наблюдателя и вызываетъ восхищеніе. Передъ нами нація, которую не могъ ослѣпить никакой блескъ, не могъ остановить никакой страхъ: она *упорно*, *неумолимо и единодушно безъ*

---

[1]) По совѣту графа Эгмонта, знать одѣла своихъ слугъ въ одинаковую ливрею, на которой былъ вышитъ дурацкій колпакъ. Весь Брюссель принялъ послѣдній за кардинальскую шляпу, и каждое появленіе такого слуги возбуждало хохотъ. Потомъ этотъ колпакъ вызвавшій неудовольствіе двора, былъ замѣненъ связкой стрѣлъ - случайная шутка, которая окончилась весьма серьезно, и, вѣроятно, легла въ основу герба республики (*Vita Vigl.* II, 35.— *Thuan*, 489). Кардиналъ, наконецъ, до того потерялъ уваженіе, что ему сунули въ руки публично гравюру, гдѣ онъ былъ изображенъ сидящимъ на яйцахъ, изъ которыхъ вылупляются епископы, а надъ нимъ летитъ чортъ съ надписью: «сей есть сынъ мой: его послушайте!· *Allg. Gesch. d. Ver. Niederl.*, III, 40.

[2]) *Hopper*, l. l, 35.

уговора проклинаетъ преступленіе, совершенное противъ ея достоинства насильственнымъ назначеніемъ этого чужеземца. А онъ, всегда одинокій, не смѣшивающійся съ нею, словно паритъ чуждымъ, враждебнымъ предметомъ надъ поверхностью, которая не хочетъ принять его. Даже могучая рука монарха, его друга и защитника, не могла поддержать его противъ воли народа, который рѣшился разъ навсегда оттолкнуть его отъ себя; его голосъ такъ грозенъ, что само своекорыстіе бросаетъ свою вѣрную добычу, и его благодѣянія исчезаютъ, какъ плоды проклятаго дерева. Позоръ всеобщаго отверженія окружаетъ его, словно заразное дыханіе. Благодарность непримѣнима къ нему; его избѣгаютъ сами приверженцы, а друзья замолкаютъ. Такъ страшно мстила нація могущественнѣйшему монарху на землѣ за свою знать, за свое оскорбленное величество.

Въ исторіи только разъ повторился этотъ достопамятный примѣръ—въ лицѣ *Мазарини;* но онъ соотвѣтствовалъ духу иного времени и иной націи. Оба кардинала не могли оградить высшей власти отъ посмѣшища; но Франція почувствовала облегченіе, посмѣявшись надъ своимъ „панталономъ", въ Нидерландахъ же насмѣшка привела къ возстанію. Французы вдругъ очутились на непривычной свободѣ, послѣ долгаго рабства при Ришелье; нидерландцы же перешли отъ долгой, прирожденной свободы къ незнакомому рабству; естественно, что фронда кончилась новымъ подчиненіемъ, а нидерландское волненіе—республиканскою свободой или мятежемъ. Возмущеніе парижанъ было плодомъ нищеты: оно было разнузданно, но не смѣло, упрямо, но не настойчиво, низко и неблагородно, какъ породившій его источникъ; ропотъ нидерландцевъ—гордый и могучій голосъ богатства. Тѣхъ воодушевляли злоба и голодъ, этихъ—месть, собственность, жизнь и религія. Мазарини подстрекала алчность, Гранвеллу—властолюбіе; тотъ былъ человѣченъ и мягокъ, этотъ суровъ, повелителенъ, жестокъ. Французскій министръ прибѣгалъ къ благосклонности своей королевы противъ ненависти вельможъ и ярости народа, нидерландскій—вызвалъ ненависть всей націи изъ угодливости одному лицу. Противъ Мазарини поднялись лишь *партіи* да вооружаемая ими *чернь*, противъ Гранвеллы—вся *нація*. При томъ парламентъ пытался добиться могущества, не принадлежавшаго ему; при этомъ онъ боролся за законную власть, которую министръ стремился коварно уничтожить. Тотъ боролся съ принцами крови и пэрами королевства точно такъ же, какъ этотъ—съ рожденной знатью и чинами; но первые старались уничтожить своего общаго врага лишь съ тѣмъ, чтобы самимъ стать на его мѣсто, а цѣлью послѣднихъ было разрушить самое мѣсто министра, искоренить ту власть, которою не долженъ обладать одинъ человѣкъ *вполнѣ*.

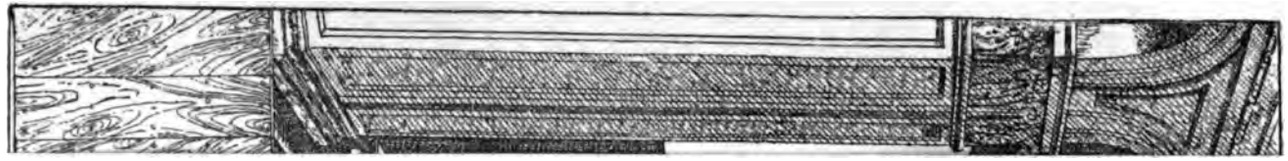
Между тѣмъ какъ такой оборотъ приняли дѣла въ народѣ, министръ пошатнулся при дворѣ регентши. Вѣчныя жалобы на *его* власть должны были, наконецъ, показать ей, какъ мало думаютъ объ ея власти; быть можетъ, она еще боялась, какъ бы всеобщее отвращеніе къ нему не коснулось и ея или какъ бы его долгое пребываніе не привело-таки къ угрожавшему возстанію. Долгія сношенія съ нимъ, его наставленія и примѣръ давали ей, наконецъ, возможность управлять и безъ него. Его важность начинала подавлять ее по мѣрѣ того, какъ онъ становился менѣе необходимъ ей. Его недостатки, которые стушевывались до сихъ поръ ея благоволеніемъ, становились явственнѣе при охлажденіи; теперь она старалась точно такъ же улавливать и перечислять ихъ, какъ прежде покрывать. При такомъ невыгодномъ для кардинала настроеніи, на нее, наконецъ, стали производить впечатлѣніе настойчивыя представленія знати, тѣмъ болѣе, что въ нихъ искусно поддерживался ея страхъ. Графъ Эгмонтъ говорилъ ей между прочимъ: „Всѣ удивляются, какъ это король допускаетъ, чтобы всѣ его нидерландскіе подданные страдали изъ-за человѣка, который даже не нидерландецъ, счастье котораго, какъ извѣстно, вовсе не связано съ благомъ этихъ земель,—изъ-за *чужака*, который, по рожденію, подданный императора, а по пурпуру—орудіе римскаго двора". Графъ прибавлялъ, что „ему одному Гранвелла обязанъ жизнью; но впредь онъ предоставляетъ эту заботу штатгальтершѣ, о чемъ и предупреждаетъ ее". Въ то же время большая часть знати, которой стало нестерпимо пренебреженіе, мало-по-малу вышла изъ государственнаго совѣта, и произволъ министра потерялъ послѣдніе слѣды республиканизма, смягчавшіе его до тѣхъ поръ; *пустыня въ сенатѣ* выставляла его надменное господство во всей отвратительной наготѣ. Регентша почуяла надъ собой господина—и съ той минуты изгнаніе министра стало дѣломъ рѣшеннымъ.

Съ этой цѣлью она снарядила въ Испа-

нію своего тайнаго секретаря, Ѳому Арментероса, чтобы раскрыть королю глаза на положеніе кардинала, передать ему всѣ упомянутыя заявленія знати и, такимъ образомъ, заставить его самому рѣшиться на его изгнаніе. Чего она не могла довѣрить письму, то Арментеросъ долженъ былъ искусно внести въ свой устный докладъ, котораго король, по всей вѣроятности, потребуетъ отъ него. Арментеросъ исполнилъ свое порученіе съ ловкостью настоящаго царедворца; однако четырехчасовая аудіенція не могла разрушить дѣла многихъ лѣтъ— уничтожить мнѣніе о министрѣ, сложившееся въ умѣ Филиппа и укоренившееся навѣки. Долго боролся этотъ монархъ съ государственнымъ разсчетомъ и съ своимъ предубѣжденіемъ, пока Гранвелла самъ не помогъ его мѣшкотности, попросивъ отставки изъ страха, что ему не избѣжать ея. То, чего не могло достигнуть отвращеніе всей нидерландской націи, совершилось, благодаря пренебреженію знати: министру надоѣла, наконецъ, власть, которая уже не внушала страха и навлекла на него не столько зависть, сколько позоръ. Быть можетъ, онъ дрожалъ и за свою жизнь, какъ думали нѣкоторые: она дѣйствительно подвергалась не воображаемой опасности. А, пожалуй, ему хотѣлось получить отставку, какъ даръ, а не приказъ короля, и, по примѣру древнихъ римлянъ, съ *достоинствомъ* перенести паденіе, котораго уже нельзя было избѣжать. Кажется, и самому Филиппу хотѣлось лучше теперь великодушно *снизойти на просьбу* нидерландской націи, чѣмъ потомъ *уступить требованію*,—въ такомъ случаѣ, вынужденный необходимостью шагъ хоть заслужилъ бы благодарность подданныхъ. У него страхъ былъ сильнѣе упрямства: его гордость была побѣждена разсудкомъ.

Гранвелла ни на минуту не сомнѣвался въ рѣшеніи короля. Нѣсколько дней спустя по возвращеніи Арментероса, онъ увидѣлъ, какъ покорность и льстивость исчезали съ тѣхъ немногихъ лицъ, которыя еще раболѣпно улыбались ему; исчезли послѣдніе слѣды маленькой сутолоки продажныхъ слугъ, вертѣвшихся на его глазахъ; его порогъ опустѣлъ; онъ понялъ, что вокругъ его личности испарилась животворящая теплота. Клевета, чернившая его во все его правленіе, не щадила его и при уходѣ. Незадолго до отставки увѣряли, будто онъ искалъ примиренія съ принцемъ Оранскимъ и графомъ Эгмонтомъ, даже готовъ былъ просить у нихъ прощенія на колѣняхъ, если бы они согласились на это [1]). Мелочно, отвратительно чернить память выдающагося человѣка такими сплетнями; еще болѣе отвратительно и мелочно передавать ихъ потомству. Гранвелла подчинялся королевскому приказу съ достойнымъ равнодушіемъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ онъ писалъ въ Испанію герцогу Альбѣ, чтобы тотъ приготовилъ ему убѣжище въ Мадридѣ, въ случаѣ, если ему придется покинуть Нидерланды. Герцогъ долго колебался, звать-ли такого опаснаго соперника въ дѣлахъ милости короля, или оттолкнуть отъ себя такого важнаго друга, такое драгоцѣнное орудіе своей старой ненависти къ нидерландскимъ вельможамъ. Месть побѣдила страхъ въ его душѣ: онъ сильно поддержалъ передъ монархомъ просьбу Гранвеллы. Но его ходатайство осталось безплоднымъ. Арментеросъ убѣдилъ короля, что пребываніе этого министра въ Мадридѣ еще болѣе подниметъ жалобы нидерландской націи, ради которыхъ пожертвовали имъ: вѣдь подумаютъ, что теперь онъ станетъ отравлять самый источникъ, ручьи котораго до сихъ поръ портились имъ. И Филиппъ послалъ Гранвеллу на его родину, въ графство Бургундію, къ чему былъ и приличный предлогъ. Кардиналъ придалъ своему отъѣзду изъ Брюсселя видъ маленькаго путешествія, изъ котораго онъ возвратится чрезъ нѣсколько дней. Но въ то же время всѣ государственные совѣтники, добровольно удалившіеся при немъ, получили отъ двора приказъ снова явиться въ сенатъ, въ Брюсселѣ. Это обстоятельство дѣлало возвращеніе министра мало вѣроятнымъ, и всѣ объясняли его выдумку жалкимъ упрямствомъ; тѣмъ не менѣе малѣйшая возможность этого возвращенія помрачала то ликованіе, съ которымъ былъ встрѣченъ его отъѣздъ. Казалось, сама штатгальтерша не знала, насколько вѣрить этому слуху: она напоминала королю, въ новомъ письмѣ, обо всѣхъ представленіяхъ и доводахъ противъ возвращенія кардинала. Гранвелла же старался, въ письмахъ къ Барлемону и Вигліусу, поддерживать этотъ слухъ и устрашить своихъ враговъ хоть несбыточными мечтами, если онъ уже не могъ мучить ихъ своимъ присутствіемъ. А страхъ передъ вліяніемъ этого человѣка былъ такъ преувеличенъ, что его выгнали, наконецъ, съ собственной родины.

[1]) *Reidan*, 4.



Когда умеръ Пій IV, Гранвелла съѣздилъ въ Римъ, чтобы присутствовать при папскихъ выборахъ и кстати исполнять нѣкоторыя порученія своего государя, который довѣрялъ ему попрежнему. Вслѣдъ затѣмъ Филиппъ сдѣлалъ его вице-королемъ Неаполя; тамъ Гранвелла подпалъ соблазнамъ, и духъ, не поддававшійся никакой судьбѣ, былъ сломленъ сладострастіемъ. Ему было 62 года, когда король снова призвалъ его въ Испанію, гдѣ онъ продолжалъ вести итальянскія дѣла съ неограниченной властью. Угрюмая старость и самодовольная гордость 60-ти-лѣтняго правителя превратили его въ суроваго и несправедливаго судью чужихъ мнѣній, въ раба обычая, въ надоѣдливаго восхвалителя старыхъ временъ.

Но государственное искусство исчезавшаго вѣка не перешло къ вѣку наступавшему. Молодежи въ новомъ министерствѣ вскорѣ надоѣлъ такой повелительный надзиратель, и самъ Филиппъ началъ избѣгать совѣтчика, который восхвалялъ лишь дѣянія его отца. Впрочемъ, онъ довѣрилъ ему, наконецъ, и свои испанскія земли, когда завоеваніе Португаліи вызвало его въ Лиссабонъ. Гранвелла умеръ въ Италіи, на пути въ Мантую, 73-хъ лѣтъ отъ роду, въ блескѣ своей славы: онъ сорокъ лѣтъ *безпрерывно* пользовался довѣріемъ своего короля [1]).

---

[1]) *Strada*, Dec. I, L. III-IV, 88–98.

Государственный совѣтъ.

1564. Какъ только уѣхалъ министръ, тотчасъ же оказались всѣ тѣ добрыя послѣдствія, которыя ожидались отъ его удаленія. Недовольные вельможи снова заняли свои мѣста въ государственномъ совѣтѣ и принялись за дѣла съ удвоеннымъ рвеніемъ, чтобы не подавать никакого повода жалѣть объ изгнанномъ и доказать его ненадобность счастливымъ ходомъ государственнаго управленія. Все толпилось вокругъ герцогини. Каждый старался перещеголять другихъ въ услужливости, покорности, въ служебномъ рвеніи; работы затягивались до глубокой ночи; водворилось полнѣйшее согласіе между всѣми тремя куріями, завелись наилучшія отношенія между дворомъ и чинами. Всего можно было добиться отъ добродушія нидерландской знати: стоило только польстить ея упрямству и гордости довѣріемъ, податливостью и снисходительностью. Штатгальтерша воспользовалась первою радостью націи, чтобы выманить ея согласіе на нѣкоторые налоги, которыхъ не могли вынудить при прежнемъ управленіи. Тутъ ее сильно поддержалъ кредитъ знати у народа; и она живо похитила у этой націи тайну, столь знакомую имперскому сейму Германіи, а именно, что нужно только *побольше* требовать, чтобы получить *что-нибудь*. Сама она съ удовольствіемъ замѣчала, что избавилась отъ долгаго рабства. Прилежаніе соревнующихъ дворянъ облегчало ей бремя занятій, а ихъ льстивая покорность давала ей чувствовать всю сладость власти. [1])

1564.—Гранвелла былъ низвергнутъ, но еще не ушла его свита. Его политика жила въ его созданіяхъ, которыхъ онъ оставилъ въ тайномъ и финансовомъ совѣтахъ. Ненависть еще тлѣла среди партій, хотя вождь былъ уже давно изгнанъ, и названія *оранжисты* и *королевцы*, *патріоты* и *кардиналисты* все еще раздѣляли сенатъ и поддерживали пламя раздоровъ. *Виліусъ* фонъ-Зюйхемъ, фонъ-Айтта, президентъ тайнаго совѣта, государственный совѣтникъ и хранитель печати, считался теперь первымъ человѣкомъ въ сенатѣ, могущественнѣйшею опорой короны и тіары. Этому заслуженному старику мы обязаны нѣкоторыми драгоцѣнными вкладами въ исторію нидерландскаго возстанія: его тайная переписка съ друзьями нерѣдко руководила нашимъ разсказомъ. То былъ одинъ изъ главныхъ законовѣдовъ своего времени, да еще богословъ, и онъ занималъ важнѣйшія должности при императорѣ. Сношенія съ ученѣйшими людьми, украшавшими тотъ вѣкъ, съ Эразмомъ роттердамскимъ во главѣ, а также частыя путешествія по дѣламъ императора расширили кругъ его познаній и опыта и во многихъ отношеніяхъ ставили его убѣжденія выше своего времени. Слава его учености наполняла цѣлый вѣкъ и передала его имя потомству. Когда, въ 1548 году, на аугсбургскомъ сеймѣ было установлено соединеніе Нидерландовъ съ Нѣмецкою имперіей, Карлъ V послалъ туда этого государственнаго мужа вести дѣло провинцій, и главнымъ образомъ благодаря его искусству, переговоры кончились въ пользу Нидерландовъ [1]). По смерти импе-

[1]) *Hopper*, 38. - *Burgund*, 78, 79. - *Strada*, 95, 98. - *Grol*, 17.

[1]) *Allg. Gesch. d. Ver. Niederl.* II Theil, 503 и слѣд.

ратора, Вигліусъ оказался въ числѣ главныхъ особъ, завѣщанныхъ Филиппу, и однимъ изъ немногихъ, въ лицѣ которыхъ король почтилъ память отца. Его возвышало также счастье министра Гранвеллы, съ которымъ онъ былъ связанъ старымъ знакомствомъ; но онъ не раздѣлилъ паденія своего благодѣтеля, такъ какъ не раздѣлялъ ни его властолюбія, ни его ненависти. 20-лѣтнее пребываніе въ провинціяхъ, гдѣ ему ввѣрялись важнѣйшія дѣла, самая испытанная преданность своему монарху и самая ревностная приверженность къ католической вѣрѣ дѣлали его превосходнѣйшимъ орудіемъ монархіи въ Нидерландахъ [1]).

Вигліусъ былъ *ученый*, но не *мыслитель*, опытный дѣлецъ, но не свѣтлая голова. Ему недоставало силы души, чтобы разорвать узы мечты, подобно его другу Эразму; но онъ не былъ и настолько дуренъ, чтобы обратить ее въ орудіе своихъ страстей, какъ его предшественникъ Гранвелла. Слишкомъ слабый и нерѣшительный, чтобы слѣдовать смѣлымъ внушеніямъ собственнаго разсудка, онъ довѣрялъ болѣе удобному пути совѣсти: что онъ обязанъ былъ дѣлать, то и справедливо. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ людей, которые необходимы для негодяевъ: обманъ разсчитывалъ на его правдивость. Полвѣка спустя, его обезсмертила бы та свобода, подавленію которой онъ содѣйствовалъ теперь. Въ брюссельскомъ тайномъ совѣтѣ онъ служилъ тиранніи; въ лондонскомъ парламентѣ или въ амстердамскомъ сенатѣ онъ былъ бы, пожалуй, Томасомъ Моромъ или Ольденъ Барневельдомъ.

У патріотовъ былъ другой, не менѣе страшный врагъ—президентъ финансоваго совѣта, графъ *Барлемонъ*. Историки мало сохранили намъ извѣстій о заслугахъ и образѣ мыслей этого человѣка; его помрачало ослѣпительное величіе предшественника, кардинала Гранвеллы, а когда тотъ сошелъ со сцены, его подавляло превосходство противной партіи. Но то истинное, что мы знаемъ о немъ, представляетъ его характеръ въ благопріятномъ свѣтѣ. Принцъ Оранскій не разъ старался отвлечь его отъ интересовъ кардинала и притянуть къ своей партіи—достаточное доказательство, какъ онъ цѣнилъ такое пріобрѣтеніе. Всѣ его попытки не имѣли успѣха—доказательство, что онъ имѣлъ дѣло не съ слабымъ характеромъ. Не разъ Барлемонъ одинъ выступалъ въ совѣтѣ противъ сильной партіи и отстаивалъ уже погибавшіе интересы короны противъ всеобщаго сопротивленія. Когда принцъ Оранскій собралъ у себя рыцарей Золотого Руна, чтобы заранѣе рѣшить вопросъ объ отмѣнѣ инквизиціи, Барлемонъ первый порицалъ незаконность этого поступка и первый же сообщилъ объ этомъ регентшѣ. Нѣсколько времени спустя, принцъ спросилъ его, знаетъ ли регентша о той сходкѣ, и онъ не задумался сказать ему правду. Всѣ

Маргарита Пармская.
Современная гравюра Франца Гогенберга († 159·).

извѣстные намъ его шаги рисуютъ его какъ человѣка, котораго не соблазняли ни примѣры, ни страхъ людской: онъ съ твердостью и непоколебимымъ упорствомъ оставался вѣренъ партіи, которую разъ избралъ, а гордость и деспотизмъ не дозволяли ему примкнуть къ иной [1]).

Къ приверженцамъ короля въ Брюсселѣ причислялись еще герцогъ *Аршотъ* и графы *Мансфельдъ*, *Мегенъ* и *Арембергъ*—всѣ трое рожденные нидерландцы и, казалось, призванные, наравнѣ съ остальною нидерландскою знатью, противодѣйствовать іерархіи и монархизму въ своемъ отечествѣ. Насъ должно удивлять совсѣмъ иное ихъ поведеніе, тѣмъ болѣе, что были дружны съ самыми именитыми членами партіи и отнюдь не были нечувствительны къ общимъ тягостямъ отечества. Но въ ихъ душѣ не было достаточно самоувѣренности и героизма, чтобы отважиться на неравную

1) *Vita Vigl.*

1) *Strada*, 81, 83.—*Burgund.* 91, 168.—*Vita Vigl.* 40.

борьбу съ столь превосходнымъ противникомъ. Съ трусливой разсчетливостью подчинили они свое справедливое недовольство требованію необходимости и пожертвовали своею *гордостью*, будучи не въ силахъ смирить свое изнѣженное *тщеславіе*. Эти господа были слишкомъ экономны и премудры, чтобы справедливостью или страхомъ вынудить у своего государя тѣ матеріальныя блага, которыми они пользовались по его доброхотному великодушію, или чтобы отдать *дѣйствительное* благополучіе для спасенія *тѣни* какого-то другого счастья: они предпочли воспользоваться удобною минутой, чтобы поторговать своею вѣрностью, которая тогда поднялась въ цѣнѣ, въ виду всеобщаго отпаденія знати. Нечувствительные къ истинной славѣ, они предоставили своему честолюбію рѣшить, на какую сторону склониться имъ; а мелкое честолюбіе скорѣе подчиняется тяжелому игу насилія, чѣмъ мягкому господству превосходной души. Не велика была выгода пойти за принцемъ Оранскимъ, а союзъ съ его величествомъ дѣлалъ ихъ его страшными противниками. Тамъ ихъ имя стушевывалось среди большой свиты и въ блескѣ ихъ соперника; на заброшенной сторонѣ двора ихъ жалкія заслуги испускали лучи.

Фамиліи *Нассау* и *Круа* (къ послѣдней принадлежалъ герцогъ Аршотъ) уже при многихъ правительствахъ соперничали между собою по значенію и сановитости; эта ревность поддерживала между ними старую родовую ненависть, которая стала непримиримой, благодаря различію религій. Домъ Круа съ незапамятныхъ временъ славился особенно своимъ благочестіемъ и папистской святостью, а графы Нассаускіе предались новому ученію,—достаточная причина, чтобы Филиппъ Круа, герцогъ Аршотъ, предпочелъ партію, наиболѣе враждебную принцу Оранскому. Дворъ не преминулъ извлечь выгоду изъ этой частной ненависти, противопоставить такого важнаго врага возроставшему значенію Нассаускаго дома. Графы Мансфельдъ и Мегенъ были до того времени задушевными друзьями графа Эгмонта. Они заодно съ ними поднимали свои голоса противъ министра, сопротивлялись инквизиціи и указамъ, прямодушно держались его до этого послѣдняго предѣла своего долга. Но теперь, на опасномъ распутіи, эти три друга разошлись. Безразсудная добродѣтель Эгмонта увлекала его неудержимо на гибельный путь; его предупрежденные друзья начали во-время подумывать о выгодномъ отступленіи. До насъ дошли письма, которыми обмѣнялись графы Эгмонтъ и Мансфельдъ; хотя они и написаны позднѣе, въ нихъ вѣрно отражается тогдашнее положеніе дѣлъ. Эгмонтъ дружески упрекалъ Мансфельда за переходъ къ королю. Тотъ отвѣчалъ другу: „Если я прежде считалъ, что общее благо требуетъ отмѣны инквизиціи, смягченія указовъ и удаленія кардинала Гранвеллы, то, вѣдь, теперь король удовлетворилъ нашему желанію, и причины нашихъ жалобъ уничтожены. Мы ужъ слишкомъ много сдѣлали противъ его величества и церкви: очень пора пріостановиться, чтобы, при появленіи короля, мы могли выйти ему навстрѣчу съ открытымъ челомъ, безъ смущенія. Меня лично не смущаетъ его ожиданіе: я съ спокойнымъ духомъ отправился бы въ Испанію, по его мановенію, и довѣрчиво ожидалъ бы приговора со стороны его справедливости и доброты. Говорю такъ не потому, чтобы сомнѣвался, что графъ Эгмонтъ скажетъ иначе; но, по мнѣ, графъ Эгмонтъ поступилъ бы мудро, еслибы все больше и больше ограждалъ свою безопасность и отстранялъ подозрѣнія отъ своихъ поступковъ". Въ заключеніе читаемъ: „Если я услышу, что онъ внемлетъ моимъ предостереженіямъ, наша дружба сохранится; если же нѣтъ, то я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы принести всѣ человѣческія отношенія въ жертву долгу и чести" [1]).

Расширеніе могущества знати подвергало республику едва ли не большей опасности, чѣмъ та, отъ которой она избавилась съ изгнаніемъ министра. Дворяне обѣднѣли отъ пышности, которая испортила и ихъ нравы, и они такъ свыклись съ нею, что уже не могли отказаться отъ нея; теперь они подверглись соблазну воспользоваться случаемъ, чтобы удовлетворить своему возраставшему властолюбію и возстановить тускнѣющій блескъ своего счастья. Расточительность приводила къ алчности, алчность—къ продажности. Свѣтскія и духовныя должности продавались; почести, привилегіи, патенты предлагались за деньги, кто больше дастъ; завелся даже торгъ правосудіемъ. Кого осуждалъ тайный совѣтъ, того оправдывалъ государственный совѣтъ; что отвергалось первымъ, то добывалось во второмъ за деньги. Правда, потомъ государственный совѣтъ сваливалъ это обвиненіе на двѣ другія куріи, но послѣднія зара-

[1]) *Strada*, 159.

жались его же примѣромъ. Изобрѣтательная алчность открывала новые источники доходовъ. Жизнь, свобода, религія страховались за извѣстную сумму, какъ помѣстья; за деньги освобождались убійцы и злодѣи, и націю грабили посредствомъ лоттереи. Не взирая на чинъ и заслуги, давали важнѣйшія мѣста слугамъ и созданіямъ государственныхъ совѣтниковъ и штатгальтеровъ провинцій; кто хотѣлъ выпросить что нибудь у двора, долженъ былъ дѣйствовать черезъ штатгальтершу и ея ничтожнѣйшихъ слугъ. Пускались въ ходъ всякіе соблазны, чтобы вовлечь въ это распутство тайнаго секретаря герцогини, Ѳому Арментероса, до тѣхъ поръ человѣка незапятнаннаго и правдиваго. Лицемѣрными изъявленіями преданности и дружбы съумѣли втереться къ нему въ довѣріе и разрушить его правила утѣхами жизни: пагубный примѣръ заразилъ его нравственность, и новыя потребности преодолѣли его дотолѣ неподкупную добродѣтель. Теперь онъ сталъ слѣпъ къ злоупотребленіямъ, въ которыхъ самъ былъ соучастникомъ; онъ набрасывалъ покровъ на чужія преступленія, чтобы скрыть подъ нимъ и свои собственныя. Въ согласіи съ нимъ, другіе грабили королевскую казну и разрушали замыслы правительства, гадко заправляя его средствами. А регентша утопала въ сладкихъ мечтахъ о власти и дѣятельности, которыя искусственно поддерживались въ ней лестью вельможъ. Честолюбіе партій играло слабостями женщины и покупало у нея дѣйствительную власть цѣной пустыхъ ея знаковъ и покорной видимостью подчиненія. Вскорѣ герцогиня совсѣмъ предалась партіи и незамѣтно измѣнила свои убѣжденія. Въ противоположность своему прежнему образу дѣйствій, она, вопреки закону, предъявляла государственному совѣту, руководимому партіей, вопросы, касавшіеся другихъ курій, или представленія, подаваемыя ей тайно Вигліусомъ, а при Гранвеллѣ она пренебрегала этимъ учрежденіемъ столь же незаконно. Теперь почти всѣ дѣла, почти все вліяніе перешли къ штатгальтерамъ. Къ нимъ направлялись всѣ прошенія; они раздавали всѣ доходныя мѣста. Дошло до того, что они отняли у городскихъ властей судебныя дѣла и передали ихъ своимъ судамъ. Значеніе провинціальныхъ судовъ сократилось въ пользу послѣднихъ, а съ пониженіемъ власти пали правосудіе и гражданскій порядокъ. Вслѣдъ затѣмъ мелкіе суды послѣдовали примѣру областного управленія. Вскорѣ духъ, господствовавшій въ брюссельскомъ государственномъ совѣтѣ, распространился на всѣ провинціи. Подкупы, снисхожденія, грабительство, продажа правосудія стали всеобщими явленіями среди судей; нравы пали; а новыя секты пользовались этой распущенностью, чтобы расширить кругъ своихъ дѣйствій. Знать была болѣе вѣротерпима; она частью сама стояла на сторонѣ новыхъ людей или же ненавидѣла, по крайней мѣрѣ, инквизицію, какъ орудіе деспотизма, а это подрывало строгость указовъ о вѣрѣ. Многіе протестанты получали льготныя грамоты, которыя лишали святое учрежденіе лучшихъ жертвъ. Теперь знать ничѣмъ не могла такъ привлечь народъ къ своему новому участію въ правленіи, какъ принесеніемъ ему въ жертву ненавистнаго трибунала инквизиціи, и къ этому побуждало ее собственное желаніе еще больше, чѣмъ предписанія политики. Нація вдругъ перешла отъ тяжкаго гнета нетерпимости къ свободѣ, отъ которой она уже слишкомъ отвыкла, чтобы пользоваться ею сдержанно. Инквизиторы, лишенные правительственной опоры, стали скорѣе смѣшны, чѣмъ страшны. Городской совѣтъ въ Брюггэ даже посадилъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду нѣкоторыхъ изъ ихъ служителей, желавшихъ схватить одного еретика. Въ то же самое время, въ Антверпенѣ, гдѣ чернь сдѣлала тщетную попытку отнять одного еретика у святого учрежденія, на рынкѣ былъ прибитъ написанный кровью листокъ, гласившій, что группа людей поклялась отомстить за смерть этого невиннаго [1]).

Отъ этого паденія, которому подвергся весь государственный совѣтъ, были еще по большей части далеки тайный и финансовый совѣты, гдѣ предсѣдательствовали Вигліусъ и Барлемонъ.

Такъ какъ оппозиціи не удалось продвинуть своихъ приверженцевъ въ эти двѣ куріи, то у нея оставалось одно только средство—совсѣмъ лишить оба совѣта дѣятельности, перенести ихъ дѣла въ государственный совѣтъ. Чтобы исполнить этотъ замыселъ, принцъ Оранскій старался заручиться поддержкой остальныхъ государственныхъ совѣтниковъ. Онъ часто говорилъ своимъ приближеннымъ: „Хотя васъ и называютъ сенаторами, но власть не въ вашихъ рукахъ. Когда нужны деньги, чтобы запла-

[1]) *Hopper*, 40.—*Grot*, 17.—*Vita Vigl.* 39.—*Bury*, 80, 87, 88. *Strada*, 99, 100.

тить войскамъ, когда идетъ рѣчь о противодѣйствіи вторгающейся ереси или о сохраненіи порядка въ народѣ, хватаются за васъ, такъ какъ вы, вѣдь, не охраняете ни казны, ни законовъ, а служите лишь органами двухъ другихъ коллегій для воздѣйствія на государство. А между тѣмъ тслько вамъ однимъ по плечу все государственное управленіе, которое ни къ чему разбили между тремя различными палатами. Вамъ стоитъ только соединиться, чтобы возвратить государственному совѣту эти отрѣзанныя отрасли управленія: *одна душа* должна оживлять все тѣло". Пока тихонько составили такой планъ: привлечь въ государственный совѣтъ двѣнадцать новыхъ рыцарей Руна; правосудіе возвратить мехельнскому трибуналу, которому оно и принадлежало по закону; жалованныя грамоты, патенты и т. под. предоставить президенту Вигліусу, а государственные совѣтники должны завѣдывать денежною частью. Конечно, предвидѣлись всѣ затрудненія со стороны недовѣрчиваго двора и соперниковъ возрастающей власти знати. Чтобы заставить регентшу согласиться на планъ, спрятались за спиной нѣкоторыхъ важныхъ офицеровъ арміи: они должны были осаждать брюссельскій дворъ назойливыми требованіями уплаты задержаннаго жалованья и, въ случаѣ отказа, грозить бунтомъ. Устроили еще такъ, что регентшу засыпали прошеніями и записками, гдѣ жаловались на судебную волокиту и преувеличивали опасность отъ ежедневно растущей ереси. Не было упущено ничего, чтобы представить такую страшную картину разрушенія гражданскаго порядка, правосудія и финансовъ, что герцогиня въ ужасѣ проснулась отъ сна, которымъ покоилась до тѣхъ поръ [1]). Она созываетъ всѣ три куріи, чтобы обсудить средства, какъ остановить бѣду. Большинство совѣтовало отправить въ Испанію чрезвычайнаго посла, который, въ подробномъ и живомъ разсказѣ, ознакомилъ бы короля съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и, быть можетъ, далъ бы ему возможность изобрѣсти лучшія мѣры. Вигліусъ, который не имѣлъ понятія о тайныхъ планахъ партіи, воспротивился этому мнѣнію. „Зло, на которое жалуются, — сказалъ онъ, — конечно велико, и на него слѣдуетъ обратить вниманіе, но оно не непоправимо. Правосудіе идетъ плохо, но лишь потому, что знать сама роняетъ значеніе власти своимъ презрѣніемъ къ ней, а штатгальтеры недостаточно поддерживаютъ ее. Ересь растетъ оттого, что свѣтская власть покидаетъ духовныхъ судей, а простой народъ, по примѣру знати, не почитаетъ своихъ властей. Долгъ провинцій возросъ не отъ дурного финансоваго управленія, а вслѣдствіе прежнихъ войнъ и государственныхъ нуждъ короля, и отъ него можно постепенно избавиться путемъ легкихъ податей. Всѣ эти жалобы прекратятся, если только государственный совѣтъ не будетъ такъ щедръ на жалованныя грамоты, льготы и попущенія, если онъ начнетъ улучшеніе нравовъ съ себя самого, если станетъ больше уважать законы и возстановитъ былое значеніе власти,—словомъ, если только коллегіи и штатгальтеры, прежде всего, исполнятъ свой долгъ. Къ чему же отправлять новаго посла въ Испанію, когда не произошло ничего новаго, что оправдало бы эту чрезвычайную мѣру? Но если будутъ настаивать на этомъ, я не стану противорѣчить общему приговору, но потребую, чтобы послу поручено было, главнымъ образомъ, склонить короля къ скорѣйшему прибытію" [1]).

Насчетъ выбора посла господствовало единодушіе: изъ всѣхъ нидерландскихъ вельможъ графъ Эгмонтъ казался единственнымъ человѣкомъ, который могъ удовлетворить обѣ стороны. Его открытая ненависть къ инквизиціи, его патріотическія и свободныя убѣжденія, незапятнанная честность достаточно ручались республикѣ за его поведеніе; а выше мы указали, почему онъ долженъ былъ быть пріятенъ королю. У государей сужденіе часто зависитъ отъ перваго взгляда; у Эгмонта привлекательная фигура могла поддержать его краснорѣчіе и придать его посѣщенію тотъ вѣсъ, котораго никогда не имѣетъ, въ глазахъ королей, самое правое дѣло. Эгмонтъ самъ желалъ этого посланничества, чтобы поговорить съ королемъ о нѣкоторыхъ семейныхъ дѣлахъ [2]).

Тѣмъ временемъ окончился церковный соборъ въ Тріентѣ (Тридентѣ), и его постановленія стали извѣстны всему католическому христіанству. Но эти постановленія далеко не служили цѣли синода, вовсе не оправдали ожиданій религіозныхъ партій; напротивъ,

[1]) *Burgund*, 92, 94.—*Hopper*, 41. *Vita Vigl.* § 87, 88.

[1]) *Burg.* 95, 96.—*Hopper*, 41, 43 и слѣд.
[2]) *Strada*, 106.

пропасть между обѣими церквами расширилась, и религіозный расколъ сталъ неисправимъ, вѣковѣченъ.

Старое вѣроученіе не было очищено: оно стало только болѣе опредѣленнымъ и важнымъ. Всѣ тонкости догмы, всѣ уловки и притязанія святого престола, опиравшіяся прежде лишь на произволъ, теперь стали законами и были возведены въ систему. Обряды и злоупотребленія, проскользнувшіе въ христіанство въ варварскія времена суевѣрія и мракобѣсія, были объявлены теперь сущностью богослуженія, и изрекалось проклятіе на всякаго дерзновеннаго, который рѣшился бы противиться этимъ догматамъ, уклоняться отъ этихъ обрядовъ. Да будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлится сомнѣваться въ чудотворной силѣ мощей, не почитать костей мучениковъ, не придавать значенія заступничеству святыхъ! Могущество индульгенцій, этотъ первый источникъ отпаденія отъ римскаго престола, было теперь доказано неопровержимымъ догматомъ; монашество было охранено прямымъ приговоромъ синода, по которому юноша могъ становиться полнымъ чернецомъ на 16-мъ году отъ роду, дѣвица на 12-мъ. Всѣ безъ исключенія догматы протестантовъ были осуждены; не было ни одного постановленія въ ихъ пользу; не сдѣлали ни одного шагу, чтобы возвратить отпавшихъ въ материнское лоно церкви путемъ снисхожденія. Жалкая лѣтопись синода, нечистоплотность его постановленій еще увеличили, насколько возможно, горячее презрѣніе, давно уже питаемое протестантами къ папству, и открыли для ихъ нападокъ новыя, дотолѣ не замѣченныя слабости. То была злополучная мысль—такъ близко поднести къ таинствамъ церкви все озаряющій свѣтильникъ разума, доводами разума отстаивать предметы слѣпой вѣры.

Постановленія собора не удовлетворили даже всѣ католическія державы. Франція совсѣмъ отвергла ихъ, частью изъ желанія угодить кальвинистамъ, частью потому, что ее оскорбляло верховенство, присвоенное папой надъ соборами; высказались противъ нихъ и нѣкоторые католическіе государи Германіи. И Филиппъ II не постигалъ нѣкоторыхъ статей собора, слишкомъ задѣвавшихъ его собственныя права, къ которымъ ни одинъ монархъ въ мірѣ не былъ такъ ревнивъ; его также обижало великое вліяніе папы на соборъ и произвольное, поспѣшное закрытіе его; наконецъ, папа подалъ ему поводъ къ справедливой враждѣ, отвергнувъ его посла. Тѣмъ не менѣе, онъ согласился на принятіе постановленій собора, которыя даже въ такомъ видѣ соотвѣтствовали его любимой мысли—истребленію еретиковъ. Всѣ другія политическія соображенія отступили на задній планъ—и Филиппъ приказалъ обнародовать постановленія во всѣхъ своихъ государствахъ[1]).

Этой новой головешки даже не требовалось для мятежнаго духа, пылавшаго уже и безъ того во всѣхъ нидерландскихъ провинціяхъ. Умы были въ броженіи; значеніе римской церкви уже пало глубоко въ глазахъ многихъ. При такихъ обстоятельствахъ, повелительныя и въ значительной степени безобразныя постановленія собора, конечно, были противны; но Филиппъ II не могъ до того измѣнять себѣ, чтобы дозволить иную вѣру народамъ, живущимъ подъ другимъ солнцемъ, въ другой части свѣта, при другихъ законахъ. Регентша получила строжайшее приказаніе вынуждать въ Нидерландахъ такое же послушаніе тріентскимъ (тридентскимъ) постановленіямъ, какъ въ Испаніи и Италіи [2]).

Постановленія встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе въ брюссельскомъ государственномъ совѣтѣ. Вильгельмъ Оранскій заявилъ, что нація не приметъ и не можетъ принять ихъ, ибо они по большей части противорѣчатъ основамъ ея конституціи и на томъ же основаніи были отвергнуты многими католическими государями. Почти весь государственный совѣтъ склонился на сторону Оранскаго; большинство требовало уговорить короля или совсѣмъ отставить постановленія, или хоть обнародовать ихъ съ извѣстными ограниченіями. Противъ этого возсталъ Вигліусъ, настаивавшій на буквальномъ исполненіи королевскаго приказа. „Церковь—сказалъ онъ—во всѣ времена поддерживала чистоту своего ученія и строгость дисциплины такими вселенскими соборами. Противъ религіозныхъ заблужденій, уже давно волнующихъ наше отечество, нѣтъ лучшаго средства, чѣмъ именно эти постановленія, которыя теперь стараются отстранить. Если они и впрямь мѣстами противорѣчатъ чувству справедливости гражданъ и конституціи, то этой бѣдѣ легко помочь умнымъ и снисходительнымъ примѣненіемъ ихъ. При-

---

[1]) *Hist. de Phil. II*, II. - *Watson*, t. II, l. IV. - *Thuan*. II, 29, 491, 350. — *Essay sur les Moeurs*, t. III. Concile de Trente.—*Meteren*, 59—60.

[2]) *Strada*, 102.

бавлю, что дѣлаетъ честь нашему монарху, испанскому королю, что онъ, одинъ изъ всѣхъ государей своего времени, не былъ принужденъ подчинять свою мудрость требованіямъ необходимости и изъ страха отвергнуть мѣры, которыя долгъ повелѣвалъ ему принять ради блага церкви и счастья своихъ подданныхъ". Такъ какъ въ постановленіяхъ собора заключались даже нарушенія правъ короны, то нѣкоторые воспользовались случаемъ и предложили выпустить хоть такія мѣста при ихъ обнародованіи. Чтобы королю легче было избавиться отъ этихъ щекотливыхъ и умаляющихъ его достоинство мѣстъ, они предлагали выставить на видъ національную свободу Нидерландовъ и покрыть именемъ республики это вмѣшательство въ дѣла собора. Но король безусловно принялъ и провелъ постановленія въ своихъ остальныхъ государствахъ: нельзя было ожидать, чтобы онъ далъ другимъ католическимъ державамъ примѣръ сопротивленія и самъ разрушилъ зданіе, которое воздвигалъ такъ старательно[1]).

[1]) *Watson, t.* I, I, VII, 262. ***Strada***, 102. *Burgund.* 115

Графъ Эгмонтъ въ Испаніи.

дѣлать представленія королю по поводу этихъ постановленій, склонить его къ мягкости относительно протестантовъ,предложить отмѣну обоихъ другихъ совѣтовъ—таково было порученіе, данное графу Эгмонту недовольными. Штатгальтерша же совѣтовала ему довести до свѣдѣнія монарха сопротивленіе нидерландскаго народа указамъ о вѣрѣ, убѣдить его въ невозможности примѣнять эти указы со всею строгостью, раскрыть ему глаза на плохое состояніе военнаго дѣла и финансовъ въ нидерландскомъ государствѣ.

Инструкція графа была составлена президентомъ Вигліусомъ. Онъ горько жаловался на паденіе правосудія, на возрастаніе ереси, на истощеніе казны и настаивалъ наличномъ присутствіи короля. Остальное предоставлялось краснорѣчію посла, которому штатгальтерша намекнула не упускать такого хорошаго случая, чтобы закрѣпить за собой милость своего государя.

Принцъ Оранскій находилъ инструкцію графу и представленія, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать королю, слишкомъ общими и шаткими. Онъ говорилъ: „Сдѣланное президентомъ описаніе нашего тяжелаго положенія далеко ниже истины. Какъ королю изыскать наилучшія лекарства, когда мы скрываемъ отъ него источники болѣзни? Мы не должны показывать числа еретиковъ меньше, чѣмъ въ дѣйствительности; мы должны искренно признаться, что ими кишитъ каждая провинція, каждый городъ, каждое маленькое мѣстечко; мы не должны скрывать, что они презираютъ карательные законы и не очень-то уважаютъ власти. Къ чему такая сдержанность? Признайтесь чистосердечно королю, что республика не можетъ выносить такого положенія. Конечно, тайный совѣтъ скажетъ иное: ему на-руку это всеобщее разложеніе. Вѣдь откуда же это плохое правосудіе, это всеобщее растлѣніе судовъ, какъ не отъ его алчности, которой ничѣмъ не насытишь? Откуда это великолѣпіе, эта позорная роскошь тѣхъ креатуръ, которыя на нашихъ глазахъ поднялись изъ грязи, какъ не отъ подкуповъ? Развѣ народъ не твердитъ изо-дня въ день, что ихъ двери отворяются только золотымъ ключемъ? И не доказываютъ-ли ихъ взаимные раздоры, какъ мало руководятся они любовью къ общему благу? Могутъ-ли люди, служащіе жертвами собственныхъ страстей, думать о всеобщемъ благополучіи? Думаете-ли вы, что мы, штатгальтеры провинцій, обязаны стоять, съ нашими солдатами, на стражѣ благоденствія какого-нибудь низкаго ликтора? Мы должны положить предѣлъ ихъ снисхожденіямъ и попущеніямъ, на которыя они такъ щедры для тѣхъ, кому *мы* отказываемъ; прощая преступника, грѣшишь противъ общаго блага, подбавляешь зла. Признаюсь, мнѣ никогда не нравилось раздѣленіе государственныхъ тайнъ и правительственныхъ дѣлъ между столькими коллегіями. Государственнаго совѣта хватитъ на все: многіе патріоты уже сознали это въ глубинѣ души, а я говорю то же теперь громко. Заявляю, что не знаю другого средства противъ оплакиваемаго зла, кромѣ сліянія обѣихъ палатъ съ государственнымъ совѣтомъ. Вотъ чего должно

добиваться отъ короля: иначе и это новое посольство будетъ безцѣльнымъ и безполезнымъ". Тутъ принцъ сообщилъ собравшемуся сенату планъ, о которомъ сказано выше. Вдругъ завѣса спала съ глазъ Виґліуса, противъ котораго собственно и было направлено это предложеніе, и имъ овладѣла сильнѣйшая скорбь. Это душевное волненіе было слишкомъ велико для его слабаго тѣла: на другое утро его поразилъ ударъ; его жизнь находилась въ опасности [1]).

Его мѣсто занялъ Іоахимъ *Гопперъ* изъ брюссельскаго тайнаго совѣта, человѣкъ стараго нравственнаго закала и незапятнанной честности, самый близкій и достойный другъ президента [2]). Онъ сдѣлалъ прибавки въ инструкціи послу въ пользу Оранской партіи, именно относительно отмѣны инквизиціи и соединенія трехъ курій; регентша не столько соизволила, сколько не воспрещала этого. Когда затѣмъ графъ Эгмонтъ прощался съ поправившимся президентомъ, тотъ просилъ его привезти ему изъ Испаніи отставку. Его время прошло, говорилъ онъ: ему хочется, по примѣру своего предшественника и друга, Гранвеллы, удалиться въ тишину частной жизни, предупредить непостоянство счастья [3]).

Графъ Эгмонтъ пустился въ путь въ январѣ 1565 года. Онъ былъ принятъ въ Испаніи такъ милостиво и почтительно, какъ ни одинъ сановникъ до него. Всѣ кастильскіе вельможи, побѣжденные примѣромъ короля или, скорѣе, слѣдуя его государственному искусству, казалось, забыли свою застарѣлую злобу къ фламандской знати: они соперничали другъ съ другомъ въ стараніи подкупить графа пріятнымъ обращеніемъ. Король разрѣшилъ ему принимать кого угодно, чего даже не ожидалъ посолъ, и во все пребываніе Эгмонта въ Испаніи онъ не могъ нахвалиться гостепріимствомъ монарха. Филиппъ настойчиво увѣрялъ его въ своей любви къ нидерландскому народу и обнадежилъ его насчетъ своей готовности подчиниться всеобщему желанію, нѣсколько ослабить строгость указовъ о вѣрѣ. Но въ то же время въ Мадридѣ была назначена комиссія изъ богослововъ, которой предложили вопросъ—слѣдуетъ-ли ввести въ провинціи требуемую вѣротерпимость? Большинство склонялось къ мнѣнію, что тутъ была бы извинительна нѣкоторая снисходительность, въ виду особенной конституціи Нидерландовъ и опасеній мятежа. Тогда вопросъ былъ повторенъ въ болѣе рѣшительной формѣ: „королю желательно знать не то, что *должно-ли* онъ это сдѣлать, а *нужно-ли* это"? На послѣднее богословы отвѣчали отрицательно; тогда Филиппъ всталъ и преклонилъ колѣна передъ Распятіемъ. „Молю же тебя, Величество Всемогущаго (воскликнулъ онъ), не дай мнѣ пасть такъ низко, чтобы я оставался государемъ тѣхъ, которые отрицаютъ тебя!" И приблизительно въ этомъ духѣ были приняты мѣры, измышленныя имъ для Нидерландовъ. Относительно религіи рѣшеніе этого монарха было принято разъ на всегда; крайняя нужда, пожалуй, могла заставить его быть нѣсколько снисходительнѣе въ примѣненіи грозныхъ указовъ, но никогда онъ не согласился бы на ихъ отмѣну или даже ограниченіе. Эгмонтъ представлялъ ему, какъ самыя публичныя казни еретиковъ изо дня въ день размножаютъ ихъ приверженцевъ: вѣдь, примѣры ихъ мученичества и радостнаго принятія смерти наполняли зрителей глубочайшимъ благоговѣніемъ и внушали имъ высокое мнѣніе объ ученіи, создающемъ героевъ! Это соображеніе не пропало даромъ, но оно произвело на короля совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое ожидалось. Чтобы избѣжать этихъ соблазновъ, отнюдь не ослабляя строгости указовъ, онъ прибѣгъ къ новой уловкѣ: было рѣшено, что впредь казни будутъ совершаться тайно. Отвѣтъ короля на сущность посольства былъ данъ графу письменно, въ видѣ бумаги на имя штатгальтерши. Прежде чѣмъ отпустить графа, Филиппъ не удержался, чтобы не спросить у него отчета насчетъ его поведенія относительно Гранвеллы, причемъ онъ особенно коснулся насмѣшливой ливреи. Эгмонтъ завѣрялъ, что все это было не болѣе, какъ застольная шутка: тутъ не было и мысли о какой-либо непочтительности къ монарху. Знай онъ, что кто-либо изъ нихъ помыслилъ о чемъ-нибудь дурномъ, онъ самъ вызвалъ бы такого господина на кровавую расправу [1]).

При отъѣздѣ Эгмонта, Филиппъ подарилъ ему 50.000 гульденовъ и еще далъ

---

[1]) *Vita Vigl.*, § 88—89. - *Burgund.* 97—102.

[2]) *Vita Vigl.* 89. Это - тотъ самый Гопперъ, изъ «Записокъ» котораго я почерпнулъ такъ много для описанія того времени. Впослѣдствіи его путешествіе въ Испанію привело къ перепискѣ между нимъ и президентомъ, составляющей одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ для исторіи эпохи.

[3]) *Burgund.* 103.

[1]) *Grot.* VI.—*Hopper*, 43—45.—*Strada*, 104—106.

ему слово позаботиться пристроить его дочерей. Онъ позволилъ ему также взять съ собой въ Брюссель молодого Фарнезе пармскаго, чтобы тѣмъ оказать вниманіе его матери, штатгальтершѣ [1]). Лицемѣрное благодушіе короля и его завѣренія въ расположеніи къ нидерландской націи, котораго онъ *не* удостоился взаимно, подкупили честнаго фламандца. Счастливый счастьемъ, которое, воображалъ онъ, приносится его отечеству, хотя оно никогда не было такъ далеко отъ Нидерландовъ, покинулъ графъ Мадридъ, довольный паче чаянія и готовый прославлять своего добраго короля по всѣмъ своимъ провинціямъ.

Уже сообщеніе королевскаго отвѣта брюссельскому государственному совѣту замѣтно понизило эти пріятныя надежды. Здѣсь значилось: „Рѣшеніе короля относительно указовъ о вѣрѣ остается твердымъ и неизмѣннымъ: онъ скорѣе готовъ потерять жизнь тысячу разъ, чѣмъ измѣнить въ нихъ малѣйшую букву; но, съ другой стороны, представленія графа Эгмонта заставляютъ его испытать всякія *мягкія* мѣры, чтобы соблюсти народъ отъ еретической гибели и избавить его отъ тѣхъ *неизмѣнныхъ* каръ. Такъ какъ изъ отчета графа оказалось, что главными причинами религіозныхъ заблужденій служила нравственная порча нидерландскаго духовенства, плохое обученіе народа и заброшенное воспитаніе юношества, то король поручаетъ составить особую комиссію изъ трехъ епископовъ и нѣкоторыхъ искуснѣйшихъ богослововъ; ея задачей будетъ обсужденіе необходимыхъ реформъ съ тѣмъ, чтобы впредь народъ не колебался изъ чувства возмущенія; не впадалъ въ заблужденія по невѣжеству. Такъ какъ, сверхъ того, онъ слышалъ, что всенародныя казни еретиковъ даютъ только имъ случай хвастаться дерзкимъ мужествомъ и ослѣплять толпы мнимой славой мученичества, то комиссія должна придумать такія мѣры, чтобы эти казни совершались болѣе тайно и у осужденныхъ еретиковъ была отнята честь стойкости". А чтобы быть увѣреннымъ, что этотъ частный синодъ не выйдетъ изъ предѣловъ своей задачи, король требовалъ рѣшительно назначенія въ члены комиссіи епископа иперскаго, этого надежнаго человѣка и строжайшаго ревнителя католической вѣры. Совѣщанія комиссіи должны происходить возможно тихо и подъ видомъ обсужденія вопроса о введеніи трі(ид)ентскихъ постановленій; вѣроятно, хотѣли, чтобы римскій дворъ не обезпокоился этимъ частнымъ синодомъ, а мятежъ въ провинціяхъ не пріободрился. Въ засѣданіяхъ должна участвовать сама герцогиня съ нѣкоторыми вѣрными государственными совѣтниками, и тотчасъ слѣдовало отправлять къ королю письменный отчетъ о всемъ, происходящемъ въ комиссіи. На этотъ разъ штатгальтершѣ посылалось немного денегъ на ея крайнія потребности. Филиппъ обнадеживалъ ее насчетъ своего личнаго прибытія; но прежде нужно покончить войну съ турками, которыхъ именно ожидаютъ передъ Мальтой. Отвѣтъ короля совсѣмъ умалчивалъ о предположенномъ расширеніи государственнаго совѣта и о сліяніи съ нимъ тайнаго и финансоваго совѣтовъ; повелѣвалось только вступить въ послѣдній герцогу Аршоту, котораго мы уже знаемъ, какъ ревностнаго роялиста. Вигліусъ, правда, былъ отставленъ отъ должности президента тайнаго совѣта, но онъ еще цѣлыхъ четыре года исправлялъ ее, такъ какъ все не пріѣзжалъ изъ Испаніи его преемникъ, Карлъ Тиссеманъ, членъ мадридскаго совѣта по нидерландскимъ дѣламъ [1]).

[1]) *Strada*, 107.

[1]) *Hopper*, 44—46, 60.—*Strada*, 107, 151.—*Vita Vigl.* 45. *Not. ad Vit. Vigl.* 187.—*Burgund.* 105 и слѣд., 119.

Усиленіе указовъ о вѣрѣ. Всеобщее сопротивленіе націи.

Не успѣлъ возвратиться Эгмонтъ, какъ явились усиленные приказы противъ еретиковъ, какъ бы посланные ему вдогонку изъ Испаніи; они опровергали привезенныя имъ радостныя вѣсти о счастливой перемѣнѣ въ образѣ мыслей монарха. Съ ними пришелъ и списокъ тріентскихъ постановленій, въ томъ видѣ, какъ они были приняты въ Испаніи и теперь должны были вводиться въ Нидерландахъ, причемъ подписывался смертный приговоръ нѣкоторымъ перекрещенцамъ и другимъ еретикамъ. Тутъ Вильгельмъ Молчаливый проговорилъ: „Графа обошло испанское коварство. Самолюбіе и тщеславіе ослѣпили его проницательность: онъ забылъ общее благо изъ-за собственныхъ выгодъ". Лживость испанскаго министерства была на-лицо; это безчестное поведеніе возмутило лучшихъ людей страны. Но никто не пострадалъ больше, чѣмъ графъ Эгмонтъ; онъ понялъ, что послужилъ игрушкой испанскаго лукавства и неумышленно сталъ предателемъ отечества. Онъ громко и горько жаловался: „Такъ эти наружныя милости были не что иное, какъ уловка, чтобы предать меня на посмѣяніе моихъ согражданъ и погубить мое доброе имя! Если король такъ думаетъ сдерживать данныя мнѣ въ Испаніи обѣщанія, то пусть Фландрія достается кому-угодно, я же всенародно докажу моимъ удаленіемъ отъ дѣлъ, что я ни при чемъ въ этомъ вѣроломствѣ". И вправду, испанское министерство не могло найти лучшаго средства подорвать кредитъ столь важнаго человѣка, какъ публично показавъ обожающимъ его согражданамъ, что цѣнитъ его высоко [1]).

[1]) *Starda*, 113.

Между тѣмъ синодъ пришелъ къ слѣдующему заключенію, которое тотчасъ же было переслано королю: „Что касается религіознаго обученія народа, улучшенія нравственности духовенства и воспитанія юношества, то тріентскія постановленія уже настолько позаботились объ этомъ, что приходится только поскорѣе привести ихъ въ исполненіе. Императорскіе указы противъ еретиковъ не должны подвергаться никакимъ измѣненіямъ; можно только *тайно* дать понять судамъ, что слѣдуетъ казнить смертью лишь упорныхъ еретиковъ и ихъ проповѣдниковъ, что должно дѣлать различіе между сектами и принимать во вниманіе возрастъ, званіе, полъ и характеръ обвиняемыхъ. Если всенародныя казни воспламеняютъ фанатизмъ, то не лучше ли прибѣгать къ *исгероическимъ галерамъ*, которыя не такъ бросаются въ глаза и не менѣе дѣйствительны, чтобы подавить это высокое мнѣніе о мученичествѣ? Проступки, проистекающіе изъ простого своенравія, изъ любопытства и легкомыслія, можно бы карать денежными пенями, изгнаніемъ или даже тѣлесными наказаніями [1]).

Пока тянулось время между этими совѣщаніями, отчеты о которыхъ отсылались въ Мадридъ и вновь ожидались оттуда, процессы противъ сектантовъ замолкли или по крайней мѣрѣ велись весьма вяло. Съ изгнаніемъ министра Гранвеллы, благодаря анархіи въ высшихъ куріяхъ, которая распространялась оттуда по провинціальнымъ судамъ, а также вслѣдствіе смягченнаго взгляда знати, секты подняли голову, а ихъ апостолы свободно предавались жаждѣ об-

[1]) *Hopper*, 49—50. — *Burgund*, 110, 111.

раженія. Судьи инквизиціи потеряли уваженіе, вслѣдствіе плохой поддержки со стороны свѣтской власти, которая нерѣдко явно брала ихъ жертвы подъ свою защиту. Католическая часть націи ожидала многаго отъ постановленій тріентскаго собора и отъ Эгмонтова посольства въ Испанію; и эти ожиданія, казалось, оправдывались радостными извѣстіями, привезенными графомъ, который не переставалъ распространять ихъ по простотѣ своего сердца. Но чѣмъ больше отвыкала нація отъ строгости религіозныхъ процессовъ, тѣмъ болѣзненнѣе должна была она почувствовать внезапное и усиленное возобновленіе ихъ. При такихъ-то условіяхъ пришло королевское посланіе изъ Испаніи, въ отвѣтъ на мнѣніе епископовъ и на послѣдній запросъ главной штатгальтерши.

Оно гласило: „Какъ бы ни истолковывалъ графъ Эгмонтъ словесныя выраженія короля, послѣднему никогда и въ голову не приходило измѣнить хоть букву въ карательныхъ указахъ, изданныхъ его отцомъ, императоромъ, въ провинціяхъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Онъ, съ своей стороны, повелѣваетъ впредь исполнять эти указы строжайшимъ образомъ, твердо поддерживать инквизицію свѣтскою властью и примѣнять постановленія тріентскаго собора во всѣхъ провинціяхъ невозбранно и безусловно. Онъ вполнѣ одобряетъ мнѣніе епископовъ и богослововъ, не исключая мягкости относительно возраста, пола и характера лицъ, хотя полагаетъ, что его указы не страдаютъ отсутствіемъ умѣренности. Успѣхи ереси слѣдуетъ приписать лишь недостатку рвенія и вѣроломству судей. А посему впредь нерадивые будутъ отставляемы отъ должности и замѣняемы лучшими. Инквизиція должна, не взирая ни на что человѣческое, дѣлать свое дѣло твердо, безстрашно и безстрастно, не оглядываясь ни впередъ, ни назадъ. Король заранѣе одобряетъ все, какъ бы далеко ни зашла она: лишь бы только она избѣгала скандаловъ“ [1]).

Это королевское посланіе, которому оранская партія приписывала всѣ послѣдующія страданія Нидерландовъ, возбудило сильнѣйшее движеніе между государственными совѣтниками, и выраженія, которыя они употребляли о немъ въ обществѣ случайно или намѣренно, распространяли ужасъ въ народѣ. Снова воскресъ страхъ передъ испанской инквизиціей, а при ней, казалось, уже разваливается вся конституція страны. Уже слышалось, какъ замуровываютъ темницы, куютъ цѣпи и ошейники, ставятъ костры. Всѣ кружки были переполнены этими разговорами, и страхъ уже не сдерживалъ ихъ. На домахъ дворянъ наклеивались листки, гдѣ взывали къ нимъ, какъ древній Римъ къ своему Бруту, о спасеніи умирающей свободы. Появлялись злые пасквили на новыхъ епископовъ-палачей, какъ ихъ называли. Поповство осмѣивалось въ комедіяхъ, и клевета такъ же мало щадила тронъ, какъ и римскій престолъ [1]).

Испуганная этими слухами регентша созвала всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ и рыцарей, чтобы посовѣтоваться съ ними, какъ держать себя въ такомъ тяжеломъ положеніи. Мнѣнія раздѣлились, и возникли горячіе споры. Дѣло затягивалось, колеблясь между *страхомъ* и *долгомъ*, какъ вдругъ поднялся старикъ Вигліусъ и поразилъ все собраніе своимъ рѣшеніемъ. „Теперь—сказалъ онъ—нечего и думать объ оглашеніи королевскихъ распоряженій, пока не подготовимъ монарха къ тому пріему, который ожидаетъ ихъ, по всей вѣроятности; скорѣе слѣдуетъ внушить судьямъ инквизиціи, чтобы они не злоупотребляли своей властью и отложили суровость“. Еще болѣе изумились, когда выступилъ затѣмъ принцъ Оранскій и началъ оспаривать это мнѣніе. „Воля короля — сказалъ онъ — слишкомъ ясно и опредѣленно выражена, чтобы кто-либо осмѣлился долѣе медлить ея исполненіемъ, навлекая на себя упрекъ въ непростительномъ упрямствѣ“.—„Я беру на себя такой упрекъ—прервалъ его Вигліусъ.—Я готовъ подвергнуться его немилости. Если мы этимъ купимъ ему спокойствіе его Нидерландовъ, то наше упрямство, наконецъ, заслужитъ его благодарность“. Регентша уже начала склоняться къ этому мнѣнію, какъ вдругъ принцъ остановилъ ее, восклицая съ горячностью: „Что принесли намъ многія представленія, сдѣланныя ему, многія письма, посланныя ему, и посольство, которое недавно отправляли мы ему? Ничего! Чего же намъ еще ждать? Неужели *мы*, еще государственные совѣтники, захотимъ одни навлечь на себя всю его немилость, оказавъ ему, на свой страхъ, услугу, за которую онъ никогда не поблагодаритъ насъ?“ Собраніе растерялось, не зная, на что рѣшиться и ничего не понимая. Ни

[1]) Inquisitores praeter me intueri neminem volo. Lacessant scelus securi. Satis est mihi, si scandalum declinaverint. *Burgund*, 118.

[1]) *Grot*, 19.—*Burgund*, 122.—*Hopper*, 61.

у кого не хватало духа ни примкнуть къ этому мнѣнію, ни возстать противъ него. Но принцъ призвалъ къ себѣ на помощь прирожденную боязливость регентши, отрѣзывавшую ей выборъ. Послѣдствія ея злополучнаго послушанія бросались въ глаза, это правда, — но еслибы она счастливо избѣгла ихъ мудрой непокорностью, чѣмъ можно было доказать, что она дѣйствительно опасалась ихъ? И она выбрала самый печальный изъ двухъ совѣтовъ: будь, что̀ будетъ, а королевскіе указы должны быть обнародованы. Итакъ, на этотъ разъ побѣдила оппозиція, и былъ сбитъ съ коня единственный мужественный другъ правительства, который имѣлъ мужество навлечь на себя немилость своего монарха, чтобы только сослужить ему службу [1]). Съ этимъ засѣданіемъ исчезло спокойствіе главной штатгальтерши; съ этого дня на Нидерланды обрушились всѣ бури, которыя безъ перерыва кипѣли въ ея груди. Когда расходились совѣтники, принцъ Оранскій сказалъ одному изъ нихъ, стоявшему по близости: „Ну, теперь скоро намъ дадутъ большую трагедію“ [2]).

[1]) *Burgund* 123, 124. — *Meteren*, 76. — *Vita Vigl.* 45.

[2]) Историки испанской партіи не преминули выставить поведеніе Оранскаго въ этомъ засѣданіи не въ его пользу и ликовали отъ этого доказательства нечестности его характера. Онъ — говорили они — до тѣхъ поръ во всемъ противился мѣрамъ двора словомъ и дѣломъ, т. е. пока хоть сколько-нибудь можно было опасаться ихъ примѣненія; теперь же принцъ впервые сталъ на сторону короля, когда добросовѣстное исполненіе его приказовъ было бы, вѣроятно, вредно ему. Чтобы доказать королю, какъ дурно онъ дѣлалъ, пренебрегая его предостереженіями, чтобы похвалиться, что «я-де предсказывалъ это», поставилъ онъ на карту благо націи, за которое только и хотѣлъ бороться до тѣхъ поръ. Все его прежнее поведеніе доказываетъ, что онъ считалъ исполненіе указовъ бѣдствіемъ, а теперь вдругъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и послѣдовалъ противоположному плану, хотя со стороны націи продолжались прежнія требованія, и онъ сдѣлалъ это лишь потому, что теперь послѣдствія тяготѣли бы надъ королемъ. Итакъ, ясно — продолжаютъ противники Оранскаго: — имъ руководило не столько *благо* его народа, сколько злоба противъ короля: ему нипочемъ пожертвовать первымъ, чтобы только удовлетворить своей ненависти къ послѣднему.

Однако дѣйствительно ли Оранскій жертвовалъ націей, содѣйствуя этимъ указамъ? Говоря точнѣе, настаивая на *обнародованіи* указовъ, помогалъ ли онъ ихъ *исполненію?* Напротивъ, не вѣроятнѣе ли, что только первымъ онъ могъ остановить послѣднее? Нація была въ броженіи и, по всѣмъ соображеніямъ (развѣ самъ Вигліусъ не боялся этого?), разгоряченныя партіи должны были оказать указамъ сопротивленіе, которое принудило бы короля къ уступчивости. Теперь, сказалъ себѣ Оранскій, моей націей овладѣло одушевленіе, съ которымъ можно удачно бороться противъ тираніи. Если я упущу эту минуту, тираннія найдетъ средства *добиться* тайными переговорами и кознями того, что не удалось ей путемъ открытаго насилія. Она будетъ преслѣдовать ту же цѣль, только осторожнѣе и мягче, а только *крайность* можетъ объединить мою націю для единой цѣли, увлечь ее до смѣлаго шага. Итакъ, ясно, что принцъ только нарочно измѣнилъ свой *языкъ* относительно короля; относительно же народа онъ дѣйствовалъ совершенно согласно со всѣмъ своимъ прежнимъ поведеніемъ. И какія же могли у него быть обязанности предъ королемъ, которыя не совпадали бы съ его долгомъ относительно республики? Неужели онъ долженъ былъ *остановить* насиліе именно въ ту минуту, когда за него поплатился бы виновникъ? Неужели онъ оказалъ бы услугу своему отечеству, еслибы удержалъ его палача отъ поспѣшности, которая одна только могла спасти народъ отъ неизбѣжной судьбы?

И появился приказъ всѣмъ штатгальтерамъ провинцій — строжайше исполнять какъ плакаты императора, такъ и указы, изданные нынѣшнимъ правительствомъ противъ еретиковъ; какъ постановленія тріентскаго собора, такъ и рѣшенія послѣднихъ епископскихъ синодовъ, а также содѣйствовать инквизиціи самимъ и ревностно побуждать къ тому же подвѣдомственныя имъ власти. Съ этой цѣлью, каждый штатгальтеръ долженъ былъ выбрать изъ подчиненнаго ему совѣта надежнаго человѣка, который усердно объѣзжалъ бы провинціи, строго разслѣдовалъ, надлежаще ли исполняютъ данные приказы низшіе чиновники, и чрезъ каждые два мѣсяца посылалъ бы точный отчетъ обо всемъ въ резиденцію. Архіепископамъ и епископамъ были разосланы списки съ тріентскихъ постановленій, по испанскому оригиналу; имъ внушалось, что въ случаѣ, если имъ понадобится содѣйствіе свѣтской власти, штатгальтеры ихъ епархіи должны являться къ нимъ на помощь, съ своими войсками, но лучше бы имъ обращаться за этимъ къ главной штатгальтершѣ. Отъ этихъ постановленій не ограждаетъ никакая привилегія; но король желаетъ и повелѣваетъ, чтобы ихъ исполненіе отнюдь не затрагивало особыхъ мѣстныхъ судовъ въ провинціяхъ и городахъ [1]).

Эти приказы, прочтенные герольдомъ всенародно въ каждомъ городѣ, произвели на народъ впечатлѣніе, вполнѣ оправдывавшее страхъ президента Вигліуса и надежды принца Оранскаго: всѣ штатгальтеры отказались исполнять ихъ и грозили отставкой, если вздумаютъ силой принуждать ихъ

[1]) *Strada*, 114. — *Hopper* 53—54. — *Burg.*, 115. — *Meteren*, 77. *Grot*, 18.

повиноваться. „Распоряженія — отвѣчали они—основаны на совершенно ложныхъ показаніяхъ фанатиковъ [1]). Справедливость возмущается отъ чудовищнаго количества жертвъ, изо дня въ день скопляющихся въ нашихъ рукахъ. Вовсе не наша задача—предавать пламени 50—60 тысячъ людей изъ нашихъ округовъ". Противъ тріентскихъ постановленій возстало особенно низшее духовенство: въ нихъ жестоко нападали на его невѣжество и порчу нравовъ и грозили ненавистною реформой. Теперь оно приносило въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ высшіе интересы церкви; съ горькими упреками нападало оно на постановленія и на весь соборъ и посѣвало въ умахъ сѣмена мятежа. Воскресъ тотъ вопль, которымъ раньше встрѣтили монахи новыхъ епископовъ. Наконецъ, архіепископу камбрейскому удалось, хотя и не безъ большихъ препятствій, обнародовать постановленія. Труднѣе было исполнить это въ Мехельнѣ и Утрехтѣ, гдѣ архіепископы разошлись съ своимъ духовенствомъ: послѣднее обвиняли въ томъ, что оно скорѣе приведетъ всю церковь къ погибели, чѣмъ подчинится исправленію нравовъ [2]).

Среди провинцій громче всѣхъ раздавался голосъ Брабанта. Чины этой страны снова выдвинули свою великую привилегію, въ силу которой туземца нельзя было судить въ чужомъ судѣ. Они кричали о присягѣ короля ихъ уставамъ и объ условіяхъ, на которыхъ они клялись ему въ повиновеніи. Левенъ, Антверпенъ, Брюссель и Герцогенбушъ торжественно протестовали особой бумагой, которую они послали главной штатгальтершѣ [3]). А она все не понимала ничего, все колебалась между партіями, не имѣя духу ни повиноваться королю, ни тѣмъ болѣе ослушаться его; она все собирала совѣтъ, выслушивала голоса за и противъ и всегда приставала къ самому невыгодному для себя мнѣнію. Кто говорилъ, что нужно опять обратиться въ Испанію; кто, вслѣдъ затѣмъ находилъ это средство слишкомъ медленнымъ: опасность-де настоятельна; нужно считаться съ бурей и на свой страхъ приноравливать королевскіе приказы къ обстоятельствамъ. Наконецъ, штатгальтерша велѣла просмотрѣть лѣтописи Брабанта, чтобы почерпнуть примѣръ въ инструкціи перваго инквизитора, поставленнаго Карломъ V въ провинціи. Эта инструкція не похожа на нынѣшнія, но король, вѣдь, объявилъ, что не вводитъ ничего *новаго*: стало быть, дозволительно подгонять новые плакаты къ старымъ мѣрамъ. Правда, эта сдѣлка не отвѣчала высокимъ требованіямъ брабантскихъ чиновъ, которые желали полной отмѣны инквизиціи; но она послужила знакомъ къ подобнымъ же протестамъ и къ столь же храброму сопротивленію въ другихъ провинціяхъ. Не дожидаясь, пока герцогиня придетъ къ какому-нибудь рѣшенію, онѣ самовольно отказали инквизиціи въ послушаніи и содѣйствіи. Религіозные судьи, только что призванные строгимъ приказомъ къ своему суровому долгу, оказались безъ поддержки со стороны свѣтской власти; ихъ лишили всякаго значенія и поддержки, и на ихъ жалобы дворъ отвѣчалъ пустыми словами. Желая ладить со всѣми партіями, штатгальтерша разошлась со всѣми [1]).

Между тѣмъ, какъ все это происходило между дворомъ, куріями и чинами, народомъ овладѣвалъ всеобщій духъ мятежа. Начали выдвигать права подданныхъ и разбирать власть королей. Многіе говорили, и не слишкомъ тихо: „Нидерландцы не такъ глупы, чтобы не знать, чѣмъ обязанъ подданный государю, а государь подданному, и чтобы не найти средствъ разрушать силу силой, хотя пока еще нѣтъ повода къ тому". Въ Антверпенѣ, во многихъ мѣстахъ былъ даже прибитъ листокъ, который требовалъ отъ государственнаго совѣта жаловаться каммергерихту въ Шнейерѣ на испанскаго короля за то, что онъ нарушилъ присягу и льготы страны, ибо Брабантъ, какъ часть Бургундскаго округа, подлежитъ дѣйствію соглашеній, заключенныхъ въ Пассау и Аугсбургѣ. Въ то же самое время кальвинисты огласили свое исповѣданіе вѣры и заявили въ предисловіи, обращенномъ къ королю, что они, несмотря на то, что ихъ сто тысячъ, живутъ спокойно и несутъ всѣ земскія тягости

[1]) Число еретиковъ весьма различно обозначалось у обѣихъ партій: оно сокращалось или преувеличивалось, смотря по требованію ихъ интересовъ и страстей, и одна и та же партія говорила разное, съ измѣненіемъ ея выгодъ. Если шла рѣчь о новыхъ учрежденіяхъ для угнетенія народа, о введеніи судовъ инквизиціи и т. п., масса протестантовъ оказывалась неисчислимой, необозримой. Если же, наоборотъ, заговаривали о снисходительности къ нимъ, о мѣрахъ въ ихъ пользу, ихъ оказывалось такъ мало, что не стоило дѣлать нововведеній изъза такого ничтожнаго количества дурныхъ людей.—*Hopper*, 62.

[2]) *Hopper*, 55, 62.—*Strada*, 115.—*Burg.*, 115.—*Meteren*, 76, 77.

[3]) *Hopper*, 63—64. *Strada*, 115.

[1]) *Vita Vigl*, 46.

наравнѣ съ остальными подданными; а отсюда ясно—прибавляли они—что они вовсе не думаютъ о возстаніи. Въ обществѣ распространялись свободныя, опасныя сочиненія, которыя описывали испанскую тиранію отвратительными красками и напоминали націи объ ея привилегіяхъ, а также и объ ея силахъ [1]).

Военныя приготовленія Филиппа противъ Порты, а также снаряженія герцога брауншвейгскаго Эриха, ближайшаго сосѣда страны (неизвѣстно для чего), усиливали всеобщее подозрѣніе, что инквизиція будетъ навязана Нидерландамъ насильно. Объ этомъ говорили уже многіе именитые купцы; они собирались покинуть свои дома и имѣнія, чтобы искать похищенную у нихъ свободу въ другихъ странахъ свѣта. Другіе искали вождя, и съ ихъ устъ срывались намеки на сопротивленіе силой и на иностранную помощь [2]).

Въ такомъ-то бурномъ положеніи штатгальтерша лишилась послѣднихъ совѣтовъ и опоры: ее покинулъ и тотъ единственный человѣкъ, который былъ необходимъ ей теперь и который самъ толкалъ ее въ это положеніе. „Теперь — писалъ ей принцъ Оранскій—невозможно слѣдовать приказамъ короля, не воспламеняя междоусобной войны. Если же будутъ настаивать, я буду принужденъ просить замѣнить меня другимъ лицомъ, которое болѣе соотвѣтствовало бы намѣреніямъ его величества и имѣло бы больше вліянія на умы націи. Надѣюсь, что моя ревностная служба королю во всѣхъ другихъ случаяхъ оградитъ мой нынѣшній шагъ отъ всякаго дурного истолкованія: вѣдь, при современномъ положеніи дѣлъ, мнѣ не остается другого выбора, какъ или ослушаться короля, или дѣйствовать во вредъ отечеству и себѣ самому". Съ тѣхъ поръ Вильгельмъ Оранскій вышелъ изъ государственнаго совѣта и удалился въ свой городъ Бреду, гдѣ слѣдилъ за ходомъ событій въ бдительной тишинѣ и врядъ ли безучастно. Его примѣру послѣдовалъ графъ Горнъ [1]). Только Эгмонтъ все еще метался между республикой и престоломъ, все еще возился съ попыткой соединить въ себѣ добраго гражданина съ вѣрнымъ подданнымъ; онъ болѣе нуждался въ милости короля и былъ менѣе равнодушенъ къ ней, чѣмъ другіе. Эгмонтъ не былъ въ силахъ забросить сѣмена своего счастья, которыя именно тогда процвѣтали при дворѣ регентши. Тамъ оставался пробѣлъ послѣ удаленія принца Оранскаго, который, по нуждѣ и по своему превосходному уму, имѣлъ на нее вліяніе крупной личности, покоряющей себѣ мелкія души, и графъ Эгмонтъ безгранично овладѣлъ довѣріемъ герцогини, благодаря тому сочувствію, которое легко установляется между *трусостью* и *добродушіемъ*. Маргарита одинаково боялась какъ раздражить *народъ* исключительнымъ довѣріемъ къ приверженцамъ короны, такъ и навлечь на себя немилость короля тѣснымъ сближеніемъ съ открытыми главарями оппозиціи; ея довѣріе всего лучше могло сосредоточиться именно на графѣ Эгмонтѣ, о которомъ не легко было сказать, къ какой изъ двухъ партій принадлежитъ онъ.

---

[1]) Регентша указывала королю на 5.000 такихъ сочиненій (*Strada*, 117). Замѣчательно, какую великую роль играли въ нидерландскомъ возстаніи типографія и публицистика. Этимъ путемъ одна горячая голова говорила милліонамъ. Среди пасквилей, отличавшихся въ большинствѣ низостью, грубостью и звѣрствомъ, составлявшими отличительную черту большинства тогдашнихъ протестантскихъ партійныхъ сочиненій, встрѣчаются иногда и книги, основательно защищавшія религіозную свободу.

[2]) *Hopper*, 61—62.—*Strada*, 117—118.—*Meteren*, 77.—*Allg.* Gesch. d. v. Niederl. III, 60.

[1]) *Hopper*, 67.

Lamoraldus Princeps Gaverus. Comes
Egmondanus. Flandriæ Arthesiæq Præfectus

Графъ Эгмонтъ.
Современная анонимная гравюра. (Брюссель, Cabinet des Estampes).

1565.

До сихъ поръ всеобщее спокойствіе, казалось, было искреннимъ желаніемъ принца Оранскаго, графа Эгмонта, Горна и ихъ друзей. Ими руководила *истинная* польза ихъ господина, короля, столько же, сколько и общее благо: по крайней мѣрѣ, ихъ стремленія и поступки не противорѣчили ни тому, ни другому. Еще не случилось ничего, что не сливалось бы съ вѣрностью государю, что набрасывало бы тѣнь подозрѣнія на ихъ намѣренія или выдавало бы духъ мятежа. Всѣ ихъ дѣйствія соотвѣтствовали долгу республиканцевъ, представителей и глашатаевъ націи, совѣтниковъ короля, людей правдивыхъ и честныхъ. Они боролись съ притязаніями короля, представленіями, скромными жалобами, просьбами. Ни разу не увлекались они добросовѣстною ревностью къ правому дѣлу до того, чтобы преступить тѣ предѣлы благоразумія и умѣренности, которые вообще такъ легко забываются партійностью. Но не вся республиканская знать внимала этому голосу разсудка, не всѣ держались въ этихъ границахъ умѣренности.

Между тѣмъ какъ въ государственномъ совѣтѣ обсуждали великій вопросъ о бѣдствіи и благополучіи націи, и ея присяжные ходатаи выдвигали въ ея пользу всѣ доводы разума и справедливости, а горожане и народъ отводили душу въ безплодныхъ жалобахъ, угрозахъ и проклятіяхъ, одна часть націи приступила къ *дѣйствію*, и именно та, которая была меньше всего затронута, о которой меньше всего думали. Припомнимъ одинъ классъ дворянства, о которомъ мы сказали выше, что Филиппъ, при своемъ вступленіи на престолъ, не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на его заслуги и нужды. А значительная часть этого дворянства ожидала милостей, и не столько изъ честолюбія, сколько въ силу настоятельной потребности. По вышеуказаннымъ причинамъ, многіе изъ дворянъ были обременены долгами, и у нихъ не было надежды выпутаться собственными силами. Пренебрегая ими при раздачѣ мѣстъ, Филиппъ не только задѣвалъ ихъ честь,—онъ наплодилъ среди этихъ нищихъ массу праздныхъ соглядатаевъ и неумолимыхъ судей своихъ дѣлъ злорадныхъ потатчиковъ всякихъ новшествъ. Такъ какъ у нихъ высокомѣріе не исчезло вмѣстѣ съ достаткомъ, то теперь они поневолѣ начали пускать въ оборотъ единственную неотчуждаемую собственность свою—свое *дворянство* и значеніе своихъ именъ въ республикѣ: они пустили въ об-

ращеніе свою *поддержку*—монету, которая могла имѣть цѣну только въ *такое* время. Съ самомнѣніемъ, тѣмъ болѣе великимъ, что это было ихъ единственное достояніе, эти дворяне смотрѣли теперь на себя, какъ на важнаго посредника между государемъ и бюргерствомъ, и считали себя призванными помочьугнетенной республикѣ,съ нетерпѣніемъ взывающей къ нимъ, какъ къ своей послѣдней опорѣ. Такая мысль была смѣшна, лишь какъ порожденіе тщеславія, но вовсе не пустыя выгоды извлекались отсюда. Протестантскіе купцы, владѣвшіе большею частью нидерландскихъ богатствъ и готовые всякою цѣной купить себѣ религіозную свободу, не преминули сдѣлать единственно возможное употребленіе изъ этого класса, который праздно стоялъ на рынкѣ, не встрѣчая нанимателей. Именно эти люди, на которыхъ они, въ другое время, гордо смотрѣли бы, пожалуй, съ высоты своихъ богатствъ, могли теперь сослужить имъ хорошую службу, благодаря своей многочисленности, горячности, довѣрію толпы, злобѣ къ правительству, даже ихъ отчаянію и гордости нищаго. Вотъ почему купцы всячески старались примкнуть къ нимъ, развивать въ нихъ мятежный духъ, поддерживать ихъ крайнее самомнѣніе, а главное—выручать ихъ изъ нужды своевременными денежными ссудами и соблазнительными обѣщаніями [1]). Рѣдкій изъ дворянъ былъ до того ничтоженъ, чтобы не имѣть извѣстнаго вліянія, хотя бы по родству со знатью, а всѣ они вмѣстѣ, если бы удалось объединить ихъ, могли бы поднять могучій голосъ противъ короны. Многіе изъ нихъ уже сами причисляли себя къ новой сектѣ или склонялись къ ней втихомолку; но даже у ревностныхъ католиковъ было достаточно политическихъ или частныхъ причинъ, чтобы заявить себя противниками тріентскихъ постановленій и инквизиціи. Наконецъ, уже тщеславіе подстрекало всѣхъ ихъ не упускать единственнаго случая, когда они могли изобразить собой нѣчто въ республикѣ.

Но сколько бы ни ожидалось отъ *объединенія* этихъ людей, было неосновательно и смѣшно возлагать какія-либо надежды на кого-нибудь изъ нихъ *въ отдѣльности*, а достигнуть этого объединенія было не такъ-то легко. Требовались необыкновенныя случайности, чтобы только столкнуть ихъ между собой: къ счастью, онѣ нашлись. Свадьбы владѣльца Монтиньи, одного изъ мѣстныхъ вельможъ, и принца Александра Пармскаго, происходившія тогда въ Брюсселѣ, собрали въ этомъ городѣ большую часть нидерландскаго дворянства. Понаѣхали родственники; возобновлялась старая дружба и завязывалась новая. Шли разговоры о всеобщей нуждѣ въ странѣ. Вино и веселость раскрывали уста и сердца; срывались намеки о братствѣ, о союзѣ съ иностранными державами. Вскорѣ эти случайныя сходки вызвали организованныя собранія, и открытыя бесѣды перешли въ тайныя. Случаю угодно было, чтобы въ то время въ Нидерландахъ проживали два нѣмецкихъ барона—графъ фонъ-Голле и фонъ-Шварценбергъ: они не преминули возбудить большія надежды на сосѣдскую помощь [1]) А незадолго до того графъ Людвигъ Нассаускій лично затрагивалъ подобные вопросы при разныхъ нѣмецкихъ дворахъ [2]). Говорили даже, будто тогда въ Брабантѣ видѣли тайныхъ посланцевъ адмирала Колиньи, но, сказать правду, это сомнительно.

Не было минуты въ политикѣ, болѣе благопріятной для попытки преобразованій. У кормила правленія—женщина; въ провинціяхъ—недовольные штатгальтеры, склонные къ попустительству; нѣкоторые государственные совѣтники совсѣмъ не у дѣлъ; никакой арміи въ отдѣльныхъ земляхъ. Немногочисленныя войска уже давно ропщутъ по поводу недоданнаго жалованья: и ихъ такъ часто обманывали лживыми обѣщаніями, что они уже не идутъ на эту приманку; къ тому же ими начальствуютъ офицеры, которые отъ души ненавидятъ инквизицію и сгорѣли бы со стыда отъ одной мысли обнажить мечъ за нее. Въ казнѣ—ни гроша, чтобы скоро навербовать новыя войска или нанять иностранцевъ. Брюссельскій дворъ, равно какъ и три совѣта, преисполнены внутренними раздорами и нравственной порчей. Регентша лишена полномочій, а король далеко-далеко; ихъ приверженцы въ провинціяхъ слабы числомъ и духомъ, а оппозиція могуча. Двѣ трети народа возбуждены противъ папства и жаждутъ перемѣнъ. Что за злополучная

---

[1]) *Strada*, 52.

[1]) *Burgund*, 150—*Hopper*, 67 68.

[2]) И недаромъ принцъ Оранскій внезапно исчезъ изъ Брюсселя, чтобы присутствовать во Франкфуртѣ при выборѣ императора. Съѣздъ стольких нѣмецкихъ государей долженъ былъ сильно благопріятствовать переговорамъ. *Strada*, 81.

нищета правительства! И еще злополучнѣе то, что она хорошо извѣстна врагамъ [1]).

Недоставало только вождя и видныхъ именъ, чтобы соединить столько головъ для одной цѣли и придать вѣсу готовому дѣлу. То и другое нашлось въ лицѣ графа Людвига Нассаускаго и Генриха Бредероде: эти отпрыски самаго знатнаго дворянства въ странѣ добровольно стали во главѣ движенія. *Людвигъ Нассаускій*, братъ принца Оранскаго, совмѣщалъ въ себѣ много блестящихъ качествъ и былъ достоинъ появиться на столь важной сценѣ. Въ Женевѣ, мѣстѣ своего обученія, воспринялъ онъ ненависть къ іерархіи и любовь къ новой религіи; возвратившись домой, онъ не преминулъ набирать приверженцевъ своихъ убѣжденій. Республиканское одушевленіе, почерпнутое имъ въ той же школѣ, поддерживало въ немъ пылкую злобу противъ всего *испанскаго:* ею были проникнуты всѣ его поступки; она не покидала его до послѣдняго издыханія. Папство и испанское правленіе составляли для него одно и то же, какъ было и на самомъ дѣлѣ; и отвращеніе къ одному усиливало его негодованіе на другое. Но какъ ни сходились братья въ своихъ склонностяхъ и ненавистяхъ, они удовлетворяли эти чувства различными средствами. Пылкость крови и юности не дозволяли младшему изворотовъ, которыми шелъ старшій. Холодный, равнодушный взглядъ велъ послѣдняго къ цѣли тихо, но вѣрно; гибкое благоразуміе подчиняло ему все; первый же привлекалъ иногда счастье, но больше приводилъ къ бѣдѣ своей бѣшеной необузданностью, которая все опрокидывала передъ собой. Оттого Вильгельмъ былъ полководецъ, а Людвигъ—не больше, какъ искатель приключеній, какъ надежная нервная рука, когда имъ руководила умная голова. Слово Людвига было нерушимо; его привязанности выдерживали всякіе удары судьбы; онѣ создавались въ минуту нужды, а несчастье связываетъ сильнѣе легкомысленной радости. Людвигъ любилъ своего брата, какъ свое дѣло, а за послѣднее онъ положилъ свою жизнь.

Генрихъ фонъ-Бредероде, владѣлецъ Вьяна и бургграфъ утрехтскій, происходилъ отъ старыхъ графовъ Голландіи, нѣкогда имѣвшихъ верховныя права надъ этою провинціей. Въ силу такого важнаго титула, онъ былъ дорогъ народу, который не забывалъ своихъ бывшихъ владыкъ, тѣмъ болѣе, что голландцы ожидали мало хорошаго отъ перемѣнъ. Этотъ унаслѣдованный блескъ подходилъ къ самомнѣнію человѣка, который вѣчно хвастался славой предковъ и тѣмъ охотнѣе блуждалъ среди глохнувшихъ развалинъ былого величія, чѣмъ непригляднѣе было его настоящее положеніе. Устраненный отъ всѣхъ сановъ и должностей, на которыя, казалось, онъ имѣлъ право по своему высокомѣрію и по знатности рода (ему дали только эскадронъ легкой кавалеріи), онъ ненавидѣлъ правительство и дерзалъ осыпать бранью его мѣры. Этимъ онъ привлекъ къ себѣ сердца народа. Онъ потворствовалъ также евангелическому исповѣданію, впрочемъ не столько по убѣжденію, сколько просто потому, что это было *отпаденіе*. Онъ отличался скорѣе бойкостью на словахъ, чѣмъ краснорѣчіемъ, больше дерзостью, чѣмъ мужествомъ; и смѣлъ онъ былъ скорѣе потому, что не вѣрилъ въ опасность, а не то чтобы стоялъ выше нея. Людвигъ Нассаускій пламенѣлъ передъ дѣломъ, которое защищалъ—передъ славой защищать его; первому довольно было помогать своей партіи, второй долженъ былъ стоять во главѣ ея. Никто лучше не годился для роли *запѣвалы* возстанія, но врядъли можно было найти худшаго *вождя*. Какъ, въ сущности, ни презрѣнны были его угрозы, восторгъ массъ могъ придать имъ много силы и страха, если бы онѣ вздумали выставить свои притязанія въ его лицѣ. Его собственныя притязанія на владѣніе предковъ были пустыми словами, но для всеобщаго недовольства было довольно одного слова. Одна брошюра, распространенная тогда въ народѣ, называла его открыто наслѣдникомъ Голландіи. И онъ показывалъ гравюру, на которой красовалась хвастливая надпись:

> Sum Brederodus ego, Batavae non infima gentis
> Gloria, virtutem non unica pagina claudit [1]).

1565.—Кромѣ этихъ двухъ лицъ, слѣдующіе знатные дворяне примкнули къ союзу, состоявшемуся, въ половинѣ ноября 1565 года, въ домѣ нѣкоего фонъ-Гаммеса, главы герба Золотого Руна [2]): младшій графъ Карлъ фонъ-Мансфельдъ, сынъ по-

[1]) *Grot*, 19.—*Burgund*, 154.

[1]) «Я—Бредероде, не послѣдняя слава батавскаго народа и доблесть, о которой говоритъ не одна страница». *Burg*, 351—352.—*Grot*, 20.

[2]) Ревностнаго кальвиниста и самаго старательнаго распространителя союза: онъ хвастался, что привлекъ къ нему до 2.000 человѣкъ. *Strada*, 118.

мянутаго выше ревностнаго роялиста, графъ фонъ- Кюйлембургъ, два графа Бергена и фонъ-Баттенбургъ, Іоганнъ Марниксъ, владѣтель Тулузы, Филиппъ Марниксъ, владѣтель Сентъ-Альдегонды, и мн. др. Такъ шесть [1]) человѣкъ рѣшили тутъ участь отечества, подобно тѣмъ немногимъ, которые нѣкогда создали свободу Швейцаріи; шесть человѣкъ зажгли пламя той войны, которая длилась 40 лѣтъ, и положили основаніе той свободѣ, которая имъ самимъ не принесла добра. Цѣль братства обозначена въ слѣдующей присягѣ, подъ которой первый подписался Филиппъ Марниксъ:

„Извѣстныя злонамѣренныя лица, подъ маской благочестиваго рвенія, а въ сущности лишь по своей алчности и властолюбію, внушили королю, нашему милостивому государю, намѣреніе ввести въ эти страны отвратительный инквизиціонный судъ, противный всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ и превосходящій безчеловѣчностью всѣ варварскія учрежденія слѣпого язычества,—судъ, который подчиняетъ инквизиторамъ всѣ власти, унижаетъ людей до вѣчнаго рабства и своимъ шпіонствомъ повергаетъ въ вѣчное уныніе самыхъ честныхъ гражданъ, такъ что всякій попъ, всякій вѣроломный другъ, всякій испанецъ, вообще всякій негодяй можетъ, если только ему захочется, *кого угодно* обвинить передъ этимъ судомъ, хватать его, осуждать и казнить, а обвиняемому не дозволяютъ даже знать, кто его обвинитель, и приводить доказательства своей невиновности. Посему мы, нижеподписавшіеся, соединились охранять безопасность семействъ, имуществъ и нашихъ собственныхъ особъ. Съ этой цѣлью обязуемся и соединяемся въ этотъ союзъ узами священнаго братства и торжественно клянемся насильно противодѣйствовать введенію этого суда въ сихъ земляхъ, тайному или явному и подъ какимъ бы то ни было именемъ. При семъ заявляемъ, что отъ насъ далека мысль совершать какія-либо беззаконія противъ короля, нашего господина: напротивъ, наше неизмѣнное намѣреніе—поддерживать и защищать его королевское правленіе, соблюдать миръ и по силамъ противиться всякому возмущенію. Согласно съ симъ, мы поклялись и снова клянемся теперь свято сохранять правительство и щадить его словомъ и дѣломъ: да будетъ тому свидѣтель всемогущій Богъ!

„Далѣе, клянемся и свято обѣщаемъ взаимно, одинъ за другого, всегда и вездѣ охранять другъ друга и защищаться отъ всякаго нападенія, согласно статьямъ, обозначеннымъ въ этомъ компромисѣ. Симъ обязуемся, что никакое обвиненіе со стороны нашихъ преслѣдователей, какъ бы ни называлось оно—бунтъ, возстаніе или еще иначе—не будетъ въ силахъ расторгнутъ нашу клятву относительно обвиняемаго или освободить насъ отъ нашихъ обѣщаній ему. Никакое дѣяніе, направляемое противъ инквизиціи, не можетъ называться возмущеніемъ. Поэтому кого схватятъ по сей причинѣ, тому мы обѣщаемъ здѣсь помогать по силамъ и возвратить ему свободу всякими дозволенными средствами. Тутъ, какъ и во всѣхъ нашихъ поступкахъ, въ особенности же въ дѣйствіяхъ противъ инквизиціи, мы отдаемъ себя на общій судъ союза или же подчиняемся приговору тѣхъ, кого изберемъ единодушно нашими совѣтниками и вождями.

Въ свидѣтельство сего и ради утвержденія этого союза, призываемъ святое имя Бога живого, Творца неба и земли и всего на нихъ сущаго, Который испытуетъ всякія сердца, совѣсть, помышленія и вѣдаетъ чистоту намѣреній. Молимъ Его о помощи Его Св. Духа, дабы наши намѣренія увѣнчались счастьемъ и честью, на славу Его имени, на благо нашему отечеству, на вѣчный миръ!“ [1]).

Этотъ „компромисъ“ былъ тотчасъ же переведенъ на многіе языки и быстро распространенъ по всѣмъ провинціямъ. Каждый изъ заговорщиковъ собиралъ своихъ друзей, родственниковъ, приверженцевъ и слугъ, чтобы поскорѣе расширить союзъ до огромныхъ размѣровъ. Пошли большіе пиры по цѣлымъ днямъ—непреодолимый соблазнъ для тѣхъ чувственныхъ, веселыхъ людей, у которыхъ нужда не заглушила страсти хорошо пожить. Кто являлся сюда (а рады были всякому), того увлекали лестными знаками дружбы, поджигали виномъ, соблазняли примѣромъ, одолѣвали пыломъ дикаго краснорѣчія. Многихъ заставляли подписываться насильно; поносили колеблющихся, угрожали пятившимся, перекрикивали вѣрноподданныхъ; и иной не зналъ даже, подъ чѣмъ подписывался, а потомъ стыдился спросить, въ чемъ дѣло. Всеобщее опьянѣніе не давало задумываться; многіе приставали къ партіи просто по легкомыслію; ма-

[1]) *Burgund*, 156.—*Strada*, (118) называетъ девять. – *Allg. Gesch. d. v. Nidrl.* (III, 57) упоминаетъ одиннадцать.

[1]) *Burgund*, 156, 159. *Strada*, 118.

Графъ Нассау.

ленькихъ людей привлекало товарищество вельможъ; трусливыхъ ободряло огромное число участниковъ. А вожаки прибѣгнули къ хитрости: поддѣлывали подписи и печати принца Оранскаго, графа Эгмонта, Горна, фонъ-Мегена и другихъ, — уловка, которая привлекла къ союзу не одну сотню участниковъ. При этомъ въ особенности имѣли въ виду офицеровъ, чтобы, на всякій случай, прикрыться съ этой стороны, еслибы дѣло дошло до насилій. И многіе изъ нихъ, въ особенности изъ субалтерновъ, пошли на приманку; графъ Бредероде бросился съ мечемъ на одного колебавшагося прапорщика. Подписи давали люди всякихъ классовъ и чиновъ. Религія не шла въ разсчетъ: къ союзу приставали даже католическіе священники. Побужденія были различны, но поводы одинаковы. Католики желали только отмѣны инквизиціи и смягченія указовъ; протестанты стремились къ неограниченной свободѣ совѣсти. Нѣкоторыя отчаянныя головы требовали ни больше, ни меньше, какъ полнаго низверженія правительства, и самые бѣдные изъ нихъ питали низкія надежды попользоваться при всеобщемъ разрушеніи [1]).

Прощальный пиръ, заданный именно тогда графу Шварценбергу и Голле въ Бредѣ и затѣмъ въ Гогстратенѣ, привлекъ много дворянъ, среди которыхъ уже многіе подписали компромиссъ. Тутъ были и принцъ Оранскій, графы Эгмонтъ, Горнъ и фонъ-Мегенъ, но безъ сговора: они даже не участвовали въ союзѣ, хотя одинъ изъ секретарей Эгмонта и всѣ приближенные его товарищей уже открыто приступили къ нему. На этомъ-то пиру уже триста человѣкъ заявили себя въ пользу компромиса, и былъ поднятъ вопросъ, какъ обратиться къ главной штатгальтершѣ—вооруженно или нѣтъ, съ рѣчью или прошеніемъ? Предоставили рѣшить Горну и Оранскому (Эгмонтъ вовсе не хотѣлъ вмѣшиваться). Они указывали на путь скромности и подчиненія, хотя этимъ-то и навлекли на себя обвиненіе въ томъ, что довольно открыто поддерживали дерзкій духъ заговорщиковъ. Итакъ, рѣ-

[1]) *Strada*, 119. – *Burgund*, 159 161.

шили явиться съ прошеніемъ и безоружно, и былъ назначенъ день, когда всѣмъ собраться въ Брюсселѣ [1]).

Штатгальтерша впервые узнала объ этомъ заговорѣ дворянъ отъ графа Мегена, тотчасъ по возвращеніи его. „Затѣвается одно предпріятіе—сказалъ онъ ей:—въ немъ замѣшаны триста дворянъ. Дѣло идетъ о религіи. Соучастники обязались взаимною клятвой; они очень разсчитываютъ на иностранную помощь. Вскорѣ вы узнаете о дальнѣйшемъ". Больше ничего не сказалъ онъ, какъ она ни настаивала. „Одинъ дворянинъ—замѣтилъ онъ—довѣрилъ мнѣ эту тайну и взялъ съ меня слово молчать!" Но Мегенъ воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненій не по щепетильному чувству чести, а изъ отвращенія къ инквизиціи, которой онъ вовсе не желалъ оказывать услугу. Вслѣдъ затѣмъ графъ Эгмонтъ передалъ регентшѣ списокъ компромиса, причемъ назвалъ ей имена почти всѣхъ заговорщиковъ. Почти въ то же время принцъ Оранскій писалъ ей: „Какъ слышно, имѣется въ виду набрать армію; уже назначены четыреста офицеровъ, а вслѣдъ затѣмъ явятся подъ ружьемъ двадцать тысячъ человѣкъ". Новые слухи умышленно увеличивали цифру: опасность росла при каждомъ новомъ заявленіи [2]).

Ошеломленная этими первыми извѣстіями, руководимая однимъ страхомъ, штатгальтерша быстро созвала тѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, какіе случились тогда въ Брюсселѣ, и настойчиво приглашала письмомъ принца Оранскаго и графа Горна занять въ сенатѣ покинутыя ими мѣста. Не успѣли они явиться, какъ она уже посовѣтовалась съ Эгмонтомъ, Мегеномъ и Барлемономъ, что предпринять въ такомъ тяжеломъ положеніи. Вопросъ состоялъ въ томъ—сейчасъ ли взяться за оружіе, или уступить необходимости и принять заговорщиковъ? Или же протянуть дѣло обѣщаніями и маской уступчивости, а между тѣмъ испросить приказовъ короля и запастись деньгами и войсками? Для перваго рѣшенія не хватало денегъ и необходимаго довѣрія къ арміи, которая, пожалуй, уже была на сторонѣ заговорщиковъ. Второй путь никоимъ образомъ не могъ быть одобренъ Филиппомъ II; да и онъ послужилъ бы скорѣе къ подъему духа заговорщиковъ, чѣмъ къ ослабленію ихъ энергіи. Съ другой стороны, пожалуй, можно бы задушить мятежъ въ его колыбели, искусно пустивъ въ ходъ мягкость и сразу безусловно простивъ уже случившееся. Это послѣднее мнѣніе поддерживали фонъ Мегенъ и Эгмонтъ; но Барлемонъ былъ противъ. „Слухи преувеличены, сказалъ онъ: невозможно, чтобы въ такое короткое время могли вооружиться такъ тайно и поспѣшно. Тутъ не больше, какъ скопище нѣсколькихъ негодяевъ, подожженныхъ двумятремя восторженными людьми. Стоитъ снести нѣсколько головъ—и все затихнетъ". Штатгальтерша рѣшила выждать мнѣнія собраннаго государственнаго совѣта, а между тѣмъ она не сидѣла, сложа руки. Крѣпости въ важнѣйшихъ мѣстахъ были осмотрѣны и исправлены, гдѣ нужно; посланники при иностранныхъ дворахъ получили приказаніе удвоить свою бдительность; въ Испанію были отправлены гонцы. Въ то же время регентша старалась снова пустить въ ходъ слухъ о скоромъ прибытіи короля, а сама держалась твердо и равнодушно, показывая видъ, что ждетъ нападенія и надѣется отразить его [1]).

Въ концѣ марта, т. е. цѣлыхъ четыре мѣсяца спустя по изготовленіи компромисса, въ Брюсселѣ собрали весь государственный совѣтъ. Тутъ были: принцъ Оранскій, герцогъ Аршотъ, графы Эгмонтъ, Бергенъ, Мегенъ, Аренбергъ, Горнъ, Гогстратенъ, Барлемонъ и другіе, владѣльцы Монтиньи и Гашикуръ, всѣ рыцари Золотого Руна, а также президентъ Вигліусъ, государственные совѣтники Брюсселя и остальные члены тайнаго совѣта [2]). Здѣсь уже находились на-лицо различныя письма, указывавшія подробности плана заговорщиковъ. Крайность, въ которой находилась оберъштатгальтерша, придавала недовольнымъ значеніе, которымъ они не преминули воспользоваться, и ихъ давно подавленныя чувства обнаружились. Посыпались горькіе упреки самому двору и правительству. Принцъ Оранскій замѣтилъ: „Король только-что послалъ сорокъ тысячъ золотыхъ гульденовъ шотландской королевѣ, чтобы поддержать ея замыслы противъ Англіи, а свои Нидерланды онъ оставляетъ задыхаться подъ бременемъ долговъ. Не будемъ говорить о неумѣстности этой помощи и объ ея неудачѣ [3]); но зачѣмъ же онъ возбуж-

[1]) *Burgund*. 150. 166.
[2]) *Hopper*, 69, 70.— *Burgund*, 166, 167.

[1]) *Strada*, 120.— *Burgund*, 168, 169.
[2]) *Hopper*, 71, 72. *Burgund*, 173.
[3]) Деньги попали въ руки англійской королевы Елизаветы.

даетъ противъ насъ гнѣвъ королевы, дружба которой столь важна для насъ, а вражда—такъ опасна?" При этомъ принцъ не могъ удержаться отъ намека на скрытую ненависть Филиппа къ Нассауской фамиліи вообще и къ нему самому въ частности. „Ясно—сказалъ онъ—что онъ условился съ наслѣдственными врагами моего дома устранить меня какимъ-бы то ни было образомъ и ждетъ только случая съ нетерпѣніемъ". Его примѣръ раскрылъ ротъ графу Горну и многимъ другимъ: они начали страстно распространяться о собственныхъ заслугахъ и о неблагодарности короля. Нелегко было регентшѣ успокоить волненіе и обратить общее вниманіе на настоящій предметъ засѣданія. Спрашивалось, допустить или нѣтъ заговорщиковъ, которые, какъ уже стало извѣстно, рѣшили обратиться ко двору съ прошеніемъ? Герцогъ Аршотъ, графы Аремберг, Магенъ и Барлемонъ дали отрицательный отвѣтъ. Послѣдній воскликнулъ: „Къ чему цѣлыхъ пятьсотъ человѣкъ, чтобы передать одну бумажку? Это соединеніе уничиженія съ упорствомъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Пусть пришлютъ къ намъ одного почтеннаго человѣка изъ своей среды, безъ торжественности, безъ притязаній и такимъ образомъ заявятъ намъ свои требованія. Иначе—закрыть дверь передъ ними, а если пустить, то наблюдать за ними строжайше и казнить смертью перваго, кто обнаружитъ дерзость". Графъ Мансфельдъ, собственный сынъ котораго находился среди заговорщиковъ, заявилъ себя врагомъ ихъ партіи: онъ-де уже погрозилъ сыну лишеніемъ наслѣдства, если тотъ не выйдетъ изъ компромиса. Графы Мегенъ и Аремберг также не совѣтовали принимать прошеніе; но принцъ Оранскій графы Эгмонтъ, Горнъ и Гогстратенъ и многіе другіе настойчиво стояли за принятіе. „Члены союза—заявили они—извѣстны намъ, какъ люди правдивые и честные; по большей части, они состоятъ съ нами въ дружныхъ и родственныхъ отношеніяхъ, и мы ручаемся за ихъ поведеніе. Всякому подданному дозволительно подать прошеніе; было бы несправедливо отказать столь почтенному обществу въ правѣ, которымъ пользуется въ государствѣ самый низкопоставленный человѣкъ". Большинство голосовъ присоединилось къ этому мнѣнію, — и рѣшили допустить членовъ союза, но съ условіемъ, что они явятся безоружно и будутъ вести себя скромно. Пререканія между членами совѣта отняли столько времени, что дальнѣйшія обсужденія отложили на второе засѣданіе, которое открылось на слѣдующій же день[1]).

Чтобы не упустить, какъ вчера, главной цѣли изъ-за безполезныхъ споровъ, регентша теперь тотчасъ приступила къ дѣлу. „Бредероде—сказала она—насколько намъ извѣстно, явится къ намъ, чтобы просить, именемъ союза, объ отмѣнѣ инквизиціи и смягченіи указовъ. Приговоръ сената долженъ опредѣлить, что́ я должна отвѣчать ему; но прежде, чѣмъ вы выскажетесь, позвольте мнѣ кое-что предложить. Мнѣ говорятъ, что многіе, даже между вами, открыто порицаютъ указы о вѣрѣ, изданные императоромъ, моимъ отцомъ, и представляютъ ихъ народу чѣмъ-то безчеловѣчнымъ, варварскимъ. Но, спрашиваю васъ, рыцарей Руна, совѣтниковъ его величества и государства, не вы ли сами одобрили эти указы? И развѣ чины имперіи не признали ихъ законными? Почему же порицаютъ теперь то, что прежде считали правомъ? Ужъ не оттого ли, что эти мѣры теперь стали болѣе необходимы, чѣмъ прежде? Съ какихъ это поръ инквизиція стала чѣмъ-то необычайнымъ въ Нидерландахъ? Развѣ не прошло уже 16-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она была введена императоромъ? И чѣмъ же она жесточе указовъ? Если признаютъ эти указы дѣломъ мудрости, если штаты единодушно освятили ихъ, то откуда же это отвращеніе къ инквизиціи, которая, вѣдь, гораздо человѣчнѣе ихъ, если исполнять буквально? Но я не желаю вліять этимъ на ваше сужденіе: говорите свободно, только смотрите, чтобы страсть не руководила дѣломъ" [2]).

Государственный совѣтъ, по обыкновенію, раздѣлился; но партія Оранскаго преодолѣла тѣхъ немногихъ, которые высказались за инквизицію и за буквальное исполненіе указовъ. И принцъ сказалъ:

„Еслибы Небу угодно было, чтобы мои представленія были признаны достойными вниманія, когда они были еще далеки отъ опасеній, то не пришлось бы прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, и люди не погрязали бы еще глубже въ заблужденіяхъ, благодаря именно этимъ мѣрамъ, которыми хотѣли исправить ихъ. Какъ видите, мы всѣ согласны въ главномъ. Мы хотимъ избавить католическую религію отъ опасности. Еслибы этого нельзя было достигнуть безъ инквизиціи, то мы готовы скорѣе пожертвовать нашими жизнями, чѣмъ допустить ее. Но, можетъ быть, можно достигнуть этой цѣли инымъ путемъ, и мы предлагаемъ вамъ, ваше высочество, свои совѣты. Мы полагаемъ, что слѣдовало бы отправить депутацію къ королю, чтобы просить его объ отмѣнѣ указовъ, и что до полученія отвѣта слѣдовало бы пріостановить ихъ дѣйствіе. Если король согласится, то мы будемъ спокойны; если же нѣтъ, то мы, по крайней мѣрѣ, будемъ знать, что намъ дѣлать, и что́ отвѣчать народу, который, вѣдь, ждетъ отъ насъ отвѣта".

[1]) *Strada*, 121, 122.
[2]) *Strada*, 123, 124.

Генрихъ Бредероде.

зиціи, то мы конечно предложили бы къ ея услугамъ нашу кровь и имущество; но, какъ вы слышите, именно тутъ-то большинство изъ насъ думаетъ иначе".

„Есть два рода инквизиціи. На одну притязаетъ римскій престолъ, другая съ незапамятныхъ временъ принадлежитъ епископамъ. Въ силу предразсудка и привычки, послѣдняя была сносна и легка для насъ. Она встрѣтитъ мало противорѣчія въ Нидерландахъ, и для нея достаточно было бы увеличить число епископовъ. Къ чему же еще другая инквизиція, одно имя которой возмущаетъ умы? Многія націи обходятся безъ нея: почему же ее хотятъ навязать именно *намъ*? До Лютера она не была извѣстна; первый ввелъ ее императоръ. Но это случилось въ такое время, когда не хватало духовныхъ надзирателей, когда епископовъ было мало, и они были нерадивы, а клиръ былъ устраненъ отъ служебныхъ мѣстъ, вслѣдствіе его безнравственности. Теперь не то. У насъ уже именно столько епископовъ, сколько провинцій. Почему бы искусству правленія не слѣдовать духу времени? Теперь требуется кротость, а не суровость. Передъ нами недовольство народа, которое мы должны сглаживать, чтобы оно не выродилось въ мятежъ. Со смертью Пія IV кончилось всемогущество инквизиторовъ; новый папа еще не присылалъ утвержденія, безъ котораго, бывало, никто не смѣлъ исполнять своей должности. Стало быть, теперь-то время пріостановить инквизицію, не нарушая ничьихъ правъ.

„Сказанное объ инквизиціи относится и къ указамъ. Потребность времени *вынудила* ихъ, но она уже прошла. Столь долгій опытъ долженъ былъ, наконецъ, убѣдить насъ, что костры и мечъ — самое плохое средство противъ ереси. Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала новая религія въ провинціяхъ лишь въ нѣсколько лѣтъ! А вглядитесь въ ихъ причины—и вы увидите, что

все дѣло въ стойкости жертвъ жестокости. Людей увлекаютъ состраданіе и благоговѣніе, и они начинаютъ думать тайкомъ, что то-то и есть истина, что отстаивается съ такою непоколебимостью. Во Франціи и Англіи столь же сурово поступали съ протестантами: принесло ли это больше пользы, чѣмъ у насъ? Уже первые христіане говорили, что сѣменемъ ихъ церкви была кровь мучениковъ. Этою истиной былъ проникнутъ и императоръ Юліанъ, этотъ жесточайшій врагъ христіанства: убѣжденный, что гоненія лишь разжигаютъ восторженность, онъ прибѣгнулъ къ вышучиванію и насмѣшкѣ и нашелъ, что это орудіе гораздо могущественнѣе насилія. Въ греческой имперіи возникали, въ разныя времена, различныя секты—Арій при Константинѣ, Аэцій при Констанціѣ, Несторій при Ѳеодосіи; но нигдѣ не показывали ни самихъ этихъ расколоучителей, ни ихъ учениковъ, похожихъ на тѣхъ, что опустошаютъ *наши* земли,— и гдѣ теперь всѣ эти секты, которыя, прибавлю, чуть ли не стремились охватить весь свѣтъ? Таковъ ужъ ходъ еретичества: презирайте его—и оно разсыпется прахомъ. Это—то же желѣзо, которое ржавѣетъ въ покойномъ состояніи и становится острымъ лишь при употребленіи. Не смотрите на ересь—и она потеряетъ свою главную прелесть, прелесть новизны и запретнаго плода. Почему же намъ не довольствоваться мѣрами, испытанными столь великими правителями? Примѣры лучше всего уясняютъ дѣло.

„Но зачѣмъ намъ примѣры изъ языческой древности? Передъ нами славный образецъ величайшаго изъ королей, Карла V: побѣжденный, наконецъ, долгимъ опытомъ, онъ за много лѣтъ передъ отреченіемъ отъ престола покинулъ кровавый путь преслѣдованія и перешелъ къ кротости. Самъ Филиппъ, нашъ милостивый государь, сначала, кажется, склонялся къ пощадѣ; нѣчто иное внушили ему совѣты Гранвеллы и ему подобныхъ, — насколько справедливо, пусть рѣшатъ они сами. Мнѣ же всегда казалось, что законы тогда только будутъ имѣть успѣхъ, когда они будутъ сообразоваться съ нравами и взглядами времени. Въ заключеніе, припомню вамъ точное соглашеніе между гугенотами и фламандскими протестантами. Мы должны опасаться усилить его еще больше. Относительно *нихъ* мы не должны быть французскими католиками; не вздумали бы они играть роль гугенотовъ противъ *насъ* и, подобно имъ, повергнуть свое отечество въ ужасы междоусобія“ [1]).

На этотъ разъ представленія принца Оранскаго не остались совсѣмъ безъ дѣйствія, хотя этимъ онъ былъ обязанъ не столько истинѣ и неопровержимости своихъ доводовъ, поддержанныхъ рѣшительнымъ большинствомъ въ сенатѣ, сколько упадку войска и истощенію казны, при которомъ нельзя было сопротивляться вооруженною рукой. Рѣшили кое въ чемъ уступить союзу, чтобы хоть отклонить первый натискъ, выиграть время и изготовиться для борьбы съ ними. Опредѣлили смягчить карательные указы императора, что теперь сдѣлалъ бы онъ самъ, еслибы воскресъ; вѣдь разъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, онъ самъ не счелъ ниже своего достоинства смягчить ихъ. Съ инквизиціей должно повременить тамъ, гдѣ она еще не введена, а гдѣ она уже существуетъ, смягчить ее или даже совсѣмъ пріостановить, такъ какъ „инквизиторы еще не утверждены новымъ папой“; послѣднее выраженіе объясняется тѣмъ, что не хотѣли сдѣлать даже маленькаго удовольствія протестантамъ, признавшись, что побаиваются ихъ или отдаютъ справедливость ихъ требованіямъ. Тайному совѣту поручили немедленно составить этотъ приговоръ сената. Послѣ такихъ приготовленій начали ожидать мятежа [2]).

---

[1]) *Burgund*, 174—180. – *Hopper*, 72. – *Strada*, 123, 124. Горячій приверженецъ католической церкви и испанской партіи, Бургундіусъ замѣчаетъ, что нечего удивляться такому знанію философіи, блещущему въ рѣчи принца: онъ почерпнулъ его изъ сношеній съ Балдуиномъ (р. 180).

[2]) *Strada*, 124, 125.

ГЕЗЫ.

Не успѣлъ разойтись сенатъ, какъ по всему Брюсселю разнеслась вѣсть, что члены союза приближаются къ городу. Было всего двѣсти коней, но молва преувеличивала ихъ число. Ошеломленная регентша спрашивала, затворить ли предъ ними ворота, или спасаться бѣгствомъ? Оба плана были отвергнуты, какъ недостойные; да и тихій въѣздъ дворянъ тотчасъ устранилъ всякое опасеніе насилій. Въ первое утро члены союза собрались въ домѣ Кюйлембурга, гдѣ Бредероде взялъ съ нихъ вторую клятву въ томъ, что они будутъ стоять другъ за друга, пренебрегая всякими *другими обязанностями*, и если понадобится, — даже съ оружіемъ въ рукахъ. Тутъ имъ было показано также письмо изъ Испаніи, извѣщающее, что тамъ сожженъ живымъ, на медленномъ огнѣ, одинъ протестантъ, котораго всѣ они знали и цѣнили. Послѣ подобнаго вступленія Бредероде сталъ вызывать одного за другимъ по именамъ, принималъ новую присягу за нихъ самихъ и за отсутствующихъ и заставлялъ ихъ повторять прежнюю. Затѣмъ для подачи прошенія былъ назначенъ слѣдующій день—5-е апрѣля 1566 года [1]).

Теперь ихъ насчитывалось отъ 300 до 400. Тутъ было много ленниковъ знатнаго дворянства, а также знатные служители самого короля и герцогини [2]). Предводимые графами Нассаускимъ и Бредероде, они двинулись ко дворцу, по четыре человѣка въ рядъ; весь Брюссель слѣдовалъ за необычайнымъ зрѣлищемъ въ молчаливомъ изумленіи. Передъ глазами населенія поднялись люди смѣлые и упорные, вовсе не похожіе на просителей, и во главѣ ихъ шли два мужа, которыхъ толпа не привыкла видѣть въ роли униженныхъ. Но, съ другой стороны, шествіе представляло столько порядка, повиновенія и скромной тишины, несовмѣстимыхъ съ мятежомъ. Штатгальтерша принимаетъ дворянъ, окруженная всѣми своими совѣтниками и рыцарями Руна. Бредероде обращается къ ней съ почтительной рѣчью: „Эти благородные нидерландцы, собравшіеся здѣсь предъ вашимъ высочествомъ, а также весьма многіе, имѣющіе вслѣдъ затѣмъ прибыть сюда, желаютъ представить вамъ прошеніе, важность котораго, равно какъ и наше повиновеніе, явствуетъ изъ этого торжественнаго шествія. Въ качествѣ уполномоченнаго отъ сообщества, покорнѣйше прошу васъ принять это прошеніе, въ которомъ нѣтъ ничего, что не соотвѣтствовало бы благу отечества и достоинству короля".

„Если это прошеніе—возразила Маргарита—дѣйствительно не содержитъ въ себѣ ничего противнаго благу отечества и достоинству короля, то оно несомнѣнно будетъ удовлетворено".

„Мы—продолжалъ ораторъ—узнали съ неудовольствіемъ и прискорбіемъ, что нашему союзу приписываютъ подозрительныя цѣли и стараются заранѣе очернить его въ глазахъ вашего высочества; посему предлагаемъ вамъ назвать намъ виновниковъ столь тяжкихъ обвиненій и потребовать, чтобы они выступили формально и открыто съ ихъ доношеніями, дабы тотъ, кто окажется дѣйствительно виновнымъ, понесъ заслуженное наказаніе".

[1]) *Strada*, 126.
[2]) *Hopper*, 73.

„Конечно—отвѣчала регентша—на меня нельзя сѣтовать за то, что я, въ силу невыгодныхъ извѣстій о намѣреніяхъ и связяхъ союза, обратила на это вниманіе штатгальтеровъ провинцій. Но я никогда не назову виновниковъ этихъ извѣстій". И она прибавила съ недовольнымъ видомъ: „Никто не вправѣ требовать отъ меня выдачи государственныхъ тайнъ". Затѣмъ регентша отпустила членовъ союза до слѣдующаго дня, когда имъ дадутъ отвѣтъ на ихъ прошеніе, о чемъ она теперь еще разъ стала совѣщаться съ рыцарями [1]).

Вотъ это прошеніе, составленное, какъ утверждали нѣкоторые, знаменитымъ Балдуиномъ: „У насъ никогда не было недостатка въ вѣрности королю, и теперь мы далеки отъ ея нарушенія. Но мы скорѣе готовы навлечь на себя немилость нашего государя, чѣмъ оставлять его долѣе въ неизвѣстности насчетъ худыхъ послѣдствій, которыми грозятъ нашему отечеству насильственное введеніе инквизиціи и дальнѣйшее примѣненіе указовъ. Долго мы утѣшались надеждой, что всеобщее собраніе штатовъ поможетъ бѣдѣ, но теперь, когда и она исчезла, считаемъ долгомъ предостеречь штатгальтершу относительно предстоящаго вреда. Посему просимъ ваше высочество послать въ Мадридъ благонамѣренное и хорошо освѣдомленное лицо, которое побудило бы короля отмѣнить инквизицію, согласно съ единодушнымъ желаніемъ націи, уничтожить прежніе указы и замѣнить ихъ, на всеобщемъ собраніи штатовъ новыми, болѣе человѣчными. А пока получится рѣшеніе короля, пусть указы будутъ пріостановлены, а инквизиція бездѣйствуетъ". Въ заключеніе говорилось: „Если же окажется, что не внемлютъ нашей покорной просьбѣ, то беремъ Бога, короля, регентшу и всѣхъ ея совѣтниковъ въ свидѣтели, что *мы* сдѣлали все, съ нашей стороны, въ предупрежденіе несчастій" [2]).

На слѣдующій день члены союза явились къ регентшѣ за рѣшеніемъ тѣмъ же порядкомъ, но еще въ большемъ числѣ: къ нимъ пристали графы Бергенъ и Кюйлембургъ со своими свитами. Маргарита написала на поляхъ прошенія: „Не въ моей власти совсѣмъ пріостановить инквизицію и указы; но я хочу, согласно желанію членовъ союза, послать въ Испанію одного дворянина и всѣми силами поддержать вашу просьбу предъ королемъ. А покуда будетъ внушено штатгальтерамъ поступать умѣренно; зато я ожидаю отъ союза, что онъ воздержится отъ всякихъ насилій и не станетъ ничего предпринимать противъ католической вѣры".

Какъ ни мало удовлетворяло членовъ союза это слишкомъ общее и уклончивое обѣщаніе, они никакъ не могли ожидать, на первый разъ, ничего больше. Исполненіе или неисполненіе просьбы не имѣло ничего общаго съ настоящею цѣлью союза. Пока было достаточно, что она подана; было на-лицо хоть что-нибудь, чего могъ держаться въ будущемъ мятежный духъ, чѣмъ можно было грозить правительству, если понадобится. И союзники не измѣнили своему плану, удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ и предоставляя остальное рѣшенію короля. Вообще вся эта комедія была выдумана съ цѣлью скрывать подъ видомъ просителей отважные планы союза, пока онъ не окрѣпнетъ такъ, чтобы показаться въ своемъ истинномъ свѣтѣ: оттого-то союзникамъ было гораздо важнѣе поддерживать эту маску и добиться принятія прошенія, чѣмъ ускорять рѣшеніе. И вотъ, три дня спустя, они новой бумагой настаивали, чтобы регентша засвидѣтельствовала, что они *лишь исполнили свой долгъ, одушевляемые усердіемъ къ службѣ короля.*

Герцогиня уклонилась отъ отвѣта. Тогда они уже съ лѣстницы послали къ ней одного изъ своихъ повторить ихъ просьбу. Она отвѣчала: „только время да ваше дальнѣйшее поведеніе будутъ судьями вашихъ намѣреній [1]).

На пирахъ создался союзъ; на пиру же онъ завершился и принялъ форму. Въ тотъ самый день, когда было подано второе прошеніе, Бредероде угощалъ заговорщиковъ въ Кюйлембургскомъ домѣ. Собралось до трехсотъ гостей. Хмель придавалъ имъ смѣлости, и храбрость росла вмѣстѣ съ ихъ количествомъ. Тутъ-то вспомнили, что когда регентша поблѣднѣла при передачѣ прошенія, графъ Барлемонъ шепнулъ ей по-французски: „нечего бояться кучи *нищихъ* (gueux)!" И дѣйствительно плохія обстоятельства довели ихъ, по большей части, до такого положенія, что такое названіе весьма подходило къ нимъ. Такъ какъ именно затруднялись въ выборѣ названія для братства, то горячо схватились за слово, кото-

[1]) *Hopper*, 73. - *Strada*, 126, 127. —*Burgund.* 182, 183.

[2]) *Hopper*, 74.—*Burgund*, 162, 166.

[1]) *Hopper*, § 94.—*Strada*, 127.

рое и прикрывало дерзость предпріятія видомъ уничиженія, и было ближе всего къ истинѣ. Тотчасъ начали пить за здоровье другъ друга подъ этимъ именемъ и стали кричать съ восторгомъ: „да здравствуютъ гезы!“ Послѣ стола явился Бредероде съ сумкой, какую носили тогда странники и нищенствующая братія, повѣсилъ ее на шею, выпилъ за здоровье всей компаніи изъ деревянной кружки, поблагодарилъ всѣхъ за присоединеніе къ союзу и громко увѣрялъ, что готовъ за всякаго изъ нихъ положить свою жизнь и имущество. То же шумно повторяли сотрапезники; кружка обошла всѣхъ, и каждый, прихлебывая изъ нея, произнесъ тотъ же обѣтъ. Затѣмъ всѣ по очереди брали суму и привѣшивали ее къ себѣ, приладивъ булавку. Шумъ, вызванный всѣми этими выходками, привлекъ принца Оранскаго и графовъ Эгмонта и Горна, которые случайно проѣзжали мимо, и Бредероде, какъ хозяинъ дома, пригласилъ ихъ остаться и выпить стаканчикъ[1]). Присутствіе трехъ столь важныхъ людей привело въ восторгъ гостей, радость ихъ стала переходить за предѣлы приличія. Многіе были пьяны. Гости и слуги, серьезныя рѣчи и шутки, опьянѣніе и государственное дѣло—все дико перемѣшалось. Мало того: что рѣшили въ чаду, то исполнили, отрезвившись. Нужно было вещественно показать народу существованіе его защитниковъ: *видимый знакъ* долженъ былъ поддерживать рвеніе партіи; для этого не было ничего лучше, какъ открыто выставить это имя *гезовъ* и заимствовать у него знакъ братства. Въ нѣсколько дней Брюссель закишѣлъ пепельно-сѣрыми одѣяніями, какъ у нищенствующей братіи и покаянниковъ. Въ это монашеское платье наряжалась вся семья и слуги заговорщика. Иные стали носить на шляпахъ деревянныя, слегка посеребренныя блюдца и кружки или ножи,—все хозяйство нищенства; иные привѣшивали эти предметы къ поясамъ. На шеѣ у нихъ висѣла золотая или серебряная монета, названная потомъ „пфенигомъ гезовъ“. На одной ея сторонѣ было изображеніе короля съ надписью—„вѣрные во всемъ королю“, на другой красовались двѣ скрещенныя руки, держащія суму, съ надписью — „до нищенской сумы“. Такъ-то произошло имя гезовъ, которое потомъ носилъ всякій въ Нидерландахъ, кто отпадалъ отъ папства и поднималъ оружіе противъ короля [1]).

Прежде чѣмъ разбрестись по провинціямъ, союзники представились еще разъ герцогинѣ, чтобы склонить ее къ болѣе мягкимъ мѣрамъ относительно еретиковъ, пока придетъ отвѣтъ короля изъ Испаніи, ибо иначе народъ дойдетъ до крайности. Въ противномъ случаѣ, если бы случилось что-нибудь недоброе, пусть знаютъ, что мы-де—люди, исполнившіе свой долгъ.

Регентша отвѣчала, что она надѣется принять мѣры, при которыхъ не произойдетъ никакого безпорядка, а еслибы что случилось, въ этомъ уже будутъ виноваты члены союза. Поэтому она серьезно увѣщеваетъ ихъ исполнить и *ихъ собственныя* обѣщанія; въ особенности же они не должны ни принимать въ свой союзъ новыхъ членовъ, ни собирать частныхъ сходокъ, ни вообще затѣвать еще что-нибудь. А пока, для успокоенія ихъ, было приказано тайному секретарю Берти показать имъ приказы инквизиторамъ и свѣтскимъ властямъ поступать мягко съ тѣми еретиками, вина которыхъ не отягчается гражданскими преступленіями.

Члены союза назначили, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Брюсселя, четырехъ [2]) представителей изъ своей среды по дѣламъ союза и, сверхъ того, на каждую провинцію по дѣлопроизводителю. Нѣкоторыхъ оставили въ Брюсселѣ зорко слѣдить за всѣми движеніями двора. Наконецъ, Бредероде, Кюйлембургъ и Бергенъ покинули городъ, во главѣ 550 рыцарей, еще разъ салютовали ему, за стѣнами, выстрѣлами изъ мушкетовъ и затѣмъ разстались. Бредероде поѣхалъ въ Антверпенъ, его двое товарищей—въ Гельдернъ. Перваго предупредилъ гонецъ регентши, который извѣстилъ магистратъ Антверпена объ его прибытіи, и болѣе тысячи человѣкъ толпились у гостиницы, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Онъ показался у окна, съ кубкомъ, наполненнымъ виномъ, и воскликнулъ: „Граждане Антверпена! Я здѣсь, чтобы, съ опасностью моей жизни и имущества, снять

[1]) Впослѣдствіи Эгмонтъ писалъ въ своемъ оправданіи: «Но мы выпили только одинъ стаканчикъ. И они кричали при этомъ: «да здравствуетъ король! Да здравствуютъ *гезы*!». Я впервые слышалъ это названіе, и, конечно, оно мнѣ не понравилось. Но время было такое печальное, что приходилось многое дѣлать противъ воли, и я думалъ, что это—пустяки». *Procès criminels des Comtes d'Egmont* etc., t. I.

[1]) *Hopper*, § 91. *Strada*, 127–130. – *Burgund*, 185, 187.

[2]) *Burgundius* (188) называетъ дюжину такихъ представителей, которыхъ народъ назвалъ въ шутку двѣнадцатью апостолами.

съ васъ иго инквизиціи. Если хотите раздѣлить со мной это дѣло и признать меня вашимъ вождемъ, примите мою здравицу и поднимите руки въ знакъ ободренія". Онъ выпилъ—и всѣ руки поднялись среди шумнаго ликованія. Послѣ такого героическаго подвига, Бредероде покинулъ Антверпенъ[1]).

Тотчасъ по принятіи прошенія дворянъ, регентша приказала тайному совѣту начертать новую формулу указовъ, которая должна была служить какъ бы посредствующимъ звеномъ между повелѣніями короля и требованіями союзниковъ. Спрашивалось только, сейчасъ-ли обнародовать это смягченіе, эту, какъ называли ее, *модерацію*, или же предварительно предложить ее на утвержденіе короля [2])? Принцъ Оранскій стоялъ за первое; но ему воспротивился тайный совѣтъ, которому показалось слишкомъ смѣлымъ сдѣлать столь важный шагъ безъ вѣдома монарха и даже противъ его точнаго предписанія. Сверхъ того, опасались, что нація не будетъ довольна этою модераціей, составленной безъ созванія штатовъ, котораго именно добивались. Чтобы вынудить или, вѣрнѣе, предвосхитить согласіе чиновъ, регентша прибѣгнула къ уловкѣ: она рѣшилась спросить каждую провинцію *отдѣльно*, и прежде всѣхъ тѣ изъ нихъ, которыя наименѣе пользовались свободой,—Артуа, Геннегау, Намюръ и Люксембургъ. Черезъ это провинціи лишились возможности подстрекать другъ друга къ сопротивленію; сверхъ того, болѣе свободныя изъ нихъ, оставленныя подъ конецъ, именно Фландрія и Брабантъ, могли быть увлечены примѣромъ остальныхъ [3]). Крайне незаконнымъ путемъ застали врасплохъ городскихъ уполномоченныхъ, прежде чѣмъ они могли снестись со своими общинами, и предписали имъ глубокое молчаніе обо всемъ дѣлѣ. Такъ регентша добилась того, что однѣ земли приняли модерацію безусловно, другія—съ небольшими прибавками. Люксембургъ и Намюръ подписали ее безпрекословно. Чины Артуа добавили, что лжесвидѣтели должны подвергаться возмездію. Геннегауцы потребовали, чтобы противное ихъ привилегіямъ отобраніе имуществъ было замѣненокакимъ-нибудь другимъ наказаніемъ. Фландрія требовала полной отмѣны инквизиціи и обезпеченія за обвиняемымъ права апеллировать къ своей провинціи. Чины Брабанта поддались хитрости двора. А Зеландія, Голландія, Утрехтъ, Гельдернъ и Фрисландія—провинціи съ важнѣйшими привилегіями, которыя онѣ оберегали крайне ревниво—вовсе не были спрошены. Потребовали также мнѣнія провинціальныхъ судовъ о новомъ смягченіи; но они, надо полагать, были не особенно благопріятны, такъ какъ ихъ не послали въ Испанію [1]).

По главному содержанію этого *смягченія*, которое дѣйствительно заслуживало своего названія, можно судить о самыхъ указахъ. Оно гласило: „Писатели секты, ея вожди и учителя, а также всякій, кто даетъ имъ пристанище, укрываетъ ихъ, содѣйствуетъ еретическимъ сходкамъ или какъ либо иначе нарушаетъ общественное спокойствіе, наказуются висѣлицей, а ихъ имущество отбирается (гдѣ это допускается мѣстными законами); но если они отрекутся отъ своихъ заблужденій, то отдѣлываются казнью мечемъ, а ихъ наслѣдство остается ихъ семьямъ". Страшный соблазнъ для родительской любви! Далѣе говорилось, что легкіе и кающіеся еретики получаютъ помилованіе; а нераскаянные должны покинуть страну, но не лишаясь своего имущества, если только они не утратятъ этого преимущества совращеніемъ другихъ. Впрочемъ это благодѣяніе не распространялось на *перекрещенцевъ*, которые лишались имущества, если не очищались самымъ глубокимъ раскаяніемъ, а тѣ изъ нихъ, которые вторично впадали въ ересь, подвергались казни безъ милосердія [2]). Нѣкоторое уваженіе къ жизни и собственности, замѣчаемое въ этихъ распоряженіяхъ, легко могли принять за начало новаго образа дѣйствія испанскаго министерства, но это былъ только неизбѣжный

Значекъ (пфенигъ) гезовъ.

На передней сторонѣ изображеніе Филиппа II и кругомъ надпись: en tout fidelles au roi во всемъ вѣрные королю; на задней двѣ соединенныя руки и нищенская сума, надпись: jusques à porter la besace—до нищенской сумы.

[1]) *Strada*, 131.
[2]) *Hopper*, § 95.
[3]) *Grot.* 22.– *Burgund*, 196 и слѣд.

[1]) *Allg. Gesch. d. ver. Niederl.*, III, 72.
[2]) *Burgund*, 190 193.

шагъ, вынужденный у него стойкимъ сопротивленіемъ дворянства. И въ Нидерландахъ не очень-то были тронуты такою *модераціей*, которая, въ сущности, не отмѣняла ни одного важнаго злоупотребленія; раздосадованный народъ назвалъ ее *морде-раціей*, т. е. убіеніемъ [1]).

Когда, такимъ образомъ, вынудили у чиновъ ихъ согласіе, *модерація* была представлена государственному совѣту, и, по его подписаніи, отправлена въ Испанію къ королю, соизволеніе котораго сообщило бы ему силу закона [2]).

Посольство въ Мадридъ, о которомъ условились съ заговорщиками, было поручено сначала маркизу Бергену [3]). Но онъ весьма основательно не довѣрялъ тогдашнему расположенію короля и не желалъ одинъ справляться съ такимъ щекотливымъ дѣломъ: онъ попросилъ себѣ помощника. Послѣдній явился въ лицѣ барона Монтиньи, который уже исполнялъ разъ такое порученіе, и достославно. Но какъ послѣ того обстоятельства такъ сильно измѣнились, и Монтиньи справедливо опасался второго пріема въ Мадридѣ, то, ради своей безопасности, онъ условился съ герцогиней, что она заранѣе напишетъ о немъ монарху, а онъ будетъ подвигаться медленно со своимъ спутникомъ, чтобы еще дорогой получить отвѣтъ короля. Какъ видно, добрый геній хотѣлъ спасти его отъ судьбы, ожидавшей его въ Мадридѣ. Его путешествіе было задержано еще неожиданнымъ препятствіемъ: маркизъ Бергенъ получилъ рану при игрѣ въ мячъ и не могъ тотчасъ отправиться. Но регентша торопила — и Монтиньи отправился одинъ, но не съ тѣмъ, чтобы провести въ Испаніи дѣло своего народа, какъ онъ надѣялся, а чтобы умереть за него [4]).

Теперь положеніе дѣлъ такъ измѣнилось, поступокъ дворянства такъ приблизилъ полный разрывъ съ правительствомъ, что принцу Оранскому и его друзьямъ уже казалось невозможнымъ сохранять долѣе среднія, мягкія отношенія между республикой и дворомъ, соединять столь противорѣчивыя обязанности. Имъ, при ихъ образѣ мыслей, уже много стоило не принимать участія въ этой борьбѣ; ихъ постъ уже заставлялъ сильно страдать ихъ природное свободолюбіе, ихъ патріотизмъ, ихъ пониманіе терпимости; теперь ихъ служебное рвеніе было окончательно подорвано недовѣріемъ Филиппа, неуваженіемъ къ ихъ представленіямъ, отталкивающимъ обращеніемъ герцогини. Становилась слишкомъ тяжкой роль, которую они выдерживали до сихъ поръ съ такимъ отвращеніемъ, получая столь мало благодарности. Къ тому же изъ Испаніи приходили разные намеки, изъ которыхъ было очевидно, что король недоволенъ прошеніемъ дворянства и ихъ собственнымъ поведеніемъ при этомъ и готовитъ мѣры, которымъ отнюдь не могутъ содѣйствовать они, опоры отечественной свободы и по большей части друзья либо родственники членовъ союза [1]).

На какую сторону склониться имъ—это зависѣло вообще отъ имени, которымъ будетъ окрещенъ въ Испаніи союзъ дворянства. Если прошеніе будетъ названо мятежемъ, то имъ оставалось только одно—или *заранѣе* прибѣгнуть къ опасному объясненію со дворомъ, или помогать ему бороться съ тѣми, которые сливались съ ними интересами и душой. Они могли избѣжать этого роковаго выбора только полнымъ самоустраненіемъ отъ дѣлъ,—путь, на который они разъ уже становились и который, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, былъ больше, чѣмъ необходимъ. На *нихъ* смотрѣла вся нація. Неограниченное довѣріе къ ихъ направленію, всеобщее почитаніе, граничившее съ благоговѣніемъ къ нимъ, облагораживали дѣло, за которое они становились и губили предпріятіе, которое покидали они. Ихъ участіе въ управленіи, хотя бы только по имени, обуздывало противную партію; пока *они* находились въ сенатѣ, избѣгали насилій, все еще ожидая добра отъ мягкости. Ихъ осужденіе, хотя бы и неискреннее, отнимало духъ у оппозиціи, повергало ее въ нерѣшимость; наоборотъ, она напрягала всѣ свои силы, какъ только являлась отдаленная надежда на столь важное одобреніе. Одна и та же правительственная мѣра или могла разсчитывать на вѣрный успѣхъ, или казалась подозрительной и безполезной, смотря по тому, проходила-ли она черезъ ихъ руки, или они не знали о ней; самая уступчивость короля теряла свою главную силу, если она не была дѣломъ этихъ друзей народа. Мало того, что ихъ удаленіе отъ дѣлъ лишало

---

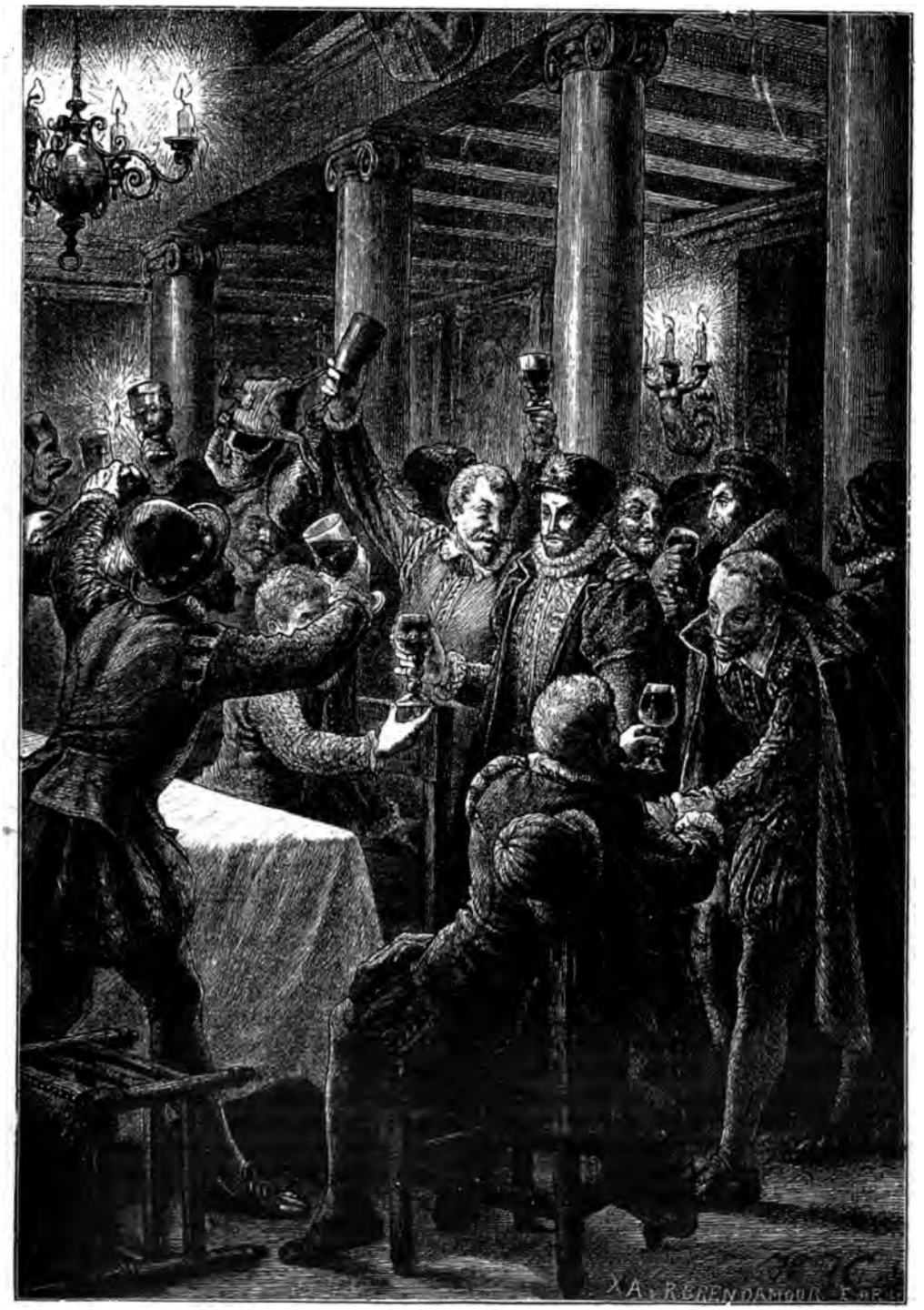
[1]) *Allg. Gesch. d. ver. Niederl*, 72.

[2]) *Vigl. ad Hopper*, VII Brief.

[3]) Не должно смѣшивать этого маркиза съ графомъ Вильгельмомъ Бергеномъ, который подписалъ компромиссъ однимъ изъ первыхъ, *Vigl. ad Hopper*, VII Brief.

[4]) *Strada*, 133, 134.

[1]) *Meteren*, 81.



Принцъ Вильгельмъ Оранскій пьетъ за здоровье гезовъ.

регентшу совѣтовъ, въ которыхъ она наиболѣе нуждалась; оно давало перевѣсъ партіи, которая не преминула бы разжечь зло, довести раздраженіе умовъ до крайности, благодаря своей слѣпой преданности двору и непониманію характера республиканцевъ.

Всякій воленъ, согласно своему мнѣнію о принцѣ, выдвигать то или другое изъ этихъ основаній; но всѣ они заставили его теперь покинуть регентшу на произволъ судьбы, устраниться отъ всякихъ дѣлъ. Предлогъ къ тому явился скоро. Принцъ высказался за немедленное оглашеніе измѣненныхъ указовъ, а штатгальтерша, слѣдуя рѣшенію тайнаго совѣта, послала ихъ предварительно королю. „Теперь для меня ясно,—воскликнулъ онъ съ притворной горячностью,—что *моимъ* совѣтамъ не довѣряютъ. Король не нуждается въ слугѣ сомнительной вѣрности, а я далекъ отъ мысли навязываться моему государю съ непріятными ему услугами. Поэтому лучше и ему, и мнѣ, если я устранюсь отъ общественныхъ дѣлъ [1])". Почти такъ же высказался графъ Горнъ. Эгмонтъ попросился въ отпускъ на воды въ Ахенъ, по совѣту врача, „хотя — сказано въ его обвинительномъ актѣ—онъ былъ само здоровье съ виду". Регентша испугалась неизбѣжныхъ послѣдствій этихъ поступковъ и крупно поговорила съ принцемъ. „Если—сказала она—на васъ не дѣйствуютъ ни мои доводы, ни общее благо, то пощадите хоть собственное доброе имя. Людвигъ Нассаускій—вашъ братъ. Онъ и графъ Бредероде, эти вожди заговора, были открыто вашими гостями. Прошеніе—то же самое, что предлагали вы до сихъ поръ въ государственномъ совѣтѣ. Стало быть, если вы теперь внезапно покинете дѣло вашего короля, не скажетъ-ли всякій, что вы потворствуете заговору?" Нельзя сказать, дѣйствительно-ли, на этотъ разъ, принцъ выступилъ изъ государственнаго совѣта; а если выступилъ, то вскорѣ раздумалъ, такъ какъ вскорѣ потомъ мы видимъ его снова среди общественныхъ дѣлъ. Эгмонтъ, кажется, сдался на доводы регентши. Одинъ Горнъ вправду удалился въ одно изъ своихъ имѣній, рѣшивъ не служить больше ни императорамъ, ни королямъ [2]).

Между тѣмъ гезы разсѣялись по всѣмъ провинціямъ, и гдѣ только ни показывались они, распространялся слухъ объ успѣхѣ ихъ предпріятія. Они увѣряли, что религіозная свобода совсѣмъ спасена и, въ доказательство, не отказывались прилгнуть, гдѣ не хватало истинныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, они показывали ложное письмо рыцарей Руна, которые будто бы заявляли торжественно, что впредь нечего бояться ни тюрьмы, ни изгнанія, ни смерти за религію; а если кто притомъ провинится въ политическомъ смыслѣ, тотъ будетъ судимъ только членами союза; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока король не условится объ этомъ иначе съ чинами государства. Хотя при первомъ извѣстіи объ этомъ обманѣ, рыцари старались раскрыть глаза націи, однако и за это короткое время выдумка успѣла сослужить большую службу заговорщикамъ. Если есть истины, дѣйствіе которыхъ ограничивается однимъ *мгновеніемъ*, то ихъ легко могутъ замѣнить вымыслы, которые продержатся только *это* мгновеніе. Слухъ поселялъ недовѣріе между штатгальтершей и рыцарями и поднималъ духъ протестантовъ новыми надеждами. Сверхъ того, онъ давалъ зачинщикамъ новшествъ нѣкоторый видъ права, прикрашивавшій ихъ поведеніе, хотя бы они сами не вѣрили ему. Пусть эта ложная мечта была быстро разсѣяна, зато въ то короткое время, когда вѣрили въ нее, она вызвала столько крайностей, излишествъ, необузданностей, что возвратъ уже сталъ невозможенъ; приходилось идти по новому пути, частью по привычкѣ, частью съ отчаянія [1]).

При первой вѣсти объ этомъ успѣхѣ, бѣжавшіе протестанты возвратились на родину, которую они покинули неохотно; скрывавшіеся вышли изъ своихъ убѣжищъ; склонявшіеся къ новой религіи лишь въ глубинѣ сердца ободрились отъ этого акта терпимости, начали открыто и громко исповѣдывать ее [2]). Имя гезовъ шумно прославлялось по всѣмъ провинціямъ: ихъ называли опорами религіи и свободы. Ихъ партія росла съ каждымъ днемъ. Многіе купцы начали носить ея знаки; они прибавили на пфенигѣ гезовъ два крестообразно сложенныхъ посоха, показывая тѣмъ, что они ежеминутно готовы, ради религіи, покинуть свой домашній очагъ. Учрежденіе союза гезовъ совсѣмъ измѣнило положеніе дѣлъ. Ропотъ народа, доселѣ немощный и презрѣнный, какъ крикъ отдѣльныхъ лицъ, образовалъ теперь нѣчто цѣлое, страшное своею

[1]) *Burgund*, 189.

[2]) Тамъ онъ бездѣйствовалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. *Обвинительный актъ противъ Горна*, 118.

[1]) *Strada*, 132, 133.

[2]) *Grot*, 2.

объединенной силой, твердостью, направленіемъ. Каждая мятежная голова считала себя теперь членомъ почтеннаго и опаснаго тѣла; ея смѣлость какъ бы *застраховывалась* въ общемъ складѣ *всеобщаго недовольства*. Тщеславнымъ льстили разговоры, что они—важное пріобрѣтеніе для союза; трусовъ соблазняла возможность затеряться въ этомъ большомъ потокѣ незамѣтно и безнаказанно. Заговоръ представлялся націи совсѣмъ не съ той стороны, которою онъ былъ обращенъ ко двору. Какъ бы чисты ни были его цѣли, какъ бы хорошо ни относился онъ къ трону въ дѣйствительности, а не по одному виду, все-таки массы хватались лишь за его *противозаконность* и совсѣмъ не видѣли его лучшихъ замысловъ.

Всенародныя проповѣди.

Для гугенотовъ и нѣмецкихъ протестантовъ не было лучшей минуты для попытки сбывать въ Нидерландахъ свой опасный товаръ. Въ каждомъ значительномъ городѣ кишѣли подозрительные пришельцы, закутанные соглядатаи, всякаго рода еретики и ихъ апостолы. Изъ всѣхъ религіозныхъ партій, отпавшихъ отъ господствующей церкви, главнымъ успѣхомъ въ провинціяхъ пользовались три. Фрисландія и сопредѣльныя земли были наводнены *перекрещенцами*, которые впрочемъ наименѣе внушали страхъ: самые бѣдные изъ всѣхъ, они были лишены главарей, организаціи и военной силы, да еще препирались между собой. Гораздо важнѣе были *кальвинисты*, въ особенности утвердившіеся въ южныхъ провинціяхъ и во Фландріи; могущественною опорой служили имъ сосѣди: гугеноты, женевская республика, швейцарскіе кантоны и часть Германіи; ихъ религія, съ легкими измѣненіями, возсѣдала на престолѣ Англіи. Они имѣли наиболѣе приверженцевъ, особенно среди купечества и простыхъ горожанъ; они были обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, гугенотамъ, изгнаннымъ изъ Франціи. *Лютеране* уступали имъ по числу и богатству, но имъ придавало значеніе дворянство, среди котораго лютеранство было наиболѣе распространено. Они занимали по преимуществу восточную часть Нидерландовъ, сопредѣльную съ Германіей. Ихъ исповѣданіе господствовало въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ государствахъ послѣдней; ихъ союзниками были самые могущественные имперскіе князья; и они могли, повидимому, съ полнымъ правомъ выставлять въ свою пользу религіозную свободу въ той Нѣмецкой имперіи, къ которой принадлежали и Нидерланды, по бургундскому договору. Всѣ эти три религіи сливались въ Антверпенѣ: здѣсь онѣ стушевывались среди массы населенія, и смѣшеніе всякихъ націй благопріятствовало свободѣ. Между тремя церквами не было ничего общаго, кромѣ неугасимой ненависти къ папству, въ особенности же къ инквизиціи и испанскому правительству, которому она служила орудіемъ. Но самое соперничество между разными вѣроученіями поддерживало ихъ ревность, разжигало ихъ фанатизмъ [1]).

Между тѣмъ, пока предположенная *модерація* еще не вошла въ силу, штатгальтерша рѣшилась удовлетворить гезовъ приказомъ штатгальтерамъ и властямъ провинцій поступать помягче въ еретическихъ процессахъ. Послѣдніе по большей части охотно послѣдовали ему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: они и безъ того съ отвращеніемъ исполняли свои обязанности палачей. Большинство важнѣйшихъ членовъ магистратовъ ненавидѣло инквизицію и испанскую тираннію; многіе даже сами принадлежали тайно къ той или другой изъ новыхъ религіозныхъ партій, а если нѣтъ, то вовсе не желали помогать своимъ заклятымъ врагамъ, испанцамъ, въ насиліяхъ надъ сво-

[1]) *Grot.* 22. *Strada*, 136.—*Burgund*, 212.

Общественная проповѣдь Германа Штрикера.

ими земляками [1]). Оттого-то они будто не поняли регентши и почти совсѣмъ остановили инквизицію и указы.

Эта снисходительность правительства, въ связи съ блестящимъ выступленіемъ гезовъ, вызвало изъ потайныхъ угловъ протестантовъ, которыхъ и безъ того накопилось столько, что они не могли скрываться долѣе. До тѣхъ поръ они довольствовались тихими ночными сходками, теперь же сочли себя достаточно многочисленными и способными внушить страхъ правительству, чтобы отважиться на открытыя собранія Они дозволили себѣ такую вольность, прежде всего, между Уденардомъ и Гентомъ, а затѣмъ и по всей Фландріи. Первый привлекъ народъ на проповѣдь подъ открытымъ небомъ нѣкій Германъ Штрикеръ, родомъ изъ Оберисселя, бывшій монахъ, покинувшій монастырь, отчаянный энтузіастъ, даровитая натура, человѣкъ съ внушительнымъ видомъ и искуснымъ языкомъ. Новизна дѣла собрала вокругъ него до семи тысячъ народу. Одинъ мѣстный судья, болѣе отважный, чѣмъ благоразумный, бросился съ обнаженнымъ мечемъ въ толпу, чтобы арестовать пропо-

[1]) *Grot.* 29.—*Burgund.* 203, 204.

вѣдника; но толпа, взявшаяся за камни за недостаткомъ оружія, приняла его такъ, что покрытый ранами, онъ былъ радъ спасти свою жизнь мольбами [1]). Первая удачная попытка ободряетъ. Народъ собрался еще въ большемъ числѣ въ Альстѣ; но на этотъ разъ всѣ уже были снабжены рапирами, ружьями и аллебардами; поставили часовыхъ и загородили входъ телѣгами и тачками. Кто случайно проѣзжалъ мимо, тотъ долженъ былъ принять участіе въ богослуженіи; для этого были выставлены особые лазутчики. У входа расположились книгопродавцы, которые предлагали за грошъ протестантскій катехизисъ, наставительныя сочиненія и пасквили на епископовъ. Апостолъ Германъ Штрикеръ говорилъ съ каѳедры, сколоченной на скорую руку изъ тачекъ и бревенъ. Растянутый парусъ защищалъ его отъ солнца и дождя. Народъ расположился съ навѣтренной стороны, чтобы не проронить словечка изъ его рѣчи, уснащенной бранью на папство. Онъ черпалъ воду изъ ближайшей рѣчки, чтобы проповѣдникъ безъ дальнихъ церемоній крестилъ новорожденныхъ, какъ въ первыя времена христіанства. Здѣсь совершались таинства по кальвинскому обряду, благословлялись новыя пары и расторгались старые браки. Сюда привалила цѣлая половина Гента. Движеніе распространялось все дальше и дальше; вскорѣ оно охватило всю Восточную Фландрію.

Западная Фландрія также была поднята на ноги другимъ сбѣжавшимъ монахомъ, Петромъ Датеномъ изъ Поперингена. На его проповѣдь стекались до 15.000 изъ разныхъ мѣстечекъ и деревень. Возбужденные своею численностью, они бросились на тюрьмы, гдѣ содержались для мученической смерти нѣкоторые перекрещенцы. На такую же дерзость пошли протестанты въ Турнэ, подстрекнутые однимъ французскимъ кальвинистомъ; они также требовали освобожденія своихъ узниковъ и не разъ грозили отдать городъ французамъ. Турнэ былъ совсѣмъ лишенъ гарнизона: комендантъ, опасаясь измѣны, отвелъ солдатъ въ крѣпость; да и тѣ отказывались идти противъ своихъ согражданъ. Сектанты возгордились до того, что требовали собственной открытой церкви въ стѣнахъ города; когда имъ отказали, они вступили въ союзъ съ Валансьеномъ и Антверпеномъ, чтобы, по примѣру другихъ городовъ, добиться своего богослуженія вооруженною рукой. Эти три города находились въ тѣсной взаимной связи, и во всѣхъ трехъ протестантская партія была одинаково сильна. Но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не рѣшался начать смуту, то согласились одновременно разразиться всенародными проповѣдями. Наконецъ, ихъ ободрило прибытіе Бредероде въ Антверпенъ. Здѣсь, какъ и въ Турнэ и Валансьенѣ, въ одинъ и тотъ же день изъ города выступили 16.000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ; матери тащили за собой своихъ крошекъ. Мѣсто было окружено связанными между собой телѣгами, за которыми укрывались вооруженные люди, чтобы охранять молитву отъ внезапнаго нападенія. Проповѣдники, частью нѣмцы, частью гугеноты, говорили по-валлонски; многіе изъ нихъ были изъ простонародья, даже рабочіе считали себя призванными къ этому святому дѣлу. Они уже не боялись никакихъ властей и законовъ, никакихъ сыщиковъ. Многихъ привлекало простое любопытство: хотѣлось послушать, что за новинки выдумываютъ эти чужіе пришельцы, о которыхъ столько говорятъ. Другіе интересовались благозвучіемъ псалмовъ, которые распѣвались во французскихъ стихахъ, по женевскому обычаю. Большинство увлекалось этими проповѣдями точно такъ же, какъ тѣми смѣшными комедіями, въ которыхъ шутовски отдѣлывалось папство, отцы тріентскаго собора, чистилище и другія ученія господствующей церкви. Чѣмъ сумасброднѣе была проповѣдь, тѣмъ сильнѣе щекотала она уши общины; и, какъ въ театрѣ, всеобщія рукоплесканія были наградой оратору, который превосходилъ другихъ въ чудовищныхъ преувеличеніяхъ. Однако на этихъ народныхъ сходкахъ насмѣшки на господствующую церковь не пропадали даромъ: онѣ, такъ же, какъ и перепадавшія тутъ крупицы разума, запечатлѣвались въ душѣ слушателей. И многіе изъ тѣхъ, которые и не думали объ исканіи истины, быть можетъ приносили ее съ собой безъ своего вѣдома [1]).

По цѣлымъ днямъ продолжались эти

---

[1]) *Burgund.* 213, 214. Одинъ человѣкъ бросается, съ неслыханнымъ звѣрствомъ, въ семитысячную толпу отчаянныхъ людей, воспламененныхъ еще общею молитвой, чтобы на ихъ глазахъ схватить обожаемое ими лицо! Одинъ этотъ фактъ доказываетъ лучше всякихъ розсказней, съ какимъ наглымъ презрѣніемъ смотрѣли тогда католики на такъ-называемыхъ еретиковъ, къ которымъ относились какъ къ выродкамъ человѣчества.

[1]) *Strada*, 132. – *Burgund*, 220—232.

сходки. И съ каждымъ разомъ росла дерзость сектантовъ; наконецъ, они позволили себѣ, послѣ богослуженія, торжественно вести своихъ проповѣдниковъ домой въ сопровожденіи вооруженныхъ всадниковъ, т. е. оскорблять законъ пышностью. Государственный совѣтъ посылалъ къ герцогинѣ гонца за гонцомъ, прося ее прибыть лично и, если можно, поселиться въ Антверпенѣ: онъ видѣлъ въ этомъ единственное средство обуздать строптивость мятежниковъ и предупредить полный упадокъ города, такъ какъ именитѣйшіе купцы, страшась грабежа, уже собирались покинуть его. Опасаясь подвергнуть авторитетъ короля такой опасной игрѣ, она отказалась, но послала вмѣсто себя графа фонъ-Мегена, чтобы условиться съ магистратомъ насчетъ призванія гарнизона. Вокругъ него шумно собралась мятежная чернь, отъ которой не укрылась цѣль его посѣщенія. Ему кричали: „Знаемъ, ты—заклятый врагъ гезовъ, ты приносишь намъ рабство и инквизицію. Немедленно вонъ изъ города!“ И смятеніе не угомонилось, пока не уѣхалъ Мегенъ.

Теперь кальвинисты этого города подали магистрату записку, доказывая, что ихъ такъ много, что они уже не могутъ больше собираться потихоньку: они требовали собственной молельни въ городѣ. Городская дума снова просила герцогиню помочь горю личнымъ присутствіемъ или хоть прислать принца Оранскаго,—единственнаго человѣка, котораго народъ еще немного уважаетъ и который связанъ съ городомъ наслѣдственнымъ титуломъ антверпенскаго бургграфа. Чтобы избѣжать худшаго, она принуждена была согласиться на второе требованіе и довѣрить Антверпенъ принцу, какъ это ни было тяжело ей. Оранскій долго отказывался, такъ какъ, повидимому, рѣшился разъ навсегда устраниться отъ государственныхъ дѣлъ; но, наконецъ, сдался на настойчивые уговоры регентши и пылкія желанія народа. Бредероде выѣхалъ къ нему навстрѣчу за полмили съ большой свитой, и съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись привѣтственными выстрѣлами изъ пистолетовъ. Антверпенъ, казалось, высыпалъ весь принять своего спасителя. Вся столбовая дорога кишѣла народомъ; снимались крыши съ сельскихъ избъ, чтобы было просторнѣе зрителямъ; люди торчали за заборами, за кладбищенскими стѣнами, на самыхъ могилахъ. Любовь народа къ принцу проявлялась въ дѣтскихъ изліяніяхъ. Старъ и малъ кричали ему: „Да здравствуютъ гезы!“ Другіе вопили: „Смотрите, вотъ кто приноситъ намъ свободу!“ Лютеране восклицали: „Онъ приноситъ намъ аугсбургское исповѣданіе!“ Другіе говорили: „Теперь ужъ не нужно гезовъ, не нужно тяжкаго путешествія въ Брюссель! Онъ одинъ—все для насъ“. Кому нечего было сказать, тѣ выражали свою радость въ псалмахъ, распѣвая ихъ шумно вокругъ него. А онъ не терялъ своей серьезности, знакомъ требовалъ молчанія и, видя, что его не слушаются, воскликнулъ, наконецъ, не то недовольный, не то тронутый: „Клянусь Богомъ, имъ слѣдовало бы оглянуться, что они надѣлали; имъ придется раскаяться въ томъ, что они теперь дѣлаютъ“ [1]). Ликованіе возрасло, когда Оранскій вступилъ въ самый городъ.

Уже изъ перваго разговора съ главарями различныхъ религіозныхъ партій, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ для разспросовъ поодиночкѣ, принцъ увидѣлъ, что главная бѣда—во взаимномъ недовѣріи партій и въ подозрительности гражданъ относительно намѣреній правительства, а слѣдовательно его первымъ дѣломъ было успокоить умы. Онъ старался убѣжденіями и хитростью вырвать оружіе изъ рукъ реформатовъ, какъ самой многочисленной партіи, что, наконецъ, удалось ему, не безъ большихъ усилій. Но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ въ Мехельнѣ были нагружены телѣги съ военными запасами, а Дроссардъ изъ Брабанта сталъ часто появляться съ вооруженными людьми въ области Антверпена, то кальвинисты испугались враждебнаго нападенія на ихъ богослуженіе: они предложили принцу уступить имъ въ стѣнахъ города такое мѣсто для проповѣдей, гдѣ они могли бы быть въ безопасности [2]). Ему удалось еще разъ успокоить ихъ, и его присутствіе устранило взрывъ смуты даже во время Успенія, когда опасались всего, при громадномъ стеченіи народа въ городѣ. Икона Богоматери была безпрепятственно обнесена кругомъ съ обычной пышностью; некатолическая чернь ограничилась незначительною бранью и негромкими упреками въ идолопоклонствѣ [3]).

1566.—Регентша постепенно получала изъ всѣхъ провинцій самыя печальныя извѣстія о высокомѣріи протестантовъ и дрожала за Антверпенъ, который она при-

[1]) *Strada*, 138, 139.—*Burgund*, 233, 234.
[2]) *Meurs Guil. Aur.* L. 1, 10 11.
[3]) *Meteren*, 83.—*Burgund*, 234.

нуждена была отдать въ опасныя руки Оранскаго; а тутъ на нее навели не мало страха совсѣмъ съ другой стороны. Тотчасъ послѣ первыхъ вѣстей о всенародныхъ проповѣдяхъ, она потребовала отъ членовъ союза исполненія обѣщанія помочь ей въ возстановленіи порядка. Графъ Бредероде воспользовался этимъ, чтобы устроить общее собраніе всего союза — въ самую опасную для того минуту. Такая хвастливая выставка внутреннихъ силъ союза, существованіе и покровительство котораго только и подстрекали протестантскую чернь на такія крайности, должна была теперь такъ же поднять духъ сектантовъ, какъ ошеломить регентшу. Сборища состоялись въ Сент-Трюйенѣ (въ провинціи Люттихъ), куда бросились Бредероде и Людвигъ Нассаускій, во главѣ двухъ тысячъ сторонниковъ союза. Такъ какъ замедленіе королевскаго отвѣта не обѣщало имъ ничего хорошаго изъ Мадрида, то они сочли нужнымъ, на всякій случай, вынудить себѣ у герцогини охранные листы. Тѣ изъ нихъ, которые питали тайную склонность къ протестантской черни, видѣли въ ея необузданности благопріятный знакъ для союза; видимая удача тѣхъ, до соучастія которыхъ снизошли они, соблазняла ихъ поднять тонъ; ихъ дотолѣ славное рвеніе вырождалось въ наглость и строптивость. Многіе думали, что слѣдуетъ воспользоваться всеобщею смутой и затруднительнымъ положеніемъ герцогини, чтобы заговорить посмѣлѣе и выставлять кучу требованій. Иначе смотрѣли на дѣло католики, изъ которыхъ многіе были въ душѣ еще глубокими монархистами и попали въ союзъ скорѣе случайно и по примѣру другихъ, чѣмъ по внутреннему побужденію; къ немалому своему изумленію, они впервые услышали тутъ о требованіи всеобщей свободы совѣсти и съ ужасомъ увидѣли, въ какое опасное дѣло попали они, поспѣшивъ черезчуръ. Именно къ этому открытію пришелъ молодой графъ Мансфельдъ. И внутренній разладъ уже началъ подрывать поспѣшное дѣло и незамѣтно разрушать скрѣпы союза [1]).

Регентша уполномочила графа Эгмонта и Вильгельма Оранскаго вступить въ переговоры съ членами союза. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, въ томъ числѣ Людвигъ Нассаускій, Бредероде и Кюйлембургъ, бесѣдовали съ ними въ Дюффлѣ, деревнѣ близъ Мехельна. „Къ чему этотъ новый шагъ?“ сказала имъ регентша устами своихъ уполномоченныхъ: „Требовали отправить пословъ въ Испанію: я отправила. Находили указы и инквизицію слишкомъ строгими: я смягчила ихъ. Предлагали всеобщее собраніе государственныхъ чиновъ: я представила эту просьбу королю, такъ какъ не могла исполнить ее собственной властью. Что же еще я не исполнила или сдѣлала, по невѣдѣнію, что вызывало бы это собраніе въ Сентъ-Трюйенѣ? Или союзники опасаются королевскаго гнѣва и его послѣдствій? Да, велико оскорбленіе, но еще болѣе велика его милость. Гдѣ же обѣщаніе союза не возбуждать волненій въ народѣ? Гдѣ эти великолѣпно звучащія слова, что они-де готовы скорѣе умереть у моихъ ногъ, чѣмъ уступить королю что-либо изъ своихъ правъ? Любители новшествъ уже натворили такихъ дѣлъ, что они весьма граничатъ съ мятежемъ и ведутъ республику къ погибели. И при этомъ они именно ссылаются на союзъ. Но если союзъ молчаливо терпитъ такія дѣла, значитъ онъ самъ себя обвиняетъ въ соучастіи съ злодѣяніемъ; если же онъ искренно стоитъ за короля, то не долженъ сидѣть сложа руки при этой разнузданности черни. А онъ самъ подаетъ опасный примѣръ разъяренной черни, заключаетъ союзы съ врагами отечества и подтверждаетъ эти худые слухи своимъ нынѣшнимъ преступнымъ собраніемъ“ [1]).

Союзъ отвѣчалъ формально бумагой, которая была передана черезъ трехъ его депутатовъ въ брюссельскомъ государственномъ совѣтѣ. Въ ней было сказано: „Все, сдѣланное вашимъ высочествомъ по нашему прошенію, принято нами съ живѣйшею благодарностью. И мы не можемъ пожаловаться ни на какое новѣйшее нововведеніе гдѣ-либо, которое противорѣчило бы вашему обѣщанію. Тѣмъ не менѣе мы теперь испытываемъ и видимъ собственными глазами постоянно и повсюду, что нашихъ согражданъ волочатъ по судамъ изъза религіи и предаютъ смерти. Не должно ли необходимо заключить отсюда, что повелѣнія вашего высочества, по меньшей мѣрѣ, исполняются судами весьма мало. Что союзъ обѣщалъ, съ своей стороны, то онъ честно исполнилъ; онъ старался по силамъ препятствовать и всенароднымъ проповѣдямъ. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что столь долгая задержка отвѣта

1) *Burgund*, 235.—*Strada*, 140.

1) *Meteren*, 84.—*Burgund*, 238, 239.

изъ Мадрида вселяетъ подозрѣніе въ умы, а обманутая надежда на общее созваніе чиновъ вовсе не внушаетъ довѣрія къ дальнѣйшимъ обѣщаніямъ. Союзъ никогда не вступалъ въ связи съ врагами страны; никогда даже онъ не чувствовалъ такого желанія. Пусть покажутся французскія войска въ провинціяхъ—и мы, союзники, первые повскачемъ на коней, чтобы изгнать ихъ. Но мы хотимъ быть искренними съ вашимъ высочествомъ. Намъ казалось, что на вашемъ лицѣ написано недоброжелательство; мы видимъ, что вашей исключительной милостью пользуются люди, прославленные своею ненавистью къ намъ. Мы слышимъ ежедневно, какъ предостерегаютъ отъ сообщества съ нами, словно съ зачумленными, и грозятъ намъ прибытіемъ короля, какъ суднымъ днемъ; естественно, что подозрительность къ намъ вызвала то же чувство и въ насъ. Упреки въ оскорбленіи величества, которыми чернятъ нашъ союзъ, военныя снаряженія герцога Савойскаго и другихъ государей, которыя, судя по слухамъ, направлены противъ насъ, переговоры короля съ парижскимъ дворомъ о проходѣ черезъ Францію испанской арміи въ Нидерланды и тому подобныя обстоятельства—все это заставило насъ подумать о собственной безопасности и подкрѣпиться связями съ нашими иностранными друзьями. На основаніи общихъ, непостоянныхъ, шаткихъ розсказней, насъ обвиняютъ въ соучастіи съ этой разнузданностью протестантской черни; но кого же не обвиняетъ общая молва? Правда, и между нами есть протестанты, для которыхъ лучшимъ подаркомъ была бы вѣротерпимость; но и они никогда не забывали своего долга передъ своимъ государемъ. Не страхъ передъ гнѣвомъ короля вызвалъ это наше собраніе. Король добръ и, надѣемся, справедливъ. Оттого мы ищемъ вовсе не прощенія или *забвенія* дѣяній, которыя составляютъ не послѣднюю изъ нашихъ заслугъ предъ его высочествомъ. Правда и то, что у насъ, въ Сентъ-Трюйенѣ, были депутаты отъ лютеранъ и кальвинистовъ; они даже вручили намъ прошеніе, которое представляемъ здѣсь вашему высочеству. Они обѣщаютъ слагать оружіе при своихъ проповѣдяхъ, если союзъ обезопаситъ ихъ и поручится за всеобщее собраніе чиновъ. Мы сочли нужнымъ обѣщать имъ и то, и другое; но одного нашего удостовѣренія недостаточно, если оно не будетъ подтверждено вашимъ высочествомъ и нѣкоторыми изъ вашихъ именитѣйшихъ совѣтниковъ. Изъ послѣднихъ никто такъ не знакомъ съ нашими дѣлами, никто такъ не искрененъ и близокъ къ намъ по взглядамъ, какъ принцъ Оранскій и графы Горнъ и Эгмонтъ. Этихъ-то трехъ мужей мы съ радостью беремъ въ посредники, если только имъ дадутъ для того надлежащія полномочія и если поручатся, что безъ нихъ не будутъ набирать войска и назначать имъ начальниковъ. Впрочемъ, мы желаемъ такого поручительства лишь на извѣстное время, по истеченіи котораго пусть король рѣшитъ, слѣдуетъ ли отмѣнить, или утвердить его. Въ первомъ случаѣ было бы справедливо назначить намъ срокъ для того, чтобы спасти отъ угрожающей опасности себя и наше имущество; достаточно будетъ трехъ недѣль. Наконецъ, мы, съ нашей стороны, обязуемся не предпринимать ничего новаго безъ участія помянутыхъ трехъ посредниковъ“ [1]).

Союзъ не могъ бы говорить столь сильно, еслибы не имѣлъ крѣпкой опоры, не надѣялся на основательную защиту, а регентша не была въ состояніи ни согласиться на его требованія, ни серьезно сопротивляться ему. Въ это время государственные совѣтники по большей части покинули Брюссель, частью разъѣхавшись по своимъ провинціямъ, частью устранившись отъ дѣлъ подъ разными предлогами. Герцогиня была лишена не только совѣтовъ, но и денегъ; она обращалась даже къ великодушію духовенства, а когда и этого средства не хватило, прибѣгнула къ лотереѣ. Ее связывалъ отвѣтъ изъ Испаніи, котораго все поджидали, но тщетно. И пришлось взяться за унизительное средство: Маргарита заключила договоръ съ членами союза въ Сентъ-Трюйенѣ о томъ, чтобы они еще 24 дня подождали рѣшенія короля, непредпринимая ничего новаго. Дѣйствительно было странно, почему король все медлитъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ на прошеніе; вѣдь, всѣмъ было извѣстно, что онъ отвѣтилъ на позднѣйшую бумагу; оттого-то регентша и торопила его настойчиво. Мало того. Какъ только начались всенародныя проповѣди, Маргарита отправила вслѣдъ за маркизомъ Бергеномъ барона Монтинье, который, какъ очевидецъ этихъ новыхъ событій, долженъ былъ горячо поддержать ея письменный отчетъ и еще больше поторопить короля [2]).

1566.—Тѣмъ временемъ прибылъ въ

---

1) *Meteren*, 84, 85. *Strada*, 141 слѣд. *Burgund.* 240—251. *Meursii* Guil. Aur. I, 1, 11 - 12.

2) *Hopper*, 117. *Burgund.* 252, 262.

Мадридъ нидерландскій посолъ, Флорентій Монтиньи, который былъ принятъ отмѣннѣйшимъ образомъ. Въ его инструкціяхъ значились такія требованія: отмѣна инквизиціи и смягченіе плакатовъ; расширеніе компетенціигосударственнаго совѣтаизакрытіе другихъ двухъ курій; желаніе націи созвать общее собраніе штатовъ; наконецъ, просьба регентши о личномъ прибытіи короля. Такъ какъ Филиппу хотѣлось только выиграть время, то Монтиньи говорили, что хотятъ обождать до прибытія его товарища, безъ котораго король не желалъ ничего рѣшать окончательно. А пока фламандцу дали право имѣть аудіенцію у монарха каждый день и въ какой-угодно часъ, причемъ Филиппъ приказалъ каждый разъ сообщать емудепеши герцогини и отвѣты на нихъ. Его нерѣдко приглашали также въ совѣтъ по нидерландскимъ дѣламъ, гдѣ онъ твердилъ, что общее собраніе штатовъ — единственное средство разсѣять смуту и что при немъ ничего больше не потребуется. Онъ доказывалъ также, что только всеобщее и неограниченное забвеніе всего прошлаго можетъ подавить *недовѣріе*, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ жалобъ и будетъ вредить впредь всякой, даже самой умѣстной мѣрѣ. Опираясь на свое точное знаніе дѣлъ и на полное знакомство съ нравомъ своихъ земляковъ, Монтиньи осмѣливался ручаться за ихъ непоколебимую вѣрность, если только король убѣдитъ ихъ своимъ прямодушіемъ въ искренности своихъ намѣреній. Въ противномъ случаѣ, руководясь тѣми же своими знаніями, онъ отказывается отъ всякой надежды: нужно, прежде всего, избавить нидерландцевъ отъ опасенія, что они служатъ королю цѣлью угнетеній и станутъ жертвой зависти испанскихъ вельможъ. Наконецъ, явился товарищъ посланника, и сущность ихъ порученій была подвергнута многократнымъ обсужденіямъ [1]).

Король находился тогда подъ Сеговіей, куда и былъ созванъ его государственный совѣтъ. Тутъ присутствовали: герцогъ Альба, графъ Феріа, донъ Гомезъ де-Фигвероа, великій командоръ ордена св. Іоанна донъ АнтоніоТоледо, оберъ-гофмейстеръ королевы донъ Іоаннъ Манрикесъ Лара, принцъ Эболи и графъ Мелито, Рюй Гомезъ, оберъ-шталмейстеръ принца Людовика Квиксада, президентъ нидерландскаго совѣта Карлъ Тиссенакве, государственный совѣтникъ и хранитель печати Гопперъ [1]) и государственный совѣтникъ Кортвиль [2]). Засѣданіе длилось нѣсколько дней; на немъ присутствовали оба посланника, но короля не было. Тутъ-то въ глазахъ испанцевъ было освѣщено поведеніе нидерландскаго дворянства; его прослѣдили шагъ за шагомъ, до глубочайшихъ источниковъ. При этомъ разныя случайности были приводимы въ небывалую связь, и въ событіяхъ, порожденныхъ мгновеніемъ, былъ усмотрѣнъ зрѣлый, широкій планъ. Выходило такъ, будто всевозможные шаги и попытки дворянства, связанные лишь случаемъ и направленные естественнымъ ходомъ дѣлъ, вытекали изъ обдуманнаго замысла ввести всеобщую свободу совѣсти и передать кормило правленія въ руки знати. Рѣшили, что первымъ шагомъ къ тому было вытѣсненіе министра Гранвеллы, за которымъ числился одинъ только грѣхъ: онъ обладалъ властью, которой захотѣлось самимъ дворянамъ. Второй шагъ — отправка графа Эгмонта въ Испанію, чтобъ уговорить короля отмѣнить инквизицію, смягчить карательные законы и расширить государственный совѣтъ. А такъ какъ этого нельзя было добиться такимъ скромнымъ путемъ, то испробовали третье, болѣе смѣлое средство — составили формальный заговоръ, союзъ гезовъ. Четвертымъ шагомъ къ той же цѣли служитъ это новое посольство, причемъ уже отважно сбрасываютъ маску и дерзаютъ дѣлать королю безсмысленныя предложенія, которыя разоблачаютъ, къ чему вели всѣ прежніе шаги. Развѣ — прибавляли совѣтники — отмѣна инквизиціи не означала бы полной религіозной свободы? Развѣ, вмѣстѣ съ святымъ судилищемъ, не погибло бы руководительство совѣстью? Развѣ предложенная *модерація* не повела бы къ полной безнаказанности всякихъ ересей? А планъ расширенія государственнаго совѣта и отмѣны двухъ остальныхъ курій развѣ не есть полная переливка государственной формы въ пользу дворянства? Развѣ это — не особое правленіе для всѣхъ нидерландскихъ провинцій? Наконецъ, развѣ эти скопища еретиковъ на всенародныхъ проповѣдяхъ не есть уже третій союзъ въ томъ же самомъ направленіи, такъ какъ стачка вельможъ въ государственномъ совѣтѣ и союзъ гезовъ оказались недостаточно сильными [3])?

[1]) *Hopper*, 98, 99, 103.

[1]) Изъ его *Mémoires*, какъ соучастника событій, взяты результаты этого засѣданія.

[2]) *Hopper* § 111.

[3]) *Hopper* § 104.

Монтиньи. Бергенъ.

Впрочемъ, каковы бы ни были источники зла, признали, что оно, во всякомъ случаѣ, серьезно и настоятельно. Конечно, немедленное личное прибытіе короля въ Брюссель было бы могущественнѣйшимъ средствомъ быстро и основательно справиться съ нимъ. Но было уже позднее время года, а приготовленія къ такому путешествію отняли бы послѣдніе дни, остававшіеся до зимы. Бури и сновавшіе въ океанѣ французскія и англійскія суда исключали сѣверный, самый короткій путь; да и мятежники могли тѣмъ временемъ овладѣть островомъ Вальхерномъ и воспрепятствовать высадкѣ короля. Стало быть, до весны нечего было и думать объ этомъ путешествіи, и за невозможностью единственнаго настоящаго средства, приходилось прибѣгнуть къ средней мѣрѣ. Рѣшили предложить королю: *во-первыхъ*, отмѣнить въ провинціяхъ папскую инквизицію, ограничившись инквизиціей епископской; *во-вторыхъ*, начертать новый планъ смягченія плакатовъ, причемъ достоинство религіи и короля должно быть соблюдено больше, чѣмъ въ присланной модераціи; *въ-третьихъ*, чтобы успокоить умы и испытать всѣ пути человѣчности, король долженъ дать оберъштатгальтершѣ полномочіе миновать всякаго, кто не сдѣлалъ чего-нибудь предосудительнаго и уже не былъ осужденъ, но за исключеніемъ проповѣдниковъ и ихъ укрывателей. Затѣмъ всякія лиги, братства, открытыя сходки и проповѣди должны быть воспрещены подъ страхомъ строгихъ наказаній. А въ случаѣ непослушанія, оберъштатгальтершѣ предоставляется употреблять обыкновенныя войска и гарнизоны для подавленія строптивыхъ силой; въ случаѣ же нужды, набирать новыя войска и назначать имъ начальниковъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, было бы недурно, еслибы его величество написалъ главнымъ городамъ, прелатамъ и вождямъ дворянства собственноручно и милостиво, дабы подстрекнуть ихъ служебное рвеніе [1]).

Какъ только это постановленіе государственнаго совѣта было представлено королю, онъ первымъ дѣломъ предписалъ совершать крестные ходы и молебствія по всѣмъ главнымъ мѣстамъ королевства, а также въ Нидерландахъ, дабы испросить у Бога руководства въ его рѣшеніи. Самъ же онъ явился лично въ государственный совѣтъ, чтобы объявить это рѣшеніе и немедленно оформить его. Онъ объявилъ созывъ общаго собранія чиновъ безполезнымъ и совсѣмъ отвергъ его, но обязался содержать на свой счетъ нѣсколько нѣмецкихъ полковъ и, въ поощреніе ихъ рвенія, выплатить имъ старыя недоимки. Регентшѣ онъ приказалъ, въ частномъ письмѣ, вооружаться потихоньку: она должна набрать въ Германіи 3.000 всадниковъ и 10.000 пѣхоты.

[1]) *Hopper*, §§ 109 - 110, 112 - 113.

Съ этою цѣлью онъ послалъ ей необходимыя бумаги и 300.000 золотыхъ гульденовъ [1]). Король прибавилъ много писемъ къ частнымъ лицамъ и городамъ; въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ онъ ихъ за испытанное рвеніе и просилъ сохранять его впредь. Такъ, Филиппъ остался неумолимъ относительно созванія государственныхъ чиновъ—этого главнаго требованія націи; онъ снизошелъ лишь до такого ограниченнаго, двусмысленнаго, зависящаго отъ произвола помилованія, что словно его вовсе не было, и умы не могли успокоиться; наконецъ, онъ отвергъ, какъ слишкомъ мягкую, ту „модерацію“, которая вызывала нареканія своею строгостью. Тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ монархъ сдѣлалъ необычайный шагъ въ пользу націи: онъ пожертвовалъ ей папскою инквизиціей, оставивъ одну епископскую, къ которой она привыкла. Нація встрѣтила въ испанскомъ совѣтѣ болѣе справедливыхъ судей, чѣмъ можно было ожидать. Неизвѣстно, имѣла ли бы эта уступчивость ожидаемое дѣйствіе въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ,— теперь же она запоздала. Когда (1566 г.) королевскія письма прибыли въ Брюссель, тамъ уже разразилось иконоборство.

[1]) *Hopper*, §§ 118, 124. *Burgund.* 288.

ИКОНОБОРСТВО.

Причинъ этого необычайнаго событія должно искать, конечно, не такъ далеко, какъ стараются многіе историки. Правда, возможно, и даже весьма вѣроятно, что французскіе протестанты усердно старались поддерживать въ Нидерландахъ разсадникъ своей религіи и всячески мѣшать полюбовному соглашенію своихъ тамошнихъ братьевъ по вѣрѣ съ испанскимъ королемъ, чтобы у этого непримиримаго врага ихъ было достаточно хлопотъ въ собственныхъ владѣніяхъ. Весьма естественно также, что ихъ выходцы въ нидерландскихъ провинціяхъ не преминули возбуждать въ угнетенныхъ братьяхъ по религіи слишкомъ смѣлыя надежды, всячески разжигать ихъ ожесточеніе противъ господствующей церкви, преувеличивать иго, подъ которымъ они стонали, и тѣмъ незамѣтно подвинуть ихъ къ совершенію безчинствъ. Возможно и то, что среди гезовъ было не мало такихъ, которые думали помочь своему проигранному дѣлу увеличеніемъ числа соучастниковъ; они надѣялись оправдать свой союзъ, вызвавъ тѣ самыя печальныя послѣдствія, насчетъ которыхъ предостерегали короля; они мечтали прикрыть свои собственные проступки всеобщимъ преступленіемъ. Но невѣроятно, чтобы иконоборство было плодомъ обдуманнаго плана, составленнаго на сходкѣ въ Сент-Трюйенѣ. Возможно-ли, чтобы въ торжественномъ собраніи столькихъ благородныхъ и храбрыхъ людей, которые въ огромномъ большинствѣ были привержены къ папству, нашелся дерзкій сумасбродъ, который предложилъ бы явную низость, не только оскорблявшую одну какую-нибудь религіозную партію, но попиравшую всякое религіозное чувство, всякую нравственность? Вѣдь, такой планъ могъ родиться лишь въ тинистыхъ нѣдрахъ низкой души черни! Ничего подобнаго нельзя допустить уже потому, что эта дикая выходка зародилась слишкомъ быстро, совершилась слишкомъ страстно и чудовищно: она быть могла лишь плодомъ *того* мгновенія, когда появилась на свѣтъ. Къ тому же она такъ естественно

вытекаетъ изъ обстоятельствъ, что для объясненія ея вовсе не требуются столь глубокія изслѣдованія.

Передъ нами грубая многочисленная толпа изъ подонковъ черни, звѣроподобная отъ звѣрскаго обращенія, гонимая отъ границы къ границѣ, затравленная до отчаянія, принужденная воровать свои молитвы, таиться съ общимъ священнымъ правомъ человѣка, какъ съ адскимъ злодѣяніемъ. Передъ ея глазами гордо вздымающіеся храмы торжествующей церкви, гдѣ ея высокомѣрные братья нѣжатся въ удобныхъ, пышныхъ молельняхъ; а она, изгнанная за стѣны, вытѣсненная можетъ быть даже меньшинствомъ, должна служить тому же Богу въ дикомъ лѣсу, подъ палящими лучами полудня, въ позорной скрытности. Она выбита изъ гражданскаго общества въ первобытное состояніе: въ страшное мгновеніе ей напомнили о правахъ этого состсянія! Чѣмъ больше этихъ несчастныхъ, тѣмъ неестественнѣе ихъ судьба; они замѣтили это съ изумленіемъ. Открытое небо, готовое оружіе, сумасбродство въ головѣ, ожесточеніе въ сердцѣ— все идетъ навстрѣчу мановенію краснобая-фанатика. Подошелъ случай: нѣтъ нужды въ сговорѣ тамъ, гдѣ всѣ глаза говорятъ одно и то же. Рѣшеніе родилось прежде, чѣмъ сказано слово. Эта разъяренная толпа бросается къ безчинству, хорошенько не зная, къ какому именно. Улыбающееся довольство враждебной религіи оскорбляетъ ихъ нищету; роскошь этихъ храмовъ посрамляетъ ихъ бѣглую вѣру. Всякій крестъ на дорогѣ, всякое распятіе, на которое наталкиваются они, служатъ побѣднымъ памятникомъ надъ ними: они должны пасть подъ ихъ мстительными руками. Фанатизмъ порождаетъ гнусность; но совершенію ея служатъ низкія страсти, которымъ дается тутъ щедрое удовлетвореніе.

1566.—Иконоборство началось въ Западной Фландріи и Артуа, въ земляхъ между Лисомъ и моремъ. Собралась неистовая шайка ремесленниковъ, моряковъ и крестьянъ, въ перемежку съ публичными женщинами, нищими и разбойничьей сволочью, — до трехсотъ человѣкъ, съ дубинами, топорами, лопатами, лѣстницами и веревками; рѣдко у кого были ножи и огнестрѣльное оружіе. Въ фанатичной ярости, бросились они въ мѣстечки и деревни у Сент-Омера, разломали запертыя ворота церквей и монастырей, низвергли алтари, разбили иконы святыхъ и топтали ихъ ногами. Разгоряченные этимъ предосудительнымъ дѣломъ, подкрѣпленные новыми толпами, двинулись они прямо на Иперн, гдѣ ожидалось большое скопище кальвинистовъ. Тутъ они безпрепятственно бросаются въ соборъ, взбираются по лѣстницамъ на стѣны, разбиваютъ молотами изображенія святыхъ, разрубаютъ топорами каѳедры и церковные стулья, сдираютъ украшенія съ алтарей, крадутъ священные сосуды. Этому примѣру тотчасъ же слѣдуютъ въ Менен, Коминѣ, Берихѣ, Лиллѣ и Уденардѣ; та же ярость въ нѣсколько дней овладѣваетъ всею Фландріей.

Въ то самое время, когда распространился первый слухъ объ этомъ, въ Антверпенѣ кишѣла толпа безпріютнаго народа, стекшагося туда по поводу праздника Успенія Богородицы. Присутствіе принца Оранскаго едва сдерживало распущенную шайку, горѣвшую нетерпѣніемъ подражать своимъ братіямъ въ Сент-Омерѣ. Но приказъ отъ двора, немедленно призывавшій его въ Брюссель, гдѣ регентша собрала тогда свой государственный совѣтъ, чтобы представить ему королевскія посланія, предоставилъ Антверпенъ на произволъ этой шайки. Его отъѣздъ послужилъ знакомъ къ буйствамъ. Испугавшись разнузданности черни, тотчасъ проявившейся въ насмѣшливыхъ намекахъ, духовенство сократило крестный ходъ и скрыло икону Богоматери на хорахъ, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, поставить ее посредине церкви. Это дало поводъ нѣкоторымъ дерзкимъ ребятамъ изъ народа посѣтить ее тамъ и насмѣшливо спросить, что это сегодня икона такъ скоро убралась? Другіе взобрались на каѳедру и давай подражать проповѣдникамъ, вызывая папистовъ на состязаніе. Одинъ морякъ-католикъ, разозлившись на эту шутку, хотѣлъ сбросить ихъ оттуда; на каѳедрѣ завязалась драка. Подобныя же сцены произошли на слѣдующій вечеръ. Толпа росла, и многіе приходили уже съ подозрительными орудіями и съ потайнымъ оружіемъ. Вдругъ кому-то вздумалось крикнуть: „да здравствуютъ гезы!“ Вся шайка вторитъ и требуетъ того же отъ иконы Богоматери. Немногіе католики, случившіеся тамъ и потерявшіе надежду остановить наглецовъ, ушли изъ церкви, заперевъ всѣ двери, кромѣ одной. Оставшись одна, толпа тотчасъ рѣшила запѣть одинъ гимнъ, по новому напѣву, запрещенному правительствомъ. Еще не кончилось пѣніе, какъ всѣ бросились, словно по данному знаку, на изображеніе Богоматери, прокололи ее мечами и ножами, наконецъ оторвали ей голову; публичныя жен-

Иконоборчество.

щины и воры схватили свѣчи съ алтарей и освѣщали работу. Прекрасный церковный органъ, перлъ тогдашняго искусства, былъ разрушенъ, всѣ картины стерты, всѣ статуи разбиты. Распятый Христосъ, въ естественную величину, стоявшій противъ главнаго алтаря между двумя разбойниками, старое и очень цѣнное произведеніе, былъ сваленъ на землю веревками и расколотъ дубинками; а оба разбойника по его сторонамъ были почтительно пощажены. Гостіи кидались на полъ и растирались ногами. Нашлось немного причастнаго вина; его роспили за здоровье гезовъ. Святымъ елеемъ смазывали сапоги. Были изрыты даже могилы; вынимали полугнилые трупы и топтали ихъ ногами. Все это происходило въ замѣчательномъ порядкѣ, словно роли были заранѣе распредѣлены. Каждый помогалъ своему сосѣду. Какъ ни трудна была работа, никто не пострадалъ, несмотря на глубокую тьму, на паденіе тяжестей, на драку на верхнихъ ступеняхъ лѣстницъ. Никого не примѣтили, хотя много свѣчей освѣ-

щало эту потѣху. Дѣло было сдѣлано невѣроятно быстро: въ нѣсколько часовъ не болѣе сотни человѣкъ опустошили храмъ съ семьюдесятью алтарями, самый большой и роскошный въ христіанскомъ мірѣ, послѣ церкви Петра въ Римѣ.

Дѣло не ограничилось соборомъ. Въ полночь, вооружившись тамъ-же забранными факелами и свѣчами, направились за тѣмъ же къ другимъ церквамъ, монастырямъ и часовнямъ. Со всякой новой гнусностью толпы увеличивались. Воры пользовались случаемъ. Таскали все, что ни подвертывалось—соуды, алтарные покровы, деньги, ризы; каждый разъ напивались въ монастырскихъ подвалахъ; монахи и монахини бросали все, чтобы избѣжать послѣднихъ посрамленій. Глухой шумъ неистовствъ пробудилъ гражданъ отъ перваго сна. Ночью опасность казалась страшнѣе, чѣмъ слѣдовало, и, вмѣсто того, чтобы бѣжать на выручку своихъ церквей, всѣ запирались въ своихъ домахъ и съ ужасомъ неизвѣстности ждали дня. Взошедшее солнце показало, наконецъ, произведенное опустошеніе; но дѣло ночи не кончилось вмѣстѣ съ нею. Еще были не тронуты нѣкоторыя церкви и монастыри; ихъ постигла та же судьба. Три дня продолжалась эта гнусность. Наконецъ, болѣе достаточные граждане испугались, какъ бы неистовая сволочь, разрушивъ все священное, не набросилась на свѣтское добро и не пощипала погребовъ съ товарами; замѣтивъ, что враговъ вовсе не много, они ободрились и показались передъ своими дверьми во всеоружіи. Затворили всѣ ворота города, кромѣ однихъ, черезъ которыя устремились иконоборцы, чтобы учинять тѣ же мерзости въ сосѣднихъ мѣстахъ.

За все это время власти только разъ осмѣлились воспользоваться своею силой: такъ боялись онѣ превосходства кальвинистовъ, которые, по ихъ мнѣнію, наняли разбойничью сволочь. Громадны были убытки, причиненные опустошеніемъ; въ одной церкви Маріи на 400.000 золотыхъ гульденовъ. При этомъ было истреблено много драгоцѣнныхъ произведеній искусства; погибло много рѣдкихъ рукописей и памятниковъ, важныхъ для исторіи и дипломатики. Магистратъ тотчасъ же приказалъ, подъ страхомъ смертной казни, возвратить похищенное, и ему усердно помогали тутъ реформатскіе проповѣдники, которые стыдились за свою религіозную партію. Такъ многое было спасено. И главари сволочи оказались не то одушевленными скорѣе фанатизмомъ и местью, чѣмъ духомъ грабительства, не то руководимыми постороннею волей: чтобы впредь избѣжать такой необузданности, они рѣшили нападать отрядами и въ лучшемъ порядкѣ [1]).

Между тѣмъ Гентъ дрожалъ передъ подобной же участью. При первомъ извѣстіи объ иконоборствѣ въ Антверпенѣ, магистратъ этого города соединился съ именитѣйшими гражданами клятвой—отражать осквернителей храмовъ силой. Когда предложили эту клятву и народу, мнѣнія раздѣлились: многіе даже прямо заявили, что вовсе не намѣрены мѣшать такому богоугодному дѣлу. При такихъ условіяхъ, католическое духовенство нашло нужнымъ снести въ цитадель лучшія драгоцѣнности церквей, и было дозволено нѣкоторымъ фамиліямъ также спрятать дары, пожертвованные ихъ предками. А пока пріостановили всякія церемоніи; суды замолкли, какъ въ завоеванномъ городѣ: всѣ дрожали передъ грядущимъ. Наконецъ, одна отчаянная шайка дерзнула обратиться къ губернатору города съ безстыжимъ предложеніемъ. „Намъ—возвѣстила она—приказано нашими старшими устранить иконы изъ церквей, по примѣру другихъ городовъ. Если намъ не будутъ противиться, дѣло обойдется тихо и безъ убытковъ; въ противномъ случаѣ, мы станемъ нападать". Молодцы дошли даже до такой дерзости, что требовали себѣ помощи со стороны судебныхъ служителей. Губернаторъ сначала былъ ошеломленъ такимъ притязаніемъ; потомъ онъ сообразилъ, что видъ закона, пожалуй, сдержитъ буйства, и не задумался дать имъ сыщиковъ.

Въ Турнэ церкви лишились своихъ украшеній въ виду гарнизона, который не хотѣлъ выступить противъ иконоборцевъ. Такъ какъ послѣдніе прослышали, будто золотые и серебряные сосуды, а также остальныя церковныя украшенія зарыты подъ землей, то они изрыли всю почву церкви; при этомъ откопали трупъ герцога Адольфа Гельдернскаго, который нѣкогда палъ въ битвѣ, во главѣ мятежныхъ гентцевъ, и былъ похороненъ въ Турнэ. Этотъ Адольфъ воевалъ съ собственнымъ отцомъ и, побѣдивъ старика, тащилъ его босымъ нѣсколько миль до темницы; но ему отплатилъ тѣмъ же Карлъ Смѣлый бургундскій. Теперь, полвѣка спустя, судьба отплатила за преступленіе противъ природы преступленіемъ про-

[1]) *Meteren.* 86. *Strada.* 145—147.—*Burgund.* 294, 295. 300. *Hopper*, § 126.—*Meurs.* Guil. Auriac. l. II, 13, 14.

тивъ религіи: фанатизмъ осквернилъ святыню, чтобы еще разъ были поруганы кости отцеубійцы [1]).

Съ иконоборцами изъ Турнэ соединились другіе, изъ Валансьена, чтобы опустошить всѣ монастыри сосѣдней области, причемъ погибла въ пламени драгоцѣнная библіотека, которую собирали въ теченіе многихъ вѣковъ. Этотъ пагубный примѣръ заразилъ и Брабантъ. Подобной же участи подверглись Мехельнъ, Герцогенбушъ, Бреда и Бергенъ-оп-Цомъ. Только провинціи Намюръ и Люксембергъ да отчасти Артуа и Геннегау были такъ счастливы, что избѣжали этого омерзѣнія. Въ одномъ Брабантѣ и Фландріи, въ 4—5 дней, было опустошено четыреста церквей [2]).

Вскорѣ и сѣверъ Нидерландовъ испыталъ неистовство, посѣтившее ихъ югъ. Голландскимъ городамъ Амстердаму, Лейдену и Гравенгагену пришлось выбирать одно изъ двухъ—или самимъ добровольно снять украшенія съ своихъ церквей, или видѣть, какъ ихъ сорвутъ насильно. Дельфтъ, Гарлемъ, Гуда и Роттердамъ избѣгли опустошенія, лишь благодаря рѣшимости своихъ магистратовъ. Такія же насилія совершились на островахъ Зеландіи, подобныя же нападенія испытали городъ Утрехтъ и нѣкоторыя мѣста въ Оберисселѣ и Гренингенѣ. Фрисландія была избавлена отъ такой же участи графомъ Аремберго̀мъ, Гельдернъ—графомъ Мегеномъ [3]).

Слухи о безпорядкахъ, приходившіе изъ всѣхъ провинцій въ преувеличенномъ видѣ, навели ужасъ на Брюссель, гдѣ именно тогда оберъ-штатгальтерша устроила чрезвычайное засѣданіе государственнаго совѣта. Рои иконоборцевъ проникли уже далеко въ предѣлы Брабанта и угрожали даже учинить свои буйства на глазахъ королевскаго величества, въ столицѣ, гдѣ они были увѣрены въ сильной помощи. Регентша страшилась за свою особу, не считая себя въ безопасности даже въ сердцѣ страны, въ кругу штатгальтеровъ и рыцарей; чтобы не отдаться на произволъ иконоборцевъ и не быть принужденной къ недостойнымъ условіямъ, она собиралась уже бѣжать въ Монсъ, въ провинціи Геннегау, — городъ, предназначенный ей герцогомъ Аршотомъ, какъ убѣжище. Напрасно рыцари ручались своей жизнью и кровью за ея безопасность и настоятельнѣйше просили ее не посрамить ихъ такимъ позорнымъ бѣгствомъ: вѣдь, скажутъ, что имъ не хватило духа или рвенія защитить свою правительницу! Напрасно самъ городъ Брюссель просилъ ее не покидать его въ такой крайности. Напрасно государственный совѣтъ настойчиво убѣждалъ ее не ободрять дерзкихъ мятежниковъ такимъ робкимъ шагомъ. Она непреклонно стояла на своемъ отчаянномъ рѣшеніи, тѣмъ болѣе, что гонецъ за гонцомъ извѣщали, будто иконоборцы уже идутъ на столицу. Былъ отданъ приказъ все изготовить къ бѣгству, которое должно было послѣдовать рано утромъ въ полной тишинѣ. На зарѣ передъ герцогиней очутился старикъ Вигліусъ, которымъ она давно уже пренебрегала, въ угоду вельможамъ. Онъ спросилъ, что значатъ эти приготовленія? Она призналась, наконецъ, что хочетъ бѣжать, и совѣтуетъ ему также спасаться. „Вотъ уже два года, какъ вы могли предвидѣть этотъ исходъ, сказалъ ей старикъ. Такъ какъ я говорилъ искреннѣе, чѣмъ ваши царедворцы, то вы лишили меня вашего государскаго вниманія и слушали только пагубные совѣты". Регентша призналась, что ошибалась и была ослѣплена видомъ честности; но теперь она подчиняется необходимости. „Намѣрены-ли вы настаивать на исполненіи королевскихъ повелѣній?" возразилъ Вигліусъ. „Да", отвѣчала герцогиня. Тогда старикъ сказалъ: „Такъ прибѣгните же къ великой тайнѣ правительственнаго искусства - къ притворству и присоединитесь съ виду къ главарямъ дворянства до тѣхъ поръ, пока съ ихъ помощью, разгоните эту бурю. Выказывайте имъ довѣріе, котораго вовсе нѣтъ въ вашемъ сердцѣ. Заставьте ихъ поклясться, что они готовы идти съ вами за одно, чтобы подавить эти безпорядки. Кто согласится на это, того облекайте своимъ довѣріемъ, какъ друга; но остерегайтесь запугивать другихъ презрѣніемъ". Вигліусъ еще долго говорилъ съ нею, пока не вошли вельможи, о которыхъ онъ зналъ, что они никоимъ образомъ не одобрятъ бѣгства регентши. Когда явились они, онъ ушелъ тихонько, чтобы отдать приказъ городской думѣ запереть ворота и не пускать никого изъ придворныхъ. Этотъ послѣдній шагъ подѣйствовалъ больше, чѣмъ всѣ представленія. Регентша, плѣненная въ собственной резиденціи, склонилась на совѣты своего дворянства, которое обѣщало стоять за нее до послѣдней капли крови. Она сдѣ-

---

[1]) *Burgund*, 315, 316.
[2]) *Meteren*, 85, 87.—*Strada*, 149.
[3]) *Burgund*, 318, 319. *Meurs*. Guil. Auriac l. II, 15.

лала графа Мансфельда начальникомъ города, наскоро увеличила гарнизонъ и вооружила весь свой дворъ [1]). Теперь состоялся государственный совѣтъ. Его окончательный приговоръ былъ таковъ: уступить необходимости; разрѣшить проповѣди тамъ, гдѣ онѣ уже начались; огласить отмѣну папской инквизиціи и старыхъ указовъ противъ еретиковъ; въ особенности же обезпечить союзному дворянству требуемую безопасность безъ ограниченій. Тотчасъ же назначили принца Оранскаго, графовъ Эгмонта и Горна и еще нѣсколько ихъ товарищей для переговоровъ съ депутатами союза. Торжественно и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ былъ освобожденъ этотъ союзъ отъ всякой отвѣтственности за подачу прошенія; и всѣмъ королевскимъ чиновникамъ и властямъ было приказано придерживаться этого заявленія и ни теперь, ни впредь не тревожить никого изъ членовъ союза изъ-за этого прошенія. Члены-же союза обязывались письменно оставаться вѣрными слугами его величества, всѣми силами содѣйствовать возстановленію спокойствія и наказанію иконоборцевъ, склонить народъ къ сложенію оружія и усердно помогать королю противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Взаимныя завѣренія были составлены въ формѣ протоколовъ и были подписаны уполномоченными обѣихъ сторонъ, а охранная грамота была собственноручно подписана герцогиней и снабжена ея печатью. Регентша сдѣлала этотъ мучительный шагъ послѣ долгой борьбы, со слезами на глазахъ, въ чемъ и признавалась королю съ трепетомъ. Она сваливала всю вину на вельможъ, которые держали ее въ Брюсселѣ, какъ въ плѣну, и принудили ее силой. Особенно горько жаловалась она на принца Оранскаго [2]).

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, всѣ штатгальтеры поспѣшили въ свои провинціи— Эгмонтъ во Фландрію, Оранскій въ Антверпенъ. Здѣсь протестанты захватили опустошенныя церкви, какъ добычу перваго встрѣчнаго, и засѣли въ нихъ по праву войны. Принцъ возвратилъ храмы законнымъ владѣльцамъ, велѣлъ поправить ихъ и возстановить въ нихъ католическое богослуженіе. Трое попавшихся иконоборцевъ поплатились висѣлицей за свое бѣшенство; нѣкоторые мятежники были высланы; многіе были наказаны. Затѣмъ принцъ созвалъ по депутату отъ всѣхъ четырехъ языковъ или, какъ называли ихъ, націй и сговорился съ ними на слѣдующихъ условіяхъ: такъ какъ, при наступающей зимѣ, проповѣди подъ открытымъ небомъ невозможны, то имъ уступаютъ три мѣста въ стѣнахъ города, гдѣ они могутъ построить новыя церкви или употребить для этого частные дома. Тамъ могутъ они совершать свое богослуженіе, но не каждый день, а только по воскресеньямъ и во всѣ праздники, всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Если на недѣлѣ не случится ни одного праздника, имъ предоставляется среда. Каждая религіозная партія не должна содержать болѣе двухъ духовныхъ лицъ, и это должны быть рожденные нидерландцы или по крайней мѣрѣ имѣть право гражданства въ одномъ изъ главныхъ городовъ провинцій. Всѣ должны присягнуть повиноваться въ гражданскихъ дѣлахъ, властямъ города и принцу Оранскому. Они должны нести бремя налоговъ наравнѣ съ остальными гражданами. Никто не долженъ являться на проповѣди вооруженнымъ, дозволяется только носить мечъ. Ни одинъ проповѣдникъ не долженъ съ каѳедры нападать на господствующую религію или вдаваться въ споры, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ которыхъ нельзя избѣжать по самому духу ученія и которые касаются нравственной стороны. Они не должны пѣть псалмовъ за предѣлами указаннаго имъ округа. При выборѣ проповѣдниковъ, старшинъ и дьяконовъ и вообще на всѣхъ своихъ консисторіальныхъ собраніяхъ, протестанты должны каждый разъ допускать правительственное лицо, которое будетъ докладывать принцу и магистрату о принятыхъ тамъ рѣшеніяхъ. Въ остальномъ они пользуются такой же охраной, какъ господствующая религія. Эти условія должны соблюдаться до тѣхъ поръ, пока король, въ соучастіи съ штатами, не опредѣлитъ иначе; но тогда никому не будетъ возбранено покинуть страну вмѣстѣ съ своей семьей и имуществомъ.

Принцъ поспѣшилъ изъ Антверпена въ Голландію, Зеландію и Утрехтъ, чтобы ввести подобный же порядокъ для возстановленія спокойствія; Антверпенъ же былъ порученъ, въ его отсутствіе, надзору графа Гогстратена—человѣка кроткаго и всегда преданнаго королю, несмотря на свою открытую приверженность къ союзу.

При этомъ договорѣ принцъ очевидно далеко вышелъ изъ своихъ полномочій и,

---

[1]) *Burgund*, 330, 331.—*Hopper*, § 128.—*Vita Vigl.* 48.

[2]) *Meteren*, 88 90. - *Hopper*, § 128—134. *Burgund.* 333 - 337. *Meurs* l. II, 16, 17.

Гогстратенъ.

служа королю, самъ поступилъ, какъ монархъ. Но онъ оправдывался тѣмъ, что магистрату будетъ гораздо легче надзирать за обширной и могучей сектой, если онъ самъ станетъ вмѣшиваться въ ея богослуженіе, когда послѣднее будетъ происходить на его глазахъ, чѣмъ когда сектанты будутъ предоставлены себѣ самимъ въ поляхъ [1]).

Строже поступилъ графъ Мегенъ въ Гельдернѣ, гдѣ онъ совсѣмъ подавилъ протестантство и изгналъ всѣхъ его проповѣдниковъ. Въ Брюсселѣ регентша воспользовалась выгодами своего собственнаго присутствія: она запретила всенародныя проповѣди даже за стѣнами города. Графъ Нассау именемъ союзниковъ напомнилъ ей о заключенномъ договорѣ и спросилъ: неужели Брюссель имѣетъ меньше правъ, чѣмъ другіе города? Она отвѣчала: „Вѣдь, въ Брюсселѣ уже до договора произносились народныя проповѣди; не мое дѣло, если онѣ теперь прекратились". Въ то же время регентша увѣряла подъ рукой гражданъ, что первый изъ нихъ, кто пойдетъ на народную проповѣдь; не избѣжитъ висѣлицы. Такъ она удержала за собой хоть столицу [1]).

Труднѣе было умиротворить Турнэ—дѣло, которое досталось не Монтиньи, къ губернаторству котораго принадлежалъ городъ, а графу Горну. Горнъ приказалъ протестантамъ очистить церкви и довольствоваться молельней за стѣнами города. Но ихъ проповѣдники возразили, что церкви построены для народа, а народъ не тамъ, гдѣ нáбольшіе а гдѣ большинство. Если ихъ изгонятъ изъ католическихъ церквей, то справедливость требуетъ доставить имъ средства построить собственные храмы. Магистратъ отвѣтилъ, что если даже католическая партія слабѣе, зато конечно она лучшая; протестантамъ не возбраняется строить свои церкви, но должно надѣяться, что послѣ убытковъ, уже причиненныхъ городу ихъ достойными единовѣрцами—иконоборцами, они не думаютъ заставить его тратиться еще на ихъ храмы. Послѣ долгихъ препирательствъ съ обѣихъ

[1]) *Meteren* 91.—*Burgund.* 349 354. — *Strada* 153. - *Hopper* §135. - *Meurs* Guil Auriac.L. I. 17. 18.

[1]) *Burgund.* 345, 346, 354.

сторонъ, протестанты удержали таки за собой нѣсколько церквей, которыя окружили стражей для безопасности [1]). Въ Валансьенѣ протестанты также не пожелали подвергнуться условіямъ, которыя предлагалъ имъ владѣлецъ Нуаркарма, Филиппъ Сентъ-Альдегонде, получившій тамъ штатгальтерство въ отсутствіе маркиза Бергена. Одинъ реформатскій проповѣдникъ, французъ родомъ, Ла-Гранжъ, безгранично владѣвшій умами благодаря своему краснорѣчію, настроилъ нововѣрцевъ настаивать на правѣ имѣть собственныя церкви внутри города и грозить, въ противномъ случаѣ, сдачей города гугенотамъ. Губернаторъ не посмѣлъ прибѣгнуть къ силѣ въ виду превосходнаго числа кальвинистовъ и ихъ соглашенія съ гугенотами [2]).

И графъ Эгмонтъ подавилъ свое природное мягкосердечіе, чтобы выказать королю свое рвеніе. Онъ поставилъ гарнизонъ въ городъ Гентъ и казнилъ смертью нѣсколько главныхъ мятежниковъ. Церкви были снова открыты, католическое богослуженіе возобновлено; всѣ иконоборцы получили приказаніе очистить всю провинцію. Кальвинистамъ, но только *имъ*, было уступлено одно мѣсто за городомъ для молельни; за то они должны были обязаться строго повиноваться городскимъ властямъ и ревностно содѣйствовать имъ въ мѣрахъ противъ иконоборцевъ. Подобный же порядокъ былъ заведенъ Эгмонтомъ во всей Фландріи и въ Артуа. Одинъ изъ приверженцевъ союза, владѣлецъ Бекерцеля, Іоаннъ Кассенбротъ, преслѣдовалъ иконоборцевъ во главѣ союзныхъ рыцарей, напалъ при Граммонѣ во Фландріи на шайку, собиравшуюся захватить одинъ городъ въ Геннегау, и плѣнилъ тридцать человѣкъ; изъ нихъ онъ повѣсилъ на мѣстѣ 22, остальные были изгнаны изъ страны бичами [3]).

Кажется столь важныя услуги не должны были возбуждать немилости короля; поведеніе Оранскаго, Эгмонта и Горна было по крайней мѣрѣ столь же ревностно и удачно, какъ дѣятельность Нуаркарма, Мегена и Аремберга, которымъ Филиппъ изъявилъ свою благодарность словомъ и дѣломъ. Но это рвеніе, эта служба запоздали. Не было прощенія людямъ, которые слишкомъ рѣзко осуждали его указы, слишкомъ упорно противодѣйствовали его мѣрамъ, слишкомъ сильно оскорбляли его въ лицѣ его министра Гранвеллы. Ни время, ни раскаяніе—ничто не могло загладить такую вину въ душѣ ихъ государя.

1566.—Филиппъ лежалъ больной въ Сеговіи, когда пришли извѣстія объ иконоборствѣ и о соглашеніи съ не-католиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ регентша возобновила свою просьбу объ личномъ прибытіи короля, о которомъ говорилось и во всѣхъ письмахъ президента Вигліуса къ его другу Гопперусу. Было приложено много писемъ къ королю отъ нидерландскихъ вельможъ — отъ Эгмонта, Мансфельда, Мегена, Аремберга, Нуаркарма, Барлемона и др.; авторы давали ему отчетъ о положеніи своихъ провинцій и старались наилучшими доводами разукрасить принятыя ими мѣры. Тогда уже пришло посланіе императора, который совѣтовалъ Филиппу помягче обращаться со своими нидерландскими подданными и предлагалъ свое посредничество. Онъ писалъ объ этомъ и прямо регентшѣ въ Брюссель съ приложеніемъ особыхъ писемъ къ вождямъ знати, которыя однако не были переданы по назначенію. Овладѣвъ собою послѣ перваго взрыва негодованія, возбужденнаго въ немъ отвратительными извѣстіями, король поручилъ своему совѣту обсудить и это новое обстоятельство.

Партія Гранвеллы, преобладавшая въ совѣтѣ, хотѣла установить весьма тѣсную связь между поведеніемъ нидерландскихъ дворянъ и буйствомъ осквернителей храмовъ, основываясь на сходствѣ ихъ обоюдныхъ требованій, въ особенности же по времени, когда разразилось буйство. Эти господа замѣчали, что иконоборство началось въ томъ самомъ мѣсяцѣ, когда дворянство представило свои три пункта; церкви были опустошены именно вечеромъ того дня, когда Оранскій покинулъ городъ Антверпенъ. Въ теченіе всего смятенія не пошевельнули пальцемъ, чтобы поднять оружіе; всѣ принятыя мѣры были въ пользу сектъ, и не было предпринято ничего для поддержки чистой вѣры. Далѣе говорилось, будто иконоборцы сказывали, что они все дѣлали съ вѣдома и согласія вельможъ; и было вполнѣ естественно, что тѣ негодяи старались прикрыть великими именами преступленія, совершенныя ими на собственный страхъ. Показывали даже бумагу, въ которой знать обѣщала помочь гезамъ, добившись собранія генеральныхъ штатовъ, хотя та упорно отрицала существованіе такой бумаги. Вообще совѣтники увидѣли

[1]) *Burgund.* 356, 357
[2]) *Burgund.* 359 и слѣд.
[3]) *Burgund.* 359 и слѣд.

въ Нидерландахъ *четыре* различныхъ скопища, которыя болѣе или менѣе сливались въ одно, и всѣ шли къ одной и той же цѣли. *Первое* — тѣ *презрѣнныя шайки*, которыя опустошали церкви; *второе* — различныя секты, нанимавшія эти шайки для богохульства; *третье* — *гезы*, выступившіе защитниками сектъ; *четвертое* — *знать*, связанная съ гезами ленными отношеніями, родствомъ и дружбой. Стало быть, все было одинаково зловредно, все безъ различія виновно. Правительству приходится имѣть дѣло не съ нѣкоторыми отдѣльными лицами; оно должно бороться съ цѣлымъ народомъ. Но если принять въ соображеніе, что народъ—лишь соблазненная часть, а подстрекательство къ мятежу шло свыше, то слѣдовало перемѣнить планъ, во многихъ отношеніяхъ ошибочный. Угнетая всѣ классы безъ различія, поступая съ массами строго, а съ дворянами презрительно, заставляли тѣхъ и другихъ сближаться, т. е. создавали для послѣднихъ партію, для первыхъ вождей. Самое вѣрное средство раздѣлить ихъ—обращаться съ ними различно: всегда трусливая и лѣнивая чернь, если только ее не взбудоражитъ крайняя нужда, живо бросаетъ своихъ вождей и считаетъ ихъ достойными кары, лишь бы только послѣдняя не затрагивала ее самое. А потому предложили королю впредь болѣе щадить массы, а всю строгость обратить противъ главарей смуты. Но чтобы не выказать постыдной уступчивости, признали за благо выставить предлогомъ заступничество императора: якобы одно оно, а вовсе не справедливость ихъ требованій побудило короля пожаловать имъ снисхожденіе, какъ великодушный даръ [1]).

Теперь снова поднялся вопросъ о личномъ путешествіи короля, и, казалось, всѣ прежнія возраженія разсыпались передъ текущей настоятельной нуждой. Теперь— какъ выразились Тиссенакъ и Гопперусъ— дѣйствительно настала минута, когда король, согласно собственному заявленію, нѣкогда сдѣланному графу Эгмонту, готовъ поставить на карту тысячу жизней. Карлъ V вынесъ тяжелое и опасное путешествіе по враждебной землѣ, чтобы успокоить одинъ только городъ Гентъ; а теперь дѣло идетъ объ умиротвореніи всѣхъ соединенныхъ провинцій, пожалуй, даже объ обладаніи ими [1]). Большинство согласилось съ этимъ и путешествіе короля стало дѣломъ просто неотложнымъ.

Вопросъ состоялъ только въ томъ, велика ли должна быть его свита? И тутъ принцъ Эболи и графъ Фигвероа разошлись съ Альбой во взглядахъ, такъ какъ личныя выгоды каждаго были различны. Если король отправится во главѣ арміи, то герцогъ Альба становится необходимъ, а при мирномъ рѣшеніи въ немъ меньше нуждались—и онъ уступалъ поле своимъ соперникамъ. Первому пришлось говорить графу Фигвероа. „Армія—сказалъ онъ—встревожила бы государей тѣхъ земель, по которымъ пройдетъ она, пожалуй, даже встрѣтила бы сопротивленіе; она напрасно обременила бы провинціи, которыя предназначена успокоить, и къ нынѣшнимъ жалобамъ прибавилась бы еще одна. Она равно угнетала бы всѣхъ подданныхъ, а мирная справедливость отличаетъ виноватыхъ отъ невиновныхъ. Такой необычайный и насильственный шагъ ввелъ бы главарей оппозиціи въ искушеніе серьезнѣе взглянуть на свое поведеніе, которое руководилось пока наиболѣе своеволіемъ и легкомысліемъ, и единодушно выступить, наконецъ, съ общимъ планомъ; мысль, что они довели короля до этого, повергла бы ихъ въ такое отчаяніе, что они пошли бы на все. Если король выступитъ противъ мятежниковъ съ *оружіемъ* въ рукахъ, онъ лишится главной своей выгоды—своего *государскаго достоинства*, которое тѣмъ крѣпче охраняетъ его, чѣмъ болѣе онъ показываетъ, что опирается только на него. Этакъ онъ какъ бы станетъ на одну доску съ мятежниками, которые, съ своей стороны, не затруднятся собрать армію, такъ какъ почва для нихъ будетъ уже подготовлена всеобщей ненавистью націи къ испанскому войску. Такимъ образомъ, король промѣняетъ извѣстное превосходство, связанное съ качествомъ государя, на сомнительный исходъ военныхъ дѣйствій, которыя, какъ бы они ни кончились, неизбѣжно погубятъ часть его собственныхъ подданныхъ. Слухъ объ его вооруженномъ прибытіи быстро распространится по провинціямъ, чтобы дать время всѣмъ, чувствующимъ за собой грѣхъ, изготовиться и пустить въ ходъ свои средства, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Ихъ сильно поддержитъ еще всеобщій страхъ: неувѣренность, кому собственно достанется,

[1]) *Burgund.* 363, 364. – *Hopper*, § 138, 139, 140. § 152, 153.

[1]) *Hopper*, § 112. *Burgund.* 366

толкнетъ и не такъ виновнаго въ водоворотъ мятежа и создастъ королю враговъ, которыхъ иначе не было бы. А если узнаютъ, что государь приближается безъ такой страшной свиты, если онъ покажется не палачомъ, а разгнѣваннымъ отцомъ, то добрые люди ободрятся, дурные же потеряютъ чувство безопасности. Народъ убѣдится, что случившееся не такъ значительно, ибо король не считаетъ его настолько значительнымъ, чтобы прибѣгать къ силѣ. Онъ побоится открытымъ насиліемъ совокупить погубить дѣло, которое, пожалуй, еще можно спасти. Стало быть, мирнымъ путемъ достигается именно то, что неизбѣжно пропадаетъ при другомъ способѣ дѣйствій; вѣрноподданнаго никоимъ образомъ не смѣшаютъ съ мятежниками; гнѣвъ монарха падетъ всею своею тяжестью на послѣднихъ. Не должно забывать также, что такъ будетъ избѣгнутъ и страшный расходъ, который причинила бы коронѣ перевозка испанской арміи въ столь отдаленныя страны" [1]).

„Однако—заговорилъ герцогъ Альба—нужно ли брать въ разсчетъ безпокойство немногихъ гражданъ, когда всему народу угрожаетъ опасность? Неужели простить мятежниковъ, чтобы не пострадало нѣсколько вѣрноподданныхъ? Проступокъ былъ всеобщій: почему же карѣ быть частичной? Если мятежники провинились дѣлами, то остальные—попустительствомъ. Не послѣдніе ли виноваты въ такомъ успѣхѣ первыхъ? Почему они не воспротивились ихъ предпріятію своевременно. Говорятъ еще, будто положеніе не такъ отчаянно, чтобы прибѣгать къ силѣ: но кто поручится намъ, что оно будетъ таково при прибытіи короля, ибо, по всѣмъ доношеніямъ регентши, все быстро клонится къ худшему? Не страшно ли подумать, что король лишь при вступленіи въ провинціи убѣдится, какъ необходима ему военная сила? Слишкомъ ясно, что мятежники заручились иностранною помощью, которая придетъ къ нимъ по первому знаку: неужели-же думать о вооруженіи лишь тогда, когда врагъ перейдетъ границы? Не придется ли тогда довольствоваться ближайшими, лучшими нидерландскими войсками, на которыя можно такъ мало положиться? Наконецъ, сама регентша не твердитъ ли, что только недостатокъ надлежащей военной силы мѣшалъ ей придать значеніе указамъ и остановить успѣхи возстанія? Только хорошо дисциплинированная и грозная армія можетъ совершенно разсѣять надежду мятежниковъ удержаться противъ своего законнаго государя; только возможность погибели можетъ понизить ихъ требованія. Сверхъ того, безъ достаточнаго войска король не можетъ рисковать своею особой во враждебныхъ земляхъ; безъ него онъ не можетъ заключить достойныхъ договоровъ съ своими мятежными подданными [1]).

1566. — Столь авторитетный ораторъ побѣдилъ. Теперь оставался только вопросъ, какъ скоро и какимъ путемъ отправляться королю? Такъ какъ нечего было и думать о морскомъ пути, то приходилось выбирать лишь между двумя дорогами—черезъ тѣснины у Тріента и по Германіи или изъ Савойи черезъ Апеннинскія Альпы. Первая представляла опасность со стороны нѣмецкихъ протестантовъ, которые не могли быть равнодушны къ цѣли его поѣздки; а черезъ Апеннины не было прохода въ такое позднее время года. Къ тому же нужно было привести изъ Испаніи необходимыя галеры и починить ихъ, на что пошло бы много мѣсяцевъ. Наконецъ, Филиппъ хотѣлъ присутствовать на собраніи кастильскихъ кортесовъ, которое уже было назначено на декабрь. Словомъ, путешествіе могло состояться не раньше весны [2]).

Между тѣмъ регентша настоятельно требовала окончательнаго рѣшенія, какъ выпутаться ей изъ затрудненій, не слишкомъ поступившись королевскимъ достоинствомъ; да и нужно же было за что-нибудь взяться, пока король вздумаетъ подавлять волненія личнымъ присутствіемъ. И вотъ, отправили герцогинѣ два различныя посланія—одно открытое, которое она должна была представить чинамъ и собраніямъ совѣтниковъ, другое тайное, для нея одной. Въ первомъ король извѣщалъ ее о своемъ выздоровленіи и о благополучномъ рожденіи инфанты Клары Изабеллы Евгеніи, впослѣдствіи супруги эрцгерцога Альбрехта Австрійскаго и государыни Нидерландовъ. Онъ заявлялъ о своемъ твердомъ рѣшеніи лично посѣтить Нидерланды, къ чему онъ уже дѣятельно готовится. Собраніе чиновъ отвергалось попрежнему. Въ этомъ посланіи совсѣмъ не упоминалось о соглашеніи регентши съ протестантами и съ союзомъ: Филиппъ еще не считалъ удобнымъ вовсе

[1]) *Burgund*, 386, 387.

[1]) *Burgund.* 381—390.
[2]) *Hopper*, §§ 154, 155. *Burgund.* 390 - 392.

отвергнуть его, но еще меньше желалъ признать его. Съ другой стороны, онъ приказывалъ сестрѣ усилить войска, выписать изъ Германіи новые полки и выставить силу противъ строптивцевъ. Въ заключеніе, король заявилъ, что разсчитываетъ на вѣрность знатнѣйшихъ дворянъ, изъ которыхъ многіе, какъ извѣстно ему, искренно относятся къ своей религіи и къ своему королю. Въ тайномъ посланіи онъ еще разъ приказывалъ герцогинѣ всячески препятствовать собранію штатовъ; если же всеобщій голосъ покажется ей слишкомъ мощнымъ и придется уступить силѣ, то, по крайней мѣрѣ, она должна устроить все осторожно—такъ, чтобы не пострадало достоинство короля и чтобы никто не догадался объ его согласіи [1]).

1566. — Между тѣмъ какъ въ Испаніи совѣщались объ этихъ дѣлахъ, въ Нидерландахъ протестанты широко пользовались правами, которыя имъ удалось вынудить. Тамъ, гдѣ было дозволено, у нихъ росли церкви съ невѣроятною быстротой; старъ и малъ, дворяне и простонародье—всѣ помогали сносить камни; женщины жертвовали даже своими украшеніями для ускоренія дѣла. Во многихъ городахъ, начиная съ Антверпена, обѣ религіозныя партіи устроили собственныя консисторіи и церковные совѣты и поставили свое богослуженіе на законную почву. Старались даже образовать общую кассу, чтобы имѣть подъ рукой необходимыя средства на случай всякой неожиданности, касавшейся всей вообще протестантской церкви. Въ Антверпенѣ мѣстные кальвинисты вручили графу Гогстратену бумагу, въ которой предлагали дать три милліона талеровъ на свободное исповѣданіе своей религіи по всѣмъ нидерландскимъ провинціямъ. Множество списковъ съ этой бумаги было распространено по всѣмъ Нидерландамъ; для привлеченія новыхъ сторонниковъ, многіе хвастливо подписывались на огромныя суммы. Враги реформатовъ давали этимъ роскошнымъ дарамъ различныя объясненія, которыя, казалось, не были лишены основанія. Одни думали, что нововѣрцы стараются сдѣлать необходимыя военныя приготовленія и для этого налагаютъ новую подать, въ видѣ покрытія этой подписки; и дѣйствительно, если націи приходилось, наконецъ, тратиться на снаряженіе *за* регентшу или *противъ* нея, то слѣдовало ожидать, что она скорѣе дастъ на сохраненіе мира, чѣмъ на тиранническую и опустошительную войну. Другіе видѣли на этой подпискѣ лишь временный выходъ для протестантовъ, лишь желаніе ослѣпить дворъ, чтобы онъ пока не зналъ, какъ поступить; а они тѣмъ временемъ соберутъ достаточно силъ для сопротивленія ему. Третьи считали все это похвальбой съ цѣлью запугать регентшу и поднять духъ партіи богатствомъ новоявленныхъ средствъ. Каковъ бы ни былъ истинный смыслъ подписки, ея изобрѣтатели достигли немногаго: новая подать вносилась скупо, а дворъ отвѣчалъ молчаливымъ презрѣніемъ [1]).

Съ другой стороны, крайности иконоборства вовсе не помогали дѣлу союза и протестантамъ; напротивъ, онѣ приносили имъ прямой вредъ. Зрѣлище разрушенныхъ церквей, которыя, по словамъ Вигліуса, походили скорѣе на конюшни, чѣмъ на божьи дома, потрясло всѣхъ католиковъ, въ особенности же ихъ духовенство. Всѣ, покинувшіе было старую религію, вышли теперь изъ союза, который если и не создавалъ буйства иконоборцевъ и не содѣйствовалъ имъ, то, во всякомъ случаѣ, подготовилъ ихъ. Нетерпимость кальвинистовъ, жестоко угнетавшихъ католиковъ тамъ, гдѣ они брали верхъ, вывела, наконецъ, послѣднихъ изъ ослѣпленія; католики отшатнулись отъ партіи, которая, въ случаѣ успѣха, сулила столько бѣдъ ихъ религіи. Такъ союзъ потерялъ много лучшихъ своихъ членовъ; его покинули тѣ друзья и приспѣшники, которыхъ онъ находилъ до тѣхъ поръ среди благонамѣренныхъ гражданъ. И его значеніе въ республикѣ начало замѣтно падать. Суровость, съ которой обращались съ иконоборцами нѣкоторые изъ его членовъ, чтобы угодить регентшѣ и отклонить отъ себя подозрѣніе въ стачкѣ съ злоумышленниками, еще болѣе вредило ему въ глазахъ народа, защищавшаго этихъ послѣднихъ. Такъ союзу грозила опасность разойтись разомъ съ обѣими партіями.

Какъ только регентша узнала о такомъ оборотѣ дѣлъ, она составила планъ постепенно разсѣять весь союзъ или, по крайней мѣрѣ, ослабить его внутренними раздорами. Съ этою цѣлью она воспользовалась присланными ей королемъ частными письмами къ нѣкоторымъ дворянамъ, кото-

[1]) *Meteren*, 92.—*Hopper*, §§ 141–146.—*Burgund.* 369—370.

[1]) *Strada*, 163.—*Burgund.* 372, 374—*Allg. Gesch. d. v. Niederl.* III, 93.

рыя она могла употребить, какъ хотѣла. Эти письма, переполненныя благорасположеніемъ, были разосланы такъ, какъ будто несчастный случай случайно открылъ ихъ тайну: тотъ или другой изъ неполучившихъ всегда могъ догадаться о нихъ. А чтобы еще болѣе распространить подозрѣнія, постарались разсовывать списки съ нихъ. Эта уловка достигла цѣли. Многіе члены союза начали питать недовѣріе къ стойкости тѣхъ, на кого возлагались самыя блестящія надежды. Опасаясь, что главные защитники покинутъ ихъ, они съ жадностью схватились за предложенныя штатгальтершей условія и спѣшили примириться съ дворомъ. Большую услугу оказалъ регентшѣ всеобщій слухъ о скоромъ прибытіи короля, который она старалась распространять всюду; многіе, не ожидавшіе себѣ ничего хорошаго отъ появленія монарха, не задумываясь, принимали милость, предлагаемую имъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ [1]).

Въ числѣ получившихъ частныя письма короля были и Эгмонтъ съ принцемъ Оранскимъ. Оба жаловались Филиппу на злорѣчіе, съ которымъ чернили ихъ добрыя имена въ Испаніи и старались заподозрить ихъ намѣренія. Особенно горячился Эгмонтъ: со свойственной ему простотой, онъ требовалъ, чтобы король хоть указалъ ему, чего онъ собственно хочетъ, чтобы было ясно, чѣмъ именно онъ можетъ угодить ему, засвидѣтельствовать свое служебное рвеніе. Филиппъ отвѣчалъ ему, въ письмѣ президента Тиссенака, что нѣтъ ничего лучше для опроверженія клеветниковъ, какъ вполнѣ подчиняться королевскимъ приказаніямъ, которыя такъ ясны и опредѣленны, что не требуютъ никакихъ новыхъ толкованій, никакихъ особыхъ порученій. Дѣло монарха обсуждать, оцѣнивать, распоряжаться; долгъ подданнаго — безусловно склоняться передъ волей монарха, и въ этомъ послушаніи—его честь. Ни одному члену не подобаетъ считать себя мудрѣе головы. Правда, его обвиняютъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ не все, что могъ, дабы остановить необузданность сектантовъ; но и теперь еще не поздно наверстать упущенное, помогая по крайней мѣрѣ сохраненію спокойствія и порядка до дѣйствительнаго прибытія короля.

Если графу Эгмонту дѣлали выговоры, какъ непослушному ребенку, то потому, что знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Вотъ съ его другомъ приходилось пустить въ ходъ ловкость и обманъ. Оранскій тоже упоминалъ въ своемъ письмѣ о печальной подозрительности короля насчетъ его вѣрности и преданности. Но онъ дѣлалъ это не съ суетной надеждой Эгмонта разсѣять эту подозрительность, отъ чего давно отказался: его жалобы служили лишь переходомъ къ просьбѣ уволить его отъ дѣлъ. Ужъ не разъ обращался принцъ съ этой просьбой къ регентшѣ; но она всегда отвѣчала отказомъ, горячо увѣряя его въ своемъ почтеніи. Король, къ которому онъ обратился теперь непосредственно съ тѣмъ же предложеніемъ, отвѣчалъ ему то же самое, разсыпавшись при этомъ въ сильныхъ заявленіяхъ своего довольства и бдагодарности. Въ особенности выражалъ онъ ему признательность за услугу, недавно оказанную монарху въ Антверпенѣ, и горько сожалѣлъ, что частныя дѣла принца (послѣдній выставлялъ ихъ главнымъ предлогомъ для отставки) такъ плохи; но кончилъ заявленіемъ, что онъ не можетъ обойтись безъ такого важнаго служителя въ ту минуту, когда требуется не сокращеніе, а увеличеніе числа хорошихъ людей. Король прибавлялъ, что надѣялся на лучшее мнѣніе о себѣ принца: онъ не думалъ, чтобы тотъ считалъ его до того слабымъ, чтобы повѣрить пустой болтовнѣ извѣстныхъ личностей, нерасположенныхъ къ принцу и къ нему самому. Чтобы дать кстати доказательство своей искренности, Филиппъ довѣрчиво жаловался Оранскому на его брата, графа Нассау, какъ будто просилъ у него совѣта, а самъ выразилъ наконецъ, желаніе, чтобы графъ удалился на время изъ Нидерландовъ [1]).

Но тутъ Филиппъ наткнулся на голову похитрѣе его. Принцъ Оранскій уже давно окружилъ его самого и его тайный совѣтъ цѣлой арміей шпіоновъ, которые доносили обо всемъ, что происходило замѣчательнаго въ Мадридѣ и Сеговіи. Дворъ самаго-скрытнаго деспота оказался доступнымъ его хитрости и деньгамъ. Этимъ путемъ онъ добылъ много собственноручныхъ тайныхъ писемъ регентши въ Мадридъ и пустилъ ихъ по Брюсселю торжественно, у нея же на глазахъ; и Маргарита, пораженная тѣмъ, что у всякаго въ рукахъ документы, которые она такъ тщательно хранила, предло-

[1]) *Thuan.* II, 507. *Strada*, 164, 165. – *Meteren*, 93.

[1]) *Hopper*, § 149. *Burgund.* 397.—*Apologie de Guillaume Pr. d'Orange*, какъ приложеніе.

жила королю впредь немедленно уничтожать ея депеши. Бдительность Вильгельма распространилась не на одинъ испанскій дворъ: его соглядатаи доходили до Франціи и дальше; иные обвиняли его даже въ томъ, что онъ получалъ свои свѣдѣнія не всегда невиннымъ путемъ. Но самое главное узналъ онъ изъ перехваченнаго письма испанскаго посла во Франціи, Франциска Алавы, къ герцогинѣ. Авторъ распространялся о проступкѣ нидерландскаго народа передъ своимъ королемъ, какъ объ отличномъ поводѣ установить въ этой землѣ абсолютную власть. Для этого онъ совѣтовалъ регентшѣ обходить дворянство тѣми же самыми уловками, къ какимъ прибѣгало оно относительно нея, и усыпить его любезными рѣчами да предупредительнымъ обращеніемъ. Въ заключеніе говорилось, что король знаетъ, что дворяне—тайныя пружины всѣхъ бывшихъ безпорядковъ; а потому онъ долженъ найти ихъ въ свое время, точно также, какъ ту парочку, которая уже въ Испаніи и не ускользнетъ изъ его рукъ; и онъ поклялся показать на нихъ примѣръ, который приведетъ въ ужасъ весь христіанскій міръ, хотя бы это стоило ему всѣхъ наслѣдственныхъ земель. Это печальное открытіе подтверждалось письмами Бергена и Монтиньи изъ Испаніи, которые горько жаловались на отталкивающую грандецу или испанскую чопорность и на измѣнившееся обращеніе съ ними монарха. Оранскій окончательно позналъ, какъ нужно понимать льстивыя увѣренія короля [1]).

1566.—Принцъ представилъ своему брату, графу Людвигу Нассаускому, графу Эгмонту, Горну и Гогстратену письмо министра Алавы и еще нѣсколько другихъ изъ Испаніи, которыя обстоятельно говорили о скоромъ прибытіи короля съ войсками и объ его злыхъ замыслахъ противъ дворянъ. Онъ прочелъ ихъ этимъ пяти рыцарямъ на сходкѣ въ Дендермонде (во Фландріи), куда они прибыли посовѣщаться насчетъ необходимыхъ мѣръ для охраненія своей безопасности. Графъ Людвигъ, повиновавшійся только своей досадѣ, безумно твердилъ, что нужно, не теряя времени, взяться за оружіе и захватить нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ. Королю должно возбранить вступленіе въ провинціи съ войскомъ, чего бы это ни стоило. Необходимо поднять Швейцарію, протестанскихъ князей Германіи и гугенотовъ, чтобы они заградили ему путь черезъ свои земли; а если онъ проникнетъ черезъ всѣ эти препятствія, встрѣтить его на границѣ съ арміей. Графъ брался наладить оборонительный союзъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи и привести изъ Нѣмецкой имперіи 4.000 всадниковъ съ соотвѣтствующимъ числомъ пѣхоты. Предлогъ готовъ для собиранія необходимыхъ суммъ, и онъ знаетъ, что реформатскіе купцы не покинутъ дѣла. Но болѣе осторожный и благоразумный Вильгельмъ возсталъ противъ этого предложенія, которое чрезвычайно трудно исполнить и нельзя ничѣмъ оправдать. Вѣдь, замѣтилъ онъ, инквизиція уничтожена на дѣлѣ, плакаты почти совсѣмъ забыты и допущена справедливая свобода совѣсти. Стало быть, пока нѣтъ достаточнаго основанія вступать на такой враждебный путь, а онъ не сомнѣвается, что его не замедлятъ доставить имъ. Поэтому Вильгельмъ полагалъ, что слѣдуетъ поджидать этого, а между тѣмъ зорко слѣдить за всѣмъ и дать знать народу объ угрожающей опасности, чтобы онъ былъ готовъ, когда потребуютъ того обстоятельства.

Еслибы всѣ присутствовавшіе согласились съ принцемъ Оранскимъ, то безъ сомнѣнія, столь мощная лига, страшная силой и значеніемъ своихъ членовъ, могла бы поставить замысламъ короля такія препятствія, что онъ былъ бы принужденъ бросить весь свой планъ. Но духъ собравшихся рыцарей былъ совершенно сраженъ отъ слѣдующихъ словъ графа Эгмонта: „Лучше все перенесу, чѣмъ пытать счастья такъ дерзко. Болтовня испанца Алавы мало трогаетъ меня: какъ это такой человѣкъ проникъ въ замкнутую душу своего владыки и прочелъ его тайны? Вѣсти отъ Монтиньи доказываютъ только, что король сомнѣвается въ нашемъ служебномъ рвеніи и думаетъ, что имѣетъ основаніе не довѣрять нашей вѣрности; да, по мнѣ, мы дали ему къ этому слишкомъ много поводовъ. Я серьезно рѣшилъ возстановить его доброе мнѣніе обо мнѣ удвоеннымъ рвеніемъ, и, по возможности, изгладить моимъ поведеніемъ впредь подозрѣнія, навлеченныя моими прежними поступками. И какъ же мнѣ вырваться изъ моей многочисленной, нуждающейся семьи, чтобы таскаться изгнанникомъ по чужимъ дворамъ, быть бременемъ для пріютившихъ меня, для всякаго раба, который снизойдетъ до поданія мнѣ руки помощи, стать слугой чужеземцевъ,—и все это изъ-за того, чтобы избѣгнуть небольшого стѣсненія на родинѣ?

[1]) *Reidan.* 3 – *Thuan.* 507.—*Burgund.* 401. *Meteren* 94.- *Strada.* 160.

Никогда монархъ не ополчится на своего любимаго, дорогого слугу, пріобрѣвшаго законное право на его благодарность. Никогда не повѣрю, чтобы король который питалъ къ своему нидерландскому народу такія искреннія, милостивыя чувства, который столь настоятельно клялся мнѣ въ нихъ, измышлялъ теперь такіе деспотическіе планы. Возвратимъ спокойствіе въ странѣ, покараемъ мятежниковъ, возстановимъ католическое богослуженіе—и, повѣрьте не будетъ и рѣчи о какихъ нибудь испанскихъ войскахъ. Вотъ къ чему призываю всѣхъ васъ моимъ совѣтомъ и примѣромъ; вотъ къ чему уже склоняется большинство нашихъ братьевъ. Я, съ своей стороны, вовсе не боюсь гнѣва монарха. Моя совѣсть спокойна; моя судьба подчиняется его справедливости и милости [1]).

Напрасно графъ Нассаускій, Горнъ и Оранскій старались поколебать его стойкость и раскрыть ему глаза на неизбѣжную опасность: Эгмонтъ былъ дѣйствительно преданъ королю; онъ еще помнилъ его благодѣянія и ту предупредительность, которою они сопровождались. Вниманіе, которымъ почтилъ его Филиппъ предпочтительно передъ всѣми его друзьями, произвело свое дѣйствіе, Эгмонтъ защищалъ дѣло своихъ земляковъ скорѣе изъ ложнаго стыда, чѣмъ по духу партіи; онъ возставалъ противъ суровыхъ мѣръ правительства больше по горячности и по врожденной добротѣ сердца, чѣмъ по испытаннымъ убѣжденіямъ. Его честолюбіе было увлечено любовью націи, которая почитала его, какъ своего идола. Слишкомъ тщеславный, чтобы отказаться отъ имени, столь пріятно щекотавшаго его слухъ, долженъ же онъ былъ что-нибудь сдѣлать, чтобы заслужить его; но онъ въ ужасѣ очнулся отъ этого самообмана и живо отшатнулся назадъ, къ своему долгу, какъ только бросилъ взглядъ на свою семью, какъ только услышалъ жестокое названіе своихъ поступковъ, замѣтилъ ихъ гибельныя послѣдствія, затрепеталъ отъ одного имени преступленія.

Съ отступленіемъ Эгмонта падалъ весь планъ Оранскаго. На сторонѣ графа были сердца народа и все довѣріе арміи, безъ которой просто нельзя было предпринять ничего серьезнаго. На него такъ разсчитывали; его неожиданное заявленіе дѣлали безплоднымъ весь съѣздъ. Разошлись, ничего не рѣшивъ. Всѣхъ, собравшихся въ Дендермонде, поджидали въ брюссельскомъ государственномъ совѣтѣ; но туда отправился одинъ Эгмонтъ. Регентшѣ хотѣлось вывѣдать у него о рѣшеніяхъ съѣзда, но онъ только показалъ ей списокъ письма Алавы и разразился горькими упреками. Она сначала поблѣднѣла, но вдругъ овладѣла собой и смѣло объявила письмо подложнымъ. „Какимъ образомъ—сказала она—это можетъ быть письмомъ Алавы? Вѣдь, я получила всѣ бумаги; и тотъ кто перехватилъ бы его, конечно, не пощадилъ бы другихъ писемъ. Да, да: у меня не пропалъ ни одинъ свертокъ и не запропастился ни одинъ гонецъ. И статочное ли дѣло, чтобы король довѣрилъ тайну какому-то Алавѣ, не увѣдомивъ меня о ней?“ [1]).

[1]) *Thuan.* 507. *Burgund* 405, 406.—*Meteren*, 95.

[1]) *Burgund.* 408.—*Meteren.* 95 *Grot.* 23.

Герцог Альба

Современная гравюра

Междоусобная война.

1566.

Между тѣмъ регентша спѣшила воспользоваться расколомъ среди дворянства, чтобы окончательно погубить союзъ, уже колебавшійся отъ внутреннихъ раздоровъ. Она не теряя времени, призвала изъ Германіи войска, стоявшія наготовѣ подъ начальствомъ герцога Эриха Брауншвейгскаго, усилила конницу и набрала изъ вассаловъ пять полковъ, поставивъ во главѣ ихъ графовъ Мансфельда, Мегена, Аремберга и др. Дали войска даже принцу Оранскому, чтобы не оскорбить его жестоко,—къ тому же провинціи, гдѣ онъ былъ штатгальтеромъ, наиболѣе нуждались въ вооруженной силѣ. Но поостереглись: поставили подлѣ Вильгельма полковника Вайдерфингера, который долженъ былъ слѣдить за каждымъ его шагомъ и задерживать его опасныя распоряженія. Фландрское духовенство доставило графу Эгмонту 40.000 золотыхъ гульденовъ на содержаніе 1.500 солдатъ, часть которыхъ онъ разставилъ по наиболѣе опаснымъ мѣстамъ. Каждому штатгальтеру было приказано увеличить свои войска и запастись боевыми принадлежностями. Всѣ эти приготовленія, производимыя всюду и усердно, не оставляли сомнѣнія насчетъ пути, которому рѣшилась слѣдовать штатгальтерша.

Чувствуя свое превосходство, увѣренная въ этой могучей помощи, Маргарита осмѣлилась, наконецъ, измѣнить свое поведеніе и заговорить съ мятежниками совсѣмъ инымъ языкомъ. Она дерзнула совсѣмъ произвольно истолковывать уступки, сдѣланныя протестантамъ изъ страха и по необходимости: она уже ограничивала всѣ льготы, дарованныя имъ молчаливо, однимъ допущеніемъ проповѣдей. Всѣ ихъ остальные обряды и религіозныя службы, понятныя сами собой при дозволеніи проповѣдей, были объявлены, въ новыхъ приказахъ, возбраненными, а съ ослушниками повелѣвалось поступать, какъ съ оскорбителями его величества. Допускалось, чтобы протестанты думали о причащеніи иначе, чѣмъ господствующая церковь, но причащаться по своему значило совершать преступленіе; имъ было запрещено, подъ страхомъ смертной казни, по своему крестить, женить, хоронить. Жестокая насмѣшка—допускать религію и возбранять ея исповѣданіе! Впрочемъ, эта безчестная уловка уклониться отъ своего слова была достойна трусости, которая долго не позволяла исторгнуть у регентши такое рѣшеніе. И Маргарита стала придираться къ малѣйшему новшеству, къ ничтожнѣйшему ослушанію, чтобы мѣшать проповѣдямъ: многихъ проповѣдниковъ притягивали къ суду подъ предлогомъ, что они совершаютъ свою службу на недозволенномъ мѣстѣ; нѣкоторыхъ даже повѣсили. Она твердила при всякомъ случаѣ, что гезы злоупотребили ея страхомъ и что они ее связали договоромъ, вынужденнымъ у нея угрозами [1]).

Изъ всѣхъ городовъ, замѣшанныхъ въ иконоборческихъ волненіяхъ, регентша больше всего опасалась *Валансьена* въ Геннегау. Нигдѣ кальвинская партія не была такъ сильна; здѣсь казалось, пріютился тотъ

[1]) *Meteren*, 93, 94. – *Thuan*, 507. *Strada*, 166. – *Meurs*. Guil Auriac. 21.

мятежный духъ, которымъ всегда отличался Геннегау сравнительно со всѣми другими провинціями [1]). Сосѣдство Франціи, къ которой валансьенцы были ближе, чѣмъ къ Нидерландамъ, даже по языку и нравамъ, заставляло правительство всегда обращаться съ ними мягче, но также осторожнѣе; а это еще больше внушало имъ высокое мнѣніе о себѣ самихъ. Уже при послѣднемъ возстаніи осквернителей храмовъ они чуть не передались къ гугенотамъ, съ которыми у нихъ были самыя тѣсныя сношенія; эта опасность могла возобновиться при малѣйшемъ поводѣ. Оттого-то регентша рѣшила снабдить Валансьенъ раньше всѣхъ другихъ нидерландскихъ городовъ усиленнымъ гарнизономъ, при первой возможности. Дѣло было поручено владѣльцу Сентъ - Альдегонды, Филиппу Нуаркарму, который занималъ мѣсто штатгальтера Геннегау за отсутствіемъ маркиза Бергена. Онъ явился подъ стѣнами города во главѣ военнаго отряда.

Къ нему вышли уполномоченные отъ магистрата. Они просили его удалиться, такъ какъ протестанты, составляющіе большинство гражданъ, объявили себя противъ гарнизона. Нуаркармъ предъявилъ имъ волю регентши и предложилъ выбирать между гарнизономъ и осадой. Онъ прибавилъ, что городу навяжутъ не болѣе четырехъ эскадроновъ конницы и шести ротъ пѣхоты; порукой можетъ служить его собственный сынъ, котораго онъ готовъ отдать городу въ заложники. Магистратъ склонялся къ принятію этихъ условій; но тутъ появился, во главѣ своихъ приверженцевъ, апостолъ и кумиръ народа, проповѣдникъ Перегринъ-ле-Гранжъ: ему было необходимо отклонить покорность, жертвой которой онъ долженъ былъ пасть. Силой своего краснорѣчія онъ настроилъ народъ отвергнуть условія военачальника. Услыхавъ такой отвѣтъ, Нуаркармъ, вопреки всякимъ постановленіямъ международнаго права, заковалъ посланцевъ города въ кандалы и увелъ въ плѣнъ; впрочемъ, онъ долженъ былъ вскорѣ освободить ихъ, по приказанію регентши. Маргарита, получившая приказаніе изъ Мадрида возможно щадить валансьенцевъ, еще не разъ приглашала ихъ принять назначенный гарнизонъ. Но они упорно стояли на своемъ отказѣ, и городъ былъ объявленъ публично мятежнымъ, а Нуаркармъ получилъ приказъ приступить къ правильной осадѣ. Всѣмъ остальнымъ провинціямъ было воспрещено помогать мятежному городу совѣтомъ, деньгами или оружіемъ. Всѣ имущества валансьенцевъ предназначались къ переходу въ казну. Желая попугать мятежный городъ войной еще до начала ея, чтобы онъ успѣлъ одуматься, Нуаркармъ стянулъ войска изъ всего Геннегау и Камбрэ (1566), захватилъ Сент-Амандъ и поставилъ гарнизоны во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ.

Всѣ эти приготовленія противъ Валансьена давали понять всѣмъ остальнымъ городамъ, находившимся въ такомъ же положеніи, ожидавшую ихъ участь и встревожили весь союзъ. Въ области Турнэ и Лилля показалось войско гезовъ—отъ трехъ до четырехъ тысячъ людей, наскоро набранныхъ изъ бѣглой сволочи и уцѣлѣвшихъ шаекъ иконоборцевъ; ихъ цѣлью было обезпечить за собой эти оба города и тревожить врага предъ Валансьеномъ. Лилльскому губернатору посчастливилось удержать за собой свой городъ, разбивъ наголову отрядъ войска гезовъ, который намѣревался овладѣть городомъ, сговорившисьсъ его протестантами. Въ то же время Нуаркармъ напалъ, у Лануа, на войско гезовъ, стоявшее тамъ безъ дѣла, и почти совсѣмъ истребилъ его. Лишь горсть отчаянныхъ храбрецовъ пробилась черезъ его солдатъ и бросилась въ Турне; но побѣдитель тотчасъ потребовалъ, чтобы этотъ городъ отворилъ ворота и принялъ гарнизонъ. Быстрое повиновеніе спасло горожанъ отъ жестокой судьбы: Нуаркармъ ограничился тѣмъ, что уничтожилъ протестантскую консисторію, изгналъ проповѣдниковъ, наказалъ зачинщиковъ мятежа и возстановилъ почти совсѣмъ подавленное богослуженіе католиковъ. Поставивъ здѣсь губернаторомъ надежнаго католика и оставивъ достаточный гарнизонъ, онъ двинулся, съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ, опять противъ Валансьена, чтобы продолжать осаду.

Этотъ городъ, гордый своими укрѣпленіями, сталъ горячо защищаться, рѣшившись на все. Не преминули запастись военными снарядами и жизненными припасами на долгое время; всякій, способный носить оружіе, не исключая мастеровыхъ, превращался въ солдата; срыли дома передъ городомъ, въ особенности монастыри, чтобы врагъ не воспользовался ими для осады. Немногочисленные приверженцы короля мол-

---

[1]) Въ Геннегау была, а, можетъ быть, есть и теперь поговорка: «провинція стоитъ только подъ Богомъ и солнцемъ». *Strada*, 174.

чали, подавленные массой; ни одинъ католикъ не могъ шевельнуться. Порядокъ замѣнился безначальемъ, мятежомъ, и законодателемъ сталъ фанатизмъ отчаяннаго попа. Защитниковъ было много; они были одушевлены отчаяніемъ, твердо вѣрили въ выручку; ихъ ненависть къ католической религіи достигла послѣднихъ предѣловъ. Многіе не могли надѣяться ни на какую милость; всѣ негодовали на общее угнетеніе со стороны повелительнаго гарнизона. Между тѣмъ войско врага сильно возросло отъ отовсюду стекавшейся помощи, и онъ былъ щедро снабженъ всѣмъ, что требовалось для долгой осады; но Нуаркармъ попытался еще разъ уговорить гражданъ сдаться. Ему опять отвѣчали отказомъ. Тогда онъ повелъ траншеи и приготовился къ обложенію города [1]).

А положеніе протестантовъ ухудшалось по мѣрѣ того, какъ къ регентшѣ прибывали новыя силы. Союзъ дворянства сократился до одной трети. Главные изъ его защитниковъ, вродѣ графа Эгмонта, перешли на сторону короля; денежные взносы, на которые такъ разсчитывали, приходили весьма скудно; рвеніе партіи замѣтно охлаждалось; вмѣстѣ съ хорошимъ временемъ года исчезали всенародныя проповѣди, поддерживавшія его до сихъ поръ. Все это заставляло падающую оппозицію склониться къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ и испытать всѣ невинныя средства, прежде чѣмъ браться за крайнія мѣры. На генеральномъ синодѣ протестантовъ, собравшемся въ Антверпенѣ съ этою цѣлью, на которомъ присутствовало и нѣсколько союзниковъ, рѣшили послать депутацію къ регентшѣ, чтобы сдѣлать ей представленія насчетъ ея вѣроломства и напомнить о договорѣ. За это взялся Бредероде; но онъ былъ позорно и сурово отстраненъ и даже изгнанъ изъ Брюсселя. Тогда онъ прибѣгнулъ къ письменному изложенію. Бредероде жаловался именемъ всего союза, что герцогиня, передъ лицомъ всѣхъ протестантовъ, сложившихъ оружіе за поручительствомъ послѣдняго, обманула ихъ своимъ вѣроломствомъ и отмѣной уже дарованнаго разрушила все добро, созданное союзниками. Онъ уличалъ ее въ томъ, что она старалась унизить союзъ въ глазахъ народа, возбуждала раздоры между его членами, преслѣдовала многихъ изъ нихъ, какъ преступниковъ. Онъ настаивалъ, чтобы она отмѣнила свои новыя распоряженія, лишающія протестантовъ свободнаго исповѣдыванія ихъ религіи; въ особенности же требовалъ снять осаду Валансьена и распустить вновь набранныя войска. На этихъ только условіяхъ союзъ готовъ былъ помочь ей въ возстановленіи всеобщаго спокойствія.

Регентша отвѣчала тономъ, весьма непохожимъ на ея прежнюю умѣренность. „Сказать правду, я не знаю, кто эти члены союза, обращающіеся ко мнѣ съ этою бумагой. Насколько мнѣ извѣстно, участники союза, съ которыми я имѣла дѣло, разсѣялись. Во всякомъ случаѣ, не всѣ участвуютъ въ этой жалобѣ: я сама знаю многихъ, которые возвратились къ своему долгу, получивши удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій. Но кто бы тутъ ни обращался ко мнѣ безъ правъ и именъ, онъ, по меньшей мѣрѣ, совершенно ложно истолковываетъ мои слова, утверждая, будто я обезпечивала протестантамъ свободу совѣсти. Всякому извѣстно, чего мнѣ стоило уже одно допущеніе проповѣдей тамъ, гдѣ онѣ сами начались: а это развѣ не свобода вѣры? Неужели я должна еще охранять эти противозаконныя консисторіи, терпѣть это государство въ государствѣ? Неужели я должна до того забыться, чтобы законно дозволить какой-то негодной сектѣ низвергать всякій порядокъ въ церкви и республикѣ и такъ гнусно поносить мою святую религію? Подите къ тому, кто далъ вамъ такое дозволеніе; со мной же вамъ нечего тягаться. Вы обвиняете меня въ нарушеніи договора, который обезпечивалъ вамъ безнаказанность и безопасность. Но я простила вамъ только прошлое, а не то, что вы учините впредь. Ваше прошлое апрѣльское прошеніе не должно было повредить никому изъ васъ, и, насколько мнѣ извѣстно, не повредило; но кто вновь провинился предъ величествомъ короля, тотъ долженъ понести послѣдствія своего преступленія. Наконецъ, какъ вы-то смѣете напоминать мнѣ о договорѣ, который вы первые нарушили? По чьему наущенію были ограблены церкви, низвержены изображенія святыхъ, подняты города къ возстанію? Кто заключалъ союзы съ иностранными державами, дѣлалъ недозволенные наборы войскъ, собиралъ съ подданныхъ короля незаконныя дани? Вотъ почему я стянула войска и стала строже исполнять указы. Кто настаиваетъ, чтобы я сложила оружіе, тотъ никоимъ образомъ не можетъ благожелательствовать своему

[1]) *Burgund*, 379, 411 - 418. *Meteren*, 98, 99.— *Strada*, 176.—*Vigl. ad. Hopper. Epist*, 2, 21.

отечеству и королю. И если вы любите самихъ себя, то старайтесь оправдать свои собственныя поступки вмѣсто того, чтобы судить мои" [1]).

Это высокомѣрное заявленіе разрушило всѣ надежды гезовъ на добровольное улаженіе дѣла. Вѣдь, регентша не заговорила бы такимъ языкомъ, еслибы не чувствовала за собой мощной опоры. Въ полѣ стояла армія, врагъ рвался передъ Валансьеномъ, зерно союза отпало, — и регентша требовала безусловной покорности. Дѣло союза было такъ плохо, что его нельзя было испортить открытымъ сопротивленіемъ. Кинься они безоружно въ объятія своего разгнѣваннаго владыки—и погибель несомнѣнна; а путь оружія могъ, по крайней мѣрѣ, заставить его задуматься, и они выбрали послѣднее и начали серьезно готовиться къ оборонѣ. Чтобы пріобрѣсти право на помощь нѣмецкихъ протестантовъ, Людвигъ Нассаускій хотѣлъ уговорить города Амстердамъ, Антверпенъ, Турнэ и Валансьенъ пристать къ аугсбургскому исповѣданію и этимъ путемъ тѣснѣе примкнуть къ религіи сосѣдей; но планъ не удался, потому что кальвинисты, въ своей религіозной ненависти къ своимъ евангелическимъ братьямъ, пожалуй, гнушались ихъ еще больше, чѣмъ папистовъ. Тогда Нассаускій началъ вести серьезные переговоры о субсидіяхъ во Франціи, въ Пфальцѣ и въ Саксоніи. Графъ Бергенъ укрѣпилъ свои замки; Бредероде бросился съ небольшимъ отрядомъ въ свой крѣпкій городъ Вьянъ на Лекѣ, который считалъ своимъ владѣніемъ, и наскоро привелъ его въ оборонительное положеніе, чтобы выжидать тутъ подкрѣпленій отъ союза и исхода переговоровъ Нассаускаго. Итакъ, знамя войны было развернуто. Всюду гремѣли барабаны, вездѣ проходили войска, собирались деньги, вербовались солдаты. Нерѣдко подрядчики обѣихъ сторонъ встрѣчались въ одномъ и томъ же мѣстѣ; не успѣвали сборщики и вербовщики регентши покинуть извѣстный городъ, какъ его жители уже терпѣли такія же насилія отъ агентовъ союза [2]).

1556. Регентша перенесла свое вниманіе отъ Валансьена къ *Герцогенбушу*—городу, въ которомъ иконоборцы совершали новыя неистовства и протестантская партія сильно возобладала. Чтобы склонить гражданъ къ мирному принятію гарнизона, она послала туда канцлера Шейффа изъ Брабанта съ государственнымъ совѣтникомъ Меродомъ изъ Петерсгейма, котораго назначила губернаторомъ города; они должны были успокоить гражданъ и взять съ нихъ новую присягу. Въ то же время графу Мегену, стоявшему недалеко съ корпусомъ, было приказано двинуться къ городу, чтобы поддержать дѣло обоихъ посланцевъ и тотчасъ же поставить тамъ гарнизонъ. Но Бредероде, узнавшій объ этомъ въ Вьянѣ, послалъ въ Герцогенбушъ одного изъ своихъ приспѣшниковъ, нѣкоего Антона фонъ Бамберга, — пылкаго кальвиниста, слывшаго также за храбраго солдата, чтобы поднять духъ своей партіи въ этомъ городѣ и провалить предложенія регентши. Этому Бамбергу удалось добыть письма герцогини къ канцлеру, да онъ прибавилъ еще ложныхъ съ такими суровыми и повелительными выраженіями, что граждане пришли въ ярость. Въ то же время онъ съумѣлъ набросить на посланцевъ подозрѣніе въ томъ, что они замышляютъ недоброе противъ города; народъ до того повѣрилъ ему, что въ дикой ярости набросился на посланцевъ и бросилъ ихъ въ тюрьму. Самъ же Бамбергъ сталъ во главѣ восьмисотъ человѣкъ, избравшихъ его своимъ вождемъ, и двинулся противъ графа Мегена, приближавшагося къ городу въ боевомъ порядкѣ; онъ такъ встрѣтилъ его тяжелою артиллеріею, что тотъ долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ Регентша потребовала потомъ черезъ судебнаго чиновника освобожденія своихъ пословъ, грозя, въ противномъ случаѣ, осадой городу; но Бамбергъ со своимъ отрядомъ занялъ ратушу и заставилъ магистратъ выдать ключи города. Чиновникъ былъ изгнанъ съ позоромъ; ему велѣли сказать регентшѣ, что насчетъ судьбы плѣнниковъ ждутъ приказаній Бредероде. Стоявшій за городомъ герольдъ явился теперь объявить войну гражданамъ; но канцлеръ не допустилъ этого [1]).

Послѣ неудачи подъ Герцогенбушемъ графъ Мегенъ бросился въ *Утрехтъ*, чтобы предупредить планы Бредероде насчетъ этого города. Граждане, не мало пострадавшіе отъ войска гезовъ, стоявшаго лагеремъ неподалеку, въ Вьянѣ, приняли его съ открытыми объятіями, какъ своего

---

[1]) *Thuan*, 523, 524. *Strada*, 167, 168.—*Burgund*, 433 - 435.—*Meteren*, 96, 97.

[2]) *Thuan*, 524. *Strada*, 159.—*Allg. Gesch. d. ver. Nierl.* XXII, *Bd.* 95.—*Vigl. ad. Hopper. Epist*, 3.

[1]) *Thuan*, 525.—*Strada*, 170.—*Burgund*, 423—4, 427 - 428.—*Vigl. ad. Hopper. Epist*, 6.

защитника, и согласились на всѣ сдѣланныя имъ перемѣны въ ихъ богослуженіи. Онъ тотчасъ соорудилъ на берегу Лека укрѣпленіе, откуда можно было обстрѣливать Вьянъ. Бредероде не чувствовалъ охоты поджидать его здѣсь съ лучшею частью своего войска, онъ покинулъ это важное мѣсто и поспѣшилъ въ Амстердамъ [1]).

Во время всѣхъ этихъ движеній принцъ Оранскій, казалось, даромъ терялъ время въ Антверпенѣ; но это видимое бездѣйствіе было полно дѣятельности. По его указанію союзъ вербовалъ солдатъ, а Бредероде укрѣплялъ свои замки; послѣднему онъ подарилъ даже три пушки, отнятыя имъ въ Утрехтѣ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми движеніями двора и извѣщалъ гезовъ о всякомъ планѣ касательно того или другого города. Но его главнымъ дѣломъ, повидимому, было завладѣть главными мѣстами въ своемъ штатгальтерствѣ: оттого-то онъ всѣми силами старался направить замыслы Бредероде на Утрехтъ и Амстердамъ [2]).

Важнѣйшимъ мѣстомъ былъ островъ *Ванжернъ*, гдѣ ожидалась высадка короля. Оранскій составилъ планъ захватить его. Исполненіе взялъ на себя одинъ изъ союзниковъ, задушевный другъ принца, братъ Филиппа Сент-Альдегонда, владѣлецъ Тулузскій, Іоаннъ Марниксъ (1567). Онъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ бывшимъ старшиной Миддельбурга, Петромъ Гакомъ, что давало ему возможность поставить гарнизоны въ Миддельбургѣ и Флиссингенѣ; но вербовка солдатъ для этого предпріятія, происходившая въ Антверпенѣ, не могла совершиться такъ тайно, чтобы магистратъ ничего не подозрѣвалъ. Чтобы успокоить магистратъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвинуть свой планъ, Оранскій открыто, черезъ герольда, приказалъ немедленно покинуть городъ всѣмъ чужеземнымъ солдатамъ и другимъ иностранцамъ, которые не состояли на государственной службѣ или не имѣли занятій. По словамъ враговъ, онъ могъ бы легко овладѣть всѣми этими подозрительными солдатами, затворивъ ворота; но онъ нарочно выгналъ ихъ изъ города, чтобы они тѣмъ скорѣе попали къ мѣсту ихъ назначенія. Они немедленно были посажены на суда и спустились по Шельдѣ до Раммекена. Но одно перевозное судно изъ Антверпена приплыло во Флиссингенъ передъ ними и предупредило власти—и ихъ не пустили въ гавань. Такое же затрудненіе встрѣтили они недалеко отъ Миддельбурга, въ Арнемюнденѣ, гдѣ не-католики тщетно старались поднять мятежъ въ ихъ пользу. Такъ Марниксу де-Тулузу пришлось, ничего не сдѣлавши, повернуть свои корабли и отплыть назадъ до Остервеля, на четверть мили ниже Антверпена, гдѣ онъ высадилъ своихъ людей и разбилъ лагерь на берегу; онъ надѣялся тутъ получить подкрѣпленія изъ Антверпена и своею близостью поддержать духъ своей партіи, подавленный магистратомъ. Его маленькое войско росло изо дня въ день, благодаря содѣйствію реформатскаго духовенства, которое вербовало для него солдатъ въ городѣ, и его начали страшиться антверпенцы, всю область которыхъ онъ опустошалъ. Разгнѣванный магистратъ хотѣлъ двинуть противъ него городскую милицію, но принцъ Оранскій, воспрепятствовалъ этому, подъ предлогомъ, что теперь нельзя было оставлять городъ безъ солдатъ.

Между тѣмъ регентша собрала на скорую руку небольшое войско, подъ начальствомъ Филиппа Лануа, которое пошло на него быстрыми маршами изъ Брюсселя. Въ то же время графъ Мегенъ съумѣлъ такъ хорошо окружить и занять войско гезовъ у Вьяна, что оно не могло ни слышать объ этихъ движеніяхъ, ни поспѣшить на помощь къ своимъ союзникамъ. Лануа внезапно напалъ на разсыпавшіяся для грабежа кучи врага и уничтожилъ ихъ въ страшной рѣзнѣ. Де-Тулузъ бросился съ маленькимъ остаткомъ своего войска на дачу, служившую ему главной квартирой, и долго оборонялся съ храбростью отчаянія, пока Лануа, не видя другого средства выгнать его оттуда, не поджегъ дома. Немногимъ удалось избѣгнуть пламени; они бросились на мечъ непріятеля или нашли смерть въ Шельдѣ. Самъ Тулузъ рѣшился лучше погибнуть въ пламени, чѣмъ попасть въ руки побѣдителя. Эта побѣда, истребившая болѣе тысячи враговъ, дешево досталась преодолѣвшему: у него выбыло изъ строя всего два человѣка. Триста сдавшихся человѣкъ были безжалостно перерѣзаны, такъ какъ опасались вылазки изъ Антверпена [1]).

Прежде чѣмъ началась битва, въ Ант-

[1]) *Allg. Gesch. d. ver. Niderl.*, 98, 99. *Strada*, 170.—*Vigl. ad. Hopper. Epist.* 5.
[2]) *Grot.* 23.

[1]) *Meteren*, 97, 98. *Burgund* 440, 441. *Strada*, 170,—172. *Thuan*, 41.

верпенѣ и не подозрѣвали нападенія. Только принцъ Оранскій, спозаранку увѣдомленный о немъ, принялъ предосторожности: онъ за день велѣлъ сломать мостъ между городомъ и Остервелемъ. По его словамъ, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы кальвинисты города не вздумали присоединиться къ войску Тулуза; но скорѣе всего онъ не хотѣлъ, чтобы католики напали на вождя гезовъ съ тылу или чтобы Лануа, въ случаѣ побѣды, проникъ въ Антверпенъ. По тѣмъ же причинамъ онъ приказалъ запереть ворота, и жители, ничего тутъ не понимавшіе, боролись между страхомъ и любопытствомъ, пока пушечные выстрѣлы съ Остервеля не показали имъ, что тамъ дѣлается. Въ шумной сутолокѣ бросились теперь всѣ на валы и стѣны, гдѣ передъ ними раскрылась вся картина битвы, когда вѣтеръ отнесъ пороховой дымъ отъ сражающихся сторонъ. Оба войска были такъ близко отъ города, что можно было ясно различить какъ ихъ знамена, такъ и голоса побѣдителей и побѣжденныхъ. Теперь городъ представлялъ видъ болѣе ужасный, чѣмъ зрѣлище самой битвы. У каждаго изъ сражавшихся отрядовъ были свои друзья и враги на стѣнахъ. Всякій шагъ внизу вызывалъ ликованіе или ужасъ наверху; исходъ битвы, казалось, рѣшалъ судьбу каждаго зрителя. Каждое движеніе на полѣ битвы отражалось на лицахъ антверпенцевъ—и пораженіе, и торжество, и ужасъ гибнущихъ, и ярость побѣдителей. Здѣсь—мучительное тщетное стремленіе поддержать падающаго, остановить бѣгущаго; тамъ—столь же напрасное стремленіе схватить врага, уничтожить, истребить его. Вотъ бѣгутъ гезы—и десятокъ тысячъ людей осчастливлены; а вотъ послѣднее убѣжище Тулуза объято пламенемъ— и 20.000 антверпенцевъ умираютъ вмѣстѣ съ ними на кострѣ.

Но вскорѣ оцѣпенѣніе отъ перваго ужаса уступаетъ мѣсто яростному желанію помочь, отомстить. Съ криками, съ поднятыми руками, съ распущенными волосами, бросается вдова разбитаго полководца въ толпу, умоляя отомстить, сжалиться. Кальвинисты, возбужденные своимъ апостоломъ, Германомъ, хватаются за оружіе, чтобы имъ отомстить за своихъ братьевъ, или погибнуть вмѣстѣ съ ними. Безъ мысли, безъ плана, безъ вождя, руководимые только своимъ горемъ, своимъ безуміемъ, бросаются они къ краснымъ воротамъ, ведущимъ къ побоищу. Но нѣтъ выхода! Ворота заперты—и переднія толпы отшатываются на заднія. Тысячи бѣгутъ за тысячами; на Морскомъ мосту страшная давка. „Мы преданы, мы плѣнены!“ кричатъ всѣ: „проклятіе папистамъ, проклятіе измѣнникуу!“ По толпѣ пробѣгаетъ глухой ропотъ—признакъ мятежа. Начинаютъ подозрѣвать, что все это — дѣло католиковъ, замыслившихъ погубить кальвинистовъ. У послѣднихъ вырѣзали защитниковъ, теперь обрушатся на беззащитныхъ. Съ роковою скоростью распространяется это подозрѣніе по всему Антверпену. Теперь-де понятно прошлое, а въ будущемъ таится что-нибудь еще худшее. Ужасное недовѣріе овладѣваетъ всѣми умами. Всѣ партіи боятся другъ друга; всякій видитъ врага въ сосѣдѣ. Таинственность увеличиваетъ этотъ страхъ и отчаяніе,—ужасное состояніе для такого многолюднаго города, гдѣ всякая случайная сходка превращается въ смятеніе, брошенная вскользь выдумка становится слухами, искорка разгорается въ яркое пламя, гдѣ отъ сильнаго тренія всѣ страсти кипятъ. При такихъ слухахъ, все, что называется реформатскимъ, приходитъ въ движеніе. 15.000 кальвинистовъ захватываютъ Морской мостъ и ставятъ на полѣ тяжелыя орудія, насильно взятыя въ цейхгаузѣ; то же происходитъ на другомъ мосту. Нововѣрцы становятся страшны отъ своей массы; городъ въ ихъ рукахъ; чтобы избѣжать воображаемой опасности, они ведутъ весь Антверпенъ на край пропасти.

Какъ только началось смятеніе, принцъ Оранскій поспѣшилъ къ Морскому мосту, мужественно пробрался сквозь толпу, предложилъ миръ и умолялъ выслушать его. На другомъ мосту сдѣлалъ такую же попытку графъ Гогстратенъ, сопровождаемый бургомистромъ Страленомъ; но ему недоставало ни значенія, ни краснорѣчія — и онъ направилъ бѣшеную толпу, съ которой ему не подъ силу было справиться, на принца. Сюда и устремился теперь весь Антверпенъ. Вильгельмъ старался объяснить, что ворота заперты лишь съ тою цѣлью, чтобы не пускать въ городъ побѣдителя, кто бы онъ ни былъ, иначе онъ сталъ бы добычей солдатъ. Но напрасно: бѣшеныя шайки не слушаютъ его; одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ молодцовъ даже прицѣлился въ него изъ ружья и обозвалъ его измѣнникомъ. Съ криками потребовали у него ключей отъ Красныхъ воротъ, и онъ принужденъ былъ вручить ихъ проповѣднику Герману. „Но—прибавилъ онъ съ счастливой наход-

чивостью—знайте, что вы дѣлаете: въ форштадтѣ васъ примутъ 600 непріятельскихъ всадниковъ". Эта выдумка, внушенная ему нуждой и страхомъ, была не такъ далека отъ истины, какъ, быть можетъ, онъ самъ думалъ: какъ только побѣдоносный полководецъ услышалъ о смятеніи въ Антверпенѣ, онъ тотчасъ же посадилъ свою конницу на лошадей, чтобы подъ ея прикрытіемъ проникнуть въ городъ. „Я, съ своей стороны—продолжалъ принцъ Оранскій—заблаговременно постараюсь обезопасить себя, и не будетъ раскаиваться тотъ, кто послѣдуетъ моему примѣру". Эти слова, сказанныя во-время и поддержанныя дѣломъ, подѣйствовали. Ближайшіе послѣдовали за нимъ, дальнѣйшіе—за ними, и немногіе, забѣжавшіе впередъ, никого не видя за собой, потеряли всякую охоту схватиться съ 600 всадниками. Всѣ опять бросились къ Морскому мосту; тамъ выставили стражу и передовые посты и провели бурную ночь подъ ружьемъ [1]).

Теперь Антверпену угрожала страшная бойня и полное разграбленіе. Въ такой крайней бѣдѣ Оранскій созвалъ чрезвычайный сенатъ изъ честнѣйшихъ гражданъ всѣхъ четырехъ націй. Онъ сказалъ, что если хотятъ подавить высокомѣріе кальвинистовъ, то пусть выставятъ и войско, готовое схватиться съ ними. И было рѣшено немедленно призвать къ оружію католиковъ города — туземцевъ, итальянцевъ и испанцевъ и, если можно, привлечь также лютеранъ. Послѣдніе уже давно стали врагами кальвинистовъ, которые, гордясь своимъ богатствомъ и чувствуя опору въ своемъ преобладающемъ числѣ, съ презрѣніемъ относились ко всякой другой религіозной партіи, и ожесточеніе между этими двумя протестантскими церквами было глубже, чѣмъ та ненависть, которая соединяла ихъ противъ господствующей церкви. Магистратъ отлично пользовался ихъ взаимною ненавистью, чтобы сдерживать ихъ обѣихъ, въ особенности же реформатовъ, усиленіе которыхъ страшило больше всего. Оттого-то онъ молчаливо принялъ подъ свое покровительство лютеранъ, какъ партію болѣе слабую и миролюбивую; онъ даже выписывалъ имъ духовныхъ учителей изъ Германіи, которые поддерживали эту взаимную ненависть проповѣдями-диспутами. Онъ внушалъ лютеранамъ, будто король милостиво относится къ ихъ исповѣданію, и уговаривалъ ихъ не чернить своего добраго дѣла соглашеніемъ съ реформатами. Казалось, было не трудно на эту минуту соединить католиковъ съ лютеранами, когда дѣло шло о подавленіи столь ненавистнаго соперника. На зарѣ слѣдующаго дня противъ кальвинистовъ выстроилось войско, далеко превосходившее ихъ числомъ. Во главѣ этого войска краснорѣчіе Оранскаго начало пріобрѣтать гораздо больше силы, стало легко находить послѣдователей. Хотя кальвинисты обладали оружіемъ и пушками, они испугались превосходнаго числа своихъ враговъ и первые послали пословъ съ мирными предложеніями, и Оранскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ, удовлетворилъ всѣхъ. Какъ только было объявлено соглашеніе, испанцы и итальянцы города сложили оружіе. За ними послѣдовали реформаты, а потомъ и католики; послѣдними оказались лютеране [1]).

Два дня и двѣ ночи находился Антверпенъ въ этомъ страшномъ состояніи. Католики уже подвезли бочки пороху подъ Морской мостъ, чтобы взорвать все занявшее его войско реформатовъ; въ другихъ мѣстахъ послѣдніе такъ поступали съ католиками [2]). Гибель города зависѣла отъ одного мгновенія; его спасло только благоразуміе Оранскаго.

1567.—Нуаркармъ все еще стоялъ съ своимъ валлонскимъ войскомъ передъ Валансьеномъ, который стойко отвергалъ всѣ предложенія регентши и всякую мысль о сдачѣ, въ твердой увѣренности, что ему помогутъ гезы. Отъ двора Нуаркарму было рѣшительно приказано сдерживаться, пока онъ не получитъ свѣжихъ войскъ изъ Германіи. Король по чувству жалости или изъ страха не терпѣлъ кровавыхъ штурмовъ, при которыхъ неизбѣжно невинный раздѣляетъ судьбу виновнаго и съ самыми вѣрными подданными обращаются, какъ съ врагами. Но упорство осажденныхъ возрастало съ каждымъ днемъ; ободряемые бездѣйствіемъ врага, они даже осмѣливались часто безпокоить его вылазками, сожигали монастыри за городомъ и возвращались съ добычей; къ тому же мятежники и ихъ союзники могли воспользоваться временемъ, которое осаждающіе теряли безполезно передъ городомъ. Вотъ почему Нуаркармъ настаивалъ, чтобы герцогиня выхлопотала ему у

[1]) *Burgund*, 444 - 447. *Strada*, 172.

[1]) *Thuan*, 526, 527. — *Burgund*, 448 – 451. - *Strada*, 173. - *Meteren*, 97, 98.

[2]) *Meteren*, 97.

короля позволеніе штурмовать городъ. Отвѣтъ пришелъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ требовалъ, чтобы только прилаживали машины къ штурму и выждали, пока подѣйствуетъ страхъ; если и изъ этого ничего не выйдетъ, тогда только можно идти на штурмъ, но возможно оградить жизнь каждаго.

Прежде чѣмъ взяться за это крайнее средство, регентша уполномочила графа Эгмонта и герцога Аршота еще разъ вступить въ переговоры съ мятежниками. Оба совѣщались съ депутатами города и не упустили ничего, чтобы вывести ихъ изъ ослѣпленія. Они сообщили имъ, что Тулузъ разбитъ, а съ нимъ пала и вся опора осажденныхъ; графъ Мегенъ отрѣзалъ войско гезовъ отъ города, и валансьенцы держатся такъ долго, лишь благодаря снисходительности короля. Они предлагали полное забвеніе прошлаго. Всякій воленъ защищаться передъ какимъ угодно судомъ, а кто не пожелаетъ этого, тому дозволяется покинуть городъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ, въ теченіе четырнадцати дней. Отъ нихъ ничего не требуется, кромѣ принятія гарнизона. Для обдумыванія этихъ предложеній, дали имъ трехдневное перемиріе. Когда депутаты возвратились въ городъ, они нашли своихъ согражданъ еще менѣе склонными къ соглашенію: тѣмъ временемъ среди нихъ распространился ложный слухъ о новой вербовкѣ солдатъ гезами; толковали, будто Тулузъ побѣдилъ и большое войско идетъ на выручку города. Эта увѣренность была такъ велика, что осмѣлились даже нарушить перемиріе и начали стрѣлять въ осаждающихъ. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, магистрату удалось уговорить согражданъ послать въ лагерь двѣнадцать совѣтниковъ съ слѣдующими предложеніями: отмѣняется указъ, который обвиняетъ Валансьенъ въ оскорбленіи величества и объявляетъ его врагомъ; отобранныя по суду имущества возвращаются; плѣнные освобождаются съ обѣихъ сторонъ; гарнизонъ не вступаетъ въ городъ, пока всякій, кому это угодно, обезопаситъ себя и свое добро, и онъ обязуется ни въ чемъ не притѣснять жителей, въ противномъ случаѣ король отвѣчаетъ за убытки.

Нуаркармъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ на эти условія и готовъ былъ жестоко обойтись съ посланцами. Онъ сказалъ имъ, что если они пришли не со сдачей города, то пусть немедленно удаляются во-свояси, не то онъ отошлетъ ихъ со связанными на спинѣ руками. Они сваливали вину на упрямство реформатовъ и просили оставить ихъ въ лагерѣ: они не хотятъ идти заодно съ своими согражданами, не желаютъ раздѣлять ихъ судьбу. Они даже обнимали колѣни Эгмонта, умоляя его заступиться; но Нуаркармъ остался глухъ къ ихъ просьбамъ, и видъ принесенныхъ цѣпей заставилъ ихъ поневолѣ возвратиться въ Валансьенъ. Непріятельскій полководецъ поступилъ такъ строго не изъ суровости, а по необходимости. Задержаніе пословъ разъ уже навлекло ему выговоръ герцогини; теперь оно непремѣнно было бы объяснено такъ же, какъ тогда. Да и не хотѣлось ему лишить городъ небольшого остатка благонамѣренныхъ гражданъ и тѣмъ окончательно предоставить его судьбу слѣпой, бѣшеной толпѣ. Эгмонтъ былъ такъ раздраженъ неудачей собственнаго посольства, что слѣдующей ночью самъ объѣхалъ вокругъ города, осмотрѣлъ его укрѣпленія и возвратился очень довольный, убѣдившись, что Валансьенъ долго не устоитъ [1]).

Валансьенъ расположенъ на покатомъ склонѣ къ прямой и гладкой равнинѣ и пользуется столь же крѣпкимъ, какъ и пріятнымъ положеніемъ. Охваченный, съ одной стороны, Шельдой и одной небольшой рѣчкой, а съ другой—глубокими рвами и башнями, онъ, повидимому, могъ бы сопротивляться всякимъ нападеніямъ. Но Нуаркармъ замѣтилъ мѣста въ городскихъ рвахъ, которыя были до того запущены, что сравнялись съ почвой; онъ воспользовался этимъ. Онъ стянулъ всѣ разбросанные для обложенія отряды и, въ одну бурную ночь, овладѣлъ Бергскимъ форштадтомъ, не потерявъ ни одного человѣка. Затѣмъ онъ подѣлилъ городъ между графомъ Боссю, младшимъ графомъ Карломъ Мансфельдомъ и молодымъ Барлемономъ. Одинъ изъ его полковниковъ съ возможной поспѣшностью подошелъ къ стѣнамъ, съ которыхъ посыпался огонь, прогнавшій непріятеля. Подъ самымъ городомъ, противъ воротъ, на глазахъ у осажденныхъ и съ ничтожными потерями, была поставлена батарея, на одной высотѣ съ укрѣпленіями, и ея 21 орудіе штурмовали городъ безпрерывно въ теченіе четырехъ часовъ. Башня св. Николая, гдѣ осажденные поставили нѣсколько пушекъ, пала изъ первыхъ, и многіе погибли подъ ея развалинами. На всѣхъ высокихъ зданіяхъ были поставлены орудія, производив-

[1]) *Thuan*, 528. - *Strada*, 178. ***Burgund***, 466.

Вильгельмъ Оранскій и антверпенцы.

шія страшное опустошеніе между жителями. Въ нѣсколько часовъ главныя сооруженія были разрушены и въ самихъ воротахъ былъ сдѣланъ такой проломъ, что осажденные, отчаявшись въ спасеніи, тотчасъ послали двухъ трубачей съ просьбой выслушать ихъ. На послѣднее было получено согласіе, но штурмъ продолжался безъ перерыва. Тѣмъ сильнѣе настаивали послы на договорѣ, соглашаясь сдать городъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя были отвергнуты имъ два дня тому назадъ. Но обстоятельства измѣнились—и побѣдитель не хотѣлъ уже слышать объ условіяхъ. Непрерывный огонь не позволялъ осажденнымъ исправлять стѣны, развалины которыхъ наполняли цѣлые городскіе рвы и пролагали врагу путь къ проломамъ. Убѣдившись въ своей окончательной погибели, валансьенцы сдали, на зарѣ, городъ на милость побѣдителя, послѣ штурма, длившагося 36 часовъ безъ перерыва и забросавшаго улицы тремя тысячами бомбъ. Нуаркармъ вступилъ въ Валансьенъ съ побѣдоноснымъ войскомъ, сохранившимъ строгую дисциплину; его встрѣтила толпа женщинъ и дѣтей, несшихъ передъ нимъ зеленыя вѣтви и умолявшихъ о помилованіи. Тотчасъ были обезоружены всѣ горожане; губернатору города и его сыну отрубили головы; 36 главныхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ ле-Гранжъ и другой реформатскій проповѣдникъ, Гвидо де-Брессъ, заплатили висѣлицей за свое упрямство; всѣ должностныя лица лишились мѣстъ, а городъ—своихъ привилегій. Католическое богослуженіе было немедленно возстановлено во всемъ своемъ великолѣпіи, а протестантское уничтожено; епископъ Аррасскій долженъ былъ перенести сюда свое мѣстопребываніе, а за покорность города впредь ручался сильный гарнизонъ [1]).

1567.—Сдача Валансьена, на который было устремлено всеобщее вниманіе, была страшнымъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ городовъ, находившихся въ подобномъ же положеніи, и она не мало подняла значеніе оружія регентши. Нуаркармъ пользовался своей побѣдой: онъ тотчасъ двинулся на Мострихтъ, который сдался ему безъ выстрѣла и принялъ гарнизонъ. Оттуда онъ прошелъ къ Торнгуту, чтобы своею близостью запугать города Герцогенбушъ и Антверпенъ. Его прибытіе повергло въ ужасъ партію гезовъ, которые, съ Бамбергомъ во главѣ, все еще держали въ рукахъ магистратъ: они, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, поспѣшно очистили городъ. Нуаркармъ былъ принятъ безъ сопротивленія; послы регентши были немедленно освобождены, и былъ поставленъ сильный гарнизонъ. И Камбрэ съ ликованіемъ открылъ ворота своему архіепископу, изгнанному господствомъ реформатовъ. И владыка заслужилъ это торжество; онъ не запятналъ своего возвращенія кровью. Покорились также города Гентъ, Ипернъ и Уденардъ: они приняли гарнизоны. Графъ Мегенъ почти совсѣмъ очистилъ Гельдернъ отъ мятежниковъ и заставилъ его подчиниться. То же удалось графу Арембергу во Фрисландіи и Гренингенѣ, но нѣсколько позже и съ большимъ трудомъ: ему недоставало ровности характера и настойчивости, а эти задорные республиканцы упорнѣе другихъ стояли за свои привилегіи и старались всячески утвердить ихъ [1]). За исключеніемъ Голландіи, шайки мятежниковъ были изгнаны изъ всѣхъ провинцій; все поникало предъ побѣдоноснымъ оружіемъ герцогини. Возставшіе пали духомъ, и имъ ничего не оставалось болѣе, какъ бѣжать или покориться безусловно [2]).

[1]) *Thuan*, 528, 529—*Meteren*, 98, 99.—*Strada*, 178 180. *Burgund*, 462 465.

[1]) *Vigl. ad Hopper. Epist.*, I, 21.
[2]) *Burgund*, 466, 473—475.

Отставка Вильгельма Оранскаго.

Съ тѣхъ поръ какъ образовался союзъ гезовъ, а еще больше съ началомъ иконоборства, въ провинціяхъ до того распалился духъ раздоровъ и строптивости между высшими и низшими сословіями, партіи до того перепутались, что регентшѣ трудно было распознать своихъ приверженцевъ и свои орудія; наконецъ, она ужъ и не знала, въ чьихъ рукахъ находится. Мало-по-малу исчезло отличіе между подозрительными и вѣрными; граница между тѣми и другими становилась незамѣтной. Благодаря измѣненіямъ въ законахъ, въ пользу протестантовъ, вызваннымъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь требованіями минуты, она лишила самые законы опредѣленности, обязательной силы, дала просторъ произволу въ ихъ толкованіи. Дошло до того, что среди массы разнообразныхъ толкованій утратился самый смыслъ законовъ, стушевалась цѣль законодателя. При тѣсныхъ связяхъ между протестантами и католиками, гезами и роялистами, причемъ ихъ интересы нерѣдко сливались, послѣдніе пользовались лазейкой, которую открывала имъ шаткость законовъ: путемъ искусственныхъ опредѣленій они избѣгали строгаго исполненія своихъ обязанностей. Они смотрѣли такъ: достаточно не быть открытымъ мятежникомъ гезомъ или еретикомъ — и поступай, какъ хочешь, измѣряй предѣлы твоего послушанія королю, какъ тебѣ угодно. Не чувствуя отвѣтственности, штатгальтеры высшіе и низшіе чиновники, городскія власти и военачальники стали очень нерадивы по службѣ; увѣренные въ безнаказанности, они проявляли такую вредную снисходительность къ мятежникамъ и ихъ преверженцамъ, что всѣ мѣры регентши теряли свою силу. Такая неблагонадежность столькихъ важныхъ лицъ въ государствѣ вела къ невыгоднымъ послѣдствіямъ: горячія головы разсчитывали на гораздо болѣе широкую безопасность, чѣмъ могло быть на дѣлѣ; они считали своимъ всякаго, кто хоть только дулся на придворную партію. То была одна мечта, но она стоила дѣйствительности, такъ какъ поднимался духъ мятежниковъ. *Ненадежные* вассалы становились почти столь же вредны, какъ и *открытые* враги короля, а противъ нихъ нельзя было дѣйствовать съ тою же строгостью, какъ противъ послѣднихъ. Въ особенности таково было положеніе принца Оранскаго, графа Эгмонта, Бергена, Гогстратена, Горна и еще многихъ изъ знатнаго дворянства. Штатгальтерша видѣла необходимость вызвать этихъ сомнительныхъ подданныхъ на прямое объясненіе, чтобы или отнять у мятежниковъ мнимую опору, или разоблачить враговъ короля. Теперь это было тѣмъ болѣе необходимо, что ей приходилось выставить въ поле армію и довѣрить ее многимъ изъ нихъ. Съ этою цѣлью была изготовлена *присяга*, которая требовала поддерживать римско-католическую вѣру, преслѣдовать иконо-

борцевъ, всѣми силами содѣйствовать искорененію всякихъ ересей. Она обязывала считать каждаго врага монарха своимъ собственнымъ врагомъ и выступать рѣшительно противъ всякаго, кого регентша укажетъ именемъ короля. Маргарита вовсене думала развѣдать этимъ путемъ образъ мыслей дворянъ и тѣмъ менѣе обязывать ихъ: присяга должна была служить ей лишь законнымъ предлогомъ удалить подозрительныхъ, вырвать у нихъ власть, которою они могли злоупотреблять, если они отвергнутъ ее, и карать ихъ, если они нарушатъ ее. Дворъ потребовалъ этой присяги отъ всѣхъ рыцарей Золотого Руна, отъ высшихъ и низшихъ служителей государства, отъ чиновниковъ и властей, отъ офицеровъ арміи—словомъ, отъ всякаго, кому что-либо поручалось въ республикѣ. Графъ Мансфельдъ первый принесъ присягу въ брюссельскомъ государственномъ совѣтѣ. Его примѣру послѣдовали герцогъ Аршотъ, графы Эгмонтъ, Мегенъ и Барлемонъ. Гогстратенъ и Горнъ пытались уклониться вѣжливымъ образомъ. Первый еще сердился на знакъ недовѣрія, высказанный недавно регентшей по поводу его штатгальтерства въ Мехельнѣ; подъ предлогомъ, что Мехельнъ не можетъ долѣе оставаться безъ штатгальтера, а присутствіе графа требуется въ Антверпенѣ, она отняла у него эту провинцію и отдала ее другому, болѣе надежному лицу. Гогстратенъ благодарилъ герцогиню за желаніе избавить его отъ одной изъ обязанностей и прибавилъ, что будетъ еще болѣе признателенъ, если она освободитъ его и отъ другихъ. Графъ Горнъ, вѣрный своимъ замысламъ, все еще проживалъ вдали отъ всякихъ дѣлъ, въ одномъ изъ своихъ имѣній, въ укрѣпленномъ городѣ Вэрдтѣ. Такъ какъ онъ покинулъ государственную службу и не считалъ себя связаннымъ долгомъ ни съ республикой, ни съ королемъ, то отказался отъ присяги, что, казалось, и разрѣшили ему [1]).

Графу Бредероде предоставили на выборъ—или принять присягу, или сложить начальство надъ ввѣреннымъ ему отрядомъ. Послѣ многихъ тщетныхъ увертокъ, причемъ онъ ссылался на то, что не занимаетъ никакой общественной должности въ республикѣ, графъ рѣшился, наконецъ, на послѣднее, что спасло его отъ клятвопреступленія [2]).

[1]) *Meteren*, 99.—*Strada*, 180 и слѣд.—*Grot*, 24.
[2]) *Burgund*, 421, 422.

Напрасно пытались склонить къ присягѣ принца Оранскаго, которому, казалось, больше всѣхъ требовалось это обѣленіе, въ виду давно тяготѣвшаго надъ нимъ подозрѣнія; да онъ и по всей справедливости долженъ былъ подумать объ этомъ, вслѣдствіе большой власти, которую принуждены были дать ему. Съ нимъ нельзя было покончить съ лаконической краткостью, какъ съ какимъ-нибудь Бредероде. Дѣло было вовсе не въ отказѣ отъ всѣхъ должностей, на который онъ и рѣшился; регентша отлично видѣла, какъ опасенъ станетъ ей этотъ человѣкъ именно тогда, когда поймётъ, что его истинный образъ мыслей уже не стѣсняется никакими внѣшними условностями, никакими обязанностями. Но принцъ Оранскій безповоротно рѣшилъ уже на съѣздѣ въ Дендермондѣ покинуть службу испанскаго короля и даже удалиться изъ страны, въ ожиданіи лучшихъ дней. Весьма горькимъ опытомъ позналъ онъ, какъ непрочны надежды на большія массы, какъ быстро улетучивается ихъ многообѣщающее рвеніе, какъ только потребуется дѣло. Одна королевская армія стояла въ полѣ, другая, гораздо болѣе сильная, приближалась, какъ было ему извѣстно, подъ начальствомъ герцога Альбы: время представленій миновало; лишь во главѣ войска можно было надѣяться заключить выгодные договоры съ регентшей и возбранить испанскому полководцу вторженіе въ страну. А откуда взять это войско, когда протестанты отказались отъ своихъ хвастливыхъ обѣщаній и покинули его на произволъ судьбы въ такой крайней нуждѣ [1]). Къ тому же соперничество и религіозная ненависть раздѣляли обѣ протестантскія церкви и препятствовали всякому спасительному единенію противъ общаго врага ихъ вѣры. Дурное отношеніе реформатовъ къ аугсбургскому исповѣданію такъ разсердило всѣхъ протестантскихъ князей Германіи, что уже нечего было и думать о

[1]) Какъ бодры были въ желаніяхъ и какъ плохи въ ихъ исполненіи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. Въ Амстердамѣ нѣкоторые друзы національной свободы, какъ католики, такъ и лютеране, торжественно пообѣщали давать сотый пфенингъ съ своихъ имуществъ въ особую кассу, пока не соберется сумма въ 11.000 гульденовъ на пользу общаго дѣла. Для этого поставили кружку, съ отверстіемъ на крышкѣ подъ тремя замками. Когда вскрыли ее по истеченіи срока, оказалось всего 700 гульденовъ, которые были отданы трактирщицѣ графа Бредероде въ уплату за неоплаченный имъ счетъ. *Allg. Gesch. d. v. Niederl.*, B. III.

серьезномъ содѣйствіи со стороны Германіи. Вмѣстѣ съ графомъ Эгмонтомъ исчезло отличное войско валлоновъ, слѣпо слѣдовавшее за счастьемъ своего полководца, который научилъ его побѣждать у С. Кантена и Гравемилена. Насилія иконоборцевъ надъ церквами и монастырями оттолкнули отъ союза многочисленное, состоятельное и мощное католическое духовенство, которое передъ тѣмъ уже наполовину склонялось къ нему, а регентша умѣла съ каждымъ днемъ отрывать отъ союза много членовъ посредствомъ хитрости.

Всѣ эти соображенія побудили принца отложить до лучшихъ временъ планъ, которому не благопріятствовали обстоятельства, и покинуть страну, гдѣ его дальнѣйшее пребываніе не могло принести пользы, а ему самому готовило вѣрную гибель. Въ мнѣніи Филиппа о немъ онъ не могъ сомнѣваться послѣ столькихъ развѣдокъ, столькихъ знаковъ его недовѣрія, столькихъ предостереженій изъ Мадрида. А еслибы и не такъ, то его сомнѣніе было бы очень скоро разсѣяно тою грозною арміей, снаряженной въ Испаніи, которою командовалъ—это было ему хорошо извѣстно—не король, какъ нарочно пускали слухъ, а герцогъ Альба, его главный противникъ и самый опасный врагъ. Принцъ слишкомъ хорошо зналъ людей, слишкомъ глубоко понималъ душу Филиппа, чтобы вѣрить въ искреннее примиреніе съ монархомъ, который боялся его. Къ тому же онъ слишкомъ вѣрно цѣнилъ собственное поведеніе, чтобы, подобно своему другу Эгмонту, разсчитывать на благодарность короля, которой онъ вовсе не заслужилъ. Словомъ, онъ ничего не могъ ожидать отъ него, кромѣ враждебнаго чувства, и благоразуміе внушало ему заблаговременно бѣжать отъ его проявленія на дѣлѣ. До сихъ поръ онъ упорно отклонялъ требуемую новую присягу: были безплодны всѣ письменныя увѣщанія регентши.

Наконецъ, Маргарита послала къ нему въ Антверпенъ своего тайнаго секретаря Берти, который долженъ былъ настоятельно обратиться къ его совѣсти и выставить ему всѣ худыя послѣдствія, которыя навлечетъ и странѣ, и его собственному доброму имени столь внезапное оставленіе королевской службы. Посланецъ замѣтилъ, что уже отказъ отъ требуемой присяги набросилъ тѣнь на его честь и сдѣлалъ правдоподобной всеобщую молву, обвиняющую его въ соглашеніи съ мятежниками, а умышленная отставка заставитъ окончательно повѣрить ей. Да и приличествуетъ только государю отставлять своего служителя, а не служителю—покидать своего государя. Посолъ регентши засталъ принца въ его антверпенскомъ дворцѣ, совсѣмъ, повидимому, умершимъ для государственной службы и зарывшимся въ частныя дѣла. Вильгельмъ отвѣчалъ ему, въ присутствіи Гогстратена, что отказался отъ требуемой присяги, ибо не припомнитъ, чтобы раньше него было сдѣлано подобное предложеніе какому-либо штатгальтеру; да, вѣдь, онъ уже разъ навсегда обязался служить королю; стало быть, эта новая присяга была бы, съ его стороны, безмолвнымъ признаніемъ въ нарушеніи первой. Далѣе: онъ отказался отъ новой присяги, ибо прежняя повелѣвала ему охранять права и привилегіи страны, а онъ не знаетъ, нѣтъ-ли въ новой присягѣ чего-нибудь противнаго прежней. Къ тому же эта новая присяга обязываетъ его противиться всякому безъ различія, кого только укажутъ ему, причемъ не сдѣлано исключенія даже для его леннаго господина, императора; а вѣдь, онъ, какъ вассалъ, не можетъ воевать съ нимъ. Онъ отказался отъ присяги, ибо она обязываетъ его вести на бойню своихъ друзей, родныхъ, собственныхъ сыновей, даже свою жену, которая исповѣдуетъ лютеранство. Въ силу этой присяги, ему пришлось бы исполнять все, что ни вздумается королю приказать ему, а король можетъ потребовать отъ него услугъ, отъ которыхъ онъ приходитъ въ ужасъ: его уже давно возмущала суровость, съ которой вѣчно обращаются съ протестантами. Словомъ, эта присяга противорѣчитъ его человѣколюбію, и онъ не можетъ принести ее. Подъ конецъ изъ его устъ вырвалось имя герцога Альбы съ явною злобой, и онъ тотчасъ замолчалъ [1]).

Берти шагъ за шагомъ отвѣчалъ на всѣ эти возраженія. Отъ штатгальтеровъ не требовали до сихъ поръ такой присяги, потому что провинціи никогда еще не находились въ такомъ положеніи. Ее требуютъ теперь не потому, чтобы штатгальтеры нарушили прежнюю присягу, а съ тѣмъ, чтобы хорошенько напомнить имъ о ней и оживить ихъ дѣятельность въ нынѣшнемъ опасномъ положеніи. Новая присяга не возлагаетъ на него ничего вреднаго правамъ и привилегіямъ страны, ибо король, точно такъ же, какъ и принцъ Оранскій, подтвердилъ ихъ клятвой. Въ ней нѣтъ и рѣчи

[1]) *Burgund*, 456—458.—*Strada*, 182—183.

о какой-нибудь войнѣ противъ императора или противъ любого государя изъ родни принца, а если это стѣсняетъ его, охотно вставятъ особую, ограждающую его оговорку на этотъ счетъ. Что касается приказаній, противныхъ его человѣколюбію, съумѣютъ пощадить его, и никакая власть на землѣ не станетъ принуждать его идти противъ своихъ дѣтей и жены. Тутъ Берти хотѣлъ перейти къ послѣднему пункту, касавшемуся герцога Альбы, но принцъ прервалъ его, не желая распространяться на этотъ счетъ. „Вѣдь, король—сказалъ онъ—пріѣдетъ въ Нидерланды, а я знаю короля. Король никогда не потерпитъ, чтобы у кого-либо изъ его слугъ жена была лютеранка; поэтому я рѣшился идти, со всею семьей, въ добровольное изгнаніе, пока не принудятъ меня къ этой участи силой". „Впрочемъ—прибавилъ онъ въ заключеніе—гдѣ бы я ни былъ, я всегда буду держать себя, какъ подданный короля". Ясно, къ какимъ отдаленнымъ причинамъ бѣгства прибѣгалъ принцъ, чтобы только не касаться единственнаго настоящаго побужденія [1]).

Берти надѣялся черезъ краснорѣчіе Эгмонта добиться того, что не давалось его собственному. Онъ предложилъ свиданіе съ нимъ (1567). Принцъ согласился тѣмъ охотнѣе, что самъ желалъ, передъ отъѣздомъ, еще разъ обнять своего друга и, быть можетъ, спасти ослѣпленнаго отъ вѣрной погибели. Это достопамятное, послѣднее свиданіе двухъ пріятелей произошло въ Вилемброкѣ—деревнѣ на Рукенѣ, между Брюсселемъ и Антверпеномъ. На немъ присутствовалъ, кромѣ тайнаго секретаря Берти, молодой графъ Мансфельдъ. Реформаты, послѣдняя надежда которыхъ покоилась на этомъ совѣщаніи, нашли средство узнать его содержаніе: ихъ шпіонъ сидѣлъ въ трубѣ комнаты, гдѣ происходило свиданіе [2]). Тутъ всѣ трое старались дружнымъ краснорѣчіемъ поколебать рѣшеніе принца, но безполезно. „Твое упорство будетъ стоить тебѣ имущества", сказалъ, наконецъ, принцъ Горъ, отводя его къ окну. „А ты, Эгмонтъ, поплатишься жизнью, если не измѣнишь своего намѣренія", возразилъ тотъ. „Что бы ни случилось,—прибавилъ Оранскій,—мнѣ будетъ служить, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ сознаніе, что въ годину бѣдствій я хотѣлъ служить моему отечеству и друзьямъ словомъ и дѣломъ; а ты, вмѣстѣ съ *собой*, вовлечешь въ погибель и друзей, и отечество". И онъ еще настойчивѣе увѣщевалъ Эгмонта отдать себя народу, который можетъ быть спасенъ только его рукой; въ противномъ случаѣ хоть спасти себя самого отъ надвигающейся изъ Испаніи бури.

Но никакіе ясные доводы прозорливой мудрости, какъ ни живо, горячо выставляло ихъ нѣжное состраданіе друга, не могли поколебать роковой довѣрчивости, все еще сковывавшей здравый смыслъ Эгмонта. Предостереженія Оранскаго шли изъ скорбной, унылой души, а Эгмонту еще все улыбалось. Уйти отъ полноты избытка, довольства, роскоши, въ которыхъ зрѣлъ онъ, какъ юноша и мужъ, разстаться съ массой удобствъ, въ которыхъ заключалась для него вся цѣна жизни, и все это, чтобъ только избѣжать бѣды, столь далекой въ глазахъ легкомысленнаго человѣка,—нѣтъ, такой жертвы нельзя было требовать отъ Эгмонта! Да еслибъ даже онъ не былъ такъ слабъ, хватило ли бы у него духу обречь на лишенія, невыносимыя ему самому, принцессу, изнѣженную долгимъ счастьемъ, любимую жену и дѣтей, въ которыхъ онъ не чаялъ души! Вѣдь, такую жертву у людей любящихъ блага міра сего могла вырвать лишь возвышенная философія! Эгмонтъ сказалъ: „Никогда не убѣдишь ты меня, Оранскій, видѣть вещи въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, въ какомъ представляются онѣ твоему печальному благоразумію. Что будетъ имѣть король противъ меня, если я рѣшусь отмѣнять всенародныя проповѣди, наказывать иконоборцевъ, истреблять мятежниковъ и возстановлять спокойствіе въ провинціяхъ? Король милостивъ и справедливъ; я пріобрѣлъ право на его признательность, и я не долженъ забывать свой собственный долгъ". „Ладно, воскликнулъ Оранскій съ досадой и подавляемой скорбью: полагайся же на королевскую признательность! А мнѣ говоритъ грустное предчувствіе (да будетъ угодно небу, чтобы оно было ложно!), что ты, Эгмонтъ, будешь мостомъ, по которому испанцы вторгнутся въ страну и затѣмъ сломаютъ его". Проговоривши эти слова, онъ привлекъ друга къ себѣ и горячо, крѣпко обнялъ его. Долго, словно на всю жизнь, смотрѣлъ онъ ему въ глаза. Онъ заплакалъ: они ужъ не свидѣлись больше никогда [1]).

---

[1]) *Burgund*, 456, 458.—*Strada*, 182, 183.
[2]) *Meteren*, 100.

[1]) *Thuan*, 527.—*Strada*, 188. — *Meteren* 95.—*Burgund*, 470, 471. - *Meurs*, 28.

На слѣдующій же день Оранскій отправилъ регентшѣ прощальное письмо, увѣряя ее въ своемъ вѣчномъ уваженіи и еще разъ умоляя ее не перетолковывать его настоящаго шага въ дурную сторону. Затѣмъ онъ отправился, съ тремя братьями и со всей своей семьей, въ свой городъ Бреду, гдѣ остался лишь столько времени, сколько было нужно, чтобы привести въ порядокъ еще нѣкоторыя частныя дѣла. Одинъ только его старшій принцъ, Филиппъ Вильгельмъ, остался въ лувенскомъ университетѣ; отецъ считалъ его въ безопасности подъ охраной привилегій Брабанта и академическихъ правъ. Такую неосторожность, если только она не была преднамѣренна, трудно совмѣстить съ вѣрнымъ взглядомъ Оранскаго на характеръ своего противника во многихъ другихъ случаяхъ.

Въ Бредѣ главари кальвинистовъ еще разъ обратились къ принцу съ вопросомъ—остается ли для нихъ еще какая-нибудь надежда, или все погибло безвозвратно? Вильгельмъ отвѣчалъ: „Прежде я совѣтовалъ вамъ, совѣтую и теперь приступить къ аугсбургскому исповѣданію: тогда вамъ обезпечена помощь Германіи. Если же вы все еще не согласны на это, то добудьте мнѣ 600.000 гульденовъ и даже больше, если можете". Ему возразили „Первое противно нашимъ убѣжденіямъ и нашей совѣсти. Что же касается денегъ, то, пожалуй, можно подумать, если только вы объясните намъ на что намѣреваетесь истратить ихъ". „Да, воскликнулъ Оранскій съ досадой, но еслибы я объяснилъ, то ужъ не понадобилось бы денегъ!" Вслѣдъ затѣмъ онъ прервалъ переговоры и вскорѣ отпустилъ кальвинскихъ посланцевъ.

Оранскаго упрекали въ томъ, что онъ растратилъ свое состояніе и потворствовалъ новшествамъ изъ-за тяжелыхъ долговъ; но онъ увѣрялъ, что у него еще есть 60.000 гульденовъ годового дохода. Однако передъ отъѣздомъ онъ занялъ у штатовъ Голландіи еще 20.000 гульденовъ подъ залогъ своихъ имѣній. Никто не вѣрилъ, чтобы онъ такъ таки и подчинился необходимости безъ сопротивленія и бросилъ всякія дальнѣйшія попытки; но никто не зналъ, что онъ замышляетъ въ тайнѣ: никто не могъ читать въ его душѣ. Нѣкоторые спрашивали его, какъ онъ думаетъ впредь держать себя съ испанскимъ королемъ? „Спокойно, хотя бы онъ даже коснулся моей чести или моего имущества", былъ отвѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ принцъ покинулъ Нидерланды, чтобы успокоиться въ своемъ родномъ городѣ Дилленбургѣ, въ Нассаускихъ владѣніяхъ. За нимъ послѣдовали въ Германію сотни его прислужниковъ, а также добровольцевъ. Вскорѣ отправились къ нему и графы Гогстратенъ, Кюйлембургъ, Бергенъ, которые предпочли лучше раздѣлить съ нимъ добровольное изгнаніе, чѣмъ легкомысленно идти навстрѣчу неизвѣстному. Націи казалось, что съ Вильгельмомъ отлетѣлъ ея добрый геній: многіе обожали его, всѣ—уважали. Съ нимъ протестанты потеряли послѣднюю опору, но они ждали отъ этого одного бѣглеца больше чѣмъ отъ всѣхъ оставшихся. Сами католики не безъ скорби смотрѣли на его удаленіе. Онъ боролся съ тиранніей и за нихъ; нерѣдко онъ защищалъ ихъ противъ ихъ собственной церкви; многихъ изъ нихъ онъ спасъ отъ кровожадной ревности сектантовъ. Лишь немногія жалкія душонки среди кальвинистовъ, раздосадованныя предложеннымъ сліяніемъ съ приверженцами аугсбургскаго исповѣданія, съ тайною радостью праздновали день, когда врагъ ушелъ отъ нихъ [1]).

[1]) *Meteren*, 100. - *Meurs.* Guil. Auriac. 43. *Reidan*, 5. *Grot*, 26.

Распаденіе союза гезовъ.

Разставшись со своими друзьями, принцъ Горъ тотчасъ поспѣшилъ въ Брюссель, чтобы получить отъ регентши награду за свою стойкость и тамъ въ придворной суголокѣ, въ лучахъ своего счастья, избавиться отъ легкаго тумана, которымъ заволокли его душу мрачныя предостереженія Оранскаго. Бѣгство послѣдняго предоставило поприще ему одному. Теперь у него уже не было больше соперника въ республикѣ, который затмевалъ бы его славу. Съ удвоеннымъ рвеніемъ продолжалъ онъ заискивать пошатнувшееся благоволеніе государя, хотя вообще былъ выше всякаго заискиванія. Весь Брюссель долженъ былъ раздѣлить его радость. Эгмонтъ задавалъ роскошные пиры и всенародныя празднества, на которыхъ нерѣдко присутствовала сама регентша, чтобы изгладить въ его душѣ всякіе слѣды недовѣрія. Не довольствуясь принесеніемъ требуемой присяги, онъ старался превзойти набожностью самыхъ набожныхъ, ревностью самыхъ рьяныхъ въ стремленіи истреблять протестантскую вѣру и покорять оружіемъ строптивые города Фландріи. Онъ объявилъ вѣчный разрывъ своему старому другу, графу Гогстратену, и всѣмъ послѣднимъ гезамъ, если только они не возвратятся немедленно въ лоно господствующей церкви и не примирятся съ своимъ королемъ. Обѣ стороны возвратили другъ другу конфиденціальныя письма—и разрывъ между ними сталъ непоправимъ и открытъ. Отпаденіе Эгмонта и бѣгство принца Оранскаго разрушили послѣднія надежды протестантовъ и разстроили весь союзъ гезовъ. Всѣ спѣшили другъ передъ другомъ отказаться отъ компромисса и принести новую присягу, которая была предложена имъ. Напрасно купцы вопили объ этомъ вѣроломствѣ дворянъ: ихъ слабый голосъ не былъ слышенъ; погибли даромъ всѣ суммы, набранныя ими на дѣло союза [1]).

Главные города покорились и получили гарнизоны. Мятежники частью бѣжали, частью погибли отъ руки палача. Въ провинціяхъ не было уже никакого спасителя: все склонялось предъ счастьемъ регентши, и ея побѣдоносное войско шло на Антверпенъ. И этотъ городъ былъ очищенъ, наконецъ, отъ буйныхъ головъ послѣ тяжелой, упорной борьбы; Германъ съ своею шайкой бѣжали; ихъ внутренніе раздоры изсякли. Люди начали понемногу приходить въ себя и склоняться къ лучшимъ внушеніямъ, уже не подстрекаемые яростными толпами. Зажиточные граждане жаждали мира, чтобы вновь процвѣли торговля и промыслы, сильно пострадавшіе отъ долгаго безначалія. Грозное приближеніе Альбы производило чудеса. Все подчинялось мягкой рукѣ герцогини, чтобы избѣжать бѣдствій, которыя несла въ страну испанская армія. Всѣ сами посылали въ Брюссель уполномоченныхъ, которые должны были предлагать ей соглашеніе и выслушивать ея условія. Регентша была поражена этимъ добровольнымъ шагомъ, однако не растеря-

[1]) *Strada*, 184.—*Burgund*, 472.

лась отъ радости. Она объявила, что не можетъ и не желаетъ слышать ни о чемъ, пока городъ не приметъ гарнизона. И это требованіе не встрѣтило сопротивленія: на слѣдующій день графъ Мансфельдъ вступилъ въ Антверпенъ, въ боевомъ порядкѣ, съ шестнадцатью знаменами.

Теперь между городомъ и герцогиней былъ заключенъ торжественный договоръ; первый обязывался совсѣмъ отмѣнить реформатское богослуженіе, изгнать всѣхъ проповѣдниковъ этой церкви, возстановить римско-католическую религію во всемъ ея быломъ величіи, возобновить опустошенные храмы во всей ихъ красотѣ, попрежнему исполнять старые указы, принести новую присягу, уже принятую другими городами, наконецъ, отдать въ руки провосудія всѣхъ, кто оскорбилъ королевское величество, кто поднималъ оружіе или участвовалъ въ оскверненіи церквей. А регентша обѣщала забыть все прошлое и ходатайствовать предъ королемъ даже за преступниковъ. Всякому, кто, не будучи увѣренъ въ помилованіи, предпочтетъ изгнаніе, давался мѣсяцъ сроку, чтобы продать свое имущество и обезопасить свою личность; отсюда исключались только тѣ, которые совершили что-либо преступное и уже сами собой не подходили подъ вышеуказанное условіе.

Тотчасъ по заключеніи этого договора, герольдъ возвѣстилъ всѣмъ реформатскимъ и лютеранскимъ проповѣдникамъ въ Антверпенѣ и во всей прилежащей странѣ, чтобы они удалились въ 24 часа. И всѣ улицы, всѣ ворота переполнились бѣглецами, которые, въ честь своего Бога, покидали все самое дорогое сердцу, ища болѣе счастливаго мѣста для своей гонимой религіи. Гдѣ навѣки прощались другъ съ другомъ мужья съ женами, отцы съ дѣтьми, гдѣ уходили цѣлыми семьями. Весь Антверпенъ уподобился покойницкой: куда ни посмотришь, всюду трогательное зрѣлище сердце разрывающаго разставанья. Всѣ протестантскія церкви были запечатаны; исчезла цѣлая религія. 16-го апрѣля (1567) вышли ея проповѣдники. Когда несчастные въ послѣдній разъ явились въ ратушу попрощаться съ магистратомъ, они не могли удержать слезъ и разразились горькими жалобами. „Насъ вызвали, а потомъ бросили съ пренебреженіемъ! — вопили они: — но придетъ время, когда Антверпенъ тяжело поплатится за эту низость". Больше всего жаловалось лютеранское духовенство, которое было призвано самимъ магистратомъ противъ кальвинистовъ. Насъ-де запутали въ союзъ противъ кальвинистовъ, подъ лживымъ предлогомъ, будто король не неблагосклоненъ къ нашей религіи, и подавили реформатовъ съ нашей помощью; а теперь, когда мы ужъ не нужны, насъ вмѣстѣ съ ними заставляютъ оплакивать нашу глупость [1]).

Нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ блестящій въѣздъ регентши въ Антверпенъ. Она была окружена тысячью валлонскихъ всадниковъ, всѣми рыцарями Золотого Руна, всѣми штатгальтерами и совѣтниками, всѣмъ своимъ дворомъ и цѣлою толпой властей,—словомъ всѣмъ великолѣпіемъ побѣдительницы. Первымъ дѣломъ они посѣтили соборъ, вызвавшій у этой набожной регентши горькія слезы печальными слѣдами иконоборства. Вслѣдъ затѣмъ на торговой площади были казнены четверо мятежниковъ, схваченныхъ во время бѣгства. Всѣ дѣти, крещеныя по протестантскому обряду, были перекрещены католическими священниками. Всѣ школы еретиковъ были уничтожены; всѣ ихъ церкви сравнены съ землей. Почти всѣ нидерландскіе города послѣдовали примѣру Антверпена, и вездѣ протестантскіе проповѣдники должны были бѣжать. Къ концу апрѣля всѣ католическія церкви красовались лучше прежняго, а всѣ протестантскія молельни были сломаны, и во всѣхъ семнадцати провинціяхъ были истреблены до послѣднихъ слѣдовъ всякіе другіе культы. Обычная толпа, всегда слѣдующая за *счастьемъ*, старалась теперь ускорить гибель несчастныхъ столь же ревностно, какъ яростно боролась за нихъ незадолго передъ тѣмъ: меньше, чѣмъ въ одинъ часъ, исчезла прекрасная молельня, сооруженная кальвинистами въ Гентѣ. Изъ бревенъ сломанныхъ церквей устраивались висѣлицы для налагавшихъ руки на католическія церкви. Лобныя мѣста были завалены трупами, тюрьмы переполнились жертвами палачей, дороги—бѣглецами. Въ этомъ убійственномъ году не было такого маленькаго городка, въ которомъ не казнили-бы 50—300 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые попадались, въ открытомъ полѣ, въруки военачальниковъ, безпощадно вздергивавшихъ ихъ на дерево, безъ допроса, какъ разбойниковъ [2]).

[1]) *Meurs*, 33, 34. *Thuan*, 527. *Reidan*, 5. *Strada*, 187, 188. *Meteren*, 99, 100. — *Burgund*, 477. 478.

[2]) *Thuan*, 529—*Strada*, 178. *Meteren*, 99, 100. — *Burgund*, 482, 484.

Регентша пребывала еще въ Антверпенѣ, какъ къ ней явились посланцы изъ Бранденбурга, Саксоніи, Вюртемберга и Бадена съ ходатайствами за своихъ бѣглыхъ братьевъ по вѣрѣ. Изгнанные проповѣдники аугсбургскаго исповѣданія взывали къ религіозному миру Германіи, который распространялся и на Брабантъ, какъ на имперскую землю, и отдались подъ покровительство нѣмецкихъ государей. Появленіе иностранныхъ министровъ обезпокоило регентшу, но тщетно пыталась она не пускать ихъ въ городъ. Впрочемъ, ей удалось, подъ видомъ почета, такъ окружить ихъ надзоромъ, что отъ нихъ не предстояло никакой опасности спокойствію города. Посланцы некстати взяли такой высокій тонъ передъ герцогиней, что можно было подумать, будто они не очень серьезно смотрѣли на свои требованія. „Было бы справедливо—говорили они—еслибъ аугсбургское исповѣданіе, какъ единственное, уловившее смыслъ Евангелія, было господствующимъ въ Нидерландахъ; но, во всякомъ случаѣ, крайне неестественно и непозволительно преслѣдовать его исповѣдниковъ столь жестокими указами. А посему просимъ регетншу именемъ религіи не поступать такъ сурово съ ввѣренными ей народами". Штатгальтерша велѣла сказать имъ черезъ своего нѣмецкаго министра, графа Штаремберга: „Такое вступленіе не заслуживаетъ отвѣта. Изъ того участія, которое нѣмецкіе князья принимаютъ въ нидерландскихъ бѣглецахъ, очевидно, что они гораздо меньше довѣряютъ письмамъ его величества, гдѣ объясняется его поведеніе, чѣмъ навѣтамъ нѣсколькихъ негодяевъ, оставившихъ по себѣ память во множествѣ разрушенныхъ церквей. Предоставьте испанскому королю заботиться о благѣ своихъ народовъ и бросьте безславный трудъ питать духъ мятежа въ чужихъ странахъ". Нѣсколько дней спустя, посланцы уѣхали изъ Антверпена ни съ чѣмъ; только саксонскій министръ тайкомъ заявилъ регентшѣ, что его государь сдѣлалъ этотъ шагъ по принужденію и что онъ искренно преданъ Австрійскому дому [1]). Не успѣли нѣмецкіе послы покинуть Антверпена, какъ изъ Голландіи пришло извѣстіе, довершавшее торжество регентши.

Графъ Бредероде, изъ страха передъ графомъ Мегеномъ, покинулъ свой городъ Вьянъ и всѣ свои новыя укрѣпленія. Съ помощью нововѣрцевъ, онъ бросился Амстердамъ, гдѣ его присутствіе стра обезпокоило магистратъ, едва справивш съ внутреннимъ мятежомъ, и сильно няло духъ протестантовъ. Тутъ его отр возросталъ съ каждымъ днемъ; къ стекалось много дворянъ изъ Утрехта, Ф ландіи и Гренингена, гонимыхъ отт побѣдоноснымъ оружіемъ Мегена и А берга. Всякими способами, переодѣва пробрались они въ городъ, гдѣ соединил вокругъ своего вождя и составили силы отрядъ тѣлохранителей. Оберъ-штатга терша, испугавшись новаго мятежа, посл одного изъ своихъ тайныхъ секрета Якова де-ла-Торре, къ амстердамскому гистрату, чтобы приказать ему во что то ни стало отдѣлаться отъ графа Бр роде. Но ничего не могли сдѣлать ни гистратъ, ни де-ла-Торре, лично передав ему волю герцогини; послѣдній подвер даже въ собственной комнатѣ напад нѣсколькихъ дворянъ изъ свиты Бредер которые отняли у него всѣ бумаги. По луй, не сдоброват бы ему самому, есл ему не удалось вырваться изъ ихъ рук

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ послѣ э случая, а Бредероде, этотъ немощный ид протестантовъ и бремя католиковъ, про валъ-себѣ въ Амстердамѣ, ничего не дѣл и только увеличивая свой счетъ въ го ницѣ. Между тѣмъ его храброе вой покинутое въ Вьянѣ, подкрѣпленное м гими бѣглецами изъ горныхъ провин не давало графу Мегену безпокоить б щихъ протестантовъ. Наконецъ Бредер рѣшился, по примѣру Оранскаго, уступ необходимости и покинуть дѣло, котор уже нельзя было спасти. Онъ откр магистрату свое намѣреніе уйти изъ стердама, если ему дадутъ на это небольш сумму. Чтобы отдѣлаться отъ него, м стратъ поспѣшилъ добыть ему деньги у б кировъ за своимъ поручительствомъ. ту же ночь графъ покинулъ Амстерда Судно съ пушками сопровождало его самаго Фли, гдѣ онъ благополучно уско нулъ въ Эмденъ. Судьба была къ н благосклоннѣе, чѣмъ къ большинству т которыхъ онъ вовлекъ въ свое отчаян предпріятіе: годъ спустя (1568), онъ ум въ одномъ изъ своихъ замковъ въ Ге ніи отъ чревоугодія, которому предался тоски. Лучшая доля досталась его вдо урожденной графинѣ Мерсъ: она вы замужъ за курфюрста пфальцскаго Ф риха III. Протестанты потеряли мало

[1]) *Strada*, 188. - *Burgund*, 487—489.

смертью Бродереде; начатое имъ дѣло не умерло съ нимъ точно такъ же, какъ не имъ одушевлялось оно [1]).

Маленькое войско, покинутое его позорнымъ бѣгствомъ на произволъ судьбы, сохраняло мужество и храбрость, и у него были рѣшительные вожди. Оно было собственно распущено съ тѣхъ поръ, какъ сбѣжалъ тотъ, что платилъ ему; но, благодаря собственному мужеству и голоду, оно еще держалось нѣкоторое время. Нѣкоторые двинулись къ Амстердаму, подъ командой Дитриха фонъ-Баттенбурга, надѣясь обложить этотъ городъ. Но подоспѣвшій навстрѣчу графъ Мегенъ, съ тринадцатью знаменами отличнаго войска, заставилъ ихъ отказаться отъ этого намѣренія. Они ограничились разграбленіемъ окрестныхъ монастырей, причемъ особенно потерпѣло Эгмонтово аббатство; затѣмъ бросились на Ватерландъ, гдѣ считали себя въ безопасности, благодаря множеству болотъ. Но графъ Мегенъ преслѣдовалъ ихъ и тамъ; имъ пришлось спасаться бѣгствомъ въ Зюйдерзе. Братья Баттенбурги; съ нѣсколькими дворянами Фрисландіи (въ томъ числѣ Бейма и Галама), съ 120 солдатами и съ награбленной въ монастыряхъ добычей, сѣли у города Горна, на корабль, чтобы переправиться во Фрисландію; но, вслѣдствіе измѣны кормчаго, посадившаго ихъ на мель у Гарлингена, они попались въ руки одного изъ офицеровъ Аремберга, который забралъ въ плѣнъ всѣхъ до одного. Графъ Аремберг тотчасъ же рѣшилъ участь рядовыхъ, а попавшихся дворянъ онъ послалъ къ регентшѣ, которая велѣла обезглавить семерыхъ изъ нихъ. Остальные семь, самыхъ знатныхъ, въ томъ числѣ братья Баттенбурги и нѣсколько фризовъ, все цвѣтущіе юноши, были сохранены для герцога Альбы, чтобы прославить его вступленіе въ должность достойнымъ подвигомъ.

Счастливѣе были другія четыре судна, отплывшія изъ Медемблика и преслѣдуемыя суденышками графа Мегена. Противный вѣтеръ сбилъ ихъ съ пути и пригналъ къ берегамъ Гельдерна, гдѣ люди благополучно сошли на землю. Они перебрались у Гейзена черезъ Рейнъ и счастливо ускользнули въ Клевскія владѣнія, гдѣ порвали свои знамена и разбрелись. Нѣсколько судовъ замѣшкались при ограбленіи монастырей; графъ Мегенъ нагналъ ихъ въ сѣверной Голландіи и овладѣлъ всѣми ими. Затѣмъ онъ соединился съ Нуаркармомъ и поставилъ гарнизонъ въ Амстердамѣ. Герцогъ Эрихъ Брауншвейгскій напалъ, у Вьяна, на отрядъ съ тремя знаменами, этотъ послѣдній остатокъ арміи гезовъ, намѣревавшійся овладѣть однимъ шанцомъ; онъ разбилъ его на-голову и взялъ въ плѣнъ начальника отряда, Реннесса, который вслѣдъ затѣмъ былъ обезглавленъ въ Утрехтѣ, въ замкѣ Фрейденбургѣ. Затѣмъ герцогъ Эрихъ вступилъ во Вьянъ. Онъ не нашелъ ничего, кромѣ опустѣлыхъ улицъ, кромѣ безплоднаго города, покинутаго жителями и гарнизономъ при первой опасности. Онъ тотчасъ срылъ укрѣпленія, разрушилъ стѣны и ворота и превратилъ въ деревню этотъ главный оплотъ гезовъ [1]).

Первые защитники союза погибли одинъ за другимъ. Бредероде и Людвигъ Нассаускій бѣжали въ Германію; ихъ примѣру послѣдовали графы Гогстратенъ, Бергенъ и Кюйлембургъ; Мансфельдъ измѣнилъ; братья Баттенбурги ожидали въ тюрьмѣ позорной судьбы, а Тулузъ нашелъ почетную смерть на полѣ брани. Тѣ изъ союзниковъ, которые ускользнули отъ меча непріятеля и отъ руки палача, спасли только свою жизнь. Съ ужасомъ увидѣли они теперь, какъ оправдалась кличка, которую они себѣ присвоили.

1567.—Такъ безславно окончился этотъ похвальный союзъ, который на первыхъ порахъ возбуждалъ столько прекрасныхъ надеждъ и казался мощнымъ оплотомъ противъ тираніи. Единодушіе было его силой; недовѣріе и внутренніе раздоры погубили его. Онъ породилъ и развилъ много прекрасныхъ добродѣтелей; но ему недоставало двухъ главныхъ—умѣренности и благоразумія, а безъ нихъ переворачивались всѣ замыслы, портились всѣ плоды кропотливаго прилежанія. Еслибы его цѣли были такъ чисты, какъ заявлялъ онъ, или хоть оставались такими чистыми, какими были при основаніи, онъ преодолѣлъ бы случайности, погубившія его такъ скоро; и даже, при неудачѣ, онъ заслужилъ бы славной памяти въ исторіи. Но ясно, какъ день, что союзное дворянство принимало болѣе близкое участіе въ безумствахъ иконоборцевъ, чѣмъ требовалось достоинствомъ и

[1]) *Meteren*, 100. — *Vigl. Vit. N. C. V.* - *Allg. Gesch. d. v. Niedere*, 104.

[1]) *Meteren*, 100, 101. — *Thuan*, 530, *Burgund*, 490—49?. *Strada*, 189. *Meurs.* 31. — *Vigl. ad. Hopper. Epist.*, 34. - *Allg. Gesch. d. v. Niederl.*, 105.

нуждами союза, многіе изъ его членовъ очевидно смѣшивали свое собственное доброе дѣло съ неистовыми замыслами этой негодной шайки. Ограниченіе инквизиціи и болѣе человѣчная форма указовъ были однимъ изъ благодѣтельныхъ послѣдствій союза. Но это мимолетное облегченіе было куплено слишкомъ дорогою цѣной— смертью многихъ тысячъ, погибшихъ въ этомъ предпріятіи, утратой столькихъ прекрасныхъ гражданъ, перенесшихъ свое трудолюбіе въ другія страны, призваніемъ герцога Альбы и возвращеніемъ испанскаго оружія въ провинціи. Имя союза подстрекало къ разнымъ попыткамъ многихъ добрыхъ, миролюбивыхъ гражданъ, которые безъ него и не подумали бы о нихъ; онъ обнадеживалъ ихъ насчетъ счастливаго исхода и погубилъ ихъ, не исполнивъ этихъ надеждъ. Но нельзя отрицать, что союзъ принесъ и огромную пользу. Онъ сблизилъ отдѣльныя личности и исторгъ ихъ изъ трусливаго себялюбія; онъ воскресилъ въ нидерландскомъ народѣ благодѣтельный общественный духъ, почти погасшій подъ гнетомъ монархіи; онъ наладилъ то единеніе между разными частями націи, одна затруднительность котораго внушаетъ такую смѣлость деспотамъ. Пусть попытка не удалась и слишкомъ поспѣшная связь лопнула, но въ самой неудачѣ нація познала ту прочную связь, которая сопротивляется бренности.

Истребленіе войска гезовъ возвратило къ покорности и голландскіе города, и въ провинціи не оставалось мѣста, которое не подчинилось бы оружію регентши. Но возрастающее выселеніе своихъ и чужихъ грозило странѣ гибельнымъ истощеніемъ. Въ Амстердамѣ было столько бѣглецовъ, что недоставало судовъ для перевозки ихъ черезъ Сѣверное море и Зюйдерзе, и этотъ цвѣтущій торговый городъ приближался къ полному паденію своего благосостоянія [1]). Пораженная всеобщимъ бѣдствіемъ, регентша поспѣшила разослать по всѣмъ городамъ ободрительныя посланія, чтобы поднять духъ гражданъ милостивыми обѣщаніями. Именемъ короля даровала она полное помилованіе всѣмъ, кто добровольно присягалъ монарху и церкви; публичными листками приглашала она бѣгущихъ возвращаться, полагаясь на эту королевскую милость. Она обѣщала націи освободить ее отъ испанскаго войска, если бы даже оно стояло уже на границѣ, и дошла до того, что проговорилась насчетъ возможности сопротивляться силой вступленію его въ провинціи, ибо она не намѣрена уступить другому славу умиротворенія, добытую ею съ такимъ трудомъ. Немногіе возвратились, повѣривъ на-слово, и они раскаялись впослѣдствіи; много тысячъ были уже далеко, и новыя тысячи слѣдовали за ними. Германія и Англія были переполнены нидерландскими бѣглецами, которые, гдѣ бы ни поселились, сохраняли свои нравы и обычаи, даже одежду: имъ было слишкомъ тяжело совсѣмъ умереть для своего отечества и разстаться даже съ надеждой на возвращеніе. Немногіе принесли съ собой остатки своего былого благосостоянія; большинство нищенствовало и дарило своему новому отечеству только свое ремесленное рвеніе, полезныя руки да честныхъ гражданъ [1]).

Теперь-то регентша рѣшила отправить королю извѣстіе, какимъ она еще ни разу не радовала его во все свое управленіе. Она извѣщала его, что ей удалось снова водворить спокойствіе во всѣхъ нидерландскихъ провинціяхъ и что она чувствуетъ себя въ силахъ сохранить его. Секты искоренены, и римско-католическое богослуженіе красуется въ полномъ блескѣ; мятежники понесли заслуженное наказаніе или ждутъ его въ темницахъ: города обезпечены достаточными гарнизонами. Стало быть, теперь уже не нужны испанскія войска, нѣтъ ничего, что оправдывало бы ихъ вступленіе въ Нидерланды. Напротивъ, ихъ прибытіе опять нарушило бы порядокъ и спокойствіе, которые потребовали отъ нея столько искусства; оно затруднило бы подъемъ торговли и промысловъ, которые такъ нуждаются въ немъ; оно наложило бы на гражданъ новыя издержки, лишая ихъ въ то же время послѣднихъ средствъ. Одинъ слухъ о прибытіи испанской арміи лишилъ страну многихъ тысячъ полезныхъ гражданъ, явись она дѣйствительно—и будетъ пустыня. И такъ какъ некого ни покорять, ни усмирять за отсутствіемъ враговъ и мятежниковъ, то всѣ увидятъ въ этомъ войскѣ лишь орудіе наказанія, и ему предстоитъ вовсе не почетный пріемъ. Не оправдываемое никакой нуждой, это насильственное средство имѣло бы видъ лишь

[1]) *Allg.Gesch. d. v. Niederl*, 105.

[1]) *Meteren*, 101. - *Meurs*. 35. - *Burgund*, 486. - *Vigl. ad. Hopper. Ep.*, 5. *Ep.*, 34. – *Grot*, 26.

ненавистнаго угнетенія; оно раздражило бы умы до послѣдней степени, довело бы протестантовъ до крайности и подняло бы ихъ нѣмецкихъ и иныхъ братьевъ по вѣрѣ на ихъ защиту. Въ заключеніе регентша увѣдомляла короля, что она обѣщала націи его именемъ избавить ее отъ чужеземнаго войска, чему она и обязана наступившимъ теперь успокоеніемъ; поэтому она не ручается за послѣдній, еслибы монархъ изобличилъ ее во лжи. Его же самого, своего господина и короля, Нидерланды приняли бы со всѣми знаками расположенія и почитанія; но онъ долженъ придти отцомъ, а не карающимъ монархомъ. Пусть же явится онъ насладиться спокойствіемъ, которое даровала она націи, а не вновь разрушить его [1]).

[1]) *Strada*, 197.

Снаряженіе Альбы и походъ въ Нидерланды.

Но въ мадридскомъ совѣтѣ рѣшили иначе. Министръ Гранвелла, господствовавшій въ испанскомъ министерствѣ черезъ своихъ приверженцевъ и въ свое отсутствіе, кардиналъ великій инквизиторъ Спиноза и герцогъ Альба, руководимые ненавистью, жаждой преслѣдованія или личными выгодами, возобладали надъ болѣе кроткими совѣтами принца Рюи Гомеса Эболи, графа Феріи и королевскаго духовника Фречнеды [1]). По ихъ мнѣнію, смута затихла лишь потому, что слухъ о прибытіи короля съ войскомъ повергъ мятежниковъ въ ужасъ; этимъ спокойствіемъ обязаны одному страху, а не раскаянію, и оно исчезнетъ тотчасъ, какъ только пройдетъ страхъ. Проступки нидерландскаго народа даютъ королю такой прекрасный и желанный случай исполнить свои деспотическія намѣренія подъ видомъ справедливости, поэтому спокойное улаженіе дѣла, которое регентша вмѣняетъ себѣ въ заслугу, слишкомъ далеко отъ его настоящей цѣли, т. е. отъ желанія, подъ законнымъ предлогомъ, лишить провинціи льготъ, которыя уже давно претили его властолюбивому духу.

До сихъ поръ Филиппъ съ самымъ ловкимъ лицемѣріемъ поддерживалъ всеобщее заблужденіе насчетъ его личнаго посѣщенія провинцій, которое, кажется, всегда было слишкомъ далеко отъ его мыслей. Вообще путешествіе не очень-то вязалось съ машиннымъ ходомъ его правильной жизни, съ ограниченностью и мѣшкотностью его ума; разнообразіе и новизна внѣшнихъ впечатлѣній очень разсѣивали его мысли самымъ непріятнымъ образомъ и угнетали его мозгъ. А крайнія затрудненія и опасности *этого* путешествія особенно страшили трусливаго и изнѣженнаго Филиппа, который привыкъ дѣйствовать самовольно и приспособлять людей къ своимъ правиламъ, а не правила къ людямъ, — онъ не видѣлъ въ немъ ни пользы, ни нужды. Сверхъ того, Филиппъ не могъ ни на минуту отдѣлить свою особу отъ королевскаго достоинства, которое ни одинъ государь въ мірѣ не оберегалъ такъ педантично; а потому путешествіе страшило его уже тѣми мелочами и издержками, которыя онъ считалъ необходимостью королевскихъ передвиженій. При такихъ условіяхъ, дѣло обошлось бы и безъ помощи вліянія любимца короля, Рюи Гомеса, которому хотѣлось удалить своего соперника, герцога Альбу, съ глазъ монарха. Но какъ ни мало думалъ Филиппъ объ этомъ путешествіи, онъ считалъ необходимымъ поддерживать производимый имъ страхъ, чтобы мѣшать опасному соединенію горячихъ головъ, ободрять вѣрныхъ, предупредить дальнѣйшіе успѣхи мятежа.

Чтобы довершить притворство, король дѣлалъ самыя мелочныя и явныя приготовленія къ путешествію и не упускалъ изъ виду ничего, что требуется въ такихъ случаяхъ. Онъ велѣлъ снарядить корабли, назначилъ офицеровъ и всю свою свиту. Всѣ

[1]) *Strada*, 193 и слѣд.

иностранные дворы были увѣдомлены объ этомъ рѣшеніи черезъ егоословъ, чтобы они не питали никакихъ подозрѣній насчетъ такого военнаго снаряженія. Онъ просилъ у французскаго короля для себя и своей свиты свободнаго пропуска черезъ его владѣнія, а у герцога Савойскаго спрашивалъ совѣта, какой изъ двухъ путей выбрать ему. Онъ составилъ списокъ всѣхъ городовъ и крѣпостей на пути и точнѣйшимъ образомъ обозначилъ ихъ разстоянія другъ отъ друга. Нужно было взять въ разсчетъ всю землю отъ Саво и до Бургундіи и начертить ея карту; для этого просили герцога прислать нужныхъ художниковъ и землемѣровъ. Обманъ былъ доведенъ до того, что приказали регентшѣ держать наготовѣ въ Зеландіи по крайней мѣрѣ восемь судовъ, чтобы они тотчасъ вышли навстрѣчу королю, какъ только они прослышатъ объ его отплытіи изъ Испаніи. И Маргарита дѣйствительно снарядила эти суда и заказала молебны во всѣхъ церквахъ о счастливомъ морскомъ переѣздѣ монарха, хотя многіе поговаривали втихомолку, что его величеству нечего опасаться бурь въ своей комнатѣ въ Мадридѣ.

Филиппъ такъ искусно разыгрывалъ свою роль, что даже нидерландскіе посланцы въ Мадридѣ, Бергенъ и Монтиньи, считавшіе до сихъ поръ все это комедіей, наконецъ, сами встревожились и передали свой страхъ своимъ брюссельскимъ друзьямъ. Трехдневная лихорадка, дѣйствительная или притворная, постигшая его тогда въ Сеговіи, дала ему предлогъ отложить путешествіе, но приготовленія къ нему дѣлались съ особеннымъ усердіемъ. Когда, наконецъ, настойчивыя и многократныя требованія сестры вынудили у Филиппа рѣшительное заявленіе, онъ возвѣстилъ, что прежде долженъ пойти герцогъ Альба съ войскомъ, чтобы очистить путь отъ мятежниковъ и придать больше блеска королевскому прибытію. Онъ еще не смѣлъ назвать герцога настоящимъ своимъ замѣстителемъ: вѣдь, нельзя было надѣяться, чтобы нидерландское дворянство соблюдало передъ его служителемъ ту же сдержанность, которую выказывало оно относительно своего монарха, тѣмъ болѣе, что вся нація считала Альбу варваромъ и ненавидѣла его, какъ чужеземца и врага своей конституціи. И въ самомъ дѣлѣ, всеобщая увѣренность въ скоромъ прибытіи самого короля, которая держалась еще долго послѣ вступленія герцога, сдерживала взрывъ враждебныхъ дѣйствій, неизбѣжныхъ при жестокомъ началѣ намѣстничества Альбы [1]).

Испанское духовенство и особенно инквизиція щедро жертвовали на эту нидерландскую экспедицію, какъ на священную войну. По всей Испаніи производилась усердная вербовка. Вице-короли и намѣстники Филиппа въ Сардиніи, Сициліи, Неаполѣ и Миланѣ получили повелѣніе собрать изъ гарнизоновъ цвѣтъ своего итальянскаго и испанскаго воинства и направить его въ общія сборныя мѣста въ генуэзскихъ владѣніяхъ, гдѣ герцогъ Альба приметъ ихъ и обмѣняетъ на прибывшихъ съ нимъ рекрутовъ. Въ то же время было приказано регентшѣ держать наготовѣ, въ Люксембургѣ, нѣсколько нѣмецкихъ пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ графовъ Эберштейна, Шауенбурга и Лодроны, а въ графствѣ Бургундіи — нѣсколько эскадроновъ легкой кавалеріи, чтобы они подкрѣпили испанскаго полководца тотчасъ по его прибытіи въ провинціи. Графу Барлемону поручили снабдить провіантомъ вступающую армію, а штатгальтершѣ выдали 200.000 золотыхъ гульденовъ на эти новыя издержки, а также на содержаніе ея собственной арміи [2]).

Между тѣмъ французскій дворъ отказалъ въ пропускѣ всей испанской арміи, ссылаясь на опасность со стороны гугенотовъ: тогда Филиппъ обратился къ герцогамъ Савойскому и Лотарингскому, которые находились въ такой зависимости отъ него, что не могли отказать въ такой просьбѣ. Первый выговорилъ только право содержать на счетъ Филиппа 2.000 пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы, чтобы охранить свою страну отъ непріятностей, которыя могли произойти при проходѣ испанской арміи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялся снабдить эту армію провіантомъ [3]).

Слухъ о проходѣ арміи встревожилъ гугенотовъ, женевцевъ, швейцарцевъ Союза и граубюнденцевъ. Принцъ Кондэ и адмиралъ Колиньи настаивали у Карла IX не пропустить столь удобнаго случая для нанесенія смертельной раны прирожденному врагу Франціи. Съ помощью швейцарцевъ, женевцевъ и собственныхъ протестантскихъ подданныхъ, было бы легко истребить цвѣтъ испанскихъ войскъ въ тѣсныхъ проходахъ Альпъ; вожди гугенотовъ обѣщали своему

[1]) *Strada*, 193, 200—*Meteren*, 103.
[2]) *Meteren*, 104.—*Burgund*, 412.—*Strada*, 106.
[3]) *Strada*, 198, 199.

Армія герцога Альбы въ Альпахъ

королю содѣйствіе всей своей арміи въ 50.000 человѣкъ. Но это, несомнѣнно опасное, предложеніе было отклонено Карломъ IX подъ благовиднымъ предлогомъ, и онъ взялъ на себя заботу о безопасности своего государства при проходѣ испанскаго войска. Онъ дѣйствительно собралъ на скорую руку войско для прикрытія французскихъ границъ. То же сдѣлали республики Женева, Бернъ, Цюрихъ и Граубюнденъ, готовыя встрѣтить горячимъ отпоромъ страшнаго врага своей религіи и свободы [1]).

[1]) *Strada*, 196. – *Burgund*, 497.

5-го мая 1567 года Альба отплылъ изъ Картагены на тридцати галерахъ, доставленныхъ Андреемъ Доріей и герцогомъ Козьмой Флорентійскимъ, и черезъ восемь дней высадился въ Генуѣ, гдѣ принялъ назначенные для него четыре полка. Но трехдневная лихорадка, напавшая на него тотчасъ по прибытіи, принудила его нѣсколько дней промѣшкать безъ дѣла въ Ломбардіи, а этой задержкой воспользовались сосѣднія державы для своей защиты. Выздоровѣвъ, герцогъ тотчасъ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ у города Асти, въ Монферратѣ; они оказались болѣе храбрыми, чѣмъ

многочисленными: было немного больше 10.000 конницы и пѣхоты. Ему не хотѣлось обременять себя, въ столь долгомъ и опасномъ походѣ, безполезнымъ обозомъ, который только замедлилъ бы маршъ и увеличилъ трудности продовольствія; эти 10.000 ветерановъ должны были служить какъ бы крѣпкимъ ядромъ большой арміи, которую герцогъ могъ легко собрать въ Нидерландахъ постепенно, по требованію обстоятельствъ.

Но это маленькое войско было отборное. То были остатки тѣхъ побѣдоносныхъ легіоновъ, во главѣ которыхъ Карлъ V заставлялъ трепетать Европу. На кроткую благословенную страну были выпущены кровожадныя, непоколебимыя толпы, въ которыхъ воскресла древняя македонская фаланга; онѣ были быстры и гибки, благодаря долгому опыту и искусству, закалены противъ всѣхъ стихій, горды счастьемъ своего вождя, смѣлы отъ ряда побѣдъ, страшны своей необузданностью и еще больше—своимъ порядкомъ; эти люди съ страстями горячаго климата были безпощадны къ врагу, который проклиналъ ихъ церковь. Эта фанатичная кровожадность, это славолюбіе и прирожденное мужество опирались на грубую чувственность — эту сильнѣйшую и надежнѣйшую связь, которою испанскій полководецъ скрѣплялъ свои дикія шайки: съ умышленной снисходительностью давалъ онъ развиваться въ арміи чревоугодію и сладострастію. Подъ его молчаливой охраной шли за знаменами итальянскія публичныя женщины; даже при проходѣ черезъ Апеннины, гдѣ дороговизна припасовъ заставила его возможно сократить армію, онъ согласился скорѣе лишиться нѣсколькихъ полковъ, чѣмъ бросить эти орудія сладострастія [1]). Но насколько Альба старался о нравственной распущенности своихъ солдатъ, настолько же, съ другой стороны, онъ угнеталъ ихъ чрезмѣрною дисциплиной, которая послаблялась лишь при побѣдѣ и въ битвахъ. Здѣсь онъ исполнялъ поговорку аѳинскаго вождя Ификрата, что самый сладострастный, жадный солдатъ—и самый храбрый. Чѣмъ мучительнѣе было сдерживать свои страсти подъ долгимъ гнетомъ, тѣмъ яростнѣе должны были онѣ прорываться черезъ единственный оставленный имъ выходъ.

Герцогъ раздѣлилъ всю пѣхоту, тысячъ девять человѣкъ, и по большей части испанцевъ, на четыре бригады, поставивъ ихъ подъ начальство четырехъ испанцевъ. Альфонсъ Уллоа предводительствовалъ неаполитанской бригадой, которая состояла изъ 3.230 человѣкъ, подъ 19-ю знаменами; Санхо Лоньо командовалъ миланской бригадой — 2.200 человѣкъ и 10 знаменъ; сицилійская бригада —столько же знаменъ и 1.600 человѣкъ—досталась Юліану Ромеро, опытному воякѣ, который уже дрался прежде въ нидерландской землѣ [1]); Гонголо Бракамонте начальствовалъ сардинскою бригадой, которая сравнялась по численности съ сицилійцами, благодаря тремъ знаменамъ новоприбывшихъ рекрутъ. Къ каждому знамени было прикомандировано еще по 15-ти испанскихъ мушкетеровъ. Конница, не болѣе 1.200 лошадей, состояла изъ трехъ итальянскихъ, двухъ албанскихъ и семи испанскихъ легкихъ и тяжело вооруженныхъ эскадроновъ, подъ начальствомъ двухъ сыновей Альбы, Фердинанда и Фридриха Толедскаго. Фельдмаршаломъ состоялъ маркизъ Четонскій, Кьяппинъ Вителли, знаменитый офицеръ, которымъ Козьма Флорентійскій одарилъ испанскаго короля; генераломъ артиллеріи былъ Габріель Сербеллонъ. Герцогъ Савойскій снабдилъ Филиппа опытнымъ инженеромъ, Францемъ Пачьотто изъ Урбино, который могъ быть полезенъ въ Нидерландахъ, при постройкѣ новыхъ крѣпостей. За знаменами Альбы слѣдовало еще множество добровольцевъ и цвѣтъ испанскаго дворянства, который большею частью сражался, при Карлѣ V, въ Германіи, Италіи и подъ Тунисомъ. Тутъ красовался Христофъ Мондрагоне, одинъ изъ тѣхъ десяти испанскихъ героевъ, которые, недалеко отъ Мюльберга, переплыли Эльбу, съ саблями въ зубахъ, и, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, привели съ того берега лодки, употребленныя потомъ императоромъ

[1]) Вакхическій видъ этого войска представлялъ страшную противоположность мрачной серьезности и показной святости его цѣли. Публичныхъ женщинъ была такая масса, что онѣ сами поневолѣ пришли къ мысли ввести между собой извѣстную дисциплину. Онѣ стали подъ особыя знамена, шествовали за каждымъ батальономъ рядами въ изумительномъ солдатскомъ порядкѣ и, съ соблюденіемъ строгаго этикета, раздѣлялись по чинамъ и содержанію: были «женщины» (онѣ называли себя оффиціально непечатными именами) полковниковъ, женщины капитановъ, женщины богатыхъ и бѣдныхъ солдатъ, какъ попало по жребію, и ихъ притязанія то росли то падали. *Meteren*, 104.

[1]) Тотъ самый, который командовалъ однимъ изъ испанскихъ полковъ, возбудившихъ, семь лѣтъ тому назадъ, столько шума со стороны генеральныхъ штатовъ.

для моста. Тутъ были еще Санхо Авила, котораго самъ Альба воспиталъ для солдатской службы, Камилло Монте, Францъ Фердуго, Карлъ Давила, Николай Баста и графъ Мартиненго—все люди, одушевленные благороднымъ рвеніемъ начать свое военное поприще подъ начальствомъ такого отличнаго вождя или увѣнчать уже добытую славу такимъ блестящимъ походомъ [1]).

Послѣ смотра, армія двинулась тремя отрядами черезъ Монъ-Сенисъ — по тому самому пути, который прошелъ Ганнибалъ, 18 столѣтій тому назадъ. Самъ герцогъ предводительствовалъ авангардомъ; Фердинандъ Толедскій, подлѣ котораго онъ поставилъ полковника Лодоньо, командовалъ центромъ, а маркизъ Четона—арьергардомъ. Впередъ былъ высланъ провіантмейстеръ Францъ Ибарра съ генераломъ Сербеллономъ пролагать путь арміи и заготовлять съѣстные припасы на стоянкахъ. Утромъ поднимался авангардъ, вечеромъ за нимъ слѣдовалъ центръ, а на другой день — арьергардъ. Такъ промаршировало войско, умѣреннымъ деннымъ ходомъ, черезъ савойскія Альпы: этотъ опасный переходъ былъ совершенъ въ двѣ недѣли. Его сопровождала сбоку французская армія, вдоль границъ Дофинэ и по теченію Роны, а справа, всего въ семи миляхъ, шли союзныя арміи женевцевъ; оба эти войска бездѣйствовали, стараясь лишь прикрывать свои границы.

Войско Альбы карабкалось и спускалось по крутымъ голымъ скаламъ, переносилось черезъ быструю Изеру, пробиралось гуськомъ черезъ тѣсныя ущелья. Горсти людей было достаточно, чтобы остановить весь походъ, чтобы прогнать всѣхъ назадъ въ горы, а тамъ ихъ ждала гибель: на стоянкахъ запасовъ было всего на одинъ день и лишь на треть арміи. Но враги, казалось, были ослѣплены сверхъестественнымъ благоговѣніемъ и страхомъ предъ испанскимъ именемъ: они не видѣли выгодъ своего положенія или по крайней мѣрѣ не смѣли воспользоваться ими. Боясь напомнить имъ объ этомъ, испанскій полководецъ спѣшилъ проскользнуть сквозь этотъ опасный проходъ возможно тише: Альба былъ убѣжденъ, что оскорби онъ кого-нибудь — и все пропало. Въ теченіе всего похода соблюдалась строжайшая дисциплина: не пострадала ни одна крестьянская хижина, ни одна пядь пашенъ [2]). И на пятьдесятъ людей, быть можетъ, не было случая, чтобы такая большая армія прошла столь долгій путь въ такомъ отличномъ порядкѣ. Роковая счастливая звѣзда провела благополучно черезъ всѣ опасности это войско, предназначенное для убійствъ. И трудно сказать, что тутъ удивительнѣе — благоразуміе ли вождя, или ослѣпленіе его враговъ [1]).

Въ Франшъ-Контэ къ главной арміи присоединились четыре вновь навербованныхъ эскадрона бургундской конницы, а въ Люксембургѣ — три нѣмецкихъ полка пѣхоты, приведенные графомъ Эберштейномъ, Шауенбургомъ и Лодроной. Изъ Тіонвиля, гдѣ, отдохнувъ нѣсколько дней, герцогъ послалъ Франсуа Ибарру къ оберъ-штатгальтершѣ съ привѣтствіемъ; ему было поручено также уговориться съ ней насчетъ расквартированія войскъ. Съ ея стороны также явились въ испанскій лагерь Нуаркармъ и Барлемонъ, чтобы поздравить герцога съ счастливымъ прибытіемъ и оказать ему обычныя почести. Сверхъ того, они должны были потребовать у него королевскихъ полномочій, которыхъ впрочемъ Альба показалъ имъ лишь часть. За ними послѣдовали цѣлыя толпы фламандскаго дворянства, спѣшившія взапуски, чтобы снискать милость новаго штатгальтера или смягчить его месть своевременной покорностью. Когда среди нихъ показался и графъ Эгмонтъ, герцогъ указалъ на него своимъ приближеннымъ. „Вотъ идетъ великій еретикъ!“ воскликнулъ онъ довольно громко, такъ, чтобы тотъ слышалъ. Графъ остановился, какъ вкопанный, и измѣнился въ лицѣ. Чтобы поправить свою оплошность, герцогъ направился къ нему съ веселымъ лицомъ и дружески обнялъ его, и флагмандецъ устыдился своего страха и самъ легкомысленно посмѣивался надъ этимъ предостереженіемъ. Эгмонтъ запечатлѣлъ эту новую дружбу, подаривъ двухъ превосходныхъ коней герцогу, который принялъ ихъ съ снисходительной грандеццой [2]).

На увѣренія регентши, что провинціи наслаждаются полнымъ спокойствіемъ и

---

[1]) *Strada*, 200, 201. *Burgund*, 393. *Meteren*, 104.

[2]) Только разъ, при вступленіи въ Лотарингію, три всадника осмѣлились захватить изъ цѣлаго стада нѣсколько барановъ. Какъ только герцогъ узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ возвратилъ похищенное хозяину, а злодѣевъ присудилъ къ висѣлицѣ. По просьбѣ лотарингскаго генерала, привѣтствовавшаго Альбу на границѣ, этотъ приговоръ былъ исполненъ только надъ однимъ изъ провинившихся, по жребію. — *Strada*, 202.

[1]) *Burgund*, 496, 497. *Strada*, тамъ же.

[2]) *Meteren*, 105. *Meurs*, 37. *Strada*, 202. — *Watson*, II, 9.

нечего опасаться какого-либо сопротивленія Альба отвѣчалъ распущеніемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ полковъ, задержанныхъ недоплатой жалованья. Въ Антверпенѣ было поставлено 3.600 солдатъ, подъ командой Лодроны, а валлонскій гарнизонъ, которому мало довѣряли, былъ тотчасъ же удаленъ оттуда. Сравнительно сильные гарнизоны были поставлены также въ Гентѣ и въ другихъ важныхъ мѣстахъ. Самъ Альба прослѣдовалъ, съ миланской бригадой, въ Брюссель, въ сопровожденіи блестящей свиты изъ первыхъ дворянъ страны [1]).

Здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ нидерландскихъ городахъ, герцогу предшествовали скорбь и ужасъ; всякій, кто чувствовалъ или не чувствовалъ вину за собой, смотрѣлъ на это вступленіе съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ на начало суднаго дня. Кто могъ какъ-нибудь разстаться съ семьей, имуществомъ и отечествомъ, тотъ бѣжалъ вонъ или собирался бѣжать. По показанію самой оберъ-штатгальтерши, приближеніе испанской арміи уже лишило провинціи сотни тысячъ гражданъ, и это всеобщее бѣгство продолжалось безъ остановки [2]). Но столь ненавистное нидерландцамъ прибытіе испанскаго генерала было также оскорбительно и мучительно для регентши. Наконецъ-то, послѣ многихъ хлопотливыхъ лѣтъ, начала она наслаждаться спокойствіемъ и неоспоримою властью, этою желаемой цѣлью ея 8-лѣтняго правленія, которая до сихъ поръ была лишь тщетною мечтой. И этотъ-то плодъ ея тяжелаго труда, заботъ, безсонныхъ ночей хочетъ теперь вырвать у нея чужеземецъ! И онъ *сразу* завладѣетъ всѣми выгодами, которыя она отбила у обстоятельствъ лишь *долгимъ* искусствомъ; онъ легко восторжествуетъ надъ ней быстротой; его внезапный успѣхъ помрачитъ ея серьезныя, но не столь блестящія заслуги.

Съ удаленіемъ министра Гранвеллы, Маргарита вкушала всю прелесть независимости; ее окружало льстивое благоговѣніе дворянства, которое тѣмъ болѣе предоставляло ей наслаждаться внѣшностью власти, чѣмъ ревнивѣе удерживало за собой ея сущность. Эта лесть до того избаловала ее, что она оттолкнула отъ себя, наконецъ, холодностью своего честнѣйшаго слугу, члена государственнаго совѣта Виглiуса, который говорилъ ей одну правду. И вотъ теперь вдругъ ей навязываютъ надзирателя, соучастника во власти, если не господина; ея самолюбію предстояли убійственныя уязвленія со стороны этого гордаго, строптиваго, повелительнаго характера, не смягчаемаго придворнымъ языкомъ. Тщетно употребляла она все государственное искусство, чтобы остановить его прибытіе; рисовала королю полный разгромъ нидерландской торговли, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого расквартированія испанскихъ войскъ; тщетно ссылалась она на уже совершившееся умиротвореніе страны и на свои собственныя заслуги, за которыя она ждала лучшей награды, чѣмъ уступка чужеземному пришельцу всѣхъ плодовъ своихъ усилій, чѣмъ зрѣлище погибели содѣяннаго ею добра путемъ противоположной политики. Когда герцогъ уже перевалилъ черезъ Монъ-Сенисъ, герцогиня сдѣлала еще одну попытку хоть склонить его къ сокращенію своего войска, но и то напрасно, ибо Альба опирался на приказъ короля. Съ глубокой досадой смотрѣла она теперь на его приближеніе, и слезы оскорбленнаго самолюбія сливались у нея съ слезами скорби о своемъ отечествѣ [1]).

22-го августа 1567 года герцогъ Альба появился у воротъ Брюсселя. Его войско было тотчасъ же разставлено гарнизонами въ форштадтахъ; самъ онъ первымъ дѣломъ отдалъ дань почтенія сестрѣ своего короля. Она приняла его, какъ больная: быть можетъ, испытанное оскорбленіе и вправду подѣйствовало на нее такъ сильно, или, скорѣе, она взялась за это средство, чтобы кольнуть его высокомѣріе и немного сократить его торжество. Герцогъ передалъ ей письма короля, привезенныя имъ изъ Испаніи, и представилъ свои полномочія, которыми ему вручалось начальство надъ всѣмъ нидерландскимъ войскомъ, а ей, стало быть, предоставлялось, повидимому, попрежнему гражданское управленіе. Но какъ только они остались наединѣ, онъ показалъ ей другую бумагу совсѣмъ иного содержанія. Тутъ ему давалась власть, по его усмотрѣнію, вести войну, строить крѣпости, назначать и отставлять штатгальтеровъ провинцій, начальниковъ городовъ и всѣхъ остальныхъ королевскихъ чиновниковъ, а также производить слѣдствія о бывшихъ безпорядкахъ, наказывать ихъ зачинщиковъ и награждать вѣрныхъ. Регентша была просто ошелом-

---

[1]) *Strada*, 203.
[2]) *Strada*, тамъ же.

[1]) *Meteren*, 104. *Burgund*, 470. *Strada*, 200. — *Vigl. ad. Hopper.* IV, V, XXX *Brief.*

лена такимъ полномочіемъ, которое дѣлало Альбу почти монархомъ и далеко превосходило ея собственную власть; ей было трудно скрыть свое чувство. Она спросила герцога, нѣтъ ли у него еще *третьей* бумаги или особаго приказа, который шелъ бы еще дальше и былъ бы выраженъ болѣе опредѣленно. Онъ довольно ясно отвѣчалъ утвердительно, но прибавилъ, что бумага слишкомъ длинна для нынѣшняго дня; лучше отложить ее до удобнаго случая. Въ первые же дни своего пребыванія Альба представилъ копію первой инструкціи собранію членовъ государственнаго совѣта и государственныхъ чиновъ и отдалъ ее въ печать, чтобы она поскорѣе очутилась въ рукахъ каждаго. Такъ какъ штатгальтерша занимала дворецъ, то онъ помѣстился пока въ томъ самомъ Кюйлембергскомъ домѣ, гдѣ возникло имя братства гезовъ, тутъ-то, по чудесной превратности судьбы, испанская тираннія развернула теперь свое знамя [1]).

Въ Брюсселѣ водворилась мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая необычнымъ шумомъ оружія. Прошло всего нѣсколько часовъ по прибытіи герцога въ городъ, какъ во всѣ стороны устремились его спутники, словно спущенныя со своры ищейки. Всюду встрѣчались незнакомыя лица, опустѣлыя улицы; всѣ дома были заперты, всѣ игры остановлены, всѣ общественныя мѣста покинуты; вся страна уподобилась странѣ, по которой прошла чума. Знакомый пробѣгалъ мимо знакомаго, вмѣсто того, чтобы поболтать между собой, какъ бывало; всякій ускорялъ шаги, какъ только на улицѣ показывался испанецъ. Всякій шумъ заставлялъ вздрагивать, словно въ ворота уже стучался судебный слѣдователь. Дворяне боязливо выжидали по своимъ домамъ. Старались не показываться въ обществѣ, чтобы не напомнить о себѣ новому штатгальтеру. Казалось, обѣ націи обмѣнялись нравами: испанецъ сталъ словоохотливъ, брабантецъ нѣмъ. Недовѣріе и страхъ разсѣяли шаловливость и веселость; вынужденная серьезность подавляла даже игру физіономій. Каждую минуту ожидался гибельный ударъ. Съ тѣхъ поръ какъ испанскій военачальникъ водворился въ стѣнахъ города, послѣдній ощущалъ то же, что человѣкъ, осушившій бокалъ съ ядомъ и съ дрожью ожидающій смерти съ минуты на минуту.

[1]) *Strada*, 203. — *Meteren*, 105. *Meurs. Guil. Auriac. l.* IV, 38.

Это всеобщее напряженіе заставило герцога поспѣшить съ исполненіемъ своихъ замысловъ, пока еще народъ не разбѣжался заблаговременно. Его первымъ дѣломъ было овладѣть самыми подозрительными вельможами, чтобы сразу отнять главарей у оппозиціи и опору—у народа, котораго рѣшились лишить свободы. Съ помощью притворнаго дружелюбія, ему удалось усыпить ихъ первый страхъ, въ особенности же совершенно успокоить графа Эгмонта; при этомъ онъ, со свойственной ему ловкостью, воспользовался своими сыновьями, Фердинандомъ и Фридрихомъ Толедскимъ, которые, по своей общительности и юности, болѣе подходили къ нраву фламандцевъ. Этимъ онъ достигъ и того, что даже графъ Горнъ, который до сихъ поръ считалъ благоразумнѣе издали смотрѣть на первыя привѣтствія, былъ соблазненъ удачей своего друга и завлеченъ въ Брюссель. Нѣкоторые дворяне, съ Эгмонтомъ во главѣ, начали даже возвращаться къ своему прежнему веселому образу жизни, хотя и не совсѣмъ съ легкимъ сердцемъ, и у нихъ оказалось мало подражателей. Кюйлембургскій домъ безпрестанно осаждался многочисленнымъ обществомъ, увивавшимся вокругъ особы новаго штатгальтера, и на лицахъ, вытянутыхъ отъ страха и безпокойства, сіяла напускная веселость. Въ особенности Эгмонтъ показывалъ видъ, что съ легкимъ сердцемъ бываетъ въ домѣ герцога; онъ угощалъ его сыновей, а тѣ угощали его. Между тѣмъ Альба сообразилъ, что не найдетъ другого такого хорошаго случая для исполненія своего замысла: вѣдь, довольно было малѣйшей неосторожности—и исчезнетъ это чувство безопасности, предававшее ему двѣ жертвы. Но слѣдовало поймать въ ту же западню третьяго пріятеля, Гогстратена,—и его вызвали въ столицу, подъ дѣловымъ предлогомъ. Между тѣмъ какъ самъ Альба хотѣлъ завладѣть, въ Брюсселѣ, тремя графами, полковникъ Лодрони долженъ былъ арестовать, въ Антверпенѣ, друга принца Оранскаго, бургомистра Штралена, котораго подозрѣвали въ потворствѣ кальвинистамъ; другимъ приказано было схватить тайнаго секретаря и служителя графа Эгмонта, Іоанна Казембрата изъ Бекерцеля и нѣсколькихъ писцовъ графа Горна, а также овладѣть ихъ бумагами.

Когда насталъ день, назначенный для исполненія этого замысла, Альба пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ государствен-

наго совѣта и рыцарей Руна, какъ будто на совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ. Тутъ были, со стороны нидерландцевъ, герцогъ Аршотъ, графы Мансфельды, Барлемонъ, Аремберга, а изъ испанцевъ, кромѣ сыновей герцога — Вителли, Сербеллонъ и Ибарра. Когда прибылъ молодой Мансфельдъ, отецъ шепнулъ ему, чтобы онъ поскорѣе скрылся и быстрымъ бѣгствомъ спасался отъ опасности, которая грозила ему, какъ одному изъ участниковъ союза гезовъ. Герцогъ всячески затягивалъ совѣщаніе, чтобы выждать гонцовъ изъ Антверпена съ извѣстіемъ объ арестованіи остальныхъ. Чтобы лучше замаскировать дѣло, онъ призвалъ въ собраніе военнаго инженера Пачіотто, который представилъ ему чертежи нѣсколькихъ крѣпостей. Наконецъ, пришло увѣдомленіе, что планъ Лодроны исполненъ счастливо. Тогда Альба добродушно прервалъ совѣщаніе и распустилъ членовъ государственнаго совѣта.

Тутъ графъ Эгмонтъ хотѣлъ пройти въ покои дона Фердинанда, чтобы кончить начатую игру съ нимъ, какъ вдругъ капитанъ конвоя герцога, Санхо Авила, преградилъ ему путь и именемъ короля потребовалъ у него мечъ. Въ ту же минуту его окружилъ отрядъ испанскихъ солдатъ, которые, по уговору, выскочили изъ глубины залы. Этотъ неожиданный ударъ такъ ошеломилъ Эгмонта, что на мгновенье онъ потерялъ сознаніе и способность говорить; но вскорѣ графъ оправился и снялъ мечъ съ спокойной осанкой. „Этотъ булатъ не разъ съ успѣхомъ отстаивалъ дѣло короля“, сказалъ онъ, вручая его испанцу. Въ ту же минуту другой испанскій офицеръ схватилъ графа Горна, когда тотъ беззаботно хотѣлъ идти домой. Горнъ прежде всего спросилъ объ Эгмонтѣ. Когда ему сказали, что сейчасъ то же случилось съ его другомъ, онъ сдался безъ сопротивленія. „Я слѣдовалъ за нимъ,—воскликнулъ онъ:—такъ будетъ справедливо и *раздѣлить* его судьбу!“ Обоихъ графовъ посадили въ разныя комнаты. Пока все это происходило внутри Кюйлембургскаго дома, снаружи его окружилъ весь вызванный изъ казармъ гарнизонъ. Никто не зналъ, что̀ дѣлается въ домѣ. Таинственный страхъ пробѣжалъ по всему Брюсселю, пока, наконецъ, не распространилась молва объ этомъ несчастномъ происшествіи. Она ошеломила всѣхъ жителей, словно со всякимъ случилось то же самое; въ сердцахъ многихъ досада на ослѣпленіе Эгмонта была заглушена состраданіемъ къ его участи; всѣ радовались, что Оранскій ускользнулъ. И когда Гранвелла, въ Римѣ, узналъ о событіи, его первымъ словомъ было: забранъ-ли Молчаливый? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ покачалъ головой и сказалъ: „Ну, такъ ничего не достигли, если дали улизнуть Молчаливому“. Счастливѣе былъ графъ Гогстратенъ: слухъ о происшествіи застигъ его на дорогѣ въ Брюссель, такъ какъ онъ, по нездоровью, принужденъ былъ двигаться медленно; онъ бросился назадъ и счастливо избѣгнулъ погибели [1]).

Какъ только арестовали графа Эгмонта, его заставили написать приказъ командиру гентской цитаделисдатькрѣпость испанскому полковнику Альфонсу Уллоа. Нѣсколько недѣль сидѣли оба графа-друга въ Брюсселѣ, отдѣльно другъ отъ друга; затѣмъ ихъ отправили въ Гентъ, подъ прикрытіемъ 3.000 испанскихъ солдатъ. Тамъ они просидѣли большую часть слѣдующаго года. Въ то же время захватили всю ихъ переписку. Ту же судьбу испытали многіе изъ высшихъ дворянъ, которые остались дома, одураченные лицемѣрнымъ дружелюбіемъ Альбы; а надъ тѣми, которыхъ схватили, съ оружіемъ въ рукахъ, еще до прибытія герцога, былъ совершенъ послѣдній приговоръ безъ замедленія. При извѣстіи объ арестованіи Эгмонта, еще 20.000 жителей обратились въ странниковъ, не считая той сотни тысячъ, которая спаслась раньше, не дожидаясь прибытія испанскаго полководца. Никто не считалъ себя въ безопасности послѣ того, какъ покушались на жизнь такого вельможи [2]); но многимъ пришлось раскаяться въ томъ, что они слишкомъ оттягивали этотъ спасительный шагъ. Съ

---

[1]) *Meteren*, 108. — *Strada*, 204, 205. — *Meurs. Guil. Auriac.* 39 — *Allg. Gesch. d. v. Niederl.* III. *B.* 112.

[2]) Эти бѣглецы по большей части подкрѣпили армію гугенотовъ, которые стали стягиваться, подъ предлогомъ прохода испанскаго войска черезъ Лотарингію, и теперь особенно насѣдали на Карла IX со своими требованіями. Оттого-то французскій дворъ счелъ себя вправѣ требовать субсидіи у регентши Нидерландовъ. Онъ доказывалъ, что гугеноты увидѣли въ походѣ испанской арміи слѣдствіе направленнаго противъ нихъ уговора между обоими дворами въ Байонѣ и очнулись. Поэтому справедливо, чтобы испанскій дворъ помогъ французскому королю выйти изъ затрудненія, въ которое тотъ попалъ лишь благодаря походу испанцевъ. Альба дѣйствительно отправилъ графа Аремберга съ значительнымъ войскомъ во Францію, къ арміи королевы матери, и даже предложилъ свое личное предводительство, но въ послѣднемъ ему было отказано. - *Strada*, 206. — *Thuan*, 511.

каждымъ днемъ бѣгство становилось затруднительнѣе: герцогъ велѣлъ запереть всѣ гавани и изрекъ смертную казнь выселяющимся. И считались счастливцами тѣ нищіе, которые покинули отечество и свое добро на произволъ судьбы, спасая только свою жизнь и свободу [1]).

[1]) *Meurs Guil. Auriac.* 40. — *Thuan*, 539. — *Meteren*, 108. — *Allg. Gesch. d. v. Niderl.* 113.

Первыя мѣры Альбы и удаленіе герцогини Пармской.

Какъ только Альба овладѣлъ самыми подозрительными вельможами, онъ, прежде всего возстановилъ инквизицію въ ея былой силѣ, снова выдвинулъ постановленія тріентскаго собора, бросилъ „модерацію“ и началъ съ прежнею строгостью исполнять плакаты противъ еретиковъ[1]). Инквизиціонный судъ въ Испаніи уже призналъ *виновною въ оскорбленіи величества по высшей степени* всю нидерландскую націю, за исключеніемъ немногихъ, которые будутъ указаны особо: тутъ разумѣлись всѣ, какъ католики, такъ и еретики, какъ благонамѣренные, такъ и мятежники,—послѣдніе за свои преступныя дѣянія, первые за попустительство. И король утвердилъ этотъ приговоръ оффиціальнымъ указомъ. Тутъ же онъ объявилъ себя свободнымъ отъ всякихъ своихъ обѣщаній и отъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ отъ его имени оберъ-штатгальтершей съ нидерландскимъ народомъ; *милостью* будетъ лишь справедливость, которую должно ожидать отъ него впредь. Опалѣ подвергался всякій, кто содѣйствовалъ изгнанію министра Гранвеллы, принималъ участіе въ прошеніи союзнаго дворянства или хотя бы одобрялъ его; кто выступалъ съ заявленіями противъ тріентскихъ постановленій, противъ указовъ о вѣрѣ или противъ водворенія епископовъ; кто допустилъ всенародныя проповѣди или слабо сопротивлялся имъ; кто носилъ знаки гезовъ, пѣлъ ихъ пѣсни или инымъ способомъ выказывалъ свое сочувствіе; кто содержалъ или укрывалъ некатолическаго проповѣдника, присутствовалъ на похоронахъ кальвинистовъ или даже зналъ, но умолчалъ объ ихъ тайныхъ сходкахъ; кто ссылался на привилегіи страны; наконецъ, кто говорилъ, что должно больше повиноваться Богу, чѣмъ человѣку. Словомъ, всѣ безъ различія подвергались наказанію, которое полагается за оскорбленіе величества и за государственную измѣну, и это наказаніе должно налагать на виновнаго безъ пощады или милости, невзирая на званіе, полъ и возрастъ—такъ, чтобы оно служило примѣромъ для потомства и устрашеніемъ на всѣ будущіе времена[1]). По этой мѣркѣ во всѣхъ провинціяхъ не нашлось бы ни одного *чистаго*, и новому штатгальтеру предоставлялся страшный выборъ изъ всей націи. Всѣ *имущества* и *жизни* принадлежали *ему*, и если кто спасалъ то или другое, тотъ былъ обязанъ этимъ, какъ даромъ, его *великодушію* и *человѣчности*.

Съ помощью такой тонкой, хотя и отвратительной уловки, нація была обезоружена, и единодушіе стало невозможнымъ. Вѣдь, если просто отъ произвола герцога зависѣло, надъ кѣмъ именно исполнить приговоръ, тяготѣвшій рѣшительно надъ всѣми, то, конечно, всякій стушевывался, чтобы по возможности ускользнуть отъ вниманія

[1]) *Meurs. Guil, Auriac.* 38.—*Meteren*, 105.

[1]) *Meteren*, 107.

штатгальтера, не навлечь на себя его смертельнаго выбора. Съ другой стороны, всякій, кого вздумалось бы ему пощадить, былъ какъ бы обязанъ ему, какъ бы состоялъ у него въ долгу, равнявшемся цѣнѣ его жизни и собственности. А такъ какъ, само собой разумѣется, казнить можно было лишь меньшую часть націи, то большинство естественно привязывалось къ нему самыми крѣпкими узами—страхомъ и признательностью; за *одного*, котораго герцогъ намѣчалъ своей жертвой, онъ пріобрѣталъ десятокъ пощаженныхъ. И среди потоковъ пролитой имъ крови онъ спокойно наслаждался властью, пока оставался вѣренъ этой уловкѣ. Онъ упустилъ эту выгоду лишь тогда, когда недостатокъ денегъ принудилъ его наложить на націю бремя, задѣвшее всѣхъ безъ исключенія [1]).

Но Альбѣ трудно было справляться съ кровавыми дѣлами, которыя росли подъ его руками съ каждымъ днемъ; онъ боялся, какъ бы не упустить какой-нибудь жертвы. Съ другой стороны, ему хотѣлось работать посвободнѣе, нестѣсняясь государственными чинами съ ихъ противными привилегіями и человѣколюбіемъ. Вотъ почему онъ учредилъ чрезвычайное судилище изъ двѣнадцати судей, которые должны были разслѣдовать прошлыя волненія и поступать согласно съ буквой данныхъ предписаній. Уже учрежденіе такого судилища было нарушеніемъ привилегій страны, которыя прямо требовали, чтобы каждый гражданинъ былъ судимъ лишь въ предѣлахъ своей провинціи; но Альба довершилъ насиліе тѣмъ, что, вопреки самымъ священнымъ привилегіямъ страны, помѣстилъ туда, съ правомъ голоса, открытыхъ враговъ нидерландской свободы, своихъ испанцевъ. Президентомъ этого судилища былъ *онъ* самъ, а за нимъ—нѣкій лиценціатъ *Варгасъ*, родомъ испанецъ, который, какъ чума, былъ изгнанъ изъ собственнаго отечества, гдѣ онъ изнасиловалъ одного изъ довѣренныхъ ему питомцевъ; то былъ злодѣй, въ душѣ котораго боролись алчность, сладострастіе и кровожадность; въ мнѣніяхъ о немъ согласны историки обѣихъ партій [2]). Главными дѣятелями въ судилищѣ были: графъ Арембергъ, Филиппъ Нуаркармъ и Карлъ Барлемонъ, которые впрочемъ никогда не появлялись; Андріанъ Николаи, гильдернскій канцлеръ; Яковъ Мертенсъ и Петръ Ассетъ, президенты Артура и Фландріи; Яковъ Гессельтсъ и Іоаннъ де-ла-Портъ, гентскіе совѣтники; Людовикъ дель-Ріо, докторъ богословія, испанецъ родомъ; Іоаннъ дю-Буа, королевскій оберъ прокуроръ; де-ла-Торре, секретарь суда. По совѣту Вигліуса, тайный совѣтъ былъ изба ленъ отъ участія въ этомъ судилищѣ; не пригласили также никого изъ мехельнскаго великаго совѣта. Члены пользовались лишь *совѣщательнымъ* голосомъ: *рѣшающій* принадлежалъ одному герцогу. Для засѣданій не было назначено особаго времени; судьи собирались въ полдень, по благоусмотрѣнію Альбы. Уже черезъ три мѣсяца штатгальтеръ сталъ лишь изрѣдка появляться на судѣ, а затѣмъ онъ совсѣмъ уступилъ свое мѣсто своему любимцу Варгасу. Варгасъ исполнялъ свои обязанности съ такой отвратительной важностью, что вскорѣ ушли всѣ члены судилища, за исключеніемъ испанскаго доктора дель-Ріо и секретаря де-ла-Торре:—они не могли выносить долѣе позора, который совершался на ихъ глазахъ и которому они должны были содѣйствовать [1]). Возмутительно читать, какъ отдавали жизнь самыхъ благородныхъ, лучшихъ людей въ руки испанскихъ мерзавцевъ; прискорбно видѣть, какъ притомъ эти господа рылись въ святыняхъ націи, въ ея привилегіяхъ и грамотахъ, ломали печати, оскверняли самые священные договоры между владыкой страны и ея государственными чинами [2]).

Не было пересмотра дѣлъ, не было никакого обжалованія рѣшеній совѣта двѣнадцати, который былъ названъ, по своей цѣ-

---

[1]) *Thuan.* II, 540.—*Allg Gesch. d. v. Niederl.* III 115.

[2]) *Meurs* (Guil Auriac. 38) называетъ его «dignum belgico carcionomate cultrum» *Vigl. ad Hopper.* XIV, XVIII, LXXXI Brief.—*Meteren*, 105.

[1]) Дѣйствительно, часто приговоры противъ именитѣйшихъ лицъ (напр., противъ антверпенскаго бургомистра Штралена) подписывались только Варгасомъ, дель-Ріо и де-ла-Торре. *Meteren*, 105.

[2]) *Meteren*, 106. — Разсказы про судью Гессельтса могутъ служить примѣромъ того, съ какимъ безчувственнымъ легкомысліемъ рѣшались въ этомъ кровавомъ совѣтѣ самыя важныя дѣла, даже вопросы о жизни и смерти. Гессельтсъ часто засыпалъ на засѣданіи. Когда до него доходила очередь подать голосъ въ смертномъ приговорѣ, онъ кричалъ въ просонкахъ: Ad Patibulum! Ad Patibulum! (На висѣлицу!). Такъ привыкъ его языкъ къ этому словечку! Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что жена этого Гессельтса, племянница президента Вигліуса, прямо требовала въ брачномъ договорѣ, чтобы онъ сложилъ съ себя печальную должность королевскаго прокурора, которая навлекала на него ненависть всей націи. *Vigl. ad Hopper.* LXVII Brief.—*Allg. Gesch. d. v. Niederl.* 114.

Фелиппъ II въ старости.
Современный портретъ Антонія Моро (1520—1598). Находится въ чертѣ Эль-Эрмо въ Мадридѣ.

ли, *совѣтомъ безпорядковъ*, но болѣе извѣстенъ подъ именемъ кроваваго совѣта, какъ заклеймила его разгнѣванная нація, на основаніи его поступковъ. Его приговоры были непререкаемы; ихъ не связывала никакая власть. Никакой другой судъ въ странѣ не имѣлъ права разслѣдовать дѣла, касавшіяся послѣдняго мятежа, и почти всѣ другія судилища замолкли. Мехельнскаго великаго совѣта какъ не бывало. Значеніе государственнаго совѣта совсѣмъ пало: онъ даже не собирался. Лишь изрѣдка герцогъ совѣщался съ нѣкоторыми его членами, и то въ своемъ кабинетѣ, частнымъ образомъ, не соблюдая законныхъ формъ. Совѣтъ безпорядковъ не принималъ въ разсчетъ никакихъ привилегій, никакихъ грамотъ, какъ бы тщательно ни были онѣ припечатаны[1]). Въ него поступали всякіе документы и договоры; они нерѣдко подвергались самымъ произвольнымъ толкованіямъ и измѣненіямъ. Если герцогу приходилось издать приговоръ, который могъ встрѣтить сопротивленіе со стороны чиновъ Брабанта, то его выпускали безъ брабантской печати. Нарушались самыя священныя права личности; безпримѣрный деспотизмъ проникалъ даже въ домашнюю жизнь. Такъ какъ доселѣ некатолики и мятежники сильно расширяли кругъ своихъ приверженцевъ браками съ первыми фамиліями страны, то Альба приказалъ, подъ страхомъ смертной казни, чтобы ни одинъ нидерландецъ, какого бы званія и сана онъ ни былъ, не смѣлъ жениться безъ спроса у него и безъ его разрѣшенія [2]).

Кого ни призывалъ совѣтъ безпорядковъ, всякій обязанъ былъ предстать предъ нимъ, было-ли то духовное или свѣтское лицо, почтеннѣйшій глава сената или иконоборецъ изъ негодной сволочи. Кто не являлся (чего почти не случалось), тотъ изгонялся изъ отечества, а всѣ его имущества отбирались въ казну, но кто являлся самъ или кого хватали какъ-нибудь, тому не было спасенія. Призывали изъ *одного* города по двадцати, сорока, часто даже по пятидесяти человѣкъ разомъ, и на самыхъ богатыхъ раньше всѣхъ обрушивался громовый ударъ. Незначительныхъ гражданъ, не имѣвшихъ ничего, что привязывало бы ихъ къ родинѣ и домашнему очагу, хватали безъ всякаго постановленія совѣта. Многихъ видныхъ купцовъ, обладавшихъ состояніемъ въ 60—100 тысячъ гульденовъ, тащили на эшафотъ, какъ простую чернь, со связанными на спинѣ руками, пристегнувъ ихъ къ хвосту лошади. Въ Валансьенѣ однажды *зараз* отрубили головы 55-ти гражданамъ. Всѣ тюрьмы были переполнены преступниками; а герцогъ настроилъ ихъ цѣлую кучу, какъ только вступилъ въ управленіе страной. Повѣшеніе, обезглавленіе, четвертованіе, сожженіе стали обычнымъ явленіемъ. Уже мало слышно было о галерахъ и ссылкахъ, такъ какъ почти не было проступка, котораго не считали бы достойнымъ смертной казни.

При этомъ неисчислимыя суммы притекали въ казну; но онѣ скорѣе возбуждали, чѣмъ утоляли алчность новаго штатгальтера и его сподручниковъ. Альба, казалось, задался дикой цѣлью обратить всю націю въ нищихъ и заграбастать всѣ богатства страны въ руки короля и его служителей. Ежегодная прибыль отъ этихъ конфискацій равнялась доходамъ первоклассnаго королевства: ее исчисляли въ двадцать милліоновъ талеровъ, впрочемъ по совершенно невѣроятной оцѣнкѣ. И такая мѣра была тѣмъ безчеловѣчнѣе, что она наиболѣе касалась самыхъ спокойныхъ подданныхъ, самыхъ правовѣрныхъ католиковъ. Ихъ-то не хотѣли пожалѣть: вѣдь, съ отобраніемъ имуществъ теряли всѣ кредиторы, которые должны были получить тутъ свою долю; и рухнули всѣ госпитали и общественныя заведенія, черпавшія отсюда свое содержаніе; нищета, получавшая тутъ свою копѣечку, увидѣла, какъ изсякаетъ ея послѣдній источникъ пропитанія. Кто рѣшался отстаивать въ совѣтѣ двѣнадцати свои законныя права на эти имущества (такія дѣла вѣдались только этимъ судомъ), тотъ истощался въ долгихъ дорогихъ тяжбахъ и становился нищимъ, не доживъ до конца ихъ [1]). Кажется, въ исторіи образованныхъ государствъ есть одинъ только примѣръ подобнаго нарушенія законовъ, подобныхъ насилій противъ собственности, подобной растраты человѣческихъ жизней; но Цинна, Сулла и Марій, по крайней мѣрѣ, вступали въ завоеванный Римъ, какъ оскорбленные побѣдители, и открыто дѣлали то, что нидерландскій штатгальтеръ творилъ подъ почтенною маской законности.

[1]) Варгасъ низвергалъ нидерландскую свободу плохой латынью. «Non curamus vestros privilegios», крикнулъ онъ одному туземцу, который ставилъ ему на видъ льготы левенскаго университета. – *Alig. Gesch. d. v. Niederl.* 117.

[2]) *Meteren.* 105, 107. *Thuan*, 540.

[1]) *Meteren*, 109.

До конца 1567 года еще вѣрили въ личное прибытіе короля, и лучшіе люди утѣшались надеждой на эту послѣднюю инстанцію. Въ флиссингенской гавани все еще стояли на-готовѣ суда, которыя были нарочно снаряжены, чтобы плыть ему навстрѣчу по первому знаку. И городъ Брюссель согласился принять испанскій гарнизонъ лишь потому, что монархъ долженъ былъ пребывать въ его стѣнахъ. Но постепенно исчезла и эта надежда: Филиппъ откладывалъ это путешествіе съ четверти на четверть года, а новый регентъ весьма скоро началъ предъявлять такія полномочія, которыя шли скорѣе къ мало нуждавшемуся въ нихъ министру-царю, чѣмъ къ предтечѣ самого величества. Въ довершеніе бѣдствій провинцій, отъ нихъ отлетѣлъ послѣдній добрый ангелъ въ лицѣ регентши [1]).

Уже съ той минуты, какъ обширныя полномочія герцога не оставили сомнѣнія въ фактическомъ прекращеніи ея власти, Маргарита рѣшалась отказаться отъ нея и офиціально. Видѣть ликующаго преемника величія, ставшаго потребностью послѣ 9-лѣтняго наслажденія имъ, видѣть, какъ переходятъ къ другому пышность, слава, блескъ, благоговѣніе и всѣ знаки вниманія, всегда связанные съ высшею властью, чувствовать, что *потеряны* всѣ эти блага, *обладанія* которыми нельзя забыть,—этого не могла перенести душа женщины; а герцогъ Альба былъ вовсе не таковъ, чтобы облегчить это лишеніе осторожнымъ выказываніемъ своего новаго величія. Къ тому же регентшѣ казалось, что она должна была сдѣлать этотъ шагъ уже ради общественнаго порядка, который страдалъ отъ двоевластія. Многіе штатгальтеры провинцій отказывались, безъ прямого повелѣнія отъ двора, принимать приказы герцога и признавать его соправителемъ.

Быстрая перемѣна роли не могла пройти среди придворныхъ такъ тихо, незамѣтно, чтобы герцогиня не почувствовала перемѣны съ огорченіемъ. Даже тѣ немногіе, которые, подобно государственному совѣтнику Вигліусу, мужественно стояли подлѣ нея, руководились вовсе не личною привязанностью къ ней: имъ было досадно, что ихъ поставили ниже новичковъ и чужаковъ; они были слишкомъ горды, чтобы снова начинать школьные годы при новомъ регентѣ [1]). А гораздо большая часть царедворцевъ, при всемъ стараніи держаться середины, не могла скрыть своего предпочтенія восходящаго солнца заходящему; и королевскій дворецъ въ Брюсселѣ становился все пустыннѣе и молчаливѣе, по мѣрѣ того, какъ сутолока росла въ Кюйлембургскомъ домѣ. Но что совсѣмъ задѣло герцогиню за живое, это—арестъ Горна и Эгмонта безъ ея вѣдома, словно *ея* и не было на свѣтѣ: герцогъ рѣшилъ и исполнилъ это дѣло совсѣмъ самовольно! Правда, Альба поспѣшилъ тотчасъ же успокоить ее заявленіемъ, что этотъ замыселъ скрыли отъ нея единственно съ цѣлью пощадить ея имя при такомъ ненавистномъ дѣлѣ, но деликатничанье не могло закрыть раны, нанесенной ея гордости.

Маргарита видѣла въ этомъ событіи лишь предвѣстника ожидающихъ ее оскорбленій; чтобы сразу отдѣлаться отъ нихъ, она послала ко двору брата своего тайнаго секретаря Макіавеля, который долженъ былъ настаивать на ея отставкѣ отъ регентства. Отставка была дана безъ затрудненія но съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ высшаго почтенія: король сказалъ, что ставитъ свои собственныя выгоды и интересы провинцій на задній планъ, чтобы только угодить своей сестрѣ. Это соизволеніе сопровождалось подаркомъ въ 30.000 талеровъ, и Маргаритѣ было назначено 20.000 ежегоднаго содержанія [2]). Вслѣдъ затѣмъ пришелъ дипломъ на имя герцога: Альба назначался на мѣсто ея оберъ-штатгальтеромъ всѣхъ Нидерландовъ съ неограниченными полномочіями [3]).

Маргаритѣ было очень пріятно, что ей разрѣшили сложить штатгальтерство въ

---

[1]) *Vigl. ad Hopper*, LXV Brief.

[1]) *Vigl. ad Hopper*, XXIII, XL, XLIV и XLV Brief

[2]) Впрочемъ это содержаніе, кажется, выплачивалось ей не очень-то добросовѣстно, если вѣрить, по крайней мѣрѣ, одной брошюрѣ, напечатанной еще при ея жизни, подъ названіемъ «Discours sur la Blessure de Monseigneur Prince d'Orange» (1582, безъ указанія мѣста напечатанія; она находится въ Дрезденской библіотекѣ). Здѣсь говорится, что Маргарита томилась въ бѣдности, въ Намюрѣ; ея сынъ (тогдашній губернаторъ Нидерландовъ) такъ мало поддерживалъ ее, что самъ ея секретарь Альдобрандини называетъ ея пребываніе тамъ ссылкой. Но, говорится далѣе, чего же и должна была она ожидать отъ сына, который, посѣтивъ ее еще мальчикомъ въ Брюсселѣ, дерзко щелкалъ пальцами за ея спиной.

[3]) *Strada*, 206 208.—*Meurs.* Guil. Auriac. 40.—*Thuan.* 539.—*Vigl. ad Hopper.* XL, XLI, XLVI Brief.

торжественномъ собраніи чиновъ: она довольно ясно заявила это желаніе королю, но не надѣялась на его исполненіе. Она вообще любила торжественность; кажется, ее сильно соблазнялъ и примѣръ императора, ея отца, который въ этомъ же городѣ устроилъ чрезвычайное зрѣлище своего отреченія отъ престола. Теперь, когда ей приходилось разстаться съ высшей властью, ей можно простить желаніе хоть окружить этотъ шагъ возможнымъ блескомъ. Къ тому же она замѣтила, какъ выгодна была для нея всеобщая ненависть къ герцогу, и она ждала очень лестной, трогательной сцены. Ей будутъ такъ пріятны слезы нидерландцевъ, она такъ охотно прослезится сама, и легче будетъ ей сойти съ престола при всеобщемъ соболѣзнованіи. Чѣмъ меньше заслужила она всеобщее благоволеніе въ свое 9-лѣтнее правленіе, когда счастье еще улыбалось ей и ея господинъ былъ доволенъ ею, тѣмъ дороже стало для нея это благоволеніе теперь, когда оно стало единственною наградой за утрату остальныхъ надеждъ; и ей было бы пріятно убѣжденіе, что она—добровольная жертва своего добраго сердца и слишкомъ человѣчнаго отношенія къ нидерландцамъ.

Такъ какъ монархъ вовсе не желалъ вызывать опасность скопленіемъ массъ въ угоду причудамъ сестры, то она должна была удовольствоваться письменнымъ прощаньемъ съ чинами; въ немъ она обозрѣвала все свое управленіе, не безъ хвастливости перечисляла всѣ затрудненія, съ которыми приходилось ей бороться, всѣ бѣдствія, отклоненныя ея ловкостью; въ заключеніе говорилось, что она оставляетъ *законченное* дѣло, и ея преемнику остается только карать преступниковъ. То же самое не разъ слышалъ самъ король отъ регентши: она не упустила ничего, чтобы устранить незаслуженную славу герцога. Свои собственныя заслуги она повергала къ стопамъ короля, какъ безспорный фактъ, но также какъ бремя, тяготившее ея скромность [1]).

Безпристрастное потомство поостережется подписаться безусловно подъ этимъ лестнымъ приговоромъ регентши себѣ самой. Если бы за него стоялъ даже общій голосъ ея современниковъ и даже свидѣтельство самихъ Нидерландовъ, и въ такомъ случаѣ нельзя отнять у третьяго лица право подвергнуть его точному разслѣдованію. Непостоянное мнѣніе народа слишкомъ наклонно принимать отсутствіе *нѣкоторыхъ* недостатковъ за *полную* добродѣтель и подъ гнетомъ нынѣшняго бѣдствія восхвалять вчерашнее горе. Нидерландцы, казалось, излили все свое негодованіе на однихъ испанцевъ,—и дѣйствительно считать регентшу виновницей всѣхъ бѣдствій значило бы избавить короля и его министровъ отъ проклятій, которыя скорѣе вполнѣ заслужены именно ими; во всякомъ случаѣ, не съ точки зрѣнія поступковъ Альбы въ Нидерландахъ слѣдуетъ оцѣнивать заслуги его предшественницы. Нужно также сказать правду, что не легко было Маргаритѣ угождать монарху, не нарушая правъ нидерландскаго народа и долга человѣчности. Но въ борьбѣ съ этими двумя противорѣчивыми задачами Маргарита не рѣшила ни одной: она очевидно, принесла націи *слишкомъ много* вреда, принеся *такъ мало* пользы королю. Правда, она сломила, наконецъ, сопротивленіе протестантовъ; но тутъ ей гораздо больше помогъ случайный взрывъ иконоборства, чѣмъ ея собственная политика. Своимъ тонкимъ искусствомъ она разрушила союзъ дворянства, но уже до того внутренніе раздоры нанесли ему смертельный ударъ. Одна вербовка солдатъ, предписанная ей изъ Мадрида, совершила то, на что безплодно тратилось все ея государственное искусство въ теченіе долгихъ лѣтъ. Она передала Альбѣ умиротворенную страну, но нельзя отрицать, что тутъ главная заслуга принадлежала страху передъ его появленіемъ. Своими донесеніями регентша путала испанскій совѣтъ: она рисовала ему только припадки, а не самую болѣзнь, только безобразія партій, а не духъ и языкъ націи. Ея полное промаховъ правленіе увлекало народъ къ правонарушеніямъ: оно *раздражало*, не внушая достаточно *страха*; оно напустило на страну гибельнаго герцога Альбу, ибо навело короля на мысль, что безпорядки въ провинціяхъ зависѣли не столько отъ суровости его приказовъ, сколько отъ ненадежности орудія, которому онъ ввѣрилъ ихъ исполненіе.

Маргарита обладала ловкостью и умомъ, умѣла искусно прилаживать рутинное государственное искусство къ обычному ходу дѣлъ, но ей недоставало творчества, чтобы или изобрѣтать новые пріемы для новыхъ и необычайныхъ случаевъ, или мудро *обходить* старые принципы. Въ странѣ, гдѣ лучшимъ государственнымъ искусствомъ была *искренность*, она вздумала примѣнять свою

[1]) *Meurs.* Guil. Auriac. 40.—*Strada*, 207, 208.

коварную итальянскую политику, что посѣвало въ умахъ гибельное недовѣріе. Снисходительность, которую такъ щедро ставятъ ей въ заслугу, была вынуждена у этой слабой и нерѣшительной женщины мужественнымъ сопротивленіемъ націи; сама по себѣ, герцогиня никогда не возвышалась надъ буквой королевскихъ приказовъ, ни разу не перетолковала ихъ варварскаго смысла въ духѣ человѣчности. Даже тѣ немногія уступки, которыя исторгались у нея необходимостью, она дѣлала нетвердой, съеживавшеюся рукой, словно боялась дать *слишкомъ много*,—и утрачивались плоды ея благодѣяній, такъ какъ она черезчуръ скаредно ихъ раздавала. Она была на престолѣ слишкомъ тѣмъ, чѣмъ такъ мало была во всей своей остальной жизни,—женщиной. Послѣ изгнанія Гранвеллы, ей предстояло сдѣлаться благодѣтельницей нидерландскаго народа: она не сдѣлалась ею. Верхомъ блаженства было для нея благоволеніе короля, высшимъ несчастьемъ—его хула; при всѣхъ преимуществахъ своего ума, она осталась человѣкомъ вульгарной души, ея сердцу не хватало благородства. Весьма умѣренно пользовалась Маргарита печальною властью и не запятнала своего правленія никакою жестокостью деспота. Мало того, если бы это зависѣло отъ нея, она всегда поступала бы человѣчно. Много времени спустя, когда ея кумиръ, Филиппъ II, давно забылъ о ней, нидерландскій народъ все еще чтилъ ея память: но она далеко не заслужила того сіянія славы, которымъ окружило ее безчеловѣчіе преемника.

Маргарита покинула Брюссель въ концѣ декабря 1567 года. Герцогъ сопровождалъ ее до границы Брабанта, а дальше предоставилъ ее охранѣ графа Мансфельда, спѣша вернуться въ столицу, чтобы отнынѣ нидерландскій народъ видѣлъ въ немъ своего единственнаго регента.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

„ИСТОРІИ ОТПАДЕНІЯ НИДЕРЛАНДОВЪ“.

I. Судъ надъ графами Эгмонтомъ и Горномъ и казнь ихъ.

Нѣсколько недѣль спустя по ихъ арестѣ, оба графа были препровождены, подъ охраной трехъ тысячъ испанскихъ солдатъ, въ Гентъ, гдѣ ихъ содержали болѣе восьми мѣсяцевъ въ цитадели. Въ совѣтѣ двѣнадцати, учрежденномъ въ Брюсселѣ герцогомъ Альбой для разслѣдованія бывшихъ безпорядковъ, начался судъ надъ ними по всѣмъ правиламъ. Обвинительный актъ составлялся генералъ-прокуроромъ Іоанномъ дю-Буа. Противъ Эгмонта выставлялось 90 обвинительныхъ пунктовъ, противъ Горна—60. Перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много времени, и мы привели уже выше ихъ образчики. Всякій невинный поступокъ, всякая оплошность разсматривались съ той точки зрѣнія, которая была установлена въ самомъ началѣ акта; тамъ значилось, что „оба графа, заодно съ принцемъ Оранскимъ, замышляли низвергнуть королевскую власть въ Нидерландахъ и взять въ свои руки управленіе страной". Изгнаніе Гранвеллы, отправка Эгмонта въ Мадридъ, союзъ гезовъ, потворство протестантамъ въ ихъ штатгальтерствахъ—все оказывалось теперь плодомъ этого плана, все приходило въ такую связь. Самая ничтожная мелочь пріобрѣтала значеніе, и одна подпирала другую. Сначала, изъ предосторожности, разбирались отдѣльные пункты, какъ оскорбленія величества,—тѣмъ легче было вывести изъ всѣхъ ихъ вообще желанный приговоръ.

Обоимъ заключеннымъ былъ посланъ обвинительный актъ съ предложеніемъ отвѣчать въ теченіе пяти дней. Когда они отвѣтили имъ дозволили выбрать себѣ защитниковъ и повѣренныхъ, которымъ разрѣшили доступъ къ нимъ. Но такъ какъ ихъ обвиняли въ оскорбленіи величества, то они не могли видѣть своихъ друзей. Графъ Эгмонтъ запасся нѣкіемъ Ландасомъ и нѣкоторыми изъ самыхъ искусныхъ и ученыхъ юристовъ Брюсселя.

Обвиняемые первымъ дѣломъ протестовали противъ самаго суда, такъ какъ они, рыцари Золотого Руна, могли быть судимы только самимъ королемъ, какъ гроссмейстеромъ этого ордена. Но протестъ былъ

отвергнутъ, и отъ нихъ потребовали свидѣтелей, грозя въ противномъ случаѣ судить ихъ заочно. Эгмонтъ отвѣчалъ вполнѣ удовлетворительно на 82 пункта; Горнъ также отвѣчалъ на обвинительный актъ шагъ за шагомъ. Сохранились и обвиненія и оправданія; всякій безпристрастный судъ освободилъ бы обвиняемыхъ послѣ такого оправданія. Прокуроръ настаивалъ на свидѣтеляхъ, и Эгмонтъ все торопилъ ихъ письмами. Но недѣля проходила за недѣлей, а они не являлись; обвиняемые между тѣмъ возобновили свои протесты противъ незаконности самаго суда. Наконецъ герцогъ далъ имъ еще десять дней для представленія свидѣтелей. Когда прошелъ и этотъ срокъ, ихъ объявили обличенными: ихъ лишили всякой защиты.

Пока дѣло тянулось, родственники и друзья графовъ не сидѣли сложа руки. Жена Эгмонта, урожденная герцогиня Баварская, обратилась съ просьбами къ князьямъ Нѣмецкой имперіи, къ императору и испанскому королю; то же сдѣлала графиня Горнъ мать подсудимаго, состоявшая въ дружбѣ или родствѣ съ первыми фамиліями Германіи. Всѣ громко протестовали противъ такого беззаконія и выставляли на видъ нидерландскую свободу, привилегіи ордена Золотого Руна, наконецъ льготы Нѣмецкой имперіи, на которыя Горнъ имѣлъ особенное право, какъ имперскій графъ. Графиня Эгмонтъ подняла чуть не всѣ дворы на защиту своего мужа. Испанскій король и его штатгальтеръ были завалены ходатайствами, которыя они пересылали другъ другу, дружно подсмѣиваясь надъ ними. Графиня Горнъ собрала удостовѣренія отъ всѣхъ рыцарей Руна изъ Испаніи, Германіи и Италіи, чтобы доказать привилегіи ордена. Альба отвергъ ихъ какъ не имѣющія силы въ данномъ случаѣ. Онъ заявилъ: „Преступленія, въ которыхъ обвиняются графы, касаются дѣлъ нидерландскихъ провинцій, а я поставленъ отъ короля единственнымъ судьей во всѣхъ нидерландскихъ дѣлахъ".

Прокурору дали четыре мѣсяца на составленіе обвинительнаго акта; пятый былъ предоставленъ графамъ для защиты. Но друзья, вмѣсто того, чтобы добывать свидѣтелей, которые мало помогли бы имъ, теряли время и усилія на протесты противъ своихъ судей, приносившіе еще меньше пользы. Но первые, пожалуй, *оттянули* бы окончательный приговоръ, а тѣмъ временемъ настойчивыя ходатайства друзей, быть можетъ, возымѣли бы, наконецъ, свое дѣйствіе, но своимъ упорнымъ отрицаніемъ компетенціи суда графы давали герцогу поводъ повести дѣло сокращеннымъ путемъ. По истеченіи послѣдняго крайняго срока, 1-го іюня 1568 года, совѣтъ двѣнадцати объявилъ обоихъ графовъ виновными, а 4-го послѣдовалъ окончательный приговоръ.

Казнь 25-ти благородныхъ нидерландцевъ, обезглавленныхъ на брюссельскомъ рынкѣ въ теченіе трехъ дней, была страшнымъ предвѣстіемъ судьбы, ожидавшей графовъ. Однимъ изъ этихъ несчастныхъ былъ секретарь Эгмонта, Іоаннъ Казембротъ изъ Бекерцеля, который получилъ такую награду за вѣрность своему господину, проявленную даже на пыткѣ, и за ревностную службу королю, доказанную въ дѣлѣ иконоборцевъ. Остальные частью были взяты, съ оружіемъ въ рукахъ, во время мятежа гезовъ, частью арестованы и осуждены, какъ государственные преступники, за участіе въ прошеніи дворянства.

Медаль съ изображеніемъ герцога Альбы. (Берлинъ, Минцъ-кабинетъ).

Недаромъ спѣшилъ герцогъ съ исполненіемъ приговора. Графъ Людвигъ Нассаускій далъ сраженіе графу Арембергу у монастыря Гейлигерле, въ Гренингенѣ, и выигралъ его. Тотчасъ послѣ побѣды, онъ двинулся на Гренингенъ и обложилъ городъ. Удача ободрила его приверженцевъ, а его братъ, принцъ Оранскій, былъ неподалеку, чтобы поддержать его. Все это требовало личнаго присутствія герцога въ тѣхъ отдаленныхъ провинціяхъ, а онъ не рѣшался покинуть Брюссель, пока не была рѣшена судьба двухъ такихъ важныхъ дѣятелей. Вся нація была предана имъ до восторженности, которой не мало способствовала ихъ несчастная участь. Даже строгіе католики не желали доставить герцогу такого торжества, какъ гибель столь знатныхъ людей. До-

вольно было одной побѣды надъ нимъ оружія мятежниковъ, даже одного вымышленнаго слуха, чтобы въ Брюсселѣ вспыхнула революція, которая освободила бы обоихъ графовъ. Мало того. У Альбы и у испанскаго короля съ каждымъ днемъ увеличивалось число просьбъ и ходатайствъ со стороны князей Нѣмецкой имперіи, а императоръ Максимиліанъ II самъ увѣрялъ графиню Эгмонтъ, что ей „нечего опасаться за жизнь своего супруга". Эти важныя заступничества могли, наконецъ, заставить короля перемѣнить мнѣніе въ пользу заключенныхъ. Съ другой стороны, король могъ, пожалуй, надѣясь на быстроту своего штатгальтера, показать видъ, будто уступаетъ представительству столькихъ государей и отмѣняетъ смертный приговоръ, а самъ думать, что эта милость запоздаетъ. Вотъ сколько было причинъ спѣшить герцогу съ исполненіемъ приговора, какъ только онъ былъ постановленъ.

На другой же день оба графа были препровождены изъ гентской цитадели въ Брюссель, подъ прикрытіемъ 3.000 испанцевъ, и посажены въ хлѣбный магазинъ на главномъ рынкѣ. На утро собрался совѣтъ безпорядковъ. Герцогъ, вопреки своему обычаю, явился самъ, и оба приговора, въ запечатанныхъ конвертахъ, были вскрыты секретаремъ Пранцомъ и громогласно прочитаны. Оба графа были обвинены въ оскорбленіи величества, *выразившемся въ томъ, что они потворствовали и помогали гнусному заговору принца Оранскаго, взяли подъ свою защиту союзъ дворянъ и плохо служили королю и церкви въ своихъ штатгальтерствахъ и на другихъ мѣстахъ*. Оба должны быть обезглавлены всенародно; ихъ головы должны быть посажены на пики, и не могутъ быть сняты до прямого приказанія герцога. Все ихъ имущество, лены и права отходили къ казнѣ. Приговоръ былъ подписанъ только Альбой и секретаремъ Пранцемъ,—и не подумали спросить согласія остальныхъ совѣтниковъ уголовнаго суда. Ночью съ 4-го на 5-е іюня, когда заключенные уже пошли спать, имъ предъявили приговоръ. Герцогъ передалъ его черезъ епископа ипернскаго Мартина Ритгова, котораго выписалъ нарочно въ Брюссель, чтобы приготовить къ смерти приговоренныхъ. Получивъ это приказаніе, епископъ бросился къ ногамъ Альбы, умоляя его, со слезами на глазахъ, о милости—хоть объ отсрочкѣ. Грубый гнѣвный голосъ отвѣчалъ ему, что онъ призванъ изъ Иперна не затѣмъ, чтобы противиться приговору, а для того, чтобы своимъ ободреніемъ облегчить участь несчастныхъ графовъ.

Альба показалъ смертный приговоръ сначала Эгмонту. „По истинѣ строгій приговоръ!—воскликнулъ поблѣднѣвшій графъ дрожащимъ голосомъ:—я не думалъ такъ оскорбить его величество, чтобы заслужить такое обхожденіе. Но если такъ *должно* быть, подчиняюсь этой участи съ покорностью. Да погаситъ эта смерть мои прегрѣшенія и да не повредитъ она моей супругѣ и дѣтямъ! Надѣюсь, что хоть этого могу я ожидать за мою прошлую службу. Приму смерть съ рѣшимостью, ибо такъ угодно Богу и королю". Затѣмъ онъ просилъ епископа сказать ему откровенно и правду, есть ли надежда на милость. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ исповѣдался и причастился св. тайнъ изъ рукъ священника, за которымъ повторялъ слова обѣдни съ глубокой набожностью. Онъ спросилъ, какая самая лучшая и трогательная молитва для послѣдняго часа. Священникъ отвѣчалъ, что самая проникновенная — та, которой научилъ насъ самъ Господь Христосъ: Отче Нашъ; графъ тотчасъ же сталъ ее читать. Но вдругъ ему пришла мысль о семьѣ; онъ оборвалъ молитву и потребовалъ пера и чернилъ. Онъ написалъ два письма—одно къ женѣ, другое къ испанскому королю.

Вотъ послѣднее изъ нихъ. „Государь! Этимъ утромъ я услышалъ приговоръ, изрѣченный мнѣ вашимъ величествомъ. Какъ ни далекъ былъ я всегда отъ мысли учинить что-либо противъ особы или службы вашего величества или же противъ единственно правой, древней и католической религіи, тѣмъ не менѣе покоряюсь судьбѣ съ терпѣніемъ, котораго я не лишенъ по милости Божіей. Если въ бывшихъ безпорядкахъ я попустилъ, присовѣтовалъ или учинилъ что-либо противное моему долгу, то, конечно, лишь съ лучшими намѣреніями или вынужденный обстоятельствами. Посему прошу ваше величество простить мнѣ и не забывать той прошлой службы ради моей несчастной супруги и моихъ бѣдныхъ дѣтей и слугъ. Твердо уповая на это, предаю себя безконечному милосердію Бога. Брюссель, 5-го іюня 1568 г., при послѣднемъ издыханіи. Вашего величества преданнѣйшій вассалъ и слуга, Ламораль графъ Эгмонтъ".

Эгмонтъ горячо просилъ епископа доставить это письмо. Чтобы быть болѣе увѣреннымъ, онъ послалъ еще собственноручный списокъ съ него честнѣйшему че-

ловѣку въ сенатѣ, государственному совѣтнику Вигліусу, и безъ сомнѣнія письмо было передано королю. Впослѣдствіи семьѣ графа были возвращены всѣ имущества, лены и права, отобранныя, по приговору, въ королевскую казну.

Между тѣмъ на брюссельскомъ рынкѣ, передъ ратушей, воздвигли эшафотъ, на которомъ укрѣпили два шеста съ желѣзными остріями. Все было покрыто чернымъ сукномъ. Двадцать два знамени испанскаго гарнизона окружили помостъ—не лишняя предосторожность. Между 10 и 11 ч. въ комнату графа вошла испанская стража, съ веревками, чтобы связать ему руки. Онъ воспротивился этому обычаю, объявивъ, что охотно готовъ умереть. Графъ самъ отрѣзалъ воротникъ у своего камзола, чтобы облегчить работу палачу. На немъ былъ шлафрокъ изъ красной камки, а поверхъ черный испанскій плащъ, окаймленный золотыми галунами. Такимъ показался онъ на помостѣ. За нимъ слѣдовали „начальникъ лагеря“ (maitre de camp) Юліанъ Ромеро, испанскій капитанъ Салинасъ и епископъ иперискій. Великій прево двора сидѣлъ на конѣ у подножія эшафота, съ краснымъ жезломъ въ рукѣ; за нимъ скрывался палачъ.

Эгмонтъ сначала выразилъ желаніе говорить къ народу съ эшафота. Но онъ отказался отъ этого, когда епископъ сказалъ ему, что его не услышатъ, а если услышатъ, то, при нынѣшнемъ опасномъ настроеніи народа, легко могутъ произойти безпорядки, которые только погубятъ его друзей. Нѣсколько минутъ ходилъ графъ взадъ и впередъ по помосту, съ благородной осанкой, жалуясь, что ему не даютъ умереть за короля и отечество славною смертью. До послѣдняго мгновенія его нельзя было убѣдить, что король не шутитъ съ такимъ суровымъ приговоромъ и что все не ограничится однимъ страхомъ казни. Когда подошла рѣшительная минута, когда приходилось принять послѣднее причащеніе, Эгмонтъ осмотрѣлся въ жадномъ ожиданіи. Но ничего не происходило—и онъ обратился къ Юліану Ромеро опять съ вопросомъ, нѣтъ ли надежды на помилованіе. Ромеро пожалъ плечами, опустилъ глаза въ землю и промолчалъ.

Тутъ графъ стиснулъ зубы, сбросилъ плащъ и шлафрокъ, опустился на колѣна на подушку и предался послѣдней молитвѣ. Епископъ далъ ему поцѣловать крестъ и совершилъ надъ нимъ послѣднее помазаніе. Затѣмъ Эгмонтъ далъ ему знакъ удалиться. Тотчасъ же натянулъ онъ на глаза шелковую шапочку и приготовился принять ударъ палача. На трупъ и текущую кровь немедленно было наброшено черное покрывало.

Этотъ смертельный ударъ почувствовалъ весь Брюссель, тѣснившійся у эшафота. Страшная тишина прерывалась громкими рыданіями. Утиралъ глаза и герцогъ, смотрѣвшій на казнь изъ окна.

Герцогъ Альба.

Серебряная медаль. (Берлинскій Минцъ-кабинетъ).

Вслѣдъ затѣмъ привели графа Горна. Человѣкъ болѣе горячаго нрава, чѣмъ его другъ, и больше имѣвшій причинъ негодовать на короля, онъ встрѣтилъ приговоръ не такъ равнодушно, хотя болѣе заслуживалъ его. Онъ позволилъ себѣ рѣзкія слова противъ короля. Епископъ съ трудомъ уго-

ворилъ его сдѣлать лучшее употребленіе изъ своихъ послѣднихъ минутъ, чѣмъ проклинать своихъ враговъ. Наконецъ, графъ собрался съ духомъ и исповѣдался у епископа, чего сначала никакъ не хотѣлъ сдѣлать.

Горнъ вступилъ на помостъ при такой же обстановкѣ, какъ его другъ. По дорогѣ онъ раскланивался со многими знакомыми. Подобно Эгмонту, онъ не былъ связанъ; на немъ былъ черный камзолъ и плащъ, а на головѣ миланская шапочка чернаго же цвѣта. Взошедши на эшафотъ, онъ бросилъ взглядъ на трупъ подъ покрываломъ и спросилъ одного изъ близъ стоявшихъ, тѣло ли это его друга. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ нѣсколько словъ по-испански, сбросилъ плащъ и преклонилъ колѣна на подушку. Толпа вскрикнула, когда на него палъ смертельный ударъ.

Обѣ головы были насажены на шесты, водруженные на помостѣ. Тамъ онѣ оставались до 3 ч. пополудни; затѣмъ ихъ сняли и положили, вмѣстѣ съ трупами, въ свинцовые гробы.

Присутствіе кучи соглядатаевъ и палачей, окружавшихъ эшафотъ, не помѣшало гражданамъ Брюсселя омочить свои носовые платки въ струившуюся кровь и унести домой эту дорогую святыню.

Медаль съ изображеніемъ гр. Эгмонта.

(Минцъ-кабинетъ въ Берлинѣ).

II. Осада Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1584—1585 годахъ.

Какое привлекательное зрѣлище борьба человѣческой изобрѣтательности съ могучею стихіей и побѣда ума, рѣшимости, твердой воли надъ препятствіями, непреодолимыми для обыкновенныхъ способностей! Не такъ привлекательно, но еще болѣе поучительно видѣть обратное, когда отсутствіе указанныхъ качествъ разрушаетъ всѣ усилія генія, не даетъ возможности воспользоваться благопріятными случайностями, наконецъ, уничтожаетъ уже готовый успѣхъ, не умѣя воспользоваться имъ. Примѣромъ того и другого служитъ знаменитая блокада Антверпена испанцами, въ концѣ XVI вѣка, которая безвозвратно лишила благосостоянія этотъ цвѣтущій городъ и доставила безсмертную славу совершившему ее полководцу.

Уже двѣнадцать лѣтъ длилась война, которую вели сѣверныя провинціи Бельгіи, сначала чтобы только отстоять свободу совѣсти и привилегіи отъ притязаній испанскаго штатгальтера, а потомъ уже съ цѣлью пріобрѣсти независимость отъ испанской короны. Никогда не одерживали онѣ полной побѣды, но и ни разу не были окончательно разбиты; а между тѣмъ онѣ истомляли храбрыхъ испанцевъ долгими военными операціями на неблагопріятной почвѣ и истощали средства повелителя обѣихъ Индій, хотя сами называли себя *нищими* и отчасти были таковыми. Правда, снова распался *гентскій союзъ*, который соединялъ какъ католическіе, такъ и протестантскіе Нидерланды и, еслибъ устоялъ, составилъ бы неопредолимое цѣлое; но, на мѣсто этой неестественной и непрочной связи, въ сѣверныхъ Нидерландахъ образовалась, въ 1579 году, болѣе тѣсная *утрехтская унія*, которая обѣщала долгоденствіе, такъ какъ была соединена въ одно цѣлое одинаковыми государственными и религіозными интересами. Новая республика сократилась

въ объемѣ, вслѣдствіе этого отдѣленія отъ католическихъ провинцій; зато она выиграла въ болѣе тѣсной связи, въ единствѣ предпріятій, въ энергіи исполненія; было счастьемъ для нея, что она во-время потеряла то, чего никогда не могла бы удержать за собой, при самыхъ энергичныхъ усиліяхъ.

Въ 1584 году большая часть валлонскихъ провинцій, добровольно или повинуясь силѣ, должна была возвратиться подъ власть испанцевъ; но послѣдніе все еще не могли стать твердою ногой въ сѣверныхъ областяхъ. Даже значительная часть Брабанта и Фландріи все еще упорно сопротивлялась оружію герцога *Александра Пармскаго*, который съ одинаковой силой и умомъ велъ и внутреннее управленіе провинціями, и высшее начальство надъ войсками и рядомъ побѣдъ снова поднялъ престижъ испанскаго имени. Своеобразная почва страны, поддерживающая связь между городами посредствомъ массы рѣкъ и каналовъ, затрудняла завоеваніе: не взявъ одного мѣста, нельзя было овладѣть другимъ. Пока существовали эти сообщенія, Голландія и Зеландія могли легко охранять своихъ союзниковъ и щедро снабжать ихъ всякими запасами, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ; тутъ самая блестящая храбрость не вела ни къ чему, и войска короля даромъ истощались отъ долгихъ осадъ.

Антверпенъ—важнѣйшій городъ Брабанта, по своему богатству, многолюдности и силѣ, а также по своему положенію у устьевъ Шельды. Этотъ большой городъ, въ которомъ было тогда болѣе 80.000 жителей, принималъ живѣйшее участіе въ союзѣ Нидерландскихъ штатовъ и, въ теченіе всей войны, выдавался въ ряду городовъ Бельгіи своимъ страстнымъ свободолюбіемъ. Онъ пріютилъ въ своихъ стѣнахъ всѣ три христіанскія церкви и былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ главнымъ образомъ этой неограниченной свободѣ совѣсти; оттого-то ему приходилось больше всѣхъ опасаться испанскаго господства, которое грозило уничтожить религіозную свободу и ужасами инквизиціи разогнать протестантскихъ купцовъ съ рынковъ. Къ тому же антверпенцы познали страшнымъ опытомъ звѣрство испанскихъ гарнизоновъ, и легко было предвидѣть, что разъ они допустятъ это невыносимое иго, имъ уже не отдѣлаться отъ него.

Но если у Антверпена было много причинъ желать удаленія испанцевъ, то и у испанскаго полководца были основанія стремиться завладѣть имъ во что бы то ни стало. Отъ обладанія этимъ городомъ зависѣло, въ извѣстной степени, обладаніе всей брабантской землей: послѣдняя главнымъ образомъ отсюда снабжалась зеландскимъ хлѣбомъ; и занятіе Антверпена обезпечивало господство надъ Шельдой. Безъ этого города брабантскій союзъ, собранія котораго происходили въ его стѣнахъ, лишался главной опоры; безъ его примѣра, его совѣтовъ и денегъ вся партія чувствовала бы стѣсненіе; безъ его казны изсякалъ богатый источникъ для удовлетворенія нуждъ королевской арміи. Его паденіе, рано или поздно, повлекло бы за собой паденіе всего Брабанта и дало бы королевской власти перевѣсъ въ этомъ краю. Вотъ причины, которыя побудили герцога Пармскаго, въ іюлѣ 1584 года, стянуть свои силы и двинуться изъ Дорника, гдѣ онъ стоялъ, на осаду Антверпена [1]).

Но положеніе и укрѣпленія этого города, казалось, устраняли всякую возможность нападенія. Со стороны Брабанта онъ былъ окруженъ неприступными верками и глубоководными рвами, отъ Фландріи его защищала широкая и быстрая Шельда. Его нельзя было взять штурмомъ, а чтобы обложить такой обширный городъ, нужно было, повидимому, имѣть втрое больше войска, чѣмъ сколько было у герцога, да еще обладать флотомъ, котораго ему совсѣмъ недоставало. Рѣка доставляла изъ Гента всѣ припасы въ изобиліи, да еще связывала городъ съ сосѣдней Зеландіей. Мало того, такъ какъ приливы Сѣвернаго моря шли далеко въ глубь Шельды и періодически переворачивали ея теченіе, то Антверпенъ пользовалсянеобычайнымъпреимуществомъ: одна и та же рѣка протекала по немъ, въ разныя времена, въ противоположныхъ направленіяхъ. Къ тому же окрестные города—Брюссель, Мехельнъ, Гентъ, Дендермонде и другіе—еще находились въ рукахъ союза и могли облегчать подвозъ также съ сухого пути. Такимъ образомъ нужно было имѣть два разныхъ войска на обоихъ берегахъ рѣки, чтобы и обложить городъ съ суши, и отрѣзать ему сношенія съ Фландріей и Брабантомъ; еще требовалось достаточное количество судовъ, чтобы заградить Шельду и воспрепятствовать неизбѣжнымъ попыткамъ зеландцевъ освободить Антверпенъ. Но герцогу приходилось вести войну еще въ другихъ округахъ и разставить гар-

---

1) *Thuan.* Hist. t. II, 527. *Grot*, Hist. de rebus Belgicis, 84.

низоны по многимъ городамъ и крѣпостямъ; поэтому у него оставалось всего 10.000 пѣхоты и 1.700 коней—сила, слишкомъ ничтожная для такого обширнаго предпріятія. Къ тому же эти войска нуждались въ самомъ необходимомъ, и задержка жалованія уже давно вызывала у нихъ глухой ропотъ, который каждую минуту могъ перейти, въ явный мятежъ. Если же, несмотря на всѣ препятствія, принцъ отважился бы на обложеніе, то слѣдовало опасаться всего со стороны оставленныхъ позади крѣпостей, которымъ легко было энергичными вылазками тревожить столь раздробленную армію и отрѣзать подвозъ припасовъ [1]).

Всѣ эти доводы были выставлены военнымъ совѣтомъ, которому герцогъ Пармскій сообщилъ свой планъ. Какъ ни велико было довѣріе опытнѣйшихъ генераловъ къ себѣ самимъ и къ испытанной даровитости такого полководца, однако они не скрывали своихъ сомнѣній въ счастливомъ исходѣ дѣла. За исключеніемъ двухъ, у которыхъ отвага подавляла разсудокъ, Капицуки и Мондрагона, всѣ они отвергали такое рискованное предпріятіе, при которомъ можно было потерять плоды всѣхъ прежнихъ побѣдъ и всю добытую славу.

Но герцога не могли сбить возраженія, которыя онъ уже дѣлалъ самъ себѣ и опровергнулъ. Его отважный замыселъ вытекалъ не изъ незнанія связанныхъ съ нимъ опасностей, не изъ легкомысленнаго преувеличенія своихъ силъ. Онъ возвышался надъ всѣми сомнѣніями холоднаго, но ограниченнаго благоразумія въ силу того геніальнаго чутья, которое счастливо и самоувѣренно ведетъ великаго человѣка на путь, какого обыкновенные люди или не выбираютъ, или не кончаютъ. Онъ не убѣдилъ своихъ генераловъ, но позналъ основательность своихъ разсчетовъ темнымъ, но вѣрнымъ чувствомъ. Рядъ счастливыхъ успѣховъ поднялъ его самоувѣренность, видъ арміи, которой не было равной въ Европѣ по дисциплинѣ, опытности и храбрости, и которою командовали отличнѣйшіе офицеры,—все это не позволяло страху закрасться въ его душу ни на минуту. Тѣмъ, которые указывали на малочисленность войскъ, онъ отвѣчалъ, что какой бы длины ни была пика, убиваетъ только остріе, и что въ военныхъ дѣйствіяхъ дѣло въ движущей силѣ, а не въ двигаемой массѣ. Отъ него не укрылось недовольство его войскъ, но онъ зналъ также ихъ послушаніе. А ихъ частныя жалобы онъ надѣялся удовлетворить лучше всего, занявъ ихъ важнымъ дѣломъ, возбудивъ ихъ славолюбіе его блескомъ и алчность—высокою наградой, которую обѣщало завоеваніе столь богатаго города [1]).

Теперь герцогъ начерталъ планъ осады, который устранялъ всѣ указанныя многообразныя препятствія. Единственною силой, которой можно было надѣяться овладѣть городомъ, былъ *голодъ*; а чтобы поднять противъ него этого страшнаго врага, нужно было закрытъ всѣ доступы къ нему водой и сухимъ путемъ. Прежде всего слѣдовало если не совсѣмъ отрѣзать, то хоть затруднить подвозъ изъ Зеландіи: для этого рѣшились овладѣть всѣми бастіонами, которые были построены антверпенцами на обоихъ берегахъ Шельды для охраны судовъ, и устроить, гдѣ нужно, новые окопы, съ которыхъ можно бы было господствовать надъ всѣмъ теченіемъ рѣки. А чтобы городъ не могъ получать изнутри страны припасы, отрѣзанные ему съ моря, надлежало ввести въ планъ осады всѣ окрестные города Брабанта и Фландріи: паденіе Антверпена неизбѣжно должно было слѣдовать за паденіемъ всѣхъ этихъ городовъ. То былъ отважный и почти безумный планъ, если вспомнить ограниченныя силы герцога; но геній создателя этого плана оправдалъ его, и счастье увѣнчало его блестящимъ успѣхомъ [2]).

Но такъ какъ такой обширный планъ требовалъ много времени, то пока ограничились возведеніемъ многихъ бастіоновъ на каналахъ и рѣкахъ, соединявшихъ Антверпенъ съ Дендермонде, Гентомъ, Мехельномъ, Брюсселемъ и другими мѣстами, что должно было затруднить подвозъ припасовъ. Въ то же время близъ этихъ городовъ и у самыхъ ихъ воротъ были поставлены испанскіе гарнизоны, которые опустошали страну и тревожили окрестности своими набѣгами. Такъ, вокругъ одного Гента расположилось до 3.000 и въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ по другимъ мѣстамъ. Такимъ путемъ, а также съ помощью тайныхъ сношеній съ католиками, герцогъ надѣялся, не ослабляя себя, постепенно изнурить эти города и довести ихъ до сдачи лишеніями малой, но непрерывной войны [3]).

---

[1]) *Strada*, de Bello Belgico, Dec. II. I. VI.

[1]) *Strada*, тамъ же, 553.

[2]) *Strada*, Dec. II, l. VI.

[3]) *Meteren*. Niederländische Historien, XII, 467 и слѣд.

Тѣмъ временемъ главныя силы направились къ Антверпену, который герцогъ рѣшился теперь обложить вполнѣ. Самъ онъ занялъ позицію у Беверна во Фландріи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Антверпена, гдѣ устроилъ укрѣпленный лагерь. Фландрскій берегъ Шельды былъ сданъ кавалерійскому генералу маркграфу Рисбургу, брабантскій—графу Петру Эрнсту Мансфельду, къ которому присоединился другой испанскій предводитель Мондрагонъ. Двое послѣднихъ счастливо переправились черезъ Шельду на понтонахъ, не тревожимые адмиральскимъ кораблемъ, который былъ высланъ противъ нихъ; они обогнули Антверпенъ и заняли постъ у Штабрека, въ землѣ Бергенъ. Нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ были распредѣлены по всей границѣ Брабанта, чтобы частью занять плотины, частью запереть проходы на сухомъ пути.

Нѣсколько миль ниже Антверпена Шельда была защищена двумя сильными фортами: одинъ изъ нихъ находился у Лифкенсгека, на островѣ Делѣ во Фландріи, другой—у Лилло, какъ разъ напротивъ, на брабантскомъ берегу. Послѣдній былъ построенъ нѣкогда самимъ Мондрагономъ, по приказу Альбы, распоряжавшагося въ Антверпенѣ; поэтому герцогъ Пармскій и поручилъ ему теперь нападеніе на него. Повидимому, отъ обладанія этими двумя фортами зависѣлъ весь успѣхъ осады, такъ какъ подъ выстрѣлами ихъ пушекъ должны были проходить всѣ суда, плывущія изъ Зеландіи въ Антверпенъ. Незадолго передъ тѣмъ Антверпенцы укрѣпили оба форта. Они еще не успѣли закончить первый изъ нихъ, какъ на него напалъ маркграфъ Рисбургъ, и съ такой поспѣшностью, что непріятель не успѣлъ хорошенько взяться за оружіе: внезапный штурмъ отдалъ Лифкенсгекъ въ руки испанцевъ. Эта потеря постигла союзниковъ въ тотъ самый злополучный день, когда принцъ Оранскій палъ въ Дельфтѣ отъ руки убійцы. Остальныя укрѣпленія на островѣ Делѣ были частью добровольно оставлены своими защитниками, частью взяты врасплохъ, такъ что вскорѣ весь фландрскій берегъ былъ очищенъ отъ враговъ. Зато фортъ въ Лилло сопротивлялся стойко, тѣмъ болѣе, что антверпенцамъ дали время укрѣпить его и снабдить храбрымъ гарнизономъ. Яростныя вылазки осажденныхъ, подъ предводительствомъ Одэ Телиньи, поддержанныя крѣпостными орудіями, уничтожили всѣ работы испанцевъ. Наконецъ, открыли шлюзы—и наводненіе прогнало ихъ, послѣ трехнедѣльной осады, при которой они потеряли до 2.000 человѣкъ. Испанцы отступили въ свой укрѣпленный лагерь у Штобрека и удовольствовались взятіемъ плотинъ, которыя перерѣзываютъ Бергенскую низменность и служатъ защитой противъ напора Остеръ-Шельды [1]).

Неудавшееся нападеніе на фортъ Лилло заставило герцога Пармскаго взяться за другія мѣры. Такъ какъ такимъ путемъ нельзя было остановить плаваніе по Шельдѣ, а отъ этого зависѣлъ весь успѣхъ предпріятія, то онъ рѣшился совсѣмъ заградить рѣку мостомъ. Замыселъ былъ отваженъ, многіе считали его фантастичнымъ. Такая попытка казалась невозможной: ширина рѣки достигала въ этомъ мѣстѣ 1.200 шаговъ, а быстрота теченія увеличивалась отъ прилива близкаго моря; къ тому же не хватало строеваго лѣса, судовъ, рабочихъ; и опасно было положеніе между флотами Антверпена и Зеландіи, которымъ легко было разрушить столь долгія работы, съ помощью водной стихіи. Но герцогъ Пармскій зналъ свои силы, и его рѣшимость могла покориться лишь невозможному. Онъ измѣрилъ ширину и глубину рѣки и началъ совѣщаться съ двумя искуснѣйшими инженерами, Бароччи и Плато; рѣшили строить мостъ между Калло во Фландріи и Ордатомъ въ Брабантѣ. Это мѣсто было избрано, какъ самое узкое, и здѣсь рѣка сгибается немного вправо, вслѣдствіе чего суда задерживаются и должны мѣнять положеніе парусовъ. Для прикрытія моста, на обоихъ концахъ были возведены сильные бастіоны, названные фортомъ св. Маріи (на фландрскомъ берегу) и, въ честь короля, фортомъ св. Филиппа—на брабантскомъ [2]).

Между тѣмъ какъ въ испанскомъ лагерѣ происходили самыя дѣятельныя приготовленія къ выполненію этого плана, и все вниманіе врага было направлено сюда, герцогъ внезапно напалъ на Дендермонде—весьма крѣпкій городъ между Гентомъ и Антверпеномъ, гдѣ рѣка Дендеръ сливается съ Шельдой. Пока это важное мѣсто находилось въ рукахъ непріятелей, Гентъ и Антверпенъ могли взаимно поддерживать другъ друга и, благодаря легкому сообщенію между собою, разрушать всѣ усилія осаждающихъ. Завоеваніе его развязало

[1]) *Meteren.* Niederl. Historien, XII, 477, 478. – *Strada*, тамъ же. – *Thuan.* Hist. t. II, 527.
[2]) *Strada*, Dec. II, lib. VI, 557.

герцогу руки для нападенія на оба города и могло рѣшить всю судьбу его предпріятія. Онъ напалъ на него съ такой быстротой, что осажденные не успѣли открыть шлюзы и затопить окрестности. Тотчасъ же былъ открытъ сильный огонь противъ главнаго бастіона передъ брюссельскими воротами; но огонь осажденныхъ нанесъ испанцамъ большой вредъ. Однако послѣдніе не испугались, а еще болѣе разгорячились; они совсѣмъ разъярились, когда гарнизонъ осквернилъ на ихъ глазахъ статую одного святого и сбросилъ ее съ бруствера съ самымъ гнуснымъ богохульствомъ. Они настойчиво требовали вести ихъ противъ бастіона, когда еще проломъ не былъ достаточно великъ, и герцогъ разрѣшилъ штурмъ, чтобы воспользоваться этимъ первымъ пыломъ. Брустверъ былъ взятъ послѣ двухъ-часового убійственнаго боя, и всѣ, избѣгнувъ первой ярости испанцевъ, бѣжали въ городъ. Послѣдній еще сильнѣе подвергся теперь непріятельскому огню съ завоеваннаго вала, но его крѣпкія стѣны и широкій многоводный ровъ грозили долгимъ сопротивленіемъ. Предпріимчивость герцога Пармскаго вскорѣ побѣдила и это препятствіе. Между тѣмъ обстрѣливаніе города продолжалось денно и нощно, войска непрерывно работали надъ отводомъ рѣки Дендера, которая питала водою ровъ, и осажденными овладѣло отчаяніе, когда они замѣтили, какъ постепенно исчезала вода въ ихъ рву—эта послѣдняя охрана города. Они поспѣшили сдаться и приняли испанскій гарнизонъ въ августѣ 1584 года. Не болѣе какъ въ 11 дней было исполнено предпріятіе, на которое требовалось, по мнѣнію знатоковъ дѣла, столько же недѣль [1]).

Теперь городъ Гентъ былъ отрѣзанъ и отъ Антверпена и отъ моря, и его все тѣснѣе облагали войска короля, стоявшія лагеремъ по сосѣдству. Лишенный всякой надежды на помощь извнѣ онъ отчаялся въ своемъ спасеніи; къ нему приближался голодъ съ страшной поспѣшностью и со всѣми своими послѣдствіями. И гентцы послали уполномоченныхъ въ испанскій лагерь въ Бевернъ, чтобы покориться королю на тѣхъ уже условіяхъ, какъ прежде предлагалъ имъ герцогъ. Имъ отвѣчали, что время переговоровъ прошло: гнѣвъ монарха можно было смягчить лишь безусловнымъ подчиненіемъ. Мало того, имъ пригрозили, что иначе ихъ ждетъ такое же униженіе, какое испытали ихъ мятежные предки при Карлѣ V, т. е. имъ придется молить о помилованіи полунагими съ веревками на шеяхъ. Со скорбью возвратились уполномоченные назадъ, но уже на третій день явилось новое посольство, которому удалось наконецъ заключить миръ на сносныхъ условіяхъ, благодаря ходатайству одного друга герцога Пармскаго, находившагося въ Гентѣ въ плѣну. Городъ долженъ былъ уплатить 200,000 гульденовъ, возвратить изгнанныхъ папистовъ и выгнать своихъ протестантскихъ жителей; впрочемъ, послѣднимъ данъ былъ двухгодичный срокъ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Всѣ жители получили прощеніе, за исключеніемъ шести, приговоренныхъ къ наказанію но также помилованныхъ потомъ; гарнизонъ, состоявшій изъ 2000 человѣкъ, былъ выпущенъ съ почетомъ. Этотъ договоръ состоялся въ главной квартирѣ, въ Беверпѣ, въ сентябрѣ того же года, и тотчасъ же 3000 испанскихъ солдатъ стали въ городѣ гарнизономъ [1]).

Не столько дѣйствительной силой, сколько страхомъ своего имени и ужасами голода покорилъ герцогъ Пармскій Гентъ, самый большой и крѣпкій городъ Нидерландовъ, который не уступалъ въ объемѣ внутреннему Парижу, вмѣщалъ въ себѣ 37000 домовъ и состоялъ изъ двадцати острововъ, соединенныхъ между собой 98-ю каменными мостами. Благодаря блестящимъ привилегіямъ, добытымъ у властителей въ теченіе столѣтій, его граждане отличались духомъ независимости, который нерѣдко вырождался въ строптивость и наглость и естественно вступалъ въ горячую борьбу съ австро-испанскимъ правительствомъ. Мужественный духъ свободы содѣйствовалъ быстрому и широкому успѣху реформаціи въ Гентѣ, а плодомъ этихъ двухъ факторовъ были всѣ тѣ бурныя выходки, которыми онъ отличался во время нидерландской войны. Кромѣ денегъ, взятыхъ теперь съ города, герцогъ Пармскій нашелъ въ его стѣнахъ богатый запасъ орудій, повозокъ, кораблей и всякихъ строительныхъ матеріаловъ, а также много ра-

---

1) *Strada* тамъ же.—*Meteren* XII. Кн. 479.—*Thuan* II. 529.

1) *Meteren.* XII. Книг. 479, 480.- *Strada* тамъ же, 562, 563.—Alg. Gesch. d. v. Niederl. Книг. XXI, 470.

бочихъ и матросовъ, не мало помогшихъ ему въ нападеніи на Антверпенъ [1]).

Прежде чѣмъ Гентъ покорился королю, испанцамъ достались города Бильворденъ и Герентальсъ; они заняли также блокгаузы недалеко отъ мѣстечка Виллеброкъ и тѣмъ отрѣзали Антверпенъ отъ Брюсселя. Потеря всѣхъ этихъ мѣстъ въ столь короткое время лишила антверпенцевъ всякой надежды на помощь изъ Брабанта и Фландріи. Теперь они могли ожидать помощи только изъ Зеландіи; воспрепятствовать ей стало главной задачей герцога Пармскаго [2]).

Граждане Антверпена съ гордой самоувѣренностью смотрѣли на первыя движенія непріятеля, полагаясь на свою непреодолимую рѣку. Это настроеніе оправдывалось отчасти мнѣніемъ принца Оранскаго, который замѣтилъ, при первомъ извѣстіи объ осадѣ, что испанская сила рухнетъ подъ стѣнами Антверпена. Однако, чтобы ничего не упустить для сохраненія этого города, онъ, незадолго до смерти, призвалъ къ себѣ въ Дельфтъ его бургомистра, своего задушевнаго друга, Филиппа Марникса Сентъ-Альдегонде, для совѣщанія о защитѣ. Онъ совѣтовалъ немедленно уничтожить большую плотину Блаувгарендикъ между Санвлитомъ и Лилло, чтобы, при первой нуждѣ, воды Остеръ-Шельды затопили Бергенскую низменность; тогда, въ случаѣ закрытія Шельды, зеландскія суда могли бы проходить къ городу по затопленнымъ полямъ. Возвратившись домой, Сентъ-Альдегонде дѣйствительно уговорилъ было магистратъ и большую часть горожанъ согласиться на это, какъ вдругъ возсталъ цехъ мясниковъ, жалуясь, что такое рѣшеніе лишило бы городъ пищи, такъ какъ была затоплена большая луговина, на которой ежегодно паслось до 12.000 головъ рогатаго скота. Мясники одолѣли: имъ удалось затянуть исполненіе спасительнаго плана до тѣхъ поръ, пока непріятель не захватилъ и плотину, и всю луговину [3]).

По настоянію бургомистра Сентъ-Альдегонде, высоко почитаемаго чинами Брабанта, членомъ которыхъ онъ самъ состоялъ, были подправлены укрѣпленія по обоимъ берегамъ Шельды и было возведено много новыхъ окоповъ вокругъ города. У Зафтингена раскололи плотины и затопили почти всю землю Вэсъ водами Вестеръ-Шельды. Графъ Гогенлоэ вербовалъ солдатъ въ сосѣднемъ маркграфствѣ Бергенъ; на службѣ у республики уже состоялъ полкъ шотландцевъ, подъ начальствомъ полковника Моргана, и ожидалась новая денежная поддержка изъ Англіи и Франціи. Въ особенности же взывали къ скорѣйшей помощи штатовъ Голландіи и Зеландіи. Но враги утвердились на обоихъ берегахъ рѣки и грозили судамъ огнемъ изъ окоповъ; имъ сдавались въ Брабантѣ крѣпость за крѣпостью; ихъ конница заграждала всѣ пути съ суши,—и у гражданъ Антверпена зародились серьезныя опасенія насчетъ будущаго. Въ городѣ числилось тогда 85.000 душъ, и по разсчету, на ихъ прокормленіе требовалось 300.000 четвертей или центнеровъ въ годъ. Въ началѣ осады не было недостатка ни въ деньгахъ, ни въ поставщикахъ хлѣба: несмотря на непріятельскую артиллерію, суда съ запасами проходили въ городъ изъ Зеландіи, пользуясь морскими приливами. Нужно было только слѣдить, чтобы богачи не скупали этихъ запасовъ и не установляли цѣнъ, когда почувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ. Нѣкій Джанибелли изъ Мантуи, поселившійся въ городѣ и оказавшій весьма важныя услуги во время осады, предложилъ поэтому сдѣлать налогъ, равный 1-му проценту съ имущества каждаго гражданина, и образовать общество честныхъ людей, которые покупали бы хлѣбъ на эти деньги и продавали бы его еженедѣльно. Богачи должны были дать эту сумму впередъ, сохраняя въ своихъ магазинахъ закупленные припасы, какъ залогъ, и получая свою долю изъ барышей. Но предложеніе не понравилось состоятельнымъ жителямъ, которымъ хотѣлось воспользоваться всеобщимъ бѣдствіемъ. Они совѣтовали другое: пусть прикажутъ всякому запастись необходимымъ провіантомъ на два года. Такое предложеніе было весьма хорошо для нихъ, но совсѣмъ худо для бѣдныхъ, которые не могли обезпечить себя на много мѣсяцевъ. И они достигали этимъ своей цѣли—или совсѣмъ изгнать бѣдняковъ, или поставить ихъ въ зависимость отъ себя. Но потомъ богачи сообразили, что, въ случаѣ нужды, ихъ собственность не будетъ уважена, и сочли благоразумнымъ не спѣшить съ закупками [1]).

Чтобы избѣжать мѣры, тяжелой для отдѣльныхъ лицъ, магистратъ взялся за

---

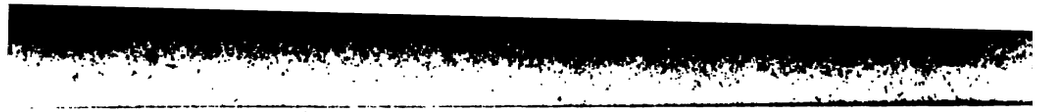
[1]) *Meteren*, тамъ же.

[2]) *Allg. Gesch. d. v. Niedert.* 470. *Meteren* 470. *Thuan.* II, 529.

[3]) *Allg. Gesch. d. v. Niederl.* III, 469.—*Grot.* 88.

[1]) *Allg. Gesch. d. v. Niederl.* III, 472.

1. A
   J
2. J
3. A
4. G
5. B
6. G
7. H
8. P
9. M
10. S
11. N
12. B
13. G
14. K



другую, вредную для всѣхъ. Зеландскіе предприниматели нагрузили провіантомъ значительный флотъ, счастливо пробились черезъ пушки непріятеля и причалили въ Антверпенъ. Купцы отважились на такое опасное предпріятіе въ надеждѣ на хорошій барышъ; но, прибывъ на мѣсто, они увидѣли свою ошибку: именно тогда-то антверпенскій магистратъ издалъ указъ, значительно понижавшій цѣну всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Желая въ то же время, чтобы богачи не скупили всего груза и не свалили его въ свои магазины съ цѣлью подороже продать его потомъ, онъ приказалъ, чтобы все привезенное продавалось только на судахъ. Эти мѣры отнимали у предпринимателей весь барышъ съ ихъ подвоза— и тѣ проворно подняли паруса, покидая Антверпенъ съ большею частью своего товара, котораго было бы достаточно для прокормленія города въ теченіе многихъ мѣсяцевъ [1]).

Такое пренебреженіе ближайшимъ и самымъ естественнымъ средствомъ спасенія можно объяснить только тѣмъ, что тогда еще считали полное загражденіе Шельды дѣломъ совсѣмъ невозможнымъ и, стало быть, не боялись крайности. Когда затѣмъ пришло извѣстіе, что герцогъ намѣревается перекинуть мостъ черезъ Шельду, всѣ въ Антверпенѣ подсмѣивались надъ этой вздорной выдумкой. Дѣлали горделивое сопоставленіе между республикой и рѣкой: говорили, что ни та, ни другая не потерпитъ испанскаго ига. Толковали: „Неужели же жалкая бревенчатая постройка одолѣетъ рѣку въ 2.400 футовъ ширины и болѣе 60-ти футовъ глубины,—при собственной водѣ, а при приливѣ подымающейся еще на 12 футовъ? Откуда возьмутъ такія высокія деревья, чтобы они доходили до дна и подымались надъ водой? И статочное ли дѣло возводить такое сооруженіе зимой, когда приливъ пригонитъ цѣлые острова и горы льду, противъ котораго не устоять и каменнымъ стѣнамъ, и разобьетъ въ куски, какъ стекло, слабыя балки? А если герцогъ замышляетъ построить мостъ на судахъ, то откуда онъ ихъ возьметъ и какъ доставитъ ихъ въ свои окопы? Вѣдь, суда неизбѣжно должны пройти мимо Антверпена, а тамъ готовъ флотъ, чтобы или захватить ихъ, или пустить ко дну“ [2]).

А пока въ городѣ доказывали герцогу всю нелѣпость его предпріятія, онъ привелъ его къ концу. Какъ только были воздвигнуты бастіоны св. Маріи и св. Филиппъ для охраны рабочихъ и построекъ, тотчасъ начали возводить помостъ въ рѣкѣ съ обоихъ береговъ, употребляя для того мачты самыхъ большихъ судовъ. Искусной установкой балокъ такъ утвердили все сооруженіе, что, какъ оказалось впослѣдствіи, оно могло сопротивляться могучему напору льда. Эти балки были основательно вбиты въ дно и значительно выступали изъ воды; поверхъ ихъ были настланы доски, образовавшія удобную и такую широкую дорогу, что могло помѣститься восемь человѣкъ въ рядъ; а перила съ обѣихъ сторонъ защищали ее отъ мушкетнаго

Медаль съ изображеніемъ гр. Горна.
(Берлинъ, Минцъ-кабинетъ)

огня непріятельскихъ судовъ. Эта такъ-называемая *эстакада* тянулась съ обоихъ береговъ въ средину рѣки настолько, насколько позволяла глубина и быстрота рѣки. Она съуживала рѣку на 1.100 футовъ; но такъ какъ по срединѣ, въ главномъ теченіи, нельзя было заградить рѣку, то между обѣими эстакадами оставалось еще больше шестисотъ шаговъ, гдѣ могъ удобно проплыть цѣлый флотъ съ запасами. Это пространство герцогъ думалъ заполнить мостомъ на судахъ, взятыхъ изъ Дюнкирхена. Но тамъ ихъ было мало, да и трудно было провести ихъ мимо Антверпена безъ большого урона. Оттого покуда герцогу приходилось довольствоваться съуженіемъ рѣки наполовину, что затруд-

[1]) *Grot.* 92. *Reidan.* Berg. Annal. 69.
[2]) *Strada*, 560.

няло проходъ непріятельскимъ судамъ. Тамъ, гдѣ кончались эстакады по срединѣ рѣки, онѣ расширялись въ продолговатый четвероугольникъ, который былъ занятъ сильною артиллеріей и служилъ какъ бы крѣпостью на самой водѣ. Оттуда поддерживали страшный огонь противъ судовъ, отваживавшихся плыть сквозь этотъ проходъ, что впрочемъ не мѣшало цѣлымъ флотамъ и отдѣльнымъ судамъ счастливо миновать этотъ опасный путь [1]).

Между тѣмъ сдался Гентъ—и это неожиданное завоеваніе сразу вывело герцога изъ затрудненія. Въ Гентѣ онъ нашелъ все необходимое для окончанія своего моста; затрудненіе состояло только въ томъ, какъ безопасно провезти матеріалъ. Враги сами открыли ему самый естественный путь. Благодаря открытію шлюзъ у Зафтингена, большая часть земли Вэсъ до мѣстечка Борхта была затоплена: плоскодоннымъ судамъ было вовсе нетрудно плавать по полямъ. И вотъ, герцогъ приказалъ своимъ судамъ выйти изъ Гента и, миновавъ Дендермонде и Рупельмонде, пробиться чрезъ лѣвую плотину Шельды, оставить Антверпенъ вправо и плыть по затопленному полю къ Борхту. Для ихъ охраны, у мѣстечка Борхтъ былъ воздвигнутъ бастіонъ, который могъ сдерживать врага. Все прошло, какъ надѣялся герцогъ, хотя и не безъ горячей схватки съ непріятельской флотиліей, которая была выслана, чтобы воспрепятствовать его замыслу. Миновавъ еще нѣсколько плотинъ, его суда достигли испанскаго лагеря у Каллао и счастливо снова вступили въ Шельду. Велика была радость арміи, тѣмъ болѣе, что тогда только узнали о большей опасности, угрожавшей судамъ: не успѣли эти суда отдѣлаться отъ непріятельской флотиліи, какъ къ послѣдней уже спѣшило подкрѣпленіе, предводимое храбрымъ защитникомъ мѣстечка Лилло, Одетомъ Телиньи. Когда дѣло было кончено и непріятель уже ускользнулъ, Телиньи овладѣлъ плотиной, черезъ которую прорвались враги, и соорудилъ тамъ бастіонъ, чтобы преградить путь новымъ судамъ изъ Гента [2]).

Герцогъ Пармскій очутился, такимъ образомъ, въ новомъ затрудненіи. У него еще далеко не хватало судовъ ни для моста, ни для его защиты, а фортъ Телиньи заграждалъ путь, по которому прибыли прежніе корабли. Онъ пошелъ на осмотръ мѣстности, чтобы найти новую дорогу для своихъ флотовъ; вдругъ ему пришла въ голову мысль, которая не только выводила его изъ нынѣшняго затрудненія, но и сразу двинула все предпріятіе. Недалеко отъ села Штекена въ землѣ Вэсъ, лежащаго въ 5.000 шагахъ отъ начала наводненія, течетъ рѣченка Мэръ, впадающая въ Шельду у Гента. Герцогъ прорылъ каналъ между этой рѣчкой и началомъ наводненія, а такъ какъ вода не вездѣ была достаточно высока, то каналъ былъ продолженъ, между Беверномъ и Феребрекомъ, до Каллао, гдѣ онъ впадалъ въ Шельду. Надъ этимъ дѣломъ работали безъ перерыва 600 землекоповъ, и герцогъ самъ прилагалъ руки для ободренія солдатъ. Онъ послѣдовалъ въ данномъ случаѣ примѣру двухъ знаменитыхъ римлянъ, Друза и Корбулона, которые подобнымъ же образомъ соединили Рейнъ съ Зюйдерзе, а Маасъ—съ Рейномъ.

Этотъ каналъ, названный арміей Пармскимъ, въ честь его творца, простирался на 14.000 шаговъ въ длину и былъ достаточно глубокъ и широкъ, чтобы нести весьма грузныя суда. Герцогъ доставилъ гентскимъ судамъ не только безопасный, но и значительно кратчайшій путь къ испанскимъ квартирамъ: теперь имъ не нужно было тащиться по длиннымъ изгибамъ Шельды; они вступали, у Гента, прямо въ Мэръ, а оттуда плыли каналомъ до Каллао черезъ затопленную страну, начиная съ Штекена. Такъ какъ въ Гентъ стекались произведенія всей Фландріи, то этотъ каналъ связывалъ испанскій лагерь со всей провинціей. Со всѣхъ мѣстъ и концовъ припасы притекали въ изобиліи, и не чувствовалось недостатка въ теченіе всей осады. Но главною выгодой, которую герцогъ извлекъ, былъ достаточный запасъ плоскодонныхъ судовъ, что давало ему возможность докончить постройку своего моста [1]).

Среди работъ настала зима и постройка моста затихла на довольно долгое время, такъ какъ Шельда покрылась льдомъ. Тревожно ждалъ герцогъ этого времени года, которое могло принести его начатому дѣлу много вреда и такъ благопріятствовало нападенію непріятеля. Но искусство строителя избавило его отъ одной опасности, а непослѣдовательность враговъ спасла отъ дру-

[1]) *Strada*, 560 и слѣд. *Thuan*. 530. *Meteren* XII кн.

[2]) *Meteren*, 481. *Strada*, 564.

[1]) *Strada*, 565.

гой. Правда, при морскомъ проливѣ, большія льдины не разъ вламывались въ эстакаду и страшно потрясали балки, но сооруженіе устояло: напоръ дикой стихіи доказалъ только его крѣпость.

А въ Антверпенѣ теряли драгоцѣнное время въ безплодныхъ разсужденіяхъ и забывали общее благо въ борьбѣ партій. Здѣсь правленіе было распредѣлено между множествомъ лицъ, и въ немъ было предоставлено слишкомъ большое участіе бурной толпѣ; оттого не могло быть ни спокойнаго обсужденія, ни осмотрительнаго выбора средствъ, ни твердаго исполненія. Помимо магистрата, гдѣ бургомистру принадлежалъ одинъ только голосъ, была еще куча корпорацій, которыя завѣдывали внѣшней и внутренней безопасностью, снабженіемъ города припасами, укрѣпленіемъ его, корабельнымъ дѣломъ, торговлей и т. д.; и всѣ онѣ вмѣшивались при всякомъ важномъ совѣщаніи. Народъ пріобрѣлъ опасное вліяніе на общественныя дѣла, благодаря толпѣ говоруновъ, которые врывались въ собранія думы и своимъ многолюдствомъ да криками добивались того, что не могли провести путемъ убѣжденій; и примѣненіе всякой спасительной мѣры затруднялось борьбой столькихъ противоположныхъ интересовъ. Такое шаткое и безсильное правительство не могло пріобрѣсти значеніе у строптиваго народа моряковъ и высокомѣрной солдатчины. Оттого и требованія власти выполнялись плохо, и не разъ упускалось благопріятное время, вслѣдствіе небрежности, если не открытаго бунта войскъ и матросовъ [1]).

Впрочемъ, разногласія въ выборѣ средствъ для сопротивленія врагу далеко не были бы такъ вредны, еслибы господствовало полное единомысліе относительно самой цѣли. Но именно тутъ-то состоятельные граждане и масса распадались на двѣ противныя партіи. Первые не безъ основанія опасались всего отъ крайнихъ мѣръ и потому были весьма склонны вступить въ переговоры съ герцогомъ Пармскимъ. Они скрывали свои мысли лишь до тѣхъ поръ, пока фортъ Лифтенсгекъ не попалъ въ руки непріятеля, что заставляло серьезно опасаться за плаваніе по Шельдѣ. Нѣкоторые изъ этого класса даже совсѣмъ удалились, покидая на произволъ судьбы городъ, въ которомъ они наслаждались счастьемъ, но съ которымъ не хотѣли дѣлить несчастья. Остальные, человѣкъ 60—70, подали въ магистратъ прошеніе, гдѣ выражалось желаніе вступить въ переговоры съ королемъ. Но какъ только это стало извѣстнымъ, народъ пришелъ въ такую ярость, что его едва успокоили арестомъ и оштрафованіемъ челобитчиковъ. Онъ затихъ окончательно только тогда, когда явился указъ, грозившій смертной казнью за всякую тайную или явную попытку заключить миръ [1]).

Всѣ эти волненія не ускользнули отъ вниманія герцога Пармскаго, у котораго были тайныя связи и хорошіе шпіоны въ Антверпенѣ, какъ и въ остальныхъ городахъ Брабанта и Фландріи, и онъ не преминулъ воспользоваться ими. Правда, онъ уже настолько подвинулъ свое дѣло, что могъ устрашить городъ, но для овладѣнія имъ приходилось сдѣлать еще много, а одно несчастливое мгновеніе могло разрушить работу многихъ мѣсяцевъ. Поэтому, не прерывая военныхъ дѣйствій, онъ сдѣлалъ еще одну серьезную попытку добиться цѣли мирнымъ путемъ. Въ ноябрѣ того же года онъ отправилъ большому совѣту въ Антверпенѣ посланіе, гдѣ употребилъ всѣ уловки, чтобы или склонить гражданъ къ сдачѣ города, или хоть разжечь распри между ними. Здѣсъ говорится, что онъ смотритъ на нихъ, какъ на *соблазненныхъ*, и сваливаетъ всю вину ихъ отпаденія и сопротивленія на злокозненный духъ принца Оранскаго, отъ котораго недавно освободилъ ихъ грозный судъ Неба. Теперь же ихъ дѣло—очнуться отъ долгаго ослѣпленія и возвратиться къ королю, готовому помириться. Герцогъ съ радостью предлагалъ собственное посредничество; вѣдь, онъ никогда не переставалъ любить страну, гдѣ родился самъ и гдѣ провелъ самую отрадную часть своей юности. Поэтому онъ предлагалъ антверпенцамъ прислать уполномоченныхъ, съ которыми могъ бы говорить о мирѣ. Онъ подавалъ надежду на самыя легкія условія, если антверпенцы покорятся своевременно, но грозилъ безпощадной суровостью, если они доведутъ его до крайности.

Отрадно видѣть, что это посланіе не напоминало языка, которымъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ герцогъ Альба, десять лѣтъ тому назадъ. И городъ отвѣчалъ приличнымъ скромнымъ тономъ. Онъ отдавалъ полную справедливость личнымъ качествамъ герцога и благодарилъ за благо-

[1]) *Meteren*, 484.—*Thuan.* II, 529.—*Grot.* 88.

[1]) *Meteren*, 485.

расположеніе, но жаловался на суровыя условія времени, которыя не дозволяютъ герцогу поступать сообразно съ его характеромъ и его желаніями. Городъ готовъ бы съ радостью отдать свою судьбу въ *его* руки, еслибы герцогъ былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а не служилъ чужой волѣ, которую онъ самъ, по справедливости, не назоветъ доброй. Слишкомъ извѣстны непреклонное рѣшеніе короля Испаніи и данный имъ папѣ обѣтъ,—тутъ у антверпенцевъ нѣтъ никакихъ надеждъ. При этомъ они съ благороднымъ пыломъ защищали память своего благодѣтеля и спасителя, принца Оранскаго, перечисляя истинныя причины печальной войны, которыя привели провинціи къ отпаденію отъ испанской короны. Наконецъ, антверпенцы не скрывали, что именно теперь у нихъ возникла надежда найти во французскомъ королѣ новаго и болѣе милостиваго владыку: уже по этой причинѣ они не могутъ входить въ соглашеніе съ испанскимъ монархомъ, не навлекая на себя обвиненія въ самомъ преступномъ легкомыслiи и неблагодарности [1]).

И дѣйствительно, соединенныя провинціи, впавшія въ малодушіе отъ ряда несчастій, рѣшились, наконецъ, вступить въ подданство Франціи и цѣной независимости спасти свое существованіе и свои древнія льготы. Съ этой цѣлью недавно отправилось посольство въ Парижъ, и надежда на мощную опору Франціи поддерживала главнымъ образомъ духъ антверпенцевъ. Король французскій Генрихъ III лично былъ не прочь воспользоваться этимъ предложеніемъ, но ему пришлось поневолѣ отказаться, вслѣдствіе волненій въ собственномъ королевствѣ, возбужденныхъ кознями испанцевъ. Тогда нидерландцы обратились съ своей просьбой къ королевѣ англійской Елизаветѣ, которая дѣйствительно помогла имъ, но слишкомъ поздно для спасенія Антверпена. Пока антверпенцы поджидали результата этихъ переговоровъ и искали вдали чужой помощи, они упустили изъ виду самыя естественныя и близкія средства къ спасенію и потеряли всю зиму, которою тѣмъ лучше воспользовался непріятель [2]).

Правда, бургомистръ Антверпена, Сентъ-Альдегонде, не разъ настаивалъ, чтобы зеландскій флотъ напалъ на сооруженія непріятеля, причемъ ему помогли бы изъ Антверпена и этой попыткѣ благопріятствовали долгія, нерѣдко бурныя ночи; а еслибы въ то же время гарнизонъ въ Лилло сдѣлалъ вылазку, то врагъ врядъ-ли устоялъ бы противъ такого тройного нападенія. Но, къ несчастью, между начальникомъ флота, Вильгельмомъ Блуа Трелонгомъ, и зеландскимъ адмиралтействомъ возникли недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ снаряженіе флота затянулось самымъ непостижимымъ образомъ. Чтобы ускорить его, Телиньи отправился, наконецъ, самъ въ Миддельбургъ, гдѣ собрались штаты Зеландіи; но всѣ проходы были заняты непріятелемъ и это посѣщеніе стоило ему свободы, а съ нимъ республика потеряла своего храбрѣйшаго защитника. Но нашлись предпріимчивые моряки, которые, пользуясь ночью и наступающимъ приливомъ, пробились сквозь еще открытый мостъ, несмотря на огонь непріятеля, свалили въ городѣ провіантъ и возвратились съ отливомъ. Но много такихъ судовъ попало въ руки непріятеля; отсюда приказъ магистрата впредь пускаться судамъ въ такія отважныя предпріятія лишь въ извѣстномъ числѣ. И все пріостановилось, такъ какъ никогда не набиралось такого числа. И изъ Антверпена дѣлались не совсѣмъ неудачныя нападенія на испанскія суда: нѣкоторыя изъ этихъ судовъ были захвачены, другія потоплены. Оставалось повторить такія попытки въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но какъ ни старался Сентъ-Альдегонде, не нашлось ни одного матроса, который пошелъ бы на такое дѣло [1]).

Въ этихъ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ прошла зима. А какъ только ледъ исчезъ, осаждающіе тотчасъ же взялись за постройку моста на судахъ самымъ ревностнымъ образомъ. Между обѣими эстакадами оставалось еще болѣе 600 шаговъ, которые заполнили такъ: взяли 32 *плайты* (плоскодонныя суда), каждая 66-ти футовъ длины и 20-ти ф. ширины, и связали ихъ спереди и сзади крѣпкими канатами и желѣзными цѣпями, но такъ, что между ними оставалось до 20-ти футовъ пустого пространства, гдѣ свободно протекала рѣка. Сверхъ того, каждую плайту прикрѣпили двумя якорями, вверхъ и внизъ по теченію; по мѣрѣ поднятія воды при приливѣ или ея паденія при отливѣ, эти якоря можно было отпус-

[1]) *Thuan.* II, 530, 531. *Meteren*, 485, 486.
[2]) *Meteren*, 488 и слѣд. — *Allg. Gesch d. v. Niederl.* III, 476—491 - .*Grot.* 89

[1]) *Strada*, 564. *Meteren*, 481. — *Reidan*, Annal. 69.

кать или натягивать. На суда были наложены большія мачты другъ подлѣ друга, покрытыя настилкой, которая образовала правильную дорогу, обрамленную перилами, какъ и эстакады. Этотъ мостъ на судахъ, вмѣстѣ съ эстакадами, составлявшими лишь его продолженіе, имѣлъ 2.400 шаговъ длины. И эта страшная машина была такъ искусно сложена, такъ щедро снабжена орудіями смерти, что могла, словно живое существо, сама себя защищать, изрыгать пламя по командѣ, истреблять все, что приближалось къ ней. Помимо двухъ фортовъ св. Маріи и св. Филиппа, окаймлявшихъ мостъ съ обоихъ береговъ, помимо двухъ деревянныхъ бастіоновъ на самомъ мосту, наполненныхъ солдатами и снабженныхъ орудіями на всѣхъ четырехъ углахъ, на каждомъ изъ 32-хъ судовъ было тридцать солдатъ и четыре матроса прикрытія, и каждое изъ нихъ оскаливалось жерломъ пушки на врага, шелъ-ли онъ вверхъ изъ Зеландіи, или внизъ отъ Антверпена. Всего насчитывалось 97 орудій, расположенныхъ и на мосту, и подъ нимъ, и болѣе 1.500 человѣкъ, занимавшихъ частью бастіоны, частью суда и готовыхъ, въ случаѣ нужды, поддерживать страшный мушкетный огонь противъ непріятеля.

Но герцогъ не считалъ всего этого достаточнымъ. Слѣдовало ожидать, что непріятель пуститъ все въ ходъ, чтобы истребить среднюю, слабѣйшую часть моста своими машинами; въ предупрежденіе этого, герцогъ устроилъ вдоль моста на судахъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него еще особую защиту, о которую должна была сломиться сила, направленная противъ самого моста. То были 33 барки значительной величины, поставленныя одною линіею поперекъ рѣки и соединенныя мачтами по-трое, такъ что онѣ составляли 11 группъ. Съ каждой изъ нихъ, какъ изъ отряда копейщиковъ, торчало, въ горизонтальномъ направленіи, по 14-ти длинныхъ деревянныхъ шестовъ, желѣзные наконечники которыхъ приняли бы приближающагося врага. Эти барки были наполнены просто балластомъ; каждая изъ нихъ держалась на двойныхъ якорныхъ канатахъ, которые впрочемъ не были натянуты, въ виду подъема воды; поэтому онѣ находились въ постоянномъ движеніи и назывались *плавунами*. Какъ весь мостъ, такъ и часть эстакадъ были прикрыты этими плавунами, поставленными и выше, и ниже моста. Ко всѣмъ этимъ оборонительнымъ сооруженіямъ нужно прибавить еще сорокъ военныхъ кораблей, которые стояли у обоихъ береговъ и служили прикрытіемъ для всего сооруженія [1]).

Эта изумительная работа была готова въ мартѣ 1585 года, на седьмомъ мѣсяцѣ осады, и день, когда она была окончена, былъ праздникомъ для войскъ. Великое торжество было возвѣщено обложенному городу криками дикой радости; и армія, словно желая наглядно убѣдиться въ своемъ торжествѣ, разсыпалась вдоль всего сооруженія посмотрѣть, какъ мирно и послушно течетъ у ея ногъ гордая рѣка, на которую теперь было наложено иго. Въ эту минуту былъ забытъ безконечный рядъ вынесенныхъ мученій, и среди работавшихъ надъ этимъ дѣломъ не было такого презрѣннаго и мелкаго человѣка, который не приписывалъ бы себѣ частицы чести, принадлежавшей великому творцу всего. Съ другой стороны, ничто не могло сравниться съ смущеніемъ, овладѣвшимъ гражданами Антверпена, когда они узнали, что Шельда теперь дѣйствительно заперта и всякій привозъ изъ Зеландіи отрѣзанъ. Ихъ ужасъ возросъ еще болѣе, когда въ то же время пришла вѣсть о паденіи Брюсселя, который былъ принужденъ, наконецъ, сдаться вслѣдствіе голода. Въ тѣ же самые дни потерпѣла неудачу попытка графа Гогенлоэ, который хотѣлъ или взять Герцогенбушъ, или хоть отвлечь сюда вниманіе непріятеля. Такъ разомъ Антверпенъ утратилъ всякую надежду на подвозъ припасовъ, какъ съ суши, такъ и съ моря [2]).

Эти печальныя извѣстія были распространены въ городѣ нѣсколькими бѣглецами, прокравшимися черезъ передовые посты испанцевъ, а одинъ развѣдчикъ, высланный бургомистромъ для осмотра испанскихъ работъ, еще болѣе увеличилъ всеобщее смущеніе своими разсказами. Онъ былъ пойманъ и приведенъ къ герцогу Пармскому, который приказалъ водить его повсюду, въ особенности же показать ему все сооруженіе моста. Когда развѣдчикъ все осмотрѣлъ и снова былъ приведенъ къ полководцу, тотъ отпустилъ его назадъ съ такими словами: „Иди и разскажи пославшимъ тебя обо всемъ видѣнномъ. Но заяви имъ при этомъ, что я твердо рѣшился или похоронить себя подъ развалинами моста,

---

[1]) *Strada*, Dec. II, l. VI. 566, 67.—*Meteren*, 482.—*Thuan*. III, l. LXXXIII, 45.—Allg. Gesch. d. v. Niederl. III, 497.

[2]) *Strada*, 667, 671.—*Meteren*, 492, 494. *Thuan*, 44, 45.

или проникнуть въ вашъ городъ по этому мосту" [1]).

Но неминучая опасность вдругъ оживила рвеніе союзниковъ, и не вина ихъ мѣропріятій, если не исполнилась первая половина обѣщаній непріятеля. Герцогъ уже давно смотрѣлъ съ безпокойствомъ на движенія, происходившія въ Зеландіи для освобожденія Антверпена. Отъ него не укрылось, что оттуда нужно опасаться самаго опаснаго удара и что со всѣми его сооруженіями ничего не подѣлаешь противъ соединенной силы зеландскихъ и антверпенскихъ флотовъ, если они обрушатся на него въ одно время и въ удобную минуту. Одно время его успокаивала мѣшкотность зеландскаго адмирала, которую онъ старался всячески поддержать. Теперь же настоятельная нужда сразу двинула снаряженіе: штаты, въ Миддельбургѣ, не дожидаясь больше адмирала, послали графа Юстина Нассаускаго на помощь къ осажденнымъ съ тѣмъ количествомъ судовъ, какое удалось имъ собрать. Этотъ флотъ причалилъ передъ фортомъ Лифкенсгекомъ, который находился въ рукахъ непріятеля; поддержанный нѣсколькими судами изъ насупротивъ лежащаго форта Лилло, онъ началъ обстрѣливать Лифкенсгекъ съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ валы развалились и были взяты штурмомъ.

Стоявшіе тамъ гарнизономъ валлонцы не выказали той твердости, какой ожидали отъ солдатъ герцога Пармскаго: они позорно уступили крѣпость врагу, который вскорѣ овладѣлъ всѣмъ островомъ Дэлемъ со всѣми его окопами. Утрата этихъ мѣстъ, которыя впрочемъ вскорѣ были вновь завоеваны, такъ поразила герцога Пармскаго, что онъ отдалъ начальниковъ подъ судъ и велѣлъ обезглавить самаго виновнаго. Между тѣмъ это важное завоеваніе открыло зеландцамъ свободный проходъ къ мосту, и пришло время, сговорившись съ антверпенцами, нанести рѣшительный ударъ этому сооруженію. Условились такъ: между тѣмъ какъ уже изготовленныя въ Антверпенѣ машины будутъ громить мостъ на судахъ, Зеландскій флотъ съ достаточнымъ провіантомъ будетъ стоять поблизости, чтобы тотчасъ же плыть къ городу черезъ образовавшееся отверстіе [2]).

Дѣло въ томъ, что не успѣлъ еще герцогъ Пармскій устроиться съ своимъ мостомъ, какъ въ стѣнахъ Антверпена одинъ инженеръ началъ работать надъ его разрушеніемъ. Этого человѣка звали Фридрихомъ Джанибелли. Судьба назначила ему быть Архимедомъ Антверпена, растратить на его защиту подобную же энергію и столь же напрасно. Онъ родился въ Мантуѣ и сначала отправился въ Мадридъ, чтобы, какъ говорятъ, предложить свои услуги королю Филиппу въ нидерландской войнѣ. Но ему надоѣло долгое ожиданіе—и оскорбленный онъ покинулъ дворъ, рѣшившись дать почувствовать испанскому монарху все значеніе своихъ услугъ, которыхъ тотъ не умѣлъ оцѣнить. Джанибелли искалъ теперь службы у открытаго врага Испаніи—у англійской королевы Елизаветы, которая, испытавъ его искусство, послала его въ Антверпенъ. Здѣсь онъ поселился и посвятилъ стѣсненному городу всѣ свои знанія и самое пылкое рвеніе [1]).

Какъ только Джанибелли узналъ, что дѣло съ мостомъ становится серьезнымъ и уже близится къ концу, онъ попросилъ у магистрата три большихъ корабля (отъ 150 до 500 тоннъ), намѣреваясь заложить въ нихъ мины. Еще потребовалъ онъ 60 плайтъ, чтобы связать ихъ другъ съ другомъ канатами и цѣпями, снабдить выдающимися впередъ острыми баграми и пустить съ началомъ отлива: онѣ должны были, въ довершеніе дѣйствія минныхъ судовъ, клиномъ врѣзаться въ мостъ. Но Джанибелли обратился къ людямъ, совершенно неспособнымъ понять не банальную мысль и выказывавшимъ торгашество даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи отечества. Его предложеніе нашли слишкомъ дорогимъ: съ трудомъ получилъ онъ лишь два небольшія судна (въ 70—80 тоннъ) да нѣсколько плайтъ.

Джанибелли такъ распорядился съ этими судами, назвавъ ихъ: одно—*Счастьемъ*, другое—*Надеждой*. На днѣ ихъ онъ велѣлъ выложить изъ плитъ пустые ящики въ 5 футовъ ширины, $3^1/_2$—вышины и 40—длины. Эти ящики онъ наполнилъ 60-ю центнерами мельчайшаго пороху собственнаго изобрѣтенія, который покрылъ большими плитами и жерновами, насколько суда могли вынести. Надъ ними были возведены еще острыя крыши изъ такихъ же камней, которыя возвышались надъ бортами на 6 футовъ. Крыши были наполнены желѣзными цѣпями и острыми баграми, металличе-

---

[1]) *Strada*, 568.
[2]) *Strada*, 573, 574.—*Meteren*, 495.

[1]) *Meteren*, 495,—*Strada*, 574.

скими и мраморными ядрами, гвоздями, ножами и другими разрушительными орудіями. И остальная часть судовъ, не занятая ящиками, была наполнена камнями. Наконецъ, все было покрыто досками. Въ ящикахъ было продѣлано много маленькихъ отверстій для фитилей, которыми предполагалось поджечь мины. Въ заключеніе всего, въ нихъ былъ поставленъ часовой механизмъ, который долженъ былъ, по истеченіи извѣстнаго времени, дать искру и зажечь корабль, даже еслибы фитили не стали дѣйствовать. Чтобы убѣдить непріятеля, будто эти машины предназначены лишь для сожженія моста, наверху пристроили огненный снарядъ изъ сѣры и смолы, который могъ горѣть въ теченіе цѣлаго часа. Мало того, чтобы еще болѣе отвлечь вниманіе непріятеля отъ настоящей опасности, Джанибелли снарядилъ еще 32 *шюйта* (маленькія плоскодонныя суда), на которыхъ просто горѣли огни; ихъ назначеніемъ было только одурачить врага. Эти брандеры, раздѣленные на четыре отряда, должны были нестись къ мосту внизъ по рѣкѣ, другъ за другомъ, черезъ каждые полчаса, чтобы цѣлыхъ два часа держать непріятеля въ непрерывномъ напряженіи: предполагалось, что противникъ истощитъ свои заряды, истомится отъ долгаго ожиданія и станетъ невнимателенъ къ тому времени, когда подойдетъ настоящій вулканъ. Наконецъ, впередъ предполагалось пустить еще нѣсколько судовъ съ спрятаннымъ порохомъ, чтобы взорвать плавуны передъ мостомъ и тѣмъ проложить дорогу главнымъ кораблямъ. Этимъ форпостнымъ боемъ надѣялись также занять врага и отвлечь его въ эту сторону, чтобы на него успѣла обрушиться вся убійственная сила вулкана [1]).

На это великое дѣло была назначена ночь съ 4-го на 5-е апрѣля. Въ испанскомъ лагерѣ уже распространился глухой слухъ о предстоящемъ, особенно потому, что схватили много водолазовъ изъ Антверпена, намѣревавшихся обрѣзать якорные канаты у кораблей. И испанцы приготовились къ серьезному нападенію, только ошибались насчетъ истиннаго свойства опасности: больше разсчитывали бороться съ людьми, чѣмъ со стихіями. Поэтому герцогъ удвоилъ стражу по всему берегу и стянулъ лучшую часть своихъ войскъ къ мосту, куда явился и самъ; чѣмъ ближе была опасность, тѣмъ тщательнѣе старался онъ избѣгнуть ея. Какъ только стемнѣло, видятъ, несутся изъ города три пылающихъ судна, за ними еще и еще три. Въ испанскомъ лагерѣ люди призываются къ оружію, и мостъ во всю длину покрывается воинами. А брандеровъ все прибавляется, и они несутся внизъ по теченію по два, по три, въ извѣстномъ порядкѣ: вначалѣ ими управляли еще моряки. По небрежности или умышленно, но адмиралъ антверпенскаго флота, Яковъ Якобсонъ, сдѣлалъ промахъ: онъ пустилъ всѣ четыре отряда судовъ слишкомъ скоро одинъ за другимъ, а за ними тотчасъ и оба большіе корабля съ минами, что́ разрушило весь порядокъ.

Флотилія все приближалась, и въ ночной темнотѣ она принимала особенно необычный видъ. Вся рѣка, насколько могъ обнять глазъ, была въ огнѣ, и брандеры извергали такое пламя, словно они сами горѣли. Яркимъ отблескомъ отливала поверхность воды, и покрылись заревомъ плотины, побережные бастіоны, знамена, оружіе и все снаряженіе солдатъ, стоявшихъ въ полномъ сборѣ и здѣсь, и на мосту. Съ смѣшаннымъ чувствомъ ужаса и удовольствія взирали воины на чудное зрѣлище, походившее скорѣе на праздникъ, чѣмъ на враждебное дѣйствіе; но именно это странное противорѣчіе между внѣшнимъ явленіемъ и внутреннимъ настроеніемъ наполняло сердца удивительнымъ трепетомъ. Когда пылающій флотъ приблизился на 2.000 шаговъ къ мосту, моряки запалили фитили, пустили оба миноносныя суда въ самую средину рѣки и предоставили ихъ капризу волнъ, а сами проворно отчалили назадъ въ заготовленныхъ лодкахъ [1]).

Тутъ флотъ запутался: неруководимыя моряками суда приплывали въ одиночку къ плавунамъ и либо застревали тамъ, либо отскакивали въ сторону, къ берегу. Передовыя суда съ порохомъ, которыя должны были зажечь плавуны, были отнесены къ фландрскому берегу порывомъ внезапно поднявшагося вѣтра; даже одинъ изъ вулкановъ, именно „Счастье", сѣлъ на мель, не достигнувъ моста, и, при взрывѣ, убилъ только нѣсколько испанскихъ солдатъ, работавшихъ въ ближайшихъ окопахъ. Чуть не попалъ въ такое же положеніе другой, самый большой брандеръ, „Надежда". Теченіе отбросило его къ плавунамъ у фландрскаго берега, гдѣ онъ и застрялъ; если-бы

[1]) *Thuan*, III, 46. *Strada*, 574, 575. *Meteren*, 596.

[1]) *Strada*, 576.

его взорвало тотчасъ же—его главное дѣйствіе пропало бы даромъ. Онъ испускалъ пламя подобно остальнымъ судамъ и его приняли за обыкновенный брандеръ, который долженъ былъ зажечь мостъ. А такъ какъ брандеры погасали одинъ за другимъ безъ послѣдствій, то непріятель, наконецъ, ободрился: начали даже подсмѣиваться надъ хвастливымъ замысломъ врага, окончившимся такъ потѣшно. Нѣсколько смѣльчаковъ бросились даже въ рѣку, чтобы вблизи посмотрѣть на брандеръ и погасить его, какъ вдругъ „Надежда", прорвавшись собственною тяжестью, разнесла плавуны и съ страшною силой понеслась на понтонный мостъ. Вдругъ все зашевелилось. Герцогъ зоветъ матросовъ отталкивать машину шестами и тушить пламя, пока оно не коснулось балокъ.

Въ эту опасную минуту полководецъ стоялъ на краю лѣваго помоста, гдѣ онъ образуетъ бастіонъ на водѣ и переходитъ въ понтонный мостъ. Подлѣ него находились: кавалерійскій генералъ и губернаторъ провинціи Артуа, маркграфъ Рисбургъ, который служилъ прежде штатамъ, а потомъ превратился изъ защитника республики ея злѣйшаго врага; губернаторъ Фрисландіи и начальникъ нѣмецкихъ полковъ, баронъ Билли; генералы Каэтанъ и Гвасто и много именитѣйшихъ офицеровъ. Всѣ они забыли личную опасность и были поглощены желаніемъ устранить общую бѣду. Тутъ къ герцогу Пармскому подошелъ одинъ испанскій прапорщикъ, уговаривая его удалиться съ мѣста, которое грозило явною опасностью его жизни. Онъ настаивалъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе обращалъ на него вниманія герцогъ, наконецъ, палъ передъ нимъ на колѣни, умоляя только разъ послушаться своего подчиненнаго. Въ то же время онъ схватилъ полководца за мундиръ, словно желая оттащить его силой. Скорѣе пораженный смѣлостью этого человѣка, чѣмъ сдаваясь на его доводы, герцогъ сошелъ, наконецъ, на берегъ, въ сопровожденіи Каэтана и Гвасто. Не успѣлъ онъ добраться до форта св. Маріи на краю моста, какъ позади раздался трескъ, словно лопнула сама земля и разсыпался сводъ небесный. Герцогъ палъ замертво, а за нимъ и вся армія; прошло много минутъ, пока всѣ опомнились.

Что за зрѣлище предстало имъ! Отъ взрыва вулкана Шельда расщепилась до дна и бросилась потокомъ вышиной со стѣну черезъ плотину, такъ что всѣ укрѣпленія на берегу были затоплены водой на много футовъ. Земля дрожала на три мили въ окружности. Почти весь лѣвый помостъ, на который налетѣла „Надежда", былъ разнесенъ, превращенъ въ щепки, вмѣстѣ съ частью понтоннаго моста, и полетѣло въ воздухъ все, что было на немъ -- мачты, пушки, люди. Даже громадные камни, покрывавшіе мину, были отнесены силой вулкана на сосѣднія поля, гдѣ потомъ откапывали ихъ изъ земли, за тысячу шаговъ отъ моста. Шесть судовъ были сожжены, многія были разбиты въ щепки. Но ужаснѣе всего было опустошеніе, произведенное убійственною машиной среди испанской арміи. Пятьсотъ, а по другимъ извѣстіямъ даже восемьсотъ человѣкъ пали жертвой ея ярости, не считая тѣхъ, которые отдѣлались увѣчьями, потерей членовъ. Въ это ужасное мгновеніе свирѣпствовали всевозможные роды смерти. Кто былъ сожженъ молніей вулкана или кипяткомъ рѣки, кто задохся отъ ядовитыхъ сѣрныхъ паровъ; одни были погребены въ волнахъ, другіе подъ градомъ летѣвшихъ камней; многіе были стерты ядрами, сыпавшимися изъ чрева машины. Нѣкоторыхъ нашли мертвыми безъ всякихъ поврежденій: ихъ убило одно сотрясеніе воздуха. Ужасно было зрѣлище тотчасъ послѣ взрыва мины. Тамъ торчали люди между мостовыми сваями, здѣсь барахтались подъ каменными глыбами, а иные повисли въ снастяхъ судовъ. Отовсюду раздавались раздирающіе душу крики о помощи. Но имъ отвѣчали лишь немощные стоны: всякому было довольно дѣла съ самимъ собой.

Изъ уцѣлѣвшихъ многіе приписывали свое спасеніе чуду. Вихрь поднялъ одного офицера, Туччи, на воздухъ, какъ перышко, подержалъ его на высотѣ и бережно спустилъ въ рѣку, гдѣ несчастный спасся вплавь. Другой попалъ подъ взрывъ на фландрскомъ берегу— и онъ очутился на брабантскомъ берегу съ легкимъ поврежденіемъ плеча; потомъ онъ разсказывалъ, что во время этого воздушнаго путешествія ему казалось, будто имъ выстрѣлили изъ пушки. Самъ герцогъ Пармскій никогда еще не былъ такъ близокъ къ смерти: все дѣло было въ полминутѣ. Не успѣлъ онъ ступить на фортъ св. Маріи, какъ его словно поднялъ вихрь, одна балка задѣла его по головѣ и плечу—и онъ упалъ безъ чувствъ. Одно время считали его мертвымъ: многіе помнили, что видѣли его на мосту за нѣсколько минутъ до убійственнаго удара. Наконецъ, нашли его подымающимся, съ

мечемъ въ рукѣ, между своими спутниками, Каэтаномъ и Гвасто, и все войско ожило при этомъ извѣстіи.

Но тщетно было-бы пытаться описать его настроеніе, когда онъ, наконецъ, осмотрѣлъ разгромъ, нанесенный однимъ мгновеніемъ дѣлу столькихъ мѣсяцевъ. Разрушенъ мостъ, на которомъ покоились всѣ его надежды; истреблена большая часть его войска, а остальные были искалѣчены и негодны къ службѣ на много дней; много лучшихъ офицеровъ убито. И, словно мало было всѣхъ этихъ бѣдствій, ему пришлось услышать, что не найденъ маркграфъ Рисбургъ, котораго онъ цѣнилъ выше всѣхъ своихъ офицеровъ. А самое худшее было еще впереди: ежеминутно слѣдовало ожидать изъ Антверпена и Лилло вражескихъ флотовъ, которые не встрѣтили бы рѣшительно никакого сопротивленія при такомъ ужасномъ состояніи испанскаго войска. Вѣдь, мостъ былъ разнесенъ — и ничто не мѣшало зеландскимъ кораблямъ плыть на всѣхъ парусахъ. Къ тому же въ эти первыя минуты смятеніе войскъ было такъ сильно и всеобще, что не было возможности ни отдавать приказанія, ни исполнять ихъ: многимъ отрядамъ не хватало начальниковъ, а начальникамъ — отрядовъ; среди всеобщихъ развалинъ едва можно было даже признать посты, гдѣ стояли отряды. Наконецъ, всѣ окопы на берегу стояли въ водѣ; много пушекъ потонуло, фитили подмокли; запасы пороха были испорчены водой. Какая счастливая минута для непріятеля, еслибы только онъ умѣлъ воспользоваться ею! [1]).

Историку трудно повѣрить, что этотъ превзошедшій всякія ожиданія успѣхъ пропалъ даромъ для Антверпена просто потому, что... тамъ не знали о немъ! Правда, какъ только послышался въ городѣ трескъ вулкана, Сентъ-Альдегонде тотчасъ же выслалъ къ мосту много галеръ, приказавъ имъ пускать ракеты и пылающія стрѣлы, какъ только онѣ счастливо пройдутъ черезъ него, и плыть съ этимъ извѣстіемъ дальше, прямо къ Лилло, чтобы немедленно двинуть впередъ зеландскій вспомогательный флотъ. Антверпенскому адмиралу велѣли, по этому знаку, тотчасъ выходить съ своими судами и броситься на врага при первомъ смятеніи. Но хотя высланнымъ на развѣдки морякамъ была обѣщана значительная награда, они не осмѣлились приблизиться къ непріятелю

Александръ Фарнезе.
Современная гравюра Криспэна

и возвратились ни съ чѣмъ, возвѣщая, что понтонный мостъ не тронутъ и брандеръ ничего не сдѣлалъ. Даже на слѣдующій день не предприняли ничего лучшаго, чтобъ узнать истинное состояніе моста. А такъ какъ флотъ въ Лилло не двигался, несмотря на попутный вѣтеръ, то еще болѣе убѣдились въ неудачѣ брандера. Никому не пришло въ голову, что именно это бездѣйствіе

[1]) *Strada*, 577 и слѣд. *Meteren*, 497.—*Thuan*, III, 47.—*Allg Gesch. d. v. Niederl.* III, 497.

союзниковъ, вводившее антверпенцевъ въ заблужденіе, удерживало и зеландцевъ въ Лилло, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Такую чудовищную оплошность могло сдѣлать только правительство, лишенное всякаго значенія и самостоятельности, ищущее совѣтовъ у толпы, надъ которою оно должно бы господствовать. Чѣмъ меньше дѣйствовали противъ врага, тѣмъ болѣе разъярялись противъ Джанбелли, котораго неистовая чернь хотѣла разорвать на клочки. Два дня жизнь талантливаго инженера находилась въ самой очевидной опасности, пока не прибылъ, наконецъ, на третье утро, вѣстникъ изъ Лилло, проплывшій мимо моста: онъ объявилъ о дѣйствительномъ разрушеніи моста, но также и о полномъ его возстановленіи [1]).

Столь быстрое исправленіе моста было истинно-чудеснымъ подвигомъ герцога Пармскаго. Не успѣлъ онъ оправиться отъ удара, погубившаго, казалось, всѣ его замыслы, какъ схватился за устраненіе бѣды съ изумительнымъ присутствіемъ духа. Отсутствіе непріятельскаго флота въ такую рѣшительную минуту вновь оживило его надежды. Плохое состояніе его моста, казалось, еще не было извѣстно врагамъ, и если не было возможности возстановить въ нѣсколько часовъ дѣло многихъ мѣсяцевъ, то уже много значило, еслибы удалось показать видъ, что дѣлается попытка къ этому. И всѣ должны были взяться за работу—уносить обломки, поднимать упавшія балки, замѣнять разбитыя новыми, заполнять пробѣлы судами. Герцогъ трудился самъ, и его примѣру слѣдовали всѣ офицеры. Возбужденные этою простотой рядовые не щадили своихъ силъ: проработали цѣлую ночь, подъ непрерывный гулъ трубъ и барабановъ по всему мосту, заглушавшій шумъ рабочихъ. Съ разсвѣтомъ уже замѣчалось мало слѣдовъ ночного опустошенія, и хотя мостъ былъ возстановленъ лишь съ виду, однако развѣдчики были введены въ заблужденіе, и нападенія не послѣдовало. А герцогъ выигралъ время, чтобы сдѣлать основательныя исправленія и даже внести существенныя перемѣны въ устройствѣ моста. Чтобы избѣжать впредь подобнаго несчастія, часть понтоннаго моста сдѣлали подвижною, такъ что, въ случаѣ нужды, можно было снять ее и пропустить брандеры. Уронъ людьми былъ возмѣщенъ гарнизонами изъ сосѣднихъ укрѣпленій и нѣмецкимъ полкомъ, который какъ разъ кстати былъ доставленъ изъ Гельдерна. Выбывшіе изъ строя офицеры были замѣщены новыми, при чемъ не былъ забытъ испанскій прапорщикъ, спасшій жизнь полководцу [1]).

Узнавши объ успѣхѣ своего миноносца, антверпенцы начали превозносить его изобрѣтателя такъ же страстно, какъ оскорбляли его передъ тѣмъ, и требовали отъ его генія новыхъ попытокъ. Джанибелли теперь дѣйствительно получилъ то число плайтъ, котораго тщетно требовалъ вначалѣ, и такъ снарядилъ ихъ, что онѣ обрушились на мостъ съ непреодолимой силой и разрушили его вторично. Но и на этотъ разъ зеландскій флотъ не могъ выйти, вслѣдствіе противнаго вѣтра, и герцогу опять дано было время для исправленія ущерба. Однако антверпенскій Архимедъ не смутился отъ всѣхъ этихъ неудачъ. Онъ опять снарядилъ два большихъ корабля съ острыми баграми и тому подобными инструментами, чтобы пробиться черезъ мостъ силой. Но когда настало время выпустить ихъ, никто не захотѣлъ сѣсть на нихъ. Изобрѣтателю пришлось сдѣлать такъ, чтобы его машины сами, безъ кормчихъ, держались средины рѣки, а не заносились вѣтромъ къ берегу, какъ прежнія. Тутъ, если вѣрить Страдѣ [2]), одинъ изъ его рабочихъ, нѣмецъ, напалъ на чудное открытіе. Онъ приладилъ *подъ* кораблемъ парусъ, который надувала вода точно такъ же, какъ вѣтеръ — обыкновенный парусъ: такимъ образомъ, корабль могъ нестись со всей силой теченія. Успѣхъ оправдалъ сообразительность рабочаго: корабль съ парусомъ навыворотъ не только строго держался именно средины рѣки, но и съ такой силой обрушился на мостъ, что непріятель не успѣлъ даже развести его — и мостъ дѣйствительно былъ уничтоженъ. Но всѣ эти успѣхи не приносили пользы городу, такъ какъ все дѣлалось наудачу и безъ поддержки достаточной силой. Даже не былъ употребленъ въ дѣло новый миноносецъ, устроенный Джанибелли по образцу перваго, работавшаго такъ хорошо, и наполненный 4.000 фунтовъ пороха: антверпенцы уже вздумали искать спасенія другимъ путемъ [3]).

Испугавшись столькихъ неудачъ въ по-

[1]) *Meteren*, 496.

[1]) *Strada*, 581 и слѣд.
[2]) *Strada*, dec. II, l. VI, 586.
[3]) *Meteren*, 497.

пыткахъ добиться силой свободнаго плаванія по рѣкѣ, рѣшились совсѣмъ бросить ее. Припомнили примѣръ Лейдена, во время осады его испанцами десять лѣтъ тому назадъ: этотъ городъ спасло своевременное затопленіе полей, которому и вздумали подражать антверпенцы. Между Лилло и Стабрекомъ, въ Бергенской землѣ, разстилается большая равнина, немного наклонная къ Антверпену; плотины и контръплотины охраняли ее отъ напора воды изъ Остеръ-Шельды. Стоило срыть эти плотины—и вся долина превращалась въ море, такъ что плоскодонныя суда могли доходить почти до стѣнъ Антверпена. Еслибъ это удалось, тогда пусть-себѣ герцогъ Пармскій владѣлъ бы Шельдой съ помощью своихъ понтонныхъ мостовъ: у антверпенцевъ была бы своя новая рѣка, которая, въ случаѣ нужды оказала бы имъ такую же услугу. Именно такъ и совѣтовалъ принцъ Оранскій въ самомъ началѣ осады, а Сентъ-Альдегонде всячески старался исполнить этотъ планъ, но безуспѣшно: нѣкоторыхъ гражданъ ничѣмъ нельзя было заставить пожертвовать своими полями. Къ этому-то послѣднему средству спасенія возвратились при нынѣшней нуждѣ, но обстоятельства тѣмъ временемъ сильно измѣнились.

Дѣло въ томъ, что та равнина перерѣзывалась широкой и высокой плотиной, названной Ковенштейнской, по имени сосѣдняго замка. Она тянется на три мили отъ села Стабрека въ Бергенской землѣ до Шельды, гдѣ съ нею соединяется большая плотина близъ Ордаша. Черезъ эту плотину не могло проплыть ни одно судно даже при самомъ большомъ приливѣ; нечего было и думать напустить море въ поля, пока на пути стояла такая преграда, мѣшавшая зеландскимъ судамъ спускаться въ антверпенскую равнину. Стало быть, судьба города зависѣла отъ срытія или пролома Ковенштейнской плотины; но такъ какъ герцогъ Пармскій предвидѣлъ это, то онъ захватилъ ее въ самомъ началѣ осады и ничего не пожалѣлъ, чтобы защищать ее до крайности. У села Стабрека стоялъ графъ Мансфельдъ съ большей частью арміи и именно черезъ Ковенштейнскую плотину поддерживалъ сношенія съ мостомъ, съ главною квартирой и съ испанскими магазинами въ Калло. Такимъ образомъ отъ Стабрека въ Брабантѣ до Беверна во Фландріи армія составляла цѣльную линію, и если она прорѣзывалась Шельдой, то не прерывалась, и безъ кроваваго боя нельзя было прорвать ее. На самой плотинѣ, на должномъ разстояніи другъ отъ друга, возвышалось пять батарей, которыми командовали храбрѣйшіе офицеры арміи. Мало того. Убѣжденный въ томъ, что теперь вся ярость войны сосредоточится здѣсь, герцогъ Пармскій передалъ графу Мансфельду охрану моста, а самъ рѣшился лично защищать этотъ важный постъ. Такимъ образомъ, теперь начиналась совсѣмъ другая война на другомъ поприщѣ [1]).

Во многихъ мѣстахъ, выше и ниже Лилло, нидерландцы пробили плотину, идущую у брабантскаго берега Шельды, и гдѣ недавно еще цвѣли зеленые луга, появилась теперь новая стихія, засновали суда, поднялись мачты. Зеландскій флотъ, подъ командой графа Гогенлоэ, плавалъ по затопленнымъ полямъ и нерѣдко направлялся къ Ковенштейнской плотинѣ, впрочемъ не нападая на нее серьезно. Въ то же время другая флотилія показалась на Шельдѣ и угрожала то высадкой у того или другого берега, то штурмомъ моста. Въ теченіе многихъ дней вели такую игру съ врагомъ, надѣясь, что онъ устанетъ, не зная, гдѣ послѣдуетъ нападеніе, и постепенно успокоится, привыкнувъ къ грозящей опасности. Антверпенцы обѣщали графу Гогенлоэ поддержать нападеніе на плотину флотиліей изъ города; три огненныхъ знака на главной башнѣ покажутъ, что флотилія вышла. Въ одну темную ночь ожиданные знаки дѣйствительно поднялись надъ Антверпеномъ—и графъ Гогенлоэ тотчасъ же велѣлъ пятистамъ изъ своихъ солдатъ вскарабкаться на плотину между двумя вражескими редутами; испанскіе часовые были частью забраны сонными, а гдѣ они схватились за оружіе, ихъ перебили. Живо утвердились на плотинѣ и уже думали перевезти сюда остальныхъ товарищей, до 2.000 человѣкъ, какъ вдругъ испанцы всполошились въ сосѣднихъ редутахъ и сдѣлали отчаянное нападеніе на густо насѣдавшаго непріятеля, пользуясь узкимъ пространствомъ. Въ то же время съ ближайшихъ батарей открылся артиллерійскій огонь противъ приближающагося флота, мѣшавшій высадкѣ остальныхъ войскъ, а изъ города не предвидѣлось никакой помощи. Зеландцы были побѣждены послѣ короткаго боя и прогнаны съ завоеванной плотины. Побѣдоносные испанцы гнались

[1]) *Strada*, 582. *Thuan*, III, 48.

за ними по водѣ до самаго флота, потопили много ихъ судовъ, а остальныя заставили возвратиться съ большимъ урономъ. Графъ Гогенлоэ сваливалъ вину этого пораженія на жителей Антверпена, обманувшихъ его ложнымъ сигналомъ, и конечно это дѣло не удалось только отъ плохого согласованія ихъ обоюдныхъ дѣйствій [1]).

Но наконецъ рѣшились покончить съ осадой правильнымъ нападеніемъ на врага соединенными силами и общимъ штурмомъ какъ плотины, такъ и моста. Для этого было назначено 16-е мая 1585 года, и съ обѣихъ сторонъ было пущено въ ходъ все, чтобы день сталъ рѣшительнымъ. Голландцы и зеландцы, вмѣстѣ съ антверпенцами, собрали болѣе двухсотъ судовъ и для нихъ лишили войскъ свои города и цитадели. Съ такою силой они рѣшились штурмовать плотину съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ то же время должно было произойти нападеніе на шельдскій мостъ, съ помощью новыхъ машинъ, изобрѣтенныхъ Джанибелли: это должно было помѣшать герцогу Пармскому идти на выручку плотины [2]).

Извѣщенный объ угрожающей опасности Александръ, съ своей стороны, не щадилъ ничего, чтобы встрѣтить ее стойко. Тотчасъ по завоеваніи плотины, онъ возвелъ на ней редуты въ пяти мѣстахъ и передалъ начальство надъ ними самымъ опытнымъ офицерамъ. Первый изъ редутовъ, названный Крестовымъ окопомъ, стоялъ тамъ, гдѣ Ковенштейнская плотина спускается къ большому шельдскому валу, образуя съ нимъ крестъ; здѣсь командовалъ испанецъ Мондрагонъ. На тысячу шаговъ дальше, близъ замка Ковенштейна, возвышался окопъ св. Якова, которымъ начальствовалъ Камилло Монте. Еще дальше, на томъ же разстояніи, слѣдовалъ окопъ св. Георгія, а за тысячу шаговъ отъ него, подъ командой Гамбоа, Свайный окопъ, утвержденный дѣйствительно на сваяхъ. Пятый бастіонъ лежалъ на краю плотины, недалеко отъ Стабрека: здѣсь начальствовалъ графъ Мансфельдъ съ итальянцемъ Капицукки. Теперь герцогъ подкрѣпилъ всѣ эти форты свѣжей артиллеріей и войсками. Сверхъ того, онъ велѣлъ вбить сваи по обѣимъ сторонамъ плотины и во всю ея длину, съ цѣлью отчасти лучше утвердить валъ, отчасти затруднить работу землекоповъ, которые вздумали бы пробить ее [1]).

16-го мая, рано утромъ, непріятель пришелъ въ движеніе. Съ разсвѣтомъ, по затопленной землѣ, приплыли изъ Лилло четыре пылающихъ судна, и испанскіе часовые на плотинѣ, вспоминая страшный вулканъ, пришли въ ужасъ и проворно бѣжали въ ближайшіе окопы. Этого-то и ожидалъ непріятель. На этихъ корабляхъ, походившихъ на брандеры, были спрятаны солдаты, которые теперь вдругъ соскочили на землю и счастливо взошли на плотину на незащищенномъ мѣстѣ, между окопами св. Георгія и Свайнымъ. Вслѣдъ затѣмъ показался весь зеландскій флотъ—множество военныхъ кораблей, провіантскихъ судовъ и масса суденышекъ, нагруженныхъ большими мѣшками съ землей, шерстью, досками, корзинами и т. под., чтобы тотчасъ же набрасывать брустверы, гдѣ понадобится. Военные корабли были наполнены сильною артиллеріей и многочисленнымъ храбрымъ экипажемъ. Ихъ сопровождало цѣлое войско землекоповъ, чтобы прорывать плотину, какъ только овладѣютъ ею [2]).

Не успѣли зеландцы начать наступленіе на плотину съ одной стороны, какъ изъ Остервеля двинулся антверпенскій флотъ и напалъ на нее съ другого конца. Быстро возвели высокій брустверъ между двумя ближайшими редутами, чтобъ разрѣзать врага пополамъ и прикрывать землекоповъ. Послѣдніе цѣлыми сотнями бросились съ обѣихъ сторонъ на плотину и начали такъ усердно рыть ее лопатами, что явилась надежда вскорѣ соединить оба моря. Между тѣмъ и у испанцевъ было достаточно времени подоспѣть съ двухъ ближайшихъ редутовъ и сдѣлать мужественное нападеніе, а артиллерія окопа св. Георгія безпрерывно обстрѣливала непріятельскій флотъ. Страшный бой закипѣлъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорывали плотину и возводили брустверъ. Зеландцы выставили сильный кордонъ вокругъ землекоповъ, чтобы врагъ не мѣшалъ ихъ работѣ. Среди боевого шума, подъ градомъ пуль, часто по грудь въ водѣ, между мертвыми и умирающими, работали землекопы, все подгоняемые купцами, которые съ нетерпѣніемъ ждали, когда, наконецъ, плотина раскроется и ихъ суда будутъ въ безо-

[1]) *Strada*, 583.—*Meteren*, 498.
[2]) *Strada*, 584.—*Meteren*, 498.

[1]) *Strada*, 582, 584.
[2]) *Strada*, 587 и слѣд. *Meteren*, 498. *Thuan*, III, 48.

пасности. Казалось, важность успѣха, зависѣвшаго только отъ ихъ лопатъ, вселяла героизмъ даже въ души этихъ простыхъ поденщиковъ. Углубленные въ свое дѣло, они не видѣли, не слышали окружавшей ихъ смерти; падали передніе ряды—ихъ тотчасъ замѣщали задніе. Ихъ работа сильно задерживалась вбитыми сваями, но еще больше—нападеніями испанцевъ, которые съ мужествомъ отчаянія пробивались сквозь кучи враговъ, пронзали землекоповъ въ ихъ ямахъ и трупами заполняли проломы, сдѣланные живыми людьми. Но, вотъ, ихъ офицеры въ большинствѣ убиты или ранены, а число враговъ росло безпрерывно, и все новые землекопы становились на мѣсто павшихъ: и эти храбрые солдаты пали духомъ, они возвратились въ свои окопы. Зеландцы и антверпенцы уже овладѣли всей той частью плотины, которая идетъ отъ форта св. Георгія до Свайнаго окопа. Но имъ надоѣло дольше ждать полнаго разрыва плотины: они проворно разгрузили одно зеландское судно съ провіантомъ, который перекинули черезъ плотину на антверпенскій корабль, и графъ Гогенлоэ съ торжествомъ повезъ грузъ къ Антверпену. Это зрѣлище вдругъ наполнило запуганный городъ самыми свѣтлыми надеждами, и жители предались шумной радости, словно побѣда уже была одержана. Звонили во всѣ колокола, стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ. Возбужденные граждане нетерпѣливо бросились къ Остервелерскимъ воротамъ принять провіантскія суда, которыя, конечно, уже были въ пути [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще счастье такъ не благопріятствовало осажденнымъ, какъ въ ту минуту. Испуганный и истощенный врагъ былъ отброшенъ въ свои окопы; вовсе не думая оспаривать у побѣдителей завоеванныя мѣста, онъ скорѣе считалъ себя самого осажденнымъ въ своемъ убѣжищѣ. Нѣсколько ротъ шотландцевъ, подъ начальствомъ своего храбраго полковника Бальфура, бросились на окопъ св. Георгія, который былъ вырученъ, хотя съ большимъ урономъ, Камилломъ Монтэ, подоспѣвшимъ изъ форта св. Якова. Въ гораздо худшемъ положеніи находился Свайный окопъ: горячо обстрѣливаемый съ судовъ, онъ ежеминутно грозилъ развалиться. Командовавшій имъ Гамбоа лежалъ раненый, и, къ несчастью, не было артиллеріи, чтобы держать непріятельскія суда въ отдаленіи. Къ тому же валъ, набросанный зеландцами между Свайнымъ и окопомъ св. Георгія, отрѣзалъ всякую помощь со стороны Шельды. Стало быть, стоило воспользоваться этимъ изнеможеніемъ и вялостью враговъ, чтобы продолжать проломъ плотины ревностно, настойчиво,—и конечно явился бы проходъ, а это, пожалуй, покончило бы всю осаду. Но и здѣсь оказалось отсутствіе послѣдовательности, которое тамъ мѣшало антверпенцамъ въ теченіе всей осады. Рвеніе, съ которымъ начали они работу, охладѣвало по мѣрѣ успѣха. Вскорѣ нашли слишкомъ скучнымъ и тяжелымъ дѣломъ прорывать плотину: сочли лучшимъ перегружать съ большихъ провіантскихъ судовъ въ малыя, которыя хотѣли сплавить въ городъ при приливѣ. Сентъ-Альдегонде и Гогенлоэ, вмѣсто того, чтобы личнымъ присутствіемъ поддерживать прилежаніе рабочихъ, покинули мѣсто дѣйствія въ рѣшительную минуту и отправились на хлѣбномъ суднѣ въ городъ, чтобы принимать похвалы за свою мудрость и храбрость [1]).

Между тѣмъ какъ на плотинѣ дрались одинаково горячо съ обѣихъ сторонъ, антверпенцы штурмовали мостъ на Шельдѣ новыми машинами, чтобы отвлечь сюда вниманіе герцога. Но громъ пушекъ съ плотины скоро показалъ ему, въ чемъ дѣло, и какъ только мостъ освободился, онъ поспѣшилъ туда лично на выручку. Въ сопровожденіи двухсотъ испанскихъ копейщиковъ, быстро направился онъ къ мѣсту нападенія и прибылъ во-время на побоище, чтобы не допустить полнаго пораженія своихъ войскъ. Герцогъ тотчасъ же поставилъ нѣсколько прибывшихъ съ нимъ орудій въ два ближайшіе редута и началъ энергично обстрѣливать непріятельскія суда. Самъ онъ сталъ во главѣ своихъ солдатъ и, съ мечемъ въ одной рукѣ, со щитомъ—въ другой, повелъ ихъ противъ врага. Слухъ объ его прибытіи, быстро распространившійся изъ конца въ конецъ плотины, поднялъ духъ его войскъ,—и съ новымъ пыломъ возгорѣлся бой, особенно убійственный благодаря мѣстности. На узкомъ хребтѣ плотины (во многихъ мѣстахъ не больше девяти шаговъ длины) дрались около 5.000 бойцовъ; на такомъ маломъ пространствѣ сосредоточивалась вся сила обѣихъ сторонъ и весь успѣхъ осады. Для антверпенцевъ дѣло шло о послѣднемъ оплотѣ ихъ города, для испанцевъ—о всей судьбѣ ихъ

[1]) *Strada*, 589. *Meteren*, 498

[1]) *Meteren*, 498.

предпріятія; обѣ стороны дрались съ мужествомъ отчаянія. Съ обоихъ концовъ плотины несся военный потокъ къ срединѣ, гдѣ зеландцы и антверпенцы господствовали и сосредоточивали всю свою силу. Отъ Стабрека спѣшили итальянцы и испанцы, горѣвшіе благороднымъ соревнованіемъ въ храбрости; со стороны Шельды тѣснились валлонцы и испанцы, съ полководцемъ во главѣ. Тѣ старались вызволить Свайный окопъ, на который сильно напиралъ врагъ съ суши и съ моря; эти яростно бросились на брустверъ, устроенный непріятелемъ между св. Георгіемъ и Свайнымъ окопомъ. Здѣсь дрался цвѣтъ нидерландскаго воинства за хорошо укрѣпленнымъ валомъ, это важное мѣсто находилось подъ прикрытіемъ обоихъ флотовъ. Герцогъ уже приготовлялся напасть на страшный валъ съ своимъ отрядцемъ, какъ вдругъ онъ узналъ, что итальянцы и испанцы, подъ начальствомъ Капицукки и Аквилы, проникли штурмомъ въ Свайный окопъ, овладѣли имъ и уже идутъ на вражескій брустверъ. И такъ, теперь передъ послѣднимъ соединилась вся сила обоихъ войскъ, и съ обѣихъ сторонъ шли на все, чтобы, съ одной стороны, взять, съ другой—отстоять его. Нидерландцы соскакивали съ своихъ судовъ на землю, чтобы не оставаться праздными зрителями боя. Александръ штурмовалъ брустверъ съ одной стороны, графъ Мансфельдъ—съ другой; пять разъ нападали и пять разъ были отбиваемы. Въ эту рѣшительную минуту нидерландцы превзошли себя: во всю войну не дрались они такъ стойко. Въ особенности же шотландцы и англичане разрушали всѣ усилія врага своимъ храбрымъ отпоромъ. Никто уже не хотѣлъ идти туда, гдѣ дрались шотландцы: и герцогъ самъ, съ дротикомъ въ рукѣ, по грудь въ водѣ, бросился впередъ указать путь своимъ. Наконецъ, послѣ долгаго боя, войскамъ Мансфельда удалось, съ помощью своихъ аллебардъ и пикъ, сдѣлать проломъ въ брустверѣ и взобраться на валъ, на плечахъ товарищей. Первымъ вскочилъ испанскій капитанъ Бартелеми Торальва; почти въ ту-же минуту на краю брустверa показался итальянецъ Капицукки: такимъ образомъ споръ о храбрости былъ рѣшенъ одинаково славно для обѣихъ націй. Достойно замѣчанія, съ какимъ тонкимъ чувствомъ чести обращался съ своими воинами герцогъ Пармскій, котораго поставили судьей въ этомъ спорѣ. На глазахъ солдатъ онъ обнялъ итальянца Капицукки и громко заявилъ, что обязанъ взятіемъ брустверa главнымъ образомъ храбрости этого офицера. А тяжело раненаго испанскаго капитана Торальву онъ велѣлъ отнести въ свою собственную квартиру въ Стабрекѣ, перевязать его въ собственной постели и одѣть въ тотъ мундиръ, который носилъ онъ самъ за день до боя [1]).

По взятіи брустверa, побѣда уже недолго оставалась сомнительной. Голландскія и зеландскія войска, соскочившія съ своихъ судовъ, чтобы драться съ врагомъ въ рукопашную, вдругъ пали духомъ, когда оглянулись и увидѣли, какъ отчаливали отъ берега эти суда, это ихъ послѣднее прибѣжище.

Дѣло въ томъ, что приливъ началъ падать, и предводители флота, опасаясь сѣсть на мель съ своими тяжелыми судами и стать добычей врага, въ случаѣ неудачнаго исхода боя, отплыли отъ плотины и старались выйти въ открытое море. Какъ только Александръ замѣтилъ это, онъ указалъ своимъ войскамъ на бѣгущія суда и ободрялъ ихъ покончить съ врагомъ, который самъ себя губитъ. Голландскія вспомогательныя войска поколебались первыя; вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали зеландцы. Они поспѣшно бросились съ плотины, чтобы догнать суда вбродъ или вплавь; но такъ какъ ихъ бѣгство было безпорядочно, то они сами мѣшали другъ другу и кучами падали подъ мечами преслѣдующихъ побѣдителей. Многіе нашли свою могилу даже на судахъ: каждый спѣшилъ опередить другихъ—и многія суда потонули подъ тяжестью набравшагося народа. Антверпенцы, сражавшіеся за свою свободу и вѣру, за свой домашній очагъ, отступили послѣдніе, но это-то и ухудшило ихъ долю. Многія изъ ихъ судовъ были застигнуты отливомъ и глубоко сѣли на мель; ихъ достигали непріятельскія пушки—и они погибли со всѣмъ своимъ экипажемъ. Бѣгущія толпы старались добраться вплавь до другихъ уцѣлѣвшихъ судовъ, но испанцы доходили до того въ своей ярости и отвагѣ, что плыли за ними, съ мечами въ зубахъ, и сбрасывали иныхъ съ самыхъ судовъ. Побѣда королевскихъ войскъ была полная, но она стоила много крови: испанцевъ пало до 800 человѣкъ, нидерландцевъ (не считая потонувшихъ)—нѣсколько тысячъ; и съ обѣихъ сторонъ не досчитывались многихъ знатнѣйшихъ дворянъ. По-

[1]) *Strada*, 593.

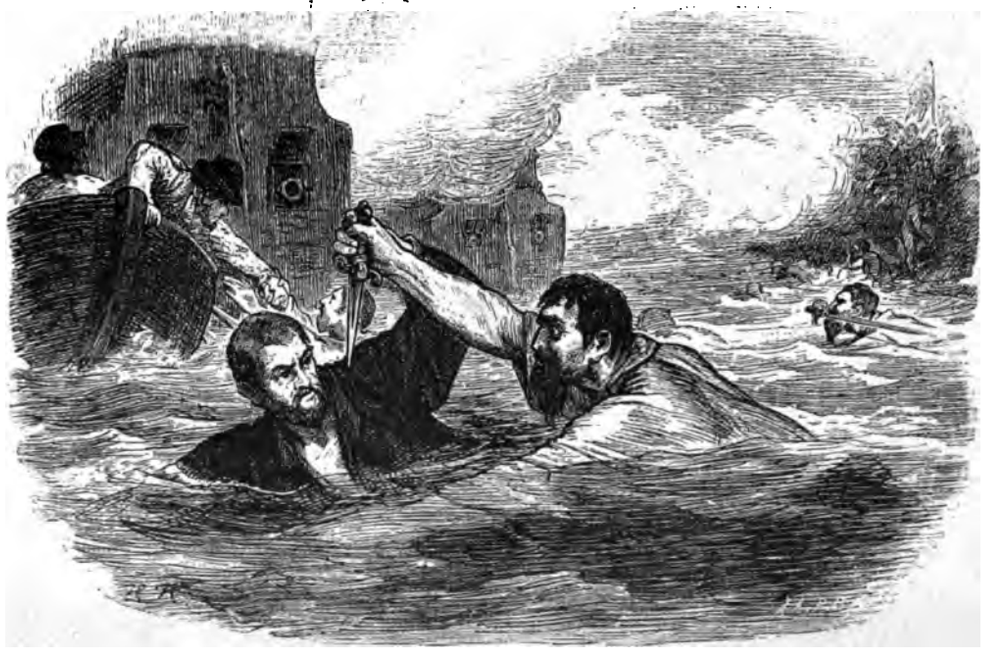
бѣдителямъ досталось больше тридцати судовъ съ большимъ грузомъ провіанта, назначеннаго для Антверпена, съ 150-ю пушками и съ другими военными запасами. Плотина, которую стоило такъ дорого утвердить за собой, была проломана въ тринадцати мѣстахъ, и трупы такъ изуродовавшихъ ее были употреблены теперь на затычку этихъ отверстій. На слѣдующій день королевскимъ войскамъ досталось еще одно судно громадной величины и странной постройки, похожее на плавучую крѣпость: оно предназначалось противъ Ковенштейнской плотины. Антверпенцы построили его съ большими издержками въ то самое время, когда были отвергнуты спасательныя предложенія Джанибелли изъ-за ихъ дороговизны. И это смѣшное чудище было названо гордымъ именемъ „Конецъ войны", которое было замѣнено потомъ болѣе подходящимъ— „Потерянныя деньги". Когда спустили это судно въ море, оказалось, какъ предсказывали всѣ разумные люди, что, при его безпомощной величинѣ, имъ нельзя было управлять, и развѣ только величайшій приливъ могъ поднять его. Съ великимъ трудомъ дотащилось оно до Ордата и тамъ сѣло на мель, послѣ прилива, и сдѣлалось добычей непріятеля [1]).

Нападеніе на Ковенштейнскую плотину было послѣднею попыткой спасти Антверпенъ. Съ тѣхъ поръ осажденные пали духомъ; городской магистратъ тщетно старался утѣшить народъ, угнетенный печальнымъ настоящимъ, надеждами на отдаленное будущее. До сихъ поръ держались еще сносныя цѣны на хлѣбъ, хотя привозъ становился все слабѣе; но мало по малу запасы истощились до того, что вскорѣ предстоялъ голодъ. Впрочемъ, еще была надежда продержаться, пока снимутъ жатву съ полей между городомъ и крайнимъ окопомъ, но жатва еще не созрѣла, когда непріятель взялъ и послѣднія укрѣпленія передъ городомъ и захватилъ всю ее себѣ. Наконецъ, онъ овладѣлъ и сосѣднимъ городомъ союзниковъ, Мехельномъ, съ утратой котораго исчезла и послѣдняя надежда на подвозъ изъ Брабанта. Когда увидѣли, что уже нѣтъ возможности увеличивать провіантъ, оставалось сократить число ртовъ. Нужно было удалить изъ города весь безполезный народъ—всѣхъ чужеземцевъ, даже женщинъ и дѣтей; но такой слишкомъ безчеловѣчный планъ не могъ быть принятъ. Другой планъ—изгнать католиковъ—до того раздражилъ послѣднихъ, что дѣло чуть не дошло до мятежа. Такъ Сентъ-Альдегонде былъ вынужденъ уступить бурному нетерпѣнію народа: 17-го августа 1585 года онъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ Пармскимъ относительно сдачи города [1]).

[1]) *Thuan*, III, 49. *Meteren*, 485. *Strada*, 597 и слѣд.

[1]) *Meteren*, 500. *Strada*, 600 и слѣд. - *Thuan* III, 50. *Allg. Gsch. d. v. Niederl.* III, 499.

А. Трачевскій.



ЧТО ЗНАЧИТЪ ИЗУЧАТЬ ВСЕМІРНУЮ ИСТОРІЮ

и съ какою цѣлью изучаютъ ее?

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ).

Милостивые Государи! [1]).

Почетна и пріятна для меня предстоящая мнѣ задача—проходить вмѣстѣ съ вами по той области, которая открываетъ мыслящему наблюдателю такъ много предметовъ для обученія, дѣятельному человѣку общества — такіе великолѣпные примѣры для подражанія, философу—столь важныя разъясненія, и всякому безъ различія — столь богатые источники благороднѣйшаго наслажденія. Это — огромная, широкая область всеобщей исторіи. При видѣ такой многочисленной прекрасной молодежи, которую собрала вокругъ меня благородная любознательность и въ средѣ которой распускается уже не одинъ производительный умъ для грядущаго вѣка, возложенный на меня долгъ обращается въ удовольствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую его неуклонность и важность во всемъ его объемѣ. Чѣмъ цѣннѣе то, что мнѣ предстоитъ принести вамъ въ даръ—а есть ли изо всего даваемаго человѣкомъ, что-нибудь цѣннѣе истины,—тѣмъ болѣе долженъ я опасаться, чтобы стоимость этого дара не уменьшилась, выходя изъ моихъ рукъ. Чѣмъ живѣе и чище ощущенія и впечатлѣнія вашего духа въ эту счастливѣйшую эпоху его дѣятельности, и чѣмъ быстрѣе воспламеняются ваши юношескія чувства, тѣмъ обязательнѣе для меня заботиться, чтобы этотъ энтузіазмъ, вызывать который имѣетъ право только истина, не сдѣлался печальною жертвою обмана и разочарованія.

Плодоносна и широка область исторіи; въ ея предѣлахъ лежитъ весь нравственный міръ. Она сопровождаетъ человѣка во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя онъ переживалъ, по всѣмъ видоизмѣненіямъ его взглядовъ, въ его глупости и мудрости, ухудшеніи и облагороженіи; она должна отдавать отчетъ во всемъ, что онъ *бралъ* и что *давалъ*. Не найдется между вами ни одного, кому исторія не имѣла бы сказать чего-нибудь важнаго; всѣ пути вашего будущаго назначенія, какъ бы они ни были различны, такъ или иначе связуются съ нею, но *одно* назначеніе несете вы всѣ въ равной степени, то, съ которымъ вы родились на свѣтъ — назначеніе выработать себя, какъ человѣка; а именно человѣку и говоритъ свое слово исторія.

Но, мм. гг., прежде чѣмъ я могу приступить къ болѣе точному опредѣленію вашихъ ожиданій отъ этого предмета вашего прилежанія и къ указанію связи, существующей между этимъ предметомъ и собственно цѣлью вашихъ, столь различныхъ между собой, отраслей изученія—прежде нахожу не лишнимъ согласиться съ вами насчетъ самой *этой цѣли вашихъ занятій*. Предварительное уясненіе этого во-

[1]) Этою лекціей Шиллеръ открылъ свой курсъ всеобщей исторіи въ іенскомъ университетѣ.

проса, которое я считаю достаточно умѣстнымъ и достойнымъ для открытія нашего будущаго академическаго знакомства, поставитъ меня въ возможность тотчасъ же обратить ваше вниманіе на самую почтенную сторону всеобщей исторіи.

Есть разница между учебнымъ планомъ, который начертываетъ себѣ ученый, работающій изъ-за хлѣба, и тѣмъ, что составляетъ для себя философскій умъ. Первому, при его прилежаніи, единственная забота—выполнить условія, при которыхъ онъ можетъ надлежащимъ образомъ нести свою должность и пользоваться ея выгодами; силы своего духа онъ пускаетъ въ ходъ только для того, чтобы чрезъ это улучшать свое матеріальное положеніе и удовлетворять мелочному самолюбію; поэтому, такой ученый, вступая на академическую дорогу, признаетъ самымъ важнымъ дѣломъ - какъ можно тщательнѣе отдѣлить тѣ науки, которыя онъ называетъ хлѣбными, отъ всѣхъ остальныхъ, услаждающихъ духъ только какъ духъ. Все время, посвящаемое имъ этимъ послѣднимъ, онъ считалъ бы украденнымъ отъ своего будущаго призванія и никогда не простилъ бы себѣ этого похищенія. Все свое прилежаніе онъ направляетъ согласно требованіямъ, предъявляемымъ ему будущимъ властителемъ его судьбы, и думаетъ, что свершилъ все, когда сдѣлалъ себя способнымъ не бояться этой инстанціи. Какъ только университетскій курсъ имъ оконченъ, и цѣль его желаній достигнута, онъ прощается навсегда со своими руководительницами, ибо для чего ему продолжать и послѣ этого утруждать ихъ? Теперь у него важнѣйшее дѣло—выставлять на показъ скопившіяся сокровища памяти и конечно заботиться, чтобы они не падали въ цѣнѣ. Всякое расширеніе его хлѣбныхъ знаній непріятно тревожитъ его, потому что или доставляетъ ему новую работу, или дѣлаетъ безполезною прежнюю; отъ всякаго важнаго нововведенія онъ отступаетъ со страхомъ, такъ какъ оно разбиваетъ старую школьную форму, которая досталась ему цѣною такихъ трудовъ, и подвергаетъ его опасности потерять весь трудъ своей прошедшей жизни. Кто нападалъ на реформаторовъ сильнѣе кучки „хлѣбныхъ“ ученыхъ? Кто усерднѣе ихъ задерживаетъ прогрессивное движеніе полезныхъ переворотовъ въ царствѣ знанія? Всякій свѣтъ, зажигаемый счастливымъ геніемъ въ какой бы то ни было наукѣ, дѣлаетъ видимымъ убожество этихъ господъ; они сражаются съ озлобленіемъ, съ коварствомъ, съ отчаяніемъ, потому что, защищая въ этомъ боѣ школьную систему, они вмѣстѣ съ тѣмъ защищаютъ и все свое существованіе. Поэтому нѣтъ болѣе непримиримаго врага, болѣе завистливаго товарища по службѣ, болѣе усерднаго сѣятеля раскола, чѣмъ хлѣбный ученый. Чѣмъ менѣе его вознаграждаютъ знанія *сами по себѣ*, тѣмъ сильнѣе жаждетъ онъ воздаянія извнѣ; для оцѣнки заслуги ремесленника и заслуги ума у него существуетъ только одинъ масштабъ — положенный на дѣло *трудъ*. Поэтому никто не жалуется на неблагодарность такъ горько, какъ хлѣбный ученый; награду себѣ онъ ищетъ не въ сокровищахъ своей мысли, онъ ждетъ ее отъ посторонняго признанія, отъ почестей, отъ денежнаго обезпеченія. Когда въ этомъ неудача—кто несчастнѣе хлѣбнаго ученаго? Онъ, значитъ, понапрасну жилъ, бодрствовалъ, работалъ; онъ напрасно стремился къ познанію истины, когда истина не превратилась для него въ золото, хвалебныя газетныя статьи, благорасположеніе сильныхъ міра сего.

Достойный сожалѣнія человѣкъ, который, владѣя благороднѣйшимъ изъ всѣхъ орудій—наукою и искусствомъ, не добивается и не можетъ добиться ничего выше того, что пріобрѣтаетъ поденщикъ при помощи орудія самаго грубаго,—который въ царствѣ полнѣйшей свободы тащитъ при себѣ рабскую душу! Но еще достойнѣе сожалѣнія даровитый молодой человѣкъ, котораго природно прекрасныя склонности были направлены пагубными уроками и образцами на эту плачевную ложную дорогу, который поддался совѣтамъ собирать нужное для своей будущей карьеры съ этою жалкою аккуратностью. Скоро его научная спеціальность начинаетъ претить ему, какъ ремесленная штучная работа; пробуждаются въ немъ желанія, которымъ она не въ состояніи удовлетворить; духовныя силы въ немъ возмущаются противъ того, что составляетъ его карьеру. Все, дѣлаемое имъ, представляется ему теперь какимъ-то обрывкомъ, онъ не видитъ цѣли своей работы, а между тѣмъ безцѣльность для него невыносима. Трудовое, ничтожное въ его профессіональномъ занятіи гнететъ и удручаетъ его, потому что онъ не можетъ противопоставить этому радостную бодрость, которая сопровождаетъ только свѣтлый умъ, только сознательную законченность дѣла. Онъ чувствуетъ себя отрѣзаннымъ, вырваннымъ

изъ связной цѣпи вещей, потому что не позаботился примкнуть свою дѣятельность къ великому цѣлому міра. Юристу становится противно его правовѣдѣніе, какъ скоро первая заря лучшей культуры освѣщаетъ ему пробѣлы и недостатки этой науки,—противно именно тогда, когда ему слѣдовало бы стремиться сдѣлаться новымъ создателемъ ея и устранить открытые недостатки посредствомъ своего внутренняго запаса. Врачъ приходитъ въ разладъ со своимъ призваніемъ послѣ того, какъ важные промахи доказали ему ненадежность его системы. Богословъ теряетъ уваженіе къ своему дѣлу, чуть только пошатнулась въ немъ вѣра въ непогрѣшимость его ученія.

Какая разница съ образомъ дѣйствій философскаго ума!... Точно съ такою же тщательностью, съ какою хлѣбный ученый отдѣляетъ свою спеціальность отъ всѣхъ остальныхъ наукъ—философскій умъ старается расширять свою область и возстановлять ея связь съ остальными,—*возстановлять*, говорю я, потому что только отвлеченный умъ создалъ эти разъединительныя границы, уничтожилъ связь между этими науками. Гдѣ хлѣбный ученый разъединяетъ, тамъ философскій умъ связуетъ. Онъ рано убѣдился, что въ области разума, точно такъ же, какъ и въ матеріальномъ мірѣ, все цѣпляется одно за другое, и его энергическое стремленіе къ общему единству не можетъ довольствоваться обрывками и обломками. Всѣ его стремленія направлены на завершеніе его познаній; благородное нетерпѣніе не можетъ успокоиться въ немъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его понятія не слились въ одно гармоническое цѣлое, пока онъ не сталъ въ средоточіе своего искусства, своей науки и не получилъ возможности отсюда обозрѣвать свою область удовлетвореннымъ взглядомъ. Новыя открытія въ кругу его дѣятельности, удручающія хлѣбнаго ученаго, приводятъ философскій умъ въ восторгъ. Быть можетъ, они восполнятъ пробѣлъ, который еще безобразитъ формирующееся цѣлое его понятій, или положатъ послѣдній недостающій камень въ доканчиваемое имъ зданіе его идей. Но если имъ и суждено разрушать это зданіе, если суждено всему, что возвела его наука, пасть и уступить мѣсто новымъ мыслямъ, новому явленію природы, новооткрытому закону въ мірѣ физическихъ тѣлъ,—*онъ всегда любилъ истину больше чѣмъ свою систему*, и охотно замѣнитъ старую, неудовлетворительную форму новою и лучшею. Мало того: если даже ни одинъ ударъ извнѣ не потрясаетъ его идейнаго зданія, то онъ самъ, побуждаемый вѣчно живымъ стремленіемъ къ усовершенствованію, онъ самъ будетъ первый, который начнетъ разбирать по частямъ это зданіе, чтобы тѣмъ совершеннѣе возстановить его. Путемъ постоянно новыхъ и новыхъ и становящихся все болѣе прекрасными формъ мысли философскій умъ подвигается къ высшему самоусовершенствованію, въ то время какъ хлѣбный ученый, въ своемъ вѣчномъ умственномъ застоѣ, охраняетъ безплодное однообразіе своихъ школьныхъ понятій.

Никто не цѣнитъ чужія заслуги такъ справедливо, какъ философскій умъ. Достаточно проницательный и изобрѣтательный для того, чтобы пользоваться всякою постороннею дѣятельностью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно безпристрастенъ, чтобы чтить дѣятеля и самаго скромнаго. *Для* него работаютъ всѣ головы, и всѣ головы работаютъ *противъ* хлѣбнаго ученаго. Онъ умѣетъ все происходящее и думаемое вокругъ него обращать въ свою собственность: между мыслящими головами существуетъ тѣсное общеніе всѣхъ достояній духа; что пріобрѣлъ *одинъ* въ царствѣ истины, то пріобрѣтено имъ для всѣхъ. Хлѣбный ученый замыкается отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, на которыхъ онъ завистливо злится за то, что и они пользуются солнечнымъ свѣтомъ и тепломъ, и тщательно охраняется имъ дряхлая стѣна, слабо защищающая его отъ ударовъ побѣдоноснаго разума. Что бы ни предпринялъ хлѣбный ученый—для всего приходится ему заимствовать привлекательность и ободреніе извнѣ; философскій умъ находитъ въ самомъ предметѣ своихъ занятій, въ самомъ своемъ прилежаніи привлекательность и награду. Насколько энергичнѣе можетъ онъ браться за дѣло, насколько живѣе его рвеніе, насколько устойчивѣе его бодрость и дѣятельность, если у него работа молодѣетъ и крѣпнетъ посредствомъ работы! Даже малое становится великимъ подъ его творческой рукой, ибо онъ всегда имѣетъ при этомъ въ виду великое, которому онъ служитъ,—между тѣмъ какъ хлѣбный ученый видитъ даже въ великомъ только малое. Не то, *что* дѣлается, а то *какъ* обращается человѣкъ съ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, отличаетъ философскій умъ отъ другихъ. Гдѣ бы онъ ни находился и дѣйствовалъ, онъ всегда будетъ въ средоточіи цѣлаго,

и какъ бы ни отдалялся онъ объектомъ своей дѣятельности отъ своихъ остальныхъ братьевъ, между ними всетаки существуютъ родство и *близость*, благодаря гармонически дѣйствующему разуму; онъ встрѣчается съ ними вездѣ, гдѣ находятъ другъ друга всѣ свѣтлыя головы.

Продолжать ли мнѣ, мм. гг., это изображеніе, или могу я надѣяться, что вы уже рѣшили, какую изъ двухъ картинъ, нарисованныхъ мною, желательно вамъ взять въ образецъ? Отъ вашего выбора будетъ зависѣть—рекомендовать ли вамъ занятіе всеобщею исторіею, или освободить васъ отъ него. Я имѣю дѣло только со *второго* рода работой; ибо при стремленіи посвятить себя *первой*, наука слишкомъ отдалилась бы отъ своей высшей конечной цѣли и искупила бы маленькій выигрышъ слишкомъ крупною жертвой.

Согласившись теперь съ вами насчетъ точки зрѣнія, съ которой должно опредѣлять цѣнность науки, я могу подойти къ самому понятію всеобщей исторіи—предмету настоящей лекціи.

Открытія, сдѣланныя нашими европейскими мореплавателями въ отдаленныхъ моряхъ и на далекихъ берегахъ, даютъ намъ столько же поучительное, сколько занимательное зрѣлище. Благодаря имъ, народы, расположенные вокругъ насъ и стоящіе на разнообразнѣйшихъ ступеняхъ образованія, представляются намъ какъ бы дѣтьми различнаго возраста, собравшимися вокругъ взрослаго человѣка; они напоминаютъ ему, чѣмъ онъ самъ былъ нѣкогда и откуда онъ вышелъ. Кажется, будто чья-то мудрая рука сохранила для насъ эти грубыя племена до того момента, когда мы въ нашей собственной культурѣ уйдемъ достаточно впередъ для того, чтобы изъ этого открытія сдѣлать полезное примѣненіе къ намъ самимъ и по этому зеркалу снова возстановить утраченное начало нашего рода. Но какъ печально и унизительно представленіе, которое эти народы даютъ намъ о нашемъ дѣтствѣ! А между тѣмъ, эта ступень—уже не первая, на которой мы встрѣчаемъ ихъ. Человѣкъ началъ свое существованіе еще плачевнѣе. Эти племена являются передъ нами уже какъ народы, какъ политическія тѣла; но человѣку пришлось еще сперва употреблять невѣроятныя усилія, чтобы организоваться въ политическое общество.

Что же разсказываютъ намъ путешественники объ этихъ дикаряхъ? Многіе находили ихъ незнакомыми съ необходимѣйшими искусствами, безъ желѣза, безъ плуга, иногда даже безъ употребленія огня. Иные еще боролись съ дикими звѣрями за пищу и жилище, у многихъ языкъ еще едва начиналъ переходить отъ звуковъ животнаго къ членораздѣльнымъ человѣческимъ. Здѣсь не существовало и самой простой связи *брака*, тамъ не имѣли никакого понятія о *собственности*, тутъ вялая неразвитая душа не имѣла силы даже удержать въ себѣ тѣ явленія, которыя, однако, переживались ею ежедневно; такъ напримѣръ иные дикари кидали ложе, на которомъ они провели ночь сегодня, ибо имъ въ голову не приходило, что завтра снова надо будетъ лечь спать. Зато война существовала у всѣхъ, и мясо побѣжденнаго врага нерѣдко составляло награду побѣдителя. У другихъ племенъ, которыя, ознакомившись съ разными житейскими удобствами, уже поднялись на болѣе высокую ступень образованности, ужасающую картину представляли рабство и деспотизмъ. Тутъ африканскій деспотъ продавалъ своихъ подданныхъ за стаканъ водки; здѣсь ихъ умерщвляли на его могилѣ для того, чтобы они служили ему въ загробномъ мірѣ. Въ одномъ мѣстѣ набожное простодушіе падаетъ ницъ предъ смѣшнымъ фетишемъ; въ другомъ—предъ страшнымъ чудовищемъ; человѣкъ рисуетъ себя въ своихъ богахъ. Насколько тамъ пригнетенъ онъ рабствомъ, глупостью и суевѣріемъ, настолько же дѣлаетъ его здѣсь несчастнымъ другая крайность беззаконной свободы. Всегда готовый для нападенія и защиты, пугаемый малѣйшимъ шумомъ, дикарь робко напрягаетъ свой слухъ къ окружающей его пустынѣ; все новое для него *врагъ*, и горе чужеземцу, выброшенному бурею на берегъ! Ни одинъ привѣтливый очагъ не задымится передъ нимъ, никакое милое гостепріимство не порадуетъ его. Но даже и тамъ, гдѣ человѣкъ постепенно поднялся отъ своей враждебной отчужденности до жизни въ обществѣ, отъ нужды и лишеній до благосостоянія, отъ боязни до радостнаго спокойствія—даже и тамъ, какимъ безпорядочнымъ и дикимъ представляется онъ нашимъ глазамъ! Грубый вкусъ его ищетъ веселья въ опьяненіи, красоты въ уродованіи, славы въ безсмысленныхъ крайностяхъ; сама добродѣтель его вызываетъ въ насъ ужасъ, и то, что онъ называетъ своимъ блаженствомъ, можетъ доставить намъ только отвращеніе или состраданіе

Таковы были *мы*. Не многимъ лучше

нашли насъ Цезарь и Тацитъ тысячу восемьсотъ лѣтъ назадъ.

Что мы теперь?—Позвольте мнѣ на минуту остановиться на томъ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, на теперешнемъ видѣ міра, въ которомъ мы обитаемъ.

Человѣческое прилежаніе обработало этотъ міръ и побѣдило строптивую почву своимъ упорствомъ и умѣньемъ. Тутъ оно отняло у моря часть суши, тамъ надѣлило сухую землю водяными теченіями. Поясы и времена года перемѣшалъ человѣкъ между собой и нѣжныя растенія востока закалилъ для своего болѣе грубаго климата. Какъ перенесъ онъ Европу въ Вестъ-Индію и къ Южному Океану—точно такъ же воздвигнута имъ Азія въ Европѣ. Болѣе свѣтлое, чѣмъ прежде, небо привѣтливо разстилается теперь надъ лѣсами Германіи, которые разчистила и открыла для солнечныхъ лучей сильная человѣческая рука, а въ волнахъ Рейна отражаются виноградныя лозы Азіи. На его берегахъ возвышаются населенные города, въ которыхъ бодро кишатъ наслажденіе и трудъ. Здѣсь человѣкъ, въ мирномъ пользованіи своею собственностью, видитъ себя безопаснымъ среди милліона людей—онъ, которому нѣкогда не давала спать боязнь какого-нибудь единственнаго сосѣда. Равенство, утраченное имъ вслѣдствіе его вступленія въ общество, онъ снова пріобрѣлъ, благодаря мудрымъ законамъ. Отъ слѣпого гнета случая и нужды онъ бѣжалъ подъ болѣе кроткое господство общественныхъ договоровъ и отказался отъ свободы хищнаго звѣря, чтобы спасти болѣе благородную свободу человѣка. Благотворно отдѣлились одна отъ другой его заботы, распредѣлились отрасли его дѣятельности. Теперь уже не приковываетъ его повелительная необходимость къ плугу, и не отрываетъ уже его врагъ отъ плуга на полѣ битвы, для защиты отечества и домашняго очага. Руками земледѣльца онъ наполняетъ свои амбары, оружіемъ воина охраняетъ свои владѣнія. Законъ бдитъ надъ его собственностью—и *за нимъ* остается неоцѣненное право самому избирать себѣ свои обязанности.

Какое множество созданій искусства, сколько чудесъ прилежанія, какой яркій свѣтъ во всѣхъ областяхъ знанія съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пересталъ безплодно тратить свои силы въ печальной самозащитѣ,—съ тѣхъ поръ, какъ было предоставлено его собственной волѣ такъ или иначе справляться съ нуждой, вовсе уйти отъ которой онъ не можетъ,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріобрѣлъ драгоцѣнное право свободно распоряжаться своими способностями и слѣдовать влеченію своего духа! Какая живая дѣятельность всюду съ тѣхъ поръ, какъ размножившіяся потребности придали новыя крылья человѣческой изобрѣтательности и открыли новыя дороги прилежанію!.. Разрушены стѣны, разъединявшія во враждебномъ эгоизмѣ государства и народы. Всѣ мыслящія головы соединяетъ въ настоящее время между собою космополитическая связь, и духъ новаго Галилея и новаго Эразма можетъ быть теперь уже освѣщаемъ всѣмъ свѣтомъ ихъ вѣка.

Послѣ того какъ законы снизошли къ слабости природы человѣка, и человѣкъ охотно пошелъ навстрѣчу законамъ. Съ ними онъ сдѣлался мягче, точно такъ же какъ до тѣхъ поръ дичалъ съ ними; вслѣдъ за ихъ варварскими наказаніями постепенно пришли въ забвеніе его варварскія преступленія. Великій шагъ къ облагороженію сдѣланъ тѣмъ, что законы добродѣтельны, хотя сами люди и не достигли еще этого. Гдѣ человѣкъ освобождается отъ обязанностей принудительныхъ, тамъ беретъ его въ свою власть общественная нравственность. Кого не пугаетъ никакое наказаніе и не обуздываетъ совѣсть, того сдерживаютъ теперь въ границахъ законы приличія и чести.

Правда, и въ нашъ вѣкъ проникли нѣкоторые варварскіе остатки предыдущихъ—порожденія случая и насилія, которыхъ не слѣдовало бы увѣковѣчивать вѣку разума. Но сколько цѣлесообразности придалъ человѣческій умъ и этому варварскому наслѣдію древнихъ и среднихъ вѣковъ! Какимъ безвреднымъ, даже полезнымъ, часто дѣлалъ онъ то, что ниспровергнуть еще не рѣшался! На грубой почвѣ ленной анархіи воздвигнула Германія систему своей политической и церковной свободы. Призракъ римскаго императора, уцѣлѣвшій по сю сторону Апеннинъ, въ настоящее время для міра безконечно благовиднѣе своего страшнаго первообраза въ древнемъ Римѣ, потому что онъ поддерживаетъ полезную государственную систему *единомасіемъ*, тогда какъ тотъ сковывалъ дѣятельнѣйшія человѣческія силы въ рабскомъ *единообразіи*. Даже и въ нашей религіи—какъ ни обезображена она обманщиками, передавшими намъ ее—даже въ ней кто можетъ не признать облагораживающее вліяніе лучшей философіи? За нашими Лейбницами и Лок-

ками такая же заслуга относительно *догмата* и *морали* христіанства, какая за кистью Рафаэля и Корреджіо относительно священной исторіи.

Наконецъ наши государства—какъ тѣсно, съ какимъ искусствомъ связаны они другъ съ другомъ! Насколько эта связь прочнѣе вслѣдствіе благотворной силы нужды, чѣмъ въ прежнее время—силою торжественнѣйшихъ договоровъ! Миръ охраняется теперь вѣчно вооруженною войною, и себялюбіе всякаго государства заставляетъ его быть стражемъ благоденствія всѣхъ остальныхъ. Общество европейскихъ государствъ представляется обратившимся въ одну огромную семью. Члены ея могутъ враждовать между собою, но—надо надѣяться—лишились уже возможности терзать на части и пожирать другъ друга.

Какія противоположныя картины! Кому придетъ въ голову усмотрѣть въ утонченномъ европейцѣ 18-го столѣтія только ушедшаго далеко впередъ брата новаго канадійца, древняго кельта? Всѣ эти усовершенствованія, опыты, всѣ эти созданія разума насадились и развились въ человѣкѣ на пространствѣ немногихъ тысячелѣтій; всѣ эти чудеса искусства, эти исполинскіе продукты прилежанія вызваны изъ него наружу. Что же дало жизнь первымъ, что вызвало вторыя? Какія обстоятельства пережилъ человѣкъ, пока отъ *той* крайности онъ не дошелъ до *этой*, пока изъ состоянія дикаго обитателя пещеры онъ не поднялся на ступень умнаго мыслителя, образованнаго человѣка общества?—На этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ всеобщая исторія.

Неизмѣримо различнымъ представляется намъ одинъ и тотъ же народъ въ одной и той же мѣстности, когда мы знакомимся съ нимъ въ разныя времена! Не менѣе поразительно различіе, усматриваемое нами въ поколѣніи одновременномъ, но разсѣянномъ по различнымъ странамъ. Какое разнообразіе въ обычаяхъ, государственномъ устройствѣ и нравахъ! Какое быстрое чередованіе тьмы и свѣта, анархіи и порядка, счастія и несчастія представляется намъ, когда мы видимъ человѣка даже въ маленькой части свѣта—Европѣ! Вотъ онъ, свободный на Темзѣ и этой свободой обязанный только самому себѣ; въ одномъ мѣстѣ онъ непобѣдимъ между своими Альпами, въ другомъ—неодолимъ среди своихъ искусственныхъ рѣкъ и болотъ. На берегахъ Вислы человѣкъ безсиленъ и жалокъ вслѣдствіе своей вражды съ другими; по ту сторону Пиринеевъ онъ немощенъ и жалокъ вслѣдствіе своего спокойствія. Зажиточенъ и благословенъ судьбой человѣкъ въ Амстердамѣ безъ жатвы на поляхъ; бѣденъ и несчастенъ онъ въ остающемся безъ всякаго воздѣлыванія краю береговъ Эбро. Вотъ два отдаленныхъ другъ отъ друга народа, раздѣленные океаномъ и соединенные, какъ сосѣди, взаимными потребностями, прилежаніемъ и политическими узами; а въ другомъ мѣстѣ обитатели берега *одной и той же* рѣки, неизмѣримо разъединенные различнымъ богослуженіемъ! Что перенесло власть Испаніи черезъ Атлантическій океанъ въ сердце Америки, тогда какъ она не перешла даже черезъ Таго и Гвадіану? Благодаря чему столько престоловъ уцѣлѣло въ Италіи и Германіи, а всѣ, за исключеніемъ одного, исчезли во Франціи?—Этотъ вопросъ рѣшаетъ всеобщая исторія.

Даже то обстоятельство, что мы съ вами сошлись въ настоящую минуту здѣсь, сошлись, стоя на этой ступени національной культуры, съ этимъ языкомъ, этими нравами, этими гражданскими преимуществами, этимъ количествомъ свободы совѣсти—даже оно есть, можетъ быть, результатъ *всѣхъ* предшествовавшихъ міровыхъ событій; по крайней мѣрѣ, для объясненія этого единственнаго момента понадобилась бы *вся* всемірная исторія. Для того, чтобы мы сошлись здѣсь, какъ христіане, надо было, чтобы эта религія, подготовленная безчисленными переворотами, вышла изъ еврейства, надо было ей найти римское государство именно такимъ, какимъ она нашла его, чтобы быстро и побѣдоносно распространиться по міру и, наконецъ, даже взойти на тронъ цезарей. Наши грубые предки въ Тюрингенскихъ лѣсахъ, чтобы принять вѣру франковъ, должны были сперва подчиниться ихъ господству. Духовенству для того, чтобы злоупотребить своимъ значеніемъ и превратить свою мирную *силу совѣсти* въ свѣтскій мечъ, надо было найти соблазнъ и содѣйствіе въ своихъ постоянно возраставшихъ богатствахъ, невѣжествѣ народовъ и слабости государей. Понадобилось, чтобы іерархія, въ лицѣ Григорія и Иннокентія, обрушила всѣ ужасы на человѣческій родъ, для того, чтобы безграничная испорченность нравовъ и вопіющій скандалъ церковнаго деспотизма побудили неустрашимаго августинскаго монаха дать знакъ къ отпаденію и вырвать изъ рукъ римскаго іерарха половину Европы;—этому нужно

было совершиться, чтобы мы могли сойтись здѣсь, какъ христіане-протестанты. Для того, чтобы это сдѣлалось, нужно было оружію нашихъ государей заставить Карла V рѣшиться на заключеніе религіознаго мира; Густаву-Адольфу отомстить за нарушеніе этого мира; новому договору установить миръ на рядъ столѣтій. Для того, чтобы стали процвѣтать ремесла, торговля, искусство, чтобы государство начало чтить земледѣльца, и въ благотворномъ *среднемъ сословіи*, создателѣ всей нашей культуры, созрѣло прочное счастье для человѣчества,—нужно было городамъ Италіи и Германіи подняться, отворить свои ворота прилежному труду, разбить оковы крѣпостного права, вырвать судейскую власть изъ рукъ невѣжественныхъ тирановъ и съ помощью воинственной Ганзы добыть себѣ уваженіе и почетъ. Нужно было, чтобы германскіе императоры обезсилѣли въ столѣтнихъ войнахъ съ папами, со своими вассалами, съ завистливыми сосѣдями, чтобы Европа сбросила съ себя въ могилы Азіи опасный избытокъ своего населенія и строптивое ленное дворянство, убило свой мятежническій духъ разбойничьимъ калачнымъ правомъ, римскими походами и походами ко св. мѣстамъ—все это для того, чтобы дикій хаосъ разсѣялся, и враждующія силы успокоились въ блаженномъ равновѣсіи, цѣною котораго является нашъ теперешній досугъ. Для освобожденія нашего духа изъ того невѣжества, въ которомъ держалъ его скованнымъ свѣтскій и церковный гнетъ, нужно было сѣменамъ учености, долго подавлявшимся ея бѣшенными гонителями, снова пустить ростки, и просвѣщенному Али-Мамуну вознаградить науку за то, что было грабительски похищено у нея Омаромъ. Невыносимыя бѣдствія, порожденныя варварствомъ, понадобились для того, чтобы привести нашихъ предковъ отъ кроваваго „*суда Божьяго*“ къ гуманному суду человѣка; опустошительныя моровыя болѣзни—для возвращенія сбившейся съ надлежащаго пути медицины къ изученію законовъ природы; праздности монаховъ надо было издалека приготовить возмездіе за зло, причиненное ихъ дѣятельностью, и свѣтскому прилежанію въ монастыряхъ сохранить до эпохи книгопечатанія полуразрушенные остатки вѣка Августа. Для того, чтобы ученость нашла путь къ человѣческому сердцу и заслужила себѣ имя воспитательницы человѣка, надо было, чтобы подавленный духъ сѣверныхъ варваровъ поднялся и окрѣпъ въ знакомствѣ съ греческими и римскими образцами и чтобы наука заключила союзъ съ музами и граціями... И развѣ Греція имѣла бы Ѳукидида, Платона, Аристотеля, развѣ явились бы въ Римѣ Горацій, Цицеронъ, Виргилій, Ливій, если бы оба эти государства не достигли той высокой ступени политическаго благосостоянія, на которой мы видимъ ихъ, однимъ словомъ—если бы этому не предшествовала *вся* ихъ исторія? Сколькимъ изобрѣтеніямъ, открытіямъ, государственнымъ и церковнымъ переворотамъ надо было *совершиться совокупно*, чтобы дать возможность этимъ новымъ, еще нѣжнымъ зародышамъ науки и искусства вырости и распространиться. Сколько войнъ, сколько договоровъ и союзовъ понадобилось для того, чтобы привести, наконецъ, Европу къ принципу мира, который одинъ дозволяетъ какъ государствамъ, такъ и гражданамъ обращать вниманіе на самихъ себя и направлять свои силы къ разумной цѣли!

Даже въ повседневнѣйшихъ отправленіяхъ гражданской жизни не можемъ мы не быть должниками предыдущихъ столѣтій; самые разнообразные періоды исторіи человѣчества платятъ такую же дань нашей теперешней культурѣ, какая приносится нашей роскоши отдаленнѣйшими отъ насъ частями свѣта. Развѣ платья, въ которыя мы одѣваемся, приправы въ нашихъ кушаньяхъ и цѣны, платимыя нами за нихъ, многія изъ нашихъ цѣлебныхъ средствъ и столько же новыхъ орудій нашей пагубы—развѣ все это было бы возможно безъ Колумба, открывшаго Америку, безъ Васко ди Гама, объѣхавшаго Африку?

Такимъ образомъ, тянется цѣлая цѣпь событій отъ настоящей минуты до начала человѣческаго рода, которыя соединяются одно съ другимъ, какъ причина и дѣйствіе. *Вполнѣ и во всемъ количествѣ* можетъ обозрѣть ихъ только безконечный разумъ; человѣку поставлены болѣе тѣсные предѣлы.—I. Безчисленное множество этихъ событій или не нашло себѣ никакихъ свидѣтелей и наблюдателей между людьми, или они не оставили послѣ себя явственныхъ слѣдовъ. Сюда относятся всѣ тѣ, которые предшествовали самому человѣческому роду и изобрѣтенію законовъ. Источникъ всякой исторіи—традиція, а органъ традиціи—языкъ. Вся эпоха *до языка*, какъ ни богата она послѣдствіями для *міра*,—для *всемірной исторіи* погибла.—II. Но и послѣ того, какъ былъ изобрѣтенъ языкъ и тѣмъ доставлена возможность выражать словомъ случившееся и

передавать его дальше, передача эта вначалѣ совершалась только ненадежнымъ и сбивчивымъ путемъ *легендъ*. Изъ устъ въ уста сообщалось подобное событіе однимъ поколѣніемъ другому, и вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ среды, въ которую проникала легенда, измѣнялось и ея содержаніе. Поэтому живая традиція или устная сага—для исторіи весьма ненадежный источникъ, поэтому и всѣ событія *до введенія въ употребленіе письменъ* тоже почти что погибли для всемірной исторіи.—III. Но и сами письмена не вѣчны; безчисленное количество памятниковъ древности разрушено временемъ и случаемъ, и лишь немногіе остатки уцѣлѣли отъ первыхъ вѣковъ до эпохи книгопечатанія. Большая часть, со всѣми разъясненіями, которыя мы могли бы найти въ ней, для всемірной исторіи утрачена.—IV. Между тѣмъ, наконецъ, изъ немногаго, что пощажено временемъ, значительнѣйшее число изуродовали или сдѣлали неузнаваемымъ *пристрастіе*, *неразуміе*, а часто и высокая творческая индивидуальность описывавшихъ событія. Недовѣріе рождается въ насъ при чтеніи древнѣйшаго историческаго памятника, и мы не разстаемся съ нимъ даже сидя надъ лѣтописью нынѣшняго времени. Если ужъ при событіи, случившемся только сегодня, и среди людей, съ которыми мы живемъ, и въ городѣ, гдѣ мы обитаемъ, намъ, выслушивая свидѣтелей его, только съ трудомъ удается извлечь истину изъ противорѣчивыхъ указаній,—то съ какою же увѣренностью можемъ мы относиться къ націямъ и временамъ, которыя отдалены отъ насъ своими бытовыми особенностями еще больше, чѣмъ рядомъ тысячелѣтій?—Незначительное число фактовъ, остающееся послѣ всѣхъ сдѣланныхъ нами оговорокъ, составляетъ матеріалъ исторіи въ самомъ широкомъ ея значеніи. *Что же* и *какая часть* этого историческаго матеріала принадлежитъ *всемірной исторіи?*

Изъ всего количества этихъ событій историкъ ставитъ на первое мѣсто тѣ, которыя имѣли существенное, неоспоримое и легкопрослѣдимое вліяніе на *нынѣшнее* положеніе міра и на образъ жизни нынѣ существующаго поколѣнія. Отношеніе того или другого историческаго момента къ группировкѣ міровыхъ событій и явленій въ современную историку эпоху есть именно то, что должно имѣть въ виду, чтобы собирать матеріалы для всемірной исторіи. Всемірная исторія исходитъ такимъ образомъ изъ принципа, прямо противоположнаго началу міра. Дѣйствительный ходъ событій направленъ отъ перваго происхожденія вещей къ тому положенію, въ которомъ онѣ находятся въ новѣйшее время; историкъ подымается вверхъ отъ новѣйшаго времени къ днямъ перваго происхожденія вещей. Когда отъ текущаго года и столѣтія онъ мысленно восходитъ къ ближайшему предшествовавшему, и между событіями этого послѣдняго отмѣчаетъ себѣ тѣ, которыя даютъ разъясненія касательно непосредственно слѣдовавшихъ за ними,—когда онъ шагъ за шагомъ совершилъ этотъ путь до начала—не міра, ибо туда не приведетъ его никакой указатель—а появленія памятниковъ,—тогда отъ него зависитъ сдѣлать поворотъ назадъ на пройденной дорогѣ и, имѣя руководящею нитью прежде замѣченные имъ факты, безпрепятственно и легко спуститься отъ начала памятниковъ до новѣйшаго столѣтія. Вотъ всемірная исторія, которую мы имѣемъ и которая будетъ изложена вамъ въ моихъ чтеніяхъ.

Такъ какъ всемірная исторія находится въ зависимости отъ богатства и бѣдности источниковъ, то въ ней должно образовываться именно столько пробѣловъ, сколько есть пустыхъ мѣстъ въ традиціи. Насколько единообразно, необходимо и опредѣлительно развиваются одно изъ другого измѣненія въ мірѣ, настолько непослѣдовательно, съ перерывами и случайно цѣпляются они другъ за друга въ исторіи. Поэтому между ходомъ вещей въ *мірѣ* и ходомъ *всемірной исторіи* усматривается замѣтная несоотвѣтственность. Первый можно бы сравнить съ непрерывно текущею рѣкой, тогда какъ во всемірной исторіи появляется предъ глазами только по временамъ та или другая отдѣльная волна этой рѣки. Такъ какъ затѣмъ легко можетъ случиться, что связь отдаленнаго мірового событія съ положеніемъ дѣлъ въ текущемъ году кидается въ глаза раньше связи его съ событіями, предшествовавшими ему или современными,—то точно такъ же неизбѣжно, что тѣ событія, которыя тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ новѣйшимъ вѣкомъ, нерѣдко представляются *изолированными* въ вѣкѣ томъ, которому они собственно принадлежатъ. Фактомъ такого рода было бы, напримѣръ, происхожденіе христіанства и особенно—христіанской морали. Христіанская религія такъ многообразно повліяла на нынѣшнее положеніе міра, что ея появленіе есть для всемірной исторіи важнѣйшій фактъ; но ни во времени,

когда она появилась, ни въ народѣ, среди котораго она возникла, не находимъ мы (по отсутствію источниковъ) удовлетворительнаго объясненія ея возникновенія.

И вотъ, такимъ образомъ, наша всемірная исторія по настоящему не можетъ быть никогда ничѣмъ инымъ, какъ агрегатомъ отрывковъ, и нельзя ей никогда заслужить названіе науки. Но тутъ-то на помощь ей приходитъ философскій умъ; соединяя эти отрывки искусственными звеньями, онъ обращаетъ агрегатъ въ систему, въ разумно сплоченное цѣлое. Его право на такую систематизацію обусловлено единообразіемъ и неизмѣннымъ единствомъ законовъ природы и человѣческаго духа, каковое единство—причина того, что событія отдаленнѣйшей древности, при стеченіи подобныхъ же обстоятельствъ извнѣ, повторяются въ новѣйшія времена, и что такимъ образомъ явленіями новѣйшими, лежащими въ кругѣ нашихъ наблюденій, можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ тѣ, которыя теряются въ до-историческихъ временахъ. Методъ выводовъ и заключеній по аналогіи является въ исторіи такимъ же могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ, какъ и вездѣ, но онъ долженъ быть оправданъ уважительными причинами и употребляемъ настолько же осторожно, насколько обдуманно.

Не надолго можетъ философскій умъ остановиться на матеріалѣ, представляемомъ всеобщею исторіею, безъ того, чтобы въ немъ не зашевелилось новое стремленіе—неодолимо влекущее его—все окружающее ассимилировать его собственной разумной натурѣ и всякое, встрѣчающееся ему явленіе возвышать на степень *мысли*. Чѣмъ чаще такимъ образомъ и чѣмъ успѣшнѣе возобновляетъ онъ попытку связать прошедшее съ настоящимъ, чѣмъ сильнѣе въ немъ склонность связывать между собой какъ *средство* и *цѣль* то, что онъ видитъ соединяющимся другъ съ другомъ, какъ *причина* и *дѣйствіе*. Одно явленіе за другимъ начинаетъ уходить изъ области слѣпого случая, беззаконной свободы и присоединяется въ качествѣ соотвѣтствующаго члена къ гармоническому цѣлому (которое, конечно, существуетъ только по представленіи этого философическаго ума). Скоро ему становится трудно убѣдить себя, что этотъ послѣдовательный рядъ явленій, въ которомъ онъ находилъ столько правильности и цѣлесообразности, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ этихъ свойствъ; тяжело для него снова отдать подъ слѣпое владычество необходимости то, что подъ заимствованнымъ свѣтомъ разума пріобрѣло такой свѣтлый образъ. Такимъ образомъ, онъ исторгаетъ эту гармонію изъ самого себя и пересаживаетъ ее внѣ себя, въ порядокъ вещей, т. е. онъ вноситъ разумную цѣль въ ходъ міра и телеологическій принципъ—во *всемірную исторію*. Съ этимъ принципомъ онъ снова совершаетъ путь по ней и имъ руководствуется при оцѣнкѣ каждаго явленія, представляемаго ему этою громадною областью. Тысячью фактовъ *подтверждается* для него принципъ этотъ, и такимъ же количествомъ ихъ *опровергается* онъ; но пока въ цѣли міровыхъ измѣненій замѣчается еще отсутствіе важныхъ связующихъ звеньевъ, пока судьба еще воздерживается отъ сообщенія послѣдняго ключа къ столь многимъ событіямъ, онъ продолжаетъ объявлять вопросъ *нерѣшеннымъ*, — и побѣду одерживаетъ то мнѣніе, которое можетъ предложить уму высшее удовлетвореніе и сердцу—высшее блаженство.

Считаю лишнимъ говорить, что созданія всемірной исторіи по этому послѣднему плану можно ожидать только чрезъ много, много лѣтъ. Слишкомъ преждевременное примѣненіе такого крупнаго масштаба могло бы легко ввести историка въ искушеніе—насиловать событія, и, желая ускорить наступленіе этой счастливой эпохи для всемірной исторіи, онъ, напротивъ, все больше и больше отдалялъ бы ее. Но никогда не слишкомъ рано привлекать вниманіе къ этой свѣтлой и однако столь пренебрегаемой сторонѣ всемірной исторіи — сторонѣ, которою она примыкаетъ къ высшему предмету всѣхъ человѣческихъ стремленій. Уже одно усматриваніе вдали такой — хотя бы только возможной — цѣли должно давать изслѣдователю живительное поощреніе и отрадный отдыхъ. Важно будетъ для него и самое малое усиліе, когда онъ самъ ступитъ—или хоть только направитъ позднѣйшаго преемника своего—на путь разрѣшенія проблемы мірового порядка и встрѣчи съ высочайшимъ духомъ въ прекраснѣшихъ проявленіяхъ его дѣятельности.

Такимъ способомъ производимое изученіе всемірной исторіи будетъ для васъ, мм. гг., столько же привлекательнымъ, сколько полезнымъ занятіемъ. Въ разумѣ вашемъ оно зажжетъ свѣтъ, въ сердцѣ — благотворное воодушевленіе. Оно отучитъ вашъ умъ отъ пошлаго и мелочнаго воззрѣнія на нравственные вопросы и, развертывая предъ вашими глазами великую

картину временъ и народовъ, будетъ исправлять слишкомъ поспѣшныя рѣшенія данной минуты и узко-ограниченныя сужденія эгоизма. Пріучая человѣка къ тому, чтобы онъ разсматривалъ себя въ связи со всѣмъ прошедшимъ и спѣшилъ со своими выводами впередъ въ дальнее будущее, оно этимъ скрываетъ границы рожденія и смерти, такъ тѣсно и тяжело сдавливающія въ себѣ жизнь человѣка, оно оптическою иллюзіею расширяетъ кратковременное человѣческое существованіе на безконечное протяженіе и незамѣтно переводитъ индивидуума въ родъ.

Человѣкъ преобразуется и убѣгаетъ со сцены; его мнѣнія убѣгаютъ и преобразуются вмѣстѣ съ нимъ; одна исторія остается неизмѣнно на мѣстѣ, она — безсмертная гражданка всѣхъ народовъ и временъ. Подобно Гомерову Зевсу, смотритъ она одинаково свѣтлымъ взоромъ на кровавые труды войны и на мирные народы, безвинно питающіеся молокомъ своихъ стадъ. Какъ ни безпорядочно распоряжается повидимому свобода человѣка съ міровымъ ходомъ,— исторія спокойно смотритъ на эту путаницу, ибо дальнозоркимъ глазомъ своимъ **она открываетъ уже издалека моментъ,** когда эту безпорядочно мятущуюся въ разныя стороны свободу поведетъ на своихъ возжахъ необходимость. То, что утаивается ею отъ карающей совѣсти какихъ-нибудь Григорія и Кромвеля, она спѣшитъ открыть человѣчеству: „что себялюбивый человѣкъ можетъ, правда, преслѣдовать низкія цѣли, но что онъ безсознательно споспѣшествуетъ самымъ благороднымъ".

Никакой ложный блескъ не ослѣпляетъ ее, никакимъ предразсудкомъ даннаго времени она не увлечется, ибо она переживаетъ послѣднюю судьбу всѣхъ вещей. Все, что *перестало существовать*, для нея просуществовало одинаковое пространство времени: она держитъ свѣжимъ тотъ лавровый вѣнокъ, который пріобѣтенъ истинными заслугами, и разбиваетъ тотъ обелискъ, который воздвигается тщеславіемъ. Раскрывая передъ нами тонкую работу, посредствомъ которой молчаливая рука природы уже съ начала міра развиваетъ систематически силы человѣка, и съ точностью указывая, что сдѣлано въ каждомъ періодѣ для исполненія этого великаго плана природы— она возстановляетъ для оцѣнки счастья и заслуги правильный масштабъ, на разные лады извращаемый въ каждомъ столѣтіи господствующимъ ослѣпленіемъ. Она излечиваетъ насъ отъ преувеличеннаго поклоненія древности и отъ ребяческой тоски по прошедшимъ временамъ и, обращая наше вниманіе на то, чѣмъ владѣемъ мы, не заставляетъ насъ желать возвращенія пресловутыхъ золотыхъ вѣковъ Александра и Августа.

Для того, чтобы вызвать наступленіе нашего *человѣческаго* вѣка, работали — помимо своего вѣдома или не достигая цѣли— всѣ предшествующіе вѣка. Нашу собственность составляютъ всѣ сокровища, добытыя прилежаніемъ и геніальностью, умомъ и опытностью за все долгое время существованія міра. Только изъ исторіи вы научитесь достойно цѣнить тѣ блага, благодарность за которыя убиваютъ въ нашемъ сердцѣ привычка и никѣмъ неоспариваемое владѣніе—драгоцѣнныя блага, на которыхъ запеклась кровь лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, для пріобрѣтенія которыхъ понадобился тяжелый трудъ стольких поколѣній! И могъ ли бы хоть одинъ изъ васъ, въ комъ свѣтлый умъ сочетался съ чувствительнымъ сердцемъ, думать объ этомъ высокомъ долгѣ своемъ безъ того, чтобы не зашевелилось въ немъ тайное желаніе заплатить *грядущему* поколѣнію тотъ долгъ, который онъ не можетъ уже отдать прошедшему? Въ душѣ нашей должно горѣть благородное желаніе—къ богатому запасу истины, нравственности и свободы, который мы унаслѣдовали отъ прошедшихъ вѣковъ и должны передать, обильно увеличеннымъ, эпохамъ послѣдующимъ, прибавить кое-что и изъ *нашихъ* собственныхъ средствъ и прикрѣпить наше мимолетное существованіе къ той вѣчной цѣпи, которая тянется по всѣмъ человѣческимъ поколѣніямъ. Какъ бы ни различны были назначенія, ожидающія васъ въ гражданскомъ обществѣ — какая-нибудь лепта можетъ быть внесена сюда каждымъ изъ васъ! Каждой заслугѣ открыта дорога къ безсмертію — тому, на мой взглядъ, истинному безсмертію, при которомъ совершенное дѣло живетъ и быстро подвигается впередъ, хотя бы имя того, кому оно обязано своимъ возникновеніемъ, и осталось далеко позади.

Петръ Вейнбергъ.

Примѣчанія къ III тому.

МЕССИНСКАЯ НЕВѢСТА.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ трагедія раздѣляется на дѣйствія и явленія сообразно такъ называемому «Гамбургскому театральному манускрипту», присланному поэтомъ для Гамбургскаго городского театра.

Стр. 19. Изабелла: *Изъ безмолвья женскихъ горницъ*. Дворецъ раздѣляется, какъ вообще въ среднія вѣка, на мужскую и женскую половины.—*Еще двухъ разъ не обновился мѣсяцъ*. Въ «Гамбургскомъ манускриптѣ»—*три раза*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ Донъ-Цезаря (стр. 35): *Тихій гробъ три мѣсяца отца скрываетъ.—Изъ сѣмени безвѣстно роковаго*. Причина глубокой взаимной вражды братьевъ остается неизвѣстной: эта таинственность придаетъ ей особо роковой характеръ. Вражда, возобновившаяся по смерти отца, очевидно, не вызвана борьбой изъ-за трона, а мелочами дворцомъ, арабскими конями, о которыхъ говорятъ братья во время примиренія (стр. 24–25). Каждый называетъ себя и послѣ примиренія «высшимъ въ Мессинѣ», и, очевидно, старшинство Донъ-Мануила не даетъ ему никакого предпочтительнаго права на престолъ; вѣроятно, законной престолонаслѣдницей является мать.

Стр. 20. *Она подаетъ знакъ старому слугѣ, который остается*. Здѣсь начинается второе явленіе перваго дѣйствія.

Изабелла: *Ибо надо мною чужая властвовала воля*—то-есть власть супруга.

Поспѣшно уходитъ. Здѣсь начинается третье явленіе перваго дѣйствія.

Стр. 21. Примѣчаніе о томъ, какъ Шиллеръ распредѣлилъ рѣчи хора между его представителями, принадлежитъ Кернеру (1814 г.). Первый хоръ (Каетанъ): *Клятва Эринній дитя*. Клятва, хранительница мира и законности, изображена страшнымъ божествомъ—дитятей Эринній, богинь мести, наказывающихъ и преслѣдующихъ всякое беззаконіе, вѣроломство, невѣрность. Какъ видно, братья поклялись не вносить открытой вражды во дворецъ.

Второй хоръ (Боэмундъ): *Міра божественность мнѣ угрожаетъ*. Опечатка: въ подлинникѣ говорится о Gottesfriede (treuga Dei), т. е. объ обязательномъ *мирѣ*, который должны были въ извѣстные промежутки времени и въ извѣстныхъ мѣстахъ соблюдать всѣ враждующіе.

Одинъ изъ хора (Беренгаръ): *Ни древа, обвитыя лозой*—собственно «вязы, обвитые виноградомъ». Подробность, характерная для южно-итальянскаго пейзажа.—*Съ запада къ намъ на ладьяхъ быстроходныхъ* и т. д. Норманны приплыли въ Сицилію съ западной стороны Средиземнаго моря.

Стр. 22. **Другой (Манфредъ)**: *Не тамъ, гдѣ Церера златая ръзвится* и т. д. Смыслъ этого четверостишія: не въ пышной, плодородной природѣ юга, но на мрачномъ сѣверѣ, дающемъ лишь желѣзо, создаются повелители. *Златая* Церера отъ золотистаго отблеска пажитей.

Стр. 22. Первый хоръ (Беренгаръ). *Въ цѣлой вселенной образа ньту подобнаго ей*. Державная мать, поддерживаемая юными, могучими сыновьями, представляетъ собою вѣнецъ міросданія. Комментаторы сопоставляютъ съ этимъ мѣстомъ привѣтственный хоръ въ «Персахъ» Эсхила предъ королевой-матерью Атоссой.

Второй хоръ (Боэмундъ): *Потомство, съ солнцемъ, которое, странствуя вѣчно* и т. д. *которое* относится къ слову *потомство*.—*Имя грядущимъ даетъ временамъ*. По родовымъ прозвищамъ великихъ династій нарекаются цѣлыя эпохи исторіи.

Стр. 22. Изабелла (*выступая съ сыновьями впередъ*). Здѣсь начинается четвертое явленіе перваго дѣйствія.

Стр. 23. Изабелла:—*Изливавшагося пламенною сырой*—то есть лавой. *Который словно лавы наслоенье, похоронилъ законы естества*. Здоровая, то есть плодоносная земля, покрыта наносным, но мертвящимъ слоемъ лавы—такъ здоровыя братскія чувства Цезаря и Мануила покрыты корой взаимной ненависти. Эти сравненія особенно естественны и умѣстны въ виду близости вулкана Этны, высящагося надъ Мессиной.

Стр. 24. Изабелла: *Какъ ѳивскіе борцы*—сыновья Эдипа Этеоклъ и Полиникъ, погибшіе въ поединкѣ (см. въ словарѣ въ т. IV). *Противника пусть каждый побьдитъ*. Горькій сарказмъ въ подлинникѣ усугубленный прибавленіемъ: *обмѣнявши жизнь на жизнь.—И самый пламень огненнымъ столбомъ, раздвоившись на двѣ половины*. По преданію, такъ раздвоилось пламя костра, на которомъ были сожжены тѣла Этеокла и Полиника.

Братья продолжаютъ стоять въ прежнемъ отдаленіи. Здѣсь начинается пятое явленіе перваго дѣйствія.

Хоръ (Каетанъ).—*Въ родственной я неповинен кровн.* Если бы и произошло убійство, о которомъ говорила мать, то вина пала бы на противную сторону.

Стр. 25. Донъ-Мануилъ: *Нахожу въ тебѣ я сходство нѣкое, что такъ чудесно меня волнуетъ*: сходство со своей возлюбленной и сестрой Беатриче.

Оба хора обнимаются. Здѣсь начинается шестое явленіе перваго дѣйствія.

Вѣстникъ: *Жезлъ мой ростками свѣжими зазеленѣлъ.* Гонцы, приносившіе радостныя вѣсти, обвивали свои посохи свѣжей зеленью.

Стр 26. Донъ-Мануилъ: *Любви отнынѣ вся наша жизнь должна принадлежать.* Онъ говоритъ *въ примѣтной разсѣянности* и это указываетъ, что въ этотъ моментъ онъ думаетъ не о братѣ, а объ иной любви.

Донъ-Мануилъ и первый хоръ. Здѣсь начинается седьмое явленіе перваго дѣйствія.

Донъ Мануилъ: *Безымянному отдавшись.* Не въ томъ смыслѣ, что она не знаетъ его имени, которое ей извѣстно, а—безвѣстному, не знаменитому.

Стр. 29. Донъ Мануилъ: *Чудесные дары морской богини*—Амфитриты, супруги Нептуна.

Хоръ (Каетанъ): *Готовое найдется на базарѣ.* Въ подлинникѣ также auf dem Bazar—восточное слово, характерное для полу-мавританской Сициліи.

Уходитъ, за нимъ двое изъ хора. Здѣсь начинается восьмое явленіе перваго дѣйствія.

Одинъ изъ хора (Манфредъ): *Но лишь въ войнѣ проявляется сила* и т. д. Комментаторы сопоставляютъ съ этими словами замѣчаніе Канта изъ «Критики способности сужденія»: «Даже война, когда она ведется съ должнымъ порядкомъ и съ уваженіемъ къ священнымъ гражданскимъ правамъ гражданъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто возвышенное и дѣлаетъ образъ мыслей народа, ведущаго ее такимъ образомъ, тѣмъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ большимъ опасностямъ онъ подвергался и стойко держался среди нихъ. Тогда какъ наоборотъ продолжительный миръ обыкновенно водворяетъ лишь торговый духъ, а съ нимъ вмѣстѣ низкое своекорыстіе, трусость и слабость и потому понижаетъ міровоззрѣніе народа». Необходимо, однако, отмѣтить, что великій нѣмецкій философъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ поборниковъ идеи вѣчнаго мира.

Другой (Беренгаръ): *Милою дочерью пѣны волны.* Афродитой, богиней любви, происшедшей изъ пѣны морской.

Первый (Манфредъ): *Строгой Діанѣ,*—которая сурово карала нарушеніе цѣломудрія и т. п.

Стр. 30. Второй (Беренгаръ): *Князь легко тамъ становится бѣдный.* Примѣры воцаренія морской вольницы обильны въ эту эпоху, и лучшимъ изъ нихъ можетъ служить примѣръ Норманнскихъ завоевателей Сициліи.—*На морѣ нѣтъ никакого владѣнія.* Это не значитъ, что моремъ нельзя владѣть, но что на морѣ нѣтъ собственности, ибо она непрочна.

Третій (Каетанъ): *Отъ предсказанія я удержусь.* Перифразъ латинской поговорки utinam falsus vates sim (пусть я буду ложнымъ пророкомъ)—вродѣ русскихъ «не тутъ будь сказано», «въ дурной часъ помолчать» и т. п. Все это обильные слѣды миѳологической вѣры въ дѣйствительную силу сказаннаго слова.—*Этого брака безбожный союзъ:* въ подлинникѣ не такъ рѣзко: segenloser Bund, т. е. союзъ, лишенный благословенія.

Хоръ уходитъ. Здѣсь оканчивается первое дѣйствіе и начинается первое явленіе дѣйствія второго.

Беатриче: *Главой сосны играетъ*: въ подлинникѣ *пиніи*—итальянская разновидность сосны.

Стр. 31. Беатриче: *Въ ближнюю когда я церковь трепетной вошла стопой.* Здѣсь открылъ ее слуга донъ Цезаря.—*Въ винѣ своей сознаньи.* Вина заключается въ нарушеніи устава обители.

Донъ Цезарь входитъ ей навстрѣчу. Здѣсь начинается второе явленіе второго дѣйствія.

Стр. 32. *Беатриче отшатывается, одергиваясь.* Она очевидно трепещетъ и за своего возлюбленнаго, узнавъ о положеніи его соперника.

Донъ Цезарь уходитъ. Здѣсь начинается третье явленіе второго дѣйствія.

Стр. 33. Хоръ (Боэмундъ): *Встрѣтитъ Викторія, та, что надъ дланью отца распростерла побѣдоносныя крылья свои*: на Фидіевомъ изваяніи Зевса на рукѣ бога—статуя богини побѣды (Ника).

Стр. 34 *Беатриче убѣгаетъ въ бесѣдку.* Здѣсь начинается четвертое явленіе второго дѣйствія.

Хоръ (Боэмундъ): *Я завидую сыну боговъ*, т. е. королю: владѣтельные роды въ древности и даже въ средневѣковой Европѣ часто вели свое происхожденіе отъ боговъ.

Хоръ удаляется въ глубину сцены: конецъ четвертаго явленія.

Стр. 35. Изабелла: *И, Богу правды довѣряя болѣе, чѣмъ Богу лжи*: вѣря христіанскому пророчеству болѣе, чѣмъ прорицателю-арабу.

Стр. 38. *Изабелла. Донъ-Мануилъ. Донъ-Цезарь. Діего показывается въ дверяхъ.* Начало шестого явленія второго дѣйствія.

Стр. 39 *Донъ-Мануилъ заботливо хлопочетъ около нея* и стало быть не слышитъ послѣдующаго разговора между Донъ-Цезаремъ и Діего.

Діего: *Мавританскій на якорь разбойничій корабль.* На самомъ дѣлѣ—корабль Донъ-Мануила.

Стр. 40. Донъ-Мануилъ: *Слова блаженныя.* Мысль о тожествѣ сестры и возлюбленной, очевидно, не совершенно чужда Донъ-Мануилу; слова Діего облегчаютъ ему душу. Беатриче скрыла отъ него то, что была на отпѣваніи князя. Но сомнѣнія его не истреблены окончательно; если его страшное подозрѣніе оправдается, онъ не хочетъ, чтобы кто либо былъ свидѣтелемъ его отчаянія; отсюда его восклицаніе: *Прочь! Чтобы никто не слѣдовалъ за мной.*

Стр. 41. *Сцена превращается въ садъ*: начинается дѣйствіе третье.

Стр. 42. Второй хоръ (Боэмундъ): *Тотъ властелинъ, кто первый обладаетъ*; намекъ на извѣстное правило: beati possidentes—считается законнымъ собственникомъ тотъ, кто владѣетъ.

Беатриче: *Сейчасъ онъ будетъ здѣсь, настало время.* На сценѣ вечеряетъ.

Второй хоръ (Боэмундъ): *Не миромъ, нѣтъ, ты страхомъ побѣжденъ.* Юноши второго хора стараются раздражить первый хоръ.

Въ то время какъ хоры наступаютъ другъ на друга, появляется Донъ-Мануилъ. Здѣсь начинается второе явленіе третьяго дѣйствія, которое заканчивается тамъ, гдѣ (стр. 43) *выбѣгаетъ Беатриче и бросается въ объятія Донъ-Мануилу.* Съ появленіемъ Донъ-Цезаря (стр. 46) начинается явленіе четвертое.

Стр. 46. Первый хоръ (Каетанъ): *Тебѣ, Мессина, горе.* По античному міровоззрѣнію за злодѣяніе одного человѣка отвѣчаетъ иногда цѣлая страна.

Первый хоръ остается при тѣлѣ и т. д. Начало пятаго явленія дѣйствія третьяго.

Стр. 47. Хоръ (Беренгаръ): *Смерти плодъ ты принесъ*: кипарисъ былъ свидѣтелемъ убійства.

Первый (Кастанъ): *Дщери Ѳемиды безъ словъ и безъ пѣнья*—Эриніи.

Второй (Беренгаръ): *Но не сгинетъ ничто, не предастся забвенью* и т. д. Ничто происшедшее не исчезаетъ безслѣдно: въ безконечномъ круговоротѣ жизни все есть слѣдствіе и причина: *все плодъ во вселенной, все - семя.*

Третій (Кастанъ): *Ореста коварныя фуріи гнали... чтобъ матерь свою онъ убилъ.* Въ дѣйствительности не фуріи заставили Ореста убить мать, а велѣніе дельфійскаго оракула и сыновній долгъ мести за отца; уже послѣ матереубійства его преслѣдовали Эриніи.— *Безъ устали гонятъ отъ края до края*; въ подлинникѣ — «отъ моря до моря», отъ Греціи до Тавриды. *Палата на столбахъ*: начало перваго явленія четвертаго дѣйствія.

Стр. 48. Изабелла: *Мнѣ бѣство дочери напоминаетъ.* Однако, княгиня убѣждена, что дочь ея не бѣжала добровольно, но похищена пиратами.— *На склонѣ Этны отшельникъ набожный живетъ*: очевидно, тотъ самый «богоугодный мужъ», который далъ второе толкованіе сна (стр. 35).

Стр. 49. Изабелла: *И съ высоты накопленныхъ годовъ взираетъ онъ на развивающуюся предъ нимъ игру безумно извращенной жизни*: какъ съ горы видны всѣ сплетенія извивающихся тропинокъ, столь спутанныя для человѣка, идущаго по нимъ, такъ съ высоты преклоннаго возраста раскрывается сложная путаница жизни.

Изабелла. Дѣти. Вѣстникъ. Здѣсь начинается второе явленіе четвертаго дѣйствія.

Стр. 50. Вѣстникъ: *Подкопятъ рыцари твоихъ сыновъ.* Вѣстникъ думаетъ, что это обѣ свиты.

Съ появленіемъ второго полухора съ безчувственной Беатриче начинается третье явленіе четвертаго дѣйствія.

Стр. 51. Изабелла: *О, какъ непроницаемы и черствы сердца у васъ.* Смущенное безмолвіе хора, уже знающаго ужасную тайну о гибели Донъ-Мануила, княгиня принимаетъ за холодное безчувствіе. Отношеніе хора видно изъ ближайшихъ словъ Боэмунда: *Избѣгаю я встрѣчаться со взорами ея.*

Беатриче: *О, ангельскій, прекрасный образъ матери моей.* Въ «Гамбургскомъ манускриптѣ» этимъ словамъ предшествуетъ ремарка.—«Беатриче долго глядитъ на мать съ выраженіемъ глубокаго чувства».

Стр. 52. Съ появленіемъ перваго полухора, вносящаго прахъ Донъ-Мануила, начинается четвертое явленіе четвертаго дѣйствія.

Стр. 54. Первый хоръ (Кастанъ): *Непреложны, всевидящи всѣ пророчанья ихъ въ грядущее время докажутъ вѣка.* Переводъ сдѣланъ сообразно толкованію Дюнцера; послѣдняя строка подлинника гласитъ: «Der Ausgang wird die Wahrhaftigen loben». Это пониманіе правильно, если слово Wahrhaftigen написано съ строчной буквы и такимъ образомъ есть прилагательное, опредѣленіе къ слову Orakel (правдивыя пророчанія). Если же—какъ во всѣхъ изданіяхъ — оно напечатано съ заглавной буквы, то она — существительное (Правдивые, то есть боги) и тогда переводъ долженъ гласить: «Исходъ докажетъ правоту боговъ».

Изабелла: *Вправо или влѣво полетъ птицъ направленъ.* При гаданіи по полету птицъ ихъ полетъ направо считался хорошимъ предсказаніемъ, полетъ налѣво дурнымъ. — *Нѣтъ смысла въ вѣчной книгѣ естества* — слова, указывающія, какой въ сущности глубокій психологическій смыслъ былъ въ вѣрѣ въ предзнаменованія и предсказанія: это было — хотъ въ уродливой формѣ — сознаніе закономѣрности жизни и искаціе этой закономѣрности.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Константинъ Константиновичъ.
(*К. Р.*).

Стр. 55. Беатриче: *Убоя смерти святотатно ты похитилъ желанную добычу.* Въ переводѣ пропущенъ стихъ: «теперь они (боги смерти) возьмутъ ее дважды, трижды». Беатриче предчувствуетъ близкую гибель Донъ-Цезаря и, быть можетъ, думаетъ также о своей смерти.

Первый хоръ (Кастанъ): *Вскройтся раны* и т. д.: по древнему повѣрью раны убитаго начинали сочиться кровью въ присутствіи убійцы.

Стр. 56. Беренгаръ: *Мышцамъ моимъ ноги слышатся поступь.* Убійцу сопровождаютъ преслѣ-

дующія его фурін; мѣдныя (или бронзовыя—eherne) ноги приписаны имъ вслѣдствіе ихъ неутомимости.

Съ появленія на сценѣ Донъ-Цезаря начинается пятое явленіе четвертаго дѣйствія.

Стр 58. Изабелла: *Я породила василиска*: баснословное чудовище.—*Злодѣйство привело меня сюда*: Изабелла была сперва невѣстой отца, потомъ сдѣлалась женой сына (стр. 30).

Съ удаленіемъ княгини Изабеллы и Діего начинается шестое явленіе четвертаго дѣйствія.

Донъ Цезарь: *Я за него отмщу*. Первое указаніе на рѣшимость Донъ-Цезаря собственноручно покарать себя. *Сомнѣніе мое на части сердце раздираетъ* – сомнѣніе, оплакиваетъ ли Беатриче въ Донъ-Мануилѣ брата или возлюбленнаго; боясь послѣдняго, онъ и говоритъ ей: *Оставь мнѣ заблужденье. Плачь украдкой.*

Съ его уходомъ начинается седьмое явленіе четвертаго дѣйствія.

Рядъ точекъ, предшествующій словамъ хора и поставленный самимъ поэтомъ, по мнѣнію Дюнцера, остался въ рукописи случайно; по мнѣнію другихъ комментаторовъ означаетъ предварительное молчаніе хора, который не сразу обращается со словами размышленья, да и то прямо не касается страшныхъ событій, а даетъ общее разсужденіе о блаженствѣ простой и тихой жизни на мотивъ знаменитой оды Горація: «Beatus ille, qui, procul negotiis, paterna rura bobus exercet suis».

Стр. 50. Хоръ (Каетанъ): *Зло пресмыкается*. Подобно заразной болѣзни, преступленіе живуче лишь на низинахъ, не переходя извѣстной высоты надъ земной поверхностью, гдѣ легче дышится не только физически, но и нравственно.

Съ появленіемъ Донъ-Цезаря начинается восьмое явленіе четвертаго дѣйствія.

По поводу дальнѣйшей сцены Шиллеръ писалъ Гете: «Эти послѣднія сцены очень выигрываютъ отъ того, что я совершенно отдѣлилъ отпѣваніе одного брата отъ самоубійства другого, который выжидаетъ окончанія печальнаго торжества, и лишь послѣ этого наступаетъ послѣдній актъ всего событія, а именно старанія хора, матери и сестры удержать Донъ-Цезаря и ихъ неудача. Такимъ образомъ устранена всякая путаница и особенно смѣшеніе театральной церемоніи погребенія съ мрачнымъ характеромъ дѣйствія».

Стр. 60. Съ появленіемъ княгини Изабеллы начинается девятое явленіе четвертаго дѣйствія.

Стр. 61. Донъ-Цезарь: *И мирно вмѣстѣ будемъ почивать навѣки сближены, въ чертогѣ смерти*. Ср. разсказъ княгини Изабеллы о ея вѣщемъ снѣ (стр. 35), гдѣ «орелъ и левъ смиренно у ногъ дитяти рядомъ пріютились». *Словно созвѣздье Близнецовъ*.—Касторъ и Поллуксъ (см. въ словарѣ *Діоскуры*).

Стр. 62. Съ появленіемъ Беатриче начинается десятое и послѣднее явленіе четвертаго дѣйствія.

Створчатыя двери раскрываются и въ церкви виденъ гробъ на помостѣ. По поводу этого сильнаго драматическаго эффекта Дюнцеръ замѣчаетъ: «Какъ въ первомъ дѣйствіи поэтъ удачно воспользовался просвѣтомъ заднихъ дверей, такъ и здѣсь: но тамъ открывался залъ, а здѣсь домовая церковь, что, конечно, покажется чрезвычайной поэтической вольностью тому, кто въ такихъ вещахъ хотѣлъ бы видѣть все реальнымъ, соотвѣтствующимъ строгой дѣйствительности. Не менѣе произвольно и то, что безъ всякаго внѣшняго основанія сразу открывается видъ во внутрь капеллы и на гробъ, но и такая вольность должна быть разрѣшена драматургу».

Русскіе переводы.

1. Отрывокъ изъ трагедіи «Мессинская невѣста» (сцена первая, выходъ третій и четвертый). Переводъ К. Н. Батюшкова. «Моск. Телеграфъ». 1828, ч. XIX, № 1, и въ соч. Батюшкова.

2. Отрывокъ изъ траг. «Мессинская невѣста». Перев. А. Ротчева. «Моск. Вѣстникъ». 1829, ч. I.

3. Мессинская невѣста. Траг. Перев. А. Ротчева. М. 1829. 8°.

4. Двѣ сцены изъ «Мессинской невѣсты». Перев. Ѳ. Миллера. «Москвитянинъ». 1855, № 19 и 20.

5. Мессинская невѣста или враждующіе братья. Траг. съ хорами. Перев. Ѳ. Миллеръ. Спб. 1858. 8° и въ первыхъ изд. Гербелевскаго Шиллера.

6. Мессинская невѣста или братья враги. Перев. К. Р. (Романовъ). Спб 1885, 8° и Спб. 1894, 8° и въ 6 и 7 изд. Гербелевскаго Шиллера.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

О дѣйствующихъ лицахъ надо замѣтить слѣдующее. Дѣйствительно историческими являются изъ нихъ только Вернеръ фонъ-Аттингаузенъ и Іоаннъ Парricида, о которыхъ см. въ т. IV, въ словарѣ. Остальныя взяты поэтомъ у Чуди или созданы его фантазіей, причемъ и въ послѣднемъ случаѣ онъ почти всегда бралъ имена изъ швейцарскихъ историковъ. Германнъ Гесслеръ фонъ-Брунекъ указанъ у Чуди, но фогта по имени Гесслеръ никогда не было въ Швицѣ и Ури; Вернеръ Штауффахеръ упоминается у Чуди, который причисляетъ его къ швейцарскому дворянству; Вальтеръ Фюрстъ, по Чуди, живетъ въ замкѣ Аттингаузена. Рессельманъ, Петерманъ, Куони (швейцарское уменьшительное отъ Конрадъ), Верни (Вернеръ), Руоди (пишется Ruodi, но читается Руди. уменьш. отъ Рудольфъ), Іенни (въ переводѣ ошибочно Женни) – швейцарское уменьшительное отъ Іоганнъ). Сеппи (Іосифъ) Штюсси (собственно не «стрѣлокъ», какъ указано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, но Flurschütz—полевой сторожъ). крестьянки Армгарда, Мехтильда, Эльсбета и Гильдегарда, солдаты Гесслера Фрисгардъ и Лейтгольдъ — вольныя созданія фантазіи поэта, равно какъ влюбленная пара Руденцъ и Берта фонъ-Брунекъ. Имя свое Струтъ фонъ-Винкельридъ заимствовалъ у того своего предка, о которомъ Штауффахеръ упоминаетъ на стр. 103 (см. въ словарѣ). Клаусъ фонъ-деръ Флюэ жилъ въ XV вѣкѣ и былъ благочестивымъ отшельникомъ. Буркгартъ Амъ-Бюхель получилъ свое имя отъ одного изъ предшественниковъ Шиллера, швейцарскаго поэта Людвига Амъ-Бюля, драматизировавшаго въ XVIII вѣкѣ преданіе о выстрѣлѣ Телля; Пфейферъ изъ Люцерна названъ такъ въ честь извѣстнаго современника Шиллера, швейцарскаго генерала Пфейфера, умершаго въ Люцернѣ въ 1802 г. Гертруда, жена Штауффахера, въ дѣйствительности звалась Маргарита, урожденная Герлобихъ; Шиллеръ сдѣлалъ ее дочерью «благороднаго Иберга», котораго—въ качествѣ швейцарскаго ландаммана—онъ нашелъ у швейцарскихъ историковъ. Арнольдъ фонъ Мельхталь, Конрадъ Баумгартенъ, Мейеръ фонъ-Сарненъ (собственно,—Арнольдъ изъ Мельхталя, Мейеръ изъ Сарнена) взяты у Чуди; имена Конрадъ Хунъ, Итель Реднигъ, Гансъ ауфъ деръ-Мауэръ, Іоргъ имъ-Гофе, Ульрихъ деръ-Шмидъ, Іостъ фонъ-Вейлеръ найдены

поэтомъ у разныхъ историковъ. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ въ переводѣ пропущенъ Stier von Uri—трубачъ Ури, о которомъ см. въ текстѣ драмы и ниже въ примѣчаніяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Сцена происходитъ въ кантонѣ Ури, такъ какъ рыбакъ, пастухъ и охотникъ—уроженцы Ури.

Стр. 81.—*Женни*, какъ уже сказано, ошибочно вмѣсто Іенни (Іоганнъ). *Нальво отъ зрителей видны скалы*; въ оригиналѣ *вершины Гакена*, утесистаго кряжа на сѣверо-востокѣ отъ Швица. *Направо снѣжныя горы*—цѣпь Глерниша, объ обвалѣ котораго говорится ниже.

Женни (*поетъ въ лодкѣ*). Въ подлинникѣ прибавлено: «напѣвъ пастушьей пѣсни» (Kuhreihen). Это, собственно, даже не пѣсня, такъ какъ поется безъ словъ; это простой, мелодичный напѣвъ, главный элементъ котораго составляютъ особые переливы горловыхъ звуковъ. Первоначально этими напѣвами альпійскіе пастухи вызывали коровъ къ доенію; теперь они имѣютъ самостоятельное музыкальное значеніе и часто оглашаютъ швейцарскія горы, долины и озера. Въ подлинникѣ указано, что Руоди и Верни также поютъ свои пѣсни на мотивъ Kuhreihen (во французской Швейцаріи—ranz des vaches), но варіируютъ его. Содержаніе пѣсни рыбака Іенни—одинъ изъ многочисленныхъ перепѣвовъ преданія о притягательной силѣ воды (миѳы о русалкахъ, завлекающихъ въ воду, и т. п.). Шиллеръ нашелъ этотъ мотивъ у Шейхцера («Naturgeschichten des Schweizerlandes», 1706—1708), который передаетъ разсказъ пастора Молитора объ одномъ маленькомъ, но глубокомъ швейцарскомъ озерѣ: «Старожилы увѣряли меня, будто одна женщина уснувшая довольно далеко отъ озера, была затянута и поглощена имъ... Многіе люди, заснувъ у озера, просыпались съ ногами въ водѣ».

Куони: *Зима наступаетъ*. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ октября.

Верни: *Вершины гремятъ*—когда съ нихъ катятся лавины—гигантскія массы свѣжаго и мягкаго (Windlawinen) или твердаго, смерзшагося (Schlaglawinen) снѣга.

Руоди: *Скорѣе, Женни, сѣти собери, нахмурилося небо, вѣтеръ воетъ*. Въ подлинникѣ, пестрящемъ вообще терминами швейцарскаго діалекта, говорится: «Zieh die Naue ein, der graue Thalvogt kommt, dumpf brüllt der Firn», то есть: «Убери челнъ, надвигается сѣрый фогтъ долинъ (грозовыя тучи), глухо гремитъ ледникъ».

Нашъ вѣковой сосѣдъ—въ подлинникѣ ошибочно—Митенштейнъ, но имѣются въ виду Миѳы—двѣ скалистыя вершины, возвышающіяся надъ Брунненомъ. Дюнцеръ, однако, полагаетъ, что здѣсь нѣтъ ошибки.—*Принарядился въ свой облачный колпакъ*; обычная въ Швейцаріи примѣта непогоды—форма облаковъ, лежащихъ на горахъ; на другихъ вершинахъ облачный колпакъ предвѣщаетъ, наоборотъ, хорошую погоду.

Стр. 82. Куони: *Ужъ дождь пошелъ*. Въ подлинникѣ: «'skommt Regen, т. е. приближается дождь. Примѣты взяты поэтомъ у Шейхцера, изъ котораго сохранилась въ его бумагахъ выписка: «предшественники дождя: ласточки летаютъ низко, водяныя птицы ныряютъ, овцы жадно ѣдятъ траву, собаки роются въ землѣ, рыбы выскакиваютъ изъ воды. Сѣрый фогтъ надвигается. Если какая нибудь гора одѣла капюшонъ, брось косу и возьми грабли. Ледникъ грохочетъ, серны спускаются съ вершинъ».

Верни: *Лысуха ныряетъ*—болотная птица (Fulica) изъ семейства водяныхъ пастушковъ.

Сеппи: *И наша Лизли тутъ: я по звонку ее узналъ*. Эбель («Schilderung der Gebirgsvölker der Schweiz» 1798—1802) говоритъ: «Коровѣ, заходящей дальше другихъ, пастухъ одѣваетъ на шею колоколъ; если она возвратилась, то онъ ужъ знаетъ, что и другія неподалеку».

Куони: *Сними я ленту — пѣсть не станетъ*. Эбель разсказываетъ:

«Поразительно, съ какой гордостью и самосознаніемъ выступаетъ украшенная колоколомъ корова; и кто повѣритъ, что эти животныя чувствуютъ свой санъ и испытываютъ терзанія честолюбія и зависти. Если у предводительницы стада отнять ея украшеніе, то ея печаль отъ обиды находитъ явное выраженіе. Она ревetъ, не ѣстъ, худѣетъ и иногда мститъ своей счастливой соперницѣ».

Верни: *У нихъ всегда одна стоитъ на стражѣ*. Въ подготовительныхъ выпискахъ Шиллера изъ Фези («Staats und Erdbeschreibung der Helvetiaschen Eidgenossenschaft», Zürich, 1796) говорится: «Серны пасутся обществомъ. Если есть опасность, вожакъ свищетъ; ихъ убѣжище—подъ скалами».

Баумгартенъ: *Объ этомъ тотчасъ въ городѣ узнали* и т. д. Здѣсь мы имѣемъ первое историческое событіе въ драмѣ. У Шиллера событія отъ мести Баумгартена до злодѣянія Парриціды занимаютъ десять недѣль; въ преданіи они длятся съ осени 1306 года по 1 мая 1308. Это художественное концентрированіе событій—обычный пріемъ Шиллера, уже отмѣченный въ примѣчаніяхъ къ «Валленштейну».

Руоди: *Нынче день Симона-Іуды*—28 октября. Несмотря на это указаніе, что на дворѣ осень, равно какъ на дальнѣйшее рѣшеніе на Рютли отложить возстаніе до близкаго Рождества, Шиллеръ не считается съ естественными слѣдствіями времени года. Телль съ семьей работаетъ во дворѣ, двери въ домѣ его раскрыты настежь, косари и жнецы идутъ на работу, Гесслеръ срываетъ съ дерева яблоко. Все это мало стѣсняетъ поэта.

Стр 86. Первый (пастуху и рыбаку): *Такъ, знайте—за это мы стада разгонимъ ваши* и т. д. Въ подлинникѣ не отдаленная угроза, а прямое приказаніе: «Нападай на ихъ стада, ломай дома» и т. д.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Въ Швицъ. Въ подлинникѣ точнѣе: «въ Штейненъ, въ Швицъ».

Пфейферъ: *Не присягайте Австріи*. Пфейферъ, люцернскій гражданинъ, говоритъ по опыту: Люцернъ съ 1291 года принадлежитъ Австріи.—*Съ терпѣніемъ сносите оскорбленія наместовыхъ намѣстниковъ своихъ*. Въ 1305 г., какъ сообщаетъ Чуди, кантоны Швицъ и Ури и Унтервальденъ жаловались королю на притѣсненія фогтовъ, но его совѣтники въ отвѣтъ указали имъ на покорное поведеніе Люцерна.

Стр. 87. Гертруда: *И окна въ немъ блестятъ какъ зеркала*. Анахронизмъ: въ XIV вѣкѣ въ Швейцаріи не было стеколъ въ окнахъ.—*И пестрыми гербами онъ расписанъ и мудрыми реченьями*. Дома, росписанные снаружи картинами и девизами, сохранились въ Швейцаріи до нашихъ дней.—*Надъ собой монарха лишь владыкой ты имѣешь*. Въ оригиналѣ: «лишь высшаго въ христіанствѣ», т. е. императора.—*Тогда какъ онъ васъ*

салъ его ничтожный. Въ подлинникѣ вмѣсто этого: «онъ—лишь младшій сынъ въ своемъ родѣ».

Стр. 88. Штауффахеръ: *Барона Аттингауза увижу я.* Здѣсь Штауффахеръ называетъ Аттингаузена — Bannerher — хоругвеносецъ: предводитель на войнѣ, несшій въ бою государственное знамя области.—*Я посовѣтуюсь съ обоими.* По отношенію къ Аттингаузеуу, онъ впослѣдствіи, по настоянію Мельхталя (стр. 95), отказывается отъ своего намѣренія.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Стр. 90. *Телль и Штауффахеръ входятъ.* Отъ Штейнена до Альтдорфа меньше трехъ миль пути.

Тель: *Господь для насъ воздвигъ свободы зданья.* Навѣяно словами швейцарца Шейхцера: «Наши крѣпости, въ стѣнахъ которыхъ мы спимъ спокойно, это наши горы, воздвигнутыя не хитроумiемъ и руками людскими, но всемогущей мудростію Божьей, онѣ охраняютъ наши вольности духовныя и тѣлесныя какъ отъ внутренней вражды, такъ и отъ иноземныхъ державъ» и т. д.

Глашатай: *Король узнать желаетъ всѣхъ покорныхъ.* До сихъ поръ Шиллеръ называлъ Альбрехта императоромъ: далѣе онъ иногда называется королемъ Короной Священной Римской имперіи Альбрехтъ коронованъ не былъ.

Стр. 91. Первый подмастерье. *А то простая шляпа, что виситъ надъ стуломъ, идъ всѣмъ лены раздаютъ:* герцогская австрійская шляпа, знакъ герцогскаго сана, висящій въ качествѣ такового надъ тономъ герцога, когда онъ жалуетъ своимъ вассаламъ лены.

Телль: *Терпѣнье и молчанье-наше дѣло.* «Заставивъ своего Телля сопровождать Штауффахера изъ Альтдорфа въ Швицъ, гдѣ они видятъ постройку крѣпости,—говоритъ Дюнцеръ,—Шиллеръ далъ ему возможность высказать свою любовь къ свободѣ и къ родинѣ, но также и отчужденіе отъ всякаго союза, имѣющаго цѣлью ея насильственное освобожденіе».—*Когда надъ бездной буря забушуетъ, то гасятся огни:* обязательное правило, до сихъ поръ, соблюдаемое въ Швейцаріи, особенно въ кантонѣ Ури.

Берта (*бросаетъ ожерелье*). Превосходный драматическій эффектъ достигнутъ здѣсь тѣмъ, что у Берты нѣтъ съ собой денегъ, и она отдаетъ драгоцѣнное украшеніе.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Стр. 92. Вальтеръ Фюрстъ: *Быть можетъ, къ намъ придутъ оттуда вѣсти:* изъ Унтервальдена.—*Скоро намъ придетъ нужда привѣситъ желѣзные запоры у дверей:* «до сихъ поръ въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ горной Швейцаріи довольствуются деревянными задвижками, которыя открываются извнѣ» (Дюнцеръ).

Стр. 93. Штауффахеръ: *Живетъ близъ Керна:* опечатка, слѣдуетъ Кернса.—*Никто Генрихъ Гальденъ:* прозваніе старика Мельхталя Halde значитъ великанъ.

Стр. 94. Мельхталь: *О, свѣтъ очей - даръ неба драгоцѣнный* и т. д. «Это изліяніе глубокаго чувства находили слишкомъ возвышеннымъ для сына простого пастуха—говоритъ Дюнцеръ, но драматическое искусство имѣетъ право идеализировать въ такихъ случаяхъ и сообщать дѣйствующимъ лицамъ извѣстный полетъ настроенія. Все, что говоритъ Мельхталь,—не есть утонченная абстракція, но проистекаетъ изъ глубокаго чувства природы». Въ виду этого жаль, что въ переводѣ утеряны характерныя для швейцарской природы названія. Вмѣсто *зеленыя цвѣтущія долины* Мельхталь говоритъ «Matten»—горныя лужайки, столь частыя въ альпійскомъ пейзажѣ, вмѣсто *зари*, которой не увидитъ его слѣпой отецъ, онъ называетъ *rote Firnen*—ледники, красные подъ лучами заходящаго солнца.

Мельхталь: *Тогда въ горахъ сзову я пастуховъ.* Трусливой оппортунистской политикѣ приспособленія и выжиданія Мельхталь противополагаетъ живой здравый смыслъ простыхъ людей, близкихъ къ природѣ.—*Коза охотника срываетъ въ бездну*—распространенное въ Швейцаріи убѣжденіе. «Иногда — разсказываетъ Эбель, которымъ широко пользовался Шиллеръ — преслѣдуемая серна, загнанная въ тѣснину между отвѣсными стѣнами и пропастью, не можетъ уже бѣжать впередъ, а позади видитъ страшнаго врага; тогда животное, обернувшись, однимъ скачкомъ становится между охотникомъ и скалой—и сталкиваетъ его въ пропасть».

Стр. 95. Мельхталь: *Я думаю, безъ помощи другихъ себя мы храбро защитимъ съумѣемъ.* Въ подлинникѣ Мельхталь еще говоритъ: «О, если бы мы были одни въ странѣ»: онъ не довѣряетъ дворянству, молодые элементы котораго (Руденцъ) тянутъ къ Австріи.

Штауффахеръ: *Да и альцельнца мы пошлемъ туда же*—Баумгартена, жителя Альцельна.

Вальтеръ Фюрстъ: *Гдѣ идетъ дорога въ Брункенъ.* Въ подлинникѣ онъ прибавляетъ: «противъ Митенштейна»—т. е. той скалы, которая сдѣлалась памятникомъ Шиллера (см. т. I, стр. LXV).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Между вторымъ и первымъ дѣйствіемъ проходитъ порядочный промежутокъ времени, достаточный для того, чтобы три заговорщика успѣли собрать своихъ единомышленниковъ; Мельхталь уже вербовалъ друзей въ Унтервальденѣ.

Стр. 98 *Куони и шесть работниковъ стоятъ вокругъ съ граблями и косами.* Въ концѣ октября? Однако, на Альпахъ все дозрѣваетъ позже; позднюю траву въ долинахъ докашиваютъ въ концѣ сентября.

Аттингаузенъ: *Со знаменемъ на брань мстьлъ и съ ними* въ битвѣ при Фавенцѣ, какъ онъ самъ указываетъ ниже. *Ульрихъ, Ульрихъ!* Въ подлинникѣ онъ употребляетъ швейцарское уменьшительное отъ этого имени: «Ули, Ули!»—*На головѣ павлиньи вьютъ перья.* Павлиньи перья на шлемѣ или шляпѣ—австрійская одежда. Историкъ Мюллеръ разсказываетъ, что послѣ битвы при Земпахѣ (1386) въ Швейцаріи убивали тѣхъ, кто показывался съ этимъ украшеніемъ. *Пурпурный плащъ накинутъ на плечо.* Красный цвѣтъ—также отличіе австрійскихъ герцоговъ.

Стр. 99. Руденцъ: *Признаютъ своимъ лишь императора здѣсь государемъ, чтобъ государя не имѣть совсѣмъ.* Въ лицѣ Альбрехта соединились германскій императоръ и герцогъ австрійскій; швейцарцы признавали верховное главенство перваго, но отказывались считать себя подданными второго; поэтому лѣсные кантоны и не хотѣли присягать дому Габсбурговъ. Противъ этого разграниченія возстаетъ здѣсь Руденцъ.—*Чтобъ засѣдать въ совѣтѣ и въ судѣ съ своимъ крестьяниномъ какъ пэръ, какъ равный.* Въ подлинникѣ Руденцъ прибавляетъ «на господской скамьѣ» (auf der Herrenbank). Рыцари и избранные общиной «лучшіе люди» пользовались при рѣшеніи судебныхъ и иныхъ дѣлъ равнымъ правомъ

голоса. Скамья, на которой они сидѣли рядомъ, называлась господской, потому что первоначально сидѣть на ней имѣли право только дворяне. Но ужъ издавна пришлось въ Германіи и Швейцаріи допустить на нее также ученыхъ юристовъ, не принадлежавшихъ къ высшему сословію. *Какъ юноши со всѣхъ сторонъ стремятся за славой къ габсбургскимъ знаменамъ.* Полагаютъ, что дѣло идетъ о походахъ Альбрехта противъ пфальцграфа Рудольфа (1301) и противъ Венцеслава, короля богемскаго (1304). *Міръ славы тамъ движется, блистая за горами.* Не въ Италіи, ибо первые Габсбурги не совершали походовъ въ Италію—скорѣе въ Австріи.

Аттингаузенъ: *И самые напѣвы пастуховъ твой гордый духъ страданьемъ возмутятъ, когда ты ихъ услышишь на чужбинѣ.* Эта безсознательная и могучая тоска швейцарцевъ по далекой родинѣ, возбуждаемая ихъ пастушескими пѣснями, нашла особенно яркое и популярное выраженіе въ извѣстной народной пѣснѣ «Zu Strassburg auf der Schanz», гдѣ звукъ альпійскаго рожка заставляетъ солдата-швейцарца бѣжать со службы и, когда онъ схваченъ, покончить самоубійствомъ. — *Вотъ этотъ шлемъ и щитъ вы положить должны ко мнѣ въ могилу.* При погребеніи послѣдняго представителя дворянскаго рода, ломали его щитъ съ гербомъ, а мечъ и шлемъ опускали вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.— *Чтобъ всѣ мои свободныя помѣстья, что Богъ мнѣ далъ, отъ Австріи принять.* Аттингаузенъ, подвластный только имперіи, боится, что Руденцъ, ставъ его наслѣдникомъ, передастъ его владѣнія Австріи и затѣмъ уже получитъ ихъ отъ нея въ ленъ.

Руденцъ: *Перервать ту цѣпь земель, которую вокругъ насъ обвелъ могучій.* Лѣсные кантоны были охвачены цѣпью австрійскихъ владѣній, изображеніе которой сохранилось въ бумагахъ Шиллера. Слова *Ему покоренъ свѣтъ* рисуютъ въ очень преувеличенномъ видѣ силу Альбрехта, лишь о преемникахъ котораго можно было бы сказать что-либо подобное. — *И даже табуны готтарскіе*—переводъ вольный: въ подлинникѣ говорится о вьючныхъ лошадяхъ, переходящихъ черезъ Готардскій проходъ. Альбрехтъ, дѣйствительно, обложилъ налогомъ товары, проходящіе по готтардской дорогѣ.

Стр. 100. Руденцъ: *Къ залогу и продажѣ городовъ.* Дѣйствительно, императоры очень часто позволяли себѣ такъ злоупотреблять довѣріемъ городовъ, отдавшихся подъ покровительство имперіи. Адольфъ Нассаускій, издержавшись на выборы и коронованіе, заложилъ курфюрсту Кельнскому аббатство Эссенъ, Трирскому Кохеймъ и Клоттеръ. Такихъ примѣровъ много. Ср. разговоръ Валленштейна съ эгерскимъ бургомистромъ Пахгельбелемъ — *Имперская корона переходитъ отъ дома къ дому:* германскій императоръ былъ въ это время выборный.

Аттингаузенъ: *Въ лѣсахъ свободныхъ запретятъ охоту.* Въ подлинникѣ баронъ говоритъ не о всякой охотѣ, но объ избранной дичи—Hochflug (фазаны, лебеди и т. п.) и Hochwild (олени, медвѣди, кабаны и т. п.). — *Если кровь свою намъ проливать, такъ лучше за себя.* «Эти слова Аттингаузена—говоритъ Боксбергеръ были уже въ XV вѣкѣ девизомъ политически дальновидныхъ людей».

ВТОРАЯ СЦЕНА.

«По преданію, сходка на Рютли произошла въ ночь на 8 ноября 1307 года. Въ деталяхъ (разсказъ Штауффахера о происхожденіи, переселеніи и прошломъ швейцарцевъ, сообщеніе Хунна о посольствѣ ко двору и объ отношеніи Парриципды; разногласіе между желавшими дѣйствовать тотчасъ Ури и Швицомъ, съ одной стороны, и стоявшимъ за отсрочку Унтервальденомъ, съ другой, и т. п.) поэтъ слѣдовалъ своимъ источникамъ; но въ существенныхъ чертахъ эта могучая сцена есть созданіе Шиллера. Здѣсь мы знакомимся съ историческимъ фономъ всей драмы: съ отношеніями швейцарцевъ между собою, къ императору и къ Габсбургамъ. Въ яркихъ чертахъ выступаетъ здѣсь честность, мужество, правдивость, справедливость, единодушіе швейцарскаго народа. Собраніе держитъ совѣтъ по исконному порядку древне-германской общины; свѣдѣнія о правовыхъ обычаяхъ, соблюдавшихся на такомъ собраніи, Шиллеръ нашелъ у Эбеля (Циппера).

Стр. 101. *Лунная радуга* очень рѣдкое и оригинальное атмосферическое явленіе.

Стр. 102. Амъ Бюхель: *Въ лѣсной часовнѣ въ Швицѣ за озеромъ къ заутренѣ звонятъ.* Въ оригиналѣ Mettenglöcklein—утренній звонъ; по мнѣнію Боксбергера, не заутреня, такъ какъ звонитъ отшельникъ-міряннинъ, который не можетъ отправлять церковную службу; онъ звонитъ въ часы своей молитвы.

Между тѣмъ оба поселянина разложили посрединѣ мѣста дѣйствія огонь. По указанію комментаторовъ едва ли вѣроятно, чтобы на мѣстѣ тайной ночной сходки вздумали разложить костеръ.

Мельхталь: *Черезъ Суренна грозныя вершины.* Въ основѣ разсказа Мельхталя о тягостяхъ его путешествія черезъ Суренскіе Альпы лежитъ сообщеніе Шейхцера: Кто направляется изъ Ури въ Энгельбургъ, тотъ чрезъ Вальднахтъ проходитъ до горной вершины Суренъ въ пять часовъ пути—изъ нихъ даже лѣтомъ часъ по снѣгу. Перевалившись черезъ горы, онъ доходитъ до Суренскихъ пастбищъ, гдѣ всегда пасется много скота, принадлежащаго жителямъ Ури. Эти пастбища окружены высокими скалами, которыя на южной сторонѣ покрыты ледниками.

Стр. 103. Мельхталь: *Какъ облака и даже вѣтры ихъ летятъ своей стезею неизмѣнной.* Эбель указываетъ, что вѣтры на всѣхъ озерахъ, расположенныхъ у сѣвернаго и южнаго склона Альповъ, по направленію поперечныхъ долинъ, имѣютъ извѣстную правильность.

Они не терпятъ дерзкой новизны въ ходу своей однообразной жизни. Мюллеръ («Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft», 1786): «Все новое ненавистно, ибо въ однообразной жизни пастуховъ каждый день совершенно подобенъ тому-же дню прошлаго и слѣдующаго года».

Мейеръ: *И называюсь Мейеромъ изъ Сарна.* Въ оригиналѣ der Meier, такъ что это, быть можетъ, не собственное имя, а должность – управляющій.

Стр. 104. Винкельридъ: *Чу! слышите рогъ Ури?* — старинный военный сигналъ кантона Ури—громадный рогъ зубра, отъ названія котораго (Auerochs) произошло, по преданію, названіе кантона; голова зубра до сихъ поръ—гербъ Ури.

Трубачъ, дующій въ рогъ (изображеніе его см. на стр. 115) носитъ непереводимое, но выразительное названіе (не имя)–Stier von Uri—приблизительно «быкъ Ури». Громовые звуки боевого рога очевидно такъ же мало гармонируютъ съ тайной сходкой, какъ и костеръ.

Вальтеръ Фюрстъ: *На отческой землѣ дол*

жны мы тайно здѣсь сходиться и т. д. Это не только общая жалоба, но и вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что собраніе—въ виду давленія извѣстныхъ обстоятельствъ, происходитъ безъ соблюденія законныхъ формъ, какъ указываютъ и дальнѣйшія слова Рессельмана: *А если въ чемъ отступимъ отъ законовъ, то обстоятельства насъ извинятъ.* Собраніе сошлось ночью (несообразность чего въ оригиналѣ выражена рѣзче, такъ какъ день и законное собраніе по-нѣмецки—одно слово– Tag); присутствуютъ на немъ далеко не всѣ правоспособные граждане, но лишь тридцать три человѣка; нѣтъ также *старинныхъ книгъ*, о которыхъ говоритъ ниже Конрадъ Хунъ и по которымъ – въ случаѣ необходимости—справлялись о законахъ страны.

Вальтеръ Фюрстъ: *Нѣтъ, этой чести Швицъ одинъ достоинъ; мы всѣ гордимся племенемъ его.* Швицъ считался первичнымъ ядромъ Швейцаріи; на швейцарскомъ діалектѣ до сихъ поръ Швицъ и Швейцарія—одно слово.

Штауффахеръ: *Въ походахъ его хоругвь несется впереди.* Въ подлинникѣ—«*въ римскихъ* походахъ»—въ походахъ, которые совершали въ Италію швейцарцы подъ начальствомъ германскихъ императоровъ, добившихся получить такимъ путемъ отъ папъ коропу Священной Римской Имперіи.

Стр. 105. Мауэръ: *Достойный мужъ, но крѣпостной.* Мюллеръ: «крѣпостной не могъ удостоиться этого сана» (ландаммана). Штауффахеръ: *Ландаммань старинный*—выборный глава общины; въ подлинникѣ Штауффахеръ присовокупляетъ «и главой собранія».

Винкельридъ: *Такъ правда, что поется въ нашихъ пѣсняхъ.* До сихъ поръ въ долинѣ Гасли распѣваютъ такъ наз. «Ostfriesenlied», гдѣ разсказывается о переселеніи изъ Швеціи.

Штауффахеръ: *Вотъ какъ о томъ разсказываютъ старцы* и т. д. Въ основу разсказа Штауффахера Шиллеромъ положено слѣдующее мѣсто изъ Мюллера: «О происхожденіи ихъ переходитъ отъ отца къ сыну слѣдующее преданіе. Было на сѣверѣ въ землѣ шведовъ и фризовъ старинное королевство. Настала голодовка. Поэтому, собравшись на совѣтъ, постановили большинствомъ голосовъ, чтобы десятый человѣкъ по жребію покинулъ страну. Такъ выселились наши предки изъ сѣверной страны при слезахъ и стенаніяхъ родныхъ и друзей; рыдая, вели матери малолѣтнихъ дѣтей. Тремя отрядами подъ властью трехъ начальниковъ шли наши отцы—шесть тысячъ воиновъ, все могучіе люди, точно великаны, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ добромъ; они дали взаимную клятву никогда не покидать другъ друга. Ихъ побѣдоносная рука обогатила ихъ, такъ какъ они разбили на Рейнѣ графа Петра Франконскаго, который хотѣлъ преградить имъ путь. Они молили Бога о землѣ, подобной странѣ ихъ предковъ, гдѣ они могли бы мирно пасти свои стада, не боясь злого насилія; и повелъ ихъ Господь въ страну Брохенбургъ; здѣсь они воздвигли Швицъ. Народъ умножался; въ долинѣ было тѣсно; но они не бѣжали работы и вырубили лѣсъ; часть народа передвинулась въ страну у Черной Горы вплоть до Вейсланда» и т. д. Въ примѣчаніи сказано: «Такъ разсказывали намъ въ 1777—1780 годахъ старые пастухи въ Сарненѣ» и т. д. Вставка о переправѣ черезъ рѣку Муотту взята изъ «Хроники» Этерлина («Die Schweizer Chronik», Basel, 1752). Дюнцеръ замѣчаетъ: «Сомнительно, чтобы подобный пересказъ стараго преданія, надо думать, хорошо извѣстнаго всѣмъ швейцарцамъ, былъ умѣстенъ на собраніи, созванномъ въ виду столь серьезнаго и спѣшнаго дѣла»...

Дѣло не въ правдоподобіи, котораго можно бы и не требовать отъ драматурга, но самое впечатлѣніе этого разсказа едва ли можетъ быть значительно.

Стр. 106. Штауффахеръ: *А добровольно стали подъ покровъ имперіи.* Здѣсь поэтъ слѣдовалъ воззрѣніямъ прежнихъ историковъ Швейцаріи, которые такъ толковали выраженіе грамоты Фридриха II (1241 г.): Sponte nostrum et imperii dominium elegistis, какъ будто швейцарцы, образовавъ особое государство внѣ германской имперіи, свободно и на равныхъ правахъ примкнули къ ней. *Мы и монарху даже отказали* и т. д. Мюллеръ разсказываетъ: «Кантоны жили мирно и счастливо, пока настоятель Эйнзидельнскаго монастыря не пожаловался императору Генриху V, будто крестьяне пасутъ скотъ на монастырскихъ пастбищахъ... Горы эти достались жителямъ Швица отъ ихъ отцовъ; когда императоръ Генрихъ II пожаловалъ монастырю (1018) сосѣднюю пустошь, онъ забылъ о крестьянахъ... Настоятель принесъ жалобу императору Генриху V въ Базелѣ (1114 г.)... Императоръ присудилъ горы прелату. Поселяне, по недостатку знакомства съ дворомъ, не ожидавшіе такого исхода, не подчинились рѣшенію императора и защищали отцовское наслѣдіе». Впослѣдствіи Конрадъ III подтвердилъ это рѣшеніе, пригрозивъ наказаніемъ. Тогда три лѣсные кантона выступили изъ состава имперіи, въ который они однако вновь были приняты при Фридрихѣ Барбароссѣ.—*И чтобъ посмѣлъ чужой вассалъ явиться сюда*: австрійскій фогтъ, ленникъ австрійскаго герцога.

Стр. 107. Конрадъ Хунъ: *Я ѣздилъ въ Рейнфельдъ, въ замокъ королевскій.* Хунъ въ самомъ дѣлѣ былъ однажды отправленъ посломъ къ императору Рудольфу. Чуди упоминаетъ о двухъ посольствахъ кантоновъ къ Альбрехту, не называя ни имени пословъ, ни мѣста, гдѣ жилъ императоръ. По Мюллеру, посломъ былъ Вернеръ фонъ Аттингаузенъ. Разсказъ о свиданіи съ герцогомъ Іоанномъ и его совѣтниками Вартомъ и Тегерфельдомъ приведенъ у Чуди подъ 1307 годомъ.

Стр. 108. Рессельманъ: *Обители я цюрихской былъ ленникъ.* Въ подлинникѣ «der grossen Frau»—настоятельницѣ весьма богатаго и вліятельнаго женскаго монастыря въ Цюрихѣ.

Вальтеръ Фюрстъ: *Все дѣлайте, что должно, но не больше. Ландфоготовъ только мы хотимъ изгнать* и т. д. Чуди разсказываетъ, что заговорщики поставили себѣ цѣлью только «отвоевать свои исконныя вольности и изгнать деспотическихъ фогтовъ и ихъ падменное владычество... И все таки каждая область остается попрежнему подвластна Священной Римской Имперіи, и каждый долженъ равнымъ образомъ исполнять свой особый долгъ, лежащій на немъ, исполнять повинности своимъ церквамъ и господамъ, благороднымъ и простымъ, поскольку это не нарушаетъ его вольностей».

Рединъ: *Тише, замолчите, во имя вашей клятвы.* Клятвы еще не приносили.

Рединъ ссылается на присягу, которую приносилъ каждый древне-германскій гражданинъ на шестнадцатомъ году, вступая въ свои гражданскія права. Эбель замѣчаетъ, что въ Аппенцелѣ народъ считаетъ нарушителемъ закона того, кто не повинуется приказанію, издаваемому «во имя присяги».

Мельхталь: *А въ Росбергъ я могу проникнуть; тамъ есть дѣвушка, которая со мной дружна.* Чуди: «Въ крѣпости Росбергъ была въ услуженіи возлюбленная одного парня изъ Станса. Онъ сговорился съ ней, что придетъ къ ней подъ Новый годъ, для чего она должна втащить его на веревкѣ въ окно замка, которое онъ ей указалъ».

Вальтеръ Фюрстъ: *Мы огнями на горахъ къ возстанію сигналы подадимъ.* По словамъ Шейхцера, горы Швейцаріи полезны и тѣмъ, «что посредствомъ огня и другихъ подобныхъ знаковъ на горныхъ вершинахъ весь народъ можетъ быть призванъ къ оружію въ теченіе одного или двухъ дней».

Стр. 109. Рессельманнъ: *Отнынѣ будемъ мы народомъ братьевъ* и т. д. Въ древнѣйшемъ актѣ о союзѣ лѣсныхъ кантоновъ (1291), приведенномъ у Мюллера, говорится: «Мужи долины Ури, люди изъ Швица и съ горъ Унтервальдена соединились и поклялись, ибо всѣхъ силъ и не щадя ни людей, ни своего достоянія, помогать другъ другу среди долинъ и внѣ ихъ противъ всѣхъ, кто вздумаетъ причинить имъ или кому либо изъ нихъ какое нибудь насиліе».

Штауффахеръ: *Мы потерпимъ до времени.* По Чуди, на собраніи было постановлено: «Если кого нибудь обидятъ, то пусть онъ терпитъ, что возможно стерпѣть, и не возбуждаетъ никакого подозрѣнія».

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 110. Гедвига: *Что будто ты межъ ледяныхъ громадъ, дорогу потерявъ, скользишь по скаламъ и падаешь.* Эбель разсказываетъ: «По скаламъ карабкается онъ (охотникъ) все выше и дальше, пока, наконецъ отъ вида черныхъ пропастей начинаетъ кружиться голова и шагъ становится невѣрнымъ. Такимъ образомъ, увлекшись, охотникъ за сернами легко забирается въ такое мѣсто, откуда ему приходится выбираться съ отчаянными прыжками или трепетно карабкаясь».

Стр. 112. Телль. *Къ батюшкѣ, въ Альторфъ*, т.-е. къ тестю, Вальтеру Фюрсту.

Гедвига: *Есть заговоръ противъ ландфогтовъ.* Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ, по лѣтописцамъ, одиннадцать дней (8—19 ноября)—*И ты тамъ былъ.* По Чуди Телль былъ на Рютли. Шиллеръ отступилъ отъ этого.

Телль: *И вдругъ со мною встрѣтился ландфогтъ* и т. д. Въ источникахъ Шиллера не было никакихъ указаній на эту исторію, созданную поэтомъ.

Стр. 114. Гедвига: *И. Вельти*—швейцарское уменьшительное отъ Вальтеръ.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Стр. 115. Берта: *Изъ своего послѣдняго пріюта... свободу вы изгнать хотите.* Въ эту эпоху въ Германіи, да и во всей Западной Европѣ, въ самомъ дѣлѣ, осталось очень мало мѣстъ, гдѣ еще находили убѣжище гражданскія вольности, придушенныя феодалами.— *Всѣ мои владѣнья здѣсь лежатъ.* Хотя она недавно прибыла въ Швейцарію. Каменьщикъ (стр. 91: *Но вы пришли и мы узнали горе*) и Аттингаузенъ (стр. 100: *она тебя влечетъ къ имперской службѣ*) смотрятъ на нее, какъ на чужую.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Разсказъ Чуди о событіяхъ, драматически обработанныхъ въ этой сценѣ, см. во вступительной статьѣ къ «Вильгельму Теллю» (стр. 74).

Стр. 117. Фрисгардъ: *Вотъ чучело на шестъ повѣсили.* Въ подлинникѣ Popanz—пугало.

Лейтгольдъ: *Всѣ кругомъ обходятъ... лишь бы только не поклониться шапкѣ.* Результатъ уговора въ 1 дѣйствіи. (Стр. 91. Каменьщикъ: *Пойдемъ и спросимъ у другихъ совѣта*; въ подлинникѣ опредѣленнѣе: «Пойдемъ, сговоримся съ другими»).

*Телль идетъ, вооруженный луком*ъ. У Шиллера Armbrust—самострѣлъ. На рисункахъ (стр. 65, 77, 111, 113) видно, что онъ отличается отъ простого лука тѣмъ, что имѣетъ деревянный прикладъ съ ложею; тетива спускается куркомъ.

Вальтеръ: *А правда ли, что тамъ въ горахъ такія есть дерева, коль топоромъ ударить, то кровь пойдетъ?* Древнее индо-германское повѣрье о кровоточащихъ деревьяхъ; встрѣчается и въ греческой миѳологіи.

Телль: *Они бъ давно-давно засыпали снѣгами нашъ Альторфъ, когда бы этотъ лѣсъ... не охранялъ его.* У Шейхцера Шиллеръ прочелъ: «На востокъ отъ мѣстечка Альторфа возвышается крутая, лѣсистая гора Банбергъ, то есть *заповѣдная* гора, ибо строго запрещено рубить тамъ не только высокія ели, но и маленькое деревцо, чтобы оттуда не свалились камни или деревья, могущія разрушить строенія, а то убить людей или скотъ». Фези объясняетъ запретъ тѣмъ, что лѣсъ защищаетъ селеніе отъ лавинъ. Бирлингеръ отмѣчаетъ это даваемое отцомъ раціоналистическое объясненіе повѣрья и приводитъ его въ связь съ господствовавшимъ во время Шиллера раціональнымъ направленіемъ въ педагогикѣ (*швейцарцы* Руссо и Песталоцци).

Телль: *Тогда придешь въ обширныя долины* и т. д. Комментаторы спорятъ, какую страну имѣетъ въ виду Телль «По теченью рѣкъ» можно изъ Швейцаріи придти и въ Италію (Тессинъ), и во Францію (Рона), и въ Германію (Рейнъ): вѣроятнѣе всего, что дѣло идетъ о послѣдней.

Стр. 118. Телль: *Моря, озера, рѣки—все его.* Въ подлинникѣ—«рѣка, море, *соль*»; соляной промыселъ былъ въ Германіи въ XII вѣкѣ правительственной регаліей. — *Намъ до нея нѣтъ дѣла.* Телль знаетъ объ уговорѣ и *не хочетъ* кланяться шляпѣ — Телль (*хватая его съ сердцемъ*): *Кто я измѣнникъ.* Намѣренно подчеркнуты вѣрноподданническія чувства Телля.

Стр. 122. Телль: *Не изъ презрѣнья, по невниманью провинился я.* Переводъ свободенъ и мѣняетъ дѣло. Телль не лжетъ; онъ говоритъ въ подлинникѣ: «Это произошло не изъ презрѣнія къ волѣ, но по необдуманности. Будь я разсудителенъ, я не назывался бы Телль. (См. объясненія этого въ настоящемъ томѣ, стр. 74, примѣч.). Прошу прощенія, этого больше не будетъ». Онъ, очевидно, чистосердечно раскаивается въ томъ, что согласился не кланяться шляпѣ.

Вальтеръ: *И это правда, сударь* и т. д. Эти слова Вальтера вставлены по настоянію Гете, который считалъ ихъ существенно необходимыми, чтобы подготовить зрителя къ неожиданной прихоти Гесслера.

Стр. 123. Мельхталь: *Богъ тѣмъ прости, кто предложилъ отсрочку.* Онъ говоритъ о себѣ: отсрочку возстанія предложили на Рютли его земляки, унтервальденцы, и онъ не протестовалъ противъ этого.

Гесслеръ: *Вѣдь оружье не игрушка... Такая вольность поселянъ обидна для главнаго начальника страны.* Право носить оружіе принадлежало искони лишь свободнымъ гражданамъ. Карлъ Ве-

ликій тоже врагъ народныхъ вольностей запретилъ являться при оружіи въ народное собраніе, но швейцарцы воспротивились и сохранили это право, которое возмущаетъ Гесслера. Въ подлинникѣ онъ говоритъ не о *главномъ начальникѣ* страны, то есть не о себѣ, а о ея *верховномъ властелинѣ*, то есть объ императорѣ.

Стр. 124. Гесслеръ: *Рулемъ владѣешь ты не хуже лука.* Злобный намекъ на спасеніе Баумгартена, очевидно, уже извѣстное Гесслеру.

Руденцъ: *И мой народъ.* Еще весьма недавно Руденцъ не сказалъ бы такъ.

Стр. 127. Рессельманъ: *То нашимъ грамотамъ противорѣчитъ.* По императорской грамотѣ 1291 года кантонамъ было обезпечено право имѣть своихъ судей: никого нельзя было даже для суда насильно увозить изъ его земли; между тѣмъ Кюснахтъ не въ Швицѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Мюллеръ «Фогтъ (съ нарушеніемъ вольностей, воспрещавшихъ иноземное плѣненіе) перевезъ Телля черезъ озеро «Четырехъ Кантоновъ».

Гесслеръ: *Ихъ утвердилъ ли кесарь?* Рудольфъ I, дѣйствительно, не утвердилъ привилегій Швица и Ури.—*Онъ удаляется.* Въ Гамбургскомъ театральномъ манускриптѣ вмѣсто этого слѣдуетъ:

«Удаляясь, онъ хватаетъ за руку Берту и уводитъ ее съ собою. Руденцъ бросается вслѣдъ за нею, но женщины преграждаютъ ему путь съ крикомъ. «Спасите его, господинъ баронъ, спасите!» Руденцъ вырывается отъ нихъ и убѣгаетъ за Бертой».

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 128. *Восточный берегъ озера Четырехъ Кантоновъ.* Напротивъ мѣста дѣйствія первой сцены перваго дѣйствія, но нѣсколько южнѣе.

Стр. 129. Кунцъ: *Въ деревнѣ ночую*—въ Синзиконѣ.—*О переправѣ страшно и подумать*—о переправѣ въ Герзау.

Рыбакъ: *Правдивыя уста замолкли*—Аттингаузенъ.—*Очи зоркія смирились*—старикъ Мельхталь.—*Могучая рука теперь въ оковахъ.*—Телль.—*И какъ на то не возставать стихіямъ.* Герои древняго преданія жили въ такомъ глубокомъ внутреннемъ согласіи съ природой, что она въ мнѣ всегда выражала явное сочувствіе, когда съ ними случалось что нибудь дурное. Такъ—въ старо-французскомъ эпосѣ—по смерти Роланда вдругъ наступаетъ страшная тьма.

Мальчикъ: *Я узнаю ея пунцовый флагъ*—красный, австрійскій флагъ.

Стр. 130. Телль: *Да, господинъ, надѣюсь спасти лаодью при помощи Господней.* Въ подлинникѣ двусмысленно: «Да, господинъ, я надѣюсь, съ Божьей помощью на себя и спасу насъ отсюда». Телль очевидно думаетъ только о себѣ. Берне порицалъ эту іезуитскую игру словъ, не подходящую къ такому простому и прямому человѣку, какъ Телль.

Стр. 131. Телль: *Вонъ вижу скалу крутую, съ плоскою верхушкой.* Изображеніе этого мѣста въ его нынѣшнемъ видѣ см. въ этомъ томѣ на стр. 72. Резп. «Площадка Телля или Прыжокъ Телля». Утесъ этотъ находится подъ большимъ Аксенбергомъ, больше часа пути отъ Флюэлена. Вся площадка величиною въ восемнадцать квадратныхъ стопъ. За площадкой подымается въ облака Аксенбергъ.

Рыбакъ: *Сухимъ путемъ?* Излишній вопросъ, такъ какъ, высадившись у Бруннена, можно попасть черезъ Швицъ въ Кюснахтъ только сухимъ путемъ. *Скажи имъ, чтобы они не унывали.* Въ подлинникѣ прибавлено «и бодрствовали» (wacker въ старинномъ значеніи слова).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Штауффахеръ: *Вотъ отъ дыханія у губъ его шевелится перо.* Умирающимъ клали на ротъ перышко, чтобы видѣть, дышатъ-ли они еще.

Стр. 132. Мельхталь: *Но знаете-ль, какъ онъ обиженъ былъ.* Характерно для Мельхталя, что онъ объясняетъ личными мотивами поведеніе Телля, который на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Гедвига: *Сыновней жизнью, материнскимъ сердцемъ играете вы въ ярости слѣпой.* Гедвигѣ невѣрно передали то, что было въ Альторфѣ. Мы знаемъ слова Гесслера (стр. 122). *Стрѣляй! Не то—погибнете вы оба.—Гдѣ были вы, когда его при васъ въ оковы заключали.* Баумгартенъ совсѣмъ не былъ при этомъ.—*Какъ роза Альпъ отъ воздуха болотъ тускнѣетъ.* Альпійская роза, лучшее украшеніе Альпъ, растетъ хорошо только на высокихъ вершинахъ, въ долинахъ она вянетъ.

Стр. 133. Аттингаузенъ: *Я живъ, пока страдаю; боли нѣтъ—страданья и надежда отлетѣли.* Боль—признакъ жизни; переставъ страдать, Аттингаузенъ чувствуетъ близость смерти.

Стр. 134. Аттингаузенъ: *А крѣпкіе изъ замки въ городахъ.* Не въ городахъ, которые сами представляли собой крѣпости, а *въ странѣ* (въ подлинникѣ in den Landen).—*А рыцари участвуютъ въ союзѣ?* Вслѣдствіе неправильнаго развитія военнаго дѣла въ Германіи въ это время видѣли защитниковъ отечества исключительно въ дворянахъ. Въ Швейцаріи сохранились старыя традиціи, и отсюда всеобщая воинская повинность распространилась по всей Европѣ. Но старикъ Аттингаузенъ не можетъ примириться съ мыслью, что *селянинъ идетъ на этотъ подвигъ самъ отъ себя, безъ помощи вельможъ.—Владѣтели изъ замковъ выѣзжаютъ, чтобъ городамъ присягу принести* и т. д. Рыцари вступали въ число гражданъ городовъ, принося имъ присягу. Этотъ процессъ уже начался въ Уэтландѣ и Тургау.—*И громкими дѣлами прославятся ущелья горъ родныхъ.* Подобно Іоаннѣ въ «Орлеанской дѣвѣ». Аттингаузенъ предсказываетъ здѣсь будущее родины — славныя побѣды швейцарскихъ «пастуховъ» надъ австрійцами при Моргартенѣ (1315), Земпахѣ (1386), Нефельсѣ (1388); надъ бургундцами при Грансонѣ и Муртенѣ (1476).—*Тамъ поселянинъ съ грудью обнаженной*—намекъ на подвигъ Арнольда фонъ Винкельрида (см. въ словарѣ).—*Живите дружно.* Въ подлинникѣ ярче—«будьте едины» и этотъ возгласъ долженъ былъ производить особенно глубокое впечатлѣніе въ раздираемой раздорами Германіи 1804 года, когда законченъ былъ Телль.

Стр. 135. Вальтеръ Фюрстъ: *Другое имя замокъ получилъ.* Въ сущности замокъ получилъ не другое имя, а другого владѣльца, который самъ долженъ теперь называться по замку — Руденцъ фонъ Аттингаузенъ.

Стр. 136. Руденцъ: *Съ собою въ ненавистный бракъ вступить.* На это указывалъ и покойный Аттингаузенъ, и сама Берта.

Мельхталь: *Несетъ законъ другой нора оружія.* Сила обстоятельствъ измѣняетъ наши обязательства.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Стр. 136. *Утесистая дорога въ Кюснахтъ.* Изображеніе ея см. на стр. 70. Она ведетъ въ Кюснахтъ изъ Иммензее, на берегу Цугскаго озера. На томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Телль выстрѣлилъ въ фогта, построена капелла.

Стр. 138. Телль: *Иль птицу рѣдкую, иль аммонитъ*—спирально свернутая окаменѣлая раковина; она напоминаетъ бараній рогъ и названа по имени Юпитера Аммона, котораго изображали съ бараньими рогами. *И до крови себѣ подошвы рѣжетъ, чтобъ устоять на скользкой вышинѣ.* Шейхцеръ разсказываетъ: «Случается, что охотникъ, зайдя далеко, не можетъ уже идти ни впередъ, ни назадъ и вынужденъ спасать свою жизнь отчаяннымъ прыжкомъ, причемъ для опоры у него—скала не больше ладони. Въ этой крайней опасности онъ бросаетъ оружіе, снимаетъ башмаки, которымъ онъ ужъ не довѣряетъ, потому что они скользятъ, изрѣзываетъ себѣ ножомъ пятку или подошву, чтобы кровь, прилипая къ скалѣ, не давала его ногѣ скользить, затѣмъ присѣдаетъ и смѣло прыгаетъ».

Штюсси (полевой сторожъ—какъ писалъ самъ Шиллеръ фрейленъ фонъ Гехгаузенъ—представляетъ собой въ драмѣ нѣчто вродѣ шекспировскаго шута): *Вотъ женится нашъ мызникъ.* Въ подлинникѣ Meier управляющій.—*Какой-то рыцарь ѣхалъ къ королю* и т. д. Эта исторія взята цѣликомъ у Чуди. Рыцарь, ѣхавшій къ королю Альбрехту, разсказываетъ ему, что долженъ былъ даже снять съ коня сѣдло и покрыть имъ себѣ голову, чтобы спастись отъ слѣпней. Король, выслушавъ, сказалъ: «Это нѣчто невѣроятное и не предвѣщаетъ ничего хорошаго».

Стр. 139. (*Телль встаетъ*). Удачная деталь; извѣстіе о томъ, что фогтъ не проѣдетъ и что приходится отказаться отъ своего плана, такъ возбуждаетъ Телля, что онъ встаетъ.

Гесслеръ: *Я, какъ слуга, стараться долженъ угодить монарху.* По Чуди, Гесслеръ въ отвѣтъ на жалобы народа по поводу его злодѣянія надъ старымъ Мельхталемъ сказалъ, что «онъ самъ этого не хотѣлъ, но король, слугой котораго онъ состоитъ, требуетъ этого и приказалъ ему такъ поступать».

Стр. 140. Гесслеръ: *Что началъ славно отецъ, то сынъ намѣренъ довершить.* Король Альбрехтъ былъ сыномъ Рудольфа Габсбургскаго, основателя могущества Австріи.

Армгарта: *И сѣно коситъ тамъ на крутизнахъ.* Въ подлинникѣ она называетъ своего мужа Wildheuer (отъ wild—дикій и Heu — сѣно) — по Шейхцеру это—«бѣдняки, которые не имѣютъ ни луговъ, ни горныхъ пастбищъ и потому вынуждены косить себѣ сѣно на крутыхъ откосахъ, куда хозяева не гонятъ скотъ на траву изъ боязни, что онъ оттуда сорвется. Въ такихъ мѣстахъ косятъ эти люди кормъ, естественнымъ правомъ предназначенный скорѣе для дикихъ сернъ, чѣмъ для ручныхъ коровъ, съ величайшей опасностью, ибо часто они едва могутъ упереться одной ногой; поэтому они обыкновенно увязываютъ сѣно въ сѣтку и бросаютъ его со скалъ, причемъ случается, что всеобщій жнецъ людской (т. е. смерть) перерѣзаетъ одновременно и нить жизни».

Стр. 141. Рудольфъ (*вошедшимъ оруженосцамъ*). Въ подлинникѣ Waffenknechten, то есть солдатамъ.

Братья милосердія. Орденъ братьевъ милосердія основанъ лишь въ 1540 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 143. Мельхталь: *Когда бъ онъ нашъ владѣтель только былъ, мы бъ для него не жертвовали жизнью.* Мельхталь какъ бы забываетъ, что дѣло идетъ не о невѣстѣ Руденца, а о дѣвушкѣ, заключенной въ горящемъ зданіи.

Вальтеръ Фюрстъ: *Ахъ, Господи! Мой внукъ стоялъ подъ нею.* Это невѣрно. Вальтеръ стоялъ не подъ шестомъ съ шляпой, а подъ липою.

Стр. 141. Вальтеръ Фюрстъ: *Да будетъ же теперь свободы знакомъ.* Въ пьесѣ Амъ-Бюгеля (1792 г.) Телль хочетъ еще сорвать шляпу съ шеста; но Аттингаузенъ видитъ въ ней символъ свободы, и Штауффахеръ восклицаетъ: «И на будущія времена да будетъ она памятникомъ нашего союза!»

Штауффахеръ: *Достойный вѣры человѣкъ Гансъ Мюллеръ.* Имя это избрано въ честь историка Іоанна Мюллера (1759—1809), трудъ котораго «Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft» былъ главнымъ историческимъ источникомъ Шиллера.—*Король его отцовское наслѣдье удерживалъ* и т. д. Чуди: «Герцогъ Іоаннъ обратился къ королю, чтобы онъ возвратилъ ему землю и людей, доставшихся ему по наслѣдству отъ отца и матери; теперь онъ хочетъ самъ править. Король отвѣтилъ: «Будетъ время», и больше не сказалъ ничего. Эти слова и надменный отвѣтъ оскорбили герцога Ганса, и онъ въ слезахъ жаловался своимъ совѣтникамъ: Рудольфу барону фонъ Варту, Вальтеру барону фонъ Эшенбаху, Рудольфу барону фонъ Пальму, Конраду рыцарю фонъ Тегерфельдене и инымъ довѣреннымъ лицамъ и напомнилъ имъ о клятвѣ помогать ему, которую они въ прошломъ году принесли ему; ибо онъ хочетъ отмстить королю при удобномъ случаѣ». *Король изъ Штейна ѣхалъ въ Баденъ* и т. д. Чуди: «На слѣдующее майское утро, въ день Филиппа и Якова, король выѣхалъ изъ Бадена, чтобы навѣстить свою супругу Эльсбету, которую онъ оставилъ въ Рейнфельденѣ, и сдѣлать смотръ войску. Въ Виндишѣ герцогъ Гансъ австрійскій, его племянникъ, и четыре вышеупомянутые Вартъ, Эшенбахъ, Пальмъ и Тегерфельденъ устроили такъ, что они первые переправились съ королемъ черезъ Рейсъ; вся остальная свита ѣхала за ними. И вотъ, когда король ѣхалъ по полю, между Виндишемъ и Бругомъ, ничего не подозрѣвая и разговаривая съ господиномъ рыцаремъ Вальтеромъ фонъ Кастельнъ, на него напалъ Гансъ со своими сообщниками. Герцогъ Гансъ ударилъ короля кинжаломъ въ горло со словами: «Вотъ тебѣ, собака, за твое издѣвательство; теперь ты мнѣ отдашь мою вотчину». Господинъ Вальтеръ фонъ Эшенбахъ разсѣкъ королю голову, а господинъ Рудольфъ фонъ Пальмъ пронзилъ его мечомъ».

Стр. 146. *Языческій былъ городъ*—Виндонисса, извѣстная крѣпость, воздвигнутая римлянами на германской границѣ и разрушенная въ 594 году.

Старушка тутъ сидѣла у дороги. Въ подлинникѣ просто «бѣдная женщина». Чуди: «Неподалеку отъ мѣста злодѣянія проходила простая бѣдная дѣвушка; она подхватила короля, когда онъ упалъ съ коня, и онъ умеръ на ея рукахъ».

Мельхталь: *Такъ самъ себѣ могилу ископалъ, кто, ненасытный, все имѣть желалъ.* Чуди: «Такъ лишился жизни король, вслѣдствіе своей корысти и жадности, такъ что былъ убитъ на своей вотчинѣ, въ графствѣ Габсбургъ».

Штауффахеръ: *И ужасомъ объята вся страна.*

Чуди: «Повсюду воцарилось страшное безпокойство, и вся страна была охвачена ужасомъ, всѣ боялись великой борьбы и все же въ странѣ было тише, чѣмъ можно было ожидать, и, пожалуй, лучше, чѣмъ раньше».—*Свои границы каждый стережетъ, и древній Цюрихъ затворилъ ворота.* Чуди: «Едва по странѣ разнесся слухъ о смерти короля, города и крѣпости были повсюду укрѣплены, ворота на-ночь заперты и заняты солдатами. Ворота Цюриха тридцать лѣтъ стояли открытыми, такъ что ихъ не запирали ни днемъ, ни ночью, хотя городъ за это время имѣлъ враговъ; теперь же они были заперты, чтобы никто изъ виновныхъ въ убійствѣ не укрылся въ городѣ, которому пришлось бы отвѣчать за это». - *Ужъ грозная Агнеса, королева венгерская, идетъ оттуда съ войскомъ, забывши нѣжность пола своего.* Чуди: «Особенно дочь короля Агнеса, вдова короля венгерскаго Андрея, свирѣпствовала болѣе, чѣмъ безчеловѣчно и недостойно женщины».

— *И кровью омоется, какъ, майскою росой.* Чуди разсказываетъ, что послѣ взятія Фарвargена, замка барона Шальма, Агнеса ходила по крови шестидесяти трехъ воиновъ, обезглавленныхъ на ея глазахъ, приговаривая, что «купается въ майской росѣ». Купаться въ росѣ въ маѣ считалось очень полезнымъ для здоровья. *Они, свершивъ убійство, разбѣжались на пять сторонъ различныхъ.* Чуди: «Совершивъ свое дѣло, герцогъ Гансъ и его сообщники разбѣжались куда кто могъ. Герцогъ Гансъ направился скрытыми путями чрезъ Цугъ и ночью тайно прибылъ въ монастырь Эйнзидельнъ, гдѣ его никто не зналъ, и гдѣ онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ дней». - *Графъ Люксембургъ намѣченъ большинствомъ.* Никакихъ свѣдѣній о томъ, что графъ былъ въ это время уже «намѣченъ большинствомъ», мы не имѣемъ. Императоромъ подъ именемъ Генриха VII онъ, дѣйствительно, былъ избранъ въ 1308 г.

Многіе голоса: *Мы ей ужъ не подвластны.* Необходимо помнить, что швейцарцы считали себя подвластными Альбрехту, какъ выборному императору германскому, санъ котораго, конечно, переходилъ не къ его австрійскимъ наслѣдникамъ, но къ новому избраннику курфюрстовъ. Письмо королевы Елизаветы и отвѣтъ кантоновъ переданы у Чуди въ такомъ видѣ: «Хотя покойный король Альбрехтъ очень тѣснилъ кантоны и грозилъ имъ войной, дѣло обошлось безъ войны и ихъ стали умасливать хорошими словами; ибо явилось безпокойство, какъ бы они не стали на сторону герцога Ганса и убійцъ. Королева отправила къ нимъ цѣлое посланіе, гдѣ жаловалась на убійство своего супруга и просила ихъ не давать защиты и убѣжища злодѣяніямъ и помочь ей отомстить за убійство; этого имъ королева и ея сыновья никогда не забудутъ. Представители кантоновъ единогласно отвѣтили: хотя теперь они имѣютъ случай отомстить за великія насилія и позоръ, нанесенный имъ королемъ, который не подтвердилъ ихъ привилегій, но старался отобрать ихъ и подчинить, при посредствѣ своихъ чиновниковъ, кантоны своей власти, - они, однако, не такъ мстительны, какъ слѣдовало бы. Но мстить за смерть короля, отъ котораго они не видѣли никогда ничего хорошаго, и преслѣдовать убійцъ, которые имъ не причинили никакого зла, — не ихъ дѣло. Герцогъ Гансъ и его сообщники тоже обратились къ кантонамъ съ просьбой о помощи, но и они получили отказъ, такъ какъ кантоны не хотѣли вмѣшиваться въ это дѣло».

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Сцена съ Парриципой по справедливости считается ахиллесовой пятой замѣчательной драмы. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ у истинно великаго поэта случаевъ, когда художественныя требованія подчиняются инымъ соображеніямъ и искусство мститъ за себя! «Лишь по самымъ серьезнымъ соображеніямъ — говоритъ Циперъ - можно въ развязкѣ драмы вводить новое дѣйствующее лицо. Цареубійца не имѣетъ для развитія дѣйствія Телля никакого значенія,— и однако поэтъ вводитъ его къ концу пьесы. Въ свѣтлую атмосферу мира и свободы врывается мрачный образъ страшнаго преступника. И что же мы видимъ! Простой, открытый, скромный, смѣлый Телль мгновенно мѣняется: онъ трусливо удаляетъ жену и дѣтей, человѣка и безъ того раздавленнаго судьбой онъ осыпаетъ жестокими упреками, онъ пускается въ хитроумное различеніе поступка своего и своего гостя, онъ произноситъ себѣ хвалебныя рѣчи и безпощадно осуждаетъ Парриципу. Удивительная безвкусица,— и герой близокъ къ тому, чтобы потерять всѣ симпатіи». Кромѣ перемѣны въ политическихъ воззрѣніяхъ Шиллера, охарактеризованной въ предисловіи къ «Теллю» (т. III, стр. 69) и въ объясненіи къ «Словамъ вѣры» (т. I) здѣсь играли роль и иныя, также практическія, но не поэтическія соображенія. «Это была уступка, которую онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать своему времени и своей публикѣ... Правда. Геслеръ не монархъ, но онъ представитель монарха, намѣстникъ Альбрехта; поступокъ Телля могъ казаться худшимъ политическимъ преступленіемъ, и во всякомъ случаѣ, чѣмъ то очень близкимъ къ цареубійству. Если мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что черезъ много десятилѣтій послѣ «Телля» «Маскарадъ» Обера могъ появиться на сценѣ лишь послѣ того, какъ убійство короля Шведскаго Августа III Анкерстремомъ было передѣлано въ убійство испанскаго губернатора въ Вестъ-Индіи, то мы поймемъ чрезмѣрную осторожность Шиллера. Для него было недостаточно, что каждый безпристрастный человѣкъ могъ видѣть оправданіе поступка Телля въ обстоятельствахъ; для него было недостаточно, что его герой подробно распространялся о мотивахъ своего чрезвычайнаго поступка въ большомъ монологѣ прошлаго дѣйствія; онъ сдѣлалъ еще нѣчто: онъ противопоставилъ убійцу фогта цареубійцѣ, чтобы посредствомъ этого противоположенія выставить своего героя въ полномъ блескѣ невинности и подвига. Но его выстрѣлъ попалъ дальше цѣли». (Циперъ).

Стр. 147. *Монахъ показывается въ дверяхъ.* Чуди сообщаетъ, что герцогъ Гансъ, послѣ пребыванія въ нѣсколькихъ монастыряхъ, бѣжалъ черезъ горы въ Италію, переодѣтый монахомъ. Онъ умеръ въ Пизѣ августинскимъ монахомъ. Въ связи съ этимъ стоитъ указаніе Шиллера (въ письмахъ), что Парриципа долженъ быть одѣтъ въ бѣлую, а не черную рясу.

Стр. 148. Телль: *Она страну спасла и защитила.* Въ подлинникѣ: «Васъ защитила и спасла страну».

Стр. 150. Телль: *Ты, обагренный кровью отцеубійства.* Альбрехтъ былъ опекуномъ герцога Іоанна и по римскому праву считался его отцомъ (patris loco). Парриципа значитъ по-латыни отцеубійца. — *Такъ молодъ онъ.* Парриципѣ было въ это время всего восемнадцать лѣтъ.

Парриципа: *Я видѣлъ, какъ счастливая юность Леопольда увѣнчанная почестьми цвѣла.*

Мюллеръ: «Герцогъ Іоаннъ (разжигаемый видомъ герцога Леопольда, сына короля, своего ровесника, осыпаннаго почестями и помѣстьями...) просилъ у короля землю».

Стр. 151. Телль: *Что другъ тебя не защититъ, а врагъ съ тобою можетъ дѣлать все, что хочетъ.* По обычной формулѣ того времени приговоръ императора Генриха VII надъ убійцами короля Альбрехта гласилъ: «Преступники лишены сношеній съ друзьями и предоставлены врагамъ».

Ступай въ Италію, въ священный градъ Петра. По преданію, которое Шиллеръ прочелъ у Штумпфа, Парриципда замолилъ свой грѣхъ предъ папой. *По краю бездны тамъ идетъ дорога:* Готтардская дорога—излюбленный въ средніе вѣка путь черезъ Альпы изъ Германіи въ Италію. Тотъ же путь описанъ въ «Горной пѣснѣ» (т. I, стр. 154), написанной одновременно съ «Телемъ».—*До ней стоятъ кресты.* Фези: «отъ Геменена до Чортова Моста стоятъ 23 креста въ память убитыхъ падающими сверху камнями».—*Ты придешь къ мосту*—Чертову мосту, всегда покрытому брызгами Рейсса.—*Увидишь мрачный ходъ*—такъ называемая «Урнская дыра», туннель въ 70 метровъ длины, сооруженный, однако, лишь въ 1707 году.—*Въ веселую, цвѣтущую долину.*

Мюллеръ: «Урзеренъ, по ту сторону Чортова моста,—это долина, куда ведетъ крутая тропинка черезъ пробитую скалу и гдѣ природа улыбается; все зелено, все покрыто зеленой травой и всевозможными цвѣтами».

Стр. 292. *Они оба уходятъ въ разныя стороны.* Телль выходитъ въ переднюю дверь навстрѣчу крестьянамъ, Парриципда уходитъ чрезъ заднюю дверь, чтобы незамѣтно скрыться.

Поселяне; судя по припискѣ въ одной изъ рукописей—и поселянки и «среди нихъ Гертруда (жена Штауффахера), Армгарта, Ольсбета, Мехтильда и Гильдегарда».

По гамбургскому театральному манускрипту въ заключеніе всѣ трижды восклицаютъ: «Свобода. Свобода! Свобода!»

Русскіе переводы.

1. Монологъ Вильгельма Телля. (Начало третьей сцены четвертаго дѣйствія). «Библ. для Чт.». 1822, кн. 1, стр. 163. Переводчикъ не названъ.

2. Изъ трагедіи «Вильгельмъ Телль». Дѣйствіе I-е. Перев. **С. Шевырева.** «Моск. Вѣстн.». 1829, ч. I.

3. Монологъ изъ траг. «Вильгельмъ Телль». Пер. **Я. Т—ва.** «Моск. Телеграфъ». 1829, ч. XXV, стр. 33.

4. Вильгельмъ Телль. Траг. въ 5 д. Перев. **А. Ротчева.** М. 1829. 8°.

5. Первое дѣйствіе драмы «Вильгельмъ Телль». Перев. **Н. Борисова.** «Сынъ Отеч.». 1842, 8, отд. IV, стр. 1.

6. Вильгельмъ Телль. Драма въ 5 д. Перев. **Ѳ. Миллера.** «Москвитянинъ». 1843. № 8, отд. I, стр. 1. и отд. М. 1843. Тоже въ Гербелевскомъ изд. Шиллера. Переводъ воспроизведенъ и въ нашемъ изданіи, съ замѣною около 300 невѣрно переведенныхъ стиховъ соотвѣтствующими стихами изъ перевода **Криля.**

7. Сцены изъ драмы «Вильгельмъ Телль». (Вторая сцена третьяго дѣйствія). Перев. **Н. Борисова.** «Архангельскій Литерат. Сборникъ». 1841, стр. 66.

8. Вильгельмъ Телль. Драма въ 5 д. Перев. **Петра Вародисъ.** М. 1887. 8°.

9. Вильгельмъ Телль. Драма въ 5 д. Перев. **А. А. Криль.** (Изъ журн. «Артистъ» 1892, кн. 9, № 20, сент.; 1—12, кн. 10, № 23, окт.; кн. 11, № 24, ноябрь 1—11; кн. 12, дек.; № 25, 1 - 8). М. 1893, 8°.

10. Вильгельмъ Телль. Драма въ 5 д. Перев. **Гомберга.** Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1893 и 1899. 16°.

ПРИВѢТСТВІЯ ИСКУССТВЪ.

Въ ноябрѣ 1801 года въ высшихъ кругахъ мирнаго Веймара царило необычайное возбужденіе: городъ ждалъ прибытія молодой пары—наслѣднаго принца Веймарскаго Карла Фридриха, только что женившагося на великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, сестрѣ императора Александра I. Весь городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ, только въ театрѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій. Самому Гете, несмотря на его склонность къ разнымъ программнымъ произведеніямъ ка случай, ничего подходящаго не приходило на умъ, и заняться этимъ поручено было Шиллеру, который, наоборотъ, не считалъ себя способнымъ къ этому роду творчества.

Но, вопреки его ожиданіямъ, его единственное программное произведеніе, стоившее ему совсѣмъ немного труда—онъ окончилъ его въ четыре дня—оказалось весьма удачнымъ и имѣло большой успѣхъ. Особенно глубокое впечатлѣніе оно произвело на молодую принцессу, которая была тронута этимъ тонкимъ и благороднымъ выраженіемъ вниманія, и по словамъ Генриха Фосса даже расплакалась при словахъ (стр. 156):

Любовь склонна опутать насъ сѣтями.
Тамъ родина, гдѣ счастье мы нашли.

Шиллеръ питалъ особыя чувства къ молодой принцессѣ. Нѣкогда пребываніе покойнаго отца ея императора Павла I въ Штутгартѣ дало ему возможность бѣжать. Его супруга, вюртембергская принцесса, придя въ восторгъ отъ «Донъ-Карлоса», передала автору перстень въ знакъ признательности. Поэтому Шиллеръ, на котораго къ тому же принцесса произвела наилучшее впечатлѣніе, счелъ своимъ долгомъ выказать особо почтительное вниманіе великой княжнѣ посредствомъ какого либо произведенія. Онъ думалъ сдѣлать это и посредствомъ «Димитрія» разумѣется, безъ всякой лести. Каролина фонъ-Вольцогенъ разсказываетъ: «Связь нашего царствующаго дома съ русскимъ была у насъ, конечно, предметомъ частыхъ разговоровъ». «Я имѣю очень подходящій случай, замѣтилъ какъ то вечеромъ Шиллеръ сказать много пріятнаго императорской семьѣ посредствомъ фигуры юнаго Романова, который играетъ благородную роль въ «Димитріѣ» (онъ покровитель семьи свергнутаго царя).—Но на другой день Шиллеръ сказалъ: «Нѣтъ, я этого не сдѣлаю; на твореніи не должно быть ни пятнышка».

Такъ или иначе поэту не пришлось окончить свою трагедію изъ русской исторіи—и мы имѣемъ въ «Привѣтствіи искусствъ» его *послѣднее* законченное произведеніе. На ту, для которой оно предназначалось, оно произвело не только сильное, но и прочное и благотворное впечатлѣніе. «Лучшій плодъ поэтическое произведеніе даетъ тогда, когда духъ его переходитъ въ жизнь. Въ этомъ убѣдили меня—разсказываетъ Каролина фонъ-Вольцогенъ слова которыя черезъ много лѣтъ (послѣ представленія «Привѣтствія искусствъ») мнѣ пришлось услышать отъ принцессы Маріи Павловны, уже ставшей великой герцогиней. Когда я съ одобреніемъ указала на ту легкость, съ которой она, пріученная съ дѣтства ни въ чемъ не стѣснять себя, согласилась на ограниченія, которыя великій герцогъ призналъ необходимыми, она отвѣтила, что часто вспоминаетъ строки (стр. 156):

Духъ возвышенный не проситъ
Самъ отъ жизни ничего,
Все святое для него
Въ эту жизнь съ собой онъ вноситъ.

Аллегорическое содержаніе маленькаго произведенія Шиллера—его «эстетическаго завѣщанія», по удачному выраженію Гоффмейстера просто и ясно. Крестьяне, желая создать символъ той связи, которая должна соединить иноземную княжну съ ея новой родиной, садятъ въ родную землю чужестранное благородное дерево—померанецъ.

Мы желаемъ говоритъ юноша—*чтобъ съ родимымъ нашимъ краемъ породнилася она.* Но сами они не въ силахъ сдѣлать это—и имъ на помощь является хоръ искусствъ, уже давно знакомый ихъ новой повелительницѣ и потому способный связать ея старую родину съ новой.

Геній (красоты или искусства) находитъ ей утѣшеніе въ ея разлукѣ съ близкими и съ родиной, въ ея переходѣ отъ пышности императорскаго двора къ простотѣ скромнаго Веймара. Каждое искусство поочередно выступаетъ съ краснорѣчивой характеристикой своего назначенія, въ которую вплетены попутные намеки на родину и предковъ чествуемой принцессы. Въ заключеніе искусства обѣщаютъ, что

Украшая путь суровой жизни,
Его узоромъ радужнымъ заткутъ.

Стр. 154. Мать: *Стадъ пятнистыхъ покровитель.*—Панъ.

Стр. 155. Ремарка: *Пляшутъ подъ звуки оркестра, переходящіе мало-по-малу въ нѣжную мелодію.* Въ подлинникѣ—«принимающіе болѣе благородный характеръ» (einen edleren Stil).

Стр. 156. Геній: *Я творчества возвышеннаго геній.* Передъ этимъ пропущена ремарка:

Обращаясь къ принцессѣ.- Царица-мать державной рукою и т. д. Выше мы указывали, съ какимъ интересомъ относилась къ искусству жена императора Павла I.

Архитектура: *Великимъ предкомъ призвана твоимъ*—Петромъ Великимъ.

Скульптура: *Воздвигла я героя изваянье;* петербургскій монументъ Петра, безсмертное созданіе Фальконета (1782 г.).

Стр. 158. Скульптура; *Устыдъ народъ создать изъ дикарей.* Въ первомъ изданіи этотъ стихъ гласилъ: «Онъ освобождаетъ раба и дѣлаетъ дикаря человѣчнымъ». Но Шиллеръ измѣнилъ его, такъ какъ эти слова «могли быть непріятны русскимъ» (письмо къ Фроману 3 апр. 1805 г.).

Геній: *Повельваю.* Въ подлинникѣ: «Повелѣвай». *Какъ стѣны Онвъ при звукахъ вѣщихъ лиръ бездушный камень оживится сразу:* по преданію Амфіонъ, царь ѳиванскій, такъ хорошо игралъ на лирѣ, что камни двигались при звукахъ его игры, посредствомъ которой онъ воздвигъ Ѳиванскія стѣны.

Русскіе переводы.

1. Привѣтствія искусствъ, переводъ **Л. Власьевской**. Въ первыхъ изд. Гербелевскаго Шиллера.

2. Переводъ **Н. Арбенина**. Въ «Артистѣ» 1889, кн. II, и въ послѣднихъ изданіяхъ Гербелевскаго Шиллера.

3. Переводъ **О. Н. Чюминой**. Исполненъ для настоящаго изданія.

ТУРАНДОТЪ.

Въ отдѣльныхъ подробностяхъ драма не требуетъ объясненій. Собственныя имена объяснены въ Словарѣ (т. IV).

Русскіе переводы.

1. «Русская сцена» 1865, № 2. Переводъ **Н. Голубева**. («Звѣзда Востока»).

2. Переводъ **Анны Ганзенъ**. Исполненъ для настоящаго изданія.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ.

Кромѣ четырехъ драматическихъ отрывковъ, напечатанныхъ среди законченныхъ произведеній Шиллера въ т. III, въ его бумагахъ сохранились еще отрывки и планы, охарактеризованные въ предисловіи къ «Варбеку», «Мальтійцамъ» и «Дѣтямъ дома» (стр. 122—227). Разнообразіе и содержательность этихъ замысловъ даютъ полное основаніе сказать вмѣстѣ съ видн. изслѣдователемъ исторіи нѣмецкой литературы Эрихомъ Шмидтомъ: «Если бы Шиллеръ прожилъ еще сто лѣтъ, онъ никогда не ощутилъ бы недостатка ни въ новыхъ сюжетахъ, ни въ новыхъ пріемахъ. Его наброски—точно боевыя диспозиціи великаго стратега». Этихъ набросковъ всего осталось семнадцать, нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ незначительны, нѣкоторымъ, быть можетъ, предстояло стать безсмертными драмами. Мы укажемъ ихъ содержаніе, слѣдуя ихъ порядку въ изданіи Боксбергера (Deutsche National Literatur).

1. Утро Кернера (1787 г.). Это веселая насмѣшка надъ медлительностью друга Шиллера—Кернера (см. т. I, біографія), все время котораго уходитъ на разнообразныхъ посѣтителей. Литературнаго значенія эта бездѣлушка не имѣетъ, но какъ біографическій матеріалъ она очень интересна.

2. Оберонъ (1787). Шиллеръ предполагалъ обработать этотъ извѣстный сюжетъ въ оперный текстъ. Въ бумагахъ остались лишь наброски одной аріи.

3. Мальтійцы (1788—1803). Кромѣ наиболѣе законченнаго отрывка съ сценаріемъ, напечатаннаго въ текстѣ (стр. 246—255) и относящагося къ 1799 году, сохранилось еще много набросковъ, очень интересныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Поэтъ намѣчалъ здѣсь отдѣльные эпизоды, выяснялъ самому себѣ различныя подробности драмы, задавалъ себѣ связанные съ нею теоретическіе вопросы. Для характеристики такихъ пріемовъ поэта приводимъ отрывки изъ одного такого наброска, озаглавленнаго *Руководящія идеи.* «Содержаніе этой трагедіи законъ и долгъ въ столкновеніи съ чувствами, по существу благородными, такъ что сопротивленіе—простительно и даже мило, задача—трудна и тягостна. Эта трудность можетъ быть устранена лишь переходомъ въ возвышенное, которое является высшей степенью привлекательнаго, когда совершается добровольно и по склонности. Въ развитіи дѣйствія Ла-Валеттъ можетъ казаться суровымъ, но въ концѣ концовъ гармонія его натуры оправдаетъ его. Добродѣтель, проповѣдуемая въ этой драмѣ, не есть общечеловѣческая или чисто моральная, но лишь прояснённая до степени нравственной специфическая добродѣтель ордена.

Отстаиваніе орденской добродѣтели вопреки законамъ естества. Должно совершиться невозможное, всѣ исчисленія человѣческой силы должны быть превзойдены, храбрость рыцарей должна явиться абсолютной и безусловной. Вопросъ: 1) Могутъ-ли быть совмѣстно использованы оба мотива - самопожертвованіе Ла-Валетта и его жертва

сыномъ? 2) Если главный моментъ, какъ оно и слѣдуетъ, заключается въ томъ, что Ла-Валеттъ приноситъ своему строгому закону величайшую жертву въ лицѣ своего сына и рыцари покорены этимъ актомъ, то можетъ-ли имѣть мѣсто главная сцена съ Ромегасомъ? И какъ можетъ она слѣдовать за столь рѣшающей ситуаціей, какъ сцена между Ла-Валеттомъ и его сыномъ? Она устраняется, если Ла-Валеттъ рѣшается не идти самъ въ С. Эльмо». Такихъ набросковъ очень много.

Для полнаго пониманія драмы необходимы нѣкоторыя историческія свѣдѣнія. Въ 1453 г. султанъ Магометъ II, взявъ Константинополь, положилъ конецъ Византійской имперіи. Водворившееся на ея развалинахъ государство османскихъ турокъ достигло высшаго могущества при Селимѣ I (1512–1520) и Солиманѣ II (1519—1566, которому—между прочими удачными предпріятіями противъ христіанскихъ государствъ—удалось, наконецъ, сломить родосскихъ Іоаннитовъ (см. въ Словарѣ, т. IV). Несмотря на мужественную оборону подъ предводительствомъ гроссмейстера Филиппа Вилье де л'Иля, рыцари вынуждены были сдаться (1522), но получили право свободно удалиться. Въ 1530 г. императоръ Карлъ V отдалъ имъ островъ Мальту съ тѣмъ, чтобы они вели здѣсь неустанную войну противъ невѣрныхъ и, если имъ удастся отвоевать Родосъ, возвратили-бы Мальту Неаполю. Въ 1565 г. престарѣлый Солиманъ снова напалъ на рыцарей, но ихъ геройская защита подъ начальствомъ Ла-Валетта заставила его удалиться съ большими потерями. Особенно отличились рыцари защитой форта Сантъ-Эльмо. Объ этомъ послѣднемъ эпизодѣ изъ жизни этихъ рыцарей, вообще занимавшей Шиллера (ср. стихотворенія «Іоанниты», «Бой съ дракономъ», «Донъ-Карлосъ», гдѣ маркизъ Поза является однимъ изъ сорока безстрашныхъ защитниковъ С.-Эльмо), Ватсонъ («Geschichte der Regierung Philipps II», 1778), трудомъ котораго пользовался Шиллеръ, разсказываетъ слѣдующее: «Рано утромъ 30 іюля (1565 г.) турки съ громкими криками бросились на штурмъ въ твердой надеждѣ на побѣду, которую у нихъ не могла, по ихъ мнѣнію, оспаривать кучка людей, оставшихся въ С.-Эльмо. Но они ошиблись. Гарнизонъ, рѣшившійся умереть и презиравшій опасность, совершилъ сверхчеловѣческіе подвиги и поразилъ враговъ своей отвагой. Бой длился четыре часа, пока не пали не только всѣ рыцари, но и всѣ солдаты, кромѣ двухъ-трехъ, спасшихся вплавь». (Болѣе важнымъ источникомъ Шиллера былъ Верто—«Histoire des chevaliers hospitaliers de S. Jean de Jérusalem. appellés depuis chevaliers de Rhode et aujourd'hui chevaliers de Malthe» (1726), откуда сдѣланы потомъ выписки). Другія историческія подробности см. въ Словарѣ при соотвѣтственныхъ именахъ.

Русскіе переводы.

1. Въ первыхъ изд. Гербелевскаго Шиллера помѣщался переводъ отрывковъ «Мальтійцевъ»; изъ позднѣйшихъ изданій они исключены.

2. Переводъ **З. А. Венгеровой, А. Р. Венгеровой и О. Н. Чюминой**. Исполненъ для настоящаго изданія.

4. Нарбонъ или дѣти дома (1800—1805). Въ текстѣ этого тома (стр. 256—261) напечатанъ наиболѣе законченный набросокъ этой драмы. Она была задумана одновременно съ «Полиціей» (см. ниже), и полиція должна была играть въ обѣихъ пьесахъ рѣшительную роль благодѣтельной покровительницы въ первой и карающей силы вродѣ античнаго фатума - во второй. «Трагическій сюжетъ раскрытаго преступленія» долженъ сдѣлать изъ «Дѣтей дома»—писалъ поэтъ—нѣчто вродѣ современнаго «Эдипа»: и здѣсь и тамъ судьба приводитъ понемногу къ разоблаченію страшнаго и забытаго злодѣянія героя; въ «Нарбонѣ» это усугубляется еще тѣмъ, что онъ самъ, ослѣпленный своей кажущейся безопасностью, возбуждаетъ все дѣло. Онъ требуетъ, чтобы полиція возвратила ему украденную у него драгоцѣнность. Но слѣдствіе натыкается на слѣды стараго преступленія (убійство брата), имъ самимъ совершеннаго—и онъ, несмотря на всѣ усилія, не можетъ остановить ходъ правосудія».

Набросковъ, относящихся къ этому сюжету, сохранилось также много. По первоначальному замыслу у убитаго брата Пьера остались не двое дѣтей, но лишь одинъ сынъ Филиппъ, бѣжавшій за море въ день смерти отца, но по совершенно другому поводу—хотя бы вслѣдствіе дуэли. Это даетъ поводъ настоящему убійцѣ, Луи Нарбонну, обвинить бѣжавшаго племянника въ отцеубійствѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ даже женится на бывшей невѣстѣ мнимаго убійцы, но тотъ является ко дню свадьбы. И здѣсь, однако, не онъ разоблачаетъ злодѣяніе Луи Нарбонна, но самъ убійца возбуждаетъ по другому поводу слѣдствіе и падаетъ его жертвой. Въ другихъ наброскахъ любопытны и весьма характерны для пріемовъ поэтическаго творчества Шиллера, напримѣръ, такія замѣтки:

Неправдоподобности.

1. Какъ Шарло (Сентъ-Фуа) явился въ домъ Нарбонна, гдѣ ни Маделонъ, ни Нарбоннъ ничего не знаютъ о его происхожденіи?

2. Почему Шарло скрываетъ Аделанду и все беретъ на себя?

3. Какъ такой ребенокъ, какимъ была Аделаида при ея похищеніи, могъ имѣть при себѣ драгоцѣнности и сохранить ихъ, несмотря на цыганъ и т. п.

Задумавъ эту драму въ 1800 г., поэтъ не разъ возвращался къ ней даже во время работъ надъ «Димитріемъ». Набросокъ, напечатанный въ текстѣ, относится къ 1803 году.

Русскіе переводы.

1. Въ первыхъ изд. Гербелевскаго Шиллера помѣщенъ переводъ «Дѣтей дома» подъ заглавіемъ «Потерянныя дѣти». Изъ позднѣйшихъ изд. онъ исключенъ.

2. Переводъ **Р. А. Венгеровой**. Исполненъ для настоящаго изданія.

5. Корабль (1798). Въ началѣ 1798 г. Шиллеръ сообщалъ Гете, что углубился въ сочиненія Карстена Нибура «Путешествіе по Аравіи» (1774) и Вольнея «Путешествіе по Сиріи и Египту» (1797), прибавляя при этомъ, что не видитъ здѣсь никакого матеріала для поэта; но вскорѣ затѣмъ онъ уже не могъ воздержаться отъ попытки испробовать, что можетъ сдѣлать поэтъ съ такимъ матеріаломъ. Результатомъ этого явились наброски «Корабль», «Флибустьеры» и «Морская пьеса». Всѣ они представляютъ собой попытки перенести во внѣевропейскую обстановку со всѣми ея особенностями драму съ европейскими дѣйствующими лицами. «Задачей» - говорится въ началѣ наброска—«является драма, въ которой были бы искусно связаны всѣ интересные мо-

тивы морскихъ путешествій, внѣевропейскія нравы и связанные съ ними порядки. Необходимо найти punctum saliens, изъ котораго исходило бы и съ которымъ было связано все остальное, въ чемъ могли бы быть изображены Европа, Индія, торговля, разъѣзды по морю, корабль и земля, дикость и культура; равнымъ образомъ должны быть опредѣлены и живо представлены дисциплина и порядокъ на кораблѣ, характеръ моряка, купца, авантюриста, плантатора, индійца, креола». Сюжетъ колебался. Герой, молодой европеецъ, потерявъ въ Европѣ все дорогое и возненавидѣвъ ее, служитъ въ Индіи. Его патронъ милостивъ къ нему и хочетъ отдать за него свою дочь. Но молодые люди не хотятъ этого. Дѣвушка любитъ другого, съ которымъ хочетъ бѣжать за море; молодой человѣкъ стремится къ прежней далекой возлюбленной, покинуть которую его заставили жестокіе порядки Европы. Появленіе европейскаго корабля разрѣшаетъ это сплетеніе. Корабль самъ долженъ былъ «внушать живѣйшій интересъ; это единственный центръ внутренней связи пьесы, это символъ европейскаго мореплаванія и всемірнаго владычества». Но корабль этотъ въ особомъ положеніи: экипажъ взбунтовался и завладѣлъ имъ. Надежды героя возвратиться на немъ въ Европу обмануты. Но все кончается къ лучшему: герой узнаетъ въ заключенномъ капитанѣ своего стараго друга, помогаетъ ему отнять корабль у бунтовщиковъ, которыхъ оставляютъ на островѣ.

6. Варбекъ. Историческая обстановка, въ которой должно было происходить дѣйствіе этой драмы, сводится къ слѣдующему: борьба за англійскій престолъ между линіями Іоркской и Ланкастерской (бѣлой и алой розой) закончилась побѣдой Генриха VII (Ланкастера) надъ Ричардомъ III (Іоркомъ). Маргарита Іоркская, герцогиня бургундская (вдова Карла Смѣлаго), сестра Эдуарда IV и Ричарда III, всѣми силами старалась погубить или хоть свергнуть съ престола ненавистнаго Ланкастера; для этой цѣли она старалась вызвать въ Англіи сочувственное Іоркамъ движеніе при помощи самозванцевъ, выдававшихъ себя то за одного, то за другого изъ заключенныхъ или убитыхъ претендентовъ на англійскій престолъ. Первымъ изъ такихъ самозванцевъ былъ Ламбертъ Симнель, выдававшій себя за графа Эдуарда Варвика, разбитый въ 1487 г. при Стокѣ. «Съ неудачи Симнеля—разсказываетъ историкъ Англіи Rapin de Thoyras, сочиненіемъ котораго пользовался Шиллеръ—герцогиня неустанно то сама лично, то чрезъ своихъ людей распространяла слухъ, что Ричардъ Іоркъ, младшій сынъ Эдуарда IV, запертый въ Тоуэрѣ и убитый здѣсь вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ по приказу своего дяди Ричарда III, на самомъ дѣлѣ успѣлъ бѣжать и живъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ герцогиня старательно выискивала молодыхъ людей возраста герцога Іоркскаго, которые годились бы для ея замысловъ». Наконецъ, подходящій нашелся; это былъ нѣкій Перкинъ Варбекъ, сынъ одного крещенаго еврея, долго жившій въ Лондонѣ. Герцогиня дѣятельно занялась подготовкой Варбека, дарованія котораго вполнѣ соотвѣтствовали его трудной задачѣ. Она посвятила его во всѣ семейныя тайны Іоркской династіи, сочинила правдоподобный разсказъ о томъ, какъ мальчикъ бѣжалъ изъ рукъ убійцы Тирреля; чтобы устранить всякое подозрѣніе объ ихъ сношеніяхъ, самозванецъ первоначально появился въ Португаліи и затѣмъ лишь былъ представленъ къ ея двору въ Брюсселѣ, гдѣ она такъ умѣло сыграла роль сперва не вѣрующей, а затѣмъ убѣжденной, что это убѣжденіе сообщилось всѣмъ. Лишь этимъ моментомъ пребыванія Варбека въ Брюсселѣ и занимается драма Шиллера. Поэтому подробности дальнѣйшей его судьбы не интересны. Переправившись въ Англію, онъ былъ побѣжденъ при столкновеніи съ Генрихомъ VII, взятъ въ плѣнъ и, послѣ неудачной попытки бѣжать, казненъ въ 1499 году.

Свѣдѣнія о дѣйствительныхъ историческихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ драмѣ, см. въ Словарѣ (т. IV). Аделаида, принцесса Бретанская, и Эрикъ принцъ Готландскій, вымышлены поэтомъ.

Русскіе переводы.

1. Въ первыхъ изданіяхъ Гербелевскаго Шиллера. Изъ позднѣйшихъ изданій переводъ исключенъ.

2. Переводъ **В. С. Лихачова**. Исполненъ для настоящаго изданія.

7. Агриппина. Героиней этой трагедіи, показывающей—наравнѣ съ «Ѳемистокломъ», что Шиллеръ предполагалъ брать драматическіе сюжеты и изъ античной исторіи, должна была явиться знаменитая римская императрица, жена Клавдія, убитая въ 59 г. по Р. Х. своимъ сыномъ Нерономъ, который также выступалъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Въ наброскахъ сохранились лишь намеки на сюжетъ драмы; есть только общія характеристики дѣйствующихъ лицъ, основанныя на Тацитѣ.

8. Невѣста въ траурѣ или Вторая часть разбойниковъ. Еще въ 1784 г. Шиллеръ сообщалъ въ письмѣ Дальбергу, что по окончаніи «Донъ-Карлоса» предполагаетъ приступить ко второй части «Разбойниковъ», «которая должна явиться полной апологіей автора первой части и въ которой вся безнравственность найдетъ разрѣшеніе въ высшей нравственности». Затѣмъ упоминаніе объ этомъ замыслѣ исчезаетъ въ письмахъ поэта—и лишь изъ воспоминаній Каролины фонъ-Вольцогенъ мы узнаемъ, что поэтъ предполагалъ изобразить трагическую семью, чрезъ всѣ поколѣнія которой проходитъ рядъ страшныхъ несчастій. Отрывковъ, относящихся къ этому замыслу, осталось четыре; два изъ нихъ озаглавлены «Невѣста въ траурѣ». Вторая часть «Разбойниковъ». Послѣдній отрывокъ имѣетъ еще подзаголовокъ: трагедія въ пяти актахъ. Въ этомъ послѣднемъ—самомъ большомъ отрывкѣ выступаютъ Карлъ Мооръ, подъ видомъ савойскаго графа Юліана, его взрослыя дѣти, сынъ Ксаверій и дочь Матильда, графъ Диссентисъ, женихъ Матильды, егерь графа Юліана, въ которомъ мы должны узнать стараго знакомаго Швейцера, Косинскій и духъ Франца Моора. «Дѣйствіе открывается появленіемъ привидѣнія и торжествомъ обрученія. Графъ Юліанъ выдаетъ свою дочь замужъ. Женихъ—отпрыскъ рода, предъ которымъ графъ старается загладить что-то тяжелое, или вообще имѣетъ настоятельный интересъ заключить этотъ бракъ. Матильда не любитъ жениха, но ничего противъ него не имѣетъ и повинуется желанію отца»... Видную роль долженъ играть Швейцеръ, тайный довѣренный графа. Ксаверій—страстный и необузданный юноша, не любящій отца и питающій къ нему только страхъ. Одна Матильда можетъ смирять его дикія выходки. Онъ питаетъ къ ней злополучную, роковую страсть, до сихъ поръ скрытую отъ отца. О ней знаетъ егерь Георгъ (Швейцеръ), пестунъ

молодыхъ господъ—и подъ его вліяніемъ графъ спѣшитъ помолвкой дочери. Но страшныя предзнаменованія встрѣчаютъ это торжество. Въ замкѣ знаютъ о нихъ всѣ кромѣ стараго графа, знаетъ и безстрашный Ксаверій, который въ страшный часъ ожидаетъ привидѣнія и въ извѣстномъ мѣстѣ встрѣчаетъ его. Призракъ исчезаетъ, не отвѣтивъ на его вопросы, но Ксаверій чувствуетъ за этимъ тайну, касающуюся отца, и старается выпытать ее отъ Георга. Къ юной графинѣ часто является таинственная монахиня, вѣчно безмолвная и видимо благосклонная. Она знаками совѣтуетъ дѣвушкѣ не вступать въ бракъ и постричься въ монастырь. Однажды, войдя въ комнату отца, Матильда находитъ здѣсь женскій портретъ, въ которомъ узнаетъ монахиню. Она разсказываетъ о своемъ загадочномъ знакомствѣ отцу, который пораженъ, такъ какъ на его портретѣ изображена Амалія. На этомъ обрывается этотъ эскизъ, заканчивающійся вопросомъ, очевидно поставленнымъ поэтомъ самому себѣ: «Могутъ-ли встрѣтиться два призрака, и что они будутъ при этомъ дѣлать»?

Изъ другого отрывка мы узнаемъ, что при торжествѣ помолвки должна прорваться бѣшеная страсть молодого графа и возбуждаемая призракомъ ненависть къ отцу. Должно произойти убійство, но поэтъ не рѣшилъ, какое.

Общая характеристика положенія и настроенія героя дана въ первомъ отрывкѣ, гдѣ онъ носитъ свое старое имя. Карлъ Мооръ, говорится здѣсь, «считаетъ небо примиреннымъ: онъ, наконецъ, достигъ извѣстнаго спокойствія; двадцатилѣтнее счастіе отучило его бояться перемѣны». За это время онъ сдѣлалъ много добра и былъ общимъ благодѣтелемъ; онъ живетъ въ чужой странѣ и смотритъ на свое далекое прошлое, какъ на тяжелый сонъ...

Остается неизвѣстнымъ, какъ уцѣлѣлъ Карлъ отъ кары правосудія, которому онъ предаетъ себя въ концѣ «Разбойниковъ», откуда у него дѣти. Но общій замыселъ понятенъ. Поэтъ — говоритъ Беллерманъ—хотѣлъ очевидно показать, что пока Мооръ вѣритъ, что онъ «еще можетъ быть счастливъ», онъ не отдѣлался отъ ига, своего эгоизма, «что къ дѣйствительному внутреннему міру онъ можетъ придти лишь путемъ совершеннаго самоотреченія. Несмотря на предостереженія Швейцера, Карлъ необдуманно нарушилъ покой Немезиды и, думая обезпечить себѣ и дѣтямъ полное счастіе, вызываетъ сверхъестественныя явленія, ведущія къ злодѣянію».

9. Розамунда или Адская невѣста. (1800). Первоначально Шиллеръ предполагалъ обработать этотъ сюжетъ, взятый,—подобно «Фаусту»—изъ старинной кукольной комедіи, въ видѣ баллады, но затѣмъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ настоятеля своего друга, композитора Цумштега, просившаго дать ему текстъ для оперы, предпочелъ драматическую форму. Сюжетъ этотъ, по словамъ Гёте, указавшаго его Шиллеру—крайне тщеславная и безсердечная дѣвушка, губящая своего вѣрнаго возлюбленнаго и отдающая свою руку необычайному и неизвѣстному жениху, который оказывается дьяволомъ и уноситъ ее съ собой въ адъ. Поэтъ не выработалъ сценарія. Сохранились лишь наброски съ характеристикой героини и нѣкоторыми подробностями предполагаемой драмы, показывающіе, какъ Шиллеръ усложнялъ и углублялъ традиціонные мотивы народной сказки. Къ жестокой Розамундѣ, отталкивающей и губящей всѣхъ влюбленныхъ въ нее, поэтъ предполагалъ до нѣкоторой степени привлечь сердца зрителей тѣмъ, что дѣлалъ ее пѣвицей или артисткой. Вступленіемъ въ драму служитъ гибель одного изъ жениховъ Розамунды. Она виновна въ этой гибели, но ни мало не тронута ею. Тогда является новый—богатый, могущественный, прекрасный принцъ; онъ не выказываетъ къ ней любви и только льститъ ей—и она покорена. Онъ исполняетъ всѣ ея невѣроятныя прихоти съ сверхъестественной легкостью. Онъ описываетъ свое королевство, въ которомъ всѣ окружающіе узнаютъ адъ; его отвѣты загадочны и страшны. И лишь ослѣпленная лестью невѣста не подозрѣваетъ ничего. На нее не дѣйствуютъ даже предостереженія духа ея погибшаго жениха. Все въ драмѣ должно было быть проникнуто страстью, чтобы не дать мѣста раздумью». «Послѣ того какъ судьба Розамунды рѣшена, слѣдуетъ еще нѣчто милое, прекрасное, чистое, и зритель разстанется съ драмой въ болѣе отрадномъ настроеніи. Любящая красавица, сердечная дѣвушка, которой Розамунда изъ ревности готовила гибель, остается невредима и получаетъ награду за свою невинность».

10. Проектъ комедіи во вкусѣ «Der Bürgergeneral» Гете (1805). Предполагалось нѣчто вродѣ параллели къ извѣстному драматическому памфлету Гете противъ французской революціи. Нѣкоторыя дѣйствующія лица тѣ же, что у Гете. Сохранились наброски двухъ первыхъ сценъ, ясныя и незначительныя.

11. Полиція (1802). «Широкій планъ изобразить великую столицу Франціи со всѣми ея порядками и пороками, вершинами и низинами общества, дневной и ночной жизнью, словомъ сдѣлать «Парижъ въ его совокупности» предметомъ культурно исторической драмы, въ центрѣ которой стояла-бы дѣятельность полиціи, живо занималъ Шиллера» — говоритъ Беллерманъ. Главнымъ источникомъ его была книга Мерсье «Tableau de Paris», затѣмъ натуралистическіе романы Ретифъ де ла Бретонна, у котораго онъ уже заимствовалъ сюжетъ своего «Путешествія въ плавучій домъ» (т. I) и, наконецъ—«Энциклопедія» Гоффа, гдѣ онъ нашелъ характеристику д'Аржансона, всемогущаго и всевѣдущаго начальника французской полиціи при Людовикѣ XIV. Но не отдѣльная личность должна была стать притягательнымъ центромъ драмы, а общая масса впечатлѣній, производимыхъ одною силой разнообразной и единой, страшной и благостной. Предполагались двѣ пьесы—трагедія и комедія, и среди набросковъ «Полиціи» мы находимъ много указаній на то, что этой трагедіей должны были явиться «Дѣти дома». Наброски, относящіеся собственно къ «Полиціи», многочисленны и разнообразны, но представляютъ совершенно сырой матеріалъ, среди котораго видное мѣсто занимаютъ выписки изъ Мерсье. «Необходимо обработать необъятную массу дѣйствія—замѣчалъ себѣ поэтъ—и не дать читателю запутаться въ разнообразіи событій и множествѣ фигуръ. Необходима путеводная нить, связующая всѣхъ ихъ, точно шнурокъ, на которомъ онѣ нанизаны... Объединяющимъ началомъ является полиція, дающая имъ пульсъ и развязку...» Поразительное разнообразіе этихъ подробностей предполагаемаго дѣйствія отчасти уже указано во вступительной статьѣ къ «Драматическимъ отрывкамъ» (т. III, стр. 226). Мы находимъ, напримѣръ, такую замѣтку: «Въ теченіе дѣйствія выступаютъ: 1) сынъ почтенной семьи, безпутствуетъ, доведенъ до от-

чаянія, но спасенъ; 2) благочестивая дочь; 3) отецъ изъ провинціи; 4) честная, но бѣдная аристократка; 5) чваный и дурной богатый мужикъ; 6) своевольный мушкетеръ; 7) фатъ—совѣтникъ парламента; 8) блюдолизъ Ubique; 9) куртизанка; 10) шуллеръ и мошенникъ во всѣхъ видахъ; 11) пасквилянтъ; 12) философъ; 13) савояры; 14) ханжа; 15) аббатъ или рыцарь св. Людовика; 16) министръ полиціи; 17) убійца; 18) куртизанъ; 19) благонамѣренный гражданинъ Парижа; 20) носильщикъ, фіакръ, швейцаръ; 21) писецъ или клеркъ; 22) иностранецъ; 23) мужъ и жена; 24) патруль и часовые; 25) модистка; 26) муассардки; 27) иллюминатъ и тайныя общества; 28) монахъ; 29) герцогъ и герцогиня; 30) нищій; 31) воришка и его пособники». На другомъ листкѣ исчислены предметы благотворной дѣятельности полиціи, какъ она должна была выступить въ пьесѣ. «Предметы дѣятельности полиціи: 1) Такъ заботиться о нуждахъ города, чтобы никогда не было недостатка въ необходимомъ и купцы не назначали произвольныхъ цѣнъ, она должна такимъ образомъ оживлять ремесла и промышленность, но бороться съ вредными злоупотребленіями. 2) Учрежденія для общественнаго здоровья и удобства. 3) Безопасность собственности и личности. Хранить и мстить. 4) Мѣры противъ злоупотребленій, безпокоящихъ общество. 5) Защита слабыхъ отъ злоумышленій и насилія. 6) Бдительность ко всему, что подозрительно. 7) Очистка нравовъ отъ общественнаго скандала. 8) Она должна легко обозрѣвать все и быстро дѣйствовать повсюду. Для этого служатъ ея отдѣлы и подъотдѣлы, регистры, служители, корреспонденты, доносчики. 9) Она дѣйствуетъ, какъ сила, и имѣетъ возможность приводить свои рѣшенія въ исполненіе. 10) Она часто должна прибѣгать къ скрытымъ путямъ и не всегда можетъ соблюдать форму. 11) Она часто вынуждена допускать, а иногда поощрять и даже сама дѣлать зло, чтобы творить добро или устранить худшее бѣдствіе». Но этотъ панегирическій списокъ не исчерпываетъ всѣхъ воззрѣній поэта на дѣятельность полиціи. «Не обходимо изобразить — полагалъ онъ — и отрицательныя стороны полицейскаго строя. Здѣсь часто орудіемъ является зло, и невинность можетъ отъ него пострадать. Полиція часто вынуждена пользоваться дурными орудіями, примѣнять предосудительныя средства. Преступленія ея агентовъ безнаказанны».

Ни сценарія, ни указаній на главныя дѣйствующія лица нѣтъ. Въ пьесѣ долженъ былъ выступить д'Аржансонъ, и не только въ качествѣ начальника полиціи, но и въ своей частной жизни. Интрига предполагалась очень сложной. «Въ первомъ актѣ завязываются три независимыхъ другъ отъ друга исторіи,—замѣчаетъ себѣ Шиллеръ.— Къ нимъ естественно присоединяются еще три или четыре другихъ, и всѣ онѣ разрѣшаются вмѣстѣ». Сохранились отрывки, рисующіе такое сплетеніе интригъ: 1) «Прелестная, милая дѣвушка Софія, принуждаемая своимъ опекуномъ выйти замужъ за проходимца, хочетъ бѣжать со своимъ возлюбленнымъ. Этотъ планъ открытъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и подлость навязаннаго жениха и богатство ея настоящаго возлюбленнаго. 2) Милая женщина (пріятельница Софіи) страдаетъ отъ ревности мужа... Чтобы испытать ея вѣрность, онъ переодѣвается—и потому попадаетъ въ руки полиціи. 3) Женихъ Софіи оклеветалъ ея возлюбленнаго, будто онъ сочинитель пасквиля и распутникъ. Но пасквиль этотъ заказалъ самъ одному жалкому поэтишкѣ и самъ развратничаетъ съ одной распутницей. Все это раскрываетъ полиція. 4) Возлюбленный Софіи живетъ въ гостинницѣ, гдѣ проживаетъ также одинъ авантюристъ, дѣлающій много шума въ городѣ.. 5) Въ той же гостинницѣ живетъ особа или парочка, имѣющая причины скрываться. Ея исторія связана съ другими и способствуетъ ихъ раскрытію... 8) Сообщеніе, что въ городѣ воровская шайка. 9) Нѣкто заподозрѣнъ, потому что скрывается. Но онъ скрылся куда нибудь противъ своей воли. 11) Слѣды дѣтоубійцы или другого убійства. 12) «Дуэлисты». Таковъ былъ этотъ гигантскій клубокъ событій, который долженъ былъ найти изображеніе въ драмѣ.

12. Ѳемистоклъ (1803). Основаніемъ этой драмы послужило сообщеніе Плутарха о томъ, что Ѳемистоклъ, великій аѳинскій полководецъ, нашедшій, но изгнаніи изъ отечества (470 г. до Р. Х.), пріютъ у персидскаго царя Артаксеркса, сперва обѣщалъ ему вести его войска противъ неблагодарной родины, но затѣмъ, не чувствуя себя въ силахъ «опозорить свои прежніе подвиги», покончилъ съ собой самоубійствомъ. Сохранившіеся наброски Шиллера заключаютъ характеристику Ѳемистокла и указанія на отдѣльные выдающіеся моменты, которые должны были получить выраженіе въ драмѣ. Очевидно, поэта особенно соблазняла возможность сопоставить неподдѣльное, глубоко врожденное гражданское чувство античнаго грека съ рабскими помышленіями варварскаго народа, униженнаго, несмотря на свое внѣшнее могущество. «Ѳемистоклъ умираетъ такъ, какъ онъ жилъ: подъ равнымъ вліяніемъ чистыхъ и нечистыхъ побужденій. Имъ владѣли высокія помышленія, истинная добродѣтель и истинная слава одушевляли его; но его грызло честолюбіе, и вслѣдствіе этой порочной страсти онъ не выдержалъ испытанія истинной добродѣтели. И его геройское самопожертвованіе смѣшано съ болью оскорбленнаго честолюбія; но онъ до извѣстной степени побѣждалъ эти нечистыя помышленія... Съ чашей яда на устахъ онъ снова становится аѳинскимъ гражданиномъ». Приготовленія персовъ къ походу на грековъ и Ѳемистокла — къ смерти должны были сплетаться въ драмѣ, и «по общему духу пьесы происходитъ въ концѣ концовъ нѣчто другое, совсѣмъ не то, что устраивалось; реальное разрушается и уничтожается чѣмъ нибудь идеальнымъ». Среди отдѣльныхъ сценъ пьесы должны были, повидимому, представлять особенный интересъ тѣ, гдѣ какія либо внѣшнія обстоятельства напоминаютъ Ѳемистоклу о его далекой родинѣ: два заѣзжихъ земляка, его благородная рабыня изъ Іоніи, греческій философъ, греческіе мимы, взволновавшіе героя нѣсколькими сценами изъ затерянной трагедіи Эсхила.

13. Графиня Фландрская (1804). До сихъ поръ точно неизвѣстно, откуда заимствовалъ Шиллеръ сюжетъ этой драмы, такъ какъ въ сказкахъ Трессана, на котораго ссылался и самъ поэтъ и его близкіе, нѣтъ ничего похожаго на намѣченные въ подготовительныхъ отрывкахъ мотивы. То, что рядъ именъ дѣйствующихъ лицъ (напр. принцъ Эрихъ Готландскій, епископъ Иперскій и др.) взятъ изъ «Варбека», считается доказательствомъ того, что къ этому времени Шиллеръ отказался отъ мысли закончить «Варбека». Мы имѣемъ не только содержательныя предварительныя замѣтки, но и опытъ законченнаго сценарія; нѣсколько сохранившихся начальныхъ стиховъ показываютъ, что поэтъ присту-

палъ уже къ осуществленію своего замысла. Содержаніе драмы ясно и интересно. Графиня Матильда, государыня Фландріи, должна, по требованію своихъ вельможъ и народа, избрать себѣ супруга. Нѣсколько иноземныхъ принцевъ: испанскій, французскій, скандинавскій—и двое изъ ея вассаловъ—графы Монфоръ и Арембергъ—добиваются ея руки. Но она любитъ одного изъ своихъ приближенныхъ, бѣднаго, но благороднаго юношу Флоризеля, который платитъ своей государынѣ взаимностью, пока не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Графиня сама болѣе сознательна—и она умѣло устраняетъ могучихъ претендентовъ и пролагаетъ путь возлюбленному къ своей рукѣ. Флоризель спасъ ей на охотѣ жизнь—она заставляетъ испанскаго принца возвести его въ рыцари. Она заявляетъ, что выборъ ея будетъ основанъ не на внѣшнихъ преимуществахъ рожденія и силы—и гордые предками и саномъ французъ и испанецъ отказываются участвовать въ такомъ унизительномъ состязаніи; нелѣпаго принца готландскаго Монфоръ отправляетъ искать несуществующую невѣсту, разсчитывая, что теперь ему остается устранить только Аремберга. Но графиня видимо отдаетъ предпочтеніе послѣднему. Это, конечно, только уловка. Въ откровенномъ разговорѣ съ Арембергомъ она указываетъ ему, что онъ любитъ не ее, но ея фрейлину, фонъ-Мегенъ, что ея руки онъ ищетъ только изъ соперничества съ Монфоромъ; она обѣщаетъ ему никогда не отдавать своей руки послѣднему—и пріобрѣтаетъ въ Арембергѣ вѣрнаго союзника. Но фрейлина также любитъ Флоризеля, и графиня, не зная его чувствъ, ревнуетъ ихъ. Благодаря невинной уловкѣ, она узнаетъ, что мадемуазель фонъ-Мегенъ предлагала свою руку Флоризелю, и онъ отказался. Тогда графиня во всемъ признается дѣвушкѣ и убѣждаетъ ее выйти за Аремберга. Этимъ трогательнымъ объясненіемъ между пріятельницами, которыя рѣшаютъ между прочимъ отправить Флоризеля къ какому-нибудь иностранному двору, чтобы дать ему возможность тамъ прославиться, заканчивается второй актъ. Получивъ отъ графини приказъ отправиться за границу, Флоризель безутѣшенъ—и лишь въ послѣдній моментъ предъ отъѣздомъ узнаетъ о своемъ счастьи. Но ревнивый Монфоръ готовитъ графинѣ тяжелыя испытанія. Узнавъ, что она не будетъ женой Аремберга, онъ считаетъ ее своей безспорной добычей и—подъ предлогомъ охраны—держитъ ее почти въ заключеніи. Тщетны ея повелѣнія, тщетны попытки избавиться; ея слуги больше повинуются Монфору, чѣмъ ей самой. Ее могъ бы освободить Арембергъ съ друзьями, но она основательно боится насилія и воспрещаетъ имъ это, надѣясь избавиться отъ Монфора какъ-нибудь иначе. Между тѣмъ французскій принцъ, взбѣшенный неудачей, не примирился съ отказомъ графини и ведетъ противъ нея свои войска. Армія Фландріи, подъ предводительствомъ Монфора, идетъ ему навстрѣчу. Къ нему присоединяется отрядъ рыцарей, собранныхъ Флоризелемъ. Четвертый актъ начинается изображеніемъ успѣховъ непріятеля. Французскіе эмиссары взбунтовали народъ, и чернь захватила замокъ, гдѣ заключена графиня, которая такимъ образомъ мѣняетъ аристократическую тиранію на демократическую. Послѣдняя изображена въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. Но неожиданно приходитъ извѣстіе о пораженіи непріятеля. Эту побѣду рѣшилъ Флоризель со своими пятью стами рыцарей. Бѣжавшая армія Монфора собирается подъ знаменами побѣдителя. Онъ приближается къ столицѣ, но вдругъ онъ узнаетъ, что графиня и Арембергъ скрылись. Невѣста послѣдняго также ничего не знаетъ объ ихъ мѣстопребываніи. Послѣдній—пятый актъ приноситъ счастливую развязку. Флоризель находитъ графиню у своей матери и становится графомъ Фландріи. Подробности этого акта не выяснились для самого поэта. Между прочимъ здѣсь Монфоръ снова покупается на свободу и честь графини—и гибнетъ.

14. Флибустьеры (1804) и Морская пьеса соединены въ изданіи Боксбергера въ одно цѣлое. Мы находимъ здѣсь лишь нѣсколько отдѣльныхъ подробностей, которыя должны были найти изображеніе въ этой драмѣ изъ морской жизни, очевидно, связанной съ «Кораблемъ» (№ 5). Нравы морскихъ разбойниковъ и обычаи корабельной жизни должны были служить фономъ для этой драмы мрачнаго корсара, стоящаго въ центрѣ. Посредствомъ бунта на кораблѣ, открывающаго драматическое дѣйствіе, онъ становится его господиномъ и главой шайки. «Великая страсть—причина этого шага. Онъ потерялъ возлюбленную вслѣдствіе несправедливости, онъ глубоко обиженъ законами и потому объявляетъ непримиримую войну всему общественному строю. Это несчастіе извратило его природу, ожесточило его сердце. Бѣшеная жажда мести и ненависть къ какому нибудь народу или званію (монахини) и злоба противъ всего культурнаго міра воодушевляетъ его». И въ этомъ поэтъ не былъ увѣренъ,—онъ прибавляетъ: «Или онъ выбираетъ это занятіе изъ необходимости, такъ какъ не можетъ уже возвратиться къ европейцамъ». Какую-то роль долженъ былъ играть въ драмѣ «благородный и тонко чувствующій человѣкъ, швырнувшій свою судьбу и страсти въ это занятіе, которое по существу презираетъ», а также женщина-пиратка, одѣтая мужчиной и не уступающая своимъ товарищамъ въ храбрости.

15. Герцогиня *) фонъ-Целле или графъ фонъ-Кенигсмаркъ (1804). Героиней этой драмы должна была явиться принцесса Доротея, супруга принца ганноверскаго Георга, впослѣдствіи короля Англіи. Высокообразованная и красавица, юная принцесса, однако, не считалась при ганноверскомъ дворѣ равной принцу и была взята ему въ жены лишь потому, что была наслѣдницей герцогства Целле. Положеніе ея при чужомъ дворѣ было ужасно. Мужъ, грубое ничтожество, не находилъ даже нужнымъ оградить ее отъ оскорбленій своей любовницы; родители мужа относились къ ней высокомѣрно; ея желаніе возвратиться домой не нашло сочувствія въ ея отцѣ. Тогда она прибѣгла къ помощи своего друга дѣтства, влюбленнаго въ нее графа Кенигсмарка, но ихъ сношенія были открыты. 1 іюля 1694 года графъ, возвращаясь отъ нея, былъ убитъ, она обвинена въ супружеской измѣнѣ, сослана въ замокъ Альденъ, гдѣ умерла въ 1726 году. Исторія эта легла въ основаніе французской новеллы «Histoire secrète de la duchesse d'Hannovre» (1726), которая была извѣстна Шиллеру. Поэтъ сразу оцѣнилъ, какія измѣненія придадутъ поэтическое значеніе этому сюжету. «Изъ этого сюжета выйдетъ трагедія, если характеръ принцессы будетъ сохраненъ въ полной чистотѣ и любовныхъ отношеній между нею и Кенигсмаркомъ не будетъ». Этими словами начинается отрывокъ подъ названіемъ *«Поэтъ къ трагедіи Герцогиня*

*) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *Принцесса*.

фонъ Целле». Здѣсь заключается общая характеристика герцогини и ея положенія. Трагедія герцогини—въ ея неспособности приспособляться или примиряться съ обстоятельствами. Отъ почти удачной попытки привлечь къ себѣ супруга до заключительнаго заговора она все время была активна. Подробности будущаго выполненія этого общаго замысла многочисленны, но вносятъ мало новыхъ чертъ въ историческую канву драмы. Здѣсь очень мало законченнаго, и все носитъ слѣды прерванной работы мысли, остановленной въ самомъ зачаткѣ.

16. Эльфрида. Сюжетъ этой драмы, соблазнявшій и раньше и позже многихъ драматурговъ (Лопе де Вега, Максимильянъ Клингеръ, Поль Гейзе), знакомъ Шиллеру по той же *Исторіи Англіи* Рапэна, которой онъ пользовался для «Маріи Стюартъ» и «Варбека . Онъ заключается въ слѣдующемъ. «Узнавъ, что у графа Девонширскаго есть необычайной красоты дочь по имени Эльфрида, король англійскій Эдуардъ (около 950 г.) предположилъ жениться на ней и для того отправилъ провѣрить слухи своего любимца графа Этельвольда. Но послѣдній, пламенно влюбившись въ красавицу, умолчалъ о своемъ порученіи и самъ женился на ней. Королю онъ сказалъ, что дѣвушка не стоитъ своей славы и въ жены королю не годится, но богата, и потому онъ самъ бы хотѣлъ взять ее въ жены. Получивъ позволеніе, онъ старательно скрывалъ жену отъ короля, пока послѣднему не донесли всей правды. Разгнѣванный такимъ вѣроломствомъ, государь, однако, самъ захотѣлъ провѣрить дѣло. Какъ то съ охоты онъ совершенно неожиданно рѣшилъ заѣхать въ помѣстье Этельвольда. Смертельно испуганный обманщикъ бросился къ женѣ и сознался ей во всемъ, умоляя ее спасти его и показаться королю въ самомъ неинтересномъ видѣ. Но молодая женщина, не любившая мужа, дала лишь притворное согласіе, сама же постаралась произвести на Эдуарда такое впечатлѣніе, что онъ сразу воспылалъ къ ней страстью. Этельвольдъ былъ вскорѣ затѣмъ убитъ—говорятъ, рукой самого короля, который не замедлилъ жениться на его вдовѣ. Оставшіеся наброски представляютъ собою болѣе вопросы, которые задавалъ себѣ поэтъ по поводу этого сюжета, чѣмъ отвѣты на нихъ. Основнымъ побужденіемъ, во всемъ движущимъ Эльфридой, казалась поэту страсть къ блеску, власти, положенію; она переступаетъ черезъ трупъ мужа къ трону — и чувствуетъ себя правой, потому что онъ обманулъ ее. Но «трагическое—полагалъ Шиллеръ—должно покоиться не на Эльфридѣ, а на Этельвольдѣ». Не видно, какъ онъ предполагалъ достигнуть этого.

17. Димитрій (1804—1805). Общія объясненія и дополненія даны въ вступительной статьѣ (стр. 262–278). Объ историческихъ участникахъ драмы см. въ Словарѣ (т. IV). Фактическихъ поясненій требуютъ слѣдующія мѣста:

ПЕРВЫЙ АКТЪ

Стр. 279. Видъ засѣданія краковскаго сейма изображенъ по Коппору, у котораго есть и соотвѣтственный рисунокъ. Десять сановниковъ, сидящіе направо (коронные) и налѣво (литовскіе) отъ короля, это маршалы, канцлеры, подканцлеры, гофмаршалы и казначеи. *Всѣ вооружены*—такъ указано у Коннора. *Палатины* — воеводы, намѣстники тридцати двухъ областей государства и военачальники отрядовъ, выставляемыхъ этими областями; *кастелляны*, числомъ 85—ихъ помощники.

Стр. 280. Архіепископъ гнѣзненскій: *Вопросъ въ другой и въ третій разъ предложенъ.* Замѣтка Шиллера изъ Коннора: «Формальное требованіе тройного вопроса».

Стр. 281. Димитрій: *И въ богатырскихъ юношескихъ жилахъ забьетъ ключомъ наслѣдственная кровь.* Въ книгѣ Трейнера, указанной на стр. 265, говорится о Димитріѣ: «Охота была его величайшимъ наслажденіемъ и рыцарскія игры—его развлеченіемъ. Военными упражненіями онъ занимался больше, чѣмъ это принято у русскихъ, которые не имѣютъ склонности къ этого рода вещамъ. Онъ исполнялъ все съ налету, былъ въ постоянномъ движеніи, духъ его въ огнѣ,—и для этого духа Москва, по его собственному выраженію, была слишкомъ тѣсна». *Львовскій кастелянъ... случайно узналъ про страсть мою къ его невѣстѣ* и т. д. Свѣдѣнія объ этомъ апокрифическомъ происшествіи Шиллеръ нашелъ у Миллера, который замѣчаетъ: «Подобно тому, какъ мы не считаемъ нужнымъ передавать романтическій разсказъ Ла-Рошеля о приключеніяхъ Димитрія, мы обойдемъ и то, что сообщаетъ одинъ англійскій писатель въ своей книгѣ «The Russian impostor, or the history of Moscovy» (Лондонъ, 1677) о началѣ любви Лжедимитрія къ Маринѣ и о его соперникѣ Лоренскомъ. Ибо всѣ обстоятельства говорятъ, что это чистая выдумка, и самъ авторъ не умѣетъ прикрыть этого ничѣмъ, кромѣ того, что, вѣроятно, Димитрій при дворѣ воеводы Сендомирскаго выдвинулся изъ-за красоты Марины». Любопытно, что въ прозаическомъ наброскѣ Шиллера соперникомъ Димитрію является палатинъ Люблинскій; затѣмъ поэтъ почему-то замѣнилъ кастелляномъ львовскимъ, очевидно забывъ, что это — званіе самого Мнишка, отца Марины.

Стр. 284. Ремарка — *Одобрительныя мнѣнія сенаторовъ*—произвольно прибавлена Кернеромъ. *Сенаторы*—это палатины и кастелляны.

Димитрій: *Что ты и самъ родился въ темницѣ* и т. д. Мюллеръ: «Онъ напомнилъ о его собственной судьбѣ королю, который самъ родился въ Швеціи въ тюрьмѣ, но откуда былъ освобожденъ особымъ Божескимъ попеченіемъ, дабы онъ имѣлъ возможность помогать другимъ, поверженнымъ въ такое же положеніе. Въ доказательство своего происхожденія онъ сослался на свидѣтелей—пятерыхъ братьевъ Хрипуновыхъ, Петра Истомина, Михеева и нѣсколькихъ купцовъ изъ Кіева». Сигизмундъ родился, дѣйствительно, въ темницѣ въ Гринсгольмѣ на озерѣ Меларѣ, гдѣ его дядя, король Эрихъ XIV, долго держалъ въ заключеніи своего брата Іоанна и его жену.

Сапѣга: *Да бросьте-жъ жезлъ въ знакъ общаго молчанья.* Замѣтка Шиллера изъ Коннора: «Никто не смѣетъ говорить безъ разрѣшенія маршала коронпаго. Послѣдній всѣмъ напоминаетъ о порядкѣ, когда они забываются. Въ случаѣ шума онъ ударяетъ жезломъ по землѣ». *Я на двадцать лѣтъ вѣрно, самолично скрѣпилъ съ Москвой условіе перемирія.* Замѣтка Шиллера изъ Миллера «Левъ Сапѣга, литовецъ, въ качествѣ польскаго посла, заключаетъ съ Борисомъ двадцатилѣтній миръ. Онъ именно на Люблинскомъ сеймѣ является противникомъ Димитрія».

Стр. 285. Сапѣга: *Я сеймъ по праву распускаю. Veto.* Veto значитъ «я—не согласенъ»—и одного такого заявленія со стороны одного члена сейма,

рѣшенія котораго должны быть единогласны, было достаточно, чтобы лишить силы рѣшеніе громаднаго большинства.

Епископы прикрываютъ его съ обѣихъ сторонъ столами—то есть облаченіями.

Сапѣга: *Что видимость* и т. д. Въ подлинникѣ Сапѣга говоритъ: «Большинство? Да что такое большинство? Большинство это безсмыслица. Разумомъ всегда обладаетъ меньшинство».

Стр. 286. Король: *Какъ властвовать возможно королю, коіда вассалы – и его богаче.* Выписка Шиллера изъ Коннора: «Нѣкоторые польскіе магнаты такъ богаты, что ихъ владѣнія простираются на 10, 20 и даже 30 миль, что они владѣютъ 4000 помѣстій (городовъ, мѣстечекъ, деревень) и могутъ выставить въ поле до десяти тысячъ человѣкъ». *Но потерялъ отцовское наслѣдье. затѣмъ, что мнѣ противился народъ.* Избранный въ 1587 году королемъ польскимъ Сигизмундъ въ 1592 году смѣнилъ своего отца Іоанна II на шведскомъ престолѣ, но, какъ католикъ, не могъ долго оставаться государемъ въ строго протестантской странѣ.

Стр. 287. Димитрій: *Король, изъ рукъ передаю я въ руки* и т. д. Эта клятва въ общихъ чертахъ повторяетъ запись, данную Димитріемъ въ Самборѣ 25 мая 1604 г. и извѣстную Шиллеру изъ Миллера.

Король: *Тамъ, на Руси — священныя права, сейчейныя, тамъ отческая власть...* Въ подготовительныхъ замѣткахъ къ драмѣ Шиллеръ писалъ: «Изобразить вездѣ патріархально-деспотическую власть и дѣтски-рабскую покорность».

Стр. 289. Марина: *Какъ почуешь, что царь* и т. д. За этими словами слѣдуетъ въ переводѣ Мея пропускъ, восполненный на стр. 275—276. Въ вставленной сценѣ съ шляхтичами необходимо объяснить слѣдующее:

Стр. 276. Осссолинскій: *Мы конюхи у старости.* Конноръ: «Польскіе дворяне могутъ отправлять всякія низкія службы, но не должны заниматься ремесломъ. Конюхи, повара, барабанщики могли достигнуть высокаго сана; всѣ выбираютъ короля и имѣютъ голосъ въ сеймѣ».

Одовальскій: *Да, нечего сказать! Изъ сѣни на коврахъ.* Конноръ: «Дворянинъ можетъ имѣть у себя въ услуженіи дворянъ и можетъ ихъ при случаѣ высѣчь, но непремѣнно на коврѣ».

Стр. 289. Марина: *Епископъ Каменецкій онъже Кульмскій.* Это ошибка переводчика. Говорится не объ одномъ, а о двухъ различныхъ епископахъ. Далѣе изъ новой редакціи подлинника пропущены нѣкоторыя подробности. Къ словамъ *Да съ Дону мы ждемъ коней и всадниковъ* въ подлинникѣ прибавлено: отъ казаковъ, живущихъ за порогами». Очевидно Шиллеръ смѣшалъ Донъ съ Днѣпромъ. донскихъ казаковъ съ запорожцами. Въ заключительной клятвѣ всѣ восклицаютъ: Jûramus (клянемся); это неправильное удареніе – очевидная насмѣшка надъ польскимъ произношеніемъ, которое осмѣиваетъ извѣстная поговорка «Nos Poloni non cûramus quantitatem syllâbarum». Кернеръ не понялъ шутки и вычеркнулъ это слово, почему оно и не попало къ Мею.

Ремарка *Марина рветъ на себѣ покрывало* прибавлена Кернеромъ сообразно одной изъ «Самборскихъ сценъ».

Стр. 290. Марина. *Тамъ, на предѣлахъ нашихъ царствъ обоихъ.* Въ подлинникѣ она продолжаетъ: «Каждое новое событіе доносется до меня, тамъ я у вѣтра подслушаю его вѣсти, тамъ я могу видѣть волны Днѣпра, текущія изъ Смоленска». *Да Кіевъ развѣ Польша?* Въ выпискахъ Шиллера изъ Миллера о Кіевѣ говорится: *a.* Мѣстопребываніе древне-русскаго великаго князя отъ Игоря до 1157 г. *e.* Въ 1471 г. Казиміръ IV, сынъ Ягелло, присоединилъ Кіевъ къ Польшѣ, но сохранилъ здѣсь русскихъ правителей. Такимъ образомъ Кіевъ во время дѣйствія драмы—мѣстопребываніе малорусскихъ казаковъ подъ польскимъ главенствомъ. *f.* Дурное обращеніе поляковъ съ кіевскими казаками заставляетъ въ 1654 г. послѣднихъ воссоединиться съ Россіей, отъ которой они считали себя отторгнутыми».

Мнишекъ: *Здѣсь, говорятъ, и письма-то вскрываютъ.* Хорошо знавшій по-нѣмецки и самъ полунѣмецъ Мей впалъ тутъ въ непонятную ошибку: въ подлинникѣ «Sie brechen auf», т. е. *они выступаютъ въ походъ.*

ВТОРОЙ АКТЪ.

Первый выходъ.

Монастырь, Бѣлое озеро. Въ подлинникѣ: «Зданія православнаго монастыря въ пустынной мѣстности у Бѣло-озера».

Третій выходъ.

Стр. 297. Крестьянскія уменьшительныя имена переданы у Шиллера такъ: Тимоске, Петрушке, Иванске.

Русскіе переводы.

1. Сцена изъ II акта (между патріархомъ Іовомъ и царицею Маріею). Переводъ **Каролины Павловой.** «Москвитянинъ» 1841, ч. I, № 1.

2. Переводъ **Л. Мея.** Гербелевское изд. Шиллера 1860 и позднѣйшихъ годовъ. Также въ «Драмат. сборникѣ» 1860, кн. 12, и въ Собр. соч. Мея.

ПРОГУЛКА ПО ЛИПАМЪ.

(1782).

Мысли, здѣсь высказанныя молодымъ Шиллеромъ, навѣяны «Вертеромъ» (письмо отъ 18 Августа) и «Гамлетомъ» (сцена съ могильщиками). Онѣ имѣютъ цѣлью показать, что въ основѣ какъ пессимистическаго, такъ и оптимистическаго міровоззрѣнія лежатъ не объективныя данныя, а чисто-субъективные отзвуки пережитаго.

Русскіе переводы.

1. «Комета» (альманахъ на 1830 г.).

2. Соч. Шиллера въ изд. Гербеля; безъ имени переводчика.

3. Переводъ **Р. А. Венгеровой.** Исполненъ для настоящаго изданія.

ЮНОША И СТАРИКЪ.

(1782).

Вѣроятно принадлежитъ другу Шиллера—Шарфенштейну (см. т. I, біографія) и только исправлено Шиллеромъ.

Переводъ **Р. А. Венгеровой** исполненъ для настоящаго изданія. Діалогъ этотъ впервые появляется здѣсь въ русскомъ переводѣ.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОКЪ ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

(1782).

Дѣйствительное происшествіе, ставшее извѣстнымъ Шиллеру со словъ г-жи Вольцогенъ, въ домѣ которой онъ жилъ нѣкоторое время. (См. т. I, біографія).

Имена братьевъ — Людвигъ и Карлъ фонъ-Вурмбъ, имя дѣвушки, которую они любили баронесса Христіана фонъ-Вернеръ. Пожертвовалъ собою Карлъ, уѣхавшій въ Африку и Остъ-Индію. Будущая теща Шиллера, г-жа фонъ-Ленгефельдъ, была урожденная фонъ-Вурмбъ и родная сестра Людвига и Карла фонъ-Вурмбовъ.

Русскіе переводы.

1. Переводъ **М. П. (Погодина)**, въ «Моск. Вѣстн.» 1827, ч. VI.
2. Безъ имени переводчика, въ Гербелев. изданіи Шиллера.

ЗАВТРАКЪ ГЕРЦОГА АЛЬБЫ.

(1688).

Переводъ **Р. А. Венгеровой** исполненъ для настоящаго изданія. Анекдотъ этотъ не былъ еще переведенъ на русскій языкъ.

ПРЕСТУПНИКЪ ИЗЪ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ.

(1786).

Въ основѣ этого разсказа лежитъ дѣйствительное происшествіе. Германія этой эпохи была полна разбойничьихъ шаекъ, атаманами которыхъ не всегда руководило одно гнусное своекорыстіе; народъ, особенно терзаемый несправедливыми законами объ охотѣ, иногда видѣлъ въ нихъ мстителей за свое униженіе и склоненъ былъ думать, какъ одинъ изъ героевъ шиллеровскаго разсказа (стр 324): «За то, что ты пристрѣлилъ пару свиней, вскормленныхъ княземъ на нашихъ же поляхъ, они годами томили тебя въ смирительномъ домѣ... Или мы ужъ до того дожили, что человѣкъ стоитъ меньше зайца?» Однимъ изъ страшнѣйшихъ предводителей разбойниковъ считался прославленный народной легендой «хозяинъ Солнца» Іоганнъ Фридрихъ Шванъ, родившійся въ 1729 г. въ Вюртембергѣ и за свои многочисленныя преступленія казненный въ Файнгенѣ 30 іюля 1760 года—всего тридцати одного года отъ роду. Его судьей, своей мягкостью доведшимъ преступника до полнаго сознанія и раскаянія, былъ отецъ учителя Шиллера въ Карловой школѣ, профессора Абеля, который также написалъ біографію Фридриха Шванa. Хотя эта «Исторія одного разбойника», вошедшая въ «Собраніе и объясненіе замѣчательныхъ явленій человѣческой жизни» Абеля, вышла черезъ годъ (1787) послѣ того, какъ разсказъ Шиллера былъ напечатанъ въ его журналѣ «Талія», тѣмъ не менѣе сличеніе обоихъ произведеній показываетъ съ очевидностью, что Шиллеръ въ своей работѣ руководился устными разсказами Абеля, которые могъ слышать еще въ школѣ. Но, конечно, разсказъ о томъ-же происшествіи принялъ подъ перомъ Шиллера совершенно иную окраску. Психологія Абеля смѣшивалась съ теологіей, совершенно чуждой Шиллеру, въ передачѣ котораго на первый планъ выступила не только психологическая, но соціальная сторона событія. Сходство съ «Разбойниками», которое замѣтитъ всякій внимательный читатель, особенно оттѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ сущности, оба произведенія написаны «In tyrannos», оба имѣютъ въ виду уродливости общественнаго строя, доводящія людей, по существу невинныхъ, до преступленія. Не одинъ нѣмецкій комментаторъ отмѣчаетъ ядовитое презрѣніе, съ которымъ поэтъ бичуетъ и судей, которые умѣли заглянуть въ книгу законовъ, но не въ душу обвиняемаго, и вюртембергскія тюрьмы и крѣпости, гдѣ людей губятъ, а не улучшаютъ, и, наконецъ, общество, которое ставитъ человѣка, отбывшаго наказаніе, въ невозможность возвратиться на путь честнаго труда. «Читая этотъ разсказъ, мы живо чувствуемъ — замѣчаетъ Керкгофъ—до какой степени и въ наши дни вѣрно замѣчаніе Вильгельма ф.-Гумбольдта, что Шиллеръ самый современный изъ нашихъ поэтовъ. Теперь, когда наука и литература, такъ часто и внимательно углубляются въ психологію и патологію преступника, когда уголовное правосудіе, мягкое, какъ никогда донынѣ, для вынесенія справедливаго приговора осмотрительно изслѣдуетъ характеръ и внѣшнія обстоятельства каждаго преступника, когда въ нѣкоторыхъ странахъ дѣлаютъ даже опыты условнаго досрочнаго освобожденія, — теперь разсказъ Шиллера производитъ впечатлѣніе вполнѣ современнаго психологическаго этюда».

Русскіе переводы.

1. Ожесточенный. Переводъ **В. Жуковскаго.** Впервые въ «Вѣст. Евр.» 1808 г., №№ 6 и 7.
2. Преступникъ вслѣдствіе потери чести. (Безъ указанія имени переводчика). Въ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера.
3. Преступникъ изъ-за потерянной чести. Переведено **Р. А. Венгеровой** для настоящаго изданія.

ИГРА СУДЬБЫ.

(1789).

Этотъ разсказъ—первый опытъ Шиллера въ повѣствовательномъ родѣ, напечатанный въ журналѣ «Нѣмецкій Меркурій» въ 1789 г.—въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою «отрывокъ изъ правдивой исторіи», какъ гласитъ его подзаголовокъ. Истинные герои разсказа полковникъ Филиппъ Фридрихъ фонъ Ригеръ (у Шиллера Алоизій фонъ Р**) и графъ Самуилъ Фридрихъ де-Монмартэнъ (въ разсказѣ Іосифъ Мартиненго); государь, у котораго они служили—герцогъ вюртембергскій Карлъ Евгеній, прежній повелитель Шиллера, въ первую половину своего правленія нуждавшійся въ такихъ креатурахъ, чтобы попирать законы своей страны. Подробный и точный разсказъ историка о страшной катастрофѣ въ жизни Ригера показываетъ, что внесъ поэтическій вымыселъ въ правду жизни. «Его соперникъ — разсказываетъ Нфафъ («Geschichte des Würtembergs», 1839 г.)—съумѣлъ воскресить старое подозрѣніе о сношеніяхъ Ригера съ братьями герцога, и письмо къ принцу Фридриху, гдѣ весьма живо изображена была всеобщая радость, съ которой всѣ встрѣтили появленіе пруссаковъ, дошедшихъ до Франконіи, и гдѣ самому герцогу досталось порядкомъ, завершило паденіе Ригера. Было ли это письмо подлинное или—что весьма вѣроятнѣе—подложное, оно оказало свое дѣйствіе. Герцогъ пришелъ въ бѣшеный гнѣвъ и рѣшилъ строго наказать неблагодарнаго предателя. Беззаботно явился Ригеръ 28 ноября 1762 г. по обыкновенію на парадъ и приблизился къ герцогу. Тогда послѣдній, до сихъ поръ стоявшій къ нему спиной, вдругъ повернулся и сорвалъ съ него знакъ военнаго ордена: Монмартэнъ, отобравъ у него шпагу, сломалъ ее и бросилъ осколки ему подъ ноги: два адъютанта сорвали ленту съ его шляпы, аксельбанты и погоны. Пораженный, безмолвно стоялъ Ригеръ предъ толпой. Въ запертой каретѣ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, несчастнаго отвезли въ крѣпость Асбергъ, потомъ въ Гогентвиль. Здѣсь

полумертвый, былъ брошенъ въ подземную темницу, гдѣ онъ, не видя человѣческаго лица, не добившись ни малѣйшаго улучшенія своей участи, промучился во тьмѣ четыре года. Лишь въ 1766 г., по заступничеству земскихъ чиновъ, онъ былъ освобожденъ, но долженъ былъ тотчасъ-же выѣхать, и поступилъ на службу къ принцу Людвигу Евгенію; лишь черезъ десять лѣтъ онъ получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину. Прежнихъ милостей герцога Карла онъ уже не могъ добиться, но все же былъ вскорѣ произведенъ въ чинъ генерала и назначенъ начальникомъ крѣпости Асбергъ, впалъ въ ханжество и умеръ здѣсь (15 мая 1782 г.) отъ удара».

Русскіе переводы.

1. Игра судьбы. Отрывокъ истинной исторіи. Переводъ **Н. М. Карамзина.** (Перев. Карамзина. т. VI).

2. Игра судьбы. (Безъ указанія имени переводчика). Въ Гербелевскомъ изд. сочин. Шиллера.

3. Переводъ **В. Микуличъ.** Исполненъ для настоящаго изданія.

ДУХОВИДЕЦЪ.

Съ полнымъ основаніемъ говоритъ Палеске о «Духовидцѣ»: «Эта поэма носилась въ воздухѣ». И, дѣйствительно, названіе «вѣка просвѣщенія» не мѣшало восемнадцатому столѣтію быть также вѣкомъ суевѣрія. Оно было естественнымъ спутникомъ поверхностнаго невѣрія. Мистическая мудрость средневѣковья отжила въ новой причудливой формѣ, которой способствовали новыя научныя открытія. Не только магнетизеръ Мессмеръ и френологъ Галль имѣли ревностныхъ приверженцевъ, но и столь наглые авантюристы, какъ знаменитые Каліостро и графъ Сенъ Жерменъ, открыто выдававшіе себя за чудотворцевъ, Первый собственно, палермитанецъ Джузеппе Бальзамо, родившійся въ 1743 г. въ Палермо, нашумѣвшій на всю Европу, замѣшанный въ извѣстный процессъ о кражѣ ожерелья у французской королевы Маріи Антуанетты и погибшій въ 1789 г. въ темницахъ римской инквизиціи, былъ предметомъ чрезвычайнаго интереса и въ Шиллеровскомъ кружкѣ, такъ какъ исторія съ ожерельемъ разорила родственника близкаго этому кружку ювелира Бассанжа. Нѣкоторыми чертами изъ жизни и облика этого ловкаго проходимца воспользовался Шиллеръ для своего чисто психологическаго романа, не всегда яснаго и противорѣчиваго, подъ конецъ скомканнаго, но и въ этомъ видѣ глубоко интереснаго.

Начало романа появилось въ 1786 году въ «Таліи». Но поэтъ писалъ его безъ плана и скоро разочаровался въ немъ; его раздражала самая мысль объ окончаніи «Духовидца». Лишь для отдѣльнаго изданія (1789 г.)—чтобы выяснить читателямъ суть содержанія романа – Шиллеръ набросалъ заключеніе; даже и въ этомъ видѣ романъ имѣлъ успѣхъ.

Невидимый центръ романа составляетъ тайная, но всемогущая, послѣдовательная и побѣдоносная организація католицизма, неуклонно захватывающаго міръ при помощи своихъ ловкихъ и всесильныхъ агентовъ. Жертвой его въ романѣ является главное дѣйствующее лицо—принцъ. Цѣль католической организаціи здѣсь двоякая: во первыхъ, обратить принца въ католичество, во вторыхъ, доставить ему престолъ, на которомъ такимъ образомъ окажется безвольное орудіе іезуитовъ. Въ таинственномъ армянинѣ поэтому комментаторы не безъ основанія рѣшаются видѣть одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей тайныхъ организацій католической церкви—быть можетъ самого генерала ордена іезуитовъ. Съ внѣшней стороны въ немъ, несомнѣнно, отразились черты Каліостро, образъ котораго, такъ сказать, раздвоившись въ романѣ, послужилъ также основой фигуры обманщика-сициліанца.—Способы, которыми стараются служители ордена овладѣть волей принца, очерчены въ романѣ ярко и увѣренно. Сперва его здоровую мысль хотятъ затмить суевѣріемъ; несмотря на сложный путь, предпринятый для этого, это не удается, и тогда въ безошибочномъ разсчетѣ на то, что лучше всего предварительно очистить душу принца отъ всякаго слѣда мысли и вѣры, изъ принца дѣлаютъ скептика, отрицателя религіи и въ то же время буйнаго прожигателя жизни. Предполагается, что этотъ не сильный умъ, лишенный и нравственныхъ и научно философскихъ устоевъ, сдастся предъ блестящей діалектикой какого-нибудь іезуитскаго совратителя. Но затѣмъ употребляютъ еще болѣе удобный способъ; разссоривъ принца и поссоривъ его съ его дворомъ, сближаютъ его съ таинственной красавицей - гречанкой и возбуждаютъ въ немъ чувство безпредѣльной благодарности къ великодушному католику маркизу Чивителла. Здѣсь, въ сущности, прерывается ровное теченіе романа. Попытка рѣшительно обратить его въ католичество еще не сдѣлана. И лишь послѣдняя страница романа приноситъ нѣкоторое туманное подобіе развязки. Отравленная кѣмъ-то гречанка тщетно пытается, умирая, склонить возлюбленнаго къ перемѣнѣ вѣры. Но католическая церковь уплачиваетъ громадные долги принца—и это какъ будто является послѣдней каплей. Вновь появляется таинственный армянинъ, скрывавшійся такъ долго, и принцъ окончательно въ рукахъ у него—и у католической церкви.

Собственныя имена, встрѣчающіяся въ романѣ, объяснены—поскольку они принадлежатъ историческимъ лицамъ—въ Словарѣ (т. IV). Нѣкоторые читатели, быть можетъ, зададутъ вопросъ, кто же, собственно, подразумѣвается подъ названіемъ *духовидецъ*. На это отвѣчаетъ заглавіе одного англійскаго перевода: «Армянинъ или Духовидецъ». Особаго объясненія требуютъ:

Стр. 341. *На обратномъ пути въ Курляндію въ 17** году.* Дѣйствіе романа происходитъ между 1774 (годъ смерти папы Ганганелли, о которой говорится на стр. 348) и 1787 г., когда было опубликовано начало «Духовидца».—*Мы познакомились на службѣ въ **ской арміи*—во время Семилѣтней войны, въ которой принцъ принималъ участіе въ рядахъ французскихъ войскъ (см. въ Словарѣ сл. *Гастинбекъ*).

Стр. 342. *Какъ третьему принцу царственнаго дома*: не своей семьи, а всей династіи. До него право на престолъ имѣютъ сынъ государя, наслѣдный принцъ, о смерти коего сообщается на стр. 343, и братъ государя, дядя нашего героя. *Мы и забыли, что насъ ждутъ въ Лувръ*—вѣрно, какое нибудь увеселительное мѣсто въ Венеціи, названное по знаменитому королевскому дворцу въ Парижѣ.

Стр. 343. *Вы найдете тамъ депутацію сената.* Венеціанскій сенатъ—учрежденіе изъ 60 человѣкъ, выбранное совѣтомъ представителей наслѣдственнаго дворянства (нобили) и состоявшее при дожѣ.—*Покойный былъ наслѣдный принцъ.* Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ было прибавлено: «...и единственный сынъ государя, который, по старости и болѣзни, не могъ разсчитывать на по-

томство. Теперь между нашимъ принцемъ и тономъ стоялъ лишь его престарѣлый дядя, равнымъ образомъ лишенный потомства и надежды когда либо имѣть его. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ о немъ будетъ рѣчь впереди».—*Какъ мнѣ говорить, чтобы этотъ франтъ понялъ меня.* Въ подлинникѣ Balordo—дуракъ. Балордо—постоянный типъ итальянской комедіи, какъ паяцъ, коломбина и арлекинъ.—*Настолько богатъ, чтобы нанять браво* — наемнаго убійцу, которыми кишатъ разсказы о венеціанской старинѣ.

Стр. 344. *Служителей государственной инквизиціи.* Она состояла въ Венеціи изъ трехъ человѣкъ, творившихъ судъ по государственнымъ преступленіямъ по опредѣленнымъ законамъ, но безъ открытаго слѣдствія. Въ виду этой тайны процесса и множества шпіоновъ, объ инквизиціи, особенно заграницей, ходили преувеличенно страшные слухи, которые здѣсь воспроизводитъ Шиллеръ.

Стр. 346. *И одинъ авантюристъ изъ Палермо*—родины Каліостро. *Послѣдній былъ въ мундирѣ и выдавалъ себя за капитана*—также черты, списанныя съ Каліостро.

Стр. 348. *Я признаю васъ величайшимъ искусникомъ.* Въ подлинникѣ «вторымъ Соломономъ». Какъ извѣстно, въ позднѣйшей восточной литературѣ царь Соломонъ считался владыкой духовъ и всѣхъ тайныхъ силъ природы.

Стр. 350. *Узнаешь въ Римѣ* — таинственное указаніе, понятное въ виду сокровенной цѣли всѣхъ этихъ католическихъ махинацій.

Стр. 352. *У одного прокурора.* Въ подлинникѣ «прокуратора»; это названіе (прокураторы св. Марка) носили въ Венеціи девять высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ выбирались дожи. Слуга, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь—Біонделло, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ второй части. *Мы нашли сицилiанца въ предварительной тюрьмѣ.* Въ подлинникѣ—«въ частной тюрьмѣ».

Стр. 356. *Многіе говорятъ, что онъ долго былъ въ Египтѣ.* То-же говорилъ о себѣ Каліостро въ своей защитительной рѣчи въ процессѣ о покражѣ ожерелья.

Стр. 359. *Связью философовъ съ саламандрами и сильфидами*—духами дня и воздуха въ средневѣковой мистической философіи.—*Непогрѣшительный графъ Габалисъ* · намекъ на книгу Монфокона «Le Comte de Gabalis ou Entretien sur les sciences secrètes» (1670)—сатиру на суевѣріе, увеличившую однако вѣру въ тайныя науки.

Стр. 36 . *И вѣрно украсилъ бы собою тронъ, къ достиженію котораго злобныя наущенія указали ему путь преступный.* Дальнѣйшее повѣствованіе не приноситъ разъясненія заключительныхъ строкъ первой части. Ни объ «ужасной судьбѣ» принца, ни о преступныхъ средствахъ, которыми онъ достигъ трона, мы не узнаемъ ничего.

Книга вторая.

Стр. 372. *Бучентавро*—очевидно, по имени великолѣпнаго государственнаго корабля Венеціи, на которомъ совершался обрядъ вѣнчанія новаго дожа съ моремъ.

Письмо первое. Стр. 374. *Ц** не такъ тяжело*—вышеуказанный второй придворный изъ свиты принца. *Насупротивъ новой прокураціи.* Старыя и Новыя прокураціи—великолѣпные дворцы, гдѣ отправляли свои должности прокураторы.

Письмо второе. Стр. 376. *Сестіере ди Кастелло.* Сестіере (шестерка)—часть города, которыхъ въ Венеціи шесть.

Письмо четвертое. Стр. 381. *Будущее! Вѣчный порядокъ!* Въ «Таліи» этотъ длинный философскій діалогъ былъ еще гораздо длиннѣе. Въ январѣ 1789 г. Шиллеръ писалъ о немъ сестрамъ Ленгефельдъ: «Эти дни я не разъ наслаждался работой надъ моимъ Духовидцемъ; но онъ почти поколебалъ мое христіанство, которое, какъ извѣстно, не могли поколебать всѣ силы ада. Случайно мнѣ пришлось ввести сюда философскій разговоръ, который необходимъ мнѣ для того, чтобы вполнѣ выяснить свободомыслящую эпоху, которую переживаетъ мой принцъ. При этомъ у меня зародились нѣкоторыя идеи, которыя вы, тамъ легко найдете (ибо избави меня Богъ отъ того, чтобы я думалъ *вполнѣ* такъ, какъ принцъ въ затменіи своей мысли); думаю также, что изложеніе произведетъ на васъ пріятное впечатлѣніе своей ясностью».—*Quid sit id, quod tantum morituri vident*: что такое видятъ умирающіе (Тацитъ, Germania, XI).

Письмо десятое. Стр. 400. Послѣ заключительныхъ словъ романа слѣдуетъ въ подлинникѣ подпись: *Конецъ первой части.* Очевидно, содержаніе второй должны были составить событія, неясно намѣченныя въ концѣ первой. «Шиллеръ предоставляетъ вполнѣ фантазіи читателя создать объясненіе этихъ событій и связь между ними,—говоритъ нѣмецкій комментаторъ.—Особенно непонятно, почему принцъ, отказывая въ предсмертной просьбѣ возлюбленной, не переходитъ въ католичество—и дѣлаетъ это подъ загадочнымъ воздѣйствіемъ армянина».

Русскіе переводы.

1. Духовидецъ, исторія, взятая изъ Записокъ графа О*** и изданная Фридрихомъ Шиллеромъ. Переводъ съ нѣм. 6 ч. М. 1807. 2-е изд. М. 1818.

2. Переводъ **М. Л. Михайлова**. Въ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера 1860 г. и позднѣйшихъ.

ИСТОРІЯ ОТПАДЕНІЯ НИДЕРЛАНДОВЪ.

Русскіе переводы.

1. Вступленіе въ исторію освобожденія Соединенныхъ Нидерландовъ. «Сынъ Отеч.» 1812, ч. I.

2. Походъ герцога Альбы въ Нидерланды черезъ Альпы. Въ переведенной баронессой **Юліей фонъ-Икскуль** съ нѣм. книгѣ «Характеристическіе очерки Валленштейна и походъ герцога Альбы въ Нидерланды черезъ Альпы». Спб. 1860.

3. Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества. Переводъ **П. Н. Полевого**. Въ Гербелевскомъ изд. сочиненій Шиллера (1870 и позднѣе).

4. Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества. Новый переводъ профессора **А. С. Трачевскаго**, исполненный для настоящаго изданія. Почтенный историкъ приложилъ особенныя старанія къ тому, чтобы удержать всѣ особенности приподнятаго и порою вычурнаго слога оригинала.

Приложенія къ „Исторіи отпаденія Нидерландовъ".

I. Судъ надъ графами Эгмонтомъ и Горномъ.

Переводъ проф. **А. С. Трачевскаго**, исполненный для настоящаго изданія. Это приложеніе впервые появляется здѣсь въ русскомъ переводѣ.

—

II. Осада Антверпена.

1. Осада Антверпена, подъ предводительствомъ принца Пармскаго въ 1584 и 1585 годахъ. «Москов. Телеграфъ» 1833 г. №№ 4, 5, 6.

2. Осада Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1584—1585 годахъ. Переводъ проф. А. С. Трачевскаго, исполненный для настоящаго изданія.

ЧТО ЗНАЧИТЪ ИЗУЧАТЬ ВСЕМІРНУЮ ИСТОРІЮ И СЪ КАКОЮ ЦѢЛЬЮ ИЗУЧАЮТЪ ЕЕ.

Переводъ П. И. Вейнберга. Впервые напечатанъ въ 7-мъ изд. Гербелевскаго изд. Шиллера (1893). Въ настоящемъ изд. воспроизведенъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

А. Горнфельдъ.

Объясненія къ рисункамъ.

МЕССИНСКАЯ НЕВѢСТА.

Рисунки Гротъ-Іоганна.

	стр.
287. Донна Изабелла въ глубокомъ траурѣ, вокругъ нея Мессинскіе старѣйшины	19
288. Донъ Цезарь. Дай братскую твою пожать мнѣ руку. (Протягиваетъ ему руку) (стр. 25)	33
289. Лишь только взоръ я возвелъ,—она со мной стояла рядомъ (стр. 38)	37
290. Беатриче. Донъ-Мануплъ (стр. 43)	41
291. Явленье ада! Какъ! Въ его объятьяхъ? (стр. 46)	45
292. Діего. Она шевелится, глаза раскрыла, она жива! (стр. 51)	49
293. Онъ не сынъ мнѣ, нѣтъ! Я породила василиска! (стр. 58)	53
294. Изабелла. Живи, мой сынъ! (стр. 61)	55
295. Закалывается кинжаломъ и опускается мертвымъ къ ногамъ сестры (стр. 63)	57
296. Изабелла и Беатриче	63

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

297. Ущелье Hohle Gasse, гдѣ по преданію Телль убилъ Гесслера	70
298. Новый памятникъ Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ (сооруженъ въ 1895 г.)	72
299. Теллевская площадка (Tell's Platte) и Теллевская часовня на озерѣ Ури. Здѣсь, по преданію, Телль выскочилъ изъ лодки Гесслера	73
300. Рютли	75
301. Альт(тд)орфъ. Общій видъ	76
302. Старый памятникъ Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ	77
303. Общій видъ новаго памятника Вильгельму Теллю въ Альт(тд)орфѣ (сооруженъ 1895)	78
304. Телль и Гесслеръ. Гравюра, приложенная къ первому изданію «Вильгельма Телля»	79
305. Іенни (поетъ въ лодкѣ) Куони (поетъ на горѣ) Верни (является на вершинѣ противоположной скалы). (Дѣйствіе первое, первая сцена; стр. 81)	83
306. Первый (увидя лодку). А, дьяволъ! Смотри-ка! (Дѣйст. перв., перв. сц. стр 86)	85
307. Глашатай. Во имя императора: внимайте! (Дѣйст. перв., третья сц.; стр. 90)	89
308. Вальтеръ Фюрстъ и Мельхталь. На жизнь и смерть! (Дѣйствіе первое, четвертая сцена)	96
309. Останься съ нами только въ этотъ день! (Беретъ его за руку). (Дѣйствіе второе, первая сцена; стр. 100)	97
310. На Рютли	101
311. Ни въ горѣ, ни въ бѣдѣ не разлучимся. (Всѣ повторяютъ, поднявъ три перста). (Дѣйствіе второе, вторая сцена)	109
312. И вдругъ со мною встрѣтился ландфогтъ. (Дѣйствіе третье, первая сц.; стр. 112)	111
313. Нѣтъ, матушка. Пусти меня съ отцомъ. (Дѣйств. третье, первая сц.; стр. 114).	113
314. (Она идетъ къ воротамъ и долго провожаетъ глазами уходящихъ). (Дѣйствіе третье, первая сцена)	114
315. Входитъ Берта въ охотничьемъ платьѣ, вслѣдъ за нею Руденцъ. (Дѣйств. третье, сц вторая; стр. 111)	119
316. Телль. Пусти, пріятель! (Дѣйствіе третье, сцена третья; стр. 118)	120
317. Довольно, господинъ ландфогтъ! Довольно! (Дѣйствіе третье, сц. третья; стр 124)	121
318. Вынимаетъ изъ-за пазухи стрѣлу. (Дѣйствіе третье, сцена третья; стр. 127)	124
319. Телль (показывая на небо). Тамъ твой Отецъ. (Дѣйствіе третье, сцена третья; стр. 127)	125
320. Мальчикъ (указывая налѣво). Ахъ, батюшка, изъ Флюэльна ладья! (Дѣйствіе четвертое, сцена первая; стр 129)	128
321. Любезные, невинные малютки! Чтобъ васъ спасти отъ мщенія тирана, свою стрѣлу извлекъ. (Дѣйствіе четвертое, третья сцена; стр. 138)	133

стр.

322. (Упадаетъ съ лошади на руки Рудольфа). (Дѣйствіе четвертое, третья сц.; стр. 141) 137
323. (Раздаются мощные звуки рога Ури). (Дѣйствіе пятое, первая сц.; стр. 143). 145
324. Вильгельмъ. Ахъ матушка, смотри—пришелъ монахъ. (Дѣйствіе пятое, сцена вторая; стр. 147) 149

Рисунки 297—303 воспроизведены частью по книгѣ «Meine Reise durch die Schweiz», частью по фотографіямъ, собраннымъ на мѣстѣ.

Рисунки 306—308, 311, 314, 316—18, 320—22, 324 (*А. Баура*) взяты изъ роскошнаго изданія Фишеръ-Гальбергера, остальные изъ роскошнаго изданія «Телля» съ рис. *Ф. Шверера*.

ПРИВѢТСТВІЯ ИСКУССТВЪ.

Рисунокъ Визлиценуса.

325. Геній вмѣстѣ съ богинями выходитъ, и всѣ они образуютъ полукругъ. Богини показываютъ свои аттрибуты (стр. 156) 157

ТУРАНДОТЪ.

Рисунки Шраудольфа.

326. Баракъ (бросаясь къ нему). Мой господинъ! (Дѣйствіе первое, явленіе I) 173
327. Надъ воротами показывается ужасная личина палача, воздвигающаго при грохотѣ барабановъ новую голову на желѣзномъ прутѣ. (Дѣйствіе первое, явленіе III) 178
328. Что за уборка здѣсь идетъ? (Дѣйствіе второе, явленіе I) 180
329. Панталонъ (беретъ книгу и громко читаетъ). (Дѣйствіе второе, явленіе IV; стр. 186) 189
330. Турандотъ, Зелима и Адельма, не замѣчаемая первыми. Дѣйствіе третье, явленіе II) 192
331. Труфальдинъ (евнухамъ). Ведите ихъ! (Дѣйствіе третье, явленіе VII; стр. 200) 199
332. Всю эту груду денегъ я вамъ дарю, лишь имена откройте... (Дѣйствіе четвертое, явленіе I) 201
333. Альтоумъ (ласково беретъ принцессу за руку). Я честь твою спасти хочу! (Дѣйствіе четвертое, явленіе VI); стр. 204) 206
334. (Смотритъ на спящаго). Возлюбленный мой спитъ. Не бейся, сердце. (Дѣйствіе четвертое, явленіе X; стр. 209) 211
335. Освѣщенный восковыми свѣчами алтарь съ изображеніями китайскихъ божествъ, и двое жрецовъ. (Дѣйствіе пятое) 214
336. Турандотъ. Калафъ! (Дѣйствіе пятое, явленіе II; стр. 216) 217

ВАРБЕКЪ.

стр.

Рисунки Г. Кнакфуса.

337. Герцогиня разспрашиваетъ его; онъ даетъ ей нѣсколько многозначительныхъ отвѣтовъ. (Третій актъ, стр. 232) 233
338. О, дайте мнѣ поцѣловать эту руку (Дѣйств. первое, явленіе III; стр. 242) 241

МАЛЬТІЙЦЫ.

Рисунки Фр. Пехта.

339. Ромегасъ и Бипронъ ссорятся изъ-за плѣнной гречанки; одинъ схватилъ ее, другой хочетъ ею овладѣть). Отрывокъ первой сцены; стр. 249). 251
340. Ла Валетъ крайне взволнованъ, открываетъ Сентъ-Присту, что онъ его отецъ, благословляетъ сына (стр. 254) 253
341. Онъ восхваляетъ высокое назначеніе вознесеннаго на небо сына 255

ДѢТИ ДОМА.

Рисунки И. Вейзера.

342. Входитъ Норбоннъ и находитъ въ лицѣ Сентъ-Фуа своего соперника. (Второе дѣйствіе; стр. 259) 257

ПРЕСТУПНИКЪ ИЗЪ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ.

Рисунки Карла Пилотти.

343. Христіанъ Вольфъ былъ сынъ трактирщика 317
344. Робертъ торжествуетъ. Его соперникъ отбитъ (стр. 318) 319
345. Я все стоялъ и стоялъ надъ трупомъ (стр. 323) 321
346. Меня заперли въ обществѣ арестантовъ (стр. 318) 322
347. Тотъ остановился, неподвижно поглядѣлъ на меня и.. бросилъ мнѣ грошъ мой въ лицо (стр. 320) 325
348. Онъ удваиваетъ бдительность и снова накрываетъ злополучнаго соперника (стр. 318) 327
349. Чиновникъ возвращаетъ чрезъ своего секретаря паспортъ путешественнику (стр. 330) 331
350. Судьи тщательно и добросовѣстно справляются съ уложеніемъ о наказаніяхъ (стр. 318) 33

ИГРА СУДЬБЫ.

Рисунки И. Вейзера.

стр.

351. Молча, съ изумленными взглядами, вручаютъ ему шпагу (стр. 336). . . 335
352. Спускаютъ ему внизъ висячую корзину съ пищей (стр. 338). 337

ДУХОВИДЕЦЪ.

Рисунки К. Ребера

353. Мы не успѣли еще оправиться отъ изумленія, какъ армянинъ стоялъ уже около насъ (стр. 345). 345
354. Катанье наше было очень пріятно (стр. 345). 353
355. Онъ трижды назвалъ по имени покойника и въ третій разъ протянулъ руку къ распятію (стр. 349). 361
356. Мы нашли сицилiанца въ предварительной тюрьмѣ. Одна нога и одна ру а были у него окованы, но онъ могъ свободно расхаживать по комнатѣ (стр. 353). 368
357. Принцъ подоспѣлъ какъ разъ въ пору, чтобы помѣшать смертельному удару (стр. 376). 377
358. Съ неизъяснимою прелестью полу-лежала, полу-стояла она на колѣняхъ передъ алтаремъ (стр. 384). 385
359. Она явилась съ прежней спутницей своей, и обѣ принялись тревожно искать (стр. 392). 393
360. Дуэль между принцемъ и маркизомъ (стр. 398) 397
361. Она скончалась, какъ праведница . . 399

ИСТОРІЯ ОТПАДЕНІЯ НИДЕРЛАНДОВЪ ОТЪ ИСПАНСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

362. Борьба древнихъ батавовъ съ римлянами 420
363. Парадныя латы Карла V (находятся въ вѣнскомъ артиллерійскомъ арсеналѣ). 425
364. Шлемъ Карла V. (Вѣнскій артиллерійскій арсеналъ; относится къ лучшей порѣ нѣмецкаго Возрожденія; изображенныя сцены иллюстрируютъ «Энеиду»). . . 429
365. Отреченіе Карла V отъ престола . . 433
366. Сожженіе еретиковъ 444
367. Медаль съ изображеніемъ кардинала Гранвеллы. (Берлинъ, Минцъ-кабинетъ) . 449
368. Маргарита Пармская. Современная гравюра 453
369. Народъ освобождаетъ проповѣдника реформаціи. 465
370. Маргарита Пармская. Современная гравюра Франца Гогенберга († 1590). . . 475

стр.

371. Графъ Нассау 493
372. Генрихъ Бредероде 496
373. Значекъ (пфенигъ) гезовъ. На передней сторонѣ изображеніе Филиппа II и кругомъ надпись: en tout fidel es au roi— во всемъ вѣрные королю; на задней— двѣ соединенныя руки и нищенская сума; надпись: jusque à porter la besace - до нищенской сумы 501
374. Принцъ Вильгельмъ Оранскій пьетъ за здоровье гезовъ 503
375. Члены союза гезовъ 505
376. Общественная проповѣдь Герм. Штрикера. 507
377. Монтиньи. Бергенъ 518
378. Иконоборчество. 517
379. Гогстратенъ 521
380. Вильгельмъ Оранскій и антверпенцы . 537
381. Армія герцога Альбы въ Альпахъ. . . 552
382. Считались счастливцами тѣ нищіе, которые покинули отечество и свое добро на произволъ судьбы, спасая только свою жизнь и свободу. 558
383. Медаль съ изображеніемъ герцога Альбы (Берлинъ, Минцъ-кабинетъ) . . . 567
384. Герцогъ Альба. Серебряная медаль. (Берлинъ, Минцъ-кабинетъ) 569
385. Медаль съ изображеніемъ гр. Эгмонта. (Минцъ-кабинетъ въ Берлинѣ) 570
386. Медаль съ изображеніемъ графа Горна (Берлинъ, Минцъ-кабинетъ) 577
387. Александръ Фарнезе. Современная гравюра Криспина 585
388. Бѣгущія толпы старались добраться вплавь до другихъ уцѣлѣвшихъ судовъ, но испанцы доходили до того въ своей ярости и отвагѣ, что плыли за ними, съ мечами въ зубахъ, и сбрасывали иныхъ съ самыхъ судовъ (стр. 590) 591

Рисунки №№ 362, 366, 367, 369, 372—82, 388 принадлежатъ *І. Кнакфусу*, остальные взяты изъ сочиненій, перечисленныхъ на стр. 631.

Приложенія на отдѣльныхъ листахъ.

I.

Фотогравюры (*Schiller-Gallerie*).

20. Мессинская Невѣста. Композиція К. Іегера. Донъ-Мануилъ:

И въ изумленіи вдругъ вижу звѣря
Испуганно трепещущимъ у ногъ
Монахини, которая его
Рукою нѣжной гладитъ и ласкаетъ.

21. Вильгельмъ Телль. Смерть Аттингаузена. (Дѣйствіе IV, сцена II). Композиція К. Іегера.

Примѣчаніе. При описаніи фотогравюръ, приложенныхъ къ I т., пропущена композиція Пиксиса «Юноша у ручья». Благодаря этому нумерація фотогравюръ невѣрна: всего въ I и II т.— 19 фотогравюръ, а указано только 18.

II.

Приложенія на отдѣльныхъ листахъ.

3. Стр. 264. Современный портретъ Димитрія Самозванца, работы Луки Киліана въ Аугсбургѣ. Относится къ 1606 г. и, повидимому, довольно вѣрно передаетъ черты Самозванца. Надпись кругомъ: Demetrius Ioannis, dei gratia czar et magnus dux totius Russiae ac monarchiae moscoviticae dominus et rex (Димитрій Іоанновичъ, милостью Божьею царь и великій князь всея Руси и московской монархіи повелитель и король). Греческая подпись подъ портретомъ означаетъ (гл. 10, ст. 14, изъ премудрости Соломона): «И въ узахъ не остави его, дондеже принесете ему скипетръ царствія и власть на случающихъ его и живыхъ же показа порокъ сотворившихъ нань и даде ему славу вѣчную». Слѣдующая затѣмъ латинская надпись (Admiratione virtutis, quam Deus in luce populorum posuit, sculpsit Lucas Kilianus Augustae Vind. An. MDCVI) означаетъ: «изъ удивленія къ доблести, которую Богъ проявилъ предъ народомъ, награвировалъ Лука Киліанъ въ Аугсбургѣ, 1606». Точная копія этого портрета помѣщена въ «Матеріалахъ для русской иконографіи» Ровинскаго и изъ нихъ воспроизведена въ нашемъ изданіи.

4. Стр. 258. Современный портретъ Димитрія Самозванца. Оригиналъ въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, копія въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Воспроизведенъ въ «Матеріалахъ для русск. иконографіи» Ровинскаго.

5. Портреты Димитрія Самозванца, появившіеся въ XVII вѣкѣ (1-ая таблица):

а) Современный портретъ Ф. Снядецкаго.

б) Фантастическій портретъ, работы Іоде. 1606.

б) Портреты Димитрія Самозванца, появившіеся въ XVII вѣкѣ (2-я таблица).

в) Фантастическій портретъ изъ книги «The ancient and present state of Moscovy» (1698).

г) Фантастическій портретъ 1683 г. изъ нѣм. перевода книги Роколя «Les imposteurs insignes».

Подробное описаніе всѣхъ этихъ фантастическихъ портретовъ см. въ «Словарѣ гравированн. портретовъ» Ровинскаго. Въ настоящемъ изданіи они воспроизведены по подлинникамъ изъ собранія П. Я. Дашкова.

7) Современный портретъ Марины Мнишекъ. Оригиналъ въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, копія въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Воспроизведенъ въ «Матеріалахъ для рус. иконографіи» Ровинскаго.

8) Димитрій Самозванецъ, воевода Мнишекъ, Марина и ея сынъ. Гравюра А. Олещинскаго. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Ср. также Ровинскій, «Словарь гравированныхъ портретовъ» т. I и II.

9) Бракосочетаніе Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ въ Москвѣ въ 1605 г. Съ современной картины, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ. Воспроизведена въ «Матеріалахъ для русской иконографіи» Ровинскаго и въ «Нивѣ» за 1889 годъ, гдѣ находимъ также подробное описаніе картины:

«Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно Царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ, были пріобрѣтены на Волыни, въ одномъ изъ старинныхъ мѣстныхъ польскихъ замковъ, древнія историческія картины, по характеру письма очевидно принадлежавшія началу XVII вѣка. Картины — различныя по величинѣ и формату — представляли собою сцены изъ воцаренія въ Москвѣ Лжедмитрія I, его торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу, его вѣнчаніе на царство и бракосочетаніе съ Мариною Мнишекъ. На двухъ, меньшихъ картинахъ, изображены — портретъ Лжедмитрія и портретъ Марины, по всѣмъ признакамъ схожіе и притомъ писанные бойкою умѣлою кистью. Надписи, помѣщенныя, по обычаю времени, въ медальонахъ на самомъ полѣ картины, указываютъ на то, что картины были писаны въ 1606 г.; а подробности, обозначенныя на картинахъ, изобличаютъ въ живописцѣ современника, хотя и иноземца, но довольно близко знакомаго съ правилами и обычаями Московіи, а главное—очевидца событій... Эти драгоцѣнныя пріобрѣтенія, сильно пострадавшія отъ времени и всякихъ невзгодъ (картины были отысканы на чердакѣ, покрытыя толстымъ слоемъ грязи и птичьяго помета), были тщательно очищены и реставрированы извѣстными братьями Сидоровыми—художниками-реставраторами Императорскаго Эрмитажа. Тогда-же Государю Наслѣднику благоугодно было дать разрѣшеніе сотруднику нашему—П. Н. Полевому—снять копію съ портретовъ Лжедмитрія и Марины и съ огромной картины ихъ бракосочетанія. Эти копіи были художественно выполнены фотографомъ Императорской Академіи Наукъ В. Классеномъ. Одну изъ нихъ мы и прилагаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*.

По особенно счастливой случайности, отъ Смутнаго Времени, въ числѣ актовъ, сохранился довольно большой «отрывокъ брачнаго обряда», какъ онъ былъ совершенъ при Лжедмитріевой свадьбѣ. Этотъ драгоцѣнный отрывокъ, даетъ намъ полную возможность—пояснить подробности любопытной исторической картины, которая живо возстановляетъ передъ нами отдаленную старину. Все поле картины искусственно подраздѣлено художникомъ на двѣ неровныя половины плоскою полуколонною. По лѣвую сторону отъ этой полуколонны изображено торжественное шествіе Лжедмитрія и Марины изъ дворца въ Успенскій соборъ. По правую сторону—главный сюжетъ картины: коронованіе Марины во время бракосочетанія въ соборѣ. Въ первой половинѣ картины мы видимъ, какъ поѣздъ новобрачныхъ выходитъ изъ дверей дворца и идетъ по богатымъ узорчатымъ коврамъ черезъ дворцовый государевъ дворъ къ Успенскому собору. Впереди идутъ поѣзжане изъ знатнѣйшихъ бояръ, въ богатѣйшихъ золотыхъ и парчевыхъ кафтанахъ и высокихъ боярскихъ шапкахъ; за поѣзжанами слѣдуютъ рынды съ золоченными топорами на плечахъ. За рындами идетъ государевъ дружка, съ мечемъ въ правой рукѣ,—тотъ самый дружка, который обязанъ былъ, по древнему русскому обычаю, цѣлую ночь ѣздить подъ окнами опочивальни новобрачныхъ, на конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ, «для береженья». За дружкою слѣдуетъ самъ Лжедмитрій, поддерживаемый подъ правую руку тестемъ своимъ, воеводою Сендомирскимъ, Юріемъ Мнишкомъ; а по лѣвую руку отъ Лжедмитрія идетъ *тысяцкій свадебный*—князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Лжедмитрій идетъ въ царскомъ вѣнцѣ на головѣ, такъ какъ онъ былъ коронованъ почти за годъ до своей свадьбы, а Марина, слѣдующая за Лжедмитріемъ, идетъ безъ вѣнца, такъ какъ ей предстояло короноваться въ соборѣ, во время бракосочетанія. Подъ лѣвую руку ведетъ Марину боярыня, супруга князя Оедора Мстиславскаго. Изъ-за Марины видна фигура мужчины, въ польской одеждѣ; вѣроятно—это братъ Марины, одинъ изъ

сыновей воеводы Мнишка. По обѣ стороны свадебнаго поѣзда идутъ богато-одѣтые государевы тѣлохранители—его дворцовая стража, набранная изъ поляковъ и иноземцевъ. «Рыцари и драбанты со своими капитанами»—какъ сказано въ описаніи брачнаго обряда - стоятъ по обѣ стороны двора, въ богатомъ вооруженіи, со знаменами и значками. Около нихъ, въ правомъ углу картины, помѣстились думные дворяне и дьяки.

Въ правой половинѣ картины изображено коронованіе Марины. Лжедмитрій и она—сидятъ на особыхъ «стульцахъ», на «чертожномъ мѣстѣ», обитомъ багрецовыми сукнами и устланномъ коврами. По правую руку отъ Лжедмитрія стоятъ главные его поѣзжане—тысяцкій и дружка; по лѣвую сторону отъ Марины—ея отецъ и двое братьевъ; за ними помѣщаются бояре и «пріятели» (т. е. свита) воеводы Сендомирскаго. Четверо рындъ и прочіе поѣзжане помѣщены живописцемъ передъ чертожнымъ мѣстомъ. По правую руку отъ Лжедмитрія, за дружкой и тысяцкимъ, виденъ протопопъ соборный съ крестомъ; еще правѣе – духовныя власти и боярыни. Между Лжедмитріемъ и Мариною помѣщенъ патріархъ возлагающій на главу Марины царскій вѣнецъ. Тутъ живописецъ нѣсколько отступилъ отъ истины, вѣроятно, изъ желанія польстить Мнишкамъ. По сохранившемуся намъ описанію, извѣстно, что Лжедмитрій и Марина *не сидѣли, а стояли* во время возложенія на Марину царскаго вѣнца, который поднесли патріарху митрополитъ Ростовскій и Новгородскій. Извѣстно также, что, во время поднесенія царскаго вѣнца, «свахи государыни» сняли съ нея вѣнецъ нѣчальный и «на время призакрыли ее покровцами низаными». И только уже послѣ возложенія вѣнца царскаго и благословенія Марины митрополитами, государь, принявъ государыню» за правую руку, «посадилъ ее и самъ сѣлъ». Очевидно, что этотъ сложный и трудный моментъ былъ упрощенъ художникомъ и представленъ такъ, какъ ему было легче и удобнѣе, по его художественнымъ воззрѣніямъ. Точно такъ же поступилъ онъ и по отношенію къ русскимъ одеждамъ, и по отношенію къ архитектурѣ дворцовыхъ зданій и той церкви, которая видна изъ соборнаго (очень большого) окна, направо отъ Лжедмитрія. Но эти небольшія неточности—быть можетъ даже и невольныя—ни мало не уменьшаютъ достоинствъ картины, которая принадлежитъ несомнѣнно къ числу драгоцѣнныхъ нашихъ историческихъ памятниковъ.

Надпись, помѣщенная въ медальонѣ, на самой серединѣ картины, гласитъ по-латыни:

«Марія Мнишковна, Георгія изъ Великихъ Кончицъ Мнишка—воеводы Сендомирскаго—дочь, супруга-же Дмитрія Императора Московскаго, коронуется Императрицею Московскою чрезъ архіепископа греческаго закона, въ городѣ Москвѣ, столицѣ Московитской Имперіи, въ присутствіи посла Польскаго короля, Николая Олесницкаго, въ 1605 г.».

10) *Рисунки Іоганна Рамберга къ «Дмитрію Самозванцу»*. Изъ нѣмецкаго альманаха «Minerva» (1818).

Таблица I:

а) Дѣйствіе I, явл. 1. (Димитрій)
И такъ: внезапно, изъ потемной бездны
Горѣ меня судьбина вознесла.

б) Дѣйствіе I, явл. 1. (Сапѣга)
То государство, рано или поздно
Обрушится, гдѣ видимость (большинство) царитъ.
А неразумье дѣло разрѣшаетъ.

в) Дѣйствіе I, явл. 1. (Всѣ)
Даемъ (клятву)! Viva Marina
Russiae regina.

г) Дѣйствіе II, явл. 1 (Марѳа)
Насталъ и часъ спасенія и мести:
Мнѣ мощь влагаетъ въ душу Всемогущій!

11) *Рисунки Іоганна Рамберга къ «Дмитрію Самозванцу»*. (Таблица II):

д) Дѣйствіе II, явл. 2. (Димитрій)
Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный,
Вѣдь это все—все родина моя.

е) Убійца законнаго царевича показываетъ всю правду Самозванцу и требуетъ награды.

ж) Послѣдняя сцена. «Она молчитъ!» вскрикиваетъ шумная толпа. Она отрекается отъ него. Умри-же обманщикъ!»

12) Императоръ Максиміліанъ I и его семья. Картина Бернгарда Стригеля въ Вѣнской Императорской картинной галлереѣ.

13) Карлъ V, на 31 году жизни. Современная (1531) гравюра Бартеля Бегама (1496—1540).

14) Карлъ V. Портретъ Тиціана (1548). Находится въ Мюнхенской Пинакотекѣ.

15) Филиппъ II. Картина Рубенса (Мадридъ, музей дель-Прадо).

16) Вильгельмъ Оранскій. По картинѣ Адріана Ванъ-деръ-Венне (1589—1662), гравировалъ Вилемъ Якобъ Дельфъ (1580—1638).

17) Папа IIій IV. Современная гравюра Николая Беатризера.

18) Засѣданіе Тридентскаго собора. Современная (1565) анонимная гравюра, вышедшая въ Венеціи.

19) Герцогъ Альба. Современная гравюра Губракена.

20) Въѣздъ герцога Альбы въ Брюссель. Современная гравюра Франца Гогенберга.

21) Филиппъ II въ старости. Современный портретъ Антоніо Моро (1512—1588). Находится въ музеѣ дель-Прадо въ Мадридѣ.

22) Графъ Эгмонтъ. Современная анонимная гравюра. (Брюссель, Cabinet des Estampes).

23) Арестъ Эгмонта. Современная гравюра Франца Гогенберга.

24) Казнь Эгмонта и Горна на Торговой площади въ Брюсселѣ Современная гравюра Франца Гогенберга.

25) Современный планъ Антверпена. Изъ книги Браупа о европейскихъ городахъ, вышедшей въ 1572 г.

26) Осада Антверпена Александромъ Фарнезе. Современная гравюра Франца Гогенберга.

Приложенія №№ 12—26 заимствованы изъ историческихъ сочиненій: 1) Проф. *М. Филиппсона*, Westeuropa im Zeitalter von Philipp II, Elisabeth und Heinrich IV. (Berlin 1882; изъ коллекціи Онкена); 2) *Его-же*, Geschichte der Neueren Zeit. T. 1 и 2 (Berlin 1886—87); 3) *Georg Winter*, Geschichte der Dreiessigjährigen Krieges. Berlin 1893); 4) *Oscar Jäger*, Allgemeine Weltgeschichte; 5) Проф. *Ed. Heyk*, Kaiser Maximilian I.

Оглавленіе III тома.

		стран.
I.	Вступительный этюдъ къ „Мессинской Невѣстѣ". Проф. **Ѳ. Г. Мищенко**	3
II.	Объ употребленіи хора въ трагедіи. Переводъ **Ѳ. Б. Миллера.**	13
III.	Мессинская Невѣста или братья враги. Трагедія съ хорами. Переводъ **К. Р.**	18
IV.	Вступительный этюдъ къ „Вильгельму Теллю". Проф. **Ѳ. А. Брауна.**	67
V.	Вильгельмъ Телль. Драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ **Ѳ. Б. Миллера**	80
VI.	Привѣтствія искусствъ. Новый переводъ **О. Н. Чюминой**	153
VII.	Вступительный этюдъ къ „Турандотъ". **Зин. Венгеровой.**	161
VIII.	Турандотъ, принцесса Китайская, сказочная трагикомедія въ 5 дѣйствіяхъ. Новый переводъ **Анны Ганзенъ**	172

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

IX.	Вступительный этюдъ къ драматическимъ отрывкамъ. **Юрія Веселовскаго**	222
X.	Варбекъ. Новый переводъ **В. С. Лихачова.**	228
XI.	Мальтійцы. Новый переводъ **Зин. Вингеровой.**	246
XII.	Дѣти дома. Новый переводъ **Р. А. Венгеровой**	256
XIII.	Предисловіе къ „Димитрію Самозванцу". Проф. **Е. Ф. Шмурло**	262
XIV.	Димитрій Самозванецъ. Переводъ **Л. Мея.**	279

ПОВѢСТИ.

XV.	Прогулка подъ Липами. Новый переводъ **Р. А. Венгеровой.**	305
XVI.	Юноша и старикъ. Новый переводъ **Р. А. Венгеровой**	309
XVII.	Великодушный поступокъ изъ новѣйшей исторіи. Переводъ **М. П. Погодина**	311
XVIII.	Завтракъ герцога Альбы въ Рудольштадскомъ замкѣ въ 1547 году Новый переводъ **Р. А. Венгеровой**	313
XIX.	Преступникъ изъ-за потерянный чести. Новый переводъ **Р. А. Венгеровой**	315
XX.	Игра судьбы. Новый переводъ **В. Микуличъ**	333
XXI.	Духовидецъ. Переводъ **М. Л. Михайлова**	341

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

XXII.	Историческія сочиненія Шиллера. Вступительный этюдъ проф. **Н. И. Карѣева**	401
XXIII.	Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества. Новый переводъ проф. **А. С. Трачевскаго**	412
XXIV.	Приложенія къ „Исторіи Отпаденія Нидерландовъ". Новый переводъ проф. **А. С. Трачевскаго:**	
	а) Судъ надъ графами Эгмонтомъ и Горномъ и казнь ихъ.	566
	б) Осада Антверпена принцемъ Пармскимъ въ 1584—1585 гг.	571
XXV.	Что значитъ изучать всемірную исторію. Переводъ **П. И. Вейнберга.**	593
XXVI.	Примѣчанія къ III тому **А. Горнфельда**	603